

„РУССКИЙ АРХИВЪ“ ВУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-МЪ
ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКИЙ АРХИВЪ

1908

1.

Стр.

5. Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра: Наполеонъ передъ походомъ въ Россію. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.
25. Письмо князя А. А. Шаховскаго къ князю Э. П. Мещерскому: Россія и Европа. 1833.
48. Учрежденіе Верховнаго Временнаго Совета въ Герцогствѣ Баршавскомъ 1813. Переписка князя М. Л. Кутузова съ Н. И. Новосильцовымъ.
64. Конрадъ Валенродъ. Переписка Н. И. Новосильцова съ графомъ Д. Д. Курутою и донесеніе Великому Князю Константичу Павловичу о Мицкевичѣ. 1828.
75. Фамильная прозища Великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. В. В. Шереметевскаго.
98. Письмо императрицы Маріи Феодоровны къ Хавыкову о Павловскомъ дворцѣ.
99. Масонскія собранія, торжества и стихи въ честь императора Александра Павловича. Сообщено Т. О. Соколовскою.
105. Императоръ Александръ Павловичъ въ послѣдніе свои годы (изъ Записокъ г-жи Буаны).
107. Полузабытая могила (Кулибина). П. А. Россіева.
109. В. А. Жуковскій: его замѣтки о Великомъ Князѣ Александрѣ Николаевичѣ, завѣщательное письмо къ супругѣ своей и записка о рождении своей дочери.
115. Баронъ Пасхинъ А. А. Голомбіевскаго.
131. Прожитое и пережитое. Воспоминанія доктора П. С. Алексѣева.
134. А. С. Хомяковъ и М. А. Максимовичъ (новые письма А. С. Хомякова). Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Данилова.
141. Поправки и мелочи.

Внутри сорочки—отзывы о книгахъ.

Приложены полулисты Предметной Росписи „Русского Архива“ за 1863—1907 годы. (Писатели).

МОСКА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1908.

Т. Соколовская. Русское масонство и его значение въ исторіи общественного движения XVIII и XIX столѣтій. Издание Н. Глаголева. Съ масонскими рисунками. С.-Пб. (1907), Малая 8-ка, 182, и 2 нен. стр. Цѣна 80 к.

Отмѣнно-любопытная книжка эта написана по разысканнымъ въ разныхъ архивахъ Петербурга, Москвы, Ревеля и Юрьева доселъ малоизвѣстнымъ бумагамъ. Нельзя не воздать чести умному трудолюбию и прекрасному изложению Т. О. Соколовской, особенно въ исторической части ея изслѣдованія. Пожелаемъ ей успѣха въ дальнѣйшихъ трудахъ ея по исторіи масонства, которымъ такъ долго занималось Русское (преимущественно высшее) общество. Въ него уловлялись и такие умы, какъ Сперанского и Филарета. Масонство всегда отзывалось заговорщичествомъ, и правительство вынуждено было закрыть его такъ называемыя ложи. Т. О. Соколовская упоминаетъ про свидѣтельство графа Ростопчина объ умыслѣ на жизнь Екатерины Великой; но коробка съ показаніями о нихъ, которая была у него въ рукахъ, доселъ не отыскана. Мнѣ случилось спрашивать о ней по-крайней мѣре А. Б. Лобанова-Ростовского, разбиравшаго тайныя бумаги Государственнаго Архива, но онъ отозвался невѣдѣніемъ о томъ. Около времени закрытія ложъ увезенъ былъ въ Суздалъ изъ дома на Невскомъ Пропспектѣ, въ особой каретѣ со всякими удобствами Кондратій Селивановъ (скончѣ, въ 1775 г., въ годъ казни Пугачева, провозгласившій себя Петромъ

III-мъ); а къ нему, по свидѣтельству Ф. П. Лубяновскаго, прѣѣжалъ благословляться императоръ Александръ Павловичъ, отправлявшійся на первую войну свою, въ 1805 году. Не мудрено, что тогда расплодились всякия тайныя ученія. Заговорщичествомъ ознаменовалось цѣлое дарствованіе, съ первого дня его.

Любопытно было бы распределить масоновъ по двумъ отдѣламъ, на которые указывалъ партизанъ Д. В. Давыдовъ, т.-е. *датусовъ* и *братусовъ*. Сколько известныхъ богатыхъ Русскихъ людей разорилось на масонствѣ! Но настоящіе *братусы* и очень немногіе *тайные* руководители, въ ловушку которыхъ попадались люди достойные полного уваженія и сожалѣнія, доселъ не отысканы. Исторію Франціи обличена вредоносность масонства. Они выпущены на материкъ изъ Англіи, гдѣ и доселъ явна подкладка Финикійско-Еврейская.

*

Записки генераль-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбургъ 1907. Большая 8-ка, 224 стр.

Эта книга издана благодаря трудамъ И. С. Шукшинцева Оренбургскою Архивною Комиссіею. И. В. Черновъ—Оренбургский старожилъ, составилъ цѣлый рядъ жизнеописаний, по собственнымъ воспоминаніямъ и по рассказамъ мѣстныхъ старыхъ людей. Изложеніе его просто и толково. Передъ читателемъ проходятъ за цѣлое слишкомъ столѣтіе правители обширнаго Оренбургскаго края, начиная съ И. И. Невлюева, этого „птенца

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

1908.

І.

РУССКИЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Такъ говорилъ Господь: останови-
тесь на путяхъ своихъ и разсмотрите
и разспросите о путахъ древнихъ, гдѣ
путь добрый, и идите по нему, и най-
дете покой душамъ вашимъ.

Иеремія, VI, 16.

1908.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Спастномъ бульварѣ.
1908.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА.

Очеркъ его жизни.

Графъ Филиппъ-Павелъ Сегюръ (сынъ того графа Сегюра, Записки котораго помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1907 года), генералъ и историкъ, родился въ Парижѣ въ 1780 г., умеръ въ томъ же городѣ въ 1843 г. Первыми воспитателями его были отецъ и дѣдъ, оба люди высокаго ума, которые съ его дѣтства развивали въ немъ вкусы къ знаніямъ и словесности. Въ 14 лѣтъ онъ уже сочинялъ стихи. Отецъ побуждалъ его къ болѣе дѣльнымъ занятіямъ, особенно къ изученію исторіи и великихъ учителей древности: Фукидіда, Ксенофонтъ и преимущественно Полібія, который вносили въ образованіе Сегюра. Внукъ маршала Франціи, сынъ человѣка, который, прежде чѣмъ вступить въ дипломатію, сражался подъ начальствомъ Лафайета и Рошамбю за свободу Сѣверной Америки, молодой Сегюръ естественно по-мышлялъ о военномъ попришѣ и вступилъ на него скромно, простымъ гусаромъ (Февраль 1800 г.). Подъ начальствомъ Морѣ, онъ участвовалъ въ Баварскомъ походѣ революціонной Франціи и въ Гогенлинденскомъ сраженіи Затѣмъ перешель онъ въ армію Макдональда, сражался съ Австрійцами въ Швейцаріи и тогда написалъ первое свое произведеніе „Письма о походѣ Макдональда“ (Парижъ, 1802), где уже проглядывали отличное дарование и большое знаніе военного искусства. Въ 1804 году онъ имѣлъ случай, благодаря своему отцу (оберъ - церемоніймейстеру), видѣть иногда тогдашній Французскій дворъ.

Молодой графъ Сегюръ понравился Наполеону, который далъ ему полу-дипломатическое порученіе въ Данію, потомъ, по устройству Булонского лагеря, надемотръ надъ военными работами береговъ Ламанша, Бельгийскихъ и Рейнскихъ границъ. Сегюръ былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи и затѣмъ сопровождалъ короля Йосифа въ Неаполь. Онъ отличился при осадѣ Гаеты и заслужилъ эполеты, какъ начальникъ эскадрона. Отозванный въ Парижъ, онъ женился на дочери графа Люсея, главнаго префекта дворца, потомъ участвовалъ въ сраженіи при Іенѣ и въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ боевъ съ Русскими войсками съ 29 Декабря 1806 по 6 Февраля 1807 годовъ. Раненый два раза, онъ попался въ пленъ и былъ увезенъ въ Вологду, где и пробылъ до Тильзитскаго мира. Получивъ свободу, онъ немедленно от-

правился въ Испанію въ чинѣ майора, въ нѣсколько дней заслужилъ своею храбростью въ битвѣ при Сомо-Сиера чинъ полковника, но, весь израненный былъ вынужденъ вернуться во Францію и нѣсколько отдохнуть. Наполеонъ давалъ ему дипломатическія порученія (1810 г.) при Сѣверныхъ дворахъ. Произведенный въ бригадные генералы 2 июня 1811 года, онъ поступилъ въ главный штабъ императора и находился въ немъ во время губительного похода въ Россію. Въ 1813 году ему поручено было сражаться на Рейнѣ во главѣ 5-го полка почетной гвардіи, и онъ много способствовалъ къ защищѣ границъ передъ Ландау и Страсбургомъ.

Тутъ кончается военная служба графа Филиппа Сегюра. Реставрація оставила ему его чинъ, но лишила дѣятельности въ наказаніе за приверженность къ Наполеону по возвращеніи его съ Эльбы. Человѣкъ войны сдѣлался историкомъ великихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Описаніемъ похода въ Россію въ видѣ обширнаго историческаго сочиненія занимался онъ въ теченіи восьми лѣтъ. Только въ 1824 г. появилась его „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 году“. Эта книга имѣла необычайный успѣхъ и до сихъ поръ занимаетъ видное мѣсто между частными исторіями Имперіи. Ея появленіе вызвало жаркую полемику. Описывая съ уваженіемъ человѣка, на службѣ которому онъ провелъ полжизни, графъ Сегюръ первый имѣлъ смѣлость и честь высказаться самостотельно о Наполеонѣ и о разгромѣ 1812 года. Онъ показалъ Наполеона, какимъ видѣлъ его вблизи, впродолженіе всего этого губительного похода, въполномъ упадкѣ моральномъ и физическомъ и съ потухавшимъ геніемъ. Полная ужасовъ картина этого знаменитаго отступленія даетъ гр. Сегюру полное право на имя историка. Строгій слогъ ярко рисуетъ образы, а глубокое чувство придаетъ жизнь страницамъ, написаннымъ съ краснорѣчивой и горестной правдою. Между его противниками былъ генералъ Гурдо, который предпринялъ опроверженіе „Исторіи Наполеона и великой арміи“. Рѣзкія выраженія вызвали поединокъ между двумя генералами, и графъ Сегюръ былъ раненъ.

Графъ Сегюръ сталъ членомъ Французской Академіи 25 Марта 1830 года, на мѣсто Леви. Произведенный въ генералъ - лейтенанты, затѣмъ въ пэры Франціи правительствомъ Людовика-Филиппа, онъ имѣлъ случай произнести въ Палатѣ нѣсколько замѣчательныхъ рѣчей. На другой день по его кончинѣ появилась его книга „Исторія и воспоминанія“. Въ ней описывается онъ совмѣстно жизнь Наполеона и свою собственную.

(Извлечено изъ большого Всеобщаго Словаря Ларуса).

*

Съ пѣнными въ Россіи всегда обращались милосердно, и пребываніе графа Сегюра въ Вологдѣ, въ 1807 году, могло внушить ему нѣкоторое сочувствіе къ Русскимъ. При Людовикѣ XVIII-мъ, въ Парижѣ, онъ долженъ былъ нерѣдко видаться съ проживавшимъ тамъ нашимъ графомъ Растопчинымъ, на дочери которого женился родной его племянникъ. П. Б.

З а п и с к и.

Въ какомъ униженіи ни держалъ Наполеонъ престолы Южной и Западной Европы, но онъ зналъ, что Сѣверный престолъ Александра, благодаря своему вѣчно-грозящему положенію, все-таки можетъ преобладать надъ нимъ. На этихъ ледяныхъ вершинахъ Европы, съ которыхъ нѣкогда страшными потоками низвергались варвары, Наполеонъ усматривалъ всѣ признаки нашествія. До сихъ поръ Австрія и Германія служили достаточными преградами; но онъ самъ унизилъ ихъ, оставшись такимъ образомъ на виду и единственнымъ охранителемъ про свѣщенія, богатства и всѣхъ народныхъ правъ Европейскаго населенія противъ невѣжественной грубости и алчныхъ вождѣлѣній бѣдныхъ народовъ Сѣвера, противъ честолюбія ихъ Императора и его дворянства. Очевидно было, что только война могла рѣшить этотъ великий споръ, эту великую и вѣчную борьбу бѣднаго съ богатымъ. И тѣмъ не менѣе, съ нашей стороны, эта война не была ни Европейской, ни даже національной. Европа шла на нее противъ воли, такъ какъ цѣлью похода было усиленіе могущества ея завоевателя. Франція была истощена и жаждала покоя; высшіе ея сановники, составлявшіе дворъ Наполеона, страшились возобновленія войны и разбросанности нашей арміи отъ Кадикса до предѣловъ Россіи. Хотя они понимали неизбѣжность великой распри, но не находили доказанною ея безотлагательность.

Въ этихъ видахъ графъ Молленъ предъявлялъ, что финанссы Франціи требуютъ покоя. На это Наполеонъ отвѣчалъ: «напротивъ, если они въ разстройствѣ, то для нихъ нужна война». Герцогъ Гаэта прибавлялъ, что дѣйствительно, никогда еще государственные доходы не были въ болѣе удовлетворительномъ состояніи (удивительно, что по отчету, сданному въ 3-хъ или 4-хъ миллиардахъ, не было долговъ ко взысканію), но что такому благополучию приходить конецъ, такъ какъ видимо, съ 1812-мъ годомъ начнется разорительная война. До сихъ поръ война питалась войной, вездѣ мы находили все готовое; на будущее время намъ нельзѧ будетъ жить на счетъ Германіи, сдѣлавшейся нашей союзницей: напротивъ, придется кормить еще и эту часть арміи, безъ надежды на возмездіе, каковъ бы ни былъ успѣхъ, потому что придется въ Парижъ оплачивать каждый паекъ хлѣба, съѣденный въ Москвѣ.

Послѣ побѣды съ новыхъ полей сраженія нельзѧ будеТЬ ничего собрать кромѣ конопли, дегтя и мачтоваго лѣса, а это, конечно, не пойдетъ на уплату расходовъ для войны на материки. Франція не въ состояніи расплачиваться за Европу, особенно въ настоящее время, когда ея средства идутъ въ Испанію; это значило бы зажигать сразу съ двухъ концовъ огонь, который въ стремлениі къ центру, истощенному такимъ большимъ напряженіемъ, можетъ истребить и насъ самихъ.

Этотъ министръ былъ выслушанъ. Императоръ глядѣлъ на него смиюющимся взглядомъ со свойственной ему привѣтливостью. Министру казалось уже, что онъ подѣстровалъ, какъ вдругъ Наполеонъ отвѣчаетъ ему: «Такъ вы думаете, что я не сумѣю заставить кого слѣдуетъ заплатить расходы на войну?» Герцогъ старался догадаться, на кого должно было пашть это бремя; но императоръ, однимъ словомъ, обнаружилъ всю широту своихъ замысловъ и зажалъ ротъ удивленному министру.

Онъ слишкомъ, впрочемъ, хорошо оцѣнивалъ всѣ трудности своего предпріятія. Быть можетъ, этимъ онъ и навлекъ на себя упрекъ, будто воспользовался средствомъ, которое отвергъ въ войнѣ съ Австріей и примѣръ которому подаль въ 1793 году знаменитый Питтъ. Говорять, будто, къ концу 1811 года, префектъ Парижской полиціи узналъ, что какой-то типографчикъ секретно поддѣльывалъ Русскія ассигнаціи. Наполеонъ посыаетъ его схватить, тотъ сопротивляется, но, наконецъ, въ его домъ ворвались и ведутъ его къ судью, котораго онъ изумляетъ самоувѣренностью и еще больше ссылками на министра полиціи. Типографчикъ былъ тотчасъ отпущенъ; прибавляли даже, будто онъ продолжалъ свою поддѣлку и что, при первомъ нашемъ появлениі въ Литвѣ, мы распустили слухи, что въ Вильнѣ нами захвачено изъ кассъ непріятельской арміи иѣсколько миллионовъ Русскихъ ассигнацій. Каково бы ни было происхожденіе этихъ фальшивыхъ денегъ, Наполеонъ смотрѣлъ на нихъ съ отвращеніемъ. Неизвѣстно даже, согласился ли онъ на ихъ употребленіе; достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что во время нашего отступленія, когда мы оставляли Вильну, большинство этихъ ассигнацій было найдено нетронутыми и что по приказанію Наполеона ихъ сожгли» *).

Понятовскій, которому эта война, казалось, сулила престолъ, имѣлъ великодушіе присоединиться къ мнѣнію министровъ императора,

*) Тутъ графъ Сегюръ сознательно или умышленно щадить своего повелителя. Фальшивыя Русскія струблевые ассигнаціи печатались съ вѣдома Наполеона, и доска, для ихъ тисненія, была найдена въ захваченной нами коляскѣ у Бертье. Въ Москвѣ печатаніе было поручено беспоповцамъ Преображенского кладбища. См. статью И. П. Липравда въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. П. Б.

указывая ему на опасность его предпріятія. Въ этомъ Польскомъ князъ любовь къ родинѣ была сильной и благородной страстью, чѣмъ онъ и доказалъ своей жизнью и смертью. Тѣмъ не менѣе это чувство не ослабляло его. Онъ изобразилъ Литву пустынной и неудобной для проѣздовъ; Литовское дворянство, по его словамъ, полуобрусьло, характеръ жителей равнодушный и непривѣтливый. Императоръ, въ нетерпѣнїи, остановилъ его; онъ желалъ получить свѣдѣнія, побуждающія предпринять походъ, а не воздерживающія отъ него.

Правда, большинство подобныхъ возраженій были лишь слабымъ повтореніемъ всего, чѣмъ уже давно приходило на умъ Наполеону. Никто не зналъ, до какой степени онъ считался съ опасностью, сколько усилий онъ употребилъ съ 30-го Декабря 1810 года, чтобы изучить страну, которая рано или поздно неминуемо должна была сдѣлаться театромъ рѣшительной войны; сколько было имъ послано туда разведчиковъ, сколько онъ доставалъ сочиненій о дорогахъ къ Петербургу и Москвѣ, о свойствахъ народа, главнымъ образомъ купеческаго сословія и, наконецъ, всякаго рода надеждахъ, какія можно было возлагать на эту страну. Если онъ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи, то потому, что, далеко не обманываясь въ силѣ своей, онъ не раздѣлялъ сомнѣнія въ ней, чѣмъ можетъ быть, и мѣшало ему усмотрѣть, насколько ослабленіе Россіи было нужно для будущаго существованія великой Французской Имперіи.

Въ этихъ видахъ онъ еще разъ обратился къ тремъ высшимъ сановникамъ, всѣмъ известныя заслуги и преданность которыхъ давали имъ право говорить безъ стѣсненія. Всѣ трое, въ качествѣ министровъ, посланниковъ и пословъ, знаяли Россію въ различное время. Наполеонъ всячески старался ихъ убѣдить въ полезѣ, справедливости и необходимости войны. Тѣмъ не менѣе, въ особенности одинъ изъ нихъ, графъ Сегюръ часто и нетерпѣливо прерывалъ его.

Полный горячей и непоколебимой искренности, происходившей отъ военного воспитанія, а можетъ быть свойственной людямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ родился *), графъ Сегюръ воскликнулъ: «Не слѣдуетъ ни самому обманываться, ни стараться обмануть другихъ. Захвативъ материкъ Европы и даже владѣнія, принадлежащія родственникамъ союзника, нельзя обвинять его въ нарушеніи континентальной системы. Какъ можно, въ то время когда Французская армія покрываетъ всю Европу, упрекать Русскихъ за ихъ армію? Наполеоновскому ли честолюбію указывать на честолюбіе Александра? Впрочемъ, этимъ госу-

*) Старый замокъ гр. Сегуровъ въ кантонѣ Люберзакѣ (близъ Орлеана). П. Б.

даремъ уже принято рѣшеніе. Въ случаѣ, если одолѣютъ Россію, нечего будетъ ожидать мира до тѣхъ порь, пока хоть одинъ Французъ останется на Русской землѣ; въ этомъ национальная и упорная гордость Русскихъ согласуется съ гордостью ихъ Императора. Дѣйствительно, его подданные обвиняютъ его въ слабости; но это напрасно, такъ какъ нельзя о немъ судить по тѣмъ любезностямъ, которыя онъ расточалъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, неопытно поддавшись чувству удивленія и отчасти честолюбія. Монархъ этотъ любить справедливость; онъ желаетъ, чтобы правда была на его сторонѣ и нерѣшителенъ только до тѣхъ порь, пока не увѣренъ въ своей правотѣ, за то, убѣдившись въ ней, онъ дѣлается непоколебимъ. И наконецъ, по отношенію къ его подданнымъ, для него опаснѣе заключить позорный миръ, чѣмъ выдержать несчастную войну. Какъ возможно не видѣть, что въ этой войнѣ намъ приходится опасаться всего, даже своихъ союзниковъ? Развѣ Наполеонъ не слышитъ, какъ встревоженные короли говорятъ, что состоять у него лишь намѣстниками? Чтобы возстать противъ Наполеона, всѣ ждутъ только случая. Къ чему же рисковать доставленіемъ этого случая?

Поддержаный обоими своими товарищами, графъ Сегюръ прибавилъ, что съ 1805 года система веденія войны, заставляющаго самаго дисциплинированнаго солдата заниматься мародѣствомъ, посѣяла ненависть по всей Германіи, черезъ которую Императоръ намѣревался теперь пройти. Неужели же онъ перекинетъ свою армію черезъ всѣ эти народы, у которыхъ не зарубцевались еще нанесенныя нами раны? Сколько ненависти, сколько мести это значило бы поселить между ними и Франціей! А у кого искать поддержки? У Пруссіи, которую мы разоряемъ въ теченіе уже пяти лѣтъ и союзъ съ которой вынужденъ и притворенъ. Итакъ, Наполеонъ проведетъ линію военныхъ дѣйствій небывалой длины въ странѣ, гдѣ царить безмолвный страхъ, раболѣпный и вѣроломній, подобно лавѣ вулкана, скрывающей подъ собой страшное пламя, которое отъ малѣйшаго толчка можетъ произвести изверженіе!

И наконецъ, что получить онъ отъ столькихъ завоеваній? Придется ему королей замѣнить намѣстниками; а эти, будучи властолюбивѣ генераловъ Александра, пожалуй, станутъ имъ подражать, не дожидаясь смерти своего повелителя. Смерть же онъ неминуемо долженъ встрѣтить на столькихъ поляхъ сраженія и раньше, чѣмъ успѣеть упрочить свое дѣло, такъ какъ каждая война будить внутри страны надежду всѣхъ партій и подвергаетъ новымъ сомнѣніямъ прежнія рѣшенія.

«Угодно ли ему знать, какіе разговоры ведутся въ армії? Тамъ говорятъ, что лучшіе его солдаты въ Испаніи; что вслѣдствіе частыхъ

наборовъ, въ полкахъ нѣтъ единства; солдаты не знаютъ другъ друга и не увѣрены въ возможности, на случай опасности, разсчитывать одинъ на другого; первый рядъ тщетно прикрываетъ слабость двухъ слѣдующихъ за нимъ рядовъ; вслѣдствіе неподходящаго возраста и недостаточнаго здоровья, большое число солдатъ умираетъ въ первыхъ же походахъ единственно отъ тяжести ранцевъ и оружія. И между тѣмъ, въ предстоящемъ походѣ солдата раздражить не столько сама война, сколько страна, въ которой придется ее вести. Литовцы настѣль зовутъ, говорятъ они, но на какую почву? въ какой климатѣ? въ страну съ какими нравами? Все это слишкомъ извѣстно по кампаніи 1806 года. Гдѣ же останавливаться въ этихъ плоскихъ равнинахъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было естественно или искусственно укрѣпленныхъ позицій? Развѣ же неизвѣстно, что съ 1-го Октября по 1-е Іюня всѣ стихіи служать защитою для этихъ странъ; неизвѣстно развѣ, что если завести армію въ эти пустыни грязи и льдовъ во всякое время, кромѣ съ Іюня до Октября, она можетъ вся погибнуть и безъ всякой славы!» При этомъ онъ прибавилъ, что Литва скорѣе можетъ считаться Азіей, чѣмъ Испанія Африкой; Французская же армія, будучи безпрерывной войной какъ бы изгнана изъ Франціи, желаетъ остаться, по крайней мѣрѣ, Европейскою. И наконецъ, когда нашей арміи придется въ этихъ пустыняхъ стоять лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, какъ различны будутъ побудительныя причины, вдохновляющія тѣхъ и другихъ? Для Русскихъ—родина, независимость, всѣ выгоды, частныя какъ и общественные. Для насъ, и противъ столькихъ преградъ,—единственно слава, даже безъ корысти, которой нечѣмъ поживиться при страшной бѣдности тѣхъ странъ. Тогда какая цѣль для такихъ трудовъ? Французы уже не узнавали другъ друга: до такой степени стали разнобразны обычаи, лица и языки въ этой державѣ, предѣлы которой не опредѣлены ни одной естественной границей.

Старшій изъ сановниковъ, гр. Сегюръ, говорилъ еще, что нельзя арміи такъ растягивать, не ослабляясь: это значило растворить Францію въ Европѣ, такъ какъ, если бы Франціей сдѣлалась вся Европа — то самой Франціи уже не было бы. Развѣ съ этимъ отъѣзdomъ Франція же останется пустынною, покинутою своимъ главою, безъ арміи, предоставленная возможности всякихъ перемѣнъ? Кто же защитить ее? «Моя слава! воскликнулъ Императоръ: оставляю во Франціи свое имя и страхъ, внушаемый вооруженнымъ народомъ!»

Всѣ эти возраженія, казалось, вовсе не поколебали его рѣшенія. Онъ объявилъ, что установить въ имперіи всеобщее народное ополченіе и безъ недовѣрія предоставить Французамъ защиту Франціи,

своей короны и своей славы. Что касается до Пруссии, онъ обезпечилъ себѣ ея спокойствіе, поставивъ ее въ невозможность двинуться, даже въ случаѣ пораженія или высадки Англичанъ на берегъ Сѣвернаго моря, либо въ тылу нашей арміи. Въ его рукахъ была и гражданская и военная полиція Пруссии, онъ былъ властелиномъ Штеттина, Кюстріна, Глогау, Торгау, Шпандau и Магдебурга; у него зоркіе офицеры, а въ Берлинѣ войско. Съ такими средствами и при вѣрности Саксоніи, ему нечего бояться непріязни со стороны Пруссии. Что касается остальной Германіи, то ее связываетъ съ Франціей давняя политика, а также браки съ членами королевскихъ фамилій Баденской, Баварской и Австрійской; поэтому онъ разсчитываетъ на тѣхъ изъ этихъ государей, которые обязаны ему своимъ новымъ титуломъ. Послѣ того какъ онъ подавилъ анархію и сталъ на сторону государей, при томъ могуществѣ, какое въ его рукахъ, они могутъ возстать противъ него, не иначе какъ возбудивъ въ населеніяхъ начала народовластія; конечно, монархи не вступятъ въ союзъ съ этимъ естественнымъ врагомъ престоловъ, который, не будь Наполеона, нисровергъ бы ихъ. Онъ одинъ можетъ ихъ защитить отъ этого.

Къ тому же Нѣмцы тупы и педантичны, съ ними онъ всегда успѣть справиться; онъ владѣть всѣми Прусскими крѣпостями, при чемъ Данцигъ—второй Гибралтаръ. (Это невѣрно, особенно зимой).

«Россія должна пугать Европу своимъ военнымъ и завоевательнымъ правителствомъ, точно такъ, какъ дикимъ народонаселеніемъ которое уже теперь очень многочисленно и кромѣ того ежегодно увеличивается на полѣ-милліона. Развѣ армію ея не видѣли во всей Италии, въ Германіи и даже на берегахъ Рейна? Требуя очищенія Пруссии, она желаетъ невозможного; потому что выпустить изъ рукъ Пруссію, послѣ нанесенныхъ ей столькихъ ранъ, значило бы отдать ее Россіи, которая воспользовалась бы ею противъ нась».

Затѣмъ, продолжая съ большимъ жаромъ, онъ воскликнулъ: «Къ чому угрожать моему отсутствію разными еще существующими внутри имперіи партіями? Гдѣ онъ? Я вижу противъ себя всего одну, состоящую изъ нѣсколькихъ роялистовъ, въ большинствѣ принадлежащихъ къ старинному дворянству, людей старыхъ и неопытныхъ. Но они больше боятся моей гибели, чѣмъ желаютъ ея. Вотъ, что я имъ сказалъ въ Нормандіи: Меня высоко превозносятъ какъ великаго полководца и искуснаго политика, за то почти совсѣмъ не говорять обо мнѣ, какъ объ администраторѣ; и однако, самое трудное, что я сдѣлалъ, это то, что остановилъ революціонный потокъ, который погло-

тиль бы все, и Европу, и васъ! Я примириль самыя противоположныя партіи, соединилъ соперничавшіе классы общества; а между тѣмъ, среди васъ, нѣкоторые упорные дворяне сопротивляются, отказываясь отъ предлагаемыхъ мною мѣстъ! Ну, какая мнѣ въ этомъ нужда? Вѣдь я предлагаю вамъ мѣсто для вашей пользы, для вашего спасенія. Чѣмъ вы дѣлали бы одни, безъ меня? Вѣдь васъ горсть противъ цѣлыхъ массъ! Не видите вы развѣ, что эту войну третьяго сословія противъ дворянства нужно прекратить полнымъ смѣшеніемъ лучшаго, что есть въ обоихъ классахъ? Я вамъ протягиваю руку, а вы отталкиваете ее! Да развѣ я въ васъ нуждаюсь? Поддерживая васъ, я врежу самому себѣ въ народномъ расположениі, ибо кто же я? Я—государь третьяго сословія. Развѣ этого недостаточно?»

Затѣмъ, перейдя болѣе спокойно къ другому вопросу, онъ сказалъ, что ему извѣстно честолюбіе его генераловъ, но что оно отвлечено войною, доведенное же до крайности, не найдетъ поддержки у Французскихъ солдатъ, которые слишкомъ горды и преданы своей прекрасной родинѣ. Если война опасна, то и миръ представлялъ также опасности, такъ какъ, при возвращеніи войска обратно, внутри страны сосредоточилось бы слишкомъ много корыстныхъ и дерзкихъ страстей, которыя могли бы придти въ броженіе, и тогда онъ не могъ бы обуздывать ихъ. Нужно дать волю всему этому честолюбію, дѣйствій котораго онъ менѣе опасается извнѣ, чѣмъ внутри страны.

Наконецъ онъ прибавилъ: «Вы боитесь войны, видя въ ней опасность для моей жизни? Во времена заговоровъ меня хотѣли также пугать Жоржемъ *), который всюду слѣдоваль за мной по пятамъ. Этотъ несчастный долженъ былъ стрѣлять въ меня. Ну, и что же! Онъ убилъ бы моего адютанта, это самое большее; меня же убить было невозможно! Вѣнчанія судьбы въ то время не были еще исполнены. Я чувствую, что меня что-то влечеть къ невѣдомой мнѣ цѣли; какъ только достигну ея и не буду больше для нея годенъ, тогда пылинки будуть достаточно, чтобы сразить меня; но до того — весь человѣческій усилія не могутъ ничего со мной сдѣлать. Поэтому, чтѣ Парижъ, чтѣ армія — все едино; настанетъ мой часъ, и тогда лихорадка, либо паденіе съ лошади на охотѣ, погубятъ меня такъ же, какъ и ядро. Жизнь наша предопределена!»

И такимъ образомъ Наполеонъ отвѣчалъ на всѣ возраженія. Искусная рука его умѣла полѣбаться и кстати управлять всѣми ума-

* Жоржъ Кадудаль въ 1804 году, когда Наполеонъ былъ еще первымъ консуломъ составилъ заговоръ, чтобы погубить его такъ называемою *анжиномъ*. П. Е.

ми; и дѣйствительно, когда онъ желалъ убѣдить, въ его бесѣдѣ появлялось какое-то очарованіе, отъ котораго невозможно было остеречься: собесѣдникъ чувствовалъ себя слабѣе его и точно принуждался подчиняться его вліянію. Въ немъ, если можно такъ выразиться, была какая-то притягательная сила; пылкій и подвижной умъ его со всею силой проявлялся въ каждомъ изъ его желаній, какъ въ самомъ маломъ, такъ и въ самомъ важномъ; если онъ чего нибудь захотѣлъ, всѣ силы, всѣ способности его сосредоточивались для исполненія этого желанія, а потому большинство тѣхъ, кого онъ имѣлъ въ виду склонить, увлекались до самозабвенія. Лестно было видѣть, что властитель всей Европы не имѣлъ, казалось, другого желанія, другого стремленія, кромѣ желанія вѣсль убѣдить; видѣть, что эти черты, для столькихъ людей страшныя, для вѣсль выражаютъ только нѣжную и трогательную доброжелательность; слышать, какъ этотъ скрытный человѣкъ, каждое слово котораго было историческимъ, уступаешь, какъ бы только для вѣсль, неопреодолимому влечению къ самому чистосердечному и довѣрчивому изліянію; а голосъ его, такой ласковый, не тотъ ли самый, котораго малѣйшій звукъ оглашалъ всю Европу, объявляя войну, рѣшая битвы, опредѣляя судьбу государствъ, создавая и уничтожая имена! Какое самолюбіе могло не поддаться чарамъ столь великаго обольщенія? Онъ захватывалъ вѣсль всесѣло; краснорѣчие его было тѣмъ убѣдительнѣе, что онъ самъ казался убѣжденнымъ.

Человѣку военному, который дивился возможности столь отважнаго похода, но котораго можно соблазнить величиемъ честолюбиваго замысла, онъ говорить: миръ—въ Константинополь, то-есть въ концѣ Европы. И военный человѣкъ начинаетъ думать, что ему легко добиться не только маршальского жезла, но даже скипетра.

Министру *) который получилъ старинное воспитаніе и котораго ужасала необходимость пролить столько крови для удовлетворенія столь великаго честолюбія, онъ отвѣчаетъ, что эта война исключительно политическая, что онъ идетъ въ Россію только для того, чтобы напасть на Англичанъ, что походъ будетъ весьма непродолжительный и за нимъ послѣдуетъ отдыхъ; что это уже пятый актъ, то-есть развязка.

Другимъ онъ говоритъ, что его втягиваютъ въ войну могущество, властолюбіе Русскихъ и сила обстоятельствъ, противъ его желанія. Передъ людьми поверхностными и неопытными, съ которыми ему не

*) Графу Мозз.

хочется ни высказываться, ни дать себѣ труда притворяться, онъ внезапно вскрикиваетъ: «вы ничего во всемъ этомъ не понимаете; вамъ неизвѣстны ни предыдущее, ни послѣдующее!»

Но принцамъ своей фамиліи онъ давно открылся. Онъ сѣтовалъ на то, что они недостаточно оцѣниваютъ его положеніе. «Не соображаете вы развѣ, говорилъ онъ имъ, что я не родился на престолѣ и долженъ держаться на немъ съ помощью славы, которая возвела меня на него? Развѣ вамъ непонятно, что слава моя должна расти; что частный человѣкъ, сдѣлавшись, какъ я, монархомъ, не можетъ уже остановиться? Онъ долженъ безпрерывно восходить или погибнуть какъ только остановится» *). И тогда онъ указывалъ на всѣ старинныя династіи, вооруженные противъ него, замышлявшія заговоры, готовившія войну и старавшіяся уничтожить въ немъ опасный примѣръ монарха, создавшагося самимъ собою. Вотъ почему всякий миръ, въ его глазахъ, былъ заговоромъ слабыхъ противъ сильного, побѣжденныхъ противъ побѣдителя, а въ особенности людей великихъ по своему рожденію противъ великихъ самихъ по себѣ.

Такое понятіе въ немъ утвердили послѣдовательно одна за другой составлявшіяся коалиціи. Поэтому онъ часто думалъ о томъ, чтобы не допускать больше существованія въ Европѣ прежнихъ властителей. Онъ хотѣлъ самъ составить эпоху, быть новой эрой для престоловъ; однимъ словомъ, ему хотѣлось, чтобы все начинало свое изѣсчченіе съ него.

Такимъ образомъ, въ глазахъ своей семьи, онъ выказывалъ себя откровенно этими живыми изображеніями своего политического положенія, которыя течерь, можетъ быть, уже не показутся ложными и преувеличеными; а между тѣмъ кроткая Жозефина, всегда старавшаяся сдержать его и успокоить, часто говорила ему, что при сознаніи превосходства своего ума, у него, казалось, никогда не было достаточнаго сознанія своего могущества и, подобно ревнивцамъ, онъ нуждался въ постоянныхъ доказательствахъ. Какъ могло до беспокойнаго слуха его доходить среди шумныхъ и радостныхъ восклицаній всей Европы нѣсколько отдельныхъ голосовъ, оспаривавшихъ его законное право на престолъ! Она говорила ему, что беспокойный умъ его, такимъ образомъ, постоянно искалъ тревоги, какъ своей стихіи; что, будучи сильнымъ въ желаніяхъ, онъ слабъ, чтобы наслаждаться.

*) Вспоминаются стихи А. С. Хомякова: Главу самоданныхъ вѣнцомъ увѣличалъ по-
мазанныкъ собственной силы. П. Б.

Но въ 1811 году Йозефина была разведена съ Наполеономъ и, хотя онъ еще часто навѣщалъ ее въ ея уединеніи, но голосъ императрицы уже утратилъ то вліяніе, какое даютъ постоянное присутствіе, иѣжная принязанность и потребность въ задушевномъ изліяніи.

«Русскій Императоръ, говорилъ онъ, единственный монархъ, гнѣтущій еще вершину огромнаго зданія. Онъ молодъ, полонъ жизни; силы этого соперника растутъ, тогда какъ мои уже слабѣютъ». Ему казалось, что, съ береговъ Нѣмана, Александръ только и ждалъ извѣстія объ его смерти, чтобы ухватиться за скіпетръ Европейской и вырвать его изъ рукъ младенца, его наслѣдника. «Когда вся Италия, Швейцарія, Австрія, Пруссія и вся Германія идутъ подъ его орлами, чего же ему медлить съ предупрежденіемъ этой опасности, и почему, для обеспеченія великой имперіи, не отбросить по ту сторону Днѣпра Александра и Русское могущество, ослабленное потерю всей Польши?»

Таковы были его слова, сказанныя искренно, въ частной бесѣдѣ; въ нихъ-то, безъ сомнѣнія, и заключалась истинная причина этой ужасной войны. Что касается его стремленія начать ее, то казалось, что къ этому побуждало его предчувствіе близкой смерти. Его снѣдало острое разлитіе желчи, которымъ онъ и оправдывалъ свою всыльчивость, прибавляя, что «безъ этого не выигрываютъ сраженій».

Кто изъ насъ достаточно сумѣлъ проникнуть въ сущность человѣческую, чтобы утверждать, что этотъ скрытый недугъ не былъ одною изъ причинъ беспокойной дѣятельности Наполеона, ускорявшей событія и создававшей его величие и паденіе?

Внутренній врагъ этотъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свое присутствіе глухою болью и сильными спазмами въ желудкѣ. Уже въ 1806 году, въ Варшавѣ, графъ Лобо слышалъ, какъ, во время одной изъ такихъ мучительныхъ схватокъ, Наполеонъ воскликнулъ, «что въ немъ лежитъ начало преждевременного конца и что онъ умреть отъ той же болѣзни, отъ которой умеръ его отецъ».

Небольшое передвиженіе на охотѣ, щада въ галопѣ на самыхъ покойныхъ лошадяхъ уже утомили его. Такъ какъ же выдержать ему долгіе переходы и быстрыя передвиженія, которыми подготовляется война? Поэтому, въ то время, какъ даже большинство окружавшихъ его думали, что въ Россію его влекутъ страшное честолюбіе, беспокойство ума и любовь къ войнѣ, самъ онъ, почти безъ свидѣтелей, взвѣ-

шиваль всю тяжесть этой войны и, движимый необходимостью, рѣшился на нее послѣ тяжелыхъ раздумій.

Наконецъ, 3-го Августа 1811 года, на торжественномъ пріемѣ, среди посланниковъ отъ всей Европы, онъ разразился. Но такая вспышка, вызванная предчувствіемъ войны, служить еще однимъ доказательствомъ его отвращенія къ необходимости начать ее. Быть можетъ, пораженіе Русскихъ въ Рущукѣ усилило его надежды, и онъ думалъ угрозами остановить приготовленія Александра.

Онъ обратился къ князю Куракину. Только что этотъ посолъ началъ его увѣрять въ мирныхъ намѣреніяхъ своего государя, какъ Наполеонъ прервалъ его словами: «Нѣть, вашъ государь хочетъ войны! Я черезъ своихъ генераловъ знаю, что Русскія войска стекаются къ Нѣману. Императоръ Александръ обольщается и подкупаетъ всѣхъ моихъ пословъ!» Замѣтивъ Коленкура, онъ быстро перешелъ къ нему на другой конецъ залы и рѣзко сказалъ: «Да, и вы тоже сдѣлались Русскимъ. Васъ обольстилъ императоръ Александръ». На это герцогъ твердо отвѣчалъ: «да, ваше величество, потому что въ данномъ вопросѣ я считаю его Французомъ». Наполеонъ замолчалъ, но съ той минуты стала обращаться съ этимъ сановникомъ холодно; однако же онъ не удалялъ его отъ себя и даже неоднократно пробовалъ, перемѣшивая свои разсужденія дружескими ласками, склонить его снова къ себѣ, но это оказалось напраснымъ: каждый разъ онъ находилъ Коленкура непоколебимымъ, готовымъ служить Наполеону, въ тоже время не одобряющимъ его.

Въ то время, какъ казалось, что Наполеонъ, увлеченный своимъ нравомъ, положениемъ и обстоятельствами, желалъ войны и старался ускорить начало ея, онъ хранилъ тайну своей нерѣшительности. 1811-й годъ проходилъ въ переговорахъ о мирѣ и приготовленіяхъ къ войнѣ. 1812-й годъ только что наступилъ, а уже горизонтъ помрачился. Въ Испаніи наши войска сплоховали, Сіудадъ-Родриго былъ только что взятъ Англичанами (19-го Января 1812 г.). Споры Наполеона съ Папой усиливались; Кутузовъ уничтожилъ Турецкое войско на Дунаѣ (8-ое Декабря 1811); сама Франція начинала беспокоиться о пропитаніи войска: однимъ словомъ, все, казалось, отвращало взоръ Наполеона отъ Россіи, направляя его на Францію; и онъ, далеко не ослѣпляясь, усматривалъ въ этихъ невзгодахъ предостереженія все еще вѣрной ему судьбы.

Особенно въ долгія зимнія ночи, когда человѣкъ долго остается одинъ съ собою, звѣзда его, казалось, свѣтила ему особенно яркимъ блескомъ; она указывала ему на различные характеры столькихъ, имъ побѣженныхъ, народовъ, втайне поджидавшихъ минуты

для отмщенія своихъ обидъ; на опасности, которымъ онъ подвергаетъ себя впереди и на тѣ, что оставляетъ позади и даже у самого себя; на то, что списки, какъ его арміи, такъ и народонаселенія его имперіи, были неточны, не по численности, а по дѣйствительной своей силѣ; въ счетъ пошли только люди, состарѣвшіеся отъ времени или отъ войны, да дѣти, людей средняго возраста почти не было. Гдѣ же они? Объ этомъ достаточно говорять слезы женъ и вошли матерей! Съ трудомъ склонившись надъ землей, которая безъ нихъ оставалась бы необработанной, онъ шлютъ проклятія войнѣ въ лицѣ Наполеона. Между тѣмъ онъ пойдетъ на Россію, не покоривъ еще Испаніи, забывъ правило, держаться котораго самъ такъ часто подавалъ поучительный примѣръ, а именно: «что никогда не слѣдуетъ предпринимать чего-либо одновременно въ двухъ разныхъ мѣстахъ, но въ одномъ и всегда всеми силами сразу.» Наконецъ, зачѣмъ бы ему выходить изъ положенія столь блестящаго, хотя и непрочнаго, чтобы бросаться въ такое опасное положеніе, въ которомъ малѣйшая неудача могла все погубить и малѣйшая превратность судьбы дѣлалась рѣшительной? Въ это время никакая необходимость, вызванная обстоятельствами, никакое чувство самолюбія не могло заставить Наполеона вступать въ борьбу съ своими личными разсужденіями и помышлять ему слушать самого себя. Онъ собираетъ разные отчеты о положеніи каждой Европейской державы, велитъ составить себѣ изъ нихъ точный и полный, но краткій, выводъ и погружается въ чтеніе его; мучительное беспокойство въ немъ растетъ, тогда какъ именно для него нерѣшительность составляетъ пытку.

Часто можно было его видѣть полулежащимъ на диванѣ, на которомъ онъ оставался по нѣсколько часовъ, погрузившись въ глубокое размышеніе. Онъ выходилъ изъ него внезапно, точно судорожно, съ восклицаніями; ему чудилось, что его называютъ по имени, и онъ вскрикивалъ: «кто меня зоветъ?» Затѣмъ, вставъ и взволнивши ходя по комнатѣ, онъ, наконецъ, воскликнулъ: «нѣтъ, конечно, вокругъ меня, даже у меня самого, ничто еще не готово для такой дальней войны! Нужно ее отложить года на три». И онъ отдаетъ приказаніе, чтобы на его столѣ всегда оставалось краткое изложеніе отчетовъ, освѣщающее ему опасности его положенія. Онъ часто перечитываетъ его и каждый разъ съ одобрениемъ повторяетъ свои первоначальныя заключенія.

Неизвѣстно, что именно внушило ему спасительное вдохновеніе; но достовѣрно, что около этого времени (25 Марта 1812 г.) Чернышевъ отвезъ своему государю новые предложения. Наполеонъ предлагаетъ открыто заявить, что не будетъ ни прямо, ни косвенно способствовать

возстановленію Польскаго королевства и что относительно прочихъ неудовольствій придется къ соглашенію.

Позднѣе, 17-го Апрѣля, герцогъ Бассано предложилъ Кастьрею сдѣлку относительно полуострова и королевства Двухъ Сицилій, съ тѣмъ, чтобы въ осталъномъ договориться на томъ основаніи, что каждое изъ двухъ государствъ оставитъ за собой тѣ, чѣмъ вторая держава не можетъ отнять у него войною. Но Кастьрой отвѣчалъ, что обязательства, чистосердечно принятые на себя Англіей, не позволяютъ ей договариваться безъ предварительного признанія Фердинанда VII королемъ Испаніи.

25-го Апрѣля, Марэ, пересыпая графу Румянцеву это сообщеніе, снова изложилъ неудовольствія Наполеона противъ Россіи, которая состояли, во-первыхъ, въ указѣ отъ 31-го Декабря 1810 года, воспрещавшемъ ввозъ въ Россію большинства Французскихъ произведеній и разрушавшемъ континентальную систему; во-вторыхъ, въ заявлениі Александра противъ присоединенія герцогства Ольденбургскаго; въ-третьихъ, въ вооруженіи Россіи.

Министръ этотъ напомнилъ, что Наполеонъ предлагалъ дать Ольденбургскому герцогству вознагражденіе и формально обѣщать никогда не содѣйствовать возстановленію Польши. Онъ напомнилъ еще о томъ, что въ 1811 году Наполеонъ предложилъ Александру дать князю Кутракину необходимыя полномочія для обсужденія съ герцогомъ Бассано ихъ взаимныхъ неудовольствій; но Русскій Императоръ уклонился отъ этого приглашенія обѣщаніемъ послать въ Парижъ Нессельроде (обѣщаніе это не было исполнено).

Почти одновременно Русскій посолъ передалъ рѣшительное заявленіе Александра, требовавшаго полнаго очищенія Пруссіи и Шведской Помераніи, а также уменьшенія гарнизона въ Данцигѣ; впрочемъ, онъ соглашался принять вознагражденіе за герцогство Ольденбургское. Соглашался онъ и на торговый договоръ съ Франціей и, наконецъ, на ничтожныя измѣненія въ указѣ отъ 3-го Декабря 1810 года.

Но было слишкомъ поздно. При настоящемъ положеніи вещей, это заявленіе вызывало за собою войну. Наполеонъ былъ слишкомъ гордъ самимъ собою и Франціей и слишкомъ хорошо сознавалъ свое положеніе, чтобы уступить угрожавшему посреднику, предоставить Пруссіи свободу броситься въ объятія, протянутыя ей Русскими, и покинуть Польшу. Онъ слишкомъ далекошелъ впередъ, чтобы придти къ какому нибудь рѣшенію. Приходилось вернуться вспять, а Наполеону въ каждомъ попытномъ шагѣ видѣлось начало рѣшительного изданія.

Обозрѣвая громадность своихъ военныхъ силъ, Наполеонъ возвра-

щался къ воспоминаніямъ о Тильзитѣ и Эрфуртѣ и получалъ при этомъ неточныхыя свѣдѣнія о характерѣ своего соперника.

Онъ то надѣялся, что Александръ смирится передъ такимъ грознымъ нашествиемъ, то снова поддавался своему побѣдоносному воображенію и съ самодовольствомъ позволялъ ему летать отъ Кадикса до Казани. И тогда ему представлялось, что онъ почувствуетъ себя хорошо только въ Москвѣ. Этотъ городъ находился въ 800 миляхъ отъ него, а онъ уже собиралъ о немъ свѣдѣнія, точно наканунѣ занятія его. Какойто Французскій докторъ возвратился изъ Москвы, и Наполеонъ сталъ его разспрашивать о господствующихъ тамъ болѣзняхъ. Въ своихъ разспросахъ онъ добрался даже до чумы, нѣкогда опустошившей этотъ городъ. Онъ желалъ знать происхожденіе этой болѣзни, исторію ея распространенія и прекращенія и, оставшись доволенъ отвѣтами доктора, взялъ его къ себѣ на службу.

Междудѣмъ во Франціи начался голодъ. Внушенные всеобщимъ страхомъ мѣры предосторожности противъ него скоро усугубили это бѣдствіе. Алчность, всегда готовая воспользоваться всякими путями къ наживѣ, захватила все зерно въ то время когда оно еще было дешево, поджидая, чтобы голодъ сталъ брать его наизадъ уже на вѣсъ золота. Тогда поднялась всеобщая тревога. Наполеонъ былъ вынужденъ отложить свой отѣзъ. Въ нетерпѣніи онъ торопилъ Совѣтъ; но ему отвѣчали, что нужно принять настоятельныя мѣры и что его присутствіе необходимо. Такимъ образомъ война, въ которой потеря каждого часа была непоправима, откладывалась на два мѣсяца.

Императоръ не остановился передъ этимъ препятствіемъ; къ тому же такое запозданіе давало возможность разсчитывать на новую жатву въ Россіи. Этими всходами можетъ кормиться его кавалерія, и арміи придется тащить меньше обоза за собой, а разъ передвиженіе арміи легче, то и ходъ ея будетъ быстрѣе: значитъ, до непріятеля она доберется, и этотъ великий походъ, подобно многимъ другимъ, окончится сраженіемъ.

Время разсужденій прошло; наступило, наконецъ, время дѣйствій. 9-го Мая 1812 года, Наполеонъ, до той поры всегда побѣдоносный, вышелъ изъ дворца, куда не суждено уже было ему возвратиться иначе, какъ побѣжденнымъ.

Проѣздъ его изъ Парижа въ Дрезденъ былъ не прекращавшимся триумфомъ. Сначала ему приходилось пересѣчь восточную Францію, а эта часть имперіи была ему предана: она совсѣмъ не походила на Западъ и Югъ Франціи и знала его лишь по его благодѣяніямъ и торжествамъ.

Въ Германіи онъ встрѣтилъ менѣе изъявленій преданности, за то, быть можетъ, больше благоговѣнаго чувства. Побѣжденныи и покорными Нѣмцамъ, изъ самолюбія или по ихъ склонности къ чудесному, хотѣлось видѣть въ Наполеонѣ существо сверхъестественное. Какъ бы вѣрѣ себя отъ удивленія, увлеченное всеобщимъ движеніемъ, это добродушное населеніе старалось добросовѣстно быть тѣмъ, чѣмъ слѣдовало казаться.

Нѣмцы шли по обѣимъ сторонамъ долгаго пути Императора; ихъ государи выѣзжали изъ своихъ столицъ, наполняя города, въ которыхъ на вѣсколько минутъ долженъ былъ остановиться властитель ихъ судебъ. Наполеона сопровождали императрица и многочисленный дворъ. Онъ шелъ на ужасныя случайности дальней, рѣшительной войны словно торжествующій побѣдитель, возвращавшійся съ нея. Не таковъ онъ былъ въ прежнихъ походахъ.

Онъ пожелалъ, чтобы Австрійскій императоръ, иѣсколько королей и множество принцевъ явились въ Дрезденѣ на время его проѣзда, и желаніе его было исполнено. Всѣ стеклись къ нему: одни, руководимые надеждой, другіе страхомъ. Наполеонъ хотѣль убѣдиться въ своемъ могуществѣ, показать его и насладиться имъ. Онъ хотѣль противо поставить этотъ блестящій съездъ монарховъ одночеству Русскаго Государя, надѣясь, что Александръ устранился, видя, какъ всѣ его покинули. И, наконецъ, такой съездъ союзныхъ государей могъ служить какъ бы признаніемъ, что война его съ Россіей есть война Европейская. Находясь въ центрѣ Германіи, онъ показывалъ, такимъ образомъ, всей странѣ рядомъ съ собою дочь цезаря, свою супругу. Цѣлыя селенія перемѣщались для того, чтобы спѣшино слѣдовать за нимъ; богатые и бѣдные, благородные и простолюдины, друзья и недруги, всѣ торопились любопытными толпами, тѣснясь на улицахъ, дорогахъ и площадяхъ. Они проводили дни и ночи напролѣтъ, устремляя свои взоры на двери и окна Наполеонова помѣщенія. Не на его корону, не на санъ его и роскошь его двора, они приходили смотрѣть, а только, чтобы поглядѣть на него самаго; они старались запомнить его черты; имъ хотѣлось имѣть возможность сказать своимъ соотечественникамъ, своимъ менѣе счастливымъ потомкамъ, что они видѣли Наполеона.

Въ театрахъ поэты унижались до обоготовленія его; народныя толпы лъстили ему *). Между тѣмъ онъ былъ воздерженъ и даже ста-

*) Вѣроятно, въ это время выбита была медаль съ изображеніемъ Наполеона и Господа Бога и съ надписью: „Небо Тебѣ, земля мнѣ“. П. Б.

рался нравиться, хотя для этого ему приходилось надѣять себой усиление, и онъ все-таки обнаруживалъ скуку, которую все это наводило на него. Эти государи и ихъ подданные такъ унижались передъ нимъ только для того, чтобы несоразмѣрно усилить его возношеніе и тѣмъ на него подѣйствовать. На собраніяхъ они видомъ, словами, даже звукомъ голоса свидѣтельствовали о его превосходствѣ надъ ними. Всѣ они собирались для него одного! Они почти не возражали, всегда готовые признать его величие, которое самъ онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ. Его утренній выходъ представлялъ зрѣлище еще болѣе замѣчательное. Лица державныя являлись къ этому времени дождаться аудиенціи у покорителя Европы; они такъ смѣшивались съ его офицерами, что тѣмъ часто приходилось предупреждать другъ друга и быть осторожными, дабы невольно не оскорбить этихъ новыхъ царедворцевъ. Такъ, въ присутствіи Наполеона, исчезали всякия различія онъ столько же быть ихъ главою, сколько и нашимъ. Общая зависимость, казалось, все уравнивала вокругъ него. Отъ того, быть можетъ, плохо сдерживаемая военная гордость пѣкоторыхъ Французскихъ генераловъ оскорбляла этихъ эксѣ-государей: генералы считали себя по положенію сравнявшимися съ ними, ибо каковы бы ни были родъ и санъ побѣженного, побѣдитель все-таки ему ровня.

Тѣмъ не менѣе болѣе благоразумные изъ насть чувствовали опасеніе. Они говорили, но тайкомъ, что нужно себя считать сверхъестественнымъ, чтобы такъ все извратить и перемѣстить безъ боязни самому быть увлечену этимъ всемирнымъ потрясеніемъ. Они видѣли, какъ эти монархи выходили изъ дворца съ самыми горькими чувствомъ обиды въ сердцѣ и во взглядѣ. Намъ казалось, что они слышать, какъ тѣ, ночью, одни предъ своими министрами, изливаютъ горе, сѣдавшее ихъ сердца. Все кругомъ ожесточало ихъ боль. Какъ несносна была эта толпа, сквозь которую приходилось пройти, чтобы добраться до двери ихъ безподобнаго властелина; а между тѣмъ, къ ихъ дверямъ никто не ходить; всѣ и все, казалось, измѣнило имъ, даже ихъ слуги. Развѣ не видно было, что, провозглашеніемъ Наполеонова счастья толпа надругивалась надъ ихъ злополучiemъ? Итакъ они прѣѣхали въ Дрезденъ для того, чтобы усилить блескъ Наполеонова торжества; вѣдь такимъ образомъ, надъ ними же онъ торжествуетъ, ибо каждый крикъ удивленія, обращенный къ нему, былъ крикомъ упрека противъ нихъ; его величие было ихъ позоромъ, его побѣды—ихъ пораженіемъ. Они, конечно, распространяли всюду свою скорбь, и ненависть съ каждымъ днемъ все глубже вкоренялась въ ихъ сердца. Сначала одинъ изъ нихъ изѣбѣгъ этой тяжкой муки поспѣшнымъ отъѣздомъ. Австрійская императрица, у родственниковъ которой генералъ Бонапартъ отнялъ вла-

дѣнія, отличалась отвращеніемъ къ Наполеону; тщетно она старалась его скрывать: оно обнаружилось въ первыхъ же ея движеніяхъ, по-разившихъ Наполеона, и онъ съ улыбкою укрощалъ въ ней это чувство. Но, пользуясь своимъ умомъ и пріятностью, она осторожно проникала въ сердца, чтобы сѣять въ нихъ свое чувство ненависти. Французская императрица, на глазахъ у всѣхъ, невольно усиливала это несчастное расположение затмевая ее роскошью своего наряда; когда Наполеонъ требовалъ отъ нея больше осторожности, она противилась этому, даже плакала, и онъ уступалъ, то отъ умиленія, то отъ усталости или по разсвѣтиности. Увѣряютъ еще, будто, несмотря на свое Нѣмецкое происхожденіе, императрица оскорбляла самолюбіе Нѣмцевъ неосторожными сравненіями между прежней и новой своей родиной. За это Наполеонъ журилъ ее, но слегка, ибо такого рода патріотизмъ, имъ же внушенный, правился ему; онъ думалъ подарками загладить подобныхъ неосторожности.

Французскій посолъ въ Петербургѣ, генералъ Лористонъ, получилъ приказаніе испросить у Русскаго императора дозволеніе пріѣхать въ Вильну, чтобы сообщить ему окончательныя предложения Наполеона; а адъютантъ Наполеона, генералъ Нарбоннъ, отправился въ главную императорскую квартиру Александра, чтобы увѣрить этого государя въ мирныхъ намѣреніяхъ Франціи и, говорить, чтобы заманить его въ Дрезденъ. Архиепископъ Мехельнскій былъ отправленъ направлять стремленія Польскаго патріотизма. Саксонскій король ожидалъ, что потеряетъ Великое Герцогство; его обнадежили болѣе прочнымъ вознагражденіемъ.

Между тѣмъ, съ первыхъ же дній были удивлены, не видя Прусскаго короля при императорскомъ дворѣ; вскорѣ услыхали, будто пріѣздъ ко двору былъ ему запрещенъ. Король тѣмъ болѣе испугался этого, чѣмъ менѣе былъ повиненъ въ чемъ-либо. Его присутствіе, вѣроятно, стѣсняло Наполеона. Тѣмъ не менѣе, поощренный Нарбонномъ, онъ рѣшается пріѣхать. Императору докладываютъ о немъ. Раздражившись, Наполеонъ спачала отказывается принять его: «Чтѣму нужно отъ меня? Не достаточно ли того, что онъ беспокоитъ меня своими письмами и постоянными требованиями? Къ чему онъ преслѣдуje меня еще своимъ присутствиемъ?» Но Дюрокъ настаиваетъ и напоминаетъ, что Наполеонъ нуждается въ Пруссіи противъ Россіи. Тогда двери Императора открываются для монарха, къ которому всѣ относятся съ должнымъ его высокому рангу почетомъ. Припяты были новыя увѣренія преданности, которую король многократно уже доказывалъ. Говорятъ, что тутъ ему подана надежда на владѣніе Русско - Нѣмецкими областями, завоеваніе которыхъ должно было быть поручено его войскамъ. Увѣряютъ даже,

будто до ихъ завоеванія Прусскій король попросилъ отъ Наполеона ввести его во владѣніе. Говорили еще, но неопределенно, будто Наполеонъ предоставилъ Прусскому наследному принцу искать руки одной изъ своихъ племянницъ. Это должно было быть цѣною услугъ, которыхъ ему окажетъ Пруссія въ новой войнѣ. Онъ хотѣлъ исполнить его. И такъ, Фридрихъ, сдѣлавшись союзникомъ Наполеона, могъ бы сохранить за собой корону; не имѣется достаточныхъ доказательствъ, чтобы утверждать, что этотъ союзъ такъ же соблазнилъ Прусскаго короля, какъ соблазнила надежда на подобный союзъ Испанскаго принца.

Наполеонъ надѣялся побѣдить Александра однимъ видомъ свое соединенной арміи и особенно грознымъ блескомъ своего пребыванія въ Дрезденѣ. Нѣсколько дней спустя, въ Познани, онъ самъ сознался въ этомъ, отвѣчая генералу Дессолю: «такъ какъ Дрезденское собраніе не склонило Александра къ миру, то можно ожидать этого только отъ войны».

Лористонъ не былъ принятъ. Что касается Нарбонна, онъ, возвратившись, доложилъ, что нашелъ Русскихъ не въ уныніи, но и безъ самохвалства. Изо всего, что ему отвѣчалъ ихъ Императоръ, явствуетъ, что тамъ войну предпочитаютъ позорному миру; что будутъ весьма осторегаться подвергать себя опасности вступленіемъ въ бой съ грознымъ противникомъ, и, наконецъ, что сумѣютъ рѣшиться на всевозможные жертвы для того, чтобы затянуть войну и тѣмъ обезсилить Наполеона.

Наполеонъ оставался въ Дрезденѣ до 29 Мая, гордый изъявленнымъ ему благоговѣніемъ, которое онъ умыгъ цѣнить, показывая Европѣ, что принцы и короли, происходящіе изъ самыхъ старинныхъ родовъ Германіи, составляли многочисленный дворъ ему, создавшему свое величіе.

Наконецъ, горя нетерпѣніемъ побѣдить Русскихъ и избѣжать изъявленій почтенія отъ Нѣмцевъ, Наполеонъ уѣхалъ изъ Дрездена *).

---

*) За пѣсколько дней передъ тѣмъ, на прогулкѣ по окрестностямъ Дрездена, Наполеонъ заѣхалъ помолиться въ церковь Божіей Матери. Почти тогда же Александръ Павловичъ, на прогулкѣ въ окрестностяхъ Вильны, заѣхалъ помолиться въ деревенскую церковь. (См. Vandal, Napoléon et Alexandre I-er, Ш, 423). П. Б.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКОГО КЪ КНЯЗЮ Е. П. МЕЩЕРСКОМУ.

Авторъ біографії князя А. А. Шаховского, И. А. Кубасовъ, въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ (1905 г.), замѣчаетъ, что дѣятельность сего достопамятнаго человѣка ждетъ безпристрастной и должной оцѣнки. Для сего помѣщаемъ здѣсь письмо его къ князю Елиму Петровичу Мещерскому.

Князь Е. П. Мещерскій, умершій за границей въ 1844 г., былъ единственный сынъ оберпрокурора Св. Синода, т. совѣтника, князя Петра Сергеевича Мещерскаго. Его сослуживецъ, синодскій секретарь, Измаиловъ, говоритъ такъ: „Въ Синодѣ при Мещерскому въ каждомъ углу разстилались тишина, гладь и Божія благодать“ (*). Уволенный въ 1833 г. отъ прокурорства, князь П. С. Мещерскій былъ присутствующимъ въ Сенатѣ и умеръ въ 1856 г. Онъ былъ женатъ (вторымъ бракомъ) на Екатеринѣ Ивановнѣ Чернышевой, родной сестрѣ Николаевскаго военнаго министра. Его сынъ Елимъ Петровичъ (род. 1808 году) съ самаго дѣтства воспитывался за границей, гдѣ и провелъ почти всю свою недолгую жизнь. Онъ былъ камергеръ и служилъ при Русскомъ посольствѣ въ Туринѣ и Парижѣ. Любя, какъ всѣ аристократы, проживающіе за границей, своеобразною любовью свою родину, князь старался на чужбинѣ знакомиться съ Россіей и написалъ о Русской литературѣ нѣсколько Французскихъ статей, и его стихотворенія имѣли успѣхъ. Перечень его сочиненій и переводовъ съ Русскаго помѣщены въ Энциклопедическомъ Словарѣ Эфона (т. XIX, стр. 230). Въ одномъ изъ альманаховъ 30-хъ годовъ было напечатано два его стихотворенія, кажется, единственныя на Русскомъ языке. Князь Елимъ Петровичъ былъ женатъ на Варварой Степановнѣ Жихаревой (дочери автора извѣстныхъ Записокъ), вышедшей послѣ его смерти за графа Борбонъ-дель-Монтѣ. Единственная его дочь княжна Марія Елиновна была замужемъ за княземъ Павломъ Павловичемъ Демидовымъ Санть-Донато и умерла въ Вѣнѣ въ 1868 г.

Ростовъ-Великій, 1907. Ноября 6.

А. Титовъ.

*

Милостивый государь князь Элимъ Петровичъ.

Прочтя, на Французскомъ языке, письма Русскаго, я почувствовалъ нужду облегчить сердце мое, исполнившееся умилениемъ радости

^{*}) Истор. Вѣст. 1882 г. XI, стр. 373.

и даже отечественною гордостью *). Мне было больно, что я не зналъ, кому наливъ мою благодарность за убѣдительное оправданіе нашей святой родины, и, признаюсь въ авторскомъ чванствѣ, за выборъ эпиграфа изъ моей комедіи, писанной почти съ тою же цѣлью и съ тѣми же чувствами, которыми поборникъ Русской правости уничтожаетъ чужеземное злословіе и обнаруживаетъ древнюю тайну нынѣшняго могущества Россіи. Филиппъ Филипповичъ Вигель очень меня обрадовалъ, называвъ ваше сіятельство. Уваженіе къ вашему имени и роду, давнишнее знакомство съ вашими родителями, старинныя связи съ ближними вашими, сдѣлали еще пріятнѣйшимъ для моего сердца сочувствіе, находимое имъ въ письмахъ вашихъ. Я открылъ почтеннѣйшему Филиппу Филипповичу душевное желаніе изъявить вамъ мою благодарность. Онъ, хвалясь вашимъ короткимъ знакомствомъ, предложилъ мнѣ свое посредничество и убѣдилъ сообщить вамъ изъ пріобрѣтеній моей долгой и дѣятельной опытности что ему показалось пригоднымъ къ начатому вами отечественному дѣлу. Вы догадываетесь, что это убѣжденіе не стоило ему большаго труда; но прошу вѣсть не счастья меня насильственнымъ пайщикомъ, придирающимся даже къ эпиграфу, чтобы пощетиться хоть подерочной выноской отъ пріобрѣтаемой вами извѣстности. И ради Бога, не притчите меня къ тѣмъ словоохотнымъ проповѣдникамъ, которыхъ Св. Апостолъ Іаковъ именуетъ *не творцами слова, но токмо слушателями прельщающими* самихъ себя, и коими не только изобилуетъ, но роскошествуетъ нашъ велеречивый вѣкъ. Нѣтъ, самолюбіе того, кто около 40 лѣтъ ведеть тяжкую, но не вовсе безуспѣшную войну противъ самодурства, бездушія, обезъянства и прочихъ порчъ высокой природы человѣка, не можетъ быть подозрѣваемо въ пріѣзжихъ къ чужой извѣстности и, вступая въ переписку по русски къ Русскому, въ защищу Русского имени, я уже вѣрно не хлопочу о какомъ-то Европействѣ, которымъ хотять памъ вскружить голову сумасшедшия на чужестранствѣ или бѣснующіяся отъ исполинскихъ успѣховъ Русского досужества, въ которыхъ они не могутъ участвовать по старинной пословицѣ: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

Вы не можете сомнѣваться, что уста моя глаголять отъ избытка сердца, и если у насъ не даромъ говорится, что сердце сердцу вѣсть подаетъ, то ваше конечно согрѣто тою любовью, безъ которой, по благовѣстію избранника Господня, все человѣческіе глаголы яко мѣдь звенящая или кимвалъ бряцая. И письма ваши объясняютъ, что это любовь, кото-

*) Къ сожалѣнію, этихъ писемъ князя Е. П. Мещерскаго не могли мы найти. П. Б.

рая, какъ продолжаетъ Св. Павелъ, долготерпить, милосердствуешь, не завидить, не превозносится, не гордится, не безчинствуешь, не ищешь своихъ-си, не раздражается, не мыслить зла, не радуешься о неправдѣ, радуешься же о истинѣ. Эта любовь, въ ней же, по изъясненію вдохновленнаго богослова, иѣсть страха, отдѣляя нашу церковь отъ Ватиканскаго самовластія, правящаго угрозами, гоненіемъ и ужасомъ, и отъ реформы возрожденной угнетеніемъ и распространенной ненавистью къ ея гонителямъ, была и будетъ чистымъ источникомъ нашей народной силы и благоденствія. Справедливость, которую вы отдаете благодѣтельницѣ нашего отечества, собственной его Православной церкви, возбудила во мнѣ пылкое желаніе бесѣдовать съ вами о любимомъ предметѣ моихъ думъ; но Филиппъ Филипповичъ Вигель прочелъ уже написанное имъ, и я, видя, что мнѣ нечего къ тому прибавить, удержалъ мое бесполезное рвение; но не могу удержаться, чтобы не сообщить иѣкоторыхъ довольно любопытныхъ разговоровъ моихъ съ Католиками-священниками и съ Лютеранскимъ пасторомъ.

При началѣ народной войны войдя въ ополченіе, я находился по-томъ въ должности дежурного генерала при главнокомандующемъ въ Ригѣ, гдѣ часто разговаривалъ съ Французомъ, наставителемъ тамошняго Іезуитскаго отдѣленія. Однажды, стараясь доказать преимущества своей церкви противъ нашей, отецъ Куень увѣрялъ меня, что у насъ бы не могло быть ни расколовъ, ни раскольниковъ, если бы мы не отступали отъ святого единовластія намѣстника Христова. Наши расколы, возразилъ я, существуютъ только между чернью, и наши раскольники закоренѣлые невѣжды; но ваши расколы сдѣлались вѣроисповѣданіемъ цѣлыхъ просвѣщеныхъ народовъ, и ваши раскольники ученѣйшіе люди и великие государи. Развѣ Лютеране, Кальвинисты, Реформаты и всѣ Протестанты не такие же точно отступники отъ вашей церкви, какъ старовѣры отъ нашей? И единовластіе Папы удержало ли ихъ отъ раздробленія Христовой церкви на многія исповѣданія? Нѣть, отвѣчалъ онъ, но это самое доказываетъ необходимость и святость духовнаго пастырства преемниковъ Св. Петра: Лютеранская ересь, возбужденная адской гордыней и попущенная гнѣвомъ Божіимъ въ казнь и поученіе народамъ, могла ли хотя малое время просуществовать въ полнотѣ и цѣлости? Нѣть, пораженная проклятиемъ святого отца, она, какъ глыба грязи, разсыпалась на множество сумазбродствъ, враждующихъ между собою. Тутъ началъ онъ называть Кальвинистовъ, Гугенотовъ, Пуританцевъ, Методистовъ, Евангеликовъ и проч.

Не видя конца сему исчислѣнію, я прервалъ его: Точно такъ, Протестантская церковь раздробилась на многія толки; однако же Во-

сточная, пораженная тьмъ же проклятиемъ, въ разныхъ земляхъ, на разныхъ языкахъ, подъ разными духовными властями, въ покорности разнымъ свѣтскимъ правителямъ, изъ которыхъ иѣкоторые и не-Христіане, существуетъ во всей своей полнотѣ и цѣлости. Стало быть, эта Лютеранская ересь раздробилась не отъ освобожденія своего отъ ига тїары, а, кажется, отъ преиебреженія постановленій святыхъ отцевъ, которыми, и не въ зависимости отъ папскаго единовластия, крѣпко наше вѣроисповѣданіе. Я уважаю высокій умъ и сильное краснорѣчіе Мартина Лютера, вижу въ подвигѣ его мужественный дѣйствія пламенной души, но жалѣю, что онъ, какъ опрометчивый ученикъ, передомившій безщадную лозу нестерпимаго пѣстуна, вадумалъ опрокинуть всѣ столы училища, созданного по божественному вдохновенію, изъ мудрой опытности. Онъ, устремя воспаленный негодованіемъ взоръ свой на самовластіе папъ, не хотѣлъ вникнуть съ Христіанскимъ смиреніемъ въ богомудрое сотвореніе вселенскихъ соборовъ, пріудобившихъ людское общежитіе къ Слову Божію, ниспосланному всему человѣку, а въ предусмотрительной прозорливости святыхъ отцевъ видѣть только стѣсненіе свободной его воли. Новые законоустановщики глумились надъ велелѣпіемъ древняго Христіанскаго богослуженія. Они забыли, что всѣ чистѣйшія, всѣ выспренія наслажденія души, что самое ея богонастіженіе, сообщаются ей посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ; что они проводники ея отъ ощущаемаго къ постигаемому; что соучастіе ихъ, связующее дольній міръ съ горнимъ, необходимо въ соединеніи видимой церкви съ невидимою; ея же священнодѣйствіе-тайнообразующее воплощеніе Искупителя, по ража чувства, согрѣваеть сердце, возносить духъ, внушаетъ благоговѣніе, осуществляетъ вѣру, дѣлаеть, такъ сказать, ощутительнымъ присутствіе Божества и какъ бы доступнымъ Его величіе, котораго отблескъ, отголосокъ и благоуханіе, кажется, обоготовляеть храмъ, посвященный славѣ и благости Создателя міра и исполненный всѣмъ богоизвѣстіемъ, какое вдохновенный Имъ же искусства могутъ извлечь изъ Его же созданій.

Не помню, точно ли эти слова или иѣчто сказанное въ этомъ же смыслѣ, очень обрадовало Іезуита возможностью увернуться отъ первого его предложенія; и онъ, прицѣпясь къ пимъ, обратилъ разговоръ на божественность догматовъ, извлеченныхъ изъ Евангельскаго и Апостольскаго ученія; однакожъ, по давнишней привычкѣ или по обязанности своего ордена, толковалъ ихъ въ пользу христонамѣтничества на землѣ и старался какъ-нибудь меня окатоличить. Но я остановилъ его вопросомъ: не правда ли, что папа Евгений IV послѣ Флорентинскаго собора торжественно призналъ нашу церковь (при-

соединенную тогда къ Римской) святою апостольскою и католическою, не препятствуя въ ней ни женитьбѣ священниковъ, ни закрытию алтаря, ни совершенню по прежнему евхаристіи, ни даже древнему чтенію Символа Вѣры, словомъ, ничему, за что предшественники его отлучали насть оть Православія и наслѣдія царствія небеснаго. Іезуитъ задумался, но принужденъ былъ прошептать: «правда». Стало быть, продолжалъ я, по признанію самого намѣстника Христова, различіе нашихъ церквей не состоить въ доктринахъ и обрядахъ, а просто въ признаніи или непризнаніи святости и непогрѣшимости папъ. И такъ-тотъ только можетъ почестъся истиннымъ Католикомъ, кто признаетъ эту святость и непогрѣшимость? «Точно; въ строгомъ смыслѣ такъ», отвѣчалъ отецъ Куенъ, «но... Испугавшись Іезуитскаго но, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ предѣльные отводы оть настоящаго вопроса, я опять прервалъ его: Скажите же мнѣ, почтенный отецъ, много ли въ этомъ строгомъ смыслѣ знаете вы Католиковъ, и я вамъ-ихъ уступаю, а всѣхъ прочихъ, сомнѣвающихся въ томъ, что составляетъ единственное различіе между Греческимъ и Римскимъ исповѣданіями, присоединяю къ нашей (по привнанію папы Евгенія IV) Православной церкви. «Прощайте», вскричалъ отецъ Куенъ съ своей национальной любезностью: «я боюсь, чтобы вы и меня не захватили въ ваши священники и не повѣчали на какой-нибудь поповнѣ; вижу, что вы безвозвратно погибшій человѣкъ, съ которымъ я радъ говорить обо всемъ кромѣ религіи, и отрекаюсь оть спасенія вашей души».

Въ Ригѣ же пасторъ Зонтагъ, бывший въ ней суперь-интендентомъ Лютеранской церкви, жаловался военному губернатору маркизу Паулуччи на министра народнаго просвѣщенія, который запрещеніемъ новаго Нѣмецкаго перевода Евангелія будто разрушалъ правѣ, дарованныя Лифляндіи Петромъ Великимъ, и стѣснялъ свободу Аусбургскаго исповѣданія. Я, приглашенный къ слушанію сей жалобы, спросилъ пастора Зонтага: позволено ли имъ читать въ ихъ церкви во время богослуженія другой переводъ Евангелія кромѣ Лютерова? Онъ принужденъ былъ отвѣтить: нѣтъ. А если сама церковь ваша, замѣтилъ маркизъ Паулуччи, не признаетъ иныхъ переводовъ, то министръ въполномъ правѣ запрещать ихъ, какъ всякия другія книги. Но онъ не въ правѣ, возразилъ пасторъ, отнимать у насть свободу совѣсти, на которой основаны всѣ Протестантскія исповѣданія, и не можетъ запрещать Лютерину переводить Священное Писаніе по собственному своему понятію или совѣсти. Видя, что не одни Іезуиты искусны въ перетолкованіи церковныхъ уставовъ по своему, я не вытерпѣлъ, чтобы не обличить кривотолка, и сказалъ ему: «Кажется, свободу совѣсти самъ Мартинъ Лютеръ не распространяетъ такъ далеко и разумѣеть подъ этимъ сло-

вомъ волю исповѣдывать грѣхи свои вслухъ священнику, или мысленно каяться въ нихъ передъ Богомъ; по я не думаю, чтобы позволено было Лютеранину искажать по своему хотѣнію Божіе Слово и чтобы вы сами признали Христіаниномъ того, кто не вѣрить въ Христово Божество». «А почему же пѣтъ», отвѣчалъ разгоряченный моимъ противорѣчіемъ пасторъ, «если онъ слѣдуетъ Евангельскимъ правиламъ?» Маркизъ Паулуччи, вспыхнувъ отъ досады, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «Я, господинъ суперъ-интендентъ, признаю Христіанъ по ихъ вѣрѣ, не нахожу вашей жалобы дальнаю, и не совѣтую вамъ процовѣдывать безвѣріе нашимъ добрымъ Лифляндцамъ». Послѣ этого короткаго рѣшенія онъ взялъ меня подъ руку и вышелъ, а господинъ Зонта гъ въ непродолжительномъ времени оставилъ Ригу, и Богъ съ нимъ!

Въ Неаполѣ я очень хорошо познакомился съ архіепископомъ Тарантскимъ (Cappetolacci) знаменитымъ своими обширными знаніями, покровительствомъ художниковъ, дѣятельнымъ участіемъ въ отмѣненіи постыдной для Неаполитанского королевства дани Бѣлаго Коня и по-печеніемъ во время своего министерства при Мюратѣ обѣ открытіи Помпеи и сохраненіи ея зданій. Этотъ почтенный старецъ, оказавшій немалыя услуги ученому свѣту и отечеству своему, былъ чрезвычайно уважаемъ всѣми просвѣщенными людьми и очень любимъ своеї епархіей, въ доказательство чего я сохранилъ списокъ (руки самого архіепископа) съ письма, присланного ему отъ разбойничьяго атамана Фуріо, который именемъ всего своего почтенаго общества (respetabile compagnia) просилъ архипастыря осчастливить свою паству пріѣздомъ и благословеніемъ, а для безопасности къ пути представляя себѣ и своихъ товарищѣй въ охранители его священной особы. Такое услужливое предложеніе и самое явное существованіе почтенаго общества разбойниковъ показалось бы невозможнымъ нашимъ варварамъ, не выѣзжавшимъ изъ своей темной земли, если бы военные путешествія многихъ тысячъ Русскихъ не познакомили и ихъ съ разными обычаями просвѣщенныхъ Европейцевъ. Но возвратимся къ архіепископу Тарантскому. Ни лѣта, ни знаменитость, ни даже покровительство Наполеона, надѣвавшаго самопронавольно короны, не могли принудить святѣйшаго отца надѣть на него кардинальскую шляпу; и вы тотчасъ догадаетесь, отъ чего. Однажды я, зашедші къ нему съ набережнаго гулянья, засталь его одного и, завтракая съ нимъ въ его библіотекѣ, не помню къ чему-то, сказалъ: Ваше высокопреосвященство почитаете насъ отступниками. Нѣть, возразилъ онъ, я почитаю отступниками не васъ, а насть; а чтобы объяснить вамъ вполнѣ, по какимъ причинамъ, я вамъ по-вѣрю книгу, которой одинъ только экземпляръ уцѣлѣлъ отъ Римскаго всесожженія. Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ шкафа не очень боль-

шое іn octavo и, подавая мнъ его, просиаъ прочесть для себя и возвратить ему на другой же день. Я, пришедъ домой, принялся за чтеніе и крайне удивился, найдя, кажется, въ сочиненіи самого католицкаго святителя убѣдительнѣйшія доказательства отпаденія Римской церкви отъ Вселенской и претворенія Евангельской любви и смиренномудрія въ страхъ и любопачаліе, увидѣть явныя улики въ неправедномъ присвоеніи духовными пастырями царской власти, въ злоупотребленіяхъ этой похищенной власти. Мнъ очень прискорбно, что я не успѣлъ сдѣлать изъ нея извлеченій, но надѣюсь, что со временемъ она какъ-нибудь покажется въ свѣтъ, и не безъ пользы, во всѣхъ безчинствахъ, происходящихъ отъ холостой жизни священника, въ несообразности глухой обѣдни съ священной цѣлью литургіи, учрежденной для совокупнаго и единодушнаго прославленія имени и слушанія Слова Божія, и еще во многихъ отпаденіяхъ отъ смысла и духа Христова ученія. Читая эту книгу, я не вѣрилъ своимъ глазамъ и чувствовалъ, что со всѣмъ усердіемъ моимъ къ нашему Православію я не могъ бы написать ничего такъ сильнаго въ его пользу.

Описывая мои богословскіе подвиги, я почувствовалъ справедливость Французской пословицы: *l'appetit rient en tangeant*. Такъ, мнъ очень захотѣлось сообщить исторію собственнаго моего обращенія отъвшеній прошлаго вѣка къ нашей святой церкви; но, боясь быть принужденнымъ наконецъ кончить мое письмо, не поговоря о вашихъ, я придержался Русской поговорки: на всякое хотѣніе есть терпѣніе и, предавая времени исполненіе моего желанія, тороплюсь благодарить васъ за наслажденія, доставленныя моему Русскому сердцу вашими письмами, а особливо первымъ и послѣднимъ. Я въ нихъ нашёлъ, какъ нѣкогда въ разсужденіяхъ Шлегеля о древнемъ театрѣ, краснорѣчивое убѣжденіе въ собственныхъ моихъ мысляхъ, а это очень утѣшительно и не для одного авторскаго самолюбія. Искренность, вѣрное доказательство душевнаго къ вамъ почтенія, не позволяетъ мнъ сказать того вообще о литературныхъ вашихъ сужденіяхъ, право, не потому, что не встрѣтилъ въ нихъ моего имени. Я знаю, что вамъ предстояло многое сообщить, прежде чѣмъ вы могли, по вѣрной оценкѣ, добраться до него; но удаленіе ваше изъ Россіи, какъ вы сознаетесь, не позволяетъ вамъ самимъ обозрѣть все пространство и вникнуть въ нынѣшніе и прежніе успѣхи и направленіе нашей литературы; въ сужденія же современниковъ, часто поверхностныя или пристрастныя, а пуще въ журнальныя похвалы и браны, не можно и не должно. Русское слово красиво, богато, сильно, но еще ново, и время его критиковъ не пришло. Аристархъ и Аристотель не жили вмѣстѣ съ Омеромъ, Эсхиломъ и Аристофаномъ. Давно ли размѣстили Корнеля, Расина и Вольтера по

ихъ достоинству. Еще Боало называлъ Тассово золото мишурою, самъ Шекспиръ надолго былъ согнанъ съ созданного имъ театра, и Нѣмецъ Шлегель признаетъ и, кажется не безъ толка, что Нѣмецкая драматургія будетъ завтра. Я увѣренъ, что врядъ ли кто лучше вась можетъ убѣдить иностранцевъ въ способностяхъ Русскихъ ко всему изящному; но для этого нужны средства, которыхъ вы теперь не имѣете, и время, котораго ваша любовь къ отечеству пе теряетъ даромъ. Вы избрали благую часть, да не отымается она отъ вась. Чѣмъ можетъ быть благороднѣе возстанія за правость своей родины противъ иноземной кленеты, и чѣмъ славнѣе побѣды надъ завистью и недоброжелательствомъ одною силою пламенной души и краснорѣчіемъ истины?

Къ сказанному вами о Польшѣ, кажется, трудно что-нибудь прибавить и невозможно ничего отвергнуть: правда яснѣе солнца. Давнишняя легковѣрность, строптивость и опрометчивая готовность на бой храбрыхъ Поляковъ раздробляли и разрушали Польшу. Она утратила всѣ издитія судоходныхъ рѣкъ, потеряла торговлю и промышленность, и наконецъ вытѣсненная изъ лучшей части своего древняго достоянія и втѣсненная въ промежутокъ сильныхъ державъ, сдѣлалась по частямъ ихъ собственностью и пе могла надѣяться пріобрѣсти политического существованія. Наполеонъ, за котораго Поляки мужественно лили кровь свою, могъ только сдѣлать изъ сердца ихъ отчизны удѣльь короля Саксонскаго подъ фирмой Варшавскаго Герцогства. Александръ, противъ котораго они враждовали, сдѣлалъ для Польши едва ли возможное. Онъ возвратилъ ей имя, даровалъ свободные уставы, права, преимущества, вооружилъ собственнымъ ея воинствомъ, оградилъ ее присоединенiemъ къ сильной имперіи своей отъ чуженародныхъ вторженій, открылъ на всjomоженіе ей Русскія сокровища, далъ средства къ обогащенію, воскресилъ давно умершую торговлю и промышленность, возстановилъ довѣренность къ казнѣ, и наконецъ Польша, чего никогда въ ней не бывало, имѣла уже свой банкъ, доходы ея слишкомъ были достаточны на государственные издержки, и Варшавскіе капиталисты съ радостьюпускали въ ростъ деньги свои (чего никто изъ живыхъ не запомнить) только изъ пяти процентовъ! Я спрашиваю у всей Европы, у самихъ Поляковъ, правда ли это,... и чего естественно возможнаго могли они желать? Имъ оставалось броситься братски въ объятія своихъ радушныхъ соплеменниковъ, основать на силѣ Россіи прочность своего благосостоянія и слить съ предстоящей ей славой древнюю славу своего мужества. Что же они начали? И чѣмъ кончили? Но должно ли винить цѣлый народъ въ преступлениі нѣсколькихъ злоумышленниковъ и въ необдуманности нѣсколькихъ слабоумцевъ обманутыхъ дальными призраками. Нынѣшнее сердцевоспаленіе Польши—привитая болѣнь. Эта

нравственная холера, нанесенная западнымъ вихремъ. Тотъ же, кто съ прародительского престола, изъ объятій благодатнаго семейства, полетѣлъ орломъ противъ физической холеры для спасенія вѣрныхъ подданныхъ своихъ, исцѣлить язвы заблудшихъ и искоренить прочнымъ благомъ привитое зло. Пусть Поляки говорять, что они ненавидятъ Русскихъ: я не вѣрю ихъ словамъ и сужу по дѣйствіямъ о ихъ самородныхъ чувствахъ. Въ Варшавѣ, занятой Русской запасной арміей, еще до взятія Парижа, я былъ свидѣтелемъ множества свадебъ нашихъ воиновъ съ пригожими Польками и по достовѣрнымъ справкамъ узналъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вышло въ десять разъ больше за прошлыхъ Москалей, чѣмъ во все продолженіе Пруссаго и Саксонскаго владѣнія, за Нѣмцевъ. Кто жъ меня увѣритъ, чтобы это было дѣйствіе ненависти; и кто не увидитъ въ такомъ взаимномъ магнетизмѣ души если не любовь, то по крайней мѣрѣ влеченіе единородства, которое доказываетъ, что вражда Поляковъ къ намъ иль ихъ головахъ, а не въ сердцахъ, и подтверждаетъ Русскую пословицу: свой своему поневолѣ другъ? А что мы свои Полякамъ, то, для прерванія томительной прозы нѣсколькими стихами, я вамъ объясню отрывкомъ сцены изъ моей, хотя давно сочиненной, но еще неигранной трагедіи (Смолѣяне).

Новодворскій.

Ты вспомни, кто причиною убийствъ,
Кто ввелъ Димитрія, или вѣрнѣе, Отреѣева?

Дорогостайскій.

Не мнѣ то разбирать.
Мой братъ убить въ Москвѣ: я мишу за брата.
А прежде кто и въ чемъ былъ виноватъ,
Пусть судить Богъ.

Новодворскій.

Такъ не ужели же враждою,
Въ которой, можетъ быть, и правыхъ нѣть,
Мы будемъ вѣкъ губить своихъ единокровныхъ,
Чтобъ чуждымъ племенамъ добычей быть? *)
Нѣть, я надѣюся, придетъ то время.
Когда, какъ братьевъ, настѣ любовь соединить.

*) Польская Пруссія невозвратно сдѣлалась Нѣмецкимъ королевствомъ, а Галиція, древнє-Русское княжество, подъ владѣніемъ Австрійскимъ.

Дорогостайский.

Какъ, братьевъ?

Новодворский.

Да, вѣсъ наши роды
Ужъ перемѣшаны давно между собой.
Потомки Ягелая,
Голицыны и многіе въ Москвѣ,
А Русскіе князья въ Литвѣ,
Изъ родинъ вынѣшнихъ, вражду въ серцахъ нитая,
На древнєе свое отечество идутъ,
Братоубийствуютъ, жилища предковъ жгутъ,
И ихъ же кровію ихъ гробы обливаютъ.

Такъ князья Голицыны, Трубецкіе, Куракины, Масальскіе, Четвертинскіе, Друцкіе, Огинскіе и многіе потомки знатныхъ и неизнатныхъ переселенцевъ еще существуютъ живыми памятниками кровной связи между Россіей и Польшей. Всѣ это знаютъ. Но кто знаетъ, гдѣ находится между нами естественная граница? Кто можетъ беспристрастно, къ прекращенію новыхъ обоюдныхъ требованій ихъ, показать узы давно стертые взаимными ихъ переходами? Кто рѣшилъ, гдѣ кончается Россія, гдѣ начинается Польша? Кому въ этомъ можно повѣрить? На какихъ обнародованіяхъ утвердиться? Еще умершій въ Петербургѣ Станиславъ Августъ II, писался государемъ Киевскимъ, Черниговскимъ, Смоленскимъ Бѣлорусскимъ, Краснорусскимъ и даже просто Русскимъ; при немъ Польскими граматами магнаты жаловались въ воеводы Русскіе, Киевскіе и прочіе. И вотъ письменныя права Польши на вытѣсненіе Россіи изъ Россіи, такъ же какъ она сама была вытѣснена изъ королевской Польши въ Россію. Съ другой стороны, названія всѣхъ, Русскій языкъ, самое вѣроисповѣданіе показываютъ наше древнєе достояніе во всѣхъ областяхъ, возвращенныхъ своему отечеству при раздѣленіи Польши. Но языкъ Русскій, постепеннымъ измѣненіемъ разныхъ мѣстныхъ нарѣчій, сливается съ Польскимъ вездѣ, гдѣ не разрѣзывается ихъ Литва, говорящая по своему, однакожъ управляемая законами, писанными по-русски. Унія, вынужденная временнымъ владычествомъ Католиковъ, смѣшиваетъ обѣ народные церкви; словомъ, Россія и Польша неудобораздѣлимы, и необходимость ихъ соединенія давно уже ощущительна. Владиславъ былъ призванъ на престолъ Мономаховъ, цари наши избирались Литвою и многими Поляками на тронъ Ягелаевъ; ни то, ни другое не сдѣжалось потому, что оба независимы отъ чуждыхъ державъ Славянскія племена, хотя и чувствовали взаимную нужду въ соединеніи,

но судьба еще не рѣшила, которое должно присоединиться. Теперь судь ея произнесенъ, и неужели старыя воспоминанія невозвратныхъ утратъ, или нетерпимость Католицизма, очень терпимаго нашей Церквию, будутъ еще мѣшать благу единородцевъ? Нѣть; я не могу сомнѣваться, чтобы наши кровные братья наконецъ не съединодушились съ нами къ посрамленію козней общихъ нашихъ недоброхотовъ.

Ваше послѣднее письмо порадовало меня надеждою скораго умирѣнія не только нашихъ семейныхъ несогласій, но и всего Христіанства. Да благословить Богъ благовѣстителей Его святаго слова, и да поможетъ имъ обратить заблудшихъ на истинный путь! А я, примѣня къ новымъ умствователямъ и жертвамъ велерѣчія молебное пѣніе нашей вселюбящей Церкви, возопю изъ глубины души: «Въ напасти лютыя по уму падшихъ, недоумѣніемъ одержимыхъ всюду, въ бѣды различныя впадающихъ, и яко лады въ морскомъ волненіи обуреваемыхъ, Преблагай Утѣшителю, изъ лютаго сего обуреванія исхити!»

(Оставляя мудрости вдохновенныхъ благовѣстителей славу возвратить къ Богу Божіе, я очень буду радъ, если успѣю по моему разумѣнію воздать Кесарю Кесарево.

Иностранцы распространили по свѣту два противорѣчащія, но оба равно ложныя миѣнія о нашемъ отечествѣ и его великому преобразователю. Философы прошлаго столѣтія рѣшили, что Петръ I создалъ Россію изъ ничего, не такъ однако же какъ Богъ создалъ міръ. Они вѣрили всему кроме Бога, благоговѣли предъ всѣми бреднями матеріализма, но глумились надъ библейскимъ: *рече и бысть*, и сочинили міросозданіе по теоріямъ физики, которую худо знали, а еще по худшему знанію нашего отечества; торжественно провозгласили, «что Иперборейскую степь, занимающую всю плоскость между древняго Кавказа и Новой Землею, отъ Кимврическаго полуострова до Понта Эвксинскаго, т. е. Россію, населили варварскія станицы и приняли, по дикой любви одного изъ ея хановъ или князей къ Греческой принцессѣ, какое-то Христіанство смѣшанное съ прежнимъ своимъ идолопоклонствомъ и магометанствомъ, занесеннымъ покорившими ее Татарами. И вдругъ сія мерзлая земля съ ея дикарями, намагнитизированная желѣзнымъ скіптромъ своего деспота, преобразилась почти въ Европейское государство. И такъ одинъ человѣкъ, одной своей сильной волей, безъ всякаго сверхъестественного наитія, безъ всякой религіозной фатасмагоріи, сдѣлалъ чудо, стоящее всѣхъ баснословныхъ чудесъ, и этотъ человѣкъ, нашъ Петръ-благотворитель, быль варваръ, тиранъ, но чудесный гений».

Я не отвѣчаю за буквальность припомненныхъ мною выраженій, но ручаюсь за точность ихъ смысла, сообразнаго съ понятіемъ прошлаго философического вѣка, и увѣряю, что это рѣшеніе было принято такъ же безусловно, какъ нынѣ принимается новое и совершенно въ духѣ нашего времени открытие, будто Петръ Великій, по строптивости своей, ускоря естественный ходъ просвѣщенія, истребилъ древнюю народность Русскихъ, стеръ ихъ родовой характеръ и составилъ изъ Россіи безобразную и непрочную смѣсь Европейства съ Азіатствомъ.

Все, что сдѣлала сама Россія въ Европѣ и для Европы съ 1812 года и все то, что вы достаточно объяснили въ вашихъ письмахъ, несомнѣнно доказываетъ прочное сохраненіе древней народности ея, покорной священной власти царя и не поддающейся ни силѣ, ни обольщѣнію враговъ ея, убѣждаетъ въ неизмѣнности родового характера ея вѣры и вѣрности и живо изображаетъ твердую связь ея богатырскихъ мышцъ, вразличность возвышенной головы и плотность всего исполинскаго тѣла, одушевленнаго непоколебимымъ благочестіемъ ея же собственной Церкви.

Каждый человѣкъ, не чуждый просвѣщенія, одаренный здравымъ смысломъ и не отдавшій глаза и слухъ свой во власть своеокорыстныхъ умствователей, конечно увидитъ въ нынѣшней Россіи не безобразную и непрочную смѣсь противоположностей Европы и Азіи, но цѣлый и полный слитокъ ея собственныхъ благородныхъ металловъ, красиво образованныхъ мощной рукою Великаго Петра и закаcенныхъ въ горнѣй богодохновенной вѣры. Но я хочу, чтобы даже и тѣ иностранцы, которые видѣли только свою разрумяненность въ нашихъ столицахъ, и, какъ вы называете, наши веснушки въ своей сторонѣ, не могли и въ этомъ поверхностномъ хамелеонствѣ винить благотворителя нашего отечества, и потому, не считая мои мысли и наблюденія неоспоримыми истинами, я сообщаю ихъ вамъ, передаю въ полную вашу волю и очень буду радъ, если успѣю заплатить вамъ тѣмъ же удовольствіемъ, которое мнѣ доставило сочувствіе вашему Русскому сердцу.

Пытливость нашихъ современниковъ, обращенная на Россію, кажется, уже должна имѣть открыть, что естественный ходъ ея просвѣщенія проложился за долго до Петра Великаго. Я не говорю о томъ счастливомъ времени, когда Владимиръ, Ярославъ и Мономахъ водворили у насъ знанія, сохранившіяся въ Восточной Имперіи. Нашествіе Татаръ истребило всѣ благопріобрѣтенія ихъ и наложило тяжкій гнетъ на сердца и умы нашихъ предковъ. Одна православная Церковь, скро-вищница Русскаго единодушія и въ самой пагубѣ удѣльного раздѣленія,

долго хранила подъ спудомъ тотъ священный огонь, который, наконецъ, воспламенилъ остылыхъ сердца, оживилъ замерзлые члены и освѣтилъ померкшіе умы. Послѣ уничтоженія нашего отечества до совершеннаго возстанія его, въ краткіе отдыхи отъ угнетенія и заботъ о сверженіи позорнаго ига, промелькали въкоторые вспыхи любви къ просвѣщенію нашихъ великихъ князей; но они еще не въ силахъ были отеплотворить и оплодотворить природнаго толка и досужества своихъ поданныхъ. Со времени великаго князя Иоанна Васильевича начали проявляться новогреческіе ученые, Фряжскіе художники и Нѣмецкіе военноискусники; но только Борисъ Годуновъ, постигнувъ совершенно, что не силою рукъ, а силой ума тверды государства, и почувствовавъ все преимущество и необходимость просвѣщенія, можетъ почеститься у насъ первымъ его возобновителемъ. Самъ Петръ Великій (какъ дошло до меня, что семійнымъ преданіямъ отъ его любимца, прадѣда моего) отдавалъ царю Борису эту справедливость, и кому же въ этомъ можно болѣе повѣрить? Годуновъ, только еще замышляя прибрать въ свои руки Русскую державу, вызвалъ иностранныхъ учителей къ своему сыну, соглашалъ бояръ послѣдовать его примѣру, началь сближать понятія нашихъ предковъ съ иноземными благоучрежденіями и очень искусно направилъ Русское любознаніе на проложенный имъ путь. Мы уже видимъ въ сказаніи Авраамія Палицина, исполненномъ силою краснорѣчія, свѣдѣнія о бывшемъ въ мірѣ; находимъ во многихъ боярскихъ рѣчахъ примѣры изъ древней и Римской исторіи и ссылки на законы другихъ государствъ. Царствованіе Алексея Михайловича ознаменовано гражданскими, воинскими и учебными переобразованіями, доказывающими уже нескудное пріобрѣтеніе знаній, необходимыхъ для государственного дѣла. Если бы Богъ продлилъ жизнь царя Феодора Алексѣевича, воспитаннаго свѣдущими наставниками, то вѣроятно Петръ Великій, пріуготовленный имъ, наслѣдникъ его обширнаго царства и высокихъ думъ, продолжая постепенно усовершенствованіе начатаго Годуновымъ, могъ обычнымъ или естественнымъ ходомъ приблизиться къ указанной имъ цѣли, и не былъ бы принужденъ, упорнымъ противодѣйствіемъ мрачной крамолы, выбивать, какъ говорится у насъ, винъ клиномъ.

Въ быстромъ воспаленіи внутренности, гомеопатическое леченіе никакда не годится, и потеря времени убиваетъ больного, котораго отчаянное положеніе требуетъ рѣшительныхъ средствъ; а положеніе Русскаго просвѣщенія по кончинѣ Феодора было крайне отчаянно: чугунное изувѣрство пёрло, а свинцовое невѣжество тянуло его въ бездонную топь. Одинъ только Петръ, исполнъ духомъ, богатырь волею, былъ въ силахъ схватить, вырвать и поставить его на твердой высотѣ;

но не иначе какъ Коломбъ поставилъ на столъ яйцо: онъ долженъ быть раздавить скорлупу, которую не могъ ни сгладить, ни смягчить. Вотъ какъ я понимаю исторію нашего образованія и разгадываю причины неимовѣрныхъ дѣйствій Петра Великаго.

Нѣть сомнѣнія, что мудрыя рѣчи и помыслы отца, напоминаемы умною матерью, разсужденія просвѣщенаго брата и толки свѣдущихъ бояръ уже съ младенчества заронили въ сердце Петрово искры, которые потомъ превратились въ пламенное изверженіе, освѣтившее наше отечество. Видѣнное имъ еще въ дѣтствѣ ученіе по Европейскому образцу регулярныхъ полковъ внушило ему желаніе собрать изъ сверстниковъ своихъ потѣшную роту. Забавлявшая его отрочество, въ теремахъ царевны Софии Алексѣевны, театральныя представленія духовныхъ драмъ Димитрія Ростовскаго и, какъ увѣряютъ, ея собственный сочиненія и переводы внушили ему понятіе о словесности, и такимъ образомъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія были очеркомъ того великаго творенія, къ которому онъ былъ предназначенъ. Умъ его, какъ удостовѣряютъ вѣрныя преданія, думалъ и постигалъ, а душа ощущала и дѣйствовала не по годамъ, а по благодати, или по тому, что нынѣ называется гениемъ. Юное воображеніе пасхѣдника возрастающаго могущества, оживляемое надеждою и предвидѣніемъ всѣхъ его окружавшихъ, должно было уже съ дѣтскою радостю вкушать плоды съянія его предшественниковъ и наследственій его отца и брата, какъ вдругъ съ безвременной кончиной царя Феодора Алексѣевича дальняя картины благденствія и величія исчезли, и адское позорище крамолъ, мятежей и кровоопійства представились предъ самими взорами упредившаго свой возрастъ отрока:

Властолюбіе Софії возжигаетъ киченіе скорбящихъ о мѣстничествѣ и Бархатной Книгѣ бояръ, распаляетъ зависть старинныхъ стрѣльцовъ къ новымъ регулярнымъ полкамъ, потворствуетъ изступленію непримиримыхъ съ просвѣщеніемъ расколовъ, остервеняетъ противъ близкихъ царицы - мачихи всегда и вездѣ прислужную крамолѣ и готовую къ самоуправству чернь. Словомъ, царевна, одаренная всѣми прелестями, всѣмъ любонаchalемъ и всею хитростью своего пола, вадымая, съ грузной засуши певѣжества черную пыль и взвивая вихремъ чадный дымъ изувѣрства, затемняетъ просвѣтъ Русской славы, раздуваетъ, тушить и вновь воспламеняетъ Московскіе мятежи и стрѣлецкіе бунты. Юный Петръ, Царь по наименованію, а въ сущности плѣнникъ сестры своей, подъ ножами убийцъ, обрызганный кровью своихъ родныхъ, облитый слезами беззащитной матери, слышалъ ревъ изверговъ, грозив-

шихъ истребить всѣ новизны, искоренить всю иноземщину и не оставить на Святой Руси духа еретического. Онъ видѣлъ въ своемъ царскомъ дворѣ, въ храмѣ Божіемъ и въ самомъ святомъ алтарѣ, исполненіе сихъ авѣрскихъ угрозъ надъ его родственниками и мудрыми сподвижниками его отца и брата. Что же ретивое сердце его должно было тогда чувствовать? Какими ужасными воспоминаніями должна была потомъ возмущаться свѣтолюбивая душа его? Какіе справедливыя опасенія должны были впечатлѣть во всеобъемлющей умѣ его святотатскія буйства разъяренного небѣжества? Вотъ чего не постигли и не хотѣли постичь его обвинители, а безъ того бѣ они уразумѣли, могъ ли онъ, послѣ столь сильнаго опыта, предать естественному дѣйствію времени возсозданіе святилища, которое едва не сорвали съ лица земли дуновенія бури, возбужденной неугомоннымъ властолюбиемъ женщины. Нѣтъ, онъ обязанъ быть не дорожить ничѣмъ кромѣ времени, не щадить ни себя и ничего для предупрежденія уже испытаннаго зла, и во что бы ни стало ускорить несомнѣнное благо своего отечества. Такъ, необходимость принудила его дѣйствовать по своему: схватить могучею рукой вѣчимыя въ крови и прахѣ бразды правленія; скрѣпить въ одной царской волѣ всѣ государственные силы и власти, опрокинуть разомъ всѣ неизбѣжныя препоны и не по накатанному пути, а цѣликомъ, давя закоренѣлые предразсудки, суевѣрія, старообрядства и даже самыя народныя привычки, прямо и быстро возвлечь Россію на лучезарную высоту, прозрѣнную его орлинымъ взглядомъ. Онъ то и сдѣлалъ: упразднилъ патріаршество, превозносившееся владычествомъ, которымъ царь Михаилъ Федоровичъ дѣлился съ патріархомъ Филаретомъ (не съ духовнымъ, а съ роднымъ отцомъ своимъ), подчинилъ церковную управу Синоду, а Синодъ, царскому соизволенію; вмѣсто боярской думы, кичившейся не очень давнимъ выборомъ царей, составилъ Сенатъ изъ мужей ревнивыхъ прочному благу отечества; замѣнилъ уже истребленное братомъ его мѣстничество въ государственной службѣ прикрѣпленію къ престолу его цѣпью чинопроизводства, коей звеня и теперь еще представляютъ не только военную и гражданскую, но и личную постепенность его подданныхъ; обратилъ помѣстья въ вотчины вѣрнымъ его слугамъ или удержалъ въ казнѣ, опредѣлилъ съ ихъ доходовъ жалованье своимъ чиновникамъ. Но, чтобы сдѣлать еще болѣе споручными всѣ средства къ совершенію необходимаго для могущества Россіи переворота и приоровитъ къ времененнымъ нуждамъ самый скорый, удобный и наименѣе изнурительный способъ набора войскъ и взысканія податей, онъ слилъ ревизскими сказками и подушными окладами крестьянскій бытъ съ холопскимъ и, возложа ответственность за рекрутскія и казенные повинности на вотчинниковъ, безъ огласки, успѣлъ

исполнить то, что придумывалъ исполнить бояринъ Борисъ Годуновъ, а отмѣнилъ царь Борисъ и на что государь, искавшій правовѣдѣнія въ Голландіи и Англіи, совѣтовавшійся въ законодательствѣ съ Лейбницемъ, конечно не рѣшился безъ крайней надобности и безъ надежды по времени и при возможности переиначить дѣло необходимости.

Принужденный однажды и навсегда сплотить расшатанное и связать распадающееся государство свое, Петръ Великій не имѣть ни времени, ни выбора; рѣшительныя и скорѣйшія средства были единственными и удобными только для него. Онъ дѣйствовалъ какъ могъ и какъ не могъ дѣйствовать никто кромѣ его: не только по дарованной ему свыше мудрости, но даже и по земнымъ обстоятельствамъ. Оставшись одинъ отъ воцаренного народнымъ единодушіемъ рода и уже облаготворившаго Россію тремя достойными ее государями, Петръ, ихъ сирота и послѣдышъ, былъ сокровищемъ любви и упованія Русской земли, видѣвшей въ жизни юнаго надѣжи-царя все свое благо, а въ утратѣ его весь ужасъ недавно минувшаго безначала, сумятицы, вторженіе иноземцевъ, уничтоженіе и незабытое еще порабощеніе. Бѣдствія, угнетенія и опасности его отечества совокупили велико-душнымъ состраданіемъ все царство съ царемъ. Петръ это зналъ и, ощутя въ себѣ всю силу дара Божія, любви и нужды народной, онъ только одинъ могъ вадумать, дерзнуть и совершить подвигъ не Александровъ, Кесарей, Чингисовъ и другихъ завоевателей чужихъ странъ или своихъ родинъ, но подвигъ, каковому бытописанія представляютъ два отдаленные примѣра столь же въ источникахъ своихъ противуположные какъ свѣтъ и мгла. Но первый, какъ таинство небеснаго Промысла совершенный по глаголу Предвѣчнаго святымъ мужемъ изведшимъ изъ мрака и озаконившимъ народъ Божій, не долженъ быть уподоблено человѣческому дѣлу даже и Петра Великаго. Второй же, какъ народовосторженіе, произведенное обманомъ, лжецрочествомъ, изувѣрствомъ, не можетъ почестися равнымъ государственному преобразованію, сотворенному смертельный врагомъ суетѣрія и невѣжества. Нашъ Петръ, постигшій бессмертнымъ духомъ волю Провидѣнія, чистою вѣрою, силою ума и убѣжденіемъ истины, основалъ на просвѣщеніи могущество Россіи, безъ сомнѣнія благотворное всему Христианству и ужасное только варварству поклонниковъ Магомета, по-темнившему нѣкогда свѣтлый Востокъ.

Испытавъ необыкновенность Русскихъ пословицъ, я увѣренъ, что гдѣ была вода, тамъ опять будетъ, и что рано ли, поздно ли, а правда

свое возьметъ и, не сомнѣваясь въ будущемъ разсвѣтѣ нечужого намъ Востока, возвращаюсь къ крутому перевороту нашего Сѣвера. Не знаю, читалъ ли Петръ Великій въ Телемакѣ своего современника Фенелона про государственный урокъ о сильномъ дѣйствіи одежды надъ духомъ народнымъ, но твердо убѣжденъ, что онъ, не хуже никого, самъ умѣлъ соображать минувшее съ настоящимъ и управлять будущимъ *) и конечно не по прихоти обриль бороды и одѣлъ въ Нѣмецкое платье своихъ дворянъ и служилыхъ разночинцевъ. Не спорю, что такое внезапное превращеніе заставило горько охать какъ названныхъ тогда кургузой Нѣмчурой, такъ и прозванныхъ вскорѣ потомъ бородатою неучью. Согласенъ, что въ перемѣнѣ платья Петръ встрѣтилъ гораздо больше упорства, чѣмъ во всѣхъ государственныхъ перемѣнахъ и не отрицаю даже, что бритва и ножницы были самыми ужасными.

Простодушный Хемницеръ не спроста совѣтовалъ начинать мести лѣстницу съ вышихъ ступеней; онъ зналъ, какъ умные люди принимаются за дѣло и, можетъ быть, замысловатостью басни исподтишка указывали кое-кому на Петра Великаго, который всѣ нововведенія начиналъ съ самого себя и уже потомъ спускалъ ниже и ниже. Дворяне, очутившіеся, положимъ, что и нехотя, сходными по наружности не съ простымъ народомъ, а съ самимъ Императоромъ и его приближенными, пріосанились, вытряхнули изъ головъ старинную дурь и, захотя совершенно къ нимъ поддѣлаться, сказали перекрестясь: ученье свѣтъ, а неученье тьма, и чтобы не ударить себя въ грязь лицомъ передъ батюшкою Петромъ Алексѣевичемъ, нечего дѣлать, надо дѣлать въ умномъ дѣлѣ, а буде Богъ поможетъ и перегнать оканнныхъ Нѣмцевъ, и чуть-ли еще не примолвили: за Богомъ молитва, а за Го-

*) Гораздо больше 20-ти лѣтъ назадъ, просматривая съ А. Н. Оленинымъ хронологическія таблицы Блера, мы предумышали составить по нимъ, на нашемъ языке, автографы листы, съ выправкой ошибокъ, съ пополненiemъ Русскимъ времаникомъ, съ прибавкою географическихъ картъ и рисунковъ одеждъ по эпохамъ ихъ измѣненія. Намъ хотѣлось, представивъ очевидно постепенное превращеніе бездоннаго мѣшка съ прорѣхами и доскотка ткани, сперва въ хитонъ и хламиду, а тамъ мало-по-мало въ нынѣшній фракъ и жилетъ, прояснить запыленную временемъ плетеницу человѣческихъ понятій. Сличая между собой снимки съ памятниковъ различныхъ земель и вѣковъ, мы замѣтили всегда дающую общность одеждъ современныхъ и сближенныхъ просвѣщеніемъ народовъ; въ конецъ, удостовѣрясь, по видимому нами, что тѣлесное образованіе было всегда вывѣской умственнаго, мы душевно поблагодарили Петра Великаго за нашу переодѣвку по образцу западной Европы, съ которой тогда было нужно сдвинуть наши понятія, чтобы обогатиться благотворными знаніями. Теперь... другое дѣло. У насъ есть пословица: сожалу не стать посиничи летать, и есть ли вами угодно, вы можете прибавить для риѳмы и правды и посороочки щебетать.

сударемъ служба не пропадеть. Не могу утвердить, точно ли пошла эта пословица съ Петра Великаго, а что онъ ей никогда не измѣнялъ, такъ это также вѣрно, какъ и то, что не при немъ заговорили: близъ царя, близъ смерти, или до Бога высоко, до царя далеко.

Петръ Великій былъ правдолюбивъ, доступенъ, даже, можно сказать простонароденъ, но повелителенъ и строгъ при новости своего государства, какъ Римскіе консулы въ началѣ ихъ республики; однакоже западные умствователи, благоговѣя предъ упругими доблестями Римлянъ, засловиять ихъ въ нашемъ царѣ. Они не умѣли провидѣть, что одинъ и тотъ же духъ твердоначалія окрылилъ и древнихъ и новыхъ орловъ къ завоеваніямъ; что онъ творецъ той мужественной стойкости, которую не могли опрокинуть ни удальства безстрашныхъ Галловъ, ни храбрость ихъ воинственныхъ потомковъ. Минь, можетъ быть, возразятъ однакожъ, что Французскіе писатели отдавали справедливость Петру Великому. Не правда: они только къ несправедливой браны подмѣшивали своеокрыстную похвалу. Такъ они хвалили его и порицали не по его царскимъ добродѣтелямъ и не по житейскимъ слабостямъ (одинъ Богъ безъ грѣха), а по тому, какъ онъ приходился имъ къ слову о разныхъ философическихъ умозрѣніяхъ, которые всѣ клонились къ одному: что все давно и долго существующее на землѣ мракъ и ложь, и возродившееся въ ихъ головахъ свѣтъ и истина. Имъ нравился Питеръ Бассъ въ Гарлемѣ съ долотомъ въ рукахъ и очень былъ противенъ царь Петръ въ возвеличенной имъ Россіи со скипетромъ, утверждающимъ ея благоденствіе, хотя онъ былъ и тутъ и тамъ тѣмъ же неутомимымъ работникомъ прочнаго существованія и славы своего отечества.

Возставшіе противъ заблужденій своихъ покойныхъ энциклопедистовъ, нынѣшніе беспокойные теористы доказали (пока еще будущіе, не знаю, кого Богъ пошлетъ, не уличили ихъ самихъ въ заблужденіи), что философія, вышедшая изъ моды вмѣстѣ съ пурпурой и пуклями, мало звала и много болтала, что сужденія ея были поверхностны. Однакоже, повторяя отголоскомъ почти тѣ же сужденія, настаиваются на томъ, что нашъ бессмертный благотворитель конечно былъ человѣкъ быстрого ума, твердаго духа и сильной воли, но со всѣмъ тѣмъ безжалостный, строптивый, жестокій despote, не щадившій ни жизни, ни имущества, ни самой нравственности своихъ подданныхъ для предполагаемой пользы ихъ сиротъ. Я самъ слышалъ это, слава Богу, не отъ Русскихъ. И, въ сльѣ за сей наглой клеветой, тѣ же сострадательные и нравственные оплакиватели нашихъ предковъ восхищались не пользою принесенною просвѣщенію вообще реформою, но именно благодѣяніями Парижской .

революції, этой безчеловѣчной и безбожной развратительницы всякой святыни и губительницы всякой законности и благочестія вездѣ, куда достигалъ разливъ ея кроваваго потопа. Я ихъ спросилъ, какія же могутъ быть благодѣянія отъ всеразрушенія и кровоційства, гдѣ или кто ими пользуется, и они мнѣ съ самодовольнымъ видомъ, отрывисто, отвѣчали: ученые открытия и изобрѣтенія, новыя идеи, новыя понятія, которыми пользуются и будутъ пользоваться Европейскіе умы. Но безъ разрушенія гнилого строенія нельзѧ на его мѣстѣ воздвигнуть новое, и застарѣлые язвы не излѣчутся безъ нѣсколькихъ капель крови. Сказали, взглянулись, ухмыльнулись и оставили меня бесѣдоватъ съ самимъ собою. Я воспользовался ихъ неучтивостью и вслѣдъ имъ началъ думный съ самимъ собою разговоръ, въ родѣ Шекспировыхъ монологовъ: какъ эти люди, возмущенные крутостью переворота, котораго благотворнаго дѣйствія они не могутъ не видѣть, столь жестоко ослѣплены и оглушены блескомъ и трескомъ ужаснаго фейрверка, который быстрою перемѣною разноогненныхъ картинъ, кружеголовымъ верчениемъ искрометныхъ колесъ, лопаньемъ бураковъ, шутихами и щелкушками не даетъ имъ очнуться, пока совсѣмъ не загаснетъ потѣшной огонь и не обнажигъ своего закоптѣлаго и обгорѣлаго остова. Авось хоть тогда они узнаютъ свое заблужденіе и разсудятъ: 1) Что не до открытій и изобрѣтеній было ученымъ головамъ, въ то время, когда все здравомыслящія головы принуждены были прятаться отъ благодѣянія гильотины и убѣгать отъ изувѣровъ, изобрѣтавшихъ съ звѣрскою радостію и адскимъ хохотомъ позорныя убийства для распространенія свободы, равенства и братства и изведеніемъ цѣлаго поколѣнія своихъ соотличей. 2) Что ученые люди, обогатившиѣ многими открытиями и изобрѣтеніями конецъ прошлаго столѣтія и начало нынѣшняго, почти все, по вѣрному счету ихъ лѣтъ, родились, выросли, образовались и успѣли надуматься до кровяного потопа всегубительной благодѣтельницы. 3) Что кромѣ только одной, совершенно новой и собственно ей принадлежащей законодательной идеи сперва вовсе уничтожить Бога, а потомъ народнымъ декретомъ позволить желающимъ Ему вѣрить, все прочее есть перековерканья изъ древнихъ демократизацій трибуунства, консульства и республиканнаго императорства, выродыши, перемѣшанные съ неудачными придумками и съ антрактами анархіи, безъ милосердія толкали одинъ другого съ революціонной сцены, и наконецъ, что пѣ-которые хотя немногого похожія на дѣло государственные идеи, мелькавшія изъ черной тучи налегшей на многострадальный Парижъ, принадлежать, по большей части, вѣку реформъ и небезбожія, уже давно въ другихъ земляхъ приведенные въ дѣйствіе безыменно, существуютъ не-сравнению долгѣ многихъ и многихъ перемѣнъ революціонныхъ дѣйствій,

явленій и декорацій, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, была съ наступлениемъ апплодирована и потомъ съ бѣшенствомъ освистана смертельными охотниками до всякихъ, а особливо ужасныхъ, позорищъ. Конечно можно бы еще было согласиться съ людьми восхищенными благодѣяніями революціи, если бы они подъ этимъ словомъ разумѣли отражительное дѣйствіе этой кровопролитной мелодраммы надъ поколѣніемъ, уцѣлѣвшимъ отъ ея убѣстенныхъ эффектовъ или пораженій; но они рѣшительно не вѣрять, чтобы и Мольеровы комедіи приносили нравственную пользу, и въ своихъ театральныхъ зрѣлищахъ тѣшутся только поддѣлкою подъ извергство ихъ любезной революціи, истребившей понятіе о всемъ, что составляло нѣкогда связь и благоенствіе семействъ, одушевленіе общества и изящную прелесть поэзіи, замѣненную теперь родомъ сочиненій, новымъ во Франціи и давнимъ въ другихъ земляхъ. Кромѣ духа разврата, неотъемлемо припадлежащаго Парижской революціи, нынѣшній Французскій романтизмъ давно и очень давно проявился за Альпами и около Пиринейскихъ горъ, проникъ въ Гибралтар, занесенъ въ Англію, оттуда переплылъ не безъ подмочки въ Германію и въ ней уже схваченный, переуродованъ нынѣшними Французами. Не подумайте, чтобы я держался какого нибудь литературного раскола; нѣть, для меня всѣ роды хороши, когда ими хорошо пользуются; я радуюсь искусственнымъ твореніямъ классицизма и романтизма; а больше еще радовался бы, если бы изъ нихъ составился, укоренился и распространился руссицизмъ, въ чёмъ и не отчаяваюсь. Приглашаемый въ Парижъ еще до императорства Наполеона на завтраки тогдашнихъ словесниковъ, я, всходя по лѣстницѣ къ Александру Дювалю, встрѣтился съ поэтомъ Андріо, который мнѣ сказалъ: вотъ наша участь; вы всходите, а мы сходимъ. Я отвѣчалъ ему отрицательной улыбкой, и еще не помню какой-то обыкновенностью, которая въ такихъ случаяхъ говорится; но между тѣмъ думалъ: авось и взойдемъ, а вы знаете, что Русское авось много уже начудесило. Насъ упрекаютъ, что мы пользуемся чужимъ, готовымъ, но пусть покажутъ мнѣ народъ, просвѣтившійся безъ заимствованія; уже такъ давно все перенимается, переправляется и улучшается, что память человѣческая не достигаетъ до временъ самодѣлія: все, что видимъ, кромѣ сотвореннаго Богомъ, преобразовано множествомъ вѣковъ и людскихъ поколѣній, и даръ слова съ самаго созданія человѣка растетъ, распространяется, обогащается передачами изъ рода въ родъ, изъ страны въ страну.

Высокій умъ великаго Корнеля пользовался Латынцами и принималъ у Испанцевъ; краснорѣчивое сердце Расина заимствовало трагическое умиленіе отъ Грековъ; глубокій умъ Мольера, изощренный

Аристофаномъ, бралъ, какъ онъ самъ говорилъ, все и у всѣхъ, ему пригодное. Они оставили послѣ себѣ славныя творенія, но не очень славныхъ подражателей, и Французскій классицизмъ, нѣжась подъ пахучими розами на бархатныхъ, будто древнихъ ложахъ, кутаясь въ пухлое одѣяло придуманныхъ ими правиль и приличій, разслабъ, одряхль и, кажется, при послѣднемъ изыханіи. Лучезарный гений Шекспира извлекалъ иногда изъ поддѣлокъ забытыхъ писателей и давно истѣвшихъ Итальянскихъ новостей основы своихъ бессмертныхъ тканей, изображающихъ живыми и яркими красками все бытіе человѣка и всю благость божества. Онъ умудрилъ Вальтеръ-Скотта, возобновившаго благочестивый романтизмъ и породившаго у насъ удачныхъ послѣдователей; но многогрѣшный демонъ Бейрона бурнымъ геенствомъ омрачилъ и окрованилъ литературный горизонтъ, прокатывался по немъ дальновѣдческимъ громомъ, раздиralъ яркой молнией и остался багровымъ мѣсяцемъ одинъ однѣхонекъ, среди черныхъ тучъ и звѣздочныхъ пробрызговъ. Его племенное бушеваніе возмутило души, засушило сердца и привело въ бѣснованіе романтическую словесность. Не совсѣмъ добрая слава его вскружила, и умныя головы, выкидыши революціи, въ припрыжку пустились за нимъ, взревѣли и зарыкали позвѣрски. Бейронъ тѣшился кровожадностью тигровъ, а они, какъ сказалъ мнѣ однажды Иванъ Андреевичъ Крыловъ, куда сѣвались падки на мертвячину. Однако нельзя не согласиться, что иѣкоторые изъ нынѣшнихъ Французскихъ уродователей Бейрона богаты дарованіемъ, но тѣмъ хуже для читателей и самой литературы. Сочиненія ихъ оскорбляютъ разсудокъ своей нелѣпицей, сдавливаютъ сердца судорожнымъ ужасомъ, притупляютъ чувствительность, гнетомъ тяжкихъ и рѣзкихъ впечатлѣній, одервяняютъ жалость, вынужденнымъ состраданіемъ къ сочиненнымъ ими жертвамъ неестественной людямъ кровожадности возбуждаютъ ненависть къ человѣчеству, вводя на него всякия омерзительные звѣрства; убиваютъ поклѣпами на Провидѣніе единственную надежду истинно страждущихъ, сквернятъ воображеніе гнусными списками убийцъ и палачей и, кажется, дѣлаются сами убийцами и палачами благороднѣйшаго изъ изящныхъ искусствъ, дарованныхъ къ наслажденію и возвышенію боговдохновенной души. Я, можетъ быть, пустился бы въ предсказаніе судебъ и не одной развратной словесности, есть ли бы смыслъ думать, что Богъ хоть иѣсколько надѣлилъ меня тѣмъ провидѣніемъ, которымъ щедро одаренный нашъ Петръ предсказалъ Парижскую революцію, что я слышалъ отъ покойнаго принца Конде и вотъ какъ.

Отправленный по службѣ въ Кондѣйскій корпусъ, я имѣлъ честь много разъ обѣдывать у принца и однажды за столомъ къ разговору

о революції онъ, оборотясь ко мнѣ, прибавилъ: «Петръ Великій на вопросъ, какъ онъ находить Парижъ? отвѣчалъ: прекраснымъ городомъ, но слишкомъ многолюднымъ и шумнымъ, чтобы со временемъ ему не захотѣлось давать законъ своему государю. Это было при отцѣ моемъ, и онъ самъ мнѣ разсказывалъ» *).

Какъ же тогъ самый провидецъ, который за 70 лѣтъ мимоходомъ проэрѣлъ судьбу чужого города, не предусмотрѣлъ бы слѣдствія заво-димаго имъ же въ свое мѣсто отечествѣ? Могъ ли высокій умъ испортить то, о чёмъ онъ безпрестанно думалъ, для чего онъ (оставя не въ бе-зопасное время своей престоль), путешествовалъ по чужимъ краямъ и въ нихъ, ни на минуту не переставая быть Русскимъ Государемъ, устраивалъ будущую судьбу своего государства? Изъ Шампани онъ прислалъ лозы нынѣшняго Донскаго винограда, изъ Голландіи предковъ нынѣшихъ Холмогорскихъ коровъ и Бѣлоозерскихъ сельдей; изъ Сак-соніи сѣмена для богатой Тамбовской жатвы; изъ Фландріи многія кар-тины; изъ Парижа образчики для заводимой имъ ковроткальной фабри-ки и прочихъ издѣлій, а изъ Рима статую древней Венеры, которую, какъ онъ писалъ къ Владиславу, досталъ съ большими трудами и за большія деньги и потому приказывалъ ее вести въ берлинѣ; наконецъ, отсюду приманивалъ людей годныхъ для приспособленія Русскаго досужества къ тогдашнему Европейскому дѣлу. Вникнувъ въ дѣянія Петра Великаго и сравнивая ихъ со всѣмъ дошедшими до насъ въ бытописаніяхъ, нельзя, кажется, не удостовѣриться, что нашъ истинный отецъ отечества, названный Великимъ, заслужилъ это проименование не только завоеваніями, но что онъ былъ однимъ изъ очень малаго числа мудрыхъ законодателей облаготворившихъ человѣчество, самымъ прочимъ учредителемъ настоящаго блага и будущаго вліянія своей святой родины, первѣйшимъ трудолюбцемъ народнаго устройства и единственнымъ государственнымъ хозяиномъ во всей обширности слова и по всѣмъ частямъ сей важной царской обязанности.

Смѣло и не безъ ясныхъ доказательствъ могу сказать, что все и до сей поры истинно полезное нашему отечеству было имъ сдѣлано, предусмотрѣно или замышлено, что за всякий важный отступленіемъ отъ его предначертаній слѣдовали ошибки и раскаяніе, что во всемъ

*) Адмиралъ Чичаговъ писалъ графу С. Р. Воронцову, что въ 1717 году Петръ Великій удивлялся роскоши Парижа и Версаля съ бѣдностью Французского деревенскаго населенія и выразился такъ: Если я что-либо подобное замѣчу за моимъ Петербургомъ, замѣгу его съ четырехъ сторонъ. (См. „Арх. Кн. Воронцова“). П. Б.

существенно полезномъ для нашей земли вѣрно найдется хотя зародыши въ его постановленіяхъ, запискахъ или изустныхъ преданіяхъ его сужденій. И мы съ душевнымъ наслажденіемъ усматриваемъ во многомъ нынѣ совершенномъ или учреждаемомъ для блага отечества исполненіе его народолюбивыхъ думъ, чувствуемъ сердцемъ въ оживившемся Русскимъ духомъ нашихъ умственныхъ пріобрѣтеній, ремесль и промышленности, его стараніе обрустить и окоренить у насъ еще вводимое имъ просвѣщеніе и, наконецъ, постигая во всей силѣ благотворенія предка, радуемся, прозрѣвая въ душѣ и дѣлахъ потомка настоящее продолженіе его царствованія, такъ прочно основанное и такъ сильно пущенное въ ходъ, что никакія повременные порчи и отступленія не могли его вовсе остановить, или совершенно сшибить съ прямаго пути не подъ гору, а на гору.

Объясня, сколько умѣлъ, необходимость нашего державнаго просвѣтителя дѣйствовать не иначе какъ онъ дѣйствовалъ и одинъ только могъ дѣйствовать, я очень желаю, пользуясь тѣмъ, чѣмъ прочель печатаннаго или письменнаго, слыхалъ по вѣрнымъ преданіямъ, или отъ самовидцевъ и узналъ самъ собою, объяснить по возможности историческая причина сбивчивости нашего образованія, котораго поверхностная плена, заносимая противнымъ вѣтромъ къ чужой странѣ, мелькая въ глазахъ иностранцевъ, вводить ихъ въ заблужденіе, клевещущее на Петра Великаго и стоявшее очень дорого Наполеону. Но, взглянувъ на кипу листовъ уже исписанныхъ мною, я припомнилъ дѣдовскія слова: старость болтлива, а молодость нетерпѣлива, и не безъ вздоха принуждаю себя кончить первое мое письмо, надѣясь во второмъ дать волю моей правдологіи, которую прошу покорнѣйше удостоить искреннимъ отвѣтомъ. Право, если не по исполненію, то по намѣренію того стдить и по поговоркѣ моего Рижскаго начальника: *Le temps est trop court pour le perdre en compliments*, безъ околичныхъ словосплетеній, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и душевною благодарностью вашего сиятельства покорнѣйший слуга князь Александръ Шаховской.

С.-Петербургъ
1833 года, Августа 20 дня.

УЧРЕЖДЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ВРЕМЕННАГО СОВѢТА ВЪ БЫВШЕМЪ ГЕРЦОГСТВѢ ВАРШАВСКОМЪ.

(Изъ архива Н. Н. Новосильцова).

Среди дѣлъ бывшей канцелярии намѣстника въ Царствѣ Польскомъ находятся дѣла, такъ называемаго „архива сенатора Новосильцова“, обнимавшаго собою періодъ времени съ 1813 г. по 1831, т. е. съ начинанія учрежденія Верховнаго Временнаго Совѣта (*Rzad tymczasowy*), для управлѣнія бывшимъ Герцогствомъ Варшавскимъ и кончая Польскимъ восстаніемъ.

Къ этому именно времени относится дѣятельность извѣстнаго Н. Н. Новосильцова въ бывшемъ Герцогствѣ Варшавскомъ и затѣмъ Царствѣ Польскомъ¹⁾, сначала въ качествѣ вице-президента Верховнаго Временнаго Совѣта, президента комитетовъ вышаго надзора за госпиталями, полиціей, финансами, потомъ въ качествѣ главнаго delegata въ Правительственномъ Совѣтѣ Царства Польскаго, загѣзывающаго комитетомъ по учебной части и, наконецъ, состоящаго при великомъ князѣ цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Всѣ дѣла архива Новосильцова носятъ на себѣ слѣды многосторонней и кипучей дѣятельности этого государственного человѣка, котораго противники называли, въ наимѣшку, *le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le g nie   toute sauce, le pr tendu philosophe, l'anglomane fieff * и пр., а сторонники уподобляли Атласу, несущему на головѣ своей земной шаръ²⁾.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ (1761—1836) былъ человѣкъ свѣтлого ума и высокообразованный, прожившій долгое время въ Англіи. Какъ извѣстно, онъ пользовался особымъ довѣріемъ и расположениемъ императора Александра I, котораго всячески старался отклонять отъ увлеченій Лагарновскимъ ультраполибиализмомъ. До своего назначенія въ Варшаву, Новосильцовъ прошелъ цѣлый рядъ служебныхъ положеній. Онъ состоялъ при Государѣ для особыхъ порученій, былъ членомъ извѣстнаго неофиціального комитета, президентомъ И. Академіи Наукъ, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, докладчикомъ по Сенату, Синоду и рекетмейстерской части;

¹⁾ Устройство Царства Польскаго послѣдовало на основаніи конституціи 15 Ноембра 1815 года.

²⁾ Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго (изъ бумагъ академика А. Ф. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. „Русская Старина“, 1903 г. Февраль.

быть товарищемъ министра юстиціи, начальникомъ комиссіи составленія законовъ и пр. По оставлениі въ 1831 г. Царства Польскаго, Новосильцовъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго, а затѣмъ предѣдателемъ этого Совѣта и Комитета Министровъ, въ каковой должности и умеръ, за три года до того возведенныій въ графское достоинство.

Поляки обвиняли Новосильцова въ строгости и даже жестокости по отношенію къ молодежи, что якобы способствовало ускоренію восстанія 1831 г.; но это обвиненіе оказывается одностороннимъ, если вспомнить о тѣхъ многочисленныхъ тайныхъ обществахъ, которыхъ въ то время, какъ сѣть, покрывали собою Польшу, поддерживая и питая въ молодежи несбыточныія мечты и непримируемую ненависть къ Русскимъ.

Шатобранъ, бѣдствуя въ 1814 г. съ посѣтившимъ Парижъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и стараясь доказать августейшему гостю, что престолъ Людовика XVIII повисъ надъ бездной, въ которой кипятъ тайныія общества и заговоры, порожденные атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартізмомъ, говорилъ: „Вирочемъ, теперь всѣ государства въ такомъ положеніи; революція подводитъ подъ нихъ подкопы. И у васъ въ Россіи имѣются свои минеры; во когда настанетъ время зарядить мину и воспламенить зарядъ, Франція, будьте въ томъ увѣрены, надѣлить васть своими пальниками“ *). Великій князь передалъ впослѣдствіи императору Александру зловѣщее предсказаніе Шатобрана, которое, конечно, было известно и Новосильцову.

Всѣхъ дѣлъ въ архивѣ Новосильцова, по описи этого архива, числится 816. Изъ нихъ иѣкоторая часть передана въ архивъ Варшавскаго учебнаго округа, а остальная, въ обложкахъ бывшей канцеляріи намѣстника, значатся подъ двойной нумераціей, за исключеніемъ дѣлъ о масонствѣ, выдѣленныхъ въ особый отдѣлъ. Взаѣдствіе этого, дѣло, напр., обѣ учрежденій Верховнаго Временнаго Совѣта по Новосильцовской описи значится подъ № 2, а по распределенію бывшей канцеляріи намѣстника—подъ № 1; между тѣмъ по описи Новосильцова этимъ послѣднимъ обозначено дѣло, заключающее въ себѣ протоколы засѣданій Великаго Востока масонскаго (*du rit dit ancien Ecossais*) съ 12 Августа 1812 по Январь 1818.

Слѣдуетъ прибавить, что въ маленькомъ музѣѣ, надъ устройствомъ котораго трудится заѣдующій архивами канцеляріи Варшавскаго г.-губернатора, Н. Н. Чилинъ, находятся дѣла весьма любопытныхъ вещи, непосредственно относящіяся къ дѣламъ Новосильцовскаго архива. Это—масонскіе передникъ и перевязь. Передникъ представляетъ собою иѣчто въ родѣ большаго дѣтскаго нагрудника. Верхняя часть его сдѣлана изъ черной шелковой

*) Н. К. Шильдеръ. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. „Русская Старина“, 1901. Іюль.

ткани съ вышитыми на немъ серебромъ тремя адамовыми головами, расположеными въ видѣ треугольника, и съ крупными слезами; нижняя часть—изъ бѣлого, уже пожелѣвшаго атласа, обшитаго черною шелковою каймою, на атласѣ большое кровавое пятно. Перевязь: широкая черная лента, съ бѣлыми полосками по краямъ, въ родѣ орденскихъ лентъ первой степени. Концы перевязи соединены большой кокардой изъ того же материала, и на кокардѣ, въ видѣ аграфки, прикрепленъ маленький золотой кинжалъ. Вдоль перевязи, на нагрудной сторонѣ, вышиты серебромъ слова: *vinicere aut mori* (т. е. побѣдать или умереть).

**Дѣло № 1 (по описи № 2) 1813 г. 4 Марта. Объ учрежденіи
Верховнаго Времяннаго Совѣта. На 34 листахъ.**

Письмо (копія) князя Кутузова-Смоленского къ В. С. Ланскому¹⁾.

Получено 4 Марта 1813 г. въ Калишѣ.

Милостивый государь мой, Василий Сергеевичъ.

Его Императорское Величество, въ 1-ый день настоящаго мѣсяца удостоивъ высочайшей конфирмациі поднесенное отъ меня образование Верховнаго Времяннаго Совѣта, учреждаемаго для управлениія Варшавскимъ Герцогствомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, особымъ рескриптомъ на мое имя, соизволилъ назначить ваше высокопревосходительство предсѣдателемъ сего Совѣта, съ званіемъ генералъ-губернатора Герцогства Варшавскаго; тайного совѣтника Новосильцова вице-президентомъ; совѣтниками: тайного совѣтника Вавржецкаго²⁾, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Любецкаго³⁾, и совѣтникомъ же по части финансовъ, управляющаго нынѣ имѣніями короля Саксонскаго въ Герцогствѣ Варшавскомъ, де-Коломба.

Препровождая при семъ точныя копіи съ образованія Совѣта и высочайшаго ко мнѣ рескрипта, прошу васъ, милостивый государь

¹⁾ Ланской, Вас. Серг., впослѣдствіи министръ внутр. дѣлъ въ Россіи; умеръ въ 1831 г.

²⁾ Вавржецкій, Томашъ, замѣститель Костишки. Потерпѣвъ пораженіе подъ Радошицами, Вавржецкій сдался Суворову, съ обязательствомъ не сражаться болѣе противъ Русскихъ войскъ. Былъ отвезенъ въ Петербургъ, где оставался два года. Съ возвращеніемъ Павла I, получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину, въ Литву. Въ 1815 г., при устройствѣ Царства Польскаго, былъ назначенъ министромъ юстиціи; умеръ въ 1818 г.

³⁾ Ки. Любецкій, Францишекъ (1778—1848). При устройствѣ Царства Польскаго получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Во время восстанія въ 1831 г. въздѣль въ Петербургъ въ качествѣ посла революціоннаго правительства, для переговоровъ съ императорскимъ правительствомъ.

мой, отправиться немедленно въ Варшаву и вступить въ должность вамъ назначенную.

Крайняя и необходимая нужда требуетъ ускорить сколь можно открытиемъ Совѣта и настоящимъ дѣйствіемъ онаго, на основаніи высочайше конфирмованного образованія. Потому, сверхъ того, что предварительно уже писано ко всѣмъ чинамъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ Совѣтъ состоять имѣющимъ, о прибытии къ занятію въ Совѣтъ должностей, нынѣ вновь о томъ же имъ отъ меня подтверждается. Но тѣмъ не менѣе, по точной и непремѣнной волѣ Его Императорскаго Величества, вашему высокопревосходительству по прибытии въ Варшаву надлежитъ съ того же времени заняться, при исправленіи должности генераль-губернатора, и самымъ образованіемъ Совѣта. Въ семъ вспомоществовать вамъ будетъ г. де-Коломбъ, находящійся въ Варшавѣ и имѣющій достаточный свѣдѣнія не только по части финансовъ, но и по всѣмъ прочимъ важнѣйшимъ предметамъ, разсмотрѣнію и уваженію Совѣта подлежащимъ.

Для открытия Совѣта нѣтъ нужды ожидать всѣхъ гг. членовъ; но коль скоро, кроме г. де-Коломба, прибудетъ хотя одинъ еще совѣтникъ, то Совѣтъ тогда же возымѣть долженъ настоящее свое дѣйствіе; а между тѣмъ ваше высокопревосходительство, яко генераль-губернаторъ, обнародуете образованіе Совѣта; предпишете выборъ въ центральный комитетъ депутатовъ и къ замѣщенію праздныхъ должностей въ префектурахъ чиновниковъ, прикажете отыскивать желающихъ изъ людей способныхъ и неподозрительныхъ для опредѣленія, по 16-му § образованія, въ секретари, въ писцы и въ прочія канцелярскія должности.

Чтобы вы не были затруднены и при самомъ даже началѣ прибытия вашего въ Варшаву по производству дѣлъ, къ должности генераль-губернатора относящихся, и въ распоряженіяхъ къ открытию Совѣта недостаткомъ письмоводителей, я позволяю вамъ взять съ собою всѣхъ чиновниковъ, къ канцеляріи вашей по званію главноуправляющаго интендантскою частію принадлежащихъ; дѣла же по сей части приказать сдать въ порядокъ генераль-интенданту Канкрину.

О прибытии вашемъ въ Варшаву и о начальныхъ занятіяхъ не оставьте послѣдніе увѣдомленіемъ вашимъ, для доклада о томъ Государю Императору. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностю честь

имѣю быть вашего высокопревосходительства всепокорный слуга (на подлин. подписано) князь Кутузовъ-Смоленскій.

№ 1. 4 Марта, 1813 г.

Гл. кв. г. Калишъ.

Его высокопревосходительству

В. С. Ланскому.

*

На подлинномъ подписано собственной Его Императорскаго Величества рукой быть по сему. Александру.

Калишъ. 1-го марта 1813.

Образование Верховнаго Времяннаго Совѣта, для управлениія Варшавскимъ Герцогствомъ учреждаемаго.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Всероссійскій, при самомъ вступлениі побѣдоносныхъ армій своихъ въ Герцогство Варшавское, всемилостивѣйше соизволилъ обнародовать правила умѣренности, кои долженствовали сопровождать занятіе края сего, въ видахъ военныхъ предпринятіе. Всѣдѣствіе сего даны были наистрожайшія приказанія о миролюбномъ обхожденіи войскъ съ жителями; и войска, привыкшія отличаться на полѣ чести, не менѣе отличились подчиненностью, послушаніемъ и поведеніемъ своимъ. Обращеніе съ ними жителей доказываетъ признательность ихъ къ великодушнымъ намѣреніямъ Государя Императора. Съ радостію встрѣчали они по-всюду Россійское войско, и повсюду пребыли и пребываютъ спокойны. Теперь, когда занята уже большая часть Варшавскаго Герцогства, то тѣ же самыя правила умѣренности должныствуютъ быть обращены на гражданское онаго управлениѣ. Занятая войсками земля требуетъ для собственнаго ея сохраненія, для благоденствія частныхъ людей, для облегченія народа, который стenalъ отъ угнетеній различныхъ и въ особенности отъ сильныхъ налоговъ: чтобы устранина была анархія, установились равные и не отяготительные поборы и обеспечилось общественное спокойствіе. Для достижениія сей благотворной, полезной и великодушной цѣли, угодно всемилостивѣйшему Монарху нашему учредить Верховный Времянный Совѣтъ для управлениія Герцогствомъ Варшавскимъ. По особенному повелѣнію Его Императорскаго Величества, начертываются здѣсь правила образованія Совѣта и занятій онаго.

§ 1. Верховный Совѣтъ составляютъ: одинъ президентъ, одинъ вице-президентъ и три советника. Всѣ они опредѣляются непосредственно Его Императорскимъ Величествомъ.

§ 2. Совѣту сему ввѣряется управлѣніе, именемъ Императорскаго Величества, всѣми землями Герцогства Варшавскаго, занятymi уже войсками нашими, и тѣми, кои впредь заняты будуть. Мѣстопребываніе Совѣта назначается въ Варшавѣ.

§ 3. Кромѣ имянныхъ высочайшихъ указовъ и предписаній главно-командующаго арміями, Совѣтъ ни отъ чьихъ болѣе повелѣній не зависитъ.

§ 4. Всякаго рода дѣла, къ разсмотрѣнію Совѣта вступающія, решаются большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства оныхъ, на чьей сторонѣ будетъ мнѣніе президента, та получитъ перевѣсъ, и по оному дѣлается исполненіе.

§ 5. Президентъ Совѣта пользуется всѣми преимуществами предсѣдательствующаго. Съ званіемъ президента соединяется званіе генераль-губернатора Герцогства Варшавскаго, и въ отношеніи къ части цолицейской и вообще тѣхъ дѣлъ, кои по существу своему и по екстренности не могутъ входить въ разсмотрѣніе Совѣта, онъ пользуется властію генераль-губернатора.

§ 6. Согласно съ тѣмъ, какъ обнародовано уже, существовавшій до вступленія войскъ нашихъ порядокъ гражданскаго управлѣнія остается иенарушимъ; всѣ мѣстныя начальства признаются законными и сохраняются въ настоящихъ правахъ своихъ. Но дабы придать управлѣнію силу и единство, которыхъ оно лишилось съ тѣхъ поръ, какъ иѣкоторыя начальства оставили Герцогство, то на обязанность Верховнаго Совѣта возлагается строгое и бдительное наблюденіе за порядкомъ въ производствѣ дѣлъ, всѣми мѣстными начальствами и лицами на службѣ состоящими, взысканіе за упущеніе отъ безопасности и нерадѣнія и преданіе суду за злоупотребленіе должности. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ префектуры, подъ-префектуры, всѣ учрежденныя мѣста и лица при должностяхъ всякаго рода въ занятыхъ и въ занимаемыхъ впредь земляхъ состоящія подчиняются непосредственно Верховному Совѣту и исполняютъ повелѣнія его безпрекословно.

§ 7. Дабы могло быть извѣстно во всей точности состояніе земель, управлѣнію Совѣта ввѣряемыхъ, нужды въ пособіяхъ правительства, средства или возможности и невозможности въ исполненіи требованій военныхъ и повинностей гражданскихъ каждого состоянія обывателей, однимъ словомъ, весь кругъ дѣлъ, разсмотрѣнію и решенію Совѣта подлежащихъ: на сей конецъ вызваны будутъ отъ каждой префектуры въ Варшаву по одному депутату, кои должны быть избраны изъ почтеннѣйшихъ жителей съ свѣдѣніями и познаніями, предназначению ихъ соотвѣтственными.

§ 8. Депутаты сіи совокупно составятъ центральной комитетъ въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, кто утвержденъ будетъ Совѣтомъ. Сей центральной комитетъ войдетъ во всѣ подробноти дѣлъ, которыйя требовать будуть разсмотрѣнія и постановленій Совѣта, а Совѣтъ съ своей стороны опредѣлить положительно родъ занятій комитета, и между прочимъ вмѣнить въ обязанность, дабы при сужденіи дѣла депутатъ этой профектуры, до коеи оное касаться будетъ, являлся по приглашенію въ Совѣтъ для поясненій, какія по обстоятельствамъ могутъ быть надобны.

§ 9. Государственная экономія или доходы и расходы, яко источники при хорошемъ управлениі благодеянствія народнаго, должныствуютъ обратить на себя особенное вниманіе Совѣта съ того самаго дня, какъ онъ восприметъ свое дѣйствіе. Сколько извѣстно, доходы Герцогства состоять изъ таможенныхъ сборовъ, изъ откупа и продажи соли отъ казны, изъ сборовъ, называемыхъ подымные, положенныхъ за транзитную торговлю, за судоходство по рѣкамъ и каналамъ, дорожныхъ, мостовыхъ, взимаемыхъ при вѣзадѣ въ города, и отъ продажи гербовой бумаги, такъ же съ недвижимыхъ имѣній короля Саксонскаго, владѣльцевъ тѣхъ земель, кои находятся въ войнѣ съ Россіею, и съ помѣстьевъ, принадлежащихъ Французскимъ и прочимъ генераламъ, на службѣ у Французовъ находящимся, кои однѣ стоятъ по цѣнѣ до 12-ти миллионовъ златыхъ. Вѣрнѣйшій способъ для получения съ оныхъ дохода есть тотъ, чтобы сіи имѣнія безъ отлагательства отданы были въ аренду съ благоразумною осторожностю въ охраненіи ихъ отъ разоренія и въ исправномъ полученіи за аренду платежа, соразмѣрно достоинства имѣній. Впрочемъ самыя имѣнія не должны быть конфискованы впредь до повелѣнія.

§ 10. Поелику желаніе Государя Императора есть непреложно, чтобы въ занятыхъ нами земляхъ Герцогства Варшавскаго сколь возможно облегчена была участъ народа, то Совѣтъ, слѣдя сему благотворному намѣренію, и имѣя въ виду, что расходы Герцогства по военной части вовсе прекращены, а па гражданской штатъ чувствительно уменьшились, обязывается поспѣшить приведенiemъ въ извѣстность налоговъ, народъ наиболѣе обременяющихъ, и ограничить подати съ помѣщиковъ, поселянъ и ремесленниковъ до такой соразмѣрности, дабы всѣ состоянія возчувствовали попеченіе объ нихъ Его Императорскаго Величества и симъ самымъ, равно какъ и прекращенiemъ всякаго набора рекрутъ, удостовѣрились, сколь велико различіе между отеческимъ управлениемъ и такимъ, которое принуждено грабить, дабы удовлетворить ненасытной жадности властелиновъ, называющихъ себя союзниками.

§ 11. Одинъ изъ совѣтниковъ Верховнаго Совѣта, который наименується при назначениі, будеть имѣть въ своемъ вѣдѣнїи казенные имущества, подати и всеѣ вообще доходы. Онъ въ Совѣтѣ имѣть наравнѣ съ прочими совѣтниками голосъ совѣщательный въ дѣлахъ всяаго рода; но касательно дѣлъ по финансамъ, собственно его управлению подлежащихъ, по онымъ совѣтникъ сей подаетъ доклады Верховному Совѣту, отъ рѣшенія коего зависить будеть исполненіе. Торги и всякаго рода условія по части экономической и по всѣмъ принадлежностямъ до финансовъ производить совѣтникъ въ своемъ отдѣленіи; но контракты и условія, имъ на мѣрѣ положенные, утверждается Совѣтъ. Равнымъ образомъ установить Совѣтъ строгій контроль по всѣмъ частямъ доходовъ и расходовъ. Къ нему префектуры представлять будуть отчеты свои, какъ къ верховному начальству управлениія въ Герцогствѣ, и по его только постановленіямъ назначаемы и собираемы будуть налоги.

§ 12. Во всякихъ сомнительныхъ случаяхъ предоставляется право совѣтникамъ подавать письменно мнѣніе свое Совѣту, которое вмѣстѣ съ рѣшеніемъ Совѣта представляется къ свѣдѣнію Его Императорскаго Величества и главнокомандующему арміями.

§ 13. Сообразуясь съ тѣми правилами, кои Государь Императоръ имѣть въ виду относительно управлениія землями Герцогства Варшавскаго, Совѣтъ въ самоскорѣйшемъ времени составить роспись всѣмъ государственнымъ доходамъ и расходамъ и представить оную на разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Кромѣ того должна быть составлена особенная табель, съ показаніемъ: гдѣ, и сколько, на какие сроки въ настоящемъ положеніи герцогства, можетъ быть взято безъ утѣсненія жителей провіантъ, фуражемъ и прочими припасами, для пропитанія войскъ потребными.

§ 14. Въ особенное вниманіе Верховнаго Совѣта поставляется исправность и безопасность почтоваго сообщенія въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Настоящій почтъ-директоръ Сарторіусъ можетъ быть оставленъ въ семъ званіи; но Совѣту предоставляется, ежели признано будеть нужнымъ, учредить подъ непосредственнымъ своимъ вѣдѣніемъ особый комитетъ почтоваго сообщенія изъ жителей Варшавскихъ, или придать въ помошь директору чиновника по избранію Совѣта.

§ 15. Новый образъ управления долженъ въ полной мѣрѣ обеспечить общественное спокойствіе; но ежели бы встрѣтилось, что мѣстныя начальства не будутъ имѣть достаточныхъ способовъ и власти для приведенія въ дѣйствіе законовъ, для исполненія въ точности повелѣній Совѣта и своихъ собственныхъ постановленій: въ такомъ случаѣ, по требованію президента, начальники войскъ обязаны давать онымъ во

временное его распоряжение столько, сколько по обстоятельствамъ потребно будетъ. Можно даже учредить на пунктахъ по назначению Совѣта пикеты для наблюденія сообщеній между корпусами, для препровожденія военно-плѣнныхъ и для того, чтобы захватывать людей, обличенныхыхъ въ недоброжелательствѣ къ арміи Российской, или подозрительныхъ.

§ 16. Верховный Совѣтъ по теченію дѣлъ, на его разсмотрѣніе и рѣшеніе вступать имѣющихъ, учредить наилучшій порядокъ и строго наблюдать будетъ, дабы оный всегда ненарушимо сохранялся, какъ того требуютъ обстоятельства. Ему предоставляется расписать дѣла по роду ихъ на отдѣленія, сочинить постановленіе со всѣми подробностями для успѣшнаго оныхъ производства; составить штатъ содержанія президента, присутствующихъ въ Совѣтѣ, секретарей, чиновниковъ и служителей канцеляріи, и представить оный главнокомандующему арміямъ; отъ Совѣта же зависѣть будетъ избраніе и опредѣленіе сихъ чиновниковъ въ должностіи, отвѣтственно познаніямъ и способностямъ ихъ.

§ 17. Такъ какъ пѣкоторые чиновники въ префектурахъ удалились отъ своихъ должностей, то Совѣтъ предпишетъ неукоснительный выборъ на ихъ мѣста другихъ изъ сословія дворянскаго, по большинству голосовъ. Въ должностіи нижнихъ степеней выбранные чиновники допустятся самыми префектами; по мѣста префектовъ займутся не иначе, какъ тѣми чиновниками, кои избраны будутъ Совѣтомъ и утверждены Его Императорскимъ Величествомъ.

§ 18. До того времени, когда Совѣтъ открыть будетъ и вступить въ свои права и дѣйствіе, военные реквизиціи потребностей для войскъ чиними будутъ на тѣхъ правилахъ, какъ и теперь, по назначению генераль-интендантовъ армій и по ихъ предписаніямъ префектурамъ и мѣстнымъ начальствамъ, основаннымъ на распоряженіяхъ главнокомандующаго арміямъ и на существенной необходимости. Впослѣдствіи же Совѣтъ, войдя въ ближайшія свѣдѣніе и разсмотрѣніе способовъ земли и сообразуясь съ учрежденіемъ большой дѣйствующей арміи, изложитъ свое мнѣніе о средствахъ, коими могутъ быть удовлетворямы потребности армій съ лучшою елико можно удобностію и для войска, и для жителей, и сіе мнѣніе представить главнокомандующему арміями.

§ 19. Президенту Совѣта, яко генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго, предоставляется употреблять по его избранію, чиновниковъ вездѣ въ префектурахъ, гдѣ онъ надобнымъ признаеть, для наблюденія за скорымъ и точнымъ исполненіемъ армейскихъ требованій по интенданской части.

§ 20. Необходимое число переводчиковъ вытребовано будетъ изъ

пограничныхъ Россійскихъ губерній, изъ коихъ и въ самыя префектуры можетъ Совѣтъ опредѣлять, смотря по надобности.

§ 21. Для скорѣйшаго обозрѣнія предметовъ въ начальномъ образованіи Верховнаго Совѣта, особеннаго вниманія требующихъ, прилагается при семъ записка, заключающая въ себѣ тѣ предметы съ разными обѣихъ свѣдѣніями и иѣкоторыми замѣчаніями.

Подлинное подписьль: фельдмаршалъ, князь Кутузовъ-Смоленскій. Съ подлиннымъ свѣрять генералъ-маіоръ Безродновъ.

Записка о предметахъ въ начальномъ образованіи Верховнаго Совѣта, особеннаго вниманія требующихъ.

Временное занятіе Герцогства Варшавскаго Россійскими войсками требуетъ, чтобы военные магазеины были снабжены припасами, и чтобы устроено было внутреннее управление, которое можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: 1) управление полиціи; 2) управление финансъ, 3) сохраненіе различныхъ магазеиновъ, какъ-то соляныхъ, хлѣбныхъ и проч. 4) смотрѣніе за публичными зданіями; 5) управлениe лѣсовъ, казенныхъ и имущество и земель, Французскимъ генераламъ розданныхъ; 6) обратное возвращеніе процентовъ съ розданныхъ государственнымъ казначействомъ суммъ, куда относятся суммы принадлежащія правленію училищъ, суммы улучшиванія земель, сохраниныя суммы и такъ называемыя Баіонскія *), кои весьма значительны; 7) управлениe табака; 8)—почтъ; 9)—юстиціи; 10)—тюремъ; 11)—госпиталей; 12) надзоръ за духовенствомъ и ихъ училищами, дабы они не были вредны; 13) наблюденіе за удобностію сообщеній, пересылкою рѣкруть, лошадей, скота, кожи, сукна и проч.

Не теряя времени должно приступить къ управлению финансовъ и къ снабженію магазеиновъ всемъ нужнымъ; но для означенія вышеупо-

* Байонскія суммы (*les sommes de Bayonne*) состояли изъ капиталовъ, конфискованныхъ Французскими властями (*par les autorit es fran aises*) во время войнъ 1806—1807 годовъ и на основавіи Байонскаго договора 10 Мая 1808 года переданныхъ Наполеономъ Саксонскому королю съ цѣлью улучшенія финансъ Варшавскаго Герцогства. Капиталы эти состояли изъ суммъ, принадлежавшихъ Берлинскому банку, а также разныхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Въ спискѣ такихъ учрежденій-собственниковъ значатся: *La caisse g n rale des veuves, la caisse municipale des pauvres de K nigsberg, l'Acad mie des arts et sciences   Berlin, l'Universit  de K nigsberg, le Directoire g n ral des pauvres   Berlin, la caisse des pauvres   Marienwerder, la caisse g n rale des invalides   Berlin.* Общая цифра Байонскіхъ суммъ достигала въ 1808 году 43.466,220 фр. 51 сант. (Дѣло арх. сен. Новосильцова, № 2 (по описи № 15), о Байонскіхъ суммахъ).

миянутыхъ статей нужно прибавить: къ 1-ой, для управлениі полиціею довольно будетъ нѣсколько нижнихъ чиновъ, но только не подъ предѣдательствомъ какого либо чиновника префектуръ, уже почти уничтоженныхъ. Нужно, чтобы оные были подъ надзоромъ мѣстныхъ или уѣздныхъ начальствъ. Къ 2-ой, всѣ свѣдѣнія, относящіяся до финансовъ, отосланы были изъ Плоцка и изъ другихъ мѣстъ въ Краковъ; но въ Плоцкѣ и другихъ уѣздахъ находятся чиновники, могутшіе обѣ оныхъ подать свѣдѣнія. Сверхъ того можно вытребовать отъ жителей квитанціи, изъ коихъ удобно видѣть можно, сколько имъ слѣдуетъ еще заплатить. Весьма нужно узнать состояніе казначействъ уѣздныхъ, соляного откупа, таможень, сбора пошлины за гербовую бумагу и обеспечить по-рядочное теченіе финансовъ.

Съ большою пользою могъ бы по сей части быть употребленъ нѣкто Носсаржевскій, служащій въ государственномъ казначействѣ, если бы по извѣстному характеру своему не былъ онъ опасенъ. Нѣкто Францъ Міоцкевичъ, живущій въ деревнѣ своей близъ Саренска, хотя и не служить болѣе по части финансовъ, но весьма честенъ и способенъ ими управлять. Сверхъ того можно употребить начальниковъ различныхъ казначействъ и другихъ чиновниковъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ.

Живущіе въ Варшавѣ отставные таможенные совѣтники Шрадеръ и Дитмаръ съ пользою употреблены быть могутъ.

Къ 3-ей, соляные магазеины будучи важнѣйшими источниками доходовъ, заслуживаютъ величайшее вниманіе.

Множество малыхъ магазеиновъ въ уѣздахъ находящихся, могутъ быть вовсе уничтожены; ибо не предвидится большихъ переходовъ войскъ; а если таковые и случатся, то выгоднѣе будетъ, если войска прямо отъ жителей требовать будутъ для нихъ нужное продовольствіе; а для наблюденія порядка стоить опредѣлить исправныхъ комиссаровъ: потому что плутовства чиновниковъ, находящихся при малыхъ магазеинахъ, столь велики, что они стоять въ двое, сверхъ угнетеній, кои они причиняютъ многимъ частнымъ людямъ.

Къ 4-ой, что касается до публичныхъ зданій въ Плоцкѣ, то туда относится префектура, домъ епископа, Францишканская церковь, обращенная префектомъ въ театръ, прежде бывшій доминиканскій монастырь.

Сіи зданія не должны быть подвергнуты грабежу, равно какъ и находящіяся въ главныхъ уѣздныхъ городахъ магазеины и конюшни,

построенные Пруссаками. Въ Варшавѣ, Калишѣ и Позенѣ находятся болѣе общественныхъ зданій. Сохраненіе мостовъ и дорогъ, а равно и получаемый съ нихъ доходъ заслуживаетъ такъ же вниманіе.

Къ 5-ой, казенные имущества отданы были арендаторамъ, коихъ счеты и списки находятся въ порядкѣ. Имѣнія короля Саксонскаго подъ вѣдѣніемъ умнаго и честнаго совѣтника Коломба въ цвѣтущемъ состояніи. Сіе управлениe можетъ равномѣрно завѣдывать имѣніями, розданными Французскимъ генераламъ и кои ими отданы арендаторамъ.

Весьма полезно какъ можно поспѣшнѣе учредить сіе управлениe, дабы воспользоваться дорогою цѣною хлѣба и получить съ арендаторовъ слѣдующія по контрактамъ деньги. Нужно такъ же разсмотрѣть требованія сихъ послѣднихъ, происшедшія по случаю войны.

Относительно до лѣсовъ, выгодно, что чиновники по сей части находятся на своихъ мѣстахъ. Срубленный и въ разныхъ мѣстахъ находящійся лѣсъ нужно въ скорѣйшемъ времени взять подъ присмотръ и по возможности имъ воспользоваться.

Къ 6-ой, чтѣ относится до обратнаго полученія процентовъ, то отомъ можно узнать подробно въ закладныхъ книгахъ (*livres d'hypothèques*); но такъ какъ онѣ отосланы, то лучше призвать всѣхъ должниковъ и подъ наказаніемъ предписать имъ объявить, сколько процентной суммы они должны. Такъ же можно оное видѣть по актамъ. Въ прочемъ нужно весьма спѣшить, потому что нынѣшній годъ былъ весьма плодороденъ; и такъ какъ цѣна на хлѣбъ высока, то и удобно должникамъ выплатить проценты.

Къ 7-ой, изрядно дать полезные совѣты относительно до управления табака, потому что Польское правительство поступало по сей части весьма неосновательно; можетъ быть, лучше уступить продажу табака, съ коего подать назначить по мѣстамъ, судя, гдѣ продажа оныхъ выгоднѣе.

Къ 8-ой. Почтовое управлениe приносило мало дохода; а теперь оно принесетъ болѣе убытку, нежели прибыли; но надобно оное сохранить въ порядкѣ; къ тому же по сей части много искусствныхъ людей.

Къ 9-ой. Касательно управления юстиціи во время войны, то Варшавскимъ Государственнымъ Совѣтомъ изданъ былъ декретъ, по силѣ коего учрежденъ комитетъ для соблюденія правосудія.

Къ 10-ой. Продовольствіе содержащихся въ гражданскихъ тюрьмахъ обеспечено на одинъ мѣсяцъ, по прошествіи коего нужно снова озабочиться о продовольствіи.

Къ 11-ой. Еще нужнѣе имѣть смотрѣніе за гражданскими гоппиталями, где больные вѣроятно бы умерли съ голода, если бы докторъ Юри, весьма честный человѣкъ, и нѣсколько благомыслящихъ гражданъ, не помогли больнымъ Полякамъ и Баварцамъ.

Къ 12-ой. Высшая полиція озабочится, чтобы духовенство и училлица ихъ не были вредны правительству.

Къ 13-ой. А такъ же и о томъ, чтобы пути сообщенія, пересылки рекрутъ, лошадей, скота, кожъ, сукна и проч. находились въ надлежащей исправности.

Подлинное подписьль: фельдмаршаль князь Кутузовъ-Смоленскій.

Копія съ рапорта къ его свѣтлости князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому генералъ-губернатора Герцогства Варшавскаго. 6 Марта 1813 г. № 1.

Долженствуя по повелѣнію вашей свѣтлости отъ 4 Марта подъ № 1 обнародовать высочайше конфирмованное Его Императорскимъ Величествомъ образованіе Верховнаго Совѣта для управлениія Герцогствомъ Варшавскимъ, имѣю честь просить разрѣшенія вашей свѣтлости: выдавать ли въ публику весь 14 § образованія, или публиковать только выписку изъ онаго, ибо по мнѣнію моему предположеніе о назначеніи г. Серторіуса, кажется, до свѣдѣній народнаго не касается.

Копія съ письма князю Петру Михайловичу Волконскому*) генералъ-губернатора Герцогства Варшавскаго отъ 8 Марта 1813. № 4.

Съ Высочайшимъ опредѣленіемъ меня генералъ - губернаторомъ княжества Варшавскаго и президентомъ Верховнаго Времяннаго Совѣта я въ слѣдствіе повелѣнія г. генералъ-фельдмаршала имѣю обязанность

*) Волконскій, кн. Петръ Михайловичъ (1776—1852), начальникъ главнаго штаба, сопровождалъ Государя на Вѣнскій конгрессъ; когда же засѣданіе конгресса прервались, по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, то за кн. Волконскаго были возложены все распоряженія по передвиженію Русской арміи съ Вислы на Рейнъ.

опубликовать образование того Совѣта; но находя изъ 14 § сего образования предположеніе о г. Серторіусѣ не касающимся до народнаго свѣдѣнія, 6-го сего Марта № 1 вошелъ я съ представленіемъ къ его свѣтлости и просилъ разрѣшенія, не получивъ однажъ такового не могу приступитьъ и къ распубликованію означенного образования, котораго экземпляры конечно нужно здѣсь напечатать. По неимѣнію въ Варшавѣ Русской типографіи, прошу ваше сіятельство исходатайствовать, скорѣйшее разрѣшеніе на упомянутое мое представленіе.

Копія съ письма его свѣтлости князя Кутузова-Смоленскаго генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго отъ 11 Марта 1813 г., за № 23, изъ г. Калиша.

Въ слѣдствіе личныхъ объясненій со мною вашего высокопревосходительства по предмету обнародованія Высочайше - конфирмованного образования Верховнаго Времяннаго Совѣта для управлениія Герцогствомъ Варшавскимъ учреждаемаго, въ разрѣшеніе даю знать вамъ, милостивой государь мой, что изъ сего образования обнародовать надлежить одни тѣ пункты, которые заключаютъ въ себѣ благотворное попеченіе Его Императорскаго Величества о благосостояніи народа здѣшняго, о водвореніи спокойствія общаго и обѣ облегченіи участіи вообще обывателей герцогства; прочія правила въ образованіи начертанныя оставаться должны для руководства и точнаго по опытамъ исполненія съ вашей стороны и со стороны Совѣта.

Копія съ письма его свѣтлости, князя Кутузова-Смоленскаго генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго отъ 15 Марта подъ № 43, изъ г. Калиша.

Вашему высокопревосходительству извѣстно постановленіе въ образованіи Верховнаго Времяннаго Совѣта для управлениія Герцогствомъ Варшавскимъ учреждаемаго; чтобы для доставленія свѣдѣній по всѣмъ предметамъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію Совѣта относящимся, вызваны были отъ каждой префектуры по одному депутату изъ почетнѣйшихъ жителей, которые вмѣстѣ должны составлять центральной Комитетъ въ Варшавѣ.

Въ томъ уваженіи, что при самомъ началѣ управлениія Герцогствомъ, всѣ тѣ свѣдѣнія, которые депутаты сіи обязаны представить, Совѣту необходимо будутъ нужны, дабы не тратить времени на новый

выборъ депутатовъ, тогда когда въ каждомъ департаментѣ, какъ извѣстно, есть по нѣскольку избранныхъ уже чиновниковъ, именующихся послами на случай составленія по здѣшнимъ правамъ въ Варшавѣ сейма,—Его Императорское Величество соизволяетъ, чтобы въ депутаты Центральнаго Комитета призваны были изъ сихъ самыхъ пословъ тѣ, которыхъ Верховный Совѣтъ признаетъ достойнѣйшими, соображаясь, кому изъ нихъ наиболѣе извѣстно настоящее положеніе дѣлъ; разсмотрѣнію Совѣта подлежащихъ. Дальнѣйшія подробности по сему предмету объяснить вамъ лично дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Любецкій, которому и дать въ томъ вѣру.

Объявляя сіе высочайшее повелѣніе къ должностному съ вашей стороны исполненію, остаюсь и пр.

*

Верховный Совѣтъ былъ открытъ 24 Марта 1813 года. Въ этотъ же день д. т. с. Ланскимъ были посланы соотвѣтственные извѣщенія президенту Варшавской полиціи, меру г. Варшавы и префектамъ: Варшавскому, Ломжинскому, Плоцкому, Люблинскому, Радомскому, Бромбергскому, Познанскому, Калишскому и Сѣдлецкому.

Рапортъ (черновикъ) генералъ - губернатора Герцогства Варшавскаго—его свѣтлости господину генералъ-фельдмаршалу главнокомандующему арміями и разныхъ орденовъ кавалеру князю Михаилу Ларіоновичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, отъ 28 Марта 1813 г. № 162.

По прибытии въ Варшаву 20 сего Марта я вступилъ въ исправленіе должности генералъ-губернатора а вслѣдствіе повелѣнія вашей свѣтлости отъ 4 Марта № 1 обнародовалъ изъ образованія Верховнаго Времяннаго Совѣта одни тѣ пункты, которые заключаются въ себѣ благотворное попеченіе Его Императорскаго Величества о благосостояніи народа здѣшняго.

Затѣмъ я долженъ былъ приступить къ распоряженіямъ о выборѣ въ Центральный Комитетъ депутатовъ, но получивъ чрезъ князя Любецкаго повелѣніе вашей свѣтлости отъ 15 Марта подъ № 43 оставляю исполненіе по предмету сему Верховному Совѣту.

По прибытии князя Любецкаго я пригласилъ г. Деколомба и 24 числа сего мѣсяца открылъ Верховный Времянный Совѣтъ, о чёмъ

повсемѣстно въ княжествѣ Варшавскомъ посредствомъ газетъ и повѣлѣнія отъ имени Совѣта дѣлается обнародованіе. Между тѣмъ Верховный Совѣтъ занимается постановленіемъ о распоряженіяхъ какія предлежитъ учинить по всѣмъ статьямъ образованія сего Совѣта. Дабы привести въ устройство всѣ части внутренняго здѣсь управленія, поручено г. совѣтнику Деколомбу: безъ малѣйшаго промедленія заняться приглашеніемъ всѣхъ чиновниковъ канцелярій существующихъ здѣсь департаментовъ, какъ-то финансовъ, юстиціи и црочихъ, ко вступленію въ прежнія ихъ обязанности, назначивъ помѣщеніе съ актами и дѣлами въ домѣ опредѣленномъ для Совѣта. По исполненіи всего того вѣльно ему представить Совѣту подробнѣе донесеніе со списками наличныхъ чиновниковъ и тѣмъ, кои въ отсутствії.

Собственно, послѣднимъ рапортомъ заканчивается дѣло объ учрежденіи Верховнаго Совѣта, если не считать еще одного документа, находящагося въ немъ, именно подлиннаго письма графа А. А. Аракчеева къ В. С. Ланскому. Письмо это слѣдующаго содержанія.

Милостивый государь мой Василій Сергеевичъ!

Въ свое время имѣть я честь сообщить вашему высокопреосходительству Высочайшия разрѣшенія по иѣкоторымъ статьямъ представлениія Верховнаго Совѣта для управления Герцогствомъ Варшавскимъ учрежденнаго, отъ 4-го Августа *). Остальные предметы оставались для соображенія съ различными бумагами, до Его Величества дошедшиими, и соединены нынѣ въ одинъ проектъ указа, прилагаемаго при семъ.

Прежде пожели приступлено будетъ къ рѣшительному положенію, Государю Императору угодно, чтобы проектъ означеннаго указа разсмотрѣли вы, милостивый государь, вмѣсть съ г. тѣйнымъ совѣтникомъ Новосильцовыемъ и сообщили мнѣ общее заключеніе по оному для всеподданнѣйшаго доклада.

Исполняя симъ Монаршую волю, я неизлишнимъ считаю съ своей стороны упомянуть здѣсь о числѣ войскъ, для коихъ должно по силѣ упомянутаго указа, составить запасы въ Герцогствѣ, дабы въ суждѣніяхъ по статьѣ сей не встрѣтилось какого затрудненія:

*.) Упоминаемыхъ въ этомъ Высочайшихъ разрѣшеній и затѣмъ проекта указа въ дѣлѣ не оказалось.

1) Резерфную армію полагать надлежить въ числѣ людей и лошадей по особому положенію обѣ ней, извѣстному г. генералу отъ инфантеріи князю Лобанову-Ростовскому¹⁾, не исключая ополченія и иррегулярныхъ войскъ при ономъ состоящихъ.

2) О количествѣ артиллериі при дѣйствующихъ и резерфной арміяхъ свѣдѣніе подробное получить можно отъ г. инспектора артиллериі.

3) Дѣйствующія же арміи заключаютъ въ себѣ 128 полковъ кавалерійскихъ, 152 пѣхотныхъ и 100 казачьихъ, да 16 пионерныхъ ротъ.

4) Сверхъ того считается въ дѣйствующихъ арміяхъ ополченія: коннаго до 15 т. и пѣхоты до 60 т. человѣкъ.

Пропорція, на сколько мѣсяцевъ содергать въ запасѣ: муки, крупы и овса опредѣлена быть должна способами земли.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопревосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

№ 22. Гор. Карлсру.

Декабря 9 дня 1813 г.

«КОНРАДЪ - ВАЛЕНРОДЪ».

(Материалы изъ архива Н. Н. Новосильцова).

Секретное дѣло о сочинителе и поэте Мицкевичѣ. Марта 3 дня 1828 года. № 41 (по описи № 200) на 33 листахъ.

Письмо (черновикъ) Новосильцова къ г.-лейт. графу Курутѣ²⁾ отъ 3 Марта 1828 г., № 372.

Милостивый государь графъ Дмитрій Дмитріевичъ.

Нашедъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ здѣшнихъ Польскихъ вѣдомостей *Korrespondent Warszawski*, довольно замѣчательную статью,

¹⁾ Кн. Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій (1758—1838).

²⁾ Курутѣ, Д. Д., гр., начальникъ главнаго штаба великаго князя, цесаревича Константина Павловича; по происхождению Грекъ; былъ опредѣленъ къ цесаревичу для обучения Новогреческому языку. Въ графское достоянство Курутѣ былъ возвведенъ въ 1826 году.

я имѣю честь препроводить переводъ оной на Россійскій языкъ къ вашему сіятельству, съ покорѣйшею просьбою представить о семъ Его Императорскому Высочеству Цесаревичу¹⁾. Неизлишнимъ считаю присовокупить, что упоминаемый въ статьѣ сочинитель и поэтъ Мицкевичъ²⁾, принимаемый съ столь чрезмѣрнымъ торжествомъ въ кругу жительствующихъ въ С.-Петербургѣ Поляковъ, есть тотъ самый Мицкевичъ, который за принадлежность его къ Филаретскому тайному обществу³⁾, по высочайше утвержденному положенію, въ 1824 году высланъ изъ Польскихъ губерній во внутрь Россіи съ запрещеніемъ возвращаться въ означенныя губерніи впредъ до разрѣшенія.

Выписка изъ письма, полученного изъ С.-Петербурга (переводъ изъ Польскихъ вѣдомостей: Gazeta Warszawska, № 26, 1828 г.).

«Мицкевичъ пріѣхалъ сюда⁴⁾ по литературнымъ своимъ занятіямъ, а также дабы разсѣяться и повеселиться. Принятый Поляками съ восхищеніемъ, Россіянами съуваженіемъ, приводитъ онъ дарованіемъ своимъ всѣхъ въ изумленіе. Онъ привезъ съ собою въ рукописи свою поэму, подъ заглавіемъ Валенродъ, которая уже отчасти напечатана, въ Польской типографіи. Онъ еще ничего тому подобнаго не написалъ и литература наша еще ничего не имѣть, чтѣ можно бы было сравнить съ сею поэмою. Я не въ состояніи входить въ разбирательство совершенствъ сего стихотворенія, ибо общее мнѣніе любителей и про-

¹⁾ Великій князь Константина Павловичъ (1779—1831), съ образованіемъ Царства Польскаго былъ назначенъ въ 1816 году главнымъ начальникомъ Польскихъ войскъ. Въ 1819 году ему было предоставлено главное наблюдение надъ гражданскимъ управлениемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составили территорію прежнаго Польскаго королевства, т. е. въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и въ Бѣлостокской области. Подобный же порядокъ установленъ и въ Царствѣ Польскомъ намѣстникъ котораго, князь Заіончекъ, по всѣмъ дѣламъ, болѣе важнымъ и въ особенности представляемымъ на высочайшее разрѣшеніе, входилъ въ предварительное соглашеніе, съ цесаревичемъ. Какъ братъ императора, Константина Павловичъ скоро сдѣлался какъ бы вице-королемъ Царства Польскаго (П. Майковъ. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. „Русская Старина“, 1902 г. Октябрь, и 1903 г., Іюль).

²⁾ Адамъ Мицкевичъ, род. въ 1798 г., ум. въ 1855 г.

³⁾ Тайное общество университетской молодежи въ Вильнѣ, образованное въ цѣляхъ нравственнаго и политическаго возрожденія Польскаго народа.

⁴⁾ Изъ Москвы, гдѣ онъ служилъ въ канцелярии ген.-губернатора. У С. А. Соболевскаго, въ Козицкомъ переулкѣ, въ домѣ Лопыревскаго, давали ему прощающій ужинъ, на которомъ молодой С. П. Шевыревъ провозгласилъ: Самодержавъ скіпетръ желѣзный перекуетъ въ книжалъ свободы. Такъ перемѣчивы люди и переходчивы времена. Собравшиеся конечно не разумѣли по польски. П. Б.

тивниковъ дарованій Мицкевича единодушно признаётъ ему стихотворческій вѣнокъ. Онъ имѣлъ уже и передъ симъ способность импровизаціи, однакожъ рѣдко импровизовалъ, выбирая предметы маловажные; нынѣ усовершенствовалъ онъ сю споспѣшность въ наивысшей степени. Если находится онъ въ пріятельской бесѣдѣ, если звукъ фортепіано, флейты или отечественной пѣсеньки возбуждаетъ его чувствованія, то просить задать ему тему и въ тоже время начинаетъ произносить стихи съ такою силою воображенія, такъ изящно и стремительно, что слушатели пи своимъ ушамъ, ниже душѣ своей вѣрить не могутъ. Вечеръ передъ Рождествомъ проводили мы вмѣстѣ. Былъ то день именинъ Адама х. I. S., S. hr. J. Нашъ любезный Орловскій *) и множество Поляковъ, жительствующихъ въ Петербургѣ, собрались въ домѣ Адама Р . . . . Кто въ сей несравненной день не былъ съ нами, да сожалѣть о томъ, ибо ничего подобнаго не увидить во всю свою жизнь. Два отличныхъ дарованія состязались одинъ съ другимъ. Первый нарисовалъ въ продолженіе двухъ часовъ карандашемъ 14 рисунковъ, плоды вдохновенія и генія; другой силою творческаго поэтическаго дарованія импровизировалъ нѣсколько сотъ стиховъ. Торжествомъ его дарованія была трагедія. Онъ просилъ, чтобы изъ отечественныхъ событий задать ему тему. Его окружили съ восторгомъ. Стихотворецъ всталъ посреди насъ, и я ему предложилъ тему: Самуила Зборовскаго. Онъ вышелъ въ другую комнату; мы ожидали въ молчаніи его возвращенія и едва успѣли мы въ нашей памяти собрать современныхъ особъ и события, какъ онъ опять къ намъ возвратился, и трагедія была уже готова. Казалось, что какое-то божество говорить его устами: съ непостижимою стремительностю произносилъ онъ сцены, которыя со стороны силы и изящности стиховъ равняются съ превосходнейшими сценами Шекспира. Онъ произнесъ безъ остановки нѣсколько сотъ стиховъ и окончилъ бы сіе превосходное твореніе генія, но въ рѣчи Замойскаго къ Самуилу упалъ онъ почти въ обморокъ на кресла. Раздался въ одно мгновеніе плачъ умиленія и гласъ удивленія, а нѣкоторые стояли подобно окаменѣвшимъ, обративъ взоры свои на предметъ своего обожанія.

Замѣчаніе. Самуиль Зборовскій, мужъ знатной породы и нрава беспокойного, бѣжалъ изъ Польши по поводу учиненного имъ смертноубийства. Осужденъ будучи на смерть, возвратился онъ впослѣдствіи въ отчество, презирая приговоръ суда, и умопожилъ свои преступленія, покушаясь на жизнь своего благодѣтеля, короля Стефана Баторія и грозя смертю канцлеру Замойскому. Сей послѣдній, схвативъ его въ

*) Извѣстный художникъ, питомецъ Императорской Академіи Художествъ; род. въ Варшавѣ въ 1777 г., ум. въ 1836 г.

предѣлахъ ввѣреннаго ему Krakовскаго судебнаго округа, приказать его казнить смертю, что и было исполнено».

Рапортъ (черновикъ) Новосильцова великому князю Константину Павловичу, отъ 10 Апрѣля 1828 г., № 582 *).

Въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ вмѣнилъ я себѣ въ обязанность достави чрезъ начальника главнаго штаба Вашего Императорскаго Высочества, графа Куруту, до Вашего Высочества свѣдѣнія статью, помѣщенную въ Варшавскихъ Вѣдомостяхъ о Польскомъ стихотворцѣ Мицкевичѣ. Въ сей статьѣ упоминалось, что Мицкевичъ, принятый жительствующими въ столицѣ Поляками съ толикимъ отличиемъ, прїѣхалъ туда для напечатанія новой своей поэмы, названной имъ Конрадъ Валенродъ.

Впослѣдствіи получилъ я напечатанный въ С.-Петербургѣ экземпляръ сей поэмы и нашелъ содержаніе оной заслуживающимъ вниманія правительства до такой степени, что осмѣливаюсь представить обѣ оному Вашему Императорскому Высочеству съ моими заключеніями.

Извѣстно, и уже неоднократно замѣчаемо было, что Польскіе писатели превозносятъ дѣянія предковъ, твердятъ о народной славѣ, о великихъ подвигахъ Польскихъ полководцевъ и правителей и тѣмъ стараются питать Польскій патріотизмъ. Доколѣ таковое стремленіе остается въ надлежащихъ границахъ, оно не заключаетъ въ себѣ еще ничего предосудительнаго. Въ областяхъ прежней Польши, къ Россіи присоединенныхъ, не отмѣнено ни прежнее законодательство, ни судопроизводство, ниже употребленіе Польскаго языка. Полякъ оставленъ Полякомъ и, будучи вѣрнымъ подданнымъ нынѣшнихъ своихъ государей, можетъ любить свой языкъ и переданные отъ отцовъ обычай и уставы. Естьли патріотизмъ его не выходитъ изъ сего круга, то онъ не есть преступнымъ и имѣть основаніе свое въ всемилостивѣшихъ государей Россійскихъ о присоединеніи Польскаго края .объявленіяхъ.

*) Этарапортъ уже былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ за 1903 г. (Ноябрь) въ сообщеніи г. Н. И. Д.: „Н. И. Гречъ, Ф. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ“ (Матеріали для ихъ біографій). Тамъ же помѣщено составленное, повидимому, не безъ участія самого Ф. В. Булгарина, весьма интересное. „Объясненіе на представление дѣйств. тайного еф-вѣтика Новосильцова о вредномъ духѣ сочиненія Польского писателя Мицкевича, подъ заглавіемъ „Конрадъ Валенродъ“ и о вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина“ Авторъ сообщенія, очевидно, имѣлъ въ рукахъ подлинникъ рапорта Новосильцова, потому что, по сравненію съ черновикомъ, въ напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ рапортѣ встречаются некоторые, правда, весьма маловажныя, измѣненія въ текстѣ, въ родѣ: „магистръ“, вместо „мистръ“, и выпущенъ Итальянскій текстъ эпиграфа къ поэзіи. Мы помѣщаемъ здѣсь черновикъ рапорта Новосильцова лишь въ видахъ цѣлостности нашего сообщенія.

Но дѣло пріемлетъ другой видъ, коль скоро съ таковыимъ патріотизмомъ соединяются мечтанія о будущей независимой Польшѣ, и когда сочиненія Польскихъ писателей клонятся къ питанію въ душахъ своихъ соплеменниковъ подобныхъ мыслей; ибо въ такомъ случаѣ они противны вѣрооподданнической преданности, отторгая сердца ихъ отъ дѣйствительного отечества и привязывая къ какому-то еще несуществующему и будущему.

Если таковыя сочиненія вредны и даже преступны, то какъ называть тѣ, которыя, будучи облечены въ заманчивую красоту поэзіи, учатъ питать скрытную вражду, притворную преданность и приготовлять соотечественникамъ, почитаемымъ за иноземцевъ, потому что они не соплеменики, самую коварнѣшую измѣну? Къ сочиненіямъ сего рода принадлежитъ поэма Мицкевича, подъ названіемъ Конрадъ Валенродъ, содержаніе коей я осмѣлюсь вкратцѣ представить. Сочинитель называлъ книгу свою историческою повѣстію и чтобы связать исторію съ стихотворческими своими вымыслами, дѣлаетъ онъ слѣдующія предположенія, истинной Исторіи совершенно противныя.

Опь предполагаетъ, что Литва и Пруссія составляли одно государство, находившееся подъ владѣніемъ Литовскихъ князей, и что извѣстный рыцарскій орденъ, называемый Тевтоническимъ (*l'ordre Teutonique, der deutsche Ritterorden*), завладѣвъ въ XI столѣтіи Пруссіею и Лифляндіею, отнялъ у Литовцевъ ихъ достояніе. За симъ предполагаетъ онъ, что жившій въ XIV столѣтіи (1392) начальникъ означенаго ордена или великій мистръ Конрадъ Валенродъ, неудачно съ Литвою воевавшій, былъ не Нѣмецъ, а природный Литвинъ. Будучи въ юности своей плѣненъ рыцарями, онъ у нихъ воспитанъ и мистромъ облагодѣтельствованъ какъ родной сынъ; однакоже воспитаніе и благодѣянія не перемѣнили его мыслей: онъ оставался въ душѣ своей Литвиномъ и, желая отмстить рыцарямъ, скрылся въ свою родину, но вторично къ нимъ возвратился и, питая въ сердцѣ мщеніе, подъ ложнымъ Нѣмецкимъ названіемъ Валенрода, до такой степени въ войнахъ съ Испанцами отличился, что быть избранъ орденомъ великимъ своимъ мистромъ. По снисканіи сего верховнаго достоинства, уже въ преклонномъ вѣкѣ и въ сѣдинахъ, употребя всю свою жизнь къ пріуготовленію своего умысла, онъ приводить наконецъ въ исполненіе ужасное предпріятіе, о которомъ помышлялъ съ юныхъ лѣтъ. Уговоривъ орденъ начать войну съ Литвою, собираетъ онъ, какъ полководецъ, всю орденскую силу, даетъ о томъ знать Литовцамъ, устраиваетъ съ ними вмѣсть скрытныя засады, ведеть затѣмъ воинство, которое вѣрить ему какъ своему начальнику, и предаетъ оное неизбѣжной гибели, посредствомъ измѣны, голода и холода.

Вотъ ужасный герой, котораго г. Мицкевичъ выбралъ для своей поэмы, украсивъ ее всѣмъ блескомъ поэзіи, коимъ токмо могъ расположать. Не пашедъ и, можно сказать, къ чести историческихъ лицъ, въ дѣйствительной исторіи столь гнуснаго характера, онъ самъ его выдумалъ, въ чемъ признается въ замѣніяхъ къ своему сочиненію. Наперсникомъ его дѣлаетъ онъ стараго пѣвца, именемъ Галбана, подъ лициною котораго вѣроятно изображаетъ самого себя. Когда тайное судилище, узнавъ о измѣнѣ Валенрода, осуждаетъ его на смерть и посыаетъ исполнителей своего приговора, тогда Валенродъ, предпочитая умереть отъ собственныхъ рукъ, выпиваетъ чашу съ ядомъ, половину коего предлагается пѣвшему; но сей смерть сю отвергаетъ, говоря: «Нѣть, я переживу и тебя, сынъ мой, я хочу жить и закрыть тебѣ очи, жить, чтобы славу твоего поступка (т. е. вышеописанную неблагодарность и гнусную измѣну) сохранить въ памяти людей и разгласить по всему свѣту. Я обойду Литовскія села, замки и города, а куда не дойду—туда достигнетъ моя пѣснь. Бардъ будетъ пѣть ее воинамъ въ сраженіяхъ, а мать, въ домѣ, своимъ дѣтямъ. Такъ я буду воспѣвать твой подвигъ, и изъ пѣсни моей возстанетъ въ грядущемъ времени мститель нашихъ костей».

Обращая теперь вниманіе на то, что Мицкевичъ выдумалъ прославляемый имъ подвигъ Валенрода, коего, по свидѣтельству историковъ и самаго Мицкевича, онъ никогда не совершалъ, а также на то, что Нѣмцы никогда въ Литвѣ не владычествовали, что напротивъ того, во времена Валенрода Литва имѣла своихъ независимыхъ и могущественныхъ князей (владѣнія коихъ заключали въ себѣ области, составляющія нынѣ губерніи Литовскія, Минскую, Бѣлорусскія, Подольскую и Волынскую и даже часть Херсонской губерніи и Царства Польскаго) не должно ли за тѣмъ заключать, что Мицкевичъ мечтаетъ о какомъ-либо будущемъ Валенродѣ, который имѣть мстить за разрушение Литовской независимости, на которую рыцари никогда и не покушались? Прославляя впередъ мнимаго выдуманнаго Валенрода, надѣется онъ, можетъ быть, возбудить дѣйствительно и оживторить въ будущей исторіи героя, въ его мечтаніяхъ возникшаго. Къ такому заключенію ведеть, кромѣ двусмысленнаго содержанія многихъ стиховъ въ его поэмѣ, Итальянской эпиграфъ на заглавномъ листѣ, гдѣ сказано: *Dovete anche sapere como sono due generazioni di combattere.... bisogna essere volpe e leone, т. е. вы должны еще знать, какъ должно сражаться съ двумя поколѣніями..... надлежитъ быть лисицей и львомъ.* На что подобное изреченіе, взятое вѣроятно изъ Махиавелли или другихъ подобныхъ политическихъ писателей, помышдать на заглавномъ листѣ сказки,

писанной въ стихахъ, есть ли она дѣйствительно одна сказка и не имѣть другой сокровенной цѣли¹⁾?

Но цѣль сія обнаружена. Она состоить въ стремлениі согрѣвать угасающій патріотизмъ, питать вражду и пріуготовлять будущія происшествія, учить нынѣшнее поколѣніе быть нынѣ лисицею, чтобы со временемъ обратиться во льва.

Вотъ въ кратцѣ изложеніе о политической цѣли сочиненія.

Теперь осмѣлюсь я представить еще нѣсколько замѣчаній относительно вліянія, которое оно можетъ имѣть на нравственность.

Герой, похвалу которого будутъ пѣть во всѣхъ Литовскихъ селахъ, замкахъ и городахъ, и матери поставлять въ примѣръ своимъ дѣтямъ, описывается самъ себя слѣдующимъ образомъ.

«Внезапно раздается вопль, кричать: «Непріятель въ городѣ, берите оружіе!» Отецъ мой устремился имъ навстрѣчу и болѣе уже не возвращался. Нѣмцы вбѣжали въ нашъ домъ; одинъ изъ нихъ схватилъ меня, посадилъ на коня и увезъ. Лѣта юности проходили, я жилъ посреди Нѣмцовъ, какъ Нѣмецъ, имя было Нѣмецкое, но душа осталась Литовскою; сердце питало тоску по отчизнѣ и ненависть къ чужеземцамъ. Винрихъ, мистръ рыцарей воспиталъ меня въ своихъ чертогахъ, онъ самъ былъ крестнымъ моимъ отцомъ, любилъ и лобзалъ какъ сына; но я скучалъ въ его дворцѣ и убѣгаль его, обращаясь съ старымъ Литовскимъ пѣвцомъ, взятымъ Нѣмцами въ полонъ; онъ²⁾ внушалъ мнѣ ненависть къ врагамъ и месть. Помню, какъ я, возвращаясь въ замокъ, точилъ скрытно ножъ, съ какимъ восторгомъ мщенія рѣзаль ковры Винриха, биль зеркала и на свѣтлый щитъ его металъ песокъ и плавалъ. Когда я, слушая разсказы старого пѣвца, внутренно терзался и хотѣлъ рѣзать рыцарей, то пѣвецъ мнѣ говорилъ: подожди еще и присмотрись къ военному искусству Нѣмцевъ, старайся снискать ихъ добрье, а потомъ увидишь, что нужно будетъ дѣлать».

Вотъ признанія молодаго Литвина, которому, по собственнымъ его словамъ, рыцари спасли жизнь и мистръ воспиталъ у себя какъ сына. Теперь выписываю еще послѣднія слова его, когда, сдѣлавшись главнымъ полководцемъ и погубивъ измѣною все войско, онъ самъ превозносить свой подвигъ.

¹⁾ Замѣчательно, что, полвѣка спустя, известный Польскій критикъ, Леонъ Рогальскій, разбирая Конрада Валенброда (*Hystorya Literatury Polskiéy*. Warszawa 1871, томъ II, str. 382) и, понятно, преклонившись предъ Мицкевичемъ, все таки не могъ не воспнуться вопроса объ имморальности этой поэмы, высказавъ въ общемъ, хотя и осторожно, тоже самое, чѣмъ говорилъ Новосильцовъ. „Poemat Konrad Welenrod ma wiele niedostatków“... „Moralno e utworu bardzo niebezpieczna; zarowno tez watpliwa jak epigraf wziety z Maehiawela: sono due generazioni di combattere, bicogna essere volpe e leone“...

²⁾ Слово „онъ“ подчеркнуто два раза.

«Я готовъ умереть, чего вы болѣе требуете? Хотите ль отчета въ томъ, какъ я начальствовалъ по ввѣренному мнѣ званію? Смотрите на столь многія тысячи погибшихъ воиновъ, на города въ развалинахъ, на горящія села. Слышили ревъ вѣтра? Онъ гонитъ снѣжную выгу, тамъ меранутъ остатки вашихъ полковъ. Слышили ли? Воютъ стаи голодныхъ псовъ, они грызутся между собою за остатки труповъ. Я совершилъ сіе, я горжусь и удивляюсь самому себѣ, что однимъ ударомъ могъ отрубить у гидры толикое множество головъ.»

Мнѣ кажется, что подобныхъ характеровъ не слѣдуетъ поставлять въ примѣръ, и есть ли съ одной стороны допустить, что враждебныя помышленія и стремленіе къ свободѣ суть чувствованія, свойственный побѣжденнымъ, оправдывающія даже неблагодарность и самую измѣну, то изъ того слѣдовало бы съ другой стороны заключеніе, что побѣдители обязаны совершенно истреблять побѣженныхъ, ибо сіи послѣдніе не хотятъ мира, но готовятъ скрытымъ образомъ войну, воспитывая къ тому и послѣдующія поколѣнія.

С.-Петербургская цензура, дозволивъ напечатаніе поэмы Мицкевича, поступила, по моему мнѣнію, не только не съ надлежащею осмотрительностію, но даже въ противность § 164 Устава о Цензурѣ 1826 года, гдѣ сказано, что произведенія словесности, противныя нравственности, подлежать запрещенію. Характеръ же коварнаго измѣнника Валенрода, выставляемый образцомъ къ подражанію, безъ всякаго сомнѣнія не токмо совершенно противенъ нравственности, но есть высочайшая степень развращенія ума и сердца человѣческаго.

Я представляю о всемъ вышеизложенномъ Вашему Императорскому Высочеству не съ тѣмъ, чтобы обратить какое-либо взысканіе на Мицкевича, ибо мнѣніемъ моимъ есть, что подобные умыслы слѣдуетъ не столько прекращать наказаніями, какъ предупреждать надѣжными мѣрами, но единственно для той причины, чтобы поставить на видъ, какого неослабнаго вниманія заслуживають сочиненія лицъ, действующихъ по внушеніямъ мнимаго патріотизма.

Мицкевичъ озnamеновалъ образъ мыслей своихъ соучастiemъ своимъ въ тайному обществу Филаретовъ, къ основателямъ коего онъ принадлежалъ и, будучи вслѣдствіе того, по высочайшему повелѣнію, высланъ изъ Польскихъ губерній, безъ всякаго, впрочемъ, взысканія, описываетъ себя въ предыдущихъ своихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ на Польскомъ языке въ Москвѣ, какимъ-то политическимъ страдальцемъ, изгнаникомъ изъ своего отечества и скитающимся съ скорбящею душою въ странѣ иноземцевъ. О прїездѣ его нынѣ въ С.-Петербургъ уведомляли Польскія газеты съ необыкновеннымъ восторгомъ. Въ Россійскихъ вѣдомостяхъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ природ-

нымъ Полякомъ Булгариною¹⁾, подъ названіемъ *Съверной Пчелы*, по-мѣщена въ № 22 слѣдующая статья: «Въ Петербургѣ отпечатано новое сочиненіе *перваго современнаго Польскаго поэта* Адама Мицкевича: Конрадъ Валенродъ, историческая въ стихахъ повѣсть, почерпнутая *изъ событій Литвы и Пруссіи*. Мы давно уже намѣревались поговорить о произведеніяхъ сего поэта; теперь, при изданіи сочиненія, которое *займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ* въ литературѣ Славянскихъ народовъ, мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей. Новое сіе сочиненіе съ 3-мя литографическими картинами продаются въ книжной лавкѣ Графа²⁾ по 10 рублей за экземпляръ и проч.».

На что всѣ сіи эмфатическія объявленія о сочиненіи посредственномъ, которое хотя и вмѣщається въ себѣ мѣстами весьма хорошия стихи, но также и много слабыхъ и незначущихъ и составлено какъ бы изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, съ неравнотою въ своихъ частяхъ, чего не должно быть въ сочиненіи толико превозносимомъ? Не оказывается ли тѣмъ явное пристрастіе къ сочиненіямъ и сочинителямъ сего рода? Въ Мицкевичѣ видятъ мнимые патріоты репрезентанта тайныхъ своихъ помышленій и, хваля и превознося его сочиненія, распространяютъ мысленно въ другихъ собственныя свои чувствованія.

Осмѣясь изложить Вашему Императорскому Высочеству сужденіе мое о семъ предметѣ, полагаю заключеніемъ, что для предупрежденія распространенія подобныхъ мыслей посредствомъ печатанія, соотвѣтственно съ цѣллю было бы: предписать Цензурнымъ Комитетамъ, чтобы сочиненія Мицкевича и другія сего рода произведенія Польской словесности, которыя заключаютъ въ себѣ предметы, позаимствованные изъ Польской исторіи или относящіеся до Польского націонализма, отсылались къ рассматриванію въ Виленскій Цензурный Комитетъ. Таковою мѣрою можно будетъ безъ огласки и съ успѣхомъ, безъ излишняго, впрочемъ, стѣсненія для словесности, преградить изданіе вредныхъ сочиненій вышеописанного рода.

Небезызвѣстно Вашему Императорскому Высочеству, какое сильное впечатлѣніе и вредное вліяніе имѣла на умы молодыхъ людей Шиллерова трагедія: *Разбойники*. Во многихъ мѣстахъ, и именно въ горо-

¹⁾ Булгаринъ, Фаддей Венедиковичъ (1789—1859) Полякъ по происхожденію. Отецъ его, товарищъ Косciюшкi, за убийство Русскаго генерала Воронова, былъ сосланъ въ Сибирь въ 1794 году, а мать привезла малолѣтняго сына въ Петербургъ и помѣстила въ Сухопутный кадетскій корпусъ. Выѣди въ офицеры и служа затѣмъ въ Финляндіи, Фаддей Булгаринъ бѣжалъ въ Варшаву и поступилъ въ Польскій легіонъ, входившій въ составъ арміи Наполеона. Въ 1820 году онъ появляется въ Петербургѣ какъ литераторъ и впослѣдствіи издатель „Съверной Пчелы“, „Сына Отечества“ и проч.

²⁾ По сообщенію г. Н. Д.: въ книжной лавкѣ Грефе.

дахъ, гдѣ находятся университеты, правительства нашлись вынужденными запретить представление сей трагедія. Далеко вреднѣйшаго вліянія должно однажды ожидать отъ сочиненій въ родѣ Валенрода, ибо оно относится къ сильнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца и учитъ коварнѣйшей измѣнѣ, непримиримѣйшей враждѣ, представляя оныя благородиѣшими стремленіями великодушнаго патріотизма.

О всемъ вышепредставленномъ имѣю счастіе повергнуть на благородженіе Вашего Императорскаго Высочества¹⁾.

Отъ главнокомандующаго Литовскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича²⁾ господину дѣйствителльному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Новосильцову.

Изъ розысканія, учиненнаго въ слѣдствіе отношенія вашего высокопревосходительства къ начальнику главнаго штаба моего отъ 3-го прошедшаго Марта за № 372 относительно напечатанной въ Варшавскихъ газетахъ статьи о импровизаціи въ С.-Петербургѣ Польскаго писателя Мицкѣвича, какъ досель известно, оказывается, что служившій въ канцеляріи Министерства Финансовъ Царства Польскаго и высланный по моему распоряженію въ Виленскую губернію на мѣсто родины шляхтичъ Михайло Контковскій сочинилъ опущенную статью изъ собранныхъ свѣдѣній по пропесшимся здѣсь о импровизаціи Мицкѣвича слухамъ, не имѣя намѣренія припечатать ее въ газетахъ, а отдалъ только для прочтенія сослуживцу своему состоящему, и нынѣ въ вышесказанной канцеляріи, шляхтичу Рейнольду Суходольскому³⁾, который сообщилъ

¹⁾ Въ 1834 году князь Паскевичъ писалъ графу Уварову, что при разсмотрѣніи, по его приказанию, книгъ изданныхъ въ Царствѣ Польскомъ во время мятежа и послѣ онаго, особенное вниманіе обратили на себя стихотворенія Мицкевича и, главнымъ образомъ, поэма „Конрадъ Валенродъ“. Содержаніе и цѣль сего сочиненія подробно описаны въ найденномъ въ дѣлахъ въ Бозѣ почивающаго Государя Цесаревича рапортѣ д. с. с. Новосильцова. Справедливость изложенныхъ въ этомъ рапортѣ заключеній подтверждилась вполнѣ последними событиями въ Польшѣ. Къ сему присовокупить можно слѣдующее: бывшій попечитель Krakовскаго университета, отставной генераль-маіоръ, графъ Залусскій, въ объясненіи своемъ комитету мятежниковъ, разсмотривавшему дѣйствія разныхъ лицъ, въ подтвержденіе патріотизма своего и содѣйствія въ воспоминенію умовъ и приготовленію молодыхъ людей къ восстанию, приводилъ главнѣйшими доказательствомъ то, что по распоряженію его перепечатана была въ Krakовѣ и распространена въ публикѣ, до мятежа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, поэма „Валенродъ“. (Цензура въ царствование императора Николая I. „Русская Старина“, 1903, Май).

²⁾ Печатный бланкъ въ ширину листа (двѣ строчки).

³⁾ Суходольскій, Райнольдъ: поэтъ, авторъ военныхъ и политическихъ пѣсень. Впослѣдствіи служилъ въ Польской арміи; умеръ въ 1831 году. У него былъ братъ Янушарій, считающійся творцомъ Польской исторической живописи. Онь тоже служилъ въ арміи, во послѣ 1831 года поселился въ Парижѣ, гдѣ и началъ заниматься искусствомъ, подъ руководствомъ Ораса Верне.

еъ тоже для равномѣрнаго употребленія редактору издаваемой въ Варшавѣ газеты подъ названіемъ Польской, Бенедикту Цѣплинскому, а сей уже (какъ объясняется) статью сю, какъ заключающую въ себѣ литературную новость о появлѣніи между Польскими писателями импровизатора, призналъ заслуживающею помѣщенія въ газетахъ, почему, испросивъ на то позволеніе и одобрение отъ здѣшней цензуры, приказалъ помянутую статью напечатать въ издаваемой имъ Газетѣ Польской, изъ которой она взята и помѣщена и въ прочихъ издаваемыхъ въ Варшавѣ periodическихъ сочиненіяхъ.

О семъ имѣю честь вашего высокопревосходительства увѣдомить и просить сдѣлать распоряженіе, чтобы поставлено было здѣшней цензурѣ на видѣ, что давать дозволенія на припечатаніе оной статьи въ газетахъ не слѣдовало. Варшава. Маія 29 дня 1828 года.

Генераль-инспекторъ всей кавалеріи Константина.

№ 3111.

**Изъ отвѣта Новосильцова (черновикъ). 3 Декабря 1828 г.,
№ 2025. Графу Дмитрію Дмитріевичу Курутѣ.**

На почтеннѣйшее отношеніе вашего сиятельства отъ 1-го сего Декабря за № 6453, о сообщеніи вамъ мѣннія моего по вступившей къ вамъ просьбѣ отъ удаленного отъ должности по Министерству Финансовъ Царства Польскаго и высланного на прежнее жилище въ Виленскую губернію подъ надзоръ полиціи за сочиненіе и помѣщеніе въ Варшавскихъ газетахъ статьи о Польскомъ писатель Мицкевичѣ, шляхтича Михайла Контковскаго, коею онъ проситъ о дозволеніи ему Контковскому отлучиться изъ настоящаго мѣстопребыванія своего во внутрь Россіи для пріисканія мѣста въ государственной или партикулярной службѣ, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что поелику изъ упомянутаго прошенія Контковскаго усматриваю я, что ваше сиятельство въ отзывѣ своемъ къ г. статскому совѣтнику, графу Платеру *), отъ 9 (21) юна за № 390, изволили объявить соизволеніе Его Императорскаго Высочества Цесаревича, что онъ, Контковскій можетъ ходатайствовать о полученіи себѣ мѣста въ Россійскомъ Государствѣ, то по сему и не нахожу я съ моей стороны препятствія къ удовлетворенію означенному прошенію, его, Контковскаго.

Сообщилъ И. Г. Попружевко.

---

*) Платеръ, Людвигъ, гр. (1776—1846). Въ 1805 году былъ визитаторомъ Виленского университета; въ 1816 г. главнымъ директоромъ государственныхъ имуществъ въ Царствѣ Польскомъ (*dõbr i lasow rzadowych*); считался правой рукой князя Любецкаго; послѣ восстания 1831 года уѣхалъ въ княжество Познанское, где и умеръ.

ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВИЩА ВЕЛИКОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТИЯХЪ.

Въ Московской Руси священнослужители во всѣхъ дѣлахъ писались однимъ именемъ или именемъ съ отчествомъ, а церковнослужители полуименемъ или полуименемъ съ отчествомъ: попъ Иванъ, попъ Василий, попъ Минияй, попъ Иванище, попъ Иванъ Григорьевъ, пономарь Ивашка, пономарь Ивашка Алексеевъ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ отчествъ на первый взглядъ походять на фамиліи, потому что произведены или отъ некалендарныхъ или отъ испорченныхъ Русскимъ говоромъ календарныхъ именъ. Извѣстный расколоучитель Иванъ Нероновъ имѣлъ одно отчество, такъ какъ имя отца его Миронъ по Вологодскому говору произносилось, какъ Неронъ. Встрѣчающіеся въ документахъ XVII вѣка Хотмышкій священникъ Иванъ Курбатовъ и Курскій протопопъ Григорій Истоминъ названы такъ по отцамъ ихъ, носившимъ некалендарные имена Курбата и Истомы. Немногіе сверхъ календарного отчества имѣли еще некалендарное прозвище, какъ известный расколоучитель Суздалскій священникъ Никита Константиновъ Добрынинъ. Нѣкоторые священно и церковнослужители сверхъ отчества или вмѣсто отчества имѣли прозвище, выраженное именемъ существительнымъ, напр. Ростовскій священникъ Георгій Скрипица, ключарь Московскаго Успенскаго собора Иванъ Васильевъ Насѣдка, Углицкій пономарь (вдовыи попъ) Федотъ Аѳанасьевъ Огурецъ. Иные имѣли по два прозвища, напр. тотъ же Успенскій ключарь прозывался и Насѣдкой, и Шевелемъ²⁾.

Такія прозвища были не болѣе, какъ уличныя клички шутливаго или уничижительного характера. Такія клички имѣли раскольничій попъ Иванъ Голубчикъ, распопъ Иванъ Андреевъ Охлеста³), расколоучитель попъ Никита Пустосвѣтъ и встрѣчающійся въ одномъ архивномъ дѣлѣ попъ с. Ратчина Добринскаго уѣзда Григорій Отреپьевъ⁴). Сынъ боярскій Максимъ Кривцовъ, оговоренный попомъ Григориемъ въ принадлежности къ расколу, официально называлъ

¹⁾ Оп. Док. и Бум. М. А. М. Ю., XIII, 117, 286.

²⁾ Филаретъ, Обз. Дух. Лит., I, 318.

³⁾ Тупиковъ, Словарь, 13.

⁴⁾ М. Арх. М. Ю., Приказы. стола столбецъ 793, лл. 173—191, 416—422.

его «воромъ и стакавщикомъ попомъ Гришкою», но безъ прозвища Отрепьевъ, которое лишь случайно промелькнуло въ приведенныхъ на справку пыточныхъ рѣчахъ поиманныхъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разбойниковъ; эти послѣдніе показали, что «въ прошломъ въ 183 г. въ селѣ Ратчинѣ разбойнику Сенькѣ Буяникѣ пріѣздѣ быть у Покровскаго попа Григорья Отрепьева, и вино пивали»¹⁾.

Среди Московскаго духовенства за XVII и первую половину XVIII вѣка лица съ фамильными прозвищами представляли исключеніе и даже, имѣя прозвища, не писались ими. Составитель «Кирилловой книги» протопопъ Московскаго собора Черниговскихъ чудотворцевъ Михаилъ Стефановъ Роговъ и извѣстный по одному архивному дѣлу священникъ ц. Николы въ Мыльникахъ Павелъ Яхонтовъ²⁾ въ дѣлахъ патріаршихъ приказовъ именовались просто протопопомъ Михаиломъ и попомъ Павломъ³⁾; только извѣстному Успенскому ключарю въ этихъ документахъ офиціально присвоивается прозвище Насѣдка, да еще Космодаміанскому въ Кремль попу Матвѣю даётся совсѣмъ странное прозвище Бова⁴⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка не увеличилось число духовныхъ съ фамиліями: попадаются ц. Елисея Пророка священникъ Иванъ Сухлянскій (1638 г.), ц. Іоанна Богослова въ Бронной бывшій протопопъ Иванъ Шматковекій (1670 и 71)⁵⁾ и ц. Покрова въ Левшинѣ священникъ Федоръ Папугаловъ (1693—94 гг.). Въ позднѣйшее время встрѣчаются Благовѣщенскаго собора священникъ Иванъ Инеховъ (1716 г.), Спасскій за Петровскими воротами священникъ Григорій Друковцевъ (1732 г.) и Старопименовскій діаконъ Филиппъ Каретниковъ (1707 г.)⁶⁾. Церковнослужители чаше имѣли прозвища, чѣмъ священнослужители⁷⁾, при чемъ причетники изъ поповичей нерѣдко писались Поповыми⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, я. 188.

²⁾ М. Арх. М. Ю., Бѣлгор. стола, столбецъ 232, я. 232.

³⁾ Забѣлинъ, Матер. для ист. г. Москвы, I, 200, 517.

⁴⁾ Тамъ же, 23, 205.

⁵⁾ Малороссіянинъ, бывшій Глуховскій протопопъ.

⁶⁾ Забѣлинъ, I, 615, 619, 620, 693. Петроп. Книги Москвы 1638 г., 70, 1716 г., 19.

⁷⁾ Напр. с. Домодѣдова попомъ Гаврила Назаровъ сынъ Пузановъ, с. Васильевскаго дьячекъ Василий Максимовъ сынъ Бѣльской, г. Брянска соборный дьячекъ Федоръ Васильевъ Шипуновъ (Холмогоровъ, Матер., VIII, 40, 60; Арх. М. Ю. Прик. стола ст. № 817, я. 36). Причетники иногда поступали въ годы „въ церковную дьячковскую службу“ изъ другихъ сословій, напр. изъ посадскихъ людей (М. А. М. Ю., Приказнаго стола, ст. 1044, я. 149—165). Священники же, поставленные изъ служилыхъ людей по посвященію назывались только именами и отчествомъ: напр. Добренскій площадной подьячий Ив. Памфил. Присловъ по посвященію въ попы въ соборную церковь назывался не иначе какъ Иваномъ Памфиловымъ (М. А. М. Ю., Прик. стола столб. 1105, я. 399); братъ землянца-сына боярскаго Сем. Фед. Окулова, посвященный въ попы, назывался попомъ Романомъ, а не Романомъ Федоровскимъ Окуловымъ (Тамъ же, ст. 1065, я. 44—59).

⁸⁾ Оп. Док. въ Бум. М. А. М. Ю., томъ XII, XIII и XIV, указатель.

Употребление фамилий среди духовенства распространялось вмѣстѣ съ распространениемъ школьнаго обучения дѣтей духовенства.

Въ немноголюдныхъ школахъ фамилии учениковъ были исключительно патронимическія, т. е. были тождественны съ отчествами. Всѣ 282 ученика, учишися въ Новгородской школѣ съ 1706 по 1729 годъ, имѣли фамилии патронимическія¹⁾; такія же фамилии имѣли въ 1722 г. всѣ 39 учениковъ Тверской школы кромѣ одного «пѣвческаго брата» Ключарева, равно какъ и всѣ 40 учениковъ Суздальской семинарии въ 1744 г. кромѣ одного также «пѣвческаго брата» Троицкаго²⁾; всѣ ученики богословія Смоленской семинарии въ 1747 г. не имѣли фамилий и перечислялись въ спискѣ просто такъ: «попа Алексея Иродіонова сынъ Іаковъ, священника Іосифа сынъ Михаилъ» и т. д.³⁾. Въ многолюдныхъ школахъ необходимость опознаться среди безчисленныхъ Ивановыхъ и Петровыхъ заставляла давать особое прозвище каждому ученику. Въ Московской Академіи съ Русской школой, имѣвшей въ 1737 г. болѣе 700 учениковъ, только около 200 учениковъ назывались по именамъ ихъ отцовъ, прочие же имѣли особья прозвища⁴⁾.

Въ этомъ дѣлѣ сказывалось и Малороссійское вліяніе, сильное въ то время во всѣхъ областяхъ церковной жизни. Наставники-Малороссы, имѣвшіе фамилии и писавшися ими и въ свѣтскомъ, и въ духовномъ чинѣ, находили страннымъ неимѣніе фамилий учениками и снабжали ихъ фамилиями по Малороссійскимъ образцамъ. Изъ списка учениковъ піти-тики и синтаксисы Казанской семинарии 1738 г., составленнаго Малороссами⁵⁾, видно, что всѣ ученики имѣли фамилии на скій и совсѣмъ не имѣли фамилий патронимическихъ, если не считать таковыми фамилий Ильинскій, Ивановскій, Петровскій, замѣнившія, можетъ быть, фамиліи

¹⁾ Оп. Док. и Дѣлъ Арх. Синода, VII, XCVI—CVII.

²⁾ Колосовъ, Ист. Твер. сем., 365; Малицкій, Ист. Суз. сем. (Тр. Влад. Арх. Ком., VII, 151—154).

³⁾ Сперанскій И. Ист. Смол. дух. сем., I—IV.

⁴⁾ Оп. Арх. Синода, XVI, 846—854. Надо помнить, что въ школахъ того времени были не одни «духовныхъ персонъ дѣти», но значительный процентъ другихъ сословій, начиная съ князей Борятинскихъ и сыновей „совѣтника Топильского“ и кончая „служебниками, столярскими и майярскими“ сыновьями и бродагами, „приставшими въ школу къ учителямъ Греческимъ“. Въ Новгородской школѣ при известной жалостливости митрополита Іова къ безирютнымъ дѣтямъ было много „подкидышей“ и „изъ крестьянъ-сиротъ“, а иногда попадался и „спрота, взятый съ мосту“. (Оп. Арх. Син. VII, CIII—CVII, Сменцовскій, Братья Лиходы, 71, 81).

⁵⁾ Кроме подписей экзаменаторовъ это видно изъ употребленія и вѣсто ы., напр. фамиліи Сизранскій, Малинскій, Суздирскій.

Ильинъ, Ивановъ, Петровъ¹⁾). Впрочемъ, обычай писаться отчествомъ такъ укоренился среди духовенства, что лица, получившія фамиліи въ школахъ, избѣгали писаться ими. Въ 1728 году въ Москвѣ было семь священниковъ, учившихся въ школахъ, и всѣ они, какъ видно изъ одного синодального дѣла²⁾, имѣли фамиліи кромѣ священника Успенского собора Ивана Христофорова³⁾; но въ мѣстномъ церковномъ дѣлопроизводствѣ они писались по старому одними отчествами, напр. Николохамовническій священникъ Андрей Гарлецкій—Андреемъ Семеновыムъ, Космодаміанскій въ Кадашевѣ священникъ Антипа Пещеровъ—Антиой Евдокимовыムъ⁴⁾.

Присвоеніе особой фамиліи или, какъ тогда говорили, прозвища каждому ученику въ теченіе второй половины XVIII вѣка сдѣлалось необходимой формальностью при поступленіи въ духовную школу; но оставалось совершенно неяснымъ, кто и на какихъ основаніяхъ имѣеть право давать прозвище новичку. Въ этомъ дѣлѣ царили полный произволъ и беспорядокъ. Неученые сельскіе клирики, не имѣвшіе прозвищъ, испытывали большія затрудненія при опредѣленіи въ училища своихъ сыновей.

«Привозить какой-нибудь отецъ своего мальца въ училище, разсказывается въ «Запискахъ сельского священника», ставить на квартиру, непремѣнно въ артель. Въ артельной квартирѣ непремѣнно уже господствуетъ какой-нибудь великанъ синтаксистъ.... Иногда такихъ господъ собиралось и по нѣсколько на одной квартирѣ. Отецъ обращается къ какому-нибудь и спрашивается: какую бы, милостивый государь, дать фамилію моему парнишкѣ? Тотъ въ это время долбитъ: типто, типтись, типти. Какую фамилію дать?—Тицтовъ. Другой такой же атлетъ сидитъ въ это время гдѣ-нибудь верхомъ на конькѣ сѣновала и долбитъ: diligenter—прилежно, male—худо. Слышишь, о чёмъ спрашиваются, и оретъ: «Нѣть, нѣть! Дай своему сыну прозваніе Дилингеровъ!... Третій... сидитъ верхомъ на заборѣ и оретъ урокъ изъ географіи: Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ, Гага... «Нѣть, нѣть, перебиваетъ, дай прозвище сыну Амстердамовъ!» Сбываются всѣ, дѣлается совсѣмъ, т. е. крикъ, ругань и иногда и съ зуботрещинами, и, чья возьметъ, того фамилія и останется. Дикий малецъ не можетъ и выговорить-то, какъ его окрестили эти урванцы. Ему пишутъ на бумажку, и онъ

¹⁾ Оп. Син. Арх., XVI, 605—609.

²⁾ Оп. Син. Арх., VIII, 404.

³⁾ Слоніскій, Буавінскій, Мишота, Пещеровъ, Гарлецкій и Голенищевъ.

⁴⁾ Забытінъ, I, 739, 889.

ходить и заучиваеть иногда чуть не мѣсяцъ. Съ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, было, что спросить кого-нибудь учителъ, и человѣкъ десять бросятся въ карманы за запиской, чтобы справиться, не его ли вызываютъ¹⁾.

Иногда отецъ, имѣвшій фамилію, находилъ ее недостаточно благозвучной и глубокомысленной и выражалъ желаніе дать сыну другую фамилію. Простодушному о. Петру Никитскому «не нравилась» его фамилія, и съ учителемъ Коломенскаго Духовнаго Училища «попомъ Захаромъ» онъ занялся «за рюмочкой» изобрѣтеніемъ фамиліи для своего поступавшаго въ училище старшаго сына. «Обратились къ Латинской грамматикѣ Лебедева, разсказываетъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, стали перелистывать: Celer—скорый, Iucundus—пріятный, не то; Honor, Honestus... А, постой, что онъ у тебя веселый мальчикъ?—Да ничего.—Хочешь Hilaris—веселый? Гиляровъ, какъ тебѣ кажется? Петръ Матвѣевичъ одобрилъ, и сынъ его, шедшій изъ дома Никитскаго и просто поповичемъ, возвратился Александромъ Гиляровымъ, ученикомъ пізшаго грамматического класса²⁾). Но некоторые смотрители и ректоры находили особое удовольствіе въ изобрѣтеніи фамилій для учениковъ³⁾ и не допускали въ это дѣло ничьего вмѣшательства, они давали ученикамъ не тѣ фамиліи, какія родители обозначали въ прошеніяхъ, и мѣняли фамиліи, наставляемыя учениками отъ родителей. Фамиліи мѣнялись произвольно безъ всякой видимой причины. Понятно, напримѣръ, почему Раменскій переименовался въ Парнассова, Сверчковъ—въ Пурикордова, Шалюхинъ—въ Городецкаго; но совсѣмъ не понятно, почему Богословскій дѣжался Орловымъ, Романовскій—Пановымъ и т. п.⁴⁾. Полученная при поступленіи въ училище фамилія далеко не всегда удерживалась въ теченіе всего училищнаго и семинарскаго курса. Иногда ректоръ семинаріи перемѣнялъ фамилію ученика перешедшаго въ семинарію изъ училища: отецъ и дядя протоіерея Щѣвницкаго, называвшіеся въ училищѣ, первый—Грандовымъ, а второй—Фортунатовымъ, въ Тамбовской семинаріи были переименованы, первый—въ Щѣвницкаго, второй—въ Сладкопѣвцева, ректоромъ, не любившимъ Латинскихъ фамилій⁵⁾. Слу-

¹⁾ Рус. Ст. XXVI, 556—557.

²⁾ „Изъ пережитаго“, 68—69.

³⁾ Иные ректоры придавали этимъ перенѣманіямъ какое-то непонятное символическое значеніе. Бывшій ректоръ Вологодской семинаріи архіеп. Гавріїлъ Розановъ писалъ своему ученику известному прот. Нордову (Телѣтьеву), что онъ закрылъ „свѣтильникъ“, представляемый протоіереемъ, „покрываломъ подъ именемъ Нордова“ (Волог. Еп. Вѣд. 1897, 78 лео.).

⁴⁾ Малицкій, Ист. Влад. сем., III, 184, 193, 195; Агицевъ, Ист. Ряз. сем., 230.

⁵⁾ Записки пр. Щѣвницкаго, Р. Ст. 1905 г., № 7, 119.

чалось, что фамиліи мѣняли сами преосвященные: епископъ Тамбовскій Іона (1812—1821) на экзаменѣ переименовалъ ученика Шацкаго училища Дм. Конобѣевскаго (впосл. Филаретъ, архіеп. Черниговскій) въ Гумилевскаго за смиреніе и малый ростъ, а двоюродному брату Гумилевскаго Никитѣ Тартарову далъ прямо противоположную по значенію фамилію Ангелонъ¹⁾; на публичномъ экзаменѣ въ Казани въ 1828 г. благочестивый архіепископъ Филаретъ возмутился духомъ, усмотрѣвъ среди училищныхъ учениковъ, носившаго нехристіанское имя Аристотеля Витевскаго²⁾ и тутъ же перемѣнилъ ему и фамилію и имя, нарекши Андреемъ Аристотелевымъ³⁾. Архіепископъ Рязанскій Амвросій Яковлевъ-Ораний (1804—1809) не любилъ фамилій, оканчивавшихся на скій, и мѣнялъ это окончаніе на въ или ить; въ желаніи буквально исполнить волю владыки ректоръ архимандритъ Еронимъ доходилъ до того, что ученикъ Полотебенскій по отсѣченіи скій получилъ фамилію Полотебенъ, которую самъ преосвященный счѣлъ нужнымъ замѣнить фамиліей Полотебновъ. Не менѣе исполнительны по отношенію къ правиламъ о перемѣнѣ фамилій были у Амвросія и ученики: назначенные въ 1808 г. къ поступлению въ С.-Петербургскую Академію 5 Рязанскихъ семинаристовъ получили дозволеніе перемѣнить фамиліи, послѣ того какъ они изъяснили въ прошении слѣдующее: «какъ мы назначены въ С.-Петербургскій Духовный институтъ и должны вступить въ онъ такъ, какъ въ новую семинарію, то, приспособляясь къ приказанію, желаемъ перемѣнить свои прояванія»⁴⁾.

Фамиліи мѣнялись учениками во всѣхъ классахъ и иногда по нѣсколько разъ въ теченіе курса: ученикъ Рязанской семинаріи Яковъ Чувиковскій въ Августѣ перемѣнилъ свою фамилію на Бенефакторъ, а въ Іюль слѣдующаго года оказался уже Бенедиктовымъ. Поводомъ къ перемѣнѣ фамиліи выставлялось иногда неприличіе прежней фамилії. Въ 1823 г. ученикъ Рязанской семинаріи Кобылинскій былъ переименованъ въ Богословскаго, послѣ того, какъ онъ изъяснилъ въ прошении слѣдующее: «воля родителей налагаетъ проименование на малолѣтнихъ дѣтей. Такъ и я проименованъ Кобылинскимъ отъ моихъ родителей. Но, какъ сіе проименование показываетъ нѣчто смѣшное и какъ бы низкое, того ради прошу дозволить прозываться мнѣ Богословскимъ». По той же причинѣ ученикъ Злобинъ получилъ противополож-

¹⁾ Рус. Арх. 1887 г., II, 425.

²⁾ Вероятно, искаженіе имени Аристоклій.

³⁾ Благовѣщенскій А. Ист. Казан. дух. сем., 289.

⁴⁾ Агнцевъ, 102—103.

ную по значению фамилию Добронравовъ вмѣсто просимой имъ фамилии Гомеровъ¹⁾.

На ряду съ перемѣнами фамилій по начальственному усмотрѣнію такія перемѣны происходили иногда, такъ сказать, путемъ эволюціоннымъ, вслѣдствіе постепенного видоизмененія фамиліи ученика. Въ Казанской семинаріи ученикъ Столбищенскій при поступленіи былъ названъ Роевымъ, затѣмъ фамилія его измѣнилась въ фамилію Раевъ, а въ концѣ концовъ въ Ройевъ, подъ которой онъ и былъ исключенъ въ 1849 г. изъ семинаріи²⁾. Иногда ученикъ самовольно и незамѣтно измѣнялъ свою фамилію въ продолженіе училищнаго курса. В. И. Аскоченскій и его братъ при поступленіи въ Воронежское училище назывались (Отскоченскими³⁾); но такъ какъ мальчиковъ стали дразнить «отскочеками», то В. Отскоченскій сталъ вездѣ подписываться Аскоченскимъ и, несмотря на сопротивленіе отца, пріучилъ учителей видѣть въ тетрадяхъ выдуманную имъ фамилію и укрѣпилъ ее за собою и братомъ⁴⁾.

Несмотря на обязательное присвоеніе фамиліи каждому воспитаннику духовныхъ школъ, среди духовенства долго ощущался недостатокъ въ фамиліяхъ. Еще въ 30-хъ годахъ XIX вѣка въ иныхъ епархіяхъ «ученые» члены клира въ городахъ составляли половину, а въ селахъ четверть всего наличнаго духовенства⁵⁾; пропорціонально этому было и число духовныхъ съ фамиліями, полученными въ училищахъ, и въ одномъ, напримѣръ, благочинії Саратовской епархіи въ 1832 г. изъ всѣхъ 66 наличныхъ членовъ клира только 28 обладали фамиліями. Духовное начальство принимало мѣры къ тому, чтобы фамиліями обзаводились и члены клира, не бывшіе въ училищахъ: въ Іюлѣ 1832 г. Саратовская консисторія разослала по епархіи указъ, въ которомъ говорилось, что при рукоприкладствахъ къ метрикамъ члены клира обязаны писаться именемъ, отчествомъ и фамиліей, «а, какъ многіе изъ священноцерковнослужителей фамилій не имѣютъ, то указомъ и предписывается избрать себѣ таковыя»⁶⁾. Само собой разумѣется, что многія изъ этихъ придуманныхъ на-спѣхъ фамилій едва ли были выбраны удачно.

¹⁾ Тамъ же, 289—290.

²⁾ Благовѣщенскій, Ист. Каз. сем., 289.

³⁾ По селу Аскошному (Отскочному) Землянск. у.

⁴⁾ Ист. Вѣсти, VII, 89.

⁵⁾ Труды Сарат. Арх. Ком., 1888 г., II, 185.

⁶⁾ Тамъ же, 190.

Всё эти обстоятельства до крайности запутывали генеалогию духовных семействъ. Самые близкие родственники среди духовенства носили не одинаковые фамилии: одинъ братъ назывался Фивейскимъ, другой — Казанскимъ, одинъ — Ачинскимъ, другой — Кастальскимъ, одинъ—Воиновымъ, другой—Борзецовскимъ. Случалось, что изъ семи братьевъ одинъ носилъ фамилию Пѣвницкій, другие же все назывались Сладкопѣвцевыми ¹⁾). Случалось наоборотъ, что изъ шести братьевъ каждый имѣлъ особую фамилию: въ одномъ духовномъ семействѣ одинъ братъ назывался Петропавловскимъ, другой—Преображенскимъ, третій—Смирновымъ, четвертый—Миловидовымъ, пятый — Скородумовымъ и шестой—Сѣдуновымъ ²⁾). Въ одномъ извѣстномъ въ Москвѣ духовномъ семействѣ два брата назывались Беневоленскими, третій въ Русскомъ переводѣ Благоволиннымъ. Въ семействѣ проф. Ростиславова одинъ братъ назывался Тумскимъ (или Мартиновымъ), второй — Весельчаковымъ, третій—Крыловымъ; при этомъ у Тумского сыновья были Ростиславовы, а у Весельчакова—Добровольские. Иногда выходили курьезы: напр. у инспектора Солигалическаго духовнаго училища Скворцова одинъ сынъ быть Соколовъ, и другой Орловъ ³⁾.

Отличительную черту духовныхъ фамилий составляетъ необыкновенная громоздкость и вычурность. Подражая ученымъ XV и XVI вѣка, передѣлывавшимъ себя изъ Рейхлина въ Капніона, изъ Шварцерде въ Меланхтона, составители духовныхъ фамилий съ особымъ удовольствіемъ брали ихъ изъ иностранныхъ языковъ и прежде всего изъ Латинскаго, бывшаго языкомъ преподаванія, и изъ Греческаго. Среди учениковъ Московской Академіи и Казанской семинаріи 1737—1738 гг. такія фамилии, какъ Грацинскій, Хризолитскій, Кастроцкій, Робустовскій, Урбановскій и Зонарскій, составляютъ еще исключение, но потомъ все болѣе и болѣе получаютъ право гражданства и наконецъ дѣлаются преобладающими. Языки Французскій и Нѣмецкій, слабо поставленные въ духовныхъ школахъ ⁴⁾, дали сравнительно немного фамилий, хотя уже въ Суздальской семинаріи въ періодъ 1759 — 1788 гг.

¹⁾ Рус. Ст. 1905 г., № 7, 19.

²⁾ Костром. Еп. Вѣд. 1890 г., чеф. 275.

³⁾ Въ Малороссійскихъ епархіяхъ, наоборотъ, ученики сохранили фамилии отцовъ какъ это видно изъ списка учениковъ Волынской семинаріи (Теодоровичъ, Ист. Волын. Сем.). Переимѣны фамилий тамъ были рѣдки, каковы напримѣръ переименованіе воспитанника Киевской Академіи Кавунника въ Велланскаго (Геннади, I, 138) и Сикачки въ Деванду (Ген., II, 221), послѣднаго въ честь свящ. Леванды, опредѣлявшаго его въ Академію.

⁴⁾ Агицѣвъ, 120—121.

встрѣчается нѣсколько фамилій, образованныхъ отъ Французскихъ корней, напр. Бланшевъ, Глоарскій, Дрольскій¹⁾.

Фамиліи составлялись часто безъ соблюденія какихъ-либо правилъ словообразованія. Отъ существительныхъ женского рода образовывались фамиліи съ окончаніями мужескими: напр. отъ имени Паллада—фамилія Палладовъ, отъ Аврора—Аврововъ, т. е. тоже самое, еслибы отъ Анна произвести фамилію Анновъ, отъ Надежда—Надеждовъ. Окончаніе приставлялось безразлично и къ корню существительного, и къ окончанію именительного падежа, напр. Урановъ, Ураносовъ, къ основѣ глагола и къ окончанію неопределенного наклоненія, напр. Толеровъ отъ tolero, Фатигаровъ отъ fatigare. Лучше всего это видно на примѣрѣ образованія фамилій отъ Латинскихъ существительныхъ paupertas, trinitas и tranquillitas. Всѣ эти существительныя женского рода и неравносложныя, т. е. имѣющія въ основѣ косвенныхъ падежей одинъ лишній слогъ сравнительно съ основой именительного падежа, paupertas, род. paupertatis. Отъ paupertas произведена фамилія Павпертовъ, т. е. отъ основы имен. падежа съ мужескимъ окончаніемъ, подобно тому, какъ, если бы отъ слова дитя произвести фамилію Дитеvъ.

Отъ слова *trinitas* наравнѣ съ образованной отъ основы имен. падежа Триницкій изъ Тринитскій²⁾ произведена фамилія Тринитатовъ, т. е. отъ основы косвенныхъ падежей, но съ мужескимъ окончаніемъ, подобно фамиліи Дитятевъ. И только отъ слова *tranquillitas* есть фамилія Транквиллитатинъ, образованная правильно отъ основы косвенныхъ падежей и съ женскимъ окончаніемъ, подобно фамиліи Дитятинъ.

Обычай произвольно присвоивать ученикамъ мудреныя иностранныя фамиліи господствовалъ среди духовенства до половины XIX вѣка, и за это время составился изрядный наборъ такъ называемыхъ духовныхъ фамилій, нерѣдко съ трудомъ поддающихся толкованію. Съ одной стороны эти фамиліи по ихъ замысловатости весьма часто перевираются и подвергаются опечаткамъ, съ другой стороны объясненія ихъ надо искать въ дебряхъ застутанныхъ библейскихъ родословій, въ именахъ забытыхъ ученыхъ и учебныхъ авторитетовъ и героевъ не читаемыхъ теперь литературныхъ произведеній, въ особенностяхъ бурсанского жаргона и

¹⁾ Малицкій, Ист. Суд. сем., 158, 171.

²⁾ Нижегор. Епарх. Вѣд. 1868 г.. 270.

эпизодахъ бурсацкой жизни, не известныхъ теперь даже тѣмъ, которые носятъ эти фамиліи и по справедливости иногда тяготятся ими¹⁾.

Новые фамиліи не вытѣснили совершенно прежнихъ, и до сихъ поръ среди духовенства встрѣчается много лицъ съ патронимическими фамиліями, какъ Петровъ, Васильевъ, Марковъ, Гурьевъ и. т. п.²⁾. Многія изъ этихъ фамилій, испорченная раніе просторѣчіемъ, получили теперь строго календарную форму. Уже въ первой половинѣ XVIII вѣка многіе Московскіе священники стали писаться календарными именами и отчествами, какъ напр. Иоаннъ Иоанновъ, Алексій Антоніевъ, Іоакимъ Іосифовъ, Савва Мелетіевъ³⁾; точно также и ученики Новгородской школы носили имена и отчества, образованныя согласно со всѣми требованіями календаря, какъ напр. Василіевъ, Леонтіевъ, Алексіевъ, Емеліанъ Іоанникіевъ, Феодоръ Дометіевъ и т. п.⁴⁾. Духовная школа усиленно способствовала такому облагороженію патронимическихъ

¹⁾ Однимъ изъ главныхъ источниковъ послужила давняя офиціальный отдѣл Церковныхъ Вѣдомостей, изд. при Св. Синодѣ (съ 1888 по 1907 г.) и Церковнаго Вѣстника (съ 1875 по 1887 г.); оба эти изданія цитируются просто указаниемъ года и страницы, напр. 88, 250, 0 (выѣсто 900), 250, 1 (выѣсто 901), 250. Также цитируются въ Епархиальныя Вѣдомости (обыкновенно офиціальный отдѣль или общая нумерація, кромѣ Нензенскихъ и Саратовскихъ, где съ 1897 г. разумѣется отдѣль неофиціальный, если не сдѣлано ого ворки). Другіе главнѣшіе источники цитируются слѣдующимъ образомъ: Бл.—Благовѣщенскій А. Исторія Старой Казанской Академіи; Вл.—Малицкій, Исторія Владимирской дух. семинаріи; Вор.—Памятныя книжки Воронежской губерніи; Ген.—Генчади. Библіографіческій Словарь; Д.—Добролюбовъ, Историкостатистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархіи; Зн.—Знаменскій, Исторія Казанской Дух. Академіи; Каз.—Благовѣщенскій А., Исторія Казанской дух. семинаріи; Каз. Кн.—Богословскій Г., Справочная книга для Казанской епархіи 1904 г.; Каз. Оп.—Историкостатистическое описание Каз. епархіи, вып. VI; Костр.—Самариновъ, Памятная книжка Костр. епархіи 1868 г.; Кут.—Кутеповъ, Справочная книга для С.-Петербургской епархіи 1899 г.; М.—Кедровъ Н., Московская дух. семинарія; М. А.—Смирновъ С., Исторія Московской Дух. Академіи; Мож.—Можаровскій, Старая Каз. Академія (Чт. О. И. др. 1877 г., II); О. Р.—Общая роспись Рос. Имп. 1904 г.; Род.—Родосскій, Біографіческій словарь студентовъ С.-Петербургской Дух. Ак.; Ряз.—Агицевъ, Исторія Ряз. дух. сем.; С. А.—Смирновъ С., Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи; Сар. кн. 80. Памятная книжка Сарат. губ. 1880 г.; Сад.—Малицкій, Исторія Сузdalской дух. сем. (Труды Вл. Арх. Ком., VII); Си.—Сперанскій И., Исторія Смол. дух. сем., С.-пб.—Надеждинъ А., Исторія С.-Петербургской дух. сем.; Тв.—Колосовъ, Ист. Твер. дух. сем.; Теод.—Теодоровичъ, Исторія Волынской дух. сем.; Терн.—Герновскій С., Историческая записка о Каз. Дух. Акад.: Тр. Л.—Смирновъ С., Исторія Троицкой Лаврской семинаріи. Фил.—Филаретъ, Обзоръ духовной литературы; Ч.—Чистовичъ, Исторія С.-Петербург. Дух. Акад.

²⁾ Какъ на рѣдкій случай, можно указать на замѣну известному одописцу В. П. Петрову въ Академіи фамиліи Иоспѣловъ патронимической Петровъ.

³⁾ Забѣлинъ I, 437, 444, 465, 834.

⁴⁾ Оп. Син. Арх., VII. XCVI—XCVII.

фамилій, замъняя Иванова—Иоанновымъ (Пенз. 68, 330), Васильева—Василевымъ (Пенз. 68, 208), Еремѣева—Ереміевымъ (З, 164), Малафьева—Малахіевымъ (6, 232), Исаева—Исаіевымъ (Симб. 80, 459), Іевлева—вполнѣ церковнославянскимъ Іовлевымъ (93, 157). Нѣкоторыя фамиліи передѣльвались на Греческій ладъ, напр. Порфириевъ оказывался Порфиридовымъ (78, 121). При погонѣ за велельштѣемъ нѣкоторыя фамиліи получили неправильную форму вслѣдствіе вставки лишнихъ буквъ, напр. Илларіоновъ (Вор. 903, 104) вмѣсто Иларіоновъ, Аммосовъ (0, 167) вмѣсто Амосовъ, Оссіевъ (З, 181) вмѣсто Осіевъ; нѣкоторыя фамиліи получили форму, не похожую ни на календарную, ни на употребляющуюся въ просторѣчіи, напр. вмѣсто Русскаго Вонифатьевъ или Вонифантъевъ явились фамилія Бонифатіевъ (99, 156), иѣчто среднее между Латинской Бонифаціевъ и Греческой Вонифатіевъ. Наряду съ правильными календарными формами продолжали существовать и старыя испорченныя: наравнѣ съ Евтихіевымъ (2, 138) Евтиоевъ (5, 157), наравнѣ съ Описифоровымъ (Мож. 99) Анциферовъ (97, 122) наравнѣ съ Уваровымъ—Уаровъ (79, 120), Изотовъ (Сам. 2, 97) вмѣсто Зотикошъ, Ампелоговъ (Ора. 5, 280) вмѣсто Амфілохіевъ¹⁾.

Встрѣчаются фамиліи, произведенные отъ уменьшительныхъ мужскихъ именъ, напр. Петинъ, Мишинъ, Пашинъ, Яшинъ, (Род., 77, 187, 273), или отъ именъ женскихъ, напр. Мавринъ (Бл. 147), Любчинъ (1, 149), Поликсеніевъ (М. А., 533), Софійскій (Бл., 147). Эти послѣднія фамиліи проиавлены отъ именъ матерей, напр. Софійскій въ Казанской Академіи былъ сынъ писомарицы Софы (Бл., 147)²⁾. Встрѣчаются даже фамиліи, произведенные отъ уменьшительныхъ женскихъ именъ, напр. Танинъ (93, 135), Лидинъ (95, 154), Олюнинъ (97, 172)³⁾.

¹⁾ Г. Баловъ въ статьѣ „Великорусскія фамиліи“ (Р. Арх. 1906 г., № 8, почему то считаетъ изысканнымъ имя Онциферъ, произшедшее изъ имени Описифоръ черезъ Аписифоръ (Заб. I, 357), равно какъ имена Гордій (Мч. Гордій, 3 Янв.), Дѣй (Пр. Дѣй, 19 Іюля) и Юда (Ап. Іуда, 19 Іюна). Вирочень, отъ подобныхъ ошибокъ не свободенъ и Словарь Тупикова, считающій некалендарными имена Дѣй (стр. 522), Даимата (стр. 124), тогда какъ 3 Августа празднуется память преп. Даимата, отличного отъ празднуемаго вмѣсть съ именемъ Исаакія, Тарахъ (стр. 317), тогда какъ есть мученикъ Тарахъ (12 Октября) и Северинъ (стр. 352), тогда какъ есть мученикъ Северинъ (1 Іюна). В. Н. Сторожевъ (Тверское дворянство) также считаетъ „некалендарными“ имя Дѣй (III, 63) и еще имя Зотикъ (IV, 171)—Зотікасъ при пятн мученикахъ и одномъ пренодобномъ съ этими именами.

²⁾ Фамилія Орининскій (Каз. Кн., 505) отъ с. Орининско-Никольское Козьмодем. у.

³⁾ М. б., фамиліи эти принадлежать „иносказаннымъ“. Сравни также название кѣстностей: Лидино, дер. Бронниц. и Мокшан. уу., Олюнино—2 деревни въ Яросл. губ. Отъ с. Катина Скопин. у. образована фамилія Катинскій (90, 143).

Патронимическая по формѣ фамилии давались иногда ученикамъ независимо отъ именъ ихъ отцовъ. Патронимическая фамилия производилась отъ именъ святыхъ, казавшихся оригинальными или благозвучными, напр. Еводовъ (79, 122), Кифинъ (87, 58), Марисовъ (М. 130), Хрисогоновъ (Каз., 291), Альвіанскій (Новг. 4, 1092), Салафильевъ (77, 134) вместо (Салафіилевъ¹). Такія же фамилии получали воспитанники-стипендиаты по имени духовныхъ лицъ, учреждавшихъ стипендіи. Въ Московской Академіи «на коштъ» митрополита Платона содержались пять стипендиатовъ, и учредитель стипендіи поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы «всѣмъ имъ и будущимъ по нимъ именоваться по фамилии Платоновъ, какимъ прозваниемъ имъ писаться, не только будучи въ Академіи, но и по выпускѣ изъ оной, въ какомъ бы они состояніи ни были»²). Стипендиаты митрополита Платона именовались или двойной фамиліей, напр. Платоновъ-Музалевскій, Платоновъ-Грешищевъ и наобороть Крыловъ-Платоновъ, Иванцовъ-Платоновъ, или просто Платоновыми³). Въ С.-Петербургской семинаріи была учреждена одна стипендія митрополитомъ Михаиломъ, и стипендиаты назывались Михайловыми, напр. Шабровъ-Михайловъ⁴), Михайловъ-Аліеновъ, Михайловъ-Георгіевскій, Михайловъ-Флоринскій (Род., 278); въ той же семинаріи стипендиаты митрополита Серафима назывались Серафимовыми, напр. Серафимовъ-Боголюбовъ (Род., 429). Независимо отъ пользованія стипендіями воспитанники получали патронимическую по формѣ фамилии въ честь особо-уважаемыхъ или покровительствовавшихъ имъ духовныхъ лицъ: напр. ученикъ Иркутской семинаріи Иванъ Поповъ-Ангинскій (впослѣдствіи Иннокентій, митрополитъ Московскій) былъ переименованъ въ Веніаминова въ честь управлявшаго четверть вѣка Иркутской епархіей (1789—1814) епископа Веніамина Багрянскаго. Такого же, повидимому, происхожденія фамилии, произведенныя отъ такъ называемыхъ «монашескихъ» именъ, какъ напр. Серафонскій (М. А., 563), Гедеоновскій (Орл. 5, 348). Былъ случай, что одно духовное семейство, именно Астраханскаго протоіеря Чумички, получило фамилію Александровыхъ въ 1813 году въ честь Императора Александра I съ дозволенія самого Государя⁵).

¹) Ап. Евода—7 Сентября, Ап. Киоы—8 Декабря, Мч. Мара или Мариса—28 Марта
Мч. Хрисогона—22 Декабря, Свмч. Альвіана, еп. Анейскаго—4 Мая. Салафіилъ имя архангела. Фамилія Марисовъ, какъ видно изъ примѣра родственника патріарха Никона Федота Марисова, употреблялась и въ XVII вѣкѣ.

²) Смирновъ, Ист. М. Слов. Гр. Лат. Ак., 418.

³) Напр. протопресвитеръ В. И. Забоноцкій-Платоновъ официально именовался Платоновыми (Адр. Кал. 1844 г., 108).

⁴) Надеждинъ, Ист. С.-Петерб. сем., 247, 642.

⁵) Родоселій, Віограв. Словарь, 168.

Самая употребительная патронимическая фамилия произведены отъ старорусскихъ некалендарныхъ именъ Бѣляй, Любимъ, Некрасъ, Нечай и Смирной—Бѣляевъ, Любимовъ, Некрасовъ, Нечаевъ и Смирновъ. Это объясняется тѣмъ, что 1) эти фамилии всегда были употребительны во всѣхъ классахъ Русского общества и, какъ ходовая, давались ученикамъ тѣмъ болѣе, что они заключали въ себѣ указания на извѣстные физическая и нравственные особенности учениковъ, 2) эти фамилии носили некоторые ученики, поступавшіе въ духовныя школы изъ «иносословныхъ»¹⁾, 3) отъ этихъ именъ получили названія многія селенія, и отъ нихъ уже получили фамилии воспитанники, уроженцы этихъ селеній²⁾. По тѣмъ же причинамъ довольно много фамилий произведено отъ некалендарныхъ именъ Бажень, Безсонъ, Богданъ, Булгакъ, Вешнякъ, Воинъ, Добрыня, Дружина, Жданъ, Истома, Постпѣль, Постникъ, Суббота и Третьякъ. Нѣкоторые сравнительно мало употребительные некалендарные имена дали начало довольно употребительнымъ духовнымъ фамилиямъ: Базарь—Базаровъ, Воронецъ—Воронцовъ, Копосъ—Копосовъ, Неудача—Невдачинъ и Недачинъ, Говоръ (Тупиковъ, 108)—Говоровъ, Глаголь (Тупиковъ, 104)—Глаголевъ, Величко (Тупиковъ, 82)—Великовъ, Величковскій и Величкинъ, Совѣтъ—Совѣтовъ³⁾. Фамилии этого типа составляютъ переходъ къ фамилиямъ, произведеннымъ отъ названій мѣста родины учениковъ. Въ спискахъ учениковъ вслѣдъ за именемъ и отчествомъ указывалось обыкновенно и *domicilium*, т. е. мѣсто родины (Теод., 218), и было естественно образовать для безфамильного ученика фамилию отъ названія этого *domicilium*.

Фамилии, произведенные отъ именъ городовъ, встрѣчаются въ двухъ формахъ: они или произведены отъ имени самого города Петропольскій (Каз. кн., 505), Москвинъ, Костроминъ (Тул. б, 4) или отъ имени его жителей, Казанцевъ, Болховитиновъ, Ростовцевъ (З, 172), Сузdal'цевъ (Костр. 90, 82), Холмогорцевъ (УФ. б, 1223). Сравнительно немногія фамилии, какъ Тамбовскій (Тамб. 35, 714) въ Тамбовской же епархіи,

¹⁾ Архиеп. Псковскій Иннокентій Нечаевъ († 1799 г.) былъ сынъ дворового человѣка Нарышкиныхъ.

²⁾ Селенія съ названіемъ Бѣляево встрѣчаются во многихъ губерніяхъ, напр. Тверской, Тульской, Тамбовской и Курской, съ именемъ Нечаево и Нечаевка—въ губерніяхъ Московской, Саратовской, Пензенской, Курской и Тамбовской.

³⁾ Баженово и Бажановка—села во Влад. и Сарат. губ., Базарово—с. Подол. у., Моск. г., Булгаково—села въ Сузд., Саран. и Бузулук. уу. и сельцо въ Дмитріев. у. Кур. губ., Величково—село Яросл. у.. Говорово—сеза Подол. у. Моск. губ. (Теплыс Ставы, въ Яросл. и Саран. уу., Глаголево—с. Верейск. у., Дружинино—с. Вытегор. у., Копосово—с. Балажи. у., Воронецъ—с. Кром. у., Добрынь—села Кром. и Сѣв. уу.

произведены отъ именъ епархиальныхъ и вообще большихъ городовъ, такъ какъ не было основанія при большомъ числѣ учениковъ изъ уроженцевъ этихъ городовъ давать кому-либо одному изъ нихъ фамилію по имени общаго для нихъ всѣхъ города; фамиліи, произведенные отъ именъ такихъ городовъ, обозначаютъ большую частью пришельцевъ изъ другихъ епархій, напр. Галицкій въ Вятской епархіи (2, 135), Пензенскій въ Томской епархіи (2, 157). Томскій (80, 227) въ Костромской епархіи. Большая часть фамилій произведена отъ именъ уѣздныхъ городовъ, какъ напр. Дмитровскій (Моск. Некрол., I, 381), Лашевскій (Каз. 5, 758) и Цивильскій (4, 206), Моршанскій (Тамб. 5, 404) и Темниковскій (Тамб. 5, 442), Сапожковъ (Д. III, 76) и Сапожковскій (Д., II, 293), Опоцкій (Род., 8) отъ г. Опочки, Холмогорскій (Каз., 157) и очень любимая фамилія Холмогоровъ¹⁾). Нѣкоторыя фамиліи, произведенные на первый взглядъ отъ названій городовъ, на самомъ дѣлѣ произведенъ отъ названій сель. напр. Бронницкій (Род., 54) отъ с. Броннико Новг. у., Елецкій (Сад., 172) отъ с. Елещъ Юрьев. у., Новгородовъ (Тул. 5, 185) отъ с. Новгородского Богородиц. у., Новгородскій (Вл., 179) отъ с. Новгородского Владим. у., Пронскій (Д., I, 304) отъ с. Прони Зарайск. у. Нѣкоторыя фамиліи произведены отъ названій сель, которые сами получили названія отъ личныхъ именъ своихъ основателей или владѣльцевъ, напр. Глѣбовъ (Д., I, 79) отъ с. Глѣбова Рязан. у., Клементьевскій отъ с. Клементьева Дмитр. у. Моск. г., Нектарьевскій отъ с. Нектарьева (бывшій Нектаріенъ монастырь) Твер. у., Алексинскій отъ какого-нибудь изъ нѣсколькихъ сель съ этимъ названіемъ Владимирской губ.²⁾). Фамиліи Красновъ, Красновскій, Красносельскій, Красносельцевъ, Красивскій (Тамб. 95, 381), Добросельскій (О. Р., II, 924) Отрадинъ (87, 56) и Отрадинскій произведены отъ назвавшій, указывающихъ на общій характеръ мѣстности, какъ Красное, Красивое³⁾, Отрада, Отрадное. Весьма многочисленны фамиліи, произведенные отъ топографическихъ названій, указывающихъ на характеръ устройства поверхности: Высокія и Высоцкія дали фамиліи Высоковъ, Высоковскій (Вол. 97, 232) и Высоцкій, Верхи и Вершины—Верховскій и Вершинскій, Выш-

¹⁾ Кроме города есть село Холмогоры Задонск. у. Фамилія эта, кажется, давалась независимо отъ мѣста родины. Вообще встречаются фамиліи на *въ* вместо *скій* отъ именъ городовъ, напр. Чебоксаровъ (Каз. 86, 327), Сургутсковъ (З, 182).

²⁾ Иногда отъ названій села на ское образуется фамилія на *въ*, напр. экзархъ Грузіи Моисей Антиповъ-Богдановъ (†1837) получила вторую фамилію отъ с. Богдановского Конон. у. (Ген.; II, 336). Иногда отъ села съ названіемъ на во или по производится двѣ фамиліи на *въ* и на *скій*, напр. отъ Костина—Костинъ и Костинскій (87, 98).

³⁾ С. Красивое Коалов. у.

яя (многочисленныя въ Тульской, Орловской и Курской губерніяхъ)—Вышневскій, Горы, Горки и Горицы (с. Влад. и Шуйск. у.у.), Загорья, Нагорныя (с. Кинешем. у.), Нагорья (с. Пересл. у.), Подгорья (с. Ростов. у.)—Горскій, Горицкій (Вл., 83¹), Загорскій, Нагорновъ и Нагоровъ (Костр. 85, 9), Подгорненскій (2, 155) и сложныя Доброгорскій, Глыбогорскій (Спб., 654), Златогорскій (Сар. 2, 375), Крѣпкогорскій (Сар. 2, 375), Высогорскій (Каз. Оп., 410²), Зеленогорскій (Нж. 4, 203)³), Лысогорскій (Тамб. 95, 384⁴); Холмы—Холмскій Холмовскій (78, 111), Курганы—Кургановъ и Курганскій (Тамб. 5, 408), Крутцы (Крутецъ, с. Вязник. у.) и Крутицы (Крутицы, с. Крапивен. у.)—Крутецкій (Вл. 4, 320) и Крутицкій (Тул. 5, 218), Дебри (с. Вязник. у.)—Дебрскій (2, 132). Вершины (въ губерніяхъ Орловской и Тульской такъ называются овраги)—Вершинскій, Враги (нѣсколько сель въ Саратовской губ.)—Врацкій (Пенз. 71, 233), Приклонъ (Приклонъ, с. Медленков. у.) и Уклоны (т. е. склоны, покатости)—Приклонскій и Уклонскій (См., IX), Логи—Логевскій (Пенз. 71, 270) и Красноложскій (Вор. 903, 15)⁵), Долы, Дольцы (Дольцы с. Бѣлев. у.), Подолы (Подолецъ, с. Семен. у.) и Удолы (2 деревни Вязник. у.) и тому подобныя названія низменныхъ и ровныхъ мѣстностей—Дольскій, Долинскій (Пенз. 0, 580), Долецкій (Тул. 5, 217), Подольскій (Нж. 4, 329) и Удольскій (Вл. 4, 454), Понизовскій (Род., 370) отъ с. Понизовье Корчев. у., Ровенскій (Род., 399) отъ с. Ровно Борович. у., Поля (съ эпитетами), Поляны и т. п.—Польскій (Яр. 70, 241), Полянскій, Запольскій, Краснопольскій, Великопольскій, Круглополевъ (86, 77), Высокополянскій (7, 173), Перелоги (заброшенная пашня-паръ) — Перелоговъ (Ген., III, 130)⁶), Луга, Лужки и. т. п.—Лужковъ и Лужецкій, Луганскій (83, 54) по с. Лугань Мещов. у., Елани (открытая мѣста)—Еланскій (3, 181), перевѣываемую иногда въ Еланскій, Исады⁷)—Исадскій (Арх. 5, 115). Фамилія Лузинъ (Сп. арх., 66) происходит отъ лузь—лугъ (Влад.) или лужа (Рязан.). Не менѣе многочисленны фамиліи, указывающія на составъ

¹) Въ Костромской епархіи Горицкій (86, 74) по селу Никольскому-Горицкимъ Непрехт. у. Архієп. Херсонскій Іоанникий Горскій (†1877) былъ родомъ изъ с. Малаго Богословскаго на Горѣ Данилов. у. (Род., 183).

²) Высокая Гора—с. Казан. у.

³) Сиасъ-Зеленые Горы—с. Нижегор. у.

⁴) Лысныя Горы—с. Тамбов. у.

⁵) Красный Логъ—с. Ворон. у. Логъ кромѣ значенія оврагъ въ некоторыхъ мѣстностяхъ (Новг. губ.) имѣть значеніе лугъ.

⁶) Круглое Поле—с. Мензелин. у., Перелоги—с. Суд. у.

⁷) Исада въ Архангел. губ.—лугъ, Исады въ Поволжѣ (село Макарьев. у.)—пристань, рынокъ, Исады въ Пермской губ.—отмель.

и характеръ почвы: Пески и Песочни дали фамилии Песковъ (Д., II, 110) Песоцкій (Нж. 4, 132) и Песоченскій (Д., I, 61), Камени и Каменцы—Камневъ, Каменевъ, Каменновъ, Каменскій и Каменецкій (Сам. 2, 112)¹⁾ Глинища и Глинки—Глинковъ (76, 151), Глинскій, Грязи съ производными—Загряжскій, Болота и Заболотья—Болотовъ и Заболотскій. Ржавцы и Коржавины (мокрыя мѣста, Коржавинскій починокъ Ветлуж. у.) Ржавенскій (7, 399) Коржавинъ (Вол. 97, 209)²⁾, Суходолы и Суходы (Сухода, с. Сузд. у.)—Суходольскій и Суходескій; Рудни съ производными, означающія мѣста съ рудными залежами, а также и мокрыя,—весьма употребительную фамилию Рудневъ и Рудаковъ, Зарудскій (7, 140), Руднинскій (86, 177), Усолья (2 села Пересл. и Ковров. у.у.)—Усольскій (Вл. 4, 457), Солонцы (Солонецъ с. Яросл. у.)—Солонцевъ (Яр. 70, 243). Въ епархіяхъ приморскихъ встречаются фамилии, произведенныя отъ названий морей и острововъ: въ С.-Петербургской Балтійскій (2, 153) и Аландскій (Спб., 645), въ Астраханской—Каспіевъ (88, 91); есть и общая фамилия Приморскій (3, 192). Изъ другихъ фамилий гидрографического характера попадаются слѣдующія: Рѣкинъ (Д., II, 234), Струйскій (87, 48), Порѣцкій (Яр. 5, 5), Великорѣцкій (0, 196), Краснорѣцкій (Тери., 516), Рыборѣцкій (Олон. 3, 828), Сухорѣцкій (Каз. 5, 760), Зарѣцкій Заволжскій (Зн. III, 341), Москворѣцкій (Ген., II, 346), Угорскій (Кал. 5, 221) по р. Угрѣ, Иргизовъ (85, 44) по р. Иргизу, Лигскій (Яр. 70, 405) отъ с. Иванькова на Лигѣ Ростов. у., Синскій (87, 55), по погодству Синское устье (р. Синяя) Остров. у., Колпскій (79, 134) по р. Колпи, Заколпскій (Вл. 4, 84) отъ с. Заколпья. Меленк. у., Зачеренскій (84, 62) по пог. Зачереню (р. Черная) Псков. у., Завазальскій (Вл. 4, 397) отъ с. Егорія за Вазалью Ковров. у., Закедскій (Яр. 4, 329) отъ с. Закедь Ростов. у. и т. п., Верховскій и Вершинскій³⁾, Рѣпновершинскій (82, 50) по с. Рѣпной Вершинѣ Балашев. у. при истокѣ р. Рѣпной, Верхокамскій (Вят. 69, 221), Истокскій (82, 49)⁴⁾, Устьянскій, Устьволгскій (Олон. 3, 447)⁵⁾. Городенскій (отъ Городня въ значеніи сваи), Бережковъ (Сад., 157), Бережковскій (Пенз. 68, 250), Береговскій (Тамб. 63, 42), Прилуцкій⁶⁾, Криволукскій (Тамб. 95, 105)⁷⁾,

¹⁾ Сюда же можно отнести и фамилию Кременскій (7, 113).

²⁾ Того же происхожденія фамилия Лягинъ (Арх. 5, 169) отъ лага—лужа.

³⁾ Отъ словъ Верховье и Вершина въ смыслѣ истока рѣки.

⁴⁾ Отъ с. Истокскаго Екатеринбург. у.

⁵⁾ Или Устьвольскій (Олон. 3, 452) отъ Устьвольского погоста на Онегѣ (притокъ с. Волошка) Каргопол. у.

⁶⁾ Прилука изгибъ рѣки, соответствующей мысъ—луга.

⁷⁾ Криволучье дер. Кирсан. у.

Лимановъ (76, 146), Затонскій (87, 65), Чернозатонскій (Сам. 2, 86)¹⁾, Надпорожскій (Олон. 3, 447)²⁾, Ключевъ (Пенз. 0, 5 оф.), Ключевскій, Ключанскаій (Вор. 903, 55), Бѣлоключевскій (Пенз. 0, 370 оф.)³⁾, Кри- ницкій (97, 461), Кладезевъ (Пенз. 97, 512), Студенцовъ, Студенскій и Студенецкій (Тул. 5, 228), Ручьевъ и Заруцкій, Источниковъ, Родниковъ и Родниковскій (Пенз. 2, 568), Гремяченскій (Тамб. 63, 226) отъ с. Гремячка Кирсан. у. и Гремячкинъ (Каз. кн., 201) отъ с. Гремячки- Покровскаго Лайшев. у. Весьма многочисленны фамиліи, произведенные отъ названий стоячихъ водъ: Озера, Озерки, Озерища и Заозерья дали фамиліи Озеровъ, Озерскій (77, 128), Озерковъ (Вол. 69, 342), Озерец- кій (Зн., III, 422), Озерецковскій⁴⁾, Озерицкій (Ряз., XXXV), Заозерскій, въ Славянской формѣ Езерскій и Езеровъ (Сад., 172); тѣже имена съ разными эпитетами дали фамиліи Святоозерскій (Вол. 5, 238), Черно- озерскій (Псков. 2, 177) по с. Черноозерье Остров. у., Кубенскій (Вол. 69, 343), Ильменскій (39, 163)⁵⁾, Селигерскій (Новг. 4, 1037), Глубоковскій (Вол. 69, 505) по с. Глубокому Кадник. у. на о. Глубо- комъ⁶⁾.—Пруды, прудки, прудища и запрудки дали фамиліи Прудковъ (Р. Ст. XXXIII, 666), Прудовскій (Тул. 5, 239), Сухопрудскій (Сам. 2, 92), Запруденскій, Запрудскій (Яр. 5, 376).—Въ Великорусскихъ епархіяхъ, въ недавнее еще время покрытыхъ лѣсами, нетрудно встрѣтить фамиліи: Лѣсковъ (3, 146), Лѣсницкій (Кут., 219), Залѣсскій, Вышелѣс- скій (Ряз., XXXVI) отъ с. Вышелѣса Егор. у., Полѣсскій (Род., 368), Борковъ (Ряз. 5, 495), Боровскій, Борецкій (3, 185), Боровицкій (81, 122), Заборовскій, Красноборскій (Вят. 69, 150 неоф.), Борго- лышкинскій (Яр. 5, 50) отъ с. Бора-Голышкина Данил. у., Дубровинъ, Дубровскій, Дубравицинъ (Фил. II, 141), Дубравицкій (6, 256), Старо- дубровскій (Ряз. 5, 192), Краснодубровскій (84, 62)⁷⁾ Задубровскій (Ряз., XXXVI) отъ с. Задубровья Спас. у.—Гаевъ (Ряз. 5, 191), Гай- скій (Нж. 4, 336) и Гаевскій (Ряз. 5, 431)—Рамени и раменя⁸⁾ дали

¹⁾ Черный Затонъ—с. Хвалын. у. Сарат. г.

²⁾ Надпорожскій погость на Онегѣ въ Каргопол. у.

³⁾ Въ Пензенской и Саратовской епархіяхъ до сорока селеній съ названіями Ключи и Ключицы.

⁴⁾ Отъ с. Озерецкое Дмитр. у. Моск. губ. (Ген., III, 61).

⁵⁾ Фамилія Ильменскій и Ильменевъ (Тамб. 4, 842) встрѣчается вездѣ где имются Ильмени—озера (проточныя), заросшія по берегамъ камышомъ, напр. въ Тамбов. у два селенія.

⁶⁾ Въ богатыхъ озерами епархіяхъ, какъ напр. Олонецкой, весьма часты фамиліи въ родѣ Пидьмозерскій, Почезерскій и т. п. (Олон. 3, 451).

⁷⁾ Пос. Красная Дуброва Спас. у. Тамб. г.

⁸⁾ Рамень—лѣсъ, соѣздній съ покемъ; Раменые—деревни на опушкѣ (Даль); по другимъ (Обл. сл. 188) Рамень—дремучій лѣсъ, Раменѣ—деревня на полугорѣ.

фамилии Раменский, Краснораменский (Яр. 5, 375) по с. Красно-Раменю Ростов. у.—Гривы (рощи)—Гривский (Пск. 2, 177) по с. островского у.; части леса, окруженные безлесными пространствами, равно какъ заповѣдныя и отмежеванныя отъ другихъ, называемыя островами, клинами и осѣками, дали фамилию Островской, Заостровской (80, 154¹), Высокоостровской (Спб. указ., церквей 1895 г. 23), Островитяновъ (96, 199), Заклинской (Сп. арх. 1896 г., 78) по с. Заклинамъ Порхов. у., Лесоклинской (95, 186), Спасоклинской (Пск. 2, 251) по с. Спасову Клину Холм. у., Осѣцкой (Сп. арх., 55) пос. Осѣкъ-Богородскому Любим. у. и Осѣченской (Тв. 4, 455)².

На характеръ мѣстной растительности указываютъ также фамилии Парусниковъ отъ слова парусники или паросники, означающаго въ губерніяхъ Орловской³), Смоленской и Псковской небольшой лесь, и Вересняговъ (Вол. 69, 430) отъ слова вереснягъ, означающаго въ сѣверныхъ губерніяхъ мѣсто, поросшее можжевеловыми кустами. О мѣстностяхъ съ выжженымъ или вырубленнымъ лѣсомъ напоминаютъ фамилии: Пожарский (Нж. 4, 301, отъ с. Пожарков. Сергч. у., Гарскій (Костр. 90, 178) по 2 селамъ Гари Большія Макар. у., Гаровскій (4, 216), Гарицкій (Ряз., XXXII) отъ с. Гариць Спаск. у. Загарскій (Вят. 69, 138) отъ с. Загарь Вят. у., Погорѣльскій (Яр. 5, 424)⁴), Пеньковскій (Каз. 67, 252) отъ с. Пеньковъ Мамадыш. у. и Цепскій (Вл. 4, 460) отъ с. Пенья Юрьев. у.

Указаніе на породы деревьевъ, преобладающія въ извѣстной мѣстности, даютъ въ фамилии, Ельцовъ (Ряз. 5, 324), Елецкій (Псков. 2, 178), Ельниковскій (Яр. 5, 367) отъ с. Георгіевскаго Ельниковъ Углицк. у., Ельцынскій (Вл. 105) отъ с. Ельцина Покров. у., Елоховскій (Яр. 70, 233) отъ с. Елохова Рыбин. у., Соснинъ (4, 199), Сосникъ (Род., 468), Сосновскій, Соснецкій, Сосницкій, Хвойнскій (Псков. 2, 178) отъ погоста Хвойно Опочец. у., Березинъ, Березкинъ, Березовскій, Березницкій, Березскій (Псков. 2, 301)⁵), Дубовъ, Дубковъ

¹) По с. Заостровью Архангел. у.

²) Акакій Звалинскій, еп. Енисейскій, быть родомъ изъ Рижской епархіи, до 1850 г. соединенной съ Псковской, Германъ Осѣцкій, еп. Кавказскій († 1895 г.) быть родомъ изъ самого села Богородскаго Любим. у.

³) Парусное дер. Елецкаго у.

⁴) Многочисленныя Погорѣлки и Погорѣлки въ Яросл. губ. указываютъ не на одни лѣсные, но и на деревенскіе пожары.

⁵) Въ одной Псковской губ. 17 называлъ селеній отъ слова береза: Береза, Березо, Березна, Березкино, Березка, Березники, Березница, Березно, Березюти, Березия, Березовъ, Березовицы, Березовна, Березово, Березуги, Березы и Березье.

(Астр. 5, 192), Дубенский (Кут, 387), Поддубский (Тв. 4, 456) отъ с. Поддубово Вышневол. у., Липинъ (Ряз. 5, 45), Липовский (Тамб. 5, 479) Липяговъ (83, 71)¹⁾ и Подлипский (Сп. архіер., 29) отъ с. Подлипы Переслав. у., Хмѣльницкій (Яр. 70, 245) отъ с. Хмѣльники Рост. у., Лапушкинскій (Яр. 70, 406) отъ с. Лапушкамъ Понехон. у., Рѣпенскій (87, 61) отъ с. Рѣпного Чернск. у. Насажденія искусственные, какъ-то Сады, Садки, Вишеники, Вишняки, Яблонки и пр., дали фамиліи Садовъ, Садовскій, Садковскій, Садиковъ (Тв. 4, 16), Вишняконъ, Вишневскій, Яблонскій и т. п. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ и на фауну мѣстности, напр. Волчанскій (Род., 87) отъ с. Волчья Лебедян. у., Лебяжьевъ (76, 154)²⁾.

Многія фамиліи указываютъ на характеръ поселеній: Городки, Городцы, Городища, Городни (въ значеніи огорода) и т. п. дали фамиліи Городенскій, Городковъ³⁾, Городенскій (Сп. рект. 1906, 21), Городчаниновъ (Ген., I, 245); тѣ же названія съ эпитетами дали фамиліи Вышегородскій (Ряз., XXXVII) отъ с. Вышгорода Ряз. у., Милоградскій (Вор. 903, 84) и т. п. Пригороды дали фамилію Пригородовъ (Сзд. 201), сёла (Село, с. Олон. у.), Селища, Сельцо и т. п., Сельскій (Каз. 67, 315), Селецкій (Сзд., 205), Селицкій, Селищенскій (Р. 5, 85), Селяниновъ (91, 131)⁴⁾. Сёла съ эпитетами Великое, Старое, Новое⁵⁾ и т. п. дали фамиліи Великосельскій, Старосельскій, Новосельскій, Новоселовъ, Новскій (М. 87), Но-венскій (СПБ., 649), Новоусценскій (Кут. 267), Новоникольскій (Ряз., XXXIV). Слободы—Слободской, приселки—Приселковъ (Тв. 4, 338), Деревни⁶⁾ Деревенскій, Веси и Вески—Вескій (Тв. 4, 348), Весинъ (Род., 73), Весковъ (83, 67), хутора—Хуторскій (Пенз. 83, № 13, 38), погосты—Погостовскій (Тамб. 5, 328), монастыри и монастырщины—Монастыревъ и, Монастырскій⁷⁾, Пустыни, пустыньки—Пустынскій, кресты и крестцы (перекрестки) — Крестовъ, Крестовскій, Пятикр-

¹⁾ По с. Липягамъ Скопин. у.

²⁾ Въ Симбирской епархіи. Срав. села съ названіемъ Лебяже въ Лашев., Николаев.- въ Ставрооп. у. у.

³⁾ Архієп. Ризавскій Гавріа́з Городковъ († 1862 г.) бывъ родомъ изъ с. Городковичей Спас. у. Ряз. губ. (Род. 93). Известная фамилія Городовицкій (81, 105) происходит отъ с. Городовика въ Порхов. у.

⁴⁾ Селяниново—с. Черн. у.

⁵⁾ Новое, Ново, Нови, Новинки и т. п.

⁶⁾ Деревенское—с. Спас. у. Ряз. губ.

⁷⁾ Отъ названий подмонастырскихъ слободъ получились нѣкоторыя фамиліи, напр. Одриинскій (Орд. 5, 247) по Одриину монастырю Каракев. у., Флорищевскій (Вл. 4, 317) во- Флорищевой пустыни Горожовец. у.

стовскій (М. 98) отъ погоста Пять Крестовъ Колом. у., Кстовскій (Нж. 68, 246) отъ с. Кстова (Крестово) Нижегор. у.¹⁾). Стежки (дороги) гумна и загуменья (дер. Устюжск. у.), Гуменскій (80, 161) и Загуменскій (83, 61). Сюда же можно отнести фамиліи Граничновъ (85, 39. и Пограницкій (86, 77). Стеженскій (Род., 479) отъ с. Стежки Козлов. у.). Села, названныя по титуламъ своихъ духовныхъ владѣльцевъ, какъ Владыкино, Владычино, Владычня, Митрополье²⁾, Игумново (нпр. села Брон., Мож. и Серпух. у. у.), Синодское (села Петров. и Вольск. у.), дали фамиліи Владыкинъ, Владычкинъ, Владыковъ (2, 141), Владычинскій (Яр. 70, 408) и Владыченскій (Яр. 5, 367), Митропольскій, Митрополевскій (76, 131), Игумновъ (95, 176), Синодскій (З.н. III, 433).

Кромѣ фамилій, которыхъ топографическое происхожденіе болѣе или менѣе ясно, существуютъ фамиліи, происхожденіе которыхъ дѣлается яснымъ только послѣ указанія на имя соотвѣтствующаго села. Таковы, напримѣръ слѣдующія фамиліи, или вообще употребительныя среди духовенства, или сдѣлавшіяся извѣстными благодаря іерархическому возвышенію или ученой и литературной дѣятельности ихъ носителей: Антушевъ—с. Антушева Бѣлозерск. у. и др., Бакшевскій—с. Бакшево Александр. у. Влад. губ.³⁾, Бичуринъ—с. Бичурино Чебоксар. у.⁴⁾, Бѣлавинъ (и испорченная Беллавинъ и Бѣллавинъ)—с. Бѣлавино Муромск. у. и др., Бѣлавинская пустынь Вологод. еп., Бѣлинскій, собств. Бѣлинскій, отъ с. Бѣлинъ Нижнеломск. у., гдѣ былъ священникомъ дѣдъ В. Г. Бѣлинского (Пыпинъ, I, 7); Вадковскій и Вадовскій (Тамб. 95, 447)—с. Вадовскіе Селицы на р. Вадѣ Спасск. у. Тамб. губ.⁵⁾; Горѣтовскій—села въ разныхъ губерніяхъ, и пр. въ Рязанской и Ярославской, Грибановскій и Грибановъ (Тамб. 95, 390)—сс. Большая и Малая Грибановка Борисогл. у. Тамб. г.⁶⁾; Дарскій—с. Дарищи Ефрем. у.⁷⁾, Дебольскій—с. Дебола Ростов. у.; Елпатьевскій—с. Елпатьево Переясл. у.;

¹⁾ Къ тому же роду фамиліи относятся Замыцкій (Ген. I, 199) отъ с. Замытья (мыть) Бѣженецъ, у.

²⁾ Нпр. с. Митрополье Дмитр. у. Москов. губ. Тамбов. у. с. Воскресенское, что въ Митрополье Вологод. у.

³⁾ Епископъ Черниговскій Лаврентій Бакшевскій († 1837) былъ родомъ изъ Влад. г. (Ген. II, 210).

⁴⁾ Извѣстный сиологъ Іакинъ Бичуринъ былъ родомъ изъ этого села.

⁵⁾ Митр. С.-Петербургскій Антоній Вадковскій уроженецъ Спасск. у.

⁶⁾ Епископы Таврическій Михаилъ Грибановскій и Серпуховскій Анастасій Грибановскій уроженцы Тамбовской епархіи.

⁷⁾ Епископъ Камчатскій Макарій Дарскій (†1892 г.) уроженецъ Тульской епархіи.

Жмакинъ¹⁾—сц. Жмакино - Дмитріевское Бугульм. у.; Иавѣковъ—с. Иавѣково Мещов. у., Ильинскій—с. Ильино Городище. у. Пенз. губ.; Карелинъ—с. Карелино Ряз. у.²⁾, Карицкій—сс. Карино и Карицкое въ разныхъ губерніяхъ, и пр. Въ уу. Звенигородскомъ и Александровскомъ Влад. губ., Кутеповъ—с. Кутепово Малояросл. у., с-цо Кутепово Тульск. у.; Люперсольскій (Род., 253)—с. Люперсоля Яранск. у.; Микулицкій—с. Микуличи Ряз. у.³⁾, Мыщынъ—с. Мыща Касим. у.; Павскій—Павскій погостъ Лужск. у.⁴⁾, Полотебновъ—с. Полотебна Скопин. у.; Помяловскій (Род. 369) отъ с. Помялова Новоладож. у.; Раевъ—многочисленныя села и пр. въ уу. Моложскомъ, Чернскомъ и Моршанскомъ⁵⁾; Сменцовскій (Яр. 70, 95)—с. Сменцово Мышики. у.; Ундолъскій—с. Ундолъ Владим. у.

Фамилії, произведенные отъ названія сель, положительно преобладаютъ среди духовенства. Если взять списокъ духовныхъ лицъ той или другой епархіи, то въ немъ встрѣтишь почти всю топографическую номенклатуру этой епархіи. Для примѣра можно указать слѣдующія малоупотребительныя, рѣдко выходящія за предѣлы своей епархіи духовныя фамиліи, объясняемыя названіями сель нерѣдко инородческаго происхожденія: Абоносимовъ (Тамб. 5, 411)—Абоносимово, с-по Козловск. у., Адикаевскій (Пенз. 68, 279)—с. Адикаево Нижнеломов. у., Азановскій (Каз. кн. 97)—с. Азаново Царевококш. у., Аратскій (З, 171)—с. Аратъ Арзам. у., Асакасинскій (Каз. 67, 384) и Асакасовъ (Каз. 74, 234)—с. Асакасы Ядр. у., Атмисскій (1, 140)⁶⁾—с. Атмисъ Пензенск. у., Баклушинскій (Сар. 2, 315)—сс. Баклуши Балашев. и Вольск. у.⁷⁾; Берсутовъ (Каз. Он., 63)—с. Берсуть-Куюкъ Мамадышск. у., Брынскій (Кал. 5, 277)—2 села Жиздринск. и Менцевск. у. (Брынь), Бушневскій (Костр. 90, 138)—с. Бушнево Чухлом. у.; Вазерскій (Пенз. 90, № 12, 5)—с. Покровскія Вазерки Мокшан. у. Варзугинъ (Арх. 5, 161)—с. Варауга Кем. у., Вельдемановскій (Род. 69)—с. Вельдеманово Княгин. у., Воецкій (Сам. 2, 21)—с. Воецкое Карсун. и Сенгил. уу. Симб. г., Вошенскій (Сзд. 166)—с. Вошня Юрьевск. у.,

¹⁾ Покойный прот. В. И. Жмакинъ, былъ родомъ изъ Самарской епархіи. Въ смежныхъ съ Самарской епархіяхъ есть мѣстности съ такимъ же названіемъ, Жмакино, с. Саран. у., Жмакино, дер. Сердоб. у.

²⁾ Епископъ Рижскій Веніаминъ Карелинъ (†1874 г.) уроженецъ Рязанской епархіи.

³⁾ Епископъ Вологодскій Израиль Микулицкій (†1894 г.) уроженецъ Рязанской епархіи.

⁴⁾ Оттуда былъ родомъ прот. Г. И. Павскій. Въ Тверской епархіи есть фамилія Павскій (Тв. 4, 346) отъ Павскаго погоста Весьегон. у.

⁵⁾ Рай въ Нижегородской епархіи, гдѣ много Раевыхъ, значитъ гуль.

⁶⁾ Подобная же инородческая фамилія Коламсовскій (95, 175) отъ с. Коламсъ Кирсан. у., и Катмисскій (Пенз. 90, № 9, 4) отъ с. Катмиса Городищеа. у.

⁷⁾ Баклуша—выжива.

Вышелейскій (Пенз. 90, № 19, 13) и Пролейскій (Пенз. 68, 273)—сс. Вышелей Городищен. у. и Пролей-Салма Саранск. у., Гапоновъ (М. А. 563)—с. Гапоново Рыльск. у.; Долоцкій (Род., 142) отъ пог. Долонко-Гдов. у.), Дягилевъ (87, 60) отъ с. Дягилова Рязан. у.; Ембовскій (Вол. 69, 343), Ембскій Никольскій погостъ Кадник. у., Ерахторинъ (Ряз. 5, 494) или Раҳторинъ (Ряз. 5, 498)—с. Ерахторъ Касим. у.; Ибердусовъ (Ряз. 5, 338)—с. Ибердусъ Касим. у., Икскій (Вят. 69, 32)—с. Иксское Устье Елабуж. у.; Иловайскій (Тамб. 5, 407) и Иловаевскій (86, 39)—три села Иловай, Коаловскаго у., Кайдалинскій (4, 220)—сс. Большая и Малая Кандала Ставроп. у. Самар. губ., Кармальскій (Каз. 5, 805)—с. Кармалы Чебоксар. у., Кевдинъ (1, 140)—с. Кевда Чембар. у., Киватскій (Симб. 80, 78)—с. Кивать Сенгил. у., Киструссій (Сп. религ. 906, 45)—с. Киструсь Спасск. у. Ряз. губ., Кондаратскій (Каз. 5, 1414)—с. Б. Кондаратъ Карсун. у. Симб. губ., Корзинскій (Яр. 5, 327)—с. Корзла Данил. у., Купленскій (47, 159)—с. Спасъ-Куляя Нодол. у. Моск. губ., Кутлинскій (Пенз. 90, № 5, 15—с. Кутля Мокшан. у., Лайдеховскій (89, 372)—сс. Верхній и Нижній Лайдехъ Гороховец. у.; Мегорскій (Род., 269) и Мегринскій (6, 263)—с. Мегро Бѣлоаер. у., и Мегорскій погостъ Вышегор. у.¹⁾, Меликовъ (Сар. 3, 332)—3 села съ именемъ Меликъ въ Балаш. у., Мельцанскій (88, 113)—с. Мельцана Инсар. у., Можаровъ (Род., 202) отъ с. Можары Сапожск. у., Музалевскій (Ген. I, 334) сц. Музалевка Козельск. у., Максинскій (Яр. 70, 244)—с. Спасъ-Макса Пощех. у., Недригайловъ (Род., 293)—заштатн. г. Харьков. губ. Недригайловъ²⁾; Осъминскій (3, 154).—с. Осъмино Гдов. у., Оточевъ (Каз. 67, 475)—с. Оточево Ядрин. у.; Позельскій (Пенз. 3, 557)—с. Назелки Городищен. у., Пельскій (Сзд. 197)—с. Пеля Лукоян. у., Переяславскій (Ряз. XXXV)—с. Переяславъ. Происх. у., Подхватиловскій (Пенз. 68, 279)—с. Подхватиловка Нижнеломов. у., Поимскій (Пенз 97, непр. 989)—с. Поимъ Чембир. у. Поникаровскій (сп. рект. 98, 117)—3 с. Поникарова въ Яросл. губ., Потменскій (95, 161)—нѣсколько селеній съ названіемъ Потьма въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ, Праволамскій (0, 187)—с. Правыя Ламки Моршан. у.³⁾, Раасказовскій (96, 286)—с. Разсказово Тамб. у., Ракобольскій (Яр. 70, 360)—с. Ракоболь Пощех. у., Рудовскій (Тамб. 5, 442)—с. Рудовка Кирсан. у., Ручимскій

¹⁾ Прот. Г. И. Мегорскій былъ родомъ изъ Олонецкой епархіи (Род., 268) прот. Е. И. Мегорскій изъ Новгородской (Род. 269).

²⁾ Студентъ XXIII курса И. Е. Недригайловъ обучался въ Курской семинаріи. Недригайловъ, старинный пригородъ Путинъ находится на самой границѣ Курской и Харьковской губерній.

³⁾ Есть въ Тамбовской епархіи и фамилія Ламскій (Тамб. 95, 470), вѣроятно, не с. Лѣвыи Ламки того же уѣзда.

(Пенз. 97, 241)—с. Ручимъ Городищен. у., Саваренский (Вл. 4, 324)—погость Саварнея Вязник. у., Савватимский (Гамб. 5, 615)—с. Саввата Елатом. у., Сакулинъ (Съд. 204) и Сакулинский (Вл. 4, 320)—с. Сакулино Вязник. у., Сельдинский (Симб. 80, 479)—с. Сельда Симбир. у., Симанейский (Сар. 2, 615)—с. Симанцина Сердоб. у., Солотчинъ (Д. I, 12)—с. Солотча Ряз. у., Сотемский (Яр. 6, 375)—с. Сотьма Яросл. у., Стандровский (5, 206)—с. Стандрово Темник. у., Старосивильский (Пенз. 90, № 14, 14)—с. Старосивильский Майданъ Инсар. у., Сцѣпен-ский (Вор. 903, III)—с. Сцѣпное Землян. у.; Таболовский (М., 66)—с. Таболово Подол. у., Тавельский (Каз. 5, 813)—с. Тавели Мамадыш. у., Тавлинский (Пенз. 2, 87)—с. Тавла Саран. у.; Тамицкий (Арх. 5, 166)—с. Тамицы Онежск. у., Танаевский (Вят. 69, 168)—с. Танайка Елабужс. у., Токмовский (Пенз. 68, 280)—с. Токмою Инсар. у., Толпинъ (Д., III, 174)—с. Толчино Скопин. у., Топильский (Род. 494) отъ с. Тошилы Скошин. у., Тороцкий (Съд. 211)—с. Торки Сузд. у., Тоцкий (Каз. 5, 841)—с. Тоцкое (Тоцкая крѣпость) Бузулук. у. Самар. губ., Толбинский (Каз. 5, 804)—с. Б. Толба Тетюш. у., Туношенский (Род., 502)—с. Туношино Яросл. у., Турдакинъ (Пенз. 0, 579)—с. Турдаки Сарап., Турминский (зн. III, 339)—с. Турма Свияж. у., Туршин-ский (Съд. 213)—с. Туртино Сузд. у., Тюрлеминский (Каз. 5, 702)—с. Тюрлема Чебоксар. у. Ублинский (3, 146)—сц. Ублинские Лѣски Нижне-дѣвиц. у.; Унимеринъ (Яр. 70, 246)—с. Унимеръ Яросл. у.), Упир-вицкий (78, 140)—с. Упирвики Новоторж. у.). Уреевский (Сар. 2, 472)—с. Урей Краснослобод. у., Холуйский (Вл. 4, 303)—с. Холуй Вязник. у., Шаренский (Яр. 70, 315)—с. Шарна-Успенское Любим. у., Ширский (Род., 531) отъ Ширь-Никольского погоста Кологриев. у., Шкинский (М. 64)—с. Шкинь Коломен. у., Юминъ (Каз. Ол., 279)—с. Отторма-Юмъя Мамадыш. у. ¹⁾.

Безъ указаній на одноименныя села были бы непонятны сложныя топографическія фамиліи, какъ Бѣлорастовъ—отъ с. Бѣлый Раѣть (Ростѣ) Москов. у ²⁾, Добросотовъ (Ряз., XXXVI) отъ с. Добрый Соть Пронск. у., Долгомостовъ (Ряз. XL) отъ с. Долгомость Зар. у., Селоустьевъ (Каз. 5, 807) с. Село-Устье Ядрин. у., Туголуковъ Борисоглѣб. у., Чернобаевъ (Д., II, 77) отъ с. Чернобаева Пронск. у.

Нѣкоторыя фамиліи произведены не отъ имени села, но отъ имени его жителей, напр. Кандалинцовъ (Сам. 2, 35), Рамзайцевъ 2, 147).

В. Шереметевскій.

¹⁾ Всѣдѣствіе, вѣроятно, не любви архієп. Амвросія къ фамиліямъ на скїй въ Рязан-ской епархії многія фамиліи неправильнно имѣютъ окончаніе *скї* или *изъ* вместо *скїй*, напр. отъ Пески Песковъ, вм. Песковскій, Ростисловъ (Ряз. XXXII) вм. Ростисловскій, отъ с. Ростислово Зар. у.; даже отъ названий селъ съ окончаніемъ *ское*, *искій*, и пр. Санское (Спас. у.), Рѣчинскій погостъ (Михаил. иначе Ходяниово), образовалъ фамиліи Сановъ (Ряз., XLII), Рѣчинъ (Д., I, 351).

²⁾ Въ 1794 г. студентъ Никифоръ Бѣлорастовъ былъ изъ Троицкой семинаріи переведенъ въ С.-Петербургскую (Смирновъ, Ист. Тр. Б. сем., 549).

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

(Въ Дрезденъ, къ посланнику Ханыкову).

Monsieur le conseiller privé de Khanikoff. J'ai eu le déplaisir sensible de voir mon palais de Pavlovsk la proie des flammes. Un tuyau de cheminée crevé a mis le feu au bel étage, et tout le corps de logis se trouve réduit en cendres. Mon attachement pour ce séjour me fait désirer de le rétablir, autant qu'il est possible tel qu'il était avant ce désastre, et comme mon ancien architecte Brenna, qui doit se trouver dans ce moment ou à Berlin, ou à Dresde, ou à Leipzig, est en possession des dessins de l'arrangement intérieur des chambres, je vous saurai bon gré, si vous voulez bien lui faire parvenir la lettre ci-jointe, par laquelle je les lui fais demander, et vous charger aussi de me les expédier en cas qu'il préférât de vous les adresser. Je vous prie d'être d'avance persuadé de ma reconnaissance, ainsi que des sentimens d'estime avec lesquels je suis votre affectionnée «Marie».

St.-Pétersbourg, ce 14 Janvier 1803.

Перевод.

Господинъ тайный советникъ Ханыковъ. Я испытала чувствительное неудовольствие, видя, что мой Павловскій дворецъ сталъ жертвою пламени. Допнувшая печная труба произвела пожаръ въ бель-этажѣ, и все зданіе превращено въ пепель. Моя привязанность къ этому мѣстожительству заставляетъ меня желать возстановленія его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до этого бѣдствія, а такъ какъ планы внутренняго устройства комнатъ находятся у моего прежняго архитектора, который въ данное время долженъ быть или въ Берлинѣ, или въ Дрезденѣ, или въ Лейпцигѣ: то я вамъ буду обязана, если вы будете добры доставить ему прилагаемое при семъ письмо, которымъ я ихъ у него спрашиваю и переслать ихъ мнѣ, въ случаѣ, если онъ предпочтетъ направить ихъ къ вамъ. Прошу васъ быть впередъ увѣренными въ моей признательности, равно какъ и въ чувствахъ уваженія, въ коихъ пребываю расположенная къ вамъ Марія.

Петербургъ, 14 Генваря 1803 г.

Сообщено съ подлинника графомъ С. Д. Шереметевымъ.

О МАСОНСКИХЪ ТОРЖЕСТВАХЪ ВЪ ЧЕСТЬ АЛЕКСАНДРА I.

Императоръ Александръ I, въ дни его именинъ и восшествія на престолъ, воспѣвался масонами и въ пышныхъ одахъ, и въ витеватыхъ пѣсняхъ, полагаемыхъ на музыку.

Въ протоколахъ масонскихъ собраній встрѣчаются записи о подобныхъ торжествахъ. Такъ, 12 Декабря 1818 г., распорядительницею торжества, которое устроилось совмѣстно всѣми ложами обоихъ союзовъ, являлась Великая Провинціальная ложа. 12 Марта 1819 г. предсѣдающею ложею была Великая ложа Астреи. Такого рода распределеніе главной роли между ложами на торжествахъ было заранѣе обусловлено по взаимному соглашенію.

По черновику протокола, розысканного мною въ рукописномъ отдѣлѣніи Академіи Наукъ (въ бумагахъ Великой ложи Астреи), я приведу схему торжества 12 Марта 1819 г., поскольку это торжество касалось особы Государя.

Въ два часа пополудни, въ помѣщеніи ложи Петра къ Истинѣ (следуетъ отмѣтить, что Великая ложа Астреи по очереди совершила свои собранія въ помѣщеніяхъ союзныхъ своихъ ложъ въ Петербургѣ) собрались братья обоихъ союзовъ. Пригласительные билеты разосланы были всѣмъ членамъ великихъ ложъ и множеству братій. Ложа была открыта по староанглійскому обряду. Братья вошли въ ложу, слѣдя своему масонскому достоинству. Предсѣдательствовалъ великий мастеръ Великой ложи Астреи графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ при содѣйствіи князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Великий мастеръ Великой Провинціальной ложи графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій не присутствовалъ: онъ присыпалъ письмо съ выражениемъ глубокаго сожалѣнія, что лишенъ возможности быть на столь великому торжествѣ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ обратился къ братьямъ со словомъ о причинѣ собранія, которою была годовщина восшествія на престолъ императора Александра I, и о благодѣяніяхъ, которыми пользовалось въ его царствованіе все человѣчество и въ особенности масонство; онъ предложилъ присоединиться къ нему, чтобы воздать благодареніе Высочайшему Строителю міра и поручить Его всемогущей защищѣ семью августѣйшаго повелителя, недавно столь

сильно пораженную преждевременною кончиной королевы Виртембергской. Затѣмъ братья гармоніи исполнили кантуту. Великій витія Великой Провинціальной ложи братъ Степанъ Григорьевичъ Волховскій сказалъ на Русскомъ языкѣ рѣчъ, соотвѣтствующую торжеству. Другой великій витія братъ Фридрихъ Фольбартъ (докторъ теологіи, лютеранскій пасторъ церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ) со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ произнесъ рѣчъ на Нѣмецкомъ языкѣ; въ своей рѣчи онъ тщился изобразить чувства почтенія и признательности, которыми полны сердца всѣхъ подданныхъ, въ особенности же масоновъ, къ велиcodушному Государю; послѣднему масоны много обязаны, и потому они возносятъ Высочайшему Существу пламенные молитвы за счастье и благодеянствіе Государя. Всегдѣ затѣмъ братъ Андрей Петровичъ Поморскій по-русски говорилъ о достоинствахъ, украшающихъ Государя, и о проистекающихъ отсюда обязательствахъ содѣваться достойными его благорасположенія чрезъ истинно-масонскія дѣла. Графъ Салтыковъ очертилъ портретъ истиннаго масона и указалъ, что всѣ эти идеальные масонскія качества соединились въ особѣ Александра I. По предписанному ритуалу собраніе было закрыто въ четыре часа. Въ пользу бѣдныхъ было собрано 266 р.

Особеннымъ блескомъ отличалось торжество 12 Марта 1822 г. Черновикъ протокола этого собранія, тоже хранящагося въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ *), отмѣчаетъ, что собраніе имѣло мѣсто въ помѣщеніи ложь союза Астреи, приглашенія были разосланы по распоряженію Великаго Мастера Великимъ секретаремъ частью циркулярами, частью именными письмами. Братья обоихъ союзовъ, въ парадной одеждѣ, собрались въ 1 часъ дня. Работы велись по церемоніалу Шведской системы. Представителемъ Великой Провинціальной ложи явился великий намѣстный мастеръ Сергій Степановичъ Ланской. Въ блестящей рѣчи графъ Мусинъ-Пушкинъ представилъ тѣ чувства глубокой признательности къ Государю, которыхъ должны одушевлять всѣхъ его подданныхъ, а въ особенности масоновъ, получившихъ въ его славное царствованіе право держать ложи, и предложилъ братьямъ доказать свою благодарность не только словами, но и дѣлами, достойными истинныхъ масоновъ. Въ заключеніе Мусинъ-Пушкинъ обратился къ Величайшему Строителю міра съ мольбою о сохраненіи на долгіе годы драгоценныхъ дней Александра Благослов-

*) Вотъ заголовокъ протокола: Protocole de la G-de [ ] Astrée en commun avec la G-de [ ] Provinciale de 12 Mars 1822 pour célébrer la fête de l'anniversaire de l'avénement du trône de Sa Majesté Alexandre I-ier. Начинается же протоколъ словами: Au nom et à la gloire du Trois Fois Grand Architecte de l'Univers, dans un lieu très éclairé où règnent le silence, l'amitié et l'harmonie la plus parfaite и т. д.

словеніаго; собраніе вставаніемъ присоединилось къ его мольбѣ. Четыре брата исполнили музыкальную канту въ честь Государя. Затѣмъ были произнесены рѣчи на четырехъ языкахъ. Братьевъ, изъявившихъ желаніе сказать «слово» было такъ много, что великий мастеръ не могъ удовлетворить всѣхъ желаній и просилъ большинство братьевъ въ другой разъ озарить свѣтомъ ложу; слово было дано только четыремъ ораторамъ; князь Гагаринъ говорилъ по-французски, Коллинсъ—по-нѣмецки, Боровковъ—по-русски и Гирловичъ—по-польски. Сказанія рѣчи, проникнутыя истинно-масонскимъ духомъ и на рѣдкость краснорѣчивыя, вызвали всеобщій восторгъ, и великий мастеръ просилъ ораторовъ не отказать въ представлѣніи для архива Великой ложи списковъ съ ихъ рѣчей.

Торжествованіе тезоименитства Государя, 30-е Августа, совпадало съ годовымъ торжествомъ дня основанія великой ложи Астrei и также праздновалось рѣчами и кантатами. Судя по протоколу ложи Астrei, 30 Августа 1821 г., въ помѣщеніи союза Астrei состоялось торжественное собраніе членовъ ложъ обоихъ союзовъ; исполнялась по обыкновенію канта. Въ этотъ же день праздновалась годовщина основанія ложи Бѣлаго Орла *).

Упоминаемыхъ выше кантать мнѣ розыскать не удалось. Другая канта, на Французскомъ языке, была пѣта 12 Марта 1818 г. и хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музѣ. Масонская Муза рисуетъ намъ идеального мудраго правителя; цѣль Александра — счастье его подданныхъ; въ ихъ счастьѣ онъ обрѣтаетъ свое счастье; наполняется масонскія пѣсни восторгъ современниковъ передъ царемъ-миротворителемъ, вѣнчаннымъ героемъ борьбы съ великимъ Наполеономъ; воспѣвается, наконецъ, въ Александрѣ первый благосклонный покровитель вольного каменщичества въ Россіи. Замѣчу еще, что кромѣ Русскихъ пѣсень въ честь Государя имѣются пѣсни на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, сообразно тѣмъ языкамъ, на которыхъ работали Русскія масонскія ложи.

30 Августа былъ днемъ основанія еще двухъ ложъ: Александра къ тройственному благословенію въ Москвѣ (учреждена въ 1817 г.) и Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ (учреждена въ 1813 г.), а 12 Марта былъ днемъ основанія ложи Соединенныхъ Славянъ въ Киевѣ (учреждена въ 1818 г.).

Тира Соколовская.

*) Такъ по протоколу ложи Астrei, сохранившемуся въ черновикѣ въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ; но въ печатномъ спискѣ членовъ великой ложи Астrei день основанія ложи Бѣлаго Орла указанъ другой: 24 Іюня 1818 г.

I.

**Письмо великаго секретаря Лерхе князю М. П. Баратаему,
съ приглашениемъ на засѣданіе 12 Марта 1817 г.**

На В(остокѣ) С.-Петербургра, 2 Января 5817⁴⁾

Великая [ ] Астреи положила праздновать въ Понедѣльникъ 12 Марта торжественною и столовою ложею день, въ который Государь Императоръ, вънѣ благополучно царствующій къ счастію поданныхъ своихъ и всего человѣчества, принялъ бразды правленія.

Желая, чтобы въ празднѣтвій семъ всѣ истинные масоны, на здѣшнемъ Востокѣ находящіеся, приняли участіе, высокопочтенная Великая [ ] Астреи приглашаетъ васъ присутствіемъ своимъ украсить работы ея, кои начнутся въ торжественной [ ] -ї никакъ не позже двухъ часовъ въ полдень.

Имѣю удовольствіе привѣтствовать васъ. Св.: Н.: Ч.:⁵⁾

По повелѣнію высокопочтенійшаго великаго мастера графа Мусина-Пушкина-Брюса. Лерхе, великій секретарь.

P. S. Собрание будетъ въ домѣ Мааса, № 86, въ Кирпичномъ переулкѣ, идущемъ изъ Большой въ Малую Морскую. Билеты для столовой [ ] по 10 руб. получать можно, какъ обыкновенно, у бб. служителей до 11-го числа.

Пѣснь въ честь императора Александра I.

Тебѣ поемъ, герой вѣчанный,
Въ сей день землѣ во благо данный
Благотворящимъ Божествомъ
И день отнынѣ всей вселенной торжествомъ!
Молчали правда и законы,
Свирѣпой власти легіоны
Сбивали честь съ главы царей,
И міръ вертепомъ быль рабовъ и палачей,
И въ прахъ растоптаны оковы.
Земля пріяла образъ новый,
И царь нашъ, давъ народамъ миръ,
Ты съ ними празднуешь свободы братскій пиръ.
Свершай великое начало!
Твой тронъ царямъ земнымъ зерцало,
Ко правдѣ твердостью великъ.
Стражъ блага, предсѣдай въ судилищѣ владыкъ.
И мы среди торжествованья
Свою любовь и упованья
Приносимъ здѣсь на твой алтарь.
Прими отъ братій даръ, Миротворитель-Царь!
Будь долго намъ въ залогъ спасенія,

⁴⁾ Т. е. 2 Марта 1817 г.

⁵⁾ Т. е. священнымъ нашимъ числомъ.

Святой доргой Провидѣнья
Ко благу насы и міръ веди.
Звѣзда прекрасная земли, не заходи!

**Ода на всерадостнѣйшій день рожденія Государя Импера-
тора Александра I, 12 Декабря 1821 г.**

Ликуй, о сонмъ друзей священный!
Сей день на радость обреченъ:
Въ сей день Монархъ нашъ несравненный
Для блага подданныхъ рожденъ.
Въ сей день природа торжествуетъ,
Она ярчайшій свѣтъ даруетъ
Полночнымъ счастливымъ странамъ,
И мракъ скрывается ужасный,
И солнца лучъ крестообразный
Скорѣй является очамъ.

Не исчислять твои дѣянья,
Благословенный Царь сердецъ,
Не обращать другихъ вниманье
На твой бессмертія вѣнецъ,
Сияющій въ звѣздахъ эѳира,—
Моя стремится нынѣ лира!
Ей не достичь сей высоты.
Хочу въ сердечныхъ выраженьяхъ
Вѣщать о тѣхъ благотвореніяхъ,
Какія намъ являешь ты.

Судьбы всегда непостижимы.
Почто отъ первыхъ міра лѣтъ
Бывали мудрые гонимы?
Ужели ненавистенъ свѣтъ,
Намъ обличаюцій пороки?
Ужель высокіе уроки
Любить и близкихъ, и Творца
И отгонять зловредны страсти
Могли вовлечь людей въ напасти,
Въ развратъ повергнуть ихъ сердца?

О, памятны еще тѣ годы,
Возлюбленные братья, вамъ,
Какъ не было и здѣсь свободы
Масонамъ посѣщать свой храмъ,
Какъ суевѣрье угрожало,
Простерши ядоносно жало
На кругъ избранныйшихъ мужей,
И какъ въ обманѣ самовластья

Ввергало съ радостью въ несчастье
 Сихъ доблестныхъ опоръ властей!
 Но днесъ... угодно Высшей волѣ—
 Да настъ ничто ужъ не страшить,
 Днесъ съ Александромъ на престолѣ
 Сама премудрость возсидитъ.
 Она свой взоръ къ намъ обращаетъ
 И съ видомъ благостнымъ вѣщаетъ:
 „Я знаю вашихъ цѣль работъ,
 Она священна и полезна;
 Васъ не постигнетъ участъ слёзна,
 Отъ прежнихъ бѣдъ—я вамъ оплотъ!“
 Какъ мореходецъ отъ волненія,
 Обрѣтшій въ пристани покой,
 Лишь чувствуетъ восторгъ спасенія,
 Благословленія жребій свой:
 Такъ мы забудемъ все страданія.
 Прошли годины испытанія,
 И радость, радость—нашъ удѣлъ!
 Связуйся крѣпче, узелъ братства.
 Мы счастливы, намъ нѣтъ препятства
 Для добрыхъ и великихъ дѣлъ.
 Какое же благодареніе
 Мы Александрю воздадимъ?
 Ему не нужны прославленія:
 Онъ славнымъ подвигомъ своимъ
 Причину свыше полагаетъ
 И єиміамы отвергаетъ.
 Одно осталось намъ молить,
 Да дни его міровъ Строитель,
 Монарховъ добрыхъ Покровитель,
 Для настъ благословить продлить!
 А мы любовь его, щедроты
 Къ толпѣ потщимся оправдать,
 Усилимъ, братія, работы,
 Чтобы храмъ начатый окончать,
 Да чрезъ сіе созданье храма
 Воздвигнемъ падшаго Адама
 И воскресимъ здѣсь вѣкъ златой,
 И, наконецъ, Великій Боже,
 Отверзи двери намъ въ той ложѣ,
 Чтѣ освѣщаются Тобой! *)

*) Эта пьесна сочинена Николаемъ Остоловскимъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ СВОИ ГОДЫ.

Послѣдніе годы этого Государя были отравлены тревогами, которые поддерживались, быть можетъ, людскимъ лукавствомъ, но проистекали отъ наследственныхъ къ этому расположений. Какъ бы то ни было, кончина его произвела впечатлѣніе и огорчила Парижанъ. Онъ былъ къ намъ великодушенъ въ 1814 г., а въ 1815 очень полезенъ для Франціи. Сожалѣнія объ Императорѣ были бы продолжительны, если бъ мы стали вѣрить тѣмъ совершенствамъ, которыми украсилъ его брата Николая вернувшійся изъ Москвы, послѣ коронаціи, герцогъ Рагузскій. Онъ очень преувеличивалъ ихъ, какъ доказало время.

Императоръ Александръ скончался въ Таганрогѣ, въ 1825 г., отъ мѣстной лихорадки, которой пренебрѣгъ съ большой неосторожностью. Его послѣдніе годы были отравлены подозрительностію, которая доходила до умоизступленія и боролась въ немъ съ прирожденнымъ великодушiemъ.

Г-жа Нарышкина *) была вызвана въ Петербургъ къ предстоявшей свадѣбѣ ея дочери, которую Александръ страстно любилъ. Молодая девушка эта скончалась за нѣсколько дней передъ днемъ своей свадьбы. Императоръ былъ въ отчаяніи. Общее его съ Нарышкиной горе сблизило ихъ вновь. Г-жа Нарышкина передавала мнѣ невѣроятныя подробности того состоянія, до которого дошелъ Государь, когда-то столь довѣрчивый. Онъ не только боялся за свою безопасность, но достаточно было ему услышать смѣхъ на улицѣ или подмѣтить улыбку

*) Рожденная книжна Четвертинская, полюбившаяся Государю не задолго до кончины Екатерины Великой, когда сдружился онъ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ. Государь привязанъ былъ къ ней до 1812 года, и тогда убѣдился въ ее невѣрности. Въ письма къ герцогу Ришелье она называется ее и дочь ея Софью Дмитріевну (р. 1809 г. † 1824 г.) самыми дорогими для него существами. Она много жить пережила Александра Павловича и по кончинѣ своего супруга вышла за пѣкого Брозина.

кого-нибудь изъ своихъ придворныхъ, чтобы прийти къ убѣжденію, что это надъ нимъ смылись, и онъ обращался къ г-жѣ Нарышкиной, умоляя ее, во имя прежней привязанности, сказать ему, что именно было въ немъ смѣшного.

Однажды вечеромъ, когда у Нарышкиной сидѣла одна Полька, ея родственница, подали чай, и Государь поспѣшилъ налить одну чашку Нарышкиной, а другую этой барышнѣ. Нарышкина нагнулась къ кузинѣ и говорить ей: «Когда вы вернетесь въ замокъ къ отцу вашему, надѣюсь, будете хвалиться тѣмъ, кто наливалъ вамъ чай». О! непремѣнно, возразила та. Государь, по своей глухотѣ, не слышалъ ихъ разговора, но увидѣлъ только, что онѣ улыбались. Онъ тотчасъ же захмурился и какъ только остался вдвоемъ съ Нарышкиной, сказалъ ей: «Вы видите, я всюду дѣлаюсь смѣшнымъ; даже вы, расположенная ко мнѣ и въ которой я увѣренъ, даже вы не можете удержаться, чтобы не высмѣивать меня. Скажите же мнѣ, чѣмъ я вызвалъ ваши смѣшки?» Ей стоило немалаго труда успокоить больное воображеніе Государя.

Довѣрялъ онъ одному кн. Меттерниху, съ которымъ почти ежедневно переписывался. Австріякъ пользовался у него гораздо болѣшимъ довѣріемъ, чѣмъ его собственный министръ, и онъ безусловно вѣрилъ его совѣтамъ, особенно же его полицейскимъ донесеніямъ. При немъ постоянно была записная книжечка, которую прислалъ ему князь; въ ней были вписаны въ алфавитномъ порядке всѣ политически подозрительныя личности Европы, съ доказательствомъ и степенью ихъ ненадежности. Когда Государю докладывали о неизвѣстномъ лицѣ, онъ тотчасъ прибѣгалъ къ книжечкѣ и, если того имени не находилъ, то относился къ нему милостиво; если же, по несчастью имъ это было въ нее занесено, предубѣженіе Государя дѣжалось безповоротнымъ. Нарышкина передавала мнѣ, что часто видѣла какъ Александръ спрашивался съ этими сибирскими страничками.

(Изъ 3-го тома, главы XIII-й, стр. 194-й новой книги *Mémoires de m-me de Boigne, née d'Osmond, récits d'une tante*).

ПОЛУЗАБЫТАЯ МОГИЛА.

Эта полузыбкая могила—могила знаменитого члена и механика Императорской Академии Наукъ, Ивана Петровича Кулибина. Исторіографъ Нижняго-Новгорода Н. И. Храмцовскій (род. 1818, ум. 1890) писалъ въ 1859: „Иванъ Петровичъ родился въ 1735 г. Читать и писать его училъ дьячекъ Успенской церкви, въ приходѣ которой стоялъ домъ Кулибина“. Изъ теперешнихъ Нижегородцевъ, кажется, немногіе могутъ указать мѣсто кончины ихъ знаменитаго гражданина. Сгорѣвшіе въ 1814 г. домъ отца Ивана Петровича (мучного торговца) и двухъ-этажный домъ, построенный имъ самимъ стояли вправо отъ церкви Успенія Божіей Матери.

Проживъ на свѣтѣ 83 года, Кулибинъ умеръ въ такой бѣдности, что вдовѣ его (отъ третьаго брака) пришлось заложить послѣдніе стѣнныя часы и занять еще у знакомыхъ 175 р., чтобы достойно похоронить его. И. П. Кулибинъ скончался 30 Іюня 1818 г., и 4 Іюля, въ день похоронъ, стеклось такое множество народа, что не только домъ, но и самый дворъ покойнаго (на Ильинкѣ, невдалекѣ отъ Перваго Дѣтскаго Пріюта) не могли вмѣстить прибывшихъ. Въ тоже время явились, безъ приглашенія, учителя Нижегородской гимназіи, въ мундирахъ, и гимназисты, чтобы проводить великаго механика до могилы. Старшій изъ учителей несъ подушку съ медалью, а прочие съ Пятериковымъ¹⁾ и почетными Нижегородскими купцами несли гробъ²⁾.

Кулибина похоронили на Всѣхсвятскомъ или Петропавловскомъ кладбищѣ передъ церковной папертью. Надъ могилою былъ поставленъ деревянный памятникъ съ портретомъ Кулибина, писаннымъ масляными красками, но въ 1833 году памятникъ и портретъ сгорѣли (какъ говорить Храмцовскій) „отъ неосторожности мальчика, прислуживавшаго въ церкви, который послѣ обѣдни выбросилъ изъ жаровни угли близъ полѣнницы дровъ, лежавшихъ на кладбищѣ“. Лѣтъ десять спустя, статская совѣтница Елисавета Ивановна Попова (р. Кулибина) поставила надъ отцовской могилою незатѣйливый каменный памятникъ въ видѣ суживающагося кверху четырехграниника, съ вѣнчающей его урною и крестомъ о четырехъ концахъ.

¹⁾ Часовыхъ дѣлъ мастеръ Пятериковъ былъ благодарнымъ ученикомъ Кулибина. Въ бытность императора Павла въ Н. Новгородѣ (1797 г.) Пятериковъ поправлялъ остановившіеся часы Государа, который, узнавъ, что у мастера вѣтъ собственнаго дома, пожаловалъ ему 500 р. Пятериковъ на эти деньги построилъ домъ (на Телачьей ул.) и пока владѣлъ имъ самъ и его наследники, на дому красовалась черная доска съ надписью золотыми литерами: „Домъ сей отъ щедротъ Монарха“. Отъ Пятерикова домъ перешелъ въ собственность купца И. Я. Курочкина.

²⁾ „Братк. оч. исторіи и опис. Н.-Новгорода“. Здѣсь кстати будеть сказать что Н. И. Хромцовскій записалъ мѣстную легенду о „Кумѣ“ и „Кунавинѣ“, которою воспользовался И. В. Шпажинскій для своей известной драмы „Чародѣйка“. П. Р.

Этот памятник потускнѣлъ и былъ весь въ сиѣжныхъ сугробахъ, когда я въ Ноябрѣ 1907 г. пробирался къ нему. Съ восточной стороны онъ украшень цвѣтынмъ портретомъ Кулибина, съ окладистою сѣдою бородой, которую графъ Орловъ совѣтовалъ ему сбрить, если Кулибинъ желаетъ получать чины и ордена, но съ нею талантливый Нижегородецъ ни за что не хотѣлъ разстаться. И Екатерина II, выражавшаяся не иначе, какъ *мой Кулибинъ*, сказала ему, что „она уважаетъ его еще болѣе за такое поченіе къ обычаю предковъ“. Окладистая сѣдая борода не скрывается, однако, золотой медали на Андреевской лентѣ. Это одна изъ тѣхъ трехъ медалей (съ надписью: „достойному“), которыя, кроме другихъ льготъ, открывали входъ во дворецъ наравнѣ съ штабъ-офицерами. Передъ Кулибиннымъ—физической приборъ. Внизу значится: „И. П. Кулибину Кулибинское училище“. На южной сторонѣ памятника блестящая серебряная доска гласитъ: „Вѣрный сынъ святой церкви и отечества, добрый отецъ семейства, другъ добродѣтели, утѣшитель несчастныхъ, честь Нижняго-Новгорода, красота со-гражданъ, посвятившій Россіи шестьдесятъ лѣтъ полезныхъ изобрѣтеній, удостоенный благоволенія царей земныхъ. О, да сподобится на небеси милости Царя Царей“. Надпись характеризуетъ жизнь и труды того, кому завидовали ученые Петербургскіе академики, къ кому питали уваженіе и дружескія чувства императоры, короли и „Екатерининские орлы“. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству того же Храмцовскаго, „великолѣпный князь Тавриды“ постоянно былъ къ нему благосклоненъ и принималъ его запросто, во всякое время; Суворовъ обходился съ нимъ дружески и называлъ его: „ваша милость“, „ваша честь“, „ваша премудрость“ и свидѣтельствовалъ поченіе съ глубокими поклонами; императоръ Священной Римской имперіи Іосифъ II, на придворномъ балу, пожимая руку Нижегородскому бородачу, сказалъ въ присутствіи императрицы Екатерины и всего двора ея, „что за счастіе считаетъ видѣть такого человѣка, какъ Кулибинъ“. Густавъ IV, король Шведскій, также жалъ руку Ивану Петровичу и осыпалъ его похвалами; Екатерина II постоянно благоволила къ нему, а Павелъ Петровичъ, встрѣчаясь съ Кулибиннымъ во дворцѣ или на улицѣ, всегда называлъ его не иначе, какъ *Иваномъ Петровичемъ*; я спрашивалъ о здоровье, а иногда подолгу удостоивалъ разговоромъ: Александръ Благословенный даже два раза удостоилъ поцѣловать его.

Что касается до Нижегородцевъ, то они, кажется, не цѣнили своего земляка достойно. Не знаю, сохранился ли въ иѣстной семинаріи, въ ея физическомъ кабинетѣ, Кулибинскій фонарь; но общеизвѣстно, что устроенное въ 1782 г. Кулибиннымъ механическое судно впослѣдствіи продано было Нижегородскимъ городскимъ самоуправлениемъ на дрова.

Усердно я искалъ вида Кулибинскаго памятника, да такъ и не нашелъ ни у фотографовъ, ни въ книжныхъ и „художественныхъ“ магазинахъ Нижняго-Новгорода. Едва ли его и снимали когда-нибудь,—сказалъ мнѣ букиністъ на Большой Покровкѣ. Я пожалѣлъ объ этомъ.

Павелъ Россіевъ.

В. А. ЖУКОВСКИЙ.

I. ИЗЪ ЕГО ЗАМѢТОКЪ.

Жуковский провелъ слишкомъ двадцать лѣтъ при дворѣ. Благодаря князю А. Н. Голицыну (черезъ А. И. Тургенева) и Ю. А. Недединскому-Мелецкому, онъ получилъ должность члена при имератрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Неправдично, какъ происходили эти чтенія; знаемъ только изъ письма Жуковскаго къ А. П. Елагиной, что Русская рѣчь Государыни была ему едва понятна: такъ плохо говорила она по-русски, хотя въ ту пору про текло уже около сорока лѣтъ съ ея прѣзда въ Россію. Въ 1817 году Жуковскому поручено было обучать Русскому языку молодую великую княгиню Александру Феодоровну. Объ этомъ сама она шутливо говорить въ прекрасныхъ письмахъ своимъ къ нему („Русскій Архивъ“ 1897). Она знала по-русски несравненно лучше своей свекрови, не могла усвоить себѣ произношеніе, но любила нашъ языкъ, восхищалась Русскими стихами (ей особенно нравилось у Пушкина „къ Бахчисарайскому Фонтану“), молилась по церковному молитвеннику, заставляла фрейленъ читать себѣ вслухъ Русскія книги, даже поправляла ихъ въ удареніяхъ. Сумѣвъ оцѣнить Жуковскаго, она, конечно, была довольна его назначеніемъ къ ея первенцу, Наслѣднику Престола. Наставникомъ къ нему взяли изъ кадетскаго корпуса К. К. Мердера, а обученіе поручено Жуковскому, которому и предоставленъ выборъ учителей. Этимъ собственно и назначена его обязанность. Онъ никогда не былъ наставникомъ Александра Николаевича, а только инспекторомъ его классовъ; но самъ онъ былъ таковъ, что разливалъ вокругъ благоуханіе своей души (которую Пушкинъ называлъ „чертовски-небесною“). Въ сознаніи важности своего назначенія, онъ работалъ до истощенія силъ и два раза (1826 и 1832 годы) долженъ былъ лечиться въ чужихъ краяхъ. Въ тоже время, пользуясь благорасположеніемъ матери своего ученика, невольно выходилъ онъ изъ опредѣленнаго ему круга дѣятельности и заботился не только объ учениіи, но и о воспитаніи Александра Николаевича. Мы знаемъ, что онъ совѣтовалъ поручить графу Каподистріи его политическое обученіе; знаемъ также, какъ возмущался онъ тѣмъ, что съ раннихъ поръ учевика его мучили военною выправкою и заставляли принимать участіе въ военныхъ оказательствахъ. Онъ грозилъ тѣмъ, что при такихъ условіяхъ можетъ со временемъ повториться 14-е Декабря. День молодого Великаго Князя былъ строго размѣренъ по часамъ. Онъ никогда не видалъ восхожденія солнца, и ему захотѣлось полюбоваться имъ. В. И. Даль передавалъ намъ, со словъ Жуковскаго, что это удовольствіе Жуковскій ему доставилъ съ большою опасностью взысканія. Кромѣ классныхъ часовъ Жуковскій рѣдко и видалъ своего ученика; но когда онъ пѣдрося, во время путешествій по Россіи и чужимъ краямъ, онъ успѣвалъ дѣлать ему благодѣтельныя внушенія. Однажды на вечерѣ у Н. А. Милотина, бывшій министръ государственныхъ имуществъ Зеленый, разсказывалъ при мнѣ, что императоръ

Александръ Николаевичъ, говоря съ пимъ о Жуковскомъ, указалъ ему на своемъ рабочемъ столѣ переплетенные тетради обѣ разныхъ важныхъ дѣлахъ, полученные имъ отъ Жуковскаго. Поэтому цѣнны помѣщенные ниже отмѣтки Жуковскаго обѣ его отношеніяхъ къ будущему царю. П. Б.

13 Июня 1838. Въ Берлинѣ. Поутру замѣчательный разговоръ съ Великимъ Княземъ. Вечеромъ весьма пріятныя минуты съ В. К.

14 Июня 1838. Чтеніе и долгій разговоръ съ Великимъ Княземъ. Надобно часъ отъ часу быть къ нему ближе для его же пользы.

3 Февраля 1839. Въ Пизѣ обѣдали у князя Репнина. Его большая дочь. Репнинъ весьма недовольны В. Княземъ. На дорогѣ изъ Poggibonsi въ Пизу встрѣча съ фельдъегеремъ, который привезъ намъ Орлова¹⁾ и убилъ всю надежду остаться въ Италии. Урокъ Великому Князю.

7 Февр. Въ Туринѣ (за обѣдомъ у короля Сардинскаго) подлѣ Тютчева, который опять духомъ Карамзинъ²⁾.

26 Марта 1839. Въ Гагѣ. Весь день больной, и В. Кн. по обыкновенію и не вспомнилъ обо мнѣ.

С.-Пб. 25 Июня 1839³⁾. Всѣ наши пожалованы, а мнѣ не знаю, оплеуха или нѣтъ.

27. Про возобновленій послѣ пожара Зимній дворецъ. Дворецъ чудно воздвигнутый снова, въ одинъ годъ. С совершенный образецъ Россіи. Огромный безъ точности, безъ общей связи; выраженіе одной общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражается тотъ характеръ, который далъ Россіи Петръ Великій: *скорѣй во чтобы то ни стало*. Мы не идемъ впередъ, а скакемъ отъ пункта къ пункту, впередъ ли, назадъ ли—все равно.

13 Окт. 1839. Государь невыразимо жалокъ⁴⁾.

26 Окт. 1839. Возвращеніе Калиновской⁵⁾. Толстой возьметъ свое:

¹⁾ Графъ А. Ф. Орловъ, въ завѣдываніи заграничнымъ путешествіемъ Александра Николаевича, заступилъ място скончавшагося князя Ливена.

²⁾ Знаменательный отзывъ. Ф. И. Тютчевъ служилъ тогда въ нашемъ посольствѣ при Сардинскомъ дворѣ. Много позднѣе онъ рассказывалъ, что Великій Князь, пріѣхавъ въ Туринъ, случайно выразился, что желалъ бы иметь Ануциату (высшій Сардинскій орденъ). Ануциата значитъ Благовѣщеніе. На другой день въ помѣщеніи Великаго Князя возни: привезли огромную картаву Благовѣщенія на показъ высокому гостю.

³⁾ День свадьбы великой княжны Маріи Николаевны; Жуковскій преподавалъ ей Русскую словесность.

⁴⁾ Почему, не знаемъ.

⁵⁾ Дѣвица Калиновская, первая любовь Великаго Князя, жила тогда у сестры своей, супруги генерала-адъютанта Иваннтина. Тогда Соболевскій сочинилъ:

О юная лѣта
Младаго Наслѣдника...
Ему Калиновская

человѣкъ безъ ума, знанія и характера, а имѣеть искусство и махнеть далеко. Государь уже поручаетъ ему В. Князя и видить въ немъ что-то необыкновенное.

27 Окт. 1839. Нельзя безъ негодованія думать о вѣтренности, съ кою жертвуютъ жизнью В. Князя, и чему жь? Царской игрушкѣ, которая неприлична царю, Россіи вредна и убиваетъ всѣ способности государственныя. В. Князя, съ самаго его возращенія, съ утра до вечера, заставляютъ командовать. Здѣсь играемъ въ войну и любуемся парадами, а внутри государства рѣжутъ и жгутъ, и некого послать, чтобы унять разбойниковъ.

15 Июня 1846. У насъ Боде¹⁾ съ женою. Разговоръ, приводящій въ трепетъ, о состояніи бѣдной Россіи. И помощи никакой! Одна вѣра небесная. Но, можетъ быть, намъ за наше всеобщее развращеніе посыпается наказаніе.

Какое бѣдствіе для государя и государство дворъ; по Французскій дворъ былъ неизбѣжная бѣда, произведеніе вѣковъ. Нужна была бѣдственная революція, чтобы уничтожить это бѣдствіе.

II. В. А. Жуковскій о рожденіи своей дочери²⁾.

11 Ноября. Въ 11½ часовъ родилась Александра. Наканунѣ поутру, въ 11-ть часовъ, начало первыхъ муки. Жена, несмотря на нихъ, еще въ постели работала, она дошила муфту своей сестры. Въ шесть часовъ началось сильнѣе и чаще... Я былъ одинъ съ женою въ темнотѣ. Молчаніе. Устройство горницы для родинъ. Сильныя муки.... Измѣненіе лица. Мое положеніе. Послѣдніе полчаса были страшны и для бабушки. Ребенокъ родился синій и безъ голосу: ровность бабушки. Цѣлый день тревожный..., волненіе. Въ вечеру Грѣбенъ и Пиландъ³⁾. Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ къ роднымъ. Ночь спалъ покойно. Жена, кажется, совсѣмъ здорова, сколько можно въ ея положеніи, послѣ такого сильнаго боренія всѣхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, продолжавшагося почти 10 часовъ непрерывно. Богъ показалъ гибель вблизи и милосердно удалилъ ее. Чѣмъ было бы съ нею, если бы младенецъ умеръ въ минуту рожденія?

Всю душу мутить.
Она бы таковская,
Папаша сердитъ.

¹⁾ Баронъ Левъ Карловичъ и Наталья Федоровна, рожд. Колычова.

²⁾ Александра Васильевна Жуковская (род. 11 Ноября 1824 † 14 Сентября 1899), баронесса Вѣрманъ. Въ Баденъ-Баденъ, надъ ея могилою, где похороненъ былъ ея отецъ до перевезенія въ Невскую Давру, воздвигнутъ прекрасный памятникъ братомъ ея. П. Б.

³⁾ Докторъ Греbенъ—пріятель Жуковскаго.

12 Ноября, Суббота. Чувствъ отца угадать нельзя. Что-то подобное теперешнему чувствовалъ я въ ту минуту, когда клахъ въ землю частицу самого себя*) < > Октября 1841. Теперь, хотя и не нахожу въ себѣ живого пламенного чувства, которое мнѣ несвойственно и по натурѣ моей, и по моимъ лѣтамъ, но чувствую, что нѣчто прибавилось къ существу моему и дало ему большее значеніе; привязанность къ милой моей женѣ стала сильнѣе, нѣжнѣе, для меня самого трогательнѣе. А на дочь не могу смотрѣть безъ особеннаго движенія, мнѣ доселѣ неизвѣстнаго: какъ будто душа подымается отъ радости.

Въ ребенкѣ для отца и матери выражаются на дѣлѣ слова апостола Павла: и будете два въ плоть едину. Нѣть собственности столь милой, столь рѣшительно принадлежащей намъ и въ тоже время столь съ нами тѣсно соединенной и насть какъ будто увеличивающей, какъ наше дитя: чувствуешь всю сладость и силу слова *mое*, которое выше и значительнѣе, нежели я. Я не посмотрѣль на нее тотчасъ послѣ ея рожденія, кинулъ только боковой взглядъ, увидѣль синяго, неподвижнаго, молчащаго ребенка; я занялся женою, у которой вдругъ изъ страждущаго лица сдѣлалось живое, сияющее радостью...

III. Письмо Жуковскаго къ его супругѣ.

Писано въ 1848 году, когда Жуковскій былъ тяжело болѣнъ. Найдено въ его бумагахъ.

Dans l'idée que mon heure dernière est peut-être proche, je t'écris, je veux te dire quelques mots de consolation.

D'abord je te remercie de fond de mon âme d'avoir voulu devenir ma femme. Le tems que j'ai passé dans notre union a été le meilleur et le plus heureux tems de ma vie. Malgré plusieurs moments tristes, venus des circonstances de dehors ou produits par nous-mêmes (et qui ne peuvent manquer à aucune vie, parce qu'ils en sont les épreuves bienfaisantes), j'ai joui avec toi de mon existence dans la pleine acceptation de ce mot: j'en ai mieux compris la valeur et je devenais de plus en plus ferme d'en atteindre le but, qui n'est autre que celui d'apprendre à obéir à la volonté de Notre Seigneur. C'est à toi que je le dois. Reçois ici mes remercîments et en même tems l'assurance que je t'ai aimé comme le plus cher trésor de mon âme.

Tu pleureras de m'avoir perdu; mais ne te désole pas. Die Liebe ist stark wie der Tod. Il n'y a pas de séparation dans le royaume de Dieu. Je crois que je serai plus intimement avec vous qu'avant la mort. Dans cette persuasion, pour que la paix de mon âme ne soit

*) Это было недонесено.

pas troublée, conserve la paix de la tienne. Vis en Dieu et en soins pour nos enfants. Dans leurs coeurs je te lègue le mien. Le reste est dans la main de Dieu. Je te bénis. Pense à moi sans douleur et console-toi de notre séparation par l'idée qu'à chaque instant je suis avec vous et que je partage tout ce qui se fait dans votre âme.

Am Abend aber desselbigen Sabatts, da die Jünger versammelt und die Thüren verschlossen waren, kam Jesus und trat mitten ein, und spricht zu ihnen: Friede sei mit euch! Und als Er das sagte, zeigte Er ihnen die Hände und seine Seite.

II е р е в о д з.

Думая, что часъ моей смерти близокъ, пишу тебѣ и хочу сказать нѣсколько словъ утѣшения.

Прежде всего отъ души благодарю тебя, что ты захотѣла стать моей женой. Время, проведенное мною въ нашемъ союзѣ, было лучшимъ и счастливѣйшимъ временемъ моей жизни. Не взирая на нѣсколько печальныхъ минутъ, прошедшихъ отъ вѣнчания обстоятельствъ или отъ насть самихъ (и неизбѣжныхъ въ каждой жизни, ибо онѣ служать благотворнымъ испытаніемъ), съ тобою я пользовался жизнью въ полномъ значеніи слова: я лучше понялъ ей цѣну и все болѣе и болѣе крѣпъ въ достижениіи цѣли, которая есть не что иное, какъ стараніе поступать согласно волѣ Божіей. Тебѣ я этимъ обязанъ. Прими мою благодарность и въ то же время увѣреніе, что я тебя любилъ, какъ самое дорогое сокровище моей души.

Ты будешь плакать, потерявъ меня, но не отчаяйсяся. Любовь сильна, какъ смерть. Нѣть разлуки въ царствѣ Божіемъ. Я вѣрю, что буду ближе къ вамъ, чѣмъ при жизни. Съ этой увѣренностью, дабы миръ моей души не быть нарушенъ, сохрани миръ иѣвой. Живи въ Богѣ и въ заботѣ о дѣтихъ. Въ ихъ сердцахъ завѣщаю тебѣ свое. Остальное въ рукахъ Божихъ. Благословляю тебя. Думай обо мнѣ безъ горечи и утѣшайся въ нашей разлуки мыслю, что я во всякую минуту съ вами и раздѣляю все, что происходит въ вашихъ душахъ.

Вечеромъ той же субботы, когда были собраны ученики и двери защерты, явился Иисусъ, стоя между ними и сказалъ имъ: Миръ вамъ и съ этими словами показалъ имъ свои руки и ребра.

*

В А. Жуковскій скончался 12 Апрѣлл 1852 г. Его супруга Елизавета Алексѣевна (род. Рейтернъ) свято исполнила то, что она выскажала ей въ этомъ завѣщательномъ письмѣ: она отдалась воспитанію дѣтей, для чего и перѣехала въ Москву, где скончалась 27 Ноября 1856 года, съ небольшимъ 30 лѣтъ отъ рожденія. Свѣтлый образъ ея незабвененъ для знавшихъ ее. П. Б.

Б А Р О Н Ъ П А С Х И Н Ъ.

Баронъ Алексѣй Андреевичъ Пасхинъ, позднѣе приписанный къ Московскому дворянству, былъ единственный человѣкъ, носившій эту фамилію, произведенную отъ слова «Пасха». Для него она была придумана, затѣмъ снабжена баронскимъ титуломъ; съ нимъ же, умершимъ 20 Июня 1863 г., безъ потомства, она отошла въ прошедшее. Для исторіи Русской генеалогіи небезынтересно будетъ сообщить иѣ-которая свѣдѣнія объ этой оригинальной фамиліи, промелькнувшей только и не оставившей слѣда среди Русскихъ дворянскихъ родовъ¹⁾.

Происхожденіе барона Пасхина неизвѣстно, покрыто таинственностью и не чуждо интересныхъ подробностей.

Въ Пасхальную ночь, съ 9 на 10 Апрѣля 1832 года, во время Свѣтлой заутрени, на «дѣвичьемъ» крыльцѣ (находившемся около воротъ) дома дѣйствительного тайного советника, члена Государственнаго Совѣта Ивана Васильевича Тутолмина²⁾ оставленъ былъ кѣмъ-то маленький, около года отъ рожденія, мальчикъ. Плачъ («вопль и рыданія») былъ услышанъ въ домѣ; вышли и увидѣли ребенка посаженаго на крыльцѣ; за спиной у него былъ ларчикъ, къ которому его прислонили. Рыдавшаго ребенка внесли въ ту комнату, где совершилась торжественная Пасхальная заутрени. Ребенокъ («едва годовой»), хорошо одѣтый, тотчасъ пересталъ плакать и «казалось, что онъ съ умиленіемъ соединялъ свои молитвы ко Всевышнему, вмѣстѣ съ молящимися». Надо сказать, что въ этотъ день въ домѣ, кромѣ Свѣтлаго праздника, было еще особое торжество; ко дню Пасхи семидесятилѣтний хозяинъ дома, пожалованъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго,

¹⁾ Въ Родословной книгѣ, кн. П. Долгорукова, т. III, о баронѣ Пасхинѣ сказано всего чѣсколько словъ, при чѣмъ онъ ошибочно названъ Алексѣемъ Ивановичемъ, вѣтѣе Андреевича.

²⁾ Д. т. советникъ Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, родившійся 9 Ноября 1760 г., былъ членомъ Государственного Совета (съ 1810 г.) и почетнымъ опекуномъ; пользовался особымъ расположениемъ императрицы Маріи Фёдоровны, онъ былъ назначенъ ею попечителемъ Мариинской больницы для бѣдныхъ. Тутолминъ имѣлъ большое состояніе, будучи женатъ на дочери графа Петра Ивановича Панина, Софье Петровнѣ (род. 18 Октября 1772 г. † 22 Мая 1834 г.).

вмѣстъ съ милостивымъ реескриптомъ Государя, который, давая Тутолмину «бессрочный отпускъ» вмѣсто отставки, просилъ его «не оставлять полезной отечеству службы». Настроеніе у всѣхъ было радостное, «приносились всѣми теплыми молитвы за Монарха-благодѣтеля и, казалось, (младенецъ) соединялъ молитвы съ предстоящими». Ребенокъ сразу завоевалъ всеобщія симпатіи присутствовавшихъ и особенно самой хозяйки дома бездѣтной Софіи Петровны Тутолминой. «По совершеніи молитвъ, прекрасный ребенокъ переходилъ изъ рукъ въ руки обнимающихъ его съ восторгомъ умиленія, обливая слезами». Всѣхъ интересовало узнать: «кто онъ, какъ прозывается, откуда?» Въ это время замѣтили «подъ капоромъ» у него на голубой лентѣ ключъ, которымъ и отперли ларчикъ; въ немъ нашли два письма, при чемъ одно было (на Французскомъ языке) на имя самой Софіи Петровны, другое, по-русски, обращеніе матери къ сыну. Изъ этихъ писемъ узнали, что «дитя зовутъ Алексѣемъ». Софья Петровна, его «покровительница», тотчасъ рѣшила дать ему отчество «Андреевича» въ честь пожалованной мужу Андреевской звѣзды, и тутъ же «нарекла его Пасхинъмъ, потому что онъ представился на сцену въ день Пасхи». Между тѣмъ разобрали ларчикъ и тамъ еще нашли: дворянскую медаль 1812 г., серебряную шпору, «прекрасную» руку изъ гипса (женскую?), силуэтъ (какой?) и дѣтскія игрушки, въ числѣ которыхъ была пушка. Между тѣмъ, въ письмѣ, на Французскомъ языке, несчастная мать писала ¹⁾: «Христосъ Воскресе! Любезнѣйшая и высокопочтенѣйшая графиня ²⁾! Ради Бога и всего, что для васъ свято въ сей жизни, я умоляю ваше сіятельство, не оставьте этого миленькаго ангела, который все становится забавнѣе, начинаетъ все понимать, немного ходить и лепетать: «папа» и «мама», а его злополучные родители его болѣе не увидать и можетъ быть никогда, никогда!.. Сколько это слово ужасно въ устахъ несчастной матери...—оно раздираетъ мое сердце! Пока слезы мои, кои служатъ мнѣ вмѣсто черниль, не изсякли въ глазахъ моихъ отъ глубокой печали, я послышала предувѣдомить ваше сіятельство, что (дабы малютка напрасно не плакать) мы пріучили его пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ въ 5-ть часовъ утра, за обѣдомъ даемъ ему немного супу. Конекъ на колесахъ, котораго онъ могъ бы двигать предъ собою и даже на него садиться верхомъ, напомнить ему его старыя игрушки;

¹⁾ Французскій текстъ подлинника неизвѣстенъ; письмо приводится здѣсь въ современномъ переводѣ, сдѣланномъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ С. П. Тутолмина была рожденная графиня Панина. Въ старину часто такимъ образомъ сохраняли дѣвичій титулъ, особенно при выходѣ замужъ за нетитулованное лицо.

ради Бога не позволяйте нянкѣ быть столь жестокою, какъ была его кормилица, которая заставляла его плакать, чтобы любоваться его хорошеньkimъ ротикомъ, даже и тогда, когда онъ искажаетъ его гримасами! Благоволите еще приказать, чтобы при воспитаніи его находились только Русскie, дабы онъ былъ такимъ же добрымъ патріотомъ, какъ былъ его отецъ отъ души и сердца и чтобы..., но мнѣ кажется я теряю разсудокъ. Въ радости моей воображаю васть, графиня, держащею моего малютку на колѣняхъ, какъ я видѣла однажды во снѣ, по прїездѣ моемъ въ Петербургъ. Я обременяю васть столькими просьбами, не бывъ еще увѣренна, рѣшитесь ли вы принять его къ себѣ, какъ то вы сдѣлали въ 1814 или 15 году *). Я молю Всевышняго, чтобы Онъ внушилъ вамъ столь прекрасную и великодушную мысль, для наступающаго высокоторжественнаго дня. Не нанесите мнѣ смертельнаго удара вашимъ отказомъ! Въ маленькой шкатулкѣ сынъ мой найдеть описание нашихъ несчастій и послѣдніе мои совѣты. Еще разъ умоляя васть, графиня Софья Петровна, такъ равно и васть, Иванъ Васильевичъ, замѣнить моему малюткѣ мѣсто его родителей, какъ вы нѣкогда были для его отца. 10 Апрѣля 1832 года. Несчастная мать Н. Е.».

Въ другомъ письмѣ она же писала «на Россійскомъ языке»: «Христосъ Воскресе! Христосъ съ тобою! Милый, неоцѣненный другъ мой, Алексѣй. Разставаясь съ тобою, любезный сынъ мой, въ сей радостный для всѣхъ день, одна я несчастная должна утопать въ слезахъ при одной мысли, что быть можетъ навсегда. Но какъ эта великая жертва для твоего же счастія, то Богъ подкрѣпить меня. Вотъ твоя исторія. Всевышнему благоугодно было послѣ трехлѣтняго союза нашего и блаженнѣйшаго времени моей жизни даровать намъ тебя въ самые смутныя минуты, когда только что вспыхнула безумная Польская революція. Долгъ чести и службы отца твоего, который былъ тогда въ чинѣ подполковника, требовалъ беспрестанныхъ тяжкихъ для меня переходовъ. Но, забывая собственную боль и нужды, я думала только о его успокоеніи и о той неописанной радости, какую принесу ему вмѣстѣ съ тобою. Минута сія настала; но увы, отца твоего уже не было при насъ: онъ пропалъ безъ вѣсти во время жаркой стычки съ врагами Россіи, на берегу той самой рѣки, гдѣ нѣкогда отличался одинъ изъ его предковъ (Польскій выходецъ) и получилъ за то прідомекъ и украшенія къ гербу, кои и понынѣ сохранились въ родѣ его. Оставшись одна съ тобою, я снова блуждала съ нуждою и горемъ пополамъ, заботясь только объ устройствѣ судьбы твоей. Наконецъ, при-

*) Какой тутъ смыслъ — неизвѣстно. Можетъ быть, благодѣянія Тутолимныхъ въ отношеніи отца Пасхива?

бывъ сюда и не зная никого, я вспомнила, что отецъ твой говорилъ о благотвореніяхъ Софии Петровны и Ивана Васильевича. Три раза была у дверей ихъ, но не могла рѣшиться: сердце обливалось кровью, духъ замиралъ и только что нынѣ, благодаря Всевышнему, имѣла силы, разѣловаць у тебя сто разъ лобъ, руки, ноги, отдать судьбу твою ихъ попеченію. И такъ, Богъ съ тобою, будь щастливъ, и для того: I) Люби Бога, паче всего и исполнай свято правила Греко-Россійскія нашей церкви. II) Будь вѣрнымъ слугою Царю и, по примѣру отца твоего — менѣе обѣщай, а болѣе дѣлай. III) Люби и почитай благодѣтелей твоихъ: ты имъ обязанъ нравственнымъ образованіемъ — залогомъ счастія сей и будущей жизни; слѣд., болѣе чѣмъ самимъ родителямъ. IV) Держись правила матери: терпи лучше самъ, а не допускай другихъ терпѣть чрезъ тебя. Впрочемъ, Христосъ и Ангель-Хранитель съ тобою! Молись за насъ, какъ мы за тебя ежедневно. Въ ящики найдешь медаль, форму руки и шпору, кои да напоминаютъ тебѣ предметы, кои отецъ твой любилъ болѣе всего на свѣтѣ. 17 Апрѣля¹⁾ я буду молить Ангела твоего за тебя и за благодѣтелей твоихъ. Снова цѣлую тебя сто разъ. Богъ съ тобою! Прости, быть можетъ, на вѣки! Но если Ему угодно будетъ, чтобы я еще разъ тебя обняла: то до купону сего письма узнаешь меня. По гробъ любящая тебя мать Н. Эмжеуери²⁾. 10 Апрѣля 1832 года».

Ребенокъ, къ которому сразу такъ привязались старики Тутолмины, остался у нихъ на воспитаніи, а мать его такъ и не явилась и не открыла своего имени, несмотря на то, что Софья Петровна, съ этой именно цѣлью, уѣзжая въ томъ же 1832 году изъ Петербурга «напечатала въ газетахъ о способахъ получать извѣстія о дитяти». Скорѣ, однако, ребенку пришлось лишиться своей «покровительницы» и «благодѣтельницы». Софья Петровна, давно уже хворавшая, скончалась 22 Мая 1834 года; передъ смертью она не забыла о своемъ пріемышѣ и «оставила по завѣщанію сиротѣ безбѣдное состояніе». Объ этомъ было также оповѣщено, но никто не откликнулся, и «не открылось подозрѣніе о существованіи матери въ живыхъ».

По смерти жены, И. В. Тутолминъ, также привязавшійся къ своему воспитаннику, принялъ на себя все о немъ заботы. Его беспокоила неизвѣстность происхожденія мальчика и съ цѣлью со временемъ привести его въ число Русскаго дворянства, онъ рѣшилъ прежде всего выхлопотать ему документъ на иностранное дворянское достоинство

¹⁾ Вѣроятно — 17 марта, день св. Алексія, Человѣка Божія.

²⁾ Очевидно: или перестановка буквъ фамиліи, или просто прочитаны названія буквъ М. Ж. у. р. и.

которое значительно облегчило бы ему возможность приписаться къ Российскому дворянству.

Съ этой цѣлью престарѣлый Тутолминъ подалъ Государю въ Мартѣ 1836 года такое всеподданійшее прошеніе.

Всемилостивѣйшій Государь.

Примѣры великодушія и милости Вашего Императорскаго Величества подаютъ смѣлость семидесятипятилѣтнему старцу обременить вниманіе милосердаго Монарха всеподданійшему просьбою мою ниже-слѣдующаго содержанія.

О судьбѣ невиннаго сироты.

Несчастный сирота, именуемый Пасхинъ, не имѣть никакого званія и не принадлежитъ никакому состоянію; хотя по частнымъ бумагамъ, при колыбели его найденнымъ, видно, что онъ родился въ походѣ, во время Польской кампаниіи, и что отецъ его, будучи въ чинѣ подполковника, погибъ въ сраженіи противъ Поляковъ на какой-то рѣкѣ; но въ какомъ сраженіи и котораго числа, не видно и неизвѣстно.

Въ 1832 году, Апрѣля 9 дня, въ ночь Святаго Пасхи, принесены были ребенокъ, хорошо одѣтый, и при немъ ларчикъ съ бумагами и вещами, въ домъ Тутолмина.

Дитя посажено было на дѣвичью крыльцѣ, находящемся близъ воротъ, чрезъ которые весьма легко было принесшему ребенка скрыть свое предпріятіе, и удобно было, произведя оное въ дѣйствіе, мгновенно самому скрыться.

Тутъ услышаны были вопль и рыданіе невиннаго. Скоро открыли его и принесли въ ту комнату, гдѣ совершилась торжественная заутреня Свѣтлаго Христова Воскресенія. Ребенокъ, едва годовой, не только пересталъ плакать, но казалось, что онъ съ умиленіемъ соединялъ свои молитвы ко Всевышнему вмѣстѣ съ молящимися.

По совершении молитвъ, прекрасный ребенокъ переходилъ изъ рукъ въ руки обнимавшихъ его съ восторгомъ умиленія, обливая слезами. Кто онъ? Какъ прозывается? Откуда?

Вскорѣ замѣтили у ребенка на голубой лентѣ подъ капотомъ привязанные къ шеѣ ключъ и письмо къ Софье Петровнѣ Тутолминой на Французскомъ языке.

Ключъ принадлежалъ къ ларчику, поставленному между ребенка и стѣнки, чтобы его поддерживать.

Изъ письма узнали, что дитя зовутъ Алексѣемъ. Покровительница его опредѣлила дать ему отчество Андреевича, потому что, за часъ передъ симъ происшествіемъ, мужъ ея удостоился получить орденъ Св. Андрея Первозваннаго. И ребенокъ, принесенный въ ту минуту,

когда приносимы были теплые молитвы за Монарха-благодателя, казалось, соединяя молитвы съ предстоящими. Покровительница его въ тоже время нарекла его Пасхинъмъ, потому что онъ представился на сцену въ день Пасхи.

Въ шкатулкѣ находились, а именно: наставлѣніе сыну, истинно наизидательное, писанное на Русскомъ языке; дворянская медаль 1812 года, серебряная шпора, изъ гипса рука прекрасная, силуэтъ, и дѣтскія игрушки, между которыми была пушка.

Изъ бумагъ видно, что мать несчастнаго сироты, послѣ трехъ-четырнаго супружества, слѣдя за дѣйствующею арміею, въ походѣ родила сына, и по выздоровленіи, спѣшила съ ребенкомъ и кормилицею на свиданіе съ мужемъ, чтобы доставить ему счастіе видѣть дитя свое, столь драгоценное и столь долго ожидаемое; но поражена была жесточайшимъ несчастіемъ, узнавъ, что мужъ ея погибъ въ сраженіи.

Повидимому, несчастная супруга и мать, пылкихъ чувствъ и воображенія, не о себѣ помышляла, а о ребенкѣ своемъ заботилась. Написала трогательное письмо къ С. П. Тутолминой, поручая ребенка своего въ покровительство ея и особое наставлѣніе сыну, исполненное религіозныхъ чувствъ и любви къ Монарху и Отечеству.

Здѣсь оканчиваются факты. Остаются, однако, многія вѣроятія, чтобы истребить невыгодное мнѣніе нѣкоторыхъ людей о незаконнорожденіи несчастнаго сироты, одареннаго прѣнительными качествами.

Весьма естественно, что несчастная супруга не медлила отыскывать своего мужа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ пропалъ безъ вѣсти. Безъ сомнѣнія, на такое предпріятіе не нужно было брать ребенка, а здравый смыслъ заставляетъ оставить его съ кормилицею въ тихомъ пристанищѣ. Сама же она отправилась отыскивать обожаемаго мужа, пробиваясь между толпами мятежниковъ и употребляя всѣ средства отыскать, по крайней мѣрѣ, тѣло усопшаго.

Съ тѣхъ поръ никакого события не замѣтно о существованіи несчастной матери. Въ такомъ положеніи обстоятельствъ невольно представляется вѣроятнымъ, что она сама была убита мятежниками, въ поискахъ ея.

Невольнымъ образомъ сіе вѣроятіе укореняется потому болѣе, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ, послѣ водворенія Пасхина, нѣть никакого свѣдѣнія о его матери. Безъ малаго четыре года назадъ, покровительница ребенка, отѣзжая изъ С.-Петербурга, напечатала въ газетахъ о способѣ получать извѣстія о дитятѣ. Три года назадъ, по кончинѣ покровительницы его, также сдѣжалось извѣстно, что она оставила, по завѣщанію, сиротѣ безбѣдное состояніе. Никто однако не по-

являлся, и ни малѣйшаго подозрѣнія не открывается о существованіи матери въ живыхъ.

Между тѣмъ прекрасное дитя, отличными качествами одаренный отъ природы, сдѣлался извѣстнымъ въ обществахъ обѣихъ столицъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и то извѣстно, что въ семействѣ, гдѣ воспитывается дитя, ни за какія сокровища не согласятся съ нимъ разлучиться и почѣрить воспитаніе его постороннимъ лицамъ: столь нравственность ребенка счастливо образуется и разумъ его преусмирается.

Когда бы мать его была въ живыхъ, можно ли себѣ представить, чтобы она одна была равнодушна къ невинному существу, ею порожденному, котораго красота, любезность, остроуміе и правильный разсудокъ удивляютъ окружающихъ его? Могла ли бы матъ не видѣть подъ какимъ-нибудь предлогомъ сына своего, котораго любопытствуютъ видѣть посторонніе люди по одной наслышкѣ?

Итакъ, обращаясь къ постепенности несчастія невиннаго младенца, предстаётъ самымъ вѣроятнымъ событиемъ то, во первыхъ, что мать, сдѣлавъ распоряженія объ участіи сына своего и вручивъ кормилицѣ письма, отправилась отыскивать мужа и, пробиваясь между толпами мятежниковъ, сама погибла; во-вторыхъ, что кормилица, оставаясь на мѣстѣ первого пребыванія неразлучно съ ребенкомъ и послѣ долговременнаго ожиданія матери полагая ее погибшею, рѣшилась, наконецъ, безгласнымъ образомъ привести ребенка въ домъ Тутолмина и самой скрыться, опасаясь отвѣтственности и отчета въ имущество, которое въ рукахъ ея находилось, родителямъ ребенка принадлежавшемъ *).

Столь несчастное происшествіе заслуживало бы не только общее состраданіе, но и несомнѣнное покровительство сиротѣ, по благодѣтельнымъ законамъ нашимъ. Все сіе, однако, основывается на частныхъ бумагахъ, не имѣющихъ законной силы. Главнѣйшій недостатокъ есть метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, котораго нѣть возможности отыскать. Отыскать же оное и подкрепить всѣ вышеприведенные события лучшими доводами, дабы получить установленный свидѣтельства на дворянскія преимущества бѣднаго сироты, потеряна вся надежда, послѣ четырехлѣтняго изысканія оныхъ. Одно неизреченное милосердіе Вашего Императорскаго Величества можетъ воскресить политическое состояніе невиннаго, дозвolenіемъ исходатайствовать индигнать Пасхину въ иностранномъ государствѣ и сопричислить къ Россійскому дворянству при вступленіи его въ службу. Безъ сомнѣнія, опредѣлить состояніе ребенка, безъ метрическаго свидѣтельства про-

*) Тутъ противорѣчіе: письмо матери отъ 10 Апрѣля 1832 года, т. е. писано въ са-
мый день, когда ея ребенокъ отнесенъ къ Тутолминой; или оно нарочно помѣщено впередъ
днемъ Св. Пасхи. П. Б.

тивно уставамъ, но не противно великодушному Императору услышать послѣднее моленіе семидесятипятнаго старца, облагодѣтельствованнаго милостями Вашего Императорскаго Величества свыше мѣръ заслугъ.

Заботливость воспитателя сироты, судьбою поставленнаго, столько же естественна, какъ и надежда на счастливыя дарованія ребенка, дворянину свойственныя. Будучи въ семъ убѣждены, возможно ли остататься беззаботливымъ къ будущности существа, етолѣ драгоцѣннаго сердцу христіанскому и мнѣ въ особенности?

Основаніе судьбы невиннаго сироты уладить послѣдніе дни жизни моей; я безъ роптанія переселюся въ вѣчность съ неумолкаемыми молитвами ко Всевышнему за Государя-благодѣтеля.

Съ сими чувствами и глубочайшимъ благоговѣніемъ я есмь,
Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Иванъ Тутолминъ.

Марта дни 1836 г. Москва.

На прошеніе этого послѣдовало высочайшее соизволеніе; вице-канцлеръ графъ Нессельроде получилъ высочайшее повелѣніе войти въ сношеніе чрезъ Русскаго посла въ Вѣнѣ (д. т. совѣтника Дмитрія Павловича Татищева) съ Австрійскимъ министерствомъ относительно пожалованія Пасхину отъ Вѣнскаго двора баронскаго достоинства.

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, не дождавшись окончанія дѣла, 7 Апрѣля 1839 года скончался въ Москвѣ, «отъ нервической горячки» (погребенъ въ Донскомъ монастырѣ). Онъ поручилъ заботы о своемъ горячо любимомъ воспитанникѣ своему душеприказчику, д. с. совѣтнику Камынину¹⁾). Дипломъ Австрійскаго императора на баронское достоинство Пасхину былъ слѣдующаго содержанія²⁾:

„Мы, Фердинандъ I, Божію милостію, императоръ Австрійскій, король Венгрии и Богеміи, сего имени пятый, король Ломбардіи и Венеции, Далмациі, Кроаціи, Славоніи, Галиціи, Лодомиріи и Илліріи, эрцгерцогъ Австрійскій, герцогъ Лотарингскій, Зальцбургскій, Стирійскій, Карантійскій, Крайнскій, Верхній и Нижній Силезіи, великий князь Трансильванскій, маркграфъ Моравскій, окнаженный графъ Габсбургскій и Тирольскій, и проч. и проч. и проч. По примѣру Австрійскихъ монарховъ, нашихъ доблестныхъ предковъ, всегда почитали одною изъ существеннѣйшихъ обязанностей нашихъ и однѣмъ изъ знатнѣйшихъ преимуществъ нашей державной власти, тѣмъ, которые вѣрностю и преданностью къ государству, къ нашему лицу и фамиліи отличались и при доброй нравственности похвально озnamеновали себя на службѣ

¹⁾ Василій Дмитріевичъ Камынинъ, р. 2 Марта 1777 г., † 25 Ноября 1842 г.. былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Тутолминой, † 23 Августа 1844 г., на 74 году (см. издание Великаго Князя Николая Михайловича „Московскій Некрополь“).

²⁾ Современный переводъ, сдѣланній въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

военной, въ должностяхъ гражданского управления, въ наукахъ, или инымъ образомъ способствовали къ благу общественному, всенародно изъявлять милость нашу и въ особенности награждать ихъ почетнымъ возвышенiemъ звания, чѣмъ да поощряется другie къ похвальному усердю о благѣ общемъ; въ особенности же потомки, наслѣдующие славную награду, которую стяжали ихъ предки своими заслугами, да всегда памятуютъ свою обязанность, подражая онимъ, являть себя достойными дворянского происхожденія. По сему собственное наше вниманіе постоянно обращено къ тому, чтобы отличные заслуги никакъ не укрывались, и мы всѣмъ нашимъ правительственнымъ мѣстамъ и ихъ начальникамъ вмѣнили въ обязанность доводить до нашего свѣдѣнія о лицахъ и предметахъ, заслуживающихъ нашей всемилостивѣйшей награды. Равнымъ образомъ, мы всегда расположены уважать представление тѣхъ, кои прошениа свои о таковомъ почетномъ отличіи подтверждаютъ достаточными доказательствами своихъ заслугъ. До нашего свѣдѣнія дошло, что Императорскій Россійскій д. т. с. Тутолминъ достопримѣтной награды и особенного означенія нашей милости и благоговленія. По сему, мы на всеніжайшее прошеніе помянутаго Тутолмина всемилостивѣйше соблаговолили его воспитанника Алексѣя Пасхина, вмѣстѣ съ законнымъ его потомствомъ обоего пола по исходящей линіи, возвести въ Австрійскe баронское достоинство, на употребленіе коего мы ему и его законнымъ потомкамъ, отъ нынѣ навсегда, даемъ право. Итакъ, мы хотимъ и постановляемъ, чтобы баронъ Алексѣй Пасхинъ и его законные потомки обоего пола, нынѣ и впредъ, всѣми и каждымъ, были признаваемы баронами и баронессами Австрійской Имперіи и пользовались бы баронскому состоянію присвоенными правами и преимуществами. Дабы увѣковѣчить таковую нашу милость и введеніе его въ баронское званіе, мы барону Алексѣю Пасхину пожаловали предстоящий, посреди сей баронской грамоты надлежащими красками изображеній, баронскій гербъ, а именно: лазоревый щитъ, посреди коего изображенъ отвѣсно поставленный серебряный якорь съ отогнутымъ внизъ на лѣвую сторону кольцомъ его. Сверхъ щита положена баронская корона, надъ коей поставлены три открытыхъ дворянскихъ турнирныхъ шлема, средний прямо, а оба крайніе обращенными во внутрь, каждый изъ нихъ увенчанъ золотыми оковкою и ожерельемъ и золотою короною, съ обѣихъ сторонъ шлемовъ ниспадаютъ лазоревые съ серебромъ наметы. Сверхъ короны средняго шлема поставленъ якорь, подобный означеному въ щитѣ, а изъ коронъ двухъ крайнихъ шлемовъ выходитъ по парѣ сложенныхъ орлиныхъ крыльевъ, поцеремонно пакрестъ означенныхъ серебромъ и лазоревымъ цвѣтомъ, крылья локотками обращены во внутрь. По сему мы уполномочиваемъ барона Алексѣя Пасхина и его законныхъ потомковъ обоего пола отъ нынѣ па вѣчныя времена владѣть и пользоваться вышеописаннымъ гербомъ, но безъ предосужденія правъ другихъ, кои, можетъ быть, имѣютъ таковой же гербъ. Въ особенности же мы повелѣваемъ всѣмъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ начальствамъ нашей Имперіи, чтобы они его, барона Алексѣя Пасхина и его законныхъ потомковъ почитали дѣйствительными баронами и баронессами, ихъ таковыми чествовали, безпрепятственно имъ дозволяли пользоваться баронскимъ состояніемъ и въ томъ имъ ни сами не мѣшали, ниже дозволяли другимъ подданнымъ государства сіе учинять; ибо тѣ, кои бы противу сего нашего постановленія поступать стали, подверглись бы царской опалѣ и приличному наказанію. Въ удостовѣреніе чего мы сию нашу грамоту утвердили нашею собственноручною подписью и привѣщенную тайною большою государственною печатью, которую мы употребляемъ по сану императора Австрійскаго, и повелѣли оную грамоту барону Алексѣю Пасхину и его законному потомству

выдать. Дано двадцать девятаго Апрѣля, въ лѣто послѣ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать девятое и выдано нашимъ любезновѣрнымъ графомъ Антономъ-Фридрихомъ Митровскимъ-фонъ-Митровичъ и Немишлъ, владѣтелемъ имѣнія Визенбенгъ, въ Моравіи, кавалеромъ Золотого Руна, кавалеромъ I-й степени и канцлеромъ Императорскаго Австрійскаго ордена Леопольда, почетнымъ командоромъ и кавалеромъ I-й степени державнаго ордена Св. Ioanna Iерусалимскаго, нашимъ д. т. совѣтникомъ и камергеромъ, верховнымъ канцлеромъ соединенной надворной канцеляріи, предсѣдателемъ надворной училищной комиссіи, почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и проч. Въ нашемъ императорскомъ главномъ и столичномъ городѣ Вѣнѣ, тридцатаго Октября, въ лѣто послѣ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать девятое, нашего же царствованія въ пятое. Подписали: Фердинандъ. Верховный канцлеръ графъ Антонъ Фридрихъ Митровскій-фонъ-Митровичъ и Немишлъ. Графъ Карлъ фонъ Инцаги. Баронъ Францъ фонъ-Пиллердорфъ. Баронъ Иванъ Лимбекъ-фонъ-Лиленau. По именному его императорскаго королевскаго апостольскаго величества повелѣнію им. кор. надворный совѣтникъ кавалеръ Францъ-фонъ-Падерни. Записано: директоръ регистратуры им. кор. соединенной надворной канцеляріи Йосифъ Фридрихъ Эмиль Приммель.

Получивъ этотъ дипломъ, душеприказчикъ Тутолмина, В. Д. Камынинъ, «согласно изустной волѣ покойнаго», обратился къ министру юстиції *) съ просьбой «объ исходатайствованіи всемилостивѣшаго соизволенія Государи Императора, какъ на принятие Пасхину баронскаго достоинство и герба, пожалованное ему Австрійскимъ императоромъ, такъ и на сопричисленіе его къ Российскому дворянству». Министръ Юстиції, ордеромъ 25 Октября 1846 г. поручилъ герольдмейстеру дождить дѣло Правительствующему Сенату.

Сенатъ, въ общемъ собраніи, на основаніи 381 и 382 ст. Св. Т. V-го Учреж. Государ., большинствомъ голосовъ, опредѣлилъ: поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ объ утвержденіи Алексѣя Пасхина въ баронское достоинство Австрійской Имперіи.

По этому дѣлу, представленному при меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта 17-го Мая, послѣдовала на меморіи, 10-го Іюня 1843 г., въ Петергофѣ, высочайшая резолюція: «По смыслу прошенія д. т. с. Тутолмина слѣдуетъ ему даровать Россійское дворянское достоинство только при вступленіи въ службу; нѣть причины отступать отъ сего желанія; къ поступленію же въ воспитательное заведенія достаточно и иностранного дворянства».

Указъ Правительствующему Сенату отъ 18 Іюня 1843 года данъ былъ въ следующихъ выраженіяхъ:

„Снисходя къ принесенному намъ отъ покойнаго д. т. совѣтника Тутолмина прошенію, воспитанника его, Алексѣя Пасхина, возведенаго въ Австрійское баронское достоинство грамотою Австрійскаго императора отъ

*) Министромъ Юстиції былъ въ то время графъ Викторъ Никитичъ Чапинъ, родной племянникъ жены И. В. Тутолмина и свойственникъ В. Д. Камынина.

29 Апрѣля 1839 года, всемилостивѣшѣ повелѣваемъ: признавать въ семъ достоинствѣ, съ тѣмъ, чтобы къ дворянству Россійской Имперіи онъ, по смыслу упомянутаго прощенія, сопричисленъ быль уже при вступленіи его въ службу. „Николай“.

Въ Петергофѣ
18 Іюня 1843 г.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о баронѣ А. А. Пасхинѣ, извлеченными изъ Архива Государственного Совѣта (Деп. гражд. дух. дѣлъ, 1843 г., № 103), считаемъ нѣлишнимъ сообщить еще нѣкоторыя данныя о дальнѣйшей его судьбѣ и служебной дѣятельности, кото-рыя удалось пока пайдти.

Вскорѣ Пасхинъ лишился и своего опекуна В. Д. Камышка, умершаго 25 Ноября 1842 г., въ Москвѣ (похороненъ въ Андроніевомъ монастырѣ), а затѣмъ, 23 Августа 1844 г. скончалась, 74 лѣтъ, и его жена, родная сестра И. В. Тутолмина, Анна Васильевна (погребена въ Донскомъ монастырѣ). При нихъ, или уже послѣ ихъ кончины, мальчикъ быль отданъ учиться въ Московскую *Реальну*ю гимназію, гдѣ, однако, изучалъ, въ числѣ прочихъ науки, и Латинскій языкъ. 25 Сентября 1850 г., приблизительно 20 лѣтъ, Пасхинъ поступилъ, на правахъ вольноопредѣляющихся, унтеръ-офицеромъ въ гусарскій полкъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, и 6 Декабря быль произведенъ въ юнкера 21 Мая 1851 г. въ эстандартъ-юнкера. Въ 1852 г., 30 Декабря, Пасхинъ быль произведенъ, «имѣя», какъ сказано въ формулярномъ его спискѣ, «отъ роду 21 годъ». Въ 1854 г. онъ участвовалъ въ Крымской кампаніи, переведенъ, 5 Февраля этого года, въ лейбъ-кирасирскій Е. И. В. Насѣдника Цесаревича (нынѣ кира-сирскій Ея Величества, «синіе кирасиры»), гдѣ и произведенъ въ по-ручики 11 Апрѣля 1854 же года. Черезъ полтора года, 12 Ниваря 1856 г., баронъ Пасхинъ быль переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ 4-й резервный дивизіонъ, корнетомъ. Служа въ лейбъ-гуса-рахъ, онъ быль произведенъ 7 Апрѣля 1857 г. въ поручики, 12 Апрѣля 1859 г. въ штабы-ротмистры, и 3 Апрѣля 1860 г. въ ротмистры¹⁾. Баронъ Пасхинъ въ 1855 г., съ 30 Октября, бралъ отпускъ на 28 дней (затѣмъ продолженный на 1 мѣсяцъ и 2 дня) «по случаю смерти дяди»²⁾. Позднѣе онъ бѣдилъ за границу: 4 Марта 1862 г. онъ быль уволенъ

¹⁾ Общ. Архива Главнаго Штаба, книга формул. списковъ зб.-гв. Гусарскаго Его Величества полка, 1861 г., № 3780.

²⁾ Кто этотъ дядя,—намъ неизвѣстно.

въ отпускъ въ Германію, Францію, Англію и Италію, на 11 мѣсяцевъ,
«для излѣченія болѣзни».

21 Іюня 1863 г. командующий лейбъ-гвардіи гусарскимъ Его Величества полкомъ полковникъ Лашкаревъ, рапортомъ за № 682, доносилъ Государю: «Вашему Императорскому Величеству доношу, что командуемаго мною полка ротмистръ баронъ Пасхинъ, пользовавшійся на квартире въ С.-Петербургѣ отъ болѣзни прилива крови къ головѣ, вчерашніяго числа умеръ» (г. Царское Село) ¹⁾.

По формуллярному списку 1861 г. баронъ А. А. Пасхинъ «31 года, изъ дворянъ Московской губерніи» ²⁾, показанъ холостымъ.

На памятникѣ барона Пасхина въ Сергиевой пустынѣ (близъ Петербурга) значится: «родился 17 Апрѣля 1831 г., умеръ 20 Іюня 1863 г.».

Вѣроятно еще многіе помнятъ барона Пасхина, равно какъ живы еще и его сослуживцы по полку. Было бы интересно, если бы они сообщили имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія и воспоминанія о немъ, а равно также и о томъ, не сообщалъ ли онъ какихъ-либо подробностей или предположеній о своемъ происхожденіи.

А. Голомбіевскій.

¹⁾ Общ. Архива Главнаго Штаба, 1/1, 1863 г. № 24. Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства.

²⁾ 22 Августа 1861 г. С.-Пб. Двор. Деп. Собрание представило, за № 1101, въ Сенатъ опредѣленіе свое отъ 22 Декабря 1860 г. о внесеніи барона Пасхина въ У часть родосл. кимги, чтѣ и было утверждено Сенатомъ 12 Сентября 1861 г. (указъ 2 Ноября 1861 г. за № 8695).

ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ.

Смутны воспоминанія изъ дѣтства. Они отрывочны и непослѣдовательны. Связи между запомненными событиями не уловишь: все забываешь впередь. Руководить скорѣе мѣсто, гдѣ было событие, чѣмъ время самого события. Трудно опредѣлить, какое первое ощущеніе запомнилось; кажется, чувство жара, страшнаго сухого жара внутри и снаружи во время лежанія на колѣняхъ у кормилицы или няни въ дѣтской на Трехгорной, было по времени первое, что я помню *). То быть вѣроятно жаръ во время скарлатины, которую перенесъ я очень рано, еще до четырехлѣтняго возраста. Второе, что помню, были (когда мнѣ шелъ четвертый годъ) крестини сестры Анеты въ общей гостинной Рогожскаго дома. Маленькой Трехгорный домъ и большой Рогожскій домъ того времени рисуются ясно въ воспоминаніяхъ. Въ послѣднемъ я родился въ 1849 году 17 Марта, въ Четвергъ, въ послѣднѣйное время, мѣсяцемъ раньше срока беременности матери.

Родъ нашъ, родъ именитыхъ Московскихъ купцовъ Алексѣевыхъ, ведеть начало отъ предковъ не-Москвичей. По достовѣрнымъ историческимъ даннымъ знаменитые купеческіе роды, процвѣтавши въ цѣломъ XIX вѣка, вели свое начало изъ мелкихъ городовъ средней полосы Россіи.

Такъ Вишняковы (свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ, собранныя И. Вишняковымъ. М. 1903) вели родъ свой отъ Кашинскихъ стрѣльцовъ (Иванъ Гавриловъ 1682—1750). Крестовниковы (Семейная хроника Крестовниковыхъ. М. 1903) отъ монастырскихъ служебниковъ Даниловскаго монастыря въ Переяславль-Залѣскому (Левъ Михайловъ Крестовникъ 1677; Козьма 1753—1814 умеръ въ Москвѣ купцомъ; въ Москву Крестовниковы прибыли въ 1772 году, почетными гражданами стали съ 1833 года) Москвины (Мячкіны) съ 1714 года Московскіе купцы изъ посадскихъ города Тулы. Котовы (Катовы) изъ города Переяславля. Куманины изъ Переяславля-Залѣскаго: Алексѣй Александровичъ Куманинъ былъ городскимъ головою въ Москвѣ въ 1812 г. (1751—1818); Константинъ Алексѣевичъ Кума-

*). С. Т. Аксаковъ также помнилъ себя, когда былъ у кормилицы. П. Б.

нинъ былъ городскимъ головою города Москвы во время коронаціи императора Николая I.

По письму ко мнѣ Семена Ивановича Алексѣева (двоюроднаго дяди моего по матери) изъ Кисловодска въ 1904 г., я узналъ, что Алексѣевы-Покровскіе т. е. жившіе у Покровскаго моста перѣхали туда изъ за Москвы-рѣки, изъ прихода Николы-Голутвина. Когда и откуда перѣхали въ Рогожскую наши, т. е. отцовскіе Алексѣевы, неизвѣстно. Домъ въ Рогожской купленъ при прадѣдѣ моемъ Семенѣ Алексѣевичѣ (1746—1823) вѣроятно отъ иѣкоего вельможи Екатерининскихъ временъ, и онъ уцѣмѣль въ пожарѣ Москвы 1812 г. Алексѣевы, строгоновскіе Алексѣевы, по матери моей, фабриканты-суконщики, купили дома графа Строгонова и позднѣе рядомъ, князя Репнина. По прямой линіи я происхожу отъ Алексѣя, Семена, Петра, Семена Алексѣевыхъ. Въ Ново-Спасскомъ монастырѣ памятники надмогильные: Московскаго I гильдіи купца коммерціи совѣтника Семена Алексѣевича Алексѣева (1746—1823); жены его Вѣры Михайловны рожденной Вишняковой (8 Сентября 1774—28 Апрѣля 1849)*; Петра Семеновича Алексѣева (1794—1850); второй жены его Анны Герасимовны, рожденной Четвериковой (1804—1873); Семена Петровича Алексѣева (1821—1885) и второй жены его Анисіи Александровны, р. Алексѣевой, троюродной сестры (1830—1897).

Преданіе гласитъ, что родоначальникъ нашъ, Алексѣй, былъ огородникомъ, разнощикомъ, на головѣ носилъ горохъ на продажу. Вѣра Михайловна, пррабушка, очень умная и энергичная купчиха, царила въ Рогожскомъ домѣ, сохранила и умножила богатство и была персоной, выдающеюся личностью старого закона. Она между прочимъ не чужда была и френологіи и, ощупывая мою голову, высказала свое предположеніе, что я стану механикомъ-изобрѣтателемъ. Исполнилось ея предсказаніе лишь въ скромной мѣрѣ: я доселе изобрѣмъ только носилки, кровать для увѣчныхъ и раненыхъ съ переломами спины и таза (модель) носилокъ въ 1883 г. представлена въ складъ Краснаго Креста въ Петербургъ, гдѣ находится и понынѣ). Кроме сего я усовершенствовалъ таузомъ (Французскій) портативный, карманній; въ

* Первая жена Петра Семеновича Алексѣева была Лухманова. Отъ нея у него былъ сынъ Дмитрій Петровичъ, дочь которого за Алексѣемъ Николаевичемъ Мухинымъ (родъ Новинскій, свой домъ). Слышано отъ многоуважаемой Елизаветы Михайловны Алексѣевой (рожд. Бостаникогда), матери приснопамятнаго Московскаго головы, Николая Александровича Алексѣева. П. Б.

каталогъ фирмы Ф. Швабе въ Москвѣ въ числѣ акушерскихъ инструментовъ имѣется тазомъръ доктора Алексѣева.

Кромѣ жилыхъ домовъ въ Москвѣ (Рогожскаго на Большой и Малой Алексѣевскихъ улицахъ около Рогожской площади и Трехгорнаго на бумагопрядильной фабрикѣ за Трехгорной заставой, купленной Семеномъ Петровичемъ, отцемъ моимъ, у Усачевыхъ за 350 тысячъ въ 1850 году) у Алексѣевыхъ, во времена дѣтства моего, были дома противъ Александровскаго сада (трактиры), домъ на углу Тверской и Моисеевской площади, противъ Охотнаго ряда, заводъ салотопленный за Крестовской заставой, фабрика бумагопрядильная и писчебумажная въ Глинкахъ Богородскаго уѣзда, около Лосиннаго острова на Клязьмѣ, въ имѣніи бывшемъ Брюса съ памятникомъ сему послѣднему въ церкви и съ дворцомъ его. Имѣніе это въ 40 верстахъ отъ Москвы, оно съ фабриками перешло къ Колесовымъ. Въ Глинки въ пятидесятыхъ годахъ помню возилъ самолично отца моего Ечкинъ, ямщицья фирма кото-
раго до сей существовать близъ Эрмитажа.

Въ «Историческомъ Вѣстнике» за 1893 г. (кн. 2 и 5-я), въ статьѣ Покровскаго «Очерки Москвы» (стр. 397), сказано: «Именитые граждане Алексѣевы вмѣсть съ Боткиными, Карзинкими и Шевальышевыми были одни изъ крупныхъ жертвователей на военные надобности въ 30 годахъ, на 28 стѣнѣ Храма Спасителя. По 50 тысячъ р. пожертвовали въ 1812 г. князь Юсуповъ, Крестовниковы, почетный гражданинъ Алексѣй Куманинъ, коммерціи совѣтникъ Семенъ Алексѣевъ и Григорій Абрамовичъ Кириаковъ. Фирму Алексѣевыхъ предоставили два сына Семена Алексѣевича: Петръ и Владимиръ. Они въ свое время прославились тѣмъ, что для раздѣла послѣ отца наслѣдства вынули изъ Опекунскаго Совѣта принадлежавшій имъ вкладъ свыше ста миллионовъ р.»

Преданіе гласить, будто бы богатству Мазуриныхъ положили основаніе довѣреніе имъ капиталы, между прочимъ и сбереженія мелкаго люда во время 1812 г.; послѣ Француза Мазуринъ будто бы подъ торжественной клятвой при колокольномъ звонѣ въ Кремль отрекся отъ этихъ капиталовъ, и народная молва приписала послѣдующія злополучія Мазуриныхъ этому обстоятельству. Устроительница Ивановскаго монастыря на Солянкѣ (въ началѣ восемидесятыхъ годовъ я въ теченіи трехъ лѣтъ былъ врачомъ при этомъ монастырѣ) М. А. Мазурина травила собаками привнесшаго ей повѣстку полицейскаго пристава, за что, несмотря на заступничество митрополита Филарета, подвергнута была по высочайшему повелѣнію вместо тюремнаго заключенія домашнему аресту. То было въ шестидесятыхъ годахъ. Въ старинномъ

Ивановскомъ монастырѣ при Екатеринѣ Великой въ кѣткѣ сидѣла Салтыкова (Салтычиха, которой приписывали 139 убийствъ), содержалась въ заточеніи принцессы Доротеи, княжна Тараканова, и въ теченіи 25 лѣтъ монахиня Досиѳея. Покровскій продолжаетъ: «25 Сентября 1859 г., дѣти Петра Семеновича самымъ радикальнымъ образомъ разорились, такъ что навсегда сошли съ коммерческой арены и доживали свой вѣкъ прикащиками у богатой родни; наследники же Владимира Семеновича сохранили свое богатство и доселе: Александръ Владимировичъ уже скончался въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Пречистенскомъ бульварѣ («Золотая рѣшетка», на дверяхъ), оставивъ Москву въ наследство своего сына Николая Александровича, недавняго городского голову, погибшаго трагическою смертію».

Родился я въ спальней Рогожскаго дома; позднѣе комната эта была нашей дѣтской. Рядомъ съ этой зеленої спальней безъ обоянья съ окрашенными стѣнами и расписанымъ цвѣтами плафономъ была диванная комната съ двумя лишь углами и полуокруглой стѣною, вдоль которой прежде вѣроятно тянулись диваны. По другую сторону спальни, была комната въ одно окно, пред назначенная вѣроятно первоначально быть уборной. Изъ этой угольной комнаты дома выходилъ крошечный балконъ съ золотыми перилами. Когда говорили о богатствахъ Алексѣевыхъ, поминали эти перила и серебряные подковы рысаковъ, которыми будто бы щеголяли не знавшіе счета своимъ деньгамъ Алексѣевы. Диванская комната долгое время была моей и брата моего Саши (на два года моложе меня) спальней, но лишь зимней: лѣтомъ мы живали на Трехгорной, куда окончательно перѣѣхали въ 1856 г., въ большой вновь выстроенный отцомъ моимъ домъ (теперь лечебное заведеніе, дача Тѣстова). Въ диваниной я хворалъ горячкой, болѣлъ скарлатиной и корью рано, но не помню когда; осپой вѣтринной я хворалъ когда мнѣ было 10 лѣтъ; тогда лѣчили насъ съдѣй докторъ Виноградскій. Когда во время выздоровленія просили позволенія погулять мнѣ въ саду, онъ посовѣтывалъ развѣйтись по стѣнамъ комнаты картины изображающія сады. Оспой настоящей хворалъ я на пятомъ курсѣ въ 1872 г. (остались двѣ рябины надъ правой бровью); заразился я въ Екатерининской больнице, не видѣвъ ни одного осеннаго больнаго, черезъ студента Кондрима, близъ котораго сидѣлъ на лекціяхъ и который былъ кураторомъ осенней больной въ терапевтическомъ отдѣленіи, тогда какъ я тогда былъ въ хирургическомъ отдѣленіи. Захворалъ я осپой, когда жилъ у Флеровыхъ (Наталья Андреевна Флерова, ур. Пятницкая, родная тетка моей матери. Василій Павловичъ Флеровъ, воспитатель графовъ Строгоновыхъ и цензоръ; сынъ его Сергеѣ Васильевичъ одинъ изъ первыхъ

по времени мировыхъ судей въ Москвѣ, позднѣе почетный мировой судья и болѣе 20 лѣтъ театральный и музикальный рецензентъ Московскихъ Вѣдомостей подъ псевдонимомъ Васильева). Первымъ докторомъ видѣлъ меня другъ дома Флѣровыхъ Алексѣй Ивановичъ Полунинъ (деканъ, анатомопатологъ, переводчикъ Вирхова и пр.). Чтобы не заразить внучатъ Флѣровыхъ, меня перевезли на Трехгорную. Сыпнымъ тифомъ я хворалъ въ 1873 г., заразившись отъ тифозныхъ, которыхъ самъ по малоопытности своей сконцентрировалъ въ своихъ палатахъ Временной Городской больницы (Титы, фабрика бывшая Алексѣя Ивановича Титова, пріятеля отцу моему; часть этой фабрики тогда была подъ арестантскимъ домомъ; быть въ Титахъ значило тогда быть арестованнымъ; теперь это Вторая Городская больница). Захворалъ я тифомъ, временно живя въ самой больницѣ; по дорогѣ на Трехгорную, сидя на извощикѣ на Крымскомъ мосту, потерялъ сознаніе; пріѣхавъ домой къ своимъ, потребовалъ остричь себя голову и подъ руками цирюльника впалъ въ безпамятство на много дней. Лечившій тогда бабушку акушеръ Николаевъ посовѣтывалъ припустить мнѣ къ позднямъ піявки. Помню купаніе (по господствовавшему тогда методу лечения тифа водою, по Брандту) въ холодной и постепенно охлаждаемой ваннѣ: дворникъ Ермолай вынималъ меня посинѣвшимъ изъ ванны. Въ Октябрѣ 1875 г. захворалъ я лѣвостороннимъ эксудативнымъ плевритомъ съ поворотомъ сердца вокругъ оси его вправо.

Обмороки и упадокъ силъ сопровождали это страданіе. Случай этотъ доложенъ былъ Физико-Медицинскому Обществу лечившимъ меня ассистентомъ профессора Захарьина Василіемъ Васильевичемъ Чирковымъ. Мнѣ ставили громадныя Шпанскія мушки на спину. О пункции грудной клѣтки при плеврите тогда уже поговаривали, но ея даже въ клинике Захарьина еще не дѣлали. Сколько и какъ ни давали хинину, ликорадка не унималась и прошла у меня лишь отъ перемѣны воздуха: меня изъ зданія клиники перевезли на Прѣсню въ Голохвастовъ домъ при температурѣ тѣла въ 39%, въ Ноябрѣ мѣсяца. Хворалъ я съ Октября по Январь. Въ 1893 г., въ городѣ Читѣ, въ Забайкальи, у меня было небольшее воспаленіе праваго легкаго; оно прошло, какъ проходять пневмоніи въ Сибири, быстро и безслѣдно. Въ 1899 г. появилось у меня печеночная колика съ отхожденіемъ камня и съ упорной желтухой; послѣдовательно отъ истощенія образовался тромбъ венъ лѣваго бедра. Лежалъ два мѣсяца и доселѣ бинтовую ногу. Въ Октябрѣ 1900 г. двѣ недѣли пробылъ въ Карлсбадѣ.

Въ Рогожскомъ домѣ, когда я хворалъ горячкой, которую тогда звали первою горячкой (по теперешнему вѣроятно брюшной тифъ или

тифоидъ) мнѣ было лѣтъ около семи, и за мною ходила уже не нянюшка Юлія Васильевна (кормилица моя Ольга дожила до 80 годовъ, я ее видѣла въ послѣдній разъ въ раковой палатѣ чернорабочей, т. е. Староекатериненской больницы), а бона-Нѣмка изъ Гамбурга Тереза Ивановна Янсенъ (она пробыла въ семействѣ нашемъ 20 лѣтъ и скончана на Введенскихъ горахъ). Лечилъ меня нашъ дальний родственникъ по женѣ Дмитрія Петровича (дяди моего) Елисаветъ Николаевнѣ докторъ Московской Духовной Семинаріи и врачъ митрополита Филарета Владимиръ Ивановичъ Рахмановъ. Онъ назначилъ мнѣ для оттяженія жара отъ головы Шпанскія мушки на икры. Во время выздоровленія отъ этой болѣзни меня пользовалъ Юлій Юльевичъ Швейкартъ гомеопатъ. Онъ былъ врачемъ Вдовьяго Дома и прописалъ мнѣ мыльный спиртъ для растиранія сочлененій. Помню, какъ Тереза Ивановна растирала мнѣ колѣна этимъ скользкимъ, цѣнистымъ спиртомъ. Я, какъ бы въ благодарность за это пріятное лечение, особенно часто назначалъ мыльный спиртъ во Временной Городской и Екатерининской больницахъ. Докторъ Швейкартъ лечилъ насъ и гомеопатіей: помню капли аконита и белладонны и бѣлыя крупинки. При боли въ горлѣ онъ съ помощью гусинаго пера вдувалъ порошокъ въ ротъ, мазалъ горло ляписомъ; при разстройствѣ пищеваренія давалъ магнезію и древесный уголь чайными ложками; касторовое масло запивали огуречнымъ разсоломъ.

Рядомъ съ диванной была обширная общая гостиная, отдѣлявшая нашу половину отъ половины, где жило семейство дядюшки Алексія Петровича, женатаго на Анастасіи Николаевны Мазуриной. Дѣти ихъ, Маша, моя ровесница, Петя и Варя, жили этажемъ выше въ антресоляхъ. Къ нимъ вела витая, широкая, деревянная лѣстница; у нихъ въ низкой дѣтской всегда пахло анисомъ и постоянно вертѣлась Матреша-забавница, ихъ дѣвочка для игры, прозванная также «затѣйкой», потому что на ней лежала обязанность затѣвать игры. Большая общая гостиная была полна мебели, стоявшей чинно и по стрункѣ вдоль стѣнъ, и среди комнаты разставлена была мебель противно господствующему нынѣ вкусу по этой части: артистического беспорядка не было. Диваны стояли другъ противъ друга по стѣнамъ рядомъ, съ ними тѣсно другъ возлѣ друга кресла; креслами же обставлены были круглые столы передъ диванами; все было симметрично и правильно, но не уютно, а холодно-чопорно. Исчезнувшія нынѣ изъ употребленія пневмательницы были единственою мелкою мебелью и онѣ стояли симметрично какъ парные часовые у дверей. Чахлы изъ бѣлой матеріи и зимою покрывали обивку мебели и снимались только по праздникамъ или при приемѣ гостей. Обоевъ въ этомъ домѣ не было; шафопы были чудно расши-

саны; все указывало на постройку этого дома въ концѣ XVIII вѣка.. Гостиная по стѣнамъ вся увѣшена была писанными масляниными красками старинными картинами въ золоченыхъ потускиныхъ оть времени рамахъ. Вся обстановка Рогожского дома перешла оть тѣхъ баръ, у которыхъ этотъ домъ былъ купленъ богачемъ Алексѣевымъ.

Въ 1736 г. упоминается о винномъ откупщикѣ Алексѣевѣ. Если я пятаго поколѣнія (а именно: Петръ Семеновичъ, Семенъ Петровичъ, Петръ Семеновичъ, дѣдъ мой Семенъ Алексѣевичъ, отецъ Алексѣй): то послѣдній сынъ его Симеонъ (Памятникъ въ Новоспасскомъ монастырѣ) родившійся въ 1746 г., могъ быть откупщикомъ, а отецъ его или дѣдъ легендарнымъ Алексѣевымъ-разнощикомъ, огородникомъ или мелкимъ-торговцемъ, переселившимся въ Москву.

Прадѣдушка мой Семенъ Алексѣевичъ былъ вѣроятно уже очень богатымъ человѣкомъ и кромѣ большого состоянія имѣлъ и вѣсъ и значеніе въ обществѣ. На портретѣ, находящемся въ Шераповѣ, имѣніи дѣтей моей сестры, онъ изображенъ въ жабѣ и мундирѣ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, на пуговицахъ мундира гербъ города Москвы.

Москвѣ служилъ не онъ одинъ изъ Алексѣевыхъ въ качествѣ выборныхъ: въ Городской Думѣ служилъ мой дѣдъ по матери (тоже Алексѣевъ, Александръ Васильевичъ), отецъ мой въ Судѣ близъ Иверской, троюродный братъ мой Николай Александровичъ городскимъ головою.

Отецъ мой родился въ 1825 г. въ Рогожскомъ домѣ, когда инициалы дѣдушки моего Петра Семеновича уже красовались на фронтонахъ этого дома. Отецъ мой крещенъ былъ приходскимъ священникомъ церкви Алексѣя Митрополита, стоящей на стрѣлкѣ, гдѣ сходятся Малая Алексѣевская и Николоямская улицы. Архитектура этой церкви (по положенію и разстоянію отъ Рогожского дома вѣроятно бывшая церковью помѣстья владѣльцевъ, баръ Рогожского дома) архитектура временъ Растрѣлли; она очень походитъ на церкви въ Останкинѣ, на Филяхъ, на улицѣ Покровкѣ и рѣзко разнится отъ архитектуры соседнихъ церквей: Николы-Ямы болѣе древней (теперь перестроенной), Симеона Столпника, Мартына Исповѣдника и Сергія въ Рогожской. Священника, крестившаго отца моего, хорошо помню; то былъ старецъ, у котораго тряслась голова; онъ пилъ горячую воду вмѣсто чая и приходилъ каждое первое число мѣсяца служить молебень въ комнату бабушки Анны Герасимовны. При немъ былъ причетникъ въ длинномъ темносинемъ сюртукѣ-кафтанѣ съ сѣдою косичкою. Въ городѣ Оттавѣ на обѣдѣ у вице-короля Канадскаго лорда Ленсауна въ 1886 г. я видѣлъ тоже косичку у верховнаго судьи (кромѣ косъ у прислуживающихъ въ пурпурныхъ парикахъ лакеевъ). Этотъ послѣдній былъ человѣкомъ пожилымъ, но не старымъ и потому предполагаю, что косичка его была

принадлежностью его формы, такъ какъ и мундиръ его былъ очень старомоденъ. Эти двѣ косички были тѣ немногіе остатки Zopfthum's, которые мнѣ пришлось видѣть. Засталъ я мало стародавняго на вѣку моемъ: если не считать дамскіе кринолины, немногое измѣнилось въ костюмахъ. Трубку-стамбулку на длинномъ черешневомъ чубукѣ съ янтарнымъ мундштукомъ или гусиномъ пёрышкомъ и табакомъ Жукова я помню только у двухъ курильщиковъ: у Ивана Васильевича Живаго (магазинъ офицерскихъ вещей на Тверской) и у Алексѣя Яковлевича Кожевникова (бухгалтера Алексѣевыхъ во время процвѣтанія фирмы ихъ); видѣлъ послѣдняго больнымъ въ клиникѣ профессора Алексѣя Яковлевича Кожевникова въ Екатерининской больницѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Остатки [старины помню и на офиціанткахъ; они при большихъ оказіяхъ носили короткіе до колѣнъ панталоны, чулки и башмаки съ пряжками. Ташкины, Александръ и Сергѣй Романовичи, были главные офиціанты; съ ними являлась толпа ихъ помощниковъ, которые, какъ и повара, все были бритые. Мы двѣ любили глядѣть, какъ накрываютъ столы: притаскивали складныя «штуки», привезенные откуда-то вмѣсть съ кухонной посудой, многоведерными самоваромъ и сервизомъ. Скатерти тщательно выравнивали, прикалывая ихъ булавками, столы ставились глаголемъ или покоемъ. Отецъ мой любилъ угощать, заказывать обѣды и составлять меню; въ сіе послѣднее онъ всегда старался помѣстить любимое свое блюдо — салатъ изъ ершей. Ташкины являлись всегда, когда бывало что-нибудь особенное, а во времена до 1859 года особенные обѣды, гости, пиршества на именинахъ бывали часто. Съ Ташкиными въ воспоминаніяхъ моихъ связано у меня представление о чемъ-то торжественномъ, веселомъ. Потому пріятно мнѣ было вспомнить старину и веселье былое, когда изъ клиникъ (гдѣ я жилъ съ 1873 по 1876 годъ) я приглашенъ былъ сыномъ Ташкина къ больной въ Кузьминки. Тамъ я встрѣтилъ земскаго врача доктора Константина Константиновича Толстаго; онъ мнѣ памятенъ, потому что позднѣе лежалъ во время одиннадцати моего въ Екатерининской больницѣ (1878—1882) у профессора Острогумова съ хроническимъ интерстициальнымъ воспаленіемъ почекъ. Читали лекцію надъ нимъ, и онъ приговоренъ былъ къ смерти; однако въ 1888 г. я видѣлъ его на Милліонной въ Петербургѣ среди его дѣтей. На порогѣ кабинета я оступился и чуть не задавилъ ползавшаго ребенка, на диванѣ кормилица пеленала другого младенца, тогда какъ изъ столовой доносился веселый звонкій дѣтскій смѣхъ...

Д-ръ П. С. Алексѣевъ.

г. Рига, Августъ 1807.

А. С. ХОМЯКОВЪ И М. А. МАКСИМОВИЧЪ.

Письма А. С. Хомякова къ М. А. Максимовичу.

Въ 1839 году М. А. Максимовичъ, въ то время бывшій профессоромъ Русской словесности въ молодомъ Киевскомъ университѣтѣ, задумалъ изданіе повременныхъ сборниковъ историко-литературнаго содержанія подъ названіемъ: „Кievлянинъ“. Статьи историческія, по мысли Максимовича, должны были имѣть отношеніе къ Киеву, а произведенія собственно литературныя, стихи и проза, предполагались общаго характера. Для послѣдняго отдѣла Максимовичу необходимо было постороннее содѣйствіе.

На приглашеніе Максимовича откликнулись нѣкоторые изъ современныхъ писателей, въ числѣ которыхъ были В. А. Жуковскій, Ф. Н. Глинка, его супруга А. П. Глинка, А. И. Подолинскій, А. С. Хомяковъ, В. Г. Бенедиктовъ, Е. П. Гребенка и другіе. Всѣ они прислали Максимовичу свои стихи, при чемъ Бенедиктовъ и Хомяковъ подарили издателю стихами, имѣвшими живое отношеніе къ цѣлі самаго сборника, выраженной въ предисловіи къ первой книгѣ „Кievлянина“. Оба написали стихотворенія на тему объ историческомъ значеніи Киева въ многовѣковой жизни Русскаго народа.

Издание „Кievлянина“ встрѣтило большія цензурныя затрудненія, хотя онъ никакъ не противорѣчилъ тому, чтѣ незадолго передъ тѣмъ было провозглашено граffомъ С. С. Уваровымъ (т. е. „Православію, Самодержавію и Народности“). „Мнѣ и теперь грустно вспоминать, писалъ Максимовичъ въ 1868 году, подъ какою цензурною тяготою и съ какими ущербами въ статьяхъ, печатались тѣ двѣ книжки моего „Кievлянина“¹). Такъ цензоръ Федотовъ не разрѣшилъ статьи Надеждина: „Палладій Роговскій“, и стиховъ И. К. (Ивана Кирѣевскаго?), такъ какъ послѣдніе носили духовный характеръ, а статья Надеждина заключала въ себѣ „часті церковной исторіи“ и „предметы, относящіеся къ церковному управлению“²). Между прочимъ, цензурныя стѣсененія постигли также стихотвореніе А. С. Хомякова „Кievъ“. Это вызвало справедливое сѣтованіе преосвященнаго Иннокентія, который былъ съ Максимовичемъ въ постоянной дружеской перепискѣ. „Весьма жаль мнѣ

¹) „Письма о Киевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ Михаила Максимовича“, 1871, стр. 15.

²) Письмо А. Федотова къ Максимовичу отъ 1-го февраля 1840 года.

вашего и нашего Киева. Тутъ, право, нельзя не посѣтовать на цензуру во-обще. А эти меценаты наукъ! Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благого¹⁾). Едва ли слова преосвященнаго о меценатахъ не относились къ графу Уварову. Первая книга „Кievлянина“, вышла такимъ образомъ безъ стихотворенія Хомякова, появившагося только въ слѣдующемъ 1841 году, во второй книгѣ „Кievляна“, хотя генералъ-губернаторъ старался затормазить появление „Киева“ Хомякова и во второй книжкѣ²⁾.

Письмо, съ которымъ Хомяковъ посыпалъ Максимовичу стихотвореніе „Кievъ“, было напечатано еще самимъ Максимовичемъ въ его „Письмахъ о Киевѣ и воспоминаніяхъ о Тавридѣ“ откуда было перепечатано въ „Полномъ собраніи сочиненій А. С. Хомякова“ (VIII, 463). Но Максимовичъ въ своей книгѣ опустилъ добрую половину письма. Приводимъ его вполнѣ.

1.

Милостивый государь Михаилъ Александровичъ!

Извините медленность моего отвѣта на ваше любезное письмо. Оно пришло ко мнѣ въ такое время, когда я рѣшительно ничѣмъ заняться не могъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней я имѣлъ несчастіе лишиться сестры и сына, и обѣ потери были совершенно неожиданны. Я знаю, что вы пожалѣете о моемъ горѣ и примете участіе въ тяжеломъ испытаніи, которое досталось на мою долю. Двое дѣтей меня порадовали, и обоихъ нѣтъ. Брать и сестра выросли со мною, и я остался одинъ. (Очень грустно!)

Хвала и честь вамъ за ваше намѣреніе. Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе *Kievлянина*, которое вами избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Киеву отоуваться Русскимъ языкомъ и Русскою жизнью³⁾. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше за-воевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Киевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный, между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями. Вы начинаете дѣло прекрасное, и я увѣренъ, что трудъ вашъ будетъ плодотворенъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушиены мнѣ именно названіемъ вашего журнала и которые (дурны ли, хороши ли) вышли изъ-подъ моего пера, какъ только голова и сердце нѣсколько успокоились отъ недавнихъ ударовъ. Желаю, чтобы полученіе

¹⁾ „Письма о Киевѣ“, стр. 14.

²⁾ Дозволены были только первыи семь строфъ.

³⁾ Здѣсь, какъ и дальше, разумѣются Польскія стремленія въ Киевѣ и Юго-Запад-помѣрѣ краѣ, съ которыми вели борьбу правительство императора Николая I.

этой пьесы было вамъ хотя вполовину такъ пріятно, какъ миѣ пріятно посыпать ее и надѣяться, что мое имя и мой посильный трудъ будуть въ вашемъ изданіи свидѣтельствомъ уваженія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Ноября 24-го дня 1839 г.

Къ этому прибавимъ, что стихотвореніе „Кievъ“ было сообщено Хомяковымъ Максимовичу и напечатано въ „Киевлянинѣ“ 1841 г., съ переписанными противъ того, какъ оно теперь печатается.

Такимъ образомъ въ значительной степени Русская словесность обязана Максимовичу однимъ изъ лучшихъ произведений, вошедшими въ школьные книги для чтенія и потому известными всемъ и каждому.

Внослѣдствіи, въ концѣ жизни Хомякова, они сошли съ Максимовичемъ очень близко, подружески. Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызванъ Московскими друзьями въ Москву для завѣдыванія „Русской Бесѣдою“. Здѣсь Максимовичъ прожилъ до весны 1859 г., за исключеніемъ только лѣта 1858 г., когда онъѣздилъ на свою Михайлову Гору, подъ Дибропомъ. Это пребываніе Максимовича въ Москвѣ, кромѣ участія его въ „Русской Бесѣдѣ“, сближало его съ Хомяковымъ по ихъ совмѣстной дѣятельности въ „Обществѣ любителей Россійской словесности“. Заглохшее въ тридцатыхъ годахъ, Общество это было возобновлено въ 1858 г. стараніями неутомимыхъ Русскихъ древнелюбцевъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали Погодинъ, Хомяковъ и Максимовичъ, при чемъ предсѣдателемъ Общества былъ Хомяковъ, а секретаремъ Максимовичъ, а послѣ него М. Н. Лонгиновъ; а казначеемъ и размѣстителемъ гостей—С. А. Соболевскій *).

При томъ же, только отъ этого времени мы имѣемъ письма Хомякова къ Максимовичу, указывающія на ихъ дружбу, проникнутую глубокимъ взаимнымъ уваженіемъ. Вотъ Максимовичъ пишетъ какіе-то стихи и посыпаетъ ихъ своему другу, поэту призданному (самъ Максимовичъ въ своей жизни мало написалъ стиховъ). Хомяковъ въ свою очередь шлетъ Максимовичу стихотвореніе „Труженикъ“ („По жесткимъ нивамъ сорной нивы“) и дѣлаетъ слѣдующую приписку: „Благодарю за милые стихи, которые бережно спрятать и хранить буду“ (1858 г.).

*) Члены садились за длиннымъ столомъ, а гости-посѣтители вокругъ стола. Однажды прибывшіе на засѣданіе С. П. Шиповъ и супруга его Агнна Евграфовна (рожд. графиня Комаровская) заняли два членскія мѣста. Соболевскій пригласилъ ихъ пересѣсть на посѣтительскія. Когда началось чтеніе, Соболевскій кинулъ миѣ черезъ столъ бумагу, но которой было написано:

Такъ, въ немилость я попалъ
Къ мудрой генеральшѣ,
Хотъ всегда себя держалъ
Отъ нея подальше.

Во второй половинѣ 1859 г. Максимовича уже не было въ Москвѣ: онъ навсегда поселяется въ своемъ нагорномъ уединеніи, надъ Днѣпромъ-Славутою. Въ слѣдующемъ году прегратилось изданіе „Русской Бесѣды“ основанной А. И. Кошелевымъ. Объ этомъ извѣщаетъ Максимовича прежде всего И. С. Аксаковъ, на которомъ лежала „нравственная отвѣтственность изданія“, какъ было сказано въ „Заключительномъ Словѣ“ журнала. И. С. Аксаковъ прислалъ Максимовичу это „Заключительное Слово“ со слѣдующею надписью: „Вотъ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, и отвѣтъ на вашъ вопросъ о „Бесѣдѣ“. Въ теченіе года А. И. Кошелевъ намѣренъ издать самъ отъ себя два или три сборника, а черезъ годъ надѣюсь и я добиться дозволенія учредить свой собственный журналъ или газету... Но какъ ужасно грустно, какъ несказанно грустно!“

Это грустное настроеніе руководителей „Бесѣды“ сказалось и въ „Заключительномъ Словѣ“, хотя оно проникнуто вѣрою въ жизненность и развитіе Славянофильскихъ воззрѣй. „Съ тяжелымъ чувствомъ, говорится въ немъ, разстаемся, хотя и на время, съ нашимъ журнальною дѣятельностью. Намъ дорого было это періодически раздававшееся печатное слово, это дружное и гласное служеніе нашей народности; мы свято чтимъ наше литературное знамя, знамя народнаго самосознанія во всѣхъ областяхъ жизни и духа; намъ жаль нашего прерваннаго труда“.

„Русская Бесѣда“ закрылась потому, что издатель А. И. Кошелевъ не имѣлъ возможности лично руководить журналомъ, а утвердить редакторомъ И. С. Аксакова Министерство Народнаго Просвѣщенія не соглашалось. Кошелевъ звалъ и другихъ главныхъ сотрудниковъ взять на себя завѣдываніе журналомъ и предлагалъ даже ежегодную помошь въ количествѣ шести тысячъ рублей въ годъ; но никто не согласился принять на себя такое отвѣтственное въ то время дѣло, какъ руководство журналомъ. Въ этомъ случаѣ, надо думать, имѣли значеніе также тѣ нравственные причины, на которыхъ указывалъ Хомяковъ въ приводимомъ ниже письмѣ къ Максимовичу, т. е., равнодушіе публики и трудность борьбы за Славянофильскія идеи съ изданіями западническаго наклона.

Мы памѣренно остановились на прекращеніи „Русской Бесѣды“, чтобы вполнѣ освѣтить начало слѣдующаго письма Хомякова къ Максимовичу.

Отчего пришла въ взартъ
На меня Шипиха?
Что Шиповъ не Бонарпартъ
Она не Монтихо. П. Б.

2.

Любезный другъ.

Давно получилъ я письмо твое и, разумѣется, давно собрался отвѣтчать, да все-таки до сихъ поръ не отвѣчалъ. Странное, право, какое-то совпаденіе встрѣчъ съ тобою или какого-то таинственнаго вліянія съ мою стихопроизводительностью. Вотъ и въ этотъ разъ. Въ самый день, какъ я отъ тебя получилъ письмо, написалъ я стихи, которые теперь уже напечатаны въ «Бесѣдѣ», и эти стихи, надѣюсь, понравятся. Я знаю, что ты любишь, чтобы стихъ былъ чисто отдѣланъ (въ чемъ, разумѣется, ты и правъ), а эти отдѣланы съ особеннымъ щегольствомъ и пѣвучестью. Не посыпаю ихъ къ тебѣ, потому что уже печатаются. Что наша «Бесѣда» покончила житіе, иначе и быть не могло, и я изъ первыхъ объявилъ ей приговоръ; а жаль и очень жаль. Когда я читалъ Заключительное Слово, ужасно стало грустно, а все-таки я убѣжденъ, что продолжать было нельзя. Публика наша—«аспидъ глухъ, иже не обавается отъ премудра»; не знаешь, какъ и вѣяться за нее. Впрочемъ, я думаю, что насъ особенно зарѣзали отсутствіе газеты. Мнѣніе, которое идетъ наперекоръ общему мнѣнію одною тяжелою артилеріею, не событь непріятеля съ позиціи. Нужны застрѣльщики. А право, какъ-то во всемъ этомъ видна особенная, какъ будто испытывающая судьба. Надобно же запретить «Парусъ» за такія статьи, которыя вовсе не сильнѣе многихъ ежедневно пропускаемыхъ¹⁾. Кончила, впрочемъ, «Бесѣда» со славою (Записки Державина—важнѣйшій историческій памятникъ) и съ скандаломъ (дѣло Якушкина). И то хорошо²⁾.

Я было и забылъ, что ты писалъ ко мнѣ именно о моей ногѣ, дружески спрашивая обѣ ней. Помучился таки я съ нею. Отъ безпечности своей вылетѣлъ я изъ тарантаса и, не переломивъ, даже не вывихнувъ ноги, такъ вытянулъ жилы въ вертугѣ (что очень опасно), что долженъ былъ ожидать продолжительной хромоты. Къ несчастію, сгоряча показалось мнѣ боль сносною, а я былъ въ полѣ: не хотѣлось вернуться, не потравивши. Я проѣздилъ еще часовъ пять съ болями, которыя наконецъ стали нестерпимыми; кажется, этимъ-то я себя и употчиваю. Долго не могъ я вовсе ходить; сидѣть также не могъ, да и въ лежачемъ положеніи очень сильно страдалъ. Всѣ натирания, всѣ наружныя средства усиливали боль; наконецъ натура ли, гомеопатія

¹⁾ «Парусъ» И. С. Аксакова былъ закрытъ въ томъ же 1859 году.

²⁾ Извѣстный случай ареста П. И. Якушкина Псковскою полиціею.

ли, стала я оправляться и теперь хожу почти безъ хромоты; но быстрыя движения еще невозможны, боль еще есть, хотя и легкая, и нога нѣсколько ссохлась и исхудала въ мускулахъ. Затѣмъ прибавлю тебѣ, какъ и всѣмъ друзьямъ: не браните! Я уже и такъ наказанъ: не только долго мучился, но, что еще хуже, прогулялъ такую великолѣпную осень, какой не скоро доживеть охотникъ. Дни, какъ на заказъ, тепловатые, тихіе, только бы въ поле. Такой осени и такого, можно сказать, милаго начала зимы я не запомню. Кстати объ исхуданіи мускуловъ: я теперь фехтую, чтобы укрѣпить ногу. Исхуданіе я приписываю отчасти боли, отчасти неподвижности. Доктора безтолковы: они на это не обращаютъ достаточно вниманія. Вѣдь теперь дознано что венозная темная кровь, которою питается тѣло (мускулы) при напряженіи члена обращается въ алую quasi-arterіальную. Однаково ли питаніе въ обоихъ случаяхъ? Быть не можетъ. Вотъ почему движеніе необходимо, и почему больной членъ часто худѣеть и ссыхается не столько, думаю, отъ боли, сколько отъ неподвижности, къ которой онъ осужденъ для избѣжанія боли. Чѣмъ скажешь? Вѣдь я медикъ не изъ послѣднихъ; зато я и бѣшусь на всѣ медицинскіе журналы и газеты. Почти ни одного путнаго замѣчанія. Такъ напр. въ моей практикѣ изъ болѣе чѣмъ тысячи острыхъ болѣзней было у меня только три смертные случая (кромѣ двухъ или трехъ неосторожностей), и всѣ три были отъ скарлатинной или тифозной заушницы. Она убиваетъ съ небольшимъ въ сутки людей, повидимому, уже выздоравливающихъ; и обѣ этомъ ни слова нигдѣ! Вылѣчивать ее нѣть средства: надобно предупредить, а какъ предупредить? Думаю, что покуда только и есть одно средство—натираніе за ухомъ свинымъ саломъ всѣхъ больныхъ скарлатиною или тифомъ. Если переписываешься съ какимъ медикомъ, сообщи это.

Третьяго дня кончилъ я нѣкоторое писаніе, подъ которымъ хочется видѣть подпись друзей, именно Соборное Посланіе къ Сербамъ. Я разумѣется даю его на разсмотрѣніе всѣхъ пріятелей въ Москвѣ, такъ какъ предлагаю подписать. Это совѣты и предостереженія. Такъ какъ хотѣлось бы дѣло сдѣлать поскорѣ, а твоей подписью дорожу, то позволь ее поставить заочно, и если хочешь, назначь кому вѣришь въ дѣлѣ критики и слѣд. подписи за тебя *).

Наше дѣло по Обществу все еще не ладится. Министерство отказалось. Иные совѣтуютъ жаловаться въ Сенатъ, другіе (и я въ томъ

*) „Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы“, было напечатано въ Лондонѣ. Подпись Максимовича подъ нимъ не было. См. Сочиненія Хомякова, 1900 г. т. 1, 377—406.

числь) Государю. Лонгиновъ написалъ просьбу, но я ее забраковалъ: длина и имѣеть видъ слишкомъ судебный. По газетамъ вижу еще собрание: вѣроятно, по этому дѣлу. Досадно, что еще не могу быть въ Москвѣ. Разумѣется, безъ меня просьбы на высочайшее имя не пошлиютъ, но недовѣро и критиковатъ заочно¹⁾.

Прощай, дорогой другъ. Благодарю за помочь и за заботу. Клянуся Марьѣ Васильевнѣ²⁾. Правда ли что есть надежда?.. Дай Богъ и видѣть осуществленное, и вырастить, и радоваться.

Твой А. Хомяковъ.

Декабря 2 д. 1859³⁾.

3.

Москва, 21-го Марта 1860 года.

Поздравляю тебя, дорогой мой Максимовичъ, поздравляю Марью Васильевну, радуюсь за васъ душевно. Цѣлую маленькаго казачка Алексія (благодарю за выбранное имя), а все-таки, хоть и Алексій, онъ Богданъ, какъ Хмельницкій, какъ всякая радость Богъ—дана. Не такъ ли? Вѣдь странная и престранная вещь. Какая это радость въ кусочкѣ мяса безсмыслицаго, каковы новорожденныя дѣти, а есть ли на свѣтѣ радость чище и больше? Рѣшительно нѣть. Какъ глубоко Евангеліе выражаетъ ее, или, лучше сказать, ея духовное начало: «яко человѣкъ родися въ мірѣ». Эта крошка, ужъ онъ человѣкъ, новый сынъ — не вашъ только, Михаила и Мари, а Божій. Молюсь, какъ умѣю за него: молюсь, чтобъ Богъ далъ вамъ на него радоваться, а тебѣ съ нимъ еще лульку курить. Я своему Митѣ не запрещаю (это не въ моемъ обычай), но и не совсѣмъ курить трубку; а чувствую, что, будь я хохоль, какъ ты, непремѣнно далъ бы ему трубку, да еще съ коротенькимъ чубучкомъ. Вотъ какіе пустяки составляютъ и очерчиваютъ народность. У насъ трубка ничего, а въ Малоруссіи она вещь историческая: она имѣеть характеръ преданія, характеръ, который въ Англіи я бы называлъ торізмомъ, и вовсе не курящій Малороссъ мнѣ казался бы какимъ-то выродкомъ, нововводителемъ, готовымъ отступиться даже отъ Кириллицы. Хоть и у васъ духовенство не очень-то

¹⁾ Общество Любителей Россійской Словесности жалопатало обѣ изданиія своихъ ученыхъ трудовъ безъ предварительной цензуры, но Министерство Нар. Пр. не согласилось на это.

²⁾ Супруга М. А. Максимовича. Максимовичъ женился въ старости. Молодая супруга его была дочерью той особы, въ которую онъ влюбился будучи юношемъ (слышано отъ него самого). П. Б.

³⁾ Годъ поставленъ нами; онъ приписанъ въ началѣ письма рукою Максимовича.

къ люлькѣ благоволило, но въ ней выразилась свобода казацкая, и она получила нравственное значение. Даи Богъ Михаилу и Алексѣю выкуриТЬ несчетное число люлекъ подъ черешнями, или какимъ тамъ пп есть деревомъ, вашей милой Малороссіи!

У васъ небось теперь во всю пору весна, а у насъ еще снѣгъ до крышъ, и ждемъ наводненія, какого не бывало. Такихъ снѣговъ никто не запомнить: крестьяне радуются, говоря, что Богъ на старое ворочаетъ. Вѣдь старые люди всегда уверяютъ, что въ старину все было лучше, а тогда были и жары жарче, и морозы алѣе, и снѣга глубже, и хѣбба рослѣе, и люди здоровѣе. Значить, коли Богъ на старое ворочаетъ, то всего доброго можно ждать. Такъ ли, не такъ ли будетъ, а въ этомъ видно одно: умъ народный настроенъ на надежду. Я все это приписываю эмансиپаціи, и точно также готовъ ждать лучшаго.

Вотъ хоть бы въ нашемъ Обществѣ Л. Р. Сл., несмотря на пакостную штуку, сыгранную съ нами Бодянскимъ, и на уменьшеніе нашихъ правъ, сдѣланное, очевидно, по проискамъ Главнаго Ценз. Комитета, несмотря на то, что печатная наша дѣятельность убита разомъ, и что конкуренція Общества вспоможенія бѣднымъ литераторамъ отняла у насъ множество статей для чтенія, дѣятельность не только не прекратилась, но значительно усилилась. Никогда такого стѣсненія слушателей не было: просто давка, если бы не соблюдали строгаго порядка по части билетовъ; никогда такихъ серьезныхъ чтеній не было. Вчерашнее засѣданіе было настоящимъ триумфомъ, и, вправду, очень и очень занимателымъ. Щѣлый день въ клубахъ и по домамъ только и было рѣчи, что обѣ немъ. Чисто-Славянофильское.

Списокъ блюдъ.

Рѣчъ президента.

Стихи Вяземскаго.

О Смутномъ времени К. С. Аксакова.

Стихи о Смутномъ времени И. С. Акс(акова).

Раскольничья поэзія—Безсонова.

Рѣчъ президента.

Я только сѣлъ, какъ вспомнилъ про составъ угощеній и сотоврѣлъ четверостишие:

Горя надеждой и отвагой,
Давай слову полныЙ ходt,
Густой Славянофильской брагой
Мы угостимъ честной народъ.

Однакоже я ихъ не сказалъ громко, по передалъ со съдѣемъ, тѣ другимъ, и скоро всѣхъ обошли стихи. И точно, это была гуща славянофильства. Но эффектъ огромный. Чтеніе длилось безъ малаго три часа. Суди же, какъ длины были статьи—всего двѣ; и за всѣмъ тѣмъ ни минуты не слабѣло вниманіе. Такое засѣданіе сдѣлало бы честь хоть бы Лондону; одни только западники бѣсятся. Еще другое торжество Москвы. Пріѣхалъ сегодня Молинари ¹⁾, известный политико-экономъ. Ему въ Питерѣ давали обѣдь, и рѣчи говорили; а здѣсь его лекціи совершенно уничтожены лекціями Бабста ²⁾ о тѣхъ же предметахъ. Это успѣшное соперничество сильно подняло вѣру въ домашнюю науку. Бабстъ же, какъ известно, черезъ Чижова ³⁾ примкнулъ къ Славянофиламъ, а Молинари подъ покровительствомъ Р. Вѣстн. И ты боишься читать лекціи! Это курамъ на смѣхъ. Ты, съ своею горячою любовью къ Малороссіи, съ своимъ знаніемъ объ ея прошедшемъ, съ своимъ даромъ слова, сомнѣваешься въ успѣхѣ! Да у тебя будутъ драться за мѣста; у всѣхъ на лекціяхъ толпятся: по ухабамъ, о которыхъ ты и понятія имѣть не можешь, съ конца въ конецъ Москвы скачутъ, вечеромъ, чуть-чуть не съ опасностью жизни, а къ тебѣ не привалять валомъ? Полно: рѣшайся! Минъ этого смерть бы хотѣлась не потому только, что хочу тебя здѣсь видѣть и Марью Васильевну, но и потому, что тебя лучше и больше бы знали, и что твои лекціи были бы великимъ приобрѣтеніемъ для литературы исторической. Прощай, милый мой Максимовичъ, рѣшайся и давай слово твердо.

Твой А. Хомяковъ.

По смыслу этого письма, Хомяковъ уже раньше обращался къ Максимовичу съ предложеніемъ пріѣхать въ Москву читать лекціи. Пріѣздъ Максимовича однако не только не состоялся, а онъ даже больше не увидѣлся съ Хомяковымъ, почившимъ черезъ полгода послѣ приведенного письма. Судьба, награждая Максимовича знаменитыми друзьями и единомышленниками, въ тоже время поражала его, заставляя переживать кончину большинства ихъ.

В. В. Даниловъ.

¹⁾ Густавъ Молинари, Бельгійскій политико-экономъ, сотрудничавшій въ Русскихъ журналахъ.

²⁾ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ (1824—1881) известный Русскій политико-экономъ и ученый писатель.

³⁾ Федоръ Васильевичъ Чижовъ (1811—1877) экономистъ и писатель-Славянофилъ.

Приводимъ стихи Хомякова въ томъ видѣ, какъ они появились въ „Кievлянина“ 1841 года. П. Б.

Высоко передо мною
Старый Киевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпъ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Киевъ многовѣчный,
Силы Русской колыбель!
Слава, Днѣпъ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися;
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
„Вы откуда собиралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей.“
— „Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей“.

— „Край мой—теплый брегъ Евксина!“
— „Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Заковала океанъ.“

— „Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его сѣговъ:
Тамъ земли моя родная!“
„Миѣ отчизной—старый Псковъ.“

— „Я отъ Ладоги холодной.“
— „Отъ лазурныхъ волнъ Невы.“
— „Я отъ Камы многоводной.“
— „Я отъ матушки-Москвы“ *).

---

*) Дальнѣйшее не было дозволено Библіовскою цензурою.

ПОПРАВКИ И МЕЛОЧИ.

Въ XI книжкѣ „Русскаго Архива“ 1907 года, на стр. 558-й, допущена грубая ошибка: митрополитъ Филарѣтъ, въ Пасхальную заутреню въ Успенскомъ соборѣ, ходилъ къ мощамъ Московскихъ святителей Петра, Ионы и Филиппа, отъ одного угла собора къ другому, не съ дикиріемъ и трикиріемъ въ рукахъ, а съ Распятіемъ въ лѣвой рукѣ и съ кадиломъ въ правой.

*

Къ статьѣ „Московское купечество XVIII и XIX вѣковъ“. Въ 12-й тетради „Р. Архива“ 1907 года, на стр. 498 напечатано, что Салаевы вступили въ Московское купечество въ 1905 г. Вместо этого года слѣдуетъ читать 1805.

*

На стр. 496 высказано предположеніе, что сенаторъ В. П. Зубковъ происходилъ изъ Московскаго купеческаго рода. Предисловіе Б. Л. Модзалевскаго къ „Запискамъ В. П. Зубкова“ подтверждаетъ это предположеніе; хотя г. Модзалевскій и не указываетъ, что дѣдъ Василія Петровича Авраамъ Васильевичъ былъ Московскій купецъ (у него онъ названъ прaporщикомъ), но всѣ имена и фамиліи, находящіяся въ ревизскихъ сказкахъ, тождественны съ упоминаемыми въ предисловіи къ Запискамъ. Невѣрно только указаніе Б. Л. Модзалевскаго о томъ, что Петръ Абрамовичъ Зубковъ—сынъ (р. 1762) Авраама Васильевича отъ брака съ А. А. Бабушкиной (р. 1749): онъ происходилъ отъ первого брака его отца съ Пелагеей Ивановной Уткиной († 1774 г.).

*

Нѣкоторые изъ благосклонныхъ читателей выражаютъ намъ (иные и не безъ упрека) недоумѣніе, зачѣмъ посильныя замѣтки наши объ изданіяхъ и книгахъ, показавшихъ намъ достопамятными, появляются не въ самомъ „Русскомъ Архивѣ“, а внутри сорочекъ онаго, которыя-де иногда, особенно для переплета, уничтожаются. Это происходитъ отъ того, что въ листахъ „Русскаго Архива“ помѣщаются историческія бумаги, говорящія сами за себя, либо статьи, за которыхъ отвѣчаютъ писавшіе ихъ; наши же отзывы и замѣтки могутъ нравиться или не нравиться и во всякомъ случаѣ не имѣютъ значенія строгого-исторіографического. Кому они любы, пусть сберегаетъ ихъ и прикажетъ переплетчику не срывать сорочекъ съ книжекъ. П. Б.

- 4192.** О докторѣ Герасимѣ Ивановичѣ Кораблевѣ. Николая Левашова. **1885.** II, (8), 584.
- 4193.** Н. И. Костомаровъ, Александра Корсунова. **1890.** III, (10), 199—221.
- 4194.** О Костровѣ и о переводѣ Золотого Осла. **1870.** (3), 0709—0716.
- 4195.** Письмо Е. И. Кострова (со стихами) къ Суворову. Сообщ. Н. Н. Мазуркевичемъ. **1874.** (7), 4—6.
- 4196.** Два письма М. Т. Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу. Сообщ. П. А. Ефремовымъ. **1868.** (6), 970—972.
- 4197.** Г.-лейт. Н. В. Креницынъ. **1898.** II, (8), 644—648. Здѣсь посланіе къ нему Е. А. Баратынскаго.
- 4198.** Крестовскій - псевдонимъ. Воспоминаніе В. Горленка. **1897.** I, (4), 658—663.
- 4199.** О Крыловѣ. Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863.** 68—73.
- 4200.** Рассказы о Крыловѣ. Н. М. Колмакова. **1865.** (8), 1007—1012.
- 4201.** Къ біографіи И. А. Крылова (молодая любовь его къ А. А. Константиновой). П. Алабина. **1868.** (4—5), 860—866.
- 4202.** Замѣтки о Крыловѣ. В. В. Каллаша. **1902.** I, (4), 568—571.
- 4203.** Письмо Крылова къ М. П. Сумароковой. Сообщ. И. Д. Деляновымъ. **1865.** (8), 991—994.
- 4204.** Несбывшіеся творческіе замыслы Крылова. В. В. Каллаша. **1903.** III, (11), 499—506.
- 4205.** Ложныя сочиненія Крылова. Д. Д. Языкова. **1879.** III, (12), 486—487.
- 4206.** О басняхъ Крылова. М. Н. Лонгинова. **1864.** (11 — 12), 1246—1251.
- 4207.** Хронологическій списокъ басенъ Крылова. В. Кеневича. **1865.** (4), 501—514. (8), 993—998. Замѣтка М. Н. Лонгинова.
- 4208.** О заимствованныхъ басняхъ Крылова. В. Кеневича. **1865.** (8), 999—1008.
- 4209.** Басня Крылова „Прихожанинъ“. В. Кеневича. **1866.** (2), 255—259.
- 4210.** Маскарадныя стихотворенія Крылова. В. Кеневича. **1866.** (8—9), 1335—1340.
- 4211.** Басня Крылова. „Пестрыя Овцы“. В. Кеневича. **1867.** (3), 386—392.
- 4212.** Эпиграмма Крылова. И. И. Ханенка. **1869.** (4), 074.
- 4213.** Левъ Андреевичъ Крыловъ. В. Кеневича. **1868.** (2), 239—266. Переписка съ братомъ Иваномъ.
- 4214.** Изъ писемъ В. Д. Кудрявцева къ гр. А. Д. Блудовой. Сообщ. гр. А. Д. Блудовой. **1901.** II, (5), 155—160. Объ иновѣрцѣ Ренардѣ. О книгѣ Ренана „Vie de Jesus“.
- 4215.** Н. В. Кукольникъ на Дону. А. А. Карасева. **1894.** II, (8), 590—591. Здѣсь стихи Кукольника „къ Дону“.
- 4216.** Шуточное посланіе Н. В. Кукольника И. Н. Мятлеву. **1891.** II, (8), 500.
- 4217.** „Рука Всевышняго отечество спасла“. Драма Н. В. Кукольника. Изъ воспоминаній Теобальда (В. А. фонъ-Роткирха). **1889.** III, (12), 509—511.
- 4218.** Новый поборникъ отжившихъ теорій. Замѣтка Д. И. Иловайскаго. **1898.** I, (4), 632 — 636. О трудахъ Ю. А. Кулаковскаго.
- 4219.** Поимка В. К. Кюхельбекера. (Два распоряженія цесаревича Константина Павловича). Съ предисл. М. О. Шугурова. **1870.** (2), 404—408.
- 4220.** Приключенія съ В. К. Кюхельбекеромъ. Сообщ. Н. А. Поповъ. **1880.** I, 490.
- 4221.** Письмо В. К. Кюхельбекера къ Жуковскому. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. **1872.** (5), 1004—1008.

- 4222.** Письмо Кюхельбекера къ женѣ. 1901. II, (6). 239—240. Здѣсь стихи его.
- 4223.** А. Ф. Лабзинъ. П. А. Безсонова. 1866. (6), 817—836.
- 4224.** А. Ф. Лабзинъ и его ссылка (Письма А. Ф. Лабзина къ З. Я. Карнѣеву и его переписка съ княземъ А. Н. Голицынымъ). Сообщ. Г. Г. Примѣ. 1892. III, (11), 353—392.
- 4225.** Воспоминанія о Лабзинѣ. М. А. Дмитріева. 1866. (6), 837—860. Стихи А. Ф. Лабзина „къ женѣ моей“.
- 4226.** Для біографіи И. И. Лажечникова, М. Н. Лонгинова. 1869. (12), 2101—2103.
- 4227.** Письмо И. И. Лажечникова къ П. В. Побѣдоносцеву 1897. I, (2), 306—307.
- 4228.** Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго. С. В. Лазаревскаго. 1894. II, (8), 537—580. Его знакомство съ Далемъ и переписка съ нимъ.
- 4229.** Шуточные стихи Д. Т. Ленскаго. 1899. III, (9), 174—175.
- 4230.** Прадѣдъ Лермонтова Г. П. Данилевскаго. 1875. III, (9), 107.
- 4231.** Лермонтовъ. В. П. Бурнашева. 1872. (9). 1770—1850.
- 4232.** О Лермонтовѣ. Эмиліи Шахъ-Гирей. 1887. III, (11) 348. 1889, II, (6), 315—320 и III, (12) 572—574.
- 4233.** Къ біографіи Лермонтова. Е. И. Козубскаго. 1893. III, (II), 380; 1901. I, (3), 505—512.
- 4234.** Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. А. Маркевича. 1900. III, (12), 622—624.
- 4235.** Лермонтовъ въ Тамани. О. Арканникова. 1891. III. (12), 575.
- 4236.** О поединкѣ Лермонтова. *** 1893. III, (9), 125—126.
- 4237.** Письма Глѣбова и кн. А. И. Васильчикова къ Н. С. Мартынову. 1885. I, (3), 461—462.
- 4238.** О кончинѣ Лермонтова. Кн. А. И. Васильчикова. 1872. (1), 205—213 и (2) 446.
- 4239.** Нѣсколько словъ П. А. Висковатову о Лермонтовѣ. А. Л. Зиссермана. 1885. II, (8), 570—573.
- 4240.** Отповѣдь Мартынову о кончинѣ Лермонтова. Кн. Д. Д. Оболенскаго. 1894. III, (11), 460.
- 4241.** Императоръ Николай Павловичъ о кончинѣ Лермонтова. 1891. II, (7), 403.
- 4242.** Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль. Кн. П. П. Вяземскаго. 1887. III, (9), 129—142.
- 4243.** Неизданные стихи Лермонтова. 1864. 1087—1088. (Поправка А. Петрова. (7), 1175).
- 4244.** Новонаайденные стихи Лермонтова къ Н. Н. Арсеньеву. Изъ альбома Е. Н. Ляссотовичъ. 1871. (7—8). 1271—1272.
- 4245.** Неизданное стихотвореніе Лермонтова. („Ужасная судьба отца и сына...“). 1872. (9), 1849—1852.
- 4246.** Новые стихи М. Ю. Лермонтова („И ты думаешь, будто я хладенъ и нѣмъ...“). Сообщ. А. Н. Бахметевой. 1887. III, (12), 580.
- 4247.** Новые стихи Лермонтова „Сердце“. 1888. I, (1) 129. Поправка. (2), 320.
- 4248.** Осмистишие Лермонтова. Передъ отѣзdomъ на Кавказъ. („Прощай, немытая Россія...“). 1890. III, (11), 375.
- 4249.** Объясненіе къ стихотворенію Лермонтова. „Казотъ“. В. Н. Г(орленка). 1892. II, (7), 383—386.
- 4250.** Письма Лермонтова къ М. А. Лопухиной. 1863. 417—436
- 4251.** Еще письмо М. Ю. Лермонтова со стихами. (Сообщ. В. Д. Арнольди. 1864. (10), 1089—1091. Къ М. А. Лопухиной).
- 4252.** Письма Лермонтова къ М. А. Лопухиной 1863. (3), 265—268; (4), 292—295.
- 4253.** Письма О. П. Литке къ Жуковскому. 1897 II, (5), 157—166. О воспитаніи в. кн. Константина Николаевича.

- 4254.** Ки. А. Б. Лобановъ-Ростовскій.
В. Теплова. **1896.** III, (12),
593—630.
- 4255.** Нѣмецкіе стихи на Ломоносова.
(Сообщ. М. П. Погодинымъ).
1865. (1), 87—90; (4) 518.
- 4256.** Граматическая замѣтка Ломоно-
сова, съ предисл. Л. Н. Май-
кова. **1866.** (3), 324—329.
- 4257.** Шуточное посланіе М. Н. Лон-
гинова М. П. Погодину. Собш.
Н. А. Ратынскимъ. **1886.** I, (4),
534.
- 4258.** Анекдоты. (М. А. Лонгинова).
1863. (2), 170. **1884.** (2), 228.
О гр. А. С. Строгановѣ и Гнѣ-
дичѣ.—**1864.** (2), о И. Ф. Мой-
ерѣ о кн. А. К. Разумовскомъ.
- 4259.** Анекдоты. Изъ записной книги
М. Н. Лонгинова. **1863.** (5—6),
466—467. О Грибоѣдовѣ и Заго-
скинѣ.
- 4260.** И. В. Лопухинъ. Его письма къ
Александру Павловичу и кн.
Е. П. Львовой. **1884.** II, (3),
33—36.
- 4261.** Письмо И. В. Лопухина къ Д. П.
Бобарыкину. Съ предисл. Н. П.
Барышникова. **1877.** III, (9),
110—112.
- 4262.** Письма И. В. Лопухина къ Д. П.
Руничу. **1870.** (7), 1215—1236.
- 4263.** Письма И. В. Лопухина къ М. М.
Сперанскому. **1870.** (3), 609—
622.
- 4264.** Замѣтка о Н. И. Лоранѣ. Е. И.
Козубскаго. **1897.** III, (9), 148—
149.
- 4265.** Ф. Ф. Львовъ. Некрологъ. **1895.**
II, (5). 123.
- 4266.** Рѣчь у гроба Ф. Ф. Львова.
П. П. Пашкова. **1895.** II, (5),
123—124.
- 4267.** Н. Э. Ясковскій. В. Н. Я-
сковскаго. Съ портретомъ. **1884.**
II, (3), 61—98.
- 4268.** Воспоминаніе о М. Л. Магни-
комъ. А. С. Стурдзы. **1868.** (6),
926—938.
- 4269.** Мое знакомство съ М. Л. Маг-
никомъ. Н. Морозова. **1875.**
III, (3), 241—250.
- 4270.** Показанія Магницкаго. (Изъ
бумагъ М. М. Попова). XIX вѣкъ
I, 235—255. Письмо Миллера.
- 4271.** Одесскія замѣтки о М. Л. Маг-
никомъ. Л. Мацѣевича. **1898.**
I, (2), 223—230.
- 4272.** Два миѳнія Магницкаго. **1864.**
(3), 321—329.
- 4273.** Инструкція Магницкаго Д. М.
Макшееву. **1867.** (12), 1643—
1646.
- 4274.** Письмо Магницкаго къ гр.
Аракчееву. Сонъ въ Грузинѣ.
1863. (12), 930—937.
- 4275.** М. А. Максимовичъ. Н. А. Чаева.
1874. II, (12), 1065—1087.
- 4276.** Письмо М. А. Максимовича къ
Г. Е. Щуровскому. **1906.** II, (8),
632—633.
- 4277.** Исторія съ профессоромъ М. Я.
Маловымъ. Д. М. Щепкина **1901.**
I, (2), 316—324. Письма кн.
С. М. Голицына, гр. Бенкен-
дорфа и кн. К. А. Ливена.
- 4278.** Памяти Н. А. Мартынова. **1895.**
II, (5), 122.
- 4279.** Изъ бумагъ Н. С. Мартынова.
Съ послѣсл. кн. Д. Д. Оболен-
скаго. **1893.** II, (8), 585—613.
Замѣтка А. Л. Зиссермана. III,
(9), 126.
- 4280.** С. А. Масловъ. Некрологъ. **1879.**
II, (6). 258—264.
- 4281.** П. П. Мезенцевъ. Некрологъ.
1901. II, (8). 563—567.
- 4282.** Письма Н. А. Мельгунова къ
Жуковскому. **1899.** I, (4),
632—642.
- 4283.** П. И. Мельниковъ. Д. И. Ило-
вайскаго. **1875.** I, (1), 77—85.
- 4284.** Къ біографії А. Ф. Мерзлякова.
Сообщ. гр. Д. А. Толстымъ.
1881. I, (2), 422—423.
- 4285.** Замѣтка о Мещерскомъ. Н. П.
Барсукова. **1868.** (6), 938—939.
- 4286.** Материалы для полного собра-
нія сочиненій М. В. Милонова
М. Н. Лонгинова. **1864.** (3),
334—344.
- 4287.** Письмо (А. И.) Михайловскаго-
Данилевскаго къ Я. И. Ростов-
цеву. **1905.** III, (9), 69.

- 4288.** Адамъ Мицкевичъ. (Записано со словъ М. А. Максимовича). **1898.** II, (7), 480.
- 4289.** Къ біографії Алама Мицкевича. **1899.** III, (10), 301.
- 4290.** О руссофильствѣ Мицкевича. А. А. Чумикова **1872.** (2), 426—432.
- 4291.** Мицкевичу. Къ открытію памятника ему въ Варшавѣ. Стихи (Н. М. Навлова). **1903.** III, (9), 82.
- 4292.** Жуковскій о Мицкевичѣ. Изъ письма къ А. П. Елагиной. **1898.** I, (1), 83.
- 4293.** Объ отношеніи Мицкевича къ Пушкину. Письмо А. А. Елагина къ его матери (Мицкевичъ вызывалъ на поединокъ Дантеса). Сообщено М. В. Беэръ. **1905.** II, (8), 607.
- 4294.** Стихи М. Я. Мудрова читанные въ день юбилея Лодера. **1903.** I, (3), 435.
- 4295.** А. Н. Муравьевъ. С. Сулимы. **1876.** II, (7), 353—356.
- 4296.** Замѣтка объ А. Н. Муравьевѣ. И. В. Путяты. **1876.** II, (7), 357—358.
- 4297.** А. Н. Муравьевъ въ послѣдніе года жизни. И. О. Семенова. **1895.** II, (5), 55—85. (6), 139—178.
- 4298.** Письмо А. Н. Муравьева къ гр. А. Д. Блудовой, **1881.** II, (4), 421—424.
- 4299.** Письмо А. Н. Муравьева къ Константинопольскому патріарху. **1905.** I, (2), 312—314.
- 4300.** Письмо А. Н. Муравьева въ Гречію. **1888.** III, (12), 597—598.
- 4301.** Письмо А. Н. Муравьева къ А. Н. Озерову. **1895.** II, (6), 178.
- 4302.** Два письма А. Н. Муравьева къ К. П. Побѣдоносцеву. **1905.** II, (7), 415—416.
- 4303.** Письмо А. Н. Муравьева къ гр. Н. А. Протасову. **1876.** III, (10), 170—174.
- 4304.** Стихи А. Н. Муравьева на разбитую статью. **1885** I, (1), 132.
- 4305.** Письма А. А. Муханова къ бра-
- ту его Николаю. **1899.** III, (10), 295—298.
- 4306.** О моемъ знакомствѣ съ П. А. Мухановымъ. Я. И. Березина-Ширяева. **1879.** I, (2), 236—245. Поправка. (3), 400.
- 4307.** Шуточная записки И. П. Мятлева къ А. О. Смирновой. **1889.** III, (11), 410—414.
- 4308.** Шутка Мятлева въ отвѣтъ Лермонтову. **1893.** III, (9), 127.
- 4309.** Острословіе И. П. Мятлева. Надпись внутри шляпы. **1886.** III, (10), 271.
- 4310.** Къ біографії Н. И. Надеждина. **1885.** II, (8), 573—583.
- 4311.** Письмо Н. И. Надеждина къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ). **1864.** I, 41—48.
- 4312.** О сочинитель описаія происшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 г. Записаны Н. С. Налетовымъ. **1896.** II, (7), 400—402.
- 4313.** Письма И. В. Нащокина къ А. С. Пушкину. **1904.** III, (11), 433—453.
- 4314.** Изъ писемъ И. В. Нащокина къ А. С. Пушкину. **XIX вѣкъ.** I, 402—405.
- 4315.** Письмо М. И. Невзорова къ Жуковскому. **1870.** (10), 1952.
- 4316.** Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ. Е. В. Барсова. **1873.** I, (5), 0846—0860.
- 4317.** Возраженіе г-ну Барсову. **1873.** II, (7), 01343—01344. О К. И. Невоструевѣ.
- 4318.** По поводу 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова. В. Я. Б(рюсова). **1903.** I, (сорочка вып.).
- 4319.** Некрасовъ и Тютчевъ. Замѣтка В. Я. Брюсова. **1900.** I, (2), 312—315.
- 4320.** Стихи Некрасова гр. М. Н. Муравьеву. **1885.** II, (6), 202—203.
- 4321.** Некрасовъ про П. В. Анненкова. **1884.** III, (5), 235. „Зато что ходить онъ въ фуражкѣ“...
- 4322.** Ю. А. Несединскій - Мелецкій. **1867.** (1), 101—120.

- 4323.** Изъ писемъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ Е. И. Нелидовой. Сообщ. кн. Д. А. Оболенскимъ. **1873.** II (11), 2172—2202.
- 4324.** О стихахъ къ портрету С. Д. Нечаева. Н. П. Барсукова. **1896.** II, (8), 615.
- 4325.** Посланіе С. Д. Нечаева къ И. С. Мальцову и С. А. Соболевскому. **1904.** II, (8), 615.
- 4326.** Посланіе С. Д. Нечаева къ С. А. Соболевскому. **1894.** I, (1), 117—118.
- 4327.** „У всякаго свой рай“. Стихот. С. А. Нефѣлова. Сообщено А. Г. Ермоловымъ. **1875.** III, (9), 109.
- 4328.** Экспромты Нефѣлова. Сообщены кн. Ю. А. Оболенскимъ. **1874.** I, (5), 1357.
- 4329.** Два письма А. В. Никитинки къ Н. И. Гилярову (Изъ бумагъ Н. И. Гилярова). **1895.** II, (7), 369—374. О. М. Н. Катковѣ.
- 4330.** Записка А. В. Никитинки о направленіи „Русскаго Слова“. **1895.** I, (2), 225—228.
- 4331.** О жизни и дѣятельности И. С. Никитина. М. Ф. Де-Пуле. **1863.** 453—459.
- 4332.** Поэту-обличителю. Стихи И. С. Никитина. **1865.** (10—11), 1359—1360.
- 4333.** Староста. Стих. И. С. Никитина. (Сообщ. Н. П. Мурбатовымъ). **1865.** (3), 317—320.
- 4334.** Молитва въ саду Георгиманскомъ. Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина. **1865.** (7), 805—810. Биографическая замѣтка къ предыдущимъ стихамъ М. Ф. де-Пуле. **1865.** (7), 809—814.
- 4335.** Либераль. Разсказъ И. С. Никитина. **1867.** (7), 1169—1175.
- 4336.** Pia desideria. Бар. А. П. Николай. **1899.** II, (8), 607—632. О классическомъ образованіи.
- 4337.** И. Н. Новаккій. Поминка. **1903.** I, (2), 288.
- 4338.** Разныя разности. Н. Н. Новикова. **1887.** II, (8), 524—527. Стихи Л. И. Арнольди.—Ост-
- рота С. И. Нефѣлова.—Правдивость К. С. Аксакова.
- 4339.** Письма Н. И. Новикова къ Я. И. Булгакову. **1864.** (7—8), 737—747.
- 4340.** Письма Н. И. Новикова къ Д. П. Руничу. **1871.** (7—8), 1013—1094.
- 4341.** О имѣніи и долгахъ Н. И. Новикова. Сообщ. В. Н. Рогожинъ. **1900.** I, (4), 488—490.
- 4342.** Новиковскія книги. Записка о книжномъ складѣ Новикова. **1897.** I, (3), 425—429. Походящий.
- 4343.** А. С. Норовъ. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. **1895.** III, (11), 346—368. Изъ дневника бар. М. А. Корфа.—Письма М. Ф. Раевскаго къ А. С. Норову.
- 4344.** А. С. Норовъ. Н. П. Поливанова. **1898.** III, (9), 148—149.
- 4345.** Бумаги А. С. Норова. 1857 годъ. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. **1888.** III, (9), 151—161. Письма Е. П. Ковалевскаго, Е. Ф. фонъ-Брадке, П. А. Муханова и О. М. Бодянскаго.
- 4346.** Г-ну Михельсону. Н. П. Поливанова. **1898.** III, (12), 600. Объ А. С. Норовѣ.
- 4347.** Чертат изъ жизни А. С. Норова. М. Н. Лонгинова. **1869.** (4), 066—068.
- 4348.** Памяти А. С. Норова. (Стих. кн. П. А. Вяземскаго). **1869.** (4), 067—074.
- 4349.** Стихи А. С. Норова на кончину Пушкина. Сообщ. Н. Е. Панинымъ. **1871.** (4—5), 0948.
- 4350.** Письмо А. С. Норова къ А. О. Смирновой. **1897.** III, (11), 377—378.
- 4351.** Изъ автографовъ, въ собраніи А. С. Норова. (Петра Великаго, Екатерины I-й, Анны Ioанновны, Анны Петровны, кн. Багратиона, Ермолова, Востокова, И. И. Дмитрева, Батюшкова, Жуковскаго, Сибирева). Сообщ. П. И. Саввашевымъ. **1902.** II, (8), 633—642.

- 4352.** Е. Э. Нотбекъ, некрологъ. 1901. II, (8), 591.
- 4353.** Кн. Михаилъ Андреевичъ Оболенскій. (Некрологъ). Н. И. Костомарова. 1873. I, (4), 667—672, 641—655.
- 4354.** Письма кн. М. А. Оболенскаго къ В. А. Полѣнову. Съ примѣч. Н. П. Барсукова и бар. Ф. А. Бюлера. 1882. I, (2), 249—296.
- 4355.** Князь Михаилъ Александровичъ Оболенскій. Н. Н. Новикова. 1886. I, (4), 536—544.
- 4356.** Стихи А. И. Одоевскаго. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. 1873. I, (1), XCIX—CIII.
- 4357.** Кн. В. Ф. Одоевскій. Общество посѣщенія бѣдныхъ. Н. В. Путяты. 1874. I, (2), 257—360, съ портретомъ.
- 4358.** Черта въ характерѣ кн. В. Ф. Одоевскаго, съ письмомъ Н. В. Путяты. 1870. (4—5), 927—931.
- 4359.** Кн. В. Ф. Одоевскій о себѣ самомъ. 1897. I, (2), 327.
- 4360.** Изъ воспоминаній о кн. В. Ф. Одоевскому. О. О. (Я. О. Орла-Ошмянцова). 1892. I, (1), 86.
- 4361.** Гражданскіе завѣты кн. В. Ф. Одоевскаго. Сообщено Е. А. Бутеневымъ. 1895. II, 5, 36—54.
- 4362.** Изъ бумагъ кн. В. Ф. Одоевскаго. 1864. (7—8), 804—849. Письма Д. М. Велланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, А. Измайлова, кн. В. Ф. Одоевскаго къ Пушкину, Пушкина къ кн. В. Ф. Одоевскому, Записка Жуковскаго по кончинѣ Пушкина, А. Ф. Войкова, А. В. Колыцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Карагыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.
- 4363.** Изъ бумагъ кн. В. Ф. Одоевскаго. 1874. II, (7), 11—54, 1897, II, (6), 283.—О цензурѣ.
- 4364.** Четыре статьи кн. В. Ф. Одоевскаго. Съ предисл. Я. О. О-ва (Орла-Ошмянцова). 1881. II, (4), 475—493. Сегеліель. Объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ.
- Объ адресѣ Московскаго дворянства.
- 4365.** Письмо кн. В. Ф. Одоевскаго къ М. И. Глинкѣ. Сообщ. П. П. Дубровскимъ. 1890. II, (7), 317.
- 4366.** Письмо кн. В. Ф. Одоевскаго къ Жуковскому 1906. I, (3), 368.
- 4367.** Письмо князя В. Ф. Одоевскаго къ пріятелю - помѣщику. 1879. I, (4), 525—526.
- 4368.** Фельстонъ о Зефиротахъ. Кн. В. Ф. Одоевскаго. 1866. (2), 268.
- 4369.** О приложенной фототипії: кн. В. Ф. Одоевской и его супруга въ бесѣдѣ съ бар. Е. Ф. Радень. 1893. II, (7), 432.
- 4370.** Къ біографії В. А. Озерова. И. Варнаховскаго. 1869. (12), 2029—2032.
- 4371.** Письмо В. А. Озерова къ Ф. А. Голубцову. 1869. (1), 151—152.
- 4372.** Письмо В. А. Озерова къ книго-продавцу. Сообщено Е. С. Некрасовой. 1877. III, (11), 279.
- 4373.** Письма В. А. Озерова къ А. Н. Оленину. Сообщ. В. А. Олениной. 1869. (1), 123—151.
- 4374.** Два письма И. А. Осиповой къ Жуковскому (о Пушкинѣ) 1872. (12), 2358—2363. Здѣсь письмо Пушкина къ Б. А. Адеркасу.
- 4375.** Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ. Н. А. Кропачева. 1888. I, (3), 491—502. (4), 629—640.
- 4376.** И. М. Остроглазовъ. Некрологъ. 1892. III, (12), 434—437.
- 4377.** Напоминаніе о Павскомъ. М. П. Погодина. 1870. (10), 1948—1951.
- 4378.** Письмо къ издателю (о семействѣ протоіерея Павскаго). М. П. Погодина. 1870. (12), 1—4, особ. прил.
- 4379.** К. К. Павлова. (Некрологъ). 1894. I, (1), 119—123.
- 4380.** Наше переходное время. Сборникъ статей Н. М. Павлова (Н. Бицына). М. 1888. 8. Прилож. ко 2-му вып. 1888 г.
- 4381.** Н. М. Павловъ. Ю. П. Бартенева. 1906. I, (4), 641—648.

- 4382.** Стихи Н. Ф. Павлова въ долговой ямѣ. **1885.** I, 1, 142. „Онь вытерпѣль всю горечь срама...“
- 4383.** Изъ писемъ къ Н. Ф. Павлову его пріятелей. **1894.** I, (2), 214—219. А. В. Веневитинова, Т. Н. Грановскаго, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, А. И. Кошелева.
- 4384.** Письма Н. Ф. Павлова къ Гоголю. **1890.** II, (2), 285—309.
- 4385.** Письма Н. Ф. Павлова къ А. А. Краевскому. **1897.** I, (3), 445—463.
- 4386.** Письма Н. Ф. Павлова къ С. П. Шевыреву. **1897.** I, (4), 556—578.
- 4387.** Новая тяжба о буквѣ ї А. А. Перовскаго, съ предисл. кн. П. А. Вяземскаго. **1865.** (9), 1128—1137.
- 4388.** Письма А. А. Петрова къ Карамзину, съ примѣч. М. Н. Лонгинова. **1863.** 473—486 и 1866, 1756—1763.
- 4389.** Письма В. П. Петрова къ кн. Потемкину-Таврическому. **1871.** (2), 071—073.
- 4390.** Н. И. Пироговъ въ Киевѣ. Г. Д. Стоцкаго. **1890.** II, (7), 363—368.
- 4391.** Два письма Н. И. Пирогова къ б. Э. Ф. Радень. Съ предисл. А. Тимрота. **1892.** I, (2), 185—200.
- 4392.** А. Ф. Чесемскій. Б. Н. Алмазова. **1875.** I, (4), 453—467.
- 4393.** Литературный вечеръ у П. А. Плетнева. И. С. Тургенева. **1869.** (10), 1663—1676.
- 4394.** П. А. Плетневъ. Я. К. Грота. **1869.** (12). 2067—2089.
- 4395.** Изъ писемъ П. А. Плетнева къ Жуковскому. **1870.** (7), 1273—1334 и 1875, II, (8), 466—469.
- 4396.** Письма П. А. Плетнева къ Д. И. Коптеву. В. И. Коптева. **1877.** III, 12, 357—374.
- 4397.** Письмо П. А. Плетнева къ К. А. Коссовичу. Съ предисл. Н. П. Барсукова. **1877.** III, (11), 321—323.
- 4398.** Изъ письма К. П. Побѣдоно-
- щева. **1904.** I, (1), 189. О кн. В. Ф. Одоевскомъ.
- 4399.** Переводы сочинений К. П. Побѣдоносцева на иностранные языки. **1905.** III, (12), 607.
- 4400.** Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ. И. П. Татлина. **1898.** II, (6), 333—334.
- 4401.** М. П. Погодинъ. Къ столѣтію со дня его рождения. I, (3), 479—480.
- 4402.** Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ. П. И. Бартенева. **1900.** III, (11), 478—479.
- 4403.** М. П. Погодинъ. Первые его шаги на ученомъ поприщѣ. **1900.** III, (11), 476—478.
- 4404.** Изъ записокъ М. П. Погодина, о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. **1865.** (7), 887—895.
- 4405.** Литературно-историческая замѣтка. М. П. Погодина. **1869.** (12), 2092—2101.
- 4406.** Царское время. М. П. Погодина. **1882.** I, (2), 557—559. То же. **1900.** I, 645—648.
- 4407.** Памяти М. П. Погодина. Стихи кн. П. А. Вяземскаго. **1876.** I, (2), 262—263.
- 4408.** М. П. Погодину. По поводу слуха, что онъ намѣревается издавать газету „Радуга“. (Стихи). **1884.** III, (5), 234.
- 4409.** Записка М. П. Погодина къ С. Т. Аксакову. Сообщ. В. И. Шенрокомъ. **1903.** I, 3, 445. О пропускѣ Пушкинского Фауста.
- 4410.** Изъ письма М. П. Погодина къ издателю „Русского Архива“. **1885.** I, (2), 299—300. По поводу запрещенія „Записки Карамзина о древней и новой Россіи“.
- 4411.** Письмо М. П. Погодина къ О. М. Бодянскому съ приписками Шевырева и Гоголя. **1895.** II, (5), 115—116.
- 4412.** Письма М. П. Погодина къ Жуковскому. **1899.** III, (10), 302—310.
- 4413.** М. П. Погодинъ. Ф. И. Иноzemцову. **1901.** III, 571—573.

- 4414.** Письмо М. П. Ногодина къ кн. В. А. Черкасскому (про его статью о розгахъ). **1901.** III, (10), 257.
- 4415.** Письма М. П. Ногодина къ С. П. Шевыреву. Съ прим. Н. П. Барсукова. **1882.** III, (5), 67—126. (6), 127—202 и **1883.** I, (1), 77—144. Н. И. Любимовъ. С. Е. Раичъ. Ив. Вас. Кирѣевскій. А. П. Елагина. Фед. С. Хомяковъ. Д. В. Веневитиновъ. Н. Н. Рожалинъ. И. С. Мальцовъ. А. С. Хомяковъ. М. А. Максимовичъ. Е. А. Баратынскій. Н. И. Надеждинъ. С. Т. Аксаковъ. Адамъ Мицкевичъ. П. М. Строевъ. В. Л. Пушкинъ. Н. М. Языковъ. Шеллингъ. Ю. Ив. Венелинъ. Н. Ф. Павловъ. А. С. Шишковъ. М. А. Дмитриевъ. Гр. Паскевичъ. И. И. Дмитриевъ. С. А. Соболевскій. Калайдовичъ. кн. А. А. Шаховской. А. Г. Ротчевъ. М. Н. Загоскинъ. о. Иоанкинъ Бичуринъ. кн. З. А. Волконская. А. М. Кубаревъ. Грибоѣдовъ. К. Ф. Калайдовичъ. А. Ф. Малиновскій. П. П. Бекетовъ. П. В. Кирѣевскій. М. Г. Навловъ. И. И. Давыдовъ. А. Ф. Воейковъ. Вас. Петр. Андроновъ. кн. Д. В. Голицынъ. Мерзляковъ. А. Ф. Томашевскій. С. Н. Глинка. С. Г. Строгановъ. С. А. Волковъ. В. И. Оболенскій. П. А. Мухановъ. А. А. Елагинъ. Ф. А. Голубинскій. И. А. Гульянновъ. П. В. Побѣдоносцевъ. И. Бутырскій. А. Г. Глаголовъ. А. С. Пушкинъ. Пасквиль на Пушкина. Н. С. Всеволожскій. Н. А. Мельгуновъ. М. Я. Мудровъ. И. Е. Дядьковскій. Гр. А. А. Закревскій. И. П. Бекетовъ. гр. Д. Н. Шереметевъ. Мицкевичъ. Г. Ежовскій. кн. Е. А. Трубецкая. Д. П. Голохвастовъ. Гоголь. Ю. П. Ульрихъ. Шафарикъ. Бенардаки. Прот. С. К. Сабининъ. О. М. Бодянскій. И. Н. Даниловичъ. А. И. Меншиковъ. В. Н. Лешковъ. М. Ф. Спасскій.
- I. В. Варвинскій. И. Н. Лобко. Гр. Н. А. Протасовъ. И. Лелевель. Д. В. Дацковъ. К. А. Неволинъ. С. О. Богородскій. А. Д. Чертовъ. Людевитъ Гай. Янъ Коляръ. Людевитъ Штуръ. К. С. Аксаковъ. Н. Н. Страховъ. И. С. Аксаковъ. И. С. Казанскій. кн. П. А. Вяземскій. Б. Н. Чичеринъ. Герценъ. гр. Д. Н. Блудовъ.
- 4416.** Замѣтки на письма Ногодина къ Шевыреву (А. Ф. Томашевскаго). **1882.** III, (6), 203—204.
- 4417.** Письмо М. П. Ногодина къ Н. П. Семенову. **1881.** III, (6), 442—445.
- 4418.** Полежаевъ. Д. Д. Рябинина. **1881.** I, (2), 314—365. Дополненіе С. А. Карпова. III, (6), 459—460.
- 4419.** Новая свѣдѣнія о Полежаевѣ. Н. А. Нопова. **1881.** II, (4), 471—474.
- 4420.** Встрѣча съ Полежаевымъ. Старишки изъ степи (Е. И. Раевской). **1882.** III, (6), 233—243.
- 4421.** О матеріалахъ для издания сочиненій Полежаева. И. А. Ефремова. **1887.** III, (9), 144.
- 4422.** Письмо Я. П. Полонскаго къ К. П. Побѣдоносцеву **1902.** II, (6), 312.
- 4423.** Стихи Я. П. Полонскаго-гимназиста. **1905.** I, (3), 533—534.
- 4424.** М. П. Полуденскій. В. С. Нескладова. **1868.** (9), 1483—1488.
- 4425.** Письмо В. А. Полѣнова къ Н. И. Мартынову **1866.** 11—12, 1763—1765. О Н. М. Карамзинѣ.
- 4426.** А. И. Полѣновъ. Русскій законовѣдъ XVIII в. Д. В. Полѣнова. **1865.** (4), 445—470. (5—6), 703—736.
- 4427.** Воспоминаніе о Н. В. Путятѣ. **1878.** I, (1), 125—127.
- 4428.** Письма Н. В. Путяты къ Е. А. Баратынскому. **1878.** I, (2), 215—222 и **1905,** I, (3) 531.

- 4429.** Письма Н. В. Чутяты къ А. А. Муханову. **1905.** I, (3), 524—530.
- 4430.** Письмо Н. Н. Пушкиной къ П. В. Нащокину. **1904.** III, (12), 602.
- 4431.** Письмо В. Л. Пушкина къ Д. Н. Блудову. **1899.** II, (7), 459—463.
- 4432.** Эпиграфъ „Опаснаго Сосѣда“. **1889.** Ш, (9), 144.
- 4433.** Письма Пушкина къ С. А. Соловьевскому. **1878.** III, (11), 395—398.
- 4434.** О прадѣдѣ Пушкина, Ганибалѣ и о дѣньщикѣ А. К. Древнікѣ. Съ предислов. А. П. Барсукова. **1891.** II, (5), 101—104.
- 4435.** Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ въ Трiestѣ. (Сообщ. М. Е. Гутмансталь). **1874.** I, (4), 01096.
- 4436.** О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь. Письмо А. И. Тургенева къ А. Я. Булгакову. **1864.** (4), 469—471.
- 4437.** Оправданіе іезуита Гагарина по поводу смерти Пушкина. **1865.** (8), 1031—1036. Замѣтка М. Н. Лонгинова. (10—11), 1408—1400.
- 4438.** Изъ письма Жуковскаго о кончинѣ Пушкина (Сообщ. гр. А. С. Уваровымъ). **1864.** (1), 48—54.
- 4439.** Замѣтки о Пушкинѣ. Н. П. Барсукова. **1887.** III, (12), 576—579. Замѣтки кн. Н. А. Вяземскаго о „Евгениѣ Онѣгинѣ“.
- 4440.** Замѣтки по поводу новыхъ свѣдѣній о жизни Пушкина. Н. П. Барсукова. **1874.** II, (12), 1088—1094.
- 4441.** Замѣтка о Пушкинѣ. П. И. Бартенева. **1865.** (3), 390—391.
- 4442.** Пушкинъ въ южной Россіи. Матеріалы для его біографіи, собираемые П. И. Бартеневымъ. **1866.** (8—9), 1089—1214. По-правка къ этой статьѣ. (10), 1506.
- 4443.** Изъ дневника И. П. Липранди. о Пушкинѣ. **1866.** (8—9), 1213—1284. (10), 1393—1491.
- 4444.** Замѣтки на статью „Пушкинъ въ южной Россіи“. М. Н. Лон-
- гинова. **1866.** (11—12), 1749—1753.
- 4445.** Еще загробный голосъ А. С. Пушкина. **1887.** I, (1), 146—148.
- 4446.** Разныя замѣтки о Пушкинѣ. **1899.** II, (6), 354—357.
- 4447.** Нѣсколько замѣчаній о Пушкинѣ. **1899.** Ш, (12), 613—617. Пушкинъ и Александръ Павловичъ.
- 4448.** Пушкинъ и Баратынскій. В. Я. Брюсова. **1901.** I, (1), 158—164.
- 4449.** Пушкинъ на Кавказѣ. Е. Вейденбаума. **1905.** I, (4), 675—680.
- 4450.** А. С. Пушкинъ. Статья кн. Н. П. Вяземскаго. **1884.** II, (4), 375—440. Е. М. Хитрова. Графиня Фикельмонъ. Гречъ. Булгаринъ, Сеньковскій. А. О. Смирнова.
- 4451.** Изъ разсказовъ кн. Н. А. и кн. В. Ф. Вяземскихъ о Пушкинѣ. **1888.** II, (7), 305—312.
- 4452.** Н. Н. Гиляровъ о Пушкинѣ. Д. Х. **1900.** Ш, (12), 640—642.
- 4453.** Удаленіе Пушкина изъ С.-Петербургa. Разсказъ Ф. Н. Глинки. **1866.** (6), 917—922.
- 4454.** Канцлеръ кн. Горчаковъ о Пушкинѣ. (Изъ письма кн. А. И. Урусова). **1883.** II, (3), 205—206.
- 4455.** Пушкинъ въ Кишиневѣ (записано со словъ В. Н. Горчакова). **1900.** I, (3), 403.
- 4456.** Пушкинъ на Бердахъ. Н. Г. Иванова **1900.** I, (1), 149—151.
- 4457.** По поводу статьи о пребываніи Пушкина въ Бердѣ. П. Л. Юдин. **1900.** II, (5), 106—109.
- 4458.** Пушкинъ въ Болградѣ. А. П., К. **1900.** I, (3), 400—402.
- 4459.** А. С. Пушкинъ. (Стихи). Крестьянина С. А. Краснова. **1903.** I, (3), 436.
- 4460.** Пушкинъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Записано со словъ А. А. Куцинского. **1900.** I, (3), 449—450.

- 4461.** Пушкинъ и Родзянко. Н. О. Лернера. **1900.** III, (9), 145—148.
- 4462.** Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину. М. Н. Лонгина. **1863.** (12), 898—900.
- 4463.** Встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ. П. И. Миллера. **1902.** III, (10), 232—235.
- 4464.** Мицкевичъ о Пушкинѣ. (Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ). **1873.** I, (6), 1057—1088.
- 4465.** Чѣмъ была для Пушкина его женитьба? А. Новицкаго. **1889.** III, (9), 125—130.
- 4466.** Изъ воспоминаній о Пушкинѣ. М. П. Погодина. **1865.** (1), 95—108.
- 4467.** Къ предсказаніямъ о Пушкинѣ. Замѣтка М. П. Погодина. **1870.** (10), 1947.
- 4468.** Изъ разсказовъ А. О. Россета про Пушкина. **1882.** I, (2), 245—248.
- 4469.** Замѣтки о Пушкинѣ. В. Саводника. **1904.** II, (5), 135—163.
- 4470.** А. С. Пушкинъ въ Михайловскомъ. Со словъ А. Д. Скоропоста и крестьянина Асанасія. Записывалъ послушникъ Владимировъ. **1892.** I, (1), 96—97.
- 4471.** Пушкинъ по запискамъ А. О. Смирновой. Ю. П. Б(артенева). **1899.** II, (5), 146—158. (6), 310—339.
- 4472.** Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина. С. А. Соболевскаго. **1870.** (7), 1377—1388.
- 4473.** Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). С. (С. М. Сухотина). **1864.** (10), 1083—1087.
- 4474.** А. И. Тургеневъ о кончинѣ Пушкина (письмо къ И. С. Аржевитинову). Сообщ. М. Н. Островскимъ. **1903.** I, (1), 143—144.
- 4475.** Воспоминаніе о Пушкинѣ. Изъ Записокъ А. Г. Хомутовой. Сообщ. Е. И. Розе. **1867.** (7), 1065—1068.
- 4476.** Изъ воспоминаній (П. П. Ларія) о Пушкинѣ. П. Е. Эрдели. **1889.** III, 404—405.
- 4477.** Памяти А. С. Пушкина. П. Л. Юдина. **1899.** II, (5), 137—141.
- 4478.** Памяти Пушкина. М. В. Юзевовича. **1880.** III, 431—446. Замѣтка **1881.** I, (1), 216.
- 4479.** А. С. Пушкинъ въ Кишиневѣ. **1899.** II, (6), 340—348.
- 4480.** Пушкинъ у А. П. Ермолова. **1863.** 441—442.
- 4481.** Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. (Изъ записокъ Нѣмецкаго путешественника). **1873.** II, (11), 2204—2212.
- 4482.** Черта изъ жизни Пушкина. (Полицейскій надзоръ). **1876.** II, (6), 236—237.
- 4483.** Сношенія Пушкина съ правительствомъ. В. Я. Брюсова. **1906.** I, (2), 323—328.
- 4484.** Анекдотъ о Пушкинѣ. **1899.** II, (6), 348.
- 4485.** Анекдотъ о Пушкинѣ. Изъ записокъ П. М. Языкова. (Пушкинъ во время холеры). **1870.** I, (3), 799—800.
- 4486.** Анекдотъ о Пушкинѣ. Кн. А. Ф. Голицына-Прозоровскаго. **1888.** III, (11), 468.
- 4487.** Анекдотъ о Пушкинѣ. М. Ф. Де-Пуле. **1879.** III, (9), 135—136.
- 4488.** О памятникѣ Пушкину. П. И. Миллера. **1871.** (11), 1939 1942.
- 4489.** И. С. Аксаковъ о Московскихъ праздникахъ по поводу Пушкина. **1891.** II, (5), 90—99.
- 4490.** А. С. Пушкинъ. (По поводу открытия памятника ему въ Москвѣ). **1880.** II, 457—687. Рѣчи: И. С. Аксакова и П. И. Бартенева.
- 4491.** Послѣ Пушкинскихъ торжествъ. Стихи С. Бердяева. **1899.** III, (12), 612.
- 4492.** 22 Мая 1880 г. Стихи сообщ. А. И. Козловой. **1891.** II, (5), 100.
- 4493.** Новые отрывки изъ Записокъ Пушкина. **1880.** (II), 488—499.
- 4494.** Рукописи А. С. Пушкина. Съ примѣч. П. И. Б(артенева). **1880.**

- III, 218—228. **1881.** I, (1), 216—232. (2), 446—452. III, (6), 466—474.
- 4495.** Къ биографії Пушкина. Изъ черновыхъ его рукописей. **1884.** III, (5), 188—201. Письмо къ А. И. Казнacheеву. Чери. пис. изъ Михайловского въ Одессу, къ доброй знакомой, вскорѣ по прѣздѣ въ ссылку. Черновое письмо къ Александру Павловичу. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ. Письмо къ Н. В. Всеволожскому. Наброски въ стихахъ.
- 4496.** О Пушкинскихъ рукописяхъ, печатаемыхъ г. Якушкинымъ. (Н. И. Бартенева). **1884.** I, (2), 473—474.
- 4497.** Изъ рукописи Пушкина. Разговоръ съ Англичаниномъ о Русскихъ крестьянахъ. **1881.** II, (3), 249.
- 4498.** Вновь найденные рукописи Пушкина. Д. Сапожникова. **1899.** I, (2), 337—358.
- 4499.** Заявлениe Н. В. Жуковскаго о рукописяхъ Пушкина. **1904.** I, (3), 544.
- 4500.** Изъ рукописей Пушкина. Три неизданныя стихотворенія. Сообщ. Н. П. Вилинскимъ и Я. К. Громотъ. **1865.** (12), 1528—1530.
- 4501.** Два автографа Пушкина. Съ объясн. М. Н. Лонгина. **1869.** (6), 1063—1068. Дополненіе Н. И. Барышникова. (10), 1725.
- 4502.** Четыре новые стиха Пушкина. **1876.** I, (4), 489.
- 4503.** По поводу новыхъ стиховъ Пушкина. **1893.** III, (11), 378—379.
- 4504.** Бессарабія въ произведеніяхъ Пушкина. А. П. К. **1901.** II, (5), 129—133.
- 4505.** Стихи, приписанные Пушкину (про гр. Борліо и Кристина). **1882.** II, (4), 310.
- 4506.** Два стиха Пушкина изъ „Будрысъ и его сыновья“ **1885.** I, (3), 460.
- 4507.** Пушкинъ. Рана его совѣсти. В.
- Я. Брюсова. **1903.** II, (7), 473—478.
- 4508.** Городъ Кишиневъ. Стихи Пушкина. **1863.** 384.
- 4509.** Четыре неизданныхъ стиха Пушкина. Сообщ. С. А. Соболевскимъ. **1874.** II, (8), 463—464.
- 4510.** Новая погудка на старый ладъ. Н. О. Лернера. **1900.** II, (8), 518—522. По поводу статьи В. В. Сиповскаго: „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій.“
- 4511.** „Египетскія ночи“ Пушкина. **1882.** I, (1), 221—226.
- 4512.** О происходж. стиховъ „Земля и Море“. Н. О. Лернера. **1899.** III, (11), 451.
- 4513.** Еще о стихахъ Пушкина „Земля и Море“. Н. О. Лернера. **1899.** III, (12), 612.
- 4514.** Новое стихотвореніе Пушкина. **1893.** III, (10), 255. „И берегъ Сороти отлогий...“ Поправка. **1894.** II, (6), 304.
- 4515.** Неизданные стихи Пушкина. **1869.** (10), 1724—1726. Опущенное мѣсто въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“.
- 4516.** Новые стихи Пушкина (къ Н. Д. Киселеву). Сообщ. П. С. Киселевымъ. **1874.** I, (6), 1579.
- 4517.** Мадонна Пушкина. **1863.** (1), 20.
- 4518.** Неизданные стихи Пушкина. („Надеждой сладостной съ малолечества дыша...“). Записаны М. В. Юзефовичемъ. **1874.** II, (7), 221—222.
- 4519.** Неизданное четверостишіе Пушкина (къ княжнѣ А. А. Мещерской). Сообщ. Н. П. Барсуковымъ. **1875.** III, (9), 109.
- 4520.** „Мѣдный всадникъ“ Пушкина. Вновь найденные стихи. **1881.** III, (5), 228—240.
- 4521.** О „Мѣдномъ Всаднике“ Пушкина. **1877.** II, 424—425.
- 4522.** Четверостишіе А. С. Пушкина къ портрету Н. Х. Молостовова. Сообщ. Н. Г. Молостовъ. **1898.** II, (6), 332.
- 4523.** О стихотвореніи Пушкина „Памятникъ“. Со снимкомъ подлин-

- ника. 1881. I, (1), 233—237. Поправка 1882. II, (4), 508—509.
4524. Пушкинскій „Пророкъ“ въ Польскомъ перево́дѣ Одынца. 1878. II, (7), 391—392.
4525. О стихахъ Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ. В. Я. Б(рюсова). 1900. Ш, (9), 148.
4526. Русалка А. С. Пушкина. Полное изда́ніе. По современной записи Д. П. Зуева. Съ замѣткой П. И. Б(артенева). 1897. I, (3), 341—372.
4527. Текстъ Пушкинской Русалки. В. Я. Брюсова. 1902. I, (2), 354—360.
4528. Сценический текстъ Пушкинской „Русалки“ В. В. Каллаша. 1904. I, (2), 368.
4529. Неизданные десять стиховъ Пушкина (изъ Руслана и Людмилы). Сооб. Н. П. Хвицкимъ. 1876. II, (8), 453.
4530. Русская народная пѣсни во Французскомъ перево́дѣ Пушкина. Сооб. И. И. Курисомъ. 1885. I, (3), 451—460.
4531. Стихи Пушкина: 1) На статую играющего въ свайку и 2) На статую играющего въ бабки. Сообщ. И. И. Ханенко. 1869. (4), 073—074.
4532. Новонаайденное стихотвореніе Пушкина. Посланіе къ А. И. Тургеневу. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1895. III, (12), 498—500.
4533. За Пушкина. И. Х(аненко). 1888. II, (8), 500—501. О стихотвореніи „Эхо“.
4534. Описки Пушкина. Н. О. Лернера. 1906. II, (8), 636—638.
4535. Докладъ В. А. Жуковскаго Николаю Павловичу объ изданіи сочиненій Пушкина. 1881. III, (6), 465.
4536. Замѣтки на новое изда́ніе сочиненій Пушкина подъ редакц. П. А. Ефремова, Г. С. Чиркова. 1881. I, (1), 175—215. Поправка III, (6), 464.
4537. Замѣтка А. Н. Островскаго о картѣ, приложенной къ 6-му тому новаго изданія сочиненій Пушкина. 1881. I, (1), 216.
4538. Какъ слѣдуетъ издать Пушкина. Х. (И. И. Ханенко). 1881. III, (6), 461—464.
4539. О первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина. Сообщилъ П. Л. Юдинъ. 1893. III, (9), 121—124. Письмо министра внутрен. дѣлъ къ Оренбургскому губернатору А. П. Гевличу.
4540. Для будущаго полнаго собрания сочиненій Пушкина. Н. Гербеля. 1876. III, (10), 205—244.
4541. Чѣдѣаетъ академическое изда́ніе сочиненій Пушкина? В. Я. Брюсова. 1899. III, (12), 618—631.
4542. Замѣтки о Пушкинѣ. Пушкинъ и Царскосельскій лебедь. Гр. А. Д. Блудова о Пушкинѣ.—Дядька Пушкина.—Пушкинъ и Англійскій языкъ.—Пушкинъ въ Москвѣ въ 1826 г.—Пушкинъ на вечерѣ у Греча. В. В. Каллаша. 1901. II, (6), 247—254.
4543. Мелкая замѣтка о Пушкинѣ. В. В. Каллаша. 1902. II, (6), 306—311.
4544. Оцѣнка Пушкина. В. В. Каллаша. 1903 II, (5), 144.
4545. Письма къ Пушкину. 1880. II, 500—518. И. Бар. Дельвига, Гоголя, Кавалеристъ-дѣвицы А. А. Дуровой.
4546. Литературныя сношения Пушкина. Письма къ нему разныхъ лицъ. 1880. III, 4·7—480. А. А. Шишкова, К. Шишковой, Н. А. Полеваго, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, Н. И. Греч; А. А. Фукса, И. И. Лажечникова. Булгарина, В. В. Измайлова. ѡ. Н. Глинки, И. П. Мятлева, М. П. Розберга, М. П. Ногодина, В. И. Даля.
4547. Дружескія сношения Пушкина. Письма къ нему. 1881. I, (1), 1·7—174. В. К. Кюхельбекера. П. А. Катенина, М. А. Корфа, А. Н. Раевскаго, Н. Н. Раевскаго-

- сына, Н. С. Алексеева. Н. И. Гибдича.
- 4548.** Письма къ Пушкину. Съ прим. Я. О(рла Олимпиады). **1881.** I, (2), 424—445. кн. С. Г. Волконского, А. А. Марлинского, кн. Волконской, П. Я. Чадаева. фонъ-Фока, О. И. Сенковского.
- 4549.** Письма Пушкина къ гр. А. Х. Бекендорфу. **1864.** (2), 192—195. **1870.** (7). 1373—1376.
- 4550.** Замѣтка къ письмамъ Пушкина. **1864.** (2), 195—197.
- 4551.** Пушкинъ и Великопольскій. Три письма Пушкина (со стихами). **1884.** I, (2), 465—469.
- 4552.** Письмо Пушкина къ композитору А. Н. Верстовскому. **1874.** I, (5), 1376.
- 4553.** Письма Пушкина къ А. Н. Вульфу. **1867.** (1), 154—160.
- 4554.** Письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому. **1874.** I, (1), 111—160, (2). 419—450.
- 4555.** Письма А. С. Пушкина къ Гончаровымъ. Сообщ. О. К. Гончаровой. **1881.** II, (4), 496—504. Здѣсь письма С. Л. и Н. Н. Пушкиныхъ.
- 4556.** Письмо жениха - Пушкина къ его будущей тещѣ. Сообщ. Н. О. Эминымъ. **1873.** I, (5), 736—740.
- 4557.** Письмо Пушкина къ тещѣ его Н. И. Гончаровой. **1897.** I, (1), 116.
- 4558.** Письмо Пушкина къ б. Дельвигу. **1874.** I, (2), 450.
- 4559.** Записка Пушкина къ кавалеристъ-дѣвицѣ А. А. Дуровой. Съ послѣд. бар. Ф. А. Бюлера. **1872.** (1), 199—204.
- 4560.** Три письма Пушкина къ Жуковскому. **1872.** (12), 2354—2357.
- 4561.** Еще новыя письма Пушкина къ Жуковскому. **1870.** (7), 1366—1373.
- 4562.** Новыя письма Пушкина къ Жуковскому и другимъ лицамъ. **1870.** (6), 1169—1183. Къ И. Ф. Мойеру, къ неизвѣстному
- лицу, В. К. Кюхельбекеру, П. А. Плетневу.
- 4563.** Три письма Пушкина къ гр. Е. Ф. Канкрину. **1890.** II, (5), 97—104.
- 4564.** Записка Пушкина къ бар. М. А. Корфу. Сообщ. К. Д. Шидловскимъ. **1872.** (1), 198.
- 4565.** Письмо Пушкина къ бар. М. А. Корфу. Съ примѣч. бар. Ф. А. Бюлера. **1872.** (7—8), 1601—1603.
- 4566.** Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову. **1864.** (10), 1076—1081.
- 4567.** Письмо Пушкина къ Е. П. Люценку. Съ зам. Н. О. Лернера. **1900.** III, (9). 143—144.
- 4568.** Письмо Пушкина къ И. И. Мартынову. **1889.** III, (12), 507—508.
- 4569.** Письма Пушкина къ П. В. Нашокину. **19-й В.** I, 383—402.
- 4570.** Письмо Пушкина къ А. И. Осиповой. **1899.** III, (9), 172—173.
- 4571.** Письма Пушкина къ П. А. Осиповой, съ замѣткою М. И. Семевскаго. **1867.** (1), 119—153.
- 4572.** Письма Пушкина къ И. М. Пеньковскому. Съ предисл. А. Труворова. **1890.** I, (3), 435—438.
- 4573.** Письмо Пушкина къ П. А. Плетневу. **1902.** I, (2), 353.
- 4574.** Письма Пушкина къ кн. Н. Г. Репину. **1864.** (10), 1081—1083.
- 4575.** Письмо Л. С. Пушкина къ С. А. Соболевскому. **1906.** II, (5), 126—127.
- 4576.** Письмо Пушкина къ С. Соболевскому. **1878.** III, (11), 393—395.
- 4577.** Письмо Пушкина къ гр. Г. А. Строганову. **1866.** (11—12), 1748—1749.
- 4578.** Письмо Пушкина къ М. О. Судиенкѣ. **1898.** I, (1), 165—168.
- 4579.** Письмо Пушкина къ В. Д. Сухорукову. **1899.** II, (5), 159.
- 4580.** Два письма Пушкина къ Вас. И. Туманскому. **1890.** III, (9), 95—96.

- 4581.** Письмо Пушкина къ А. И. Тургеневу. **1867.** (4), 671—672.
- 4582.** А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ. **1884.** II, (4), 441—452.
- 4583.** Письмо Пушкина къ П. Я. Чадаеву. По поводу его „Философическихъ писемъ“. **1884.** II, (4), 453—461.
- 4584.** Письма Пушкина къ И. А. Яковлеву. **1882.** II, (4), 309.
- 4585.** О Радищевѣ. М. Ф. Шугурова. **1872.** (5), 927—953.
- 4586.** Радищевъ и его „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. М. Н. Лонгинова. **1868.** (11), 1811—1817.
- 4587.** Альфредъ Рамбъ. (Некрологъ). **1905.** III, (12), 608.
- 4588.** Княжна В. Н. Репнина. Гр. С. Д. Шереметева. **1897.** II, (7), 473—477.
- 4589.** Изъ Записокъ княжны В. Н. Решиной. **1897.** II, (7), 478—490.
- 4590.** Письмо А. Г. Родзянки къ Пушкину. **1884.** I, (2), 470—471.
- 4591.** Изъ писемъ Н. М. Рожалива къ С. П. Шевыреву. **1906.** I, (2), 221—259.
- 4592.** А. П. Розбергъ. М. Р. **1873.** II, (9), 1705—1715.
- 4593.** Н. П. Розоновъ. **1884.** I, (1), 244.
- 4594.** И. В. Ростковшено. *** **1890.** I, (2), 310—315.
- 4595.** Изъ писемъ А. О. Россета къ А. О. Смирновой. Сообщ. Н. Н. Соренъ. **1896.** I, (2), 278—310. (3), 360—392.
- 4596.** О графинѣ (Евдокії Петровнѣ) Раестопчиной. Изъ записной книжки Н. В. П(утятъ). **1865.** (7), 815—816.
- 4597.** Замѣтка о гр. Е. П. Раестопчиной. Старушки изъ стени (Е. И. Раевской). **1885.** III, (10), 299—303.
- 4598.** Отповѣдь кн. П. А. Мещерскаго „Старушкѣ изъ степи“. **1886.** I, (2), 219—221.
- 4599.** Неиздан. стихи гр. Раестопчиной. Сооб. И. С. Аксаковымъ. **1874.** I, (2), 497—498.
- 4600.** Стихи гр. Е. П. Раестопчиной. I, **905.** III, (9), 143—144.
- 4601.** Стихотворная автобиографія гр. Ф. В. Раестопчина. Изъ бумагъ А. Ф. Брокера. **1873.** I, (5), 779—780.
- 4602.** Замѣтки и воспоминанія о гр. Раестопчинѣ. Кн. П. А. Вяземскаго. **1877.** II, (5), 69—78.
- 4603.** Для біографіи и собранія сочиненій гр. Ф. В. Раестопчина. М. Н. Лонгинова. **1868.** (4—5), 851—859.
- 4604.** Охъ Французы! Наборная поэвѣсть изъ былей, по-русски писанная. Гр. Ф. В. Раестопчина. **1902.** II, (5), 5—58.
- 4605.** Письма гр. Ф. В. Раестопчина къ С. Н. Глинкѣ. **1876.** III, 430—432.
- 4606.** Апологія публичныхъ лекцій К. Ф. Рулье, написанная М. Н. Катковымъ, съ предисл. Н. Н. Барсукова. **1895.** II, (5), 30—35.
- 4607.** К. Ф. Рильевъ. А. Н. Сиротинина. **1890.** II, (6), 113—208.
- 4608.** Воспоминаніе о К. Ф. Рильевѣ. Кн. Е. Н. Оболенскаго. **XIX Вѣкъ.** I, 312—332.
- 4609.** По поводу воспоминаній о Рильевѣ. Е. Я. **XIX Вѣкъ** I, 351—361.
- 4610.** К. Ф. Рильевъ. Изъ Записокъ Н. А. Бестужева. **XIX Вѣкъ.** I, 338—350.
- 4611.** Рильевъ и Нѣмцевичъ. А. Н. Сиротинина. **1898.** I, (1), 67—82.
- 4612.** Изъ бумагъ Рильева. **XIX Вѣкъ.** I, 362—375. Письма Рильева къ своему отцу и къ Булгарину. Письмо Булгарина къ Рильеву
- 4613.** Письма Рильева къ Пушкину **XIX-й** В. I, 376—382.
- 4614.** Самаринъ-ополченецъ (Изъ воспоминаній его дружинного начальника) В. Д. Давыдова. **1877.** II, (5), 42—49.
- 4615.** Письма Ю. Ф. Самарина. Съ предисл. Д. Ф. Самарина. **1880.** II, 241—332. Къ К. С. Аксакову, г. Могену, А. Н. Попову, къ матери, отцу и сестрѣ, кн.

- И. С. Гагарину, къ кн. В. М. Гагариной, А. С. Хомякову, къ кн. Д. А. Оболенскому. Приложение: Письмо проф. Д. Крюкова. Изъ отчетовъ Московскаго университета за 1843—1844 гг., съ послѣсл. Н. А. Попова и поправки Д. Д. Языкова. **1880.** III, 483.
- 4616.** Письма Ю. Ф. Самарина къ кн. И. А. Мещерскому. **1877.** II, (5), 103—107.
- 4617.** Изъ дневника Ю. Ф. Самарина въ Киевъ. **1877.** II, (6), 229—232.
- 4618.** Отповѣдь Д. Ф. Самарину. **1899.** I, (2), 368.
- 4619.** Списокъ сочиненій доктора Саншеса. **1894.** I, (2), 277—279.
- 4620.** Для біографіи И. П. Сахарова. П. И. Савваитова. **1873.** I, (6), 897—1017.
- 4621.** Дополненія къ указаніямъ трудовъ И. П. Сахарова. (С. А. Соболевскаго). **1865.** (4), 518.
- 4622.** Къ характеристику О. И. Сенковскаго. И. Н. Корсунскаго. **1891.** II, (7), 365—401.
- 4623.** Сенковский и Мицкевичъ. *** **1873.** I, (4), 632—638. По поводу воспоминаній Ципринуса.
- 4624.** Выкупъ стихотворца Ивана Сибирякова. Сообщ. А. А. Красильниковымъ. **1873.** I, (4), 638—643. Письмо гр. Милорадовича.
- 4625.** С. С. Слуцкій. (Некрологъ). Н. Ч. (Н. П. Чулкова). **1903.** II, (6), 302—304.
- 4626.** Изъ писемъ А. О. Смирновой. Сообщ. Н. Н. Сорѣнъ. **1897.** II, (8), 615—630. III, (9), 123—133.
- 4627.** Изъ переписки А. О. Смирновой съ Аксаковыми. Съ предисл. Н. М. Павлова. **1896.** I, (1), 143—170.
- 4628.** Изъ писемъ А. О. Смирновой къ издателю „Русскаго Архива“ **1889.** III, (11), 407—409.
- 4629.** Письма А. О. Смирновой къ Жуковскому. **1902.** II, (5), 95—127.
- 4630.** Письма А. О. Смирновой къ Я. П. Полонскому. **1898.** III, (11), 445—452.
- 4631.** Письма А. О. Смирновой къ гр. Е. П. Ростопчиной. **1905.** III, (10), 212—232.
- 4632.** Изъ писемъ Н. М. Смирнова къ Жуковскому **1899.** I, (4), 623—627.
- 4633.** Извѣты Сиѣгирева. **1901.** I, (3), 527—528.
- 4634.** С. А. Соболевскій. (Некрологъ). **1870.** (11), 2140—2144.
- 4635.** О С. А. Соболевскомъ. Я. Бerezina-Ширяева. **1871.** (10), 1738—1740.
- 4636.** Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины С. А. Соболевскаго. Гр. А. Ф. Ростопчина. **1871.** (2), 383—384.
- 4637.** Мое знакомство и переписка съ С. А. Соболевскимъ. Я. О. Березина-Ширяева. **1878.** III, (11), 374—392.
- 4638.** Письма С. А. Соболевскаго къ А. П. Елагиной и И. В. Кирьевскому. **1906.** III, (12), 561—570.
- 4639.** Семь шуточныхъ стихотвореній С. А. Соболевскаго. **1874.** II, (8), 461—464.
- 4640.** Стихотворенія С. А. Соболевскаго. По поводу дворянскихъ собраній 1864—1865 гг. **1881.** II, (4), 494.
- 4641.** Легенда. Стихи С. А. Соболевскаго. **1884.** III, (6), 350—351.
- 4642.** Орель съ его уѣздами, стихи С. А. Соболевскаго. **1885.** I, (1), 143—144.
- 4643.** Стихи С. А. Соболевскаго на засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности. **1886.** III, (10), 272.
- 4644.** Стихи С. А. Соболевскаго про кн. В. Ф. Одоевскаго. **1888.** III, (10), 295—296.
- 4645.** Стихи С. А. Соболевскаго. **1904.** II, (6), 308. На кончину Н. Ф. Павлова и на чтеніе К. К. Павловой.
- 4646.** Четверостишіе С. А. Соболевскаго. **1905.** III, (9), 144.

- 4647.** С. А. Соболевского. Письмо къ С. П. Шевыреву. 1906. I, (1), 158.
- 4648.** Изъ бумагъ С. Д. Нечаева. Стихи и записочки С. А. Соболевского. 1894. II, (1), 113—116.
- 4649.** Стихотворные шутки С. А. Соболевского. 1888. II, (8), 505. III, (9), 176. 1891. I, (3), 431—432. 1897. III, (10), 297—298. 1898. III, (12), 600. 1899. I, (1), 206. 1902; II, (6), 368. 1904; III, (9), 144.
- 4650.** О кончинѣ В. И. Собчакова. 1865. (8), 1037—1038.
- 4651.** Нѣсколько словъ о В. И. Соловьевскомъ. Ф. Н. Фортунатова. 1865. (10—11), 1396—1399.
- 4652.** „Въ саняхъ“. Стихи гр. В. А. Сологуба. Сообщ. А. С. Козловымъ. 1887. III, (12), 581—584.
- 4653.** Шутка гр. Сологуба („Глава Россійского посольства“). 1888. III, (11), 468.
- 4654.** Горячая пора. (И. П. Колошину). стихи гр. Соллогуба. Сооб. Д. С. Нечаевымъ. 1894. I, (4), 597—598.
- 4655.** Поэзия Владимира Соловьева. В. Я. Брюсова. 1900. II, (8), 546—554.
- 4656.** Отзывъ В. С. Соловьева о спиритизмѣ и о Ренанѣ. В. Я. Брюсова. 1903. II, (6), 289.
- 4657.** Письмо В. Д. Соломирского къ А. С. Пушкину. Съ предисл. Л. Н. Майкова. 1894. III, (11), 455—456.
- 4658.** Письмо О. М. Сомова къ В. Г. Теплякову. 1904. III, (12), 621.
- 4659.** Н. С. Соханская (Кохановская). Некрологъ. 1885. I, (4), 629—631.
- 4660.** Автобиографическое письмо Н. С. Соханской къ А. В. Плетнёвой. 1885. I, (4), 631—637.
- 4661.** Изъ писемъ Н. С. Соханской къ М. В. Вальховской. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ, съ примѣч. С. И. Пономарева. 1900. I, (1), 108—140. (Поправка. (4), 655).
- 4662.** Изъ письма къ П. М. Строеву. Н. П. Барсукова. 1870. (12), 6—8, особое прил.
- 4663.** О Пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ. (Изъ Записокъ кн. И. М. Долгорукаго). М. Н. Лонгинова. 1865. (4), 481—488. Дополнение. 1866. (2), 265.
- 4664.** Письмо Н. Струйского къ кн. Шотемкину. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. 1871. (2), 073—075.
- 4665.** Письмо А. С. Стурдзы къ М. П. Сумароковой. 1892. II, 4—2. Сообщ. кн. М. А. Гагариной. 1892. II, (8), 482—485.
- 4666.** Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова. М. Н. Лонгинова. 1871. (10), 1637—1717.
- 4667.** Поправки и дополненія къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ. В. И. Родиславскаго. 1871. (11), 1955—1956.
- 4668.** Дополненія о Сумароковѣ. М. Н. Лонгинова. 1871. (11), 1956—1960.
- 4669.** Собственноручная записка А. П. Сумарокова. (Сообщ. М. М. Евреиновымъ). 1867. (1), 100.
- 4670.** Анекдотъ о Сумароковѣ. (Сообщ. М. М. Евреиновымъ). 1874. I, (4), 01097.
- 4671.** Два доношения А. П. Сумарокова. Съ предисл. Л. Н. Майкова. XVIII В. III, 182—186.
- 4672.** Михаилъ Сухаловъ, крестьянинъ поэты. Н. Добротворскаго. 1888. II, (7), 0367—0368.
- 4673.** Автобиографическая записка С. М. Сухотина. 1884. III, (9), 69—77.
- 4674.** Н. В. Сушковъ. (Некрологъ). 1871. (10), 1743—1744.
- 4675.** Извѣстие о смерти А. В. Терещенко. 1865. (8), 1037.
- 4676.** Письма Г. Н. Теплова. Сообщ. С. М. Соловьевымъ. 1869. (2), 216—220.
- 4677.** Грамота А. К. Толстому (стихи). 1889. III, (9), 133—134.

Петра Великаго", и кончая Крыжановскимъ, съ любопытными о нихъ подробностями, съ чертами быта и управления. Приложены портреты самого Чернова и Оренбургскихъ генераль-губернаторовъ. Переданы рассказы о жестокости Неплюева по отношению къ Башкирамъ, про чудачества князя Г. С. Волконского, про Хивинскій походъ Перовскаго (недавшійся благодаря тому, что Перовскій, вопреки предостереженію Государя, допустилъ къ себѣ Поляка Цюльковскаго и отдалъ въ его завѣданіе верблюдовъ), про крутыя мѣры Перовскаго и про его сына. Читатели видятъ передъ собою исторический ростъ края. Въ книгѣ нѣсколько рисунковъ. Они весьма любопытны не для мѣстныхъ только жителей, но и для всего читающаго люда.

*

Труды Псковскаго Археологического Общества за 1906 годъ. Псковъ. 1907. Малая 8-ка, 191 стр.

Въ этомъ Обществѣ усердно трудится секретарь его, г. Окулич-Казаринъ, составившій опись свитковъ, находящихся въ Музѣѣ Общества. Въ книжкѣ этой напечатано 266 народныхъ пѣсень, записанныхъ въ Псковской губерніи И. К. Копановичемъ. Большинство этихъ пѣсень свидѣтельствуетъ, до какой степени упало въ томъ краю (да, кажется и не въ немъ однѣ) народное пѣснотворчество, никогда столь художественное и выразительное. Вопреки крѣпостному праву, пѣсня не умолкала въ нашемъ простонародѣ и у строгихъ помѣщиковъ. Нынѣ воспѣваются наприм. король бубновый и папироски!

*

Насъ обрадовала статья А. П. Ариповой въ приложении къ № 11406-му "Нового Времени": "Наталья Николаевна Пушкина-Ланская" съ портретами ея отца, матери, бабушки и дѣда (красота, видно, у Гончаровыхъ въ роду). Вдова Пушкина была женщина вполнѣ достопочтенная. Она вышла вторично замужъ, можно сказать, по завѣщанію Александра Сергеевича, который, умирая, далъ ей нѣсколько умныхъ совѣтовъ и даже опредѣлилъ характеръ человѣка, котораго бы она избрала себѣ въ супруга. Объ этомъ передавали мнѣ княгиня Вѣра Федоровна Вяземская и Екатерина Алексѣевна Долгорукая. Наталью Николаевну почитали близкія къ поэту лица. Князь Вяземскійѣздилъ къ ней въ Псковскую деревню, гдѣ она прожила первые годы вдовства своего. Въ Петербургѣ императоръ Николай Павловичъ посѣщалъ ее и спрашивался о воспитаніи дѣтей ея.

А. П. Арипова излагаетъ любопытныя преданія Гончаровыхъ и Загряжскихъ; но она ошибается, говоря, что прадѣдъ ея Иванъ Александровичъ Загряжскій женатъ былъ на графинѣ Строгановой: супруга барона Александра Николаевна Строганова Елизавета Александровна, была родомъ Загряжская. Брошена тѣнь на знаменитую "богородицу дочку", графиню Анну Родионовну Чернышеву, и невѣрно говорится, что блестящее поприще князя А. И. Чернышева началось съ Полотняныхъ Заводовъ: онъ былъ родной племянникъ Екатеринина любимца Ланского, а умѣнью возвышаться обучился въ Парижѣ при дворѣ Наполеона. П. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

РУССКИЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусксовъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русского Архива», на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которымъ подпишались въ Конторѣ «Русского Архива».

 Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присыпать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русского Архива» покорнейше просимъ уведомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книжки „Русского Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по **50** копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья:

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

— — — — —

(46-й годъ съ основанія).

РУССКИЙ АРХИВЪ

1908

2.

Стр.

245. Записки архієпископа Никанора: „Моя хиротопія“. 1871 годъ.
249. Изъ записной книжки издателя „Русского Архива“ (объ отно-
шении духовныхъ властей къ свѣтской).
251. Фамильные прозвища Великорусского духовенства въ XVIII и
XIX столѣтияхъ. Издѣлование В. В. Шереметевскаго.
274. Завѣщаніе И. Г. Чернышевскаго. (Сообщилъ П. А. Юдинъ).
277. Изъ записокъ графа Филиппа Сегюра. Наполеонъ на походѣ въ
Россию. Весна 1812 года.
286. Изъ архива И. Н. Новосильцова. (Попытка всеобщаго воору-
женія въ Варшавскомъ Герцогствѣ. 1813.—Польскіе Карбона-
ри). Сообщилъ И. Г. Попруженеко.
295. Письмо графа Ф. В. Ростопчина къ одной просительницѣ. 1797.
297. Письмо Ю. Ф. Самарина къ А. О. Смирновой. 1868.
293. Московскій бульварный стихотворецъ-сатирикъ. А. А. Голом-
біевскаго.

Внутри сорочки: Новая Польская книга о Маринѣ Миншекѣ.

Приложенъ 21 полулистъ „Предметной Росписи Русского Ар-
хива“ (Писатели).

МОСКА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1908.

Maryna Mniszchowna. Alexander Kirchberg. Русский перевод съ предисловиемъ Андрея Титова. Издание Ивана Александровича Вахромѣева. Москва 1908. 8-ка, IV, 355 и XX стр. (Указатель собств. именъ) съ двумя портретами Марины, съ портретомъ первого ея супруга, Петра Сапѣги, съ видами башни Марины въ Коломнѣ и Посольского двора въ Москвѣ.

Хоть бы въ области исторіографіи сходиться намъ почаще съ Поляками, у которыхъ, какъ и у насъ, работы по розысканіямъ старины оживились въ послѣдніе годы: у нихъ по достопочтенному народолюбію (хотя и лихорадочному), у насъ вслѣдствіе распаденія узъ цензурныхъ, которыхъ еще недавно такъ были тяжки, что и „Русскій Архивъ“ подвергался многократнымъ задержкамъ.

За книгу о Маринѣ Мнишкѣ обязаны мы неутолимой дѣятельности достопочтенного Ростовского археолога А. А. Титова.

Г-нъ А. Кирхбергъ написалъ эту книгу по-польски на основаніи неизданныхъ большею частью бумагъ, найденныхъ въ архивахъ Польскихъ вельможъ, и она должна быть встрѣчена съ особымъ любопытствомъ историками смутнаго времени, которое не перестаетъ занимать собою вниманіе и всего читающаго люда. О прославившейся на весь міръ Польщѣ Маринѣ заглавіе даетъ больше, нежели даетъ книга: ни одной новой черты въ характерѣ и дѣятельности Марины не находимъ. Важны только

письма ея къ королю Сигизмунду и изложеніе семейной ея обстановки. Это Русско-Польская исторія за первые годы XVII столѣтія, но тутъ нѣть ответовъ на главные вопросы. Для уясненія дѣла было когда-то предположено составить въ порядкѣ мѣсяцевъ и дней сборникъ всѣхъ сохранившихся извѣстій объ одиннадцатимѣсячномъ царствованіи тогъ, кто называлъ себя Дмитриемъ Ивановичемъ и царствовалъ въ Россіи (Доселъ еще не перевелись помѣщики, владѣющіе своими землями по его грамотамъ, какъ напр. Веселкины въ Новгородской губерніи). Говорить, что сохранились и доселъ неизданные его указы. Но у насъ любить больше дѣлать скороспѣльные выводы и обобщать, нежели, разыскивая, отдѣлять сомнительное отъ непреложнаго.

Нѣкоторыя страницы книги ужа-
саютъ подробностями. Такъ Киевскій
купецъ Богданъ Балыка, очутившій-
ся въ Кремлѣ, осажденномъ войсками
князя Пожарского, записалъ: „Когда
шѣхотѣ выдали больше десяти Мо-
сковскихъ плѣнныхъ, она сейчасъ же
убила ихъ и сѣѣла. Черезъ нѣсколько
дней случилось, что Москвицы несли
уголь рабочимъ, занятымъ при Ни-
кольскихъ воротахъ. Гайдуки, выско-
чивъ изъ стѣнъ, схватили одного изъ
нихъ и, убивъ его, тотчасъ же сѣѣ-
ли. Вскорѣ послѣ этого одинъ сол-
датъ Воронецъ и казакъ Щербина
ворвались въ домъ князя Феодора
Мстиславскаго, отыскивая чего бы по-
ѣсть; а когда Мстиславскій началъ
ихъ усовѣщевать, одинъ изъ нихъ
ударилъ его кирпичемъ по головѣ“

ЗАПИСКИ АРХИЕПИСКОПА НИКАНОРА.

Моя хиротонія.

(Никаноръ, епископъ Аксайскій, викарій Донской).

1871 годъ.

Теперь я въ Ново-Черкасскѣ. Сегодня 5-е Августа 1871 г. Сижу за своимъ письменнымъ столомъ, во временномъ помѣщеніи, въ Донскомъ архіерейскомъ домѣ. Помѣщеніе, конечно, не болѣе какъ временное, т. е. въ каждомъ уголкѣ встрѣчается то или другое неудобство. Мебели никакой. Чѣдѣ привезъ изъ Казани по части мебели, то разставилъ, кое-что прикупилъ здѣсь, кое-что изъ прикупленнаго доставлено уже въ квартиру, кое-что изъ магазина не доставлено. Главный недостатокъ: совершенное отсутствіе книжныхъ шкафовъ, а поэтому нельзя раскупорить ящики съ книгами и бумагами. А поэтому, хотя и есть всѣ документы, относящіеся къ дѣлу, которое намѣренъ я описать, но нѣтъ ихъ подъ руками.

И потому начинаю по памяти. Оказалось, что, по желанію и представлению преосвященнаго Платона архіепископа Донскаго, на Донъ для собесѣданія съ раскольниками посланъ былъ священно-инокъ Пафнутий, бывшій старообрядческій епископъ Австрійскаго священства. Сдѣмалъ ли онъ что либо здѣсь доброе, не знаю; узнаю и раскопаю здѣсь. Но неловкость, если только не пакость, сдѣмалъ онъ таковую. Разъ (это было въ концѣ прошлаго 1870 г. осенью), пріѣзжаю къ своему владыкѣ, преосвященному архіепископу Казанскому Антонію вечеромъ, и здѣсь послѣ первого взаимнаго привѣтствія слышу отъ него вопросъ: «А читали?» Держитъ онъ въ рукахъ и показываетъ мнѣ только что полученные листы «Современной Лѣтописи»*); тамъ о. Пафнутий соизволилъ помѣстить свой отчетъ о поѣздкѣ своей на Донъ, при чемъ разсуждаетъ о причинахъ недостатка вліянія православнаго духовенства на народъ. Между этими причинами поставлены, сколько помню: 1) без-

*.) Издававшейся М. Н. Катковымъ при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. П. Б.
I, 10 „Русскій Архивъ“ 1908.

чинность въ отправлениі православнаго богослуженія, 2) парикмахерство, съ какимъ православное духовенство расчесываетъ свои длинные волосы (при этомъ мнѣ припомнился священно-игуменъ Павелъ Прусскій, котораго, въ 1870 году 5-го Іюля, видѣлъ я въ Сергіевой Лаврѣ; именно вспомнилось въ немъ то, что, когда онъ снималъ съ головы своей кругленыкій старообрядческій клобучекъ, то изъ подъ клобучка разсыпались въ совершенномъ безпорядкѣ всклокоченные, нерасчесанные, примятые, войлочные волоски, очень похожіе на Жидовскіе пейсики, разсыпавшіеся изъ подъ случайно снимаемой ермолки; такъ между прочимъ въ этомъ поставляется идеаль раскольнической святыни, и это неблагообразное благообразіе рекомендуется намъ, какъ правило и способъ привлечения раскольниковъ къ Православію). 3) Между дальнѣйшими причинами упадка вліянія православныхъ на Донскихъ раскольниковъ значилось и то, что архипастырь Донской въ мастигахъ уже преуспѣлъ, а викарія не имѣть. При этомъ даже кроткій, благостный и сдержанній преосвященный Антоній Казанскій замѣтилъ: «вѣдь вотъ, подумаешь, откуда громъ....» А мнѣ подумалось невольно, что священно-инокъ Пафнутій, бывшій старообрядческій епіскопъ, себя самого рекомендуетъ въ епіскопа, православнаго викарія Донского: тогда бы-де и восплясали у насъ и лѣсь, и горы, т. е. всѣ Донцы сей-часъ же обратились бы ну хоть въ единовѣріе, чтѣ, пожалуй, и вышло бы на самомъ дѣлѣ, только въ ту сторону, что и послѣдніе православные ушли бы сначала въ единовѣріе, а потомъ лѣтъ черезъ двадцать и въ расколъ. Погрустили мы тутъ съ преосвященнымъ архіепископомъ Казанскимъ на счетъ сочувственнаго обоимъ намъ архіепископа Донскаго, естественно предполагая, что «ему такая выходка Пафнутія должна быть крайне непріятна». Затѣмъ я и уѣхалъ.

Съ 1858 г. состоя въ постоянной корреспонденціи съ преосв. архіепископомъ Платономъ, когда былъ я въ Саратовѣ до 1864 г., потомъ въ Петербургѣ во второй половинѣ 1865 г. (по выбытіи преосв. Платона изъ С.-Петербургра на епархію), а наконецъ изъ Витебска сначала въ 1865—1866 г.г., я писалъ къ нему многими книгами; но несчастное для многаго 4-е Апрѣля *) имѣло и на меня то между прочимъ прискорбное вліяніе, что я сжегъ большую часть своихъ бумагъ и записокъ, между которыми письма къ преосв. Платону составляли главную существенную часть, а все прочее было только дополненіемъ. Послѣ же этой катастрофы у меня отпала охота слѣдить за современностью, да и самая современность, ставъ на старинную основу развитія Русской

*) День покушенія Каракозова. П. Б.

исторіи, сдѣлавшись пугливо-консервативною въ словѣ и ідеѣ, хотя и продолжая быть по данному направлению прогрессивною въ дѣлѣ реформы Русской жизни, самая современность перестала быть интересною. Мы были фраппированы, разломаны, болѣны; нужно было успокоиться послѣ кипучей идеями жизни. Затѣмъ съ переводомъ моимъ въ Казань на мѣсто ректора Академіи, я, имѣя на плечахъ 50 лѣтъ, вынужденъ былъ сдѣлать крайнее усиленіе, чтобы стать по возможности въ уровень съ совершившимся и у насъ на Руси въ 15—20 лѣтъ развитіемъ богословской мысли, слова и науки. Оттого всякія стороннія дилетантскія занятія нужно было рѣшительно кинуть и всякую корреспонденцію ограничить только само-нужнѣйшими извѣщеніями само-нужнѣйшихъ лицъ о само-нужнѣйшемъ; о томъ, что-де живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю и съ праздникомъ поздравляю.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ послѣднее время моей Казанской жизни мои писанія къ пр. Платону сузились почти только въ поздравленія съ праздниками имянинъ, Св. Пасхи и Рождества Христова. Да и матеріи для распространенной корреспонденціи не оказывалось. А между прочимъ было какъ-то совѣтно предъ старымъ и всегдашнимъ моимъ благодѣтелемъ и доброжелателемъ, такъ какъ могло показаться нѣсколько неблаговиднымъ, что я осаждалъ его писаніями, когда былъ въ угнетеніи, а когда сталъ твердою ногою на жизненной дорогѣ, то и началъ забывать его, какъ будто въ тайной мысли, что безъ васъ, моль, обойдемся. Тутъ вдругъ открылся такой рѣдкій случай выразить его в-ву старое и всегда неизмѣнное сочувствіе.

При первой возможности я сѣлъ за почтовый листъ бумаги и началъ къ его в-ву свое писаніе такъ: «Не знаю, чѣмъ въ этотъ разъ побуждаетъ меня утрудить ваше в-во своимъ писаніемъ», послѣ чего ко-снулся выше-описанного случая, какъ достопочтенный о. Пафнутій позволилъ себѣ какъ-то двусмысленно отнестиись къ лицу его в-ва и какъ мы съ преосв. архіеп. Казанскимъ по этому поводу разсуждали сочувственно о лицѣ в.-преосв. Платона.

Отвѣтомъ на это мое посланіе было писаніе ко мнѣ в.-преосв. Платона съ слѣдующимъ началомъ: «Вы недоумѣваете, чѣмъ побудило васъ на этотъ разъ писать ко мнѣ; такъ я вамъ скажу: то, что въ послѣднее время я много думалъ о васъ и именно о томъ, почему это вы ничего не пишите ко мнѣ». Послѣ сего владыка объяснялъ, что подобные сочувственные отраженія мыслей и думъ въ его жизни сказывались не разъ, а въ существенномъ содержаніи своего письма извѣщалъ, что въ послѣднее время, при посѣщеніи Ново-Черкасска, синодальный

оберъ-прокуроръ, великий реформаторъ графъ Д. А. Толстой, обошелъ совсѣмъ «благосклонно», между прочимъ обѣщалъ свое содѣйствіе къ учрежденію въ Ново-Черкасскѣ викариатства. Въ заключеніе письма в. преосв. Платонъ предлагалъ мнѣ, не угодно ли мнѣ занять мѣсто викарнаго на Дону, о чёмъ просилъ меня ему телеграфировать.

Это неожиданное предложеніе заставило меня задуматься. Подумавши, я телеграфировалъ, помнится, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Судьбы Божіей не избѣжишь. Отвѣтъ сложенъ. Препровождается письмо». И теперь, когда все уже совершилось, когда я пересталъ быть ректоромъ Академіи и сталъ архіереемъ! А было время, что архіереемъ быть я не желалъ; было другое время, когда я всѣмъ и каждому направо-налѣво громко говорилъ, что архіереемъ никогда ни подъ какимъ видомъ не буду. Послѣдній періодъ моей жизни предъ архіерействомъ былъ временемъ, когда быть архіереемъ я и боялся и не надѣялся и не находилъ нужнымъ желать, потому что высоко цѣнилъ свое мѣсто ректора Академіи. Озираясь назадъ на эту имѣвшую въ моей жизни существенное значеніе телеграмму, нахожу, что она достаточно передаетъ мое душевное состояніе, при какомъ она формулирована: «Судьбы Божіей не избѣжишь». Это значитъ: хочешь, не хочешь, если суждено, будешь, если не суждено, не будешь, это вѣрно, хотя бы и не желалъ. Желать нескромно, а отбиваться опасно: настоящее мѣсто можно потерять, лучшаго не нажить, и опуститься морально, а затѣмъ пропасть и въ житейскомъ смыслѣ, т. е. кончить жизненную карьеру бѣдственнымъ паденіемъ.

За телеграммой послѣдовало письмо въ его в-ву въ цѣльныхъ три листа. Тутъ нужно сдѣлать ретроспективный взглядъ назадъ. По многимъ отношеніямъ плохи бывали мои житейскія дѣла. Направляя свое Московское величіе въ Витебскъ, преосв. Савва разнообразными внушеніями былъ предубѣженъ противъ меня; но я разбилъ это предубѣженіе, чтѣ началъ въ ту пору, когда преосв. Савва, назначенный въ Витебскъ, находился еще въ Москвѣ. Я написалъ ему туда преобширное письмо, въ которомъ подробно изобразилъ состояніе его новой паствы, особенно же относительно скучной съ остатками уніятства постановки богослуженія. Это было, по его личному признанію, толчкомъ, почему онъ, пока еще не выѣзжалъ изъ Москвы, обратилъ главное свое вниманіе на постановку богослуженія въ Витебскѣ, при чёмъ взялъ съ собою нѣсколько нужныхъ для цѣльности архіерейскаго служенія лицъ, какъ-то письмоводителя, знатока пѣнія и отличного пѣвца, двухъ иподиаконовъ, регента, запасся большимъ количествомъ богослужебныхъ-

принадлежностей, облаченій, утварей и т. п., а главное запасся рѣши-
мостью учредить въ Витебскѣ, какъ онъ выражался, «истинное бого-
служеніе» и со всѣмъ этимъ запасомъ и лицъ и вещей и нужной рѣ-
шности величественно появился въ Витебскѣ.

Встрѣчу мы устроили ему препышную, въ чемъ со стороны духовенства опять я же былъ первымъ двигателемъ. При устроеніи чин-
ности богослуженія въ Витебскѣ я же опять, какъ ректоръ и архиман-
дритъ, былъ первымъ и ревностнымъ пособникомъ, собственнымъ
лицомъ участвуя въ архиерейскихъ службахъ такъ часто, какъ со мною
того ни прежде, ни послѣ не бывало, и особенно пріучая семинари-
стовъ къ участію въ богослуженіи въ качествѣ чтецовъ, пѣвцовъ и
прислужниковъ. Семинарія дѣлала его п-ву всегда торжественную рам-
ку его появленія въ священнодѣйствіяхъ. Преосв. Савва не могъ не
признать моихъ трудовъ и, пожалуй, даже заслугъ и не быть призна-
тельнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ не разъ давалъ мнѣ понять, что ему
стоитъ только слово сказать, чтобы меня убрали изъ Витебска, и вооб-
ще держалъ себя со мною довольно верховно, какъ съ человѣкомъ
опальнымъ.

Тѣмъ не менѣе открылась еще одна статья, въ которой я умѣлъ
угодить его п-ву: именно, съ прибытіемъ его въ Витебскѣ въ Конси-
сторіи оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ немало, и между ними немало
дѣлъ сложныхъ и грязныхъ, а дѣльцовъ-то, на оборотъ, оказалось ма-
ло, т. е. истинно-дѣльцовъ ни одного. Онъ опять обратился ко мнѣ съ
просьбою заняться нѣкоторыми самыми сложными изъ дѣлъ. Нѣсколь-
ко такихъ дѣлъ я разсмотрѣлъ и рѣшилъ къ полному его удоволь-
ствію. Свое же собственное семинарское дѣло вообще вѣль я рукою
ярѣпкою.

Заручившись всѣми подобными данными, лѣтомъ 1864-го года,
отбывъ въ Москву на юбилей великаго Московскаго іерарха Филарета,
(на пути туда ли, оттуда ли, не помню), преосв. Савва заѣзжалъ въ
С.-Петербургъ къ митрополиту Исидору и просилъ его дать мнѣ Влади-
мира 3-й степени. Но первосвятитель Русской церкви и слушать
объ этомъ не хотѣлъ. Изъ товарищѣй моихъ одинъ уже вышелъ въ
архиереи, Германъ Сумскій; другой, Іосифъ Виленскій, былъ на пути
къ архиерейству; я же оставался ректоромъ смиренной, одной изъ по-
слѣднихъ, Полоцкой семинаріи, безъ всякихъ видовъ на улучшеніе своей
участи. Тутъ судьба моя чуть было не перемѣнилась. Въ эту пору, по
случаю преобразованія семинарій, состоялся Духовно-Учебный Коми-
тетъ, при чемъ былъ поднятъ вопросъ, не нужно ли, не полезно ли

было бы имѣть при Учебномъ Комитете одного или двухъ членовъ-ревидентовъ изъ монашествующихъ лицъ. Были голоса за положительное рѣшеніе этого вопроса.

Узнавъ объ этомъ, я сталъ рекомендовать на такое мѣсто себя чрезъ И. А. Чистовича, ректора С.-Петербургской Семинаріи, о. Павла, ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, И. Л. Янышева и самого о. протоіерея Іосифа Васильевича Васильева. Друзья не совѣтовали мнѣ брать это мѣсто, проча меня на мѣсто ректора Казанской Духовной Академіи, тѣмъ не менѣе дѣйствовали согласно съ моими видами. Но воротился изъ своего созерцательного по Россіи путешествія великий Сергіевскій *), наскажалъ въ Петербургѣ на мой счетъ какихъ-то Саратовскихъ сплетней и погубилъ мое дѣло. Впрочемъ меня извѣстили, что оберъ-прокуроръ отказалъ мнѣ въ назначеніи на мѣсто члена-ревидента не по личностямъ, а по принципу: «разъ-де постановлено, чтобы члены-ревизоры были свѣтскіе, а не монахи, нѣть особой нужды сейчасъ же отступить отъ состоявшагося закона». И разумно, и я спасся отъ тягостнаго положенія: свѣтскими членами-ревидентами естественно, отставивая доброе о себѣ мнѣніе оберъ-прокурора, выметать Семинаріи отъ старья, особенно же отъ монашества; а мнѣ было бы тягостно до невыносимости налагать свою руку на свою братію. И слава Богу, друзья повели и устроили мое дѣло иначе.

Одинъ другъ, ректоръ С.-Петербургской Семинаріи, о. архимандритъ Павелъ, дѣйствуя въ С.-Петербургѣ, вліялъ на преосвященнаго архіепископа Казанскаго Антонія, при которомъ самъ служилъ ректоромъ Семинаріи въ Смоленскѣ, убѣждая его взять меня къ себѣ въ ректора Академіи; другой другъ, Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, вліялъ на преосв. Нектарія, архіепископа Нижегородскаго, который не только присутствовалъ тогда въ Св. Синодѣ, но по особой благосклонности графа-оберъ-прокурора и орудовалъ многими синодскими дѣлами.

Вліянія и хлопоты друзей кончились однакоже тѣмъ, что, по смерти ректора Казанской Духовной Академіи о. архим. Иннокентія, преосвященный Антоній назвалъ отъ себя трехъ кандидатовъ на ректорство, именно, о. инспектора Московской Академіи Михаила, о. ректора Виленской Семинаріи Сергія и самого о. Павла, ректора Семинаріи С.-Петербургской; меня же (какъ извѣщалъ о. Павелъ) поопасся представить кандидатомъ. Но былъ мой другъ еще въ самой Казани, лично

*) Попечитель Виленскаго учебнаго округа? П. Б.

вообще мнѣ хорошо вѣдомый, но чевѣдомый какъ другъ, викарій Казанскій епископъ Гурій, который въ эту пору назначался самостоятельнымъ епископомъ въ Тавриду.

Сей ратовалъ за меня предъ преосвященнымъ Антоніемъ. А въ Петербургѣ дѣла сложились такъ, что Павелъ, при покровительствѣ митрополита Исидора, рѣшительно отъ Казани отказался; Михаилъ бытъ отвергнутъ, какъ неугодный оберъ-прокурору и больной ногами; Сергій бытъ отринутъ, какъ больной головой; а друзья дали понять преосв. Антонію, что если онъ не поспѣшить рекомендовать меня, то къ нему въ ректора Академіи будетъ назначенъ кто-либо изъ заграничныхъ протоіереевъ. Тогда преосв. Антоній поспѣшилъ попросить за меня. Преосв. Нектарій поспѣшилъ устроить дѣло въ мою пользу до прибытія оберъ-прокурора, который бытъ тогда за границею. Митрополитъ Исидоръ числился въ отпускѣ.

Какъ ни спѣшили, но закончить дѣла не успѣли до прибытія оберъ прокурора, который прибылъ, взглянуль взглядомъ Юпитера-громовержца и—ни слова не сказалъ.

Такъ и очутился я ректоромъ Казанской Духовной Академіи! 23-го Августа 1868 г. бытъ я уже въ Казани.

Тутъ слѣдуетъ не всю мою Казансскую жизнь разсказать, а только перечислить вкороткѣ мои заслуги для Казанской Академіи.

Ни слова о томъ, что я не злоупотреблялъ хозяйствомъ, но слово о томъ, что я привелъ въ ясность употребленіе суммъ и экономическую отчетность, кое-что улучшилъ въ постановкѣ ученія, а въ академической церкви не сдѣлалъ многаго по рѣшительному недостатку суммъ. Слово о томъ, что не безъ противорѣчій со стороны своихъ я настоятельно провести дѣло о перестройкѣ и распространеніи зданій Академіи, на что испрошена ассигновка до 70000 р. Съ наставниками Академіи съ первыхъ же дней стала на братскую, дружескую погу, на которой утверждался съ каждымъ днемъ больше и больше и продержался благополучно до конца, чemu доказательства будуть представлены ниже.

Со студентами же я сталъ воевать съ первого дня вступленія моего въ Академію, замѣтивъ, что студенты способны къ небрежному со мною обращенію или даже къ враждебнымъ противъ меня выходкамъ. Такъ, помнится, въ первый же день моего пребыванія въ Казани, одинъ студентъ, столкнувшись со мною въ коридорной двери, не только не

посторонился, но, пробывав впереди меня, кинулъ мнѣ дверь подъ носъ. Когда въ первый и последній разъ вечеромъ однажды пошелъ я по студенческимъ комнатамъ, одинъ студентъ (Владимиръ Соколовъ) на самый невинный мой вопросъ сталъ говорить какимъ-то возбужденно-раздражающимъ тономъ; я сдержался и пошелъ дальше. Въ другой комнатѣ другой студентъ (Охотинъ) сталъ въ отношеніи ко мнѣ въ такую небрежную позу (съ руками въ карманахъ пиджака), вздернуль носъ такимъ вызывающимъ образомъ, заговорилъ такимъ раздражительнымъ тономъ, что тутъ уже и я заговорилъ: «Да откуда вы взяли становиться въ отношеніи ко мнѣ въ такую позу и говорить со мною такимъ тономъ, да съ чего? Чѣмъ я оскорбила васъ? Да я наконецъ 14 лѣтъ состою на службѣ (подразумѣвалось здѣсь почти столько лѣтъ, сколько вы живете на свѣтѣ). Съ этими словами я вышелъ и съ тѣхъ поръ въ присутствіи студентовъ никогда уже не ходилъ по ихъ комнатамъ.

Такъ какъ я началъ ходить ежедневно на утреннія и вечернія молитвы, то, тяготясь моимъ присутствіемъ и желая отъ него отдѣлаться, студенты вели себя предо мною нарочито несдержанно. На вечернія молитвы многіе не ходили, на утреннія ходили немногіе, а нѣкоторые (напр., Аркадій Цвѣтковъ) не ходили почти никогда, особенно же на утреннія молитвы. Къ дисциплинѣ заведенія относились особо небрежнымъ образомъ. Въ городъ изъ заведенія уходили во всякую пору дня и ночи, на моихъ глазахъ, это все равно. Уходили въ городъ, ходили въ баню на моихъ глазахъ во время классовъ. Къ богослуженію въ праздники ходили, но далеко не всѣ и не всегда. Въ аудиторіяхъ во время классовъ нерѣдко оставалось 2—3 человѣка; полностю же или въ составѣ по крайности благовидномъ студенты бывали на лекціяхъ только ректора архимандрита Никанора, бѣ бо сердить вельми, и профессора Русской Исторіи Петра Васильевича Знаменскаго, бѣ бо мудръ вельми и словесенъ, ну и немножко съ радикальнымъ закальцемъ; а у прочихъ наставниковъ бывало студентовъ отъ половины и ниже до 2 слушателей въ классѣ, индѣже до единаго. Кутежи въ Академіи были явленіемъ постояннымъ до ежедневности, и мнѣ не было нужды узнавать о студенческихъ дебошахъ со стороны, такъ какъ, при аммосовскомъ отопленіи академическихъ зданій съ соединенною съ нимъ вентиляціею, всѣ стѣны изрѣзаны были трубами, и въ ректорской квартирѣ весьма отчетливо слышно было почти все, что дѣлается у студентовъ, а студенты съ своей стороны не находили нужнымъ, напротивъ, считали унизительнымъ, прятаться. Ко мнѣ, въ мою квартиру студенты являлись съ разстегнутыми сюртуками, становясь полуобнаженными, заявлять,

что въ моихъ мѣропріятіяхъ то или другое имъ «не нравится», буквально. Съ этими заявленіями, что я имъ не нравлюсь, они приходили ко мнѣ три раза, пока наконецъ нѣкоему извѣстному сплетнику Валсенью Попову я, по поводу такого заявленія, не задалъ баталію; тогда перестали. Вообще же я возвысилъ противъ своеволія студентовъ гласъ свой яко трубу.

Къ концу Рождественской трети въ 1868 г. я собралъ конференцію изъ всѣхъ наставниковъ Академіи, при чмъ выразилъ конференціи свое недоумѣніе на такую постановку дисциплины въ Академіи. Конференція судила-рядила и ничѣмъ не кончила. Къ концу учебнаго года, къ каникуламъ 1869 г., по поводу положительного погруженія въ пьянственную страсть выше-поименованного студента Н. Охотина, я снова возвышалъ на полной конференціи голосъ свой противъ своеволія студентовъ; конференція, существеннѣйшіе члены оной, только руками развели, и больше ничего. Студенты, очевидно, били на рѣшительную свободу отъ всякой дисциплины, завоеванную себѣ студентами Университета и уступленную имъ правительствомъ; а наставники, по прежнему порядку, установившемуся въ д. Академіяхъ при прежнемъ Уставѣ, и себя самихъ въ строѣ академіи, особенно же дисциплинарномъ, считали безответственными, и ректора въ его настоящихъ поддерживать не считали себя обязанными. Тѣмъ не менѣе этотъ духъ упорства не выстоялъ.

Сокрушить этотъ духъ отрицанія дисциплины помогли мнѣ два обстоятельства: одно частное, домашнее, то именно, что совсѣмъ спившійся Охотинъ оказался пьянымъ въ Среду вечеромъ на Страстной, а въ Великій Четвергъ случайно найденъ мною въ безчувственно пьяномъ положеніи предъ причастіемъ. Тогда уже нашли неизбѣжнымъ задать ему и всему студенчеству баталію, уже не словесную, а письменную. А другое обстоятельство болѣе общее: введеніе въ Академіяхъ С.-Петербургской и Киевской нового Академического Устава съ учрежденіемъ отвѣтственныхъ и полноправныхъ совѣтовъ, которые сейчасъ же начертали для студентовъ самыя строгія дисциплинарныя правила, названные мною Драконовскими. Это сейчасъ же отразилось и у насъ въ Казани. Студенты поняли, что прать противъ рожна невозможно. Старшій курсъ, прожившій при мнѣ ровно два послѣднихъ года изъ четырехъ академическихъ годовъ, весело жили, весело и курсъ кончили. Но слѣдующій за ними курсъ вступилъ въ новую эру Академіи, уже преобразованной въ 1870 году, покорились Уставу самыми кроткими овечками, и въ самомъ дѣлѣ повели себя такъ сдержанно, такъ тихо, что мнѣ даже жаль ихъ стало....

Въ эту-то пору, когда я, одинъ я, вынесъ на своихъ плечахъ борьбу противъ духа цѣлой Академіи и все укротилъ безъ малъйшей ломки, когда и Совѣтъ наставниковъ и студенты ясно и твердо сознали необходимость поставить дисциплину Академіи въ положеніе твердо-попеченное, вдругъ отъ оберъ-прокурора получается форменная бумага: «по частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ ему сдѣжалось извѣстнымъ, что дисциплина въ Казанской Духовной Академіи находится въ совершенномъ упадкѣ, ректоръ противъ распущенности студентовъ не принимаетъ никакихъ мѣръ, отъ инспектора также нельзя ждать никакихъ мѣропріятій, потому что онъ человѣкъ старый и слабый».... Мы отписались по благости архиастыря нашего. Но отъ Юпитера-громовержца новые громы: «нѣть, ему-де совершенно извѣстно, что ректоръ положительно не принимаетъ никакихъ мѣръ». Эти грубыя и совершенно несправедливыя укоризны даже не огорчили меня, а напротивъ только оскорбили: вѣдь такой языкъ со стороны того же Толстого, какъ министра, невозможенъ былъ бы въ отношеніи къ ректору Университета, который завѣдомо былъ человѣкъ и старый, и слабый; но тотъ же графъ, какъ оберъ-прокуроръ, не задумывается употребить самый грубый языкъ въ отношеніи къ ректору Академіи, человѣку, какъ всѣмъ ближайшимъ вѣдомо, и не старому и въ извѣстномъ смыслѣ вовсе неслабому. Возмутила всѣхъ нась эта грубость, а мнѣ кромѣ налесенія оскорблений показала непрочность моего положенія.

Всѣ эти обстоятельства я изяснилъ въ отвѣтномъ посланіи преосв. Платону, указавъ между прочимъ на обстоятельство, о которомъ слышалъ нѣкогда изъ его собственныхъ устъ и которое осталось мнѣ крѣпко памятнымъ, именно, что на его памяти только два человѣка отказались отъ предложенного архiereйства, одинъ—Макарій Калязинскій, а другой—отецъ Аввакумъ Кигайскій; участіи ни того, ни другого по-завидовать я не могъ. Въ концѣ концовъ, въ заключеніи посланія къ преосв. Платону я предоставлялъ дѣло волѣ Божіей и усмотрѣнію многоопытнаго моего стараго благодѣтеля. Онъ не замедлилъ почтить меня увѣдомленіемъ, что онъ ходатайствуетъ о возведеніи меня въ епископскій санъ викаріемъ на Донъ, какъ человѣка даровитаго, дѣятельнаго и знающаго расколъ, о чёмъ онъ пишеть къ митрополитамъ Исидору и Арсенію Кіевскому и г. оберъ-прокурору Св. Синода. Мнѣ между прочимъ поручилъ сообщать ему, если я что либо узнаю объ общемъ нашемъ дѣлѣ изъ С.-Петербурга.

Произошло тутъ около этого времени повидимому незначительное обстоятельство, но такое, которое сдѣжало на меня извѣстное тревожное

впечатлѣніе. Воротимся нѣсколько назадъ. Когда, въ половинѣ Мая 1856 г. прибылъ я въ Ригу юнымъ ректоромъ и архимандритомъ, въ Ригѣ тогда ожидали прибытія Государя Императора. Около нашего владыки и преосвященнаго Платона, въ Ригѣ, какъ и вездѣ въ ту пору, озабочены были возможно-лучшимъ приемомъ Высокаго Гостя. Между прочимъ соборный ключарь, Фома Ивановичъ Зарницкій, озабочился и мною, именно въ какой митрѣ я долженъ выйти навстрѣчу Государю. Заказанная мною въ С.-Петербургѣ митра была еще неготова; въ Ригѣ же на первыхъ порахъ мнѣ пригнали митру изъ старенькаго зеленаго полинялого бархата. Ключарь говорилъ, что въ этой не годится встрѣчать Государя, а нужно надѣть посвѣтилъ митру, именно митру владыки изъ краснаго бархата. Почему и не надѣть? Но митра къ сожалѣнію оказалась велика на мою голову. Ключарь говорить, подложить ватою. Я заупрямился. Ключарь сталъ настаивать. Мнѣ не хотѣлось спорить: подложили митру ватою. Оказалось послѣ этого, что, когда стоишь прямо, митра висить на головѣ; но когда кланяешься, она шатается. Говорять: Вы осторожнѣй кланяйтесь. Я и думалъ осторожнѣе поклониться; но когда архіепископъ подвелъ къ намъ Государя и говорить: «имѣю честь представить Семинарію и ректора оной, я забылъ, чтѣ думалъ, и поклонился такъ усердно, что митра совсѣмъ пошатнулась и полетѣла бы къ ногамъ Государя, если бы я не подхватилъ ея руками и не придержалъ на головѣ. Государь, тогда прелестный почти молодой человѣкъ, улыбнулся кроткою ангельскою улыбкой.... Эта пустота облетѣла тогда всю Россію и серьезными людьми наприм., Анатоліемъ архіепископомъ Могилевскимъ, прината была какъ несчастное предзнаменованіе. Сбылось ли оно, нѣкоторымъ это известно. Тутъ случилось нѣчто подобное и именно въ первый день Новаго 1871-го года.

Въ этотъ день человѣкъ бываетъ невольно суевѣренъ. Я служилъ со владыкою Антоніемъ въ соборѣ. Послѣ обѣдни по обычаю пили у владыки чай, ради праздника по обычаю у владыки обѣдали. Послѣ обѣда зашелъ я сдѣлать доброму, но несчастному архимандриту Самуилу визитъ; послѣ него пошелъ съ визитомъ къ несчастному (и нельзя сказать также доброму) о. іеромонаху Сергію; отвизитовался, выхожу и сталъ надѣвать шубу. Только въ этотъ моментъ вдругъ вижу, что за диво? Нѣть коронки на моемъ Аннинскомъ крестѣ. Тутъ мгновенная невольная ассоціація идей, что-де потерялъ архіерейскую митру. Ну, Богъ съ нею, хотя въ Новомъ Завѣтѣ она по многимъ отюшеніямъ стбить первородства Исавова. Есть въ такой потерѣ своя грустная сторона. Но когда совсѣмъ надѣлъ шубу, смотрю, что за диво опять?!

Коронка у меня въ рукѣ.... Съ тревожнымъ предчувствіемъ именно относительно потери и обрѣтенія архіерейства поѣхалъ я домой въ Академію.

И не обмануло предчувствіе! Но порученію архіеп. Платона написалъ я къ И. А. Чистовичу, прося его послѣдить за ходомъ этого дѣла и въ случаѣ вступленія его въ какой-либо опредѣленный фазисъ извѣстить меня. И извѣстили! Содержаніе письма было слѣдующее: «Вы просили извѣстить о томъ-то; но я поведу рѣчь о другомъ, чтоб имѣть однакоже нѣкоторую связь съ вашимъ вопросомъ. Друзья ваши съ изумлениемъ и страхомъ за васъ прочитали вашу рѣчь при погребеніи академического сторожа. Удивляться можно, какъ она сорвалась съ вашего языка и пера; но еще удивительнѣе, что вы рѣшились выступить съ нею въ печать. Друзья рѣшились было по возможности затушить это дѣло молчаніемъ; но вдругъ къ сожалѣнію поднялась объ этомъ рѣчь въ высшихъ синодскихъ сферахъ. Митрополитъ говорилъ объ этомъ громко въ Синодѣ.—«Чтѣ видимъ? Чѣ дѣлаемъ? Не великаго человѣка погребаемъ, а малаго.... Осипъ Петровичъ вчера и днесъ той же! Въ этомъ видятъ не неприличіе, а кощунство. Ну и прочая.... Отругали таки достаточно. Я немедленно же сообщилъ объ этомъ арх. Платону, поставивъ свое сообщеніе такъ, что-де и «ваше в-ство изволили поручить мнѣ извѣстить васъ, чѣ речеть о мнѣ Господь устами рѣшающихъ нашу судьбу, речеть ли миръ на люди... И вотъ что изречено».... *).

Правду сказать, я, много разъ битый за свои письменныя, словесные произведенія, сталъ крайне трусливъ, когда рѣшаюсь что либо свое напечатать, или даже когда подаю высшей власти на цензурѣ писанную по заказу проповѣдь. Можно сказать, что въ отношеніи къ своимъ писаніямъ я потерялъ вкусъ, это чутье, за что могутъ и за что не могутъ побить: мнѣ всегда чуяется, что за все могутъ побить. Такъ, рѣшившись по обстоятельствамъ предать тисненію свою рѣчь надъ гробомъ юной супруги профессора Ивановскаго, я отважился напечатать ее не въ «Собесѣдникѣ», а только въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» и держалъ Извѣстія не выпуская въ свѣтъ больше недѣли, въ ожиданіи, пока просмотрѣть свой № архіеп. Антоній. И рѣшилъ выпустить только тогда, когда убѣдился, что владыка противъ моей

*) Поученіе при погребеніи Іосифа Петровича Самохвалова. Поученія, бесѣды, рѣчи, возвозанія и посланія Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, томъ V, стр. 355—358, изд. посмертное. Одесса 1891 г.

рѣчи не имѣть ничего. Тѣмъ не менѣе она и у насъ въ Казани и въ С.-Петербургѣ возбудила сильное словопрепіе: одни были въ восторгѣ и проливали надъ нею слезы, другіе видѣли въ ней не боязь какъ «ребячество» (буквальное выраженіе профессора Александра Ивановича Гренкова). Напечатавъ свою рѣчь, произнесенную при выпускѣ студентовъ въ 1870 г., я также трусила и также маневрировала, опасаясь особенно приговора архиеп. Антонія; но вместо того услышала отъ него: «У-у-у... какое вы сильное прочитали имъ внушеніе!... Назидательно!» Зато И. А. Чистовичъ обругалъ и ее, и меня крѣпко; а другіе, каковы профессоръ Нильскій и преосв. Павелъ, были рѣшительно за нее и за меня (какъ я теперь узналъ въ Петербургѣ). Произнесши рѣчь 15-го Августа того же 1870 г. при молебствіи по случаю введенія новаго Устава, я не посмѣла ее напечатать, опасаясь опять тронуть тонкое чувство владыки Антонія, который былъ сильно противъ новаго Устава; она напечатана только въ этомъ году властною и благосклонною ко мнѣ рукою правящаго нынѣ должность ректора Казанской Академіи Наѳанаила Петровича Соколова. Сказавши же эту рѣчь надъ гробомъ Осипа Петровича и напечатавъ ее единственно потому, что смерть его и похороны совпали со смертью и похоронами студента Дмитревскаго, для того, чтобы сообщить описание кончины Дмитревскаго его товарищамъ и роднымъ, я рѣшительно не воображала, чтобы такая незначительность могла обратить на себя вниманіе высшихъ Петербургскихъ сферъ и существенно мнѣ повредить.

Когда по случаю этой рѣчи полученъ былъ изъ Петербурга грозный афронтъ, я съ письмомъ И. А. Чистовича въ рукахъ пошелъ къ Наѳанаилу Петровичу, который былъ у насъ factotum, и редакторъ, и цензоръ, и правитель дѣла, и корректоръ по «Собесѣднику», и носилъ на своихъ плечахъ по этому дѣлу 20-лѣтнюю опытность. «Скажите, кинулось ли вамъ что либо въ глаза, когда вы читали мою рѣчь надъ гробомъ Осипа Петровича?» — «Ничего...» солидно отвѣчаетъ онъ мнѣ подумавши, «развѣ только первая фраза: «что видимъ...» подумалось, какъ бы не обратили вниманія». А потомъ махнулъ рукою: пустое! — «Вообразите, вѣдь въ С.-Петербургѣ въ Синодѣ нашли въ этой рѣчи кощунство!» Да... написалась эта фраза, какъ и вся рѣчь такъ себѣ съ плеча. Смерти Осипа Петровича ждали уже недѣли двѣ со дня на день; въ холерное время, страдая старческою диссентеріею, онъ былъ и для прислуги невыносимъ и для заведенія опасенъ, какъ бы не развили холеру; думалось, что похоронимъ его вмѣстѣ съ студентомъ Дмитревскимъ, который умиралъ отъ ревматизма; между тѣмъ Дмитревскаго надо хоронить, а стариkъ еще дышетъ; по лишь только юнаго молодца

склонили, мнѣ докладываютъ, что и старикъ поспѣлъ; а день—Суббота къ вечеру, завтра Воскресенье. Когда же хоронить? я спрашиваю. «А завтра, ваше вѣбіе», отвѣчаетъ комиссаръ, «зачѣмъ его держать?» Я согласился. Поутру пришло мнѣ на мысль повѣстить всѣхъ наставниковъ о смерти и быстрыхъ похоронахъ Осипа Петровича, такъ какъ онъ для Академіи былъ личностію нерядовою, но во многихъ отношеніяхъ всѣмъ памятною и почтеною. Затѣмъ, подумалось дальше, вотъ соберемся мы всѣ, вся Академія, хоронить кого? Сторожа! И ни единаго слова съ нашей стороны, чтобы объяснить это рѣдкое и довольно странное явленіе. Я сѣмъ уже предъ самою обѣднею и началъ набрасывать рѣчъ. «Что видимъ, что дѣлаемъ, о братія святаго храма сего... Не великаго человѣка погребаемъ, а малаго, Осипа Петровича, правленскаго служителя Казанской Духовной Академіи и. т. д.» Написано было съ доброю совѣстю, всѣмъ въ Академіи понравилось, какъ слово умѣстное и назидательное. И вдругъ кощунство!... Я написалъ къ Иларіону Алексѣевичу: «Кощунство противъ общечеловѣческой совѣсти вообразить, что я въ моемъ положеніи могу написать, сказать въ церкви и потомъ напечатать кощунство».

Впрочемъ самому себѣ я сознаюсь, что въ этомъ случаѣ достала меня невидимая рука таинственной Немезиды за давній грѣхъ. Извѣстно, что мы воспитались на исторіяхъ Смарагдовыхъ-Устряловыхъ, на одахъ Ломоносова и tutti quanti, выросли въ благоговѣйномъ преклоненіи предъ Петромъ, какъ предъ богомъ Россіи: «онъ богъ твой, Россія!» Вдругъ тотъ же Устряловъ печатаетъ ужасающія закулисности этого свирѣпаго царствованія. Вдругъ Семевскій разоблачаетъ цѣлые потоки, цѣлое болото крови, пролитой буквально рукою этого бога и цинической, вакхической, пріаповской грязи, заболтанной всѣми его членами и, во-первыхъ, изобрѣтательностію его истинно гигантски-геніальной (на всѣ отъ величайшихъ до подлѣйшихъ и позорнѣйшихъ штуки), головы. И вдругъ сей великанъ, устроивавшій въ Москвѣ гигантскія посмѣшища надъ вѣрою и церковію его отцовъ, умираетъ со словами, обращенными къ небу: «Боже, помилуй меня, хоть ради добра, которое сдѣлалъ я Россіи», словами, предъ которыми фарисейское: «нѣсмъ якоже прочіи человѣцы» только блѣдная тѣнь, и этотъ фарисей предъ Русскимъ царемъ, исполномъ добра и зла и самоувѣренности и самопо-клоненія, только ребенокъ, забавный Жидишакъ. И вдругъ единый изъ современниковъ, сверстникъ, клевреть, по плечу своему господину, Феофанъ льетъ надъ его гробомъ крокодиловы слезы: «Что видимъ, что дѣлаемъ, о Россіяне, Петра Великаго погребаемъ!».... Познакомившись лично со мною въ Саратовѣ, Семевскій прислагъ мнѣ изъ Петербурга

всѣ свои дивныя писанія объ эпохѣ Петра съ лестнымъ письмомъ. Ог-
вѣчая ему на это письмо, я выразилъ чувства ужаса и омерзенія, ка-
кія были тогда возбуждены во мнѣ, какъ и во всѣхъ мыслящихъ лю-
дяхъ, этими ужасающими и отвращающими открытиями, и между про-
чимъ по какой-то, не помню по какой, ассоціаціи идей спародировалъ
слова Феофана: «Что видимъ, что дѣлаемъ, о Россіяне, к-та великаго
погребаемъ!».... И вотъ оно, когда грѣхъ мысли и слова отозвался ка-
рою. Не судите да не судими будете! Не судите особенно людей, окру-
женныхъ, по дѣйствію Промысла, ореодомъ исторического величія. Пиг-
меи въ своей гражданской дѣятельности, вы пигмеи же и въ болотъ
вашихъ тайныхъ грѣхопаденій; а поставьте васъ на мѣсто Петровъ и
Феофановъ, то очень можетъ быть, что изъ васъ вышли бы только Ка-
ракаллы да Александры Борджіи, а Петровъ и Феофановъ не вышло бы
никакъ....

Господи, прости имъ и намъ великія наши прегрѣшнія и помяни
ихъ великою Свою милостію за ихъ истинно-великія дѣла, а насъ за
ними за наше цітожество!

Дѣло о моемъ архіерействѣ такимъ образомъ затормозилось, и
сверхъ того посыпались непріятности весьма разнообразнаго качества.
Прислалъ письмо преосв. Навель, викарій С.-Петербургскій, конечно
другъ, человѣкъ безспорно благорасположенный, письмо конечно пре-
благожелательное, тѣмъ не менѣе съ расчлененіемъ моихъ разнообраз-
ныхъ винъ по пунктамъ: 1) Владыка Исидоръ говоритъ: «вотъ докто-
ромъ его сдѣлали, а онъ пишетъ тамъ все какіе-то пустяки о своемъ
двуперстії; 2) Друзья боятся, какъ бы вы не воздумали выступить въ
свѣтъ съ особымъ печатнымъ изданіемъ вашего двуперстія, какъ вы-
ступили со вторымъ изданіемъ вашего разбора о главенствѣ, къ кото-
рому, впрочемъ, относятся хорошо. 3) Просказывается въ авдиторіи
предъ студентами. 4) Не смотрите за студентами и. т. д.. » Всѣхъ пун-
ктовъ 7 или 8. Я пишу ему, что о двуперстії я продолжаю писать по-
тому, что началъ писать и половину написалъ, еще будучи баккалав-
ромъ С.-Петербургской Академіи; что, продолжая заниматься этимъ, я
сдѣлалъ истинныя открытия; что у насъ по этому вопросу никто серь-
езно ничего не знаетъ, начиная съ первосвятителя Русскія церкви; что
да, дѣйствительно, я думалъ издать въ свѣтъ особое сочиненіе о дву-
перстії, а послѣ этого займусь приведеніемъ въ порядокъ своихъ ідей,
организовавшихся во мнѣ при преподаваніи основнаго богословія. На
это послѣдовалъ отвѣтъ съ другой стороны, отъ И. А. Чистовича.
«Слышно, что вы хотите издать особымъ изданіемъ ваше двуперстіе.

Друзья ваши опасаются, что доктору богословія это издание особой чести не сдѣлаетъ, что этому произведенію совершенно достаточно разъувидѣть свѣтъ на страницахъ «Собесѣдника». Н-ну-съ, разбить по всѣмъ пунктамъ, по административной части, какъ ректоръ, начальникъ Академіи (не могу смотрѣть за студентами), по іерархической части какъ кандидатъ на архіерейство (не сдержанъ въ словѣ и дѣлѣ и потому не благонадеженъ), наконецъ какъ докторъ богословія, ученый и профессоръ (пишу-де сочиненія, которыхъ не дѣлаютъ чести доктору богословія; дали Христа ради убогому человѣку, какъ и дѣльному, степень доктора богословія, а онъ кропаетъ тамъ какіе-то пустяки о двуперстії).

Читаю эти Петербургскія писанія преосв. Антонію. «Да не обращайтесь вы на нихъ никакого вниманія и не пишите къ нимъ. Дѣлайте свое дѣло. Писанія о двуперстії пустяки!.. Отчего же пустяки? Напротивъ, полезныя вещи. Сами-то они тамъ дѣлаются и пишутъ и выдумываются только полезныя вещи!» Говорю объ этихъ вещахъ нашему специалисту раскола Н. И. Ивановскому, а онъ замѣчаетъ категорически и весьма мѣтко: «Странное дѣло! Почему нужно отъ доктора богословія желать, чтобы онъ писалъ именно докторскія, а не просто полезныя вещи?» И плюнули бы вы въ Казани на этотъ Петербургъ и на его вѣтромъ нагоняемое мнѣніе. «Да бѣда, ваше в-во», возражая своему благостному и мудрому владыкѣ, «бѣда, что они начальство, сила. Наше мнѣніе о нихъ они легко могутъ презирать и охотно презираютъ. Мы же, положимъ, и охотно презрѣли бы ихъ мнѣніе, да нельзя: они сила».

Въ отвѣтъ на эту, можно сказать, жестко-безпощадную выходку моего старого друга И. А. Чистовича я отвѣтилъ чѣмъ-то еще болѣе жесткимъ на свой собственный счетъ, такъ что даже ему жаль меня стало; онъ понялъ, что пересолилъ и поспѣшилъ извиниться въ самыхъ не только теплыхъ, но и приличныхъ выраженіяхъ, сквозь которыхъ просвѣчивало, что «конечно, дружеское усердіе постегать по спинѣ, какъ скотину, солидного и превозрастнаго и высокопоставленнаго человѣка, какъ осла, все же не годится». Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ, что въ Синодѣ решено представить меня первымъ кандидатомъ на Донское викариатство.

Письмо это получено было вечеромъ въ Великую Субботу. Не могу сказать, чтобы я не принялъ его, какъ Богомъ ниспосланное мнѣ утѣшеніе къ такому великому и отрадному дню. Накопившаяся за все это время, отъ Рождества до Пасхи, тягота и горечь отъ сердца отпа-

ли. Съ другой стороны архиерейство не манило меня съ молоду, отвращало въ зре́лые годы мужества, стало пугать подъ старость. Но тутъ уже становилось ясно, что хочешь-не-хочешь, приходится вкладывать голову въ это ярмо. Накипѣвшая и за послѣдніе дни и за многіе годы борьба чувствъ разразилась свирѣпымъ истерическимъ припадкомъ въ первый день Пасхи за богослуженіемъ: утреню, которую совершаю я дома въ Академической церкви, я кое-какъ вынесъ; но за литургію, въ которой соучаствовалъ въ каѳедральномъ соборѣ, я истерически прорыдалъ отъ начала и до конца, такъ что послѣ обѣдни владыка Антоній предложилъ мнѣ вопросъ: «Что ужъ вы такъ?»—«Такъ, ваше в—во, нервы, истерики, болѣзньный припадокъ, не больше». Но тѣмъ не менѣе тутъ была пресложная смѣсь, а не одни нервы, смѣсь и нервовъ, и безсоницы, и истерики, и массы мыслей, навѣваемыхъ сколько и праздниковъ, столько же и воспоминаніями дѣтства (а пѣвчіе какъ нарочно пѣли то самое Веделевское «Да воскреснетъ Богъ», которое я пѣвалъ въ дѣтствѣ въ Могилевѣ въ 30-хъ годахъ и непостижимымъ путемъ услышалъ 30 лѣтъ спустя, гдѣ же? въ Казани!), а также предстоящею слишкомъ серьезною перемѣнною въ жизни, перемѣнною академического ректорства на викарное архиерейство, и наконецъ, взаимно сталкивающихся чувствъ, которыхъ въ свѣтлый день должны бы быть свѣтлыми и отрадными, но на дѣйствѣ въ моей душѣ всегда бываютъ смѣстью грустной отрады съ неисчерпаемою бездною тоскливой тяги назадъ ли, къ невинному восторженному дѣтству, впередъ ли, къ тихой могилѣ, въ которой рѣшатся или окончательно не рѣшатся всякие вопросы, всякие порывы тревожнаго духа.

Послѣ Пасхи дѣло объ архиерействѣ выяснилось. Въ отвѣтъ на пасхальное поздравленіе митрополиту Киевскому нашъ владыка Антоній получилъ отъ владыки Арсенія между прочимъ извѣщеніе, что ректора Казанской Академіи рѣшено назначить на Донское викаріатство съ приглашеніемъ, чтобы нашъ владыка занялся изысканіемъ кандидата на мое мѣсто.

Первымъ словомъ мы оба назвали...

Впрочемъ это, какъ мы съ преосв. Антоніемъ перебирали кандидатовъ на мое мѣсто, это къ моей исторіи относится, положимъ, стороною. Скажемъ только, что преосв. Антоній остановился на трехъ кандидатахъ: Киевскомъ Фаворовѣ протоіереѣ, Казанскомъ Александрѣ Поликарповичѣ Владимирскомъ протоіереѣ, и Виленскомъ ректорѣ архимандритѣ Августинѣ. Помнится, 16-го Мая, получилъ я отъ Иларіона Алексѣевича телеграмму: «Избрание ваше состоялось». Но потомъ опять пошли дни за днями, а дѣло не двигалось.

Со 2-го Июня по 16-е нашъ владыка предполагалъ уѣхать по епархіи, и распоряженія къ поѣздкѣ были уже сдѣланы, и маршрутъ объявленъ и напечатанъ; а указа нѣть. Наконецъ, ровно въ полдень 1-го Июня получилъ я изъ Свят. Синода пакетъ. Указъ Его Императорскаго Величества ректору Казанской Д. Академіи архимандриту Никанору: «Святейший Синодъ»...

А надо сказать, секретно я просилъ Иларіона Алексѣича, нельзя ли устроить, чтобы моя хиротонія совершилась въ Казани.

Отчего, зачѣмъ я просилъ объ этомъ? Такъ, какая-то боязнь и отвращеніе къ Петербургу. Въ Петербургѣ я объяснялъ это сравненіемъ: «скотина не любить палку, которою ее бьютъ».

На мое желаніе не обратили ни малѣйшаго вниманія, и когда я въ Петербургѣ въ хозяйственномъ управлениі заговорилъ объ этомъ Викентію Захарьичу Маньковскому, то старый придворный Константина Константиновича Платонова далъ мнѣ преубѣдительно понять, что я говорю нѣчто неумѣстное и неосторожное: «Ахъ, ваше высоко—бѣ, ра-адоваться должны, что сюда-а вызвали. Людей посмотрите, ва-асъ увидять. Ра-адоваться нужно, благодарить Господа». Хорошо-съ!

Съ указомъ въ рукахъ поѣхалъ я къ своему благостному владыкѣ Антонію въ загородный домъ, поспѣшая тѣмъ болѣе, что онъ жилъ въ Казани послѣдній день, а назавтра въ раннєе утро предполагалъ уѣхать по епархіи. Я поклонился ему въ ноги, благодаря за всѣ милости; онъ поздравилъ, какъ умѣеть дѣлать это только онъ. Я по своей слезливости прослезился, и у него появились красные круги около глазъ: «Дай Богъ... Душевно поздравляю... хотя и жаль... и прочие весьма немногіе некруглые, отрывчатые, но полные душевной полноты глаголы. Успокоились, стали разсуждать о дѣлѣ. «Не получать», говорить, «указа». Должно-быть, въ городѣ. Къ вечеру я туда перѣѣду. Какъ быть? Когда вы намѣрены уѣхать?—Не раньше 16-го Июня, дня возвращенія вашего в—ва въ Казань, потому что и экзамены идутъ, и годичный курсъ не кончился, и постройки только еще должны начаться; и скажутъ: экъ его—обрадовался! Не дождался даже конца экзаменовъ.—Да, и я такъ думаю; а выраженіе указа—прибыть въ Петербургѣ немедленно—просто казенная фраза, не болѣе. Потомъ опять стали разсуждать о кандидатахъ на мое мѣсто. Пообѣдавши, разстались съ тѣмъ, чтобы вечеромъ пожаловать я къ нему въ городской домъ переговорить и проститься. Вечеромъ порѣшили на томъ же, что рѣшено было утромъ.

Указъ владыка получилъ, и явно было, что въ ночь намѣренъ написать къ митрополиту Исидору, рекомендую съ своей стороны кандидатовъ на занятіе мѣста ректора Казанской Академіи. 2-го Іюня рано поутру онъ выѣхалъ изъ Казани.

Я сталъ собираться къ отѣзду. Въ чемъ должны были состоять сборы? Служебныя дѣла свои вѣль я въ порядкѣ. Казенные книги сдалъ быстро (6, 7 Іюня кончились у насъ послѣдніе экзамены). 10-го Іюня сказалъ я свою прощальную рѣчъ, которая составляетъ мою *profession de foi*, въ которой высказаны смѣлые вещи, кои Наѳанаиль Петровичъ и имѣль великолѣпие напечатать по моемъ отѣзду. Сдѣлано было небольшое количество визитовъ, т.-е. къ преосв. викарию, ректору Семинаріи, небольшому количеству духовныхъ лицъ Казани и своимъ академическимъ всѣмъ.

Прощанье съ нашими академическими было для меня глубоко-трогательно и осталось для меня, смѣло могу сказать, драгоценѣйшимъ изъ воспоминаній моей жизни. Я смотрю на нихъ, какъ на людей наиболѣе развитыхъ, серьезныхъ, сознающихъ свое достоинство, дающихъ вѣсь своимъ словамъ и поступкамъ. Въ выраженіяхъ къ чувству вижу, конечно, болѣе солидной сдержанности, чѣмъ мѣшающей высказаться говорливости, и уже конечно ни тѣни заискиванья, котораго здѣсь и быть не могло. На первомъ при мнѣ въ Казанской Академіи публичномъ обѣдѣ 8-го Ноября я имѣлъ случай высказать, что меня вездѣ лучше провожали, чѣмъ встрѣчали. На этотъ разъ я не былъ обманутъ. Тутъ были трогательнѣйшия подробности. Иванъ Яковлевичъ и Августъ Гордѣевичъ, серьезно озабоченные, чтобы я преподалъ ихъ дѣтямъ свое благословеніе, обременивши себя тонкою деликатною заботою снять и вручить мнѣ фотографическую карточку всей своей семьи; эти—де-плачущіе, стараясь удержаться и скрыть слезы. Василій Васильевичъ Миротворцевъ и Александръ Александровичъ Некрасовъ; эта умѣющая и говорить, и многозначительно вздыхать, за себя и за своего умѣющаго краснорѣчиво молчать супруга (Петра Васильевича Знаменскаго) блестательная для моихъ глазъ юная Антонина Михайловна, заблаговременно уже «возненавидѣвшая изъ-за послѣдняго монаха всѣхъ возможныхъ женатыхъ ректоровъ». Особенно же поразило меня по рѣшительности выраженія прощанье со мною семейства профессора Михаила Яковлевича Красина. Ближайшій изъ профессоровъ, быть можетъ, по единству специальности, *по расколоудѣльному* собесѣдникъ мой Николай Ивановичъ Ивановскій, какъ-то проговорился и сталъ заговаривать не разъ, что Михаилъ Яковлевичъ и Анна Андреевна

собираются попоить меня добрымъ винцомъ, такъ въ небольшомъ кружкѣ.

А надобно сказать, что когда стало официальнымъ фактомъ, что я перестаю быть ректоромъ Академіи, исправляющій должностъ ректора старѣйший изъ помощниковъ его и профессоровъ Наeanailъ Петровичъ Соколовъ предложилъ мнѣ оть лица Академической корпораціи обѣдь. Я, напередъ обдумавши и рѣшившись, столь же энергически отказался, сколько Наeanailъ Петровичъ рѣшительно настаивалъ. «Да почему?» Почему? Знаете, я съ какою-то трусостю приступаю къ принятію па себя архіерейства. Мнѣ такъ и думается, что вотъ-вотъ выйдетъ какое-либо несчастіе, которое превратить все мое дѣло во Всероссійскій скандалъ. Мнѣ и такъ уже изъ одного города пишутъ, что тамъ публично изумлялись назначенію меня въ архіереи и говорили, что я предъ самымъ посвященіемъ долженъ наговорить, натворить, вообще пакураlesить чего либо такого, что поможетъ дѣлу моего архіерейства кончиться срамомъ. Боюсь, какъ бы изъ нашего обѣда не вышло какой-либо сплетни, которая добѣжитъ до Петербурга или даже тамъ и составится. Изъ того, если обѣда не будетъ, бѣды не выйдетъ никакой: скажутъ, что Академическая корпорація была такъ великодушна, предлагала обѣдь, а ректоръ такъ страненъ-трусливъ, что отказался, и только; а изъ обѣда можетъ выйти сплетня и т. п.

Наeanailъ Петровичъ допрашивалъ меня, не думаю ль я, что онъ-одинъ только оть своего лица предлагаетъ обѣдь, на что я отвѣчалъ ему: «не думаю, но тѣмъ не менѣе рѣшился поблагодарить свою братію и отказаться».

Такимъ образомъ и оказалось, что, вслѣдствіе неожиданного моего сопротивленія, обѣдь состояться не можетъ. Пробовали и другіе изъ нашихъ братій заговаривать обѣдѣ; но я возражалъ всѣмъ тоже, что и Наeanailу Петровичу. Вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ ѿдѣмъ по приглашенію съ Н. Ив. Ивановскимъ къ Михаилу Яковлевичу. Встрѣчаетъ вся семья. Садимся. Садимся съ Анною Андреевною за шахматы. Исторія моего шахматоигранія. Въ шахматы я игралъ какъ студентъ Академіи и былъ побиваемъ; какъ баккалавръ съ 1851 по 1856-й г. не помню, чтобы когда либо игралъ; какъ ректоръ Рижской Семинаріи съ 1856 по 1858 г. никогда не игралъ; въ Саратовѣ въ семь лѣтъ сыгралъ нѣсколько разъ съ однимъ человѣкомъ женска пола и всегда почти былъ побиваемъ; въ С.-Петербургѣ съ 1864 по конецъ 1865 г. случилось нѣсколько разъ тоже; въ Витебскѣ въ три года сыгралъ только нѣсколько игръ да, одинъ разъ на имянинахъ у наставника Николая Васильевича В—ва. Вижу, послѣ обѣда играютъ въ шахматы;

подсыпъ и я, и гордаго своимъ шахматовѣдніемъ, помнится, Михаила Ивановича Лебедева, разбилъ въ пухъ; много упражнявшагося хозяина разбилъ въ пухъ и постыдилъ при всѣхъ; изучавшаго шахматологію научно доктора Гартмана посрамилъ такъ, что отъ сраму, не зная куда глаза скрыть (а горы и холмы не падали на него, чтобы прикрыть срамоту лица его), въ туже минуту уѣхалъ. Въ Казани не игралъ никогда, но въ послѣднюю пасху заѣхалъ къ институтскому законоучителю протоіерею, вижу—шахматы. Играете?—«Играемъ-сь», бойко отвѣчаетъ. Можно сыграть? «Можно-сь», бойко отвѣчаетъ. Я сажусь разставлять шахматы. «А умѣете разставлять?» вопрошаютъ бойко. «Учили-ся», скромно я отвѣчу. «Ну, такъ и мнѣ разставьте, а я вотъ займусь по хозяйству». Вдовецъ, а хлѣбосоль; нужно было раскупорить бутылочку-другую. Сѣли, двинули по пѣшкѣ. «А, по всѣмъ правиламъ!» бойко замѣчаю. Я молчу и двигаюсь дальше. Двигались, двигались, и—шахъ и матъ! «Ахъ», всхватывается о. протоіерей, хватаясь за длинные свои волосы; ну, это такъ удалось, я невнимательно игралъ. Сыграемъ другой разъ». «Сыграемъ», говорю я скромно. «Надо же отомстить».—«Надо». Присѣли, сыграли. И второй матъ былъ для моего партнера еще большею неожиданностью. «Ну, ваше в-біе, вы изучали-сь игру». «Нѣтъ, не изучалъ».—«Да какъ же такъ?»—«Природное дарованіе», отвѣчу я скромно. А о. протоіерей считалъ себя чуть не первымъ игрокомъ въ Казани. Онъ былъ какой-то двоюродный протоіерею Андрею Гурьичу Ласточкину, родителю моей партнерши Анны Андреевны, и уступалъ иногда въ игрѣ развѣ только Андрею Гурьичу своему свояку, который былъ побиваемъ развѣ только Анною Андреевною, своею милою дщерію, такъ что Анна Андреевна, кроме одолѣвающихъ силъ присущихъ ея полу, была и по искусству чуть не первый шахматобійца по Казани. Не помню, гдѣ въ первый разъ мы съ нею сразились. Увы! Анна Андреевна была побѣждена. Сразились второй разъ у Ал. Ив. Гринева: тамъ побѣжденная разъ или два, въ третій разъ она пріобрѣла нѣкоторое равновѣсие силъ, попросту—игра кончилась ничѣмъ. Въ этотъ вечеръ у нихъ это былъ послѣдній случай нашей шахматной борьбы: тутъ первый разъ я побѣдилъ, а второй разъ Анна Андреевна наконецъ меня побила. На этомъ мы съ нею и покончили. Но это такъ себѣ, эпизодически.

А дѣло въ томъ, что начался семейный вечеръ. Слово за слово. Напились чаю, поставили разнообразныя слости, подошелъ стариkъ отецъ Андрей Гурьичъ, пить начали прямо съ шампанского. Выставили какие-то фамильные бокалы и кубки сребропокрытые, поизященные. Налили благородной влаги. Хозяинъ, почти 40 лѣтній профессоръ, поднялъ

свой бокалъ, съ лицомъ матово-блѣднымъ (господствующій у него кокорить), рукою отъ волненія дрожащею, и началь говорить голосомъ прерывающимся отъ приступавшихъ и подавляемыхъ слезъ. И не могу я все припомнить, и мнѣ самому неловко-совѣтно повторять, такъ какъ здѣсь на мой счетъ употреблены были выраженія сильнѣйшія; въ заключеніе говорено совершенно взволнованнымъ голосомъ: «память о васъ я передамъ моимъ дѣтямъ и внукамъ, чтобы и они помнили васъ и молились за васъ».... Какъ разъ около этой поры подошелъ старецъ-тестъ. Онъ поддержалъ зятя словами совершенно простыми: «знаете, ваше вѣбѣ, мнѣ и прежде нечего было искать въ васъ, тѣмъ болѣе теперь. И не свои слова я скажу, а то, что говоривали они тутъ (указывая на двухъ профессоровъ).... Вѣдь они тутъ частенько собирались и говорили совершенно свободно, не въ выносъ. Хорошій вы человѣкъ! И лучше васъ ректора не бывало. Дай вамъ Богъ всего хорошаго! Дай Богъ намъ увидѣть васъ своимъ Казанскимъ». Сими глубоко-сочувственными благословеніями и старыхъ и молодыхъ и малыхъ глубоко тронутый до умиленія, я и препровожденъ былъ изъ этого благословен-наго дома. Да благословить его Богъ нынѣ и присно!

Такъ какъ предыдущее я писалъ нѣсколько дней тому назадъ и серію прежнихъ мыслей забылъ, а перечитать свое маранье не хочется, то мы снова поставимъ тему, какъ устроился и состоялся прощальный обѣдъ, тогда какъ я отъ него энергически отказывался. А вотъ какъ. 10-го Іюня посѣгъ благодарственного молебствія по окончанію годичнаго круга ученія, всѣ наставники зашли ко мнѣ засвидѣтельствовать по обычаю свое почитаніе ректору. Здѣсь Наѳанаилъ Петровичъ, какъ и прочіе, стали предлагать мнѣ обѣдъ, равно какъ стали настаивать, чтобы я отказалъ Академіи свой большой фотографической портретъ. Я, какъ и прежде, поблагодарили и отказался. «Да почему вы на всѣ наши заявленія отвѣчаете отказомъ?»—«Вамъ извѣстно, я человѣкъ безъ заднихъ мыслей и говорю прямо. Обѣда я боюсь, какъ бы онъ не отразился въ Петербургѣ какою либо клеветою и сплетнею. А портретъ теперь оставить было бы нескромностью; но съ теченіемъ времени я спишу съ этой же фотографіи портретъ хороший масляными красками и вышлю. Когда же я на этотъ счетъ не быть господиномъ своего слова? Сказаъ и исполню, конечно, понимая, что предложеніе Академической корпораціи по этому предмету дѣлаетъ мнѣ великую честь». Такъ и разошлись. Но когда вышли всѣ, снова воротились ко мнѣ три профессора: Михаилъ Яковлевичъ Красинъ, Александръ Александровичъ Некрасовъ и Василій Васильевичъ Миротворцевъ съ заявлениемъ, что «надо, ваше вѣбѣ, дѣлать обѣдъ, какъ хотите. Положимъ, надо и-

для васъ, но для насъ. Чѣо скажутъ въ городѣ? Пойдутъ толки. Лучше сдѣлать». «Ну, хорошо, благодарю васъ; если вы совершенно настойчиво хотите, то что же я слишкомъ серьезнаго могу имѣть противъ обѣда? Мы напуганы Петербургомъ и трусливы. Но съ другой стороны мы и не дѣти же. Ну пускай ихъ тамъ поскалозубятъ, когда угодно, если болѣе полезнаго дѣлать имъ нечего». Тутъ я принималъ во вниманіе и другія точности. «Во первыхъ, все ли будутъ желать обѣда? Миѣ было бы прискорбно, если бы одинъ-два человѣка выбрали это обстоятельство случаемъ къ непріятной манифестаціи. Если обѣда не будетъ, какая миѣ тутъ потеря? Никакой. Но если обѣдъ состоится съ прискорбной манифестаціей, то для чего же подвергъ бы себя скандалу? Кромѣ того нѣкоторые изъ васъ разъѣзжаются сей часъ же въ разныя стороны; зачѣмъ же миѣ васъ стѣснять? Но если вы все этого хотите, то миѣ ничего больше не остается, какъ поблагодарить васъ. Я въ вѣшемъ распоряженій». Такъ и рѣшено: быть обѣду.

Междуду тѣмъ получилъ указъ о назначеніи въ Донскаго викарія и, рѣшившись отбыть на хиротонію не ранѣе 16—17 Июня, я написалъ въ Петербургъ къ преосв. Павлу о причинахъ, по которымъ мы остановились на такомъ рѣшеніи. 12-го Июня къ вечеру я получилъ отъ преосв. Павла отвѣтъ. Въ отвѣтѣ значилось, что содержаніе моего письма онъ сообщалъ владыкѣ митрополиту Исидору; владыка сказаѣлъ, что слово прибыть немедленно, должно было понять въ совершенно буквальномъ смыслѣ,—что мое замедленіе задерживаетъ его въ Петербургѣ, такъ какъ онъ получилъ уже отпускъ, что я долженъ поспѣшить прибыть въ Петербургъ не позже 25 Июня; и тогда хиротонія моя можетъ состояться 29-го Июня,—въ противномъ же случаѣ она должна отложиться до Августа; впрочемъ, митрополитъ и совѣтуетъ миѣ прожить каникулы въ Казани, такъ какъ въ Академіи только что начались большія капитальная работы, надъ которыми лучше надзирать настоящему ректору, чѣмъ правящему должность ректора. Если бы это письмо получено было 12-го Июня поутру, до состоявшагося въ этотъ день послѣдняго при миѣ засѣданія Академическаго Совѣта, то, быть можетъ, я и остался бы въ Казани до Августа, такъ какъ сильно дорожилъ благополучнымъ началомъ работы исходатайствованной мною перестройки Академіи, и тогда само рѣшеніе этого вопроса въ Совѣтѣ пошло бы по другому пути. Но рѣшеніе это уже состоялось: я откланился Совѣту какъ переставшій быть ректоромъ Академіи; правящимъ должность ректора уже объявленъ, согласно резолюціи владыки, старшій изъ помощниковъ ректора Н. П. Соколовъ. Вороачаться назадъ было и не морально, и во всѣхъ отношеніяхъ неловко.—Я рѣшился быть

въ Петербургъ не позже 25-го Іюня. Съ письмомъ преосв. Павла въ рукахъ я отправился къ Н. П. Соколову и заявилъ ему, что нашъ владыка по маршруту долженъ быть въ Казани 16-го Іюня, 17-го нужно дать ему отдохнуть, 18-го нужно устроить закладку новыхъ построекъ въ Академіи и прощальный обѣдъ, а 19-го Іюня я исчезаю изъ Казани. Въ томъ же смыслѣ я телеграфировалъ и къ владыкѣ, и сталъ рѣшительно ликвидировать свои Казанскія дѣла и приготовляться къ отъезду.

Владыка преосв. Антоній своевременно прибылъ, какъ предполагалъ. Мы увидѣли его 17-го поутру и устроили дѣло, какъ предположили, т. е. упросили его пожаловать завтра 18-го Іюня на освященіе закладки и къ обѣду. Тутъ 17-го Іюня я у него послѣдній разъ предъ хиротонію обѣдалъ и простился.

Александръ Ивановичъ Гренковъ съ супругою Маріею Николаевною, доцентъ Александръ Васильевичъ Вадковскій и помощникъ библіотекаря Михаилъ Богословскій отправлялись со мною (конечно случайно, такъ пришлось) на одномъ пароходѣ до Нижняго и до Москвы. Ровно въ 8 часовъ утра пароходъ тронулся. Я стоялъ безъ шляпы, пока были въ виду мои почтенные сослуживцы; когда же разстояніе слило ихъ для моихъ глазъ въ неразличимую сѣрую массу, я сѣлъ на скамью и закрылъ руками лицо, облившееся слезами. Академія стала прошедшимъ. А меня жизнь несла впередъ—назадъ къ Петербургу, гдѣ было такъ много родственного моему сердцу, гдѣ все стало отъ времени такъ чуждо, отъ разныхъ случайныхъ вліяній даже враждебно.

На церѣездѣ отъ Казани въ Нижній помню и потому могу записать одинъ только разговоръ. Мои академические спутники ѿхали во 2-мъ классѣ, тогда какъ я ѿхалъ въ 1-мъ, поэтому я могъ встрѣтиться съ ними только изрѣдка на палубѣ. Въ 1-мъ же классѣ со мною ѿхалъ недавно бывшій Казанскій градскій голова Вараксинъ, очень богатый купецъ и почтенный, серьезный, хотя и малообразованный человѣкъ; кромѣ него какой-то молодой человѣкъ, Москвичъ, я принялъ его за богатаго купеческаго сынка, кончившій курсъ въ Московскому Университетѣ, знающій всю подноготную этого Университета, отлично образованный, понимающій и много видѣвшій, перениспытавшій человѣкъ; наконецъ мужчина среднихъ лѣтъ въ полу-военному костюмѣ, оказалось бывшій или настоящій исправникъ Нижегородской губерніи, Нижегородского уѣзда. Не имѣя привычки представляться своимъ случайнымъ спутникамъ, долго я не вмѣшивался въ ихъ общую бесѣду, особенно же въ бесѣду двухъ—Нижегородца и Москвича. Наконецъ слышу,

что ведется ими преупорно бесѣда о томъ, какъ весело, сыто, богато и вообще отлично живутъ Российскіе монахи. Разговоръ принималъ нѣсколько щекотливый, неумѣстный въ моемъ присутствіи оборотъ. Я вмѣшался: «Позвольте вамъ доложить, что я монахъ».—Они, конечно, спросили у Казанскаго нашего спутника и знали, кто я.—«Вы говорите о монахахъ, что они отлично живутъ. Вы какихъ разумѣли, ученыхъ чиновныхъ монаховъ или неученыхъ?»—«Всякихъ».—«Хорошо, станемъ говорить о неученыхъ».—«Ну, напр. у Сергія монахи очень много получаютъ денегъ», говоритъ Москвичъ.—«Вы хорошо это знаете?»—«Да, напр. нѣкоторые мои родные исповѣдуются у Сергія и даютъ тамъ изрядно».—«Допустимъ. Доходопъ монашескихъ въ Лавръ Сергіевой я не знаю; зато хорошо знаю доходы монаховъ Лавры Александро-Невской. Но говорю вамъ навѣрное, у насъ въ нашемъ мірѣ принято, что самая выгодная для монаховъ служба—это въ Александро-Невской Лаврѣ. Угодно вамъ знать, что тамъ доходы іеромонаха простираются среднимъ числомъ до 500 руб., немногимъ болѣе, немногимъ менѣе». «Да за одну исповѣдь даютъ по 25 р.»—«Хорошо, даютъ; да многихъ ли вы знаете, которые по стольку даютъ? А главное, многимъ ли даютъ? Обыкновенно въ Лаврахъ бываетъ по одному, по два духовника, особенно почтенные люди, старые, незазорной жизни. Они становятся центрами притеченія и стороннихъ не-Лаврскихъ исповѣдниковъ.

Не знаю, сколько въ годъ такие духовники получаютъ. Знаю только, что ихъ самихъ приходится на Лавру одинъ, два, много-три человѣка».—«Да монахи вообще такие упитанные».—«Вообще ли? Вы видите больше только Лаврскихъ. Скажу опять-таки, что лучшій столъ имѣется въ Александро-Невской Лаврѣ. Вы согласились бы весь вѣкъ не ѣсть мяса?»—«О, сохрани, Богъ!»—«Отчислимъ тѣ дни, когда монахи даже рыбы не ѣдятъ, т. е. цѣлый Великій посты, весь Спасовъ посты, недѣлю передъ Рождествомъ, среды и пятки Петрова и Филиппова постовъ и нѣкоторые еще особые дни. Вы на однихъ грибахъ да на капустѣ согласились бы просидѣть столько времени въ году?»—«О, сохрани, Богъ!»—«Хорошо. Столъ Александро-Невской Лавры я зналъ съ дѣтства, но въ 1864—65 годахъ я, уже въ санѣ архимандрита, чередного, сидѣлъ на этомъ столѣ въ продолженіе года и трехъ мѣсяціевъ. Вотъ его ежедневный составъ въ мясоѣдъ, не говоря о постахъ: ежедневно щи со снѣтками или рыбною затиркою, холодное—кусокъ соленой рыбы, уха или супъ съ рыбью и каша. Годы и сидячая ученая жизнь испортили мой желудокъ. Обыкновенно изъ этого стола первого и послѣдняго блюда я не ѻль, а питался только двумя средними. А вы какъ, согласились бы жить на такой порціи цѣлый годъ?»—«О, со-

храни Богъ!» — «Монахи дебелы.» — «Сказать отчего? Въ Лавры принимаютъ людей только съ талантами, большою частью голосистыхъ. Голосистый человѣкъ, почти всегда, бываетъ хорошо развитый крѣпкій организмъ,—особенно басы. Замѣтьте, сколько часовъ въ продолженіе дня монахъ стоитъ на ногахъ. Разумѣю опять Лавру С.-Петербургскую. Въ будни въ 4 часа утрена, идетъ она 2 часа, многіе изъ нихъ должны служить раннія, или прислуживать при нихъ, въ тоже время многіе изъ нихъ бываютъ панихидные, молебенные; къ полудню должны всѣ отстоять позднюю обѣднюю $1\frac{1}{2}$ часа, служащіе должны отстоять вечернее утреннее правило; въ праздничные дни должны отстаивать или утреню 3—4 часа или съ вечера всенощную столько же времени. Отекъ ногъ отъ стоянія, расширеніе ножныхъ венъ—это монашеская болѣзнь. Попробуйте повести такой образъ жизни одну недѣлю,—посмотрѣль бы я, что вы къ концу ея почувствуете въ ногахъ. Почувствуете, что ноги ваши отяжелѣли. У монаховъ ноги всегда, особенно къ старости, тяжелы. Моціона у монаховъ почти никакого, изъ монастыря выходить приходится рѣдко, прогулки не выносятъ отекшія ноги. При стоячей службѣ гигіена требуетъ, чтобъ человѣкъ больше лежалъ. И вотъ никогда непрогуливающійся, неимѣющій почти никакого моціона монахъ отстоялъ службу и ложится отдохнуть. Пища въ желудокъ положена непитательная, неудобоваримая, тяжелая, для сваренія желудка отецъ пропустить рюмочку водочки. И вотъ вамъ тучность къ зѣлымъ лѣтамъ, развивающаяся почти неизбѣжно вслѣдствіе негигіеническихъ условій быта, а вовсе не вслѣдствіе счастливой жизни». — «Да они превесело живутъ», говоритъ Нижегородскій исправникъ, «когда я бывало пріѣзжалъ къ настоятелю Оранской пустыни, такъ мы превесело время проводили.» — «А эта Оранская пустынь въ вашемъ Нижегородскомъ уѣзда?» — «Въ моемъ». — «Оно и понятно. Весело у настоятеля бывало, когда и именно потому что вы бывали. Вы приносили съ собою веселье и заражали настоятеля неволею быть веселымъ, а прежде всего предъ вами развернувшись». — «Да, самъ Нектарій хапаль». — «Какъ это хапаль?» — «Хапаль, ахъ какъ хапаль!» — Къ изумленію моему въ этомъ пункѣ стали поддерживать Нижегородца и Москвичъ, и даже Казанецъ. — «Кто, Нектарій? Ахъ, какъ хапаль! Ахъ, какъ хапаль!» — «Но скажите же Бога ради, какъ это Нектарій хапаль? Въ чёмъ состояло это хапанье?» — «Въ чёмъ», объяснялъ Нижегородецъ, «да вотъ въ чёмъ. Я исправникъ Нижегородскаго уѣзда, позвольте вамъ доложить. Вотъ и идеть распоряженіе отъ губернатора, заготовить Нектарію лошадей, бѣдеть по моему уѣзду. Получаю маршрутъ, ставлю лошадей. А вы знаете, что значитъ поставить по уѣзу подъ архіерея лошадей?» Тутъ я на минуту прерву моего оратора.

Переправляясь теперь въ Ново-Черкасскъ чрезъ Царицынъ, когда спустился я на пути изъ Саратова до Камышина, здѣсь въ Камышинѣ какимъ-то образомъ узналъ исправникъ, что на пароходѣ сидѣть иѣкій архіерей Никаноръ и счелъ любопытнымъ для себя посмотретьъ на меня. Разговорились. Между прочимъ онъ разсказываетъ мнѣ къ слову: «Былъ проѣздомъ губернаторъ князь Щербатовъ и говорить: готовьте тамъ-то и тамъ-то лошадей подъ архіерея, єдетъ моль. Я и говорю его сіятельству: «охъ, ваше сіятельство, лучше бъ я тутъ провелъ батальонъ солдатъ, чѣмъ одного архіерея. Горы извольте видѣть, косые спуски буераки, и тутъ извольте спускать да поднимать, да вытаскивать его карету; порѣжешь лошадей, измучишь людей, самъ выбѣшься изъ силъ, и радъ, радъ еще, коли вездѣ поможешь бѣдѣ. А то бываетъ—моченьки нѣтъ». Теперь обратимся къ нашему Нижегородскому оратору: «Вотъ,—говорить я и поставилъ по уѣзду по маршруту лошадей. А онъ, Нектарій-то, доѣхалъ только до Оранской пустыни, ха-апнуль, знаете, да и былъ та-ковъ, дальше не поѣхалъ, боленъ моль».—«Опять таки,—вопрошаю,—я не понимаю, какъ это онъ, доѣхавъ до Оранской пустыни,—ха-пнуль! Какъ вы говорите?»—«Да, Нектарій хапалъ, хапалъ, охъ, какъ хапалъ!» поддерживаютъ Нижегородца Москвичъ и Казанецъ.—«Тамъ же есть вѣдь настоятель,—добиваюсь я,—казначай, братство, завистливые глаза, злые языки, приходо-расходныя книги. Не понимаю, какъ это можно прїѣхать въ пустынѣ, хапнуть и удрать?»—«Какъ, я вамъ скажу. Да просто приказалъ казначею, чтобы было ему столько-то тысячи къ отѣзду въ Петербургъ».—«Опять-таки не понимаю; да вѣдь казначай не дастъ?»—«Какъ не дастъ? Да монастырь-то архіерейскій; самъ же онъ и настоятель».—«Ну, во-отъ, такъ давно бы вы и сказали! Архіерей настоятель пустыни! Такъ какое же, видите вы, тутъ хапанье? Вѣдь всякому настоятелю не-общежительного монастыря, будь онъ простой строитель-іеромонахъ, принадлежитъ въ монастырѣ третья часть доходовъ.

Преосв. Нектарій бралъ свое. И этотъ преосвященный, Филаретъ, безъ сомнѣнія получаетъ свою третью часть. И вотъ на такомъ-то основаніи, просто не понимая нашихъ ни законовъ, ни обычаевъ, вы кричите: Нектарій хапалъ! Позорите имя достойнаго іерарха. И мнѣ удивительно, что именно это имя Нектарія окружное купечество избрало мишенью своего злословія. Впрочемъ, мнѣ понятна причина. Извѣстно, что онъ отнялъ у Нижегородского купечества какія-то тамъ-лавки, что ли, и приписалъ ихъ къ архіерейскому дому. И городское общество до сихъ поръ не можетъ простить ему это посягательство. Но если въ наше время архіерей осилилъ отобрать что-либо у обще-

ства въ пользу архіерейскаго дома, то при современnoй тенденциi свѣтскихъ обществъ отнимать у монаховъ, у монастырей, право Некстарія, значитъ, было бесспорное, иначе онъ ничего не подѣлалъ бы. А со стороны общества была только узурпациj права. И этого-то общество не можетъ ему простить, что онъ ограничилъ эту узурпациj. Ну и такъ далѣе. Вообще, это мое глубокое убѣждение, основанное на тысячахъ наблюдений, что свѣтское, вообще мірское общество относится къ нашему званію съ несправедливою неуважительностью, презрѣніемъ и даже отвращеніемъ. Такъ какъ я всегда бѣжу инкогнито безъ всякихъ вывѣсокъ моей исключительности, простымъ священникомъ, полу-монахомъ, то не разъ натыкался на возмутительное обращеніе, чему ниже и представлю примѣры.—До Москвы изъ Нижняго, въ той же компаніи, доѣхали мы благополучно. Въ Москвѣ, простишись со своими академическими спутниками, я только перебрался съ вокзала Нижегородскаго на вокзалъ Николаевскій, и 21-го числа съ 9 часовыми поѣздомъ двинулся къ Петербургу. Вотъ тутъ-то и былъ случай оскорбительного обращенія со мною, какъ съ монахомъ. Надо сказать, что пассажирскій поѣздъ уходитъ изъ Москвы въ Петербургъ въ 8 часовъ; дополнительный же къ нему, съ двумя только классами II и III, идеть въ 9 часовъ. Я поспѣхъ на 9 часовой поѣздъ и поѣхалъ во II классъ. На станціи Любань этотъ поѣздъ нагоняется и перегоняется почтовымъ поѣздомъ, отчего нашъ поѣздъ долженъ быть стоять здѣсь 54 минуты. Это было поутру уже 22 Іюня. Такъ какъ съ самой Москвы я не выходилъ изъ вагона, то здѣсь рѣшился воспользоваться долгимъ стояніемъ поѣзда, чтобы размять спину прогулкою по длиннымъ галлереймъ, идущими кругомъ грандіозной станціи. Гулялъ я больше по галлерей задней стороны, такъ какъ она была совершенно уединенна и на сѣверной сторонѣ совершенно тѣнистая, тогда какъ южная, людная, была облита лучами лѣтняго солнца. Смотрю, подходятъ сюда два господина, оба выглядываютъ чиновными икенно по желѣзнѣй дорогѣ людьми. Сначала стоять, посматривая на меня. Потомъ садятся. Ведутъ разговоръ очень громко и грозно..... «О, монахи!... Монахи!» кричить одинъ. «Да, если монастыри истребить нельзя, то шали-и-шь..... у меня монахъ... отрекся отъ міра».—«Сиди взаперти, а то.....» идуть сальные анекдоты..... «такъ, знаете, эта монахиня и убѣжа-а-ла...» И прочее въ этомъ родѣ. Въ тотъ моментъ, когда я прохожу вблизи и мимо собесѣдниковъ, они нарочно поднимаются голось и ввертываютъ какую-либо сальность. Я на нихъ преупорно посматриваю,—ничего не бывало, взглядами же не прошибешь, не смущаются. Наконецъ, наслушавшись скандаловъ, я сѣлъ на свое мѣсто. Двинулись. Смотрю—одинъ изъ господъ, рассказывающихъ эти скандалы, сидить въ одномъ со мною вагонѣ, въ

группѣ ново-поступившихъ воїжеровъ. Смотрю, поднимается и уходитъ, а затѣмъ входитъ въ сопровожденіи оберь - кондуктора осматривать билеты. Когда онъ вышелъ, я обращаюсь къ группѣ, съ которой онъ разговаривалъ: «позвольте, г. г., спросить васъ, кто этотъ господинъ?» — «Да ревизоръ при дорогѣ». — «Чтѣ значить ревизоръ?» — «Ревизуетъ билеты, чтобы кондукторы не возили безбилетныхъ» — «Ну, а какой онъ вѣры, православной?» — «Нѣтъ, такъ себѣ Энглишменъ. Знаете, есть такіе, развелась на Руси цѣлая порода иностранцевъ, которые на Руси рождаются, и старѣются, и умираютъ, и хорошо по-русски говорять, а вѣрѣ свой остаются Энглишменами или Нѣмцами». — «Ну, а много ли монастырей въ вашихъ окрестностяхъ?» — «Нѣтъ, здѣсь не слышно». — «Я такъ и понялъ. Этотъ господинъ и еще другой, котораго также я принялъ за служащаго при дорогѣ, подняли, мнѣ показалось, нарочно, чтобы я слышалъ, принимая меня за монаха, скандальный разговоръ о монахахъ. Да, они не ошиблись, я дѣйствительно монахъ, архимандритъ и бывшій ректоръ Д. Академіи. Прошу васъ, г. г., передайте этому господину, что тѣмъ менѣе отъ нихъ, какъ служащихъ при дорогѣ, путешественникъ можетъ ожидать оскорблений; я заплатилъ деньги за проѣздъ и имѣю право на неприкосновенное спокойствіе и, если не нарушаю уставовъ, на защиту моего права иуваженіе, особенно отъ служащихъ при дорогѣ, начиная отъ низшаго служителя и кондуктора и до начальника станціи, что, если бы ѿхала здѣсь собака, за которую заплачены на основаніи законоположеній слѣдующія деньги, то и ту они обижать не смѣютъ».

Чрезъ нѣсколько минутъ мой ревизоръ вошелъ и сѣлъ среди своей группы. Наклонившись ему рассказалъ, чтѣ я сказалъ: ничего, глазомъ не моргнулъ. А уже сѣдовласый мужъ. Чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ опять. Старѣйший изъ группы, къ которому я обращался, теперь обратился ко мнѣ: «Мы ему говорили, онъ говорить, что онъ ругалъ католическихъ монаховъ». — «Хорошо», возражалъ я, «я не имѣю никакого юридического основанія утверждать, что онъ оскорблялъ меня лично. Но они оскорбляли званіе, которое я ношу. Они видѣли предъ собою священника; а почему они могли думать, что я не архиерей? И между тѣмъ они явно нарочно оскорбляли мое званіе. Но извѣстно, это вещь рискованная, извѣстно, что въ Старой Руссѣ была свалка между военными и чинами свѣтскими, которые вздумали ругать военное званіе въ лицѣ офицеровъ. Ужели этому господину понравилось бы, если бы я предъ нимъ стала кричать, что эти Нѣмцы да Энглишмены не воруютъ у насъ на Руси наши деньги, а просто разбоемъ грабятъ? Они ругали католическихъ монаховъ! Вотъ во Франціи ругали, ругали,

да и доругались до того, что стали стрѣлять монаховъ: такъ ужели же мы на Руси хладнокровно должны видѣть и слышать распространеніе подобныхъ идей? — Мой баринъ, видя, что разговоръ принимаетъ щекотливый оборотъ, замѣчаетъ: «Вы нась просили сказать этому го-сподину; мы ему и сказали». — «И благодарю васъ,—говорю я,—я за-говорилъ объ этомъ предметѣ только потому, что встрѣчаю на своемъ вѣку не мало подобныхъ опытовъ,—что нашему брату, облеченному священнымъ саномъ, шагу нельзя ступить по нашимъ путямъ сообще-нія, чтобы не наткнуться на оскорблѣніе со стороны какого-либо гру-баго и невѣжественнаго человѣка». Тѣмъ разговоръ кончился и не во-зобновлялся, тѣмъ болѣе, что скоро мы очутились въ Петербургѣ.

Ну и что же Петербургъ, старый другъ, вторая или даже первая моя родина? А чтѣ Петербургъ?.... Произвѣль на меня блистательное впечатлѣніе. Вообще въ Петербургѣ, во всю мою бытность отъ 22 Июня по 14-е Іюля, погода стояла превосходная, до 4—5 Іюля даже положительно знойная. Съвъ въ крытую пролетку, я скоро очутился въ Лаврѣ. Все тоже. Иду къ кельямъ намѣстника. Звоню, никто не отпи-раетъ. Жду. Приходить человѣкъ. «Вы къ отцу-намѣстнику?» — Да. — «Да его нѣтъ, онъ уѣхалъ». — Куда? — «Въ Воронежъ» — А кто же пра-вить должность намѣстника? — «Казначей о. архимандрии Филиппъ». — А, старый знакомый. — О. Филиппъ объявилъ мнѣ, что меня ждали давно, что квартира давно готова, но не подъ звѣздочкой, гдѣ посе-лился теперь секретарь владыки, а въ прежде бывшей квартирѣ о. Ав-вакума. — А, знаю. Туда въ туже минуту я и отправился. Скоро подъѣхалъ съ вещами и Артемій, мой келейникъ. Къ изумленію своему я встрѣтилъ въ Лаврѣ большую прѣдупредительность къ своему лицу. Данная мнѣ квартира была достаточно вычищена, обставлена необхо-димою мебелью, снабжена даже необходимыми для житія предметами, какъ-то тюфякомъ, подушками, самоваромъ и т. д. Неожиданная пре-дупредительность эта объяснялась однакоже особыннмъ вліяніемъ моего покровителя преосв. Павла. Забравшись въ новоотведенную квартиру, только лишь сталъ я приводить себя въ порядокъ, т. е. мыться, чесаться, одѣваться, какъ является келейникъ владыки-митро-полита съ приказаниемъ: «пожалуйте къ владыкѣ». Я изумился даже тому, какъ могъ такъ скоро митрополитъ даже узнать, что я прибылъ, а не только, что требовать меня къ себѣ. Загадка объяснилась одна-ко же тѣмъ, что, идя по дѣламъ къ владыкѣ, случайно узналъ о мо-емъ прибытіи преосв. Павель, и конечно сказалъ эту новость, кото-рая, какъ оказалось, интересовала владыку по особенному совпаденію обстоятельствъ. Келейнику владыки я отвѣтилъ, что сейчасъ пожалую

и въ ту же минуту вручилъ ему на всю братію митрополичихъ келейниковъ 10 руб. Вообще этотъ вопросъ этихъ назойливыхъ Петербургскихъ поздравлений, приносимыхъ Петербургскою Синодскою, Лаврскою челядью шокировалъ меня такъ, что я рѣшился разсѣчь гордіевъ узелъ своею своеобычностью. Вручая 10 руб. келейнику, я выразилъ желаніе, чтобы его братія не беспокоила меня поздравленіями. Черезъ нѣсколько часовъ прикатилъ пока одинъ отъ лица прочихъ и Синодской курьеръ съ поздравленіемъ. Но я, поблагодаривъ его за поздравленіе, вынесъ и далъ ему прочитать нижеслѣдующее расписаніе:

1) Келейникамъ его высокопреосвященства.	10 р.
2) Лаврскому разсыльному.	1 ,
3) Лаврской прислугѣ (по преимуществу повару, привратнику и банщику).	5 ,
4) Швейцару резиденції г. оберъ-прокурора.	1 ,
5) Прислугѣ канцеляріи оберъ-прокурора.	5 ,
6) Швейцару камеры Св. Синода.	1 ,
7) Прислугѣ Синодальной канцеляріи.	5 ,
8) Прислугѣ Хозяйственного Управленія.	5 ,
9) Прислугѣ Духовно-Учебного Комитета.	4 ,
10) Прислугѣ Синодального Контроля.	3 ,

Итого.... 40 р.

Предъявивъ курьеру поздравителю это расписаніе, я отчеканилъ ему слѣдующую фразу: «По этому расписанію я разошлю, что слѣдуетъ, чрезъ Лаврскаго разсыльного. Затѣмъ прошу не беспокоить ни себя, ни меня. Прошу вѣсть передать это другимъ». И дѣйствительно, во всю мою бытность, Синодская прислуга не тронула моихъ дверей; приходила только прислуга Синодальной типографіи, но ушла ни съ чѣмъ. Въ самый день хиротоніи послѣ обѣда, когда я былъ въ совершенно благостномъ настроеніи, осмѣлились поздравить меня только келейники владыки-митрополита, и я велѣлъ выдать имъ по полтиннику на брата, итого 4 р. Да настойчиво усиливались поздравить меня сторожа Лаврскаго собора. Эти не разъ толкались въ мою дверь; однажды стали толкаться въ такую пору, когда я только что выходилъ изъ двери, и я снялъ имъ слѣдующую пѣсню: «Вы настойчиво толкаетесь. Ищете какъ бы права. На Лаврскую прислугу дано, чтѣдѣлъ я дать. Почему вѣсть обѣлили, не мое дѣло разбирать это. Вы не нищіе, я не богачъ. Одѣлить всѣхъ бѣдныхъ людей я не могу. Если же вы еще побездоконите меня, то пожалуюсь». Впрочемъ въ день отѣзда изъ Петербурга я выдалъ на нихъ 2 руб. Итого на этого

рода гратуляци вышло 46 руб. Остальные свои расходы приблизительно я замѣчу въ своемъ мѣстѣ.

Не успѣлъ я одѣться и выйти изъ своей кельи, да запутался еще въ выходахъ, такъ какъ нѣкоторые проходы въ Лаврѣ закрыты, какъ бѣжитъ второй посланецъ: «Пожалуйте же ко владыкѣ, владыка ожидаетъ». — Иду, иду, какъ видите. — Вхожу въ прихожую. «Пожалуйте», говорятъ. Вхожу въ пріемную. «Пожалуйте». Вхожу въ залу. «Пожалуйте», говорятъ, «прямо въ кабинетъ». Вхожу, крещусь, кланяюсь иконѣ, кланяюсь владыкѣ въ ноги. Сидѣть въ углу на диванчикѣ, въ рясѣ съ тремя звѣздами, въ клобукѣ; приподнялся полубокомъ, изъ-за стола благословилъ, опустился на диванъ, сѣлъ.

Нѣсколько въ сравненіи съ 1864—65 годами утончился; но нельзя сказать постарѣлъ. Указываетъ противъ себя на стуль. «Присядьте-ка.... Ну, что вы такъ долго неѣхали?» Я объясняю. «Ну вотъ вы меня задерживаете, я отъ Государя Императора и отпускъ получилъ. Только ваша хиротонія останавливаетъ. Вотъ мы (синодалы) собираемся только разъ въ недѣлю по Средамъ. Такъ вотъ завтра бы (въ Среду) и совершилъ ваше нареченіе. Готовы ли вы?» — «При этомъ вѣдь требуется рѣчь?» — спрашиваю я. «Да, рѣчь», отвѣтствуетъ, «готова ли?» — «Писалъ кое-что». — «Ну да вѣдь и выучить нужно, потому что нѣкоторые конфузятся. Набываетъ тамъ этихъ свѣтскихъ». — Я хотѣлъ прочитать рѣчь по тетрадкѣ. — Надо сознаться, что это было мое намѣреніе. Объясняю его разнымъ лицамъ, я упираюсь на тотъ новаго времени обычай, что въ наше время императоры, короли, первые министры, президенты разныхъ собраній, академики за торжественными обѣдами свои напередъ обдуманныя, написанныя и взвѣшенныя рѣчи читаютъ; рѣчь при нареченіи есть рѣчь изъ наиболѣе обдуманныхъ и взвѣшенныхъ; ничего не могло бы быть натуральнѣе, какъ если бы произносишій волею — неволею не попадалъ здѣсь въ фальшивое положеніе яко бы импровизацію; да и кромѣ того разъ навсегда наша братія избавилась бы отъ крайняго положенія при приготовленіи и произношеніи этой рѣчи. Но какая же ново-модная идея можетъ помѣститься въ консервативной по естеству головѣ Россійскаго первосвятителя?!

«Ну вотъ», возражаетъ онъ,... прочитать... Такъ лучше совсѣмъ не нужно рѣчи... Объ этомъ у насъ дѣйствительно, было разсужденіе въ Синодѣ, чтобы совсѣмъ этихъ рѣчей не было. Гдѣ же ваша рѣчь? Принесите. — «Она у меня здѣсь, оставилъ въ прихожей». — «Ну, принесите». А я захватилъ съ собою и портфель и въ немъ написанную и переписанную еще въ Казани рѣчь.

Взглянула владыка-митрополитъ Исидоръ на мою рѣчь. «О-о-о, большая!»

Это проповѣдь настоящая! И начинается текстомъ. Надо посмотреть... А то бы сегодня воть и повѣстки разослать къ членамъ Синода, что завтра нареченіе. Тогда хиротонію можно бы совершать въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла... Если же не завтра, то нареченіе въ слѣдующую Среду... Оставьте посмотрю». Я поднялся, взялъ благословеніе и вышелъ.

Отъ владыки-митрополита отправился я къ преосв. Павлу. Слово объ отношеніяхъ моихъ къ этому человѣку. Онъ изъ Тверскихъ, пріѣхалъ въ Академію въ числѣ, помнится, троихъ, которые были Самуилъ Васильевичъ Михайловскій, Павелъ Васильевичъ Лебедевъ и Петръ Лебедевъ, онъ самый. (Кажется, преосв. Феогностъ Астраханскій также ихъ землякъ, назывался, помнится, Иванъ Лебедевъ; впрочемъ имя и фамилію его помню нетвердо). Они по Академіи моложе меня курсомъ и первые по курсу мои слушатели-ученики. Когда юнаго баккалавра преосв. ректоръ Макарій ввелъ меня въ классъ, я сказалъ первую лекцію, такъ себѣ толково и вообще добропорядочно, но вторую о современномъ положеніи Православія и требованіяхъ отъ современной богословской православной науки сказалъ такъ, что мои слушатели на стѣну брались; изъ нихъ первый Петръ Лебедевъ. Съ тѣхъ поръ и осталась добрая память. Какъ иногда важно сказать хорошую лекцію! Сдѣлавшись изъ Петра Лебедева монахомъ Павломъ и определенный наставникомъ-помощникомъ ректора въ С.-Петербургскую семинарію, онъ былъ добрымъ, милымъ и дорогимъ собесѣдникомъ моимъ и собутыльникомъ, вообще прекраснымъ товарищемъ. Меня послали въ Ригу ректоромъ семинаріи, а онъ дѣлалъ свою карьеру въ Петербургѣ, былъ инспекторомъ семинаріи, потомъ переведенъ въ инспектора С.-Петербургской Академіи, тамъ подписался къ адресу всѣхъ наставниковъ обѣ увеличеніи содержанія, за что сосланъ былъ ректоромъ семинаріи въ Смоленскъ уже при митрополитѣ Исидорѣ. Изъ Смоленска Исидоръ же, хотя по воспоминанію и не долюбливалъ его, боясь, чтобы не поставили ректора-прѣторея, поспѣшилъ взять его къ себѣ ректоромъ въ С.-Петербургскую семинарію; отсюда скоро онъ поступилъ С.-Петербургскимъ викаріемъ и, заслуживъ общее расположение митрополита, оберъ-прокурора, С.-Петербургскаго духовенства и даже Петербургской близкой къ церкви и духовенству публики, назначенъ епископомъ въ Кишиневъ. Въ мою бытность въ С.-Петербургѣ это дѣло и состоялось. Онъ былъ всегда моимъ почитателемъ, другомъ и покровителемъ по воспоминаніямъ еще первыхъ годовъ моей службы. Второй разъ въ жизни мы встрѣтились съ нимъ въ Витебскѣ, когда онъ перебѣжалъ изъ Смоленска въ С.-Петербургъ и останавливался у меня; въ третій

разъ встрѣтились, когда я, назначенный, при сильномъ его содѣйствії, въ ректора Казанской Академіи,ѣхалъ въ Казань по желѣзной дорогѣ чрезъ С.-Петербургъ и останавливался у него. Четвертый разъ въ жизни мы столкнулись съ нимъ теперь при посвященіи моемъ во епископа и назначеніи его въ Кишиневъ. Кстати записать здѣсь слова владыки Исидора; когда кто-то сказалъ ему теперь: «зачѣмъ вы отпускаете отъ себя преосв. Павла?» владыка говорить: «вотъ когда меня отпускалъ изъ Москвы въ Полоцкъ владыка Филаретъ, то и говорить: «жалъ мнѣ тебя отпускать туда, да что дѣлать? Быть можетъ ты будешь такой же митрополитъ, какъ и я». «Такъ и я скажу: почему знать? Быть можетъ, преосв. Павель будетъ такой же митрополитъ, какъ и я».

Какъ и слѣдовало ожидать, преосв. Павель встрѣтилъ меня дружескими обѣятіями. За всѣми наставленіями и совѣтами, конечно, я обращался къ нему, равно какъ и за разнообразными, сколько явными, столько же и секретными, новостями.

Другими моими ближайшими собесѣдниками были чередные архимандриты Палладій, ректоръ Могилевской семинаріи, мой товарищъ по Могилевскому училищу и С.-Петербургской семинаріи, Павель Ганкевичъ, бывшій (по окончаніи курса въ Академіи) наставникомъ Могилевской семинаріи и священникомъ, потомъ по смерти жены—монахъ-инспекторъ, а затѣмъ и ректоръ той же семинаріи, 20 лѣтъ прослушившій на одномъ мѣстѣ, человѣкъ близкій ко мнѣ по многимъ отношеніямъ; а другой Іустинъ, ректоръ семинаріи Ярославской по Академіи товарищъ преосв. Павла, милый, ловкій Иванъ Охотинъ. Іустинъ при мнѣ утвержденъ викаріемъ Волынскимъ, а Палладій въ день моего нареченія, 30-го Іюня, избранъ во епископа Выборгскаго, викария С.-Петербургскаго. Разумѣется, томительнымъ вопросомъ дня и минуты была моя рѣчь. Чтобъ скажетъ владыка-митрополитъ. Въ этотъ самый день, 22 Іюня, онъ не сказалъ ничего, но на завтра, когда я стоялъ на ранней 7-часовой обѣди въ большой Крестовой церкви, когда обѣдня дошла еще только до Херувимской пѣсли, за мною пришли: «пожалуйте ко владыкѣ». Вхожу. Принимаетъ въ кабинетъ же, сидить на томъ же диванчикѣ, въ рясѣ нараспашку и безъ клубка. «Приядьте-ка... Ну вотъ читалъ... Эта рѣчь не годится... И изумляюсь я, какъ это вы стали на эту точку зреѣнія. Вѣдь это автобіографія. Такъ зачѣмъ же Св. Синоду знать, какъ вы тамъ въ дѣствѣ плакали, и рентгъ тамъ и проч?... Вѣдь здѣсь будетъ много стороннихъ, это значитъ себя самого отдавать на критику... И этотъ текстъ, егда бѣ юнъ... Вѣдь что идетъ къ Апостолу, то не обо всякомъ можно сказать... Да

и велика; вѣдь это цѣлая проповѣдь... Рѣчь должна быть въ четвертку, а вашего письма въ осьмушку не болѣе. По моему, изъ вашей рѣчи можетъ идти только вотъ это: самый конецъ. Надо написать другую... Вы знаете, какъ эти рѣчи пишутся, форма установившаяся: «ну изображеніемъ Св. Синода и утвержденіемъ Государя..., нѣсколько словъ, и довольно; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Потрудитесь».

Я взялъ благословеніе и вышелъ, правда, безъ особаго смущенія. Трудно было ожидать, чтобы эта рѣчь прошла. Тѣмъ не менѣе много тревожныхъ мыслей прошло чрезъ мою голову. «Вы знаете какъ эти рѣчи пишутся»... Очень, моль, знаю какъ, очень плохо пишутся, такъ что ихъ-то, эти рѣчи, никто въ Россіи и не читаетъ, до того они однообразны, пусты и скучны... Но не по одному самолюбію я не могу такъ написать, какъ эти рѣчи пишутся... Я не могу, неспособенъ такъ написать. Съ другой стороны я не могу, не долженъ такъ написать... Было время, и живые люди знаютъ это, что я не хотѣть быть архіереемъ; было время, что я говорилъ громко, что ни подъ какимъ видомъ не буду, не хочу и не могу быть архіереемъ, а теперь беру архіерейскій санъ... Долженъ сказать по совѣсти: «благодарю», да благодарю, «пріемлю», вотъ уже тутъ съ ограниченіемъ тревоги; «ничтоже вопреки глаголю», вотъ уже увы! ни подъ какимъ видомъ такъ просто. Именно я не могу сказать по совѣсти: «ничтоже вопреки глаголю». Нѣть, если бы добрая воля... Если бы не толкали въ шею... Если бъ не было грозы, что толкнуть въ шею именно въ извѣстную одну опредѣленную сторону, да, тогда: «возглаголаль бы вопреки»... Подождемъ вотъ времени, когда для архіерейства понадобятся люди близакіе къ семейству: нѣть, они непремѣнно станутъ вопреки глаголати... И это время недалеко, мы до него уже и дожили. Меня же, кому видно тамъ, толкали, толкали въ шею по цѣлой Россіи; теперь толкаютъ въ шею снова, выталкивая съ одного мѣста, мѣста крайне дорогое для моего сердца, и... запрещаютъ даже оговориться. Пиши, моль, какъ извѣстно эти рѣчи пишутся: «избраніемъ и утвержденіемъ... Мое недостоинство просить вашихъ молитвъ, не святые, но святѣйшіе отцы»... Этакое рабство, подумаешь; да и не граждански-житейское рабство, но моральное: пиши, какъ велять, говори, какъ требуютъ, думай какъ желають... И нельзя цошевелиться... И приказываютъ холодно, степенно, категорически, безъ тѣни помысла о какомъ-либо возраженіи... Но не могу же я. Нѣсмъ якоже прочіи человѣцы, не хищницы, праведницы, святые Божіи... Отъ меня, мытаря-либерала, доктора богословія не того ждетъ, съ позволенія вашего сказать, Россія... Ну

еще разъ запретите... Совсѣмъ запретите... Пусть совсѣмъ рѣчи не будеть. Но я не могу написать, какъ пишуть.

Но размышляй, какъ хочешь, ропщи сколько хочешь, а рѣчь писать надобно. А для писанія рѣчи нужно было выбрать удобное время, которое выбрать, когда не отъ себя зависишь, не такъ-то просто.

Это объясненіе со владыкою-митрополитомъ было 23 Іюня, въ Среду поутру. Въ этотъ же день нужно былоѣхать къ синодаламъ, оберъ-прокурору и синодскимъ генераламъ, такъ какъ въ этотъ одинъ въ недѣлю день они съѣзжались съ дачь въ С.-Петербургъ для присутствія въ Синодѣ. Начинаю съ Василия Борисовича Бажанова. Должили. «Дома, пожалуйте, минуточку подождите, вотъ здѣсь посидите». Занимается съ секретаремъ. Выходитъ. «Ну, поздравляю... Ну, что, какъ? Рады? Ну, что у васъ тамъ, въ Казани?»—Хорошо у насъ въ Казани.—«Въ Академіи?»—Хорошо у насъ въ Академіи.—«Ой ли?»— Да.—«Но вѣдь вотъ горе, скверный духъ у васъ въ Казанской Академіи».—Ахъ, ваше в-біе, вотъ горе, что здѣсь въ Петербургѣ повторяются старыя были и небылицы, чего или никогда не было, или было да прошло и слѣда не оставило. Духъ скверный... Не стану защищать прошлое; не знаю, не мое дѣло, но за настоящее ручаюсь честнымъ словомъ. Ни тѣни стародавняго духа отрицанія. Могу сказать даже, что наши академіческие студенты, сталкиваясь теперь со студентами Университета, держать противъ нихъ всегда контроверсію: тѣ продолжаютъ нападать на христіанство, на всякую метафизику, а наши защищаются и остаются побѣдителями, потому что наши основательнѣе.—«Пріятно слышать. Ну, а преосв. Антоній, какъ вы съ нимъ жили?»—Отлично жилъ.—А надобно сказать, что, когда, отправляясь въ Казань, въ проѣздѣ чреезъ Петербургъ, я представлялся Василию-Борисовичу, онъ далъ мнѣ предостереженіе: «Смотрите, опасайтесь преосв. Антонія. Съ этимъ вами труднѣе будетъ ужиться, чѣмъ съ кѣмъ-либо. Человѣкъ переходчивый, щекотливый, дядюшкою избалованный, выросшій подъ дядюшками крыломъ и т. д.» Василий Борисовичъ на мои слова въ похвалу преосв. Антонія опять изумился. Но я заговорилъ съ совершеннымъ воодушевленіемъ, такъ какъ въ Петербургѣ наиболѣе превратно представляютъ нашего преосв. Антонія; я послѣшилъ тутъ коснуться всѣхъ сторонъ этого благостнаго, высокаго-характера: «Преосв. Антоній, ваше в-біе единственный въ своемъ родѣ человѣкъ, святой человѣкъ... Человѣкъ, не собирающій о подчиненныхъ никакихъ сплетень, но христіански чуждающійся духа осужденія близкаго, старающійся видѣть въ нихъ скорѣе добрую сторону, чѣмъ ху-

дую. И судьба его такова, что къ нему ссылаются. Но у него, подъ вліяніемъ просто его присутствія, не только сдержаны, но чуть не святы и Сергій, и Самуилъ. И онъ никогда почти не даетъ ни совѣтъ, ни предостереженій, ни внушеній, ни выговоровъ. Благожелательность къ людямъ безпримѣрная. Все, что можно, онъ готовъ сдѣлать и сдѣлаетъ для ближнаго. И самъ гргоріо пото, сдѣлаетъ; и попросить, сдѣлаетъ. Къ Акѣеми благожелательность величайшая; вѣдь всѣхъ, кого могъ, онъ осыпалъ благодѣяніями. Ни на какія наши представленія отказа никогда. Онъ возражаетъ Св. Синоду противъ новыхъ уставовъ; но вѣдь онъ все исполняетъ, елико можетъ, и у него все жизнь и дѣятельность, что у другихъ звучное слово и мертвая буква. У него выборы благочинныхъ, сѣзды и все прочее, и все это не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Не говорю объ истинно-монашеской чистотѣ его жизни. Дѣло дѣлаетъ, не задерживаетъ ничего и рѣшаеть все быстро; сдѣлить за литературую, многое пишеть, въ тоже время ежедневно у всѣхъ Божіихъ службъ бываетъ неотложно, Антоній—молитвенникъ, ваше в-обіе». Минъ показалось, что подъ конецъ моей взволнованной рѣчи самъ Василий Борисовичъ былъ поколебленъ. Разставаясь съ нимъ, я сказалъ: «быть можетъ, ваше в-обіе, видимся послѣдній разъ въ жизни. Такъ примите же, ваше в-обіе, выраженіе глубочайшей моей признательности за все добро, какое отъ васъ я видѣлъ».

Отсюда я отправился въ Синодскій домъ на Литейной. Юрія Толстаго не было дома; швейцарь далъ лоскутокъ бумажки, на которомъ я расписался. Михаилъ Абрамовичъ Воскресенскій и Ненарокомовъ принимали; рѣчь и тамъ и здѣсь велась о томъ же преосв. Антоніи, что-де онъ все еще волнуется, все еще протестуетъ, все еще сочиняетъ возраженія на новые порядки; самолюбивъ очень, раздражителенъ». На эти насмѣшливыя, пренебрежительныя выходки Петербургской свѣтско-синодской власти я отвѣчалъ тому и другому, какъ и многимъ другимъ, что «нашъ оберъ-прокуроръ хочетъ быть современнымъ министромъ. Онъ реформаторъ, забирается въ своихъ реформахъ, широко и глубоко. И что же онъ реформуетъ? Церковь, учрежденіе наиболѣе неприосновенное. Что же мудренаго, если въ его широкой дѣятельности есть стороны, которыхъ не всѣмъ нравится? Если бы нашъ Синодъ былъ дѣйствительно Синодъ—соборъ, то, положимъ, что здѣсь были бы, и безъ сомнѣнія, были бы, сторонники оберъ-прокурора, лѣвая сторона; но были бы и центръ и правая сторона. Ну, положимъ, что преосв. Антоній составлялъ бы крайнюю правую сторону, крайнюю оппозицію; ну, что же тутъ преступнаго или страннаго? Не скрѣпѣ ли странно то, что въ этомъ, съ точки зрењія крайняго самовластія, находять странность?»

Рѣзкость моего тона пусть не изумляетъ, я выражался еще рѣзче, чemu будуть представлены примѣры, вообще прошелъ по Петербургу рѣзкою полосою. Иоанна Васильевича Рождественского, преосвященныхъ архіепископа Василія и Никандра, епископа Тульскаго (только что прибывшаго въ С.-Петербургъ) не засталъ. Зато протоіерея Іосифа Васильевича Васильева засталъ въ самомъ средоточіи его дѣятельности, именно въ Учебномъ Комитетѣ, и достаточно насладился его бесѣдою.

Темою бесѣды былъ опять же преосв. архіепископъ Казанскій Антоній съ его настояніями предъ Св. Синодомъ, чтобы въ Казанской семинаріи вмѣсто большаго числа уроковъ по Греческому языку часть этихъ уроковъ была отдѣлена, въ миссіонерскихъ видахъ, на преподаваніе языка Татарскаго; Комитетъ же, а лучше сказать сзади Комитета самъ оберъ-прокуроръ графъ Толстой, покровительствуя на словахъ миссіонерству, въ томъ числѣ и Казанскому, стоять за неприкосновенность Семинарскаго Устава: ихъ мысль—преподавай въ семинаріи Татарскій языкъ, сколько хочешь, только не трогай уроковъ, назначенныхъ для другихъ предметовъ, а татаршину свою преподавай вѣкъ-класснаго времени. Вообще говорить: «пусть преосв. Антоній изыщетъ пастырскія средства дѣйствованія на Татаръ», тогда какъ сами за правило приняли отказывать ему во всемъ, чтѣ онъ ни представлялъ бы на ихъ усмотрѣніе и разрѣшеніе.

И. А. Чистовича я думалъ застать здѣсь же; однако же его не было. Впрочемъ онъ не заставилъ себя ждать и самъ прикатилъ ко мнѣ въ Лавру.

Съ 23 на 24-е Іюня слушалъ всеношную, такъ какъ назавтра я, по старому знакомству, приглашенъ былъ настоятелемъ Ямской Иоанна Предтечи церквиprotoіереемъ Иоанномъ Константиновичемъ Яхонтовымъ сослужить въ ихъ церкви преосв. Павлу. Такъ какъ вторымъ архимандритомъ приглашенъ былъ о. Геласій, единственный въ настоящее время членъ Цензурнаго Комитета, то мнѣ вмѣстѣ съ нимъ и пришлось щѣхать къ литургіи и здѣсь во время переѣзда вести рѣчь о современномъ состояніи Цензурнаго Комитета: «Видите, что цензурный комитетъ таеть, какъ снѣгъ весною отъ лица огня, самимъ временемъ сводится на нѣтъ... Кто изъ членовъ умеръ, кто выбылъ, и остался азъ единъ, и ищутъ души моиа изъятии ю, другихъ не назначаютъ..... говорить, оберъ-прокуроръ и не желаетъ уже назначать монаховъ. Но новый Цензурный Комитетъ, говорить, будетъ соединенъ съ свѣтскимъ цензурнымъ комитетомъ и подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ. Оклады будутъ хорошие, не ниже 3000 р. Ну знаете, для такихъ оклад-

довъ найдутъ и людей получше нась. Монаха при комитетѣ не будетъ ни одного, это вѣрно; будутъ ли священники, неизвѣстно; а что свѣтскіе будутъ—это вѣрно».—А въ Синодѣ никто не возражаетъ?—Да кому же возражать? Имъ все равно: они членами Цензурнаго Комитета не будутъ.... И знаете, смѣшино, и жалко, и странно комитетъ—это я, я—это комитетъ. Вотъ я пишу: «въ Цензурный Комитетъ члена онаго такого-то представлениe или донесенiе... Это я самъ себѣ доношу или представляю.... Или журналъ: въ присутствiе комитета явились члены онаго такiе-то, архимандритъ Геласiй—и только».... Вообще о. Геласiй очень мило и остроумно подшучиваетъ надъ самимъ собой, т. е. надъ умирающимъ комитетомъ. Богослуженiе въ Ямской церкви шло величаво; проповѣдь Ioannъ Константиновичъ произносилъ, какъ ксендзъ Католический, воздвигая гласъ; стечеiе народа было весьма значительное; квартира у настоятеля, въ полномъ смыслѣ, великолѣпная; обѣдъ былъ роскошный и веселый, и 25 рублей, по старому обычаю, мнѣ, какъ архимандриту, дали. Было бы, пожалуй, даже совсѣмъ весело, если бы за шею не грызала забота о рѣчи при нареченiи.

Съ утра въ Пятницу 25-го Іюня пришлось запереть дверь на замокъ и приняться за перо. Рѣчь эта въ новомъ наложeniи приняла слѣдующiй видъ:

Ваше святѣшество! Обязываемый чиноположенiемъ церковнымъ, въ эту священно-торжественную въ моей жизни минуту, отвѣтъ предъ вами и всею церковью, благодарю, приемлю и ничтоже вопреки глаголю, что я и выразилъ уже какъ устами, такъ и самимъ предстоянiемъ здѣсь, чтобы отвѣтъ открытымъ сердцемъ, какъ на исповѣди, какъ предъ Богомъ. Прошу вашего благословенiя остановить на минуту мой смиренный взоръ и ваше высокое вниманiе на церковно-историческомъ явленiи, что въ древней церкви призываemая къ епископству лица, и это величайшiя свѣтила церкви, бѣгали епископскаго сана, а нынѣ подобного не представляется. Отчего это? За христiанскую древность отвѣтила церковная исторiя. Древнiе угодники Божiи, страшась, бѣгали епископства, потому что епископство сразу выдвигаетъ человѣка изъ среды прочихъ, выдвигаетъ на вершину, поставляетъ на свѣщникъ, дѣлаетъ главою церкви, источникомъ жизни, средоточиемъ чувствилищемъ церковнаго тѣла. Что же отсюда? А то, что епископство лишаетъ избраннаго почти всѣхъ благъ мiра сего: отторгаетъ отъ семейственности, устраняетъ отъ родства; взамѣнъ этого, какъ предъ очи Спасителя на горѣ искушенiя, пододвигаетъ подъ глаза избраннаго красная мiра сего, но съ условiemъ, чтобы онъ ими не пользовался, или поль-

зовался съ крайней умѣренностью и осмотрительностью: яства и питья съ условиемъ, чтобы онъ постился, ткани и утварь съ требованіемъ, чтобы онъ ихъ презирахъ, славу мірскую съ заповѣдью, чтобы онъ ея бѣгалъ, и съ угрозою, что если онъ потянетсѧ за ними, то низринется въ бездну.... Епископство отнимаетъ много и духовныхъ благъ. Василій, Григорій, Златоустъ чувствовали, что епископство, извлекая ихъ изъ возлюбленного ими уединенія, затруднить ихъ въ подвижничествѣ иноческой жизни; равно какъ и теперь мы видимъ, что не рѣдко инокъ добропорядочный въ общемъ строѣ жизни, выдвинутый на высоту начальствованія, начинаетъ колебаться духомъ и съ измученнымъ сердцемъ снова отбѣгаеть искать отдыха въ пустыню уединенія; епископство лишаетъ душевной безмятежности, мира совѣсти, дѣлая избраннаго отвѣтственнымъ за свои грѣхи не только передъ благимъ Богомъ, но и предъ неправедно - суроымъ судомъ людскимъ; епископство возлагаетъ на избраннаго страшное обязательство высшаго нравственнаго совершенства, лишая его всякой надежды, что эти совершенства отъ него не будутъ судомъ людскимъ потребованы, а недостатки его подзирающимъ глазомъ не будутъ усмотрѣны; итъ, на плеча его лягутъ и ложатся кромѣ своихъ еще грѣхи людскіе, потому что онъ глава, онъ свѣтъ, онъ сознаніе, онъ источное начало жизни, въ немъ сосредоточиваются всѣ нити чувствующаго церковнаго тѣла; онъ молитвенникъ, онъ освятитель, онъ жертва Богу за всѣхъ; въ него, какъ въ вершину, попадаютъ всѣ громы, его прежде всѣхъ колеблетъ всякая буря, разражающаяся по широтѣ церкви. И когда Аѳанасій, Григорій, Василій, Златоустъ говорили, что ужасаются епископства, они не преувеличивали, и жизнь оправдала ихъ горькія предчувствія: послѣ тяжкихъ трудовъ и ударовъ жизненнаго своего жребія, какъ загнанные рукою Божію кони, они пали и отдали въ руцѣ Божіи духъ изнеможенный.

Отчего же теперь мы не видимъ, чтобы люди бѣгали епископства?

Оттого ли не бѣгаютъ, что не понимаютъ высоты и тяжести сана? Было бы совсѣмъ сказать, что мы понимаемъ высоту и тяжесть епископскаго сана, какъ понимали и чувствовали Василій Великій, Григорій, Златоустъ или Августинъ. Гдѣ встрѣтишь такихъ міровыхъ геніевъ, такія широкія сердца? Они были тончайшія чувствилица церковнаго тѣла. А церковь ихъ времени была церковь юная, чувствующая юную развивающую жизнь, съ воспріимчивостью и впечатлительностью юношескими; тогда какъ мы живемъ уже въ періодѣ возмужалости, если только не дряхлѣнія христіанскаго человѣчества, когда и

чувствительность въ членахъ церкви земной уже прiosлабъваетъ и живучее развитие жизни уже замедляется и охладъваетъ. Тѣмъ не менѣе и въ наше время много ли вниманія, много ли глубокомыслія нужно, чтобы видѣть, что къ прежнимъ тяготамъ епископства присоединились новые? Развѣ епископъ теперь менѣе отвѣтственъ предъ Богомъ и предъ людьми? Слово Апостола: настой благовременнѣй и безвременнѣй... Умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ исключимъ буду,—развѣ не для него сказано? И оно его не пугаетъ? И если бы онъ смежилъ очи и заснуль, развѣ его не пробуждаютъ бури вѣка, которая ему болѣе чѣмъ кому-либо воютъ грозою? Окружающее насъ спокойствие нравственного міра только кажущееся. Не надо глядѣть далеко, во Францію; наша Русь шире и для бурь просторнѣе. Наши очи съ смятеніемъ изумленіемъ смотрѣли и сердца муками настоящаго и горькими предчувствіями будущаго болѣли, и ноги едва держали, а нѣкоторыхъ и не удержали бы, если бы другіе не поддержали, когда неслась грозная буря идей и событий надъ нашими головами. Эти бури по мѣстамъ, по временамъ взрываются и теперь, предвѣщаю всеобъемлющій вихрь. Жизнь есть движение, есть борьба, есть неустанный подвигъ. А къ концу вѣковъ эта борьба, увеличиваясь больше и больше, должна кончиться небывалымъ и невобразимымъ смятеніемъ, грозно сокрушительнымъ возстаніемъ духа міра сего на церковь Божію. Не слышимъ ли мы съ томительнымъ предчувствіемъ сердца громовъ надвигающейся бури въ этомъ гулѣ, съ какимъ духъ вѣка сего, тяготясь смиреннымъ положеніемъ церкви, волить о нашихъ недостаткахъ и требуетъ отъ каждого изъ насъ и отъ всѣхъ идеального совершенства, якобы въ видахъ собственного назиданія, на самомъ же дѣлѣ въ духѣ Евреевъ, которые, не довольствуясь всѣмъ прошлымъ жизни Спасителя, требовали отъ Него еще чуда на крестѣ: спасися Самъ и сиди со креста, да вѣруемъ Ти?..

Отчего же мы не бѣгаемъ? Не изъ честолюбія ли и другихъ преступныхъ влечений? Сказали бы мы, будь проклято честолюбіе, которое влечеть человѣка на такой опасный путь, если бы уста наши не призваны были изрекать благословенія, а не проклятия. Не благословенны самые укоры въ подобной низости чувствъ, къ намъ обращаемые. Мы попросили бы укоряющихъ указать намъ, своимъ примѣромъ въ подобномъ нашему положенію, путь, куда бѣжать отъ духа Господня и отъ руки Божіей, которая всюду способна и достать человѣка, и удержать, и наставить. Да и то только видимость, что мы не готовы были бы бѣжать. Конечно, любви Божіей, хотя и не человѣческимъ ушамъ слышенъ, быть можетъ, раздающійся въ душахъ, подобныхъ намъ,

трепетный вопль: горы, падите на насъ, и холмы, покройте насъ отъ лица Сидащаго на престолѣ. Но вѣра наша, стремлѣніе нашихъ сердецъ безсилны какъ сдвинуть горы съ своихъ основаній, такъ и сорвать въ сторону теченіе церковной жизни, которое ставить насъ здѣсь, которое, если будеть совращено, то міръ и увидить грѣлище, отъ какого отвыкъ, что люди побѣгутъ отъ епископства, не находя въ немъ для себя ничего привлекательнаго. Мы не смѣемъ бѣжать, потому что жребiemъ нашей жизни вдвинуты въ священное, сросшееся и съ духомъ и съ жизнью нашей церкви съ I-го и по сей XIX-й вѣкъ, великое учрежденіе слугъ церкви, оторвавшихся отъ міра и всецѣло отдавшихся Богу съ силами и немощами своими; что въ мірѣ души все цѣлостно: какъ нарушеніе одной заповѣди есть нарушеніе всего закона, такъ соблюденіе одного изъ иноческихъ обѣтовъ (основного изъ нихъ—безропотнаго послушанія) приводить съ собой и облегчаетъ удовлетвореніе и другихъ иноческихъ обязательствъ, потому что немногого нужно надѣть собою наблюденія, чтобы видѣть, что самоволіе (впрочемъ и невозможное въ нашей иноческой жизни) приводить на край гибели, даже нравственной,—что, напротивъ, покорность волѣ Божіей и слѣдованіе призванію держать людей если не на уровнѣ, то вблизи нравственной высоты сана и положенія; потому что въ дому Божіемъ нужны сосуды—орудія Божественнаго домостроительства, и сосуды всякие, златые и глиняные, въ честь и не въ честь, сосуды гнѣва и милости и помилованія чрезъ гнѣвъ; потому что призваніе къ епископству вдвигаетъ мѣрность избраннаго въ сонмъ избранныхъ и отрѣшенныхъ отъ міра рабовъ Божіихъ, творцовъ церковной исторіи, отъ апостоловъ Павла и Іоанна и чрезъ Тита и Тимоѳея и даже до днесъ.

Благодарю Тебя, милостивый, кроткій нашъ Спаситель, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ; твори, Боже, волю Твою надъ нами, и Твоя святая воля да будетъ нашею. Буди благословенно имѧ мудраго, многоопытнаго іерарха, твердая отеческая рука котораго много лѣтъ, особенно же въ годину искушенія, крѣпко держала меня въ прямомъ стояніи на жизненной дорогѣ и вѣнчаніемъ Божіимъ теперь поставила здѣсь; молю Бога о милости долго послужить надежнымъ посохомъ его маститой старости. Буди благословенна пучина благости іерарха, коему судилъ Богъ утишить и утѣшить послѣдніе годы моей небезпечальной жизни. Буди благословенна долготерпѣливая христоподобная любовь всѣхъ васъ, мои отцы, мои воспитатели и братья, даже до сей священной въ моей жизни минуты утверждавшихъ не твердые шаги моей немощи отеческимъ и братскимъ внушеніемъ и милованіемъ, благимъ чаяніемъ и желаніемъ, добрымъ словомъ и молитвою.

Отцы святейши! Достоинство Златоустовъ и другихъ свѣтиль церкви ими самими предъ святостью сана признано было устрашающимъ недостоинствомъ; о моемъ же сравнительномъ достоинствѣ или недостоинствѣ и рѣчи здѣсь не можетъ быть. Подкалоняю мою выю подъ возлагаемое иго только потому, что боюсь не подкалонить, боюсь оскорблениія духа церкви и кары Божіей, потому что надѣюсь держаться за вашу твердость,—твердость всесерковнаго и особенно епископскаго сонма и идти вмѣстѣ и вслѣдь за вами, аможе поведеть церковь Свою Господь. Благодарю за терпѣливо благоволеніе, пріемлю милость за милость и ничто же вопреки глаголю кромѣ только что немощенъ есмь отъ ложеснъ, отъ соспу матерѣ моей; поддержите немощь, подкрепите безсиліе, восполните скудость, помолитесь, помолитесь....

Заключеніе было взято изъ предыдущей рѣчи.

Съ этою ново-изложенюю рѣчю иду къ преосвященному Павлу.— «Благословите прослушать, ваше преосвященство». Рѣчь прочитана. Его преосвященство замѣчаетъ: «Хорошо, картинно, славно.... Но— знаете.... Едва ли понравится владыкѣ».—«Отчего бы?»—«Знаете, не тотъ складъ, не тотъ языкъ; есть слова необычныя».—«Какія бы, напримѣръ?»—«Напримѣръ, *отромъ*».—«Отчего же намъ и не сочинить? Складъ не тотъ; гдѣ же возьмешь тотъ, когда его у меня не обрѣтается?»—«Но я все- таки совѣтоваль бы вамъ заняться обработкою языка, поддѣлкою рѣчи подъ принятый тонъ... Что же касается переписки, то тутъ есть такой, о. Антоній, іеродіаконъ; онъ всѣмъ переписываетъ эти рѣчи; такъ ужъ и положено давать ему за нихъ 3 рублика».

Съ этими наставленіемъ я и отправился къ себѣ. Зову о. Антонія. «Любезный братъ! перепишите и уреченные 3 рублика получите».—«Хорошо, ваше в-обіе».—«Къ какому же сроку?—Сегодня можете?»—«О! Никакъ! Завтра часамъ къ 8 утра».—«Нечего дѣлать, согласенъ».—«Пожалуйте бумаги».—Пошелъ къ сосѣду, о. Палладію, и у него выпросилъ два большие листа бумаги въ расчетѣ, что если одинъ листъ будетъ испорченъ, тогда можно употребить въ дѣло второй листъ. Отъ тревоги почти всю ночь провелъ безъ сна. Вообще, до самаго прибытия въ Новочеркасскъ сонъ у меня былъ крайне плохой. Здѣсь пробылъ съ недѣлю, вдругъ, къ изумленію своему, проспалъ я ночь хорошо, и говорю своему Артемію: «Вотъ, братъ, выучиваюсь спать». Въ Петербургъ же въ тревожное время до нареченія вовсе почти не спалъ.

На завтра въ Субботу, 26-го Іюня, я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь условленныхъ 8 часовъ утра, посылаю къ о. Антонію съ вопросомъ, не готова ли рѣчъ? Не готова, и будеть готова не ранѣе, какъ черезъ часъ. Ничего не оставалось дѣлать, какъ нетерпѣливо считать минуты до 9 часовъ. Вблизи около 9 часовъ входить самъ о. Антоній съ бумагами въ рукахъ. Слава Богу, думаю. Увы, не тутъ-то было.—«Ахъ, ваше в—обіе», скороговоркою сыплетъ о. Антоній, конфузясь: «Бѣда приключилась. Я писалъ, видите; но двухъ данныхъ вами листовъ бумаги недостало; кончикъ негдѣ приписать; пожалуйте еще листикъ бумаги». Беру бумаги у него изъ рукъ и къ изумленію своему вижу, что онъ разогналъ мою рѣчъ на два листа, да пришелъ еще за третімъ, тогда какъ митрополитъ велѣлъ, чтобы рѣчъ была не болѣе четверти, или даже осьмушки листа.—«Ахъ, Боже ты мой!» тутъ я возопилъ въ свою очередь. «Истинная бѣда! Вѣдь владыка велѣлъ, какъ можно меныше, а вы разогнали на два листа»....—О. Антоній смущился. Я поправляюсь: «Да виноваты въ этомъ не вы, а я самъ; виновата рѣчъ. Я никакъ не ожидалъ, что выйдетъ такъ много.... Что тутъ дѣлать?» Я тутъ же при немъ сталъ соображать, какъ бы сократить рѣчъ, чтѣбы тутъ выпустить, и опять обращаюсь къ нему съ просьбой: «Можете ли вы снова присѣсть сейчасъ же, переписать, что и какъ я сокращу.—«Ахъ, нѣтъ, мнѣ нужно идти сейчасъ въ крестовую ко владыкѣ на акаѳистъ». Видя, что съ нимъ толковать нечего, я даю ему 3 рублика. Но онъ отпихивается: «Нѣтъ, я не возьму». Мнѣ ничего не оставалось, какъ въ крайнемъ смищеніи съ нимъ раскланяться. Сѣль опять ломать голову надъ рѣчью, какъ бы сократить ее. Взялъ рукою властною, да и отчеркнулъ, чтѣбы тутъ приложенной, переписанной о. Антонія рукой тетрадкѣ отчеркнуто. Вооружился вмѣсто трехъ двумя рубликами и отправился въ ту же минуту въ Академію. Къ счастію, тотчасъ при входѣ въ Академію встрѣтилъ своего ученика по Витебской семинаріи, кончившаго курсъ студента Пряникова и взмолился къ нему: «Другъ любезный! Спасите, помогите. Вотъ поощреніе—2 рублика. Отышите охотника получить ихъ, каллиграфа; пусть присядеть сейчасъ же и убористымъ, каллиграфическимъ почеркомъ перепишетъ сю рѣчъ. Прошу васъ». Съ тѣмъ ушелъ въ Лавру, въ крестовую на акаѳистъ Успенію Богоматери, который самъ владыка Исидоръ служилъ каждую Субботу. Нашелъ, что народу собирается къ этому акаѳисту и теперь столько же, сколько собиралось въ 1864—1865 годахъ, т. е. очень много, церковь была полна. Пѣніе стало слабѣе, такъ какъ пѣла только небольшая часть хора; голосъ у владыки митрополита сталъ тоже какъ будто слабѣе. Въ 1864 г. чтеніе Исидоромъ, первымъ чтецомъ, какого въ жизни я слыхалъ, этого акаѳиста, тор-

жественнѣйшее пѣніе торжественнѣйшихъ Кіевскихъ распѣвовъ ака-
ѳиста и канона, тихое паденіе иконы Успенія сверху внизъ въ ца-
рскихъ вратахъ, припаданіе народа къ землѣ, не говорю, что
произвело на меня глубокое впечатлѣніе, но изломало меня сильней-
шею истерию. Теперь отъ многихъ причинъ я не вынесъ того же
впечатлѣнія, и конечно отъ тераавшей меня заботы, такъ что я, не
достоявъ даже до конца богослуженія, пошелъ въ тревогѣ домой и въ
ту же минуту отправилъ Артемія въ Академію допытываться, не гото-
ва ли рѣчъ. Къ счастію, онъ возвратился съ переписанною рѣчью въ
рукахъ. Чѣдѣ значитъ интеллигенція, Академія, а не Лавра, студентъ,
а не монахъ! Переписана истинно каллиграфически, убористо, какъ
бисеромъ, съ чутьемъ каждого штриха не только моего пера, но и
мысли. И вышло всего неполный почтовый листъ, да еще порядочныхъ
поля остались, однимъ словомъ, весьма благовидно и для дѣла пригод-
но. Въ ту же минуту иду ко владыкѣ. Не былъ принятъ. Сказано, что
владыка усталъ, спотѣль, переодѣлся и отдыхаетъ. Рѣчъ взята *).

Такъ какъ на завтра, 27 Іюня, въ Воскресенье, я не былъ назначенъ
къ служенію литургіи, то, отслуживъ раннюю, разсчитывая, что въ Во-
скресенье владыка-митрополитъ къ себѣ меня не потребуетъ, я рѣшилъ
воспользоваться днемъ, чтобы съѣздить въ Ораніенбаумъ—повидаться
съ Иларіономъ Алексѣевичемъ Чистовичемъ и протоіереемъ Іоанномъ
Григорьевичемъ Заркевичемъ, которые тамъ, въ Ораніенбаумѣ, нани-
мали свои лѣтнія дачи. Это свиданіе и собесѣданіе съ И. А. Чисто-
вичемъ было самое замѣчательное изъ всѣхъ, какія я имѣлъ въ С.Пе-
тербургѣ. Вообще же я имѣлъ откровенныя объясненія съ преосвящен-
нымъ Павломъ, епископомъ Кишиневскимъ, членомъ Ученаго Коми-
тета, профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, законоучите-
лемъ одного изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній, издателемъ
извѣстнаго прекраснаго сборника сочиненій: «Матеріализмъ, наука и
христіанство» протоіереемъ Іоанномъ Григорьевичемъ Заркевичемъ,
протоіереемъ, однимъ изъ двухъ воспитателей Дагмары, Іоанномъ
Алексѣевичемъ Вознесенскимъ и о. архим. Хрисанѣомъ, ректоромъ
С.-Петербургской Духовной Академіи.

Подведемъ теперь итоги ихъ откровеній. Начнемъ сверху. «Го-
сударь проводить весело свою жизнь, но не въ томъ смыслѣ, въ ка-
комъ прежде толковали, а въ другомъ... Государыня-старушка и ворч-
ливая старушка... Дворы Императрицы и Цесаревны глядѣть положи-

* Рѣчъ въ этой послѣдней редакціи напечатана въ III т. собранія „Поученій, бе-
сѣдъ“ и проч. архіепископа Никанора, стр. 249—252, изд. II. Одесса 1890 г.

тельно врозь: Императрица окружена Нѣмцами, а Цесаревна отвращается Нѣмецкихъ тенденцій. Рассказываютъ, будто Цесаревичъ за какую-то выходку противъ Нѣмцевъ сидѣлъ подъ арестомъ. Исторія настоятеля Петропавловскаго собора, законоучителя университета, протоіерея Василія Петровича Полисадова: на лекціи, въ университетѣ онъ ругнулъ Пруссаковъ, употребивъ выраженіе: «располались, какъ прусы»... На лекціи сидѣлъ студентъ Адлербергъ; Государь велѣлъ убрать Полисадова; только разъ пріѣзжаетъ въ Петропавловскій соборъ и видитъ Полисадова, да и обращается къ кому-то съ вопросомъ: «развѣ Полисадовъ еще здѣсь?» Сего двукратнаго обращенія вниманія Его Величества на почтеннѣйшаго, ученѣйшаго и заслуженнѣйшаго по разнымъ поприщамъ протоіерея было достаточно, чтобы его нахожденіе стало невозможнымъ и въ университетѣ, и въ Петропавловскомъ соборѣ; едва выплачалъ онъ у митрополита переводъ свой на второе мѣсто (сидѣвшееся вакантнымъ) къ Исаакіевскому собору. Законы у насъ еще Хивинскіе... Александра Іосифовна тоже старѣеть и вообще много потеряла изъ прежняго шику... Николай Николаевичъ старшій, слышно, не очень-то близокъ къ своей почтенной и благочестивой супругѣ, которая, впадая въ крайность благочестія, втягивается въ себесѣданія съ отцомъ протоіереемъ Лебедевымъ (моложе меня по С.-Петербургской семинаріи двумя курсами: и везетъ человѣку на зависть всему духовному Петербургу!), своимъ капелланомъ. Николай Николаевичъ Наумовъ, протоіерей-капелланъ Тифлисскаго двора Великаго Князя Михаила Николаевича, переходитъ къ великому Зимнему дворцу на мѣсто дяди Наумова. Треповъ, говорить, протестантъ, нарочно корчить богомольнаго Русскаго. Министръ оберъ-прокуроръ на верху силы. Государь объявить, что въ Государственномъ Совѣтѣ на министра нападали съ юдостью, особенно Чевкинъ; за то министръ съ Государственнымъ Совѣтомъ теперь не чинится: «эти дураки забраковали было проектъ классицизма совсѣмъ»... Сидѣлъ онъ на какомъ-то торжественномъ актѣ съ преосв. Павломъ справа, тогда какъ Деляновъ сидѣлъ рядомъ слѣва; преосв. Павель говорить: «всѣмъ хорошо мое назначеніе въ Кишневъ; одного жаль, что преосв. викарій тамъ многими годами старше меня». «Чѣмъ же тутъ стѣсняться?», возражаетъ графъ совершенно громко,— вотъ Иванъ Давидовичъ многими же годами старше меня, однакоже я министръ, а онъ—мой товарищъ». А надо знать, что они соперники. Чтѣдо отношеній графа къ Синоду, то въ Синодѣ онъ все не только настоящее, но и будущее: всѣмъ орудуетъ, все направляетъ, даже все важное дѣлаетъ оберъ-прокуроръ. У него и при дворѣ силу нѣкоторую имѣть только митрополитъ Исидоръ; его положеніе теперь совершенно благопріятно: оберъ-прокуроръ и дворъ его только одного нѣ-

сколько и честять и берегутъ, тогда какъ прежде, въ 1865—1866 г.г. имъ тяготились; за тоже и онъ служить имъ при случаѣ усердно. Рассказываютъ, что именно онъ, Исидоръ, такъ отдалъ митрополита Иннокентія за его возраженія противъ оберъ-прокурорскихъ уставовъ, что тотъ совсѣмъ опѣшилъ и стушевался. Рассказываютъ, что какой-то старинный смолоду пріятель владыки Исидора, весьма чиновный человѣкъ (помнится, тайный совѣтникъ) разъ при людяхъ говоритъ: «Владыка! Ну чтобы вамъ пошевелиться, заявить не для себя, а для церкви, что церковь въ ея настоящемъ положеніи, безъ патрарха, ну что такое?!. Митрополитъ посмотрѣлъ на него, да и говорить: «N. N—вичъ! Вѣдь ты старъ уже. Пора бы уходить, а ты все тотъ же, чтѣ былъ смолоду... Ну, заявилъ бы я, положимъ, ну что изъ этого вышло бы? Вѣдь сослали бы меня въ Соловки; этого мало: замуро-вали бы!»... Митрополитъ Арсеній, говорить, у графа потерялъ всякую репутацію: «интриганъ и узкій интриганъ»... Полагаютъ, что теперь если и будетъ вызванъ въ Синодъ, то единственно потому только, что онъ остался предсѣдателемъ комитета по переводу Свящ. Писанія. Москва въ Петербургскомъ мнѣніи крайне упала; все Московское рѣши-тельно не въ модѣ. Намѣстника Антонія сильно порицаютъ за отста-лую чопорность. Алексія поспѣшили удалить; всѣмъ и всѣмъ онъ не нравился, особенно же Московскою манерою священнослуженія, особенно же пародированіемъ старческой немощи Филарета, его несоглаголаніемъ, тихоглаголаніемъ и немощью сложенія пальцевъ, благословляющей руки. Всего этого не могъ, ни руки сложить, ни громко говорить въ церкви и преосв. Алексій Рязанскій. Только разъ и вышелъ случай, что къ нему заѣхалъ за чѣмъ-то митрополитъ Исидоръ, а келейникъ Алексія и оплошалъ что-то сдѣлать, а Алексій вышелъ и ну на него шумѣть; а когда возвратился, митрополитъ ему и говорить: «а вотъ, преосвященный, такъ бы возглашать вамъ въ церкви»... О преосвященномъ Макаріи Виленскомъ, къ крайнему со-жалѣнію, ничего не слыхалъ я кроме осужденій и довольно рѣзкихъ. Рѣшительно, говорить, не имѣть государственного ума, въ дѣйствіяхъ не обнаруживаетъ никакого такта, въ сужденіяхъ по важнѣйшимъ до-вѣреннымъ ему вопросамъ, обѣ устройствѣ духовнаго суда и цензуры, онъ всегда на сторонѣ послѣдней написанной статьи. Ближайшіе же его сотрудники выдѣлываютъ съ нимъ такія штуки: сегодня въ совѣ-щаніяхъ установлять извѣстное сужденіе, къ завтрему же пустятъ въ газету какую-либо статейку отъ неизвѣстнаго въ другомъ дальнѣйшемъ стилѣ; и глядѣть—въ слѣдующее засѣданіе преосв. Макарій толкуетъ уже другое. Затѣмъ снова пускалась статейка изъ того же лагеря, и преосв. Макарій толкуетъ уже новое. Наконецъ, они сами ему говорять уже:

«да, ваше высоко-ство, надобно же намъ на чёмъ-либо остановиться»». Кто-то мнѣ рассказывалъ о состоятельности преосв. Макарія слѣдующее въ слѣдующихъ (подлинныхъ) выраженіяхъ: «по цензурѣ преосв. Макарій что-то либеральничалъ было; а графъ какъ позвалъ его, да какъ далъ нагоняй, такъ онъ другое запѣлъ»...

Чтѣ за языкъ! Чтѣ за лакейство! Чтѣ за лакейскія отношенія! Рассказываютъ далѣе, что такъ какъ теперь предположено Духовно-цензурный Комитетъ учредить подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ; между тѣмъ оклады членамъ Комитета предположены изрядные (3.000—4.000 р.), а предсѣдателю чуть ли не будетъ назначено и больше, то на одно изъ этихъ мѣстъ заявилъ себя кандидатомъ не кто другой, какъ самъ высокопреосвященный Макарій, объясняя, что-де «этотъ родъ занятій ближе къ его ученымъ склонностямъ, чѣмъ служба епархіального архіерея; что, какъ архіерей, онъ кромѣ дрязгъ и тревоги ничего не видѣть, а оклады членовъ Цензурного Комитета удовлетворительные». Мало ему одного команда, оберъ-прокурора; пріятно еще побывать подъ ферулой ministra Тимашева и подобныхъ. Въ дѣлахъ Синодскихъ онъ также до очевидности, не говоря болѣшаго, несамостоятеленъ и уклончивъ, считая уклончивость, вѣроятно, за высокую политику, именно въ случаяхъ, въ которыхъ его голосъ услышать было и естественно и желательно, онъ опасается, хотя чуть-чуть скомпрометировать свое сужденіе; онъ отмалчивается, хотя бы своимъ молчаніемъ и накладывалъ тѣнь на предметы и лица, подлежащіе обсужденію; обѣ этомъ рассказывали мнѣ, указывая на факты, архіеп. Василій. Въ службѣ Божіей, говорять, до невыносимости манерничаетъ, раздражается, шумитъ; это рассказывалъ мнѣ одинъ Исаакіевскаго собора священникъ. Обѣ отношеніяхъ его къ Виленской каѳедрѣ не слыхалъ. Преосв. Іосифъ Ковенскій во время хиротоніи въ Петербургѣ понравился, какъ человѣкъ ловкій, осторожный, приглядывающійся.

Архіепископъ Василій, членъ Синода, имѣеть значеніе личности, занимающей одинъ изъ стульевъ за Синодскимъ столомъ; на него, говорятъ, мало обращаютъ вниманія; однакоже онъ возвышаетъ свой голосъ и въ моемъ дѣлѣ былъ мнѣ полезенъ; сказываютъ, что онъ сталъ теперь весьма тароватъ: домашняя постановка его (это я самъ видѣлъ) теперь совершенно прилична; въ отношеніи къ низшей братіи старается подлаживаться благостью, всѣмъ рассказывая синодскіи закулисности; за обѣдомъ у митрополита, въ день моей хиротоніи, больше молчалъ, за то, вышедши изъ-за обѣда къ преосв. Тихону, тамъ далъ уже волю своему языку, безконечному теченію рѣчи. Преосв. Никанора Туль-

скаго вызвали въ Синодъ, какъ Туляка (Туляки митрополитъ и В. Д. Бажановъ). Какъ идуть теперь дѣла, можно судить по тому, что на мѣсто ректора Казанской Академіи нашли, именно въ Туль, трехъ способныхъ кандидатовъ, ректора и инспектора Семинарии и даже смотрителя Д. Училища (всѣ трое протоіереи), и преосвященному Антонію внушено было, стороною, тайно, поспѣшить указать своихъ кандидатовъ, иначе была опасность, что поспѣшать назначить какого-либо Туляка. Чтò сказать о личности преосв. Никандра? Личность благообразная, уже сѣдая борода лопатою, большая и сѣдая. Сѣрдца доброго (такое на меня произвѣль впечатлѣніе), характера благодушнаго, ума быть можетъ, и практическаго, но не широкаго и тѣмъ менѣе глубокаго. Онъ товарицъ преосв. Антонія по Академіи, или лучше представить его собственныя слова: «Вѣдь я ему товарицъ. Люблю его смертельно. И монахъ онъ хороший. Но что же такъ? Зачѣмъ дѣлать себя попечителемъ Вселенской церкви? Вѣдь есть небесный Кормчій церкви, Который знаетъ, куда ведеть ее. Такъ намъ-то какъ пристало вмѣшиваться въ Его планы? Онъ вѣдаетъ чтò дѣлаетъ». На это я и въ первый разъ, когда онъ былъ добръ (ко мнѣ заѣхалъ) и во второй, когда я отвозилъ ему благодарственную по хиротоніи икону, при Синодскомъ оберъ-секретарѣ Крыловѣ, возражалъ: «Такъ-то такъ, ваше преосвященство.... Небесный Кормчій, это вѣрно.... Но Небесный Кормчій Самъ же говоритъ, что когда Онъ придетъ второе на землю, то едва обрящетъ вѣру: вѣрующихъ будетъ немногого».—«Но вѣдь ихъ теперь еще много; ничто существенное не трогается?»—«Я не говорю, что вѣрующихъ теперь мало; напротивъ, много. Но тотъ же Небесный Кормчій говорить, что къ Нему на судъ явится немало людей, которые скажутъ: «Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, не въ Твоє-ли имя твори-хомъ то-то и то-то? Господи, Господи! Отверзи намъ». Онъ же речеть имъ: аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ.... Ничто существенное не трогается. Г. оберъ-прокуроръ есть истинный министръ; онъ носить на своихъ плечахъ голову дѣйствительно-министерскую. И при Петрѣ существенное начало не трогали, т. е. говорили, что не трогаются. Однакоже послѣ Петра церковь въ своемъ бытіи радикально измѣнилась. Теперешнія же церковныя реформы забираютъ чуть ли не шире, врываются въ положеніе церкви чуть ли не глубже, чѣмъ Петровскія. Сознавая или не сознавая, къ чему стремятся, они (ясно) дѣйствуютъ въ духѣ вѣка и міра сего. Въ концѣ его реформъ свѣтится секуляризациѣ церкви.... Удивительно ли, что такому результату понимающіе не вполнѣ сочувствуютъ и возвышаютъ свой голосъ? Вѣдь графъ—не Петръ I-ый, а министръ XIX вѣка; но и противъ того возставали. Такъ чему же онъ графъ Толстой изумляется, слыша, что нѣ-

которые возвышаютъ свой голосъ противъ его реформъ, очень широкихъ, надо сознаться?... Преосв. Антоній теперь одинокъ, никто его не поддерживаетъ, надъ нимъ подшучиваютъ, ему отвѣчаютъ грозою.... Но и при Петрѣ I смиренная оппозиція пряталась въ монастырскомъ уединеніи. Святитель Димитрій Ростовскій, святитель Митрофанъ; а имъ-то и кланяется Русская земля. А тѣ которые при Петрѣ орудовали, Феофаны, Федосы, не слишкомъ-то блистательную память по себѣ оставили и славу заслужили. Да и кончили не хорошо?.... Между прочимъ я досконально узналъ, что на одну изъ бумагъ, писанныхъ преосв. Антоніемъ Казанскимъ, графъ такъ озлился, что въ Синодѣ заявилъ, что эту бумагу следовало бы провести чрезъ III Отдѣленіе, прямо въ правительственныхъ нашихъ сферахъ предметъ названъ по имени, что графъ дѣло преосвященнаго Антонія не доведеть до конца, т. е. до отставки, а развѣ самъ преосв. Антоній доведеть свое дѣло до послѣдней крайности; всякая подписанная имъ бумага бываетъ исписана графскимъ карандашомъ, и на этой канвѣ вышиваются опредѣленія Учебнаго Комитета и самаго Синода. Каковъ графъ въ обращеніи съ духовными чинами, можно видѣть изъ обстоятельства, что назначенный изъ ректоровъ Витебской Семинаріи въ ректора Казанской Академіи и проѣзжая черезъ С.-Петербургъ, я расписался въ графской швейцарской, но проѣздавъ послѣ этого трое сутокъ въ С.-Петербургѣ, не былъ удостоенъ сіятельного лицезрѣнія. Оберъ-прокуроръ Свят. Синода не полюбопытствовалъ увидѣть человѣка, назначенаго ректоромъ Академіи, хотя сей ректоръ Академіи расписался у него даже не въ передней, а просто въ швейцарской. И на этотъ разъ, назначенный изъ ректоровъ Академіи въ епископа-vikarія Донского, я расписался въ швейцарской графа, но опять не былъ удостоенъ сіятельного лицезрѣнія; а что всего замѣчательнѣе, графъ не удостоилъ даже замѣтить, что нареченный викарій Донской у него расписался; это видно изъ того, что, сдѣлавъ митрополиту Исидору честь, какой отъ графа для первосвятителя Русской Церкви не ожидали (захватъ къ нему проститься передъ отѣвѣдомъ своимъ заграницу), когда митрополитъ ему сказалъ, что вотъ у насъ будетъ хиротонія, графъ только спрашивается: «Кого же это хиротонисать?»—«Да Никанора, бывшаго ректора Казанскаго».—«Да развѣ онъ здѣсь?» Митрополитъ послѣ и замѣчаетъ мнѣ: «Отчего же вы не были у графа?» Не знаю, какъ ему могла въ голову прийти такая мысль, что я способенъ къ такой, совершенно немыслимой, дерзости. «Нѣть, в. в. я имѣлъ честь быть—расписаться у графскаго швейцара», смиренно отвѣтствовалъ я въ свое оправданіе. Вообще, теперь графъ въ такомъ положеніи, что Государь, освободитель, преобразователь, радъ, что нашелъ въ немъ реформатора и церкви

и реформуетъ. И нельзя сказать, что худо! Онъ действительно министръ, министръ въ духѣ Комитета Министровъ, въ духѣ высшаго свѣтскаго круга, въ духѣ государственному, который стремится подчинить себѣ духъ церковный, въ духѣ вѣка сего и міра сего, въ духѣ того великаго, многоопытнаго и дальновзоркаго министра, который, изучивъ ходъ мировыхъ и церковныхъ судебъ, въ продолженіе вотъ уже тысячетѣтия преискусно, предальновидно и прямо направляетъ дѣла борьбы противъ церкви и ея обособленности отъ міра. Валуевъ говорилъ: «Я не хочу умереть, не увидѣвъ Русскихъ священниковъ въ цивильномъ платьѣ». Ничего существеннаго они не трогаютъ.... Но дай мнѣ стриженные волосы, фракъ или сюртукъ и пальто или шинель, я не пойду въ театръ, быть можетъ, но заберусь еще куда-либо очень вѣроятно. А теперь увы! и пошелъ бы, да нельзѧ: узнаютъ, пальцами станутъ показывать, грязью Русскій народъ закидаетъ. Ничего существеннаго не трогаютъ.... Но этотъ склонъ администраторіи къ секуляризациіи церкви уже и является нѣкоторые плоды въ томъ, что Полисадовъ, Васильевъ и Янышевъ не отращиваютъ себѣ длинныхъ волосъ; а другіе изъ духовенства, напримѣръ, старикъ протодіаконъ Оболенскій стали до коротня стричь волосы головы и бороды. И Оболенскій не единственный примѣръ. Я видѣлъ въ церкви С.Петербургской Д. Академіи діакона, у котораго волосы подрѣзаны до скобки, отъ уха до уха, а бородка прилично по Петербургской картинѣ подстрижена. Вотъ сю минуту вваливаются въ мою смиренную резиденцію, кажется, счетомъ 12 мальчугановъ, учениковъ Усть - Медвѣдского Д. Училища; одинъ постарше начинаетъ держать рѣчъ: «Ваше преосвященство! Вотъ мы всѣ ученики такого-то училища».—Всѣ духовные?—«Да всѣ наши усилия употребляли. Теперь вхали сюда въ Семинарію держать экзаменъ. Насъ не приняли».—«Сколько», я спрашиваю, «здесь въ Семинарію могли принять по штату»?—40 человѣкъ.—«А сколько держали экзаменъ?»—42.—А сколько приняли?—16 человѣкъ.—Гм...—«Теперь мы всѣ не знаемъ, чтѣ съ собою дѣлать. Нѣкоторые даже въ такомъ положеніи, что не на что воротиться. Нѣкоторые—сироты, а другіе—дѣти дьячковъ».... Что жъ я могу сказать имъ въ утѣшеніе? Вотъ сіи юноши, имѣя атестатъ объ окончаніи курса въ Духовномъ Училищѣ, не знаютъ, куда дѣваться. Ясно, что у нихъ, какъ и у родителей ихъ, явится вопросъ: къ чему же пригодно духовно-училищное образованіе, къ чему пригодны и самыя духовныя училища, когда они не открываютъ никакого, а запираютъ всѣ выходы въ жизнь? Калужское и Московское духовенство, смысло, уже поставили этотъ вопросъ (какъ и Виленское духовенство) официально и просить, чтобы духовныя училища ихъ мѣстностей были преобразо-

ваны въ прогимназіи. Я говорилъ власть и интелигенція имущимъ въ С.-Петербургѣ: «въ Западной Европѣ это капитальный вопросъ между Католическою церковью и радикальною кликою о правѣ воспитанія народа; церковь хочетъ воспитывать народъ въ духѣ клерикальномъ, радикалы хотятъ—въ духѣ радикальномъ. Церковь ведеть изъ-за этого вопроса великую борьбу. Мы же не доросли не только до постановки, но даже до пониманія этого вопроса. Попробовалъ было поставить его въ печати въ «Христіанскомъ Чтеніи» свѣтскій человѣкъ, А. И. Предтеченскій; но оберъ-прокурору достаточно было съѣздить по шапкѣ И. Л. Янышева, т.-е. два года не давать ему митры, чтобы уничтожить и малѣйшій запахъ этого вопроса. До сихъ поръ наша церковь, т.-е. духовенство, имѣли право воспитывать въ церковномъ духѣ хотя своихъ собственныхъ дѣтей. Теперь и это совершенно натуральное право у нихъ отнято: можно воспитывать въ нашихъ школахъ только горсточку, извѣстную норму нашихъ собственныхъ дѣтей; остальная же или куда хочешь на всѣ четыре стороны»... «Вы ясно», говорилъ я, «стремитесь слить наши заведенія, академіи и гимназіи съ университетами и подчинить церковное воспитаніе свѣтскому контролю Министерства Народнаго Просвѣщенія».—«Да, эта цѣль сознана», спокойно отвѣчаетъ мнѣ.—«Вы радуетесь», говорилъ яprotoіереямъ, «что васъ теперь ставятъ на мѣсто монаховъ. Не радуйтесь! Ужели вы думаете, что когда станутъ вѣшать насъ, то васъ будуть щадить и обѣгать? Ужели вы думаете, что когда не станетъ насъ, монаховъ, то вы начарствуете, ну хотя бы въ нашихъ школахъ, 50 лѣтъ? Ужели въ обществѣ, вы думаете, долго не родится вопросъ о томъ, что для успѣха дѣла безразлично, protoіерей ли будетъ ректоромъ Семинаріи или благоговѣйный свѣтскій мужъ?»—«Да, этотъ вопросъ о затруднительности находить ректоровъ изъ protoіереевъ уже поставленъ», хладнокровно отвѣчаетъ мнѣ; «говорять уже, что не только нужно, но и можно ставить ректорами свѣтскихъ начальниковъ-магистровъ».—«Наконецъ, мнѣ какъ-то сомнительнымъ представляется прерогативъ ректоровъ семинарій при существованіи свѣтскихъ ревизоровъ», замѣчаю я, «вотъ по моему истинные уполномоченные ректоры семинарій».—«Да графъ», спокойно отвѣчаетъ мнѣ, «къ тому же и стремиться, чтобы ректоры семинарій какъ можно меныше для дѣла значили». Сегодня вотъ (Августа 16-го 1871 г.), я читаю въ «Духовной Бесѣдѣ» утвержденное Государемъ опредѣленіе Свят. Синода объ открытии при Духовно-Учебномъ Комитетѣ еще двухъ (вромъ бывшихъ трехъ) должностей членовъ-ревизоровъ. Около Пасхи и позже былъ въ Казани членъ-ревизоръ Зинченко, ревизовавшій Казансскую семинарію. Ученикъ архіеп. Казанскаго Антонія по Киевской Духовной Академіи, онъ отнесся въ

Казани къ преосв. Антонію весьма почтительно и, казалось, благопорно и довѣрчиво; по крайней мѣрѣ, Антоній выражалъ и къ нему свое довѣріе и другимъ на его счетъ полную свою увѣренность въ его благонамѣренности. Оказалось же по справкѣ, что онъ секретно отъ преосв. Антонія, съ Ильминскимъ и свящ. Маловымъ обработалъ порученіе графа о раздѣленіи крещено - татарскихъ приходовъ Казанской епархіи, совершенно вопреки видамъ преосв. Антонія. Я и спрашиваю въ Петербургѣ: «Да какъ же это такъ? Въ Казани являть зракъ малаго ягненка, такъ глубоко преданнаго своему воспитателю преосв. Антонію, а здѣсь у васъ дѣлаетъ нѣчто совершенно противное его видамъ?» — «Странный вы человѣкъ», возражаютъ мнѣ, «здѣсь отъ графа зависитъ все его положеніе, весь хлѣбъ и хороший хлѣбъ. Недавно онъ получаетъ огь графа награду денежную, тамъ чинъ не въ пору, тамъ орденъ на шею, тутъ въ дорогѣ, догоняетъ его тотъ же орденъ уже съ короною; теперь ему захотѣлось побѣхать на вакансію, но такъ, чтобы не терять служебныхъ преимуществъ, ему выдумываютъ якобы неотложное служебное порученіе, даются на проѣздъ деньги. Такъ какъ же, чудакъ вы этакій! промѣнять Зинченкѣ графа на Антонія? Юридический Комитетъ при Синодѣ будетъ; это будетъ, сколько я понялъ, нѣчто похожее на настоящій Учебный Комитетъ. «Учебный Комитетъ», такъ выражаются въ Петербургѣ, «это Синодъ по учебнымъ дѣламъ». И странно, что Синодъ соперничаетъ съ Комитетомъ..

Вотъ, нарочно, въ пику Комитету возметъ да и передѣлаетъ какое-либо наше распоряженіе! Но они дѣла не знаютъ; дѣло воротится къ намъ же. Мы по всѣмъ пунктамъ его разработаемъ, да и снова въ Синодъ, а они и остаются съ носомъ. Гдѣ же имъ съ нами тягаться?» Но Юридический Комитетъ даже номинально, а не только реально, будетъ нѣчто болѣе самостоятельное, чѣмъ Учебный Комитетъ, такъ что за Синодомъ останется, кажется, только право кассации. «Кто же будетъ засѣдать въ этомъ Комитетѣ?» — «Кто? М. И. Богословскій, Янышевъ, юристы». — «Ну, а архiereи не будутъ?» — «А зачѣмъ бы они тамъ были нужны? И безъ нихъ легко дѣло обойдется». — «Такъ насы по церковнымъ канонамъ будуть судить фрачники?» — «Ну ужъ и по церковнымъ канонамъ... На основаніи законовъ. — А фрачники? — Да развѣ теперь не они же васъ судятъ?» — «Господи, къ чему все это ведеть?» — «Къ чему ведеть?» — «Да, къ чему ведеть?» — Улыбаются. — «Да вѣдь это вы сдвигаете церковь съ ея основъ!» — «А зачѣмъ бы ей быть вѣки вѣчные недвижимой на стародавнихъ ея основахъ? Нѣкоторое движение впередъ весьма желательно». — «Да вы все это дѣлаете никого не

спросясь, во имя монархического принципа, во имя самодержавія». — «Да во имя самодержавія». — «Да церкви, да Православію монархической принципъ столько обязанъ, какъ и само государство». — «Ну, это еще вопросъ». — «А теперь вы созидаете для будущаго элементы борьбы и логически приводите самый консервативный элементъ въ государствѣ къ позыву становиться на сторону противниковъ принципа». — Улыбаются и говорятъ: «не велика бѣда». — «Да понимаетъ ли все это, графъ? Я слышать отзывъ весьма почтенныхъ и образованныхъ людей: отзывъ о немъ, что онъ только переодѣтый Головнинъ, или даже Чернышевскій въ министерскомъ мундирѣ...»

И вы хотите, чтобы академіи наши, семинаріи, училища были подъ одною кровлею съ университетомъ, гимназіями, подъ деспотическими господствомъ вчера Головнина, сегодня Толстого, а завтра того же Головнина или другого подобнаго?! — «Будутъ», отвѣчаютъ улыбаясь. — «Ужели у васъ никто этого не видитъ, никто не возражаетъ?» — «И видять немногіе, а возражать кому охота? Да и какой толкъ? Ничего не подѣлаешь, а себѣ непріятностей наживешь».

Чтò сказать о вліяніи на дѣла В. Б. Бажанова и I. V. Рождественскаго? Не усмотрѣлъ я ни откуда, чтобы они даже хлопотали, чтобы ихъ вліяніе было сильно. Ioannъ Васильевичъ не прочь даже огъ деспотическихъ замашекъ, да чтобы въ личномъ къ нему уваженіи не манировали. Якобы воцаряется поповскій элементъ съ упадкомъ или даже устраниенiemъ монашескаго, они и довольны: цѣли ихъ жизни достигнуты. А чтò изъ этого вообще выйдетъ? О! это «вѣдаетъ Небесный Кормчій», какъ говоритъ пр. Никандръ Тульскій.

11-го Іюля были имяны Ольги Васильевны Чистовичъ; на обѣдъ къ ней отправились два архіерея, Павелъ Кишиневскій и Тихонъ Выборгскій; а я, такъ какъ въ этотъ день служилъ литургію въ Isaakіевскомъ соборѣ, пріѣхалъ въ Ораніенбаумъ уже на 4-часовомъ поѣздѣ, въ 5 часовъ, когда почтенные гости сидѣли уже на диванчикѣ и кругомъ его на креслахъ въ послѣобѣденномъ состояніи. Ну, говорѣ, для котораго и я, мой приходъ, мой видъ подали имъ неистощимую и шикарную тему. Да, я и забылъ сказать, что предсѣдательствовалъ здесь и предводительствовалъ разговоромъ Василій Борисовичъ. Къ 7 часамъ почтенные гости стали подниматься къ исходу на поѣздъ, такъ какъ другой посѣгъ 7 часовъ поѣздъ имѣть отойти только въ 10 часовъ. Василій Борисовичъ и напалъ на архіереевъ, зачѣмъ они въ клубукахъ и съ панагіями: «Ужели вы никакъ не можете отвыкнуть быть чучелами и разъѣзжать пугалами человѣческаго рода?!» Тѣ

оправдываются, что мы-де и «сами стысняемся, но не смеемъ, боимся владыки» и т. д. «Вѣдь, какъ посмотрять, какъ отнесутся» и т. д.— «Да, замѣчаетъ Василій Борисовичъ въ 1840 г. Синодъ судилъ Архангельского архіерея за то, что онъ посыпалъ для осмотра Англійское судно; зачѣмъ-де онъ, православный архіерей, осматривалъ еретическое судно»... Вообще же мнѣ показалось, что бѣло-поповскій элементъ вліяетъ на ослабленіе монашеской неприкословенности нравовъ. О Михаилѣ Измаиловичѣ Богословскомъ вызналъ только, что онъ не въ ладахъ съ митрополитомъ и съ Василіемъ Борисовичемъ и всѣмъ Святѣйшимъ Синодомъ по какимъ-то своимъ текущимъ дѣламъ, по всегдашнему своему своеобразію и упрямству. Оprotoіереяхъ I. В. Васильевѣ и I. Л. Янышевѣ могу сказать больше. Сочувственno обѣ I. Л. Янышевѣ отзыается одинъ только И. А. Чистовичъ... Разноисточные отзывы другихъ довольно единодушны и даже единогласны. На эти отзывы я замѣчалъ: «когда они воцаряютъ новый принципъ взамѣнъ прежняго, монашескаго, имъ бы поберечь на первыхъ порахъ свою репутацію. У монаховъ начинающихъ были свои натуральные монашескіе грѣхи; у священниковъ-ректоровъ, людей семейныхъ должны быть свои замашки, напримѣръ, замашки пріобрѣтательности, деспотизма. Слѣдовало бы на первыхъ порахъ воздержаться, не торопиться обнаруживаться». Впрочемъ, лично на меня произведено впечатлѣніе далеко неблагопріятное. Когда я прибылъ въ С.-Петербургъ, I. Л. Янышева въ Академіи не было (онъ жилъ съ семействомъ на дачѣ въ Выборгѣ). Уже съ 1-го Іюля иду я по Лаврѣ и огибаю соборъ около большого крыльца; вижу довольно высокую, присобіеннюю, немножко съежившуюся фигуру священника въ шляпѣ, но со звѣздою.—«Ахъ, Ioannъ Леонтьевичъ!—Ахъ, ваше высокопреподобіе, о. Никаноръ... Вѣдь мы съ вами однокашники» и пр. Но тутъ, чтобы не повторяться, я долженъ возвратиться къ своимъ собственнымъ дѣламъ, къ нареченію, а потомъ и рукоположенію меня во епископа.

Остановился я на томъ, что я рѣшилъ воспользоваться воскреснымъ днемъ 27 Іюна, чтобы съѣздить въ Ораніенбаумъ къ Чистовичу, въ расчетѣ, что въ этотъ день владыка-митрополитъ меня къ себѣ не потребуетъ, тѣмъ болѣе, что еще съ вчерашияго дни, 26-го Іюня, по какому-то обязательному приглашенію, онъ выѣхалъ изъ Лавры изъ Петербурга куда-то загородъ на закладку церкви, которая должна была совершиться 27-го Іюня, въ какомъ-то богоугодномъ заведеніи. Въ Ораніенбаумъ я, съ величайшимъ удовольствиемъ и назиданіемъ, въ обществѣ Иларiona Алексѣевича и ангелоподобной супруги его Ольги Васильевны, провелъ время до 7 часовъ вечера; упрашивали меня, почти

принуждали, оставаться до 10 часовъ вечера, но я уперся, выставляя на видъ, что неравно владыка-митрополитъ потребуетъ къ себѣ. И дѣйствительно пока я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до С.-Петербурга, оттуда отъ вокзала доѣхалъ на извозчикѣ до Лавры, было уже около 9 часовъ вечера. И лишь только ввалился я въ свою келью и обратился къ своему келейнику съ вопросомъ: «Чтѣ, все благополучно?» какъ получилъ въ отвѣтъ: «Все-то все, да то худо, что митрополитъ спрашивалъ».—Давно ли?—«Да часовъ около 7.»—«Нечего дѣлать, лучше теперь сходить».—Пошелъ, но келейники объявили, что владыка, уставши съ дороги, раздѣлся и отдыхаетъ... Пришлось ждать томительного завтра. 28 Іюня поутру отправился я по обычай на раннюю обѣдню въ крестовую. Отсюда около половины обѣдни потребовали къ митрополиту. Вхожу послѣ томительно - проведенной, почти безсонной ночи съ мрачнымъ духомъ: «Что-то скажутъ и что я скажу, если скажутъ что-либо скверное?» Вхожу, поклонился.—«Присядьте.. Ну, эту рѣчь можно произнести». Такъ у меня $\frac{3}{4}$ горы съ плечъ долой. Полдѣла сдѣлано, ни горя, ни щекотливаго объясненія не вышло. А рѣчонка-то забористая. Какъ это владыка отважился одобрить?!—«Только вотъ... Тутъ нѣкоторыя замѣчанія; а это вы кого разумѣете—Никандра?»—«Нѣть ваше восокопр-ство, Платона».—«А, Платона? А я подумалъ—Никандра, потому что вы въ прежней рѣчи упомянули какъ-то Никандра.... Оставить бы, потому вотъ я и читалъ, не понялъ, а какъ же другое поймутъ слушая?... Да и что особенного онъ сдѣлалъ? Дѣлалъ то, что и другое. А если вы у него служили, и онъ къ вамъ былъ ласковъ, то это была его обязанность.... Или ужъ если говорить, то прямо назвать бы?.... Я поклонился и вышелъ уже другими ногами, не тѣми, какими минуту тому назадъ внесенъ былъ въ эти палаты. Въ ту же минуту отправляюсь къ преосв. Павлу и, торжественно кладя свою рѣчь на столъ, провозглашаю: «Побѣдиша!» 29 Іюня въ день первоверховыхъ Апостоловъ я имѣлъ удовольствіе участвовать при преосв. Тихонѣ въ служеніи литургіи. На завтра же, на 30 Іюня (въ Среду) назначено было мое нареченіе.

Туть слово о моихъ званыхъ обѣдахъ. Не могу теперь сообразить, въ какой именно день представлялъ я митрополиту списокъ лицъ, которыхъ предполагалъ просить къ малому (по числу лицъ) обѣду въ день моей хиротоніи. Въ день же нареченія я рѣшилъ обѣда не дѣлать. Но когда я заявилъ это рѣшеніе, то къ нему почти всѣ отнеслись, какъ къ ереси, оскорблению одного изъ Петербургскихъ догматовъ.—«Осудятъ», внушалъ преосв. Павель, «здѣсь привыкли. У меня по моемъ нареченіи обѣдало сто человѣкъ». Чередные внушали тоже.

«Впрочемъ, хорошо, покажите примѣръ; тогда и намъ легче будетъ. А то вотъ тутъ Исаакій дѣлалъ обѣдъ по нареченіи, такъ къ нему набилось всякой всячины, и монахи, и даже послушники. Ну и вышло какъ-то нехорошо». — «Да именно, этого-то я и не желаю, чтобы ко мнѣ набилась всякая всячина. Мой обѣдъ будуть, если только будутъ есть только тѣ, кого я позову, если только позову. Съ другой стороны я не понимаю и того, съ какой стати прилично торжествовать и праздничать прежде хиротонії? Тутъ поститься и молиться нужно». Глубже же всего меня до послѣдней минуты смущала мысль: ну, а что какъ да выйдетъ что-либо совершенно-неожиданное, смерть внезапная, или что-либо въ родѣ скандала? Вотъ и попраздновали прежде времени!.. «Не перескочивши ровка, не кажи—гопъ!» гласить Бѣлорусская пословица. Но увѣренность, не смотря на противныя мои увѣренія, въ бытіи обѣда по моемъ нареченіи была такъ велика (уже не говорю о томъ, что мой келейникъ Артемій въ день нареченія въ синодскихъ палатахъ подслушалъ двухъ господъ, разсуждающихъ тихо: «что, братъ, покутимъ сегодня у Никанора»), что отъ своего стародавнишняго, наиболѣе знакомаго съ циберальными склонностями моего духа и ближайшаго его друга протоіерея Заркевича я получилъ черезъ предьявителя посланіе сицевое: «Сей человѣкъ есть Завитяевъ, онъ же и Александръ Ильичъ. Какъ ты тамъ ни вертишь и не оригинальничай, а по нашему соображенію безъ обѣда въ день нареченія тебѣ не обойтись. Ты разсуждай тамъ, какъ хочешь; а вотъ тебѣ на всякий случай человѣкъ, лучше которого никто не можетъ сдѣлать ничего подобнаго. Это нашъ кухмистеръ, человѣкъ честный, добросовѣстный и со вкусомъ» и т. д. Человѣкъ сей явился ко мнѣ 28-го Іюня. Однакоже, несмотря на убѣдительныя выраженія выше изложенного посланія, я объявилъ г. послу, что «въ день нареченія ничего не будетъ, это вѣрно. А будетъ-ли что-либо по нареченіи, это будетъ мнѣ самому ясно въ день нареченія. И потому, если угодно, навѣдайтесь вечеромъ въ день нареченія, 30-го Іюня». Онъ такъ и не навѣдался: такъ охолодилъ его мой рѣшительный тонъ. Для обѣда въ день хиротоніи я представилъ вѣдѣкъ-митрополиту слѣдующій списокъ лицъ:

- 1) Членъ Св. Синода архіеп. Василій. 2) Никандръ, еп. Тульскій.
- 3) Павель, еп. Ладожскій. 4) Тихонъ, еп. Выборгскій. 5) Протопресв. В. Б. Бажановъ. 6) Протоіер. И. В. Рождественскій. 7) Протоіер. М. И. Богословскій. 8) Протоіер. И. В. Васильевъ. 9) Д. с. с. И. А. Чистовичъ. 10) Настоятель Исакіевскаго собора, если будетъ подводить къ хиротоніи. 11) Новопосвящаемый.

А предварительно нужно замѣтить, что на счетъ состава лицъ для этого обѣда я совѣтовался съ пр. Павломъ и И. Алекс. Чистовичемъ. Воть внушеніе пр. Павла: ....«Звать ли Василія Борисовича? Нужно вѣдь искать его на дачахъ.—Ужъ коли звать, такъ конечно, звать.—Звать ли И. В. Рождественского? Конечно звать, *любочестивъ босый владыка*....—Звать ли М. И. Богословскаго?—Воть не совѣтовалъ бы. Не къ масти будеть. Со владыкою не въ ладахъ, съ Василіемъ Борисовичемъ не въ ладахъ. Вы ихъ сведете, къ добру ли?—Звать ли Васильева?—Ахъ, не надо-бы.—Иларіона Алексѣевича?—Будеть странностію. Тѣ же вопросы предлагаю Иларіону Алексѣевичу, между прочимъ: «Звать ли Михаила Измайлова?»—«Воть ужъ если кого, то именно его: воть ужъ этотъ человѣкъ всегда и безусловно на вашей сторонѣ»..—Я хочу васъ внести въ списокъ.—«Напрасно, ничего не выйдетъ».—Прихожу со спискомъ къ владыкѣ-митрополиту. Разсматривается... «ну зачѣмъ Бажановъ, Рождественскій?... На дачахъ теперь они.... Подниматься надобно, да и не охотники они до нашихъ обѣдовъ.... Ну, Чистовичъ это зачѣмъ?»—«Мой другъ и товарищъ».—Ну воть, вы здѣсь служили, позовете его; другіе обидятся, почему-де насть не позвали, когда его позвали, скажутъ, потому, что зять Бажанова».

Насталь день нареченія. Главною заботою было вызубреніе рѣчи. На губреніе я не скучился, тѣмъ не менѣе весьма трусили, какъ бы въ волненіи при произнесеніи не сбиться. Особенно же памяти моей и языку не давалась фраза: *«Чувствительность въ членахъ церкви земной уже прослабливаетъ и кипучее развитие жизни уже замедляется и охладывается»*; подчеркнутые глаголы вязли на моемъ языкѣ и непременно спутывались, переставляясь одинъ на мѣсто другого. Но еще большѣ волновала меня боязнь, какъ бы не впасть въ истерику и не расплакаться, такъ какъ въ послѣдніе годы моей жизни этотъ недостатокъ, слезливость, сталъ мою болѣзнью, такъ что малѣйшее волненіе вызываетъ у меня слезы, волненіе же сильное вызываетъ рыданіе, судороги лица, затрудненіе говора, особенно при богослуженіи или произношеніи. Я почти увѣренъ былъ, что безъ того дѣло не обойдется. Когда настало время отѣважать въ Синодъ, я забѣжалъ въ Лаврскій соборъ поклониться моему ангелу, Александру - Невскому, попросить его заступленія, помощи и благословенія; оттуда пошелъ на благословеніе къ пр. Павлу: «Благословите, в. п., большими архиерейскими крестомъ перекрестите»; и когда сказалъ я эти слова, когда преосвященный поднялъ свою руку перекрестить меня, мое лицо вдругъ передернулось судорогой, и я зарыдалъ.—«Ахъ, Боже мой! Нужно удерживаться». «Я самъ это знаю; да что жъ, когда не могу? А тутъ еще

цѣлую ночь не спалъ; послѣ безсонницы со мной всегда бываетъ хуже, нужно выплакаться. Впрочемъ, это хорошо, что здѣсь случилось, послѣ будетъ легче; жаль только, что мало выплакался. Уже съ ночи слезы къ горлу подступали». Поѣхалъ, прибылъ въ Синодъ въ $11\frac{1}{2}$ часовъ; оказывалось, что митрополитъ былъ уже въ Синодѣ. Въ этотъ день, 30 Іюня, синодалы служили панихиду въ Петропавловскомъ соборѣ по императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ; Василій Борисовичъ, обязанный служить панихиду для членовъ царской семьи, такъ и не былъ на мое мѣнариченіи. Сталъ собираться людь. Мы были, какъ водится, въ Синодальной церкви. Подходитъ ко мнѣ тотъ, другой; со всяkimъ раскланяться, всякому слово сказать нужно. Товарищи замѣтили, что это меня волнуетъ, и стали останавливать подходящихъ, что бы не тревожили меня. Состояніе моего духа было самое томительное изъ всѣхъ состояній, какія приводилось мнѣ въ жизни пережить. Чтобы не волноваться, чтобы первы были деревянные, я раза три прибѣгалъ къ каплямъ (смѣясь лавровишневой воды съ белладонною), которая имѣю при себѣ всегда, именно отъ первовѣтъ. Между другими подходитъ раскланяться протоіерей И. В. Васильевъ. Здѣсь я воспользовался случаемъ попросить его, чтобы и онъ сдѣлалъ честь моему обѣду въ день моей хиротоніи.—«Знаете что», говорить онъ почти буквально словами митрополита, «не очень-то мы охочи до этихъ вашихъ обѣдовъ. Надачъ живемъ, подниматься нужно... Да еще рыбью ваше накормите.... Нѣть ужъ, Бога ради примите мое благодареніе такъ, какъ бы я съѣсть вашъ обѣдъ.... А вотъ духовнаго обѣда, духовной пищи мы ждемъ отъ васъ», намекая на предстоящую рѣчъ. Этотъ отказъ отъ обѣда развязалъ мнѣ руки въ томъ смыслѣ, что другихъ я уже и не рѣшился затруднить даже мою просьбою.

Томительное ожиданіе продолжалось какъ разъ до $1\frac{1}{2}$ часа. Вотъ по обычаю появился предвѣстникъ отверстія дверей въ присутствіе Синода, оберъ-секретарь, онъ же и правящій должностъ директора, Павловскій. Наконецъ, милосердія двери отверались. Смотрю въ глубь залы: народъ, свѣтло и пр. День былъ превосходный, свѣтлый, знойный. Вотъ пошли изъ алтаря въ присутствіе діаконы и протодіаконъ Оболенскій; потомъ протоіереи, настоятель Исаакіевскаго собора Лебедевъ и мой воспитатель по С.-Петербургской Семинаріи. (За ключаря крестъ на блюдѣ несетъ товарищъ, священникъ Платонъ Петровичъ Травлинскій, В. П. Полисадовъ; пошли чередные архимандриты: Палладій Могилевскій и Іустинъ Ярославскій; возвратились, повели меня. Нужно ходить кругомъ Синодскаго стола, братъ благословеніе. Дѣло облегчено было тѣмъ, что справа сидѣлъ одинъ митрополитъ Исидоръ,

а слѣва всѣ остальные и тѣхъ всѣхъ только трое: архіеп. Василій, Никандръ Тульскій и Ioannъ Васильевичъ. Я взялъ предосмотрительность надѣть сапоги, которые сдѣланы мнѣ были еще въ 1865 г. въ Витебскѣ; въ 1871 года они пригодились тѣмъ, что, сдѣланные щегольски, они избавили меня отъ необходимости стучать по паркетному полу Синодскаго присутствія. Оберъ-секретарь Павловскій прочиталъ свое обычное: «Всечестный отецъ архимандритъ Никаноръ»... Митрополитъ возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ»... Запѣли. И пѣли всего только архіеп. Василій и Ioannъ Васильевичъ; да и то настоящимъ порядкомъ, добродорядочнымъ обработаннымъ басикомъ пѣлъ только Ioannъ Васильевичъ; преосвященный же Василій, глуховатый отъ старости, пѣлъ не только не въ тонъ, но и не въ попадь его словамъ. Рѣчь. Прямо противъ меня стояло на концѣ большое зеркало, которое мѣшало мнѣ видѣть стоящихъ за столомъ. Я сдѣлалъ шагъ назадъ и началъ головомъ чистымъ, звучнымъ. Шло добродорядочно до словъ: «буди благословенна долготерпѣливая, христоподобная любовь всѣхъ васъ, мои отцы, мои воспитатели и братья».... Тутъ я поклонился на три стороны; но когда стала прямо, приступъ волненія и настойчивость сдергаться разрѣшились такою борьбою, что я почувствовалъ, что дрожу и падаю; нужно было ухватиться за что-либо, за близъ стоящихъ людей..., но два шага впередъ, чуточку въ сторону отъ зеркала, и я— оперся на Синодскій столъ, сдержался, продолжалъ говорить почти не останавливаясь, отступилъ назадъ на мѣсто и кончилъ съ небольшою судорогой нижней челюсти, которую поддерживалъ рукою. Въ крайнемъ смущеніи пошелъ опять на благословеніе... Народъ справа стоялъ до кресла митрополита; кто тутъ былъ, я не смотрѣлъ и не видѣлъ. Слѣва за оберъ-прокурорскимъ столомъ сидѣло и стояло много людей; между стоящими я разглядѣлъ Васильева и Чистовича со звѣздою. Когда я двинулся отъ стола въ алтарь, навстрѣчу мнѣ поднялся Толстой Юрій; я благословилъ его въ смущеніи и спрятался поскорѣе въ алтарь. Между поздравителями профессоръ Казанской Духовной Академіи Николай Ивановичъ Ивановскій здѣсь же поздравилъ меня слѣдующею фразою: «поздравляю съ впечатлѣніемъ... съ произведенными впечатлѣніемъ».

Тутъ же поистинѣ не $\frac{2}{3}$ горы; а чуть не цѣлая гора съ плечъ свалилась.

Остатокъ дня довольно весело и не безъ приключеній провели мы въ большой компаніи: преосв. Павелъ, И. А. Чистовичъ, И. Г. Заркевичъ, о.о. Палладій и Іустинъ и я. Къ преосв. Павлу подѣхалъ къ

вечеру М. И. Богословскій, а ко мнѣ тоже не кстати пришла сестра Александра Савишина Лонгенъ съ нарочно пріѣхавшимъ изъ Гельсингфорса братомъ Михаиломъ Савичемъ Андруцкимъ. Выходитъ, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, а пожалуй еще третій дѣятель толкаетъ. Предполагалось плакать и молиться въ этотъ день, а вышло, что и веселье духа, и благость, и разныя случайности привели къ довольно усерднымъ возліяніемъ шампанского въ честь боговъ языческихъ. И еще слава и благодареніе Богу!

На другой по нареченіи день, именно въ Четвергъ 1-го Іюля, случайно встрѣтиль я, на Лаврскомъ дворѣ, какъ выше упомянуто, И. Л. Янышева, котораго предполагаль отсутствующимъ. Вечеромъ часамъ къ шести я пошелъ въ Академію сдѣлать ему визитъ. Иду и слышу въ Академической церкви звонъ. Что такое? Оказалось, что въ Академіи скончался отъ холеры кончившій курсъ студентъ, который готовился въ доценты. Это звонили къ выносу и ко всенощной. О. ректоръ былъ уже въ церкви, куда и я пошелъ. Въ церкви кое-что постарѣло, кое-что перемѣнилось. Ректоръ самъ стоялъ и пѣлъ со студентами на клиросѣ. Служба Божія идетъ прекрасно, чтеніе разумное, пѣніе стройное, хотя хоръ по случаю вакансіи былъ и не въ сборѣ. Къ концу всенощной я поспѣшилъ сдѣлать поклоненіе и инспектору Академіи Кириллу Ивановичу Лучинскому, моему бывшему наставнику. Но только лишь разговорился съ нимъ, сюда вошелъ и о. ректоръ. Хозяинъ усадилъ насъ за чайный столъ, и потекла бесѣда самая оживленная. Сознаться должно, что Ioannъ Леоптьевичъ говорить мастерски. Къ крайнему, и кажется не моему только, а общему всѣхъ трехъ собесѣдниковъ, сожалѣнію, мнѣ необходимо было прервать бесѣду въ 8 часовъ, потому что я назначилъ въ этотъ день, въ этотъ часъ, свиданіе моему ближайшему знакомому и другу по Саратову Николаю Александровичу Мордвину, котораго дѣйствительно у себя и нашелъ. Тутъ, между прочимъ, о. ректоръ Академіи предложилъ мнѣ, или точнѣе, довольно настойчиво попросилъ напечатать мою рѣчь при нареченіи во епископа въ «Христіанскомъ Чтенії», чтѣ, конечно, я принялъ не безъ удовольствія, сказавъ о. ректору, что «предлагать рѣчь для напечатанія съ моей стороны было бы нескромностю, но если вамъ угодно, то я съ удовольствіемъ принимаю эту честь».

На завтра 2-го Іюля въ Пятницу самолично понесъ я къ нему свою рѣчь, но опять не засталъ дома, такъ какъ онъ уже ушелъ въ церковь служить литургію. Во время обѣдни мы могли перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами только во время причастія. Вручивъ

мою рѣчъ, я предварилъ, что она тенденціозна и что «именно вашему высокопреподобію, именно въ вашемъ журнアルѣ, быть можетъ, было бы неловко напечатать эту рѣчъ», разумѣя въ ней тенденціозный монахо-фильскій оттѣнокъ. «О», великодушно возразилъ о. ректоръ, «я къ этимъ вещамъ отношусь совершенно объективно». — «Еще я всепокорнѣйше прошу ваше в—добіе, если обстоятельства задержать васъ въ С.-Петербургѣ до Воскресенья, сдѣлать мнѣ честь и удовольствіе подвести меня къ хиротонії». — «О, съ величайшимъ удовольствіемъ, за честь себѣ поставлю» и т. д. Литургія совершилась весьма чинно. Въ богослуженіи онъ немножко манеренъ, однако же весьма приличенъ. Когда по окончаніи литургіи пошли они изъ алтаря на средину церкви на отпѣваніе, я пошелъ боковою алтарною дверью изъ церкви; но, поровнявшись къ главною входною въ церковь дверью, вижу что-то необычное. Приглядываюсь. Вижу, что о. ректоръ, вышедши изъ царскихъ вратъ, сталъ ближе къ правому клиросу противъ иконы Спасителя лицомъ къ народу; дальше противъ царскихъ вратъ и до лѣваго клироса расположились, какъ располагаются въ Пасху для христосованія, прочие священнослужашіе, два священника и два діакона, тоже лицомъ къ народу, стоять и молчать. Прислушиваюсь; оказывается, что о. ректоръ почти шопотомъ говоритъ рѣчъ. Что-жъ это за рѣчъ? Нѣчто до изумительности необычное. Во-первыхъ, шопотъ, возвышающійся до взрыва голоса; во-вторыхъ, совершенно спокойная неподвижная постановка тѣла, вдругъ оканчивающаяся сильными порывистыми жестами; никакого аналоя предъ проповѣдникомъ, никакой тетрадки; рѣчъ совершенно кабинетная, домашняя, разговорная... Родная наша Академія произвела на меня странное, скажу болѣе, въ иѣ-которыхъ отношеніяхъ даже грустное впечатлѣніе. Напр., звоню въ квартиру ректора, встрѣчаешь и провожаешь баба, старуха, изъ кухни, замаранная. Звоню въ квартиру инспектора: отворяетъ дверь смазливая чопорная дѣвчонка въ родѣ зайчика съ вертящуюся головкой; входя въ залу, ищу св. икону, чтобы перекрестить свой лобъ, увы! на мѣстѣ, гдѣ глаза прежде привыкли видѣть св. икону, вижу трюмо отъ потолка до полу, и послѣ въ цѣлой квартирѣ ни одной даже самой маленькой иконки, а вмѣсто того на стѣнахъ прекрасные картины вакханокъ, бьющихъ въ бубень цыганокъ, на окнахъ занавѣси, на дверяхъ драпри вмѣсто старинной, суровато-монашеской простоты. Подъ окнами Академіи вижу нововыращенный, изящно подстриженный куртины и цвѣтники, но иду въ садъ и вижу, съ сердечною грустью вижу, что эти старинные аллеи деревьевъ, подъ которыми выросло столько серьезно мыслящихъ поколѣній, высыхаютъ повалено, такъ что старый академический садъ черезъ какихъ-либо

10 лѣтъ, не болѣе, совершенно вымреть. Вотъ, по-истинѣ, тутъ шевельнулось въ моемъ сердцѣ чутѣе, одно изъ тѣхъ, которыя привыкъ я считать за вѣція: умираетъ прежній принципъ... Посмотришь, въ Лаврѣ еще болѣе старыя аллеи, липы и березы, которыя были почти такъ же, какъ теперь, толсты, еще въ ту далекую пору, когда я гулялъ подъ ними еще мальчикомъ-семинаристомъ въ 40-хъ годахъ; онѣ и до сихъ поръ еще зелены, и прочны, и многолиственны, и привѣтливо-тѣнисты; тутъ также крѣпкая историческая жизнь, которой и Лавра и Русь жили вѣка. А въ Академіи садъ сравнительно молодой заchaхъ, тамъ на него пахнула совсѣмъ иной вѣтеръ, тлетворный Самумъ, быть можетъ для новой жизни и благотворный вѣтеръ, но для старой, для жизни духа нашего и всѣхъ предшествующихъ поколѣній, мертвящій вѣтеръ... Простите, кому не понравится, но такъ.

Внушено мнѣ было, что поутру въ Субботу 3-го Іюля, наканунѣ хиротоніи, нужно идти ко владыкѣ за благословеніемъ. Тотчасъ послѣ ранней литургіи я и отправился. Говорять «въ садъ пожалуйте, владыка тамъ, чай кушаетъ». Иду въ садъ къ особому домику. Говорятъ: «подождите». Походилъ по саду съ полчаса. «Пожалуйте». Въ домикѣ обширная комната на дачный манеръ. На диванчикѣ за большимъ столомъ сидить владыка въ подрясникѣ. Благословилъ.—«Присядьте-ка. Что это у васъ, отчего вы на нареченіи пришли въ такое волненіе?»—«Совѣтно сказать, но должно сознаться, что я подверженъ слабости нервовъ и особымъ нервнымъ припадкамъ. Малѣйшее волненіе и меня кидаетъ въ слезы. Тутъ, при проинесеніи рѣчи я употреблялъ крайнія усиія, чтобы не расплакаться. Вдругъ отъ волненія почувствовалъ, что дрожу и готовъ упасть. Нужно было ухватиться за людей. Но думать тутъ некогда было, и я оперся въ столъ».—«Ну, знаете, лѣченье нужно, купанья, что-ли употреблять, чтобы укрѣпить нервы. А то съ годами это будетъ дѣлаться хуже. Я расскажу вамъ случай. Въ такихъ-то годахъ былъ въ Уфѣ преосвященный Михаилъ. Съ нимъ это было. Да какъ? Вотъ онъ готовится къ службѣ, пришелъ въ церковь, облачился.... И вдругъ говорить: «Не могу»... разоблачается и уходитъ. Или даже иногда прочитаютъ часы, иногда дойдетъ дѣло до малаго входа, а далѣе—«не могу.... Сдѣлается трясеніе, нападетъ малодушіе». Бился, бился бѣдный и вынужденъ былъ оставить каѳедру. А послѣ жилъ еще цѣлыхъ 16 лѣтъ. И со мною случалось: вдругъ за службою волненіе, дрожь, нападетъ какое-то малодушіе, кажется если бъ не оперся о престолъ, то и упалъ бы. Пр. Павелъ, вотъ и молодъ, а тоже подверженъ этому.... Нужно лѣчиться, принимать мѣры. Не то къ старости можетъ быть хуже.... Гдѣ и какъ вы тамъ жить будете въ

Ново-Черкасскъ?»—«Пр. архіеп. Платонъ писаль мнѣ, что помѣщеніе назначено въ какомъ-то старомъ училищномъ домѣ, который отдѣляютъ, а временно назначено помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ, помѣщеніе небогатое».—«Не богатое, это что? Я въ Грузіи 12 лѣтъ выжилъ вотъ въ какомъ помѣщеніи: входъ съ улицы въ комнату, величиною такъ въ половину этой комнаты. Тутъ у меня рабочій столъ, приемная, зала, кабинетъ, и все тутъ; далѣе комната—гостиная, ровнымъ счетомъ могутъ сѣсть плечо въ плечо 11 человѣкъ; затѣмъ комната—чуланчикъ съ окномъ кругленькимъ, вырѣзаннымъ въ двери; а потолки такъ высоки, что рукой можно достать. Когда былъ», (забылъ кто, Государь-ли цокойный, или Цесаревичъ, нынѣшній императоръ). .. намѣстникъ нарочно повелъ его ко мнѣ, чтобы показать, какъ Грузинскій экзархъ живеть. Но къ сожалѣнію меня не предварили, я уѣхалъ въ контору. Такъ гость и неповѣдалъ мое помѣщеніе. Въ послѣдствіи времени я устроилъ для себя помѣщеніе, стало лучшимъ домомъ послѣ намѣстническаго. Но сначала вотъ какъ жить пришлось, и 12 лѣтъ. Слава Богу, что хоть гдѣ-либо есть пріютиться. Странный городъ этотъ Ново-Черкасскъ. Ничего тамъ не было на памяти еще живыхъ людей, никакихъ поселеній. Пришла фантазія Платову поставить тутъ городъ. На чтобы лучше Аксай? Я былъ тамъ: амфитеатромъ раскинуть по горѣ надъ самымъ Дономъ, торговый пунктъ. Нѣть, давай, поставимъ городъ на безплодной горѣ. Построили, настроили. Оказалось, воды нѣть. Городъ и безъ воды! церквей нѣть. Давай строить соборъ свѣту на удивленье. Вывели громадное зданіе изъ мѣстнаго камня, который изъ земли вырубается топорами, потомъ на солнцѣ твердѣеть. Забыли при постройкѣ, что камень этотъ принимаетъ влагу. Камень сѣль, и соборъ рухнуль. Понадобились снова миллионы. Давай строить изъ кирпича. Строили, строили. Опять рухнуло!.. Расколъ тамъ—преосвященный Платонъ писаль сюда, просилъ прислать ему миссионера для собесѣданій. Посылали Пафнутія. Эти собесѣданія, коли они школьнія, ничего кромѣ зла они не дѣлаютъ. А вотъ проѣхалъ здѣсь Павель Прускій и оставилъ двѣ единоўрческія церкви. Надо умѣть, какъ за нихъ взяться. Эти мѣры полицейскія, разныя тамъ стѣсненія раскольниковъ ни къ чему онъ не ведутъ... И къ чему этотъ расколъ приведеть насъ, это одинъ Богъ святый знаетъ. Вѣдь раскольниковъ считается 11 миллионовъ. А тутъ не такъ давно посыпали изъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ повѣрить число раскольниковъ въ одной Ярославской губерніи; они и донесли, что явныхъ раскольниковъ $\frac{2}{3}$ всего населенія, а православныхъ $\frac{1}{3}$ всего населенія, да сколько между ними тайныхъ раскольниковъ, это еще неизвѣстно. Единственное средство, какое можно рекомендовать,—это себя и духо-

венство держать въ порядкѣ. А то мы къ сожалѣнію ослабѣваемъ. Взять примѣрно хоть здѣшнее столичное духовенство: старые обычаи забываются. Я получаю кучу писемъ по городской почтѣ, тамъ то, тамъ это, жалуются, что священники забыли, какъ надо перекрестить лицо свое по православному. Я и смотрю, въ Исаакіевскомъ соборѣ— кто же? Ключарь, кто его знаетъ, чтѣ онъ тамъ такое болтаетъ рукою подъ ризою. Я и говорю ему: «Я съ тебя ризу здѣсь-же сниму, если увижу впередъ, что ты будешь креститься такъ»... Ну Боже благослови. Готовьтесь». Кромѣ этого о современному состояніи раскольническаго дѣла я узналъ только, что положительно созрѣваетъ мысль дать старообрядцамъ архіереевъ независимыхъ отъ Синода, и что преосвященному Ставропольскому намѣстникомъ Кавказскимъ данъ выговоръ за то, что при свиданіи съ раскольническимъ епископомъ онъ позволилъ себѣ вступить съ его лже-преосвященствомъ въ словопрение.

Отъ владыки-митрополита я отправился къ архидіакону Валеріану вручить ему нижеслѣдующее расписаніе.

1) Архидіакону Валеріану	25 р.
2) Старшему иподіакону его высокопреосвященства, о. діакону Заозерскому	20 >
3) Младшему иподіакону	10 >
4) Хору его высокопреосвященства	30 >
5) О. іеродіакону Антонію (тому самому, чтѣ трудился надъ перепискою моей рѣчи).	4 >
6) Двумъ чиновщикамъ (посошнику и книгодержцу).	6 >
7) Письмоводителю его преосвященства, который приносилъ присягу.	5 >
Итого 100 р.	

Остались довольны. Дали надлежащія братскія наставленія. Относительно остальныхъ нужныхъ совѣтовъ сказали, что дадутъ ихъ при самой хиротоніи, при дѣлѣ; тогда будетъ видно. Послѣ хиротоніи чрезъ о. иподіакона Заозерского я вручилъ еще по 5 рублей двумъ іеродиконамъ, которые и въ день хиротоніи, и на завтра, при первомъ моемъ архіерейскому служеніи, мнѣ прислуживали. Да о. духовнику іеромонаху Ираклію вручилъ 25 р. послѣ исповѣди. И того на Лаврскую братію вышло всего 135 р.

Насчетъ нужныхъ архіерейскому сану украшений, т. е. панагій, иконъ нужныхъ для поднесенія, надлежащія мѣры я взялъ заблаговременно. Именно взялъ изъ Казанского женскаго монастыря десять иконъ, возможно точныхъ копій съ подлинно Казанской иконы Божіей Матери;

онъ пишутся въ самомъ монастырѣ монахинями на кипарисныхъ доскахъ и съ желательною безукоризненностью. Мои иконы тамъ же въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ были и освящены. За нихъ въ Казани я заплатилъ 70 р.; за укупорку особо заплатилъ сколько-то рублей, кажется 1 р. 50 к. Эти иконы нужно было обложить чистымъ бархатомъ и сребро-позлащенными рамками, чтò устроилъ для меня Григорій Григорьевичъ Петровскій, за что взялъ съ меня 130 р. Изъ этихъ иконъ одна изъ лучшихъ довезена опять чрезъ Казань до Новочеркасска для врученія архіепископу Платону, коему болѣе, чѣмъ кому - либо другому, я обязанъ своимъ архіерействомъ. Кромѣ того у того же Г. Г. Петровскаго я взялъ изящный, лучшій какой нашелъ въ лучшемъ магазинѣ, образъ Александра Невскаго, который представленъ мною въ Казани благодѣтелю моему архіеп. Антонію, и за него заплачено 20 р. Кромѣ того, по настоятельному совѣту Викентія Захарыча Маньковскаго, я рѣшился, вопреки моему первоначальному намѣренію, съѣздить съ визитомъ къ оберъ-секретарю Павловскому, какъ прекраснѣйшему, обязательнѣйшему человѣку, да онъ же кстати и правящій должность директора, да и угрожаемый директорствомъ синодальной канцелярії, для чего вооружилъ одну изъ своихъ рукъ книгою своего «разбора», а другую иконою Спасителя, и съѣздилъ и не пожалѣлъ, потому что въ рѣчахъ, во всѣхъ жестахъ, въ выраженіи лица у этого человѣка выражалось столько доброты и готовности служить ближнему, что я почувствовалъ къ нему сердечную симпатію. Тому же г. Петровскому за эту икону заплатилъ я 15 р. У него же взяты панагія съ изумрудами, альмандинами и бѣлыми топазами за 85 р., къ ней цѣпочка за 18 р., панагія другая съ чеканнымъ образомъ, жемчугомъ и бѣлыми топазами за 80 р.; онъ же передѣлалъ мнѣ заново панагію, которую благословилъ меня преосв. Антоній Казанскій, съ добавленіемъ золота и аквамариновъ, за что взялъ 30 р., за цѣпочку къ ней 20 р. У него же увидѣлъ я панагію съ голубой эмалью, бѣлыми топазами, альмандинами и Бразильскими топазами, которую онъ оцѣнилъ въ 180 р., хорошая, великолѣпная панагія, для меня молодого архіерея, казалась мнѣ слишкомъ грандиозною, но для архіеп. Донского Платона, по его старости, величеству и сановитости, весьма подходящею. Долго я колебался между скупостью и хорошою мыслю поднести такую прекрасную вещь такому хорошему человѣку и такую подходящую вещь человѣку, которому я обязанъ панагіею. Наконецъ хорошее влечение одержало верхъ. Впрочемъ мое колебаніе въ томъ только и заключалось, что я не говорилъ Петровскому послѣдняго слова до послѣдняго дня; но самъ я съ перваго-же дня свиданія съ его панагіею зналъ, что она погибла для него навсегда. Взялъ и эту панагію и приписалъ къ сче-

ту 180 р. Кромъ того мнѣ жаль стало старого моего пріятеля Александра Ивановича Блюма, у которого я взялъ двѣ митры и прекрасный золотой крестъ, когда вхалъ чрезъ С.-Петербургъ на ректорство въ Казанскую Академію; теперь Г. Г. Петровскій предвосхитилъ мое вниманіе тѣмъ, что у него кромѣ плохихъ я увидѣлъ три или даже четыре хорошихъ панагіи, изъ которыхъ взять три лучшія; а Блюмъ тоже показывалъ мнѣ штуку 10 панагій, но самъ напередъ сознаваясь, что и знаетъ, что для моего вкуса онъ—увы! не подготовился; дѣйствительно, всѣ до одной его панагіи имѣютъ самый дюжинный обликъ. Такъ у него я рѣшился взять хотя что либо, чтобы его не обидѣть, и взялъ двѣ цѣпочки, одну для своей панагіи съ чеканнымъ Спасителемъ, за которую заплатилъ 17 р., а другую для панагіи преосв. Платона, за которую заплатилъ 25 р. Кромѣ того въ Казани сдѣлалъ я одну рясу бархатную, другую хорошей шелковой матеріи, одинъ подрясникъ изъ высокаго моара, а другой простенький бѣлобрысый для службъ, что все въ совокупности стоило около 300 р.; въ Петербургъ сдѣлалъ новый клобукъ съ камилавкою, да на старую мою мантію нашилъ архиерейскіе источники, что стоило около 50 р. Такимъ образомъ за весь этотъ приготовительный къ архиерейству снарядъ получится весьма добропорядочный итогъ въ 1035 р. 50 к.

Такъ какъ уже пошло на итоги, то представимъ здѣсь повѣствованіе и объ обѣдѣ, маломъ обѣдѣ, который былъ тамъ въ день хироніи. По совѣту съ преосв. Павломъ, я адресовался къ о. Эконому митрополичьяго дома, крестовому іеромонаху Ісаи, чтобы онъ устроилъ этотъ обѣдь, какъ знаетъ, изъ блюдъ, какія ему угодно и чрезъ офиціанта, какого угодно.

Въ митрополичихъ покояхъ строилъ эти обѣды одинъ уже известный офиціантъ, по фамиліи что-то въ родѣ Хоменко. Рѣшено, что онъ накормить 10 человѣкъ и получить 100 р. Вина мои. Всѣмъ было взять вина у Елисѣева; «владыка-де пить Елисѣевскія». Но у меня съ молоду былъ старый другъ Денкеръ съ потребомъ своимъ противъ Знаменья; у него же я бралъ, когда былъ череднымъ; отъ него же выписывалъ вина, когда былъ ректоромъ въ Витебскѣ; хотѣлось мнѣ и на этотъ разъ напомнить о своемъ существованіи своему другу. Я послалъ къ нему Артемія и велѣлъ сказать: «Скажи, что такой-то, вина берутся по такому-то случаю для митрополичьяго стола, чтобы далъ вина хорошія». Денкеръ и К°. отпустили вина хорошія, по ихъ словамъ, съ надлежащими совѣтами, какія требуютъ холоднаго содержанія, а какія терпать и теплое. Взято было:

1) Двѣ водки около	1 р. 50 к.
2) Два хереса >	4 >
3) Два портвейна красные	4 >
4) Два Шато-д-Икема	4 >
5) Два Мозельвейна	4 >
6) Два Шато-Лафита	4 >
7) Два Эля	2 > 20 к.
8) Два портера	2 >
9) Два Венгерскихъ	4 >
10) Шесть Клико	19 > 20 к.

Итого . . . . . 48 > 90 к.

Относительно же лицъ для этого обѣда дѣло располагалось такимъ образомъ, что изъ тѣхъ, кого я предполагалъ приглашать къ этому обѣду первоначально, оставались только:

- 1) Владыка митрополить
- 2) Архіепископъ Василій
- 3) Епископъ Тульскій Никандръ
- 4) Епископъ Кишиневскій Павелъ
- 5) Епископъ Выборгскій Тихонъ
- 6) О. ректоръ Академіи и

новопосвящаемый; а далѣе только предполагалось два чередныхъ архимандрита, но о нихъ и не было и не могло быть доложено митрополиту, и безъ его благословенія на обѣдъ въ его палаты они ни за что не пошли бы, хоть бы я и позвалъ. Но тутъ произошло новое обстоятельство. Владыка распорядился, чтобы при хиротонії были всѣ наличные архіереи и оба чередные архимандрита. Но такъ какъ на 4-е Іюня падаль въ городѣ какой-то крестный ходъ, то преосв. Павелъ и убѣдилъ владыку отрядить на крестный ходъ преосв. Тихона изъ опасенія, что «въ городѣ разсердятся, если на крестномъ ходѣ не будетъ ни одного архіерея». А вмѣстѣ съ преосв. Тихономъ отряжены были и чередные архимандриты. Такимъ образомъ и хиротонія моя теряла въ своей возможно-полней торжественности, и обѣдъ относительно лицъ присутствующихъ на немъ стѣснялся уже до малости, до 6 лицъ, между тѣмъ какъ деньги заплачены за 10 лицъ, и деньги большія. Выходило какъ-то неловко.

Въ такомъ расположениіи духа и вышелъ я къ 6 часамъ вечера на Лаврскій дворъ, чтобы идти въ Крестовую ко всенощной. Тутъ по обычаю сошлись преосв. Павелъ, чередные Палладій и Іустинъ и я. Поднялся разговоръ о завтрашнемъ днѣ, обѣ обѣдѣ. Чередные и я жалѣли, что они не могли быть. Преосв. Павелъ гнѣвался на ризни-

чаго, что онъ для крестнаго хода въ городъ подвернулъ чередныхъ, а не Лаврскихъ архимандритовъ, которыхъ есть человѣкъ шесть. Однако же поправлять дѣло было поздно. О преосв. Тихонѣ онъ говорить мнѣ, что «вы можете просить его пожаловать на вашъ обѣдъ». Выходило все-таки 7 лицъ, тогда какъ обѣдъ заказанъ на 10. «А далѣе я долженъ сознаться въ секретѣ», говорю я, «что завтра послѣ обѣдни я позову служащихъ архимандритовъ». «Кого это? напустился на меня преосв. Павель, Лаврскихъ-то! Ни подъ какимъ видомъ». Меня это передернуло: «да почему?»—«Да потому я вамъ скажу, что въ чужой монастырь съ своими уставами не ходять... потому что, я вамъ скажу, владыка, съ позволенія вашего сказать, такъ надмененъ, что чередныхъ архимандритовъ позволяетъ приглашать къ нему только подумавши. Ихъ вотъ можно. Это особая статья, только потому, что одинъ изъ нихъ уже утвержденный архидиаконъ, а другой избранный. А Лаврскихъ никого совершенно поп ad gentes». «А вина взяли?» «Взялъ», говорю я, напередъ уже предаваясь трусости, чувствуя свою провинность. «У кого?» «У Денкера», сознаюсь я. Преосвященный такъ и хлопнулъ руками по ляшкамъ: «ахъ, да вѣдь говорилъ же я вамъ взять у Елисѣева. Вы все по своему, о. Никаноръ», выразился преосвященный съ многозначительнымъ упрекомъ.—«Да, вина, я увѣренъ, «хорошія», оправдывался я весьма смиренно». «Вы увѣрены! Да что же дѣлать, когда у владыки всегда подаются Елисѣевскія. А портвейну взяли?—«Взялъ... краснаго».—Преосвященный опять хлопнулъ себя по-боку: «краснаго! Да вѣдь говорилъ же я вамъ: бѣлаго! Вѣдь владыка питьѣ бѣлый и можно сказать только бѣлый».—«Ахъ ты Господи», сталъ я возмущаться, «все у васъ тутъ въ Петербургѣ достали. Архимандритовъ къ столу митрополита приглашать преступно. Петербургскій догматъ! Вина братъ непреложно у Елисѣева и ни подъ какимъ видомъ у Денкера—Петербургскій догматъ! Портвейнъ ставить только бѣлый, потому что владыка питьѣ только бѣлый,—и это догматъ. Ну, хорошо, я возьму бѣлаго портвейну, даже у Елисѣева возьму; но перемѣнить всю пропорцію винъ: вѣдь это же составляетъ расчетъ». «И не надо всю: портвейнцу дѣйствительно пошлиte взять», сталъ убѣждать меня преосв. Павель нѣсколько смягчающимся тономъ, «и именно у Елисѣева. И вамъ скажу, что когда я рукополагался, то взялъ бутылочку особую для владыки—бѣлаго портвейнцу въ 4 р. Владыка, бываетъ, поставить эту бутылочку около себя, да другимъ-то и нѣтъ». «Ну хорошо, я пошлю двѣ». «Не надо двѣ, одну пошлите, да велите захватить еще аллашу; владыка, если когда и питьѣ спиртное, то только аллашъ... А лаврскихъ архимандритовъ и не думайте», научаетъ меня преосв. Павель (причемъ мы по коридору уже приближались къ Крестовой)

«ужъ если хотите владыкъ сдѣлать удовольствіе, пригласите о. Исаю (эконома, въ родѣ дворецкаго митрополичьяго дома); да старичка Петра Алексѣевича (стародавній келейникъ владыки), приличиѣ будеть». Этими словами преосв. Павель далъ моей возбужденности оружіе въ руки: «Ну хорошо, хорошо, все будетъ по вашему, Петербургскіе доктрины будуть соблюдены». Но это обстоятельство оставило во мнѣ навсегда прегрустное впечатлѣніе. «Если вы архимандритовъ трактуете хуже лакеевъ, то зачѣмъ же и ставить ихъ архимандритами!»? При этихъ словахъ мы поднялись уже въ церковь. Отъ этого разговора такъ и пошла около меня поговорка: «Петербургскій докторъ!» «А что станете дѣлать», объявляя мнѣ по этому поводу И. А. Чистовичъ, «адѣсь все мало-мальски по-чадочное копируетъ дворъ. Вѣдь около митрополита свой маленький дворъ, свой этикетъ, свои привычки, свои, какія хотите, прихоти, котор я для другихъ становится закономъ,—Петербургскимъ, какъ вы выражаетесь, докторомъ».

Всенощная, исповѣдь послѣ всенощной у лаврскаго духовника Ираклія совершилась по чину. О. Ираклій наложилъ на меня епитимію: «всякаго просителя принимайте сами. Сами выслушайте, что будетъ говорить. А то идешь съ прошеніемъ, возмутъ заглазно, и—пусть даже сдѣлаютъ, а все не то; на сердцѣ холодно, не приняли, ничего не спросили... Сами принимайте, сами всякаго принимайте и выслушивайте». Епитимія хорошая, разумная и гуманная и даже цѣлесообразная, потому что, можетъ быть подъ часъ и порядочною буквально епитиміею—наказаніемъ... Тутъ, кстати сказать. Есть обычай замѣтать, какой Апостолъ, какое Евангеліе читаются, особенно же какое Евангеліе вскроется при возложеніи Евангелія на рукополагаемаго при хиротоніи. Какое Евангеліе вскрылось, мнѣ какъ-то не пришлось, да и не ловко было, спросить. Читалось же Евангеліе отъ Матея зачало 33, не особенно ясно подходящее. Но Апостолъ читался трогательно подходящій и къ завѣщанію духовника, и къ нашему архіерейскому положенію вообще, и къ моему въ частности, зачало 16 (Рим. 15, 1—7): «Братіе! Должны мы сильніи немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угоди, но якоже есть писано: поношенія поносящихъ тебѣ, нападоша на мя. Едика бо предписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася: да терпѣніемъ и утѣшніемъ писаній упованіе имамы. Богъ же терпѣнія и утѣшнія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ; да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа. Тѣмъ же пріемлете другъ друга, якоже и Христосъ пріятъ

васъ во славу Божію». Свалились почти всѣ горы. Ночь прошла такъ себѣ, въ легкой полудремотѣ.

Настало утро 4-го Іюля, прекрасное, свѣтлое, тихое, теплое утро. Нужно было предъ литургіею сдѣлать еще иѣкоторая необычныя приготовленія. Во-первыхъ, призванъ былъ лаврскій разсыльный и отправленъ за двумя бутылками высокаго портвейну и за алашемъ. Во вторыхъ, нужно было подписать архіерейскую присягу по данной формѣ. При этомъ началась и своя злоба этого свѣтлоторжественнаго въ моей жизни дня. Начались она вотъ съ сего. О. иподіаконъ Заозерскій далъ мнѣ установленную форму, по которой я долженъ быть росписаться на архіерейской грамотѣ.

Форма сія слѣдующая:

- 1) Азъ Казанской Духовной Академіи ректоръ
- 2) Архимандритъ Никаноръ,
- 3) Нынѣ нареченный во епископа
- 4) Богоспасаемаго града Аксая
- 5) Викарій Донской епархіи
- 6) Сія здѣ написанная и
- 7) Подписанная моею рукою
- 8) Пріемлю и вручаю предъ Св. Евангеліемъ.
- 9) Отцѣмъ и братіямъ моимъ
- 10) Преосвященнымъ митрополитамъ
- 11) Архіепископамъ и епископу и
- 12) Всему освященному собору
- 13) Во градѣ святаго Петра
- 14) Въ соборномъ Свято-троицкомъ храмѣ
- 15) Александро-Невскія Лавры
- 16) Дѣта Господня 1871-го
- 17) Мѣсяца Іулія въ 4-й день.

Съ подлинникомъ этой формы въ рукахъ я присѣлъ подписать архіерейскую присягу, да и пишу на 1-й страницѣ: «Азъ»,—на 2-й (по славянскому счету) «Казанской», на 3-й—«Духовной», да только тутъ, подписавъ уже иѣсколько страницъ, и сообразилъ, что въ цѣлой архіерейской присягѣ всѣхъ страницъ по Славянскому счету, т.-е. листовъ, имѣется 9, а страницъ по-Русскому счету имѣется 17 и для каждой изъ 17 страницъ въ формулѣ подписи назначена особая группа словъ, отъ чего я уже отступилъ подписавъ иѣсколько страницъ. Какъ тутъ быть? Подчищать и долго, и неблаговидно. А другой экземпляръ присяги теперь достать и чегдѣ, и некогда. Самое лучшее вписать оставшіяся слова подписи на оставшихся страницахъ? Но будетъ на-

рушенъ одинъ изъ Петербургскихъ догматовъ? Вѣдь вадуютъ? Какъ быть? А, быть или не быть еретикомъ, за одно уже: вино куплено у Денкера, куда не шло, подписывай рука, какъ можешь. Я взялъ да и вписалъ все остальные слова формулы на оставшихся страницахъ, раздѣливъ на группы, какъ самъ нашелъ нужнымъ и удобнымъ. Передъ хиротоніей уже въ соборѣ покаялся въ этомъ грѣхѣ о. Заозерскому,—ничего, сошло. Но другое заключеніе вышло поважнѣе, по крайней мѣрѣ гораздо тревожнѣе. Купленная для митрополичьяго стола вина, однѣ не боящіяся тепла, стояли у меня въ квартирѣ, а другія поставлены были въ какомъ-то изъ лаврскихъ погребовъ. Передъ обѣдней я и говорю моему Артемію: «Смотри же, какъ отведешь меня въ соборъ, сейчасъ же забери вина и сдай ихъ о. Исаіи, какъ эти, которыхъ здѣсь у насъ, такъ и тѣ, чтѣ въ погребѣ. Пока звонить будутъ, успѣшь и вина сдать, и воротиться въ соборъ, чтобы видѣть церемонію». А я знаю, что онъ страстный охотникъ до торжественныхъ церковныхъ церемоній.

Вотъ и заблаговѣстили къ архіерейской хиротоніи трезвономъ. Я одѣлся и собрался идти. Всѣ нужныя вещи, какъ-то мантія, митра, свѣтлая архіерейская ряса, панагія, архіерейская присяга, были мною самимъ осмотрѣны, уложены и сданы Артемію, чтобы несъ со мною въ соборъ. Я и пошелъ и пришелъ въ соборъ. Поклонился престолу и прочимъ святынямъ. Вижу, что о. ректоръ Академіи уже здѣсь; я пошелъ здороваться къ нему, отъ него къ другимъ, иные стали подходить ко мнѣ, народъ набирается въ алтарь, множество. Только вдругъ изъ забытъя выводитъ меня о. архідіаконъ: «а гдѣ, ваше в—діе, у васъ архіерейская присяга? — «Ахъ, здѣсь... Артемій! вещи!»—Не тутъ-то было, Артемія нѣтъ. Я присѣлъ, смотрю, жду, вотъ сейчасъ придется. Подходитъ о. иподіаконъ Заозерскій: «ваше в—діе, присяга, панагія, ряса?»—«Ахъ, представьте: келейника моего нѣть». Подходитъ другой, третій, всѣ напоминаютъ кто о присягѣ, кто о панагіи, кто о рясѣ. Чтѣ тутъ дѣлать?! А тутъ десятки лицъ, изъ лавры, изъ города, священники, протоіереи. Чины подходятъ здороваться, поздравлять, когда у меня кошки мучительной заботы царапаютъ за сердце. Какъ быть? Нѣть Артемія! Осмотрѣлся сѣмо и овамо, нѣть. Нечего дѣлать, самъ побѣжалъ изъ собора въ келью, думая, не задержалъ его что-либо. Цапъ за дверь, заперта. Я за колокольчикъ, давай звонить. Да безуміе же разбивать ни въ чемъ неповинный колокольчикъ, когда человѣка навѣрное тамъ нѣть. Но что же дѣлать? А спросить въ пустынныхъ коридорахъ, куда онъ дѣвался, некого. Побѣжалъ назадъ въ соборъ. Народу много, но все по-петербургски, чиновный, а

послать кого-либо куда-либо нельзя, некого. Подвернулся какой-то солдатикъ-сторожъ. «Христа ради, бѣги къ о. Исаи, тамъ мой келейникъ понесъ вина, скажи ему, чтобъ онъ сюю минуту былъ здѣсь». Слава Богу, солдатикъ послушался, побѣжалъ; воротился, говорить: «быть да ушелъ».—Ахъ ты Господи! вотъ искушеніе! «Бѣги Христа ради къ привратнику, тамъ погребъ, тамъ поставлены были наши вина, келейникъ мой долженъ быть тамъ». Послушался солдатикъ, побѣжалъ. А ужъ тутъ совсѣмъ звонъ оканчивается. Уже всѣ архимандриты одѣлись въ мантіи. Одинъ я не одѣтъ, потому моей мантіи нѣтъ. Попросить у кого-либо мантіи? Но кто же сниметъ съ своего плеча мантію, чтобы отдать мнѣ? А уже совсѣмъ пора идти къ митроополиту, такъ какъ вѣрно было идти со славою. Воротился солдатикъ съ прежнимъ роковыми: «нѣтъ и тамъ, былъ да ушелъ».—«Боже мой! поищите его Христа ради тутъ въ соборѣ; вѣроятно онъ пристроился около амвона среди народа, чтобы лучше видѣть. Скажите, чтобъ онъ сюю минуту сюда шелъ. Гдѣ вещи?.. «Вещи», тутъ солдатикъ домекнулся, «да никакъ это ваши вещи стояли на окнѣ». Посмотрѣли; точно мои вещи стояли на окнѣ. И что же это сдѣлалъ мой келейникъ?! Онъ шелъ съ вещами сдѣломъ за мною, пришелъ въ алтарь, сунулъ вещи на окно у жертвенника тамъ, гдѣ стояли и лежали десятки подобныхъ карточекъ съ митрами и связокъ съ мантіями и т. п., никому ни слова не сказалъ и пошелъ себѣ сдавать вино, какъ было приказано, и сдавши исчезъ куда-то, такъ что и концы въ воду. Ну, не до того было, чтобы сердиться. Слава Богу, что тревога благополучно обошлась. Меня поспѣшили одѣть, нужные вещи съ моихъ рукъ взяли, и затѣмъ всѣ пошли встрѣчать и со славою вести владыку - митрополита къ литургіи.

Наканунѣ хиротоніи владыка-митрополитъ между прочимъ сдѣлалъ мнѣ внушеніе, что первыя двѣ статьи присяги слѣдуетъ читать раздѣльно и внятно, а третью и послѣднюю, такъ какъ онъ есть только повтореніе двухъ предыдущихъ и имѣютъ только личное отношеніе къ посвящаемому, поскорѣе.. Я такъ и сдѣлалъ. И послѣ сестра, которая была при хиротоніи, говорила, что «Символъ вѣры вычитали такъ славно, какъ я отъ роду не слыхивала, а послѣ вы читали такъ скоро да такъ тихо, такъ жаль»; на что я ей отвѣтилъ, что «скоро читалъ я по приказанію митрополита; если же Символъ вѣры и еще кое-что читалъ я такъ, какъ вы отъ роду не слыхивали, то я расскажу вамъ анекдотъ. А. А. Цвѣтковъ (флотскій врачъ, женатый на родной ея старшей сестрѣ, сынъ Московскаго протоіерея, воспитанникъ Московскаго Университета, человѣкъ въ высшей степени остроумный и бонъ-

мотистъ), еще въ молодости моей рассказывалъ мнѣ, что онъ одинъ разъ слышалъ, какъ читалъ акаѳистъ Спасителю Московскій Филаретъ. «И скажу я вамъ»,—заключилъ Александръ Николаевичъ свой рассказъ,—«Филаретъ прочиталъ акаѳистъ такъ, какъ, скажу я вамъ, ни одному дѣячку въ мірѣ не прочитать».—Вообще священодѣйствіе хиротоніи шло въ высшей степени священнолѣпно. Есть повѣре, что во время хиротоніи должно стараться молить Бога о томъ, чего особенно себѣ отъ Бога хочешь. Вышло, что когда меня рукополагали во діакона (рукополагалъ ректоръ Академіи преосв. Евсевій, теперь архіеп. Могилевскій 26 Сентября 1850 г.), хотя прислуживавшіе при хиротоніи Лаврскіе діаконы сильно затолкали и замяли меня, что мнѣ было непріятно, однакоже я быль собранъ и молилъ Бога о томъ, о чёмъ хотѣлъ. При рукоположеніи же во священника разстроило меня одно мелкое обстоятельство, которое предварено было мелкимъ же обстоятельствомъ при рукоположеніи еще во діакона. Именно въ тотъ разъ меня діаконы такъ замяли и затормошили, что мнѣ никакъ нельзя было просто улучить минуту, чтобы вытереть носъ. Въ этотъ разъ, при рукоположеніи во священника, рукополагалъ 30-го Іюня (въ этотъ же день 20-ть лѣтъ спустя совершилось мое нареченіе во епископа) 1851 г. преосв. ректоръ Академіи Макарій, когда поставили меня противъ царскихъ вратъ, я, озабочившись носомъ, вынуль платокъ, чтобы обтереться, да только это и помню, а что со мною было во время хиротоніи, совсѣмъ забылъ и забылся. Это оставило во мнѣ навсегда тревожное впечатлѣніе и предчувствіе... Потому-то опять, при хиротоніи во епископа, я рѣшился быть по єзможности самосдержанъ, и когда поставили меня предъ престоломъ на колѣна, я стоялъ не шевеля ни однимъ мускуломъ и молясь Богу именно о томъ, о чёмъ хотѣлъ, и такъ, какъ въ эту минуту себя чувствовалъ и могъ молиться... Только лишь меня облачили въ архіерейскій чинъ, я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ чего-то недостаетъ, какихъ-то оковъ, и тутъ такъ легко почувствовалось и свободно. Что такое? Отчего? Причина простая: сняли ризу, которая вяжетъ около рукъ, и надѣли саккосъ.

Все совершилось благополучно. Вторую часть возношеній при большомъ выходѣ произнесъ я голосомъ звонкимъ на весь соборъ, голосомъ, который прозванъ въ Петербургѣ дѣтскимъ: «смотрите, какой у него дѣтскій голось». Не дѣтскій голось, а мужской чистый оттого, что во всю жизнь былъ правильно упражняемъ. Въ этотъ же разъ владыка - митрополитъ рукоположилъ кого-то во священника. А мнѣ пришлось сидѣть среди стоянія всего собора, начиная съ митрополита, и рукополагать какого-то монаха Сергиевы пустыни во іеродіакона.

При этомъ митрополить, стоя вблизи меня, приглядывается, какъ я слагаю персты для благословенія и говорить въ полголоса: «Слагайте персты правильнѣе». Послѣ литургіи, когда меня подвели къ амвону, владыка-митрополить, вручая жеѧль, тихимъ гласомъ прочиталъ мнѣ наставленіе въ самыхъ общихъ впрочемъ выраженіяхъ; потомъ заставилъ меня осѣнить соборъ и людъ Христовъ на всѣ четыре стороны, и священнодѣйствіе моей хиротоніи кончилось. Митрополитъ двинулся впередъ, я за нимъ. До выхода изъ собора ни онъ, ни конечно за нимъ я, народа не благословляли.^{Но} когда, по снятіи мантіи, выступили изъ собора, тутъ народъ обстучилъ его и меня, и пришлось благословлять.

Такъ, благословляя чрезъ весь путь отъ собора до митрополичихъ покоевъ мы добрались до дома. По входѣ въ гостиную митрополитъ говорить мнѣ: «Вы тутъ подождите и пейте чай. А я пойду переодѣнусь и отдохну немножко». Скоро вошли архіереи, архіеп. Василій, Никандръ Тульскій и Павелъ Кишиневскій, за ними и о. ректоръ Академіи. Всего выходило нась готовыхъ приступить къ обѣду 6 человѣкъ; преосв. Тихонъ былъ прошенъ, но будетъ или нѣтъ, этого нельзя было сказать. Мнѣ хотѣлось устроить по своему. Стойть экономъ о. Исаія, онъ-то и вывелъ меня изъ затрудненія вопросомъ: «а что же, ваше преосвященство, сколько же лицъ у васъ будетъ обѣдать?», «Самъ не знаю», отвѣчаю я громко нарочно, чтобы слышалъ преосв. Павелъ, «я хотѣлъ побольше, но говорять нельзя». — «Зачѣмъ же деньги пропадать будуть?» возражаетъ о. Исаія. — «Что же дѣлать, не моя воля», говорю я, чтобы слышали; а потомъ, когда о. Исаія ото двинулся въ сторону, я говорю ему шепотомъ: «если можно устроить, чтобы къ обѣду пригласить о. о. архимандритовъ Филиппа (правящаго должность намѣстника), и о. ризничаго и о. Геласія» (выше-упомянутаго цензора), «то я былъ бы вамъ весьма признателенъ». — «Такъ отъ чего же?», говорить о. Исаія съ полною готовностію, «я сейчасъ устрою, скажу владыкѣ». И смотрю съ торжествомъ посматривая на преосв. Павла: входить одинъ архимандритъ, беретъ у владыки благословеніе и скромно садится, входить другой и садится, входить третій и садится. Выпили по чашкѣ чаю. — «Ну что же? кого ждать больше?» спрашивается владыка. — «Преосв. Тихонъ прошенъ, отвѣчаемъ, но неизвѣстно, будетъ или нѣтъ» — «Ну, давайте обѣдать», рѣшаетъ владыка. А тутъ кстати и преосв. Тихонъ входить. Прочитали молитву. Митрополитъ подходитъ къ столу, гдѣ накрыта закуска. — «А это какое вино?» и берется опытною рукою какъ разъ за ту бутылочку высокаго (старого, какъ оказалось, съ 1820 г.) портвейну, которая именно для него предназначалась. Пошли въ столовую, сѣли: митрополитъ по-

срединѣ; кругомъ стола, справа отъ него, Василій, далѣе Никандръ, далѣе три архимандрита, слѣва отъ митрополита новопосвященный, далѣе преосв. Павель, далѣе преосв. Тихонъ, далѣе два пустыхъ мѣста, такъ какъ столъ накрыть былъ на 12 персонъ, а визави съ митрополитомъ ректоръ Академіи. Разговоръ держали владыка и ректоръ Академіи; а прочіе, начиная съ преосв. Василія, помалчивали. Бесѣда была впрочемъ довольно оживленная. Обѣдъ былъ такъ себѣ, приличный. Вѣна же, какъ нарочно, на подборь превосходныя, что всѣми замѣчено и признано. Бутылочку отборнаго портвейну поставили около владыки; и замѣтилъ я какъ разъ то, что предсказалъ преосв. Павель: когда оффіціантъ протянулъ было руку къ этой бутылочки, чтобы изъ нея налить, владыка ему флегматически говорить: «Ты не беспокойся, я самъ налью». Такъ эта бутылочка и осталась при немъ нетронутою. Я нарочно велѣлъ купить двѣ; но гдѣ была другая, адѣсь мнѣ трудно было разобрать. Послѣ обѣда мнѣ воротили ее нераспечатанною, и я отвезъ ее въ Ораніенбаумъ къ Ольгѣ Васильевнѣ Чистовичъ съ просьбою, чтобы она этимъ виномъ 11-го Іюля, въ день своего Ангела, угостила своего папашу, Василія Борисовича и больше никого. Такъ она и сдѣлала. Впрочемъ и мнѣ рюмочка досталась: такъ себѣ мякенько винцо...

Тосты провозглашаль я: 1) за здравіе его величества Государя Императора, 2) Августѣйшихъ атамана и атаманши войска Донскаго, 3) Св. Пр. Синода, 4) Митроп. Исидора, 5) Преосв. архіереевъ, отъ которыхъ удостоился я получить благодать архіерейства (туть, помнится, провозглашено было здоровье и ново-посвященнаго), 6) Преосв. архіеп. Платона Донского и Антонія Казанскаго. Разговора положительно не помню, частію потому что былъ самъ утомленъ, но больше потому, что разговоръ былъ незначителенъ. Чтобъ познательнѣе, то помню. Напримеръ, преосв. Павель замѣтилъ, что въ Кишеневскомъ архіерейскомъ домѣ свои виноградники и свое винодѣліе; на это владыка кинулъ грубоватую фразу: «Такъ этакъ вы тамъ сопьетесь». Такъ какъ о. ректоръ Академіи держалъ какую-то, не помню подробностей, рѣчь о Цесаревичѣ и Цесаревнѣ: то я позволилъ себѣ вставить въ разговоръ слово о томъ, что «архіепископъ Платонъ особымъ письмомъ поручаетъ мнѣ, чтобы я чрезъ г. Синодального оберъ-прокурора испросилъ себѣ позволеніе представиться ихъ высочествамъ Цесаревичу и Цесаревнѣ, какъ атаману и атаманшу войска Донского». Митрополитъ и прочіе промолчали. Но о. ректоръ подхватилъ: «Ахъ, это прекрасно! Они будутъ очень рады, повѣрьте». «Я опасаюсь», оговариваюсь я, «напротивъ, какъ бы не затруднить». «Ничуть, нима-

ло, смѣю васъ увѣрить», увѣряетъ о. ректоръ; они очень чувствительны и призательны къ подобнымъ изъявленіямъ преданности. И скажу вамъ, что для этого вовсе ненужно беспокоить г. оберъ прокурора, котораго кстати и вѣть; а достаточно записаться во дворцѣ Цесаревича (въ Аничкиномъ), въ конторѣ Цесаревичу доложать. И будьте увѣрены, что будете допущены. Если же сверхъ чаянія откажутъ, то это значитъ, что рѣшительно нельзѧ принять».

Когда встали мы изъ-за стола, о. ректоръ усиленно развивалъ мнѣ свои увѣренія и убѣждалъ поступать такъ, какъ онъ совѣтуетъ. Послѣ обѣда владыка-митрополитъ насъ не удерживалъ, и мы тотчасъ же вышли. Но на пути меня задержали приглашеніемъ къ преосв. Тихону, къ которому зашли архіереи. Тамъ хозяинъ предложилъ Шампанское, а архіеп. Василій съ своей стороны нескончаемый разсказъ о своей дѣятельности въ присоединеніи Унії. Отъ того и другого я скоро уклонился подъ основательнымъ предлогомъ, что «завтра я служащий, сегодня нужно слушать всенощную, передохнуть послѣ всяческой усталости». Этотъ разсказъ всеѣ признали резоннымъ и съ миромъ меня отпустили.

Теперь, оставшись одинъ, самъ я собою, идя отъ митрополичьихъ покоевъ домой уже въ санѣ архіерея, по этой аллѣ, по которой я ходилъ такъ много и ребенкомъ въ началѣ 40-хъ годовъ, и юнымъ монахомъ въ началѣ 50-хъ, и въ тяжкому горю въ званіи чередного архимандрита въ половинѣ 60-хъ годовъ, я вздохнулъ полною грудью въ чувствѣ благодаренія Промыслу: «Слава Тебѣ Господи!».. и шель въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Но какъ разъ въ эту минуту подвернулась третья, впрочемъ и послѣдняя, злоба этого дня. «Теперь», говорю я сзади меня идущему Артемію, «надо позвать сейчасъ разсыльного, чтобъ отправить сейчасъ телеграммы». «Телеграммы давно отправлены», самодовольно отвѣчаетъ Артемій.—«Какъ, отправлены! Кто тебѣ велѣлъ?»—Да вы же сами приказали». Тутъ нужно перескочить назадъ. Съ утра вчера 3-го Іюля было сдѣлано распоряженіе, что по совершенніи рукоположенія літургію будетъ совершать одинъ митрополитъ въ сослуженіи только со мною. Отсюда дѣмалось заключеніе что владыка чувствуетъ себя хорошо и самъ предполагаетъ послѣ обѣдни благословлять народъ. Но къ вечеру вышло распоряженіе, чтобъ къ літургіи готовился и преосв. Павель. Отсюда сдѣлали заключеніе, что значитъ владыка послѣ обѣдни выйтѣть боковою дверью и отѣдѣться въ каретѣ, а благословлять народъ пошлетъ преосв. Павла съ новопосвященнымъ, какъ въ послѣднее время владыка при хирото-

ніяхъ архіерейскихъ поступалъ не разъ. На этомъ основаніи мы предполагали, что благословлять народъ послѣ обѣдни придется мнѣ съ преосв. Павломъ, а не съ митрополитомъ. Въ этомъ предположеніи до обѣдни я написалъ двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія: «Пятигорскъ. Преосвященному Платону, архієпископу Донскому. Святыми молитвами вашими хиротонія совершилась. Никаноръ»; это одна. А другая: «Казань. Академія. Профессору Соколову. Доложите владыкѣ, святыми его молитвами хиротонія совершилась. Никаноръ». Приличіе требовало, особенно въ первой телеграммѣ, добавить въ подпись: «Епископъ Аксайскій, викарій Донской»; но до обѣдни у меня рука на это не налегала. Думалось, подпишись только—епископъ такой, а судьба и смутить..., и останешься въ сугубыхъ дуракахъ. Рассчитывалось, что когда благословляя народъ, мы съ преосв. Павломъ выйдемъ изъ собора, тутъ я улучу минуту забѣжать въ свою келью и подписатьсь: «епископъ Аксайскій, викарій Донской». Въ этой мысли я до обѣдни же и приказалъ Артемію, чтобы тотчасъ послѣ обѣдни быть на готовѣ лаврскій разсыльный, чтобы отправить эти телеграммы. А Артемій, какъ и умный человѣкъ, позвалъ послѣ обѣдни разсыльного, да телеграммы безъ полной подписи и отправилъ, да тутъ самодовольно и докладываетъ мнѣ: «телеграммы? онѣ давно уже отправлены». Это меня взорвало. Тутъ поднялась во мнѣ вся жечь, которую онъ такъ жестоко взволновалъ было поутру, запрятавъ отъ меня нужные для литургіи и хиротоніи богослужебныя вещи. При своей природной вспыльчивости я и въ этотъ день не удержался: «Ахъ, ты, такой сякой... Да кто тебѣ велѣлъ?.. Да понимаешь ли ты, какую глупость ты сдѣмалъ? Понимаешь ли ты, что пусть та Казанская телеграмма идеть въ Казань, тамъ не взыщутъ; но предъ преосв. Платономъ ты заставилъ меня разыграть роль дурака, поступлено не тонко». Ну гдѣ же наконецъ понимать и какъ растолковать ему эти тонкости?—«Да тамъ же была подпись», возражаетъ онъ обидѣвшись въ своей самоувѣренности, въ своей исправности. Конечно, лишь только пришелъ я въ свою келью, я въ ту же минуту поднесъ ему большой стаканъ Шампанскаго и получилъ отъ него поздравленіе: «Теперь поздравляю васъ, ваше преосвященство. Ей Богу, я думалъ»... Ну что тутъ думать, когда глупость сдѣлана, которую намъ съ Артеміемъ и объяснили. Изъ Казани телеграфировали: «Епископу Аксайскому Никанору. Преосвященный Антоній и Казанская Академія поздравляютъ ваше преосвященство. Соколовъ». А изъ Пятигорска телеграфировали: «Преосвященному Никанору, Донскому викарію. Радуюсь и поздравляю. Телеграфируйте, когда полагаете выѣхать и прибыть въ Новочеркасскъ. Архієпископъ». Получивъ эту послѣднюю телеграмму, я спрашивала опять Артемія: «Ну теперь понимаешь ли ту глупость,

которую ты сдѣлалъ и которую тебѣ объясняютъ?» Ну гдѣ же ему понять!

Вечеромъ послѣ всенощной были у меня на бесѣдѣ преосв. Павелъ и Тихонъ, чередные архимандриты Палладій и Тихонъ, экономы лавры и митрополичьяго дома, архимандритъ Дороѳей и о. Исаія, и пили Шампанское, Венгерское и т. п. День прошелъ, слава Тебѣ Господи, свѣтло и торжественно.

На другой день, 5 Іюля, въ день преподобнаго Сергія Радонежскаго, въ большой крестовой митрополичьей церкви я служилъ первую мою архіерейскую литургію и молебенъ преподобному Сергію. Вопросъ, какъ служилъ? По моему, почти безъ ошибокъ. Владыка выглядывалъ въ алтарь только въ такія минуты, въ которыхъ приходится дѣйствовать больше архіерею.

Служба, какъ необычная ранняя, сама собою нѣсколько ускорялась. Однимъ словомъ, все шло своимъ порядкомъ, за исключениемъ только, что меня опять грызла во время службы тяжкая забота. Тутъ же сейчасъ послѣ литургіи, по Петербургскому догмату, слѣдовало идти къ владыкѣ въ мантіи съ просфорою и подносною иконою. Иконы, какъ выше упомянуто, я вывѣзъ еще изъ Казани, но въ Петербургѣ отдать Петровскому для обѣды; а Петровскій, для выковки серебряныхъ рамъ, отдать какому-то мастеру-спеціалисту. Условлены были сроки, которые и прошли. Вечеромъ 4-го Іюля я нѣсколько разъ посыпалъ къ Петровскому. Кончилось тѣмъ, что отъ него прислано послѣднее слово: «Завтра поутру въ 8 часовъ, ранѣе иконы готовы быть не могутъ». Поутру предъ обѣднею я еще разъ послалъ къ нему сказать, что «онъ меня зарѣзалъ предъ владыкою-митрополитомъ». Принесли отвѣтъ, что иконы неготовы. Скрѣпя сердце, служилъ обѣдню, обдумывая, какъ избѣть неловкаго положенія. Вдругъ, о радость! къ концу обѣдни говорятъ, что иконы принесены. «Несите сюда, поставьте здѣсь», говорю я, самъ себѣ не вѣра отъ радости, боясь, чтобы иконы опять не убѣжали, «чтобы глаза мои видѣли». Внесены двѣ лучшія. Въ концѣ службы мнѣ подаютъ кропило и св. воду: «окропите».—«Да онъ освящены еще въ Казани».—«Ничего, владыка любилъ, чтобы на иконы были еще капли св. воды». Окропили. Спрашиваются: «которую владыкѣ?» «Эту», долженъ быть я указать на лучшую не безъ сожалѣнія, хотя съ самой Казани назначалъ ее для преосв. архіепископа Платона. Впрочемъ, особенность ея заключалась только въ томъ, что позолотный фонъ ея пониженъ былъ вмѣсто гладкой, чеканною позолотою, отчего она выглядывала ярче; а все прочее въ ней было тоже, чтѣ и

въ другой. Сейчасъ же, по окончаніи службы Божіей, боковою алтарною дверью повели меня ко владыкѣ: «пожалуйте, уже ждетъ». Принялъ меня въ рясѣ со звѣздами и въ клобукѣ. Поднесъ я просфору и св. икону, объяснивъ, что «это подлинное изображеніе и по виду, и по величинѣ подлинной Казанской иконы Божіей Матери, писана тамъ же въ Казанскомъ Дѣвичемъ монастырѣ монахинями, на кипарисѣ, а здѣсь въ Петербургѣ только убрана». По разоблаченіи меня иподиаконами мы перешли въ гостиную и сѣли. Разговоръ продолжался часа два.

Владыка все время сидѣлъ въ клобукѣ, почему и я долженъ былъ сидѣть также въ клобукѣ. Разговоръ естественно коснулся многаго, но больше меня самого и еще больше Казани и Казанскихъ. «Хорошо служите, виденъ навыкъ, но нѣсколько спѣшно. Архіерей долженъ каждому слову давать вѣсъ. Чѣмъ незамѣтно въ священникѣ, то всякому видно въ архіереѣ. Нехорошо дѣлаетъ наша братія, когда служитъ искусственно, обдумывая каждый шагъ, каждый жестъ, какъ повернуться, какъ ступить. Но съ другой стороны неприлично архіерею бѣгать, быстро повертываться, вообще быть послѣшнымъ въ жестахъ и словахъ. Народъ долженъ видѣть, что архіерей молится, и молится именно архіерей, давая смыслъ и значеніе каждому слову, каждому движению. И когда молитва, въ приличной формѣ, будетъ исходить отъ сердца, народъ это почувствуетъ и пойметъ». Нѣсколько словъ о моемъ кашлѣ, совѣтъ лечиться, не запускать. «Какъ живутъ преосв. Викторинъ съ преосв. Антониемъ?» «Хорошо живутъ, ваше вѣдѣство; да съ Антониемъ и нельзя жить худо». — «Гмъ...», и молчаніе. Я продолжаю: «Вотъ въ три года моей жизни въ Казани я не замѣтилъ между ними ни тѣнї разногласія, или разномыслія, или разнодѣйствія». — «Скорѣ, преосвященный Антоній, горячъ, не всегда дѣйствуетъ обдуманно. Въ Киевѣ онъ избалованъ дядюшкою. Дядюшка скончался; а онъ все воображалъ, что времена тѣ же. И какъ викарный, временно управляющій епархиєю, и ну писать къ Васильчикову, генералу-губернатору, бумаги, да такія! предерзкія! такъ что генералъ-губернаторъ мнѣ послѣ жалуется и говоритъ, что онъ не хотѣлъ дать серьезнаго хода этимъ бумагамъ только единственно изъуваженія къ памяти покойнаго дяди».

Когда, по прибытии изъ Петербурга въ Казань я передалъ это преосв. Антонію, то онъ высказался по этому поводу такъ: «Стыдился бы онъ повторять это! Это и былъ единственный случай. Поводомъ къ нему была такъ-называемая въ Киевѣ «Андреевская горка». Гора Св. Андрея, на которой по преданію извѣстно..., на которой стоитъ Ан-

дреевскій соборъ, священнѣйшій памятникъ, и онъ превратился было въ Кіевъ въ «Андреевскую горку». Къ тому же здѣсь, знаете главный проѣздъ изъ Лавры на Подоль, всѣ богомольцы тутъ проходяты; намъ тутъ всегда приходилось проѣзжать, и—стыдно было проѣхать! Не знаешь бывало, куда глаза спрятать. Жиды-перекрестья скучили всѣ мѣста и завели... крепченыхъ Жидовокъ цѣлые заведенія, такъ что даже у Жидовъ была поговорка: «а, на Андрееву горку... крестилась... а... на Андрееву горку!»... Ну подите же! и случай былъ особый. Съ самаго начала, когда я сталъ викарнымъ, управляющимъ епархіею, приходить ко мнѣ Жидъ-перекресть, просить о крещеніи Жидовки. Я по неопытности обѣими руками благословляю, принялъ такое горячее участіе. А мнѣ объясняютъ: «да вѣдь это крестится на Андреевскую горку. А такъ отецъ не пускаеть». Ахъ Ты, Господи... Вотъ тутъ-то я къ генераль-губернатору, что-де «позоръ христіанскому имени, позоръ древнѣйшему и священнѣйшему памятнику, публичное, открытое по-срамленіе»... Не тутъ-то было, только прогнѣваться изволили. А тутъ наѣхалъ сей*). И что-же? дѣло было кинуто. А сдѣлано послѣ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Онъ прогналъ оттуда всю эту погань... Такъ-то мы всегда и во всемъ! И до сихъ поръ еще человѣкъ не только помнить, но и повторяеть!»

Продолжимъ затѣмъ рѣчь владыки-митрополита: «Ну и въ Смоленскъ. Передъ самымъ отѣзdomъ въ Казань ѿздили онъ (преосв. Антоній) по Смоленской епархіи, замѣтиль въ духовенствѣ безпорядки, между прочимъ, что не вездѣ еще вывелось при крещеніи обливаніе. Взялъ все это да и напечаталъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Ну, разумно ли? Раскольникамъ чего и надо, какъ не такихъ съ нашей стороны признаній. Ну, благородно ли въ отношеніи къ покидаемой епархіи—наливать ей въ лицо, зажидать грязью? Ну, хотѣлъ онъ, чтобы замѣченные недостатки не оставались, чтобы были исправлены, пу, возьми и напиши своему преемнику: вотъ что, любезный братъ, замѣтилъ я, но не успѣлъ исправить въ епархіи. Вотъ это было бы по-брратски и цѣлесообразно... Вотъ и теперь, то—другое не нравится ему, ну пишетъ, протестуетъ... Перешла какъ-то рѣчь на Ташкентъ, на безлюдье, что некого послать въ Ташкентъ. Миѣ, по ассоціаціи идей, какъ-то почуялось, не имѣеть ли онъ въ виду для этого мѣста преосв. Викторина, викарія Казанскаго и Владимира, ректора Самарскаго. О Владимирѣ владыка распространялся долго: «не рѣчистъ онъ, по дѣловой человѣкъ». Я назвалъ о. Макарія Алтайскаго, на что вла-

*) Т. е. митрополитъ Исаидоръ. П. Б.
I, 15

„Русскій Архивъ“ 1908.

дыка возразилъ напоминаніемъ столкновенія его съ миссіонерскимъ обществою: «ну пусть, не виноватъ онъ, но вялъ, неповоротливъ, не аккуратенъ». Я называлъ еще о. архим. Александра, инспектора Витебской Духовной Семинаріи, какъ «въ совершенствѣ знающаго Китайскій языкъ, человѣка тонкаго», на что владыка возразилъ напоминаніемъ давно извѣстной мнѣ исторіи о сливочниکѣ: «Иду я. Человѣкъ несетъ молоко, и не закрывши... Кому несешь? Іеромонаху Александру. Ну какая же тутъ тонкость? Постный день. Монастырь, лавра. Народъ ходить, видить. Нареканіе на всю Лавру. Ну какая же тутъ тонкость?» Это было въ 1865 г., когда о. Александръ, воротившись изъ Китая, проживалъ въ Лаврѣ. Это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе».

Въ этотъ же день яѣздили къ преосв. Никандру Тульскому и архиеп. Василію съ благодареніемъ за участіе въ хиротоніи и съ поднесеніемъ иконъ. У первого имѣлъ вышеописанный разговоръ о преосв. Антоніи, а съ послѣднимъ разговоръ о Витебскѣ и преосв. Саввѣ Витебскомъ (дѣло для моего описанія стороннее); но болѣе интересный для меня разговоръ былъ и здѣсь о томъ же преосв. Антоніи и обо мнѣ самомъ: «Это хорошо, хорошо... я душевно уважаю преосв. Антонія. Но... оберъ-прокуроръ сердится... На одну бумагу такъ разозлился, что ее, нужно бы, говорить, провести чрезъ III-е отдѣленіе... У васъ тамъ изъ Казани еще все пишутъ, и о васъ постоянно писали. Не разъ поднималась рѣчъ въ Синодѣ: «мнѣ, говорять, пишутъ». Не знаю, кто тамъ у васъ ему пишетъ». «Я знаю», я говорю, «кто ему пишетъ, Шестаковъ, попечитель Учебнаго Округа». — «И хорошо, хорошо, милость Божія, что вышли оттуда. А то сегодня говорить Синоду, послѣ завтра говорить Синоду: «мнѣ пишутъ»; а въ третій разъ сказалъ бы: «принять надо». Ну и принять. А куда принять? Ничего подъ руками нѣтъ. Ну и ступай въ монастырь. Слава Богу, слава Богу!» «Да что же такое пишутъ, позвольте спросить?» «Не смотрите за студентами... И когда преосв. Платонъ потребовалъ васъ къ себѣ въ викарія, Исидоръ говорилъ, что онъ согласенъ; я говорю: «ну достойно и праведно». Макарій, вообразите, промолчалъ. Оберъ-прокуроръ не сказалъ ничего. Ну такъ и положили». Молчаніе Макарія тѣмъ болѣе странно, что не такъ давно предъ тѣмъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ въ энергическихъ выраженіяхъ желаетъ архіерейства мнѣ. Значить, какъ поддѣлывается святитель (такой у насъ авторитетъ) подъ оберъ-прокурорскій тонъ! Еще страннѣе молчаніе Макарія въ другомъ обстоятельствѣ, о которомъ рассказалъ мнѣ тутъ же тотъ же преосв. Василій. Преосв. Савва Витебскій, тѣсня и давя все мѣстное Витебское, и усиливаясь всюду поставить Владимирскихъ,

между прочимъ представилъ въ Синодъ объ увольненіи архим. Поліевкта отъ членства въ Консисторії; между прочими основаніями своего представлениі провелъ будто бы и такое: «Этотъ Поліевктъ глупѣе третьекласснаго ученика; если же онъ и получиль степень магистра богословія, то этимъ обязанъ архим. Никавору, который писаль для него за дачи». Макарій промолчаль, тогда какъ Поліевктъ іеромонахъ изъ вдоваго священника, кончившій курсъ въ Могилевской Семинаріи во II-мъ разрядѣ, былъ вызванъ въ С.-Петербургскую Академію, правда, по моему указанію, въ качествѣ не студента, а просто священника для отправленія Божіихъ службъ (такъ какъ въ ту пору всѣ службы Божіи у насъ правиль баккалавръ іеромонахъ, впослѣдствіи епископъ Кирилль, человѣкъ слабосильный и слабогрудый и отъ службъ, особенно частыхъ, изнемогавшій). Въ качествѣ іеромонаха священнослужащаго о. Поліевкта понравился всѣмъ, начиная съ преосв. ректора Евсевія, продолжая Макаріемъ, Іоанномъ и Кирилломъ и оканчивая даже свѣтскими профессорами. При ближайшемъ началѣ академического курса его приняли, послѣ надлежащаго приготовленія и экзамена, въ число студентовъ. Я былъ старшаго, а онъ младшаго курса студентъ и честный человѣкъ. Не помню даже, поправлялъ ли я сочиненія о. Поліевкта. Всякій зналъ, что онъ недалекъ, но крайне трудолюбивъ, отлично скроменъ и монахъ. Ему помогали всѣ, особенно же о. Кирилль, превратившій къ этой порѣ, къ окончанію Поліевктомъ курса, въ великаго человѣка. А Кирилль и Макарій это были одна душа, одинъ совѣтъ, одно рѣшеніе. Макарій, Кирилль и конференція рѣшили выпустить Поліевкта съ правомъ на степень магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ въ учебномъ вѣдомствѣ, которая онъ отслужилъ безпорочно и получилъ магистерскій крестикъ, не ставъ, конечно, отъ этого геніемъ. И Макарій, ректоръ Академіи того времени, промолчаль, при голословномъ, но крайне грубомъ, нареканіи на двухъ его учениковъ: на одного, что онъ подложно писаль, а на другого, что ему подложно писали сочиненія, и потому свою ученую магистерскую степень онъ получилъ подложно, оставаясь тупѣе третьекласснаго школьнника уѣзданаго училища! Сильно, значитъ, хочется Макарію быть Петербургскимъ митрополитомъ, благопокорнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ оберь-прокурора. Впрочемъ, Господь видить и судить сердца человѣческія, а мы не видимъ, хотя и судимъ и, очень можетъ быть, ошибаемся.

Не доѣхавъ еще до квартиры преосв. Василія, въ этотъ же день, 5-го Іуля, заѣжалъ я въ Синодъ, именно въ хозяйственное управление, чтобы выяснить себѣ вопросъ, когда и какъ буду я уволенъ, иначе сказать отъ кого и когда получу прогоны и получу ли какое - либо

вспоможение, имѣя въ виду, что ліца моего положенія, т. е. хиротони-саемые въ архіерейство, всегда получали вспоможение не менѣе 600 р. О выдачѣ мнѣ прогоновъ на всякий случай я приготовилъ въ хозяйственное управление и просьбу. Директора Лаврова въ эту пору въ С.-Петербургѣ не было, опѣ путешествовалъ. Я долженъ былъ обратиться къ правящему должностю директора Смирнову. Объявляю, въ чемъ дѣло. Но начинается контрѣ-объясненіе о томъ, откуда и какъ и сколько и почему столько получиль я прогоновъ, когдаѣхалъ изъ Казани въ С.-Петербургъ. Объясняю: Въ указѣ мнѣ лично было сказано, что хозяйственному управлению предписано расчесть меня прогонами отъ Казани до С.-Петербурга. Такъ какъ прогоны мнѣ не высыпались, то я обратился въ академическое правленіе съ просьбою о выдачѣ мнѣ прогоновъ заимообразно. Почему же васъ разочли на семь лошадей? Разочли, какъ ректора Академіи. Но вотъ въ законоположеніяхъ я не вижу статьи, какъ должно расчитывать прогонами ректоровъ академій, а вижу архимандритовъ I, II, III классовъ. Все равно, если бы мы просмотрѣли, то контролль усмотритъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ назвать вещи по имени. Когда изъ ректоровъ Витебской семинаріи меня назначили ректоромъ Казанской Академіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ прописано было «съ возведеніемъ меня лично во II классъ». Возводить во II классъ меня не подобало, потому что въ Саратовѣ я былъ настоятелемъ второкласснаго монастыря. Это была—канцелярская ошибка, недосмотръ—возводить меня въ то, что мнѣ давно уже принадлежало и никогда не было узнать моимъ сослуживцамъ по Академіи: съ тѣхъ порь какъ академіи существуютъ, ректоры ихъ всегда бывали архимандритами первоклассными; а теперь вдругъ ректора Казанской Академіи, бывшаго второкласснымъ архимандритомъ, возвели во второкласснаго. Поэтому меня и разочли прогонами какъ ректора Академіи, какъ первокласснаго,—тѣмъ болѣе, отнять.—Тѣмъ страннѣе было что прогоны мнѣ выданы заимообразно. Но для этихъ чиновъ-крючковъ цвѣты краснорѣчія значили мало. Умыселъ другой у нихъ тутъ быть, дѣйствительно ли я даже второклассный? Признаюсь, мое положеніе становилось щекотливо. «Да говорю же, что въ указѣ о назначеніи меня ректоромъ Казанской Академіи было сказано о возведеніи меня во II классъ». Многозначительное молчаніе.—«Посмотрите въ синодальномъ опредѣленіи; тамъ должно быть сказано». Директоръ перешептался съ начальниками отдѣленій; ясно стало, что посыпаютъ справляться въ синодальную канцелярію. Воротился паконецъ, припесъ синодальное опредѣленіе. Тогда директоръ обращается не ко мнѣ, а къ начальнику отдѣленія: «Такъ разочтите ихъ на 6 лошадей», разумѣя прогоны отъ Казани до С.-Петербурга; а потомъ, обращаясь ко мнѣ: «...а... это не угодно ли вамъ взять на-

задъ»... Я смотрю, въ чём дѣло. Это опять возвращаетъ мнѣ мою просьбу назадъ. «Это бываетъ такъ, что митрополитъ долженъ донести Синоду, что вы рукоположены. Они намъ предпишутъ. Если же начинать дѣло по вашей просьбѣ, то попадобится двойное дѣлопроизводство. Но если вамъ угодно ускорить или направить дѣло; то неудобно ли обратиться къ оберъ-секретарю Павловскому». Я вспыхнулъ: «конечно я не богатъ; но найду у себя средства доѣхать до Ново-Черкасска». Пріобрѣтателъ я никогда не былъ и ходить по канцеляріямъ не нахожу для себя удобнымъ. Всталъ и вышелъ. Такъ какъ по камерамъ хозяйственнаго управления провожалъ меня Викентій Захарьевичъ Маньковскій, то я, остановившись, продолжалъ: «Просьбу безцеремонно возвращаю, отсылая меня къ Павловскому. Такъ я же не пиши и топтать полы канцелярій не стану. Прогоны мнѣ выдадутъ безъ моей просьбы. А если я попросилъ и пособія, то попросилъ моего права, потому что если даютъ всѣмъ, то должны дать и мнѣ. Получаю всѣ пособіе, значитъ это право. Или уже мнѣ судьба быть всегда обдѣленнымъ? Такъ пусть же они знаютъ, что я позволилъ себѣ попросить разъ, но другой разъ не попрошю». Я подумалъ, что сильно прогнѣваются. Оказалось же однако обратное: 8-го Іюля поутру прислали мнѣ черезъ чиновника показать подписанный членами Синода протоколь, въ которомъ рукою Исидора вписано было выдать мнѣ въ пособіе 500 р. (все таки, сотнею меныше всякаго изъ рукоположенныхъ); и такъ-какъ этотъ же чиновникъ привезъ мнѣ и архіерейскую грамоту, то и уѣхалъ отъ меня съ 10-ти рублевкою. А 10-го поутру пожаловалъ ко мнѣ стариkъ усачъ разсыльный, унтеръ съ книгою и съ 900 рублей прогонныхъ и пособія, за что и получилъ 10-ти рублевку, тѣмъ болѣе, что она была очень стара и нехороша. И такимъ образомъ разстались мы съ этимъ послѣднимъ представителемъ Святѣйшаго Синода къ обоюдному нашему удовольствію. Все это устроилось не только къ моему, но и къ общему многихъ удовольствію. А то Петербургскіе друзья мои совсѣмъ было струхнули. «Ну что, если пособія вамъ не дадутъ?» «Ну что жъ, уѣду безъ пособія. Потеряете только вы, потому что не сдѣлано обѣда». — «Однакоже у васъ есть характеръ». «Еще бы, а вы до сихъ поръ и не подозрѣвали». Теперь же пособіе, для обѣда достаточное, было получено, и на почтовыхъ полетѣли приготовленія къ обѣду уже немалому, а большому.

Но тутъ слово о томъ, какъ устроилось мое представление его высочеству августѣйшему атаману войска Донского. По совѣту и указаніямъ о. ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, воспитателя Дагмары, И. Л. Янышева, поѣхалъ я въ дворцовую контору Анич-

кина дворца. Поразило меня то, во-первыхъ, что видаль я дворцы, тысячи разъ видѣлъ и Аничкинъ дворецъ; но мнѣ въ голову не приходило, чтобы этотъ дворецъ былъ собственно ни больше ни меныше, какъ цѣлый городъ, цѣлый большой кварталъ С.-Петербургъ, съ тысячнымъ, конечно, населеніемъ придворныхъ паразитовъ. Хорошо. Въ глубинѣ одного изъ десятка особыхъ дворовъ, окруженныхъ громадными и очевидно весьма населенными зданіями, указали мнѣ огромное зданіе Придворной Конторы. «Вошелъ епископъ такой-то викарій Донскій». Какой-то безусый молокососикъ въ бархатномъ пиджачкѣ, взявъ мою докладную записку, указываетъ мнѣ на стулъ подлѣ самой двери: «А вотъ здѣсь, батюшка, посидите, подождите», и съ моимъ бумагою исчезъ за дверью. Я былъ во всѣхъ регаліяхъ и оставленъ у двери. Стоящій у притолки дверей камеръ-лакей, видя мое слишкомъ скромное положеніе, соблаговолилъ явить мнѣ свое придворное покровительство: «Да вамъ, батюшка, чего?»—«Прошу позволенія быть представленнымъ ихъ Высочествамъ, Цесаревичу и Цесаревицѣ». «Да Цесаревны нѣтъ, она въ Гансалѣ; а Цесаревичъ боленъ». «Чѣмъ боленъ?»—«Зубами, у нихъ флюсъ, щека подвязана». Выходитъ молокососикъ: «пожалуйте», указывая на дверь. За дверью встрѣтилъ меня тоже довольно юный, не то полковникъ, не то генералъ, я не разобралъ.—«Вамъ, батюшка, угодно представиться Его Высочеству?»—«Да, желательно». «Гмъ... жаль, теперь все время разобрано... Впрочемъ будетъ доложено. Получите отвѣтъ». Я поклонился и вышелъ. Не помню, чтобъ тутъ меня даже посадили. Такъ высоко трактуетъ себя эта придворная челядь. Признаюсь, меня озабочивала мысль, что придется ъхать, наряжаться, тревожиться. Готовилъ икону для поднесенія. Но дня черезъ три меня избавили отъ этой заботы. Откуда-то я воротился и спрашиваю келейника: «А что никто не спрашивалъ?» «Никто, да пріѣжалъ курьеръ отъ Наслѣдника, что-ли. Сказывалъ, что Наслѣдникъ неадоровъ, пусть ъдуть съ Богомъ».—«Да долженъ же быть онъ», допытываюсь я, «хоть бумагу оставить—отказать.» «Сказалъ, что завтра заѣдетъ».—А зачѣмъ бы это завтра заѣжать? Развѣ нельзя было оставить бумагу? «Зачѣмъ», смытается мой келейникъ, «трехрублевку содрать». Я и дѣйствительно обезпокоился было заботой, что придется еще трехрублевку заплатить за отказъ. Но слава Богу, и отъ этой заботы избавился! Курьеръ второй разъ не пріѣжалъ.—Тутъ какъ нарочно на смыхъ, теперь на пути изъ Саратова до Камышина, ъхали со мною на пароходѣ старый мой и добрый знакомецъ по прежней Саратовской жизни, ксендзъ-каноникъ, офиціалъ Римско-Католической Саратовской консисторіи оїцецъ Зенонъ Іоткевичъ. Разговорились о моей хиротоніи. Онъ разсказываетъ, какъ совершаются архіерейская хиротонія у нихъ. Между разговорами онъ

сообщаетъ что у нихъ всякий новопосвященный бискупъ получаетъ отъ двора перстень рублей въ 600—700, получаетъ на облаченіе 1000 р. и посохъ и только; всегда представляется Императору. «А вы», спрашиваетъ онъ, «Императору представлялись?»—«Не удостоился», отвѣтываю я серьезно, нимало не конфузясь, «пріема отъ его сіительства г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода! А это, чтобы наши представлялись Императору, отмѣнено еще при Николаѣ. Съ нами не чинятся».

Тутъ еще слово о дворцовой донаціи новопосвященнымъ архіереямъ Русской Православной церкви. Минь говорять: «Вы получите отъ двора облаченіе и мантію».—«Знаю», говорю.—Совѣтуютъ всегда дать что-либо поставщику Лихачову, говорять, «чтобъ получить что-либо порядочное».—«А сколько требуется дать?»—«Да хоть сотнягу».—«Не дамъ», говорю. Но не это удивительно, а то, что сей придворный поставщикъ портной Лихачевъ, вплывши въ мою келью смиренную придворнымъ фертомъ-живчикомъ, хотя уже и сѣдѣть, вдругъ предлагается мнѣ дать ему ни болѣе ни менѣе какъ взятку. «Ужели? Да».—«Но, выше преосвященство! Позвольте мнѣ предложить иѣчто отъ моихъ издѣлій».—«Что бы такое?»—«Да вотъ-съ», вынимаетъ изъ чехла и вертитъ на рукѣ митру, которой цѣна за глаза 70 р.: по желтому моару на крестъ золотыя полоски съ блестками, иконки самыя дешевенькия, камушка, даже стеклышка ни единаго. «А цѣна?» «150 р.»—«Позвольте же, мнѣ кажется и цѣна высокою, и вещь невысокою».—«Какъ можно, помилуйте-сь», и засыпалъ и засыпалъ меня придворнымъ ораторствомъ въ похвалу грошовой вещи, языкомъ мелеть, рукою поверты-ваетъ, ну точный гостинодворецъ.—«Позвольте же доложить вамъ», перерываю я его, «что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который обла-даетъ порядочнымъ вкусомъ».—«Да не можетъ быть-сь, посмотрите»...—«Да позвольте же, у меня своихъ собственныхъ есть три митры, двѣ здѣсь налицо, и каждая изъ нихъ лучше вашей».—«Да не можетъ быть-сь»... «Да позвольте же, я вамъ скажу, что у васъ на иконкахъ и писаніе плохое».—«Да какъ можно-сь!»..—«Я скажу вамъ даже, что иконки писаны тою же рукою, чтò и у меня на одной изъ митръ, только мои гораздо тщательнѣе отдѣланы».—«Да не можетъ быть-сь». «Посмотрите... Артемій! подай мои митры». Посмотрѣль, согласился, что иконки писаны тою-же кистью; но давай укорять мои митры въ грубости фасона. «Да вѣдь здѣсь же Блюмъ дѣлалъ». Ну сконфузился человѣкъ и сѣхалъ на облаченіе, съ краскою конфузса на щекахъ, что-де онъ еще не получилъ заказа отъ двора, но конечно получитъ».—«Это меня», охлаждаю я его, «нимало не тревожитъ. Эти облаче-нія даются всегда такія плохія, что архіереямъ въ худшихъ нигдѣ слу-

жить не приходится». — «Ну, знаете фасонъ»... — «Э, полноте, и шьютъ въ провинціи весьма тщательно. Это скорѣе забота двора, чѣмъ мой, чтобы отъ двора дано было что-либо порядочное. Это старинное право государей, за которое въ старые годы они сражались, великое право инвеституры, пересаженное и на Русскую почву великимъ умомъ, кажется Екатерины Великой. А теперь оно превратилось въ грошовый расчетъ Придворной Конторы». — «Помилуйте, теперь все такъ скupo, скудно-сь, и памъ все говорятъ, нельзя-ли дешевле?» — «Да и въ самомъ дѣлѣ, что-же можетъ быть дешевле парчи, которую вы показываете. Вѣдь ей цѣна даже при разной, неоптовой покупкѣ 3—4 р. Когда же архіереи надѣваются на свои плечи что-либо дешевле этого!» Чтобы замять скандалъ пустился было придворный человѣкъ въ политику, конца разговору не было видно, тогда какъ у меня сидѣлъ мой другъ Н. А. Мордвиновъ. Я замолчалъ. И то человѣкъ не вдругъ догадался уйти.

На дніяхъ я получилъ отъ Синодального оберъ-прокурора бумагу, что-де «Государь Императоръ соизволилъ всемилостивѣйше пожаловать меня архіерейскимъ облаченіемъ», пока только бумагу, но не облаченіе. Конечно, Лихачевъ мнѣ отомстить.

Осталось разсказать немногое, два или три факта, какъ разстался я съ владыкою-митрополитомъ, какъ задалъ великий обѣдъ и оставилъ Петербургъ. Въ Петербургъ въ послѣднее время на архіерейскія службы, какъ оказывается, стали скupы, не такъ какъ было при митрополитѣ Григоріи; либерализмъ, а скорѣе—облѣненіе и распущенность. И вотъ, 8-го Іюля, въ день Казанскія Божія Матери, назначена была одна только служба въ Казанскомъ соборѣ, на которую и приглашены былъ преосв. Павелъ.

А я, въ этотъ собственно - Казанскій праздникъ остался безъ службы. Это обстоятельство, какъ и другія соображенія, расположили меня съѣздить 8-го Іюля въ Орапенбаумъ. И обѣщаюсь привести Иларіону Алексѣевичу, какъ истинному благодѣтелю моему, икону Казанскія Божіей Матери; а они съ Ольгою Васильевною обязывали меня быть у нихъ 11-го Іюля, въ день Равноапостольная Ольги. Признаюсь, въ этотъ день быть у нихъ въ довольно-значительной публикѣ не хотѣлось; а икону отвезти было нужно, я и рѣшился воспользоваться для этого праздникомъ Казанскія Божія Матери. Отстоявъ раннюю въ Крестовой, я отправился на желѣзную дорогу. Тутъ случилось одно, повидимому незначительное, но по обычности частаго повторенія весьма многозначительное приключение. Когда въ первый разъ яѣхалъ въ

Ораніенбаумъ, то по скромности взялъ билетъ во II-й классъ; скоро подошелъ ко мнѣ о. Александръ Соколовъ, мой ученикъ по Академіи, священникъ Никольскаго Морскаго собора; публика къ разъѣззамъ священниковъ во II-мъ классѣ привыкла, и мы доѣхали съ о. Александромъ благополучно, при чемъ онъ говорилъ мнѣ самые теплые комплименты и простился слѣдующими словами: «вотъ что значить быть хорошимъ человѣкомъ; вамъ всѣ сочувствуютъ, и я не встрѣчалъ ни одного, кто бы вамъ не сочувствовалъ». Но когда нужно было отправляться изъ Ораніенбаума, Шаріонъ Алексѣевичъ далъ мнѣ понять, что они провожаютъ на вокзалъ желѣзной дороги только I-во-классныхъ. Съ этого я и сталаѣдитъ въ I-мъ классѣ. Только вотъ въ эту вторую поѣздку я сѣлъ въ I-й классъ. А мнѣ памятно слѣдующее приключение еще съ 1865 г. Будучи череднымъ архимандритомъ, разъ поѣхалъ я съ однимъ совершиенно пропличнымъ молодымъ человѣкомъ въ Сергиеву Пустынь къ обѣднѣ; туда мы ѿхали во II-мъ классѣ, а оттуда сѣли въ I-й. Только что же? Подходитъ къ нашему купѣ какой-то унтеръ-вахтеръ и, видя, что въ I-й классъ сѣлъ священникъ, вдругъ принасъ самыми свирѣпыми выраженіями начинаетъ распекать кондуктора, зачѣмъ онъ насъ пустилъ, что-де «адѣсь єздить чиновные люди, нѣравно генераль какой сядетъ»... Обидѣлся я тогда въ 1865 г. на этого глупаго и дерзкаго унтера, а теперь вижу, что онъ правъ, что онъ только службу свою правила, не больше, и интересы службы соблюдалъ. Вотъ теперь сижу я въ I-во-классномъ купѣ, пока поѣздъ еще не отошелъ изъ С.-Петербургага; подходятъ дѣвь барыши, кондукторъ растворяетъ дверцу, одна барыня уже занесла ногу, но увидѣла что, o horreur! попъ и назадъ: «пѣтъ ли другого мѣста?»

Кондукторъ доказываетъ, что здѣсь не занято, что здѣсь просторно, что другихъ мѣстъ пѣтъ. Нѣтъ, ломаются мои барыни. Наконецъ, видя, что другого мѣста упорно имъ не отводятъ, лѣзутъ. Во-первыхъ, старыя; во-вторыхъ, рожки, особенно одна; т.-е. отъ нихъ отворотиться нужно... по Французскій діалектъ, и ясно—одна совсѣмъ большая барыня, grande dame, а другая приживалка. Но поистинѣ, безъ преувеличенія, одна въ мою сторону во всю путину такъ ни разу и не взглянула, другой пришлось сидѣть визави, а я, о несносный, о противный! гляжу въ ея сторону: то вѣдь надобно было любоваться этою пыткою, какую она выносila! Она готова была сорваться, выругать мое невѣжество, которое не боялось смотрѣть въ ея сторону. Но гдѣ же такой законъ, который запрещалъ бы? И, наконецъ, видѣть, что этотъ грубіянъ-невѣжа смотритъ такъ рѣшительно. И наконецъ, фи! Объ него мараться! Наконецъ, o quelle pose! (такъ кажется

написалъ). Какой-то un comte, съ дочкою, сановный стариkъ лѣаетъ, да еще oncle? Вмѣсто двухъ стало ихъ, ягодъ одного поля, четверо. Діалектъ не иначе, какъ Французскій. Бдуть всѣ au Saint Serge, а la messe. Попа, однакоже, хотя онъ и припрятанный монахъ и даже архиерей, выносить не могутъ. Дочка, —la comtesse, благо попалась особа красивая, лѣть 24, съ нервнымъ колоритцемъ, съ синевою подъ глазками, но еще цвѣтущая дѣва съ тонко-аристократическими чертами, большими голубыми глазами и Римскою горбинкою на носу. Да и сидѣть-то наискось визави; голосокъ такой звонкій; щебечеть, хохочеть; еще не уходилась, не превратилась ни въ grande-dame, ни даже въ юную dame, ни въ старую дѣву, въ которую однакоже къ сожалѣнію своему явно начинала превращаться. Такъ какъ ни законами Россійской имперіи, ни уставами Петербургской желѣзной дороги не воспрещалось смотрѣть въ ту сторону, гдѣ сидѣли такие большие бары, но положеніе же мое въ углу купѣ давало моимъ глазамъ естественно направлениe внутрь вагона, именно въ ихъ сторону, то я и не находилъ нужнымъ прятать свои очи, и, прямая ось икъ приходилась какъ разъ на эту юную высокоблагородную особу. И, Боже! посмотрѣть-то въ мою сторону ей—это унизиться; ругнуть меня, чтобы я не смотрѣль, и опасно и опять-таки унизительно! Въ этомъ адски-мучительномъ состояніи вдругъ загорится, загорится румянецъ во всю щеку отъ негодованія, съёжить свои алые губки гнѣвно... Ахъ Ты, Боже мой! Grand dieu! Смотрить этотъ несносный, возмутительный. А течение рѣчи съ рапа и съ grande-dame заставляетъ смыться: хохочетъ... Это преинтересно было мучить своимъ присутствиемъ и терзать своими взглядами этихъ породистыхъ, гордыхъ, жалкихъ и смѣшныхъ людей! Такъ-таки ни разу во всю путину въ мою сторону и не взглянули. Хотя и добровольная, но порядочная пытка! Удивляться надо, какъ выдержали эти аристократы, и куда уходить ихъ моральная сила и высокая ихъ благовоспитанность, которая такъ недешево обходится Россійскому пароду. Доѣхавъ до Saint Serge, они избавились отъ кошмара неподходящаго спутничества и отправились а la messe модной, при которой даже барамъ присутствовать не унизительно. Но что за ужасъ былъ бы, куда бы спрятали они свои высокородныя очи, если бъ я тамъ служилъ! Но къ ихъ счастію тамъ конечно служилъ тоже довольно высокородный, изъ купеческаго кажется сословія, о. архимандритъ настоятель Сергіевой пустыни, у котораго на моихъ глазахъ самъ молодой prince Горчаковъ и даже самъ comte Урусовъ брали благословеніе, въ день Александра Невскаго, въ толпѣ многихъ архимандритовъ и даже при архіереяхъ, обходя всѣхъ. Значить, архиман-

дрить барскій. На него смотрѣть самому высокородному тузу позволительно и даже подъ часъ прилично.

Помимо этого смѣшного и досаднаго приключенія я съѣздилъ благополучно, время провелъ весело и назидательно. Св. икону честному дому вручили къ истинному удовольствію прекрасныхъ хозяевъ и воротился къ 9 часамъ въ Лавру надлежашимъ порядкомъ. На вопросъ Артемію: «Все въ порядкѣ? Никто не спрашивалъ»?—«Все-то все, да митрополить присыпалъ». А въ Ораніенбаумѣ меня оставляли ночевать, на что я возражалъ: «вотъ митрополитъ вѣдумаетъ уѣзжать, около него будутъ всѣ, а нового Аксайскаго архіерея ни, испарился!.. Давно ли присыпалъ?—«Присыпалъ да и уѣхалъ тотчасъ, четверть не больше спустя послѣ того, какъ вы уѣхали». Нечего дѣлать. Пусть впередъ не уѣзжаетъ украдко, пусть казнится. Тѣмъ не менѣе и досадно было на такой промахъ, и жаль.

Назавтра о. Исаія мнѣ объяснилъ, что владыка жалѣлъ, что меня не видѣлъ, что онъ одного только меня и звалъ, вѣльмъ сказать мнѣ, чтобы я кланялся преосв. Платону, уѣхалъ въ 12 часовъ, такъ что никто въ Лаврѣ и не зналъ; случайно подоспѣлъ проститься съ нимъ только преосв. Тихонъ. Въ заключеніе всего, такъ какъ митрополитъ очевидно благословилъ убираться во-свои, архіерейская грамота была получена, а 10 Іюля и прогоны съ пособіемъ лежали уже въ карманѣ, то ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ проститься со всѣми и воспитателями и товарищами и прочими близкими за обѣдомъ и повернуть оглоуби на Казань, какъ предположено до Новочеркасска.

Въ устройствѣ обѣда сдѣланы были распоряженія быстрыя въ моемъ духѣ и энергическія. Составленъ слѣдующій списокъ лицъ:

І а р а	1. Павелъ, еп. Кишиневскій 2. Тихонъ, еп. Выборгскій 3. Хозайнъ 4. Архим. Палладій, (товарищъ) 5. Архим. Іустинъ, (совоспитанникъ по Академіи, моложе курсомъ). 6. Архим. Дороѳей, (экономъ Лавры, давалъ лошадей) 7. Іером. Исаія, (экономъ митрополичьяго дома; всякия услуги) 8. Іером. Ираклій, (духовникъ) 9. Архидіаконъ Валеріанъ 10. Иподіаконъ Заозерскій.

Академія.

11. Василій Іванович Долицкій, (наставникъ мой)
12. Кириллъ Іванович Лучицкій, (наставникъ мой)
13. Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, (товарищъ и другъ и все такое)
14. Ольга Васильевна Чистовичъ, (не товарищъ, но другъ)
15. Евфрафъ Іванович Ловягинъ, (наставникъ мой)
16. Ілья Іванович Лебединскій, (докторъ, лѣчившій меня еще студента).
17. Николай Іванович Івановскій—Академія Казанская.

Семинарія.

18. Архим. Хрисаноъ
19. Павелъ Андреевичъ Троицкій, (мой воспитатель)
20. Владіміръ Іванович Ловягинъ, (товарищъ)
21. Павелъ Іванович Савваитовъ, (бывшій наставникъ Семинаріи и мой)
22. Пегръ Іванович Боголюбовъ, (то же).

Бюнсисторія.

23. Михаилъ Гавриловичъ Верещагинъ, (старецъ-секретарь)
24. Александръ Тимоѳеевичъ Камчатовъ, (протоіерей, бывшій членъ)
25. Андрей Алексѣевичъ Павловскій, (протоіерей)
26. Петръ Осиповичъ Никитскій, (протоіерей)
27. Николай Никитичъ Делицынъ, (священикъ, товарищъ и бывшій другъ)
28. Петръ Алексѣевичъ Горизонтовъ, (протоіерей).

Іноді.

29. Викентій Захаровичъ Маньковскій
30. Константинъ Платоновичъ Платоновъ.

Ісаакіевск. соборъ.

31. Настоятель-протоіерей Лебедевъ
32. Василій Петровичъ Полисадовъ, (протоіерей, мой наставникъ по Семинарії)
33. Платонъ Петровичъ Травлинскій, (товарищъ по семинаріи и академії; священикъ)
34. Константинъ Никандровичъ Оболенскій, (протодіаконъ).

- Д р у з ы и п р і я т е л и .
- 35. Иоаннъ Григорьевичъ Заркевичъ, (протоіерей, товарищъ и другъ съ дѣтства)
  - 36. Иоаннъ Константиновичъ Яхонтовъ, (издатель Духовной Бесѣды)
  - 37. Дмитрій Иродіоновичъ Флоринскій, (товарищъ по семинаріи и академіи и другъ, ключарь Петропавловскаго собора)
  - 38. Иоаннъ Алексѣевичъ Вознесенскій, (учитель Дагмары, совоспитникъ, ниже курсомъ)
  - 39. Павелъ Васильевичъ Лебедевъ, (протоіерей, товарищъ прежняго—мужъ нынѣслѣдующей)
  - 40. Анастасія Дмитріевна Лебедева, (другъ съ дѣтства, по крайней мѣрѣ смолоду)
  - 41. Григорій Степановичъ Словцовъ, (протоіерей, товарищъ)
  - 42. Владими́р Николаевичъ Владыкинъ, (товарищъ по Семинаріи)
  - 43. Евстафій Феодоровичъ Горбацѣвичъ, (Евсташка красавчикъ, товарищъ по Семинаріи)
  - 44. Иоаннъ Тимоѳеевичъ Верховскій, (единовѣрческий священникъ, расколоучитель)
  - 45. Николай Ивановичъ Фасановъ, (протоіерей хлѣбосоль)
  - 46. Иванъ Васильевичъ Чельцовъ, (товарищъ, профессоръ Академіи).

Чтобъ отъ этого списка не отбиваться, и послѣ слова къ нему не возвращаться, скажемъ, что преосв. Павелъ, у котораго на подобномъ же обѣдѣ были тѣ же самыя дамы, которыя значатся и въ моемъ спискѣ, на этотъ разъ оказался рѣшительно противъ присутствія дамъ на моемъ обѣдѣ. И. А. Чистовичъ не позволилъ даже и заикнуться о присутствіи его жены. Такимъ образомъ не могла быть и Анастасія Дмитріевна, которая, кромѣ того, находилась подъ особыннымъ вліяніемъ преосв. Павла, по крайней родственной и дружеской близости его къ ея супругу Павлу Васильевичу; и къ лучшему. Потому что обѣдъ вышелъ дѣйствительно бойкій; а присутствіе дамъ могло дать ему другой колоритъ, ослабивъ его—положимъ одностороннюю, но характерную серьезность.

Протоіерей Камчатовъ, Н. Н. Делицынъ, В. З. Маньковскій, К. К. Платоновъ, И. А. Вознесенскій, Г. С. Словцовъ, Н. И. Фасановъ не были, кто по не извѣстной для меня причинѣ, а кто потому, что опоздало приглашеніе, такъ какъ они жили по дачамъ. И. Т. Верховскій не былъ приглашенъ по настоятельному совѣту преосв. Павла, кото-

рый находилъ его присутствіе на архіерейскомъ обѣдѣ неумѣстнымъ, а пожалуй даже и опаснымъ: «а какъ неравно онъ что-либо подмѣтить, да послѣ воспользуется своимъ наблюденіемъ; вѣдь язычекъ-то у него острый, а перо еще безпощаднѣе». А я хотѣлъ его позвать потому, что въ 1864—5 годахъ, будучи череднымъ архимандритомъ, какъ специалистъ по расколу, пользовался его вниманіемъ и ъль его хлѣбъ-соли; да и потому еще, что просилъ его снести съ кѣмъ-либо изъ влиятельныхъ старообрядцевъ на Дону, чтобы отрекомендовать имъ меня съ благопріятной стороны. Наконецъ, И. В. Чельцова пригласить я просилъ А. А. Чистовича, но тоже не соизволилъ, затрудняясь сноситься съ нимъ по-дружески, вслѣдствіе тяжкаго впечатлѣнія, вынесенного съ докторскаго своего диспута. Такимъ образомъ обѣдало только 36 лицъ изъ 46 приглашенныхъ или предполагавшихся. Обѣдъ заказанъ былъ счетомъ на 40, съ условіемъ накормить 45 человѣкъ за 200 р., тому Завитаеву, котораго рекомендовалъ И. Г. Заркевичъ. Завитаевъ послѣ обѣда, на которомъ явился истиннымъ артистомъ, выпросилъ съ меня еще за что-то 16 р., такимъ образомъ я ему заплатилъ 216 р., да восьми человѣкамъ его прислуги далъ по полтиннику, и того всѣхъ 220 р. Вина взяты были у стараго друга моего Теодора Денкера и К° по слѣдующему счету.

2 бутылки Англійской горькой по 65 к.	1 р. 30 к.
2 Алмашу по 75 к.	1 > 50 >
6 Хересу по 1 р. 25 к.	7 > 50 >
8 Рейнвейну Рюдесгейму по 1 р. 50 к.	12 > — >
.6 Портвейну бѣлаго по 1 р. 50 к.	9 > — >
8 Шато-Икемъ по 1 р. 50 к.	12 > — >
6 Шато-Лафиту по 1 р.	6 > — >
6 Бургонскаго-Ажи по 1 р.	6 > — >
5 Портеру по 1 р.	5 > — >
5 Англійскаго Элю по 1 р. 10 к.	5 > 50 >
12 Шампанскаго Редереру по 3 р. 20 к.	38 > 40 >
8 Довскаго по 1 р. 25 к.	10 > — >
20 Зельтерской воды по 10 к.	2 > — >

Итого . . . . . 116 р. 20 к.

Теперь только я соображаю, что на 36 дѣйствительно обѣдавшихъ лицъ приготовлена была батарея изъ 74 бутылки вина и другихъ хмельныхъ напитковъ не считая (да, забылъ, пиво и медъ вѣдьно было поставить Завитаеву, за что онъ и взялъ съ меня 10 р.). Пива, меду, Зельтерской воды и оставшихся отъ митрополичьяго обѣда бутылочекъ,

правда, много и осталось, но и пито было... Правда, и день былъ знойный, и говорено много, и сидѣли большинство до Петербургскихъ (12 Іюля) сумерокъ!

Сему торжеству вещественно-духовному предшествовало однакоже торжество для меня чисто-духовное. Хиротонія моя совершилась 4 Іюля; затѣмъ заставили меня отслужить первую архіерейскую обѣдню 5-го Іюля, нашли, что служу порядочно твердо, иу и больше не нужно. 8-е Іюля прошло для меня безъ службы; приближалось воскресенье 11-го Іюля. Иду я по одной изъ аллей лаврскаго двора, встрѣчаю архидіакона, который и говоритъ: «а чтобы вашему преосвященству отслужить у насъ завтра въ соборѣ?» На это я отвѣчу ему: «служить радъ, назначать,—не отказываюсь, не назначають, не навязываюсь». Какъ разъ въ эту минуту подходитъ преосв. Тихонъ, который, за отбытиемъ владыки-митрополита изъ С.-Петербургa, оставался единственнымъ и какъ бы единственнымъ правителемъ С.-Петербургской митрополіи, архидіаконъ ему и говоритъ: «да вотъ я говорю его преосвященству», указывая на меня; «чтобы ему отслужить у насъ завтра въ соборѣ?» Я повторяю мой отвѣтъ. А преосв. Тихонъ и говоритъ: «да не хотите ли вмѣсто меня завтра отслужить въ Исаакіевскомъ соборѣ? «Съ величайшимъ удовольствіемъ». Такъ и рѣшено. Рѣшено было между нами тремя архіереями, что Павелъ и Тихонъ поѣдутъ завтра въ Ораніенбаумъ къ Чистовичу на обѣдь, а я отслужу въ Исаакіевскомъ и прибуду туда же на пятичасовомъ поѣздѣ, затѣмъ всѣ трое оттуда отправимся въ 10 часовъ вечера.

Такимъ-то образомъ Богъ и судилъ мнѣ отслужить въ Исаакіевскомъ соборѣ въ архіерейскомъ санѣ. Припоминаю обстоятельство, что въ 1865 г. я стоялъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, предъ амвономъ и истерически рыдалъ, когда бывшій Псковскій ректоръ Виталій, назначенный епископомъ въ Томскъ, читалъ архіерейскую присягу, читалъ превосходно, съ величайшимъ чувствомъ и толкомъ, я слышалъ ее тогда въ первый разъ: «Яже (Пречистая Дѣва) буди мнѣ во всемъ животъ моемъ помощница... Всѣмъ и всицѣмъ еретикомъ анаема... анаема... анаема!»

Мнѣ думалось и чувствовалось тогда, что я никогда не буду произносить и не произнесу этихъ анаемъ, никогда не буду читать и не прочту эту присягу. Тогда кромѣ митрополитовъ Исидора и Арсения еще и преосв. архіеп. Платонъ стоялъ на амвонѣ и, невольно сочувствуя моей истерикѣ, откашивался... Теперь на этомъ широкомъ амвонѣ я стоялъ одинъ, въ этомъ величественно-прекрасномъ храмѣ, подъ

восхитительные для меня всегда въ музыкальномъ отношеніи звуки: Да возрадуется душа твоя о Господѣ, пускаемые псдъ недосягаемые своды большимъ и довольно стройнымъ Исаакіевскимъ хоромъ. Я нашелъ, что да — Исаакіевскій соборъ прекрасенъ съ двухъ пунктовъ зрѣнія—съ авиона, когда смотрѣть прямо на этотъ крупными штрихами обозначенный иконостасъ, полуоблитый изъ окна солнечнымъ свѣтомъ, а другою половиною погруженный въ густую тѣнь, и другой разъ—прямо изъ-за престола отъ горячаго мѣста, когда смотришь прямо въ эти грандиозныя одна въ другую математически вѣрно и пропорціонально вкладывающіяся дуги полу-свѣтлыхъ, полу-сумрачныхъ сѣрыхъ арокъ.

День былъ восхитительный. Ну и отслужилъ я Господу Богу мѣрнымъ, спокойнымъ, благодарнымъ духомъ въ семь храмъ, въ которомъ въ 1864 — 1865 г. подчасъ забывался отъ горя. Одинъ разъ преосв. Герасимъ, возвращаясь съ возгласомъ: призри съ небесе Боже..., и видя, что я (стоя слѣва) не беру у него креста, положилъ его на престолъ самъ—похоже на—швыринулъ: «летаетъ-де въ фантазіяхъ человѣкъ», тогда какъ къ ту пору отъ мрачныхъ думъ у меня мутилась голова.

Изъ пѣсни слова це выкинешь, а потому: запишу хоть иѣсколько и нескромно, самого себя совѣтно: быть можетъ и я, по образу старѣйшей братіи, состарѣюсь, осунусь, разваличиваюсь, или изнебрежпичаюсь, или опущусь отъ душевнаго упадка. Но теперь о моемъ совершенно простомъ, безыкусственному, конфузливому служенію протод. Оболенскій отозвался: «Скажу вамъ, вы служите пре-во-сходно. Не говорю хорошо, а пре-во-схо-дно. Я ихъ (архіереевъ) видѣлъ не десятки, а больше сотни. Скажу вамъ, вы служите превосходно. Голосомъ звонкимъ, хотя и хриплымъ отъ кашля, на полъ-собора павѣрное, пѣвчимъ въ тонъ, и т. п.

Руки еще поднимаются свободно, отъ старости, отъ туха не отяжелѣли. Спина еще гнется легко; поднимать, опускать не-старческую немощь еще не нужно, даже прикосновенія иподіаконовъ во время поклоновъ производятъ во мнѣ судорожную дрожь. Ахъ, сократить бы еще число рукоцѣлованій,—поистинѣ непріятно, также производить во мнѣ нервное содроганіе. Нужна привычка къ этому великому излишеству виѣшнихъ рабскихъ знаковъуваженія клира ко владыкѣ на глазахъ всей церкви и часто чужестранцевъ.

Въ 5 часовъ я былъ уже въ Ораніенбаумѣ, гдѣ засталъ почтенный кружокъ двухъ архіереевъ, иѣсколько родственныхъ Иларіону Алे-

ксѣевичу дамъ и кавалероиъ, подъ предсѣдательствомъ Василія Борисовича, наслаждающихся послѣобѣденною бесѣдою. Не знаю, какимъ образомъ у нихъ это состроилось; но ясно было, что мои архіереи измѣняютъ мнѣ и своему слову отѣхать изъ Ораніенбаума вмѣстѣ со мною на 10-часовомъ поѣздѣ. Оказывалось нужнымъ или мнѣ одномуѣхать на 10-часовомъ поѣздѣ и, значитъ, возвращаться въ Лавру въ полночь, или теперь вмѣстѣ съ нимиѣхать на 7 часовомъ поѣздѣ или, наконецъ, почевать. Я объявилъ, чтоѣхать сейчасъ-же—это значитъ лучше бы неѣхать вовсе, возвращаться одномуѣ въ полночь неблаговидно; лучше воротиться завтра на утреннемъ 7 часовомъ поѣздѣ. И потому я объявилъ, что почую. Но пока перекидывались этими разсужденіями и нѣкоторыми другими (вышеозначенными рѣчами), вотъ имъ уже настала пора подниматься. А я уѣхалъ, какъ предположилъ, назавтра въ 7 часовъ утра вмѣстѣ съ Іоапномъ Григорьевичемъ Заркевичемъ. Провожала насъ до вокзала ангелоподобная хозяйка, съ которой я здѣсь и простился, быть можетъ, навсегда.

Забирала меня, признаюсь, и съ вечера, и съ ночи, и теперь третвога. «А что, думаю, да какъ случится со мною что либо, какъ да не доѣду до Лавры я въ пору. Гостей называй, обѣдъ стряпается, вина не куплены, да и не заказаны. Вотъ былъ бы вселенскій скандалъ!» Однакоже прибыли какъ разъ въ пору, часовъ около 9—10. Въ моей Лаврской квартирѣ были уже развалины. Вмѣсто меня и даже вмѣсто Артемія хозяиничалъ тамъ артистъ Завитаевъ. Въ свою пору все было готово. Обѣдъ назначенъ былъ въ 2 часа. Я былъ одѣтъ и готовъ принимать гостей въ квартирѣ о. Палладія въ 1 часъ. Но гости, какъ единъ человѣкъ, съ чисто-Петербургской аккуратностію и взаимнымъ самоуваженіемъ, ввалились массою подъ предводительствомъ двухъ архіереевъ ровно въ 2 часа. Тутъ-то Иларіонъ Алексѣевичъ, сіявшій, къ слову сказать, звѣдою, и извинился: «Ужъ извините, грѣхъ на моей душѣ, не достало духа позвать И. В. Чельцова». Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы поднялись и перешли въ мою квартиру, гдѣ, призвавъ благословеніе Божіе на ястія и цитія и предстоящій подвигъ, дружно двинулись на приступъ натискомъ братъ эти батареи, изрыгавшія адскій огонь изъ аллашевъ и разныхъ горькихъ, хересовъ, портвейновъ и пр. Сѣли подъ предсѣдательствомъ преосв. Павла. Слѣва очертался преосв. Тихонъ. Визави заняли К. Н. Лучицкій, П. И. Савваитовъ, И. И. Лебединскій, настоятель Исакіевскаго собора Лебедевъ, протоіерей Яхонтовъ и Павловскій. В. И. Долоцкому, П. А. Чистовичу и Е. И. Ловягину пришло сѣсть слѣва отъ преосв. Тихона. Справа отъ преосвященнаго Павла сѣль (справа—не слѣва—случайно, а не

по расчету) я посадилъ возлѣ себя Н. И. Ивановскаго, какъ единственнаго представителя Казанской Духовной Академіи (чѣмъ С.-Петербургская Духовная Академія, какъ покажутъ послѣдствія, была шокирована) а далѣе сѣли о.о. архимандриты Хрисанѳъ, Палладій и Густинъ; а затѣмъ и всѣ. Маленькихъ людей тутъ не было, всѣ большіе, или лучше — всѣ равные. Но сверхъ чаянія преосв. Павель мнѣ и шепчетъ: «Напрасно вы не посадили около себя нашего друга». А я ему въ отвѣтъ: «онъ большой человѣкъ, самъ найдеть себѣ мѣсто, а я подъ свое покровительство взялъ свою Академію». Это, чего я не предвидѣлъ, было зерномъ спора, при обильномъ поливаніи Шампанскими и прочими добрыми влагами, выросшимъ въ большое, впрочемъ довольно красиное, по крайней мѣрѣ интересное, яблоко-раздора. Хорошо. Пochали ъѣсть и пить. Сначала я раза два поднимался посмотретьъ, вездѣ ли равномѣрно обильно разставлены щедро припасенные мною батареи. Оказалось, что все обстоитъ, какъ слѣдуетъ. И враговъ довольно, и нападеніе чинится отважное и неотступное. Съ половины обѣда, увѣренный въ блистательной баталіи, я уже и пересталъ подниматься, а только съ своего мѣста окидывалъ поле сраженія взоромъ полководца. Подали Шампанское. Начали за здравствовать съ Святѣшаго Правительствующаго Синода и преосв. митроп. Исидора; продолжили здравиемъ хиротонисавшихъ архіереевъ и господина преосв. Тихона; не помню, здѣсь ли, затѣмъ ли провозглашено было многолѣтствіе (протодіакономъ Оболенскимъ) и моему недостоинству; далѣе многолѣтствовали преосв. Платона Донскаго и Антонія Казанскаго съ пѣніемъ всесоборнѣ: «Многая лѣта!» Теперь кстати скажу, что вообще въ Петербургѣ провинціальные архіереи не имѣютъ популярности, даже извѣстности; имя Антонія Казанскаго вырастаетъ, такъ что знающіе люди, какъ бы согласившись, повторяютъ всѣ одну фразу: «Его время прійдетъ, но пока сдержанность и осторожность»; но если есть архіерейское имя, произносимое рѣшительно всѣми со всеобщимъ сочувствіемъ, то это имя архіеп. Платона. Могу смѣло сказать, что всякая, говорившая со мною, душа непремѣннымъ долгомъ поставляла выразить, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, свое сочувствіе и уваженіе преосв. Платону. Одинъ Петръ Ивановичъ Боголюбовъ говорить: «Я его ученикъ»; другой (protoіерей А. А. Павловскій) говорить: «Я и мы—вся семья свидѣтельствуемъ ему наше почитаніе вседомовоно, такъ и скажите—вседомовоно»; третій (В. И. Долоцкій): «отъ меня, знаете, глубочайшее почитаніе преосв. Платону; я, знаете, его глубоко уважаю и сердечно люблю этого человѣка»; четвертый (протодіаконъ Оболенскій): «онъ знаетъ на меня гнѣвается; но сдѣлайте милость, ваше преосвященство, не забудьте, отъ меня глубочайшее, наиглубочайшее почитаніе». Всего не вспомнить.

Но рѣшительно всѣ, всѣ до единой души. Кириллъ Ивановичъ Лучицкій не отъ себя только глубочайшее сочувствіе передавалъ, но и отъ тестя своего доктора и генерала Ивана Васильевича Бобрикова: «онъ очень жалѣеть, что и вѣсъ не видаль. Но не забудьте же, отъ насъ отъ всей семьи, глубочайшее уваженіе преосв. Платону». Архіереи всѣ, и самъ митроп. Исидоръ нашелъ нужнымъ передать мнѣ чрезъ о. Исаію, чтобы я не забылъ передать его поклонъ преосв. Платону. Преосв. Тихонъ и Павелъ тоже. Василій Борисовичъ Бажановъ и Ioannъ Васильевичъ Рождественскій тоже, послѣдній крѣпко извинялся въ неаккуратной корреспонденціи: «Вѣдь у нихъ у всякаго канцеляря, письмоводители; а я всякую бумажонку отъ меня исходящую долженъ изобразить собственноручно до послѣдней строчки. Ну такъ и не успѣваешь. Пусть извинитъ ради Бога. Но глубокое ему мое и всегдашнее почитаніе». Имя преосв. Платона не только за обѣдомъ, но и послѣ обѣда долго было предметомъ самыхъ сочувственныхъ рѣчей и выражений уваженія и благожелательства....

Обѣдъ между тѣмъ, шумъ и винопитіе шли своимъ чередомъ, и завязка всего этого узла приближалась къ развязкѣ. Смутно предносившаяся идея этого обѣда незамѣтно подходила къ своему выясненію. Начались спичи. Первымъ всталъ известный литераторъ, протоіерей Ioannъ Константиновичъ Яхонтовъ. Онъ смѣло далъ тему всему послѣдующему развитію спичей, заговоривъ о благотворномъ значеніи монашества для церкви вообще и для богословской науки въ частности, начавъ съ того, что онъ, самъ протоіерей и семьянинъ, всегда питалъ сочувствіе и привязанность къ представителямъ ученаго монашества; это потому, что его всегдашнимъ убѣжденіемъ было, что и это отрѣшенное отъ заботы мірской званіе необходимо у насъ для блага церкви, и скажу прямо, даже для развитія богословской науки и т. д. Преосвящ. Павелъ и я сказали вслухъ, что это заявленіе по обстоятельствамъ послѣднихъ дней есть своего рода мужественный подвигъ, заслуживающій съ нашей стороны признательности. Продолжалъ Василій Петровичъ Полисадовъ, сузивъ свою рѣчь на тему чисто-личную обо мнѣ, такъ какъ онъ мой наставникъ по семинаріи, зналъ меня съ раннихъ лѣтъ моей юности; затѣмъ плавно-отборною ораторскою фразою острѣль другъ мой съ дѣтства Ioannъ Григорьевичъ Заркевичъ. Между тѣмъ я провозгласилъ четвертый тостъ за здоровье моихъ наставниковъ, воспитателей, друзей и товарищѣй. Пили и пѣли, приправляя ораторствомъ и хохотомъ. За этимъ тостомъ я обошелъ кругомъ столовъ всѣхъ моихъ гостей и перечокался со всѣми, потому что тутъ быть всякий или наставникъ мой и воспитатель, или другъ и товарищъ;

даже о. Исаи сказалъ: «Пью ваше здоровье, какъ товарища и сово-спитанника по монашеству, потому что помню васъ канонархомъ, ког-да самъ бѣгалъ ежедневно въ Лавру молиться Богу, готовясь, какъ вы, къ монашеству». «Провозглашаю пятый тостъ и прошу позволенія, почтенные отцы и господа, провозгласить тостъ за Казанскую Академію». Единственный представитель оной профессоръ Н. И. Ивановскій поднялся и произнесъ рѣчь весьма сочувственную въ отношеніи къ лицу ея бывшаго ректора о заслугахъ его не ученыхъ и административныхъ, которые оцѣнены его сослуживцами при глубоко-сочувственномъ прощаніи съ о. ректоромъ къ самой Казани, но обративъ вниманіе свое и слушателей на другую сторону характера этого лица—именно на наиболѣе сочувственную, гуманную сторону его, какъ человѣка... Но въ эту пору преосв. Павель шепчетъ мнѣ: «напрасно вы не провозгласили тостъ за Петербургскую Академію». Я шопотомъ же отвѣчаю: «провозгласилъ же я здоровье моихъ наставниковъ, воспитателей и т. д.; а того я и не замѣтилъ, что три слѣва отъ архиереевъ сидѣвшіе профессоры Долоцкій, Чистовичъ и Ловягинъ, конечно подъ вліяніемъ средняго: «не вставайте», не вставайте, не встали, когда я провозгласилъ тостъ за Казанскую Академію. Черезъ нѣсколько секундъ преосв. Павель опять шепчетъ: «Иларіонъ Алексѣевичъ требуетъ, чтобы вы провозгласили тостъ за С.-Петербургскую Академію». Я отвѣчаю шопотомъ: «да неловко же теперь, когда я уже напередъ провозгласилъ за Казанскую». Такъ какъ въ этотъ моментъ Н. И. Ивановскій кончилъ свою рѣчу, то я поднялся отвѣтить скороговоркою на три слова, его, Ивановскаго, Полисадова и Яхонтова, замѣтивъ по смыслу рѣчи послѣдняго, что «его заявленіе, какъ мужественное заявленіе убѣженія, заслуживаетъ особенной нашей признательности, что-де монашество до сихъ поръ давало церкви всѣ великия имена, начиная со вторыхъ послѣ Христа основателей христіанства, иночествовавшихъ апостоловъ Павла и Иоанна, что выяснено даже протестанскою богословскою школою, и до нашихъ дней, когда мы видѣли Филарета»... Но вдругъ поднимается мой другъ Иларіонъ Алексѣичъ, оказавшійся ратоборцемъ за противный принципъ, и говорить громко: «Я не уйду отсюда, пока вы не провозгласите здоровье С.-Петербургской Академіи, которой вы всѣмъ обязаны». — «Ахъ, Боже-жъ мой!» говорю громко и я стоя, какъ стоялъ, «я же провозглашалъ здоровье моихъ наставниковъ, воспитателей и пр. Желаю ей, какъ и здѣшней семинаріи (тоже моя *alma mater*) бытія многолѣтняго, столѣтняго, тысячелѣтняго, чтобы она до скончанія вѣковъ процвѣтала, храня свою самобытность и обособленность, стоя на старыхъ принципахъ, на которыхъ стояли доднесь». «Нѣть», громко и твердо настаиваетъ мой другъ, «вы должны про-

возгласить здоровье Академіи въ настоящемъ ея составѣ, на настоящихъ принципахъ, при настоящемъ уставѣ». Это подлинныя слова моего друга, контръ - агента. Затѣмъ уже слова и понятія въ моемъ воспоминаніи спутываются съ шумомъ и гамомъ, съ выраженіями сочувствія, которыя, (не сильно ошибусь если скажу), всѣ были на моей сторонѣ.—«Желаю», кричу я звонкимъ голосомъ, покрывая гулъ тридцати голосовъ, «желаю вѣковѣчнаго процвѣтанія Академіи на старыхъ принципахъ. Если же вы настаиваете на новыхъ принципахъ, отличныхъ отъ старыхъ, въ такомъ случаѣ заявляю вамъ, что я архіерей, что я присягалъ»... «Браво, браво, такъ, такъ», общія восклицанія. «Мой почтенный другъ Иларіонъ Алексѣевичъ», продолжаю я, «вѣрить въ Entwicklung,—въ развитіе христіанской идеи. Я же въ это развитіе не вѣрю. Я полагаю, что принципъ Православія долженъ быть неподвиженъ. Долженъ быть неподвиженъ не только въ догматѣ, но и въ обрядѣ и въ канонѣ».—«Такъ, такъ, такъ, такъ», восклицанія. «Допускаю разнообразное живое приложеніе обряда и канона къ жизни въ ея жизненномъ развитіи»... Тутъ произнесь «такъ», самъ Кириллъ Ивановичъ Лучицкій.—«...Разнообразное приложеніе въ практикѣ, но въ теоріи, въ признаніи, въ исповѣданіи они должны быть нерушимо хранимы, какъ принципъ нашей церкви и царства, которое создано православіемъ. Если же мы сдвинемся съ принципа православія, то вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнемъ принципъ не только крѣпости нашего народа, но и бытія».—«Такъ, такъ, такъ!»—«Господа!» кричитъ, заглушая всеобщій шумъ и самъ Заркевичъ, чувствуя, что рѣчи принимаютъ щекотливое направленіе,—«Господа! Отцы! братія!... Позвольте остановить ваше высокое вниманіе на весьма важномъ предметѣ, слишкомъ существенно касающемся общаго нашего благоденствія и особенно благонастроеннаго, скажу болѣе, веселаго расположенія нашего духа, въ настоящій торжественный день и въ настоящую умилительно-праздничную минуту (слушаютъ)... Такъ какъ (весьма внушительно) сей обильный запасъ, предложенный щедрою рукою нашего препочтенаго и прелюбезнаго друга, чрезъ пять минутъ долженъ истощиться»... Взрывъ хохота и гаму.—«Поправка, поправка!» кричу я,—«чрезъ 10!.. Имамъ блага многа стояща за сею утлою преградою, сирѣчь—перегородкою», гдѣ дѣйствительно стояли еще десятки нераскүпоренныхъ бутылокъ. Воодушевленіе всеобщее... Но сердечною рѣчью сгладить скавшуюся серьезную разногласицу въ возврѣніяхъ взялся Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, сказавъ спичъ на тему, что «обстоятельства жизни измѣняются, времена и поколѣнія уходятъ, рождаются новые идеи и потребности, порождающія и новые уставы жизни, но принципъ въ нашей Русской церковно и учебной жизни все одинъ! И не можетъ не

быть не одинъ». Наконецъ спичи во устахъ протоіерея-старца А. А. Павловскаго, опять В. П. Полисадова, опять Заркевича и въ заключеніи товарища моего по семинаріи Владыкина приняли опять личный сочувственный мнѣ колоритъ. И надо сказать, что въ то время спичеговореніе только прикрывало собою всеобщій одушевленный говоръ, такъ какъ говорящіе тутъ были всѣ, а слушающихъ, кажется, уже никакого, кромѣ развѣ хозяина. При всеобщемъ воодушевлениіи и благодареніи Богу за великія и богатыя милости мы поднялись и, перецѣловавшись, изыдохомъ въ сосѣднюю квартиру моего товарища о. Палладія, гдѣ до сумерокъ и позже продолжали всякія изліянія и возліянія. Мой лучшій другъ однакоже, кажется, изыде нѣсколько смущенный и имѣя нѣчто на мя. Ну что же? Два противныхъ лагеря.... Гдѣ же пункта соприкосновенія? О, есть, найдутся. Всѣ же прочіе, насколько мнѣ известно, разошлись въ лучшемъ расположеніи духа, т. е. какъ въ лучшемъ? такъ что самъ солиднѣйшій и острый К. И. на другой по обѣдѣ день выразился: «Вы всегда оставляли во мнѣ пріятное впечатлѣніе и воспоминаніе, и въ студенчествѣ свою и теперь. Благодаримъ васъ за гостепріимство, за память, за добрыя къ намъ чувства». Нарочно прикатилъ назавтра Платонъ Петровичъ Травниковскій. «Ну, батюшка, обѣдъ! Но что же это! ч! Макарій во фракѣ! Ну, съ какой стати, кто его уполномочилъ? Требуетъ настоятельно. Мы всѣ шли вчера и ругали его, признаюсь, на чемъ свѣтъ стоитъ».—«Любезный другъ! защищаю я, вѣдь онъ намъ преданныйшій человѣкъ, вѣдь другъ и благодѣтель. Онъ и тутъ имѣть добрую мысль и тенденцію, заставляя меня провозглашать за С.-Петербургскую Академію. Вѣдь они теперь соло, въ ихъ рукахъ вліяніе. Такъ ему не хотѣлось, чтобъ я оставилъ такое впечатлѣніе, какъ будто отбиваюсь отъ нихъ въ сторону. Къ сожалѣнію вышло только хуже, нѣчто неожиданное». «Ничего, ничего, не мѣшаешь имъ напомнить, чтобъ не забывались». Самъ о. Исая, и тотъ, встрѣтивъ меня на аллѣѣ, сдѣлалъ такой отзывъ: «Это вы прекрасно, ваше преосвященство, о новомъ уставѣ имѣ на обѣдѣ. А то право же, ладу съ ними нѣть. Все вверхъ ногами. Вотъ былъ хоръ митрополичій, нужны пѣвчіе. Теперь никто не идетъ и не живетъ. Чѣмъ прикажете дѣлать? Все новые уставы. Бывало, въ семинаріи, въ училищѣ пѣвчимъ окажутъ и снисхожденіе. Теперь?! Никакого. Ну никого и не удержишь, никто и не живеть. Потому трудъ лишній, а облегченія никакого. А еще, пожалуй, хуже. Пѣвчій, такъ и налягутъ еще хуже: «давай его сюда». Бѣда, просто разореніе отъ этихъ новыхъ уставовъ!» Ну а прочіе: «та-ко-го обѣда?... Ну признаюсь».... Ну а я самъ, чтобъ говорю о своемъ обѣдѣ?—«Пусть ихъ... По крайней мѣрѣ не такъ скоро забудутъ».

Забылъ еще сказать, что 9 Іюля въ Пятницу я отвезъ иконы Казанскія Божія Матери: 1) Василію Борисовичу Бажанову, который сказалъ мнѣ, что отдаєтъ такія иконы бѣднымъ невѣстамъ, на что сказалъ я: «Такъ какъ теперь я вижу ваше в—біе, вѣроятно, въ послѣдній разъ, то примите выраженіе моей глубочайшей признательности за всѣ благодѣянія, которыхъ видѣлъ я отъ васъ»; 2) Иоанну Васильевичу Рождественскому, который распространялся на тему, что помнить меня съ дѣтства, съ семинаріи; и 3) Михаилу Измаиловичу Богословскому, который, какъ человѣкъ всегда мнѣ благожелательный, послѣднимъ словомъ объявилъ мнѣ напрямки: «Не беспокойтесь, скоро увидимся, здѣсь увидимся». Надѣемся, что «вы и теперь не оставите вашихъ литературно-ученыхъ занятій».

13-е число посвящено было окончательнымъ расчетамъ и сборамъ. 14-го же Іюля, поклонившись святому благовѣрному великому князю Александру Невскому, я отбылъ съ преосв. Павломъ Кишиневскимъ, который предварительно совершенному отбытию въ Кишиневъѣхалъ на Тверскую свою родину проститься съ родными, по Николаевской желѣзной дорогѣ до станціи Бологовской, откуда одинъ съ келейникомъ до Москвы, въ которую прибылъ 15-го Іюля; поутру 16-го былъ въ Нижнемъ Новгородѣ; поутру 17-го былъ въ Казани. Столбы пыли въ Казани по улицамъ; невыносимая пыль и нечисть отъ всеобщаго ремонта въ Академіи. Какъ-то почувствовалось, что мнѣ здѣсь уже не мѣсто, самъ собою выметается старый духъ. 20-го Іюля въ Ильинъ день я служилъ литургію въ малой Феодоровской церкви, обѣдалъ съ преосв. Антоніемъ и Викториномъ у послѣдняго, гдѣ съ ними и простился, вечеромъ пилъ чай у имянинника Ильи Степановича Бердинкова, гдѣ шутилъ съ «веселыми и слѣпыми человѣками», ночью до утра пилъ Шампанское въ небольшомъ кругу подъ сѣнью академическихъ кленовъ, при восхитительномъ смѣшениі свѣчного и луннаго освѣщеній въ академическомъ саду, при чемъ и дамы пѣли: Многая лѣта.... Послѣ чего первоначало Казанской Духовной Академіи, Наeanайлъ Петровичъ Соколовъ, съ сознаніемъ послѣдней минуты разлуки и конечно навсегда, говорилъ глубоко-прочувствованный и для меня незабвенный спичъ: «Ваше преосвященство! Разстаемся. Послѣднее мое вамъ слово. Говорю за себя; но думаю, что мнѣ будутъ сочувствовать эти почтенные господа и госпожи. Я здѣсь переживаю седьмого ректора. Кажется, пріобрѣлъ навыкъ и вкусъ въ людяхъ. Позвольте вамъ заявить. Начитанность вы имѣете огромную, свѣдѣнія громадныя, способность усвоенія изумительную. Дѣятельность ваша въ Академіи была благотворная и благородная. Я ее знаю и столько, сколько другіе знаютъ, и больше другихъ знаю по особымъ и болѣе частымъ отноше-

ніямъ. Вы седьмой ректоръ, и изъ монашествующихъ вѣроятно послѣдній. Но скажу прямо: я пережилъ всѣхъ, что впереди ожидаетъ мене и Академію, не знаю. Но лучше вѣсть ректора я не встрѣчалъ». Тоже самое, что говорилъ мнѣ Михаилъ Сергеевичъ Святославскій въ Ригѣ, что говорили мнѣ при прощаніи въ Витебскѣ. Съ этимъ словомъ Никаноръ Петровичъ тяжело надвинулъ шапку на глаза, мы все проводили его почти молча до выхода изъ саду, онъ грузно опустился на своего бѣлага коня и молча двинулъ еще разъ, взмахнувъ шапкою: «прощайте!» Мы все разошлись. На завтра въ раннее утро, въ сопровожденіи единаго Ильи Степановича Бердникова, я оставилъ Казанскую Духовную Академію, благословляя ее въ душѣ и рукою по всѣмъ угламъ и пунктамъ моего зреенія и воспоминанія: «Благослови Господи, помяни Господи, помяни Господи... Дай имъ миръ,тишину и изобиліе плодовъ вещественныхъ и духовныхъ и многая лѣта».

Кончилъ сіе писаніе сего 21-го Августа, какъ-разъ къ прибытію преосв. Платона, которое должно состояться завтра въ 5 часовъ вечера.

Слава и благодареніе Господу Богу Нашему за все, и тяжкое, и свѣтлое, не оставляющему насъ искуситься паче, неже можемъ понести, но творящему со искушеніемъ и избытиемъ.

P. S. Вчера, 20-го Августа, я получилъ бумагу изъ Казанской Духовной Академіи отъ Августа 14-го за подписью уже «ректора Академіи протоіерея Александра Владимировскаго». А Петръ Васильевичъ Знаменскій говорилъ, что «теперь при ректорѣ появится еще ректорша съ такимъ же значеніемъ, вліяніемъ и правами». Хорошіе, лучшіе люди Владимірскіе; но все же—другой совсѣмъ принципъ.

P. S. Прибывшій 22-го Августа владыка Платонъ рассказалъ мнѣ двѣ вещи. 1) Когда онъ присутствовалъ въ Синодѣ, митрополитъ Исидоръ заявлялъ синодаламъ письмо митрополита Московскаго Филарета, который внушалъ синодаламъ поголовно всѣмъ потребовать у Государя своей отставки, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ служить имъ и вести дѣла нельзѧ, на что синодалы возразили: «Зачѣмъ же Филаретъ самъ въ свою пору этого не сдѣлалъ?» 2) М. Н. Муравьевъ, на разсужденія о лучшемъ устройствѣ Синода, сказалъ преосв. Платону: «Чудакъ вы, преосвященный! Старый человѣкъ, а такъ мало знаетъ положеніе дѣлъ. Вѣдь тогда Синодъ усилился бы? Да. Такъ итожъ этого же желаетъ, чудакъ вы!! Теперь Синодъ безасиленъ, и Россія этого не знаетъ; а тогда вся Россія узнаетъ, что Синодъ и есть и долженъ быть безасиленъ». 3) Теперь у преосв. Платона имѣются Записки митрополита Литовскаго Іосифа, присланнія для прочтенія по завѣщенію покойнаго автора. Увидимъ и прочитаемъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «ИЗДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХИВА».

У Александры Ивановны и Ольги Федоровны Кошелевыхъ въ Москвѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собиралось по Вторникамъ много знакомыхъ людей, по большей части умственнаго круга. На эти Вторники привлекало гостепріимство хозяевъ, непринужденность бесѣдъ и обычные ужины (всегда изъ однихъ и тѣхъ же блюдъ). Иногда бывали и чтенія. Разношть во мнѣніяхъ не выступала рѣзко и не препятствовала искреннему обмѣну мыслей. Мнѣ доводилось бывать на этихъ Вторникахъ, что называется, завсегдатаемъ. Пріѣхалъ однажды профессоръ философіи въ Московскому Университетѣ, Памфиль Даниловичъ Юркевичъ. Онъ былъ воспитанникъ Киевской Духовной Академіи, и вотъ что онъ рассказалъ про Киевскаго митрополита Филарета. У него бывали по вечерамъ студенты Академіи. Онъ отличался благодушіемъ и подъ старость нерѣдко разсказывалъ, какіе бывали у него грѣхи. Къ числу ихъ причислялъ онъ такой случай. Когда, неожиданно для всѣхъ императоръ Николай Павловичъ назначилъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода молодого полковника, графа Н. А. Протасова (получившаго воспитаніе въ Петербургскомъ Іезуитскомъ пансионѣ), члены Синода были озадачены. Серафимъ и оба Филарета, Московскій и Киевскій, уговорились между собою дожидаться, чтобы графъ Протасовъ посетилъ ихъ. „Я всю ночь не спалъ. всяка душа властѣмъ повинуется. Не бо безъ ума мечъ носить, и другіе тексты приходили мнѣ въ голову, и на утро я уже отправился взглянуть на новое „царское око“. Глядь, Московскій уже тамъ; а вслѣдъ за мною пріѣхалъ и Серафимъ, и мы долгонько оставались въ приемной, пока вышелъ къ намъ графъ Протасовъ“.

Лишь подъ конецъ долгой жизни, нашъ Московскій Филаретъ выразилъся В. В. Скрипицыну: „кажется, что мы страдаемъ избыткомъ покорливости“. Въ Чудовомъ монастырѣ, когда кончилось отпѣваніе митрополита Филарета, нѣсколько архипастырей поклонились одному высокому лицу, пріѣждавшему изъ Петербурга, съ выражениемъ благодарности за оказанную пріѣздомъ честь. Пріѣзжій выражалъ свое негодованіе С. М. Соловьеву на эту пріениженность.

*

Долго не могъ я понять, что побудило императора Николая Павловича назначить графа Протасова на важную должность оберъ-прокурора Св. Синода, т. е. главнаго распорядителя всѣхъ вѣшнихъ дѣлъ церкви. Го-

сударь, какъ извѣстно, былъ человѣкъ искренне-благочестивый. Онъ говорилъ, что желаетъ вѣрить, какъ вѣритъ Русскій простолюдинъ, и конечно это желаніе возымалъ онъ отъ частаго общенія съ Русскимъ солдатомъ. Между тѣмъ назначеніе графа Протасова выходило какъ бы оскорблениемъ если не церкви, то ея представителей. Молодой, богатый и блестящій гвардеецъ, графъ, слышно было, даже плохо зналъ по-русски, съ дѣтства и въ пансионѣ у иновѣрца усвоивъ себѣ Французскій языкъ, хотя родомъ изъ семьи благочестивой.

Объясненіе далъ мнѣ его родственникъ князь Д. А. Оболенскій. Николай Павловичъ, прѣхавъ въ Москву, обратился къ тестю графа Протасова, князю Дмитрію Владимировичу Голицыну съ вопросомъ: „Что же ты меня не благодаришь? Какое мѣсто я далъ твоему зятю!“ Князь молча поклонился. „Эхъ, Голицынъ, и ты тоже не понимаешь меня: вѣдь церковью-то править буду я самъ“.

Если и тогда дѣятельность Св. Синода была такова же, какъ она изображена въ Запискахъ архиепископа Никанора (см. „Руссій Архивъ“ 1807 г.), то намѣреніе Николая Павловича объясняется. Тутъ могло дѣйствовать и наследственное побужденіе. Государь зналъ, что его отецъ даже намѣревался служить обѣдню, и его отговорили только тѣмъ, что онъ былъ двоеженецъ.

Не надо забывать, что въ синодальное управление при графѣ Протасовѣ сдѣлано было немало доброго, напримѣръ, посыпка въ Іерусалимъ архимандрита Порfirія Успенскаго, или же появленіе въ печати ежегодныхъ отчетовъ оберъ-прокурора; не говоримъ о возникновеніи многихъ прекрасныхъ храмовъ. Пріятель графа Протасова, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, рѣдкій знатокъ всякой церковности, былъ ему совѣтникомъ въ случаяхъ затруднительныхъ. Вообще же, въ царствованіе Николая Павловича, наше духовенство значительно поднялось сравнительно съ предшествовавшимъ двадцатипятилѣтіемъ. А. И. Тургеневъ говорилъ, что когда онъ былъ правителемъ дѣлъ при князѣ А. Н. Голицынѣ, то вставалъ поздно и въ приемной своей находилъ по нѣсколько человѣкъ архiereевъ и архимандритовъ. Въ послѣдніе годы Александровы царствованія состоялся указъ, по которому помѣщики не могли подносить больше одвой рюмки вина священникамъ, приходившимъ на праздникъ со крестомъ. П. Б.

ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВИЩА ВЕЛИКОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТИЯХЪ.

Существуютъ духовныя фамиліи, произведенныя отъ названій селъ, большою частию инородческихъ, но по случайному созвучію со словами языковъ древнихъ и западно-европейскихъ, на первый взглядъ кажущіяся взятыми изъ этихъ языковъ. При склонности объяснять духовныя фамиліи изъ языковъ иностранныхъ эти фамиліи представляютъ большой соблазнъ для толкователя, и неожиданно встрѣтившееся название русского села жестоко разрушаетъ всѣ его дивинаторскія построенія и филологическія соображенія. Слѣдующія фамиліи, на первый взглядъ греческія, латинскія, нѣмецкія и англійскія, на самомъ дѣлѣ объясняются русскими, татарскими, мордовскими и т. п. названіями великороссійскихъ селъ: Алатовъ (Каз. кн., 285) не отъ *alatus* (крылатый), но отъ с. Алатъ Каз. у.; Алеянскій (Каз. Оп., 90) не отъ греч. *ἄλσος* (роща), но отъ с. Алзы Ардат. у. Симб. губ.; Брейтовскій (Яр. 5, 362) не отъ нѣм. *breit* (широкій), но отъ с. Брейтово Молож. у.; Брутовскій (Сузд., 159) не въ честь римскихъ Брутовъ, но отъ с. Брутова Владим. у.; Венетинскій (Каз. Оп., 152) не отъ Венетовъ или лат. *venetus* (головой), но отъ села Венеты Лайшев. у.; Верзинъ (Яр. 70, 245) не отъ *versus* (стихъ), но отъ с. Верзина Ростов. у.; Верольскій (Спб., 643) не отъ названія болѣзни *verole*, но отъ Верольского погоста Новоладожск. у., Вирганскій (0, 565) не отъ популярной въ духовныхъ школахъ лозы—*virga*, но отъ названія трехъ сель Нижнеломов. у. (двѣ Вирги Ивановскія и одна Вирга Сергіевская); Витальскій (Яр. 5, 363) не отъ лат. *vitalis* (жизненный), но отъ с. Виталей-Спасскаго на р. Виталькѣ Данил. у.; Еделевскій (89, 167) не отъ нѣм. *edel* (благородный), но отъ с. Едилева Буйнск. у. Симбир. губ.; Зоновъ (Вят. 69, 270) не отъ греч. *ζώνη* (поясъ) или нѣм. *Sohn* (сынъ), но отъ с. Зона Малмыж. у.; Иссинскій (88, 123) не отъ Киликійского города Иесса, но отъ с. Исы Инсар. у.; Ихтинскій (Вят. 69, 304) не отъ греч. *ἰχθύς* (рыба), но отъ с. Ихты Яранск. у.; Кавскій (Тв. 4, 339) и Кавендорвъ (0, 557) не отъ лат. *cavere* (остерегаться) или *cavus* (полый), но первая отъ с.

*) См. выше, стр. 75.

Кавы Новоторж. у., а вторая отъ с. Кавандры Наровчат. у.; Кавтеринъ (Пенз. 0, 561) не отъ греч. καυτήριον (клеймо), но отъ с. Кавторовко Саран. у.¹⁾; Карницкій (Тул. 5, 187) не отъ лат. саго, carnis (мясо), но отъ с. Карничекъ Богородиц. у., Керскій (О. Р., I, 562) не отъ имени богинь судьбы Κῆρες, но отъ с. Керы Нижнеломов. у.; Кинобальскій (Вл., 125) не отъ греч. χόων, χούσ (собака) и βάλλω (бросаю) но отъ с. Кинобала Юрьев. у.; Колоновскій (Пенз. 68, 273) не отъ мѣстечка Колонъ, давшаго убѣжище Эдипу, но отъ с. Колено Чембар. у.; Лоховъ (Сар. 2, 527) не отъ греч. λόγος (отрядъ), но отъ с. Лохо²⁾ Сарат. у.; Моденскій (95, 176) не отъ Итальянскаго города Модены, но отъ с. Модни Новгород. у.; Нильскій (Вл. 4, 314) во Владимірской епархіи³⁾ не отъ р. Нила, но отъ с. Ниловъ Переслав. у.; Омофоровскій (Вл., 182) не отъ греч. ὠμοφόριον (омофоръ, наплечникъ), но отъ с. Омофорова Покров. у.; Перговъ (94, 245) не отъ шотландскаго города Перта, но отъ с. Пертова Шацк. у.; Пластиковъ (Д., III, 100) не отъ греч. πλάσσω (образую), по отъ с. Пластикова Сапожков. у.; Политовъ (Ряз., XXXI) не отъ греч. πολίτης (гражданинъ) или лат. politus (полированый, цивилизованный), но отъ с-ца Политова Донков. у.⁴⁾; Симилейскій (98, 157) не отъ лат. similis (похожий), но отъ с. Симилей Саранск. у., Ставровскій (Вл., 7) во Владимірской епархіи не отъ греч. σταυρός (крестъ), но отъ с. Ставрова Влад. у.; Терсинскій (Род., 487) не отъ лат. tersus (обтертый, чистый, прекрасный), но отъ с. Терсы Аткар. и Вольск. у.; Фатуевъ (Сарат. кн., 359) не отъ лат. fatuus (глупый), но отъ с. Фатуевки Мокшан. у.; Юнгеровъ (Пенз. 0, 578) не отъ нѣм. jung (молодой), но отъ с. Юнгеровки Аткар. у.⁵⁾; Эксталиевъ (89, 150) не отъ греч. ἔχστέλλω (отличаюсь, прил. ἔχσταλεῖς) но отъ с. Эксталия Тамбов. у. Нѣкоторыя фамиліи, на первый взглядъ, кажущіяся произведенными отъ именъ библейскихъ, на самомъ дѣлѣ происходятъ отъ названий русскихъ сель, напр. Амановъ (Д., II, 14) не въ честь погубленного евреями вельможи царя Ассиира, но отъ с. Аманова Скопин. у.; Сигорскій (Костр. 90, 177) и Сигорицкій (4, 218) не отъ библейскаго г. Сигора, но, вѣроятно, отъ с. Сигори Углиц. у.;

¹⁾ Является соблазнъ признать фамилію Кавтеринъ переводомъ на греческий фамиліи Клейменовъ отъ с. Клейменовки Пензен. у.

²⁾ Лохъ значитъ сомга.

³⁾ Пековская фамилія Нильскій (Род. 316), и. б., другого происхожденія.

⁴⁾ Въ Тамбовской епархіи эта фамилія проходитъ отъ с. Политова Тамбов. у.; въ Казанской (Каз. 67, 54), и. б., другого происхожденія.

⁵⁾ Самая Юнгеровка получила нѣмецкое название; но фамилія Юнгеровъ взята не прямо изъ нѣмецкаго языка, но отъ названия села.

Эдемскій (Вл., 326) не отъ Эдема—рай, но отъ с. Эдемского Ковров. у.¹⁾, Эдомскій (5, 214) не отъ Эдома-Исава, но отъ с. Эдомо²⁾, Эммаусскій (Сп. архіер., 40) не отъ Палестинской веси, но отъ с. Эммауса Твер. у.³⁾. Помимо этихъ, большою частью инородческихъ фамилій, нѣкоторыя фамиліи, кажущіяся искусственно образованными отъ славяно-русскихъ словъ для обозначенія тѣхъ или другихъ свойствъ учениковъ, на самомъ дѣлѣ безъ всякихъ мудрствованій произведены отъ названій сель и городовъ: Взорновскій (Сзд., 163) и Невзоровъ (Ген., III, 21) не отъ слова взоръ, но отъ с. Взорова Шуйск. у. и с. Невзорова Скопин. у.; Грудцынъ (Нж. 68, 259) не въ честь героя старинной повѣсти Саввы Грудцына, но отъ с. Грудцына Горбат. у.; Дѣвицынъ (Вор. 903, 103) не отъ слова дѣвица, но отъ города Нижняго-Дѣвицка; Иговскій (Вл., 114) не отъ слова иго, но отъ Иговскаго погоста Меленк. у., Иаволенскій (О. Р., I, 319) не отъ слова изволеніе (въ смыслѣ благое изволеніе, склонность къ хорошему), но отъ с. Иаволи Александр. у. Влад. губ., Истинскій (Д., III, 248) не отъ слова истина, но отъ с. Истья Пронск. у., Ищенинскій (Тамб. 63, 201) не отъ слова ищеща (истецъ), но отъ с. Ищенина Лебедян. у.; Китоврасовъ (Сар. 2, 594) не въ честь фигурирующаго въ апокрифахъ демона Асмодея-Китовраса⁴⁾, но отъ с. Китовраса Балашов. у.; Недоходовскій (Кал. 5, 187) не указываетъ на малые доходы ученика, но произведена отъ названія с. Недоходова Мещов. у.; Перехвальскій (Д., III, 295) не отъ слова хвалить, но отъ с. Перехвали Донков. у.; Пестрицкій (Каз. кн., 225) не отъ слова пестрый, но отъ с. Пестрецовъ-Никольскаго Казан. у.; Побѣдимскій (Д., II, 240) не отъ слова побѣда, но отъ с. Побѣдного Скопин. у.; Повѣдскій (О., 188) не отъ слова повѣдать, но отъ с. Повѣди Новоторж. у.; Поклонскій (Яр. 70, 244) не отъ глагола покланяться, но отъ с. Поклоновъ Рост. у.; Прощаницкій (Псков. 2, 354) не отъ слова прощать, но отъ Прощаницкаго погоста Псков. у.; Святицкій (Нж. 4, 132) и Святитскій (Орл. 5, 347) не отъ слова святой, но первая отъ с. Святицъ Семенов. у., вторая отъ с. Святицкаго Ливен. у.; Сластушенскій (7, 145) не отъ слова сласть, но отъ с. Старой Сластухи (Сердоб. у.) или Новой Сластухи (Аткар. у.); Смердынскій (81, 107) не отъ слова смердѣть, но

¹⁾ Въ Тамбовской епархіи (Тамб. 95, 572) и Архангельской (Арх. 5, 161) эта фамилія, вероятно, произведена отъ слова эдемъ—рай.

²⁾ Села въ Романовоборисоглѣбскомъ и Череповецкомъ уѣздахъ. Эдома означаетъ отдаленные отъ деревни лѣсныя угодья.

³⁾ Въ другихъ епархіяхъ, напр. въ Олонецкой (Ол. 3, 446), м. б., отъ Палестинского Эммауса.

⁴⁾ Китоврасъ слово не славянскаго происхожденія, но искаженное греческаго κένταυρος.

отъ с. Смердыни Весьегон. у.; Сновъдскій (Нж. 4, 553) не указываетъ на вѣдѣніе сновъ, но произведена отъ с. Сновъдскаго Завода Ардат. у. Нижегор. губ.; Тырновскій (Д., II, 56) не отъ болгарскаго Тырнова, но отъ с. Тырнова Пронск. у.; Угодскій (Яр: 5, 331) не отъ слова угодить, но отъ с. Угодичей Ростов. у.; Уметскій (Тамб. 95, 398) не отъ слова уметы (пометъ), но отъ с. Градскаго Умега Кирсан. у.; Утьшинскій (Ряз. 5, 316) не отъ слова утѣшать, но отъ с. Спасъ-Утѣшенья Ряз. у., какъ это ясно изъ параллельной фамиліи Спасоутѣшеннскій (Ряз., XXXVI).

Иногда недовольствовались простою фамиліей, образованной отъ названія города или села, но старались придать ей известную красоту и важность, напр. ученику изъ Вышняго Волочка вмѣсто фамиліи Вышневолоцкій давали фамилію Вышнеградскій (Тв., 435), или переводили на какой-нибудь иностранній языкъ. Такимъ образомъ получились фамиліи: вмѣсто Красновскій-Руберовскій отъ лат. ruber (красный), вм. Горскій-Монтановъ (Сад., 190) ¹⁾, отъ толщи (горный), вм. Холмскій-Лофицкій (1, 135) отъ греч. λόφος (холмъ), вм. Полянскій-Агровъ, Агеровъ (92, 201), Агровскій (Зн. III, 337), Агринскій (Зн. III, 340), Агриковъ и Камповъ (Вл., 121) отъ лат. ager и campus и греч. ἀγρός и ἄγροικος, вм. Песковъ-Ареновъ (Д., II, 45) отъ лат. aena, вмѣсто Каменскій-Ляпидевскій ²⁾ отъ лат. lapis, вм. Приморскій-Понтовъ (75, № 26, 1), вм. Ключевъ-Фонтановъ (Нж., 4, 286), вм. Лѣсковъ-Дубровскій и т. п.—Сильвинъ (Каз. 67, 568), Сильвинскій, Сильвановъ (Нж. 4, 387), Сильвановскій отъ silva (лѣсъ), и, можетъ быть, Илимовъ (О. Р., I, 147) отъ λημνος (лугъ) (лѣсъ), вм. Островскій-Нисовъ (1, 146) отъ греч. νῆσος, вм. Лужновъ-Ливадоновъ (Нж. 4, 326) отъ греч. λιβάδιον; вм. Садовскій-Гортовъ (98, 151) отъ лат. hortus (садъ), вм. Садковскій-Гортуланскій (97, 161) отъ уменьшительного hortulus (садикъ), вм. Городецкій и Городковъ—Урбановъ (Пенз. 90, № 19, 12), Урбанскій (Ряз., XXXV) и встрѣчающаяся еще въ XVIII вѣкѣ Урбановскій (Оп. Син., XVI, 609) отъ лат. ictus ³⁾, Цивитатовъ (Тамб. 63, 238) отъ лат. civitas, (община, городъ), Позиевскій (Сар. 2, 612) отъ греч. πόλις, и Бурговъ (5, 200) отъ нѣм. Burg ⁴⁾, вм. Сельскій и т. п.—Рустицкій (Тр. Сарат.

¹⁾ Въ числѣ учениковъ С.-Петербургской семинаріи была странная греко-латинская фамилія Ксеномонтановъ.

²⁾ Впрочемъ, въ Тульской семинаріи ученикъ Каркадиновскій (по с. Каркадинову Коломен. у или Епиф. у.), впослѣдствіи митрополитъ Московскій Сергій (†1898 г.), былъ переименованъ въ Ляпидевскаго независимо отъ своей прежней фамиліи.

³⁾ Кроме значения городской или. ictus значитъ цивилизованный и фамилія эта могла присваиваться ученикамъ, отличавшимися moribus urbanis (Теод. 288).

⁴⁾ Или по имени автора известной реторики Бургія.

Ком. 1888 г., IV, 435) и Агриколянскій (1, 134) отъ лат. *rusticus* (сельскій) и *agricola* (селянинъ). Въ Вологодской епархіи существуетъ фамилія Иллювіевъ (Вол. 5, 161), отъ *illuvies*—грязь, которая едва-ли не представляетъ латинскій переводъ фамиліи Грязовецкій отъ г. Грязовца въ Олонецкой епархіи—Енальскій (Од. 3, 447), можетъ быть, отъ *εὐχλως* (морской) ¹⁾.

Болѣе сложные переводы представляютъ фамиліи: 1) Азагровъ (Ук. церквей г. С.-Петербурга, 1895 г. 10), которая, повидимому, состоитъ изъ словъ *ἄσχ* (сухость) и *ἀγρός* (поле, нива) и представляетъ переводъ фамиліи, образованной отъ имени с. Сухой Нивы Демянск. у. Новгор. губ.; 2) Грандвильяжскій (4, 233), встрѣчающаяся въ Ярославской епархіи и представляющая французскій переводъ *grand* (великій) и *village* (село) существующей въ той же епархіи (4, 233) фамиліи Велико-сельскій ²⁾.

Вслѣдствіе того, что многія селенія получили название отъ фамилій дворянскихъ землевладѣльческихъ родовъ, среди духовенства встрѣчается много лицъ съ дворянскими фамиліями, произведенными отъ названій этихъ селеній. Не мало лицъ духовнаго происхожденія носятъ фамиліи титулованныхъ родовъ: Бобринскіе (89, 171) существуютъ въ Тульской епархіи (с. Бобрики Епифан. у.) ³⁾, Вадбольскіе (5, 164) въ Тульской (с. Покровское-Вадбольское Епифан. у.), Волконскіе — въ Самарской (Сам. 2, 31) и въ Саратовской (Сар. 2, 364; с. Волхонщина Петров. у.) ⁴⁾, Гагарины—въ Рязанской (Д., Ш, 294; с. Гагарино Донков., Раненб. и Скопин. у. у.), Голицыны—въ Херсонской (76, 134), Горчаковы—въ Костромской (Род., 114), Долгоруковы—въ Московской (М., 105), Куракины въ Рязанской (97, 187), и Тверской (93, 371; Куракино 2 дер. Кашин. у.) и Саратовской (78, 136; с. Куракино Сердоб. у.); Маматовы—въ Саратовской (91, 204; с. Маматовка Аткар. у.), Меньшиковы—въ Вологодской (Вол. 69, 31), Казанской (Каз. 74, 639) и Тверской (94, 185), Мещерскіе—въ Владимирской (Сп. архіер. 906 г., 17; с. Мещеры ⁵⁾ Муром. у.), Московской (Адр. Кал. 903, 688); Нижегородской (Нж. 68, 256, с. Николо-Мещерскія Горы Горбат. у.),

¹⁾ Сравн. фамилію Маритимскій (Сад. 189), вѣроятно, Маритимскій, (*maritimus* морской).

²⁾ Фамилія Агропольскій (Кез. Оп., 397) какъ будто состоитъ изъ Греческаго слова „*ἀγρός*“ и Русскаго его перевода „поле“.

³⁾ По тому самому селу, отъ которого получила свою фамилію первый графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій.

⁴⁾ Въ Московской (М., 41) и Калужской (7, 134) по с. Волконскому Козельск. у. есть фамилія Волхонскій.

⁵⁾ Въ Кашинскомъ уѣздѣ есть деревня Мещеры.

Тверской (76, 120) и Орловской (Орл. 5, 246), Оболенские—въ Воронежской (Вор. 903, 111), Курской (78, 143), Орловской (Орл. 5, 256), Тульской (79, 135) и Тамбовской (Сп. арх. 906 г., 197¹), Одоевские (76, 131) въ Новгородской, Прозоровские—въ Вологодской (Вол. 97, 214²), Калужской (6, 235), Московской (Адр. Кал. 903 г., 565) и Воронежской (77, 131; Прозоровъ хуторъ Бобров. у.), Путятины—въ Рязанской (Д., I, 184; с. Путятино Раненб. и Сапожков. у.у.), Ромодановские—въ Московской (М., 42), Сицкие—въ Нижегородской (6, 243), Суворовы—повсемѣстно; Трубецкие—въ Самарской (Сам. 2, 96; сс. Трубетчино въ Балошов. у. Сарат. губ., въ Сенгил. и Сызран. Симбир. губ.) и Пензенской (Пенз. 68, 347; с. Трубетчина Мокшан. у.), Урусовы—въ Рязанской (Д., Ш, 212; с. Урусово Раненб. у.), Ухтомские—въ Вологодской (Вол. 69, 377) и Ярославской (89, 174; с. Погорѣлая Ухтома Пошехон. у.); Хилковъ—въ Самарской (Сам. 2, 94; с. Хилково Самар. у.), Хованские—въ Астраханской (Астр. 5, 1036), Нижегородской (Нж. 4, 366), С.-Петербургской (Кут., 393), Саратовской (Сп. арх. іер. Всерос., 78; с. Хованщина Сердоб. у.) и Ярославской (Яр. 70, 243; с. Ховалское-Ильинское Рост. у.); Шаховские—въ Тамбовской (Тамб. 95, 623; с. Шаховка Тамб. у.). Отсутствіе княжескаго или графскаго титула не оставляетъ сомнѣнія въ неаристократическомъ происхожденіи перечисленыхъ фамилій; этого нельзѧ сказать о духовныхъ фамиліяхъ, тождественныхъ съ нетитулованными дворянскими и члены этихъ фамилій или умышленно могутъ причислять себя, или по ошибкѣ могутъ быть причисляемы къ старымъ дворянскимъ родамъ. Число людей съ дворянскими фамиліями весьма велико среди духовенства³): Анненковы—въ Нижегородской епархіи (Род., 15; с. Анненково Арзам. у.; сельцо Анненково Горбат. у.), Аксимовы существуютъ въ Орловской (Орл. 5, 38 и Астраханской 176, 132), Апраксины въ Нижегородской (89, 226; с. Апраксино въ Нижег. и Сергач. у.у.), Симбирской (77, 114 с. Апраксино Ардат. у.) и Енисейской (81, 121); Апушкины въ Тамбовской (94, 69; с. Апушки Шацк. у.), Базилевские—въ Ярославской (Яр. 70, 242), Баратынские—въ Костромской (95 120) и Симбирской (93, 173), Бартеневы—въ Псковской (91, 243), Костромской (2, 131; с. Бартенево Нерехт. и Воскресенское—Бартеневщина

¹) Въ формѣ Аболенскій эта фамилія существуетъ въ епархіяхъ Нижегородской (Нж. 4, 240) и Тульской (Тул. 5, 214).

²) Есть и Прозоровы (Яр. 70, 406) по с. Прозорову-Михайловскому Молож. у.

³) Вступленіе людей дворянскаго происхожденія въ бѣлое духовенство весьма рѣдко. За послѣдніе годы на перечеть извѣстны случаи вступленія въ клиръ дворянъ: за это время кроме извѣстнаго Н. Толстого приняли священство Л. Чичаговъ (теперь епископъ Орловскій Серафимъ), Н. Веригинъ и два брата Арсеньевы.

Галицк. у.), и Вологодской (Вол. 5, 628), Бахметевы—въ Саратовской (Сар. 3, 328; с.с. Старая и Новая Бахметевка Аткар. у.), Безобразовы—въ Тамбовской (1, 149), Бекетовы—въ Пензенской (Пенз. 71, 21) и Орловской (83, 60), Боборыкины—въ Минской (1, 135), Бредихины—въ Тамбовской (98, 165; Бредихино дер. Тамб. у.), Булыгини—въ Тверской (Тв. 4, 343), Бурцевы—въ Тульской (80, 153; сц. Бурцево Кашир. у.), Бутурлины—въ Нижегородской (90, 137; с. Бутурлино Княгич. у.), Вадковские—въ Тамбовской, Васильчиковы—въ Тамбовской (1, 149), Веригины—въ Тверской (Тв. 4, 344) и Симбирской (77, 134), Вревские во Псковской (Род., 90; погость Вревъ Остров. у.), Вышеславцевы—въ Тверской (80, 141) и Калужской (79, 130), Головины—въ Пензенской (Пенз. 0, 574; с. Головинская Варижка Нижнелом. у.), Головкины—въ Уфимской (2, 164), Грибоѣдовы—въ Смоленской (5, 204) и Владимірской (Сзд., 169), Грифцовы—въ Рязанской (Ряз., XXXII¹), Дашковы—въ Казанской (Каз. 67, 569) и Рязанской (Ряз. 5, 529; с. Дашково Ряз. у.), Есиповы—во Владимірской (Вл. 4, 194; сц. Есипово Пересл. у.), Загоскины—въ Иркутской, (Зн. III, 340²), Загряжские—въ Самарской (94, 134), Зубовы—въ Московской (Моск. Некрол., I, 481), Извольские—во Владимірской (98, 173); (с. Изволь Александр. у.) и Тульской 179, 135; с. Изволь Алексин. у.), Казариновы—въ Ярославской (Яр. 70, 245), Каракозовы—въ Пензенской (М. А., 542; с. Каракозовка Аткар. у. Сарат. губ.), Карамзины—въ Саратовской (5, 203) и Тамбовской (Тамб. 95, 387), Колачевы—въ Тверской (Тв. 4, 737; сц. Колачово Твер. у.), Московской (77, 125) и Ставропольской (87, 58), Колычевы—въ Тверской (88, 117) и Московской (М., 42; с. Колычово въ Звен., Колом., Мож., Подол. и Серпух. у.у.), Корсаковы—въ Нижегородской (78, 110; с. Корсаково Княгинин. у.), Курловы—въ Курской (2, 142), Лачиновы—въ Тамбовской (0, 188; с. Лача Темник. у.), Левашевы—въ Вятской (Вят. 69, 334), Пермской (7, 165), Казанской (Каз. Оп., 123; с. Левашево Спас. у.) Костромской (0, 194; с. Левашево Костр. у.) и Нижегородской (Нж. 4, 337; с. Левашево Ардат. у.), Левшины—въ Московской³), Мансуровы—въ Казанской (Каз. кн., 512; с. Мансурово-Воскресенское Лайш. у.), Мариновы—въ Самарской (4, 219⁴), Мордвиновы—въ Рязанской (Д., II, 352; с. Мордвиново Ряж. у.), Муромцевы—въ Казанской (Каз. 67, 188) и Самарской (99, 145), Мухановы—въ Пензенской (Пенз. 97, 511; с. Муханово Мокшан. у.), Набоковы—въ

¹) Въ Архангельской Грифцовы (Арх. 5, 163).

²) Можетъ быть, непосредственно отъ слова загозка—кукушка.

³) Иначе Левшиновы.

⁴) Ср. дер. Голубинный Марь Новоузен. у. Марь значить холмъ.

I, 17

„Русский Архивъ“ 1908

Черниговской (98, 392), Назимовы—въ Ярославской (Яр. 70, 243; 4 деревни въ разныхъ уѣздахъ съ именемъ Назимово) и Костромской (77, 132), Нарбековы—во Владимірской (2, 132)¹⁾ Нелидовы—въ Казанской (94, 206), Новосильцевы—въ Прокутской (Зн., III, 433), Обрѣзковы въ —Нижегородской (93, 366), Огаревы—въ Рязанской (99, 169)²⁾, Оржевские—въ Тамбовской (7, 174; три Оржевки въ Кирсан. у.), Панины —въ Костромской (89, 154; с. Панино Костр. у.) и Рязанской (Д., II, 107; с. Панино Спас. у.), Пестовы—въ Вологодской (Вол. 97, 241)³⁾ и Тульской (Тул. 5, 238), Нисемскіе—въ Костромской (3, 168), Порошины—въ Пермской (83, 61), Потемкины—во Владимірской (89, 144) Пушкины—въ Московской (79, 120; с. Пушкино въ Моск. и Верейск. уу.) и Калужской (95, 168; с. Пушкино Тарус. у.), Тверской (Тв. 4., 454) и Тамбовской (Тамб. 63, 136; с. Пушкино въ Елатом. и Усман. уу.), Раевскіе—въ Воронежской (Вор. 93, 69), Нижегородской (Род., 392) и Калужской (Кал. 5, 278; сц. Раевское Перемышл. у.), Сабуровы—Московской (79, 120; с. Сабурово въ Моск., Дмитр. и Колом. уу.), въ Пермской (4, 216), Вологодской (Вол. 97, 237), Нижегородской (Нж. 4, 3) и Тамбовской (Тамб. 4, 532; с. Сабурово въ Борисогл. и Елатомск. уу.), Савеловы—во Владимірской (Вл. 4, 41; с. Спасское-Савеловыхъ Юрьев. у.), Салтыковы—въ Пензенской (Пенз. 68, 273; с. Салтыково-Карай Керенск. у.) и Тамбовской (Тамб. 5, 577; с. Салтыково-ка въ Моршан., Кирсан. и Спас. уу.) и Донской (76, 114), Самарини— въ Рязанской (87, 105; с. Самарино Раненб. у.) и Пермской (85, 41)⁴⁾, Свиридовы — въ Орловской (Орл. 5, 177), Сенявини—въ Вологодской (Вол. 69, 53), Новгородской (Новг. 4, 904; с. Синявино Шлиссельб. у. С.-Пет. губ.) и Тульской (97, 254; с. Синявино Крапив. у.), Сипягины (Род., 411)—въ Тверской⁵⁾, Скрябины — въ Воронежской (77, 116), Смольяниновы—въ Калужской (3, 166), Рязанской (Д., III, 292), Ставропольской (2, 175), Донской (96, 139), и Томской (76, 130), Соковники— въ Самарской (5, 161; Соковникова, сц. Бузул. у.), Спѣшневы—въ Рязанской (99, 169; с. Спѣшнево Донков. у.), Столыпины—въ Пензенской (5, 146;

¹⁾ Однофамильцевъ нынѣ угасшаго рода Нарбековыхъ въ Суздальской семинаріи было 9 (Сзд., 191—192); въ спискѣ учениковъ Владимірской семинаріи Нарбековы занимаютъ 1^{1/2}: стр. (Вл., 168—169).

²⁾ Иногда фамилія Агаревъ (и Агаревскій, Астр. 5, 479) замѣняетъ фамилію Огаревъ (Пенз. 0, 583), если эта фамилія не произведена отъ имени Библейской Агари или Греч. прилаг. ἀγαρρ=ἀγορος=immaturus, praeaturus (Ducange, s. v.)

³⁾ Въ Вологодской губ. болѣе десяти селеній, носящихъ название Пестово.

⁴⁾ Самара во Владим. губ. означаетъ длинную одежду.

⁵⁾ Если только не Синявини, какъ можно думать, по вѣкоторымъ топографическимъ названіямъ Тверской губерніи.

с. Столыпино въ Пенз. и Городищ. уу.), Стрекаловы — въ Рязанской (1, 144; с. Стрекалово Скоп. у.), Строгановы — въ Московской (М., 155), Тверской (88, 117), Смоленской (Каз. Оп., 320) и Тамбовской (Тамб. 95, 145), Сухомлиновы — въ военномъ духовенствѣ (81, 129), Сушкины — въ Рязанской (81, 131; с. Сушкино Зарайск. у), Талызины — въ Тверской (Тв. 4, 350) и Казанской (Каз. 67, 95; с. Талызино въ Ардат. и Курмыш. уу. Симб. губ.), Татищевы — въ Ярославской (Яр. 70, 244; Татищевъ погость Рост. у.), Уфимской (80, 163) и Оренбургской (Оренб. 5, 116; Татищевская станица Оренб. у.), Теляковские — въ Ярославской (91, 220; дер. Теляково въ Яросл. и Ром. Бор. уу.), Тимашевы — въ Самарской (7, 168; с. Тимашево Бугурусл. у.), Тутолмины — въ Тобольской (78, 121) и Тамбовской (5, 208), Ушаковы — въ Ярославской (Яр. 70, 245; с. Ушаково Мышкин. у.), Тверской (76, 120; с. Ушаково Стариц. у.) и Калужской (76, 121)¹), Храповицкіе — въ Новгородской (4, 214), Черкасовы — въ Казанской (88, 112; с. Черкасъ²) Каз. у.) и Смоленской (См., XI), Чичерины — въ Тамбовской (87, 89; с. Чичерино Коалов. у.), Чулковы — въ Вологодской (5, 170), Воронежской (86, 69), Архангельской (Арх. 5, 245), Смоленской (94, 184) и Оренбургской (0, 239), Шепелевы — въ Костромской (4, 209) и Тамбовской (Тамб. 95, 401)³), Шереметевы — въ Московской⁴), Рязанской (Д., I, 88; с. Шереметево Раненб. у.), Воронежской (77, 131) и Тульской (Тул. 5, 186; с. Шереметево Кашир. у.), Шишковы — въ Тамбовской (88, 115), Оренбургской (86, 77) и Тверской (Тв. 4, 442), Юшковы — въ Вологодской (Вол. 69, 50), Нижегородской (Нж. 68, 271) Пермской (82, 48) и Екатеринбургской (7, 152), Языковы — въ Московской. Встрѣчаются среди духовенства лица и съ фамиліями польскихъ князей и графовъ: Вишневецкій въ епархіи Владимирской и Казанской (Каз. 67, 159), Любомирскіе въ Ярославской (Яр. 70, 244), Потоцкіе — въ Пензенской (99, 166), Казанской (Каз. 67, 382) и Нижегородской (Нж. 68, 263), Массальскіе — въ Ярославской (93, 177)⁵) и Ставропольской (84, 46). Такія фамиліи были получены нѣкоторыми учениками не отъ названій ихъ родныхъ сель, но во-первыхъ въ честь представителей дворянскихъ фамилій, которые прославились или на военномъ поприщѣ, какъ Суворовъ, Кутузовъ, или въ литературѣ, какъ Карамзинъ, Баратынскій, Языковъ, во-вторыхъ, въ благодарную память

¹) Въ Ярославской есть и старинная угасшая фамилія Хабаровыхъ (Яр. 70, 51) по погосту Хабарову Данил. у.

²) Глухово-Андреевское-Черкасъ.

³) Шепелевскій заводъ Елатом. у.

⁴) По многочисленнымъ въ Московской губ. Шереметевскимъ селамъ.

⁵) По с. Масальскому Мышикин. у.

о лицахъ, покровительствовавшихъ ученикамъ или содержавшихъ ихъ во время учебнаго курса. Такими лицами прежде всего являлись помѣщики и вообще богатые прихожане: сынъ діакона Московской Предтеченской на Лубянкѣ церкви Павелъ Васильевъ (впослѣдствіе архиеп. Владимірскій и Воронежскій Пароеній) былъ въ Московской Академіи названъ Чертковымъ, потому что «состоялъ на иждивеніи» богатаго прихожанина Черткова ¹⁾.

Иногда такое присвоеніе фамиліи происходило съ согласія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ: въ 1823 г. эта Коммиссія постановила, чтобы «самобѣднѣвшіе» ученики Казанскихъ духовныхъ училищъ, содержащіе на проценты съ капитала въ 3000 р., пожертвованнаго кол. ассесоршой М. Я. Кротковой, получали фамилію Кротковъ ²⁾. Наконецъ нѣкоторыя фамиліи, какъ Головинъ, Ушаковъ, и т. п., указывающія на извѣстные отличительные признаки человѣка, встрѣчаются среди духовенства совершенно независимо отъ какихъ-либо топографическихъ причинъ подобно тому, какъ эти фамиліи встрѣчаются среди купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Вообще было бы умѣстнѣе, если бы ученики духовныхъ школъ получали не самыя фамиліи помѣщиковъ и благодѣтелей, но производная отъ этихъ фамилій съ окончаніемъ скій подобно тому, какъ въ Московскомъ Сиротскомъ Институтѣ стипендіаты кн. Голицына получали фамилію Голицынскій, а стипендіаты Шереметевой—фамилію Шереметевскій. Примѣры подобныхъ фамилій встрѣчаются и среди духовенства, напр. Голицынскій (Сар. 3, 500 ³⁾), Гагаринскій (99, 332) и Гагариновъ (1, 207), Урусовскій (1, 154), Шереметинскій (Общ. Шт. 1844 г., 132), Салтыковскій (79, 145), Столычинскій (78, 121), Бекетовскій (Пенз. 97, 512) наравнѣ съ фамиліей Бекетовъ (Пенз. 71, 21) отъ с. Бекетовки Мокшан. у.

Нѣкоторыя фамиліи, повидимому, указываютъ на титулъ или званіе духовныхъ меценатовъ: напр. Княжескій (Нж. 4, 244), Бароновъ (94, 216), Дворянскій (Уф. 5, 1216), Графовъ (82, 52), Адмираловъ (79, 123), Сенаторскій (90, 345), Синклитскій (Ук. ц. С.-Пет. 95 г., 114), хотя фамиліи Княжескій и Дворянскій могутъ быть и топографического происхожденія ⁴⁾, Бароновъ могла быть дана въ честь церковнаго исто-

¹⁾ В. М. Орловъ, Высокопр. Пароеній, бывшій Архиеп. Владимірскій, впослѣдствіи Воронежскій, 2—3.

²⁾ Благовѣщенскій, Ист. Каз. дух. сем., 152.

³⁾ По многочисленнымъ селеніямъ Сарат. губ. съ названіемъ Голицыно.

⁴⁾ Не мало сел. съ названіями Княжево, Княжье Княжъ-Павлово, Княжъ-Иваново,

рика Цезаря Баронія, а Сенаторскій и Синклитскій могли быть даны или ученику изъ дѣтей клириковъ С.-Петербургской Сенатской церкви или ученику, который за хорошие успѣхи сидѣлъ за переднимъ столомъ, называвшимся *senatus*¹⁾). Нѣкоторыя духовныя фамиліи указываютъ вообще на отношенія между покровителемъ и покровительствующимъ, какъ Меценатовъ (Яр. 5, 221), Протекторовъ (Уф. 5, 871), Клентовъ (М., 44), Клентовскій (О Р., II, 306). Иные фамиліи свидѣтельствуютъ о какомъ то отношеніи къ аристократіи ихъ носителей, какъ Евгеновъ (Вл., 104)²⁾, Нобилитетовъ (96, 171), Нобилевскій (81, 105).

Третью ступень развитія духовныхъ фамилій представляютъ фамиліи, произведенные отъ названий храмовыхъ праздниковъ церквей, при которыхъ служили отцы воспитанниковъ. Эти фамиліи иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и топографическія, такъ какъ села часто называются по храмовому «бѣ-имя». Фамиліи храмовые распроспестились позднѣе топографическихъ³⁾: среди учениковъ Московской Академіи 1728 г. такія фамиліи, какъ Тресвяцкій (Оп. Син. Арх., VII, CXL) составляли исключеніе; изъ учениковъ той же Академіи въ 1737 г. только немногіе но-сили храмовыя фамиліи, Богородскій, Веденскій или Введенскій, Никитскій, Покровскій, Харитоновскій (Оп. Син. Арх., XVI, 848 851, 852).

Между этими фамиліями преобладаютъ, конечно, произведенные отъ самыхъ распространенныхъ «бѣ-имя», именно Никольскій⁴⁾, Покровскій, Рождественскій, Троицкій и Успенскій: Спасскихъ не tanto много потому что съ ними конкурируютъ Преображенскіе. Весьма употребительны фамиліи, произведенные отъ названий двунадесятыхъ праздниковъ, какъ Воскресенскій, Вознесенскій, Богоявленскій, Благовѣщенскій, Воздвиженскій, Введенскій; менѣе употребительны Срѣтенскій, Сошествен-

Дворянщина (с. Кирсан. у.), Дворянскій Умысь (с. Саран. у.) и. т. п. Фамилія Княгининскій (Нж. 4, 203) происходит отъ г. Княгиниа. Фамилія Княжинскій въ Тамбовской епархіи (77, 122) происходит отъ с. Княжинна Тамб. у. Эта фамилія въ С.-Петербургской епархіи (77, 112) Западнорусского происхожденія (Род., 204).

¹⁾ Макарій, Ист. Киев. Ак., 58. Фамилія Дюковъ (83, 66) не отъ дис (герцогъ), но топографического происхожденія: ср. Дюкъ, с. Шацк. у., Дюкино, дер. Вышневолоцк. у. Дюково, дер. Ветлуж. у.

²⁾ Въ недавное время во Владимирской епархіи былъ протоиерей Принципъ (иногда это имя пишется даже совсѣмъ по гречески Прігкіпсь, 37, 43) Евгеновъ, имя которого princeps (принцъ) было, очевидно, подобрано къ его фамиліи (εὐγενής-благородный).

³⁾ Впрочемъ, въ 1686 г. при Спасской церкви города Путинья встречается дѣячъ Андрей Ивановъ сынъ Спасской (М. А. М. Ю. Прик. ст. столбецъ 1109, л. 53).

⁴⁾ Съ вариантами Николаевскій, Николинъ (Сзд., 193) и Николевъ.

скій съ варіантами Духосоштвенскій, Духовъ (Каз. 74, 559) и Духовскій (Нж. 68, 262) отъ храма въ честь Сошествія Св. Духа и совсѣмъ рѣдко встрѣчается фамилія Спасовходскій (98, 262) отъ храма въ честь Входа Спасителя въ Іерусалимъ.

Существуютъ различные варианты этихъ храмовыхъ фамилій: вмѣсто Троицкій употребляются фамиліи Троицынъ (Д., I, 222), можетъ быть Трисвѣтовъ (2, 157), латинскія Триницкій (Нж. 68, 270), Тринитатовъ (5, 167) и Тринитатскій (Сам. 2, 89) отъ trinitas и греческая Тріадскій (Пенз. 68, 55 неоф.) отъ τριάς, вмѣсто Вознесенскій—Асцензовъ (М., 85) отъ ascensio, вмѣсто Рождественскій - Христорождественскій (1, 125) вмѣсто Воздвиженскій—Крестовоздвиженскій ¹⁾, вмѣсто Воскресенскій—Обновленскій (М. А. 540) и Словущенскій, потому что Воскресенскіе храмы празднують свои престольные праздники 13 Сентября, въ день обновленія Храма Воскресенія въ Іерусалимѣ или по старинному Словущаго (т. е. преславнаго) ²⁾ Воскресенія. Для разнообразія названія праздниковъ замѣнялись названіями мѣстъ, где совершились воспоминаемыя въ эти праздники события, и вмѣсто Благовѣщенскаго получался Назаретскій или Назаретовъ (1, 139), вмѣсто Рождественскаго—Виолеемскій (0, 177), вмѣсто Богоявленскаго—Іорданскій, вмѣсто Преображенскаго—Ѳаворскій илиѲаворовъ, вмѣсто Вознесенскій—Елеонскій ³⁾. Нѣкоторыя храмовые фамиліи употребляются въ испорченномъ мѣстнымъ говоромъ видѣ, напр. Бавленскій (Сзд., 157) вмѣсто Богоявленскій отъ с. Бавленья, т. е. Богоявленья, Юрьев. у. ⁴⁾.

Много фамилій произведено отъ названій второстепенныхъ праздниковъ въ честь Богородицы и чудотворныхъ иконъ Ея: первое мѣсто между ними занимаетъ фамилія Казанскій, за нею слѣдуютъ Знаменскій, Владимірскій и Срѣтенскій отъ храмовъ въ честь Срѣтенія Владимірской иконы Богородицы, Смоленскій (Вл. 4, 303) и Одигітріевскій (Кал. 5, 223), Тихвинскій и согласная съ употребительнымъ въ богослужебныхъ книгахъ начертаніемъ Тихфинскій (3, 189), Боголюбскій, Корсунскій, Иверскій, Толгскій (77, 117), Грузинскій, Скорбященскій (М., 58), Неопалимовскій (М., 50) и Неопалимовъ (77, 128) отъ хра-

¹⁾ Так же Ставровскій отъ σταυρός (крестъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда эта фамилія не произведена отъ названія села Ставрово.

²⁾ По другому толкованію словущее—„такъ называемое“ ибо 13 Сентября празднуется не самый праздникъ Воскресенія.

³⁾ Вмѣсто фамиліи Елеонскій встрѣчается Латинская Оливетскій (2, 152) отъ Mous oliveti вмѣсто Греч. броστῶν ἐλαιῶν (гора оливъ).

⁴⁾ Волости и важнейшая селенія Россіи, II, 243.

мовъ въ честь Неопалимая Кутины ¹⁾, Зачатейскій (Моск. Некр., I, 467) и Зачатскій (Ряз. 5, 317) отъ храмовъ въ честь Зачатія Богородицы, Похвальскій (Вл. 4, 317) и Похвалинскій (99, 203) отъ храмовъ въ честь Похвалы Богородицы, Ризоположенскій (Вл., 223) или просто Положенскій (Сл. Архіер. Іер. Всер., 61) отъ храмовъ въ честь Положенія Ризы или Пояса Богородицы ²⁾, Живоноснскій (92, 201) отъ храмовъ въ честь Живоноснаго Источника Богородицы.

Отъ храмовъ, посвященныхъ святымъ, получились многочисленныя фамиліи, изъ которыхъ самыя употребительныя слѣдующія: отъ храмовъ въ честь Архангела Михаила—Михайловскій, Архангельскій и Архангеловъ, отъ храмовъ въ честь Предтечи—Ивановскій, Предтеченскій, Предтечевскій и Обрѣтенскій (Нж. 4, 244) ³⁾, отъ храмовъ въ честь апостоловъ Петра и Павла—Петропавловскій и Петропавловъ (4, 215), Петровскій и Павловскій. Святые имѣюще наибольшее число посвященныхъ имъ храмовъ, именно пророкъ Илія, вмч. Георгій, Косма и Даміанъ, преп. Сергій, вмц. Параскева-Пятница, вмч. Димитрій Солунскій, князья Борисъ и Глѣбъ, вмч. Никита, архидіаконъ Стефанъ, Климентъ, папа Римскій, Александръ Невскій, цари Константинъ и Елена, богоотцы Іоакимъ и Анна, дали свои имена для образованія болѣе или менѣе употребительныхъ фамилій, какъ Ильинскій, Георгіевскій, Космодаміанскій (Тамб. 4, 532) Сергіевскій, Пятницкій, Дмитріевскій, Борисоглѣбскій и Глѣбскій (98, 137), Никитскій, Стефановскій, Климентовскій (4, 219) Александровскій ⁴⁾, Константиновскій и Цареконстантиновскій (Сад., 215), Іоакиманскій (0, 176); храмъ въ честь Всѣхъ Святыхъ дали фамилію Всѣхсвятскій (М., 45). Нѣкоторыя храмы называются по числу святыхъ, которымъ они посвящены, напр. храмъ въ честь 3-хъ Вселенскихъ Святителей называется Трёсвятскимъ или Троесвятскимъ,—въ честь 9 мучениковъ Кизическихъ—Девятисвятскимъ,—въ честь 40 мучениковъ Севастійскихъ—Сорокасвятскихъ; отсюда фамилія Троесвят-

¹⁾ Фамилія Гребневскій (Моск. Некроп., I, 328) происходит отъ названія с. Гребнева Богородск. у.

²⁾ Въ честь спеціально Московскаго праздника Положенія ризы Господней (10 Іуля), присланной въ 1626 г. въ Москву отъ Персидскаго шаха, есть церковь въ Москве на месте встрѣчи ризы у Донскаго монастыря; была въ Москве другая церковь Положенія Ризы у Арбатскихъ воротъ (иначе Саввы Стратилата) близъ церкви Тихона Чудотворца, но упразднено въ концѣ XVIII вѣка; въ другихъ мѣстностяхъ такое „во-имя“ встрѣчается рѣдко, напр. въ с. Тихомъ Писсѣ Свіаш. у. (Богословскій, Справ. книга для Каз. еп., 8).

³⁾ Отъ храма въ честь Обрѣтенія головы І. Предтечи (24 Февраль и 25 Мая).

⁴⁾ Фамилія Александровскій можетъ быть и топографической: митрополитъ Киевскій Серапіонъ Александровскій (+ 1823 г.) былъ сынъ священника Успенскаго євничьяго монастыря въ г. Александровѣ Владим. губ.

скій (Вл., 291), Тресвятскій (Симб. 83, 458) и т. п. Менѣе употребительныя «вѣ-имя» дали и малоупотребительныя фамиліи, какъ и пр. Мироносицкій отъ храма въ честь Женъ Мироносицъ, Варваринскій и Варварскій (94, 334), Ольгскій (Олон. 3, 143), Магдалинскій (98, 151)¹), Сампсоніевскій (С.-Пб., 644) отъ храма во имя Самсона Страннопріимца въ С.-Петербургѣ, Симеоновскій (С.-Пб., 646) отъ Петербургскаго же храма во имя Симеона Богопріимца. Нѣкоторыя фамиліи образованы не отъ именъ храмовыхъ святыхъ, а отъ присвоенныхъ этимъ святымъ эпитетовъ, указывающихъ, на принадлежность данного святого къ извѣстному разряду святыхъ, особья его качества и подвиги, мѣсто родины, мѣсто служенія и т. п.: храмы въ честь кого-либо изъ апостоловъ дали фамилію Апостольскій, въ честь Иоанна или Григорія Богослововъ—Богословскій²), въ честь Иоанна Златоуста—Златоустовскій, въ честь Георгія Побѣдоносца—Побѣдоносцевъ, въ честь Иоанна Воина—Воиновъ, въ честь Феодора Стратилата—Стратилатовъ, въ честь архидіакона Стефана—Архидіаконскій (Нж. 68, 242), въ честь Безсрѣренниковъ Космы и Даміана—Безсрѣренниковъ (Пск. 2, 179), въ честь Димитрія Солунскаго—Солунскій. Нѣкоторыя фамиліи были образованы отъ названій храмовыхъ урочищъ; напр. фамилія Заяицкій отъ ц. Николы Заяицкаго въ Москвѣ, Левшинскій (М., 44) отъ ц. Покрова въ Левшинѣ въ Москвѣ, отъ ц. ц. Николы Гостунскаго, Великорѣцкаго, Златовратскаго (во Владимірѣ)—Гостунскій³), Великорѣцкій, Златовратскій; существующія въ нѣкоторыхъ городахъ «златоверхія» церкви дали фамилію Златоверховниковъ (93, 188; 96, 176). Отъ урочищъ сельскихъ церквей образованы фамиліи: Никологорскій (Вл. 4, 486) отъ с. Никола-Горы Вязник. у., Спасокукотцій—отъ с. Спась-Кукса Сузд. у., Спасоломскій (Вол. 5, 144)—отъ с. Спась-Ломъ Пошехон. у. Сыновья клириковъ соборныхъ и кремлевскихъ церквей назывались Соборовыми и Соборновыми (96, 172), Кремлевыми и Кремлевскими (или отъ с. Кремлева, и пр. въ Скопинскому у.); сыновья клириковъ монастырей (дѣвичьихъ) получали фамиліи Дѣвиченскій (Пенз. 71, 233), Монастыревъ, Монастырскій, въ латинскомъ переводѣ Конвентовъ

¹) Фамилія Софійскій указываетъ не на храмъ иц. Софіи, но на храмъ Софіи Премудрости Божіей (празднество всюду—15 Августа, въ Киевѣ—8 Сентября).

²) Фамилія Богословскій указываетъ также на особую способность ея восителя къ богословскимъ наукамъ: напр., Архиеп. Подольскій Кириллъ Богословскій-Платоновъ, докторъ богословія († 1841 г.), получилъ свою фамилію въ Троицкой семинаріи вѣсто прежней Воздвиженскій, данной по селу (Ген. II, 138).

³) Въ Калужской епархіи фамилія Гостунскій (Род. 116) произведена отъ названія самаго села Николо-Гостунь Лихв. у., где явилась чудотворная икона Св. Николая, известная подъ именемъ Гостунской.

(Пенз. 0, 557) ¹⁾ или по отдельнымъ монастырямъ Новодѣвиченскій (Пенз. 3, 86), Хотьковскій (89, 158).

Самое имя ученика подавало поводъ къ присвоенію ему фамиліи. Какъ извѣстно, при именахъ многихъ святыхъ находится эпитетъ въ формѣ прилагательного, образованнаго отъ названія мѣстности, въ которой святительствовалъ тотъ или другой епископъ, пострадалъ мученикъ, подвизался преподобный. Часто къ имени ученика присоединялся въ видѣ фамиліи такой эпитетъ соименнаго ему святого. Фамилію Александрийскій получали Аѳанасій, Кириллъ, Петръ, Артемій и другіе, соименные многочисленныемъ Александрийскимъ святителямъ и мученикамъ, Амасійскій (Нж. 68, 272)—Василій въ честь св. Василія Амасійскаго ²⁾, Амаѳунтскій—Тихонъ въ честь святого епископа Кипрскаго города Амаѳунта ³⁾, Амморейскій (Вят. 69, 312)—соименный одному изъ 42 мучениковъ «иже во Амморії» (6 Марта) ипр. Феодоръ или Константинъ ⁴⁾, Анкирскій—Василій, Климентъ, Феодотъ въ честь соименныхъ священномучениковъ ⁵⁾, Аѳонскій, Аѳоновъ (87, 44) Петръ и Аѳанасій въ честь соименныхъ Аѳонскихъ подвижниковъ ⁶⁾, Барскій Николай по имени «Барскаго града» (Бари), гдѣ почиваются мощи Мирликийскаго святителя ⁷⁾, Виѳанскій (90, 197)—Лазарь, Гангрскій (Костр. 90, 213)—Ипатій въ честь соименного священномученика, Гортинскій (Д., II, 154)—Евменій въ честь соименного святителя Критскаго города Гортини ⁸⁾, Индійскій (СПБ., 651)—Іоасафъ въ честь соименного царевича Индійскаго, Іерапольскій (6, 248)—Аверкій въ честь равноапостольнаго Аверкія, епископа Іерапольскаго ⁹⁾, Іерусалимскій—Ки-

¹⁾ Отъ позднѣйшаго значенія слова *conventus—collegium monachorum* (Ducange, Gl. Lat. s. v.), а отнюдь не отъ названія Французскаго революціоннаго собранія. Иногда сыновья клириковъ дѣвичихъ монастырей получали прозвище отъ названій монастырей: ипр. епископъ Калужскій Евлампій Введенскій ($\dagger$ 1813) былъ сынъ дѣячка Юрьевскаго Введенскаго мон. (Ген. I, 334).

²⁾ Василій Амасійскій студ. В курса М. Ак. (М. А., 537).

³⁾ Тихонъ Амаѳунтскій—псаломщикъ Воронежской епархіи, начавшій службу въ началѣ 40-хъ годовъ (94, 101).

⁴⁾ Или Павелъ въ честь пѣснописца Павла Амморейскаго.

⁵⁾ Василій Анкирскій въ числѣ священнослужителей Костромской епархіи (Самаринъ, Памятная книжка, 57).

⁶⁾ Петръ Аѳонскій ученикъ Владимирской (Вл., 33) и Смоленской (См., VIII) семинарій; Аѳанасій Аѳонскій ученикъ Московской семинаріи (М., 66).

⁷⁾ Николай Барскій студ. XVI курса Моск. Ак. (М. А., 556). Эта фамилія можетъ быть и топографической отъ довольно многочисленныхъ селеній съ названіемъ Барское.

⁸⁾ Или Кириллъ въ честь другого Гортинскаго святителя.

⁹⁾ Въ числѣ Владимирскихъ семинаристовъ (1822 г.) былъ Аверкій Іерапольскій (Вл., 117).

рилль и другіе, соименные многочисленнымъ Іерусалимскимъ святителямъ, Йорданскій—Герасимъ въ честь преп. Герасима иже на Йорданѣ, Катанскій—Левъ въ честь соименного святителя Сицилійской Катаны ¹⁾, Кесарійскій—Василій въ честь Василія Великаго и другіе въ честь многихъ соименныхъ имъ мучениковъ, пострадавшихъ въ разныхъ Кесаріяхъ, Кипрскій (88, 114)—Епифаній въ честь соименного святителя, Киркирскій (95, 439)—Арсеній въ честь соименного святителя (память 19 Января), Команскій (96, 251)—Александъръ въ честь соименного священномученика, Коринѣскій—соименный какому-нибудь изъ Коринѣскихъ мучениковъ, напр. Викторъ, Діодоръ и др. (память 31 Января), Критскій—Андрей въ честь кого-либо изъ двоихъ Андреевъ Критскихъ, творца великаго канона (4 Іюля) и преподобно-мученика (17 Октября) ²⁾, Лаврскій (Нж. 4, 541)—Харитонъ, Евѳимій, Савва въ честь соименныхъ преподобныхъ, подвизавшихся въ лаврахъ ³⁾, Медіоланскій (Пенз. 71, 111)—Амвросій въ честь знаменитаго епископа Милана ⁴⁾, Милитинскій (М. 45)—Дометіанъ въ честь соименного святителя ⁵⁾, Неаполитанскій—Іануарій въ честь соименного священномученика ⁶⁾, Ниссовъ (Сар. 3, 252)—Григорій въ честь Григорія, епископа Нисского, Париjskій—Василій въ честь соименного священномученика ⁷⁾, Персидскій (Нж. 4, 202)—Симеонъ въ честь Симеона, епископа Персидского, и другіе, соименные многочисленнымъ персидскимъ мученикамъ, Римскій (Вол. 97, 250)—соименные многочисленнымъ святымъ папамъ, напр. Левъ, и пострадавшимъ въ Римѣ мученикамъ, Самосатскій (2, 151)—Евсевій въ честь соименного священномученика, Севастійскій (или Севастіцкій)—Власій въ честь Власія, епископа Севастійского, или соименный одному изъ сорока мучениковъ Севастійскихъ ⁸⁾, Сигріанскій

¹⁾ Въ Нижегородской епархіи былъ священникъ Левъ Катанскій (78, 121).

²⁾ Ученикъ Владимирской семинаріи Андрей Агриковъ былъ переименованъ въ Критскаго (Вл., 133).

³⁾ Извѣдь, повидимому, фамилія Лаврскій давалась по созвучію съ именемъ ученика: напр. Лавръ Лаврскій—ученикъ Московской семинаріи (М., 47).

⁴⁾ Также Назарій и другіе, соименные миланскимъ мученикамъ 14 Октября).

⁵⁾ Память (10 Января). Ту же фамилію могли получить и ученики, соименные довольно многочисленнымъ мученикамъ пострадавшимъ въ Арминскомъ городѣ Милитинѣ.

⁶⁾ Имена, подобныя имени Іануарій, не рѣдкость среди духовенства. Достаточно просмотрѣть страницу или двѣ какого-нибудь списка духовныхъ лицъ, чтобы натолкнуться на Наeanaila Адамантова, Лолія Тихомирова, Флегонта Авессаломова, Гамаліла Попова, Анеала Шляпина, Африкана Ошивейскаго, Кенсорина Жаворонкова, Фалалея Преображенскаго, Эксакустодіана Илюшіева и т. п. (Вол. Еп. Вѣд. 1869 г., passim).

⁷⁾ Во Владимирской семинаріи въ 1818—30 гг. было два Василія Париjskихъ (Вл., 134).

⁸⁾ Или отъ храма во имя 40 мучениковъ.

(Нж. 6, 262)—Феофанъ въ честь Феофана, игумена Сигріанскаго ¹⁾, Синадскій—Михаилъ въ честь соименного епископа Фригійскаго города Синоады ²⁾, Синайскій или Синаевъ—Іоаннъ въ честь знаменитаго игумена Синайскаго Іоанна Лѣствичника ³⁾ и другіе, соименные преподобнымъ синайцамъ, Скитскій—Макарій въ честь соименныхъ преподобного, основавшаго монастырь въ Скитской пустынѣ ⁴⁾, Смирнскій Поликарпъ въ честь соименного священномуученика, Солунскій—Димитрій въ честь соименного великомуученика, Філадельфійскій (Тамб. 5, 576)—Димитрій въ честь соименного святителя (память 4 Января), Херсонскій—соименный одному изъ 7 священномуучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонесѣ ⁵⁾, Цареградскій (Сам. 2, 91)—соименный одному изъ многочисленныхъ святыхъ патріарховъ Цареградскихъ, Фессалоницкій (Тв. 4, 448)—Григорій въ честь Григорія Паламы, архіепископа Фессалонитскаго (Фессалоники), Оивейскій—весьма часто Павель въ честь соименного ему Оиваидскаго подвижника ⁶⁾. Самой же тяжелой и замысловатой изъ фамилій этого рода едва ли не должно признать фамилію Авситидійскій (Нж. 68, 261), которую получилъ ученикъ съ именемъ Іова въ честь соименного ему многострадальнаго праведника, жившаго въ землѣ Авситидійской ⁷⁾.

Русскіе и славянскіе святые дали свои эпитеты въ видѣ фамилій значительному числу соименныхъ имъ учениковъ духовныхъ школъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ Александръ Невскій, давшій фамилію Невскій весьма многочисленнымъ Александрамъ ⁸⁾. Менѣе употребительны фамиліи: Бѣлоградскій (Яр. 5, 425) въ честь мученика Іоанна Бѣлоградскаго (память 2 Іюня), Бѣлоозерскій (98, 162) въ честь преподобного Кирилла и другихъ преподобныхъ Бѣлоозерскихъ, Вишерскій (Вол. 5, 196) въ честь преп. Саввы Вишерскаго, Волоцкій — въ

¹⁾ Память 12 Марта. Сигріанскій монастырь близъ Кизика.

²⁾ Въ Тверской епархіи былъ свящ. Мих. Синадскій (87, 60).

³⁾ Въ Московской и Рязанской (1836 г.) семинаріяхъ были Иваны Синайскіе (М., 85; Ряз. XL), въ Нижегородской (1868 г.) Иванъ Синаевъ (Нж. 68, 263).

⁴⁾ Или отъ Σκόθης (Скиетъ).

⁵⁾ Ученикъ Владимирской семинаріи Василій Новосельскій (1836 г.) былъ перенменованъ въ Херсонскаго (Вл., 310); въ Нижегородской епархіи былъ священникъ (въ 1904 г. заштатный) Капитонъ Херсонскій (Нж. 4, 391). Василій и Капитонъ изъ числа 7 священноучениковъ Херсонскихъ.

⁶⁾ Во Владимирской семинаріи было три Павла Оивейскихъ (Вл., 303).

⁷⁾ Въ 1844 г. инспекторомъ Печерскихъ (Нижегородскихъ) училищъ былъ Іовъ Григ. Авситидійскій (Общ. Штатъ 1844 г. 129).

⁸⁾ Во Владимирской семинаріи до запрещенія менять фамиліи было 8 Александровъ Невскихъ (Вл., 171).

честь преп. Йосифа Волоцкаго ¹⁾), Глушицкій (Вол. 69, 374) въ честь одного изъ преподобныхъ Глушицкихъ (Вологодскихъ), Дымскій (3, 179) въ честь преп. Антонія Дымскаго, Звенигородскій (Сам. 2, 112) въ честь преп. Саввы Звенигородскаго, Зеленецкій (93, 190) въ честь преп. Мартирия Зеленецкаго, Клопскій (97, 253) въ честь Михаила Клопскаго, юродиваго Новгородскаго, Комельскій (Тамб. 5, 575) въ честь одного изъ преподобныхъ Комельскихъ, Любимоградскій въ честь преп. Геннадія Любимоградскаго и Костромскаго ²⁾, Нуромскій (92, 185) въ честь преп. Сергія Нуромскаго ³⁾, Обнорскій (5, 184) въ честь преп. Павла Обнорскаго и другихъ преподобныхъ Обнорскихъ ⁴⁾, Ошевенскій (76, 125)—Александръ въ честь соименного преподобного, Пермскій въ честь Стефана, епископа Пермскаго, Печерскій (5, 177) въ честь кого-либо изъ многочисленныхъ преподобныхъ Печерскихъ, Прилуцкій въ честь преп. Димитрія Прилуцкаго ⁵⁾, Радонежскій въ честь преп. Сергія Радонежскаго ⁶⁾, Ростовскій (Тамб. 95, 313) въ честь Димитрія, митрополита Ростовскаго ⁸⁾ или другихъ многочисленныхъ Ростовскихъ святыхъ, Рыльскій (2, 338) въ честь Болгарскаго подвижника Іоанна Рыльскаго (память 19 Октября), Свирскій (6, 238) въ честь преп. Александра Свирскаго, Сербскій (М., 74) въ честь святыхъ Сербскихъ архієпископовъ Саввы (память 12 Января) и Арсенія (память 28 Октября), Сузdal'скій (Орл. 5, 256) въ честь преп. Евсентія или кого другого изъ Суздальскихъ святыхъ, Тверскій въ честь великаго князя Михаила Тверскаго ⁹⁾, Черниговскій въ честь князя-мученика Михаила Чернигов-

¹⁾ Въ 1835 г. въ Саратовской епархіи бытъ священникъ Йосифъ Волоцкій (Тр. Сарат. Арх. Ком. 1888 г., IV, 435).

²⁾ Въ Костромской епархіи бытъ священникъ (въ 1903 г. заштатный) Геннадій Любимоградскій (8, 268). Монастырь Преп. Геннадія теперь въ Ярославской епархіи.

³⁾ Фамилія Нуринскій въ Казанской епархіи (Каз. 86, 435) происходит отъ с. Нурмы-Богородского Царевококш. у.

⁴⁾ Фамилія Глушицкій, Обнорскій, Нуромскій и Комельскій употребляются въ Вологодской епархіи въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, где подвизались вышеупомянутые преподобные. По смиренности рѣкъ Комелы, Обноры и Нуромы одни и тѣ же святые называются разно, напр. Сергій Нуромскій и Обнорскій, Павель Обнорскій и Комельскій.

⁵⁾ Или по Ошевенскому погосту Карапол. у.

⁶⁾ Въ Моск. Акад. бытъ студентъ Дмитрій Прилуцкій (М. А., 385).

⁷⁾ Или по храму въ честь Сергія Радонежскаго: Антоній (въ честіи Александра) Радонежскій, еп. Оренбургскій († 1872 г.) бытъ сынъ священника с. Тепелева-Сергіевскаго Нижегор. у.

⁸⁾ Въ Нижегородской епархіи бытъ псаломщикъ (въ 1904 г. заштатный) Дмитрій Ростовскій (Нж. 4, 397).

⁹⁾ Въ 1898 г. въ Москвѣ бытъ псаломщикъ Михаилъ Тверской (98, 439), прослуживший пятидесѧтилѣтіе.

скаго¹⁾ Ярославскій (86, 78)—соименныи кому-либо изъ святыхъ Ярославскихъ князей, напр. Василий, Константина, Федоръ.

Нѣкоторые эпитеты святыхъ, оканчивающіеся не на скій, а на въ и нъ, дали фамиліи съ чисто велико-русскими окончаніями въ и нъ. Апостолы Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ Зеведеевъ дали свои патронимическія прозвища въ видѣ фамилій ученикамъ, носившимъ имѧ Іакова²⁾. Прозвища Сиринъ, Дамаскинъ и Малеинъ, указывающія на мѣсто рожденія или подвиговъ преподобныхъ Ефрема Сиринна, Иоанна Дамаскина и Михаила Малеина, перешли въ видѣ фамилій къ ученикамъ, соименнымъ этимъ преподобнымъ³⁾. Можетъ быть, употребительная вообще фамилія Агриковъ иногда давалась ученику съ именемъ Василій, какъ это было во Владимирской семинаріи (Вл., 16), подъ влияніемъ прологной «повѣсти о чудесахъ святаго отца Николая о Агриковѣ сыне Василіи»⁴⁾.

Многочисленныи фамиліи были произведены отъ прозвищъ святыхъ, выраженныхъ существительными, прилагательными и причастіями и указывающіхъ или на принадлежность святого къ известному разряду святыхъ или на принадлежность къ братіи известной обители или наконецъ на особыя его заслуги и дарованія. Уже въ 1728 г. въ Московской Академіи былъ ученикъ Василій Блаженковъ (Оп. Син. Арх., VII, CXLIX), названный такъ, можетъ быть, въ честь Василія Блаженнаго. Ученики, носившие имена какого-либо изъ апостоловъ, могли получать фамилію Апостоловъ (О. Р., I, 468), носившие имена мучениковъ или чудотворцевъ—фамиліи Мартировъ отъ греч. μάρτυς (мученикъ) или Чудотворцевъ, греч. Θαυματουργος (Рус. Ст., XXVI, 430)⁵⁾,

¹⁾ Во Владимирской семинаріи (1840 г.) былъ ученикъ Михаиль Черниговскій. Впрочемъ, иногда фамиліи, производныи отъ Русскихъ городовъ и селъ, давались не въ честь святыхъ, а просто уроженцамъ этихъ городовъ и сель: напр. фамилія Коневскій (Нж. 68, 260) произведена отъ названія с. Конева Балахи. у., а не дана въ честь Преп. Арсенія Коневскаго (островъ Коневецъ).

²⁾ Иногда вместо фамиліи Алфеевъ (Ряз. 5, 255) давалась фамилія Алфеевскій: напр., въ С.-Петербургской Академіи былъ студентъ Яковъ Алфеевскій (4., 446).

³⁾ Вместо Дамаскинъ употребляется и фамилія Дамаскинскій (Бут. 306), вместо Сиринъ—Сириновъ (Вл. 244). Сириновъ можетъ происходить отъ прилаг. σείριος (горячій). Ученикъ Владимирской семинаріи Михаиль Ромодановскій былъ переименованъ въ Малеина (Вл., 154); Михаилы Малеины были и въ Троице-Лаврской семинаріи (Смирновъ, 550) и въ С.-Петербургской Академіи (Ч., 441).

⁴⁾ Повѣсть разсказываетъ, что Василій Агриковъ изъ Сарацynскаго племени былъ перенесенъ Св. Николаемъ къ родителямъ даже съ кувшиномъ, изъ котораго онъ наливалъ вино своему господину.

⁵⁾ Въ Владимирской семинаріи былъ ученикъ Севастіанъ Мартировъ въ честь мученика Севастіана (Вл., 157), въ Рязанской Алексѣй Чудотворцевъ (Ряз., XLII) въ честь Чудотворца Алексія митрополита.

Михаилъ назывался Архангеловымъ¹⁾, Яковъ—Израилевымъ (Сп. 1890 г., 140), Иванъ—Предтечнымъ (91, 365) и даже по-французски Батистовымъ (3, 369) въ честь Иоанна Предтечи²⁾, Златоустовымъ (Сзд. 174), по-гречески Хризостомовымъ (Сар. 2, 619), въ честь Иоанна Златоустаго³⁾, Воиновымъ—въ честь Иоанна Воина (Д., III, 115), Илья—Феесвятянино-вымъ (Сам. 2, 96) въ честь пророка Иліи Феесвятянина, Фома—Дидимовымъ (Сам. 2, 16) въ честь апостола Фомы, нарицаемаго Близнецъ (*διδυμός*), Андрей—въ честь апостола Андрея Первозваннаго Первозван-скимъ (6, 245) или по-гречески Протоклитовымъ (97, 189), Игнатій—въ честь Игнатія Богоносца Богоносцевымъ (2, 150) или по-гречески Θεοφόροι (Олон. 3, 450), Георгій—въ честь Георгія Побѣдоносца Побѣдоносцевымъ или по-гречески Тропеофоровымъ (Спб., 651)⁴⁾, Діонисій—въ честь Діонисія Ареопагита Ареопагитскимъ (Цена. 68, 349), Йосифъ—въ честь Йосифа Пѣснописца Пѣснописцевымъ (Нж. 68, 244). Мученики Феодоръ и Андрей Стратилаты⁵⁾ дали фамилію Стратила-товъ соименнымъ имъ ученикамъ⁶⁾. Ученики, соименные преподобнымъ студитамъ, т.-е. монахамъ Константинопольского Студійского мона-стыря⁷⁾, получали фамиліи Студитовъ, Студійскій и Студитскій (Спб. 645; Яр. 5, 364)⁸⁾, соименные преподобнымъ савваитамъ, т.-е. под-вижникамъ Палестинской Лавры св. Саввы⁹⁾—фамиліи Савваитовъ (0, 149) и Савваитскій (3, 141), соименные преподобнымъ декаполи-тамъ, т.-е. подвизавшимся въ области Десятиградія¹⁰⁾—Декаполитовъ и Декапольскій (85, 62)¹¹⁾. Преп. Феодоръ Трихина, названный такъ отъ одежды изъ грубаго волоса, далъ соименнымъ ему ученикамъ фа-

¹⁾ Впрочемъ, на семинарскомъ жаргонѣ „архангелами“ назывались великовозрастные ученики „свкторы“ (Дубасовъ, Очерки Тамб. края, Ш, 163).

²⁾ Если только не отъ Греч. *βάσιτος*—глубочайший.

³⁾ Во Владимирской семинарии былъ Иванъ Златоустовъ (Вл. 112).

⁴⁾ Егоры Побѣдоносцевы были и въ Московской (М. 61) и во Владимирской (Вл., 198) семинарияхъ. Ученикъ Рязанской семинарии Егоръ Городковъ съ 1808 г. былъ переиме-нованъ въ Побѣдоносцева (Ряз., 108). Отъ храма въ честь Георгія Побѣдоносца на Вар-варкѣ получила начало и фамилія К. П. Побѣдоносцева (Р. Арх. 1907, № 4, 652).

⁵⁾ Можетъ быть, также Савва и Мелетій Стратилаты.

⁶⁾ Встрѣчаются въ клире Феодоры Стратилатовы (93, 303; 95, 14), учившіеся до запрещенія мѣнять фамиліи; во Владимирской семинарии былъ ученикъ Андрей Стратила-товъ (Вл., 275).

⁷⁾ Платонъ, Феодоръ, Николай.

⁸⁾ Въ Суздальской семинарии былъ Федоръ Студицкій (Сзд., 210), въ Московской Академіи—Платонъ Студійскій.

⁹⁾ Степанъ и Иоаннъ.

¹⁰⁾ Григорій и Прокопій.

¹¹⁾ Во Владимирской семинарии былъ ученикъ Григорій Декаполитовъ (Вл., 90).

милію Трихинскій¹⁾), Симеонъ Дивногорецъ, т.-е. подвизавшійся на Дивной горѣ близъ Антіохіи,—фамилію Дивногорскій (Орл. 5, 35)²⁾. Фамилія Семіотрочевъ (97, 181) едва ли не была дана ученику, носившему имя одного изъ семи отроковъ иже во Ефесѣ, называемыхъ иначе спящими³⁾. Во Владимірской семинаріи было два ученика съ фамиліей Твердисловъ, которую носиль Ростовскій юродивый св. Исидоръ, въ Ярославской епархіи въ 1870 году былъ священникъ Николай Качановъ (Яр. 70, 406), напоминающій о Новгородскомъ юродивомъ св. Николаѣ Качановѣ, а фамилія Колычевъ могла быть дана ученику, имѣвшему имя Филиппъ, въ честь св. Филиппа Колычева.

Иногда, повидимому, ученики получали фамиліи отъ заглавій сочиненій ихъ патроновъ: такъ Иванъ могъ быть названъ Лѣствицынымъ (89, 177) въ честь Иоанна, писателя «Лѣствицы Райской» или Лѣствичника. Изобрѣтались и болѣе сложныя фамиліи, какъ Скинотворцевъ (Сар. кн., 294) для Павла въ честь соименного ему апостола, бывшаго «скинотворцемъ хитростю» (Дѣян. XVIII, 3), и Питоврановъ (Сар. 2, 356, 546), вѣроятно, для Иліи въ честь соименного ему пророка, котораго питали враны въ пустынѣ.

Не только святые, но и исторические дѣятели и писатели давали свои прозвища и фамиліи соименнымъ имъ ученикамъ. Ученики, соименные знаменитымъ іерархамъ, иногда получали ихъ фамиліи, напр. Стефанъ Яворскій, Михаилъ Десницкій, Александръ назывался Македонскимъ⁴⁾, Платонъ или Сократъ Аѳинскими (Дѣят. Яросл. края, II, 223) въ честь жившихъ въ Аѳинахъ философовъ, Аполлоній—Родосскимъ по соименному писателю Александрійской эпохи, Діонисій—Галикарнассовымъ (5, 160) по автору «Римскихъ Древностей». Фамилію Самосатскій могъ получить не только Евсевій въ честь Самосатского священномученика, но и Лукіанъ въ честь Самосатского сатирика; Солунскимъ могъ быть названъ не только Димитрій, но и Симеонъ, послѣдній въ честь церковнаго писателя Симеона Солунскаго, котораго *Commentarius de divino templo* былъ въ числѣ семинарскихъ руководствъ⁵⁾; Александрійскимъ

¹⁾ Въ 1868 г. въ Костромской епархіи былъ священникъ Феодоръ Трихинскій (Самаряновъ, 62).

²⁾ Эта фамилія можетъ быть заимствована и изъ Русской топографической номенклатуры: с. Дивная Гора Углицк. у. Дивногорскій (Дивногорскій) монастырь Коротояцк. у.

³⁾ Или по храму ихъ имени. Придѣлъ въ честь Ефесскихъ отроковъ есть въ церкви Казанскаго Предтечева монастыря.

⁴⁾ Въ Нижегородской епархіи въ 1891 г. былъ псаломщикъ Александръ Македонский, начавшій службу въ 1840 г.

⁵⁾ Благовѣщенскій, Ист. Каз. сем., 323.

могъ быть названъ не только Аѳанасій или Кириллъ въ честь соименныхъ святыхъ патріарховъ Александрійскихъ, но и Климентъ въ честь неканонизованнаго знаменитаго Александрійскаго церковнаго учителя III вѣка; могло быть, что Георгій получалъ фамилію Кедринъ (87, 53) въ честь Византійскаго хрониста Георгія Кедрина. Фамилія Роттердамскій (98, 164) могла быть дана Эразму въ честь знаменитаго гуманиста, котораго *Colloquia familiaria* переводились въ синтаксимъ¹⁾. Иногда фамиліи давались въ честь соименныхъ ученикамъ Русскихъ писателей: въ Рязанской семинаріи въ 1832 г. былъ ученикъ Михаилъ Херасковъ (Ряз., XXXV), и въ Смоленской въ 1837 г. даже Михаилъ Каченовскій (См., XI), причемъ послѣдній едва ли не былъ названъ въ честь извѣстнаго въ то время историка проф. Михаила Трофимовича Каченовскаго; въ Тамбовской епархіи въ 1897 г. былъ выслужившій пятидесятилѣтіе священникъ Герасимъ Павскій, получившій эту фамилію едва ли не въ честь извѣстнаго богослова, пострадавшаго за свой ученый либерализмъ, прот. Герасима Петровича Павскаго. Въ Рязанской епархіи въ 1855 г. былъ священникъ Иоаннъ Вышатинъ (Д., II, 176), названный такъ, вѣроятно, въ честь знаменитаго Русскаго воеводы XI вѣка, Яна сына Вышатина. Мало того, фамиліи давались иногда въ честь враговъ Россіи и гонителей Церкви: во Владимірской семинаріи въ концѣ XVIII вѣка былъ ученикъ Іеремія Вишневецкій (Вл., 70), соименный гонителю православія въ Польшѣ XVII вѣка кн. Іереміи Вишневецкому, и теперь еще существуетъ фамилія Копронимовъ (88, 131), данная, вѣроятно, какому-нибудь Константину въ память о соименномъ ему императору-иконоборцу²⁾.

Общественное положеніе учениковъ и званіе ихъ родителей, *conditio*, какъ оно называлось въ училищныхъ спискахъ, подало поводъ къ об-

¹⁾ Смирновъ С., Ист. Тр. Лавр. сем., 323. О популярности Эразма свидѣтельствуетъ господствовавшее въ некоторыхъ семинаріяхъ правило „*Erasmus pro calculo destinetur*“ (Певз. 68, 63 веоф.), т. е. разучивание наизустъ отрывка изъ Эразма назначалось ученику за разговоръ на Русскомъ языке вместо другого наказанія.

²⁾ Въ клирѣ въ 1887 году г. былъ священникъ Иоаннъ Нероновъ, получившій, можетъ быть, фамилію въ честь расколоучителя протопопа И. Неронова. Иногда такое сочетаніе имени съ фамиліей не было плодомъ перемѣны фамиліи въ духовной школѣ, но имя было подобрано родителями къ фамиліи. Въ настоящее время среди духовныхъ лицъ, учиившихся, вѣроятно, послѣ запрещенія менять фамиліи, и среди учениковъ современныхъ духовныхъ школъ встрѣчаются, напр. Дамаскинъ Иванъ (Тв. 4, 342), Аeonскій Петръ (Тв. 4, 345), Сербскій Арсений (Тв. 4, 344), Архангеловъ Михаилъ (Ряз. 5, 490), Яворскій Степанъ (Тул. 5, 9), Прокоповичъ Феофанъ (92, 474), Пушкинъ Александръ (Тв. 4, 454), Спешинскій Михаилъ (Тв. 4, 348). Точно также и монахи при постриженіи иногда подбирали имя къ фамиліи, напр. Евангель Благовѣщенскій (4, 448), Филаретъ Филаретовъ, Феодосій Феодосіевъ.

разованію цѣлаго ряда духовныхъ фамилій. Фамилія Пришлецовъ (Вл., 213), И ноградскій (М., 77), Ненашевъ (Орл. 5, 277¹), Аліеновъ (Спб., 213) оть alienus (чужой)² и Вицинскій (Сп. архіер., 51) оть vicinus (сосѣдній)³), какъ бы указываютъ на учениковъ иноепархиальныхъ. Противоположное значение имѣли фамилія старожиловъ. Безродные ученики назывались Безродовыми (Сзд., 157), по гречески Агеносовыми (5, 179). Весьма употребительны фамиліи Сироткинъ, Сиротинъ (Ряз. 5, 487), Сиротинскій, по-гречески Орфановъ, Орфановскій и Орфаницкій: въ Суздальской семинаріи за 10 лѣтъ было 7 Сиротинскихъ, 2 Орфанова и одинъ Орфановскій; встречается и Французская форма этой фамиліи — Орфелиновъ (Нж. 4, 241) оть orphélin Полусироты назывались Апатровыми (6, 250) и Амитровыми (97, 189) или Амитировыми (90, 145). Ученики, имѣвшіе отцовъ и семьи, назывались Патровыми (О. Р., II, 19), Патрицкими (4, 201), Семейкинными и Семынскими, хотя фамилія Семынскій, встрѣчающаяся въ Суздальской семинаріи, произведена оть с. Семынского, Юрьев. у. Единственные сыновья получали фамилію Моногеновъ (6, 221), имѣвшіе братьевъ Полигеновъ (3, 171). По старшинству братья назывались Большовъ, Средневъ, Меньшовъ (Рус. Ст., XXXIII, 661) по-латыни Майоровъ (Сар. 3, 300) и Минорскій (4, 214) или Миноранскій (Тамб. 95, 393). Старшіе сыновья получали фамилію Первенцевъ (5, 190), по-латыни Примогенитовъ и Примогеновъ (94, 193); были ученики Новочадовы (95, 185), Близнецовы и Близнецкіе (Ук. церквей Спб., 83), по Греч. Дидимовы (Сам. 2, 16), а также Пасынковы (96, 181); Племянниковы (95, 183), Крестниковы (6, 256)⁴), Туторскіе (0, 239), т.-е. состоящіе въ опекѣ.

¹) Впрочемъ, въ сосѣдней съ Орловской Тульской епархіи есть с. Ненашево (Алек-сін. у.). Эта фамилія есть и въ Курской епархіи (82, 42).

²) Фамилія Ислоницкій (М., 50) какъ будто противоположна ей по значенію.

³) Если она не происходит отъ слова вица (прутъ).

⁴) Эти фамиліи могутъ быть и топографического происхожденія: Пасынково 6 разъ встречается среди селеній Ярославской губ.; въ Донковскомъ уѣздѣ есть с. Племянниково. Фамилія Дядьковъ въ Рязанской епархіи (82, 44) происходит отъ с. Дядькова Рязан. у. Фамилія Маминъ (77, 95) въ Пермской епархіи происходит отъ с. Маминского Екатеринбург. у.

ЗАВЪЩАНІЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(Изъ Саратовскаго судебнаго архива).

О получившемъ у насъ громкую извѣстность Чернышевскомъ разсказывается немало разныхъ эпизодовъ, иногда не соотвѣтствующихъ его характеру и дѣятельности.

Одинъ изъ его современниковъ, тоже Саратовецъ, И. У. Палимсестовъ писалъ («Русскій Архивъ» 1890 г., вып. 4, стр. 553—562), что, «перейдя изъ дореформенной бурсы въ свѣтлый храмъ науки» (университетъ), Чернышевскій будто сталъ уже не тѣмъ глубоко-вѣрюющимъ юношемъ, какимъ былъ онъ въ годы семинарства въ Саратовѣ, подъ руководствомъ доброго и кроткаго отца, человѣка высокой нравственности. Палимсестовъ, изображая Чернышевскаго чуть не атеистомъ, чуждымъ христіанскихъ воззрѣній, основываетъ свои мнѣнія частію на разговорахъ съ нимъ самимъ, частію на сочиненіяхъ его, а главнымъ образомъ на полученныхъ отъ своихъ знакомыхъ свѣдѣніяхъ, что Чернышевскій, живя послѣдніе годы въ Саратовѣ, «ни разу не постыль могилы горячо любимаго отца и умеръ не-христіаниномъ». Палимсестову говорили, будто «одно изъ близкихъ къ покойному существъ, горячо молившееся за него въ Божиихъ церквяхъ, постоянно просило его бросить прежнія идеи, и слышало въ отвѣтъ: «меня ничто не сломило, и это моя пища».

Но мнѣ, наоборотъ, разсказывали, что покойный архіепископъ Херсонскій Никаноръ, бывшій въ 50-хъ годахъ ректоромъ Саратовской духовной семинаріи, ставилъ Чернышевскаго по христіанскимъ убѣждѣніямъ выше многихъ іерарховъ того времени.

Это было въ годы учительства (1851—1853) Чернышевскаго въ Первой Саратовской мужской гимназіи. Въ ту пору жилъ въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ. Нерѣдко случалось, что эти три лица сходились побесѣдоватъ о разныхъ отвлеченныхъ «матеріяхъ»:

— Я всегда пасовалъ, говорилъ архимандритъ Никаноръ, когда въ нашихъ спорахъ дѣло касалось до другихъ научныхъ предметовъ, даже въ исторіи и философіи. Ну, думаю, въ богословіи побѣда останется за мной. Но когда дѣло дошло и по этому предмету до преній,

я принужденъ бытъ согласиться, что Чернышевскій и Костомаровъ знаютъ богословскую науку не хуже меня¹⁾.

Нельзя не отмѣтить еще такого явленія, которое едва ли можно приписать простой случайности. Гдѣ бы ни жилъ Чернышевскій (особенно въ послѣдніе годы), квартира его приходилась по близости православнаго храма. Напримѣръ, въ Петербургѣ (въ 60-хъ годахъ) онъ жилъ на Большой Московской улицѣ, въ домѣ Есаулова, близъ Владимирской церкви; въ Астрахани (съ 1883 г.) сначала въ домѣ Полетаева, противъ Благовѣщенскаго женскаго монастыря и церкви Воздвиженія, а потомъ близъ Знаменской церкви на Бѣлогородской улицѣ; въ Саратовѣ—въ домѣ Никольскаго, противъ Александро-Невскаго собора. Правда, говорили, будто о томъ заботилась его набожная супруга, желавшая наставить мужа «на путь истинный»; но едва ли это вѣрно. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ Саратовскаго судебнаго архива за 1890/1 г. «Объ утвержденіи домашнію духовную завѣщанія титуларного советника (?) Николая Гавриловича Чернышевскаго», я отыскалъ выпись изъ метрической книги Нерукотворенно-Спасской (Сергіевской) церкви, выданную причтомъ 12 Октября 1890 г. повѣренному вдовы Чернышевскаго А. А. Токарскому²⁾, въ которой между прочимъ значится, что Николай Гавриловичъ скончался 17-го, а погребенъ 20-го Октября 1889 г., на 61-мъ году жизни, «умеръ отъ апоплексіи мозга»; въ графѣ—«кто исповѣдалъ и пріобщалъ» показано: «крестовой иерей іеромонахъ Діонисій». «Погребеніе совершилъ протоіерей Лаврентій Нечаевъ съ псаломщикомъ Аркадіемъ Князевскимъ на Воскресенскомъ кладбищѣ». Изъ сего явствуетъ, что Чернышевскій, въ противность сложившихся убѣждений, умеръ христіаниномъ.

Заслуживаетъ вниманія и составленное имъ духовное завѣщаніе, которое приводимъ подлинникомъ.

«Астрахань, 1887 года, Июля 18 дня.

«Я нижеподписанній, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, на случай смерти моей, о принадлежащемъ мнѣ имуществѣ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

1) Все мое движимое и недвижимое имущество³⁾, гдѣ бы оно ни находилось и въ чемъ бы ни заключалось, завѣщаю въ полную

¹⁾ Любопытно, что въ этихъ спорахъ часто принималъ участіе Лютеранскій пасторъ Гроссе.

²⁾ Братъ известнаго юриста и бывшій депутатъ отъ гор. Саратова въ Первой Государственной Думѣ.

³⁾ У Чернышевскаго благопріобрѣтенаго имущества не было. Отъ отца ему достался домъ въ Саратовѣ на углу Гимназической и Большой Сергиевской улицъ.

собственность возлюбленной женѣ моей Ольгѣ Сократовнѣ Чернышевской.

2) Ей же, Ольгѣ Сократовнѣ Чернышевской, завѣщаю весь капиталъ мой, какой окажется послѣ смерти моей¹⁾, равно и тотъ, какой будетъ подлежать мнѣ къ полученію отъ кого и откуда бы то ни было.

3) Кромѣ тѣхъ наследственныхъ правъ, которыя исчислены въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ сего завѣщанія, любезная жена моя, Ольга Сократовна Чернышевская, послѣ смерти моей, на основаніи 1085 ст. X тома, I части законовъ гражданскихъ, изданія 1857 года, имѣть право пользоваться и распоряжаться на правѣ полной собственности всѣми моими сочиненіями и переводами, если таковые останутся въ рукописи послѣ моей смерти и всѣми изданными при моей жизни²⁾ и

4) Завѣщеніе это вступаетъ въ силу только послѣ смерти моей, и оно прѣемницею правъ моихъ должно быть представлено къ засвидѣтельствованію въ надлежащее судебнное мѣсто. *Сию духовную письмо собственноручной рукой самъ завѣщатель Николай Гавриловъ Чернышевскій.*

Подъ завѣщаніемъ въ качествѣ свидѣтелей подписались: врачъ управлениія Калмыцкимъ народомъ надв. сов. Александръ Николаевичъ Орловъ, пот. поч. гражд. Степанъ Ивановичъ Козловъ, частный по-вѣренный Андрей Семеновичъ Гурьяновъ и отставной канцелярскій служитель Леонидъ Сергеевичъ Цвѣтковъ.

По смерти Чернышевского его завѣщеніе было представлено (12 Октября 1890 г.) на утвержденіе въ Саратовскій Окружный Судъ. Послѣ допроса свидѣтелей чрезъ мирового судью 4-го участка гор. Астрахани, Окружный Судъ, въ засѣданіи 4 Октября 1891 г., назвавъ Чернышевскаго «титуларнымъ совѣтникомъ» (хотя того не было указано ни въ завѣщаніи, ни въ прошеніи) призналъ завѣщеніе правильнымъ, ибо оно было составлено «безъ нарушенія установленныхъ формъ» и изъ него «не видно, чтобы завѣщатель не имѣлъ права завѣщать». Чернышевскій, какъ лишенный всѣхъ правъ состоянія, политический ссылочный, едва ли имѣлъ это право.

Завѣщеніе было утверждено, и такимъ образомъ Саратовскій Окружный Судъ восстановилъ Чернышевскаго въ правахъ его послѣ смерти.

П. Юдинъ.

¹⁾ Капиталовъ никакихъ у него не было.

²⁾ Теперь сочиненія Чернышевскаго издастъ сынъ его, Михаилъ Николаевичъ, живущій въ Петербургѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА *).

Наполеонъ на походѣ въ Россію.

Наконецъ, горя нетерпѣніемъ одолѣть Россію и желая избѣтнуть отъ Нѣмцевъ изъявленій обѣ ихъ покорности, Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена. Въ Познани онъ пробылъ необходимое время для того, чтобы понравиться Полякамъ. Минуя Варшаву, гдѣ для войны не было настоящей нужды въ его присутствіи и гдѣ онъ снова встрѣтилъ бы политику, Наполеонъ остановился въ Торнѣ для осмотра его укрѣплений, запасовъ и войска. Тутъ-то раздались вопли Поляковъ, которыхъ наши союзники немилосердно грабили и оскорбляли, вслѣдствіе чего Наполеонъ обратился къ Вестфальскому королю со строгими упреками и даже угрозами. Онъ могъ и самого себя упрекнуть какъ виновника этихъ беспорядковъ, которые его раздражали: ибо, если отъ Одера до Вислы и даже до Нѣмана провіанта было достаточно, и онъ хорошо были размѣщены, то не доставало менѣе удобопереноснаго фуража. Для корма лошадей наши кавалеристы уже были принуждены косить зеленую рожь и сдирать съ домовъ соломенные крыши. Правда, не всѣ дошли до этого; но, разъ беспорядокъ дозволенъ однимъ, какъ запрѣтъ его осталънымъ?

По ту сторону Нѣмана злополучіе возрасло. Императоръ разсчитывалъ на множество легкихъ повозокъ и тяжелыхъ фургоновъ, предназначенныхъ для перевозки тяжести въ цѣлыхъ тысячи фунтовъ, по пескамъ, гдѣ повозки, вѣсомъ въ иѣсколько центнеровъ, передвигаются съ трудомъ. Эти транспорты были организованы въ батальоны и эскадроны. Каждый батальонъ легкаго обоза состоялъ изъ 600 повозокъ, годныхъ для перевозки 6.000 центнеровъ муки; батальонъ тяжелаго обоза перевозилъ волами 4.800 центнеровъ. Кроме того имѣлось 26 эскадроновъ военного обоза, множество повозокъ со всякаго рода орудіями, тысячи лазаретныхъ фургоновъ и артиллерійскихъ повозокъ, шесть понтонныхъ приборовъ и одинъ осадный. Пронантскій обозъ долженъ быть получать грузъ изъ запасныхъ магазиновъ, устроен-

*) См. выше, стр. 5.

ныхъ на Вислѣ. Переѣдя эту рѣку, армія получила приказъ, не останавливаясь, взять съ собой провіантъ на 25 дней, но пользоваться имъ лишь за рѣкой Нѣманомъ. Впрочемъ, большая часть этихъ перевозочныхъ средствъ опоздала, потому ли, что составъ солдатъ-проводниковъ военного обоза былъ плохъ и дисциплина въ немъ не поддерживалась чувствомъ чести и честолюбія, или же, главнымъ образомъ, потому, что, при значительности разстояній, эти повозки были слишкомъ тяжелы для мѣстной почвы; лишенія же и утомленіе при этомъ слишкомъ велики. Большая часть обоза едва добралась до Вислы. Армія запасалась всѣмъ на ходу. Такъ какъ мѣстность, по которой двигались войска, была плодоносна, то брали рѣшительно все: лошадей, повозки, скотъ, всякаго рода сѣбѣстные припасы; все это увозили, забирая даже жителей, годныхъ быть проводниками. Нѣсколько дней спустя, въ виду трудности перевоза черезъ Нѣманъ при быстротѣ первыхъ военныхъ переходовъ, пришлося настолько же равнодушно оставлять всѣ избытки этихъ неистовыхъ захватовъ.

Какой начальникъ могъ поручиться за толпу офицеровъ и солдатъ, распущенныx по всей мѣстности для поборовъ? Кому нести жалобы? Кого карать? Все дѣгалось на бѣгу; не было времени не только судить, но даже узнать виновныхъ; между дѣломъ, прошедшими вечеромъ и новымъ дѣломъ на слѣдующій день, этихъ дѣлъ возбуждалось такое множество! Въ то время въ одинъ день набиралось дѣлъ на цѣлый мѣсяцъ.

При томъ, примѣръ подавали нѣкоторые начальники: происходило соревнованіе во злѣ, и въ этомъ отношеніи многіе изъ нашихъ союзниковъ превзошли Французовъ. Мы имъ служили учителями во всемъ; но, перенимая наши качества, они преувеличили наши недостатки. Ихъ грубое и звѣрское хищеніе было возмутительно.

12 Іюня императоръ отправился изъ Данцига въ Кёнигсбергъ, гдѣ закончился осмотръ огромныхъ магазиновъ и второго мѣсто отдыха. Тамъ были сосредоточены запасы провіанта, столь же огромные, какъ и само предпріятіе. Ни одна мелочь не была упущена, ибо дѣятельный и страстный умъ Наполеона былъ въ то время весь устремленъ на эту важную и самую трудную часть похода, и тутъ онъ уже доходилъ до расточительности въ указаніяхъ, приказахъ и даже деньгахъ, о чѣмъ свидѣтельствуютъ его письма. Дни проходили въ томъ, что онъ диктовалъ предписанія по этому предмету; но и по ночамъ онъ вставалъ, чтобы повторить тѣ же предписанія. Въ одинъ день, однімъ и тѣмъ же генераломъ было получено отъ него шесть депешъ, и всѣ шесть внушины одной и той же заботой. По пути изъ Кёнигсберга въ Гумбиненъ Наполеонъ дѣжалъ смотръ нѣкоторымъ частямъ войска.

По своему обыкновенію, онъ прохаживался передъ рядами. Ему было извѣстно, какой полкъ былъ съ нимъ въ какихъ походахъ. Онъ останавливался передъ старѣйшими солдатами и однимъ словомъ, дружеской лаской, напоминалъ одному сраженіе у Пирамидъ, другому битвы подъ Маренго, Аустерлицемъ, Іеной или Фридландомъ. И ветеранъ, вообразивъ, что императоръ узналъ его лично, вытягивается, преисполняясь гордости, среди своихъ болѣе молодыхъ товарищѣй, которые ему завидуютъ. Наполеонъ шелъ дальше, не пропуская и самыхъ молодыхъ; казалось, все ихъ касающееся занимало его; ему извѣстны ихъ малѣйшія нужды, онъ спрашиваетъ ихъ, заботится ли о нихъ начальники? Уплачено ли имъ жалованіе? Нѣть ли упущеній въ чемъ либо? Онъ желаетъ освидѣтельствовать ихъ ранцы. Наконецъ онъ останавливается въ серединѣ полка, освѣдомляется о незанятыхъ мѣстахъ и громко спрашиваетъ кто въ полку достойнѣйше; указанныхъ онъ подзываетъ къ себѣ и разгѣдываетъ, сколько лѣтъ они состоять на службѣ, въ какихъ походахъ были, какія раны получили, каковы ихъ славные подвиги? Затѣмъ онъ производить ихъ въ офицеры и велитъ тотчасъ принять ихъ въ свое присутствіе, указывая куда именно. Эти особенные подробности очаровываютъ солдатъ. Они говорятъ себѣ, что великий императоръ, разбивающій сразу цѣлые народы, занимается ими, входить въ мельчайшія подробности; они составляютъ его старѣйшую, настоящую семью! Вотъ какимъ способомъ онъ заставлялъ любить войну, славу и его самого.

Все было готово. Отъ береговъ Гвадалквири и Калабрскаго моря до рѣки Вислы 617 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 480 тысячъ находилось уже налицо; шесть понтонныхъ приборовъ и одинъ осадный, нѣсколько тысячъ повозокъ провіантa, несмѣтныя стада быковъ, 1302 орудія и тысячи артиллерійскихъ повозокъ и лазаретныхъ фургоновъ. Все это было вызвано, собрано и разставлено въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Русской рѣки. Опозадала только большая часть провіантскаго обоза.

60 тысячъ Австрійцевъ, Пруссаковъ и Испанцевъ шли проливать кровь за побѣдителя при Ваграмъ, Іенѣ и Мадридѣ, за того, кто четыре раза сразилъ Австрію, побѣдилъ Пруссию и захватывалъ Испанію. И между тѣмъ всѣ были ему вѣрны. Принимая во вниманіе, что третья Наполеоновской арміи была ему чужда, либо враждебна, не знаешь, чему больше удивляться, отвагѣ ли одного или покорности остальныхъ. Такъ Римъ пользовался своими побѣдами для дальнѣйшихъ завоеваній.

Что касается насъ, Французовъ, онъ имѣлъ въ насть людей преисполненныхъ усердія. Въ солдатахъ онъ находилъ привычку, любопытство, удовольствіе показать себя хозяевами въ новыхъ странахъ; осо-

бенно тщеславіе у болѣе молодыхъ воиновъ, имъ нужно было пріобрѣсти иѣкоторую славу, о которой они могли бы рассказывать потомъ съ шарлатанствомъ, столь обычнымъ солдатамъ; эти рассказы, всегда преувеличенніе, были имъ необходимы при ихъ праздности, какъ только они переставали быть подъ ружьемъ. Къ этому нужно еще прибавить надежду на грабежъ. Требовательное властолюбіе Наполеона часто отталкивало отъ него его солдатъ такъ же, какъ грабежи солдатъ вредили его славѣ. Приходилось мириться съ 1805 года, точно по договору: они терпѣли его властолюбіе, а онъ ихъ грабежъ.

Солдаты послѣднихъ наборовъ были, дѣйствительно, слишкомъ молоды и слабы; но въ арміи имѣлось еще много людей сильныхъ, решительныхъ, привычныхъ къ критическимъ положеніямъ, людей, которыхъ ничто не удивляло. Ихъ можно было узнать впервыхъ по воинственному виду и по разговорамъ; у нихъ не было другихъ воспоминаній и надеждъ кромѣ войны; только о ней они и говорили. Ихъ офицеры были достойны ихъ, или становились таковыми: ибо, для того, чтобы сохранить вліяніе своего достоинства на такихъ людей, нужно было имѣть рубцы, которые можно было имъ показать; нужно было имѣть право ссылаться на себя.

23 Іюня, до разсвѣта, императорская колонна подошла къ Нѣману, котораго ей, однако, не было видно: опушка большого Пруссаго Пильницкаго лѣса и холмы вдоль Нѣмана скрывали за собой великую армію, готовую къ переходу рѣки.

Наполеонъ, прибывшій къ этому мѣсту въ каретѣ, въ два часа утра, сѣлъ на лошадь. Осмотрѣвъ положеніе Русской рѣки, онъ, не переодѣваясь (какъ о томъ должно утверждалі), воспользовался покровомъ ночи, чтобы перейти границу, которую пять мѣсяцевъ спустя не могъ перѣхать обратно иначе, какъ также въ темнотѣ ночной. Только что онъ приблизился къ рѣкѣ, какъ лошадь его вдругъ упала, сбросивъ его на песокъ. Кто-то при этомъ вскрикнулъ: «Плохое предзнаменование, Римлянинъ отступилъ бы назадъ!» Неизвѣстно, произнесъ ли эти слова самъ Наполеонъ или кто нибудь изъ его спутниковъ.

Произведя рекогносцировку, Наполеонъ отдалъ приказъ перекинуть къ вечеру слѣдующаго дня черезъ рѣку три моста близь деревни Понѣманъ, послѣ чего онъ отбылъ въ мѣсто своей стоянки, гдѣ и провелъ весь день, частью у себя въ палаткѣ, частью въ Польскомъ домикѣ. Онъ лежалъ въ изнеможеніи, тщетно ища отдыха въ тяжкой атмосфѣрѣ неподвижнаго знонаго воздуха.

Какъ только наступила ночь, онъ отправился ближе къ рѣкѣ. Сперва переплыли ее въ членокѣ иѣсколько саперовъ. Съ удивленіемъ они причалили и вышли безпрепятственно на Русскій берегъ, гдѣ, по-

видимому, царилъ миръ. Война шла съ занятой нами стороны; здѣсь же, на этой чужой землѣ, которую описывали столь грозной, все было тихо. Вскорѣ однако подошелъ простой казацкій офицеръ, командиръ патруля. Онъ шелъ одинъ и, казалось, воображалъ себя въ полной тишинѣ, не подозрѣвая, что вся Европа стояла передъ нимъ вооруженная. На его вопросъ къ чужеземцамъ, кто они такие, тѣ отвѣчали: «Французы». — «Чтѣ вами нужно, и зачѣмъ вы идете въ Россію?» спрашивалъ офицеръ. Одинъ изъ саперовъ неожиданно сказалъ въ отвѣтъ: «чтобы воевать съ вами, взять Вильну, освободить Польшу». Казакъ удивился; онъ исчезъ въ лѣсу. Тогда трое нашихъ солдатъ, изъ усердія и желая выѣдать, чтѣ въ лѣсу, дали по нему зарпъ.

Такимъ образомъ, слабый звукъ трехъ выстрѣловъ, на которые не послѣдовало отвѣта, далъ намъ знать, что новая кампанія открылась и началось великое нашествіе.

Этотъ первый военный сигналъ сильно раздражилъ императора. Говорила ли въ немъ осторожность или предчувствіе?

Тотчасъ переправились черезъ рѣку триста стрѣлковъ для защиты имѣвшихъ быть наведенными мостовъ.

Въ тоже время изъ за холмовъ и изъ лѣса выступили всѣ Французскія колонны, безмолвно двигаясь къ рѣкѣ подъ защитою темноты. Замѣтить ихъ можно было лишь столкнувшись съ ними. Запрещены были не только огни, даже искры. Отыхали съ оружіемъ въ рукахъ, точно въ присутствіи непріятеля. Поля зеленої ржи, смоченной обильной росой, служили ложемъ для людей и кормомъ для лошадей.

Прерывающая сонъ ночная прохлада, темнота, отъ которой часы кажутся еще продолжительнѣе и, наконецъ, опасности слѣдующаго дня, все это дѣлало положеніе тревожнымъ. За то ожиданіе разсвѣта поддерживало общую бодрость духа.

Провозглашеніе Наполеономъ войны было только что прочитано; всѣ шепотомъ повторяли другъ другу замѣчательнѣйшія мѣста изъ него; наше воображеніе воспламенялось воинственнымъ духомъ.

Передъ нами была Русская граница. Уже сквозь мракъ жадные взоры наши старались охватить эту землю, обѣщанную нашей славѣ. Намъ казалось, что мы уже слышимъ радостные крики Литовцевъ при появлѣніи своихъ освободителей; мы представляли ихъ себѣ на берегу Нѣмана простирающими къ намъ съ мольбою руки. Здѣсь мы терпимъ нужду во всемъ, за то тамъ одарять щедро наасъ. Они постараются снабдить наасъ всѣмъ необходимымъ, мы будемъ окружены любовью и признательностью. Нужды нѣтъ, что приходится провести тяжелую ночь; скоро снова покажется дневной свѣтъ, а съ нимъ вернется тепло, и всѣ надежды воскреснутъ!

День насталъ. Но онъ обнажилъ намъ лишь пустынныи сипучий песокъ, да угрюмые, мрачные лѣса. Печально обратили мы тогда взоры на самихъ себя и почувствовали, какъ, при видѣ величественнаго зрѣлища, представляемаго нашей соединенной арміей, нами снова овладѣло чувство гордости и надежды.

Въ трехъ стахъ шагахъ оть рѣки, на мѣстѣ наиболѣе возвышенномъ, виднѣлась палатка императора. Вокругъ нея всѣ холмы, ихъ склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми. Лишь только солнце озарило всю эту движущуюся громаду, покрытую сверкающимъ оружіемъ, быть данъ сигналъ, и тотчасъ все войско тремя колоннами стало расходиться къ тремъ мостамъ. Видно было, какъ, извиваясь, они спускались къ небольшой равнинѣ, отдѣлявшей ихъ оть Нѣмана, какъ они подошли къ нему и у трехъ переправъ вытянулись въ линію, чтобы ихъ перейти; какъ, наконецъ, вступили на эту чужую почву, которую разорить и въ скоромъ времени покрыли своими безчисленными останками.

Усердіе было такъ велико, что двѣ дивизіи авангарда, оспаривая одна у другой честь переправиться первыми, готовы были дойти до драки; успокоить ихъ стоило немалаго труда. Наполеонъ поспѣшилъ вступить на Русскую землю. Этотъ первый шагъ къ гибели былъ сдѣланъ имъ безъ колебанія. Сначала онъ стоялъ у моста, взглядомъ своимъ ободрилъ солдатъ, привѣтствовавшихъ его обычными криками. Солдаты, казалось, были болѣе воодушевлены, чѣмъ онъ, оттого ли, что это грандиозное нападеніе легло тяжестью ему на сердце, оттого ли, что, будучи физически утомленъ, онъ не могъ выносить чрезмѣрнаго зноя или, быть можетъ, оттого, что онъ былъ уже озадаченъ, не встрѣтивъ на пути своеимъ ничего для побѣды.

Наконецъ его охватило нетерпѣніе. Внезапно онъ направился въ лѣсъ, который тянулся вдоль рѣки. Онъ скакалъ со всей быстротой, на какую была способна его лошадь; въ своеимъ стремлѣніи онъ, казалось, хотѣлъ одинъ настигнуть непріятеля. Онъ проѣхалъ въ этомъ направлѣніи больше мили все въ томъ же одиночествѣ, и ему все таки пришлось вернуться обратно къ мостамъ, откуда онъ снова спустился вдоль рѣки, подъ ея защитой, въ Ковно.

Намъ казалось, что слышанъ былъ грохотъ орудій. На ходу мы прислушивались, съ какой стороны завизывался бой. Но, кромѣ нѣсколькихъ кучекъ казаковъ, въ этотъ день, какъ и въ слѣдующіе за нимъ, одно небо было нашимъ врагомъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва Наполеонъ перешелъ рѣку, какъ вдругъ въ воздухѣ раздался глухой грохотъ; вскорѣ потемнѣло, поднялся вѣтеръ и за нимъ страшнѣйшіе раскаты грома. Это грозное небо, эта безпріютная мѣстность опечалили насъ.

Нѣкоторые даже, передъ тѣмъ еще восторженные, испугались, видя въ этомъ дурное предзнаменованіе. Имъ казалось, что эти огненные тучи собирались надъ нашими головами, чтобы, спустившись на землю, не дать намъ вступить на нее. Нестерпимая жара внезапно смѣнилась непріятнымъ холодомъ. При переходѣ и особенно на послѣдующихъ бивуакахъ, погибло десять тысячъ лошадей. Большое число повозокъ покинуто въ пескахъ; позднѣе погибло еще много людей. Въ началѣ этой странной непогоды императоръ укрылся въ монастырѣ, но затѣмъ скоро уѣхалъ въ Ковно, гдѣ господствовалъ величайший беспорядокъ. Раскатамъ грома ужъ болѣе не внимали; грозные звуки, гремѣвшіе еще надъ нашими головами, казалось, были забыты. Если это явленіе природы, обычное въ то время года, могло поразить нѣкоторые умы, то для большинства времія предзнаменованій уже прошло.

Въ тотъ же день къ этому общему бѣдствію прибавилось особенное. За Ковной, у рѣки Вили, Наполеонъ пришелъ въ негодованіе: мость черезъ рѣку былъ разрушенъ казаками и такимъ образомъ она явилась для Удинѣ препятствіемъ къ дальнѣйшему переходу. Наполеонъ, желая показать свое презрѣніе къ этому, какъ и ко всякому препятствію на своемъ пути, приказалъ эскадрону Польской гвардіи направляться вплавъ. И эти отборные люди исполнили его приказаніе безъ малѣйшаго колебанія. Сперва они шли въ порядкѣ, а когда перестали доставать дно, то удвоили свои усилия. Скоро они вплавъ достигли середины рѣки; но тамъ слишкомъ быстрое теченіе разсѣяло ихъ. Лошади испугались, ихъ стало относить теченіемъ; уже они не плыли, ихъ несло въ беспорядкѣ. Тщетно всадники боролись съ быстротой теченія, силы начали имъ измѣняться и, наконецъ, они покорились своей участіи. Гибель ихъ неминуема; но, вѣдь они гибнутъ за свою родину, они принесли себя въ жертву своему освободителю; и вотъ, за мигъ до своего исчезновенія подъ водой, они поворачиваются головы къ Наполеону и вскрикиваютъ: да здравствуетъ императоръ! Тroe изъ нихъ особенно обращали на себя вниманіе: пока уста у нихъ оставались еще надъ водой, они въ послѣдній разъ повторили этотъ возгласъ и тотчасъ же погибли. Вся армія была охвачена ужасомъ и восхищеніемъ.

Что касается Наполеона, онъ настойчиво и спѣшно отдавалъ приказанія, необходимыя для спасенія утопавшихъ, но при этомъ не казался взволнованнымъ; быть можетъ, по привычкѣ владѣть собой, или потому что считалъ душевныя волненія на войнѣ слабостью, которой ему не должно было подавать примѣра, а наоборотъ, следовало побѣждать въ себѣ самомъ и, наконецъ, можетъ быть, онъ видѣлъ впереди еще большія несчастія, передъ которыми случившееся было ничтожно.

Черезъ рѣку былъ перекинутъ мостъ, по которому маршалъ Удинѣ перешелъ со вторымъ корпусомъ къ Кайдаки. Остальная армія въ это время переходила еще Нѣманъ, и на это понадобилось цѣлыхъ три дня. Итальянская армія перешла его только 29 числа, армія Вестфальскаго короля вошла въ Гродно только 30-го числа.

Изъ Kovны Наполеонъ въ два дня прибылъ къ тѣснинѣ, которой запищена равнина передъ Вильной, куда онъ не показывался, поджидая извѣстій съ аванпостовъ. Онъ надѣялся, что Александръ будетъ оспаривать у него этотъ городъ; звукъ выстрѣловъ уже увѣрялъ его въ этомъ, какъ вдругъ пришли ему донести, что городъ открытъ. Озабоченный и недовольный онъ двинулся впередъ, обвиняя генераловъ аванпоста въ томъ, что они дали Русской арміи ускользнуть. Онъ бросилъ этотъ упрекъ самому дѣятельному генералу, Монбрѣну, и такъ разгорячился при этомъ, что началъ осыпать его угрозами. Пустыя обѣщанія безъ исполненія, буйность безъ всякихъ послѣствій, да еще въ человѣкѣ кипучей дѣятельности, не столь достойны осужденія, сколь замѣчательны какъ доказательства важности, какую Наполеонъ придавалъ быстрой победѣ.

При всей своей вспыльчивости, онъ весьма искусно расположилъ войска для вступленія въ Вильну. Впереди и позади себя онъ велѣлъ идти Польскимъ полкамъ. Но, будучи болѣе занять отступленіемъ Русскихъ, чѣмъ криками удивленія и благодарности Литовцевъ, онъ быстро прослѣдовалъ черезъ городъ и поспѣшилъ къ своимъ аванпостамъ, гдѣ только что, подъ напоромъ Русской гвардіи, погибло нѣсколько человѣкъ лучшихъ гусаръ 8-го корпуса, не получившаго поддержки при схваткѣ въ лѣсу. Сегюръ *), командовавшій ими, послѣ отчаяннаго сопротивленія, упалъ, пронизанный пулями.

Непріятель сжегъ свои мосты и магазины: онъ бѣжалъ разными дорогами, которыхъ всѣ вели къ Дриссѣ. Приказавъ собрать все, что уцѣльло отъ огня и восстановить пути сообщенія, Наполеонъ отправилъ Мюратъ съ кавалеріей по слѣдамъ Александра; въ тоже время онъ послалъ Нея на лѣвый флангъ, чтобы поддержать Удинѣ, который въ тотъ же день опрокидывалъ Витгенштейна отъ Девельтова до Вилькомира. Затѣмъ Наполеонъ вернулся въ Вильну, чтобы занять тамъ мѣсто Александра.

*) Братъ автора.

Въ Вильнѣ его ждали разложенные карты, военные донесенія и толпа офицеровъ, явившихся за приказами. Онъ находился на театрѣ войны въ минуту самого важнаго своего дѣйствія. Предстояло принимать быстрыя и неминуемыя рѣшенія, отдавать приказы боевого движенія, устраивать лазареты, магазины, опредѣлять операционныя линіи. Приходилось разспрашивать, читать, затѣмъ то и другое сличать и, наконецъ, найти и уловить истину, которая всегда точно бѣжитъ и скрывается среди тысячи противорѣчивыхъ отвѣтовъ и донесеній.

Это было еще не все. Въ Вильнѣ Наполеону нужно было образовать новую имперію; оттуда ему приходилось руководить Европейской политикой, Испанской войной и управлениемъ Франціи. Кромѣ того, его настоятельно призывала политическая, военная и административная переписка, накопившаяся у него за нѣсколько дней, въ ожиданіи великаго событія, отъ котораго зависѣли всецѣло (нѣкоторые и отчасти) всѣ его отвѣты.

Итакъ, онъ вернулся обратно въ Вильну и прежде всего бросился на постель, не столько для сна, сколько для размышеній въ тишинѣ; вскорѣ затѣмъ, внезапно вскочивъ на ноги, онъ быстро продиктовалъ только что обдуманные имъ приказы.

Въ это время пришли вѣсти изъ Варшавы и изъ Австрійской арміи. Императору не понравилась рѣчь, сказанная при открытии Польского сейма; бросивъ ее, онъ воскликнулъ: «Это по-французски, а нужно чтобы было по-польски!» Что касается Австрійцевъ, отъ него не скрывали, что во всей ихъ арміи онъ могъ разсчитывать только на ея начальника. Это увѣреніе показалось ему достаточнымъ.

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

Французскій министръ политическімъ агитаторомъ.

Дѣло № 24 (по описи № 188) объ открытии акта всеобщаго вооруженія, составленнаго въ Варшавѣ Французскимъ министромъ дюкомъ де-Бассано *). 15 Апрѣля 1814. На 4 листахъ.

Письмо главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ С. К. Вязми-
тикова къ генералъ-губернатору Герцогства Варшавскаго
В. С. Ланскому.

Милостивый государь Василий Сергеевичъ!

Г. управляющій Волынскою губерніею на правѣ генералъ-губер-
натора увѣдомилъ меня, что, при ретирадѣ непріятельскихъ войскъ изъ
Россіи, Французскій министръ дюкъ-де-Бассано заѣжалъ въ Варшаву
и заставлялъ тамъ сдѣлать актъ всеобщаго вооруженія. Сей актъ, хотя
и не былъ приведенъ въ исполненіе, но многими подписанъ, и подпись-
ка происходила не въ одной Варшавѣ, но въ разныхъ мѣстахъ. Пола-
гая, что, можетъ быть, въ числѣ подписавшихся на томъ актѣ есть и
подданные Россійскіе, нужно бы было обнаружить тѣхъ людей, кои въ
то время, когда Россія, по низложеніи врага, торжествовала и когда
никакой имъ опасности не было отдаѣться отъ непріятеля и возвра-
титься въ иѣдра оной, оставались постоянными въ первой свой привер-
женности. А потому, если актъ сей, по занятіи Варшавы, достался въ
наши руки, то нужно, чтобы онъ былъ извѣстенъ правительству для
предпринятія мѣръ осторожности и при случаѣ возвращенія въ наши
предѣлы кого-либо изъ подписавшихся на ономъ.

Отношеніе сіе представлялъ я на благоуваженіе Комитета г.г. Ми-
нистровъ, который, по выслушаніи оного, предоставилъ мнѣ отнести
къ вашему высокопревосходительству о доставленіи сюда копіи съ
означенного акта и вмѣсть съ тѣмъ свѣдѣнія, извѣстенъ ли были актъ
сей нашему правительству по введеніи оного въ Варшавское Герцог-
ство и не сдѣлано ли какихъ по сему предмету распоряженій.

№ 355. 24 марта 1814.

*) Hugues-Bernard Maret, съ 1809 г. дuc de-Bassano, род. въ 1763 г., ум. въ 1839,
министръ иностранныхъ дѣлъ у Наполеона.

Вследствие этого письма, В. С. Ланской далъ Варшавскому полі-
цеймейстеру Свѣчину соответствующее предписаніе, отъ 21 Апрѣля
того же года за № 98, съ надписью: «секреть».

Въ этомъ предписаніи, между прочимъ сказано: «Въ полномъ увѣ-
реніи на дѣйствительность и благоразуміе вашего высокоблагородія, я
поручаю вамъ безъ огласки, но со всею нужною осторожностю, раз-
вѣдать объ актѣ всеобщаго вооруженія и приложить всемѣрное стара-
ніе къ открытію, въ чьихъ рукахъ таковой актъ находится. По мѣрѣ
открытій, вы можете лично объясняться со мною и получать разрѣше-
ніе на дальнишія дѣйствія, сохраняя оныя и сіе мое порученіе въ не-
проницаемой тайнѣ».

Польские Карбонарии ¹⁾.

Секретное дѣло № 5 (по описи № 44) о существованіи тайного общества подъ названіемъ
Карбонари (Угольщики). Декабря 1 дня 1820. На 51 листѣ.

Въ концѣ 1820 года въ Варшавѣ стало обнаруживаться тайное
общество Карбонаріевъ. 1-го, 2-го и 7-го Декабря, въ домѣ почто-
ваго управления было произведенъ, въ присутствіи генерального ди-
ректора поліціи и почты, ст. сов. Суминскаго, формальныій допросъ,
«ad generalia» и «ad specialia» ²⁾ апликанту ³⁾ Глембоцкому (20 лѣтъ),
адьюнкту администраціоннаго отдѣленія Мазовецкой воеводской комис-
сіи Новацкому (25 лѣтъ) и кандидату медицины и хирургії Вержбов-
скому (22 лѣтъ), по обвиненію ихъ въ принадлежности къ Обществу
Угольщиковъ (do sekty Węglarzy).

Не смотря на всю запутанность и сбивчивость показаній этихъ
молодыхъ людей, старавшихся доказать, что поводомъ къ этому обви-
ненію послужила простая шалость, вызванная желаніемъ Вержбовскаго
и Глембоцкаго подшутить надъ легионеромъ Новацкаго, который-де
интересовался всѣмъ необыкновеннымъ и таинственнымъ, дѣло это съ
достаточной ясностью устанавливаетъ принадлежность обвиняемыхъ къ
тайному обществу Карбонаріевъ.

¹⁾ Карбонари (Carbonari) тайное общество, первоначально возникшее въ Италии
для борьбы съ началами „Священнаго Союза“ и во имя либеральныхъ и национальныхъ
идей, сформировавшихся впослѣдствіи республиканскими и соціалистическими. Съ 20-хъ годовъ
оно входить въ тѣсную связь съ фран масонствомъ и постепенно утрачиваетъ отличав-
ший его романтический характеръ. Съ этого же времени Парижъ становится центромъ
карбонаризма (см. Le Secret de la Franc-Maçonnerie. Paris, 1905. Paul Ginisky. Mémoires
d'Anonymes et d'Inconnus 1814—1850. Paris, 1907 и др.).

²⁾ „Ad generalia“—вопросные пункты общаго характера о личности обвиняемаго
и пр.; „ad specialia“—вопросные пункты по существу дѣла.

³⁾ Апликантъ—кандидатъ на должность.

У каждого изъ юношей была какая-то эмблематическая ленточка, черного цвета, длиною въ пол-локтя и шириной въ одинъ цаль Польской мѣры¹⁾; на одномъ концѣ этой ленточки, бѣлыми, едва замѣтными штрихами, былъ вышитъ знакъ —|—, а на другомъ—Римская цифра XVI. Вержбовскій носилъ ее въ видѣ банта на палкѣ.

Изъ дѣла видно, что Вержбовскій пользовался известнымъ значеніемъ у Глембоцкаго и Новацкаго, которые отъ него же получили свои ленточки, вмѣстѣ съ разъясненіемъ значенія мистического знака —|—.

По его словамъ, знакъ этотъ представлялъ собою начальную букву Латинскаго слова Homo, человѣкъ. Каждый человѣкъ (говорилъ онъ) долженъ стремиться къ возможно-полному совершенству; но такое совершенство можетъ быть достигнуто лишь со вступленіемъ въ Общество Угольщиковъ, которое въ этомъ отношеніи имѣетъ всѣ преимущества предъ Обществомъ Вольныхъ Каменщиковъ (Франмасоновъ).

Вержбовскій же рассказывалъ своимъ пріятелямъ о своемъ знакомствѣ съ какимъ-то Итальянцемъ, прожившимъ нѣкоторое время въ Варшавѣ, подъ чужимъ именемъ, и затѣмъ неизвѣстно куда исчезнувшимъ.

Чѣмъ это дѣло кончилось, неизвѣстно; но Вержбовскій употреблялъ всѣ старанія для того, чтобы убѣдить слѣдователей, что все это была одна шутка и дѣтская болтовня, вызванная лишнимъ стаканомъ пунша, выпитаго имъ съ Глембоцкимъ и Новацкимъ въ какомъ-то трактире, на Пивной улицѣ, гдѣ обыкновенно собиралась разная молодежь, для дружеской бесѣды и чтенія газетъ...

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого допроса, именно 15 Іюля 1821 года, на Польской пограничной таможнѣ Гербы были задержаны студентъ Krakowskаго университета Moшинскій, у котораго были найдены какія-то подозрительныя письма и стихотвореніе въ честь Карбонаріевъ.

Въ этомъ стихотвореніи, имѣвшемъ цѣлью воспламененіе въ Полякахъ патріотического чувства, восхвалялось мужество и энергія иноzemныхъ Карбонаріевъ, которые яко бы уже повсемѣстно свергли тирановъ, и выражаласьувѣренность, что Польскіе Карбонарии вынесутъ на своихъ могучихъ плечахъ всю тяжесть предстоявшей имъ работы и помогутъ родному краю разбить сковывавшія его цѣпи.

Dosyć iż ludzkosc cierpiala,
Czas by wolnośc odzyskala!
Smierć i zaglada tyranów
Jest haslem Węglarskich stanów²⁾.

¹⁾ Локоть—мѣра, соотвѣтствующая длине руки отъ локтя до конца средняго пальца, равняющаяся почти 14 вершкамъ; цаль—дюймъ.

²⁾ ... Довольно уже терпѣть народъ, пора воскреснуть свободѣ! „Смерть и гибель тиранамъ“, вотъ лозунгъ Союза Угольщиковъ!

Не смотря на отсутствіе въ перепискѣ о Мошинскомъ многихъ бумагъ, очевидно находящихся въ другомъ листѣ, все-таки изъ имѣющагося въ немъ Русскаго перевода съ донесенія президента Калишской воеводской комиссіи, Радошевскаго, на имя статьи - секретаря, бригаднаго генерала Коссекскаго, отъ 19 Іюля (нов. ст.) 1821 г. за № 187, можно видѣть, что Мошинскій принадлежалъ «къ союзамъ существующимъ между иностранными студентами, о каковыхъ упоминается въ предписаніи г. царскаго намѣстника», а также состоялъ «въ связахъ, имѣющихъ подобную цель, съ некоторыми студентами Krakowskago universiteta».

Какъ видно изъ сдѣланной на этомъ переводѣ отмѣтки, подлинное донесеніе Радошевскаго, вмѣстѣ съ Французскимъ переводомъ, было препровождено 12 (24) того же Іюля, «при запискѣ», ген.-лейтенанту Курутѣ, конечно, для доклада великому князю цесаревичу.

Вслѣдъ за симъ между великимъ княземъ и Н. Н. Новосильцовыемъ послѣдовалъ обмѣнъ нижеслѣдующихъ бумагъ.

Отъ его императорскаго высочества цесаревича¹⁾ господину тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Новосильцову.

Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ вашего превосходительства отъ 18-го Іюля № 297²⁾, для взятія узаконеннымъ порядкомъ строгаго показанія съ студента Мошинскаго, подозрѣваемаго въ злоумышленіи противу правительства, который при проѣздѣ изъ Бреславля задержанъ на границѣ и содержится нынѣ подъ арестомъ въ вѣдомствѣ плаць-маіора Аксамитовскаго, приказалъ я командировать главнаго штаба моего оберъ-аудитора 7-го класса Іовца, коему вмѣстѣ съ симъ приказано явиться къ вашему превосходительству, о чёмъ и имѣю честь васъ увѣдомить. Іюля 20 дня 1821 г. Генераль-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ.

№ 2911.

Рапортъ Н. Н. Новосильцова Е. И. В. великому князю цесаревичу отъ 20 Августа (1 Сентября) 1821 г., № 363.

(Черновикъ).

Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго высочества краткую выписку изъ показаній студентовъ Krakowskago universiteta Damiana Moшинскаго и Mихаила Dziakovскаго, отобранныхъ при допросѣ, учиненномъ имъ отъ прокуратора здѣшняго криминальнаго суда Falенскаго, въ присутствіи оберъ-аудитора Іовца, наряженаго къ сему по повелѣнію вашего высочества.

На этомъ заканчивается переписка о Мошинскомъ. Въ чёмъ заключались его показанія, неизвѣстно.

¹⁾ Печатный бланкъ въ ширину листа.

²⁾ Этого донесенія, ни копіи съ него, или черновика, въ дѣлѣ нѣть.

28 Марта 1827 года, къ командиру Донского казачьяго полка, подполковнику Катасонову 2-му, квартировавшему въ Калишѣ, явился нѣкто Юзефъ Олтаржевскій, управитель имѣнія Майкова, съ просьбою отправить къ великому князю цесаревичу адресованный на имя его императорскаго высочества запечатанный пакетъ, гдѣ находится, по словамъ Олтаржевскаго, «важный секретъ, котораго онъ никому объявить не можетъ». Пакетъ этотъ былъ въ тотъ же день отправленъ Катасоновымъ по назначенію, при рапортѣ на имя графа Куруты, за № 414; а черезъ нѣсколько дней послѣ этого Н. Н. Новосильцовъ былъ полученъ отъ Куруты такая бумага, отъ 5 Апрѣля 1827 г. за № 93:

Секретно.

Господину д. т. совѣтнику, сенатору и кавалеру Новосильцову отъ начальника главнаго штаба его императорскаго высочества цесаревича, ген.-лейтенанта, графа Куруты.

По повелѣнію его императорскаго высочества цесаревича, имѣю честь всепочтенно представить при семъ къ вашему высокопревосходительству на разсмотрѣніе списокъ съ доноса, сдѣланнаго Осипомъ Олтаржевскимъ, именующимся состоящимъ въ качествѣ управителя и войта селенія Майкова (близъ города Калиша), принадлежащаго Прусскому помѣщику Войцеху Липскому, въ коемъ онъ, Олтаржевскій, открываетъ существованіе тайного общества подъ названіемъ Карбонари, наименовываетъ членовъ онаго и ихъ дѣйствія. Къ тому жъ обзываюсь присовокупить, что если ваше высокопревосходительство по своему соображенію изволите признать за необходимость принятіе по оному дѣлу какихъ-либо мѣръ, то въ такомъ разѣ о заключеніи вашемъ для доклада его императорскому высочеству цесаревичу, покорѣйше прошу почтить меня увѣдомить. Г.-ж. графъ Курута.

Приложенный къ этому отношенію доность какъ бы приподнимаетъ предъ нами одинъ изъ угловъ картины уже подготовлявшагося восстania.

«Какъ вѣрный подданный и благомыслящій человѣкъ (писалъ Олтаржевскій), я считаю своимъ священнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества о томъ, что можетъ имѣть въ настоящее время большое значеніе.

Я ненавижу всѣ революціонныя идеи, такъ какъ онъ ведутъ только къ анархіи. Анархія, это—кровавый бичъ человѣчества (anarchia iest krwawym biczem rodzaju ludskiego). Хорошо только то, что исходить съ высоты Престола»...

Такъ начинаетъ Олтаржевскій свое письмо къ великому князю и затѣмъ послѣдовательно разсказываетъ о всемъ, что ему извѣстно о Польскихъ Карбонарияхъ.

Будучи поставленъ, по своему служебному положенію, въ весьма близкія отношенія къ помѣщику Липскому, а также къ его друзьямъ и сосѣдямъ, Олтаржевскій уже съ 1821 г. начинаетъ внимательно присматриваться и прислушиваться къ происходящему вокругъ него броженію умовъ.

Онъ узнаѣтъ, наконецъ, что въ Царствѣ Польскомъ существуетъ революціонный союзъ, который раздѣляется на округа, соотвѣтствующіе гминамъ, и что въ каждомъ округѣ имѣется свой революціонный начальникъ, называемый войтомъ. Связанные между собою страшною клятвою и безусловнымъ повиновеніемъ заправилами союза, революціонеры устраиваютъ частые сѣзды и собранія, подъ видомъ охоты и вечеринокъ. Никакихъ письменныхъ сношеній у нихъ не допускается. Новые члены набираются преимущественно изъ людей малоизвѣстныхъ и молчаливыхъ, а главнымъ образомъ изъ молодежи. Каждый членъ, смотря по его средствамъ, дѣлаетъ извѣстные взносы въ кассу союза и, кромѣ того, обязывается имѣть собственное вооруженіе и лошадь.

Калишъ, гдѣ Олтаржевскому ежедневно приходится бывать, представляется ему настоящимъ гнѣздомъ безумцевъ (*szalenców*), не брезгающихъ никакими средствами для поддержанія какъ въ грамотномъ обществѣ, такъ и въ простомъ народѣ ужаснаго броженія. Калишское кредитное общество преисполнено революціоннаго духа. Но, повидимому, всего этого мало, такъ какъ Войцѣхъ Липскій восклицалъ: «умѣемъ говорить, а не умѣемъ дѣйствовать!» И онъ же однажды задался вопросомъ, почему еще живъ великий князь *)... Неусточивость Португальскаго правительства, дающаго у себя убѣжище Испанскимъ и Итальянскимъ революціонерамъ, и рѣчь Англійскаго министра Канинга еще болѣе усиливаютъ дерзость заговорщиковъ.

Называя цѣлый рядъ именъ, Олтаржевскій указываетъ на слѣдующее.

*) По свидѣтельству генерала Болачковскаго (*Wspomnienia*, III, 125), однажды, недолго предъ восстаніемъ, великий князь Константина Павловичъ, проѣзжая мимо Волынскихъ казармъ, съ глубокой грустью взглянула на нихъ и затѣмъ, обратясь къ сопровождавшему его адъютанту, сказалъ: „Я знаю, что меня ожидаетъ въ Варшавѣ. Да будетъ воля Божія; но меня тревожитъ судьба этихъ славныхъ людей. (Wiem co mnie czeka w Warszawie, niech sie dzi se wola Boska; asbardziej chodzi mi o tych poczciwych ludzi)“!..

Весною 1826 г., съѣхавшись въ Пруссію им'нія Ліпскаго, заговорщики, послѣ продолжительного засѣданія, принялись разстрѣливать портретъ покойнаго императора Александра I. Черезъ нѣсколько дней, во время похоронъ одного изъ членовъ революціоннаго союза, говорились на его могилѣ самыя возмутительныя рѣчи, въ которыхъ, между прочимъ, упоминалось о «разбойничьей политикѣ» (rozbojnicza politika), раздѣлившей Польскій край на части. Около того же времени, какой-то Польскій офицеръ, находясь въ пріятельской компаніи, въ одномъ погребкѣ, поднялъ чарку за здоровье императора Николая I; присутствовавшій при этомъ нѣкто Блещинскій, отчаяннѣйшій революціонеръ (nauczalenszy rewolucyjona) вырвалъ у офицера чарку и, выплеснувъ вино на полъ, сказалъ: «если бы ты поднялъ чарку за *мо* убійство, то я бы выпилъ яду»...

Тотъ же Блещинскій передавалъ Олтаржевскому, что встрѣчалъ въ Варшавѣ двухъ Русскихъ офицеровъ съ очень хорошими, свободолюбивыми взглядами на вещи (bardzo dobrze muslacych na strone tak sie zowiacych liberalistów)...

Прося цесаревича о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрѣженію надвигавшейся опасности и предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ свои услуги къ дальнѣйшему разоблаченію преступныхъ замысловъ, Олтаржевскій заканчиваетъ письмо сообщеніемъ только что переданныхъ ему, съ превеликою радостью (z nauyweską radoscią) извѣстій о томъ, что генералъ Ермоловъ провозгласилъ себя королемъ Грузіи и что въ Петербургѣ вновь начались беспорядки...

Великій князь отнесся къ этому сообщенію весьма осторожно и недовѣрчиво. Это видно изъ того, что гр. Курута, по его повелѣнію, два раза обращался къ подполковнику Катасонову (отъ 2-го и 3-го Апрѣля за №№ 91 и 92), прося его «узнать подъ рукою, самимъ благоразумнѣйшимъ и осторожнѣйшимъ образомъ», «какого поведенія и состоянія Олтаржевскій и не вызванъ ли его донось желаніемъ уклониться отъ требованія отчетности по дѣламъ къ должности его касающимся, а также по различнымъ подобнымъ сей или даже и инымъ какимъ либо причинамъ, включительно и частнымъ сдѣлкамъ»...

Катасоновъ, представляя (6 Апрѣля 1827 г. за № 461) требуемыя свѣдѣнія объ Олтаржевскомъ и говоря, что онъ ведеть знакомство съ людьми, «принадлежащими къ партіи Немоевскихъ *), прибавляетъ:

*) Во время восстания 1830 года, Немоевские, Винцентій и Бонавентура, были членами особой комиссіи, назначенной революціоннымъ правительствомъ для разсмотрѣнія дѣйствій главнокомандующаго Польскихъ войскъ, генерала Скршилецкаго, котораго Поляки подозрѣвали въ измѣнѣ.

«но при всемъ томъ незамѣтно, чтобы онъ, Олтаржевскій, былъ однажды съ ними мыслей, а, какъ полагательно, познакомился по необходимости или въ угодливость помѣщику Липскому»...

Этими свѣдѣніями и заканчивается данное дѣло, если не считать приложенной къ нему замѣтки на Французскомъ языкѣ, представляющей собою выдержку изъ рѣчи де-Маршанжи о тайныхъ обществахъ, произнесенной 29 Августа 1822 г., вѣроятно, въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій Франціи, по дѣлу о заговорѣ въ Дарошель.

*

Въ началѣ Польского восстания 1863 г., известный Бакунинъ отправился въ Швецию съ цѣлью убѣдить Шведовъ, чтобы тѣ подняли оружіе противъ Россіи и кстати вернули себѣ Финляндію. Онъ добился аудіенціи у брата короля и Шведскихъ министровъ и всячески старался увѣрить ихъ въ неминуемости восстания крестьянъ и въ сильномъ броженіи умовъ, якобы происходившемъ въ Россіи. Въ Стокгольмѣ былъ устроенъ банкетъ, на которомъ Бакунинъ, вслѣдъ за тостомъ, предложенномъ хозяевами за «Молодую Россію», сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Господа, въ Россіи теперь образовалось обширное патріотическое общество—консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ. Оно носить имя *Земля и Воля*. Центръ его въ Петербургѣ, его сторонники и члены во всѣхъ провинціяхъ обширной Россіи. Оно обнимаетъ всѣ классы Русского общества, всѣхъ Русскихъ доброй воли, каково бы ни было ихъ имущество и положеніе: генералы и офицеры въ массѣ, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне, и миллионы сектантовъ раскольниковъ, которые, желая того же, чтѣ и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами за одно. Это общество, правильно и крѣпко организованное, стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію. Оно заключило формальный союзъ съ центральнымъ комитетомъ *Варшавскимъ*, теперешнимъ временнымъ национальнымъ правительствомъ Польши, на основаніяхъ столько же широкихъ, сколько и справедливыхъ, признавая за каждой провинціей, большой и малой, абсолютное, неограниченное право располагать собою, по своимъ выгодамъ. На тѣхъ же основаніяхъ оно заключило союзъ съ патріотами *Малороссіи*; и когда Финляндцы пожелаютъ, оно подастъ имъ руки на тѣхъ же условіяхъ»... И т. д., и т. д. (Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, С.-Пб. 1906, т. XX, стр. 11—16).

Поль Жинисти, упоминая въ «Confessions d'un Carbonaro» (Mémoires d'Anonymes et d'Inconnus) о докладѣ де-Маршанжи и называя этотъ докладъ знаменитымъ («le téquisitoire fameux») говоритъ, что извѣстіе о смерти Наполеона сразу объединило во Франціи всѣхъ бонапартистовъ и республиканцевъ. Заговоры, прекратившиеся было со времени гнуснаго процесса въ Ліонѣ (l'abominable procès à Lyon) снова начинаются. Полковникъ Sauset открывается, подъ фирмой «Bazar françois», постоянную выставку художественныхъ произведеній; но это лишь маска: въ дѣйствительности, «Базаръ» является мѣстомъ свиданія Карбонаріевъ. Полковникъ Fabvier, будущій герой борьбы за независимость Грековъ, принимается за подготовленіе провинціи къ новымъ возстаніямъ. Съ тою же цѣлью во всѣ концы Франціи направляются отставные офицеры (officiers en demi-solde). Капитанъ Nantil готовится провозгласить въ Венсенѣ временное правительство, съ Лафайетомъ во главѣ, а капитанъ Dequivauvilliers занять Тюильри и арестовать королевское семейство. Адвокатъ Rey обоимъ обѣщаетъ поддержку патріотовъ. Поддержка же ожидается и со стороны большихъ городовъ. Гарнизоны послѣднихъ, обработанные Карбонаріями (travaillées par les Carbonari), должны будутъ двинуться на Парижъ.. Но всѣ эти и другіе замыслы разбиваются въ моментъ осуществленія ихъ. Парижскій заговоръ обнаруживаетъ комендантъ Bérard, охваченный ужасомъ готовившагося предательства. Тайну заговора въ Бельфорѣ узнаетъ полиція. Въ Марсели заговоръ обнаруживаетъ капитанъ Sicard. Генералъ Бертонъ, шедшій съ небольшимъ отрядомъ на Сомуръ, выдаетсяunterъ-офицеромъ Woelfeld'омъ. Въ Ларошели заговоръ обнаруживаетъunterъ-офицеръ Goupillon.

Карбонаризмъ, распространившійся по всей Европѣ, вынуждаетъ, наконецъ, правительства къ принятию противъ него самыхъ суровыхъ мѣръ (Карлсбадская конференція).

Сообщилъ И. Попруженко.

ПИСЬМО ГРАФА Ф. В. РОСТОПЧИНА КЪ ОДНОЙ ПРОСИТЕЛЬНИЦѦ.

St. Pétersbourg, 1797 бу 27 Janvier.

Pardon si j'ai gardé le silence. Accuser la réception de votre lettre c'étoit peu de chose; il falloit vous annoncer quelque chose de bon et vous rendre compte des moyens dont je me suis servi pour soulager le triste sort dans lequel le malheur vous avoit, pour ainsi dire, enterré. J'ai écrit à mademoiselle de Nélidow, lui exposant par quelle gradation vous avez été amené à l'état actuel. Le lendemain elle parla à L'Empereur, et aujourd'hui, le Maître, généreux et réellement grand, a signé l'oukaze dont je vous envoie la copie. Écrivez une lettre à m-elle Nélidow et regardez la comme votre véritable bienfaitrice. Elle a agi si noblement, que c'est un devoir bien doux de lui devoir son bien-être. Envoyez moi cette lettre: je la lui remettrai moi-même. J'ai parlé au procureur-général prince Kourakine, pour qu'il remette à quelque tems la nomination de la terre que vous voulez avoir. Dites moi vos intentions, demandez au prince Dolgorouky, s'il ne connoit pas quelque bonne terre aux environs des siennes. *Только чтобы была изъ деорионных.* Adieu. J'espère vous voir vers la mi-Mars. Je voudrois que vous fassiez la connoissance de ma bonne et respectable femme; mais elle reste ici pour inoculer la petite vérole à mon héritier, qui est assez laid, car c'est mon portrait, mais qui est drôle au possible. Je n'ai pas besoin de vous recommander la reconnaissance vis-à-vis de L'Empereur. Quand on pense comme vous, on sait sentir vivement, et vous serez dans le cas plus que personne. Tout à vous Rastopsin.

Федору Васильевичу Ростопчину.
на набережной, подле дому графа Ивана Петровича Салтыкова.

(Изъ VI-й части Сборника II. И. Шукина).

Перевод

Петербургъ, 1797 г. 27 Января.

Простите, что я хранилъ молчаніе. Увѣдомить о полученіи письма было недостаточно; надо было сообщить вамъ что-нибудь благопріятное и дать отчетъ въ средствахъ, которыя я употребилъ, чтобы облегчить вашу печальную участъ, въ которую несчастіе, такъ сказать, васъ повергло. Я написалъ Нелидову, объяснивъ, какая послѣдовательность привела васъ въ настоящее положеніе. На другой день она говорила съ Государемъ, а сегодня Царь, великодушный и дѣйствительно великий, подписалъ указъ, копію съ которого вамъ посылаю. Напишите Нелидову и считайте ее вашей настоящей благодѣтельницею. Она дѣйствовала такъ благородно, что быть обязанной ей своимъ благополучіемъ пріятный долгъ. Пришлите мнѣ это письмо: я ей передамъ его самъ. Я говорилъ прокурору князю Куракину, чтобы онъ отложилъ на нѣкоторое время назначеніе земли, которую вы хотите имѣть. Скажите мнѣ свои намѣренія; спросите у князя Долгорукова, не знаетъ ли онъ какую-нибудь хорошую землю по сосѣству со своими. Толькo чтобы была изъ дворцовыkhъ. Прощайте. Надѣюсь видѣть васъ въ половинѣ Марта. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы познакомились съ моимъ доброю, достойною женою; но она остается здѣсь, чтобы привить оспу моему наслѣднику, который достаточно невзраченъ, такъ какъ онъ мой портретъ, но очень забавенъ. Мнѣ нѣть надобности совѣтовать вамъ восчувствовать благодарность къ Государю. Съ образомъ мыслей, какой у васъ, умѣешь живо чувствовать, а вы, болѣе чѣмъ кто либо, находитесь въ данномъ положеніи.

Весь вашъ Растопчинъ.

*

Письмо это писано въ концѣ третьяго мѣсяца по воцареніи императора Павла, когда не Растопчины только, но и многіе другіе возлагали великія надежды на прекрасныя свойства его сердца. Не знаемъ, кто Московская особа, къ которой письмо это обращено. Правиль тогда Москвою князь Юрій Владимировичъ Долгорукій. Въ Мартѣ этого года Государь поѣхалъ въ Москву короноваться. Растопчинъ означилъ на письмѣ свое Петербургское мѣстожительство. Это по близости отъ Зимнаго дворца, нынѣ домъ Жеребцова. П. Б.

ПИСЬМО Ю. Ф. САМАРИНА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Прага, 18 (6) Августа 1868.

А что: когда вы взглянете на подпись этого письма, вспомните ли вы, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который знаетъ и понимаетъ васъ лучше всѣхъ и любить васъ искренно, не смотря на всѣ свои недостатки, въ которыхъ онъ вполнѣ сознается, и на постепенное охлажденіе и высыханіе своего сердца, отъ которого онъ страдаетъ болѣе, чѣмъ кто либо? На сей разъ я не только напоминаю о себѣ письмомъ, но еще прилагаю посылку (которую вы получите нѣсколько позднѣе), всѣ мои заграничныя изданія: второй томъ сочиненій Хомякова (богословскія) съ моимъ предисловіемъ, два первыхъ выпуска «Окраинъ Россіи» новаго изданія, начатаго мною за границею, и брошюру о «Русскомъ администраторѣ», въ которой я являюсь только сотрудникомъ князя А. Васильчикова. Изданіе сочиненій Хомякова, вамъ уже известныхъ, лежало у меня на сердцѣ, какъ невыполненный долгъ; я радъ, что мнѣ удалось исполнить его и хорошо ли, дурно ли, сказать про послѣдняго дѣятеля то, чего вѣроятно не рѣшился бы сказать другой, даже изъ числа тѣхъ немногихъ, которые понимали его значеніе. Все, что я издалъ, возбудить бурю: вознегодуетъ духовенство, вознегодуя ть всѣ власти и забѣсятся Нѣмцы. Само собою разумѣется, что ни сочиненія Хомякова, ни мои брошюрки не удостоятся пропуска въ Россію. Mais à mon âge, quand on est seul et indépendant, quand on se sent inutile à qui que ce soit en particulier et qu'on a encore un reste de nerve, on n'est plus bon qu'à casser les vitres, pour la bonne cause bien entendu. C'est encore un moyen d'aérer, quand les croisées ne s'ouvrent pas *). Это единственное средство спастись отъ мучительного сознанія своего душевнаго и умственнаго одиночества.—А вы какъ перемогаетесь? Я не опускалъ случая разспрашивать обѣ васъ у Николая Михайловича и Аркадія Осиповича; но этими путями узналъ немного. Если на васъ найдеться добрая мысль перекинуться со мною нѣсколькими словами, то адресуйте въ Москву на Ордынку, въ Толмачахъ, въ домъ графини Сологубъ: я выѣзжаю изъ Праги завтра и остановлюсь въ Берлинѣ ненадолго. Душевно вамъ преданный Ю. Самаринъ.

(Сообщено дочерью А. О. Смирновой, Надеждою Николаевной Соренъ).

*) Но въ моемъ возрастѣ, будучи одинокъ и независимъ и чувствуя себя бесполезнымъ для чего либо въ частности, еще съ остаткомъ силъ, я пригоденъ лишь для того, чтобы разбивать стекла, конечно ради хорошаго дѣла. Этимъ же и освѣжаешь воздухъ, когда окна не растворяются.

МОСКОВСКИЙ БУЛЬВАРНЫЙ СТИХОТВОРЕЦЪ-САТИРИКЪ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ Москвѣ Тверской бульваръ и Прѣсненскіе пруды были любимымъ мѣстомъ прогулокъ Московскаго общества. Тверской бульваръ, въ центрѣ города, между Никитской и Тверской улицами, тянется на протяженіи цѣлой версты въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышалась зубчатая стѣна каменнаго Бѣлаго города съ Никитскими и Тверскими воротами по обоимъ концамъ. По бокамъ бульвара, обсаженнаго липами, шли въ то время дома, боярскіе особняки, принадлежавшіе Московскімъ старожиламъ или оставшимся не у дѣлъ вельможамъ, наполнявшимъ тогда Москву и жившимъ здѣсь воспоминаніями о прошломъ. Они чуждались новыхъ вѣяній, ворчали на окружавшее ихъ, среди котораго были не болѣе, какъ обломки отжившой старины, и жили среди обстановки и привычекъ временъ Екатерины и Павла. На Тверскомъ бульварѣ проживалъ одинъ изъ такихъ вельможъ, бывшій фаворитъ, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ. До 1836 г. онъ жилъ по-царски, извѣстенъ былъ всей Москвѣ, уѣзжалъ къ себѣ въ подмосковное Братцево въ каретѣ съ императорскими гербами.

По утрамъ населеніе домовъ появлялось на бульварѣ, вечеромъ гуляніе переносилось на Прѣсненскіе пруды. Теперь отъ гулянья на Прѣсненскихъ прудахъ, осталось одно преданіе. Нижній прудъ уже почти засыпанъ и разбитъ на мелкіе участки съ деревянными плохенькими постройками, другой прудъ находится среди Зоологическаго сада, оглашаемаго воемъ волковъ и всякаго звѣря въ клѣткахъ.

Прѣсненскіе пруды имѣютъ свою исторію. Когда-то, здѣсь, на Горбатомъ мосту, встрѣчалъ царь Михаилъ Феодоровичъ своего отца, митрополита Филарета, вернувшагося изъ Польскаго пленя; затѣмъ тутъ была царская мельница, рѣчки Прѣсня и Синичка не обратились еще въ зловонные ма-левыкіе ручейки, заражающіе воздухъ; въ прудахъ плавала рыба для патріаршаго стола; тогда, еще вода была настолько чиста, что въ ней могли жить осетры и стерляди, не отравляемые стоками нечистотъ съ фабрикъ разросшагося города *).

*) Рыбы въ Прѣсненскихъ прудахъ (перенесенной въ нихъ изъ пруда на мѣстѣ нынѣшней Театральной площади) было еще много въ управлѣніе Москвою графа Закревскаго. Кругомъ мѣстность болотистая. Нечистая вода спускалась въ Прѣсненскіе пруды даже и съ Большой Садовой улицы. Графъ А. Ф. Ростопчинъ, владѣвшій домомъ, гдѣ нынѣ Софійская больница, передавалъ намъ, что однажды позволилъ опѣ своему до-

Къ началу XIX столѣтія Прѣсненскіе пруды были просто болотомъ, тощью, заросшемъ камышомъ. Въ этомъ состояніи полной запущенности засталъ ихъ начальникъ Кремлевской Экспедиціи, въ вѣдѣніи которой они находились, столь извѣстный своимъ безжалостнымъ уничтоженiemъ Кремлевской старины, Петръ Степановичъ Валуевъ *). Пруды приведены были имъ въ порядокъ, вычищены; кругомъ, въ рощѣ, разбиты дорожки, устроились увеселительные учрежденія, буфетъ и т. п. Въ дни гуляній—иллюминація. Прѣсненскіе пруды сразу привлекли къ себѣ Москвичей, такъ что одно время предполагалось даже официально именовать ихъ „Валуевскими“, а бульварный стихо-творецъ въ восторгѣ писалъ:

„Я пройдусь къ прудамъ широкимъ,
То къ сему, то къ другому пруду,
И съ почтеніемъ глубокимъ
Ницъ Валуеву паду!“.

Безобидное увлеченіе москвичей до-пожарной Москвы Тверскимъ бульваромъ и Прѣсненскимъ гуляніемъ нашло, однако, современныхъ обличителей, и среди грамотнаго общества сильно распространялись рукописные стихи тогдашнихъ сатириковъ. Ихъ переписывали „сотни рукъ“ и съ жадностью читали. Самые стихи были ниже всякой критики, но, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, „и злость, и ругательства ихъ тогда имѣли соблазнительную прелесть въ глазахъ почтенной публики“.

Тогдашняя полиція усердно искала автора этихъ „весъма оскорбительныхъ для публики стиховъ“, но тщетно. Какъ запретный плодъ, стихи интересовали всѣхъ, и какъ все, распространяемое въ рукописяхъ, они имѣли много разночтений. Съ затаенною радостью читая пасквиль на ближайшо, нерѣдко читающій находилъ и самого себя въ новомъ оборотѣ; особенно забавно, конечно, казалось то, что большинство лицъ изображалось съ свойственными имъ слабостями подъ своими собственными фамиліями. Въ отдельныхъ отрывкахъ, но по очень полному списку, напечатаны эти стихи въ книгѣ Пыляева „Старая Москва“; однако авторъ не могъ указать ни одного изъ „сочинителей“ этого распространеннаго въ то время въ Москвѣ „сатирическаго“ произведенія. Впрочемъ оно и неудивительно: такія произведенія создаются не однимъ лицомъ, а постепенно при участіи многихъ „острослововъ“; куплеты наслаждаются одинъ на другой

правителю прорыть канаву и по ней спустить накопившіяся нечистоты въ Прѣсненскій прудъ. „На другой день, говорилъ графъ, я отправился туда гулять и вижу множество всплывшей дождевой рыбы“. П. Б.

*) П. С. Валуевъ, дѣдъ бывшаго министра графа П. А. Валуева, род. 29 Іюня 1745 г., † 4 Іюня 1814г. Погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ. См. Московскій Некрополь, т. I. Прилагаемъ ниже краткія біографическія о немъ свѣдѣнія, взятыя изъ изданія Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты“, т. III, № 105.

имена до бесконечности мѣняются, и въ концѣ концовъ или произведеніе пристегивается къ какому-нибудь видному литературному имени, или имя автора совсѣмъ забывается. Съ виршами о Тверскомъ бульварѣ и Прѣсненскихъ прудахъ, конечно, случилось тоже самое, ибо приписать ихъ какому-нибудь видному стихотворцу никто бы не рѣшился.

Неудивительно, что полиція усердно искала пасквилянта; поэтъ вѣдь дерзнулъ коснуться личности родственниковъ самого главнокомандующаго Москвы, высокомѣрнаго, хотя и недалекаго вельможи, графа И. В. Гудовича *). Эти стихи престарѣлому фельдмаршалу, съ особеннымъ усердіемъ и ревностью преслѣдовавшему въ Москвѣ носителей очковъ (что тогда вошло въ моду) и ъзду на тройкахъ, показались, конечно, обидными..... Но всѣ старанія полиціи были напрасны. Совершенно неожиданно удалось изловить одного изъ сочинителей лицу также пострадавшему и обиженному слѣдующими стихами:

„Мерлиній, дуракъ-красавчикъ,
Вотъ изволилъ прискакать,
Оправляя свой рукавчикъ,
Также тону想要 дать.
Ну, его ли глупой рожѣ?
И чего ждать отъ него,
Коль мундиръ цѣнятъ дороже,
Нежели самого его!“....

Повидимому стихотворецъ въ нашемъ варіантѣ помѣстилъ, весьма неосторожно, своихъ сослуживцевъ (у Пыляева ихъ вѣтъ) и даже самого себя, но въ весьма необидномъ, даже лестномъ, сравнительно съ другими, для себя видѣ:

„Это чтѣ еще за спица
Такъ быстро сюда бѣжитъ,
Не еще-ль какая птица
Позабавить насть летить?
Не Мясновъ-ли чудотворный,
Нашъ прелестный новый франтъ,
Парень легкой и проворный,
Дамскій милый адъютантъ!
Никого себѣ подъ пару
Не беретъ сей господинъ,
Вѣчно ходитъ по бульвару
Какъ сироточка одинъ“.

*) Графъ И. В. Гудовичъ (р. 1741 г., † 22 Января 1821 г.) былъ женатъ на графинѣ Прасковѣ Кирилловнѣ Разумовской († 2 Октября 1808 г.), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей—Кирилла (который и упоминается въ стихахъ) и Авдѣя. Впрочемъ, Пыляевъ говорить, что подъ именемъ Кирилла нужно разумѣть графа Кирилла Разумовскаго.

Въ Іюнѣ 1811 года только что упомянутый Мерлинъ, штабъ-ротмистръ, гусарь, которого авторъ стиховъ называетъ „гусарчикомъ милотворнымъ“, „Бовои королевичемъ вздорнымъ“, повидимому извѣстный гуляка, можетъ любитель выпить и можетъ быть дуэлисъ¹). Заподозривъ синодскаго регистратора Павла Мяснова, служившаго во 2 отдѣлѣніи 6-го Департамента Сената, „въ выпускѣ пасквилей и въ причиненіи тѣмъ ему и знатнѣйшему обществу обиды“, Мерлинъ „принудилъ“ Мяснова Ѹхать, вмѣстѣ съ нимъ, для заявленія къ оберъ-полиціймейстеру. По дорогѣ, въ каретѣ Мерлина, Мясновъ, по словамъ первого, „опасаясь сужденія“, а по показанію послѣдняго „насильствено, подъ страхомъ лишенія жизни“, открылъ Мерлину, что сочинитель стиховъ онъ самъ. Тутъ же, въ каретѣ, близъ Конной площади, Мясновъ написалъ въ томъ подпиську, которую и отдалъ Мерлину. На другой день Мясновъ отправился въ Управу Благочинія, где и заявилъ, что подписька вынуждена у него Мерлиномъ „насильственно“, но было уже поздно: дѣло получило свой ходъ. Подписька Мяснова была представлена самому главнокомандующему графу Гудовичу, который 17 Іюля 1811 г. сообщилъ о находкѣ „сочинителя“ стиховъ оберъ-прокурору 6-го Департамента Правительствующаго Сената, находя, что „подписька, данная имъ Мерлину, отклоняетъ уже всякое насчетъ этого сумлѣніе“.

Государь, до свѣдѣнія котораго было доведено объ открытии автора „пасквильныхъ и оскорбительныхъ для публики стиховъ“, повелѣлъ предать Мяснова суду.

Допрошенный по этому поводу, Мясновъ не сознался, однако, „въ сочиненіи“ стиховъ и показалъ, что нашелъ ихъ самъ на бульварѣ, сидя тамъ въ 8 ч. вечера 11 Іюня и „какъ онъ уже видѣлъ ихъ въ рукахъ публики, то прочтя и не найдя въ нихъ никакой важности, кроме нелѣпаго ругательства, въ томъ числѣ и на свою себѣ, показалъ своимъ пріятелямъ, которые у него ихъ списывали, а возвратили-ль ему—не помнить; только они у него утратились, одному же чиновнику далъ своей руки неполные, написавъ, что могъ упомянуть²), а найденные имъ пропали“. Надо думать, однако, что Мясновъ не былъ такъ безгрѣшенъ; вѣроятно имъ самимъ было внесено нѣсколько разночтений и вѣришь всего именно мѣсто о самомъ себѣ и о нѣкоторыхъ его пріятеляхъ (Травинъ, Бобицынъ; такихъ нѣть въ другихъ спискахъ).

Надворный Судъ, где разсмотрѣно было дѣло Мяснова, мнѣнiemъ полагалъ: наказать Мяснова содержаніемъ въ Смирительномъ домѣ 12 мѣся-

¹) „Оправляя свой рукавчикъ“, говоритъ стихотворецъ; въ то время присяжные бреттеры и дуэлисты для чего-то шнуровали себѣ одинъ рукавъ и часто такъ и ходили. Не намекъ ли тутъ, что и у Мерлина былъ такой же рукавъ?

²) Вѣроятно это и есть тотъ списокъ, который здесь прилагается, (Архивъ Государственного Совета, Департамента Гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственного Совета, 1813 г., № 1721) и который попалъ въ руки Мерлину.

цевъ, а стихи предать истребленію, при чемъ „по исполненію сего, подтвердить ему, Мяснову, чтобы онъ впредъ отъ подобныхъ поступковъ уклонился и велѣть явиться въ команду его, отдавъ ему отобранныю въ Уѣздномъ Судѣ шпагу“.

Московская Уголовная Палата, куда перешло дѣло по инстанціи, не признала, однако, Мяснова, въ виду его несознанія и „отреченія“ отъ своей подписки, виновнымъ въ „сочиненіи“, а только „въ разглашеніи“ и „на основаніи воинскихъ 21 и на 149-й артикуль толкованія, замѣня бытіе его подъ судомъ и арестъ, усугубить содержаніемъ при командѣ подъ арестомъ 2 недѣли, въ томъ числѣ на хлѣбѣ и водѣ 3 дня, съ строжайшимъ обязательствомъ подпискою, чтобы впредъ по молодымъ своимъ лѣтамъ старался воздержать себя отъ всякихъ неприличныхъ званію и чести его дѣйствій“. Уѣздному Суду постановлено объявить строжайшій выговоръ „за преждевременный безъ всякой резолюціи арестъ“ Мяснова. Съ этимъ рѣшеніемъ Палаты согласился и графъ Гудовичъ.

Московскій 6-й Департаментъ Сената, разсмотрѣвъ дѣло и утвердивъ рѣшеніе Уголовной палаты въ той части, которая касалась самого Мяснова, обратилъ вниманіе на поступокъ штабъ-ротмистра Мерлина и на дѣйствія Московскихъ судебныхъ мѣстъ. Приводимъ вполнѣ это замѣчательное рѣшеніе Сената; о немъ было донесено Государю, и оно было утверждено Общимъ собраниемъ Государственного Совета 1 Декабря 1813 года.

„Сенатъ находитъ, что хотя и препровождена къ дѣлу данная Мясновымъ штабсь-ротмистру Мерлинію подписка, въ которой онъ призналъ себя сочинителемъ пасквильныхъ стиховъ, но Мясновъ о сей подпискѣ, что она взята вынужденно Мерлиніемъ и писана въ каретѣ его на Конной площади, объявляя на другой день полицейскому начальству, почему принять ее въ настоящемъ видѣ не можно, а заключается изъ сего насильственный его, Мерлинія, поступокъ и самоуправство, въ чемъ онъ изобличается обстоятельствами дѣла, сущностью самой той подписки и собственнымъ показаніемъ его Мерлинія, что подписка была писана на Конной площади, въ 10 шагахъ отъ дома 9-го класса Быховцева, чего бы безъ намѣренія исторгнуть подписку дѣлать не было никакой нужды: ибо писать всегда покойнѣе и приличнѣе въ покояхъ, нежели на дворѣ. Въ разсужденіи чего, Сенатъ, заключая изъ всего вышеписанного, что штабсь-ротмистръ Мерлиній столько въ пасильственномъ и самоуправномъ его поступкѣ съ Мясновымъ изобличенъ, сколько въ поступкѣ такового рода безъ свидѣтелей и въ каретѣ изобличену быть можно, полагаетъ дать знать о семъ военному его начальству, съ тѣмъ, чтобы взятіе имъ той подписки было не насильственно, то и тогда бы поступокъ его остался предосудительнымъ и по всѣмъ отношеніямъ не-благопристойнымъ, потому что на розыски учреждена полиція и розыщики, приватная же лица никакого права не имѣютъ розыскивать, кто виноватъ и въ чёмъ виноватъ.

Какъ же по сему дѣлу открывается, во первыхъ: Московскій Уѣздный Судъ въ которомъ Мясновъ не судился и не могъ судиться, снять съ него шпагу, къ крайнему нарушенію правиль, въ законѣ преподанныхъ, приведя въ за-

бвеніе, что не отрѣшень отъ должности, а чрезъ таковой поступокъ оскорбляется и самое начальство; во-вторыхъ, Надворный Судъ, забывъ также, что Мясновъ служащій и не отрѣшень, присудилъ его къ 12-мѣсячному содержанію въ Смирительномъ домѣ. Посему, присутствующихъ Уѣзднаго Суда вызывавъ въ Губернское Правленіе, сдѣлать имъ пакистражайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что буде подобная неосмотрительность его дойдетъ впредъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, то имѣть онъ подвергнуться неминуемому взысканію по силѣ законовъ; Надворному же Суду дать замѣтить, чтобы онъ основывалъ заключенія свои на смыслѣ законовъ. Впрочемъ рѣшеніе Московской Палаты Уголовнаго суда 1-го Департамента, учиненное по сему дѣлу, съ коимъ согласился бывшій главнокомандующимъ въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, какъ съ обстоятельствами дѣла и узаконеніями согласное, утвердить въ его силѣ".

Ровно годъ спустя послѣ начала дѣла, министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ (въ то время уже славный писатель) получилъ отъ Мяснова слѣдующее письмо:

„Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Иванъ Ивановичъ.

Ревностное желаніе вступить въ армейскую службу, къ коей я, можно сказать, страстенъ, побудило меня осмѣлиться беспокоить ваше высокопревосходительство.

Извѣстно, что я имѣлъ нечастіе быть подозрѣваемъ въ сочиненіи ругательныхъ стиховъ и преданъ сужденію по высочайшему повелѣнію. Дѣло сие теперь окончено; невинность моя и несправедливость подозрѣнія доказаны разсмотрѣніемъ и Палаты, и Правительствующаго Сената, резолюцію коего повелѣно: наказать меня арестомъ за необъявленіе тѣхъ стиховъ полиціи когда попались они ко мнѣ въ руки; до совершенного окончанія сего дѣла какъ ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, начальство мое не въ правѣ принять проосьбу объ увольненіи меня изъ канцеляріи Сената; а вѣдь вновь формирующейся полки имѣютъ повелѣніе какъ можно скорѣе выступать и иѣкоторые изъ нихъ уже выступили, чѣмъ и уничтожается предпріятіе мое.

Сie то самое и заставило меня искать въ вашемъ высокопревосходительствѣ благодѣтеля, который доставилъ бы мнѣ случай раздѣлить труды соотечественниковъ моихъ на полѣ браннѣ и загладить остатки дурнаго мнѣнія, которое нѣкогда обо мнѣ имѣли.

Предая все сие на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, съ несомнѣнною надеждою на великолушіе ваше, за счастіе почитаю называемая, милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйший слуга Павелъ Мясновъ.

Іюля 4-го дня 1812 г. Москва".

Какіе были результаты этого письма, неизвѣстно; но Дмитріевымъ оно было передано къ дѣлу о Мясномъ, „признавая за нужное поставить его

просьбу въ виду Комитета". Больше никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Мяснова не имѣется.

Стихи, за которые подвергся Мясновъ столькимъ мытарствомъ, находятся при дѣлѣ, но въ спискѣ, въ которомъ при перепискѣ, очевидно, сице прибавлено ошибокъ къ безграмотнымъ и безъ того виршамъ.

Посланіе къ автору стиховъ на бульваръ.

Чѣмъ вѣсъ прочи огорчили,
Стихотворецъ милый мой,
Что вы ихъ не помѣстили
Въ протоколъ прелестный свой?.

И они также одѣты,
Всякой тону задавалъ.
Ахъ, позволь, чтобы ихъ портреты,
Хотя здѣсь я описалъ!

Вотъ катится чудной шарикъ
Въ красной лентѣ, со звѣздой,
То Нелединской сударикъ¹⁾
И шлянью дорогой.

Иноходцемъ запущаетъ, .
Не жалѣя ничего,
Въ галлерею поспѣшаешь:
Тамъ мѣдера ждѣтъ его.

Банкъ ли пометать пуститься
Или штосъ сдѣлать порой,
Онъ всегда на все годится,
Малый этотъ золотой!

Выпивъ водки близко бочки,
Вотъ Алябьевы идутъ²⁾,
То-то милые дружёчки,
Едва головы несутъ.

¹⁾ Почему-то Ю. А. Нелединскій-Мелецкій (род. 1752 г. † 1829), человѣкъ весьма почтенный, всеми уважаемый, былъ излюбленной мишенью для издѣватательства бульварнаго стихотворца. Очевидно, его слабости къ женщинамъ и къ тѣжелымъ, чисто-русскимъ объданамъ были хорошо известны въ Москвѣ. Прилагаемъ о немъ дальше краткія биографическія свѣдѣнія, изъ того же изданія Великаго Князя Николая Михайловича, т. III, № 163. Нелединскій названъ „шарикомъ“ по своему малому росту.

²⁾ Сыновья сенатора А. В. Алябьева, одинъ спортсменъ, другой — композиторъ известныхъ романсовъ, картежникъ. См. о немъ „Разсказы бабушки“ Благово.

Къ нимъ еще двое несчастныхъ
Въ кадриль ловко подошли.
Съ лицами отъ спирта красныхъ,
Также на бульваръ пришли.

То Травинъ, пьянига ловкой,
И при немъ хороший шутъ
Бабицынъ, съ большой головкой,
Ковыляютъ вмѣстѣ тутъ.

Это што еще за спица
Такъ быстро сюда бѣжитъ,
Не еще ль какая птица
Позабавить насъ летить?

Не Мясновъ ли чудотворной,
Нашъ прелестный новой франтъ,
Парень легкой и проворной,
Дамской милой адъютантъ?

Никого себѣ подѣ пару
Не беретъ сей господинъ,
Вѣчно ходитъ по бульвару,
Какъ сироточка, одинъ.

И Волконской съ карусели
Въ шпорахъ звонкихъ прикатилъ,
Весь растрепанъ, какъ съ постели;
Малой этотъ, право, милъ.

Мерлинъ, дуракъ, красавчикъ,
Вотъ изволилъ прискакать,
Оправляя свой рукавчикъ,
Также тону хочетъ дать.

Ну, его ли глупой рожѣ,
И чего ждать отъ него,
Коль мундиръ цѣнять дороже,
Нежель самого его?

Благо за свое старанье
Славной получиль покалъ,
Чтобы дѣлать на гуляньѣ,
Лучше бѣ дома пошивалъ?...

Сыну глупому богатства
Не помога, слышалъ я,
Коли мудрости изрядства,
Не купилъ онъ для себя.

Графъ, тому въ примѣръ, *Кирила,*
Хоть богатъ и знатенъ такъ,
Но куда ни сунеть рыла,
Тотчасъ виденъ, что дуракъ.

Но не всехъ же, вѣдь, до крошки,
Намъ сюда переписать,
Не пора ли сѣсть на дрожки
Да домой; ужь время спать!

Стихи на пруды.

Въ жизни не любить двухъ милыхъ,
Двухъ прекрасныхъ не видать,
Двухъ гуляніевъ щастливыхъ
На недѣлѣ не бывать.

Я пройдусь къ прудамъ широкимъ,
То къ сему, то къ другому пруду,
И съ почтенiemъ глубокимъ
Ницъ Валуеву паду!

Тамъ мы слушаемъ каскады,
Пару здѣсь лѣсковъ манитъ,
За усталость ночь въ награду
Часто мягкой лугъ даритъ.

Но милый лѣсковъ и луга
Женщинъ бабочекъ здѣсь рой,
Между нихъ любви подруги
Поздней тѣшутся порой.

Не жемчужная росина
На листкѣ цвѣтовъ блестить,
То Катюша, Катерина,
Вельяминова глядить.

На сестрицѣ не сияютъ
Штукатура-алебастръ,
Хоть и бронзой называются.
Золота милый стократъ.

Вотъ Ивановъ *) нашъ въ мундирѣ,
То и се, ни Марсъ, ни Фебъ,
Пусть бренчитъ себѣ на лирѣ,
Продаетъ стихи на хлѣбъ.

*) Драматургъ Федоръ Ивановичъ Ивановъ († 1816 г.) авторъ „Мары Помѣщицы“.

Водить въ рынокъ Мельпомену,
За безцѣнокъ отдаеть,
„Мареу-дворницу“ на сцену
Пусть заикою ведетъ.

Чтѣ Ехользины унылы;
Саша, душенька, такъ худъ?
Ахъ, вспорхнулъ румянецъ милый,
Слѣдъ бубновой виденъ тутъ...

Точно глисть въ калликатурѣ,
Въ залъ судейской входитъ пить
Въ гибкой тоненькой фигурѣ
Нашъ Обрѣзковъ Сибаритъ¹⁾

Дѣвъ Струговицовыхъ тѣни
Въ царство хоть небесъ ведутъ,
Но дусёры милы пѣши
По земному симъ поютъ.

Вотъ порхнули херувимы
Нѣжны Вамбульски княжны²⁾.
Ахъ, и сами нелюдимы
Были бѣ ими сражены.

Вотъ и матушка родима
Афросимова³⁾ бѣжитъ,
Съ ней ухваточка любима
Кулаками всѣхъ даритъ.

Урождения Шаховская
Чемоданчикъ свой несетъ,
Слышино: маменька, милая,
Дай скорѣй увидѣть свѣтъ.

Вертеръ въ горести, въ смущеньї,
То Ивановъ у Боковъ,
Какъ похулиТЬ просвѣщенье,
Какъ бранить большихъ умовъ?

¹⁾ Эхользины и Обрѣзковъ служили въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Это Московские тогдашние франты.

²⁾ Княжны Вадбольскія.

³⁾ Вдова генералъ-маиора Анастасія Дмитріевна Офросимова, известная въ Москвѣ своеобразная и сумасбродная старуха, пользовавшаяся всеобщимъ почетомъ, ибо ея страшно боились. Изображена въ „войнѣ и мирѣ“. О ней же въ „Разсказахъ бабушки“ Благово.

Прежде знать подборь тарелки,
И какой накрыть куверть,
Нынѣ жъ знанья эти мелки,
Мечеть сердца grand уверть.

Шиловской ему дорогу
Въ модны лавки проложилъ,
Шить чепцы, обуть и ногу,
Шаркать мило научилъ.

Вотъ и Вамбургски другія
Притащились съ похоронъ,
Льются слезки дорогія,
Слышень нѣжный груди стонъ.

За Нашёкиной ввязался
Мальчикъ, чтѣ любовь зовутъ,
Крѣпко за нее держался
И твердилъ ей во весь путь:

Ахъ, отдай мнѣ стрѣлы сильны,
Чтѣ украла на бѣду.
Дай за нихъ хоть глазки милы.
Съ чѣмъ я къ маменькѣ приду?

Не отвыкнуль отъ привычки
Подпираться Калачевъ *),
Это сѣть для бѣдной птички,
Это славный птицеловъ.

Грузын князь, но не владѣтель,
Забываетъ съ нимъ вездѣ,
Тамъ попадь всегда, гдѣ мѣтиль;
Лишь порхнулъ, то и въ гибѣдѣ.

У Толстой, Катюши, папы,
Хоть солдатская жена,
Пуще иопши барабана
Вздута гордостью она.

Стой во фрунтѣ и обернился—
То Венеры инвалидъ,
Стѣнѣ низко поклонися,
Онъ поклонами лишь битъ.

Вотъ гусарчикъ милотворный,
Мерлинъ, рожицу несетъ,

*) Въ другихъ спискахъ „Баташовъ“, известный заводчикъ.

Королевичъ Бова вздорной,
Съ карусели онъ бредеть ¹⁾).

Воть Алеша, Алексѣи
Дышутъ зеркаломъ всегда,
Дома нѣтъ одной копѣйки,
Здѣсь миллионы иногда.

Тьма прекраснѣйшихъ за ними
Если глазками сверкнутъ,
По словамъ ихъ, могутъ ими
Запрудить хоть цѣлой прудъ.

Желта ленточка ластится
Обнимать сей милый стаять:
Грибоѣдовой плѣнится
И холодной истуканъ.

Тянетъ воть Несвицкихъ тонныхъ
Сильна рота модныхъ словъ,
Въ точь Французски лексиконы
Въ кожу свернуты ословъ.

Черноглазу, кругло лицу
Долгоруку толпа зритъ,
Взялъ онъ Дашкова вдовицу
Мужъ сошливой говоритъ.

Тихо, сладко, иѣжно, плавно
По тропѣ катить кубарь:
То Нелединской ²⁾ нашъ славной

¹⁾ Шт.-ротмистръ Мерлинъ. Очевидно, этими стихами онъ былъ оскорбленъ, ибо въ другихъ спискахъ тутъ стоять „Злобинъ“, отецъ именитаго гражданина.

²⁾ Юрий Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, единственный сынъ Александра Юрьевича († 1804 г.) отъ брака его съ княжной Татьяной Александровной Куракиной (р. 1732 г., † 1754 г.), родился въ Москвѣ 6 Сентября 1752 г. Отецъ его, сядѣвши уѣхалъ за границу, откуда вернулся лишь въ 1767 г., и маленький Юша жилъ сперва у бабушки съ отцовской стороны, Аппы Ивановны, рожд. Талызиной († 1764 г.), въ Москвѣ, а потомъ у другой бабушки, княгини Александры Ивановны Куракиной, въ Петербургѣ. Здѣсь росъ онъ, подъ надзоромъ тетки, княжны Аграфеены Александровны, выѣхавшей съ двоюродными своими братьями, князьями Куракинами, и въ 1769 г. былъ посланъ съ ними въ Страсбургскій университетъ, но пробывъ здѣсь лишь годъ. Записанный еще въ 1758 г. въ артиллерію, онъ былъ отправленъ, въ Маѣ 1770 г., во 2-ю армію, находился при осадѣ Бендеръ, состоя ординарцемъ у дѣда своего по матери, графа П. И. Панина, затѣмъ участвовалъ въ покореніи Крыма и въ Турецкой войнѣ; въ 1775 г., въ качествѣ кавалера посольства, сопровождалъ своего дядю, князя И. В. Репнина, въ Царыградъ, въ

И смализвыхъ тѣней *) царь.

Вотъ Китайскія обoi,
То Пескова между насъ.

1776—1779 гг. находился въ Финляндіи, а затѣмъ, уже въ чинѣ подполковника, былъ въ Крыму, гдѣ, между прочимъ, занимался (1783) переводомъ „Запы“ Вольтера. Выйдя въ 1785 г. въ отставку полковникомъ, онъ поселился въ Москвѣ и въ Маѣ 1786 г. женился на княжнѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Хованской, а въ Сентябрѣ былъ назначенъ директоромъ Московскаго Главнаго Народнаго Училища. При воцареніи Павла I Нелединскій-Мелецкій былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ къ принятію прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя; во время коронаціи получилъ 800 душъ и сопровождалъ затѣмъ Императора въ его путешествіи по Россіи; въ 1798 г. произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и получилъ Аппу 1-й степени, по уже 22 Іюля былъ отставленъ и уѣхалъ въ Москву. За время службы при дворѣ пріобрѣлъ особенное расположіе императрицы Маріи Феодоровны, а также Е. И. Нелидовой. Въ Декабрѣ 1800 г. опала смѣнилась новой милостью: Нелединскому даны были чинъ тайного совѣтника и званіе сенатора. Въ 1801 г. онъ, вмѣстѣ съ Лопухинымъ, ревизовалъ Слободско-Украинскую губернію; въ 1802 г. былъ назначенъ членомъ совѣта вновь учрежденныхъ Московскихъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго; 4 Февраля 1813 г. былъ назначенъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Милости, довѣріе и даже дружба къ нему императрицы Маріи никогда не прекращались, и „bon vieux Nélédinsky“ всегда бывалъ у нея желаннымъ гостемъ. Въ 1814 г. онъ составилъ отъ имени Синода, Государственного Совѣта и Сената извѣстное прошеніе къ Александру I о принятіи титула „Благословенный“ и о разрѣшеніи воздвигнуть ему памятникъ, а затѣмъ завѣдывать устройствомъ праздника въ Павловскѣ для встрѣчи Государя. Удалившись, 22 Апрѣля 1826 г., отъ всѣхъ должностей, онъ перѣхалъ въ Калугу, къ зятю и дочери, Оболенскимъ, въ домѣ которыхъ и скончался 13 Февраля 1829 г.; погребенъ онъ въ Калужскомъ Лаврентьевомъ монастырѣ.

Какъ писатель, Нелединскій-Мелецкій пріобрѣлъ особенную извѣстность своими пѣснями, по выражению Батюшкова, „вдохновенными страстью“; изъ нихъ одна: „Выйду я па рѣченку, Погляжу на быструю“, не забыта и до сихъ поръ. Вообще пѣспи его (всего 17) высоко цѣнились современниками, отъ Карамзина до Жуковскаго и Пушкина; не будучи присяжнымъ литераторомъ, онъ считался „Анакреономъ и Шольѣ своего времени“, но писалъ очень мало. Человѣкъ съ природнымъ умомъ, образованный и начитанный, веселый, живой, незамѣтный и оструумный собесѣдникъ, онъ, кромѣ пѣсепъ, оставилъ нѣсколько одѣ, хоровѣ, басенъ, посланій, мадrigаловъ, переводиль изъ Лафонтена, Томаса, Шекспира, и самъ писалъ французскіе стихи. „Во многихъ отношеніяхъ“, говорить князь Вяземскій, „Нелединскій былъ патура совершенно своеобразная, патура крайностей и противоположностей, но не противорѣчій... Щедро одаренная патура его умѣла и могла вынести, могла даже согласовать, уравновѣшивать внутреннія противорѣчія, это междуусобие врожденныхъ свойствъ, склонностей, порывовъ, страстей“; такъ, будучи большими поклонникомъ женской красоты, повѣсой и волокитой, постоянно, даже на старости лѣтъ увлекалась кѣмъ-нибудь, онъ нѣжно любилъ свою жену и долго оплакивалъ ея потерю. У него былъ одинъ сынъ, Сергій (р. 1795 г., † 1871 г.), умерший холостымъ и передавшій фамилію племяннику своему, князю С. А. Оболенскому, и двѣ дочери: старшая Аграеена (р. 1789 г., † 1829 г., два дня спустя послѣ смерти отца; съ 1809 г. за княземъ А. И. Оболенскимъ) и фрейлина Софія, за Ф. В. Самаринъ („Русскіе Портреты“, III, № 163).

*) „Смазливыми тѣнями“ и „Лисами“ назывались женщины легкаго поведенія.

Кирпичу, бѣлизъ въ нихъ слои,
Стѣну сложать въ добрый часъ.

Вотъ Алешка-соловка
Къ намъ Колошина летить,
Маслить глазки очень ловко
И кудрями говоритъ.

Съ нею разныхъ птицъ подборы,
Гдѣ Загряжской бѣсъ косой,
Ей кукуеть иѣжны вздоры,
А Давыдовъ хоть не пой!

Вотъ Алябьевы буяны,
Модны куколки любви,
Вѣчно веселы и пьяны,
Безъ вина жъ хоть не живи.

И Шатиловыхъ здѣсь пара,
Точно голубь съ голубкомъ,
Вьются средь любви и жара
И воркуютъ обѣ одномъ.

За Барановой унылой
Тихо селезень плыветъ,
То Аргамаковъ нашъ милой
По гвардейски онъ пдетъ.

Вотъ три Масловыхъ старушки
Экономку-мать ведутъ,
Крѣпко стянуты у душки,
Взоры чутъ ея за кнутъ.

Но пора къ своей постели.
Мѣсяцъ всталъ среди воды,
Ахъ, до будущей недѣли
Адью, милые пруды!

Приложение.

Петръ Степановичъ Валуевъ, сынъ картографа и инженера генераль-майора Степана Мироновича, происходилъ изъ небогатаго и незнатнаго, хотя и древняго рода, и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ женитьбѣ на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (р. 1757 г., † 1836 г.), имѣвшей хорошее родство, а также и своимъ личнымъ свойствамъ. Почти вся его служба прошла въ придворномъ вѣдомствѣ. Въ 1772 г. онъ былъ пожалованъ въ камер-юнкера, въ 1779 г. въ камергеры, въ 1791 г. произведенъ въ тайные совѣтники и вскорѣ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Павелъ I пожаловалъ Валуеву въ 1796 г. тысячу душъ крестьянъ и званіе сенатора, а въ 1798 г. чинъ дѣйствительного тайного совѣтника; но въ 1800 г. Валуевъ подвергся немилости, уволенъ отъ службы и удаленъ изъ Петербурга. По вступленіи на престолъ Александра I, онъ былъ поставленъ во главѣ дворцоваго управлениія въ Москвѣ, какъ главноначальствующій Кремлевской Экспе-

дици. Его дѣятельность въ Москвѣ оставила замѣтные слѣды: при немъ выстроено новое зданіе для Оружейной Палаты (на Сенатской площади), передѣланы Потѣшный и Слободской дворцы, и ему же обязаны своимъ благоустройствомъ грязные, запущенные Прѣсненскіе пруды, сдѣлавшіеся послѣ этого моднымъ мѣстомъ гуляній аристократической Москвы. Валуевъ кое-что сдѣлалъ для сохраненія памятниковъ старины своими заботами объ Оружейной Палатѣ и изданіемъ цѣнныхъ археологическихъ сочиненій о Палатѣ и о селѣ Коломенскомъ, но еще болѣе онъ принесъ непоправимаго вреда: горячій не по разуму блюститель виѣшняго порядка, чистоты и опрятности онъ уничтожилъ въ Кремль много древнихъ зданій, „помрачавшихъ своимъ неблагообразнымъ видомъ прочія великолѣпнѣйшия зданія“, въ томъ числѣ разрушены Срѣтенскій соборъ, дворецъ Бориса Годунова, Гербовая башня, церковь св. Уара и т. п.; многое исчезло не потому, что было ветхо, а потому, что не отвѣчало взглядамъ и вкусамъ Валуева.

Дошедши до насть отзывы современниковъ о Валуевѣ изображаютъ его человѣкомъ угодливымъ и низкопоклоннымъ передъ вышними и высокомѣрнымъ съ тѣми, отъ кого онъ не зависѣлъ. Вигель говоритъ, что Валуевъ всѣхъ перещеголялъ въ искусствѣ ловко нагибаться передъ любимцами Екатерины II и презрительно смотрѣть на толпу, отъ которой началъ отдѣляться. Растопчинъ называетъ его самымъ низкопоклонствующимъ изъ всѣхъ льстецовъ, занимавшимся шпионствомъ, съ покорностью переносившимъ униженіе отъ власти имущихъ и становившимся ихъ врагомъ послѣ ихъ паденія. Графъ Головкинъ пишетъ о немъ: „Voyant le grand-maître des cérémonies Valouev, personnage très ridicule et qui ne s'était avancé à la cour que par des enterrements et des obsèques, l'Impératrice dit à Monseigneur (Paul I^e): Qui de nous, pensez vous, doit mourir pour lui faire avoir le cordon bleu?“ Новые архивные документы обрисовываютъ еще одну черту характера Валуева: его исключительную страсть къссорамъ и передрягамъ. Будучи оберъ-церемоніймейстеромъ, онъ постоянноссорился съ начальниками Колледжіи Иностранныхъ Дѣлъ, а въ Москвѣ имѣлъ столкновенія съ генераль-губернаторами, въ особенности съ Ростопчинымъ. Постоянныя ссоры съ лицами высокопоставленными какъ будто идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ представлениемъ о Валуевѣ, какое о немъ составляется на основаніи отзывовъ современниковъ; но, очевидно, Валуевъ зналъ, съ кѣмъ можноссориться безъ вреда для себя. Скончался онъ 4 Іюня 1814. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 8 Іюня напутствовалъ Валуева въ такихъ выраженіяхъ: „Aujoing-d'hui on enterra le vieux Valoueff, qui a hâté sa mort par un usage immoderé des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de récompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait.“

Валуевъ имѣлъ 4 сыновей и 5 дочерей: 1) Петра († 1812 г.), 2) Александра (отецъ графа П. А. Валуева), 3) Павла, 4) Степана († 1844 г.), 5) Екатерину (камеръ-фрейлина, 1774—1848), 6) Анну, 7) Софию, 8) Анастасію
9) Прасковью (Аксакову).

- 4678.** Графъ А. К. Толстой о постановкѣ трагедіи „Смерть Иоанна Грознаго“. **1879.** II, (7), 327—330. Его письма къ Ростиславу.
- 4679.** По поводу постановки трагедіи „Смерть Иоанна Грознаго“. В. Д. Давыдова. **1879.** II, (7), 331—332.
- 4680.** Письмо гр. Д. А. Толстого къ Д. Н. Толстому. Сообщено И. С. Листовскимъ. **1905.** I, (4), 687—689.
- 4681.** Гр. Л. Н. Толстой. Предисловіе къ рассказамъ Мопасана. Замѣтка Д. А. Хомякова. **1898.** III, (11), 441—444.
- 4682.** Изъ письма къ издателю. Княжны В. Н. Репнина. **1889.** III, (12), 575—576. О разсказѣ гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“.
- 4683.** Отзывъ бар. Э. Ф. Раденъ объ ученіи гр. Л. Н. Толстого. Сооб. К. Ц. Побѣдоносцевымъ. **1905.** I, (4), 681—682.
- 4684.** Портретъ (кн. П. А. Вяземского). Стихи Я. Н. Толстого. **1896** III, (9), 140—145.
- 4685.** А. Ф. Томашевскій. Некрологъ П. И. Бартенева. **1884.** I, (1), 345—346.
- 4686.** Письмо М. И. Топильского къ А. М. Кубареву. **1900.** I, (2), 317.
- 4687.** Письма М. И. Топильского къ А. М. Кубареву. Съ примѣч. И. В. Помяловскаго и Н. П. Барсукова. Съ замѣткою о М. И. Топильскомъ. **1889.** I, (1), 161—172.
- 4688.** А. Н. Труворовъ Ю. Б. **1893.** II, (7), 431.
- 4689.** Изъ воспоминаній Н. В. Путяты (о Василѣ и Федорѣ Туманскихъ). **1863.** 350.
- 4690.** Изъ Парижскихъ писемъ А. И. Тургенева. **1896.** I, (2), 190—205.
- 4691.** Письма къ А. И. Тургеневу. **1866.** (4), 647—657. А. Ф. Мерзлякова, Н. И. Новикова, Жуковскаго, Воейкова, К. Н. Батюшкова, Н. П. Румянцева, Пушкина, Карамзина.
- 4692.** Письмо А. И. Тургенева къ кн. А. Н. Голицыну. **1892.** I, (1), 93—95.
- 4693.** Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву. Сообщ. Ф. М. Дмитріевымъ. **1867.** (4), 639—670. (Поправка. (5—6), 992).
- 4694.** Два письма А. И. Тургенева къ Пушкину **1903.** III, (12), 661. Здѣсь стихи Н. Иванчина-Исацарева.
- 4695.** Изъ писемъ А. И. Тургенева къ брату его Николаю. **1895.** III, (9), 33—76, (10), 194—208.
- 4696.** А. М. Тургеневъ. Изъ одного дневника. **1904.** III, (12), 623—624.
- 4697.** Тургеневъ и Достоевскій. Письма Достоевскаго и И. С. Тургенева къ издателю „Русскаго Архива“. **1902.** III, (9), 144—149. (Поправка. **1903.** I, (4), 615).
- 4698.** Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга. Два письма гр. А. Ф. Орлова къ П. А. Ширинскому-Шихматову. Сообщ. гр. Д. А. Толстымъ. **1895.** I, (2), 276.
- 4699.** Письмо И. С. Тургенева къ Ш. В. Шумахеру. **1900.** III, (10), 320.
- 4700.** О письмахъ И. С. Тургенева. В. Я. Б(рюсова). **1902.** I, (2), 367—368.
- 4701.** Новое изданіе сочиненій И. С. Тургенева. П. Библіографа (П. П. Васильева). **1871.** (2), 380—383.
- 4702.** О переводѣ произведеній И. С. Тургенева на иностранные языки. **1868.** (2), 324—325.
- 4703.** Н. И. Тургеневъ. Д. Н. Свербеева. **1871.** (11), 1962—1984.
- 4704.** Н. И. Тургеневъ и гр. Г. Разумовская. Письма гр. Г. Разумовской къ А. И. Тургеневу. **1895.** II, (8), 484—519.
- 4705.** Письмо Н. И. Тургенева къ императору Николаю Павловичу. **1895.** III, (9), 30—32.
- 4706.** Изъ писемъ Н. И. Тургенева къ его братьямъ. **1895.** II, (8), 465—483.
- 4707.** Письмо Н. И. Тургенева къ бра-

- ту его и къ Жуковскому. **1895.** III, (11), 339—345.
- 4708.** Письмо Н. И. Тургенева къ Н. Я. Чаадаеву. **1872.** (6), 1205—1207.
- 4709.** Е. Ф. Тютчева. **1882.** I, (2), 560.
- 4710.** Ф. И. Тютчевъ. И. С. Аксакова съ гравиров. портретомъ. **1874.** II, (10).
- 4711.** Ф. И. Тютчевъ. Лѣтопись его жизни. (В. Я. Брюсова) **1903.** III, (11), 481—498. (12), 641—652. **1906.** III, (10), 310—320.
- 4712.** Тютчевъ и кн. Вяземский. В. Я. Брюсова. **1903.** II, (6), 289.
- 4713.** Тютчевъ и Гейне. П. Ч-ва. **1875.** I, (1), 128.
- 4714.** Памяти Ф. И. Тютчева. (стихи). С. Иваненко. **1904.** I, (3), 512.
- 4715.** Изъ писемъ Ф. И. Тютчева. **1899.** I, (2), 269—280. (3), 505—520. (4), 648—658. II, (5), 92—105. (6), 271—286. (8), 584—606. III, (9), 150—169. (11), 422—436 (Поправка. (12), 633).
- 4716.** Изъ писемъ Ф. И. Тютчева. **1898.** III, (12), 556—568.
- 4717.** Письма Ф. И. Тютчева къ Н. Я. Чаадаеву. Съ предисл. В. Я. Б(рюсова). **1900.** III, (11), 410—421.
- 4718.** О собраніи сочиненій Ф. И. Тютчева. В. Я. Брюсова. **1898.** III, (10), 249—260.
- 4719.** Стихотворенія Ф. И. Тютчева. Съ предисл. И. С. Аксакова. **1879.** II, (5), 118—138.
- 4720.** На Новый 1855 годъ. (Стихи). Ф. И. Тютчева. **1867.** (12), 1638—1639.
- 4721.** Изъ письма А. А. Половцова по поводу кончины Ф. И. Тютчева. **1874.** I, (5), 1374—1376.
- 4722.** Неизданные стихи Ф. И. Тютчева. („Играй, покуда надъ тобой еще безоблачна лазурь“). Сообщено П. Д. Голохвастовымъ. **1874.** II, (7), 222—223.
- 4723.** Неизданные стихи Ф. И. Тютчева („Какъ ни бѣсилося злорѣбье...“). **1874.** II, (12), 1124.
- 4724.** Неизданное стихотворение Ф. И. Тютчева: „Васъ развратило са-мовласть...“ **1881.** II, (4), 340.
- 4725.** Стихотворение Ф. И. Тютчева. А. Н. Муравьеву. Сообщ. В. С. Муравьевымъ. **1882.** III, (6), 214.
- 4726.** Неизданное стихотворение Ф. И. Тютчева. Изъ Манzonи. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. **1885.** II, (6), 320—321.
- 4727.** Ф. И. Тютчевъ „Москвичамъ“. („Куда себя морочите вы грубо...“) и „Отвѣтъ Москвичей“ (стихи кн. Н. Н. Мещерскаго). **1885.** III, (10), 298.
- 4728.** Три новыхъ стихотворенія Ф. И. Тютчева. **1892.** (4), 536—537.
- 4729.** Острое слово Ф. И. Тютчева. **1888.** I, (4), 643.
- 4730.** Царство и Римскій вопросъ съ Русской точки зрѣнія. Сочиненіе Ф. И. Тютчева, въ переводѣ В. Н. Лясковскаго. **1886.** II, (5), 33—51.
- 4731.** О (клеветливой) замѣткѣ издателя „Гражданина“. „Собраніе стихотвореній Ф. И. Тютчева“, II. И. Бартенева. **1886.** I, (4), 535.
- 4732.** Для біографіи гр. С. С. Уварова. **1871.** (12), 2078—2103. Переписка его съ М. П. Погодинымъ.
- 4733.** Біографическое извѣстіе о гр. С. С. Уваровѣ. **1871.** (12), 2103—2108.
- 4734.** Письмо къ Н. Н. о кончинѣ гр. С. С. Уварова. М. П. Погодина. **1871.** (12), 2107—2112.
- 4735.** Письмо гр. С. С. Уварова къ барону Штейну. **1871.** (2), 0129—0134.
- 4736.** Къ исторіи классицизма въ Россіи. Мнѣніе гр. С. С. Уварова. **1899.** III, (11), 465—468.
- 4737.** С. С. Уваровъ и адм. Шишковъ. Бібліографическая замѣтка Н. П. Барсукова. **1882.** III, (6), 226—228.
- 4738.** Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ. А. Гацискаго. **1886.** I, (1), 55—68.
- 4739.** Раскольники. Историко-бытовая драма А. Д. Улыбышева. **1886.** I, (1), 5.

- 4740.** Къ біографії В. М. Ундолъского. Записка его матери. **1886.** II, (7), 439.
- 4741.** Письма В. М. Ундолъского къ А. Н. Попову. **1886.** II, (6), 281—304.
- 4742.** Письмо кн. С. С. Урусова къ И. В. Кирѣевскому. **1903.** III, (11), 480.
- 4743.** Памяти А. А. Фета. Ю. Б(артина)нева.) **1893.** I, (2), 182.
- 4744.** Происхожденіе А. А. Фета. Н. Черногубова. **1900.** II, (8), 523—536.
- 4745.** О происхожденіи А. А. Фета. В. Н. Семенковича. **1901.** I, (1), 165—173.
- 4746.** Замѣтка о переводѣ рѣчей митроп. Филарета на Французскій языкъ г. Серпинѣ. **1868.** I, (2), 322.
- 4747.** Шутка про Т. И. Филиппова. **1901.** II, (8), 590.
- 4748.** Нѣсколько словъ старого солдата о сѣрой шинели. Статья Г. Й. Филипсона. **1884.** II, (3), 128—130.
- 4749.** Василій Флеровъ и его сочиненіе „Стрѣла“. Д. Скворцова. **1896.** I, (1), 61—76.
- 4750.** Фонвизинъ. Изъ неизданныхъ Записокъ Клостермана. Сообщено Д. А. Толстымъ. **1881.** III, (6), 291—299.
- 4751.** „Альзира“ Вольтера въ переводаѣ Фонѣ-Визина. Съ предисл. А. И. Станкевича. **1887.** III, (10), 304—312.
- 4752.** Письмо Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣзову. Сообщ. И. К. Щебальскимъ. **1865.** (8), 984—987.
- 4753.** Библіографическая замѣтка. И. И. Ханенка. **1869.** (12), 2026—2029. Стихотворенія А. В. Коллькова: 1) „Военная пѣснь“, 2) „Послѣдняя борьба“ и Е. Баратынского: „Моя звѣзда“.
- 4754.** Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. М. Н. Лонгинова. **1873.** II, (8), 1453—1479.
- 4755.** Разсказы о Херасковѣ. Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева. **1879.** III, (9), 28—30.
- 4756.** Письмо М. М. Хераскова къ Екатеринѣ Великой. Съ предисл. Г. Н. Александрова. **1879.** III, (9), 27—28.
- 4757.** М. Д. Хмыровъ. (Некрологъ) П. Ефремова. **1873.** I, (1), СХХVIII—СХХVII.
- 4758.** Анна Григорьевна Хомутова. Екатерины Розе. **1867.** (7), 1049—1052.
- 4759.** А. С. Хомяковъ. В. Н. Лясковскаго. **1896.** III, (11), 337—510, съ автографомъ Хомякова.
- 4760.** А. С. Хомяковъ. И. И. Бартенева. **1904.** I, (3), 519—520.
- 4761.** Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ. А. В. Рачинскаго. **1876.** II, (5), 101—104.
- 4762.** Мои воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ. А. И. Кошелева. Съ портретомъ. **1879.** III, (11), 265—300. Въ прилож. письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву.
- 4763.** О кончинѣ А. С. Хомякова. Письмо сосѣда-помѣщика (Л. М. Муромцева). **1879.** III, (11), 363—364.
- 4764.** Замѣтка объ А. С. Хомяковѣ. Н. П. Барсукова. **1884.** III, (9), 158—159. Здѣсь и письмо гр. С. С. Уварова къ импер. Николаю.
- 4765.** Къ біографії А. С. Хомякова. **1893.** II, (5), 105—128. Статья А. С. Хомякова о зодчествѣ.—Письмо къ А. С. Хомякову въ Парижъ отъ отца его о событии 14 Декабря 1825 г.
- 4766.** Къ столѣтію со дня рожденія Хомякова. Д. **1904.** II, (5), 163—167.
- 4767.** Коларь и Хомяковъ. Читателя. **1897.** I, (2), 310—317.
- 4768.** Поправка (объ имущественныхъ дѣлахъ Хомякова). Д. А. Хомякова. **1904.** III, (11), 464.
- 4769.** По поводу отзывовъ о Хомяковѣ С. М. Соловьевѣ и г. Боборыкина. Ю. П. Бартенева. **1896.** II, (5), 158.
- 4770.** На кончину А. С. Хомякова. **1891.** II, (6), 292.
- 4771.** Объясненіе приложенного рисунка: А. С. Хомяковъ и его пріятели. **1884.** II, (4) 335—336.

- 4772.** Письма къ А. С. Хомякову. **1884.** III, (5), 221—229. Брата его Феодора, Ф. Ф. Вигеля, В. А. Жуковского.
- 4773.** Письма Хомякова. (Съ подлинниковъ, изъ музея П. И. Щукина). **1899.** II, (7). 464—470. Къ брату его Федору, къ А. А. и Н. А. Мухановымъ.
- 4774.** Письма А. С. Хомякова. **1884.** III, (5), 202—220. Къ Н. М. Языкову, съ припискою Д. А. Валуева, къ неизвѣстному лицу, къ графинѣ А. Д. Блудовой, къ К. С. Аксакову, къ С. М. Сухотину.
- 4775.** Къ письмамъ Хомякова. Гр. А. Д. Блудовой. **1879.** I, (3), 383—384.
- 4776.** Письма Хомякова къ С. Т. Аксакову. **1891.** III, (12), 576—577. **1879.** III, (11), 361. Объ условіяхъ съ крестьянами.
- 4777.** Хомяковъ къ И. С. Аксакову. **1893.** III, (10), 197—208.
- 4778.** Письма Хомякова къ гр. А. Д. Блудовой. **1879.** I, (3), 372—382.
- 4779.** Письмо Хомякова къ Д. А. Валуеву. **1903.** II, (6), 287—288.
- 4780.** Письма Хомякова къ В. В. Ганкѣ. **1896.** II, (5), 127—128.
- 4781.** Письма Хомякова къ А. О. Гильфердингу. **1878.** II, (7), 366—388.
- 4782.** Письмо Хомякова къ А. И. Кошелеву (о доперовскомъ бытѣ и о Москвѣ). **1899.** II, (6), 242—244.
- 4783.** Письмо Хомякова къ Л. М. Муромцову. **1897.** I, (2), 318.
- 4784.** Изъ писемъ Хомякова къ М. С. Мухановой (1855—1857). **1879.** III, (11), 354—357.
- 4785.** Записочка Хомякова (къ С. Д. Нечаеву, въ стих.). **1892.** III, (12), 478.
- 4786.** Два письма Хомякова къ А. С. Норову. Сообщ. кн. Н. В. Шаховскимъ. **1894.** I, (2), 223—224.
- 4787.** Два письма Хомякова къ Пальмеру. **1892.** I, (3), 379—390.
- 4788.** Изъ писемъ Хомякова къ А. Н. Попову. **1884.** II, (4), 280—334.
- 4789.** Письмо Хомякова къ Лондонскому священнику Е. И. Попову. **1879.** III, (11), 358—360.
- 4790.** Письма Хомякова къ Ю. Ф. Сарину. Съ предисл. И. С. Аксакова. **1879.** III, (11), 301—353.
- 4791.** Письма Хомякова къ гр. А. П. Толстому и къ С. Т. Аксакову. **1879.** I, (2), 246—250.
- 4792.** Письмо Хомякова къ Е. С. Шеншиной. **1879.** III, (11), 362.
- 4793.** Неизданный стихотворенія Хомякова. **1863.** III, 222—223.
- 4794.** Неизданные стихи Хомякова. (Разговоръ съ С. С. Уваровымъ). **1863.** Вып. IV, 303—304.
- 4795.** Неизданное пятистишие Хомякова. **1866.** (5), 777—771.
- 4796.** „Ермакъ“. Трагедія Хомякова, выпущенные цензурою стихи. **1897.** I, (2), 308—309.
- 4797.** Изъ неизданной трагедіи Хомякова. Сцена въ Рязани (изъ Смутного времени). **1899.** I, (1), 185—191.
- 4798.** Замѣтка къ стихотворенію Хомякова „Звѣзды“. **1899.** II, (8), 581—583.
- 4799.** Еще замѣтка о стихотвореніи Хомякова „Звѣзды“. Ю. П. Бартенева.) **1899.** III, (11), 452—453.
- 4800.** Стихотворенія Хомякова съ его портретомъ, прилож. къ 4-му вып. 1900 г.
- 4801.** Н. Н. Гиляровъ о „Семирамидѣ“ Хомякова. **1901.** I, (1), 174—176.
- 4802.** Ф. Ф. Вигель по поводу стиховъ Хомякова „Россія“. **1905.** I, (3), 522—523.
- 4803.** Замѣтка А. С. Хомякова объ Англіи и объ Англійскомъ воспитанініи. **1881.** II, (3), 38—40.
- 4804.** Димитрій Самозванецъ. Трагедія Хомякова. **1886.** II, особое прилож. къ 8-му вып.
- 4805.** Опытъ улучшения зимнихъ дорогъ укатываніемъ. А. С. Хомяковъ. **1891.** I, (3), 430—431.
- 4806.** Неизданная статья (о церковномъ управлѣніи). Съ предисл.*** **1899.** I, (3), 522—528.
- 4807.** Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ, Д. Н. Свербеева. **1868.** (6), 976—1001.

- 4808.** Эпизодъ изъ жизни И. Я. Чадаева. М. Н. Лонгина. **1868.** (7—8), 1318—1328.
- 4809.** Письмо гр. Бенкендорфа къ кн. Д. В. Голицыну о Чадаевѣ. **1885.** I, (1), 132—133.
- 4810.** Слово у гроба Чадаева сказ. духовникомъ его (Н. А. Сергиевскімъ). **1868.** (6), 1002.
- 4811.** Острое слово К. В. Чевкина. **1891.** I, (1), 160.
- 4812.** Алексѣй Ивановичъ Черепнинъ. В. С. Малченко. **1906.** I, (1), 166—171.
- 4813.** Н. Г. Чернышевскій. По воспоминаніямъ земляка. И. У. Палимпестова. **1890.** I, (4), 553—568.
- 4814.** Библіографія сочиненій А. П. Чехова. И. Ф. Масанова. **1906.** II, (6), 281—306.
- 4815.** Ф. В. Чижовъ. (Изъ рѣчи И. С. Аксакова). **1878.** I, (1), 129—137.
- 4816.** Духовное завѣщаніе Ф. В. Чижова. **1893.** 319—321.
- 4817.** Письмо Ф. В. Чижова къ В. А. Жуковскому. **1899.** I, (4), 628—631.
- 4818.** Ф. В. Чижовъ художнику А. А. Иванову. **1884.** I, (2), 391—422.
- 4819.** Письма Ф. В. Чижова къ одному сановнику (о цензурѣ). Сообщ. А. Ф. Т. **1883.** II, (3), 207—208.
- 4820.** Изъ записокъ А. А. Чумикова. **1902.** III, (10), 187—213.
- 4821.** Къ жизнеописанію князя А. А. Шаховскаго. Алексѣй Ярцова. **1896.** I, (3), 351—360.
- 4822.** Кн. А. А. Шаховской. А. А. Сиротинина. **1896.** I, (4), 497—510.
- 4823.** Письма кн. А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову. **1873.** I, (4), 0470—0479.
- 4824.** Письмо кн. А. А. Шаховскаго (къ гр. А. Х. Бенкендорфу о С. Т. Аксаковѣ). **1094.** I, (3), 515—516.
- 4825.** Русская думка. Стихи кн. А. А. Шаховскаго. Сообщ. А. Н. Щербининъ. **1896.** I, (4), 510—511.
- 4826.** Нѣсколько словъ о Н. И. Шенигѣ. **1880.** III, 326.
- 4827.** Воспоминанія о С. И. Шевыревѣ. М. П. Погодина. **1865.** (3), 381—390.
- 4828.** О библіотекѣ С. И. Шевырева. **1872.** (2), 445—446.
- 4829.** Изъ бумагъ С. И. Шевырева. **1878.** II, (5), 47—87. Письма къ нему бар. Розена, С. Т. Аксакова, кн. В. Ф. Одоевскаго (здѣсь стихи С. А. Соболевскаго на кн. Одоевскаго), М. И. Глинки, А. А. Иванова, А. С. Хомякова, О. М. Бодянскаго, В. И. Даля. Стихи С. И. Шевырева предъ увольненіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Путевыя впечатлѣнія С. И. Шевырева отъ Москвы до Флоренціи.
- 4830.** Изъ письма С. И. Шевырева къ А. И. Елагиной (о свиданіи съ Гете). **1879.** I, (1), 138—139.
- 4831.** Письмо С. И. Шевырева къ М. А. Максимовичу. **1872.** (6), 1208—1210.
- 4832.** Къ биографіи Шевченка. Письмо княжны В. Н. Репниной. **1887.** II, (6), 258.
- 4833.** Къ биографіи Т. Г. Шевченки. П. Л. Юдина. **1898.** I, (3), 463—476.
- 4834.** Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. Сообщ. Н. М. Тереховымъ. **1899.** I, (4), 643—647.
- 4835.** Т. Г. Шевченко. Письмо К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому. Сообщ. Н. М. Тереховымъ. **1898.** III, (12), 550—555.
- 4836.** Первая и послѣдняя моя встреча съ Д. С. Шишковымъ. Изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. **1871.** (1), 162—182.
- 4837.** Анекдотъ о А. С. Шишковѣ. **1863.** 217.
- 4838.** М. Ф. Шугуровъ. (Біографическій очеркъ). **1902.** II, (6), 268—270.
- 4839.** Изъ старыхъ стихотвореній. П. В. Шумахера. **1896.** II, (5), 156—157.
- 4840.** Намяты О. А. Шумигорской. (Е. С. Шумигорскій). **1892.** I, (3), 340.
- 4841.** А. Н. Муравьевъ о Щаповѣ. **1882.** III, (6), 210—213.

- 4842.** П. К. Щебальскій. Некрологъ.
Н. Н. Новикова. **1886.** II, (5),
119—128. Здѣсь письмо каноника
Домагальскаго къ вдовѣ Ще-
бальскаго.
- 4843.** Профессоръ П. С. Щепкинъ и
В. Г. Бѣлинскій. Д. М. Щепкинъ.
1900. I, (4), 652—654.
- 4844.** Павель Степановичъ Щепкинъ.
Выдержка изъ его писемъ. Съ
предисл. Д. М. Щепкина. **1899.**
II, (6), 297—309.
- 4845.** Изъ неизданныхъ стихотвореній
Н. Ф. Щербины. Извлечено Н. О.
Лернеромъ. **1906.** II, (5), 127—
128.
- 4846.** Н. Ф. Щербинѣ. (Стихи) Ф. И.
Тютчева. **1899.** III, (11), 436.
- 4847.** Профессоръ Эверсъ по Запискамъ
Н. В. Баталіна. Съ предисл. Д.
Д. Рябинина. **1878.** I, (4), 404—
411.
- 4848.** Графиня Р. С. Эдлингъ. Некро-
логъ. А. Г. Тройницкаго. **1887.**
III, (12), 532—534.
- 4849.** Воспоминанія о Е. А. Энгель-
гардѣ. **1872.** (7—8), 1462—
1491.
- 4850.** Педагогическія замѣтки Е. А.
Энгельгардта. **1872.** (7—8); 1595
—1600.
- 4851.** Николай Михайловичъ Языковъ.
1896. III, (12), 637—638. Изъ
письма С. И. Шевырева къ Н. В.
Гоголь. Гоголь о Языковѣ.
- 4852.** Н. М. Языковъ. (Новые стихи
его и письма). М. И. Семевскаго.
1867. (5—6), 711—748.
- 4853.** Два стихотворенія Н. М. Язы-
кова. Съ предисл. В. М. Кня-
жевича. **1871.** (7—8), 1303—
1306.
- 4854.** Къ не нашимъ. Стихотвореніе
Н. М. Языкова. **1879.** I, (3), 399—
400.
- 4855.** Памяти Николая Федоровича Фе-
дорова. Ю. П. Бартеневъ. **1904.**
I, (1), 191—192.
- 4856.** Николай Федоровичъ Федоровъ.
В. А. Кожевникова. **1904.** I, (2),
315—325. (3), 390—401. (4);
545—554. II, (5), 5—26. III, (9),
106—124. (10), 225—261. **1905.**
- I, (1), 180—200. (2), 333—365.
II, (7), 417—470. **1906.** I, (1),
63—102. (2), 260—301.
- 4857.** По поводу отзыва Ф. М. Достоев-
скаго о Н. Ф. Федоровѣ. Н. П.
Петersona. **1904.** II, (6), 300—
301.
- 4858.** Изъ сборника Д. И. Языкова.
Эпиграмма на „Аглаю“, кн. Ша-
ликова. Гартманъ. Ода на вос-
шествіе на престолъ Александра I,
Г. Д. Державина. **1863.** II, 111—
112.
- 4859.** Сказка о Шибаршѣ. И. В. Бѣля-
ева. **1863.** 444—452.
- 4860.** Старинныя стихотворенія. По-
сланіе къ Аркадію Ивановичу
Толбугину. И. И. Дмитріева,
Эпиграмма А. С. Хвостова. Какъ
Карабановъ взялъ „Альзиру“,
1863. (22), 894—837.
- 4861.** Поправка(къ стих. „Блаженство“),
съ замѣткою М. А. Дмитріева.
1863. 12, 953.
- 4862.** Повѣсть о царѣ Аггѣѣ, съ преди-
словіемъ М. Ф. Шугурова. **1865.**
(9), 1114—1119.
- 4863.** Старинное острословіе. **1869.** (9),
1568.
- 4864.** Обрачики стариннаго острословія.
Сообщено П. А. Ефремовымъ.
1872. (10), 2031—2036. На (С.
Г.) Домашнева.—Челобитная отъ
ера.
- 4865.** Старина Царскосельскаго Лицея.
Я. К. Грота, **1875.** I, (4), 479—
493. **1876.** I, (4), 481—487. Мали-
новскій и Вальховскій.—Матюш-
кинъ.—Бар. М. А. Корфъ.—И.
Де-Будри.
- 4866.** Старинное острословіе. Прошеніе
въ Небесную Канцелярію. **1875.**
III, (10), 255.
- 4867.** Слово отъ притчи о вадящихъ
князю на други. Сообщено архим.
Леонидомъ. **1877.** III, (11). 332.
- 4868.** Изъ стихотвореній быаго вре-
мени. **1882.** III, (6), 252—254.
„За деньги лгать и кляться ра-
да...“—„Братайтесь! къ взаимной
оборонѣ...“.—Подражаніе Фету.
„Руси дѣтское незнанье...“—„Гу-

- манный внукъ воинственного дѣда...“.
- 4869.** Изъ забытыхъ стихотвореній. **1884.** I, (1), 237—243. Братья—мошенники.—Къ графу З. Н. Ф. Павлова.—Русская пѣсня („Чѣмъ я Западъ огорчила?...“).—Въ патріотическомъ задорѣ...“—На б. А. К. М.—На И. И. Д(имитрева).—Издателю „Вѣсти“ Ф. И. Тютчева. Поправка и дополненіе (2), 474 и III, (6), 448. Дополненіе внимательного читателя. III, (6), 447.
- 4870.** Изъ шуточныхъ стихотвореній недавней старины. **1884.** II, (4), 478—480. Церемоніаль погребенія Кузьмина.—Соболевскій про Гулака-Артемовскаго.
- 4871.** Разныя разности (о Филаретѣ Московскому.—Россетѣ и Симашко.—Стихотвореніе А. Ш. Елагиной: „Сорока и Василекъ“.—Стихи археолога А. Ф. Вельтмана—Малороссійская пѣсня полатыни О. М. Бодянскаго.—Н. М. Пановскій). **1885.** I, (1), 139—141.
- 4872.** Изъ стихотворнаго сборника старого времени. **1886.** III, (9), 125—127. Посланіе М. А. Максимовича къ М. П. Погодину. Посланіе Н. М. Языкова къ А. С. Хомякову. Одно изъ послѣднихъ стихотвореній А. С. Пушкина („Пора, мой другъ, пора!...“).
- 4873.** Поправки и мелочи. (Евграфъ Алексѣевичъ Вердеревскій.—Отзывъ А. С. Пушкина.—Остролюбія Ф. И. Тютчева и Н. Ф. Павлова). **1886.** III, (11), 432.
- 4874.** Сказка о живыхъ мертвцахъ. **1886.** III, (12), 519—520.
- 4875.** Изъ рукописнаго стихотворнаго сборника. **1890.** I, (2), 325—328. К. С. Аксаковъ: „Я не знаю, найду ли иль нѣть...“ Е. А. Баратынскій. „Братайтесь! Къ взаимной оборонѣ...“—Кн. П. А. Вяземскій: „Бывало, я бывалъ непрочь отъ всякой драки...“—Гр. Н. Х. Граббе: „И славы громъ...“—И. Нагибинъ. Сфинксы надъ рѣкой и Неизвѣстнаго про И. С. Тургенева.
- 4876.** Изъ старинныхъ шуточныхъ стихотвореній. **1890.** III, (12), 563—566. Д. Н. Свербеева. „Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Аксаковъ...“ Военная пѣсня. Посвящается М. А. Дмитреву. („Если мы арбузы...“)—А. С. Хомякову („Поэты, механикъ и ѿзологъ...“) К. С. Аксакову. („За мною очередь вспѣть тебя теперь...“).
- 4877.** Старинное стихотвореніе. („Какъ распложаются журнальныя побранки...“). **1892.** I, (2), 272.
- 4878.** Казачья пѣсня. Съ послѣдов. А. А. Карасева. **1895.** II, (6), 240.
- 4879.** Изъ старыхъ стихотвореній. Шуточное посланіе Ф. М. Дмитріева къ акцизному чиновнику. **1895.** II, (6), 250—251.
- 4880.** Патріотическое стихотвореніе: „Геройскій подвигъ“. Сообщ. А. И. Станкевичъ. **1897.** I, (1), 177—178.
- 4881.** Изъ старого стихотворнаго сборника. 1. „Онъ“ (К. С. Аксаковъ).—2. „Садовникъ“. (Басня). **1898.** III, (9), 144—147.
- 4882.** Цапли. (Шуточное стихотвореніе). Сообщ. В. Я. Брюсовымъ. **1900.** II, (5), 105.
- 4883.** Изъ старого стихотворнаго сборника. (Письмо учителя ариѳметики.—На Ф. В. Булгарина.—Предъ открытиемъ Дворянскаго банка). **1901.** III, (11), 430—432.
- 4884.** О стихотвореніи „Къ акцизному чиновнику“ В. Н. Насакина. **1902.** I, 189.
- 4885.** Разговоръ уѣздныхъ дворянъ о выборѣ судьи. **1902.** II, (7), 489—491.
- 4886.** Воронцовская библіотека. **1896.** II, (8), 599.

Х У Д О Ж Н И К И.

- 4887.** Къ исторії Русской гравюры. И. П. Бекетовъ. А. П. Новицкаго. **1893.** II, (6), 300—303.
- 4888.** Гёте о Русскихъ иконахъ. Сообщ. Г. Бахманъ. **1901.** III, (10), 125—252. Объ Сузdalской иконописи.
- 4889.** Новыя свѣдѣнія о В. И. Баженовѣ. (Сообщ. В. Н. Рогожинъмъ). **1899.** I, (4), 529—544.
- 4890.** Намяти А. И. Боголюбова. А. И. Новицкаго. **1897.** (3), 373—395.
- 4891.** В. Л. Боровиковскій. В. Горленка. **1891.** II, (6), 257—291.
- 4892.** Къ біографіи В.Л.Боровиковскаго. (Х. Завѣщаніе его). Сообщ. С. И. Дягилевымъ. **1902.** II, (6), 61—64.
- 4893.** О картинѣ Брюлова: „Послѣдній день Помпеи“. Изъ письма Ф. В. Чижова къ А. А. Иванову. **1885.** III, (10), 296—297.
- 4894.** Международная благодарность. (Мысли по поводу картинъ Верещагина и картины г. Матвѣева). В. А. Кожевникова. **1896.** I, (2), 257—265.
- 4895.** Оперы А. Н. Верстовскаго. В. И. Родиславскаго. **1878.** II, (7), 389—390.
- 4896.** Воспоминаніе о М. И. Глинкѣ. В. Н. Кашперова. **1869.** (7—8), 1137—1144.
- 4897.** Письма М. И. Глинки къ В. Н. Кашперову (1856). **1869.** (7—8), 1143—1146.
- 4898.** Письма М. И. Глинки къ К. А. Булгакову, съ нотами и съ примѣч. М. Н. Лонгинова и кн. В. Ф. Одоевскаго. **1869.** (2), 341—380.
- 4899.** Письма М. И. Глинки къ П. П. Дубровскому. **1890.** II, (7), 318—320.
- 4900.** Письмо А. А. Иванова о картинѣ его „Явленіе Христа народу“, изъ альбома кн. Е. А. Черкасской. **1878.** II, (6), 271—272.
- 4901.** Письма А. А. Иванова къ А. О. Смирновой. **1896.** I, (4), 601—604.
- 4902.** Автобіографія ваятеля Д. И. Іенсена. **1903.** III, (12), 652—653.
- 4903.** Ф. И. Іорданъ. **1883.** III, (6), 391—398. Поправка. **1884.** I, (1), 250.
- 4904.** Изъ писемъ В. А. Карагыгина къ И. А. Катенину. Сообщ. А. М. Лазаревскимъ. **1871.** (1), 0241—0244.
- 4905.** Ваятель М. И. Козловскій. А. Корсакова. **1892.** I, (4), 446—448. Списокъ работъ М. И. Козловскаго.
- 4906.** Д. Г. Левицкій. В. Горленка. **1892.** III, (10), 209—222.
- 4907.** Дополненіе къ списку портретовъ работы Д. Г. Левицкаго. В. К. Попандопуло. **1893.** I, (4), 445.
- 4908.** А. Ф. Львовъ. (Письмо къ Д. В. Разумовскому гр. Д. Н. Толстаго). **1871.** (7—8), 1306—1312.
- 4909.** Къ біографіи композитора А. Ф. Львова. Письмо его къ архіеп. Нилю. Сообщ. Л. Н. Трефолевъ. **1899.** II, (11), 366—370.
- 4910.** Навель Степановичъ Мочаловъ. Статья М. Е. Кублицкаго. **1875.** III, (12), 484—494.
- 4911.** Изъ писемъ П. С. Молчанова къ кн. А. Б. Куракину. **1833.** III, (12), 523—596.
- 4912.** Шрамъ на головѣ Русского артиста (Н. М. Никифорова). Замѣтка В. И. Родиславскаго. **1876.** III, (9), 128.
- 4913.** П. И. Савина-Орлова. Некрологъ. **1900.** II, (7), 406—408.
- 4914.** Изъ автобіографии П. И. Орловой. **1899.** II, (5), 142—145. П. С. Мочалова.
- 4915.** Изъ воспоминаній о Н. Г. Рубинштейнѣ и Московской Консерваторіи. В. А. **1897.** II, (11), 441—472.—П. И. Чайковскій.—Вечеръ у К. Н. Лядова.—М. А. Балакиревъ.—Бойцъ.
- 4916.** Погибшій талантъ. (Намяти А. К. Саврасова). П. Россіева. **1906.** I, (4), 613—618.
- 4917.** Воспоминаніе о П. М. Садов-

такъ сильно, что онъ отъ полученной раны чуть не умеръ. Панъ Струсь, узнавъ объ этомъ, велѣлъ обоихъ арестовать. Воронца обезглавили и похоронили, а Щербину велѣли повѣсить. Но онъ и одного часу не пробылъ на висѣлицѣ: пѣхота сейчасъ же сняла его и, разрубивъ на куски, сѣѣла. Одного изъ челяди, который недавно умеръ, даже изъ могилы вырыли и сѣѣли. 26-го Октября вышалъ такою глубокой снѣгъ, что совершенно покрылъ всяку траву и корни. Съ этихъ поръ страшный голодъ морилъ насть: мыѣли ремни, подруги, пояса, кожаные чехлы и падаль, какія щоцдались. Въ Китай-городѣ, въ церкви Богоявленія, гдѣ и Греки бывають, мы нашли нѣсколько пергаментовыхъ книгъ; мы питались ими, а также травой, собранной до снѣга и приправленной свѣчнымъ саломъ".

Иосифъ Будило еще болѣе яркими красками описываетъ тогдашнее бѣдственное положеніе Польскаго гарнизона. „Осажденные—читаемъ въ его дневникѣ—когда уже травъ, корешковъ, мышей, собакъ, кошекъ и падали не хватало, сѣѣдали плѣнныхъ и трупы, которые вырывали изъ земли. Пѣхота сама себя переѣла. Трускоскій, пѣхотный поручикъ, сѣѣль своихъ двухъ сыновей. Одинъ

гайдукъ тоже сѣѣль сына, другой—мать. Одинъ воинъ тоже сѣѣль своего слугу. Словомъ, сынъ отца, отецъ сына не жалѣли; господинъ долженъ былъ осторегаться слугъ, слуга—господина. Кто кого одолѣлъ, тотъ того и сѣѣль; болѣе здоровый освобождалъ себя отъ больного. Тотъ, чьего родственника или товарища сѣѣль кто нибудь другой, судился за него, какъ за свою собственность. Такое дѣло возникло было въ отрядахъ пана Леницкаго. Гайдуки сѣѣли мертваго гайдука, а родственникъ покойнаго изъ другого десятка жаловался своему ротмистру, что сѣѣсть его полагалось ему, какъ родственнику, а не кому-либо другому. Тѣ же отвѣчали: „Намъ полагалось его сѣѣсть, потому что онъ былъ съ нами въ одномъ строѣ, въ одной шеренгѣ, въ одномъ десяткѣ“. Ротмистръ не зналъ, какой произвести приговоръ и, опасаясь, чтобы какая-нибудь сторона, недовольная приговоромъ, не сѣѣла его самого, долженъ былъ бѣжать изъ суда“.

Въ изложеніи своемъ г. Кирхбергъ безпристрастенъ и вину бѣдствій возлагаетъ на честолюбіе Маринѣ, Польскихъ паповъ и короля Сигизмунда, а въ томъ кто называлъ себя Димитриемъ безповоротно видѣть самозванца. П. Б.

Стихотворенія Θ. И. ТЮТЧЕВА.

Получать можно въ конторѣ „Русскаго Архива“. Цѣна 40 копѣекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

РУССКИЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русского Архива», на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которые подписались въ Конторѣ «Русского Архива».

 Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляются въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присыпать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городскій—**30** коп. (подѣнѣ, которую взимаеть Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русского Архива» покорнейше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдельныя книжки „Русского Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по **50** копѣекъ за книжку съ пересылкою **75** к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ искомая статья.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

3.

Стр.

305. Указъ Петра Великаго Казанскому губернатору Салтыкову. 1722.
(О процажѣ записной книги).
306. Императрица Елизавета Петровна Ю. Ю. Броуну 1761.
307. Герой отечественныхъ и заграничныхъ войнъ Н. Н. Раевскій въ письмахъ къ младшему своему сыну. 1825—1829.
320. Послание князя П. А. Вяземскаго иностранкѣ. 1832.
321. Изъ дневника священника (А. Г. Лебедицкаго) въ осажденномъ Севастополѣ. 1854—1855.
354. Письма И. С. Ансанова къ М. А. Максимовичу. 1859—1862. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Данилова.
363. Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ Ф. П. Макеровскому. 1823—1835.
378. Пермское село Ныробъ, его древности и святыни. Н. А. Санина.
392. Успенскій соборъ въ Москвѣ. Исторія его отопленія. Протопресвитера В. С. Маркова.
436. Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра. Наполеонъ въ Россіи.
448. Исторія и легенда (старецъ Федоръ Козыничъ). А. А. Голомбѣевскаго.
463. Указъ Петра Великаго князю Григорію Волконскому. 1708.
463. О письмахъ фельдмаршала князя Витгенштейна.
464. Изъ Записной Книжки издателя «Русскаго Архива» (В. С. Россоловскій).
Внутри обложки: О Рязанской Гимназии.
Приложенъ полудюстъ Предметной Росписи «Русскаго Архива»
(Художники.—Книжныя заграничныя вѣсти).

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива *прежнихъ* (до 1907) годовъ можно получать по 50 копѣекъ за книжку съ пересыпкою 75 к. Прилагаемая нынѣ «Предметная Роспись» даетъ возможность находить, въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Историческая записка о Рязанской Первой Мужской Гимназии. 1804—1904. Рязань. 1904. 8-ка, 358 стр. съ двумя видами.

Отлично изданная книга эта, кромъ значенія своего для исторіи Русскаго просвѣщенія, дорога въ особенности лицамъ, которыя обучались въ Рязанской гимназіи и къ числу которыхъ принадлежить и пишущій эти строки, прожившій шесть лѣтъ (1841—1847) въ Благородномъ Пансионѣ этой Гимназіи, въ этомъ прекрасномъ домѣ, посреди двухъ большихъ садовъ, съ просторнымъ дворомъ, съ больницею и съ банею въ особомъ зданіи. Все это жертва Рязанскаго простолюдина, откупщика Рюмина, сына котораго Николай Гавриловичъ въ теченіи многихъ лѣтъ былъ попечителемъ Гимназіи. Воспоминаніями отрочества и перехода въ возрастъ юношескій такъ и обвѣваешься при чтеніи этой книги, въ которой мы имѣемъ, кромъ сухихъ числовыхъ показаній, полныя общей занимателности воспоминанія питомцевъ Гимназіи, поэта Я. П. Полонскаго, академика Инжула, библіографа В. И. Шенрока, Ш. В. Раствора, В. В. Насакина, Н. А. Терновскаго, А. П. Соколова, А. М. Иванова и др. Нѣкоторые изъ нихъ пишутъ о лицахъ, которыя продолжали дѣйствовать и при мнѣ. Какъ не вспомнить добромъ преподавателя Закона Божія Я. И. Алешинскаго (умилявшаго насть чтеніемъ Иннокентьевскихъ „Послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа“), строгаго математика Маціевскаго, Нѣмецкаго учителя Г. Я. Аппельрота (усердно занимавшаго насть перево-

дами), И. М. Родзевича, благодаря которому мы уже читали свободно Ливія (о пагубной прѣ между классицизмомъ и реализмомъ и въ поминѣ тогда не было), и въ особенности А. Г. Крастелева, съ необыкновеннымъ искусствомъ преподававшаго Русскую словесность и умѣвшаго самую грамматику сдѣлать занимателною.

Мать платила за полное мое содержаніе, съ половины Августа до послѣднихъ чиселъ Юня, по 500 р. ассигнаціями въ годъ. Насъ кормили сытно, насть держали строго. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга принадлежить главному надзирателю Карлу Ивановичу Боссу, котораго слово было непререкаемо. Онъ жилъ въ самомъ пансионѣ, и со звонкомъ въ рукѣ облеталъ обширные спальныя комнаты, такъ что ровно въ 5 часовъ утра мы уже садились готовить уроки, а въ 9 вечера всѣ въ Пансионѣ спали. Босса боялись, но вотъ его черта. Въ 1854 г. одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ (Россинскій) поступилъ въ ополченіе, и когда ополченцевъ выстроили на площади для молебна передъ походомъ, подбѣжалъ къ нему старикъ Боссъ и подалъ кулечекъ съ бутылкой вина и снѣдями. Въ мое время директоромъ былъ Николай Николаевичъ Семеновъ. Императоръ Николай Павловичъ, знавшій его гвардейцемъ, выразилъ удивленіе, увидавъ его въ этой должности. Однимъ изъ предшественниковъ Семенова былъ Татариновъ, съ 1813 года служившій нашимъ комендантромъ въ Карлсруэ: это супругъ известной Катерины Филипповны. Разсказывали, что императоръ Александръ Павловичъ, проѣздѣ черезъ Рязань, позвалъ его къ

**УКАЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО КАЗАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ САЛТЫКОВУ,
1722 ГОДА.**

(Изъ Персидского похода).

Посланъ къ тебѣ въ Казань подьячій Иванъ Андреевъ, и велѣно тебѣ розыскать о записной книгѣ отпускаемымъ изъ Казани всякимъ указамъ, которая изъ Казанской канцеляріи утерялась и чтобъ тоѣ книгу конечно сыскать и кто оную или укралъ или для какого коварства укрылъ, о всемъ доподлинно изслѣдовать какъ можно скорѣе и тотъ розыскъ прислать въ Астрахань немедленно, а по послѣдней мѣрѣ, кончая къ Октябрю мѣсяцу настоящаго 1722. А кто въ томъ виноватъ явится, тѣхъ держать въ Казани подъ строгимъ арестомъ.

„Сие учини безъ всякой поноровки, ибо на васъ то взыщется.
Петръ“ *).

Отъ Терекъ, изъ флоту въ 25 день.
Июля 1722-го.

Въ семь пакетъ именной его императорскаго величества указъ о розыскахъ про утраченную записную указамъ книгу, писанъ отъ Тереку, изъ флоту Июля 25-го дня. Въ Казани полученъ Августа 28-го дня 1722-го году.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА О. О. БРОУНУ.

Императорскій указъ генералу Броуну, 21-го Февраля 1761 года.

Божію милостію, мы Елизавета Первая, императрица и самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу Броуну.

Изъ реляціи вашей отъ 6-го сего мѣсяца со многимъ сожалѣніемъ усмотрѣли мы, что слабое состояніе здоровья вашего неотмѣнно еще продолжается, и что потому принужденными вы находитесь просить

*) Обозначенное кавычками—своеручно. П. Б.

увольненія еще на одинъ годъ, дабы оное въ покой возстановить и паки паки службъ нашей себя посвятить.

И какъ желаемъ мы вамъ совершеніаго выздоровленія и службу вашу всегда полезною почитаемъ, то всемилостивѣйше и соизволяемъ, чтобы вы еще одинъ годъ въ деревнѣ пробыть могли, а штатъ вашъ отпустили, который по выздоровленію вашемъ всегда скоро набранъ быть можетъ.

Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны.
Данъ въ Санктъ-Петербургъ, Февраля 21-го дня 1761-го года.

По именному ея императорскаго величества указу:

Князь Н. Трубецкой.
Графъ Михайла Воронцовъ.
Графъ Александръ Шуваловъ.
Графъ П. Шуваловъ.
Иванъ Неплюевъ.
К. Яковъ Шаховской.
Статскій Совѣтникъ Дмитрій Волковъ *).

*) Это члены тогдашней Конференціи, которая правила Россіею въ царствованіе Елизаветы Петровны. Графъ Броунъ, въ Семилѣтнюю войну, былъ раненъ въ черепъ. Съ золотою покрышкою на немъ, онъ до глубокой старости служилъ Рижскимъ генераль-губернаторомъ. Будучи католикомъ, служилъ онъ противовѣсомъ тамошнему лютеранству. И. Б.

ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНЫХЪ ВОЙНЪ Н. Н. РАЕВСКІЙ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ МЛАДШЕМУ СВОЕМУ СЫНУ.

1.

Въ письмѣ твоемъ, мой другъ Николушка, и брата Василья Льв.¹⁾, вы говорите, что Г. дѣлаетъ мерзости. Я съ вами несогласенъ. Г. дѣлалъ всегда мерзости, а теперь долженъ покрывать; во всемъ же, случившемся съ тобою, ты одинъ виноватъ.

Но по лѣтамъ твоимъ ты еще не только слишкомъ молодъ, но и долго еще молодымъ останешься, то есть я разумѣю, что во всякомъ случаѣ нечаянномъ и необыкновенномъ у тебя недостаетъ благородства, отъ чего ты дѣлаешь ежеминутныя ошибки.

Полковникъ твой требовалъ тебя къ себѣ. Я говорилъ тебѣ, что тебѣ должноѣ хать къ нему и сказать, что на сей ногѣ ты не можешь командовать ескадрономъ и для избѣженія взаимныхъ неудовольствій ты рѣшительно не хочешь командовать ескадрономъ;—вместо того ты начальнику своему велѣль сказать, что къ нему не пойдешь и къ себѣ его не простишь. За сіи слова ты долженъ быть подъ судомъ.

Потомъ ты пересказалъ поступокъ Г. дивизіонному начальнику при бригадномъ! Говоря при постороннихъ, это ужъ не есть келейно. Вотъ г. Д., такой же подлецъ какъ Г., пойхаль въ полкъ, сладили, замазали, скрыли, и ты остался во лжецахъ. Само собой разумѣется, что всякой подлецу не хочеть объявить себя таковыми, старается скрывать себя; Г. это и сдѣлалъ, оправданіемъ своимъ онъ тебя обвиняетъ. Это все должно было быть, и ты остался въ дуракахъ!

Теперь остается тебѣ сдѣлать послѣднюю глупость, то есть исторію личную съ Г., чтобы дойти до вышней степени оной.

На сей почтѣ я пишу къ графу Витгенштейну²⁾; прошу его о твоемъ переводѣ въ другой полкъ, и чтобъ до онаго онъ бы отдалилъ тебя отъ твоего полка подъ какимъ бы предлогомъ то ни было.

Николаю Николаевичу Раевскому.

¹⁾ Василій Львовичъ Давыдовъ (познѣе Декабристъ) единоутробный братъ Н. Н. Раевскаго по матери ихъ Екатеринѣ Николаевнѣ, рожд. Самойловой, племянницѣ князя Потемкина. П. Б.

²⁾ Графъ Витгенштейнъ былъ тогда главнокомандующимъ второй арміи. П. Б.

2.

6-го Декабря. Болтышка¹⁾.

Письмо твое, мой другъ Николушка, нашелъ я по возвращеніи своемъ изъ Умани вчера. Я оставилъ Машиньку²⁾ здоровую; они къ Рожеству будуть сюда. Благодарю за продажу лошади. Не упсакай случая продать сѣную, не дорожись. Молодыхъ жандармскихъ послать не могу. Ко мнѣ хотѣли пріѣхать сюда ихъ посмотрѣть. О заплатѣ за починку коляски сейчасъ пишу къ Ивану Марковичу.

24-го Ноября я уже былъ извѣстенъ объ отчаянномъ положеніи Государя, 26-го о его кончинѣ воспослѣдовавшей 19-го.

Великой Князь Конст: еще въ Варшавѣ, а Мих. Пав. поскакалъ въ Петербургъ.

Поздравляю тебя съ имянинами. Прощай, мой другъ.

Письмо и деньги завтра пойдутъ въ Крымъ.

Отошли коляску къ моему каретнику въ Киевъ. Я заплачу.

Господину полковнику Раевскому въ Лысенкѣ.

3.

12-го Августа (1826) Москва.

Я хотѣлъ, по необходимости, но съ большимъ сожалѣніемъ, просять тебя въ отставку: боялся опасной праздности не только для человѣка твоихъ лѣтъ, но и для старыхъ людей, какъ получили здѣсь извѣстія, что Персіяне сдѣлали нападеніе на границу нашу. Тотчасъ назначены 2 дивизіи 2-й арміи идти къ Ермолову. Дениса Давыдова назначили туда, но ожидали другова курьера, чтобы узнать рѣшиительно, война ли или самопроизвольный набѣгъ. Видно, что прибылъ другой курьеръ: ибо вчера слышалъ навѣрно, что война, чему однакожъ я вѣрить не могу. Генералъ Паскевичъ тотчасъ командированъ туда и уѣхалъ третьего дня. Множество молодежи туда просится; многие, какъ я слышу, отставные просятся въ службу; но я предъупредилъ моей прозьбой всѣхъ просящихся, въ запискѣ объяснилъ все притчины, почему тебѣ нельзя оставаться въ сей дивизіи. Прозьба моя принятая хорошо: чрезъ нѣсколько дней выдѣть о семъ приказъ. Между тѣмъ, мой другъ, готовься въ дорогу. Коляска у тебя есть, нужно тебѣ взять камердинера и повара. Вьючное сѣдло тебѣ будетъ необходимо и что нибудь кухонной посуды. Продай лошадей своихъ. Искай для тебя

¹⁾ Помѣстье Раевскаго въ Киевской губерніи. Н. Б.

²⁾ Позднѣе супругу Декабриста князя С. Г. Волконскаго. Н. Б.

карты Кавказа, но не нашолъ, я при случаѣ тебѣ ее доставлю.—Къ Ермолову о тебѣ не пишу, имѣю на то притчины, не менѣе ты долженъ искать его расположенія.

Не будь лѣнивъ ни физически, ни морально. Тебѣ стыдно оставаться на ряду съ тѣми, кои не получили никакого образованія; убѣгай фамиліарства съ старшими и младшими, но будь искателенъ благороднымъ образомъ, служи не какъ слѣпая машина, старайся узнавать и обстоятельства, и что для чего дѣлается.—У васъ не одна фронтовая будетъ служба, но и требующая соображенія. Береги свое здоровье, не ѿшь много, когда жарко, не пей до того, чтобы охолодиться. По ночамъ берегись простуды; ты уже испыталъ болѣзнь отъ неосторожности на Кавказѣ. Будь умѣренъ въ єдѣ плодовъ и не пей послѣ ихъ воды, а немного водки; незрѣлые жъ плоды ядь совершенной. Я писалъ Паули о выдачѣ тебѣ 2000 р. на дорогу. Продашь лошадей, то денегъ будетъ довольно. Не лѣнись писать, чрезъ Екатеринославль въ Елисаветградъ. Будь благоразуменъ въ письмахъ. Возьми съ собой сѣдло свое, хоть одно со всѣмъ приборомъ; тамъ же ты увидишь, что тебѣ будетъ нужно. Лошадей купи тамошнихъ, т. е. горскихъ, не Персидскихъ: послѣднія требуютъ фуражъ, а тѣ и на подножномъ служить будутъ. Не покупай менѣе осьми лѣтъ, 9 и 10, эти вѣрный и больше вынесутъ.

13-е.

Вечеромъ былъ у меня одинъ человѣкъ, который называетъ себя другомъ Паскевича; сказаль мнѣ, что онъ съ тѣмъ посланъ, что надѣются, что Ермоловъ разсердится, откажется отъ команды и Паскевичъ замѣнить его. Но сей другъ завидуетъ ему. Думалъ заставить меня судить объ нихъ обоихъ и о семъ назначеніи, въ чемъ не удалось ему. Паскевичъ и 14 г-ль-лейт., сказываютъ, будутъ произведены въ полные генералы. Богъ да благословитъ тебя. мой другъ!

4.

20-е Сент. Мой другъ Николушка. Ты уже извѣщенъ о назначеніи твоемъ въ командованіе Нижегородского драгунскаго полка. Требую и прошу тебя, чтобы ты выполнялъ, мой другъ, все въ точности, что я тебѣ предписываю. Береги свое здоровье, воздержностью въ пищѣ и сбереженіемъ отъ простуды; когда тебѣ жарко, не напивайся до того, чтобы тебѣ охолодиться. Берегись ночей, какъ бы тепло ни было.

Будь ласковъ, учтивъ съ подчиненными, но не фамиліаренъ, и не дѣлай никогда имъ конфиденціи. Побѣди свою лѣность, будь опрятенъ. Къ Ермолову я не пишу: къ Паскевичу по тому самому не писалъ.

Не входи въ ихъ соперничество, которое должно существовать, хотя въ тайнѣ: оно до тебя не принадлежитъ. Наблюдай экономію въ полку; чѣмъ болѣе ты ее сдѣлаешь, тѣмъ болѣе будешь въ состояніи помогать офицерамъ. Нужно собрать капиталъ для сдачи полка; ты долженъ стараться, чтобы твое командованіе не было намъ въ тягость; ты знаешь, что мы не богаты.

Экономія означаетъ порядокъ, употребленіе оной уже будетъ рѣшить о тебѣ мнѣніе. Не дурачся, какъ ты дѣлалъ, издержками на пустую наружность. Доброта лошадей, исправность орудій и амуниціи, строгій присмотръ за кормомъ и за ковкой. Въ томъ краю сила драгунъ въ томъ состоится, чтобы въ нуждѣ скоро спѣшиться и имѣть исправное ружье. Когда откомандированъ, неослабно всегда будь готовъ къ бою, обеспечивай себя въпереди двумя *enfans perdus* въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, имъ нѣсколько людей въ подкрѣпленіе, всегда таковый же аріергардъ, а гдѣ можно крыльщики. Въ сраженіи кавалерійскомъ всегда оставлять часть въ устройствѣ, въ дефиляхъ, есть ли непріятель засѣсть въ выгодномъ мѣстѣ, турнируй его, хотя бѣ и трудно было; буде же ужъ нельзя, тогда не занимайся перестрѣлкой, бросься на него пылко.

На походѣ, на лагерѣ, всякий кусть, всякая яма должны быть осматриваемы. Персіяне пользуются всѣмъ; залижетъ съ кинжаломъ, и поодинакѣ хватаютъ людей, или убиваютъ. Ни на шагъ отъ лагеря драгуна безъ ружья или вооруженного прикрытия. Будь твердъ, терпѣливъ, неторопливъ, а уже обдумавъ исполняй рѣшительно. Всегда имѣй сильный резервъ, какъ для нанесенія рѣшительного удара, такъ и своего сохраненія. Презирай опасность, но не подвергай себя оной изъ щегольства. Ничего болѣе придумать теперь не могу. Богъ съ тобой!

Возьми оба выюка; они тамъ необходимы. Пиши съ курьерами въ Петербургъ Катеринѣ Алексѣевнѣ *); она пересылатъ будетъ письма, а по почтѣ въ Елисаветградъ.

21-е. Война съ Персіей настоящая начнется весной. Государь хочетъ ихъ наказать, и я думаю, кончутъ пріобщеніемъ ханства Ериванскаго; тогда только граница наша будетъ правильная и обеспечить отъ внезапныхъ нападеній Персіянъ.

*) Е. А. Раевская, рожд. Константинова, внучка Ломоносова, супруга И. Н. Раевского. П. Б.

5.

1-е Октября. Москва.

Дѣла мои заставляютъ меня, мой другъ, ѿхать на нѣсколько дней въ Петербургъ, куда послѣ завтра го я отправляюсь.

Я отъ тебя ни слова не получаю.

Посланы тебѣ по почтѣ въ Бѣлую Церковь карта Персіи, съдло съ приборомъ, стараго вина мадеры и рому, кристаллизированаго лимоннаго сока, фляжку отъ Катиньки¹⁾). Естыли это тебя не застало, то прапорщикъ твой Рубинъ, подноситель сего, все сіе тебѣ доставить.

Рубинъ былъ у меня въ полку Друвиля, замѣшанъ былъ въ исторію противъ него, и по моему представленію былъ отставленъ съ другими. Я обѣ немъ хлопоталъ, зная, что онъ это сдѣлалъ по молодости и чувствуетъ вину свою, и теперь помогъ ему войти въ службу; онъ малой хорошій, и я надѣюсь, что будетъ тебѣ преданъ. Я ему дала сто р. на дорогу.

Ермоловъ вѣсьма упалъ. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, что не пошелъ съ Паскевичемъ. При моемъ послѣднемъ представлениіи Государь со мной о Паскевичѣ говорилъ въ такихъ выраженіяхъ, что конечно ему предстоитъ будущность самая блестательная. Поздравь его отъ меня съ побѣдой и съ будущими побѣдами.

Весной у васъ будутъ дѣйствія важныя, а на нынѣшній должно быть все кончено. Помни, мой другъ, все что я писалъ тебѣ, исполний въ точности, и да благословить тебя Богъ! Прощай, мой другъ.

Николаю Николаевичу Раевскому. Присемъ посылается фляжка.

6.

3-го Декабря С. П. Б.

Послѣ завтра го, мой другъ Николушка, отъѣжжаю я домой; Государь сдѣлалъ мнѣ большое облегченіе въ моихъ дѣлахъ, милость его мы должны запечатлѣть въ сердцахъ нашихъ.

Письмо твое одно читалъ я!²⁾— . . . Я съ тобой несогласенъ. Впрочемъ entousiasme твой приличенъ лѣтомъ твоимъ.

Машинька по первому пути ѿдетъ въ Иркутскъ; я не смѣль отказать ей въ этомъ. Она здѣсь, здорова; надѣюсь, что чрезъ годъ мы

¹⁾ Дочь Раевскаго, Екатерина Николаевна, съ 1820 г. супруга Михаила Феодоровича Орлова. П. Б.

²⁾ Вѣроятно, было зачеркнуто въ подлинникѣ. П. Б.

ее увидимъ; сынъ ея остается у свекрови *), а весной я его возьму къ себѣ.

Я уже писалъ къ тебѣ, мой другъ, все чтò имѣть сказать, теперь остается просить, чтобъ Богъ благословилъ тебя. Надѣюсь, что ты во всѣхъ случаяхъ покажешь себя достойнымъ военнымъ человѣкомъ. Прощай!

Его высокоблагородію милостивому государю моему Николаю Николаевичу Раевскому, командиру Нижегород. драгун. полка въ Грузіи.

7.

Для сбереженія твоего здоровья.

Ты не послушалъ меня на Кавказѣ, спалъ раздѣтый на дорогѣ и получилъ жестокую лихорадку.

Не спать раздѣтому безъ покрышки на дворѣ во время жаровъ.

Не пить во время жаровъ до охлажденія и избѣгать утолять жажду одной водой.

Не есть много фруктовъ, и никогда незрѣлыхъ и послѣ онъхъ не пить воды, а немного водки.

Прошу тебя, мой другъ, убѣдительно, не будь лѣнивъ, будь опрятъ въ одѣждѣ, благородно-искателенъ въ начальникахъ, избѣгай какъ съ ними такъ и съ младшими фамиліярства, ласковъ сть достойными, учтивъ только съ шалунами.

Будь дѣятеленъ, исполнителенъ, не откладывай до завтраго что можешь исполнить нынѣче, старайся видѣть все своими глазами. Конфиденцій подчиненнымъ не дѣлай никому.

Экономія въ полку доказываетъ порядокъ; не упущай ее, помогай изъ оной бѣднымъ офицерамъ, но благоразумно, равно и солдату, и собери капиталъ для сдачи полка, ибо мнѣ за тебя платить нечѣмъ. Ты знаешь, что мнѣ денегъ не жалъ.

Въ кавалерійскихъ дѣлахъ никогда сражайся въ одну линію. Малый резервъ при неудачѣ атаки даетъ способъ справиться, устроиться. Когда бъ случилось быть окруженну превосходной числомъ кавалеріею, по частямъ атаковать въ право, въ лѣво, имѣя половину всегда въ резервѣ: она обеспечить тыль и фланги.

*) У кавалерійской дамы Александры Николаевны Волконской (дочери фельдмаршала князя Репнина). На кончину младенца-внука ея написаны Пушкинъ известные стихи. П. Б.

Преслѣдуй менышой половиной; другая, въ устройствѣ на рысяхъ, перемѣняеть первыхъ, тогда первые устроиваются и слѣдуютъ на рысяхъ.

Въ отрядахъ имѣй авангардъ, оть котораго въ переди *des enfants perdus* *), съ фланговъ крыльщиковъ, арьергардъ.

Буде сражается пѣшій, въ резервахъ и въ маршѣ правила тѣжъ.

Избѣгай перестрѣлокъ ружѣйныхъ. Азіатцы и лутче вооружены, и лутче нась стрѣляютъ. Въ дефилеяхъ частью обходи ихъ фланги. Буде нельзя, то бери дефилии грудью, но никогда всею силою, а съ сильнымъ резервомъ.

Не будь торопливъ и не будь нерѣшителенъ, старайся узнавать общія обстоятельства, по онѣмъ предположенія начальниковъ. Я не люблю Ермолова, потому не писалъ къ нему, и по сей притчинѣ удержался писать и Паскевичу; но онъ Паскевичъ вспомнить меня. Показывай добрую волю служить, узнавать свое ремесло; онъ тебя замѣтить и будетъ тебѣ полѣзенъ. Старайся быть съ нимъ ближе. Онъ человѣкъ достойный и достойный воинъ.

Исполняй свой долгъ противъ Ермолова. Мои дѣла съ нимъ должны быть тебѣ постороннія.

Будь чуждъ партіямъ, которыя должны быть у васъ.

Я вѣкъ мой жилъ и служилъ безъ интригъ, безъ милостивцовъ, ни къ какимъ партіямъ не приставалъ и не отсталъ ни отъ кого своихъ товарищей.

8.

18-е Апрѣля (1827). Болтышка.

Давно мы, другъ мой Николушка, не имѣемъ отъ тебя писемъ. Стыдно тебѣ лѣниться!

Я не писалъ къ тебѣ прежде нащетъ Ермолова: могло письмо попасться, теперь же судьба его рѣшена, то не будуть приписывать мои сужденія намѣренію вредить ему. Богъ видитъ, что я жалѣю его; но нужно было поручить команду Грузіи другому. Онъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ, надѣялся всегда на свою хитрость; обманы рано или поздно открываются, на нихъ полагаться не должно. Ермоловъ умной, безкорыстной, трудолюбивый человѣкъ, но не военной: по этому самому, чувствуя сей недостатокъ, онъ разными штуками, такъ сказать, выѣжалъ, и наконецъ упалъ. Я не думаю, чтобъ человѣка такого какъ онъ оставили; онъ человѣкъ государственной и много

*) Т. е. головорѣзы. И. Б.

можеть быть полъзенъ. Генералъ Паскевичъ вѣрно вспомнить нашу службу и будеть къ тебѣ хорошъ; онъ знаетъ, что я всегда отдавалъ справедливость его достоинствамъ. Ермоловъ по твоемъ пріѣздѣ умѣль и тебя восхитить собой. Я писалъ къ тебѣ, что я не раздѣляю твой антузіазмъ, не хотѣль болѣе сказать ничего, ибо зналъ будущее его паденіе, а я лежащаго не щитаю благороднымъ бить; но боялся, что ты, по молодости своей, въ своемъ восхищеніи не сдѣлалъ бы какой неосторожности. Часто отъ хорошаго чувства дѣлаютъ дурачества. источникъ онъхъ рѣдко разбирается и смѣшиается съ тѣми, которыхъ предосудительны.

Г-ль Паскевичъ человѣкъ благородный, хорошаго сердца, храбрый воинъ, и отъ природы одаренъ военными способностями и воображениемъ, сверхъ того мнѣ известно, что онъ занимался и старался . . . *)

9.

12-е Февраля 1828, Болтышка.

Непростительно тебѣ, мой другъ Николушка, что ты столько времени и случаевъ пропустилъ писать къ намъ. Когда бъ писалъ ты съ курьерами черезъ Петербургъ, я бъ не оставался въ совершенномъ невѣдѣніи о тебѣ. Потоцкій пріѣхалъ, письма не привезъ. Я знаю только по газетамъ, что ты встрѣчалъ Абасъ-Мирзу.

Машинъкѣ новое огорченіе: сынъ ея умеръ! Мы же всѣ здоровы въ уединенной Болтышкѣ. Кромѣ брата Александра никого не видимъ.

Естьли будетъ война съ Турками, будуть дѣйствія и у васъ; жалѣть ты будешь, что покупаешь лошадей въ Россіи. Я слышу, что твои ремонтиры купили верховыхъ, потомъ по новому предписанію продали, и купили гнѣдыхъ, и что первыя были лутче. Прощай, мой другъ! Когда Богъ доставить мнѣ съ тобой видаться?

10.

16-го Маія 1828. Б.

Отъ 10-го Апрѣля письмо твое, мой другъ Николушка, получилъ вчерась. Отвѣщаю тебѣ на всѣ артикулы письма твоего. Что обстоятельства наши нехороши, то правда: я долженъ жить въ Болтышкѣ, иначе состояніе мое не позволяетъ. Когда бъ могъ продать Сунки, а еще лутче и Болтышку, я бъ въ нуждѣ не былъ: жить бы въ Москвѣ и въ Екимовскомъ. Ты можешь судить, мой другъ, что я пещусь не

*) Конца нѣтъ. П. Б.

о себѣ, а о сестрахъ. Аліонушка¹⁾ не здорова, Гр. Ол.²⁾ влюблена, сватался, она не пошла за него; я бъ не отказалъ ему, но радъ, что сіе не исполнилось, ибо таковыи союзъ утвердилъ бы еще болѣе въ несправедливомъ сомнѣні.... которое ты угадать можешь. Съ гр. Бр.³⁾ дѣйствительно разрывъ, который произошолъ не отъ матери, не отъ меня, не отъ сестеръ.... теперь ты долженъ знать, отъ кого. Она поступила въ разсужденіи меня весьма гнусно; я былъ у нея послѣ сего одинъ разъ, и по наружности мы хороши. Она меня менажируетъ, больше я уже у ней не буду.

Катинъка съ сестрами на нѣсколько дней въ Одессъ; съ намѣреніемъ были не видаться съ гр. Воронцовой болѣе одного раза, но онъ до сего не допустили и всякой день видѣлись. Гр. Вор. былъ у меня въ Елисаветградѣ, во время пребыванія Государя, три раза въ одинъ день.... Государь былъ ко мнѣ весьма милостивъ, но обѣ употребленіи меня ни слова. Видя положеніе моихъ дѣлъ и другія домашнія обстоятельства, ставить меня въ необходимость быть почти симъ довольнымъ. Прощай, мой другъ. Богъ съ тобой!

Его высокоблагородію милостивому государю моему Николаю Николаевичу Раевскому г-ну ком. Нижегородского драгунскаго полка въ Тифлісъ.

11.

25-го Сентября. Николаевъ.

Я ѿду въ деревню Машинъки на нѣсколько дней. Съ дороги пишу къ тебѣ, мой другъ Николушка. Говорить тебѣ нечего, мой другъ, сколько настъ утѣшаютъ извѣстія о твоей блестящей службѣ; просимъ только Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя для тебя и для настъ. Большое ты мнѣ приносишь утѣшеніе, большую имѣю въ немъ и нужду. Сообщу тебѣ о нашихъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Гр. Воронцовъ, желая отдалить отъ Одессы твоего полусумасшедшаго брата, нашелъ благородный способъ сыскать на него донощика, будто онъ вольно говорить о правительствѣ и военныхъ дѣйствіяхъ. Ты знаешь, мой другъ Николушка, можетъ быть эти всѣ дурачества влюбленнаго человѣка онъ дѣйствительно дѣлалъ, но предосудительного съ его чувствами несходно, и думая скрыть свое дѣйствіе, извѣщаетъ меня о томъ, что по повелѣнію Государя велѣно ему ѿхать въ Полтаву,

¹⁾ Елена Николаевна Раевская, предметъ восторговъ и стиховъ Пушкина, скончалась дѣвицею. П. Б.

²⁾ Графъ Олизаръ? П. Б.

³⁾ Графомъ Браницкимъ? П. Б.

впередъ до разсмотрѣнія, увѣряя притомъ, что онъ сему не притчиной, что онъ сему не вѣриль, но справлялся и дѣйствительно нашель, что донесеніе на него справедливо. Я писалъ къ Государю всю истинну и въ томъ, что клеветникъ есть графъ Ворон.; но дѣла военные, важныя обстоятельства притчиною, что по сіе время не имѣю никакого рѣшенія; ибо если я взнесь ложь, то меня наказать надобно, а безъ отвѣта оставить нельзя. Алексаша живеть свободно, но при душевномъ его положеніи, ему это убийственно.

Между тѣмъ гр. В. потерялъ въ публикѣ жену, себя, безвозвратно: всѣ въ Одессѣ знаютъ всю истинну. Нельзя, чтобъ Императрица, находившаяся тамъ, не была о семъ извѣстна и чтобъ Государь поступилъ такъ снисходительно, еслибы повѣрилъ клеветѣ сей.

Я проводилъ мать и сестеръ, которыя поѣхали къ Катинѣ. Меня же обстоятельства хозяйственныя удерживаютъ здѣсь еще на время.

Да сохранить тебя Богъ! Я не могу тебя уговаривать, но долженъ тебѣ сказать, что головная храбрость важнѣй личной и что послѣднею употреблять должно когда только нужно. Прощай, мой другъ.

Поздравь графа!¹⁾ Скажи ему, когда онъ будетъ фельдмаршалъ, что старый командиръ его за честь себѣ поставить служить подъ нимъ.

12.

29-го Ноября 1828. Болтышка.

Пишутъ мнѣ, мой другъ Николушка, изъ Петербурга, что ты получаешь 3-го Георгія. Если это правда, то отъ всего сердца тебя поздравляю и обнимаю.

Я юздили въ Полтаву²⁾ по дѣламъ брата, оставилъ здороваго, душевно же не совсѣмъ. Впротчемъ пріѣздъ мой много его успокоилъ.

Скоро день Николая, у меня будетъ гостей полонъ дворъ, будемъ пить здоровье Государя, потомъ новаго кавалера, потомъ отца его.

Отъ матери и сестеръ и Орлова имѣлъ письма на послѣдней почтѣ; они все здоровы.

Теперь вы герои свободны отъ воинскихъ мыслей, можно вѣсель занять и бездѣлками.

¹⁾ Паскевича.

²⁾ Гдѣ вѣльно было жить старшему сыну Раевскаго Александру, послѣ его исторіи съ графинею Е. И. Воронцовою. Братья зятя Раевскаго, князь Н. Г. Репинъ-Волконскій, генералъ-губернаторъ, жилъ тогда въ Полтавѣ.

Мое утѣшеніе здѣсь новая оранжерея, которую пристроилъ къ комнатамъ сестеръ, такъ что въ оную окошко и дверь, удалась прекрасно, у насъ морозы 17 град., а я въ 12-ти градусной температурѣ подъ грунтовыми лаврами и маслинами, окружены цвѣтами, зеленью, пью кофей и обѣдаю,... одинъ. Послѣднее только портить все. Я ее выстроилъ для сестеръ, для раннихъ цвѣтовъ, однакожъ два дерева покрыты апельсинами и померанцами, твоя жъ ранжерея весьма невыгодна; я обратилъ ее въ виноградную.

13.

3-го Апрѣля 1829, Милятино¹).

Я возвращаюсь изъ Петерб., мой другъ Николушка, и письмо сіе въ третій разъ начинаю писать тебѣ. Пушкинъ хотѣлъ изъ Петербурга къ тебѣѣхать, потомъ изъ Москвы, гдѣ нездоровье его еще разъ удер-жalo. Я ожидаю его извѣщенія и письмо сіе назначено къ отправленію съ нимъ. Начну бездѣлками. Посылаю тебѣ шитье генеральское и эполеты, посылаю медали и деньги древнія, до коихъ ты былъ охот-никъ²). Они найдены въ землѣ въ Калужской губерніи.

Ты, мой другъ, угашеніе нашего семейства, коего, какъ тебѣ известно, положеніе довольно грустно во всѣхъ отношеніяхъ. Брать Александръ дурачествами навлекъ себѣ и намъ огорченій, которыя, какъ только дурачества, не заслуживали бъ случившихся послѣствій. Яѣздила въ Петербургъ, чтобы представить истину и хотя былъ принятъ съ благоволеніемъ, но мнѣ сказано было, чтоъ я о семъ не говорилъ ни слова; между тѣмъ я уже былъ извѣщенъ, что не было ни слова Государю ни отъ кого о мнимыхъ неприличныхъ разговорахъ, о коихъ я писалъ тебѣ, слѣдственно все состоять въ esclandre³⁾ его исторіи съ Воронцовой. И такъ, проживъ болынъ въ Петербургѣ мѣсяцъ, я представился и откланился, и чрезъ два дня уѣхалъ. Теперь ожидаю просухи, чтобы возвратиться въ Болтышку. Катинька щастлива въ своемъ семействѣ, мужъ ея человѣкъ безцѣнной, намъ истинный родной, дѣти премилыя; но дѣла его не въ цвѣтущемъ положеніи, деревня, въ которой онъ какъ заключенный, прескучная, грустная пустыня. Но они здоровы, и Орлова характеръ въ веселости не измѣняется. Машинька здорова, влюблена въ своего мужа, видитъ и разсуждаетъ по мнѣнию Волконскихъ, и Раевскаго уже ничего не имѣеть. Въ подробности всего

¹⁾ Помѣстье М. Ф. Орлова въ Калужской губерніи.

²⁾ Н. Н. Раевский (младший) любилъ заниматься историческими розысканіями. По словамъ С. А. Соболевского, онъ сообщалъ ему книги о Стенькѣ Разинѣ, И. Б.

3) Соблазнительная шумиха. II. Б.

воитить не могу, и силь не станетъ. Я и писаль къ ней недѣлю назадъ въ послѣдній разъ. Аліона по нездоровью своему уже положила остатъся въ дѣвкахъ, а Софья^{*)} безцѣнная, какъ ожидать должно по обстоятельствамъ, будеть имѣть туже участъ. Мое положеніе таковое, что я и въ деревнѣ чѣмъ жить весьма умѣренно едва едва имѣю, и въ передъ лутчаго не вижу; словомъ все покрыто самой черной краской.

Ты, мой другъ, есть наше утѣшеніе, но лѣнность твоя къ намъ писать лишаетъ насъ онаго, тебѣ непростительно. Я по сію пору не знаю даже, сколько и какія ты заслужилъ награжденія. Но хотя бъ мы знали, что ты здоровъ!

Письмо сіе привезетъ къ тебѣ Ліолинка ou autrement Аліоша Черленевской, записанный юнкеромъ въ Нижегородской драгунской полкъ. Я ему далъ на дорогу 500 руб. Пріѣхѣть ли онъ одинъ или съ Пушкинымъ, я не знаю, ибо ожидаю изъ Москвы его извѣщенія; имѣй о немъ попеченіе, чтобъ онъ не изшалился. Онъ весьма новъ, и слабъ, и можетъ безъ того впасть въ пороки. Но не дуракъ и добръ.

Я ожидаю просухи. Жить здѣсь мнѣ нельзя, Орловымъ пріѣхать ко мнѣ не можно, долженъ буду лишиться удовольствія быть въ соединеніи съ моимъ грустнымъ семействомъ, возвратиться въ Болтышку. Вотъ тебѣ картина моего положенія. Я крѣплюсь духомъ, мой другъ. Благодарю Бога. Онъ далъ мнѣ еще силы переносить обстоятельства, а не задумался бъ ни на минуту, когда бъ дѣло шло обо мнѣ одномъ, это видить Богъ, но будущность сестеръ и всѣхъ васъ мнѣ тягостна.

Мы встрѣтили праздникъ съ грустью по поламъ. Погода сдѣлаласть дурная, и нынче снѣгъ покрылъ опять землю.

Увѣдомь меня, сдаешь ли ты полкъ, и имѣешь ли способы къ оному?

14.

1-го Октября. Б.

Письмо, въ которомъ описываешь, мой другъ Николушка, штурмъ Ахалцика, я получиль. Мой другъ, ничто не удивить меня! И другія вѣсти подъ командою графа Ив. Фед. сдѣлаютъ тоже, защита Ахал. не Турацкая, хотя и они храбро защищаются, но жителей Ахалц. можно щитать горцами. Слава бессмертная Ив. Фед. Поздравь его отъ меня. Когда онъ посланъ былъ противу Персіянъ, многие судили по незнанію и спрашивали меня. Мнѣ немудрено было предсказать подвиги его, я

^{*)} Младшая дочь Раевского лѣвицею дожила до глубокой старости въ Болтышкѣ. Она отличалась большимъ умомъ. П. Б.

его умѣль узнать въ 12-мъ году, я отдавалъ ему справедливость предъ княземъ Смоленскимъ. Благодарю Бога. Онъ не далъ мнѣ чувства зависти, грызущаго большую часть людей, а теперь я ужъ вѣнчанъ поприща, и по той и по другой причинѣ возхищеніе мной изъявляемое не можетъ быть сомнительно. Поздравь его. Поздравляю тебя, мой другъ. Если Богу угодно съ одной стороны испытывать меня огорченіями, съ другой благодарить долженъ за услажденія по оныхъ получаемыя.

Можно и во второй арміи прославить подвигъ генерала Гейсмана, онъ достоинъ Ивана Федоровича. Теперь всѣ кричатъ про графа Эриванскаго, одни отъ чистаго сердца, другіе по рапшетамъ, но съ тайнымъ чувствомъ зависти. Дай Богъ ему щастливыхъ успѣховъ. Дай Богъ, чтобъ ты сохранилъ его благорасположеніе. Я писалъ тебѣ еще прежде, мой другъ, то, что ты нашелъ въ немъ, кромѣ талантовъ и храбрости, онъ имѣеть карактеръ благороднѣйшій.

Я уже писалъ тебѣ, мой другъ, что живу одинъ, мать и сестры у Орловыхъ. Богъ даетъ мнѣ силы, переношу скучу и грусть, безъ малодушія. Я довольно здоровъ. Да сохранитъ тебя Всевышній. Не лѣнись, пиши чаще.

Его высокоблагородію, милостивому государю моему, Николаю Николаевичу Раевскому. Нижегород. драг. полка командиру. Въ Тифлисъ. Грузія.

* * *

Въ этихъ письмахъ выразился знаменитый воинъ, о которомъ такъ сочувственно отзывался въ письмѣ къ своему брату А. С. Пушкинъ, обласканный имъ и его семействомъ во время первой своей ссылки. На Кавказѣ и въ Крыму Пушкинъ заслушивался разсказовъ Раевскаго про старину, про войну отечественную, про чужie края, про Парижъ. При Раевскомъ служилъ поэтъ Батюшковъ, про которого князь П. А. Вяземскій передавалъ намъ, что онъ мечталъ о томъ, чтобы Государь изъ Парижа провозгласилъ о раскрыщеніи нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Внучатный племянникъ Потемкина, женатый на родной внучкѣ Ломоносова, Раевскій былъ другомъ Музъ. Сестра его супруги была предметомъ страсти Крылова. Преданія о Ломоносовѣ были родными у Раевскихъ (въ наши дни, старшій потомокъ Ломоносова, графъ Ностицъ, возобновилъ его памятникъ въ Александро-Невской лаврѣ). Ему предлагали просить о дозвolenіи называться графомъ Ломоносовымъ-Ностицемъ). Пушкинъ говорилъ, что если въ Россіи пресъется династія Романовыхъ, то мѣсто ихъ займутъ Раевскіе. Отношенія Пушкина къ старшему изъ двухъ сыновей Раевскаго, Александру Николаевичу „Демону“, известны. Лицо у него было смуглое, отъ Грека-дѣда.

Въ заключеніе прибавимъ, что позднѣе Пушкинъ отблагодарилъ Раевскихъ за гостепріимство: по его письму къ графу Бенкендорфу имущественные дѣла ихъ устроены были императоромъ Николаемъ Павловичемъ. П. Б.

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО ИНОСТРАНКЪ.

На языкѣ для Васъ чужомъ
Я подношу Вамъ стихъ покорной,
Онъ будетъ данью непритворной
Внесенной молча въ Вашъ альбомъ.

Такъ напи жертвоприношенья,
Чтѣ ни скажи Вамъ, ни пиши,
Все будетъ Вамъ безъ выраженья,
Все буквой мертвой безъ души.

Какой холодной онъ и грустной
Языкъ поэзіи изустной!
Какъ ограниченъ, бѣденъ онъ,
Условныхъ знаковъ, риѣмъ условныхъ,
И оборотовъ многословныхъ
Определенный лексиконъ.

Но есть поэзія другая,
Природы пламенная дочь.
Разнообразная, живая
И мать-красавица течь въ точь:
Поэзія улыбки милой,
Чела младаго, свѣтлыхъ глазъ,
Которая съ волшебной силой
Такъ сладко говорлива въ васъ.

Такъ. Ваши очи голубыя,
Румяносвѣжія уста
И плечи пышно-молодыя
И всѣхъ движеній красота,
И прелести простосердечья,
Живаго чувства нѣжный цвѣть,
На всѣ глаза, на всѣ нарѣчья—
Поэзія, какой здѣсь нѣть!

Вяземскій. С.-Петербург. Августа 3-го 1832.

(Сборникъ П. И. Щукіна, т. VI-й).

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА ВЪ ОСАЖДЕННОМЪ СЕВАСТОПОЛЪ.

(1854—1855 г.).

13-го Октября 1854 г.—Утреню и литургію отслужили благополучно. Въ 12 часовъ слышалъ пріятную вѣсть, что нашими войсками отбиты три редута непріятельскихъ, взяты 3 орудія. Во 2-мъ часу разорвало бомбу надъ съвернымъ угломъ церкви со входа и вырвало кусокъ желѣза. Во время вечерни, едва сказалъ: „Благословенъ Богъ“—лопнула бомба на южной сторонѣ церкви. Дымъ и пыль понесло въ церковь, впрочемъ безъ поврежденія церкви. Замѣчательно, что эта бомба упала въ яму, вырытую вчерашней бомбой и также въ 4 часа. Послѣ вечерни еще разорвались двѣ бомбы на высотѣ церкви; осколки посыпались въ садъ, между церковью и домомъ. Сего же числа пало двѣ бомбы въ контору питейную, и одна ракета. Ракета же попала късосѣду П. Другому сосѣду ядромъ пробило ворота. „День прошёдъ, благодарю Тя, Господи!...“

16-го Октября. 13-ый день осады Севастополя. Воскресеніе. Благовѣсть къ утрени въ 5 часовъ. Въ 6 часовъ утра погребли секретаря К., чиновника достаточнаго и любимаго купечествомъ; но теперь едва нашли нѣсколько человѣкъ, чтобы взять тѣло. Хоруговей или, по крайней мѣрѣ, креста, некому было взять. Спѣшили выносомъ тѣла къ пристани, чтобы не подвергнуться непріятельскимъ бомбамъ. Впрочемъ, почему-то выстрѣловъ не было слышно до половины 9-го часу. Съверная сторона теперь служить спасеніемъ для здоровыхъ и больныхъ, для живыхъ и умершихъ: тамъ теперь кладбище. Со стороны Херсониса и монастыря во весь день не было бомбардировки. А на остальныхъ пунктахъ—слабая. Весь день дулъ сильный съверо-западный вѣтеръ, по временамъ съ дождемъ. На линіи непріятельской не замѣтно было ни дѣйствія, ни людей. Не погода-ли тому причиной?—Мысль моя, что церковь служить цѣлью для непріятелей, сегодня нѣкоторымъ образомъ подтвердилаась. Я предложилъ этотъ вопросъ знакомому поручику штурмановъ М. „Кто-то сказалъ непріятелямъ, что подъ церквями складъ пороху и снарядовъ, оттого-то они и цѣлять въ церкви“, сказалъ мнѣ М.—„Отъ кого вы слышали?“—„Мнѣ говорилъ лейтенантъ С.“—

Какъ бы то ни было, но это не можетъ быть выдумкой. Франзоль^{*)} 7 к. сер., говядины фунтъ 6 к. Воды трудно достать. Для арміи берутъ воду въ колодцахъ Хомутова и Грязнова.

20-го Октября. 16-ый день осады Севастополя. Утро тихое, безъ вѣтру; въ 6 ч. я вышелъ изъ дома, чтобы посмотретьъ новую баттарею, устроенную въ городѣ, на возвышенномъ пустопорожнемъ мѣстѣ, впереди театра. Оттуда прошелъ къ театральной площади и по большой улицѣ, къ базару и потомъ къ Графской пристани. На площадяхъ и улицахъ вездѣ войска наши. Идешь не городомъ, а лагеремъ. Всѣ дворы большой улицы, отъ театра къ базару, заняты солдатами, гдѣ они расположились, какъ дома. Хозяева, вѣрно, выѣхали, и не замѣтно ихъ тамъ пребыванія. Индѣ съ галлереи выглядываетъ человѣкъ или служанка: сторожа домовъ. По всему протяженію улицы ружья поставлены рогатками. Индѣ на воротахъ написано: такая-то рота, такого-то полка. Я вышелъ изъ дома съ намѣреніемъ посмотретьъ городъ, который, какъ говорили мнѣ, много пострадалъ отъ бомбардированія, особенно въ Артиллерійской части. Дѣйствительно, видны дома сгорѣвшіе; ихъ полагаютъ до двухъ десятковъ, но это, большою частью не дома, а домики или хижины. Одинъ изъ сгорѣвшихъ домовъ капитальныхъ и стольныхъ—это домъ Зол. . . . Пожару содѣствовалъ сильный вѣтеръ. Кромѣ того, пожаровъ не тушили изъ опасенія подвергнуть команду гибельному дѣйствію бомбъ, которыхъ были нарочно бросаемы туда, гдѣ вспыхивалъ пожаръ. Видны язвы въ стѣнахъ домовъ и улицѣ. Тамъ дыра въ крышѣ, тамъ труба слетѣла. Можно представить большое разореніе внутри домовъ, куда залетала одна разорвавшаяся бомба. Но руинъ въ городѣ, даже на близкомъ разстояніи, не видно. Замѣтное разореніе вы видите только въ извѣстныхъ линіяхъ, соответствующихъ непріятельскимъ баттареямъ и направленію ихъ орудій. Баракамъ, находившимся подлѣ самыхъ бастионовъ, можно было ожидать постигшей ихъ участіи: они загорѣлись и разрушены нашими руками. Во всякомъ случаѣ непріятели, и послѣ двухнедѣльной (дневной иочной) бомбардировки, не могутъ похвалиться, чтобы они хотя отчасти разрушили городъ; ибо для глазъ ихъ городъ цѣлъ, какъ отчасти и для нашихъ—таковъ-же. Если намъ жалѣть должно, то о госпиталѣ, и то не зданіяхъ, въ которыхъ также не можетъ быть капитальныхъ поврежденій, а о жалкомъ положеніи больныхъ, которыхъ нужно было спасать изъ огня, а нѣкоторыхъ, очень понятно, и не успѣли спасти. За то, какая слава за сіе непріятелямъ, не уважившимъ и флага больныхъ, и раненыхъ! Хотя бы поучились у варва-

^{*)} Мѣстное название благо хлѣба.. Въ словарѣ Даля его нѣть. П. Б.

ровъ, у своихъ союзниковъ—Турокъ! Хотя бы затвердили декларацію Турецкаго паши въ Бухарестѣ, которою предписывается своимъ справедливую заботливость объ оставленныхъ Русскихъ раненыхъ! . . . . Пришедши къ Графской пристани, я встрѣтился тамъ съ плачевнымъ зрѣлицемъ, подобнымъ вчерашнему вечеромъ. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ прежде совершалось одно веселіе, устроено перевязочный пунктъ для раненыхъ. Въ продолженіе дня дѣлается перевязка, вечеромъ отправляютъ раненыхъ на Сѣверную, а чаще *на онъ полъ* бытія, гдѣ, т. е. на Сѣверной сторонѣ, и кладбище. Не безъ труда и ночью на перевязочномъ пунктѣ: ибо и ночью, хотя въ меньшемъ числѣ, бываютъ раненые; кромѣ того принесенные вечеромъ не могутъ быть тогда же отправлены на Сѣверную, потому шествіе съ ранеными изъ дома Собранія къ Графской пристани бываетъ и утромъ. Печальная картина! Однихъ носять въ койкахъ, другихъ въ носилкахъ парусиновыхъ, которая уже почернѣла отъ крови, истекающей изъ раненыхъ. Стоновъ я не слышалъ (уже довольно они стонали, вѣрно, подъ ножемъ оператора); по блѣднымъ и полумертвымъ лицамъ страдальцевъ можно было судить объ ихъ состояніи. Главный докторъ на перевязочномъ пункте, на вопросъ: много умирающихъ? отвѣчалъ безусловно: „нѣть“. „Впрочемъ, прибавилъ, мы ихъ недолго задерживаемъ здѣсь, а отправляемъ на ту сторону, въ госпиталь“. Я не былъ еще на той сторонѣ, т. е. Сѣверной; а пока замѣчу то, что слышалъ отъ бывшихъ тамъ о госпиталѣ, устроенному во временныхъ баракахъ, гдѣ видѣли тѣсноту, нечистоту и нужду всякаго рода... При перемѣнѣ обстоятельствъ, при критическомъ положеніи больныхъ и ежечасномъ умноженіи ихъ, порядокъ въ госпиталѣ прежняго мирнаго времени: медики собираются только въ извѣстные урочные часы, а во все прочее время одинъ дежурный медикъ, который не въ состояніи удовлетворить и тысячной доли настоящихъ потребностей госпитала. Прислуги мало или почти нѣть. Больные муку терпятъ отъ жажды и тщетно вопіютъ о каплѣ воды. Въ пищѣ недостатокъ, за неприведеніемъ въ порядокъ разбитыхъ частей госпитала. (Прислуги мало или почти нѣть). Многихъ умершихъ предаютъ землѣ будто-бы безъ погребенія. Но тамъ есть госпитальный священникъ. Развѣ не успѣваетъ? Можно послать праздныхъ іеромонаховъ (нѣть Корнилова....) Прости мнѣ, Господи! Не сужу, а пишу, чтѣ слышалъ. Погребаютъ нижнихъ чиновъ десятками, безъ гробовъ, въ общей ямѣ. Офицеровъ по два, по три, если случится, также въ общей ямѣ. Вчера похоронили двухъ медиковъ—одного армейскаго, другого—флотскаго, товарищѣй по ученику, въ общей ямѣ. Число потери нашей навѣрное доселѣ не могу узнать. Но вообще полагаютъ до 4 тысячъ морскихъ чиновъ. Въ

послѣдніе дни убыль значительно меньше; круглымъ числомъ полагаютъ 25 человѣкъ въ день . . . . .

22-го Октября. Баттареи дѣйствовали всю ночь. Но особенно сильная началась канонада въ 5 часовъ. Въ обѣдни и въ утрени народу было мало, очень мало, судя по великому празднику. Люди живутъ на Сѣверной. Мнѣ хотѣлось имѣть понятіе о Сѣверной сторонѣ въ настоящее время, и послѣ обѣда я, на пароходѣ „Турокъ“, отправился на Сѣверную сторону. На дорогѣ къ пристани, у Михайловской церкви, я встрѣтилъ командира корпуса Д. Ну, слава Богу, если начальникъ здѣсь, значитъ и корпусъ уже его на мѣстѣ. На пароходѣ мнѣ сказали, что въ эту ночь еще войдутъ три полка въ городъ, для чего и пароходы и боты на готовѣ. Прекрасная была мысль—затопить кораблями фарватеръ: мы отказались отъ моря, за то свободно ходимъ по дорожному для насъ рейду. Пароходы день и ночь подъ парами, перевозя казенный и частный грузъ, войска и жителей. На Сѣверной я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, которые тамъ проводятъ день, а ночью переѣжаютъ въ городъ, чтобы освѣдомиться о своихъ домахъ. Тамъ я увидѣлъ рынокъ—преимущественно сѣѣтной: ибо забота всѣхъ теперь ограничена насущнымъ хлѣбомъ, и то для одного лишь дня. На рынкѣ перемѣшаны здоровые съ больными въ сѣрыхъ чуйкахъ и бѣлыхъ колпакахъ. Какъ ни грустно посмотреть на этотъ бивуачный привалъ безпріютныхъ семействъ, но все же здѣсь жизни: продаются, покупаются, провожаются, даже многіе представляютъ видъ прогуливающихся, Богъ знаетъ для развлеченія или отъ неимѣнія пріюта. Тамъ обозы казенные, тамъ дилижаны (всѣхъ родовъ) отѣзжающихъ и прѣѣзжающихъ; переселеніе въ мирные города и въ ближайшій Симферополь продолжается. Вотъ вижу, возвращается изъ полиціи чей-то штабъ съ казеннымъ конвоемъ. Пройдя далѣе по дорогѣ къ казеннымъ баракамъ, въ которые переведенъ госпиталь, на возморѣ Сѣверного укрѣпленія, я замѣтилъ большія, какъ будто редуты, могилы, и далѣе рабочихъ, которые роютъ новые могилы и погребателей. Боже мой! недостаетъ руки погребающей. Продолжаю идти къ госпиталю и слышу громкую жалобу матроса, который привезъ къ какому-то магазину убитыхъ. Онъ кричитъ, что не принимаютъ тамъ мертвыхъ, а велять везти прямо къ могиламъ.—„Куда я повезу, отвѣчаетъ онъ, когда могилы не готовы“, и пошелъ съ сими словами въ госпиталь, вѣроятно, просить у кого слѣдуетъ распоряженія. Не знаю, успѣть-ли онъ въ этомъ; ибо такое время, что можно сомнѣваться въ исполненіи самыхъ законныхъ требованій. Не достаетъ рукъ для удовлетворенія самыхъ священныхъ потребностей. Сопровождая носилки съ ранеными, которыхъ

привезли со мною же на пароходѣ, я пришелъ въ бараки и отыскалъ уголокъ, занимаемый о. Василиемъ, госпитальнымъ священникомъ, отъ котораго, къ удивленію моему, узналъ, что онъ уже требовалъ отъ начальства себѣ въ помощь іеромонаховъ, что сегодня ожидаетъ отвѣта. т. е. удовлетворенія. Бѣдный о. Василій, онъ самъ едва одного себя со своимъ семействомъ спасти отъ пожара и бомбъ, обращенныхъ на морской госпиталь. Церковь госпитальная почти вся разрушена. Тамъ, у о. Василія, я засталъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ, потомъ пришелъ и смотритель госпиталя Л. Отецъ Василій и на бивуакѣ отличается гостепріимствомъ: всѣмъ приходившимъ въ его палатку онъ радушно предлагалъ чай. За чаемъ шель разговоръ о томъ, что у насъ дѣлается. Шла рѣчъ о больныхъ, раненыхъ; нашихъ, съ убитыми, собственно по флоту, полагали въ 3 тысячи. Много выбыло офицеровъ. Три брата К. ранены, старшій безъ ноги. Удивлялись, какъ остался живъ лейтенантъ И., у котораго ядро сорвало эполету, оконтузило шею и плечо, а голова осталась на плечахъ. Съ восторгомъ говорили о лейтенантѣ К., командирѣ Волоховой баттареи. „Видали мы храбрыхъ, (такъ, по словамъ лейтенанта Б., отзывались о немъ безсрочные служители той баттареи) — но такихъ не видали и не увидимъ“. Когда орудія накалялись до такой степени, что опасно было заряжать ихъ, а между тѣмъ команда, вовсе не артиллерійская, выбилась изъ силъ, онъ, уже получившій нѣсколько ранъ, послалъ команду внизъ, а самъ палилъ и охлаждалъ водою всѣ орудія. Непріятель, замѣтивъ молчаніе баттареи и полагая, что она сбита, подошелъ на картечный выстрѣль и открылъ новый убийственный огонь. Вызвавъ опять прислугу наверхъ, К. продолжалъ защищаться до вечера, или лучше, пока въ немъ самомъ держалась душа. Отъ ранъ онъ не могъ устоять; сидя на орудіи, онъ получилъ новую тяжелую рану въ шею и, зажавъ язву рукою, не переставалъ говорить: „хорошо, ребята! кончай, ребята!“ И когда дѣло дѣйствительно кончилось, тогда сказалъ: „ну, теперь ступай внизъ и меня берите“, ибо не могъ уже двинуться съ мѣста. Послѣ перевязки онъ отправленъ въ Симферополь, куда для всѣхъ раненыхъ путь открыть, если сами этого пожелаютъ. Да и гдѣ съ ними дѣваться?

Еще рассказывали анекдоты о мужествѣ матросовъ. Боецманъ безъ ноги просить, чтобы его поднесли къ орудію, которое онъ не успѣлъ навести на непріятеля; когда его просьба не могла быть исполнена, онъ говорить: „Смотри же, Кузька, правѣе немножко, а не то будешь ты знать у меня и т. д.“. Да что и говорить о матросахъ? Когда въ 18 день бомбардированія Севастополя начальству пришла было

мысль смѣнить у баттареи прислугу, то на это матросы отвѣчали: „развѣ въ продолженіе 17 дней мы худо стояли? Зачѣмъ нась смѣнить?“ и остались на своихъ мѣстахъ доселѣ.

Возвращаясь уже на заходѣ солнца домой, я замѣтилъ на Сѣверной любимаго матросами адмирала Нахимова.

25-го Октября. Бомбардировка была усиленная. Непріятели весь день были заняты уборкою тѣлъ и раненыхъ. Больно то, что нашихъ убитыхъ, какъ говорять, не убираютъ. А мы не можемъ взять ихъ подъ непріятельскими выстрѣлами. Тамъ лежать и живые, но тяжело раненые. Нѣсколькоихъ подобрали послушники Инкерманской киновіи, по которымъ не стрѣляли непріятели. Другіе раненые, въ кустахъ лежащіе, опасаясь можетъ быть за жизнь самихъ подбирателей, прошли прийти за ними ночью. Утромъ, на Графской пристани, я былъ свидѣтелемъ тяжкаго для сердца зрѣлища. Носили на барказъ мертвяя тѣла вчера раненыхъ, которые не пережили своихъ ранъ и сдѣланной имъ операциіи, и ночью скончались. Клали мертвыхъ на барказъ, головою къ бортамъ, а ногами къ ногамъ; клали одного подъ другого по всему барказу, и потомъ другой рядъ надъ тѣми же тѣлами. Третьяго ряда я не дождался, не могши смотрѣть на невиданное мною зрѣлище. Были здѣсь и наши, въ сѣрыхъ шинеляхъ; ихъ немного: болѣшею частью это были Французы—одни въ синихъ мундирахъ и панталонахъ (народъ рослый), другіе въ синихъ мундирахъ и красныхъ панталонахъ (народъ помельче, это, говорятъ, стрѣлки или шутцерные).

1855 г.

1-го Января. Въ самую полночь съ З-го бастіона сдѣлана вылазка въ числѣ 300 охотниковъ. Непріятели бѣжали и были преслѣдуемы до З-й траншѣи. Въ плѣнъ взято 18 человѣкъ. Много положили на мѣстѣ. Наше „ура“ слышно было въ городѣ. Въ слѣдь за тѣмъ съ обѣихъ сторонъ открыть огонь. Такимъ образомъ мы встрѣтили Новый годъ громами и молніями. Морозъ съ ночи былъ хороший и сѣверный вѣтеръ съ небольшимъ снѣгомъ. Днемъ, хотя и падалъ снѣгъ, но при оттепели....

5-го Января. Утромъ былъ на рынке. Все дорого, да и нѣть ничего. Бѣлый хлѣбъ, который прежде платили 15 к. теперь 40 к.

Въ полдень, по совершеніи литургіи, освятили соборнѣ воду. Народу, или лучше солдатъ, было довольно въ церкви, и не обошлось безъ шума за воду, какъ обыкновенно бываетъ. Въ 4 часа, по желанію гг. офицеровъ, служилъ панихида по Корниловѣ на могилѣ его.

День былъ тихій и ясный; морозъ держался; начинай южный вѣтерокъ. Со стороны непріятелей ничего особенного....

10-го Января. Съ полуудня было ясно. Въ 11 часовъ я ходилъ въ домъ Благороднаго собранія, гдѣ перевязочный пунктъ для раненыхъ, исповѣдывать и пріобщать раненаго лейтенанта Т. Этотъ молодой офицеръ три раза былъ охотникомъ на вылазкахъ, и въ четвертый—раненъ въ грудь на вылетъ. Доктора находять рану не смертельной и подаютъ надежду на выздоровленіе; но Богъ вѣсть! Больной самъ чувствуетъ себя очень трудно. Подлѣ него ухаживаетъ родной братъ его, на баттареѣ тяжело контуженный. Война сродняетъ братьевъ, какъ и утроба материня. Сколько слушаевъ, гдѣ браты родные вмѣстѣ падаютъ въ полѣ битвы и даже отъ одного ядра, вмѣстѣ ранены и встречаются на перевязочномъ пункѣ и потомъ въ госпитальной палатѣ! Уврачевавъ больнаго Т. св. таинствами, я уже сложилъ было ризу съ епитрахилью и крестъ въ платокъ, и шелъ домой, какъ слышу голосъ другого больнаго: „дайте мнѣ, батюшку, поцѣловать крестъ“. Я, не медля, возложилъ на себя епитрахиль и поднесъ крестъ. Это былъ нашъ офицеръ безъ руки; я прежде призналъ его по физіономіи за Француза. Что значитъ болѣзнь! . . . .

14-го Января. Вчера прибыли въ 4 крытыхъ подводахъ сестры милосердія для услугъ раненымъ больнымъ. Вчера же привезена изъ Симферополя, по желанію полковника Б. полка, икона (въ копії) Касперовской Божіей Матери для служенія въ полку молебна. Примѣръ этотъ возбудилъ такое-же благочестивое желаніе и въ другомъ полковомъ командирѣ....

19-го Января. Вечеромъ, въ 6 часовъ, получилъ я письмо изъ находящагося въ плѣну Георгіевскаго монастыря, отъ архимандрита Г. Имѣя подлинникъ послать владыкѣ, снимаю здѣсь копію:

„На первое письмо ваше я отвѣчалъ вамъ 22-го Декабря, а на второе отвѣчу и передаю вамъ тоже самое, что было сказано въ первомъ. Честь имѣю увѣдомить васъ, что мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы, кромѣ эконома монастыря, іеромонаха Августина, который умеръ 22-го Сентября. Нуждъ, по особенной милости и благоснисхождѣнію къ обители нашей г. главнокомандующаго Французскими войсками, не имѣемъ. Богослуженіе совершаются у насъ ежедневно.“

„Тогда, за поспѣшностью, не могъ больше ничего написать, а теперь могу вамъ передать и кое-что лишнее. Нашъ монастырь много пострадалъ 2-го Ноября отъ чрезвычайной бури: церковь Георгіевскую слишкомъ много повредило, и чуть-ли не до основанія, и теперь у насъ отправляются богослуженіе въ маленькой церкви, Дмитріевской;

Лазаревскій домъ разрушился почти до основанія; два новыхъ корпуса раскрыло, и хотя послѣ поправили, но при малѣйшемъ дождикѣ бываетъ течь сильная въ келяхъ; а третій корпусъ, что близъ новыхъ корпусовъ, почти разрушился; много деревьевъ повредило, а иѣсколько совсѣмъ уничтожило; церковь Воздвиженскую наверху совсѣмъ раскрыло и часть ограды чугунной изломало; гостиницы тоже всѣ раскрыло и сараи повредило. Вотъ теперь какой нашъ монастырь! Будьте здоровы!“

14-го Января 1855 г.

„Испросите архиастырское благословеніе на главы наши. У насъ оказывается недостатокъ въ восковыхъ свѣчахъ для церкви; этого намъ не могутъ доставить, потому что подобного рода свѣчей у нихъ нѣть; нельзя ли будетъ вамъ прислать для монастыря хоть фунтовъ 15 мелкихъ свѣчей“.

„21-го Января. Въ 11 часовъ былъ у генерала С. съ письмомъ и посылкой въ монастырь, чтѣ и отправлено. Генералъ похвалился мнѣ, что онъ писалъ генералу Канроберу и благодарила его за уваженіе къ св. обители и вниманіе къ живущимъ въ ней“.

27-го Января получилъ отъ Владыки *) письмо, въ которомъ между прочимъ: „Миѣ думается на горѣ Инкерманской выстроить малую церковь на память Инкерманскаго сраженія и для поминовенія въ немъ падшихъ на брані воиновъ. Справься, можно-ли возъимѣть ихъ имена. О семъ намѣреніи можешь сказать кому нужно, да пожалуй и каждому“. Свято для меня слово владыки моего, и я долженъ исполнить повелѣніе, но считаю не излишнимъ и свое мнѣніе о семъ предметѣ представить на усмотрѣніе его. Главное мѣсто сраженія, называемаго Инкерманскимъ, было на Сапунъ-горѣ, въ значительномъ разстояніи отъ Инкермана. Богъ вѣсть, не будетъ ли еще подобнаго кровопролитнаго сраженія на томъ или другомъ мѣстѣ, которое также будетъ имѣть право на память. Поелику же тѣла убитыхъ въ Инкерманскомъ сраженіи (кои успѣли унести) и умершихъ отъ ранъ тамъ полученныхъ (въ томъ числѣ и генерала Соймонова) погребены на Сѣверной, гдѣ теперь общее кладбище всѣхъ павшихъ при защите Севастополя, то церковь, какъ памятникъ на брані убѣннымъ православнымъ воинамъ приличнѣе устроить на ихъ могилахъ, на Сѣверной. Въ балкахъ этой стороны немало есть жителей; баттареи Сѣверныя тоже не имѣютъ церкви; кромѣ того на Сѣверной—главный для Севастополя привозъ базарный; потому церковь для усопшихъ была бы близкимъ

*) Преосвященнаго Иннокентія.

прибѣжищемъ и для живыхъ. Первый случай объявить мысль владыкѣ я имѣлъ за обѣдомъ, З-мъ штабъ-офицерамъ флотскимъ, которые нашли ее весьма благою и къ исполненію необходимую. Но какого рода должна быть церковь, родился вопросъ. Всѣ согласились, что она не можетъ имѣть постоянныхъ средствъ къ содержанію, находясь въ полѣ, вдали отъ жителей. Тамъ могутъ быть многочисленныя собранія напр. 24-го Октября въ день годовщины, во дни поминовенія церковнаго, и лѣтомъ могутъ избирать подобное мѣсто для прогулки. Слѣдовательно, тамъ можетъ быть какой-либо духовный старецъ въ качествѣ стражи св. мѣста и при случаѣ молитвенника обѣ усошихъ. Воззимѣть списокъ убитыхъ тамъ не трудно¹⁾.

27-го Января. О. Василій сообщилъ мнѣ кое-что, о чёмъ могу замѣтить здѣсь. 1) Сестры милосердія, прибывшія въ Севастополь, имѣютъ увѣдомленіе изъ придворной конторы Великой Княгини Елены Павловны, что къ нимъ назначены духовниками я и іеромонахъ Иннокентій, и желаютъ видѣться со мною. Поспѣшу. 2) Въ Морскомъ госпиталѣ, вслѣдствіе безпрерывныхъ заботъ Царскаго дома, все улучшено до превосходной степени. 3) Московскіе купцы, на 99 тройкахъ, привезли превосходную крупу, сахаръ, чай, и все, и все. Это превосходно!²⁾

29-го Января. Зашелъ къ преосвященному митрополиту Агаѳан-гелу.... Тамъ засталъ я одного офицера съ баттареи № 8, что противъ карантина, отъ котораго слышалъ, что по Херсонесской церкви³⁾, ограбленной до доски непріятелемъ, долго мы не рѣшались стрѣлять, уважая святыню; но когда въ ней засѣли непріятели съ штуцерами, то вынуждены были стрѣлять и по церкви, чтобы оттуда ихъ выгнать. По словамъ того же офицера, непріятельскіе стрѣлки прятались также въ известковой печи, устроенной О. В. въ Херсонесѣ; оттуда также заставили ихъ удалиться. Но нѣть возможности выбивать ихъ изъ груды камня, разсыпанного по всему Херсонесу, и изъ могильныхъ пещеръ, раскрытыхъ антикварiemъ Гр. А. Ч. Дома, за обѣдомъ, рѣчь была о вице-адмиралѣ Нахимовѣ, который вчера назначенъ товарищемъ генералу Сакену. Замѣчу, офицеры, съ которыми шла рѣчь о Нахимовѣ,

¹⁾ Какъ известно, церковь воздвигнута на Сѣверной сторонѣ.

²⁾ Тутъ главнымъ дѣятелемъ былъ человѣкъ зоркаго ума и геніального сердца—Василій Александровичъ Кокоревъ. У него была мысль и въ Турецкую войну устроить непрерывныя сообщенія Москвы съ мѣстами боя посредствомъ такихъ троекъ. И. Б.

³⁾ Это была временная церковь во имя св. равноапост. кн. Владимира, устроенная на развалинахъ Херсонеса, уступленныхъ подъ иноческую киновію, по ходатайству преосвященнаго архіепископа Иннокентія.

принадлежать къ оппозиціи его. Мнѣ кажется, что когда человѣкъ имѣть приверженцевъ и противниковъ, то уже по одному этому стдитъ вниманія. И на это нужно талантъ, чтобы заставить говорить о себѣ; а чтобы раздѣлить общество непростое (каково общество флотскихъ офицеровъ)—для этого нужно что-нибудь особенное. . . .

31-го Января. Посѣтилъ раненыхъ больныхъ, за которыми сестры ухаживаютъ весьма усердно. Правда, при операцияхъ и перевязкахъ, онѣ составляютъ только третью руки (первыя—докторовъ, вторыя—фельдшеровъ), поднося корпю и разныя бутылочки для примочекъ *). Но очень мило онѣ кормятъ, поять и ласкаютъ больныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна сестра трепала матроса по щекѣ, называя голубчикомъ и другими милыми именами, какъ другого заохочивала завтра на вылазку. Матросы, забывая боль, радостно улыбаются при этомъ. По объясненной одной изъ нихъ надобности въ иконахъ, для комнатъ больныхъ, сегодня отослали туда четыре.... Проходя мимо Михайловской (адмиралтейной) церкви, я замѣтилъ въ ней у самого амвона, на довольно высокомъ подножіи, крестъ, предъ которымъ стоять два подсвѣчника. Я вошелъ въ церковь, чтобы разспросить, чѣмъ за крестъ? Діаконъ могъ мнѣ только сказать, что крестъ этотъ (и еще другой подобный) присланъ изъ Москвы какимъ-то купцомъ для Севастополя. Но самый крестъ болѣе мнѣ сказалъ о себѣ: на лицевой сторонѣ, въ верхнемъ ободкѣ, Спаситель на тронѣ, подлѣ него Матерь Божія и Ioannъ Предтеча. Въ среднемъ—распятіе Спасителя; у креста стоять дѣва Marія и Ioannъ Богословъ. Въ нижнемъ—сошествіе во адъ. На четырехъ концахъ креста изображенія 12 апостоловъ, тоже въ золотыхъ ободкахъ. На другой сторонѣ изображеніямъ 12 апостоловъ соотвѣтствуетъ такое же число звѣздъ серебряныхъ. На окончностяхъ креста, въ ободкахъ, слѣдующія изображенія: Рождество Христово, Сошествіе Св. Духа, Преображеніе, Вознесеніе и Успеніе Божіей Матери. На передней сторонѣ креста внизу надпись: „сімъ побѣждай!“ На другой: „подобіе креста, принесенного равноапостольнымъ княземъ Владимиромъ изъ Херсонеса“. Понятно, почему подобный крестъ присланъ въ даръ воинству, сражающемуся за вѣру и отечество именно тамъ, гдѣ крестился Первоначальникъ нашей вѣры и отечества, и откуда имъ принесенъ подобный крестъ въ первопрестольный градъ. Но желательно знать, какъ именно родилась эта мысль и какъ выражена самимъ благочестивымъ жертвователемъ этого побѣдного знаменія

*) Это, впрочемъ, разумѣть должно о первыхъ перевязкахъ; послѣдующія дѣлали сами сестры.

Христолюбиваго воинства. Постараюсь узнать и внести это въ дневникъ мой *) . . . . .

4-го Февраля. Весь день очень теплый. Въ 9-мъ часу утра отслужилъ на перевязочномъ пункѣ молебенъ съ водосвятіемъ. Раненыхъ подносили съ бастіоновъ, хотя, повидимому, пальба не часта. Сестра милосердія съ удивленіемъ рассказала мнѣ о казачьемъ Черноморскомъ офицерѣ, вчера приходившемъ на перевязочный пунктъ. Онъ контуженъ и просилъ пособія. Когда дежурный медикъ сказалъ ему, что долженъ онъ на нѣсколько дней остаться въ госпиталѣ или квартирѣ, онъ отвѣчалъ: „о, этого рецепта я не могу принять. Мнѣ дайте такое лѣкарство, чтобы я завтра же былъ здоровъ или по крайней мѣрѣ, чтобы я могъ пользоваться имъ тамъ—на баттареѣ, откуда я не отлучусь. Какъ, можетъ быть и эту ночь будетъ вылазка, а я буду въ госпиталѣ, когда мои товарищи будутъ въ дѣлѣ! Нѣть, благодарю, если нѣть такого лѣкарства, то я и безъ него иду на бастіонъ!“ Ему придумали нѣчто, чтѣ можно бы дать на руки, но нужно было еще послать въ аптеку, а была ночь. „Ну, такъ завтра“, и съ тѣмъ ушелъ на бастіонъ.—„Давно-ли офицеромъ?“ спросила сестра. „Здѣсь произведенъ“ былъ краткій отвѣтъ не краснорѣчиваго словомъ, а душой Черноморца. Вообще о Черноморцахъ, объ ихъ удальствѣ, отвагѣ—слава хороша....

7-го Февраля. Понедѣльникъ первой седмицы великаго поста. День пасмурный, вѣтеръ западный, палять изрѣдка и слабо. На утрени было людей немного. Послѣ утрени былъ у раненыхъ больныхъ. Во всякомъ изъ нихъ вѣра и вѣра живая. На вопросъ о здоровьѣ, одинъ отвѣтъ у каждого: „слава Богу, лучше себя чувствую“. Если кому хуже, то, сказавъ, что худо, заключить тѣмъ же: „слава Богу“. Тотъ просить помолиться о немъ и предлагаетъ гривенникъ на молебенъ. „Не надо, другъ мой“, отвѣчаю: „помолюсь, а безмездную молитву Господь скорѣе услышитъ“. Больной не соглашается и какъ-будто обидѣлся тѣмъ, что я не хочу принять денегъ.—„Вотъ же на что лучше употреби—наконецъ говорю ему—я пришлю къ иконѣ лампадку; такъ пусть твои деньги будутъ на масло для лампадки, которая тутъ-же у вѣсъ будетъ теплиться“. Онъ остался этимъ доволенъ и успокоился. Другой: „теперь посты, батюшка, я буду поститься“. „Нельзя,—отвѣчаю—ты боленъ и тебѣ даютъ пищу, которая была-бы лѣкарствомъ, а лѣкарство больному необходимо принимать. Не смущайся этимъ, здѣсь грѣха твоего не будетъ: предоставь поститься за тебя здоровымъ“. Успокоилъ тѣмъ одного,

*) Оказалось потомъ, что мысль жертвователю подалъ преосвящ. Иннокентій, который 26 Іюня 1855 г., прибывъ въ Михайловскую церковь для служенія, нечаянно удивленъ былъ исполненіемъ, не будучи извѣщенъ о томъ.

а потомъ другого, который не рѣшался въ посты кушать скромное. Еще одинъ хотеть что-то сказать. „Что?“—спрашиваю.—„Батюшка, чтò мнѣ дѣлать? Мнѣ ночью все такое страшное представляется“.—„А ты съ вечера хорошенъко молись Богу, то и спать будешь спокойно“.—„Молюсь, батюшка!“—„А ты знаешь, что при каждомъ изъ насть есть Ангель-Хранитель. Помолись еще ему: онъ ис допустить на душѣ твоей ничего страшного“. Между тѣмъ эти грезы его бываютъ собственно отъ горячечнаго состоянія, какъ мнѣ объяснила начальница сестеръ Ек. М. Б.¹⁾ Что же сказать въ утѣшеніе безпомощному страдальцу, кромѣ утѣшенія вѣры? А почемъ знать, что тотъ, кого медики записали въ безнадежные, нестанетъ отъ одра надеждою на Бога и что самъ Ангель не станетъ для него сестрой и даже лучшимъ медикомъ?...

8-го Февраля. Утро встрѣтило насть не бомбардировкой, что многие ожидали со страхомъ, а морозомъ, снѣгомъ и сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дуль въ продолженіе всей ночи. Такая перемѣна въ погодѣ очень могла произвести перемѣну въ намѣреніяхъ непріятеля, если они действительно намѣревались открыть новую бомбардировку. Homo proropit, Deus disponit²⁾). У Него, Всемогущаго, все готово и все посыпается съ премудрой цѣлью. Видимъ мы эту цѣль или нѣтъ—можемъ бытьувѣрены, что любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое. Напр. и эта холода, послѣ дней совершенно лѣтнихъ, снѣгъ, мятель намъ во благое: ибо—очевидно—въ большой вредъ непріятелю. Благодареніе Богу!

Въ церкви службу нужно было сегодня уступить армейскимъ священникамъ, которые будуть пріобщать солдатъ Тобольского полка. Потому все утро я могъ употребить на служеніе раненымъ больнымъ, коихъ, благодареніе Богу, исповѣдалъ и пріобщилъ 15 человѣкъ. Духъ вѣры, возгрѣваемый въ больныхъ истинно-христіанскимъ служеніемъ сестеръ попеченія, не угасаетъ ни въ комъ: прійдешь исповѣдать и пріобщать одного или двухъ, а найдешь желающихъ 10. Рядомъ съ больнымъ, котораго я исповѣдалъ и пріобщалъ, лежитъ солдатъ—Еврей безъ руки. Сестра уже не первый разъ хочетъ обратить на него мое вниманіе, говоря: „какъ жаль, что онъ не христіанинъ, а добрый Еврей и притомъ раненъ ужъ третій разъ“. Его полюбиль и докторъ, который усердно смотритъ за нимъ и удерживаетъ на перевязочномъ пункѣ, чтобы не передавать его на другія руки. Я самъ замѣтилъ въ немъ кромѣ терпѣнія и набожности: онъ молится по книгѣ. Добрый Еврей

¹⁾ Екатерина Михайловна Бакунина. П. Б.

²⁾ Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.

можеть быть и добрымъ христіаниномъ. Болѣзньное его состояніе и сохраненіе его жизни, повидимому, представляеть важный поводъ заговорить съ нимъ о вѣрѣ. Можетъ быть, этотъ самый случай занималъ и сестру, богатую чувствами христіанскими. Но мнѣ это самое обстоятельство и представлялось важнымъ здѣсь препятствіемъ, почему собственно я и не рѣшался вступить въ разговоры съ нимъ, зная, что Еврей вдругъ догадается, о чёмъ священникъ станеть съ нимъ говорить. И вотъ, когда я, пріобщивъ своего больного и уже сложивъ съ себя священное облаченіе, обратился къ Еврею съ вопросомъ: „а твое. Абрумъ, какъ здоровье?“ онъ, сказавъ: слава Богу, тотчасъ же сталъ противъ меня въ оборонительное положеніе. „Слава Богу“, отвѣчалъ онъ, „ужъ три раза Богъ сохранилъ жизнь мою, я два раза раненъ на Дунаѣ: потому не надо перемѣнить той вѣры, въ которой кто родился“. Что мнѣ оставалось сказать ему на такой неожиданный отпоръ? Потому-что я не только не намекнулъ ему о перемѣнѣ вѣры, а даже, признаюсь, не думалъ на первый разъ объ этомъ упоминать. „И наше Святое Писаніе говоритъ—былъ мой отвѣтъ—что во всякой вѣрѣ, кто дѣлаетъ угодное Богу, пріятенъ ему. Потому продолжай, Абрумъ, дѣлать угодное Богу по твоей вѣрѣ, а тамъ Господь, сохранившій тебя отъ смерти, Самъ укажетъ тебѣ и истинный путь къ жизни“.

А вотъ что удивительно: иногда встрѣчаешь отпоръ въ болѣномъ христіанинѣ, именно, когда предлагаешь ему исповѣдываться и пріобщаться. Станный предразсудокъ не у однихъ простыхъ, а нерѣдко даже у образованныхъ, что это есть напутствіе къ смерти.

9-го Февраля. Вечеромъ былъ на перевязочномъ пункѣ. Больные всегда рады посѣщенію и готовы поговорить. Тотъ жалуется на жаръ въ головѣ и грезы; другой все таки беспокоится, что онъ не постится; одинъ видѣлъ сонъ и желаетъ знать, чтобы онъ значилъ; болѣе здоровые въ одинъ голосъ повторяютъ: слава Богу! слава Богу; отъ тѣхъ слышится жалоба, что холодно въ комнатахъ, мало отпускаютъ дровъ. Всякому что-нибудь скажешь въ утѣшеніе, и благодарятъ за посѣщеніе.

10-го Февраля. Въ 7 часовъ утра былъ на перевязочномъ пункѣ, гдѣ исповѣдалъ и пріобщилъ четырехъ раненыхъ. Удивилъ меня одинъ къ тому своимъ препятствіемъ. Когда я объяснилъ ему важность и необходимость духовнаго врачевства, онъ, вздохнувъ, тотчасъ пожелалъ воспользоваться имъ, но при этомъ тихо промолвилъ: „какъ-же, у меня денегъ нѣть...“ Или такое бѣдное у него понятіе, или такова уже привычка у православнаго, что онъ ничего не принимаетъ отъ священника безъ благодарности.

11-го Февраля.... День прошелъ въ службѣ. Много было исповѣдниковъ. Во второмъ часу былъ на перевязочномъ пункте, гдѣ присутствовалъ при операциіи, когда отрѣзывали руку. Положимъ, что больной молчать отъ хлороформу, и что операциія производится очень искусно и быстро, но невыносимо болѣно для сердца быть простымъ свидѣтелемъ этой страсти. Другому операциія уже окончена. Онъ лежитъ и что-то говоритъ. Подхожу къ нему. „Благословите, батюшка!“— „Господь тебя благословить. Какъ чувствуешь себя?“— „Вотъ руки нѣтъ. Но я пойду и съ одной рукой, непремѣнно пойду. Нужно моло-дымъ солдатамъ примѣръ показывать“.

И плачетъ бѣдный не столько отъ боли, сколько отъ досады, что онъ не тамъ и не можетъ бить Французовъ....

14-го Февраля. Вечеромъ служилъ для больной сестры повечеріе и утреню. Бѣдная сильно занемогла, служа больнымъ и между прочимъ скорбить, что еще мало потрудилась....

15-го Февраля.... Вечеромъ три дѣвицы, родныя сестры и дочери бѣдной вдовы, приходили ко мнѣ просить благословенія въ путь.— Куда?— „Куда-либо“, только изъ Крыму, изъ котораго даже побуждаютъ женскій полъ уѣзжать. Получили на то, какъ и всѣ, вспоможеніе отъ начальства.... „Гдѣ же вы будете жить?“— Богъ вѣсты! Будемъ искать у помѣщиковъ мѣстъ ключницы, горничной и проч. Думаю, что Господь, любящій „сира“ и „вдовицу“, укажетъ имъ пріютъ.

18-го Февраля. Съверный вѣтеръ дулъ ночью и теперь дуетъ; оттого стало въ городѣ сухо. Въ операционной комнатѣ утромъ не засталъ ни одного раненаго; это рѣдко! Для одного больного отслужилъ въ палатѣ молебень. Исповѣдалъ и пріобщилъ одного. Въ 12 ч. по-гребаль сестру Кузнецова, умершую отъ тифуса. Погребеніе отпѣвали въ Михайловской церкви, а предали землѣ на Съверной, на новомъ кладбищѣ. Общиа могилы роютъ теперь глубокія, примѣрно на 50 человѣкъ. По окончаніи войны предполагается всѣ могилы уровнять и сдѣлать курганы, на которомъ будетъ поставленъ памятникъ.

21-го Февраля.... Въ 4 часа еще однажды посѣтилъ раненыхъ и двумъ отнесъ по просфорѣ, ибо сами просили святого хлѣба. Въ больныхъ открывается потребность во всемъ священномъ. Болѣе ничего особеннаго не случилось.

23-го Февраля.... Обѣдалъ у меня іеромонахъ Иннокентій, смотритель Инкерманской киновіи, которая еще существуетъ въ добромъ здравіи, и его послушники тамъ витаютъ....

Весь этот день былъ для меня тяжель по причинѣ случившагося въ церкви воровства. Боже нашъ! Въ такое время, когда стыдно и сказать, чтобы были люди въ городѣ, небоящіеся гнѣва Божія! Однако есть. Горе намъ!....

25-го Февраля.... Сего же числа получилъ отъ преосвященнѣйшаго владыки нашего, архіепископа Иннокентія, важную бумагу: это прошеніе православныхъ жителей Крымскаго полуострова о дарованіи сему краю самостоятельной іерархіи или кафедры архіерейской, чѣмъ будетъ почтена апостольская древность Православной Церкви, благоукрасится колыбель Русскаго христіанства въ Крыму, поставится оплотъ противъ господствующаго въ немъ магометанства, положится одинъ изъ благонадежнѣйшихъ залоговъ къ полнѣшему сліянію сего края съ составомъ Имперіи и преподастся здѣшнему христіанскому населенію новое средство къ уврачеванію себя отъ язвъ, нанесенныхъ ему враждебнымъ вторженiemъ иноплеменниковъ и мятежнымъ возстаніемъ туземныхъ Татаръ....

28-го Февраля... Запишу копію письма, которое вчера встрѣтилъ у сестеръ. Оно передано имъ отъ начальника штаба кн. Васильчикова, для прочтенія раненымъ больнымъ:

„Къ раненымъ православнымъ воинамъ“.

Здравствуйте, мои незавѣнныя братцы! Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, поздравляю васъ; прижимая васъ къ сердцу, цѣлую ваши драгоцѣнныя раны, коими вы украшены за православную вѣру и отечество. Посылаю вамъ рубахъ сколько могу. Увѣряю васъ, что непрестанно молю Спасителя Бога о укрѣплѣніи силъ и дарованіи вамъ побѣды на врага.

Дражайшіе друзья! Желая вамъ всякаго добра и счастья, прошу принять мой дружественный совѣтъ.

Господи всесильне! Просвѣти и укрѣпи меня своею благодатью. Какія-бы ни находили скорби на васъ, но вы не унывайте: ибо Господь съ вами, и сила Божія совершается въ васъ наиболѣе; и притомъ направляйте сердца свои къ всемогущему Богу, и Онъ утѣшить васъ здоровьемъ душевнымъ и тѣлеснымъ, какъ Податель жизни и благъ; молиться можно и сидя, и лежа, лишь бы съ душевнымъ расположениемъ.

Милые голубчики! Кто не позавидуетъ изъ благоразумныхъ вашему счастью, что вы избраны защищать не только отечество свое дражайшее, но и Самого Бога Вседержителя. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пострадавъ за спасеніе рода человѣческаго, оставилъ намъ образецъ вѣры и любовь къ достижению царствія Божія. Надо же намъ

сберегать эти дары Божии добрыми дѣлами: ибо Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Знайте, что ваша блистательная участь дорога для всей Богохранимой Россіи, и всякъ изъ соотчичей вашихъ готовъ подать вамъ руку помощи и облегчить васъ искреннимъ усердіемъ. Стбить вамъ только, благословенные защитники Православія, бодриться и помышлять, что каждая капля крови вашей геройской оцѣняется вашимъ отечествомъ заботливымъ высоко и вознаграждается достойно любвеобильнымъ Царемъ, Отцомъ нашимъ. При томъ памятуйте, вѣрные сыны Востока и потомки благочестивыхъ предковъ Россіянъ, что св. Архистратигъ Михаилъ, воевода небесныхъ воинствъ и побѣдитель враговъ церкви Божіей, стоитъ съ вами за св. вѣру и облагодатствованымъ мечомъ своимъ охраняетъ насть всѣхъ отъ враговъ, и все святые, радуясь вашему добромъ подвигу, молять Христа Бога о исцѣленіи васъ. Будьте же спокойны, хранители земли Русской, и радуйтесь: ибо Самъ Царь Небесный избралъ васъ на это св. дѣло—защищать православную вѣру, распространенную въ нашемъ дражайшемъ отечествѣ Св. Самимъ Творцомъ неба и земли чрезъ В. К. Владимира.

Вѣрьте, что Всеблагій Господь исцѣляетъ васъ, исповѣдниковъ Его св. вѣры, выполняющихъ сильно истины Св. Евангелія.

А когда возстанете отъ одра болѣзни, то пострайтесь, возблагодарить Всемилостиваго Спаса всѣмъ сердцемъ за безчисленныя милости, и въ упованіи на всесильную благодать Его идите смѣло противъ враговъ и стойте твердо за православную вѣру, за благочестившаго царя и за отчество дражайшее. А на такое дѣло святое благословляю васъ благословеніемъ Господнимъ и желаю вамъ духа христіанского, свойственного Русскому человѣку и сердцу. Цѣлую васъ еще, испрашивая вамъ отъ Господа Бога премилосердаго помощи вамъ.

Священникъ К..... М....

6-го Января 1855 г. Село В.

Потомъ посѣтилъ раненыхъ больныхъ въ Николаевской баттареѣ, гдѣ они предстаютъ гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, чѣмъ въ другихъ пунктахъ. Многіе изъ нихъ сидятъ и съ видомъ веселымъ, свидѣтельствующимъ о возвращеніи силъ; другіе прохаживаются, ведутъ разговоры и проч. Начинаютъ жить. Весьма пріятно было встрѣтиться съ больными, поступившими сюда изъ инженернаго двора: здѣсь былъ второй перевязочный пунктъ. Первый находился въ домѣ Благороднаго собранія. И еще одинъ—въ Корабельной части города. Они взаимно очень были рады, увидѣвъ знакомаго своего батюшку.

1-го Марта. Свѣтло всходило солнце, но не свѣтло было для насть утро этого дня. Въ два часа ночи свиты Его Величества генераль-

мајоромъ кн. Паскевичемъ привезена въ Севастополь печальная вѣсть о кончинѣ Государя Императора и съ разсвѣтомъ была уже всѣмъ извѣстно. Пока она еще носилась по городу слухомъ, никто не хотѣлъ вѣрить; страшно было даже слышать или передать ее другому; на крайность склонялись разумѣть это о Государынѣ Императрицѣ, о которой давно было извѣстно, что она больна и уже другой разъ потребовала къ себѣ дѣтей (В. К. Николая и Михаила Николаевичей) изъ Севастополя. Такъ говорили, а значитъ, что послѣдній разъ ихъ позвали домой по слухамъ болѣзни Государя Императора. Доблестные царевичи не могли впрочемъ застать своего августѣйшаго родителя въ живыхъ. Государь Императоръ скончался 18 Февраля, а они выѣхали изъ Севастополя на 22 Февраля ночью. Печаль неимовѣрная, нежданная, глубокая! Одинъ Господь, поставляющій царей и преставляющій, вѣдаешь, для чего такъ неблаговременно для насъ воззвалъ къ Себѣ высокаго помазанника Своего, для чего въ такое время повелѣлъ зайти солнцу нашему... Да не рекутъ враги наши: Богъ оставилъ есть ихъ....

Въ 7 часовъ утра былъ у раненыхъ больныхъ въ инженерномъ домѣ, и еще не слышали здѣсь печальной вѣсти. Чрезъ полчаса собрались медики и объявили о томъ за вѣрное. Безмолвіе было первымъ выраженіемъ невыразимой скорби. Чьему сердцу не была болѣзненна вѣсть эта? Кто не понималъ важности тяжкаго посѣщенія Божія? Не могшіе удержать своихъ чувствъ плакали.

На перевязочномъ пункѣ засталъ 6 раненыхъ взрывомъ одной бомбы: одни тяжело, другіе—легче. Исповѣдалъ и пріобщалъ двухъ.

Возвращаясь домой, я уже встрѣчалъ войска, проходившія къ Михайловской церкви, гдѣ на площади имѣли принести присягу вступившему на престолъ государю императору Александру Николаевичу и наследнику престола цесаревичу великому князю Николаю Александровичу. Священная присяга началась въ 11 час. Поставлены были 5 налоевъ, на которыхъ лежали кресты и евангелия. По желанію генер. Сакена ускорить это дѣло, я послалъ еще съ своей церкви 2 налоа съ евангелиями и крестами. У каждого налоа строились войска и, поднявъ руку, произносили за священниками присягу—генералы, и солдаты, и граждане вмѣстѣ, гдѣ кто могъ присоединиться. И въ другихъ пунктахъ города собирали баттарейныя и другія команды и приводили къ присягѣ такимъ же порядкомъ. Сначала читанъ былъ манифестъ государя императора Александра Николаевича о смерти его августѣйшаго родителя, потомъ приказъ его же величества съ объявленіемъ войскамъ послѣдней воли покойнаго императора и наконецъ присяга.

Въ 9 часовъ утра былъ у меня квартальный надзиратель отъ имени Севастопольского полицмейстера предварить, чтобы я не отлучался изъ дома, ибо нужно будетъ приводить къ присягѣ. Спросивъ, слыша́ль ли я о кончинѣ Государя Императора, и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что этому слѣдовало быть по пророчествамъ. „Какимъ?“ спрашиваю. „Греческимъ“, отвѣчаетъ: „гдѣ говорится о смерти въ это время великаго государя“. Квартальный — Грекъ, и я понялъ, о какихъ пророчествахъ говорить онъ. Богодухновенность и самая подлинность этихъ священныхъ для Грековъ пророчествъ (Агаѳангела) не доказана; однако многое и весьма многими — даже непростыми людьми, говорится въ пользу ихъ. Однажды (это было еще до осады) касательно этихъ пророчествъ я предложилъ многолѣтнему и высокаго сана старцу (изъ Грековъ) вопросъ, нѣть ли здѣсь подлога? Не представлены ли авторомъ будущими событиями совершившимся? — „Нѣть,“ отвѣчалъ онъ: „я имѣю эту книгу больше сорока лѣтъ, и на моихъ глазахъ исполнилось многое“; началь исчислять политическая события конца прошедшаго столѣтія и начала настоящаго и дошелъ, кажется, даже до Бельгіи. Въ настоящее время Греки ожидаютъ исполненія въ нихъ того, что касается Греции и Царяграда. Я знаю одного изъ нихъ такого пылкаго патріота и горячаго приверженца пророческой книги (онъ знаетъ ее наизусть), который нешути разсказываетъ, какъ онъ будетъ жить въ воскресшемъ своемъ отечествѣ и заранѣе распредѣляетъ настоящимъ своимъ имѣніемъ, чтѣ въ церковь, чтѣ друзьямъ на память — и все за счастіе (если увидитъ) отечества.

Весь день былъ ясный и теплый. На баттареяхъ непріятели могли замѣтить отсутствіе или малое число гарнизона, отозванного для пренесенія присяги. Могли ли знать они притчу? Неизвѣстно; но перemetчики, какъ говорятъ, случаются и съ нашей стороны. Въ арміи не безъ порочныхъ и . . . . . Подобные бѣглецы, конечно, не могутъ дать примѣра другимъ, ни тѣмъ болѣе пятнать вѣрность присягѣ Русскаго солдата.

3-го Марта. . . . . Къ вечеру, въ 5 часовъ, второй разъ посѣтилъ раненыхъ; на перевязочномъ пункѣ нашелъ одного только новаго страдальца, раненаго въ руку. „Говори ли ты, другъ мой?“ — „Благодаренъ Богу, отговѣлся, какъ слѣдуетъ“, былъ отвѣтъ флотскаго унтеръ-офицера. Такіе отвѣты всегда даются раненые воины. Легче ему или очень трудно, а иной едва дышитъ, а на вопросъ, какъ твое здоровье? какъ себя чувствуешь? всегда прежде скажетъ: „Слава Богу, батюшка“, а потомъ уже скажеть и что-нибудь о боли. Утѣшая страдальцевъ, я говоривалъ имъ: „Терпите, братцы, съ вѣрою. Обра-

щайтесь чаще мыслью къ Господу Иисусу, Который также имѣлъ на себѣ раны; принятая за наши грѣхи. Не вы первые въ ранахъ; прежде васъ имѣлъ ихъ на себѣ Господь⁴. Усвоивъ эти мысли, они сами повторяютъ ихъ и уже такъ отвѣчаютъ на вопросъ о здоровіи: „Что же дѣлать? Нужно терпѣть. Господь терпѣлъ.... а мы грѣшные⁵... и проч.

4-ое Марта.... Говѣюющихъ было въ церкви немногіо; исповѣдь (послѣ повечерія) окончена въ часъ. Кажется, трудное время настоящее имѣть большое влияніе на насъ грѣшныхъ; въ кающихся слышно болѣе искренности и сокрушенія сердечнаго.

Вечеромъ посѣтилъ опять перевязочный пунктъ (что въ домѣ Собрания), засталъ тамъ спокойствіе и тишину, чemu утромъ было противное. Вновь раненыхъ поступило только три. Итого въ сутки было 73 раненыхъ, а не 80, какъ говорили утромъ. Это впрочемъ мало въ сравненіи съ 3 перевязочными пунктами (съ Корабельной), гдѣ въ теченіе 3 дней раненыхъ постоянно около этого числа. Театръ войны вдругъ перенесенъ на Инкерманскую сторону, и тамъ стало больше потери.

5-го Марта. Утро и весь день холодно: дуетъ вѣтеръ съверный. Въ домѣ Собрания не было вновь раненыхъ. Счастливый день или лучше ночь, ибо неизвѣстно, что будетъ къ вечеру. Всякій разъ входя въ этотъ домъ (прежде) веселія, нельзя не подивиться, какъ онъ удобенъ былъ тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ—домомъ плача. Это пріютъ для раненыхъ со всѣми удобствами, больному необходимыми. Прежде чѣмъ дойти до дверей залы, двери въ сѣняхъ сами затворялись за вами; вы не вносите къ больнымъ холоднаго воздуха. Главная зала, высоты въ два этажа, имѣетъ окна только вверху, отъ чего свѣтъ здѣсь для больныхъ умѣренный, воздухъ очищается, не подвергая ихъ сквозному вѣтру. Въ другихъ, менышихъ залахъ голубые, малиновые и зеленые обои, все богатые, могутъ даже развлекать солдатика, не бывшаго никогда въ такихъ роскошныхъ палатахъ; могутъ, пожалуй, подчасъ заставить его забыться, что онъ въ лазаретѣ, и тѣмъ сократить иную минуту его страданій. Койки съ чистымъ на нихъ бѣльемъ и постелями, столики при каждой кровати и прочія принадлежности госпиталя, въ порядкѣ содержимыя сестрами, все это расположено съ такимъ удобствомъ и искусствомъ, что, при большомъ размѣрѣ залъ, составляеть даже красоту своего рода. Всѣхъ кроватей здѣсь 182. Операционная зала (прежде билліардная) весьма удобна для своего назначенія, какъ по вмѣстимости, такъ и по освѣщенію. Для дежурства медиковъ и сестеръ есть особые покои, и все это подъ рукой. Это прекрасно! И лучше ходить въ домъ плача, нежели веселія, говорить Премудрый.

Въ Инженерномъ домѣ и также въ домѣ Гущина и Орловскаго я засталъ тѣхъ же больныхъ, старыхъ знакомыхъ, кои всѣ, прежде чѣмъ подверглись врачеванію тѣла, уврачевали душу. Итакъ, кромѣ одного посѣщенія, я не имѣлъ сегодня случая услужить чѣмъ-либо раненымъ воинамъ. Потому мнѣ весьма пріятно было услышать отъ молодаго раненаго солдатика, что ему хотѣлось бы яблокъ, и услужить въ этомъ.

10-го Марта. Пока благодареніе Богу! На перевязочномъ пункѣ и въ это утро я засталъ покой. Въ домѣ Орловскаго *) для одного больнаго служилъ молебенъ, другого исповѣдалъ и пріобщилъ. Раненый матросъ предложилъ мнѣ за молебенъ деньги. Обыкновенно я совсѣмъ эти лепты обращать на масло для лампадки въ ихъ же палаткахъ, и я еще ни отъ кого не принималъ. При этомъ я имѣлъ въ виду между прочимъ и то, что не имѣющіе копейки не посмѣли бы обратиться съ просьбой помолиться за нихъ, если бы видѣли, что я принимаю за это деньги, какъ и дѣйствительно въ этомъ я не ошибся. Но на этотъ разъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны больнаго и долженъ былъ уступить. Больной до того обидѣлся, что у него навернулись слезы. Таковъ уже взглядъ утвердился у простыхъ людей, что если священнику ничего не дать, то и молитва Богомъ не принята.

Сегодня съ новоприбывшими для службы во флотъ іеромонахами получены отъ преосвященнаго архипастиря нашего, неусыпно пекущагося о духовныхъ нуждахъ паствы своей, „во обстояніи сущей“, списки Касперовской иконы Богоматери для раздачи по бастіонамъ и баттареямъ и также списки образа священномуучениковъ, въ Херсонисѣ епископствовавшихъ.

17-го Марта....

Отъ адютанта слышалъ, что Французы во время уборки тѣлъ (послѣ дѣла съ 10-го на 11-ое Марта) не могли надивиться нашей сѣрой формѣ—общей для генерала и солдата; они хвалились, что объ этомъ думаютъ и у нихъ, и одинъ баталіонъ будто бы одѣтъ уже подобнымъ образомъ. Нельзя было не замѣтить, что непріятели, прежде чѣмъ подняли переговорный флагъ, приготовились къ свиданію: все у нихъ были въ чистомъ платьѣ, офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ, все до мелочи было на нихъ щеголевато, какъ будто не ими рыты траншеи, изъ которыхъ высыпали, какъ муравьи. Интересны, говорять, были любезности нашихъ удалыхъ матросовъ съ Французскими солдатами. Матросъ предлагаетъ Французу съ рожка табаку, тотъ угощаетъ его ромомъ; матросъ пьетъ кружку, затѣмъ другую—третью, и осушаетъ

*) Временный госпиталь.

фляжку къ удивленію Француза, для котораго это была дневная порція. За бесѣдою, конечно, непонятною, начинались болѣе понятныя лобзанія. „Ужели у васъ матросы доселѣ на баттареяхъ?“ спрашивали Французы, „Да много ли у васъ этихъ молодцовъ?“ Имъ отвѣчали, что съ 14 кораблей, и еще есть, слава Богу, сколько нужно.

18-го Марта....

Вечеромъ посѣтилъ больныхъ въ двухъ мѣстахъ. Въ Инженерномъ домѣ медики и сестры, служившіе раненымъ, пріобрѣли такую извѣстность и любовь у своихъ пациентовъ, что раненые, переведенные отсюда въ Николаевскую баттарею (госпиталь, устроенный въ этомъ огромномъ зданіи) просятся назадъ. Сегодня двое изъ такихъ возвратились изъ Николаевской баттареи, и одинъ перепросился изъ Александровскаго госпиталя.

19-го Марта. Утро пасмурное, холодное и съ небольшимъ дождемъ. Отъ пальбы спокойно. Служилъ молебенъ на перевязочномъ пункѣ для одного изъ раненыхъ. Уставъ бороться съ благодарностью раненыхъ, стала наконецъ принимать ихъ лепты и передавалъ уже тайно сестрамъ для обращенія на масло для лампадокъ въ палатѣ или же самихъ же больныхъ. Въ Инженерномъ домѣ исповѣдалъ и пріобщилъ двухъ трудно-больныхъ, кои посему пожелали того уже въ другой разъ. Еще напутствовалъ одного (ибо, кажется, не жить ему) въ домѣ Гущина. И отъ этого больного услышалъ тяжко выраженную скорбь, что денегъ у него нѣтъ (т. е. чтобы дать священнику). Ожидайте-жъ отъ больныхъ, при такомъ образѣ мыслей, чтобъ они сами сказали: хочу исповѣдаться и пріобщиться? Нѣтъ, съ такими необходимо обращаться, какъ съ дѣтьми, не умѣющими говорить, коихъ желаніе нужно предупреждать, угадывать, выспрашивать. Только-что возвратился домой, просять къ больной дамѣ, пожелавшей исповѣди и Св. Таинъ. Она жаловалась на трудность настоящаго положенія. Дома, подъ выстрѣлами, хотя доселѣ хранила Богомъ, большая окружена дѣтьми и, какъ видно, всѣми достатками: мужъ на службѣ военной, которую трудно теперь соединить съ попеченіемъ о семействѣ; готова бы выѣхать куда-либо, но беременна, и дни для ней послѣдніе. Боже мой! Сколько здѣсь теперь скорбей и слезъ, которыхъ не для всѣхъ видимы. Осадное положеніе не помѣшало намъ сегодня разжиться и вербою, и мы совершили крестный ходъ съ ваяями, какъ и въ обыкновенное время.

Слыши, что прибыли къ намъ сестры 4-го отдѣленія и устраиваются въ Александровскомъ госпиталѣ (въ морскихъ казармахъ, что на Корабельной). Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ, а увѣренъ, что все пойдетъ тамъ непремѣнно къ лучшему.

20-го Марта. Недѣля Ваій. На утрени, хотя церковь была наполнена преимущественно солдатами, при раздачѣ вербы тотъ же былъ беспорядокъ и шумъ. Вездѣ у православныхъ есть терпѣніе, въ однихъ храмахъ Божіихъ нѣть его. Чѣмъ бываетъ при раздачѣ вербы, артоса, въ навечеріи Богоявленія, при освященіи воды въ одномъ годѣ, то и всегда: всякий хочетъ здѣсь уprzedить другого.

Послѣ утрени имѣлъ время сходить только напутствовать на перевязочный пунктъ, гдѣ впрочемъ не нашелъ особаго занятія. Дежурныя сестры сожалѣли, что не могли быть къ утрени, и звонъ, бывшій въ 4 часа, только напомнилъ, чего онъ лишаются, т. е. вербы. Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ имъ пучекъ праздничныхъ вѣтвей, съ тѣмъ чтобы удѣлили ихъ и другимъ сестрамъ.

Во время обѣдни церковь была полна, конечно, всякихъ воиновъ, преимущественно матросовъ и солдатъ. Стоялъ въ алтарѣ Крестовоздвиженской общины іеромонахъ Веніаминъ, котораго очень мнѣ хотѣлось пригласить къ себѣ и познакомиться съ нимъ поближе. Но онъ не имѣлъ времени обождать, а я задержанъ былъ въ церкви исправлениемъ требъ. Онъ спѣшилъ видѣться съ вновь прибывшими сестрами 4-го, вѣроятно, отдѣленія: онъ только что прибыли въ Севастополь.

Послѣ обѣдни, проходя къ больному имяниннику, о. Лазарю, еще однажды зашелъ на перевязочный пунктъ, гдѣ засталъ больныхъ за обѣдомъ; пусть кушаютъ на здоровье. На пути слышалъ отъ штурманскаго офицера, что вчера непріятели чрезъ парламентера просили нашего согласія по случаю праздника Пасхи (который въ этомъ году у нихъ совпалъ съ нашимъ?), на перемиріе на три дня. Въ Корабельной рассказывали даже, чѣмъ отвѣчали на это князь Горчаковъ. Именно: „основываясь на политикѣ Англичанъ и Французовъ, какъ поступили они въ это время въ Одессѣ, онъ не можетъ довѣрить ихъ слову“.

Тамъ же слышалъ я, что планъ князя Горчакова, который скоро приведенъ будетъ въ исполненіе, состоить въ томъ, чтобы ударить на непріятелей съ Чоргуня и завладѣть Сапунъ-горой, для чего будетъ сдѣлано прежде движение съ Севастополя, чтобы отвлечь отъ Чоргуня Англичанъ. Для этого князь Горчаковъ съ своей квартирой переходитъ на Чоргунь.

Еще—какъ о невѣроятномъ случаѣ—рассказывали о побѣгѣ 10-ти матросовъ съ однимъ.... офицеромъ. Четверо изъ нихъ Поляки:—это понятно. Прочихъ нечѣмъ защитить. Къ утѣшенію есть и лучшій примѣръ: унтеръ-офицеръ, взятый при вылазкѣ въ плѣнъ, съ опасностью жизни нашелъ случай возвратиться къ намъ. Унтеръ-офицеръ

весьма дѣльный и многое интересное могъ сообщить князю Горчакову, который наградилъ его тремя стами рублей и обѣщалъ офицерскій чинъ.

Еще изъ того же источника: при поднятіи 12-го Марта переговорнаго флага, когда наши съ врагами ходили переговариваться не какъ съ врагами, матросъ повелъ туда и своего маленькаго сына. Французъ далъ мальчику монету и приглашалъ идти къ нимъ. „Нѣтъ—отвѣчалъ матросенокъ—пойдемъ къ намъ“.

Вечеромъ былъ я у старца-митрополита Агаѳангела, ради его собственнаго дѣла, и между прочимъ предложилъ ему церковный вопросъ настоящаго времени: когда быть въ Великій Пятокъ выносу плащаницы, такъ какъ по случаю праздника Благовѣщенія въ этотъ день должна быть литургія, а по уставу субботняя вечерня полагается послѣ царскихъ часовъ, предъ литургіей? Ужели предъ литургіей, какъ вынось плащаницы обыкновенно бываетъ на вечернемъ богослуженіи? Или послѣ литургіи, которая во всякомъ случаѣ должна совершиться раньше вечерняго времени, и даже до полудня? Изъ Пасхалии, начинающей съ 1808 года, видно, что это первый случай такого стеченія въ подвижныхъ праздникахъ, а потому это обстоятельство по новости есть, дѣйствительно, для всѣхъ вопросъ.

21-го Марта. Утро посвятилъ службѣ на перевязочномъ пункѣ. Для солдата-католика, за неимѣniемъ ксендза, чтобы исповѣдать и пріобщить этого раненаго, я отслужилъ, по его желанію, молебенъ. Пріобщая одного больного, который вечеромъ еще объявилъ на то свое желаніе, возбудилъ желаніе и въ другомъ, который хотя и говѣлъ недавно, но пожелалъ и теперь укрѣпить себя „хлѣбомъ животнымъ“.

Потомъ служба церковная и служебная.... Почти ни съ кѣмъ не видѣлся и ничего особеннаго не слышалъ.

Вечеромъ побывалъ еще однажды на перевязочномъ пункѣ и еще встрѣтился съ инвалидомъ, отыскивающимъ священника для отпѣванія умершихъ солдатъ: такъ внимательны армейскіе священники къ своей обязанности, которую сами отняли у іеромонаховъ. Спрашивается: чѣмъ же заняты они? Ровно ничѣмъ. Только и было у нихъ чрезъ цѣлый годъ одно занятіе, пока говѣли солдаты. На перевязочномъ пункѣ и въ госпиталяхъ, мною посѣщаемыхъ, теперь ранены большую частью изъ солдатъ и разныхъ полковъ; но никогда я не встрѣчался тамъ съ какимъ-либо полковымъ священникомъ, чтобы пришелъ навѣстить своего солдата. Они, кажется, также съ ними мало знакомы, какъ я, не принадлежащій полку. Между тѣмъ офицеры приходятъ навѣстить своихъ солдатъ.

22-го Марта. Сегодня теплѣе вчерашняго (первые три дня были очень холодны). Больныхъ только посѣтилъ, но служить имъ не представилось потребы.

Получена сегодня почта, напр., изъ Одессы, отъ 20-го Марта. Петербургская почта тоже, почти чрезъ мѣсяцъ, получена въ одинъ разъ. Едва мы узнали, что дѣлается вокругъ насъ. Носился слухъ, что Наполеонъ прибыль въ Крымъ, къ своей арміи. Теперь изъ газетъ видимъ по крайней мѣрѣ, что онъ выѣхалъ туда. Сегодня мимоходомъ слышалъ я, что матросы разсуждали о Наполеонѣ, какъ прѣхавшемъ.

Служеніе Страстной седмицы, если бы не случилось нѣсколько десятковъ солдатъ, вышедшихъ изъ госпиталей и теперь говѣющіхъ, было бы почти безъ слушателей, между тѣмъ какъ бывало въ мирное время церковь едва едва вмѣщала молитвенниковъ, и притомъ на половину людей высшаго общества.... Впрочемъ, какъ утреня бываетъ вечеромъ, то, кажется, освѣщеніе церкви привлекаетъ немалое число и мимоходящихъ, которые потомъ и остаются въ церкви и до конца служенія.

Четвертый бастіонъ затихъ совершенно, какъ и непріятели противъ него замолчали. Въ дѣйствіи дневномъ и ночномъ Корниловъ бастіонъ и редуты: Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій, также бастіоны №№ 1 и 2 и 3, вообще вся Инкерманская или юго-восточная сторона.

Слышалъ, что сестры 4-го отдѣленія уже устроились въ Александровскомъ госпиталѣ. Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ. Любопытно видѣть, какъ все тамъ непремѣнно должно пойти къ лучшему. День сухой и теплый, только съ вѣтромъ.

23-го Марта. Утромъ стало извѣстно, что ночью убиты въ траншеяхъ: капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ, старшій и лучшій сынъ вице-адмирала Серебрякова, Сахаровъ, отличный офицеръ, и контуженъ лейтенантъ Лазаревъ. Предъ разсвѣтомъ былъ слышенъ частый огонь пушечный и батальный, какъ будто на Черной рѣчкѣ и продолжался часа два. Не было ли тамъ какого дѣла?

Больные многіе поправляются, нѣкоторые ходятъ, новыхъ поступаетъ мало, всѣ недавно отговѣли; потому священнику службы, при посвѣщеніи ихъ, особенной не представляется, кромѣ отпѣванія умершихъ, что на мнѣ не лежитъ. Итакъ и сегодня больные не дали мнѣ труда.

Сегодня снабдилъ трехъ іеромонаховъ плащаницами для бастіоновъ (порадовался я такой христіанской заботливости флотскихъ командировъ о своей командѣ), двухъ іеромонаховъ—потирами, для пріобщенія тѣхъ

изъ команды, кои почему-либо не успѣли еще отговѣть, и роздалъ чрезъ тѣхъ же іеромонаховъ для семи батальоновъ и редутовъ присланныя отъ его высокопреосвященства (архіепископа Иннокентія) списки иконы Богоматери Касперовскія. Нѣть, впрочемъ, у нась и маленькой батареи, гдѣ бы не было знамени вѣры. Едва успѣли гдѣ насыпать валъ небольшой, ставятся орудія, ставится тутъ же въ нишѣ икона святаго и теплится лампадка.

Вечеромъ, окончивъ исповѣдь, поспѣшилъ навѣстить больныхъ сестеръ, изъ коихъ двѣ (въ томъ числѣ и начальница) пожелали завтра пріобщиться. Служба всенощная, благодареніе Богу, идетъ безъ тревоги отъ выстрѣловъ. Изъ-за Корабельной сюда не достигаютъ, кромѣ ракетъ, которыхъ давно съ той стороны не бросаются.

24-го Марта. День, какъ и вчерашиій, теплъ и безвѣтренъ.

Въ 7 часовъ исповѣдалъ и пріобщилъ начальницу сестеръ, Бакунину и исповѣдалъ только сестру одну; потомъ медика больного, состоящаго въ штатѣ общинѣ, также исповѣдалъ и пріобщилъ. Приготовилъ и послалъ письмо въ Георгіевскій монастырь о. архимандриту Геронтию, при которомъ на плѣнную братію, къ празднику Пасхи, артосъ, пасху и 2 десятка красныхъ яицъ. Затѣмъ былъ въ церкви, изъ которой или отъ службы церковной возвратился въ первомъ часу. Пиль чай и читаль вмѣстѣ полученные сегодня бумаги, письма и газеты. Затѣмъ приходитъ одинъ іеромонахъ, съ которымъ нужно было поговорить, потомъ другой—и для того полчаса времени. Отъ сего, т. е. отъ Іова слышалъ, что іеромонахъ Никандръ*), бывшій духовникомъ его высочества въ настоящую четыредесятницу получилъ крестъ, украшенный брилліантами, на золотой цѣпичкѣ, но тоненькой. Говорить, что великие князья не благодарили его деньгами, и потому этотъ крестъ данъ ему не какъ знакъ отличія, а какъ даръ. Отъ того же іеромонаха слышалъ, будто-бы, по словамъ Французскаго парламентера, архимандритъ Георгіевскаго монастыря и братіи, находящіеся въ плѣну у Французовъ, получаютъ отъ нихъ на содержаніе свое жалованье: архимандритъ—по чину полковника, а іеромонахи—по капитанскому чину.

Въ 7 час. вечера благовѣстъ къ богослуженію Страстей Христовыхъ, которому въ 8 час. открывшійся сильный огонь за Корнилова бастиономъ придалъ характеръ и другихъ страстей. Громъ орудій поражалъ слухъ молящихся, а молнія огня этого, блиставшая въ окнахъ

*). Отецъ Никандръ (познѣе архимандритъ) былъ приглашенъ княземъ С. М. Воронцовымъ (который тоже былъ раненъ подъ Севастополемъ) въ Алупку настоятелемъ тамошней, нынѣ разрушенной, церкви. Онъ былъ изъ купеческаго званія. Онъ оставилъ по себѣ отлично-добрую память. П. Б.

церкви, поражала и зре́ніе внимавшихъ чтенію Страстей Христовыхъ. Благодареніе Богу, пальба пупечная скоро смѣнилась штуцерною, по-тому замолкла и послѣдняя. Церковь была полна военного народа. Значить, кто имѣеть усердіе, всегда можетъ улучить часъ на молитву, какія бы обстоятельства и обязанности ни ограничивали его. Офицеры, впрочемъ, часто выходили изъ церкви и прислушивались, не бьють-ли тревогу.

25-го Марта. Великій Пятокъ и праздникъ Благовѣщенія. Совпаденіе великаго праздника съ великимъ днемъ скорби для церкви и христіанъ было очень давно, по крайней мѣрѣ никто не могъ припомнить этого случая. Потому, уже за недѣлю встрѣчали священниковъ вопросами: какъ это будетъ? А священники повторяли этотъ вопросъ другъ другу. Ибо хотя въ уставѣ на такой случай и есть особый уставъ, но тамъ ничего не сказано объ выносѣ плащаницы, что въ Россіи бываетъ въ Пятокъ, а не въ Субботу только, какъ говорится въ уставѣ. Въ своей церкви я разсудилъ прежде отдать честь празднику, которому и была совершена въ свое время литургія и въ облаченіи свѣтломъ, вечерню же Великой Субботы, которая по уставу поставлена предъ литургіей, я оставилъ вечернему времени, къ которому православные обвыкли собираться на выносѣ плащаницы. Достойно замѣчанія обстоятельство: послѣдніе дни предъ Пасхой, обыкновенно, люди бываютъ заняты суетливымъ приготовленіемъ къ празднику и при царскихъ часахъ (богослуженіи весьма важномъ) храмы бываютъ почти пусты; теперь же праздникъ Благовѣщенія привлекъ слушателей къ царскимъ часамъ, предшествовавшимъ литургіи.

Въ вечернемъ богослуженіи, при выносѣ плащаницы, тоже очень довольно было молящихся. Слово мое старалось указать слушателямъ приличествующее чувство въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ нынѣ предстоимъ мы гробу Господню, оглашаляемые въ одинъ и тотъ же день и гласомъ архангела-благовѣстника, и гласомъ надгробного пѣнія церковнаго благовѣствованному архангеломъ Сыну Божію, и гласомъ громовъ вражескихъ.

Впрочемъ, въ послѣдніе два дня Страстной седмицы, злоба вражеская, казалось, затихла. На перевязочныхъ пунктахъ немного было раненыхъ. Дни были очень теплые. Въ палатахъ больныхъ окна были открыты, чтобы очистить ихъ воздухомъ свѣжимъ. Иные бѣлили и мыли полы, а больные, кто могъ, бродилъ по двору, глазѣли на свѣтъ Божій, который рады были видѣть, и на людей; совершенно безсильные лежали на койкахъ, среди двора.

Суетливости въ городѣ особой не было замѣтно, какъ это бываетъ предъ праздникомъ. Многихъ занималъ вопросъ: какъ обойдется съ нами въ праздникъ враги наши, у которыхъ также въ этомъ году праздникъ Пасхи совпала съ нашимъ стилемъ?

26-го Марта. Великая Суббота. Къ утрени благовѣсть былъ въ 2 часа ночи. Пришедши въ церковь чрезъ четверть часа послѣ благовѣста, я уже засталъ тамъ пришедшихъ помолиться, въ томъ числѣ и военныхъ, офицеровъ. Можно, очень можно, во всякую стражу и при трудныхъ обстоятельствахъ воздать Божія Богови и Кесарева Кесареви. „Непорочны“ и канонъ были кончены до разсвѣта, и поелику къ темнотѣ ночной присоединился и туманъ, то обхожденіе съ плащаницей вокругъ церкви, хотя освѣщеніе при этомъ было немалое, едва-ли было замѣчено врагами. Замѣчательно, что это освѣщенное шествіе не было встревожено даже ни однимъ выстрѣломъ пушечнымъ. Звонъ колоколовъ при этомъ былъ, какъ обыкновенно, погребальный.

По окончаніи утрени, прилучившемуся армейскому священнику я исповѣдалъ предъ Богомъ грѣхи свои. Благодарю Господа, не погубившаго меня въ моихъ беззаконіяхъ и давшему время на покаяніе мое, по крайней мѣрѣ устное. Буду-ли лучше отъ сей поры, одинъ Господь вѣдаєтъ. Затѣмъ раздробилъ я агнѣцъ, приготовленный въ запасъ и просушилъ Дары Святые.

Въ 7 часовъ посѣтилъ сестеръ общины Крестовоздвиженской, изъ коихъ одна, больная, требовала меня еще вечеромъ, но по встрѣтившемуся мнѣ важному препятствію я не могъ быть тамъ вчера. Больную засталъ я дѣйствительно въ недугѣ, но болѣе душевномъ, нежели физическомъ. Какъ ни высока цѣль общины, какъ ни тщательно сдѣланъ для нея выборъ лицъ, какія бы мѣры къ соблюденію въ общинѣ духа мира и любви ни были приняты, но поелику лица не изъяты отъ недостатковъ человѣческихъ, то неизбѣжны бываютъ и нѣкоторые недостатки или немощи въ самой общинѣ. Бывають характеры отъ природы, въ которыхъ люди не сходятся; присоедините къ сему разность происхожденія, разность воспитанія и разность лѣтъ; возьмите во вниманіе и то обстоятельство, что община таковыхъ лицъ составлена наскоро, и вы поймѣте, что въ прекрасной по цѣли этой общинѣ жизнь не возможна безъ нѣкоторой тѣни. Къ счастью, усердіе сестеръ въ служеніи больнымъ такъ велико и у всѣхъ ихъ эта черта такъ обща, что она служить самыемъ крѣпкимъ союзомъ общины. Смотря на сестеръ въ ихъ службѣ, нельзя и подозрѣвать, чтобы въ ихъ общинѣ былъ какой недостатокъ въ согласіи или любви. Его можно замѣтить лишь изъ разговоровъ съ сестрами, кои хотятъ духовному отцу открыть

свою печаль. Изъ этого источника стало мнѣ известно, что званіе начальницы отдѣленія есть у нихъ предметъ тицеславія и для одной— предметъ искательства, что для сихъ начальницъ старшинство начальницы всей общинѣ М. С. какъ будто не по душѣ, что младшія сестры не съ одинаковой охотой дежурять въ томъ или въ другомъ мѣстѣ, инымъ хотѣлось бы быть именно на перевязочномъ пункѣ, гдѣ чаще бываетъ начальство, гдѣ всегда посѣтители и свидѣтели ихъ сердоболія. Мнѣ кажется (въ чёмъ сознавалась одна сестра), что подавляется чистое усердіе къ страждущему иногда тѣмъ побужденіемъ въ служеніи, да „видимы будуть предъ человѣки“. Если бы ту-же сестру, которая при свидѣтеляхъ такъ неутомима въ служеніи больнымъ, обречь на этотъ трудъ гдѣ-либо въ уединенномъ мѣстѣ, думаю, не стало бы той энергіи. По крайней мѣрѣ я знаю, что одна сестра обижалась тѣмъ, что ей не хотѣли поручить дежурства на перевязочномъ пункѣ. Къ этой-то сестрѣ я и пришелъ въ это утро. „Чтѣ, вы не здоровы“?— „Ахъ, батюшка, меня все обзываютъ. Я не могу переносить этого“ и проч. и проч. Уже не въ первый разъ мнѣ это слышать отъ нея. Сестра сама причиной, что по несчастному характеру своему нарывается на обиды и нерѣдко вынуждаетъ ихъ. Добрая христіанка, богомольная, но терпѣнья не имѣеть ни капли. Не трудно повтореніемъ смѣшныхъ капризовъ и претензій потерять уваженіе у подругъ и войти между ними въ притчу. Пораженное самолюбіе обращается въ горячку душевную, отъ которой не можетъ не горѣть и тѣло. Оказалось, что больная нуждалась не въ исповѣди и причастіи, къ чему въ тревожномъ своемъ состояніи была не способна, а во вразумленіи, которымъ едва нѣсколько успокоилъ ее. Вечеромъ посѣтилъ ее опять и засталъ хотя въ постели, но въ расположеніи душѣ довольно спокойномъ. Утромъ исповѣдалъ говѣвшую сестру одну. Въ госпиталѣ предъ праздникомъ почти не представлялось занятій; на перевязочномъ пункѣ тоже было нелюдно. Вечеръ, какъ и день весь, предъ Пасхой былъ тихій и теплый. На рынкѣ сутились запастились для праздника хлѣбомъ и не находили его: ибо закупали еще въ печи. Но въ чёмъ было совершенное отсутствіе, такъ это въ ягненкахъ и поросенкахъ. Пасхальные столы рѣдко были съ агицемъ.

27-го Марта. Пасха. Ночь провели мы въ тревожномъ ожиданіи, какова будетъ она и какъ встрѣтимъ праздникъ. Молящихся у плацаницы и внимавшихъ чтенію Дѣяній Апостольскихъ было далеко меныше, чѣмъ въ обыкновенные годы. Нѣсколько разъ звали меня въ церковь, для освященія пасохъ на баттареи и бастіоны. Каждый готовился встрѣтить праздникъ на своемъ посту, когда нельзя было въ своемъ домѣ. Благовѣсть къ пасхальной утрени былъ въ 12 часовъ ночи, одно-

временно во всѣхъ церквахъ. Внѣшняго освѣщенія на храмахъ не было, о чёмъ г. губернаторъ счѣлъ нужнымъ предупредить духовенство. Пришедши въ церковь, я засталъ ее уже полною народа, конечно, военнаго. Впрочемъ, начальство все было въ Михайловской церкви; у насъ выше полковниковъ никого не было. При обычномъ вокругъ церкви обхожденіи, съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“..., мы не были тревожимы выстрѣлами, хотя освѣщеніе отъ свѣтъ въ рукахъ народа было немалое. Можетъ быть, непріятели, у коихъ также была теперь тотъ-же праздникъ, не думали о насъ; по крайней мѣрѣ мы не могли не думать о нихъ, зная изъ прошлогодняго праздника Одесскаго. Благодареніе Богу, для первого дня опасенія наши миновали.

Намъ, приходскимъ священникамъ, некуда было ходить, съ праздничнымъ обычнымъ христославленіемъ. Городъ давно пустъ отъ нашихъ прихожанъ, кто же изъ гражданъ по торговымъ занятіямъ оставался въ Севастополь, то и тѣ по случаю праздника выѣхали къ семействамъ въ Симферополь.

Я посѣтилъ вмѣсто того раненыхъ, которымъ это чрезвычайно отрадно было. Въ то время (въ 8 часовъ утра) шла ихъ перевязка. Посѣтилъ и сестеръ Крестовоздвиженской общины въ ихъ квартирѣ.

День былъ не совсѣмъ ясный, вѣтреный и предвѣщавшій перемѣну погоды.

Въ непріятельскихъ траншеяхъ сидѣли съ ночи и весь этотъ день Турки, которые производили пальбу весьма частую, даже залпами, когда на нихъ никто не нападалъ. Полагаютъ, что это они дѣлаютъ изъ трусости. Была пальба и пушечная, но не частая. Съ нашей стороны стрѣляли лишь по необходимости. У Французовъ въ продолженіи всего дня слышны были музыка и пѣніе. Они праздновали Пасху, предоставивъ насъ Туркамъ.

28-го Марта. Второй день Пасхи. По вчерашнему дню можно было на сегодня ожидать дождя; дѣйствительно, онъ начался еще до разсвѣта, съ ночи. Но утромъ, предъ благовѣстомъ къ утрени, полился на насъ и другой дождь—огненный: Онъ шелъ съ небольшими премежутками и днемъ, и ночью въ продолженіи 10 дней. Бомбардировку непріятели одновременно открыли по всей линіи баттарей отъ Херсонеса до Инкермана по Севастополю. Хотя флотъ не принималъ участія въ бомбардировкѣ, но громъ орудій, трескъ лопавшихся бомбъ и виагъ ядеръ живо представляли ужасъ 5-го Октября, несмотря на то, что въ теченіи полгода мы привыкли ко всякому страху. Дождь и сырость ослабляли теперь эффектъ, но они же придавали ему что-то другое, особенное, съ ненастiemъ погоды гармонировавшее и наводившее уны-

ніе на душу. Церковь, вчера полная, сегодня, на второй день праздника, вдруг опустыла. Во время утрени, отъ близкаго взрыва бомбы, въ церкви произошло такое сотрясеніе, что, стоя у престола, я почувствовалъ подъ ногами сотрясеніе пола. Въ надеждѣ на покровъ небесный, мы продолжали, какъ и прежде, богослуженіе безостановочно и своевременно во всѣ дни бомбардировки. Одно ядро ударило въ карнизъ церкви и, нанесши язву храму, отлетѣло въ садъ, другое на излѣтѣ легло у порога церковнаго дома, въ которомъ имѣю квартиру. Въ самой квартирѣ моей отъ взрыва другой бомбы, близъ саду лопнувшій, въ четырехъ окнахъ разбиты стекла.

Что было въ эти дни на бастіонахъ и баттареяхъ? Тѣже громы съ нашей стороны, какъ и въ первую бомбардировку, только съ вѣрнѣйшимъ расчетомъ и потому рѣже, чѣмъ иногда выстрѣлы непріятельские. Наученные опытомъ, наши моряки-артиллеристы не спѣшили удивить врага частымъ огнемъ, а вѣрнымъ прицѣломъ наносили вѣрный вредъ непріятелю. Нѣкоторыя изъ баттарей непріятельскихъ уже въ первый день замолкли; нѣкоторыя изъ ближайшихъ, вновь ими построенныхъ, будучи сбиты, не открывали потомъ огня; враги опять принялись съ баттарей прежнихъ, находящихся на дальнѣйшемъ разстояніи.... Противъ Корниловскаго бастіона, у Англичанъ взорванъ на воздухъ пороховой погребъ, чѣмъ нанесенъ ударъ и самой баттареѣ. У 4-го и 5-го бастіоновъ взорвано непріятелями нѣсколько контръминъ, не безъ вреда для людей, но безъ всякаго для бастіоновъ. къ которымъ враги успѣли подступить своими подкопами на весьма близкое разстояніе. На 5 и 6 бастіонѣ у насть взорвало по небольшому пороховому погребу, но къ счастью безъ значительного вреда.

Въ снарядахъ непріятельскихъ замѣчена была и особенность. Ядра были и коническія, которыя летѣть съ гораздо большею быстротою и сильнѣе пробиваются стѣны и во что попадаютъ. Бомбы оказывались начиненными, кромѣ пороха, и свинцовыми пулями.

Надъ южной бухтой, противъ устроенного нами изъ военныхъ судовъ моста, непріятелями устроена особая баттарея, которую усиливались потопить этогъ мостъ. Потопили четыре судна въ нѣсколько дней. На затопшемъ суднѣ ставили ночью баржи, и народъ на зло врагамъ продолжалъ ходить по мосту, пока наконецъ не сбита была сама баттарея, вредившая мосту. Когда устроили другой мостъ выше первого и виѣ выстрѣловъ, то суда, составлявшія первый мостъ, вывели въ доковую бухту. Новый мостъ изъ плотовъ на бочкахъ; онъ идеи отъ новаго или Лазарева адмиралтейства къ казармамъ рабочихъ эки-

пажей. По этому новому мосту уже ходили 15 Апрѣля. Но и на немъ убито три человѣка.

Что было въ городѣ, или съ городомъ во время этой пасхальной бомбардировки? Новые баттареи непріятельскія, съ которыхъ какъ бы съ намѣреніемъ прежде не открывали огня, устроены были на такихъ пунктахъ, съ которыхъ громили именно тѣ мѣста въ городѣ, гдѣ жители доселѣ считали себя сколько нибудь безопасными и потому оставались на жительствѣ. Потому отъ мала до велика все было вдругъ объято ужасомъ и, спасая жизнь, пробирались къ Екатерининской пристани, чтобы оттуда (уйти) на Сѣверную. Преимущественно на улицахъ замѣтно было бѣгство женского пола съ дѣтьми и узлами. Въ Николаевской баттареѣ я встрѣтился потомъ цѣлый лазаретъ раненыхъ женщинъ и дѣтей. Тутъ лежали цѣлое семейство несчастное: мать, два сына-мальчика, третій убить, и дочь придавленная камнями разбитой хижиной. Одна бѣдная женщина лишилась ноги, собирая щенки у шлаугбаума. Въ Александровскихъ казармахъ, занятыхъ подъ госпиталь и гдѣ находился 3-й перевязочный пунктъ, медику оторвало руку и контузило одну сестру общины Крестовоздвиженской.

Тамъ былъ слѣдующій замѣчательный случай, о которомъ мнѣ рассказывалъ смотритель сухопутнаго госпиталя, Шаievъ. Бомба, пробивши въ зданіи крышу и потолокъ и не причинивши въ 25-й палатѣ, куда попала, никакого вреда больнымъ въ этомъ этажѣ, вышла въ окно и тамъ отъ земли, гдѣ ударилась, вѣроятно объ камни, сдѣлавъ рикошетъ, попала въ окно, въ подвалъ четвертаго этажа, того-же зданія, гдѣ скрывавшую матерь лишила трехъ дѣтей. Малюточкѣ оторвало головку, и смотритель со слезами на глазахъ рассказываешь обѣ этой ангельской головкѣ съ бѣлокурыми кудрями. Были несчастные случаи и въ Корабельной слободкѣ. Убиваетъ мать, а грудной ребенокъ остается живымъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобного случая на первомъ перевязочномъ пунктѣ въ городѣ. Сердоболіе сестеръ, питавшихъ грудного ребенка коровьимъ молокомъ, не продлило жизни пораженнаго малютки: онъ скоро скончался. Такіе случаи несчастные побудили поліцію повторить понудительныя мѣры преимущественно противъ женского пола обѣ удаленіи ихъ изъ города. Между прочими мѣрами принята та, что женщины, коль скоро зачѣмъ либо перѣѣхали на Сѣверную сторону, назадъ въ городѣ не стали перевозить. А на Сѣверной—привозъ и главный теперь рынокъ, такъ что довольно многимъ есть интересъ переплыть на Сѣверную и потомъ быть тамъ задержаннымъ. Эта же женскій полъ преимущественно жены матросовъ и ихъ удалое племя. Духъ свой моряки передали и своимъ женамъ, которые показали безстрашіе

свое не однимъ пребываніемъ въ городѣ бомбардируемомъ, но и особенноими примѣрами того. Именно въ Октябрьскую бомбардировку онъ посыпало своихъ мужей на бастіонахъ и баттареяхъ (одна же 5-го Октября цѣлый день носила на 4-й бастіонъ воду для питья, подносила и ядра); такъ и теперь, даже на 2-й день праздника Пасхи, являлись къ мужьямъ съ праздничнымъ обѣдомъ изъ дому (это мнѣ рассказывалъ офицеръ съ 3-го бастіона, какъ очевидецъ). Сыщенъ и виденъ еще одинъ родъ бѣстрашныхъ женщинъ, остающихся въ городѣ, о которыхъ не знаю, что сказать болѣе, какъ то, что онѣ задержаны самимъ дьяволомъ, который и здѣсь имѣеть жатву и злыя дѣлателъ своихъ. Впрочемъ и на Сѣверной, гдѣ ищутъ безопасности, слышно, не безопасно отъ ракетъ и бомбъ, бросаемыхъ непріятелями отъ Херсонеса и чрезъ Сѣверную бухту, отъ Инкерманскихъ высотъ.

Чтѣ было на перевязочныхъ пунктахъ? Здѣсь-то особенно было видно, что съ нами совершаются въ тотъ праздникъ святой, который христіане привыкли проводить въ однѣхъ радостяхъ. Въ продолженіи 10 дней здѣсь двери почти не затворялись отъ вносимыхъ и выносимыхъ раненыхъ. Были приносимы и такие страдальцы, коимъ всякая человѣческая помощь была бесполезна. Но такихъ доктора, только взглянувъ сострадательнымъ взоромъ, на Латинскомъ языке признавали безнадежными и, не медля, приказывали нести въ Гущинъ домъ, который уже давно просыпалъ „домомъ смерти“. Здѣсь въ это время былъ переполненъ страдальцами не только домъ и его галлереи, но и большой конюшенный сарай. Между этими умирающими священнику, для оказанія имъ послѣдней помощи, можно было только прелазить, а не ходить: такъ ихъ здѣсь было много. Такими же беспомощными наполненъ потомъ и инженерный домъ, гдѣ какъ и въ Гущина домѣ, тревожили какъ больныхъ, такъ и служащихъ имъ вражеские снаряды. Мнѣ самому въ Гущинѣ домѣ 29 Марта пришлось подвергнуться этому страху. Въ шесть часовъ утра я по обыкновенію пришелъ исповѣдывать и пріобщать раненыхъ больныхъ, въ каковыхъ никогда нѣть тутъ недостатка. Исповѣдавъ и пріобщивъ четырехъ во внутреннихъ комнатахъ, я перешелъ въ залу обращенную на улицу, чтобы тоже преподать больному, лежавшему за неимѣніемъ мѣста на полу. Только что началъ читать приготовленныя къ тому молитвы, поисповѣдовавъ,— гдѣ-то близко сильный взрывъ, задрожалъ домъ, зашумѣла крыша отъ сыпавшейся черепицы, и всѣ окна въ залѣ въ моментъ растворились. Хоть нѣсколько при этомъ разбилось, но и стекломъ никого ни изъ больныхъ, ни изъ здоровыхъ не задѣло. Такимъ образомъ, дѣло Божіе поневолѣ пришлось совершить и со страхомъ Божіимъ.

Легко раненыхъ, по осмотрѣ ранъ, уже перевязанныхъ, отправляли въ Николаевскую баттарею, которая, какъ ни вмѣстительна, уже не имѣла мѣсть, по крайней мѣрѣ кроватей для легко раненыхъ. Много лежало ихъ здѣсь кучами такъ, на камennомъ полу, въ ожиданіи отъ сердобольныхъ сестеръ чаши воды или куска хлѣба, ибо и это при общей суматохѣ, при быстромъ умноженіи больныхъ, противъ дневнаго заготовленія довольствія, нелегко выполнялось. Нужно впрочемъ замѣтить, что легко ранеными были тутъ не такие больные, которые имѣли легкую боль, но тѣ, что требовали ампутаціи, и слѣдовательно были терпимы до нѣкотораго досуга медикамъ. . . . .

* * *

Достопочтенный Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ (род. въ 1818 г., † 20 Февр. 1898), воспитанникъ Киевской Духовной Академіи, священникомъ при Севастопольской Петропавловской церкви, вель свой дневникъ по приказанію архиепископа Иннокентія, который самъ посѣтилъ осажденный Севастополь и былъ такъ недружелюбно принять княземъ Меншиковымъ. Отецъ Арсеній кончилъ жизнь соборнымъ протоіереемъ въ Одессѣ, где пользовался общимъ уваженіемъ. За сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ его драгоцѣннаго дневника, памятника пастырской доблести, мы обязаны благодарностью протоіерею Сергію, преподавателю Св. Писанія въ Одесскомъ Кадетскомъ корпусѣ. И. Б.

ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Письма И. С. Аксакова къ М. А. Максимовичу служать продолжениемъ переписки семейства Аксаковыхъ съ Малорусскимъ историкомъ, часть которой была напечатана С. Пономаревымъ подъ заглавиемъ: „Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу (письма С. Т. Аксакова и др.)“ въ „Киевской Старинѣ“ 1883 г. Апр. Помимо дружескихъ отношеній ко всѣмъ членамъ славнаго семейства Аксаковыхъ, Максимовича связывали съ И. С. Аксаковымъ и общіе труды, понесенные ими по изданію „Русской Бесѣды“, для завѣдыванія редакціей которой Максимовичъ былъ вызванъ въ 1857 году въ Москву изъ его Золотоношского имѣнія. Впослѣдствіи Максимовичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ изданій И. С. Аксакова, который относился къ Максимовичу съ глубокимъ уваженіемъ.

В. Даниловъ.

I.

Москва. 15-го Іюля 1859.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ. Я получилъ вчера ваше письмо, котораго начало относится къ тому времени, которое вы называете „на полу-Петра“. Пишу вамъ въ половинѣ Іюля и не знаю, какъ назвать это время: на полу-лѣто, или иначе какъ? Маменька и всѣ наши благодарятъ васъ за привѣтъ и дружбу, и всѣ вамъ изъ Золотоглавой Москвы въ Золотоношское приволье посылаютъ поклонъ и благопожеланія. У насъ дома еще все очень грустно, очень сдавлено*). Братъ Константинъ Сергеевичъ, хоть и работаетъ надъ филологіей, но работа плохо спорится. На дняхъ вы получите и IV книгу „Бесѣды“, которую я выдалъ 9 Іюля, следовательно гораздо раньше срока: это оттого, что лѣтомъ всѣмъ, и типографіи въ особенности, очень досуже, да и мнѣ хотѣлось быть еще посвободнѣе. V книгу выпущу не раньше конца Сентября....

Кошелевъ былъ въ Карлсбадѣ, откуда цѣлый мѣсяцъ никому не писалъ, и наконецъ написалъ мнѣ на дняхъ, что онъ наслаждался совершеннымъ бездѣйствіемъ и беззаботностью, и что у него такая натура—чуть переступилъ заграницу, и Россія какъ бы не существовала. Я отвѣчаю ему и поздравляю съ такою счастливою натурою.

*) 30 Апрѣля этого года скончался Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ.

Онъ отправился въ Швейцарію и съверную Италію, а къ 20-му Іюля будетъ въ Остенде. Ольга Феодоровна¹⁾ была въ Славянскѣ и познакомилась съ Соханской²⁾: дѣвица 32 лѣтъ, собою весьма некрасивая, но красоты душевной, по словамъ О. Ф., необыкновенной. Теперь Кошелева должна быть на пути въ Крымъ, т. е. въ Ялту.

Недавно было экстраординарное собраніе нашего Общества³⁾, и вотъ по какому случаю. Подрѣзаль насть О. Макс. Бодянскій въ качествѣ директора типографіи. Сначала съѣздили мы къ нему съ Лонгионовымъ и предварили о предстоящемъ печатаніи Трудовъ Общества безъ цензуры, а по опредѣленію самого Общества. Бодянскій обѣщалъ содѣствіе. Препроводили къ нему рукописи при отношеніи; вслѣдъ затѣмъ узнали, что онъ не печатается. Ёдемъ опять. Бодянскій объяснилъ, что онъ не считаетъ себя вправѣ печатать безъ дозволенія цензуры, что ему нужно удостовѣреніе въ правѣ Общества, дабы не отвѣтить предъ начальствомъ и пр., и что онъ пошлетъ запросъ въ Цензурный Комитетъ. Послѣ долгихъ толкованій, онъ предложилъ намъ самимъ сочинить за него бумагу въ Цензурный Комитетъ, чтѣ я и сдѣлалъ. Вопросъ Бодянскаго Комитету долженъ бытъ заключаться только въ томъ, не послѣдовало ли измѣненій въ высочайше утвержденномъ уставѣ Общества 1827 года? Онъ обѣщалъ переписать бумагу буквально и такъ и послать, но надуль, т. е. онъ переписалъ ее слово въ слово, но прибавилъ, не подвергнется ли типографія отвѣтственности, если напечатаетъ безъ цензурнаго дозволенія. Если бы онъ ограничился первымъ вопросомъ, то Цензурный Комитетъ (какъ намъ обѣщали цензора) отвѣчалъ бы просто: измѣненій не послѣдовало, и всеѣ были бы правы и ограждены. Но на послѣдній вопросъ Комитетъ не могъ отвѣтить положительно и представилъ вопросъ объ этомъ на разрѣшеніе въ Петербургъ. Въ собраніи Общества рѣшено: просить попечителя понудить типографію къ исполненію требованій Общества, согласно высочайше утвержденному уставу. Попечитель будеть отвѣтывать, что обѣ этомъ представлено въ Петербургъ (чтѣ мы теперь знаемъ только частнымъ образомъ), и тогда послать отъ Общества энергическій протестъ къ министру. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Общество рѣшило твердо отстаивать свои права. Негодованіе противъ Бодянскаго было сильное, многіе члены предложили исключить его, но вопросъ этотъ отложенъ до ординарныхъ собраній. Кстати случилось предсѣдатель-

¹⁾ Кошелева, супруга А. И. Кошелева.

²⁾ Надежда Степановна Соханская-Кохановская, писательница.

³⁾ Общество Любителей Российской Словесности.

ствовать Хомякову. Онъ, ничего не зная, пріѣхалъ на три дня въ Москву, какъ разъ ко времени, назначенному для собранія¹⁾.

Здѣсь Смоляръ²⁾. Онъ живетъ у Погодина.

О Кулишѣ и прочей Малороссійско-Петербургской братіи свѣдѣній не имѣю... О газетѣ я еще и не подавалъ прошенія, по случаю отсутствія ministra изъ Петербурга; тамъ теперь форшнейдерствуетъ Мухановъ³⁾). Собираю прозаическія сочиненія Хомякова. Почти весь собралъ I томъ. Осеню или зимою нужно будетъ приступить къ печатанію. Если самъ Хомяковъ и никто другой не возьмется за это дѣло, возьмусь я.

Новостей очень мало, почти нѣть никакихъ. О Петербургской комиссіи по крестьянскому вопросу ровно ничего не знаемъ. Вотъ тема, на которую я желаю имѣть статьи отъ васъ и отъ прочихъ Кіевскихъ ученыхъ: „О границахъ Польши“. Намъ необходимо полюбовно, сначала на бумагѣ, размежеваться съ Поляками. Безъ этого невозможна искренность сближенія; невозможно и правительству поднимать знамя національностей или воевать съ Австріей. Безъ этого—вѣчный поводъ къ недоразумѣнію. Въ Червонной Руси этотъ вопросъ решается легко, но онъ сложнѣе въ Бѣлоруссіи и затруднительнѣе въ Литвѣ. Вы бы могли, въ письмѣ къ Грабовскому⁴⁾ разработать эту тему и напечатать въ „Бесѣдѣ“⁵⁾). Грабовскій пусть отвѣтаетъ, и такимъ образомъ возбудится мирная полемика.

Прощайте, добрѣйшій Михаилъ Александровичъ, поцѣлуйте ручку у Мары Васильевны⁶⁾). Будьте здоровы и наслаждайтесь ласками Малороссійской природы. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

II.

Статейку посылаю, но не надолго. Она очень интересна и должна быть непремѣнно помѣщена въ „Парусѣ“. Отчего тутъ пропущены 4 стиха? Знаете что? *Виноградъ* какъ-то рисуется въ воображеніи сла-

¹⁾ Данное письмо служить объясненіемъ писемъ Хомякова къ Максимовичу. См. „Русскій Архивъ“, вып. 1, 1908 г.

²⁾ Лужицкій этнографъ. У него за границею учился одинъ изъ внуковъ М. П. Погодина. П. Б.

³⁾ Николай Алексѣевичъ Мухановъ, оберъ-форшнейдеръ, т. е. главный разрѣзы-вателъ кушанья при столѣ царскомъ. Къ нему см. посланіе Хомякова: „Благочестивому Меценату“. П. Б.

⁴⁾ М. А. Грабовскій—Польскій беллетристъ и историкъ, писавшій также по-русски.

⁵⁾ Такой статьи Максимовичемъ не было написано.

⁶⁾ Супруга Максимовича.

босильнѣе хмѣлъ. У насть слово: „хмѣлинка“ означаетъ искру Божію и не въ одномъ пьяномъ смыслѣ употребляется. Премного и много благо-
дарю васъ, дорогой Михаилъ Александровичъ. Весь вашъ Ив. Ак.¹⁾

9-го Дек. (1858 г.).

III.

Наконецъ услыхали мы вашъ голосъ, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ; признаюсь откровенно,—хотя не сомнѣвался никакъ въ вашемъ участіи,—ваше молчаніе меня смущало. Понимаю также, что писать вамъ было тяжело, а письма Маріи Васильевны пропадали²⁾.

Вы хотите въ Москву; для себя лично я хотѣлъ бы того же, но вспомните, Михаилъ Александровичъ, что Москва теперь уже не та. Все перемѣнилось. Вамъ будетъ здѣсь очень тяжело и грустно. Съ тѣхъ порь, какъ вы уѣхали³⁾, трое сошли въ могилу, и кто же эти трое? самые главные члены нашего общества⁴⁾. Грустно вамъ будетъ въ нашемъ дому. Еще грустнѣе видѣть многочисленную семью сирот—дѣтей Хомякова. Кошелева уѣхала за границу съ дочерью и, вѣрно, проведетъ тамъ зиму. Александръ Ивановичъ⁵⁾, послѣ кончины Хомякова, весь отдался интересамъ хозяйственнымъ и административнымъ. Этю зимою онъ былъ приглашенъ правительствомъ въ разныя комиссии, гдѣ членомъ, гдѣ предсѣдателемъ, и почти все время жилъ въ Петербургѣ. Будущую зиму, вѣроятно, будетъ тоже. Николай Елагинъ назначенъ мировымъ посредникомъ и потому зиму проведетъ, по всей вѣроятности, въ деревнѣ, а съ нимъ, конечно, и Авдотья Петровна⁶⁾. Я умоляю Василія Елагина пріѣхать съ Катериной Ивановной⁷⁾. на зиму въ Москву, чтобы не было такъ пусто въ ней для меня. Шевыревъ со всей семьей заграницей. Сами посудите, какъ грустна и пуста Москва. Къ тому же интересы внѣшніе, правда весьма важные, совер-

¹⁾ Изъ нѣсколькихъ мелкихъ записокъ И. С. къ Максимовичу мы приводимъ только одну эту, ради оригинальности ея словотолкованія. Рѣчь здѣсь идетъ о статьѣ Максимовича: „Разборъ стихотвореній Языкова“, помѣщенной въ № 1 „Паруса“ 1859 года. Годъ подъ запискою поставленъ нами. В. Д.

²⁾ Въ данный промежутокъ времени семью Аскаковыхъ постигли, одна за другою, двѣ скорби: 30-го Апр. 1859 г. скончался Сергій Тимофеевичъ, а 7-го Декабря 1860 г.—Константинъ Сергеевичъ.

³⁾ Это было весною 1859 года.

⁴⁾ Т. е., С. Т. и К. С. Аскаковы и А. С. Хомяковъ.

⁵⁾ Кошелевъ.

⁶⁾ Елагина, по первому браку Кирѣевская, мать Петра и Ивана Васильевичей Кирѣевскихъ.

⁷⁾ Супруга Василія Алексѣевича Елагина, рожд. Мойеръ.

шенно заслонили интересы духовные, отвлеченные, литературные. Языкъ событий заглушаетъ литературную рѣчь. Хорошо жить въ Москвѣ и при малыхъ средствахъ, когда есть цѣлая среда, грѣющая, сочувственная, животворящая; но когда этой среды нѣтъ, тогда и недостатокъ удобствъ материальныхъ въ жизни дѣлается ощутительнѣе.

Тѣмъ не менѣе я даю вамъ слово искать для васъ здѣсь возможно прибыльныхъ занятій и тотчасъ васъ увѣдомить, когда найду. Сюда переводится Румянцовскій Музей, и учреждается Публичная библіотека. Нельзя ли будетъ вамъ занять тамъ мѣсто одного изъ библіотекарей, самыхъ главныхъ, разумѣется, не тѣхъ, которые дежурятъ? Я спрашивлюсь *).

Къ осени выйдутъ въ свѣтъ печатаемые мною: одинъ томъ Полн. Собр. Сочин. Хомякова (разныя статьи); два тома Полн. Собр. Сочиненій брата Константина Сергѣевича (историч. сочиненія и разныя статьи), и вѣроятно, Полн. Собр. Сочин. Кирѣевскаго. Теперь дѣло стоитъ за біографіей, которая окончательно составлена всей семьей Елагиныхъ, но теперь исправляется Кошелевымъ.

Мнѣ разрѣшили издавать газету „День“, еженедѣльную, не политическую, но, впрочемъ, со Славянскимъ отдѣломъ. Я начну издавать не раньше Октября 1-го. Беру на себя обузу страшную. Сотрудниковъ нѣтъ; самъ я уже не тотъ, но покуда живъ, долженъ по силамъ своимъ трудиться и ратовать за общее земское дѣло. Это для меня во всякомъ случаѣ рискъ: начинаю съ 500 рублями (да и тѣ заняты), а чтобы покрыть издержки годового изданія, нужно не менѣе 2000 подписчиковъ. Сами же вы можете судить, благопріятное ли теперь время для изданія газеты. Цензура вообще стала строже. Еще не знаемъ, каковъ будетъ новый министръ просвѣщенія, адмиралъ графъ Путятинъ. Онъ еще не вступилъ въ должность. Извѣстно только, что онъ религіозенъ до фанатизма, ханжа, и что все это у него какъ-то мирится съ англоманствомъ, да и женатъ онъ на Англичанкѣ. Вы, разумѣется, во всякомъ случаѣ будете участвовать въ моей газетѣ, любезнѣйшій

*) Письмо И. С. Аксакова вносить новый фактъ въ біографію Максимовича. Біографъ послѣдняго С. Пономаревъ, еще при жизни самого ученаго, писалъ: „Весною 1859 года Максимовичъ окончательно возвратился на родину, избѣгая суеты столичной“ („М. А. Максимовичъ“, 1872 г., стр. 66). Судя по письму Аксакова, можно скорѣе думать, что это удаленіе въ деревню было вынужденнымъ вслѣдствіе недостатка средствъ. Между тѣмъ литературные стремленія влекли Максимовича въ центръ умственной жизни— Москву. В. Д.

Михаиль Александровичъ, неправда ли? Участіе ваше мнѣ истинно дорого¹⁾.

Общество наше спить, т. е., печатаются пѣсни и словарь Даля, но все это какъ-то не даеть жизни самому Обществу, и когда назначаются съѣзы, такъ не собирается и 8 человѣкъ. Весь смыслъ его въ публичныхъ засѣданіяхъ, на которыхъ я читалъ нѣкоторыя статьи и стихи брата, не пропускаемые цензурою въ печать.

Хотѣлось бы многаго и многаго, и то надо бы, и то можно бы сдѣлать, да—масла нѣть! И кругомъ нѣть масла! Нечѣмъ грѣть и горѣть. Но не хочу наводить на васъ грусть. Пусть свѣтъ ее дыханіе теплого вѣтра, шелестящаго зеленыхъ вербы Михайловой Горы! Очень бы желалъ обнять васъ, видѣть вашу семейству и поцѣловать ручку Маріи Васильевнѣ. Прощайте. Сестра хотѣла писать къ вашей женѣ. Мы здоровы, но лѣто проводимъ въ Москвѣ. У насъ при домѣ, впрочемъ, хорошенъкій садикъ. Весь вашъ Ив. Аксаковъ. 19 Іюня 1861. Москва.

IV.

27-го Сентября 1861. Москва.

Любезнѣйшій Михаиль Александровичъ. Простите, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Причина тому—пріисканіе квартиры, и по пріисканіи—перевозка. Наконецъ все это уладилось; вотъ вамъ нашъ новый адресъ: *на Спиридоновкѣ, домъ Вечеслова*. Тутъ же помѣщаются и моя контора. Отъ всей души благодарю васъ за статьи, вами присланыя, и непремѣнно начну помѣщать ихъ со 2-го №. Съ 1-го № потому не помѣщаю ихъ, что избѣгаю повторенія „Паруса“²⁾), а также и потому, что хочу предпослать напередъ статью объ „Основѣ“³⁾) вообще и объ отношеніи моей газеты къ выражаемому „Основой“ направленію. Вы чрезвычайно ловко и удачно поражаете вашего противника⁴⁾, и надѣюсь, не оскудѣть ваша литературная помощь мнѣ и на будущее время. Само собою разумѣется, что я охотно отпечатаю вамъ „Оборону“ отдельной книжечкой. Воспоминаніе о Мицкевичѣ возьму у Лонгинова.

¹⁾ Въ „Днѣ“ (1861 г. №№: 3, 5, 7 и 9) Максимовичъ помѣстилъ свою „Оборону Украинскихъ повѣстей Гоголя“, направленную противъ отрицательныхъ статей Кулиша о Гоголѣ.

²⁾ Закрытъ въ 1859 году на второмъ №.

³⁾ Украинскій журналъ, издававшійся въ началѣ 60-ыхъ годовъ Бѣлозерскимъ.

⁴⁾ Кулиша. См. примѣчаніе къ пред. письму.

Обстоятельства, окружающія рожденіе „Дня“, такъ трудны, что, право, всякой другой отступился бы отъ этого дѣла. Начать съ того, что цензура получила *секретное* предписаніе имѣть строжайшій надзоръ за моей газетой, и что мнѣ назначены два цензора, а третій—самъ предсѣдатель Щербининъ (теперь вѣдь особые предсѣдатели, отъ правительства). Цензора же всѣ, кромѣ Гилярова, подборъ тушицъ и трусовъ. Но и Гиляровъ, послѣ разныхъ цензурныхъ исторій, вслѣдствіе которыхъ едва не лишился мѣста, сталъ боязливъ и капризенъ до нельзяя.— Написалъ я пространную и серьезную программу, кажется, удачную и признанную за умѣренную всѣми благоразумными людьми; ее не пропустили, и я долженъ былъ ограничиться простымъ извѣщеніемъ, которое вамъ и посылаю. Но и тутъ Главное Управленіе Цензуры прислало запросъ, какъ смѣли пропустить это объявленіе, несогласное будто бы съ высоч. утвержденной программой. Несогласіе состоить въ томъ, что у меня противъ программы прибавленъ отдѣль Смѣсь. Впрочемъ, надѣюсь, что этотъ запросъ не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій. Посмотримъ, но я твердо намѣренъ держаться до послѣдней крайности.

М. П. Погодинъ, чрезвычайно разстроенный происшествіемъ со своею статьей, напечатанной въ „Акционерѣ“, и обрушившимися на него со всѣхъ сторонъ ругательствами, уѣзжаетъ на зиму изъ Москвы, не то въ Сибирь, не то въ Карабарово къ Уварову. Кажется—рѣшился на послѣднее. А. И. Кошелевъ и Елагины всѣ въ деревнѣ. Авдотья Петровна здорова. Самаринъ въ Самарѣ. Чижовъ *все хвораетъ**). „Вѣстникъ Промышленности“ за неимѣніемъ подписчиковъ, прекращается. Я надѣюсь недѣли черезъ двѣ выдать первые томы Поли. Собранія сочиненій брата и Хомякова. Время чрезвычайно трудное. Со всѣхъ сторонъ подняты важные общественные вопросы, постановка которыхъ и самое разрѣшеніе въ обществѣ происходятъ чрезвычайно неправильно и безобразно вслѣдствіе невозможности рѣшать ихъ явно въ печати, и вслѣдствіе сильного развитія подземной или подметной печатной литературы. Теперь въ Петербургѣ просто *терроръ*: нѣкоторые литераторы и многіе гвард. офицеры сидятъ въ крѣпости, обвиненные или уличенные, навѣрное не знаю, въ составленіи дикой и глупой прокламаціи къ молодому поколѣнію. Разумѣется, честная, явная литература не имѣть съ этимъ дѣломъ ничего общаго, но она стѣснена и не можетъ предлагать противоядіе сильно отовсюду расточаемому яду. Появились листки, Богъ знаетъ гдѣ, на деревянныхъ станкахъ печатаемые, подъ названіемъ „Великороссъ“. Во 2 № ставится вопросъ о

*) Феод. Васил.—писатель.

возможномъ отдѣлениі Южной Руси¹⁾). Какъ бы хотѣлось отдѣлать этого Великоросса, посягающаго на цѣлость Русской земли, но возвращать нельзя, и Великороссъ въ чести у многихъ! Теперь страшныя исторіи происходятъ въ Петербургѣ съ университетомъ. Вслѣдствіе развившейся въ студентахъ чесотки адресовъ, больше смѣшныхъ и глупыхъ, чѣмъ серьезныхъ и опасныхъ, университетъ закрыли, о чемъ возвѣстила намъ сегодня печатная телеграмма. Мѣра слишкомъ сильная и неблагоразумная, и нелѣпая во всѣхъ отношеніяхъ. Студенты, въ числѣ болѣе 1000, найдя университетъ запертымъ, отправились съ Васильевскаго Острова на Владимирскую улицу, т. е., прошли чрезъ весь городъ—къ попечителю требовать объясненія. Не знаю, кто распоряжался въ отсутствіе Государя, но противъ студентовъ выдвинули войска, и дѣло чуть чуть не дошло до кровопролитія. Скверно! не можешь сочувствовать ни одной сторонѣ, ни правительству, ни обществу, все кругомъ разлагается, и поддерживаемыя²⁾ только върою въ народъ,—но вѣдь только върою. Прощайте, однако, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, обнимаю васъ и прошу поцѣловать ручку у Марии Васильевны. Будьте здоровы и съ вашимъ Алексѣйкомъ!³⁾ Наши всѣ вамъ очень кланяются. Преданный вамъ отъ всей души Ив. Аксаковъ.

V.

Посылаю вамъ, дорогой Михаилъ Александровичъ, ваши двѣ статейки, 6 и 7-ю, а остальныя постараюсь напечатать въ самомъ скромъ времени. Дѣйствительно, читатели начинали скучать этой полемикой, тѣмъ болѣе, что Кулишовскія бредни⁴⁾ имѣли слабый отголосокъ

¹⁾ Приволимъ относящееся сюда мѣсто изъ названной прокламаціи: „Извѣстно, что (Украинскій) народъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли решитъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что, при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ настѣ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, Великороссы, достаточно сильны, чтобы оставаться однимъ, имѣя въ себѣ элементы национального могущества“.—Нѣть смысла заднимъ числомъ возражать на эти слова, но слѣдуетъ замѣтить, что представители революціоннаго общества навязывали Украинскому народу сепаратистическія стремленія не съ менѣшкою развязностью, чѣмъ нѣкоторые государственные политики. В. Д.

²⁾ Т. е., правительство и общество. Впрочемъ, не совсѣмъ ясна конструкція. В. Д.

³⁾ Алексѣй Михайловичъ, сынъ Максимовича, нынѣ членъ Витебскаго Окружнаго Суда.

⁴⁾ По поводу Украинскихъ повѣстей Гоголя.

въ обществѣ. Къ тому же „Основа“ хирѣтъ и едва ли будетъ продолжаться по недостатку поддержки со стороны Малороссіи. Это жаль. Если бы „Основа“ не проповѣдавала, или вѣрила, если бы не пахло отъ нея духомъ отданія отъ Россіи, она могла бы содѣствовать возбужденію мѣстнаго народнаго элемента, возбужденію, которое такъ необходимо, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ Польской стихіи. Съ одними казенными средствами трудно побѣдить этотъ элементъ общественный, а не государственный.

Кошелевъ въ деревнѣ. Пожертвованіе въ публичную библіотеку онъ разсрочилъ на 10 лѣтъ. У него большія непріятности. . . .—Очень радъ, что мой „День“ вамъ нравится. Не знаю, посланы ли вамъ сочиненія Хомякова, брата и Кирѣевскаго. Если нѣть, то по напечатаніи послѣднихъ двухъ статей вашей критики, пришлю и ихъ вмѣстѣ съ оттисками. Маменька и сестры вамъ очень кланяются, а также и Марья Васильевна. Будьте здоровы, обнимаю васъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

25-го Марта 1862. Москва.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ФАВСТУ ПЕТРОВИЧУ МАКЕРОВСКОМУ.

1.

Говоря съ тобою какъ я всегда привыкъ, то есть какъ съ самимъ собою, я не могу тебѣ не ввѣрить, что дѣло идетъ о славномъ для меня мѣстѣ выбираемомъ между двумя. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это кончилось, покуда я здѣсь; но не извѣстно, когда составятся штаты, и положеніе утвердится. По душевной моей привязанности къ Москвѣ, я худшее предпочту лутчemu, лишь бы только жить у васъ. Знай, милый другъ, это про себя, а любопытнымъ отвѣчай въ случаѣ вопросовъ на мой щетъ: мудрено ли, что онъ остался долѣ (разумѣется ежели бы это сбылось)? Во первыхъ ваканціи проведеть съ сыномъ, а во 2-хъ Марья Константиновна¹⁾ ожидаетъ роды свои въ семье мѣсяцѣ. Не смотря на все это, вѣроятно, что я Пасху возьму съ вами, а не здѣсь. Твои настоящія, милый другъ, и докуки жены моей рѣшили меня объясниться съ братомъ насательно присканія мѣста. Онъ тотчасъ одобрилъ мысль мою и началъ дѣйствовать. Начало обѣщаетъ блестательный успѣхъ. Зная твою молчаливость, я не прошу тебя о тайнѣ. Все это совершенно между нами, Наташою²⁾, братомъ и пятымъ еще лицомъ.

Гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, тамъ всегда куча народу. Посмотри-ка здѣсь. И для меня это задача: всѣ облиты кружевами, золотомъ, экипажи и лошади чудесные, а спроси, право нѣть 50 р. въ карманѣ, всѣ, всѣ холятся какъ нашъ Чижъ³⁾.

Мы третьяго дня хотѣли былоѣхать къ твоему министру⁴⁾, но сказали, что не принимаетъ. Его фактотумъ, ворочающій и управляющій всѣмъ домомъ Галицкой, отчаянно занемогъ, а вчера и умеръ.

¹⁾ Супруга К. Я. Булгакова. И. Б.

²⁾ Супруга А. Я. Булгакова. И. Б.

³⁾ Князь Василій Сергеевичъ Голицынъ, по своей матери двоюродный братъ А. и К. Я. Булгаковыхъ. И. Б.

⁴⁾ Т. е. графу Д. А. Гурьеву. Ф. И. Макеровскій былъ начальникомъ Горнаго Правленія въ Москвѣ. И. Б.

Они огорчены, и потеря весьма чувствительная; ибо гр. Гурьевъ, живучи почти по царски, очень мало издерживалъ. Графъ Кочубей брату разъ сказалъ: пусть Галицкой возмется за моимъ домомъ и дѣлами смотрѣть, я ему дамъ все содержаніе и 15 т. р. жалованья въ годъ. Такъ вотъ, братъ, бѣдному и нечестолюбивому человѣку лутче служить вельможѣ какому, нежели Государю. Братъ получилъ вчера эстафету отъ гр. Браницкой *), дающей ему непріятную комисію возвѣстить ея дочери и зятю г. Воронцову о смерти ихъ сына, груднаго ребенка. Отецъ и мать очень огорчены, и мы все у нихъ дежуримъ почти цѣлый день. Здѣсь настали очень сильные морозы, ночью и днемъ 3 и 4 градуса, но снѣгъ весь и ледь съ улицъ снегли.

С.-Петербургъ. Марта 20-го 1823.

2.

С.-Петербургъ, 24 Марта 1823.

Воронцовы въ горѣ, и мы все у нихъ, утѣшаемъ ихъ послѣ печальнаго извѣстія о кончинѣ ихъ сына. Вотъ чета рѣдкая. Какая дружба, согласіе и нѣжная любовь между мужемъ и женою! Это точно два ангела. Мы въ Среду о тебѣ думали у Гурьева. Неселъроде, поговоря съ тестемъ своимъ, подошелъ къ брату и сказалъ: *N'avez vous pas quelqu'un, donnez nous un brave homme pour vice-gouverneur ici.* Брату никто не пришелъ въ голову кромѣ тебя, но ты имѣешь пріютъ хороший. Я подумалъ о Брокерѣ (человѣкѣ усердной и честной), но не смѣялъ говорить, не зная его мыслей; онъ и жена его не любятъ Петера, а дѣло должно решиться на дняхъ. Видѣлъ я у Гурьева вашихъ Ланскихъ, кои їдутъ на дняхъ въ Москву навсегда, видно, чтобы быть поближе къ наслѣдству старика Одоевскаго. Спрашивали оба о вѣсть у меня. Майковъ прочь отъ театра; не знаютъ еще, кто займетъ его мѣсто, онъ ищетъ сенаторства. Князь Дм. Волод. боленъ. Вотъ, кажется, и все.

3.

Марта 26-го 1823.

Я только было принялъ къ тебѣ писать, любезнѣйшій мой другъ. явился нечаянно Воронцовъ звать къ себѣ обѣдать, долго заболтались, не могъ отказаться, хотя и обѣдалъ у него вчера съ братомъ. Въ Воскресеніе неожиданно передъ обѣдомъ изволилъ его ощастливить Государь императоръ своимъ посвѣщеніемъ и пробылъ съ часъ. Графъ и графиня возхищены его ласкою. Вчера имѣли они кучу визитовъ отъ

*) Это теща гр. М. С. Воронцова, который въ это время готовился къ должности Новороссийского генераль-губернатора и жилъ въ Петербургѣ. П. Б.

придворныхъ подлецовъ. Право, гадко смотрѣть на эту гнусную толпу не имѣющу никакого собственного чувства.

Встрѣча моя съ Государынею подлинно меня безъ ума восхитила. Вчера имѣлъ я опять щастіе встрѣтить ея вел-во на лѣстницѣ Эрмитажа, и она изволила сказать: *On voit que vous aimez la peinture, vous venez souvent ici.* Это моя любезнѣйшая прогулка.

Буше этотъ, человѣкъ предерзской, мнѣ много обѣ немъ говорилъ Воронцовъ, знающій его коротко. Я тебяувѣрю, что ежели бы я былъ въ Москвѣ, я бы ему не спустилъ его нахальства. Французу потакать опасно: сядеть и на нось, только позволь. Я справлюсь, зачѣмъ вы требованы планы Правленія, а на щетъ серебрениковъ будь совершенно покоенъ, это все вздоръ. Я брату говорилъ о тѣхъ, коихъ ты желаешь представить; онъ тоже говоритъ, что министру недолго сказать и имѣть его согласіе, но лутче все таки прежде поговорить намъ съ Мечниковымъ. Теперь явилась и хозяйка наша Мамонова, а я безъ церемоніи продолжаю тебѣ писать, сидя въ своемъ халатѣ. Вотъ у насъ какъ! Она велитъ кланяться твоей Соф. Серг. *)

Вася Голицынъ подалъ графинѣ Соф. Влад. отчетъ въ управлениіи своемъ Строгановскимъ имѣніемъ. Онъ въ 17 мѣсяцовъ сдѣлалъ экономіи на 470 т.; у нихъ тоже открыты золотоносные пески, какъ у Яковлева, но очень еще мало. Мосты сняты и, кажется, Нева сегодня пройдетъ. У Французского посла гр. Лифероне жена родила дочь. Государь изволилъ быть воспріемникомъ съ гр. Несельродшю. Братъ устроилъ съ кн. Дм. Волод. дѣло о дилижансѣ между Москвою и Троицею. Князь былъ въ лихорадкѣ, однакоже вчера выѣхалъ и былъ первый разъ въ Совѣтѣ, кудаѣздить регулярно. Закревскій сказывалъ, что скоро будетъ сюда Нейдгардть, нашъ Московскій, на мѣсто Желтухина начальникомъ Гвард. Штаба, а Ж. отпущенъ на Кавказъ.

4.

28 Апрѣля 1823.

Здѣсь все еще не утихаютъ разговоры о Гурьевой отставкѣ. По городу ходятъ стишки на этотъ случай. Вотъ они, только совсѣмъ тебѣ не показывать: иной тебя еще осудить, а завистники твои напишутъ сюда, что ты въ Москвѣ раздаешь пасквили на бывшаго начальника. Мечниковъ все еще тутъ. Одинъ горный чиновникъ былъ у него на днѣхъ. М. ему сказалъ съ улыбкою: ну, поздравляю васъ съ новымъ начальникомъ, а тотъ ему въ отвѣтъ: равномѣрно и в-е пр-во могу

*) Супругъ Ф. П. Макеровскаго, рожд. Мосоловой. И. Б.

поздравить. Ну! да Богъ знаетъ еще, возразилъ Мечниковъ (изъ чего заключаютъ, что онъ не останется). Канкринъ очень горячо принялъся за дѣло и два раза уже работалъ съ Государемъ. Брать очень его на-смѣшилъ, встрѣтясь съ нимъ во дворцѣ; онъ ему очень серіозно говорить: я радъ, что вѣсь встрѣчаю и увѣряю вѣсь, Егоръ Францовиѣ, что, не смотря на перемѣну эту, я все буду одинаковъ къ вамъ. Гурьевъ встрѣтилъ брать вчера у Несельрода, и старикъ, разсказывая ему о прощаніяхъ чиновниковъ своихъ съ нимъ, самъ имѣлъ слезы на глазахъ, и подлинно онъ награждалъ ихъ удивительно.

Я получилъ изъ Парижа брошюруку выданную тамъ и напечатанную граffомъ Ф. В. Растопчинымъ, заглавіе ея *La vѣrit  sur l'incendie de Moscou*. Она подписана граffомъ и опровергаетъ всѣ нелѣпости, кои Наполеонъ и Французы на его щетъ публиковали въ 12 году. Граffъ разсказываетъ всѣ происшествія того времени, исторію Верещагина, пожара, шара и пр.; онъ выписываетъ ихъ бюллетени и дѣлаетъ на нихъ возраженія и пр.; очень любопытно.

Взметневъ, о коемъ упоминается въ стихахъ, мужъ Гурьевой любовницы, и онъ фаворитъ.

5.

1 Маia 1823. П.-бургъ.

Ежели такъ много говорять у вѣсь о дѣяхъ поселенцевъ, то какую же тревогу надѣлаетъ въ Москвѣ отставка Гурьева! Это же какъ снять на голову. Ты однажде будь поконенъ: ты не потеряешь ничего. Новый твой командиръ брату хороший пріятель. Вчера онъ сюда прїѣжалъ поутру, но къ сожаленію брата не было дома; онъ поѣхалъ къ отѣзжающему завтра князю П. М. Волконскому, который также препоручаетъ брату дѣла въ отсутствіе свое. Брать поѣдетъ къ Канкрину, ибо этотъ велѣль ему сказать, что желаетъ его видѣть. Много будетъ труда новому министру, но зато можетъ и пріобрѣсть большую себѣ славу. Гурьевъ, опомнясь отъ первого удивленія, теперь, кажется, доволенъ, что избавился большихъ заботъ и болѣе имѣеть свободнаго времени. Брать у него вчера ужиналъ, а я полѣнился одѣваться и остался вечеръ у Чижова.

Нового только знаю, что несчастный Павелъ Никол. Приклонской въ самый день Пасхи прощенъ. Не знаю, возвращены ли ему съ свободою чины и дворянство, только онъ отъ болѣзней весь разслабъ, а другіе говорятъ, что онъ оченьшибко пилъ; не быть ничего, а положенные ему въ сутки 50 коп. пропивалъ. Жена же ничего ему не

давала. Въ Воскресеніе много было свадебъ въ городѣ, но я слышалъ только о Гагариной, ихъ вѣничили въ домовой церкви гр. Гурьева.

Министръ юстиціи остается, бумаги его вѣдомства, кои даны были гр. Аракчееву на разсмотрѣніе, вѣльно ему возвратить съ тѣмъ, чтобы рѣшены были эти дѣла по его министра юстиціи мнѣнію. За это было неудовольствіе, то симъ и прекратилось все, и онъ остается. Скажи это добромъ нашему П. И. Нарышкину, къ коему не успѣю писать теперь.

6.

Мая 4-го дня 1823.

Отѣзжающій завтра кн. П. М. Волконской также брату оставляетъ довѣренность для хожденія за его дѣлами; всѣ на него налягаютъ, но есть случаи (яко сей) что нельзя отказаться. Братъ былъ у Канкрина вчера, нашелъ его окруженнаго директорами въ мундирахъ и лентахъ, хотѣлъ было бросить работу, братъ же уѣхать, чтобы не мѣшать, но Канкринь сказалъ: И! К. Я.! У меня отъ васъ нѣтъ секретовъ; долго говорилъ, вспоминалъ житѣе Парижское, гдѣ быть онъ съ братомъ въ одной комиссіи и пр. Однимъ словомъ, назначеніе Канкрина не только не будетъ тебѣ вредно, но даже и очень полезно. У брата есть одна славная мысль, о коей поговоримъ когда будемъ вмѣстѣ. Теперь твои труды будутъ награждаемы, и команда твоя выйдетъ изъ ржавчины. Новаго не слышно ничего кромѣ двухъ свадебъ и то у васъ: Соф. Урусова за Мятлева и княжна Черкасская, сестра Нейдгардта, за Буксгевдена. Вчера отправилась въ Москву наша графиня Мамонова. Мы не можемъ нахвалиться ея дружбою; добрая дѣвка, но вѣтрена и своеvolна отъ того, что родилась въ золотыхъ охлопкахъ и избалована съ ребячества. Я бы очень желалъ, чтобы она помирилась съ братомъ. Двое ихъ на свѣтѣ только и тутъ еще не ладятъ. Лотерея Головинская отложится, я думаю, на мѣсяцъ, потому что неизвѣстно, проданы ли или нѣтъ билеты, кои въ чужихъ краяхъ, и кому имянно. Множество стойти это труда брату, и очень онъ будетъ радъ, когда избавится этого бремени, которое все лежитъ на немъ.

Братъ получилъ странное письмо изъ Риги отъ какой-то гр. Фитингоффъ, урожденной Сакенъ. Она даетъ ему № своего билета Головинскаго и прибавляетъ: Je ne désire gagner que la prime de 200 m. rbl. si cela arrive, je prie V. E. de m'envoyer cent mille rbl. par estafette et de vouloir bien garder les autres 100 m. rbl. pour vous. Братъ ея не знаетъ въ лицо даже, и этотъ даръ, хотя и воздушный, очень насъ интригуетъ.

7.

С.-Пбургъ, 8-го Маія 1823.

Гурьевъ работалъ еще разъ съ Государемъ въ Субботу и на послѣдкѣ выпросилъ своимъ кое-что, напр. Рибоціеру алмазные знаки 1-й Анны, Взметневу чинъ ст. совѣтника, Дружинину и Чекменеву аренды, 2-го Владимира Вронченкѣ. Вотъ, кажется, и все. Тутъ бы вѣрно доложилъ онъ и о Мечниковѣ: но мнѣ кажется, что директора отпустить нельзя, покуда новому министру все не объяснить и не сдастъ дѣла какъ должно, на это надобно не одинъ день. Я тебѣ скажу для твоего единственного свѣдѣнія, хотя братъ и запретилъ, что братнина цѣль помѣстить Соймонова на мѣсто М. въ случаѣ отбытия сего. Я увѣренъ что Канкринъ послѣдуетъ совѣту брата и возметъ къ себѣ сего рѣдкаго человѣка, но все это только еще предположенія, и ты ради Бога молчи, самъ почувствуешь, что огласка надѣлала бы много зла и тебѣ, и брату, и Соймонову. Ты будешь очень доволенъ твоимъ новымъ министромъ, человѣкъ очень справедливый и работящій. Государь и императрица Елис. Алекс. въ Царскомъ уже, а Мар. Федор. въ Павловскомъ, хотя время и нехорошо, и холодно. Воронцовъ сказалъ намъ подъ секретомъ, что Государь ему объявилъ о назначеніи его генерал-губернаторомъ во всѣ Новороссійскія губерніи съ присовокупленіемъ къ онymъ Бессарабіи. Указъ будетъ на дняхъ объявленъ; ему даетъ Г. избрать Одессу или какой хочетъ городъ для своего пребыванія. Вор. хочется жить въ Крыму гдѣ нибудь.

Братъ тебя обнимаетъ, кн. П. М. Волконской препоручилъ ему всѣ свои дѣла. Онъ съ легкой руки успѣлъ продать дорогое деревню, не приносившую почти дохода, а купилъ ему дешево домъ гр. Головина, однакоже за 500 т., приносящій 57000 р. дохода. Славное дѣло, ибо домъ тотчасъ закладывается въ 200 т. р., то покупка дѣлается безъ денегъ. Князь не богатъ, это его очень поправить. Братъ послалъ къ нему эстафету въ Царское, она его еще застала, и князь П. М. пишетъ самое дружеское благодарительное письмо брату и говорить въ концѣ: я объяснилъ Государю, какимъ образомъ я могъ сдѣлать столь большую покупку, и васъ прошу также въ публикѣ говорить о семъ, дабы иной не подумалъ, что я, разстроившій себя по службѣ, въ оной нажился; а я дорожу мнѣніемъ честныхъ людей.

Напрасно думаешь ты, что Кампенгаузенъ прибрать хочетъ къ себѣ горную часть. Неправда, ибо онъ и Министерство Финансовъ отказалъ. Когда Аракчеевъ сталъ его щупать на этотъ щотъ, то К. ему сказалъ: Государь во мнѣ волентъ; но ежели я буду назначенъ на мѣсто гр. Гурьева, то въ тотъ же день лягу въ постелю и прежде отставки своей не оставлю ея.

8.

Отъ брата имѣю кучу писемъ. Все еще не известно точно, когда будетъ коронація, а думаютъ въ Августѣ. Брать получилъ по назначению покойной императрицы Е. А. табакерку брильянтовую и съ шифромъ. Лонгиновъ тогда говорилъ, что она должна быть въ 10 т. р. Это вниманіе весьма для него лестно. Каково донесеніе Комиссіи? Какіе злодѣйскіе и вмѣстѣ глупые были замыслы? Ежели тебѣ не нужень этотъ экземпляръ, то запечатавъ отправь къ тестю透过 его контору. Пусть себѣ читаетъ и ахаетъ. Экъ ихъ сколько собралось Пугачевыхъ!

22-го Іюня

1826.

9.

Пятница 11-го Іюля 1826.

Я не понимаю, что здѣсь дѣлается: засѣдатель созвалъ старостовъ нашихъ въ Кресты за дѣломъ, не говоря какимъ, да всѣхъ, посадя въ телѣги, увезъ силою въ Талицы, гдѣ, сказываютъ, должны они ожидать губернатора. Не понимаю этого Турецкаго манера дѣйствовать, но буду благодарить за всѣхъ помѣщиковъ Обольянинова *) и князя Дм. Влад., когда буду въ Москвѣ.

10.

(Москва). Пятница вечеромъ. (Лѣто 1831).

Напрасно ты такъ пугаешься, даже въ Петербургѣ идеть уже лутче: 4-го было вновь 388 больныхъ, а 5-го токмо 137. Однакоже Потоцкій таки умеръ, также и Ланжеронъ, ихъ похоронили ночью безъ церемоніи. О другихъ смертяхъ не слышно. Дворъ не переѣзжаетъ въ Царское, тамъ оказалась въ окрестностяхъ холера; Императрица изволить родить въ Петергофѣ. Здѣсь все тихо и безболѣзенно, чтѣ тебѣ сказали при отѣздѣ сущій вздоръ. Въ Варшавѣ была контрѣ-революція въ нашу пользу, тутъ участвовали и Польскіе генералы, но открыли заговоръ и арестовали всѣхъ участниковъ. Паскевичъ доносить отъ 25-го, что готовится Вислу переходить, зайти въ Варшавѣ въ задѣ, не трогая Праги. Съ Французами чуть не дошло до разрыва, но писать это длинно, разскажу тебѣ какъ увидимся; покуда слажено опять.

Я думалъ было обѣдать сегодня у Новосильцова, вмѣсто того получилъ приглашеніе на обѣдъ отъ об.-полицмейстера, надобноѣ хать, нечего дѣлать. Иные говорять, что онъ празднуетъ свое новоселье въ

*) Губернскаго предводителя Московскаго дворянства. П. Б.

домъ Кологривовой, а другіе, что это прощальный обѣдъ князю Дм. Вл., отѣвжающему послѣ завтра. Впрочемъ одно другому не мѣшаетъ. Послѣ завтра хотимъ перевѣхать въ городъ. Импер. фамилія остается жить въ Царскомъ С. до 6-го Ноября. Катя пишетъ, что они въ радости. Государь даваль ученые лейбъ-гусарамъ и очень благодарили Соломирскаго, онъ командуетъ полкомъ. Хомутовъ еще слабъ послѣ горячки.

Вотъ тебѣ письмо, милый другъ. Твоему Канкрину бриліантовые шифры Государя на эполеты, т. е. быть при особѣ Государя, оставаясь тѣмъ чтѣ есть.

Я имѣлъ ужасную ночь, жену перепугалъ и насили утомонился; видѣлъ я во снѣ, что братъ умеръ, началъ метаться, плакать, выть, такъ что и пришедъ въ себя не могъ до утра успокоиться, сдѣлалась дрожь. Наташа меня шубою окутала, и я поспалъ, теперь только что встревоженъ.

Есть дама одна, которая слышала, что у тебя есть табакерка съ портретомъ моимъ писаннымъ въ мою молодость. Она очень желаетъ его видѣть, хотя мое самолюбіе павлинное отъ сего важно пострадаетъ, но надобно хоть прошедшими похвастать, ежели нельзя настоящимъ. Пришли мнѣ, мой другъ любезный, портретъ сей писанный въ Вѣнѣ въ профиль, кажется, въ шинели.

Вчера приходилъ камерлакей сказывать, что императрицѣ угодно, чтобы Катинъка явилася сегодня въ 12 часовъ къ ней въ простомъ кругломъ платьѣ. Я долженъ ее туда везти, а потому не могу ѻхать къ заставѣ съ тобою. Печальная церемонія продолжится до часу, я думаю. Не знаемъ мы за чѣмъ дочь требуетъ Ея Вел.-во: это не общее представленіе, ибо другимъ фрейлинамъ не дано знать, не первое ли это дежурство, а княгиня Е. А. думаетъ, что не возьметъ ли ее Государыня съ собою въ институтъ.

11.

Петербургъ, 1-го Іюня 1832.

Я былъ чрезмѣрно обласканъ княземъ Ал. Ник. и Несельродомъ, да и всѣми вообще. Вотъ, братъ, какъ одно обстоятельство вовсе перемѣняетъ вещи, лица, сношенія! Все идетъ очень хорошо. Я отъ графа Несельрода слышалъ что князь А. Н. въ послѣдній разъ въ Петергофѣ не работалъ съ Государемъ; онъ вчера туда поѣхалъ и сказалъ брату; что доложить обо мнѣ; впрочемъ Е. В. изволить сюда прибыть скоро, 3 или 4 имѣеть быть праздникъ въ Елагинскомъ дворцѣ; полагаютъ, что и я буду званъ яко камергеръ. Скоро надѣюсь тебѣ возвѣстить уже не по секрету, а теперь говори всѣмъ одно: ни Булгакова, ни другова

не назначаютъ; видно, есть другія дѣла важнѣйшія, коими занимаются, а А. Я. ничего мнѣ не говорить обѣ этомъ хотя и пишетъ*). Ну, братъ, что за дача у брата! прелестъ, я не знаю здѣсь лутчай. Пишу тебѣ имѣя въ глазахъ величественную Неву, множество дачъ украшаютъ горизонтъ: кн. Долгорукой, Юсупова, Бобринской, князя Сер. Гагарина и пр. правѣ прекрасный мостъ Бетанкуровой конструкціи, далѣе дворецъ вел. князя Мих. Павловича, лѣвѣ Крестовскій островъ, рядомъ дачи гр. Мамоновой, Закревскаго, Гурьева, Лаваля. Лодки и барки плаваютъ безпрестанно. У брата садъ прекрасный; домъ расположень нельзя лутче.

То-то твой графъ Ег. Фр. будетъ хороши въ усахъ; многимъ однажде дано позволеніе не носить, яко то князю П. М. Волк., князю Д. И. Лобанову, принцу Виртембергскому, а здѣсь есть уже портреты Государя съ усами. Къ императору, сказываютъ, идутъ они, а къ вел. князю нѣтъ. Хочется мнѣ въ Субботу пуститься въ лагерь Краснаго Села къ вел. князю М. П. съ моимъ почтеніемъ, а то иначе не увижу его выс-во.

12.

5-го Іюня 1832. СПб.

Меня обласкать изволилъ вел. князь М. П., у коего быль я почти часъ. Е. в-у принесли бумаги я хотѣлъ откланяться, но онъ приказалъ мнѣ сѣсть передъ собою и работалъ при мнѣ. Я, чтобы не быть бесполезнымъ, просилъ позволить засыпать бумаги имъ подписываемыя. Много было рѣчи о Москвѣ, которую все очень любить. Е. в. угодно было приказать мнѣ возвратиться обѣдать съ нимъ, и нась было 5: в. князь, Полетика, фл.-адъют. Киль, дежурный адъютантъ Грессеръ и я. Много мы смѣялись за обѣдомъ, а послѣ принялись за сигары. В. К. должно было ѻхать къ Государю, чтобы сопровождать Его Вел-во на гулянья верхомъ. Очень ласково меня отпустилъ отъ себя, прибавя: я радъ, что съ тобою столкнулся, а депутатовъ Московскихъ я къ сожалѣнію моему не видалъ, посыпалъ отыскивать Олсуфьевъ къ обѣду нашему, но онъ уже уѣхалъ. Къ водамъ не будеть вѣроятно е. в., а великая княгиня еще менѣе, ибо здоровье ея, благодареніе Богу, не имѣть нужды въ водахъ. Житѣе мое здѣсь преблаженное. Утры провожу въ городѣ. Государю угодно, чтобы я вникалъ въ новую должность, вчера ходилъ я съ братомъ по всѣмъ экспедиціямъ. Какъ это все чисто здѣсь и прекрасно устроено! Надобно будеть поставить это на туже

* Дѣло идетъ о назначеніи А. Я. Булгакова Московскімъ почтдиректоромъ на мѣсто умершаго И. Я. Рушковскаго. П. Б.

ногу въ Москвѣ. Въ Воскресеніе кончатся положенные е. в. двѣ недѣли для моего изученія, тогда и указъ подпишется. Спасибо, здѣсь меня мало атакуютъ, не какъ въ Москвѣ. Здѣсь у всякаго свои дѣла, коимъ всякой даетъ преимущество; правда, что и сходище мало, ибо всѣ разбросаны по дачамъ.

Привезли сюда колонну ужасную для монумента Александра I. Она стоитъ передъ дворцомъ на особо построенномъ для сего судиѣ. Экая громада! И какія дѣлаются пріуготовленія, подмостки! Точно дремучій лѣсъ, вся площадь дворцовая занята. Чудеса совершаются въ Петербургѣ. На гулянѣ бывшемъ на Елагинѣ имѣлъ я щастіе видѣть Государя и императрицу. Императоръ былъ верхомъ стъ наслѣдникомъ, а Мих. Павл. и государыня въ коляскѣ. Бездна народу и славный былъ фейерверкъ.

13.

15-го Іюня 1832. СПБ.

Часто мы съ братомъ тебя вспоминаемъ и сожалѣемъ, что ты не съ нами. Безпрестанно являются поздравляльщики и что обѣдъ, то Шампанское. Ежели долго пробуду, раззорю брата. Сегодня ты уже въполномъ удовольствіи и читаешь указъ о моемъ назначеніи. Посниковъ сказывалъ вчера, что когда получили онъ въ Сенатѣ, то всѣ порадовались. Сегодня должно бы присягать, но я не получилъ еще повѣстки, а не пришлютъ, то придется ждать будущей Пятницы. Жаль мнѣ Корсакову; хорошо, что успѣла пристроить послѣднюю свою дочь. Штѣ не говори, а она была добрая женщина. Вяземскаго теперь собаками не отыщешь, рыскаетъ по дачамъ; переговорю съ нимъ и отдамъ ему записку твою при первомъ свиданіи, также и Карнюшкѣ скажу. Вчера очень много было гостей у брата, между прочими и графъ Литта, Поццо-ди-Борго и пр. Сошлисъ нѣсколько Италіянцевъ съ Този, пѣли и смышили насть, а я по вечерамъ дуюсь все въ биллардъ съ однимъ молодымъ Курляндцомъ, барономъ Икскулемъ, но до сихъ поръ мало зашибъ еще. Мнѣ теперь точно въ раю, отъѣздъ мой будетъ и грустенъ, а вмѣстѣ и радостенъ. Теперь у меня одна мысль имѣть щастіе видѣть общаго отца, а моего августѣйшаго Благодѣтеля. Не известно еще, когда изволить ъхать Государь; но вѣрно, что онъ поѣдетъ и на Москву, а князь Алекс. Николаевичъ мнѣ уже говорилъ: когда вы отправитесь въ Москву, то хорошенко осмотрите гостиницы, и въ случаѣ какого нибудь замѣчанія напишите намъ тотчасъ. По Нарвскому тракту было что-то не такъ, и окружному инспектору Добровольскому была нахлобучка. Время здѣсь дурно, холодно, сырое, фруктовъ вовсе не будетъ, а сѣно теперь уже по 2 р. 50 коп. пудъ. Братъ тебя

обнимаеть. Онъ уѣхалъ уже рано въ городъ. Вчера двое молодыхъ людей подъ моими окнами катались на крошечномъ яликѣ, на парусахъ, только много форсировали, вѣтеръ усилился, нещастные были опрокинуты у самаго моста, одного брошенными съ моста веревками спасли, а тѣло молодаго князя Хованскаго и до сихъ поръ не отыщутъ, вчера цѣлый день барки разыѣзжали и искали тѣло. Это уже второй примѣръ. Когда я обѣдалъ у великаго князя, то также утонули почти подъ балкономъ е. в-ва двое кадетъ.

14.

С.-Пургъ 12-го Іюля 1832.

Помыкалъ я горе, за то теперь блаженствую. Мы были вчера съ братомъ у князя Ал. Ник., который меня очень обласкалъ. Въ Воскресенье надѣюсь имѣть щастіе видѣть Государя, августѣйшаго моего Благодѣтеля, въ Пятницу буду присягать въ Сенатѣ. Ну, братъ, большую дѣлаю я тревогу въ городѣ. Вчера была бездна народу у брата съ поздравленіями. Начинали было колебаться въ моемъ назначеніи, ибо оно тянулось, а теперь заговорили о большомъ кредитѣ брата: ибо натурально, что не меня, а его хотѣли наградить моимъ назначеніемъ на такое мѣсто. Пріятно мнѣ видѣть всеобщее одобрение, но конечно есть и завистники; но они притаились. Я читаль Полетикѣ твою комісію, и онъ очень благодаритъ тебя за позволеніе у тебя остановиться, будетъ въ началѣ Августа къ намъ. Напрасно вы ждете Государя теперь. Несомнѣнно, что е. в. изволить быть въ Москвѣ проѣздомъ, но когда именно, не знаемъ еще.

15.

22-го Іюля 1832. СПБ.

У Бога теперь только прошу имѣть щастіе удостоиться видѣть Государя. Придется ѿхать въ Петергофъ, но я пошелъ бы туда пѣшикомъ, босой. Князь А. Н. хотѣлъ при первой работѣ доложить Государю. Теперь маневрами заняты всѣ, даже дамы скачутъ туда отсюда. Они продолжатся пять дней и должны кончиться завоеваніемъ Петергофа. Канкрину я не видаль еще. Ея дни середы, обѣдаютъ у нея и бываетъ много послѣ. Я былъ туда и одѣлся третьяго дня, да братъ сталъ уговаривать: успѣешь и въ другой разъ, поѣдемъ лутче въ Нѣмецкой театрѣ, а тамъ къ Ламсдорфу. Я такъ и сдѣлалъ, и Вяземской меня проходилъ у Канкриныхъ. Графъ сталъ хиль, страдаетъ глазами и ходитъ все въ зеленыхъ очкахъ. Сказываютъ, что онъ купилъ славнѣйшее имѣніе въ Курляндіи. Я тебѣ совралъ о Полетикѣ: къ концу Августа будетъ онъ уже назадъ сюда, и скоро собирается уже къ вамъ ѿхать,

а тебя заранѣе благодарить за гостепріимство. Очень тебѣ кланяется Посниковъ, возвышая тебя до небесь. Вчера нась уморилъ со смѣху: ты знаешь какую ему Богъ далъ губу; надобно, чтобы эту же губу да укусила еще какая-то муха, отъ чего губа уподоблялась совершенной колбасѣ; страшенье было, и онъ самъ надѣя собою все подшучивалъ. Вчера участвовалъ я въ комитетѣ бывшемъ въ почтовомъ совѣтѣ, гдѣ трактовали о новыхъ почтовыхъ предположеніяхъ. Теперь братъ старается ускорить ходъ внутреннихъ почтъ, завести тяжелую почту съ иностранными державами для посылокъ, распространить пароходы и пр. Со временемъ почтовая часть дойдетъ до желаемаго и возможнаго совершенства.

16.

С.-Пургъ. 9-го Декабря 1835.

Ты мнѣ говоришь: ради Бога самаго сохрани согласіе въ семье, не мсти и дай чтѣ можешь женѣ твоего брата. Въ семъ случаѣ уви-дишь ты, поступаю ли я сходно съ твоими совѣтами. На панихидѣ я былъ рядомъ съ Кривошапкинымъ на хорахъ, онъ началъ тутъ говорить со мною о братѣ и пр. При раздѣлѣ нашемъ мы раздѣлили также и долги, но осталось тысячъ 30, о коихъ мы должны были съ братомъ условиться при первомъ свиданіи, а между тѣмъ проценты платили вмѣстѣ, стало быть все осталось нерѣшеннымъ отъ постигшаго нась нещастія. Я сказалъ тутъ же Кривошапкину, что, не смотря на мое гибельное положеніе въ семъ году отъ прокормленія крестьянъ, отъ приданаго Кати, и отъ офицерства Кости, я сіи съ лишкомъ 30 тысячъ долгу беру на себя одного, чтобы облегчить участіе дѣтей братниныхъ. Онъ меня обнялъ тутъ же и спросилъ: могу я это объявить М. К.? Можете.. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ, я его не видалъ вчера и сегодня, она мнѣ не сказала да и не скажетъ, вѣрно, спасибо; но я не въ пре-тензіи. Надобно мнѣ тебѣ передать черту, которая дѣлаетъ честь Полетикѣ. Братъ былъ ему долженъ 15 т. р. П. И. въ завѣщаніи своеемъ деньги сіи жертвовалъ въ пользу брата; теперь же онъ, лишась пре-жевремянно человѣка, который точно былъ его благодѣтелемъ много разъ, отдалъ заемное письмо изорванное Егору Львовичу для передачи Мар. Конст. Полетика имѣть чѣмъ жить, бездѣтъ, не отни-маеть ни у кого, но все таки я его давича цаловалъ и благодарила за брата и за дѣтей его. Долгъ такимъ образомъ убавится на 50 т. почти. Богъ меня, надѣюсь, не покинетъ. Надѣюсь, что письмо мое тебя не-сколько успокоить, ибо вижу изъ твоего, какъ ты смущенъ. Все это извѣстно тебѣ одному, ибо я никому не писалъ и не говорилъ о всѣхъ сихъ дѣлахъ и раздорахъ. Дай Богъ тебѣ успокоиться, а поведеніе

наше вѣрно одобришь, оно точно сходно со всѣмъ тѣмъ, что ты намъ внушиашь въ письмѣ твоемъ, т. е. союзъ, тишина, согласіе семейное, почтеніе къ праху нашего покойного ангела. Мы дѣлаемъ все что можемъ для этого, не смотря на всѣ досады и огорченія. Богъ судья другимъ! Вотъ такъ-то и Колтовская была неблагодарна къ памяти отца нашего. Богъ насть не оставилъ. Я теперь занимаюсь переборкою сестры во дворецѣ; ъздилъ я съ Олинькою туда смотрѣть, комнаты очень хороши, тѣсновато, но какъ быть, сосѣдки люди прекрасные, три сестрицы Путятины мои старыя знакомыя, приняли насть какъ бы родныхъ, вызываясь ухаживать за сестрами. ъздилъ я къ князю П. М. онъ боленъ, не ловко было его просить, я отправился къ гр. Кутайсову, сего просилъ, онъ обѣщалъ комнаты хорошенько меблировать, почтенная его мать, у коей я долго сидѣлъ, также мнѣ обѣщала понукать сына своего, благодаря за почтальона, котораго далъ я графинѣ изъ Москвы сюда. Это разъ. Я былъ у в. князя въ Генварѣ, онъ былъ милостивъ, чтобы не заставить меня ждать, принялъ меня въ рубашкѣ, при мнѣ мылся и одѣвался ъхать во дворецъ поздравлять Государя, объявилъ мнѣ обѣ офицерствѣ Кости, и я отъ туда прямо поскакалъ въ казармы обрадовать Костю.

Государь посѣтилъ Горный Корпусъ и очень былъ недоволенъ, велѣлъ одному мальчику раздѣться, нашелъ на немъ нечистую, всю изорванную рубашку, осмотрѣлъ самъ постели, которыхъ также были очень неопрятны. Теперь пойдетъ все иначе. Балъ Александровыхъ былъ прекрасный. Государь съ Ольгою два раза изволилъ разговаривать, хвалилъ ея платье, прибавляя улыбаясь: я васъ оставляю, вы сегодня страшны, опасны! Што бы тебѣ привезти дѣтей къ намъ посмотрѣть Катинъкинъ костюмъ, право стоить того.

Въ Петербургѣ умеръ скоропостижно комендантъ Мартыновъ. Всѣ очень его хвалять, и Государь, сказываютъ, очень сожалѣть. Ты знаешь что В. Д. Олсуфьевъ на мѣсто Небольсина сюда, а бѣдный вице губернаторъ новый Новосильцевъ боленъ, жаръ да лихорадка попремѣни.

Я обрадованъ теперь извѣщеніемъ отъ графа Бенкендорфа, что Государь въ Казань ъхать уже не изволитъ. Слава Богу! Право, душа была не на мѣстѣ. Шутка ли: девять перевозовъ водою! А въ Свияжскѣ разлитіе простирается на 13 верстъ. Какъ камень съ сердца! Сію минуту получаю приглашеніе обѣдать у Ихъ Им. Величествъ къ 4-мъ часамъ.

Ольга пишетъ изъ Комо въ восхищеніи отъ наряженаго ими прекраснаго загороднаго дома, здоровье поправляется, всякой день навѣ-

щаетъ ее Наслѣдникъ, играютъ въ биліардъ въ *à la guerre* и пр. Онъ очень милостивъ къ моимъ, и его выс-во живеть очень близко отъ моихъ. Всѣ они пробудутъ тамъ мѣсяцъ. Наслѣдникъ поѣдетъ на два мѣсяца въ Венецию, а тамъ къ великому посту въ Римъ.

Въ Парижъ не наступила еще что они называютъ *la saison des bals*, то и немнога фасоновъ нарядныхъ, посылаю тебѣ, мой милый другъ, послѣднія картинки. Катинька пишетъ, что выѣдутъ сюда 23 числа. Государь на праздникъ ихъ полка посадилъ Соломирскаго возлѣ себя за столомъ.

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, рыбы присланной мнѣ Перовскими изъ Оренбурга. Кушайте на здоровье. Костя пишетъ мнѣ, что они будутъ сюда только черезъ двѣ недѣли, хотя п. д. отпускъ у него уже въ карманѣ. Я нахожу, что умно дѣлаютъ.

Я вчера въ 5 минутъ первого часа посадилъ Государя въ пошевни. Онъ, увидя меня, изволилъ сказать: здравствуй Булгаковъ и прощай! Што дорога? Снѣгъ до Завидова в. в-во. Жаль, что не до Петербурга, отвѣчалъ Государь и помчался. Мнѣ очень жаль, что я не былъ на обѣдѣ у князя Дм. Вл. и не удостоился долѣе говорить съ Государемъ, а хотѣлось ему сказать словечко; но надѣюсь, что князь Ал. Ник. не будетъ такъ безжалостенъ и не откажется мнѣ побывать въ Петербургѣ. Я вчера отыскалъ Арендта, говорилъ съ нимъ, прося его побывать у брата, онъ мнѣ отвѣчалъ: непремѣнно! Мы такъ всѣ любимъ К. Я. Мнѣ уже и Раухъ писалъ о болѣзни. Почта еще не бывала.

Я двѣ радости получилъ отъ двухъ дочерей, Государь назначилъ попечительство къ заводамъ и имѣнію Соломирскаго, что было уже отказано одинъ разъ, но добрый В. Князь М. П. это устроилъ въ теперешнее пребываніе Государя въ Петербургѣ. Соломирскіе въ восхищеніи, и есть отъ чего. Я ожидаю всякую минуту своего Долгорукова, онъ уже оставилъ Баденъ и я даже получилъ уже для него письмо отъ Ольги.

Весь Петербургъ теперь только занять обрюхатѣвшою фрейлиною Пушкиною. Государь всегда великъ во всѣхъ случаяхъ. Узнавши, кто сдѣлалъ брюхо, а именно князь Трубецкой молодой повѣса сынъ генер-адъютанта. онъ ихъ велѣлъ тотчасъ обвищать и объявилъ, что они годъ уже какъ тайно обвищаны, ибо дѣйствительно—ни онъ ни она не могли получить позволенія у своихъ родителей, когда просили оное. Экой страмъ! Это дочь Петра Клавдеевича Пушкина, сестра ея за казакомъ генер. Орловымъ.

По совѣту твоему осмѣлился я сказать Государю. Онъ очень милостиво принялъ слова мои и послѣ нѣкоторыхъ распросовъ изволилъ сказать: „ежели онъ ей нравится, то съ Богомъ, онъ хорошій малый, я его люблю, только не позволяй ему выходить въ отставку, надобно, чтобы онъ служилъ, онъ не потеряетъ этимъ“. Послѣ этого, Государь ускорилъ все, ибо сѣвши ужинать за маленькой столъ, онъ посадилъ возлѣ себя Ольгу, а Соломирскому велѣлъ сѣсть возлѣ Кати, да пятымъ посадилъ Віелегурскаго, изволилъ пить шампанское за здоровье будущихъ супруговъ. Хотя теперь всѣ видѣли и поняли; но я все таки не объявляю изъуваженія къ Дм. Павл., коего отвѣтъ изъ Вѣны (конечно благопріятный) будемъ ожидать.

Въ Петербургѣ странно сбывается: ледь такъ толстъ, что ѿздятъ по Невѣ въ каретахъ, тогда какъ на улицахъ пыль, деревья распускаются и дамы гуляютъ въ капотцахъ. Великие Князья Ник. и Михаилъ и Александра Николаевна ѿдуть 26-го Апрѣля, Императрица 28-го, а Государь 3-го Маія и всѣ прибудутъ въ Берлинъ 7-го Маія. Князь Волконскій сопровождаетъ Ея Вел-во, а Государя Бенкendorфъ.

Сію минуту почта приноситъ награды моимъ чиновникамъ, жаль, что не къ празднику, также прислали мнѣ для тебя 25 т. руб. серебромъ монеты въ 25 узлахъ.

ПЕРМСКОЕ СЕЛО НЫРОБЪ, ЕГО ДРЕВНОСТИ И СВЯТЫНИ *).

Село Ныробъ, расположенное въ 8 верстахъ къ Съверу отъ уѣзднаго города Чердыни, Пермской губ., снискало себѣ извѣстность, какъ мѣсто ссылки дяди первого государя изъ дома Романовыхъ, боярина Михаила Никитича Романова, и какъ мѣсто явленія по близости Ныроба иконы св. Николая чудотворца въ XVII столѣтіи.

М. Н. Романовъ, обвиненный въ желаніи отравить царя Бориса какими-то зельями, подброшенными ему врагами, былъ привезенъ изъ Москвы въ Ныробъ осенью 1601 г. за стражей. Стали рыть для него землянку, но тутъ помѣшили работѣ сани, на которыхъ онъ былъ привезенъ: схвативъ эти сани рукою, онъ отшвырнуль ихъ далеко въ сторону, чѣмъ удивилъ стражу, такъ какъ тяжелыя сани едва нѣсколько человѣкъ могли приподнять. Доказательствомъ его силы могли служить и оковы, какими онъ скованъ былъ: вѣсили они около 3 пудовъ, согласно сказанія надписи. Страдальца бросили въ яму величиною около одной квадратной сажени, тогда какъ онъ былъ высокаго роста. Хлѣбъ и воду давали ему въ небольшое окопечко сверху.

Строгая стража, окружавшая его, подъ начальствомъ пристава Романа Тушина, слѣдила за нимъ; но сострадательные Ныробцы старались тайно помогать ему приношеніями чего-либо съѣстнаго чрезъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей, которые, играя возлѣ ямы, какъ-бы невзначай, опускали въ яму чрезъ оконце дудки, наполненные молокомъ или квасомъ. Но эта невинная хитрость была скоро раскрыта по чьему-то доносу; тюремщики, желая выслужиться передъ начальствомъ, схватили 5—6 человѣкъ изъ Ныробцевъ и отправили въ Сыскной Приказъ въ Москву, гдѣ ихъ подвергли пыткамъ, такъ-что вернулось изъ нихъ только двое, а остальные померли въ тюрьмѣ.

По другому преданію, несчастный бояринъ, томясь въ подземельѣ, подкрѣпляя себя пѣніемъ псалмовъ и божественныхъ пѣснопѣній и пѣмъ такъ умилительно, что жители Ныроба сходились его послушать.

[*) По списку населенныхъ мѣсть Пермской губерніи (изданному Пермскимъ губернскимъ земствомъ 1904 г.) въ селѣ Ныробѣ дворовъ 123, душъ 424 м., 441 ж., всего 865 жителей.

По однимъ извѣстіямъ, онъ въ томъ же 1601 году задушенъ или заморенъ голодомъ. Тѣло его было погребено въ Ныробѣ, въ пустомъ мѣстѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, уже по смерти Годунова, въ 1606 г. оно вырыто, увезено въ Москву и похоронено въ родовой усыпальницѣ бояръ Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Надъ землянкою, гдѣ Михаилъ Никитичъ томился въ заточеніи, позже выстроена была сперва деревянная, а потомъ каменная часовня, а въ одной изъ церквей с. Ныроба, стоящей на мѣстѣ погребенія его праха, устроена гробница, и доселѣ сохраняются историческія оковы узника, состоящія изъ цѣпи, кандаловъ и замка къ нимъ. Всѣ эти живые памятники пребыванія Михаила Никитича въ с. Ныробѣ сохраняются до нашихъ дней (я осматривалъ ихъ въ Мартѣ 1907 г.). Темница или землянка находится подъ часовней. Изъ часовни въ подземелье ходь съ лѣсенкой у лѣвой стороны. Нынѣшній видъ этой подземной темницы ничѣмъ не отличается отъ подвала; стѣны выведены изъ бутового нетесанного камня, потолокъ сводомъ изъ кирпича. Въ одной изъ стѣнъ сдѣлано углубленіе, обозначающее мѣсто стоявшей когда-то печи. Душно и темно въ этой ямѣ, безъ огня ничего нельзя видѣть. Стѣны землянки теперь обложены бутовымъ камнемъ, а потолокъ, служацій поломъ для часовни, выведенъ сводомъ изъ кирпича.

Часовня надъ темницей сначала была деревянная. Она построена была вскорѣ по смерти боярина въ 1602 г., какъ гласитъ письменное сказаніе, находящееся въ этой часовнѣ. Въ 1793 г. вмѣсто деревянной построили нынѣшнюю каменную во имя архангела Михаила. Съ наружной стороны этой часовни по карнизу зданія сдѣланы Славянской вязью слѣдующая надпись: „По указу Ея Императорскаго Величества*) въ Вятской духовной преосвященнаго Лаврентія, епископа Вятскаго и Великопермскаго, консисторіи, въ 7109 году (1601 г.) присланъ быль съ Москвы отъ царя Бориса Годунова въ Пермь Великую, въ Чердынскій уѣздъ, въ погость Ныробъ въ заточеніе блаженныя памяти боярина Михаила Никитича Романова, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу братъ родной, а по родству блаженныя памяти государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Россіи самодержцу, быль дядя родной. Въ погость Ныробѣ, въ заточеніи, въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ; на томъ мѣстѣ построена была деревянная часовня. Нынѣ вмѣсто оной деревянной, по указу Ея Императорскаго Величества, въ 1793 году, построена сія каменная часовня, единственно

*) Т. е. Екатерины Великой. Она изучала нашу до-Петровскую старину и еще въ 70-хъ годахъ въ своемъ „Антidotѣ“ воздавала похвалы Филарету Никитичу. П. Б.

въ память бывшаго на томъ мѣстѣ въ заточеніи боярина Михаила Никитича Романова, тщаніемъ и коштомъ здѣшней волости крестьянъ и усерднымъ стараніемъ крестьянина Максима Пономарева“.

Гробница боярина М. Н. Романова находится въ Богоявленской (зимней) церкви села Ныроба, въ передней части, за лѣвымъ клиросомъ у сѣверной и поперечной стѣны, въ углу, гдѣ устроена ниша, въ которой и стоитъ скромная по виду гробница. Надъ нею сдѣланъ позолоченный рѣзной балдахинъ, полукругомъ примыкающій къ стѣнѣ, въ которой сдѣлана ниша. На куполообразной крышѣ его находилась вырѣзанная изъ дерева и окруженная позлащеннымъ сияніемъ книга, на которой были слова: „возвозетъ ко мнѣ и услышу его, съ нимъ есмь въ скорби“. Ниже крыши по карнизу балдахина надпись: „смириша въ оковахъ нозъ его, желѣзо пройде душу его“. Внутри балдахина надъ гробницей изображено: „положиша мя въ ровѣ преисподнѣй и въ темныхъ сѣни смертнѣй, и азъ къ Тебѣ, Господи, возввахъ“. На гробницѣ помѣщена доска, потемнѣвшая отъ времени, на которой надпись съ лѣтописью событий и означеніемъ, что надпись сдѣлана въ 1840 году. На доскѣ написано слѣдующее: „Присланіе боярина Михаила Никитича Романова въ Ныробъ въ 7109 году. Присланъ былъ изъ Москвы царемъ Борисомъ Годуновымъ, за стражею Романомъ Тушинскимъ съ командою въ лѣтнєе время, въ глухой кибиткѣ, окованъ же-лѣзами, въ Пермь Великую, въ Чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ въ заточеніе блаженные памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, а по родству блаженные памяти государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи самодержцу быть дядя родной и святѣшему патріарху Филарету братъ родной; въ погостѣ Ныробѣ въ заточеніи въ земляной темницѣ сидѣль годъ и преставился. Въ 7110 г. (1602 г.) на той темницѣ построена часовня деревянная и погребенъ быть у церкви Николая Чудотворца подлѣ алтаря на сѣверной сторонѣ, и гдѣ тѣло его лежало, построена была церковь и въ ней гробница, покрыта сукномъ, и крестъ вышить, и повелѣніемъ государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи самодержца, тѣло его по преставленіи въ пятое лѣто изъ земли взято ничѣмъ невредимо. только отъ руки отъ перста нѣкоторый членъ земля взяла, и свезено къ Москву и положено у Спаса на Новомъ, и гдѣ прежде тѣло лежало, та гробница и все строеніе отъ пожару сгорѣли, и послѣ, по указу преосвященнаго Іоны, архиепископа Вятскаго и Великопермскаго, также часовня, а въ ней гробница построена, покрыта сукномъ краснымъ и крестъ вышить; а въ 7237 (1729 г.) году деревянная церковь и часовня, грѣхъ нашихъ ради, Божіимъ попущеніемъ, паки сгорѣли,

а нынѣ на томъ мѣстѣ построена каменная церковь и въ ней гробница, покрыта сукномъ зеленымъ, и крестъ вышить; такъ же и на семъ мѣстѣ построена каменная часовня единственно въ воспоминаніе здѣсь представльшагося страдальца боярина Михаила Никитича Романова. На семъ невинномъ страдальцѣ были: желѣза 1 пудъ 38 фунт., ручныя желѣза 12 фунт., кандалы или ножныя желѣза 19 фунт., замокъ 10 фунт., а всего 3 пуда". Та же надпись имѣется на южной стѣнѣ.

И понынѣ возлѣ гробницы стоитъ особый ящикъ съ этими историческими оковами-желѣзами, а именно: шейная цѣпь вѣсомъ 1 пудъ 10 фунт., кандалы 10 фунт., замокъ 10 фунт., а всего около 1 пуда 30 фунт. Вѣсъ наличныхъ желѣзъ не соотвѣтствуетъ обозначенному въ надписи, чтѣ дало поводъ нѣкоторымъ изъ изслѣдователей (даже г. Дмитриеву) считать эти оковы подложными, причемъ-де, подлинныя оковы хранятся въ частныхъ рукахъ, у одного изъ мѣстныхъ любителей старины (г. Белдыцкаго), съ которыхъ и были сдѣланы копіи, и одна изъ нихъ хранится въ музѣѣ Уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ. Но мнѣніе о подложности Ныробскихъ оковъ еще не доказано съ положительной достовѣрностью. Народное преданіе, наоборотъ, считаетъ оковы, нынѣ хранящіеся въ Ныробской церкви, за настоящія, причемъ часть ихъ была увезена въ Москву вмѣстѣ съ прахомъ боярина, отчего и произошла разница въ вѣсѣ. Ныробскія оковы имѣютъ блестящій видъ отъ того, что богомольцы во время службы церковной надѣваютъ на себя части ихъ, приписывая имъ чуть не цѣлебную силу. Это мы наблюдали лично. Изъ всѣхъ частей оковъ интересенъ по оригинальности устройства замокъ (вѣсъ болѣе 10 ф.) къ нимъ, имѣющій „особенное, хитро придуманное устройство: его дужка вставлялась сбоку и замыкалась тремя штифтами на толстыхъ пружинахъ. Рукоять дужки имѣла отверстіе, точно такъ же, какъ и нижній гребень замка, и въ эти-то два отверстія входили конечныя кольца ручныхъ цѣпей. Ключъ съ квадратной узорчатой бородкой вставляется въ заднюю стѣнку замка, поворотомъ въ бокъ прижимались пружины, и дужка отпиралась“. (Вагнеръ).

Эти цѣпи народъ чтитъ, какъ святое воспоминаніе о замученномъ невинномъ страдальцѣ: ни одна имущая рука не забываетъ поставить свѣчку или на гробницѣ, или въ часовнѣ. Многіе богомольцы, стекающіеся въ Ныробъ (въ наше посѣщеніе однихъ „причастниковъ“ было постомъ каждодневно не менѣе 100—150 человѣкъ), берутъ съ собою на память по горсткѣ песку изъ подземелья, полагая, что онъ имѣть

силу исцѣлять отъ болѣзней. Минѣ пришлось видѣть порядочную ямку, по этой причинѣ образовавшуюся въ углу подземелья.

Ныробцы за проявленный ихъ предками подвигъ человѣколюбія пользовались впослѣдствіи особою царскою милостью и были, по грамотѣ царя Михаила Феодоровича 1621 г., освобождены отъ уплаты казенныхъ оброковъ и податей, а причту назначена была казенная руга или жалованье; кромѣ того, въ церковь села Ныроба изъ Москвы, въ видѣ царской милости, не разъ присыпались иконы, облаченія, кресты, колокола и т. п. Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1647 г. подтвердилъ всѣ грамоты своего предшественника, а въ 1648 г. повелѣлъ надѣлить причтъ землею.

При Петрѣ I повелѣно было съ 1720 года взыскивать однако съ Ныробцевъ подушную подать и рекрутскіе сборы на общемъ основаніи, и только за духовенствомъ оставлены прежнія льготы. Императрица Елизавета подтвердила прежнія льготы Ныробцевъ особымъ указомъ Сенату въ 1742 г. 23-го Марта 1744 г. Ныробу данъ былъ изъ Соликамской воеводской канцеляріи важнѣйший указъ, представляющій полный сводъ всѣхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Екатерина II въ 1775 году дала причту новую жалованную грамоту. Съ 1852 года всѣ льготы Ныробскому духовенству были отмѣнены, и оно сравнено было въ правахъ съ прочимъ духовенствомъ сельскихъ приходовъ, крестьяне же лишились своихъ льготъ гораздо ранѣе.

Многія членитныя Ныробскихъ крестьянъ, тѣснимыхъ воеводами, правившими съ нихъ незаконно подати, въ противность грамотамъ, оставлялись безъ послѣдствій, благодаря царившей тогда „канцелярской волокитѣ“, но все-же долгое время Ныробцы пользовались льготами.

Истекшее недавно 300-лѣтіе со времени кончины Михаила Никитича прошло въ Ныробѣ незамѣченнымъ въ остальной Россіи; но вѣрные Ныробцы на свои деньги увѣковѣчили это событие отливкою нового колокола, вѣсомъ 301 пудъ и 2 фунт., съ соответствующей надписью. Колоколь этотъ не могъ быть помѣщенъ на колокольню, нынѣ пришедшую въ ветхость, и временно виситъ подъ навѣсомъ у церкви.

Въ Ныробѣ двѣ каменные церкви, изъ которыхъ одна во имя св. Николая или Никольская лѣтняя, а другая Богоявленія зимняя; съ каждой изъ нихъ связаны историческая воспоминанія.

Первая церковь деревянная и построена въ Ныробѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича (въ 1613—1617 г.) по слѣдующему случаю.

Лѣтъ черезъ семь послѣ увезенія въ Москву праха Михаила Никитича, около 1614 г., въ верстѣ отъ Ныроба, тогда бывшаго еще жал-

кой деревушкой въ 5—6 дворовъ, явилась въ лѣсу икона св. Николая при съдѣющихъ обстоятельствахъ. Купцы, юхавшіе съ Печеры чрезъ такъ называемый „Бухонинъ волокъ“ домой, первые увидали явленную икону, о чёмъ и рассказали въ гор. Чердыни. Жители этого города увезли явленный образъ къ себѣ въ городъ, но на другое утро икона очутилась въ лѣсу на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Дважды еще пытались Чердынцы уносить къ себѣ эту икону, но видя, что труды ихъ напрасны и усматривая въ этомъ волю свыше, порѣшили оставить икону на прежнемъ мѣстѣ, и построили тамъ часовню, видимую и понынѣ.

Когда извѣстіе объ этомъ достигло до царя Михаила Феодоровича, то онъ повелѣлъ построить въ Ныробѣ на казенное изждивеніе церковь, прислалъ для нея сосуды, ризы и прочія принадлежности, опредѣливъ къ ней причтъ изъ двухъ священниковъ, которымъ назначено отъ казны сначала по 18, затѣмъ по 20 рубл. въ годъ. (См. Берха, Путешествіе въ города Чердынь и въ Соликамскъ. Спб. 1821 г.) Но эта первая древнѣйшая деревянная церковь стояла не долго, пожаръ уничтожилъ ее. Той-же участіи подвергались еще послѣдовательно одна за другой три деревянныхъ-же церкви, во имя того-же святаго отстроенные (церковь горѣла въ 1617, 1680 и наконецъ въ 1729 г.). Столъ частые пожары побудили духовенство и жителей воздвигнуть новый храмъ во имя Алексія, Человѣка Божія, но и эта церковь сгорѣла, едва было окончено ея освященіе, а духовенство еще не разошлось изъ-за трапезы по случаю торжества освященія.

Замѣчательно, что при всѣхъ этихъ пожарахъ уцѣльла чудотворная икона, уже и тогда мѣстно чтимая Ныробцами. На поклоненіе этой святынѣ стекается множество богомольцевъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстностей.

Эту икону Ныробцы почитаютъ за подлинную явленную икону, отличая отъ списковъ съ нея, появившихся въ болѣе позднее время. Изъ источниковъ извѣстно, что въ XVIII в. поднимался высшей духовною властью вопросъ о томъ, есть-ли Ныробская икона св. Николая подлинная явленная и бывають-ли отъ нея чудотворенія, но вопросъ этотъ остался неразрѣшеннымъ окончательно по отсутствію несомнѣнныхъ случаевъ.

Нынѣ эта святыня с. Нырова, т. е. подлинная явленная икона св. Николая, явившаяся когда-то въ лѣсу, а также списокъ съ нея, почитаемый Ныробцами также за чудотворную икону, хранится въ другой, не въ Никольской, а въ Богоявленской церкви села Нырова, такъ какъ Богоявленскій храмъ стоитъ на мѣстѣ стариннаго Никольскаго деревяннаго, окончательно уничтоженнаго пожаромъ въ 1729 г.

Нынѣшняя каменная Никольская церковь построена въ 1704 г., освящена въ 1705, какъ видно изъ имѣющейся стѣнной надписи внутри храма, и построена еще въ то время, когда рядомъ почти (на мѣстѣ нынѣшней зимней Богоявленской церкви) существовалъ деревянный храмъ, воздвигнутый или отстроенный вновь послѣ пожара 1680 г., посвященный ранѣе тому-же св. Николаю.

Построеніе этого новаго храма, стоящаго во всей красѣ и понынѣ, рядомъ съ другимъ деревяннымъ въ честь его-же, въ небольшомъ селѣ какъ Ныробъ, кажется не совсѣмъ обычнымъ. О построеніи его существуетъ немало легендъ, слышимыхъ и по нынѣ, въ родѣ того, что строитель его былъ неизвѣстно кто и откуда; на чьи средства построенъ храмъ, тоже неизвѣстно. Раcказываютъ также, что и самая постройка этой церкви велась и произошла не совсѣмъ обычно: казалось, что возведены только еще фундаментъ и небольшая часть каменного зданія, а оно вдругъ явилось, какъ-бы изъ земли выросло, послѣ чего строители исчезли, не получивъ даже слѣдуемой имъ за построеніе платы.

Берхъ въ своемъ „Путешествіи“ разсказываетъ, что хотя эта церковь, возведенная уже изъ прочнаго материала, кирпича, не подвергалась пожарамъ, но неизвѣстно черезъ сколько лѣтъ по построеніи ея, молнія ударила въ куполь и выбила глазъ написанному тамъ сатанѣ. Поврежденіе исправили немедленно, но лѣтъ пять спустя, молнія ударила опять въ тоже мѣсто, которое также зачинили. Въ 1792 г. былъ опять подобный же ударъ молніи, но въ этотъ разъ, по совѣту заѣхавшаго сюда преосвященнаго, не поправляли уже сбитое мѣсто. Въ 1814 г. опять ударила молнія и оставила знакъ вершка на 2 выше прежняго.

Въ Мартѣ 1907 г. мнѣ довелось слышать при осмотрѣ этой церкви отъ сторожа, что живопись, сплошь покрывающая этотъ храмъ внутри, ни разу не подновлялась со времени построенія и что при бывшихъ къ тому попыткахъ въ самомъ началѣ дѣло прерывалось какимъ-либо случаемъ; такъ, на его памяти, на живописца, хотѣвшаго подновлять стѣнную живопись, сверху обрушилось паникало и искалѣчило художника, послѣ чего работы были прекращены, а случай объясненъ былъ, какъ знаменіе свыше, что дѣло это неугодно Богу. Въ стѣнной надписи, имѣющейся на южной стѣнѣ церкви, ничего не сказано о томъ, кто его строилъ, на чьи средства и по чьему повелѣнію.

Внутренность храма, не смотря на обиліе живописи, мѣстами попортившейся, производить нѣсколько мрачное впечатлѣніе, далеко не соответствующее чудной красотѣ наружной. Она построена и отдѣлана

въ родѣ старинныхъ Московскихъ церквей, полагаютъ, Шведскими плѣнными, нѣсколько позже построившими въ Чердыни каменное зданіе Богословской церкви, по желанію тогдашняго Сибирскаго губернатора князя М. П. Гагарина.

Корпушъ зданія Никольской церкви 4-хъ-угольной съ 2-мя рядами оконъ, между которыми идетъ рядъ живописныхъ изображеній святыхъ, напоминаетъ подновленный Византійскій стиль; паперть замѣнена крыльцомъ съ колонками, прорѣзными оконцами и фигурной кладкой. Снаружи вся церковь обложена тяжелымъ поясомъ изъ кирпича и гончарной глины, и все это росписано красной, зеленої, желтой, синей красками, вслѣдствіе чего получаются чарующее впечатлѣніе и своеобразная прелестъ.

Изъ числа достопримѣчательностей Никольской церкви упомянемъ изображеніе на одной стѣнѣ внутри храма св. мученика Христофора съ собачьей головой, вмѣсто лица человѣческаго, съ оскaledенными зубами. Св. Христофоръ изображается въ одѣяніи Римскаго воина во весь ростъ, съ опущеннымъ мечемъ у лѣвой ноги и съ поднятымъ крестомъ въ правой рукѣ. Образъ этого святаго почитается охотниками изъ Чердынскаго края какъ покровитель „собакъ“, и они, занимаясь промысловой охотой, предъ отправленіемъ на промыселъ, нерѣдко ставятъ свѣчу или заказываютъ молебенъ „собачьему богу“, по ихъ выражению.

Богоявленская или зимняя церковь построена позже Никольской, въ 1736—1741 гг. на мѣстѣ бывшаго здѣсь, какъ сказано, деревяннаго Никольского храма (сгорѣвшаго въ 1729 г.). Выѣшность ея, въ противоположность Никольской церкви, не обращаетъ на себя особаго вниманія, но за то внутри ея нынѣ хранятся главнѣйшія достопримѣчательности с. Ныроба, а именно въ ней находится гробница и оковы боярина М. Н. Романова, уже описанныя нами; здѣсь же находятся и святыни Ныроба: подлинная явленная икона Св. Николая и увеличенный позднѣйшій списокъ съ нея. Нѣсколько страннымъ кажется, что достопримѣчательности, пользующіяся Всероссійской извѣстностью, помѣщены не въ главной Никольской, какъ древнѣйшей, церкви, а въ Богоявленской; но это объясняется тѣмъ, что Богоявленская церковь стоитъ на мѣстѣ старинной Никольской, отчасти и тѣмъ, что Никольская церковь холодная (лѣтняя), лѣто же на Сѣверѣ слишкомъ коротко.

Внутри Богоявленская церковь раздѣляется поперечной стѣной на переднюю и заднюю (трапеза), изъ которой ведутъ въ первую 3 прохода, соотвѣтственно 3 вратамъ алтаря. Задняя менѣе украшена живо-

писью; изъ иконъ обращаеть на себя вниманіе старинная рѣзная икона св. Параскевы и около нея великомуч. Екатерины и Варвары. Въ передней части храма высокій иконостасъ въ 5 ярусовъ, гробница М. Н. Романова въ лѣвомъ углу, вправо позади праваго клироса на особомъ аналоѣ помѣщается подлинный чудотворный образъ св. Николая, почитаемый именно за тотъ самый, который явился въ лѣсу въ началѣ XVII в. и уцѣлѣвшій, не смотря на бывшіе въ Ныробѣ неоднократные пожары.

Явленная икона св. Николая сверху покрыта ризою, а самое одѣяніе святителя таково: подризникъ черный, риза, евангеліе, палица и ободокъ надъ святителемъ кирпичнаго темно-краснаго цвѣта; омофоръ—темно-коричневый, точки—золотыя. На правомъ бедрѣ изображены складки одежды отъ колѣна. Ободокъ и подставка подъ нимъ написаны на иконѣ, а не выпуклые, при чемъ ободокъ кирпичнаго, а подставка—песочнаго цвѣта. Наружная риза сребро-позлащенная.

Кромѣ этой иконы св. Николая, въ той же церкви есть икона того же святаго, называемая просто *чудотворной*; она есть списокъ съ явленной (выше описанной); она помѣщается по правую сторону царскихъ вратъ въ нижнемъ ярусе иконостаса за стекломъ и имѣть увеличенный размѣръ по сравненію съ подлинной явленной иконой. Эта икона изображаетъ святителя Николая въ епископскомъ облаченіи во весь ростъ, при чемъ по сторонамъ образа изображены события изъ жизни его (ихъ нѣтъ у явленнаго образа), такъ что весь образъ св. Николая имѣть $5\frac{1}{2}$ четвертей въ длину и $4\frac{1}{2}$ въ ширину (считая съ рамкой или кютомъ). Эта икона почитается одинаково съ явленной и каждое лѣто ее носятъ въ Чердынь къ 8-му Іюля, а черезъ каждые 3 года въ Соликамскъ и его уѣздъ къ 9-й Пятницѣ послѣ Пасхи, тогда какъ подлинная явленная икона св. Николая изъ Ныробскаго храма никуда не выносится.

Эти Ныробскія святыни извѣстны далеко за предѣлами Пермскаго края, какъ-то: въ Вяткѣ, Вологдѣ, Казани, Оренбургѣ, Челябинскѣ.

Изъ старинныхъ вещей церковныхъ, имѣющихъ нынѣ въ этомъ храмѣ замѣчательны: деревянный, обложенный серебромъ крестъ съ частичками св. мощей, серебряные вѣнцы и сосуды, нѣсколько евангелій, обложенныхъ серебромъ, съ выпуклыми и рѣзными фигурами.

Колокольня у обоихъ храмовъ общая и помѣщается отдельно, какъ-у всѣхъ старинныхъ церквей. Зданіе ея тяжелое, массивное, высокое, въ недавнее время накренилось на-бокъ и дало трещину, вслѣдствіе чего ее предположено сломать и соорудить новую, для чего уже заготовленъ камень.

Изъ числа старинныхъ колоколовъ замѣчательнъ одинъ небольшой колоколъ, съ отлитымъ на немъ 1600 годомъ, недавно подновленный въ Мотовилыхъ; на немъ имѣется слѣдующая надпись на Шведскомъ языкѣ (хорошо сохранившаяся), указывающая имя мастера или владельца завода, гдѣ онъ отлитъ, и мѣсто отливки городъ Кампенъ. Надпись гласитъ: „A° 1600 Henrich Wegewart Got mi in die stadt Campen“.

Сколько извѣстно, надпись эта сообщается нами впервые (желательнъ точный переводъ).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Грамота царя Михаила Феодоровича 1627 года.

Списокъ съ грамоты великаго государя слово въ слово: „Отъ царя и великаго князя Михайла Феодоровича всея Руси въ Пермь великую въ Чердынь воеводѣ нашему Петру Володимеровичу Клубкову-Масальскому да подъячему Тимоѳею Пчелину.

Били намъ челомъ и отцу нашему в. г. святѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси Пермского Чердынского уѣзда Ныробскаго погоста церкви Николы Чудотворца попъ Илья да дьячекъ Гришка, да пономарь, да проскурня, а сказали: по нашей грамотѣ вѣльно воеводѣ Гаврилу Веревкину да подъячему Саѣ Лухневу въ Ныробской погость къ церкви Николы Чудотворца призвати дву поповъ, да дьякона, да дьячка добрыхъ; и двумъ-де попамъ и дьякону, и дьячку и пономарю и проскурнѣ у тое церкви тою деревнею, въ которой та церковь стоить, и приходомъ прокормиться нечѣмъ, потому что въ той деревнѣ люди бѣдны и скудны, промысловъ у нихъ некоторыхъ нѣть и хлѣбъ не родится, а прежде-де того имъ церковникамъ давалась руга изъ мірскихъ сборныхъ денегъ на весь крылось по осмнадцати рублевъ на годъ, и тѣмъ-де они питались, а нынѣ-де земскіе цѣловальники со 131 (1623) года по 135 (1627) годъ Іюля по 1-е число тое руги изъ мірскихъ не даютъ, и впредъ-де имъ, будучи у церкви, безъ нашего жалованья безъ руги прокормиться нечѣмъ. Да въ прошломъ-де 132 (1624) году по нашему указу присланы того Ныробскаго погосту къ Николѣ Чудотворцу ризы тафтины, и на Евангеліе оболочка бархатна, и у Николы-де Чудотворца скудно въ церкви образами и книгами и колоколами, а прихожанъ-де у тое церкви всего шесть человѣкъ, и тѣ люди молотчие, и по нашему-де указу тѣхъ крестьянъ, которые живуть въ томъ погостѣ, вѣльно обѣлить и оброкъ съ нихъ сложить, и никакихъ податей править не вѣльно, и на тѣхъ-де крестьянъ-сборщиковъ Алексѣй Чирковъ править дани и оброку за два годы за прошлый за 134 (1626) да за 135 (1627) годъ по шти рублевъ польдинадцаты деньги; а отъ тѣхъ-де нашихъ податей тѣ крестьяне хотять

брести розно, и впредъ-де у чудотворцова образа у Николы Чудотворца то мѣсто запустѣть и церковь стоять будеть безъ пѣния, и намъ бы ихъ пожаловать велѣти бѣ то наше богомолье у чудотворнаго образа у Николы Чудотворца образами и книгами и колоколы устроити, и наше бѣ жалованье имъ церковникомъ, Чердынскимъ старостамъ и цѣловальникомъ за прошлые годы за пять лѣтъ заслуженныя деньги и впредъ, велѣти выдавать попрежнему, и по нашей бы по прежней грамотѣ съ тѣхъ крестьянъ, которые живуть въ томъ погостѣ, нашихъ податей править не велѣть, чтобъ то наше богомолье не пустѣло и безъ пѣния не было и крестьяня врознь не разбрелися. И въ Новгородской чети сыскано въ отпускѣ.

Въ прошломъ во 130 г. Апрѣля въ 3 день писать къ намъ изъ Перми Великой изъ Чердыни воевода Василей Бутурлинъ, что по нашему указу досматривалъ онъ въ Ныробскомъ погостѣ церковь Николы Чудотворца и казны, и та-де церковь Николы Чудотворца додѣлана вся церковною казною, а церковныхъ причетниковъ у той церкви попъ, да дьячекъ, да пономарь, да проскурница, а безъ руги-де тѣмъ погостомъ церковнымъ причетникомъ прокормиться нечѣмъ, хлѣбъ морозомъ бੀеть часто, а у иныхъ-де храмовъ идеть нашей руги попомъ по десяти рублевъ, дьякономъ по шти рублевъ, дьячкомъ и пономаремъ по четыре рубли; а сколько у того храму Николы Чудотворца строенія и что съ Ныробского погоста крестьяне всякихъ доходовъ платятъ, и тому прислать къ намъ роспись. Да въ прошломъ-де во 135 г. Апрѣля въ 4 день писать къ намъ изъ Чердыни воевода Гаврило Веревкинъ да подьячей Сава Лухневъ, что они по нашей грамотѣ къ той церкви къ прежнимъ служителемъ попа да дьякона призывали и призвати не могли, потому что въ Чердыни гулящихъ поповъ и дьяконовъ нѣть, да и потому де, что въ Нырыбскомъ погостѣ у Николы Чудотворца двумъ попомъ и дьякону и дьячку и пономарю тою деревнею и приходомъ прокормиться не можно.

И по той ихъ отпискѣ послана къ нимъ наша грамота, а велѣно въ тотъ Нырыбской погостѣ къ церкви Николы Чудотворца попа и дьякона призвать добрыхъ съ посаду или изъ Пермскаго уѣзда кто похочеть, а церковное строеніе, чтѣ отослано съ нимъ Савою, ризы и на Евангеліе оболочка бархатна, и имъ то все церковное строеніе велѣно отдать попрежнему къ церкви Николая Чудотворца, а у себя тово церковного строенія держать имъ не велѣно. А что по прежней нашей грамотѣ велѣно имъ Гаврилу и Савѣ къ церкви Николы Чудотворца обѣлить деревню, въ которой та церковь стоитъ, и всякия подати съ нея сложить и съ окладу выложить, для помину боярина Михайла Никитича Романова, и они ту деревню обѣлили и изъ доходу сложили. И то во Новгородской Четверти невѣдомо, потому что они о томъ изъ Перми къ намъ не писывали; а въ Чердынскихъ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Михайла Кайсарова, дьяка Марка Мартемьянова съ товарищи 131 (1623) и 132 (1624) годовъ написано: погость Ныробъ на рѣчкѣ на родникѣ, а въ немъ церковь Николы Чудотворца, а въ погостѣ Ныробѣ восмь дворовъ крестьянскихъ да дворъ бобыльскій, людей въ нихъ 12 человѣкъ, да пять мѣстъ

дворовыхъ пустыхъ, пашни паханныя худыя земли 37 четъ съ осьминою, да перелоговъ 12 четъ въ полѣ, а въдву потому-жъ, съна 120 копенъ, солного письма въ живущемъ (?) пол-пол-пол-четъ сохи, а денежныхъ всякихъ доходовъ съ погоста Нырыба дани и за ямскія и за примѣтные и за городовую и за засѣчное и за емчужное дѣло *) и казначеевыхъ и діячихъ и за намѣстничъ доходъ и съ бобыльского двора оброку и пошлины рубль тридцать алтынъ. А тово въ тѣхъ писцовъхъ книгахъ подъ тѣмъ погостомъ не подписано, что, по нашей грамотѣ съ тѣхъ крестьянъ наши всякие доходы вѣльно сложить церковникомъ на пропитанье; а Новгородской чети въ приходной книгѣ прошлыхъ годовъ 134 (1626) и 135 (1627) тотъ погостъ Нырыбъ, противъ писцовъхъ книгъ Михайла Кайсарова съ товарищи, нашими всякими денежными доходы въ окладъ написанъ съ Чердынскими волостями вмѣстѣ.

И мы Пермскаго уѣзда Николы Чудотворца Нырыбскаго погоста попа Илью и всѣхъ церковныхъ причетниковъ пожаловали, велѣли имъ въ тотъ Нырыбской погостъ Николѣ Чудотворцу дать церковново строенія образовъ дванаадесять праздниковъ, да книги, Уставъ да Минею Общую, да другую половину Прологу, съ Евдокеина дни Марта съ 1 числа, да три колокола—вѣсомъ колоколь два пуда, да колоколь полтора пуда, да колоколь шуть девять гривенокъ; а деньги за тѣ книги, за Уставъ и за Минею и за колокола велѣли есмѧ дати на Москвѣ изъ Новгородской Четверти; и съ обѣленными ихъ деревни нашихъ податей и оброку на прошлые годы на 134 и 135 имати на нихъ не велѣли, изъ оброку ту деревню велѣли выложить. И по напему указу то церковное строеніе, книги и колокола посланы нынѣ къ вамъ съ Москвы въ Пермь Великую въ Чердынь Ныробскаго погоста съ дьячкомъ съ Гришкою Ивановымъ, да тогожъ погоста съ крестьяниномъ Степанкомъ Васильевымъ; а тоя церкви Николы Чудотворца попу Ильѣ, и дьячку, и пономарю, и проскурнѣ нашемъ жалованье руги велѣли давать противъ прежнево, какъ давали и сбирали мірскіе люди, по осминадцати рублей въ годъ на весь соборъ изъ нашихъ изъ Пермскихъ доходовъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придется, и вы бѣ, въ Перми Великой, въ Чердыни, въ церковь Николѣ Чудотворцу въ Ныробской погостъ велѣли написать иконникомъ добрымъ церковнаго строенія образовъ дванаадесять праздниковъ, да книгу Прологъ другую половину Марта съ числа съ доброго перевода, а деньги за тѣ образы за письмо иконникомъ и книжному мастеру, какъ они образы и книгу напишутъ, велѣли-бѣ есте по договору имъ дати изъ нашей казны изъ Пермскихъ изо всякихъ доходовъ, что доведетца дати-дачу велѣли бѣ есте написати въ расходныя книги и въ сметной списоцѣ именной себѣ статью. А какъ тѣ образы и книги напишутъ, и вы бы то церковное строеніе, образы и книги и колокола, которые будутъ привезены отъ насъ съ Москвы къ вамъ въ Пермь, взявъ у дьячка Гришки и у крестьянина Степашка, отдали бѣ есте въ Ныробъ погостъ къ церкви, къ Николѣ Чудотворцу, попу Ильѣ и церковнымъ причетникомъ; да имъ же бы есте попу и дьячку и пономарю и проскурницѣ на нынѣшней на 136 (1628) годъ и впредъ

*) По словарю Даля емчугомъ въ Вологодской губерніи называется селитра. П. Б.

давали нашего жалованья денежные руги на весь соборъ по осминадцати рублевъ на годъ изъ нашихъ изъ Пермскихъ доходовъ, да тоѣ бѣ дачу велѣли писати въ расходныя книги и въ смѣтной списоک имянной себѣ статью; а что имъ которая деревня обѣлена, и вы бѣ съ той деревни нашихъ никакихъ податей и дани и оброку за прошлые годы на 134 и на 135 годъ и впредь имати на крестьянѣхъ ихъ не велѣли, и изъ окладу ту деревню велѣли выложить. Да какъ то церковное строеніе, образы и книги и колокола къ Николѣ Чудотворцу въ Ныробской погостѣ отадите все сполна, и чтѣ отъ образовъ иконникомъ и отъ книги отъ письма дадите денегъ, и какъ ихъ ту обѣльную деревню изъ окладу выложите, и вы бѣ о томъ о всемъ отписали къ намъ къ Москвѣ подлинно, а отписку велѣли бѣ отдать въ Новгородской чети дьякомъ нашимъ Байму (?) Болтину да Дементью Образцову, чтобы про то въ четверти было вѣдомо; а прочетъ сю напшу грамоту и списавъ съ нее списоک, оставили у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдали Ныробскаго погоста Никольскому попу Ильѣ и всѣмъ причетникомъ, и они ее у себя держали впредь для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писано на Москвѣ, лѣта 7136 (1628) Ноября въ 30.

А позади подлинной великаго государя грамоты пишутъ дьякъ Дементей Образцовъ.

Грамота 1647 года.

„155 (1647) году Марта въ 25-е мы, великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи самодержецъ, сее жалованную грамоту слушавъ и выслушавъ Чердынского уѣзду Ныробского погоста Никольскихъ поповъ попа Аѳанасія и попа Ивана съ причетники, пожаловали велѣли подписать на свое государево царево и великого князя Алексѣя Михайловича всея Русіи имя, и сее грамоты рудить никому не велѣли ничѣмъ, а велѣли ходити во всемъ потому, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано.

А подписаль государевъ царевъ и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи дьякъ Иванъ Федоровъ“.

* * *

Такія грамоты пойметъ и нынѣ любой простолюдинъ въ самомъ глухомъ углу Россіи, и какъ разнятся онѣ отъ современныхъ указовъ и распоряженій съ словосочиненіемъ народу чуждымъ, со словами иностранными, иной разъ невразумительными и для людей грамотныхъ.—Романовы дорожили всѣмъ, до нихъ относящимся. Въ наши дни Ныробцы вѣроятно очутились въ вѣдомствѣ Министра Государственныхъ Имуществъ, гдѣ хозяйничала въ 1852 году графъ Киселевъ, недоброй памяти. Ш. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

источниковъ по исторіи с. Ныроба.

1. Новый лѣтописецъ (прибавленіе къ Никоновской лѣтописи) въ изд. Импер. Академіи Наукъ 1792 г. т. VIII, ст. 71-я.
2. Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго т. XI, ч. 2-я и примѣчанія 147, 148, 149 и 154.
3. Соловьевъ, Исторія Россіи т. VIII, стр. 69—75.
4. Г. Ф. Миллеръ, Ежемѣсячн. изд. Академіи Наукъ 1761 г., Февраль.
5. Рычковъ, Дневныя записки путешествія (1769—70 г.г.) Спб. 1772 г. стр. 123—124.
6. Щепатовъ, Словарь географическій Росс. госуд.
7. Берхъ, Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ. Спб. 1821 г. стр. 99—108.
8. Вагнеръ, проф. Отъ Чердыни до Ныроба. „Перм. Сборникъ“ изд. 1860 г. т. 2-й стр. 1—9, съ 5-ю рисунками.
9. Коробовъ, Присланіе М. Н. Романова въ с. Ныробъ „Перм. губ. вѣд.“ 1862 г., № 33.
10. Поповъ Георгій, Явленная и чудотворная икона св. Николая въ с. Ныробѣ. „Перм. епарх. вѣд.“ 1872 г. № 41.—Бояринъ М. Н. Романовъ въ заточеніи въ с. Ныробѣ, тамъ-же 1873 г. № 10.
11. Капустинъ, Ныробскіе акты 1621 и 1627 г.г. „Перм. епарх. вѣд.“ 1870 г., № 30.
12. Поповъ, Вас. Еф., Бояринъ М. Н. Романовъ и мѣсто его заточенія с. Ныробъ. „Перм. епарх. вѣд.“ 1880 г. №№ 5, 7, 8, 18, 19, 23, 24, 27, 31 и 33 (изд. и въ видѣ отдельной брошюры. Пермь. 1880 г. стр. 1—37.)
13. Дмитриевъ, А. А., Историко-археологические очерки Чердынского края (См. Календарь Перм. губ. на 1883 г., гл. V).
14. Его-же, Ссылка окольничаго М. Н. Романова въ Чердынскій край и Ныробскія древности (въ Памятн. книжкѣ Пермской губ. на 1892 годъ, а также въ Сборникѣ материаловъ для ознакомленія съ Пермскою губ. (изд. Перм. губ. статистического комитета), вып. III, 1891. Наиболѣе обстоятельное научное изслѣдованіе съ основательною критикою источниковъ).
15. Дмитриевъ, А. А., Новоспасскій монастырь, какъ усыпальница бояръ Романовыхъ, „Перм. епарх. вѣдом.“ 1888 г. № 4-й.
16. Истоминъ, Ф. М., О религіозномъ состояніи обитателей Печорского края. „Церк. Вѣд.“ 1890 г. № 19-й.
17. Поповъ, Ив., Село Ныробъ и его достопримѣчательности. „Перм. епарх. вѣд.“ 1896 г. №№ 4 и 5, а также издана отдельной брошюрой.
18. Шишонко, Пермская лѣтопись. 7 томовъ (о Ныробѣ подъ соотв. годами).
19. Снѣгиревъ, Ново-Спасскій ставропигіальный монастырь въ Москвѣ. 1863 г.
20. Путеводитель по Уралу, изд. редакціи газеты „Уралъ“, 1-е 1900 г., 2-е изд. 1902 стр. 11—13, съ рисункомъ часовни.
21. В. А. Весновский, Иллюстрированный путеводитель по Уралу. 1904 г., стр. 117—121.
22. Хребтовъ, Село Ныробъ. „Историч. Вѣстникъ“ 1906 г., кн. 7-я (Іюль), съ 4-ми рисунками и видами с. Ныроба, церквей, часовни и балдахина.

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Устройство его отоплениі.

Московскій Большой Успенскій соборъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доселѣ существуетъ, былъ построенъ, въ теченіе пяти лѣтъ, при благовѣрномъ великомъ князѣ Василіѣ Ioannovichѣ, знаменитымъ въ то время Итальянскимъ строителемъ Аристотелемъ Фіоравенти, и торжественно освященъ, 11-го Августа 1479 года, Всероссійскимъ митрополитомъ Героянтомъ.

Какъ житель теплой страны, гдѣ храмы не нуждаются въ отоплении, строитель Успенского собора не имѣлъ въ виду необходимости отоплениія и не сдѣлалъ никакихъ къ тому приспособленій. Въ то время и на Руси не было обычая отоплять храмы. Поэтому, верхніе своды и перекрытия соборного храма сдѣланы были очень тонкими и легко пропускающими тепло. Можно представить, какой нестерпимый холодъ бывалъ въ соборѣ въ лютые зимніе морозы, особенно при устройствѣ пола изъ чугунныхъ плитъ. Неудивительно, что иногда въ зимнее время здѣсь совсѣмъ не совершалась церковная служба, а отправлялась она, вмѣсто того, или въ церкви Двѣнадцати Апостоловъ, или въ Николо-Гостунскомъ соборѣ, или же, впослѣдствіи, въ Чудовѣ монастырѣ. Павелъ Алеппскій, архидіаконъ Антіохійскаго патріарха Макарія, дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе о службѣ въ Успенскомъ соборѣ: „при торжественномъ служеніи въ недѣлю Православія царь, стоя предъ патріаршимъ мѣстомъ, держалъ правую руку за пазухою, по причинѣ холода¹). А въ праздникъ Петра митрополита, 21-го Декабря, отъ сильнаго холода и стужи мы едва не погибли, особенно потому, что стояли на желѣзныхъ плитахъ. Богъ свидѣтель, что душа чуть не покинула насъ“²).

Но мысль объ устраниеніи этого неудобства при совершеніи богослуженія въ Успенскомъ соборѣ явилась только въ половинѣ девятнад-

¹) Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII-го вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ Арабскаго Г. А. Муркоса. Ч. 3, стр. 130.

²) Тамъ же. Ч. 4, стр. 106.

цатаго столѣтія и принадлежала благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу. На первыхъ порахъ она встрѣтила препятствіе со стороны осторожнаго блюстителя старины и благоговѣйнаго охранителя ея святынь, Московскаго м. Филарета, и могла осуществиться только впослѣдствіи, съ воцареніемъ Государя Императора Александра Николаевича, по высочайшему его повелѣнію.

Исторія устройства отопленія Московскаго Большаго Успенскаго Собора особенно любопытна по выдающемуся значенію тѣхъ лицъ, которые принимали въ немъ дѣятельное участіе, каковы: м. Филаретъ и графъ А. А. Закревскій.

Въ Апрѣль 1849 года оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Н. А. Протасовъ, вошелъ къ Государю Императору Николаю Павловичу со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія. „Вашему Величеству угодно было предварительно одобрить мысль—сдѣлать Московскіе Успенскій и Архангельскій соборы теплыми. Всегдѣствіе сего долгомъ почитаю нынѣ всеподданнѣйше представить, что какъ высочайше утвержденная комиссія о построеніи въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя состоить изъ такихъ лицъ, которыхъ участіе въ семъ дѣлѣ необходимо, имѣть опытнѣйшаго по сей части архитектора Тона и располагаетъ всѣми потребными для такового предмета способами, то не благоволите ли высочайше возложить на вышеупомянутую комиссію приведеніе упомянутаго предположенія въ исполненіе, съ отнесеніемъ и нужныхъ на сіе издержекъ на счетъ суммъ, въ ея вѣдѣніи находящихся, и съ тѣмъ, чтобы распоряженіе оной касательно вышеозначенного предмета происходили по сношенію ея съ митрополитомъ Московскимъ“.

На этомъ докладѣ Государь Императоръ соизволилъ написать: „согласенъ, но прежде хочу видѣть планъ и проэктъ“.

Далѣе, 17-го Сентября того же 1849 года, послѣдовало къ высокопреосвященнѣйшему Филарету отъ вице-президента комиссіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя, князя Сергія Михаиловича Голицына, отношеніе, въ которомъ онъ, прописывая, что предсѣдатель комиссіи построенія храма, Московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, въ предложеніи своемъ комиссіи отъ 24-го Апрѣля 1849 г. изъяснилъ, что Государю Императору благоугодно было высочайше повелѣть сдѣлать Московскій Успенскій соборъ теплымъ и исполненіе сего возложить на комиссію построенія храма, съ отнесеніемъ нужныхъ для сего издержекъ на счетъ суммъ, въ вѣдѣніи комиссіи находящихся, и съ тѣмъ, чтобы

распоряженія ея по сemu предмету происходили по сношенію съ его высокопреосвященствомъ. Къ этому князь С. М. Голицынъ присовокупилъ, что 18-го числа того же Апрѣля высочайше повелѣно главному архитектору комиссіи Тону заняться изготавленіемъ плана и проектовъ сихъ работъ для предварительного представленія его императорскому величеству. Послѣ сего старшій помощникъ Тона, академикъ Каминскій, донесъ комиссіи, что, для вѣрнаго дознанія, есть ли подъ Успенскимъ соборомъ фундаментъ и какой глубины, необходимо около одной изъ наружныхъ стѣнъ собора вырыть яму, и что наблюденіе за этимъ г. Тонъ возложилъ на него, вмѣстѣ съ архитекторомъ Реймерсомъ. Комиссія, въ общемъ присутствіи ея, бывшемъ 12-го Сентября 1849 г., разрѣшивъ произвести означенную работу, постановила: просить его высокопреосвященство о распоряженіи допустить гг. Каминскаго и Реймерса къ производству оной.

Когда высочайшее повелѣніе обѣ устроїствъ отопленія Успенскаго собора было сообщено м. Филарету, онъ, послѣ офиціального увѣдомленія о полученіи сего повелѣнія, писалъ графу Н. А. Протасову слѣдующее. „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Дѣло обѣ устроеніи отопленія Успенскаго и Архангельскаго соборовъ начинается. Полагаю полезнымъ, чтобы ваше сіятельство имѣли свѣдѣніе о ходѣ онаго. Для усмотрѣнія сего препровождаю при семъ списокъ отношенія моего къ г. Московскому военному генералъ-губернатору отъ 23-го дня прошедшаго Февраля № 111. Изъ онаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что мною обращено вниманіе на отношеніе предпріемлемаго дѣла къ церковному удобству и къ народному мнѣнію. Что и сіе послѣднее соображеніе не должно быть оставлено безъ вниманія, сіе нѣкоторымъ образомъ получаетъ уже подтвержденіе, какъ показывается прилагаемая при семъ выписка изъ письма отъ 22-го Февраля, присланного по городской почтѣ на имя одного изъ членовъ консисторіи *). Нельзя опредѣлить, между многими ли распространены мысли, изложенные въ письмѣ; но нѣть сомнѣнія, что сохранить святыню Успенскаго собора неприкосновенною и древность, сколь можно, неизмѣнною, есть общее желаніе, особенно въ среднемъ и низшемъ классѣ народа. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій. 2-го Марта 1850 года“.

*) На днѣхъ въ народѣ разнесся слухъ: какъ Успенскій соборъ будуть дѣлать теплымъ, то будто будутъ выносить св. мощи, тревожить патріарховъ Гермогена и Филарета Никитича и проч. Правда ли? и т. д.

Представленіе м. Филарета объ оставленіи Успенскаго собора неприкосновеннымъ возьмѣло дѣйствіе, какъ это видно изъ того, что 25-го Августа 1851 г. послѣдовало отъ гр. А. А. Закревскаго отношеніе съ увѣдомленіемъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу, оставаться ли Успенскому собору въ Москвѣ въ теперешнемъ его положеніи на-всегда, или устроить его теплымъ, Государь Императоръ въ 22-й день Августа 1851 г. высочайше повелѣть соизволилъ: „оставить, какъ есть, навсегда“.

Съ воцареніемъ Императора Александра Николаевича вопросъ объ устройствѣ отопленія Успенскаго собора не замедлилъ снова возникнуть.

Гр. Закревскій отношеніемъ отъ 29-го Августа 1858 г. увѣдомлялъ о томъ м. Филарета. Въ Мартѣ 1856 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе сдѣлать Московскій Успенскій соборъ теплымъ, и исполненіе сего дѣла возложено на комиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Составленные для сего предмета начальныя проекты архитекторами комиссіи и высочайше учрежденнымъ при ней архитектурнымъ совѣтомъ, были разсмотрѣны по высочайшему повелѣнію въ департаментѣ проектовъ и смѣть, который, послѣ соображеній своихъ и продолжавшейся съ архитектурнымъ совѣтомъ переписки, призналъ удобнѣйшимъ примѣнить къ Успенскому собору способъ отопленія Курскаго собора, изобрѣтенный инженеромъ Быковымъ; по сему генералъ Чевкинъ препроводилъ съ высочайшаго соизволенія въ комиссию на зависящее отъ нея распоряженіе изложеніе въ общихъ чертахъ этого проекта съ одобрительнымъ мнѣніемъ департамента проектовъ и смѣть.

Самый проектъ Быкова заключается въ слѣдующемъ: устроить двѣ или три, по извѣстной ему методѣ, печи, въ подвалахъ близъ лежащаго зданія Синодальной Конторы и провести теплый воздухъ, сперва посредствомъ подземныхъ теплопроводовъ, потомъ по наружной стѣнѣ собора въ особыхъ двухъ контфорсахъ до оконъ храма, чрезъ которыя теплый воздухъ войдетъ во внутренность собора чрезъ отверстіе, не покрытое стеклами, оставленное въ верхнихъ частяхъ рамъ. Для отопленія алтарей въ каждомъ изъ нихъ будетъ сдѣлано по возврату, выходящему наравнѣ, или немногого выше, горизонта пола, а въ верхней части каждого изъ такихъ возвратовъ будетъ расположено по тепловой трубѣ, сообщенной съ тепловою камерою; что же касается ризницы и другихъ мѣстъ, огражденныхъ сводами, то обогрѣваніе ихъ будетъ произведено вытяжными душниками, расположенными въ оконныхъ переплетахъ.

Присутствіе Комміссії, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла и принявъ въ соображеніе окончательное мнѣніе по сему предмету архитектурного совѣта, согласующееся съ таковыми же департамента проектовъ и смѣть, также убѣдилось, что способъ Быкова дѣйствительно удобопримѣнимъ къ отопленію Успенскаго собора на томъ основаніи, что по этой самой методѣ Курскій соборъ, имѣющій гораздо большую величину, по сдѣланному департаментомъ проектовъ и смѣть изслѣдованію, уже отапливается со всѣми требуемыми удобствами, причемъ имѣется еще въ виду то, что предполагаемыя изобрѣтателемъ работы, требующія времени не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, не могутъ произвести ни малѣйшихъ по собору поврежденій, ни препятствій самому богослуженію; что ежегодное количество топлива, назначенное Быковымъ, 80 квадратныхъ саженъ сухихъ березовыхъ дровъ, для поддержанія постоянной въ соборѣ теплоты около 12 градусовъ Реомюра, когда явиться въ немъ народа, а въ разницѣ около 10 градусовъ, весьма умѣренно, при общей сухости воздуха; все это вмѣстѣ представляеть особенные удобства и пользу. А потому Комміссія заключила повергнуть всѣ обстоятельства этого дѣла на высочайшее благоусмотрѣніе и если его императорскому величеству благоугодно будетъ повелѣть предоставить Быкову устройство отопленія Успенскаго собора, на объявленныхъ имъ окончательныхъ условіяхъ, то, дабы не терять удобнаго для начатія работъ въ нынѣшнемъ году времени, разрѣшить приступить къ тѣмъ работамъ немедленно.

Въ дополненіе къ сему, отношеніемъ отъ 1-го Сентября 1858 г., графъ Закревскій, увѣдомляя м. Филарета о томъ, что по всеподданнѣйшему докладу графа относительно устройства отопленія Московскаго Успенскаго собора Государь Императоръ 30-го Августа высочайше соизволилъ утвердить предположеніе Комміссії о предоставленіи капитану Быкову устройства сего отопленія по изобрѣтенному имъ способу и на объявленныхъ условіяхъ, просилъ его высокопреосвященство сдѣлать зависящее распоряженіе о допущеніи Быкова къ производству работъ по отопленію собора, чтобы не терять удобнаго къ тому времени, такъ какъ, по объявленнымъ изобрѣтателемъ условіямъ, высочайше утвержденнымъ, эти работы должны быть начаты въ томъ же 1858 году.

На это отношеніе владыка отвѣтствовалъ, что онъ предложилъ Синодальной Конторѣ, чтобы дано было соотвѣтственное сему предписаніе Успенскому протопресвитеру съ сакелларіями и сдѣлано было распоряженіе по Синодальному дому.

Между тѣмъ отъ 9-го Октября того же 1858 г. его высокопреосвященствомъ было представлено Святѣйшему Синоду слѣдующее донесе-

ніе. „По начатому производству при Московскомъ Успенскомъ соборѣ виѣшнихъ приготовительныхъ работъ для устроенія онаго теплымъ, дошло до меня не официальное, но тѣмъ не менѣе требующее не отложного вниманія свѣдѣніе, что предполагается сквозь фундаментъ пяти алтарныхъ полукруглыхъ стѣнъ сдѣлать пять проломовъ для про-веденія трубъ; что одну трубу, имѣющую вводить въ соборъ теплоту, а другую, извлекающую изъ собора воздухъ, предполагается вывести въ главномъ алтарѣ собора, близъ горняго мѣста, или между горнимъ мѣстомъ и престоломъ; для сего надобно будетъ вырыть ямы и въ нихъ произвести каменные работы.

Неизвѣстно мнѣ, было ли въ виду, при разсмотрѣніи проекта сего устройства, предположеніе пяти проломовъ въ фундаментѣ восточной стороны храма. Равно неизвѣстно мнѣ, было ли обсуждено и признано ли удобнымъ и то, что стоящіе на горнемъ мѣстѣ и близъ онаго въ священнослуженіи, будуть имѣть близъ себя трубу, изливающую широкимъ потокомъ теплоту (сколько извѣстно, въ пять квадратныхъ четвертей въ отверстії), и другую, влекущую въ себя воздухъ.

Особенно же, по долгу служенія моего, не могу не помыслить съ заботою и нѣкоторымъ страхомъ о томъ, что должно происходить во святомъ алтарѣ храма, издревле святаго, первенствующаго въ Россійской церкви,—храма древнихъ митрополитовъ, святѣйшихъ патріарховъ, Святѣйшаго Синода, храма священнаго царскаго вѣнчанія, близъ горняго мѣста, съ котораго благословляли православный народъ святители Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ. Придутъ землекопы и каменщики, выроютъ ямы и наполнятъ алтарь грудами земли и щебнемъ проломаннаго фундамента; потомъ принесутъ матеріалы, которыми работаютъ теперь, и между прочимъ, котель кипящей смолы (для заливанія каменной кладки въ землѣ, что и теперь видно въ работахъ виѣ собора), и, выводя трубу, въ тоже время, для этой трубы, будутъ высѣкать часть стѣны также внутри алтаря.

Нельзя не ожидать, что при видѣ сего, и при слышаніи о семъ, благочестивое чувство православнаго народа будетъ тронuto болѣзnenнымъ образомъ, и, какъ о печальному знаменіи, будутъ о семъ толковать и тѣ, которые, будучи немирны съ православною церковію, остаются еще мирными съ древнею святынею Успенскаго собора.

Убѣжденіе въ важности сего предмета побуждаетъ меня неукоснительно представить объ ономъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода (которому непосредственно подвѣдомъ Успенскій соборъ), чтобы разсмотрѣніе сіе могло произойти прежде, нежели начатыя работы пронзять алтарную стѣну и проникнуть въ алтарь.

Мнѣ неизвѣстны подробности дѣла такъ, какъ были извѣстны подробности прежняго проекта, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Притомъ познаніе и опытность специальныхъ нужны по сему предмету. Съ вѣроятностію, однако, можно сказать, что дѣло можетъ быть произведено съ оставленіемъ главнаго алтаря неприкосновеннымъ. Естыли чрезъ окно можно наполнить теплотою весь соборъ: то конечно, чрезъ предъалтаріе можно наполнить теплотою главный алтарь.

Пять проломовъ алтарныхъ стѣнъ, кажется, не были назначены, когда дѣло разсматривалось въ главномъ управлѣніи публичныхъ зданій.

Для сего же о всемъ вышеизложенномъ отношусь я нынѣ же къ г. Московскому военному генераль-губернатору, какъ предсѣдателю комиссіи для построенія храма Христа Спасителя, подъ вѣдомствомъ которой производятся работы при Успенскомъ соборѣ.«

Въ тоже время Синодальная Контора предписала Успенскому протопресвитеру съ сакелларіями, чтобы они немедленно объявили производителю работъ по устроенію Успенского собора теплымъ: не приступать къ пробиванію алтарной стѣны собора, и особенно стѣны главнаго алтаря, впредь до особаго распоряженія.

Но гр. Закревскій, считая дѣло по устройству отопленія Успенского собора во всѣхъ подробностяхъ оконченнымъ, увѣдомлялъ отъ 27-го Октября 1858 г. митрополита, что имъ сдѣлано предписаніе Московскому коменданту о немедленномъ назначеніи достаточной военной стражи во все время производства работъ по отопленію Московскаго Успенскаго собора для охраненія онаго отвѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ, где по ходу работъ таковая стража признается нужною.

Прежде чѣмъ получено было это увѣдомленіе, м. Филаретъ отъ 26-го того же Октября 1858 г. писалъ къ графу Закревскому. „Протопресвитеръ Успенскаго собора представилъ мнѣ слѣдующее. По устроенію Московскаго Успенскаго собора теплымъ, отъ юго-восточнаго угла алтаря до Синодальнаго дома проведена подземная каменная труба, а отъ нея къ каждому изъ пяти отдѣленій алтаря до фундамента проведены меньшія, и всѣ сіи трубы сверху засыпаны землей; остается одно только отверстіе у главной трубы при входѣ въ Синодальный домъ.

Нынѣ, проходя чрезъ сіе отверстіе, приступаютъ къ дѣланію проломовъ въ фундаментѣ четырехъ стороннихъ отдѣленій алтаря, для устроенія внутри каждого отдѣленія, кромѣ средняго, теплопроводовъ и вытяжныхъ трубъ.

Когда пробиты будут отверстія въ фундаментѣ и будутъ устрояться теплопроводы и вытяжные трубы, чрезъ означенное отверстіе большой подземной трубы можно будетъ проходить внутрь алтаря, и потому должны быть приняты особы мѣры къ охраненію святыни и драгоцѣнностей собора.

Для сего внутри собора, съ утра до вечера, во время производства работъ, предполагается учредить постоянный надзоръ чрезъ одного изъ священниковъ и діаконовъ и чрезъ двухъ сторожей собора. Но во время ночи, съ окончанія до начатія дневныхъ работъ, когда соборъ будетъ запертъ, для охраненія оного должна быть учреждена особая наружная стража у отверстія большой канавы. Стража сія необходима будетъ и тогда, когда въ соборъ у съверныхъ дверей будетъ устроиться большая вытяжная труба, долженствующая имѣть четыре квадратныхъ аршина въ разрѣзѣ, которая отъ Синодального дома и доведена уже до дверей собора. Равнымъ образомъ нужна будетъ таковая же стража, когда подъ двумя окнами собора съ съверной стороны будутъ пробиваться отверстія для устроенія теплопроводовъ, по коимъ работы между соборомъ и Синодальнымъ домомъ уже кончены.

Естьли сю наружную стражу учредить изъ однихъ только сторожей или звонарей собора: то она будетъ недовольно благонадежна. Посему признается нужнымъ, чтобы съ настоящаго времени до окончанія означенныхъ работъ назначена была военная стража изъ двухъ часовыхъ.

Усматривая изъ сего описанія работъ, что въ продолженіе оныхъ соборъ дѣйствительно будетъ имѣть отверстія, доступныя входу отвнѣ, и что внѣшнее охраненіе его чрезъ сторожей собора можетъ оказаться неудовлетворительнымъ, долгомъ поставляю обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, дабы благоволено было обратить начальственное вниманіе на вышеизложенные обстоятельства и сдѣлать распоряженіе къ охраненію собора отвнѣ достаточною стражею, до совершенія вышеописанныхъ работъ“.

При отношеніи отъ 28-го Октября того же 1858 г. гр. А. П. Толстой препроводилъ къ м. Филарету списокъ съ полученнаго имъ отношенія главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями съ приложеніемъ и изъясненіемъ высочайшаго повелѣнія касательно способовъ къ устроенію Успенского собора теплымъ съ сколь возможно менышимъ разстройствомъ внутренности алтаря, вмѣстѣ съ копіею донесенія инженеръ-капитана Быкова въ Коммиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Отношениe главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями было слѣдующаго содержанія. „По высочайшему повелѣнію ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ списокъ съ донесенія Св. Синоду митрополита Московскаго объ усмотрѣнномъ неудобствѣ отъ производства строительныхъ работъ по отопленію алтаря Успенскаго собора. Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу опасеній высокопреосвященнаго Филарета, высочайше повелѣть соизволиль: удержа въ полной силѣ пред назначенное отопленіе алтаря, сообразиться ближе объ удобнѣйшемъ способѣ достижениe сего, съ наименьшимъ разстройствомъ внутренности алтаря, имѣя въ виду, не окажется ли возможнымъ и удобнымъ устроить теплопроводныя трубы снаружи, чрезъ среднія окна восточной стороны собора, способомъ избраннымъ для самой церкви. О таковомъ высочайшемъ повелѣніи, сообщенному къ исполненію Московскому военному генералъ-губернатору, почитаю долгомъ уведомить ваше сіятельство, съ препровожденiemъ копіи съ объяснительной по предмету сему записки капитана Быкова, принявшаго на себя устройство трубъ и печей для отопленія Успенскаго собора“.

Содержаніе копіи съ донесенія инженеръ-капитана Быкова въ Комиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, представленной 15-го Октября 1858 года, слѣдующее.

„10-го Октября я имѣлъ честь получить запросъ Комиссіи относительно устройства отопленія Успенскаго собора и спѣшу представить самое подробное объясненіе противъ всѣхъ пунктовъ запроса, которымъ почтила меня комиссія.

1. Сколько будетъ сдѣлано проломовъ сквозь фундаментъ пяти алтарныхъ полукруглыхъ стѣнъ для проведенія въ оныя трубы?

По проекту моему предполагалось сдѣлать алтарь по крайней мѣрѣ столько же теплымъ и сухимъ, какъ и самую церковь; но такъ какъ три алтаря и два промежуточныхъ тоже полукруглыя пространства между ними составляютъ пять отдѣленій, не имѣющихъ между собою почти никакого сообщенія, кромѣ небольшихъ дверей, то по необходимости надобно было каждый изъ нихъ отапливать отдѣльно, чтѣ предполагалось произвести посредствомъ отверстій, пробитыхъ въ стѣнѣ подъ землею и выходящихъ въ сказанное отдѣленіе непосредственно подъ поломъ. Каждое изъ отверстій, по одному въ каждомъ отдѣленіи, имѣющее около квадратнаго аршина съченія, предполагалось раздѣлить на двѣ части; изъ верхней части, имѣющей около 80 квадратныхъ вершковъ, теплый воздухъ предполагалось провести въ каждое изъ отдѣленій, вертикальнымъ теплопроводомъ, имѣющимъ тоже съченіе

80 квадратныхъ вершковъ и въ вышину вдвое болѣе человѣческаго роста, сдѣланнымъ изъ листового жалѣза съ двойными стѣнками и съ прокладкою внутри войлокомъ. До той же высоты, до которой стѣны покрыты сукномъ или бархатомъ, предполагается отдѣлять точно также сукномъ или бархатомъ, а далѣе предполагалось отдѣлять подь бронзу; нижняя же часть предназначалась для вытягиванія уже осталънаго воздуха изъ алтарей, который, пройдя подземною трубою до вытяжной трубы, сею послѣднею долженъ быть выброшенъ вонъ, поверхъ крыши синодальнаго зданія. Я не имѣю надобности прибавлять, что въ замѣнѣ выброшенного сырого воздуха точно такое же количество наружнаго сухаго воздуха будетъ входить въ храмъ, и такимъ образомъ въ ономъ будетъ постоянно поддерживаться, какъ требуемая степень сухости, такъ равно и легкость воздуха. Такія предположенія въ общихъ чертахъ были представлены департаменту проектовъ и смѣть и архитектурному совѣту и удостоились одобренія, какъ того, такъ и другого, и мнѣ остается только привести пояснительныя причины, которыя, конечно, имѣли въ виду ученые совѣты департамента проектовъ и смѣть и архитектурный, но которыя не были выражены письменно только потому, что онѣ составляютъ основныя начала строительнаго искусства, извѣстнаго всѣмъ ученымъ.

Пробитіе отверстій въ каждомъ изъ отдѣленій не будетъ ли вредно прочности храма?

Такъ какъ фундаментъ Успенскаго собора имѣетъ глубины около 8 аршинъ, то означенныя отверстія будутъ находиться почти въ 7-ми-аршинномъ разстояніи отъ основанія и будутъ представлять подъемныя окна, совершенно безопасныя для храма, имѣющаго 73 окна снаружи, и которыхъ сѣченіе втрое болѣе, а простѣнки во многихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, вдѣсятеро менѣе. Четырехъ-вѣковой опытъ показалъ, что наружныя окна не вредятъ прочности зданія; послѣ этого нѣть никакой возможности предполагать, чтобы подземныя окна меньшихъ размѣровъ и въ несравненно меньшемъ числѣ повредили этой прочности; если наружныя отверстія оправдываются необходимостію пропустить свѣтъ въ храмъ, то подземныя отверстія оправдываются тоже необходимостію пропустить въ храмъ тепло.

Но возможно ли пробивать стѣну храма, составляющаго святыню для всѣхъ нась Русскихъ?

Вопросъ этотъ подлежитъ решенію однихъ нашихъ верховныхъ пастырей церкви, и потому я не позволю себѣ ни малѣйшихъ разсужденій по сему предмету, ограничиваясь только представлѣніями, что для того, чтобы устроить отопленіе Успенскаго собора, мнѣ необходимы

естественные средства, мнѣ необходимо, чтобы позволено было сдѣлать отверстія, сквозь которых я могъ бы пропустить тепло; я принимаю смѣость напомнить, что исторія Успенского собора показываетъ, что въ прежнія времена позволяли себѣ дѣлать проломы въ стѣнахъ во многихъ случаяхъ, между прочимъ проломали даже дымовую трубу, предполагая устроить отопленіе одного изъ алтарей, но которое не состоялось, вѣроятно, потому, что не умѣли взяться за дѣло. Даже въ новѣйшія времена необходимость, подобная той, которая нынѣ предстоитъ въ отопленіи Успенского собора, заставила дотронуться до живописныхъ изображеній святыхъ угодниковъ, чтобы возобновить для православныхъ ихъ лики въ первобытномъ состояніи.

2. Въ какомъ именно мѣстѣ главного алтаря предполагается вывести теплопроводную и возвратную трубы, то есть, близъ юрия мѣста или между юріемъ мѣстомъ и престоломъ, и не будетъ ли это устройство служить неудобствомъ стоящимъ на горнемъ мѣстѣ и близъ оного въ священнослуженіи отъ трубъ, одной изливающей широкимъ потокомъ тепло, а другой, влекущей въ себя воздухъ?—Недѣлю тому назадъ я обозрѣвалъ, вмѣстѣ съ протопресвитеромъ Успенского собора мѣста, въ которыхъ приличнѣе всего сдѣлать таковые возвраты, прося его довести объ этомъ до свѣдѣнія его высокопреосвященства и испросить его разрѣшенія и благословенія. Нынѣ я повторяю тоже самое: мѣста для возвратовъ будуть тамъ, гдѣ назначить ихъ духовное начальство, въ стѣнѣ или въ полу, подлѣ стѣны, для меня все равно; я сдѣлаю такъ, какъ мнѣ приказано будетъ и благословлено святымъ владыкою. Что же касается до опасенія, будто труба, изливающая широкимъ потокомъ тепло, будетъ беспокоить архипастыря, стоящаго на горнемъ мѣстѣ, и другихъ, окружающихъ его, то я долженъ сказать, что хотя подобное опасеніе и совершенно естественно, но при моей системѣ отопленія оно не имѣть мѣста, и я могу сослаться на свидѣтельство опыта въ Курскомъ соборномъ храмѣ. Любопытные, желая дознаться, откуда идетъ тепло въ соборъ, обыкновенно обходить всю церковь, дотрогиваясь до стѣнъ, чтобы по ощущенію узнать, гдѣ про- ведено тепло, и никакъ этого не могутъ замѣтить осязаніемъ, а прибѣгаютъ обыкновенно къ догадкамъ, замѣчая отверстія, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ частяхъ храма. Тоже самое будетъ и въ Успенскомъ соборѣ: ни архипастырь, стоящій на горнемъ мѣстѣ, ни окружающие его, не въ состояніи будутъ замѣтить дѣйствія теплопровода иначе, какъ только потому, что въ алтарѣ будетъ тепло, самый же теплопро- водъ на осязаніе будетъ холоденъ, а воздухъ, выходящій изъ него на высотѣ вдвое болѣе человѣческаго роста и имѣющій температуру съ

небольшимъ въ 30°, естественно поднимаясь кверху, не можетъ никого беспокоить. Это я говорю изъ опытовъ, опираясь не на одинъ Курскій храмъ, но и на всѣ храмы, которыхъ отопленіе я устроивалъ: вездѣ для любопытныхъ представлялась также самая задача, отъ чего храмъ теплѣть, когда теплаго воздуха нигдѣ не чувствуется.

Что же касается до возвратовъ, то я опасаюсь, что дѣйствіе ихъ могутъ сравнивать съ дѣйствіемъ холоднаго наружнаго воздуха, входящаго въ церковь сквозь такія же отверстія. Дѣйствительно, вліяніе подобнаго холоднаго потока воздуха было бы губительно для здоровья служащихъ, и строитель, допустившій подобную ошибку, справедливо долженъ нести всю тягость отвѣтственности за ону; теплый же воздухъ алтарей, втягиваемый возвратами, неощутителенъ ни для кого, кроме тѣхъ, которые нарочно приложатъ къ отверстію платокъ или обнаженную руку; въ главномъ же алтарѣ присутствіе вытяжнаго отверстія нельзѧ будетъ узнать ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, потому что оно будетъ закрыто скамьями, окружающими горнее мѣсто, и въ отверстіяхъ между скамьями и поломъ, около трехъ вершковъ, тяга будетъ такъ слаба, что ни платокъ, ни обнаженная рука ничего не укажутъ.

3. Въ какое именно время приступлено будетъ къ работамъ внутри главнаго алтаря, и какъ долю онъ продолжатся?—Къ работамъ внутри главнаго алтаря приступлено будетъ только тогда, когда мнѣ это будетъ разрѣшено; что же касается до продолженія ихъ, то предполагалось произвести онъя, какъ то ниже будетъ объяснено, въ нѣсколько дней незамѣтно ни для служащихъ, ни для молящихся.

4. Какія будутъ приняты мѣры къ устраненію въ главномъ алтарѣ собора разныxъ нечистотъ, неизбѣжныxъ при такихъ работахъ, какъ-то: при рытии ямъ—наносной земли, при проломѣ фундамента—щебня, а также при вскрытии матеріаловъ для новыхъ работъ и кипящей смолы для заливки каменной кладки въ землю?—Проламываніе отверстій предполагалось произвести все снаружи до тѣхъ поръ, пока дойдутъ до шести вершковъ разстоянія отъ внутренней поверхности стѣны; при такомъ расположеніи всѣ нечистоты, каковы щебень и другія, а также и запахъ отъ кипящей смолы, никакимъ образомъ не могутъ быть ни видимы, ни ощущаемы въ алтаряхъ. Остальную же стѣнку въ шесть вершковъ толщиной предполагалось прорѣзать изъ самыхъ алтарей въ часы между обѣдней и вечерней, съ уборкой въ тотъ же промежутокъ времени всѣхъ нечистотъ и съ употребленіемъ, какъ средства противъ сырости, вмѣсто смолы, топленаго воску; такимъ образомъ,

ни нечистота, ни запахъ, не могутъ оскорбить чувства священнослужителей.

Для объясненія настоящаго положенія дѣла я считаю долгомъ прибавить, что на другой же день послѣ получения запроса Комиссіи я испросилъ позволеніе представиться его высокопреосвященству для личныхъ объясненій, и въ разговорѣ, которымъ святый владыка почитилъ меня, онъ изволилъ сказать мнѣ слѣдующія слова: „можетъ быть, я соглашусь на пробитіе четырехъ отверстій въ четырехъ отдѣленіяхъ, кромѣ главнаго алтаря; но въ этотъ послѣдній, я полагаю, можно попасть изъ сосѣдняго отдѣленія, проводя трубу сначала подъ поломъ, потомъ подъ дверью, послѣ чего можно около этой же самой двери поднять тепловую трубу по стѣнѣ; въ этомъ препятствія не будетъ“.

Какъ христіанинъ, я не могу не благоговѣть предъ желаніемъ нашего общаго архипастыря; но, какъ инженеръ, я считаю долгомъ сдѣлать нѣкоторыя представленія.

1. Размѣры каждого изъ теплопроводовъ расчислены такъ, чтобы онъ могъ нагрѣвать каждое изъ отдѣленій особенно; ежели же одному изъ сихъ теплопроводовъ, расчисленному для одного отдѣленія, предназначено будетъ обогрѣвать два отдѣленія, то, конечно, этотъ теплопроводъ окажется недостаточнымъ.

2. Этотъ теплопроводъ, продолженный подъ поломъ внутри храма, потребуетъ отверстія въ стѣнѣ вчетверо болѣе квадратнаго аршина; ибо величина теплопроводовъ расчитана такимъ образомъ, чтобы въ собора они имѣли измѣренія съ избыtkомъ достаточныя для удовлетворительного отопленія соборѣ; отверстія же въ стѣнахъ собора расчитаны такъ, что, съ уменьшеніемъ ихъ, я уже не могу удовлетворить условіямъ, на которыя я обязался форменнымъ актомъ.

3. Устройство теплопровода по второму отдѣленію неизбѣжно повлечеть за собою нечистоты, несравненно болѣя тѣхъ, которыя потребуетъ проламываніе стѣнки только въ шесть вершковъ толщиною, какъ это было описано выше.

Впрочемъ все будетъ зависѣть отъ воли его высокопреосвященства, и я только покорнѣйше прошу Комиссію довести мои представленія до свѣдѣнія святаго владыки.

Въ ожиданіи рѣшенія мною приказано не дотрогиваться до стѣнъ храма; но чтобы не упустить немногіе дни, остающіеся для постройки, мною приказано также продолжать начатые проводы, не дотрагиваясь до стѣнъ храма, съ тѣмъ, что ежели его высокопреосвященство не изволитъ одобрить мои представленія, то проводы будутъ засыпаны безъ

всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Ожидая того, что Коммиссіи благоугодно будетъ приказать по настоящему дѣлу, я принимаю смѣость просить ее быть снисходительною къ отопленію тѣхъ частей собора, въ которыхъ моя мысль не будетъ приведена въ исполненіе, и если бы мнѣ не позволено было войти ни съ возвратомъ, ни съ теплымъ душникомъ ни въ одинъ изъ алтарей, то неизбѣжнымъ послѣдствиемъ сего было бы то, что, хотя въ церкви температура, сухость и благорасторонность воздуха будуть никакъ не ниже того, на что я обязался, но температура алтарей только на 10° была бы выше наружнаго воздуха. а сырость въ оныхъ достигла бы крайнихъ предѣловъ“.

Синодальному оберъ-прокурору владыка писалъ. „Препровождая при семъ списокъ съ донесенія моего Св. Синоду, покорнѣйше прошу ваше сіятельство принять въ соображеніе, что естьли изложенныя мною обстоятельства Св. Синодъ найдетъ дѣйствительно требующими вниманія, то нужно немедленное распоряженіе, чтобы работы при алтарѣ Успенскаго собора пріостановлены были до разсмотрѣнія дѣла и до открытия способа устранить представляющіяся затрудненія“. Отношеніемъ отъ 17-го Октября 1858 г. графъ Закревскій увѣдомлялъ, между прочимъ, его высокопреосвященство. Получивъ отношеніе отъ 9-го Октября, въ которомъ изложены разныя неудобства и препятствія, могущія встрѣтиться при исполненіи работъ по устройству отопленія Успенскаго собора, въ особенности по отопленію главнаго алтаря, я потребовалъ немедленно отъ производящаго работы инженеръ-капитана Быкова подробнаго объясненія противъ каждого пункта замѣчаній, равно мнѣніе по сему предмету наблюдающаго за работами старшаго помощника главнаго архитектора коммиссіи коллежскаго совѣтника Каминскаго, каковыя свѣдѣнія и доставлены въ Коммиссію 16 и 17 Октября (препровождаемы при семъ).

Препровождая при семъ въ комитетъ на благоуваженіе вашего высокопреосвященства какъ объясненіе капитана Быкова, такъ и мнѣніе архитектора Каминскаго, я имѣль честь покорнѣйше просить васъ въ послѣдствіи распоряженій вашихъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Мнѣніе свое относительно работъ по устройству отопленія Успенскаго собора старшій архитекторъ Каминскій изложилъ въ слѣдующемъ рапортѣ въ Коммиссію для построенія храма во имя Христа Спасителя.

„Прочитавъ со вниманіемъ возвращаемыя при семъ отношеніе высокопреосвященнаго м. Филарета къ его сіятельству гр. Арсенію Андреевичу, и донесеніе въ Коммиссію инженеръ-капитана Быкова, по поводу замѣчаній его высокопреосвященства на отопленіе алтарей Успенскаго собора, присланныя ко мнѣ канцеляріею 16-го Октября

за № 747, по приказанію его сіятельства, для представленія по сему дѣлу моего заключенія, имѣю честь почтительнѣше донести Коммиссіи, что я въ подробности разсматривалъ всѣ алтари Успенского собора вмѣстѣ съ Быковымъ, который мнѣ показывалъ мѣста, гдѣ предполагается вывести въ алтаряхъ теплоту и устроить отверстія вытяжныхъ каналовъ, и нашель проектъ его весьма удобнымъ къ исполненію. Не говоря о боковыхъ придѣлахъ, гдѣ устройство теплыхъ и вытяжныхъ каналовъ сдѣлать легко, въ главномъ придѣлѣ я не предвижу ни одного изъ опасеній, означенныхъ въ вышеупомянутомъ отношеніи владыки.

Вѣроятно его высокопреосвященству было ошибочно донесено, что Быковъ предполагаетъ, производя внутри алтарей работы, громоздить въ сей святыни разные матеріалы, произшедшіе отъ проломки стѣнъ и производить кипящою смолою непріятный запахъ. Устраненіе сихъ неудобствъ и способъ выведенія теплого воздуха и вытяжныхъ отверстій такъ, чтобы ни первый, ни вторые не беспокоили служащихъ, какъ предполагаетъ все это устроитъ г. Быковъ, по мнѣнію моему, весьма уважительны и практичны⁴.

Отъ 20-го Октября м. Филаретъ писалъ гр. Закревскому:

„При отношеніи вашего сіятельства 17-го Октября 1858 г. за № 750 препровождены ко мнѣ въ копіяхъ рапорты инженеръ-капитана Быкова и старшаго помощника главнаго архитектора Коммиссіи построенія храма Христа Спасителя, относительно устраненія затрудненій при устроеніи теплымъ алтаря Успенского собора, и требуется увѣдомленіе о послѣдствіи моихъ по сему предмету распоряженій.

Въ первой части рапорта инженеръ-капитана Быкова разсматривается вопросъ: сколько будетъ сдѣлано проломовъ сквозь фундаментъ пяти алтарныхъ полукруглыхъ стѣнъ?

Предложеніе сего вопроса инженеръ-капитану для Коммиссіи храма доказывается, что сей вопросъ не былъ прежде ясно представленъ сей Коммиссіи.

Изъ сего ваше сіятельство благоволите усмотрѣть, что не напрасно о семъ предметѣ упомянуто было въ отношеніи моемъ отъ 9 Октября, дабы значительной важности вопросъ о числѣ и безопасности сихъ проломовъ достигъ разрѣшенія, устраняющаго всякое сомнѣніе.

Теперь вопросъ о безопасности проломовъ (непонятно и не точно прежде названныхъ *возвратами*, тогдѣ какъ они не только *возвращаютъ* изъ собора, но и *вводятъ* въ соборъ теплоту) разрѣшенъ по принадлежности, моему же сужденію, сей предметъ не подлежить.

Но въ сей первой части рапорта нужно для дальнѣйшаго разсмотрѣнія замѣтить неточность показанія, что пять отдѣленій алтаря не

имъють между собою никакого сообщенія, кромъ небольшихъ дверей. Напротивъ того, главный алтарь съ съвернымъ предъалтаремъ, гдѣ жертвенникъ, сообщается не небольшою дверью, а двумя открытыми арками внизу и двумя вверху; южное предъалтаре также сообщается аркою; а крайнее съверное отдѣленіе (придѣлъ Петровскій) отдѣляется невысокою стѣною: слѣдственно есть свободное сообщеніе воздуха между сими тремя отдѣленіями.

Во второй части рапорта объяснено, что втеченіе теплаго воздуха, въ главномъ алтарѣ близъ горняго мѣста, и обратное влеченіе воздуха не будетъ затруднить священнослужащихъ. И сіе удостовѣреніе не подлежитъ моему сужденію и остается на отвѣтственности имѣющаго специальное знаніе и опытъ.

Въ третьей части рапорта полагается, что работы внутри главнаго алтаря произведены будутъ въ нѣсколько дней назамѣтно для служащихъ и молящихся. Сіе должно признать удовлетворительнымъ, естьли можно сіе исполнить. Но непонятно, какъ сіе можетъ быть исполнено, когда нужно будетъ отнять бархатное обложеніе стѣны и ступени со престолія, разрыть землю, окончить проломъ фундамента и высѣчь часть алтарной стѣны до двойной высоты человѣческаго роста.

Въ четвертой части рапорта рассматривается вопросъ, какія мѣры приняты будутъ для устраненія неблаговидности при производствѣ работы въ главномъ алтарѣ.

Въ сей части Быковъ прописываетъ слова, которыя полагаетъ слышанными отъ меня, слѣдующія: „можетъ быть я соглашусь на пробитіе четырехъ отверстій въ четырехъ отдѣленіяхъ, кромъ главнаго алтаря; но въ этотъ послѣдній, я полагаю, можно попасть изъ сосѣдняго отдѣленія, проведя трубу, сначала подъ поломъ, потомъ подъ дверью, послѣ чего можно около этой же самой двери поднять тепловую трубу по стѣнѣ; въ этомъ препятствія не будетъ“.

Словъ: *подъ дверью, и около двери*, не могъ я сказать, потому что адѣсь двери нѣть; а, какъ сказано выше, главный алтарь съ съвернымъ предъалтаремъ сообщается двумя арками внизу и двумя арками вверху.

Дѣйствительно же сказано мною, что естьли проломаніе четырехъ стѣнъ алтаря въ отношеніи къ способу отопленія необходимо и въ отношеніи къ зданію безопасно, то должно подчиниться необходимости. Что же касается до главнаго алтаря, то, по уваженію къ преимущественной святости сего мѣста, я продолжалъ и продолжаю предлагать, чтобы сохранить оный, сколь возможно, неприкосновеннымъ.

До моего разсмотрѣнія относится церковная сторона дѣла, а не художественная. Но какъ изъ вышесказанного о дверяхъ видно, что Быковъ неточно сохраняетъ въ памяти внутреннія подробности алтарей: то мнѣ позволительны нѣкоторыя соображенія, доступныя и не специалисту.

Главный алтарь съ двумя ближайшими къ нему отдѣленіями сообщается открытыми арками, четвертое съверное отдѣленіе отдѣляется отъ ближайшаго къ нему отдѣленія и отъ главнаго алтаря невысокою стѣною. Слѣдственно теплота, проведенная въ два съверныхъ отдѣленія, можетъ изъ нихъ свободно сообщаться главному алтарю.

Для главнаго алтаря, повидимому, все равно, будетъ ли теплопроводное отверстіе на правой сторонѣ онаго близъ окна, или на лѣвой близъ арки.

Есть ли двумя теплопроводными отверстіями въ окнахъ признается возможнымъ наполнить огромное пространство всего собора, изъ кото-раго много теплоты уносить будутъ куполы: то почему, кажется, не наполнить теплотою сравнительно небольшое пространство главнаго алтаря двумя или тремя путями изъ Петровскаго придѣла и изъ отдѣленія жертвенника, такъ что одно изъ отверстій будетъ открыто въ самый главный алтарь изъ трубы, проведенной въ отдѣленіи жертвенника.

Есть ли не будетъ трубы въ главный алтарь: то трубу въ отдѣленіи жертвенника нужно будетъ удвоить, но не утвердишь, какъ сказано въ рапортѣ.

Быковъ, касаясь своимъ сужденіемъ и церковнаго приличія, замѣчаетъ, что устроеніе трубы въ отдѣленіи жертвенника повлечетъ за собою болѣе нечистоты, нежели было бы въ главномъ алтарѣ. Но ему неизвѣстны церковныя соображенія, сюда относящіяся. Престолъ главнаго алтаря и горнее мѣсто освящены муропомазаніемъ; жертвенникъ не имѣть подобнаго освященія; надъ престоломъ бываетъ призываніе Святаго Духа и совершаются таинства; къ главному алтарю относится 69 правило шестого вселенскаго собора: *тожмо царь единъ, икъже никтоже отъ мірскихъ человѣкъ во очистилище да входитъ*. Изъ сего можно усмотрѣть, что не наравнѣ съ жертвенникомъ или предъалтаремъ, а несравненно въ высшей степени требуетъ благоговѣйнаго охраненія алтарь, и притомъ алтарь древнихъ святителей, алтарь храма царственнаго.

Посему и по прежнимъ моимъ соображеніямъ, уступая необходимости, чтобы устроены были проломы и теплопроводы въ четырехъ боковыхъ отдѣленіяхъ алтаря, обязанностю почитаю вновь обратиться

къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, чтобы обѣщанное въ отношеніи вашего сіятельства отъ 29 Августа недопущеніе по собору никакихъ поврежденій примѣнено было преимущественно къ главному алтарю, чтобы устроеніе отопленія его соглашено было съ его неприкосновенностью, и для того теплота введена была въ него черезъ его арку изъ отдѣленія жертвенника.

Я предлагалъ сіе инженеръ-капитану и архитектору при протопресвитерѣ Успенского собора, и они, по разсмотрѣніи подробностей, признали сіе возможнымъ. Я съ своей стороны объявилъ имъ, что въ семъ смыслѣ продолжать работы нѣтъ препятствія со стороны церковныхъ соображеній“.

20 Октября 1858 г. м. Филаретъ писалъ къ оберъ-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому: „Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 9 дня сего Октября долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что, по отношенію моему къ Московскому генераль-губернатору относительно способа отопленія алтаря Московскаго Успенскаго собора, отъ Коммиссіи для построенія храма Христа Спасителя даны были инженеръ-капитану Быкову вопросы и полученные отъ него въ рапортѣ объясненія его и согласный съ ними рапортъ помощника главнаго архитектора сообщены были мнѣ при полученномъ 19 дня отношеніи гр. А. А. Закревскаго. Всльдѣствіе же сего нынѣ имѣль я личное сношеніе съ означенными инженеръ-капитаномъ и архитекторомъ при протопресвитерѣ Успенскаго собора, и они признали возможнымъ главный алтарь Успенскаго собора оставить неприкосновеннымъ, проведя въ него теплоту черезъ предъалтаріе жертвенника, о чёмъ нынѣ же отношусь я къ Московскому генераль-губернатору и всльдѣ за симъ не премину доставить вашему сіятельству списокъ съ сего отношенія, излагающаго обстоятельства дѣла“.

Отъ 29 Октября 1858 г. въ отвѣтъ на это отношеніе оберъ-прокуроръ гр. А. П. Толстой писалъ: „Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 28 Октября за № 6718 имѣю честь увѣдомить ваше высокопреосвященство, что обѣ отзыvѣ вашемъ къ Московскому военному генераль-губернатору за № 445 и о сдѣланномъ мною по оному сношеніи съ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями по дѣлу обѣ устроеніи Успенскаго собора теплымъ, я имѣль счастіе третьяго дня лично докладывать Государю Императору. Его Величество, удостоивъ высочайшаго вниманія ходатайство ваше, соизволилъ отозваться, что производителямъ означенныхъ работъ преподаны уже надлежащія наставленія, и Его Величество изволить надѣяться на опытность и зна-

ніє ихъ, что при семъ сооруженіи требованія искусства будуть сколь можно согласованы съ требованіями церковными“.

На этомъ же отношеніи собственноручно графомъ приписано: „Вчера ввечеру я видѣлся съ генераломъ Чевкинымъ, который сказалъ мнѣ, что его мысли совершенно согласны съ мыслями вашего высокопреосвященства, и что онъ полагаетъ возможнымъ ограничиться четырьмя проломами въ боковыхъ частяхъ алтаря“.

31 Октября 1858 г. гр. Закревскій писалъ м. Филарету:

По сдѣланному мною распоряженію, вслѣдствіе отношенія вашего высокопреосвященства отъ 26 сего Октября (№ 460) объ охраненіи отвѣтъ Московскаго Успенскаго собора, въ продолженіи работъ по отопленію оного, достаточную стражею, Московскій комендантъ донесъ мнѣ, что требуемые вашимъ высокопреосвященствомъ ночные два поста, для охраненія наружной стороны собора отъ юго-восточнаго угла алтаря до Синодальнаго дома, съ 29 числа Октября учреждены: первый у крыльца Синодальнаго дома, а второй при входѣ въ Успенскій соборъ съверной стороны.

Отъ того же 31 Октября гр. Закревскій писалъ владыкѣ:

„Коммисія для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, имѣвъ сужденіе по отношенію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, въ которомъ изъяснены: вновь высо-чайшая воля объ удержаніи въ полной силѣ пред назначенаго отопле-нія главнаго алтаря Московскаго Успенскаго собора съ наименышимъ, по возможности, разстройствомъ внутренности оного, и предположеніе о примѣненіи къ главному алтарю способа отопленія самой церкви по-средствомъ наружныхъ теплопроводовъ чрезъ окна, 31 числа Октября заключила, что встрѣтившіяся начально со стороны вашего высокопре-освященства препятствія по устройству отопленія главнаго алтаря нынѣ совершенно устраниены предположеніемъ ввести въ алтарь теплоту чрезъ отдѣленіе жертвенника, что признано и капитаномъ Быковымъ возмож-нымъ къ исполненію безъ малѣйшаго нарушенія основныхъ условій отопленія собора; а какъ этотъ послѣдне-представленный способъ не измѣняетъ ни условій заключенного съ Быковымъ договора, вообще на отопленіе собора, ни наружнаго фасада зданія и оказывается удобнѣй-шимъ для достижения наименышаго разстройства внутренности главнаго алтаря, то оный въ настоящемъ случаѣ долженъ быть преимущественно допущенъ къ исполненію, тѣмъ болѣе, что изъясненное въ означен-номъ отношеніи генераль-адъютанта Чевкина предположеніе примѣнить къ отопленію главнаго алтаря способъ отопленія самой церкви, по отзыву Быкова, требуетъ продолжительного обсужденія во многихъ отно-

шенияхъ, между тѣмъ какъ работы его ведутся уже такимъ образомъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Успенскій соборъ можетъ быть, согласно его обязательству, вполнѣ отопленъ.

На семь основаніи Комиссія разрѣшила капитану Быкову продолженіе работъ отопленія главнаго алтаря чрезъ отдѣленіе жертвенника по сдѣланнымъ вапнимъ высокопреосвященствомъ указаніямъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ пред назначеніе договоромъ результаты отопленія остались не измѣнными. Такимъ распоряженіемъ предоставится начатымъ работамъ безостановочное теченіе и способъ къ окончанію оныхъ въ условленный срокъ.

О семъ заключеніи комиссія имѣеть честь уведомить ваше высокопреосвященство съ препровожденіемъ въ копіяхъ: означенного отношенія генерала Чевкина отъ 19 Октября и трехъ объясненій капитана Быкова отъ 27 и 29 Октября».

Копія съ отношенія главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями на имя предсѣдателя Комиссіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя отъ 19 Октября № 8266:

Митрополитъ Московскій изъяснилъ Святѣйшему Синоду обь усмотрѣнномъ неудобствѣ отъ производства строительныхъ работъ по отопленію алтаря Успенскаго собора, присовокупивъ, что ваше сіятельство изволите быть о семъ уведомлены. Государь Императоръ, по все подданнѣйшему докладу опасеній высокопреосвященнаго Филарета высоچайше повелѣть изволилъ: удержа въ полной силѣ пред назначенное отопленіе алтаря, сообразиться ближе обь удобнѣйшемъ способѣ достиженія сего съ наименьшимъ разстройствомъ внутренности алтаря, имѣя въ виду, не окажется ли возможнымъ и удобнымъ устроить теплопроводныя трубы снаружи, чрезъ среднее окно восточной стороны собора, способомъ избраннымъ для самой церкви.

Обязываюсь къ сему присовокупить, что какъ изъ вновь представленного объясненія инженеръ-капитана Быкова усматривается, что опасенія высокопреосвященнаго митрополита Московскаго обращены почти исключительно на главный алтарь, то именно для этой части, казалось бы, предпочтительнѣй былъ удобенъ способъ провода тепла снаружи собора чрезъ среднія окна восточной стороны онаго; если же удобство сие дѣйствителльно подтвердится на мѣстѣ, то въ такомъ случаѣ необходимо расположить трубы такъ, чтобы фасадъ собора не былъ нарушенъ.

Копія съ донесенія отставнаго инженеръ-капитана Быкова въ Комиссію по постройкѣ храма Христа Спасителя 27 Октября 1858 г.:

21 Октября я имѣлъ честь получить оть канцеляріи Коммиссії копію съ отношенія къ его сіятельству г. предсѣдателю Коммиссії главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями съ тѣмъ, чтобы я представилъ объясненіе, признается ли удобнымъ проводъ теплого воздуха въ главный алтарь, на который преимущественно обращены опасенія высокопреосвященнаго, тѣмъ же способомъ, какъ это сдѣлано для самой церкви, т. е. проведи оныи снаружи, избѣгая въ тоже время нарушенія фасада собора.

Способъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, самый лучшій изъ всѣхъ въ искусственномъ отношеніи; я постоянно объ немъ думалъ, и, приведя всѣ теплопроводныя трубы къ стѣнамъ алтарей противъ самыхъ оконъ, я подготовилъ на всякий случай возможность исполнить эту мысль, ежели это будетъ мнѣ разрѣшено; но въ настоящее время едвали она удобоисполнима, ибо этотъ способъ проведенія тепла, лучшій и простѣйшій въ отношеніи строительного искусства, есть самый трудный въ отношеніи религіозномъ; его невозможно привести въ исполненіе, не получивъ согласія оть всѣхъ подлежащихъ властей, для чего должно быть обсужденъо прежде, можно ли проламывать стѣну главнаго алтаря, не оскорбивъ религіозныхъ понятій православныхъ, не будетъ ли, при этомъ измѣненъ фасадъ собора, а все это потребуетъ переписки нѣсколькихъ мѣсяцевъ, между тѣмъ, какъ работы ведутся такимъ образомъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Успенскій соборъ будетъ вполнѣ отопленъ, если только не послѣдуетъ особыхъ, не зависящихъ оть меня, препятствій.

Есть еще и другое, высшей важности соображеніе. Чтобы подчиниться указаніямъ его высокопреосвященства м. Филарета, я добровольно вызвался, если мнѣ это будетъ разрѣшено, устроить отопленіе главнаго алтаря чрезъ отдѣленіе жертвенника, подъ полною мою отвѣтственностью.

Сей послѣдній способъ, изложенный въ моемъ донесеніи Коммиссії оть сего же числа, хуже того, который былъ предварительно обдуманъ мною и обсужденъ учеными совѣтами департамента проектовъ и смѣть и архитектурнымъ; онъ представляеть болѣе трудности въ своемъ исполненіи, требуетъ болѣе времени и издержекъ для приведенія его въ дѣйствіе, но онъ удовлетворяетъ религіознымъ требованиямъ, которымъ высокопреосвященный м. Филаретъ служить главнымъ представителемъ, и потому я вновь почтительнѣйше прошу Коммиссію дозволить мнѣ, если сіе возможно, подъ мою полною отвѣтственностью и безъ малѣйшаго уклоненія оть кондицій, устроить отопленіе главнаго алтаря по указанію его высокопреосвященства.

Копія съ донесенія инженеръ-капитана Быкова въ Комміссію отъ 27 Октября 1858 г.:

21 Октября я имѣлъ честь получить отъ канцеляріи Комміссіи копію съ отношенія его сіятельства предсѣдателя Комміссіи высокопреосвященнаго м. Филарета, съ тѣмъ, чтобы я представилъ по оному надлежащія объясненія, каковыя и спѣшу представить со всею возможною подробностію, дабы его высокопреосвященство и Комміссія изволили усмотрѣть, что довѣренное мнѣ отопленіе Успенскаго собора производится со всею обдуманностію, какой требуютъ и столь важная цѣль, и столь великая оказанная мнѣ довѣренность.

Его высокопреосвященство изволить изъявлять опасеніе о томъ, что вопросъ о числѣ проломовъ не былъ прежде мною ясно представленъ Комміссіи.

27 Мая текущаго года архитектурному совѣту благоугодно было предложить мнѣ разные вопросы относительно средствъ, какими я предполагаю сдѣлать теплымъ Успенскій соборъ. Въ числѣ сихъ вопросовъ одинъ относится къ тому, какими средствами я предполагаю сдѣлать теплыми алтари. Въ отзывѣ моемъ, отъ 9 Іюля текущаго года, отвѣчая подробно на всѣ предложенные мнѣ вопросы объ алтаряхъ, я имѣлъ честь донести слѣдующее: „для отопленія же алтарей въ каждомъ изъ нихъ будетъ сдѣлано по возврату, выходящему наравнѣ или немногого выше горизонта пола, а въ верхней части каждого изъ такихъ возвратовъ будетъ расположено по тепловой трубѣ, сообщенной съ тепловою камерою. Теплый воздухъ этой трубы уже самъ собою будетъ стремиться подняться кверху, но этому восхожденію, еще кромѣ того, будетъ содѣйствовать втягиваніе, производимое возвратами: такимъ образомъ отопленіе алтарей будетъ совершенно обеспеченнымъ“. Это предположеніе вмѣстѣ съ другими удостоилось одобренія архитектурнаго совѣта и Комміссіи.

Въ отношеніи его высокопреосвященства замѣчено, что неточно названы возвратами проломы, которые не только возвращаютъ изъ собора, но и вводятъ въ соборъ теплоту. Нѣть возможности не признать всей справедливости такого замѣчанія, но мое изобрѣтеніе еще такъ ново, что оно не можетъ имѣть совершенно правильной номенклатуры; даже теперь я затруднился бы дать правильное название отверстію, которое нижнею частію вытягиваетъ изъ собора воздухъ, а верхнею вводить въ соборъ тепло. Еще важнѣе замѣчаніе его высокопреосвященства, что три отдѣленія имѣютъ между собою сообщеніе; но отверстія, которыми сообщаются эти отдѣленія, недостаточны для того, чтобы,

отопивъ одно изъ нихъ, можно было бы съ увѣренностю ожидать, что сосѣднее отдѣленіе будетъ тоже теплымъ, и только въ этомъ смыслѣ я доносилъ Коммиссіи, что каждое изъ отдѣленій должно имѣть необходимо свое особенное отопленіе.

Его высокопреосвященство изволилъ изъявить сомнѣніе въ томъ, чтобы я могъ въ нѣсколько дней окончить работы въ главномъ алтарѣ, чѣмъ выражается слѣдующими словами: „но не понятно, какъ сіе можетъ быть исполнено, когда нужно будетъ отнять бархатное обложеніе стѣны и ступени сопрестолія, разрыть землю, окончить проломъ фундамента и высѣчь часть алтарной стѣны до двойной высоты человѣческаго роста“. Въ донесеніи моемъ Коммиссіи отъ 16 Октября, излагая приведеніе въ исполненіе прежде обдуманного мною и утвержденнаго департаментомъ проектовъ и архитектурнымъ совѣтомъ предположенія объ отопленіи алтарей, назначалось проломать изъ алтаря только стѣну въ 6 вершковъ толщиною на пространствѣ примѣрно около квадратнаго аршина, вставить въ верхнюю часть сего отверстія уже готовую тепловую трубу, съ временнымъ отнятіемъ скамей и подрѣзаніемъ оныхъ на 3 вершка высоты отъ полу. Обѣщаюсь произвести подобныя работы въ нѣсколько дней, я не сказалъ ничего такого, чѣмъ нельзя бы было исполнить въ таковой промежутокъ времени. Что же касается до высѣченія части алтарной стѣны до двойной высоты человѣческаго роста, то о семъ не упоминается въ моемъ донесеніи Коммиссіи. За недѣлю до сего донесенія, какъ въ ономъ значится, было обсужденіе средствъ, какимъ образомъ приличнѣе провести въ алтари теплый воздухъ, и при этомъ было сказано, что можно бы высѣчь для тепловой трубы часть алтарной стѣны, на что я отвѣчалъ, что прежде всего надобно знать, соизволить ли на сіе святый владыка: не имѣя въ виду такого соизволенія, я въ донесеніи моемъ предполагалъ устройство тепловаго душника безъ всякаго просѣченія стѣны, но просто приставя оный къ стѣнѣ.

Далѣе его высокопреосвященство замѣчаетъ, что я передалъ неправильно его слова. Для меня не можетъ быть никакого оправданія въ томъ, что, осмѣясь привести слова святаго владыки, я передалъ ихъ не точно такъ, какъ онъ были сказаны; но чтобы уменьшить, насколько возможно, мою вину, я позволю себѣ обратить вниманіе его высокопреосвященства на то обстоятельство, что смыслъ приведенныхъ мною словъ не очень много удаляется отъ тѣхъ, которыя онъ изволилъ помѣстить въ своемъ отношеніи. Въ словахъ, невѣрно мною приведенныхъ, особенное вниманіе его высокопреосвященства обратилось на неправильное названіе дверью узкаго и невысокаго отверстія,

покрытаго аркою, которымъ проходять изъ отдѣленія жертвенника въ главный алтарь, въ которомъ однакоже створчатой двери не имѣется. Какъ инженеръ, аркою я не могъ его назвать, ибо въ строительномъ искусствѣ аркою зовется только кругообразное, или, правильнѣе сказать, криволинейное покрытие отверстія между двумя вертикальными стѣнами; правильно я могъ бы назвать его только проходомъ, служащимъ для сообщенія двухъ отдѣленій, или двернымъ отверстіемъ. Но, проходя нѣсколько разъ вмѣстѣ съ другими этимъ путемъ изъ алтаря въ отдѣленіе жертвенника и обратно, я, слѣдя принятымъ въ общежитіи выраженіямъ, назвалъ его дверью,—это ошибка, но нѣть никакой возможности въ донесеніи, которое должно быть написано въ возможно кратчайшее время и въ которомъ единственою цѣллю имѣлось изложить дѣло такъ, чтобы мысль доносящаго была высказана сколь возможно яснѣе и понятнѣе, нѣть никакой возможности прибѣгать къ перифразамъ, безупречнымъ въ отношеніи точнаго означенія каждого предмета, но дѣлающимъ главную существенную мысль непонятною.

Его высокопреосвященство изволить замѣтить, что „если двумя теплопроводными отверстіями въ окнахъ признается возможнымъ наполнить теплотою огромное пространство всего собора, изъ котораго много теплоты уносить будуть куполы: то почему, кажется, не наполнить теплотою сравнительно небольшое пространство главнаго алтаря двумя или тремя путями изъ Петровскаго придѣла и изъ отдѣленія жертвенника, такъ что одно изъ отверстій будетъ открыто въ самый главный алтарь изъ трубы, проведенной въ отдѣленіе жертвенника?“ Два теплопроводныя отверстія, о которыхъ изволить упоминать его высокопреосвященство, въ настоящее время остаются совершенно открытыми, и простымъ измѣреніемъ на мѣстѣ можно убѣдиться, что каждое изъ нихъ имѣеть около двухъ квадратныхъ аршинъ, а оба въ совокупности 4 квадр. арш. или болѣе 1000 квадр. вершковъ. Для каждого изъ пяти алтарныхъ отдѣленій теплопроводъ назначается въ 80 квадр. вершковъ, чтѣ въ совокупности составить для всѣхъ 400 квадр. вершковъ. Если принять въ соображеніе, что труба, проводящая тепло въ алтари, имѣеть несравненно большее протяженіе (около 20 саж.), чѣмъ трубы, проводящія тепло въ церковь (около 4 саж.), если, кромѣ того, принять въ соображеніе, что трубы, проводящія тепло въ алтари, имѣютъ меньшую высоту, и слѣдовательно меньшую тягу, чѣмъ тѣ, которыя проводятъ тепло въ церковь: то становится яснымъ, что нѣть возможности уменьшить сумму общаго сѣченія оныхъ. Алтари имѣютъ пространство меньшее, чѣмъ церковь; но количество тепла, нужное для отапливанія какого нибудь пространства, зависитъ не отъ одного

кубического содержанія, но главнѣйше отъ квадратнаго содержанія стѣнъ, подвергенныхъ охладительному дѣйствію наружнаго воздуха, а таковыя стѣны алтарей составляютъ около третьей доли всѣхъ стѣнъ собора. Охладительное дѣйствіе куполовъ, конечно, велико; но изъ пяти таковыхъ куполовъ только три принадлежать самой церкви, два же находятся въ алтаряхъ.

Его высокопреосвященство въ своемъ отношеніи отъ 20 Октября изволилъ сказать: „если не будетъ трубы въ главный алтарь: то трубу въ отдѣленіи жертвенника нужно будетъ удвоить, но не учетверить, какъ сказано въ рапортѣ“ (Быкова).

Вышеприведенные слова, конечно, составляли бы математическую истину, еслибы, сообразно первоначальному проэекту, проводъ въ каждое изъ алтарныхъ отдѣленій оканчивался около внутренней поверхности алтарныхъ стѣнъ, но при предположеніи отопить главный алтарь черезъ отдѣленіе жертвенника, дѣло совершенно измѣняется: тепловая труба должна быть продолжена подъ поломъ сего отдѣленія, и потомъ, по тѣснотѣ мѣста, крутымъ (хотя и округленнымъ) колѣномъ, должна повернуть къ главному алтарю. Всѣмъ инженерамъ, на обязанности которыхъ лежитъ проведение жидкостей капельныхъ (какъ при водопроводахъ) и газообразныхъ, какъ при устройствѣ газопроводныхъ трубъ, паропроводящихъ трубъ и теплопроводныхъ, всѣмъ известно, что длина проводящей (капельную или газообразную жидкость) трубы, имѣеть главное влияніе на опредѣленіе ея сѣченія: чѣмъ труба длиннѣе, тѣмъ сѣченіе ея должно быть болѣе для достиженія той же цѣли; каждое крутое колѣно имѣеть почти тоже неблагопріятное влияніе, какъ и протяженіе трубы, ибо при каждомъ крутомъ колѣнѣ неизбѣжны удары жидкостей въ стѣны и перемѣшиваніе токовъ, вредящее требуемому полезному дѣйствію. Въ настоящемъ случаѣ есть еще одно особенное обстоятельство: теплопроводная труба должна быть протянута до главнаго алтаря, между тѣмъ какъ возвратная труба должна остановиться у внутренней поверхности алтарной стѣны, и такимъ образомъ теплый проводъ, естественно находящійся сверху возврата, необходимо закроетъ сей послѣдній, а слѣдовательно возвратное отверстіе должно быть сдѣлано уже не вдвое болѣе, а вчетверо болѣе, дабы оно могло вполнѣ удовлетворять своему назначенію.

Я ограничу этимъ мои объясненія, и да простить мнѣ святый владыка смиренность, съ которой я позволилъ себѣ противорѣчить ему; но къ особамъ, стоящимъ столь высоко, какъ его высокопреосвященство, уваженіе доказывается не безмолвнымъ согласиемъ, но почтительнымъ представлениемъ истины. Въ настоящемъ дѣлѣ я не могу думать

о моей личности, она необходимо должна изчезнуть совершенно въ важности дѣла; но отоплениѣ Успенскаго собора довѣрено мнѣ съ высочайшаго соизволенія, и потому на мнѣ лежитъ священная обязанность доказать, что я понимаю всю важность возложенной на меня довѣрности, что все производится обдуманно, и что я въ состояніи вполнѣ исполнить принятое мною обязательство.

Свидѣтельствомъ преданности моей къ архипастырю можетъ служить добровольно принятное мною обязательство въ 20 день Октября, когда я имѣлъ счастіе представляться къ его высокопреосвященству. Я принялъ, сообразно указаніямъ его высокопреосвященства, на свою отвѣтственность отоплениѣ главнаго алтаря чрезъ отдѣленіе жертвенника, съ проводомъ тепловой трубы въ углубленіе въ стѣнѣ, составляющемъ нынѣ шкафъ, и съ пробитіемъ отверстія въ золотомъ полѣ, находящемся подъ изображеніемъ святаго угодника, никакимъ образомъ не дотрагиваясь до самого изображенія.

Я отвѣщаю за успѣхъ дѣла десятью тысячами рублей, которыхъ остаются въ залогѣ до удостовѣренія, что принятія мною обязанности исполнены совершенно удовлетворительно; я отвѣщаю еще болѣе потерю доброго имени въ случаѣ, ежели бы дѣло не было совершено съ полнымъ успѣхомъ. Понимая всю важность подобной отвѣтственности, я тѣмъ не менѣе принимаю ее и берусь отопить главный алтарь сообразно указаніямъ его высокопреосвященства. Хотя я сознаю, что способъ этотъ хуже того, который былъ прежде составленъ и одобренъ учеными совѣтами, хотя и требуетъ болѣе соображеній, времени для исполненія, и будетъ стоить мнѣ болѣе издержекъ, но я радъ всѣмъ этимъ пожертвовать, лишь бы только исполнить волю нашего архипастыря. Смѣю надѣяться, что невозможно представить болѣе искренняго доказательства благоговѣнія къ святому владыкѣ, и что мнѣ будутъ прощены противорѣчія, которыхъ я не могъ не сказать, отвѣтствуя на порученное мнѣ дѣло и сознавая, что я его вполнѣ понимаю и имѣ владѣю.

Но я долженъ прибавить, что въ то время, когда я обязался предъ его высокопреосвященствомъ устроить отоплениѣ главнаго алтаря сообразно его указаніямъ, я не зналъ, что по этому предмету уже объявлена высочайшая воля; нынѣ же, зная это, я понимаю, что сужденіе о томъ, что я могу измѣнить и чего не могу, уже мнѣ не подлежитъ, и я могу только почтительнѣйше просить Комиссію разрѣшить мнѣ, если это возможно, подъ мою полною отвѣтственностью, отопить главный алтарь сообразно предначертаніямъ его высокопреосвященства.

* * *

Копія съ донесенія отст. кап. инженера Быкова въ Комиссію по построенію храма Христа Спасителя отъ 29 Октября 1858 г.:

27 Октября я имѣль честь получить отъ канцеляріи Комиссії копію съ отношенія м. Филарета къ его сіятельству г. предсѣдателю Комиссії съ тѣмъ, чтобы я донеся, дѣйствительно ли необходимо во время работъ по отопленію Успенскаго собора назначеніе военнаго караула.

По сію пору нигдѣ въ Успенскомъ соборѣ проломы не доведены до такой степени, чтобы они составляли сквозное отверстіе, и я буду прилагать все возможное стараніе, чтобы отдалить это настолько, сколько это будетъ совмѣстно съ условіемъ, чтобы въ Декабрѣ мѣсяцѣ Успенскій соборъ былъ вполнѣ отопленъ. Тѣмъ не менѣе нынѣ же я признаю военную стражу нeliшнею до совершенного окончанія работъ; по окончаніи же работъ въ семъ, конечно, не будетъ болѣе предстоять никакой надобности, ибо всѣ проходы со стороны синодального зданія будутъ закрыты рѣшетками изъ толстаго желѣза, въ алтаряхъ же и въ церкви будутъ тоже желѣзныя рѣшетки, хотя и болѣе легкія и притомъ нѣкоторыя створчатыя съ замками, чтобы можно было, въ случаѣ непредвидимой нынѣ нужды, попасть въ трубы. Это расположение, при которомъ въ трубы можно попасть только изъ самой церкви, конечно, представляетъ все возможное обеспеченіе. Мнѣ остается прибавить, что входъ къ печамъ будетъ устроенъ по желанію духовнаго начальства, или изъ самой комнаты сторожей Успенскаго собора, причемъ понадобится проламывать стѣну и для топки носить дрова со двора, чрезъ вышесказанную комнату,—такое расположение вполнѣ безопасно, но можетъ быть вредно для здоровья сторожей;—или изъ входа въ комнату сторожей, что можетъ быть проведено въ исполненіе безъ всякаго проламыванія, стѣнъ; выборъ будетъ зависѣть отъ духовнаго начальства.

* * *

Отъ 13 Ноября 1858 г. оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Толстой увѣдомлялъ м. Филарета:

Главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу имъ полученнаго отъ генералъ-адютанта гр. Закревскаго сообщенія о сдѣланномъ распоряженіи къ отопленію главнаго алтаря Успенскаго собора, не производя проломовъ въ стѣнахъ алтаря, но пропускомъ теплоты чрезъ отдѣленіе жертвенника (на что изъявлено и соглашеніе вашего высокопреосвященства) высочайше соизволилъ распоряженіе сіе

одобрить. Долгомъ поставляю сообщить о семъ вашему высокопреосвященству въ дополненіе къ отношенію моему оть 28 Октября за № 6718.

Отъ 17 Ноября 1858 г. гр. Закревскій писалъ владыкѣ:

Производящій устройство отопленія Московскаго Успенскаго собора инженеръ-капитанъ Быковъ 17 Ноября донесъ Коммиссіи, что подъ отдѣленіемъ одного изъ алтарей собора открылся значительный земляной провалъ, отъ которого могутъ произойти опасныя послѣдствія, почему Коммиссія нынѣ же поручила высочайше учрежденному при ней архитектурному совѣту произвести немедленное распоряженіе къ освидѣтельствованію означенаго провала и сдѣлать подробнѣе постановленіе, съ участіемъ довѣреннаго съ духовной стороны лица о положеніи того провала и о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты для отвращенія опасныхъ для сего послѣдствій.

Увѣдомляя о семъ выше высокопреосвященство, я, согласно съ заключеніемъ Коммиссіи, препровождаю въ копіи донесеніе капитана Быкова и покорнейше прошу о назначеніи довѣреннаго съ духовной стороны лица для присутствованія при означенномъ освидѣтельствованіи сдѣлать зависящее распоряженіе и почтить меня о томъ увѣдомленіемъ.

Копія съ донесенія инж. Быкова Коммиссіи оть 17 Ноября:

Честь имѣю донести Коммиссіи, что по проломъ стѣны въ отдѣленіи жертвенника, по направленію пролома, усмотрѣнъ неправильный провалъ, примѣрно аршинъ тринадцати длиною, вышинаю въ иныхъ мѣстахъ въ два, въ другихъ въ три и четыре аршина, и ширину столько же неправильную, какъ и вышина, отъ трехъ до пяти аршинъ. Такимъ образомъ половина пола этого отдѣленія держится на воздухѣ и, къ несчастію, тоже самое должно сказать о жертвенникѣ, который, весь сдѣланный изъ камня, представляетъ тяжелую массу въ нѣсколько сотъ пудовъ и можетъ рухнуть со дня на день.

Донося объ этомъ обстоятельствѣ Коммиссіи, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своею обязанностію представить на ея благоусмотрѣніе мое мнѣніе по сему предмету.

Не придавая преувеличенаго значенія настоящему факту, нельзя не признать, что онъ тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, при которыхъ одному лицу вѣрить нельзя, а потому я почтительнейше прошу Коммиссію назначить лица, какія она сочтетъ нужнымъ для того, чтобы онъ общѣ со мною могли осмотрѣть и засвидѣтельствовать существованіе такого провала и обслѣдовать причины онаго..

Трудно понять, отъ чего могъ произойти подобный провалъ; причины онаго, конечно, будутъ открыты лицами, которымъ поручено

будеть освидѣтельствованіе провала, до тѣхъ же порь я полагаю, что пространство подъ поломъ было наполнено органическими веществами, которыя, истлѣвъ, произвели оказавшуюся пустоту; подобное мнѣніе можетъ имѣть нѣкоторую опору въ томъ, что при выемкѣ земли для теплопроводныхъ трубъ, пройдя глубину трехъ аршинъ, мнѣ пришлось вынимать цѣлые слои обгорѣлой ржи.

Но если этотъ провалъ произошелъ не отъ подобной причины, а отъ другой, какъ напримѣръ, отъ осадки земли, тогда случай становится чрезвычайной важности и требуетъ особыхъ мѣръ.

Впрочемъ я полагаю, что открытие подобного провала есть событіе благодѣтельное: ибо одинъ разъ какъ онъ извѣстенъ, можно принять мѣры къ отвращенію тѣхъ страшныхъ послѣдствій, которыя были бы неизбѣжны, если бы жертвенникъ и полъ рухнули во время богослуженія.

Я долженъ еще представить Коммиссіи, что для того, чтобы можно было освидѣтельствовать провалъ, необходимо снять полъ въ одной половинѣ отдѣленія жертвенника. Движеніе, которое при этомъ произойдетъ въ каменной кладкѣ, можетъ повлечь за собою прежде всего паденіе жертвенника, а затѣмъ и остального пола, и потому я покорнѣйше прошу Коммиссію разрѣшить мнѣ, или кому она прикажетъ, разобрать жертвенникъ; издержки, необходимыя на столь непредвидѣнный случай, не могутъ входить въ счетъ той суммы (тридцать одной тысячи рублей серебромъ), за которую я взялся устроить отопленіе Успенского собора.

Впрочемъ, не смотря на случай, о которомъ я имѣю честь доносить, я буду работы продолжать по прежнему, съ тою цѣлію, чтобы въ Декабрѣ мѣсяцѣ настоящаго года отопленіе Успенского собора было вполнѣ окончено; ибо событіе, о которомъ я имѣю честь доносить, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которая могутъ только нѣсколько замедлить устройство отопленія, но никоимъ образомъ не могутъ остановить его.

На отношеніе ген.-губ. Закревскаго м. Филаретъ отвѣчалъ отъ 18 Ноября 1858 г.:

„Въ соотвѣтствіе отношенія вашего сіятельства отъ 17 Ноября № 853 о назначеніи довѣреннаго съ духовной стороны лица для присутствованія при освидѣтельствованіи усмотрѣннаго въ Успенскомъ соборѣ, подъ отдѣленіемъ жертвенника, провала, положено мною слѣдующее.
1) Къ предполагаемому освидѣтельствованію открытаго въ Успенскомъ соборѣ подъ отдѣленіемъ жертвенника провала депутатомъ съ духовной стороны назначить сакелларія Петра Виноградова. 2) Поелику пред-

полагается снять полъ въ одной половинѣ отдѣленія жертвенника, чтò, по отзыву инженера, можетъ повлечь за собою прежде всего паденіе жертвенника: то жертвенникъ разоблачить въ присутствіи протопресвитера и обоихъ сакелларіевъ и тщательно осмотрѣть, не окажется ли при томъ предметовъ требующихъ особенного сохраненія, и таковые удалить и помѣстить по приличію. 3) Въ тоже время по той же причинѣ удалить съ него двѣ иконы съ кивотами, изъ которыхъ одна стоитъ за жертвенникомъ, а другая при стѣнѣ. 4) Мѣсто мощей святителя Петра со стороны отдѣленія жертвенника закрыть тщательно приличною плотною завѣсою. Подобнымъ образомъ закрыть арки въ главный алтарь. 5) Затѣмъ допустить разобрать жертвенникъ и матеріаль его вынести и положить въ приличномъ мѣстѣ отдѣльно отъ другихъ матеріаловъ. 6) Послѣ сего допустить разбораніе пола и чтò далѣе необходимо потребуется. 7) Для продолженія священнослуженія устроить временный жертвенникъ въ одной изъ вышеуказанныхъ арокъ, преимущественно въ восточной. 8) Для охраненія святыни учредить чередованіе соборныхъ священно-церковно-служителей во время работъ въ соборѣ. 9) Какъ дѣло не требуетъ медленія, то сіе распоряженіе объявить непосредственно протопресвитеру къ немедленному исполненію⁴.

Отъ 22 Ноября 1858 г. гр. Закревскій писалъ м. Филарету:

Высочайше утвержденный при Коммиссіи для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя архитектурный совѣтъ, по освидѣтельствованіи на мѣстѣ при депутатѣ съ духовной стороны оказавшагося подъ отдѣленіемъ жертвенника Московскаго Успенскаго собора землянаго провала, нашелъ, что онъ произошелъ, вѣроятно, отъ разрушившихся отъ времени бывшихъ въ семъ мѣстѣ склеповъ и что, для избѣжанія вредныхъ послѣдствій, необходимо разобрать съ возможными мѣрами предосторожности надъ симъ проваломъ полъ въ отдѣленіи жертвенника и самъ жертвенникъ, и устроить подъ проваломъ надлежащей сводъ, по которому вновь настлать полъ. А такъ какъ работы эти требуются произвести безъ малѣйшаго отлагательства, дабы не произошло затрудненія или даже замедленія въ самомъ устройствѣ отопленія собора, то Коммиссія поручила немедленное исполненіе оныхъ тому же инженеру-капитану Быкову, принявшему на себя все вообще устройство отопленія собора подъ наблюдениемъ архитектора Коммиссіи.

Сообщая о семъ мнѣніи архитектурного совѣта и распоряженіи Коммиссіи вашему высѣту, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, для допущенія къ немедленному производству вышеозначенныхъ работъ въ отдѣленіи жертвенника собора,

датъ, кому слѣдуетъ, предписаніе и почтить меня о томъ своимъ увѣдомленіемъ.

23-го Ноября митрополитъ увѣдомилъ гр. Закревскаго, что о допущеніи къ немедленному разобранію пола у жертвенника и къ устройству надъ проваломъ надлежащаго свода нынѣ же объявлено Успенскому протопресвитеру.

29-го ноября депутатъ съ духовной стороны сакелларій П. Виноградовъ представилъ митрополиту кошю съ составленнаго архитектурнымъ совѣтомъ, по освидѣтельствованію открытія въ Успенскомъ соборѣ подъ отдѣленіемъ жертвенника провала, журнала слѣдующаго содержанія.

Слушали переданное изъ Коммиссіи для построенія храма Христа Спасителя въ копіяхъ постановленіе Коммиссіи отъ 17-го Ноября, состоявшееся по случаю открывшагося земляного провала подъ отдѣленіемъ одного изъ алтарей Успенского собора, каковымъ постановленіемъ предложено совѣту означенный провалъ освидѣтельствовать въ присутствіи депутата съ духовной стороны и сдѣлать заключеніе о тѣхъ способахъ, кои должны быть приняты для предохраненія алтаря отъ опасныхъ послѣдствій, и 2) отношеніе м. Филарета на имя предсѣдателя Коммиссіи о назначеніи депутатомъ съ духовной стороны для предложенаго освидѣтельствованія означенного провала сакелларія Петра Виноградова. Архитектурный совѣтъ, по выслушаніи сего и по освидѣтельствованії, вмѣстѣ съ означенными съ духовной стороны депутатомъ сакелларіемъ Петромъ Виноградовымъ, открывшагося въ Успенскомъ соборѣ подъ отдѣленіемъ жертвенника провала, находитъ, что онъ вѣроятно произошелъ отъ разрушившихся отъ времени, бывшихъ въ семъ мѣстѣ, склеповъ; для избѣжанія же вредныхъ послѣдствій совѣтъ призналъ необходимымъ: разобрать со всевозможными мѣрами предосторожности надъ симъ проваломъ полъ въ отдѣленіи жертвенника и самый жертвенникъ, и устроить надъ проваломъ надлежащей сводъ, по коему вновь настлать полъ. Эти работы должны быть произведены съ большою осторожностью и тщательностью, при особомъ наблюденіи довѣренного отъ Коммиссіи лица и за отвѣтственностью исполнителя работъ. Такъ какъ работу слѣдуетъ произвести безотлагательно, то совѣтъ полагалъ бы возложить на архитектора, который будетъ назначенъ для наблюденія, составить смету по ходу работъ и по справочнымъ современнымъ цѣнамъ, а того, кто будетъ исполнять работу, обязать подпискою объ уступкѣ известнаго процента съ сметной суммы. Всѣдѣствіе сего совѣтъ полагаетъ просить его превосходительство барона Андрея Ивановича сообщить о семъ заключеніи Коммиссіи для

построенія храма Христа Спасителя, а депутату съ духовной стороны дать копію съ сего журнала.

Отъ 2-го Декабря 1858 г. гр. Закревскій писалъ къ владыкѣ митрополиту:

Производящій устройство отопленія Московскаго Успенскаго собора отст. инж.-кап. Быковъ нынѣ доводить до свѣдѣнія Коммиссіи, что работы по сему предмету приходятъ уже къ совершенному окончанію, и печи постепенно для просушки отапливаются.

А какъ въ 4 пунктѣ заключеннаго съ Быковымъ 3-го Сентября, по высочайшему соизволенію, контракта, опредѣлено, чтобы на отопленіе собора во все время года употреблять березовыхъ сухихъ одиннадцати—вершковой длины дровъ не болѣе 80 квадратныхъ сажень лучшей кладки, то имѣя сіе въ виду, я нужнымъ счель уведомить васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, о существѣ донесенія капитана Быкова, на тотъ конецъ, не изволите ли признать благовременнымъ сдѣлать зависящее распоряженіе относительно заготовленія для отопленія собора во все холодное время года, предположеннаго количества и качества дровъ; а также назначенія одного истопника, который бы въ теченіе нѣкотораго времени могъ приспособить себя, при указаніи Быкова, къ правильному уходу за топкою печей, устроенныхъ въ Синодальномъ зданіи.

10-го Февраля 1859 г. гр. Закревскій писалъ владыкѣ: Инженеръ-капитанъ Быковъ, производящій по высочайшей волѣ устройство отопленія Успенскаго собора, 4 Февраля, донося Коммиссіи, что сдѣланная имъ, просушеннная постепенно, печи доставляютъ уже въ соборъ предложенную мѣру тепла и исполняются всѣ прочія условія договора, кромѣ ризницы, температура коей еще не установилась въ уровень съ другими частями собора, а также нѣкоторыхъ остающихся мелочныхъ исполненій въ работахъ, просить сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствованіи собора.

Присутствіе Коммиссіи, по разсмотрѣніи обстоятельствъ этого дѣла, 10-го Февраля признало своеевременнымъ приступить нынѣ къ означенному формальному освидѣтельствованію собора и положило исполнить оное чрезъ гг. членовъ своихъ—сенаторовъ Дмитрия Дмитріевича Ахлестышева и Александра Ивановича Казначеева, при участіи отъ архитектурного совѣта предсѣдателя его инженеръ генералъ-маіора барона Дельвига и со стороны духовной депутата.

Увѣдомляя о семъ ваше вы-ство, я, согласно съ помянутымъ заключеніемъ Коммиссіи, покорнѣйше прошу назначить довѣренное съ

духовной стороны лицо для присутствія при таковомъ освидѣтельствованіи собора и о назначеніи такового лица меня увѣдомить.

Отъ 11-го Февраля 1859 г. м. Филаретъ увѣдомилъ гр. Закревскаго, что довѣреннымъ съ духовной стороны лицемъ для присутствія при освидѣтельствованіи устройства отопленія Успенскаго собора назначень протопресвитеръ Успенскаго собора, о чмъ ему объявлено.

Отъ 26-го Февраля 1859 г. протопресвитеръ Успенскаго собора Дим. Новскій доносилъ м. Филарету: При освидѣтельствованіи устройства отопленія собора, производившемся 16-го и 20-го числа Февраля чрезъ членовъ комиссіи для постройки храма Христа Спасителя г.-лейтенанта Д. Д. Ахлестышева, т. с. А. Н. Казначеева и предсѣдателя архитектурнаго совѣта барона Дельвига, по назначенію вашего высокопреосвященства я находился въ качествѣ депутата съ духовной стороны. Въ тотъ и другой день температура въ соборѣ была выше 12-ти, а въ ризницахъ 6-ть градусовъ тепла. Воздухъ въ соборѣ оказался чистымъ и легкимъ, внутреннія стѣны сухими, стѣнопись собора нисколько не поврежденною. Самыя работы по отопленію собора свидѣтельствовавшіе признали произведенными прочно изъ хорошихъ матеріаловъ; замѣчено только поврежденіе штукатурки на контрафорсахъ, устроенныхъ снаружи собора для теплопроводовъ. Неоконченнымъ работамъ, какъ внутри, такъ и внѣ собора, составлена вѣдомость, но о времени окончанія сихъ работъ свидѣтельствовавшіе въ сужденіе не входили, хотя я съ своей стороны представлялъ надобность поспѣшить окончаніемъ работъ въ четырехъ отдѣленіяхъ алтаря. По свѣдѣніямъ, полученнымъ свидѣтельствовавшими отъ производящаго отопленіе собора инженеръ-капитана Быкова, на отопленіе оного донынѣ употребляется въ день отъ полуторы до двухъ саженъ березовыхъ дровъ, каковое количество оказалось много превышающимъ то, которое причитается на день изъ предположенныхъ договоромъ 80-ти саженъ въ годъ. Но Быковъ прибавляетъ отъ себя объясненіе, почему въ настоящее время должно быть употребляемо гораздо большее, противъ предположенного, количество дровъ, и его объясненіе свидѣтельствовавшими признано уважительнымъ, а въ удостовѣреніе того, что на будущее время достаточно будетъ для отопленія собора предположенныхъ 80-ти саженъ, Быковъ представилъ, что въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ отопленіе собора принимаетъ на себя съ полученіемъ денегъ только за 80-ть саженъ въ годъ, на что свидѣтельствовавшіе изъявили свое согласіе. Затѣмъ ими предположено выдать Быкову деньги, сколько по ихъ соображеніямъ слѣдуетъ, и съ прописаніемъ всего вышеизложеннаго въ большей подробности составленъ актъ освидѣтельствованія. Какъ въ семъ

актъ заключается многое, что находится въ предѣловъ возложенного на меня порученія, а о томъ, что я предлагалъ словесно относительно неоконченныхъ работъ, призналь нужнымъ объяснить и письменно: то означенный актъ я подписаль съ присовокупленіемъ отъ себя объясненія, и копію съ сей моей подписи долгомъ поставляю нижайше представить на благоусмотрѣніе.

Копія. При освидѣтельствованіи собора былъ и вполнѣ подтверждало то, что говорится въ семъ актѣ о настоящемъ состояніи температуры въ соборѣ, о легкости и чистотѣ воздуха, о сухости внутреннихъ стѣнъ, о томъ, что стѣнопись собора при производствѣ работъ осталась неприкосновенною, и также признаю, что нѣть надобности, чтобы въ ризницахъ температура была выше 6-ти градусовъ, естьли при сей степени тепла можно будетъ избѣжать сырости. Но относительно неоконченныхъ внутри собора, и особенно въ четырехъ отдѣленіяхъ алтаря, работъ, я съ своей стороны долгомъ поставляю присовокупить, что это для собора имѣеть значительную важность, потому что до окончанія сихъ работъ не можетъ производиться служеніе въ двухъ придѣлахъ собора, а въ одномъ изъ нихъ, Петропавловскомъ, съ наступленія поста настоитъ надобность служить каждую Субботу. Да и въ новомъ алтарѣ въ отдѣлѣніи жертвенника до окончанія работъ не могутъ быть поставлены на свое мѣстѣ жертвенникъ и принадлежащій къ нему иконостасъ съ иконами, а таковое положеніе алтаря и неудобно для служенія и неблаговидно, и потому торжественныя служенія въ соборѣ не совершаются. Что касается до того, что производящій устройство отопленія собора инженеръ-капитанъ Быковъ въ доказательство того, что на будущее время для отопленія собора достаточно будетъ предположенныхъ 80-ти саженъ, въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, принимаетъ отопленіе собора на себя съ получениемъ денегъ только за 80 квадратныхъ саженъ березовыхъ дровъ въ годъ: то я безъ разрѣшенія начальства входить о семъ въ сужденіе не могу, а сужденіе о другихъ, предполагаемыхъ симъ актомъ распоряженіяхъ, почитаю ко мнѣ не относящимся.

Отъ 27-го Февраля 1859 г. его в-ство писалъ гр. Закревскому:

„Отъ протопресвитера Успенского собора имѣю свѣдѣніе, что произведено освидѣтельствованіе работъ по устроенію отопленія Успенского собора, и что не опредѣлено еще время совершенного окончанія оныхъ.

Одно изъ затрудненій есть то, что за неокончаніемъ работъ въ алтарѣ Петропавловского придѣла не совершается въ семъ придѣлѣ служеніе раннихъ литургій, нужное для причастниковъ.

Но гораздо важнѣйшее затрудненіе проиходитъ отъ неокончанія работы въ отдѣленіи жертвенника при главномъ престолѣ. Временный жертвенникъ по нуждѣ поставленъ въ самомъ главномъ мѣстѣ, что не сообразно съ древнимъ устройствомъ, неблаговидно и неудобно для соборныхъ служеній.

Въ великой Четверткѣ, Пятокѣ, Субботу и въ день Пасхи всегда совершились соборныя архіерейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ, когда онъ былъ холодный. Тѣмъ паче необходимо, чтобы онъ совершились въ немъ и нынѣ.

Но сему предшествовать должно поставленіе новаго жертвенника въ принадлежащемъ ему отдѣленіи и освященіе онаго; а также и для всего собора по освященіи воды окроцленіе съ молитвою. Сіе нужно совершить тоже соборнымъ служеніемъ въ недѣлю Ваій, чтобы удобно было совершить служеніе въ великой Четверткѣ, продолжительное и безъ особыхъ прибавленій.

Долгомъ поставляю покорнѣйше просить вниманія вашего сіятельства къ такому стечению обстоятельствъ и принять мѣры, чтобы работы въ Успенскомъ соборѣ окончены были къ недѣлѣ Ваій, къ пятому дню Апрѣля⁴.

Отъ 27-го Февраля 1859 г. гр. Закревскій писалъ м. Филарету:

Предоставленное, по высочайшему соизволенію, отставному инженеру-капитану Быкову, устройство по изобрѣтенной имъ системѣ отопленія Московскаго Успенскаго собора нынѣ совершенно окончено и по произведеному формальному освидѣтельствованію собора чрезъ членовъ Комиссіи, сенаторовъ: Ахлестышева и Казначеева, предсѣдателя архитектурнаго совѣта барона Дельвига, при депутатѣ съ духовной стороны, 16-го и 20-го Февраля, подтверждается составленнымъ актомъ, что при 9° и 15° наружной температурѣ,—въ соборѣ оказалось по Реомюру 12^{1/7} и 12^{1/2} градусовъ тепла, безъ народа, въ алтарѣ 13, а въ ризницахъ 6 градусовъ; при этомъ воздухъ во всѣхъ частяхъ храма чистъ, легокъ, стѣны совершенно сухи, и не оказалось поврежденій въ живописи, и во всемъ прочемъ по внутренности собора, кромѣ того, произведенныя Быковымъ работы исполнены изъ хорошихъ материаловъ, прочно, во всемъ соотвѣтствуютъ своей цѣли, и вообще признается, что изобрѣтенная капитаномъ Быковымъ система отопленія весьма полезна и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительна.

Присутствіе Комиссіи, при внимательномъ разсмотрѣніи акта означенаго освидѣтельствованія, признало оное во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ и основательнымъ, а по сравненіи изложенныхъ результа-

товъ съ силою контракта, на этотъ предметъ заключеннаго, оказалось, что сущность обязательства Быкова исполнена совершенно удовлетворительно. Что же касается до невставленныхъ еще въ отверстія тепло-проводовъ и возвратовъ желѣзныхъ рѣшетокъ и другихъ незначительныхъ работъ, то это замедленіе, по удостовѣренію Быкова и отзыву гг. свидѣтельствовавшихъ, происходитъ единственно изъ предосторожности, чтобы не уменьшить прежде временно токовъ входящаго въ соборъ и выходящаго изъ онаго воздуха, и тѣмъ самымъ упрочить улучшеніе отопленія и провѣтриванія; а температуру ризницы, дошедшую до 6 градусовъ тепла, Быковъ обязывается довести до условленной степени, хотя, по мнѣнію гг. свидѣтельствовавшихъ и отзыву духовенства, теперешня температура весьма для нихъ достаточна; когда же сдѣлается въ ризницѣ, вместо глухой желѣзной двери, рѣшетчатая, то температура въ ней можетъ еще возвыситься сама собою. Всѣдѣствіе сего Комиссія опредѣлила: обязать Быкова подпиською: а) въ своевременномъ возвышениіи температуры ризницы; б) въ возможномъ ускореніи, согласно предложенію депутата съ духовной стороны, окончанію всѣхъ оставшихся неисполненными мелочными работъ, и в) въ передѣлкѣ въ лѣтнее время штукатурки наружныхъ теплопроводовъ и трубъ.

И какъ за симъ окончательнымъ распоряженіемъ обязанность Комиссіи въ наблюденіи за устройствомъ отопленія Успенскаго собора совершенно оканчивается, за исключеніемъ только послѣдующаго осмотра оставшихся несдѣлаными показанныхъ незначительныхъ работъ, то, согласно съ заключеніемъ общаго присутствія Комиссіи, поднеся обѣ успѣхъ устройства означенного отопленія Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопреосвященству коцію съ составленного по произведеному свидѣтельству собора акта и покорнѣйше просить о сдѣланіи зависящаго отъ вашего вы-ства распоряженія къ предоставленію Быкову въ теченіе двухъ слѣдующихъ зимъ отопленія Успенскаго собора на предложенныхъ имъ условіяхъ, показанныхъ въ актѣ, съ тою собственно цѣлью, чтобы въ это время истопники, поставленные отъ духовнаго начальства, могли настоящимъ образомъ пріучиться къ дѣлу и чтобы получилась полная увѣренность, что при устроенныхъ въ Успенскомъ соборѣ печахъ не потребуется во все холодное время года болѣе 80 квадратныхъ саженъ сухихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковой длины, лучшей укладки, для поддержанія въ соборѣ условленной температуры, съ тѣмъ только, что обязательство это, въ случаѣ смерти Быкова, не должно относиться до его наслѣдниковъ. Сверхъ того, такъ какъ и свидѣтельствовавшіе соборъ, равно архитекторъ

Коммиссії и контролеръ признаютъ необходимымъ, чтобы двѣ комнаты надь печами въ зданіи Синодальной Конторы оставались навсегда не занятими, съ одной стороны по неудобству для живущихъ отъ сильно возвышенной температуры, а съ другой потому, что поверхность самыхъ печей должна быть для всегдашняго необходимаго наблюденія за ними непремѣнно открыта, чего при деревянной настилкѣ половъ достигнуть будеътъ невозможно, то такое важное замѣчаніе, признанное присутствіемъ Коммиссії весьма правильнымъ и полезнымъ, имѣю честь также отнести на благоусмотрѣніе и зависящее распоряженіе вашего высокопреосвященства.

Копія съ освидѣтельствованія Успенского собора:

Первое освидѣтельствованіе работъ отставного инженеръ-капитана Быкова по отопленію Успенского собора въ Москвѣ было произведено нами 16-го Февраля. При наружной температурѣ— 9° по Реомюру температура внутри собора была $+12\frac{1}{4}^{\circ}$, въ алтарѣ $+13^{\circ}$, въ ризницѣ 6° . Второе освидѣтельствованіе было произведено 20-го Февраля: при наружной температурѣ— 15° , температура внутри собора была $+12\frac{1}{2}^{\circ}$, въ алтарѣ $+13^{\circ}$, въ ризницѣ 6° . При обоихъ свидѣтельствахъ воздухъ во всемъ храмѣ найденъ былъ чистый, сухой и легкій. При началѣ топки собора 23-го Декабря 1858 года, внутри онаго, по показанію генералъ-маіора барона Дельвига, было— $2\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру, стѣны были холодныя, и внутренность куполовъ и части стѣнъ покрыты толстымъ слоемъ инея. Быковъ увеличивалъ постепенно температуру собора, довелъ ее до вышеозначенной степени безъ всякаго поврежденія въ живописи и во всемъ прочемъ во внутренности собора. Въ договорѣ, заключенномъ съ Быковымъ, температура должна быть въ соборѣ выше $+11^{\circ}$, а въ ризницахъ около $+10^{\circ}$. Слѣдовательно относительно собора Быковъ вполнѣ достигъ уже пред назначенной цѣли. Относительно же ризницы Быковъ полагаетъ, что современемъ и въ оной температура достигнетъ $+10^{\circ}$; но въ этомъ, согласно показанію соборнаго духовенства, не предстоитъ особой надобности. Впрочемъ во всякомъ случаѣ достижение въ ризницахъ означенной температуры не будетъ представлять затрудненія, если желѣзную глухую дверь, ведущую въ ризницу, замѣнить таковою же рѣшетчатою. Относительно прочности постройки печей, трубъ отъ оныхъ до собора, равно всѣхъ другихъ работъ принятыхъ Быковымъ, то по наружности оказываются онѣ прочными и цѣли своей соотвѣтствующими. Сверхъ того старшій архитекторъ Каминскій, постоянно наблюдавшій за ихъ производствомъ, свидѣтельствуетъ также о хорошемъ качествѣ материаловъ и прочности всѣхъ произведенныхъ работъ. Можно замѣтить только одно то,

что штукатурка на пиластрахъ, пристроенныхъ къ стѣнамъ храма для пропуска въ нихъ теплого воздуха, и по дымовой трубѣ была произведена въ зимнее время и потому, при наступлѣніи теплого времени можетъ повредиться; но Быковъ обязывается немедля ее исправить, въ чемъ и предлагается обязать его подпискою, равно и въ производствѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ работъ, еще имъ не оконченныхъ на сумму до 180 руб. (которыхъ вѣдомость, составленная контролерами Коммиссіи, полковникомъ Ильинскимъ и старшимъ архитекторомъ Каминскимъ, при семъ прилагается). По договору, заключенному съ Быковымъ, на отоплѣніе собора во все холодное время года, постоянно поддерживая въ немъ температуру до $+ 11^{\circ}$, должно быть употребляемо березовыхъ сухихъ дровъ 11-ти вершковой длины не болѣе 80 квадратныхъ сажень лучшей кладки. До сего времени употреблялось на отопку печей въ сутки отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саженъ означенныхъ дровъ, что превышаетъ болѣе, чѣмъ вдвое, количество дровъ, назначенное по договору; но Быковъ обязался употреблять показанное въ договорѣ количество дровъ, предполагая начать отопку собора при лѣтней температурѣ; между тѣмъ, какъ выше объяснено, эта топка начата 23-го Декабря при температурѣ въ соборѣ отъ— $2\frac{1}{2}$ по Реомюру, а потому необходимо было согрѣть промерзшія стѣны собора и ихъ высушить. Быковъ представилъ докладную записку, изъ которой видно, что излишнее противъ договора количество дровъ было употреблено имъ именно на означенныя нагреваніе и осушку стѣнъ собора. И положеніе, сдѣланное въ этой запискѣ, признается нами правильнымъ. Сверхъ того вытяжная труба, имѣющая въ сѣченіи 2 квадратныхъ сажени, до сего времени остается постоянно открытою для выпуска остатковъ сыраго и вообще дурного воздуха изъ собора. По просушкѣ онаго, эта труба будетъ открываться только при большомъ стечениі народа, а въ остальное время будетъ закрыта, что произведетъ значительное сбереженіе топлива. Сверхъ того Быковъ въ докладной запискѣ изъясняетъ просьбу свою о томъ, чтобы ему дозволено было топить соборъ въ продолженіе двухъ слѣдующихъ зимъ, съ платою за 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ въ 11 вершковъ, по современнымъ справочнымъ цѣнамъ и по 10 руб. въ мѣсяцъ на истопника. Таковое предложеніе Быкова мы находимъ полезнымъ для того, чтобы въ это время поставленные отъ духовнаго вѣдомства истопники могли пріучиться къ дѣлу, и чтобы всѣ получили полную увѣренность въ томъ, что при устроенныхъ Быковымъ печахъ не потребуется во все холодное время года болѣе 80 сажень означенныхъ дровъ; при чемъ поставить Быкову въ обязанность поддерживать температуру въ соборѣ не менѣе $+ 11^{\circ}$ по Реомюру и принять на себя производство ремонтныхъ исправленій по отопленію, на что онъ изъ-

явили свое согласие и за заготовленные старостою Успенского собора дрова онъ готовъ уплатить по цѣнѣ, въ которую обошлось это заготовление.

Переходя къ сравненію топлива, употребляемаго печами, изобрѣтанными Быковымъ, съ употребляемыми Голландскими и Аммосовскими печами, мы приходимъ къ слѣдующему результату. На отоплѣніе 20-ти кубическихъ сажень внутренняго пространства до температуры 14° полагается въ зимнее время по Св. Зак. трехполѣнныхъ дровъ 1 саж. 1 арш. $3\frac{2}{3}$ верш. Это количество, превращенное въ вѣсъ по причинѣ качества этихъ дровъ въ продажѣ, составляетъ около 300 пуд., а слѣдовательно на каждую сажень внутренней вмѣстимости потребовалось бы 15 пудовъ, а на весь соборъ до 30,000 пудовъ, полагая же въ обыкновенной, длиною 11 вершк. сажени хорошаго качества дровъ по 75 пуд., потребовалось бы 400 саж., т. е. впятеро болѣе, чѣмъ при печахъ Быкова. При Аммосовскихъ печахъ хорошаго устройства идетъ на каждую кубическую сажень 6 пуд. лучшихъ сухихъ березовыхъ дровъ, а слѣдовательно потребовалось бы на отоплѣніе собора во все холодное время года 12,000 пуд., составляющихъ 160 квадр. саж. или вдвое болѣе противу печей г. Быкова. Но эти расчеты приняты при кирпичныхъ стѣнахъ, а такъ какъ проходить тепла чрезъ известковый камень, изъ котораго сложены стѣны собора, относится къ таковому же чрезъ кирпичъ, какъ 25 къ 15: то дѣйствительно потребовалось бы при Голландскихъ печахъ не 400, а $666\frac{2}{3}$, а при Аммосовскихъ не 160, а $266\frac{2}{3}$ сажень. На возвышеніе температуры отъ $+11^{\circ}$, назначенныхъ Быковымъ, до $+14$ обыкновенной температуры комнатъ, потребовалось бы ежедневно въ печахъ Быкова около пуда дровъ и слѣдовательно во всю зиму составляло бы весьма незначительное количество дровъ, такъ что опредѣлительно можно сказать, что при Голландскихъ потребовалось бы слишкомъ въ 8, а при Аммосовскихъ въ 3 раза болѣе, чѣмъ въ печахъ Быкова.

За симъ остается намъ выразить, что успѣхъ пчей, устроенныхъ въ Успенскомъ соборѣ, вполнѣ удовлетворителенъ и прибавить къ этому, что такъ какъ Быковъ отапливала въ текущую зиму соборъ на свой счетъ (чего по договору не было поставлено ему въ обязанность), то мы полагаемъ правильнымъ уплатить ему и за сей годъ за 80 саж. дровъ; сверхъ того, такъ какъ Быковымъ задѣланъ провалъ, образовавшійся въ отдѣленіи жертвеннника, и эта работа не входила въ его обязанность, то предоставить ему представить въ Комиссію ємыту издержкамъ на задѣлку этого провала, по которымъ уплатить ему деньги, предварительно препроводивъ смѣту на разсмотрѣніе и повѣрку

установленнымъ порядкомъ. Что касается до выдачи остальной трети денегъ, слѣдующихъ Быкову по договору, то мы полагаемъ возможнымъ теперь же произвести эту выдачу, оставивъ до окончанія работъ деньги, которыхъ причтууть Быкову за работы по задѣлкѣ провала, а равно и за дрова, употребленныя въ семь году для отопки собора. На подлинномъ подписали членъ Комиссіи: Дмитрій Ахлестышевъ, А. Казначеевъ, предсѣдатель архитектурнаго совѣта инженеръ-г.-маиръ баронъ Дельвигъ.

Отъ 2-го Марта 1859 г. графъ Закревскій писалъ владыкѣ-митрополиту:

Изъ отношенія моего отъ 27-го минувшаго Февраля ваш. выс-ву известно, что на непремѣнную обязанность Быкова возложено уже возможное ускореніе окончанія оставшихся не сдѣланными нѣкоторыхъ мелочныхъ работъ по устройству отопленія Московскаго Успенскаго собора, а также вставки рѣшетокъ въ отверстія теплопроводовъ и возвратовъ въ алтарѣ и соборѣ, и что это замедленіе происходитъ единственно для улучшения и упроченія самаго отопленія и провѣтриванія.

А нынѣ, вслѣдствіе отношенія ваш. выс-ства отъ 27-го Февраля, по распоряженію моему потребовано отъ Быкова, чтобы исполнилъ всѣ вообще работы по собору, какія только остаются неоконченными наружно и внутренно къ опредѣленному времени, и полагать должно, что всѣ эти работы окончены имъ будуть, согласно желанію вашего выс-ства, къ началу будущаго Апрѣля мѣсяца.

Отъ 19-го Марта Московскій комендантъ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ писалъ митрополиту:

Предсѣдатель комиссіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя Москв. воен. г.-губер. отъ 27-го Октября 1858 г. согласно отзыва вашего высокопреосвященства предписалъ мнѣ сдѣлать распоряженіе о назначеніи къ Успенскому собору, по случаю производства въ ономъ работъ, нужное число часовыхъ, вслѣдствіе сего съ Октября того же года и учреждены три поста: 1-й у крыльца Синодальнаго дома, 2-й при входѣ въ Успенскій соборъ съ сѣверной стороны и 3-й въ зданіи Синодальнаго дома, гдѣ устраиваются печи.

Но какъ работы въ Успенскомъ соборѣ, что видно изъ предписанія его сіятельства, должны быть кончены еще въ Ноябрѣ прошлаго года, то по сему имѣю честь просить ваш. выс-ство почтить меня своимъ увѣдомленіемъ, имѣется ли въ настоящее время въ помянутыхъ часовыхъ надобность и когда оные можно будетъ снять.

Резолюція его высокопреосвященства отъ Марта 21-го: 1) отвѣтствовать, что хотя главныя работы совершены, но нѣкоторыя работы

не окончены и остаются еще отверстія и непрегражденные ходы, требующіе охраненія; по отзыву же инженера, производящаго работы, ония совершенно могутъ быть окончены не ранѣе недѣли, о чемъ и не премину увѣдомить безъ промедленія. 2) Затѣмъ къ дѣлу въ Синодальной Конторѣ, которая благоволить, по окончаніи работъ, поручить мнѣ увѣдомить.

Увѣдомленіе послано за подписью м. Филарета. 22-го Марта 1859 г.

Въ исполненіе указа Синодальной Конторы протопр. Новскій доносиль 6-го Апрѣля Конторѣ, что работы по отопленію собора: а) у крыльца Синодального дома, где выведены вытяжныя трубы, и б) въ стѣнѣ Синодального дома, противъ ѿверной стороны собора окончены, и въ часовыхъ здѣсь надобности не имѣется; работы же въ зданіи Синодального дома, при входѣ къ печамъ, по удостовѣренію Быкова, будутъ окончены завтра, 7-го Апрѣля.

1-й Московскій коменданть генер.-маіоръ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ увѣдомилъ Синодальную Контору 8-го Апрѣля 1859 г., что учрежденные на время производства отопленія Успенского собора три поста сего числа имѣютъ быть сняты:

30-го Апрѣля 1859 г. прокуроръ Синодальной Конторы вошелъ въ оную съ слѣдующимъ предложеніемъ. Определеніемъ Конторы Святѣйшаго Синода отъ 5-го Марта предоставлено мнѣ войти въ соображеніе относительно предположенія свидѣтельствовавшихъ устройство отопленія Большаго Успенскаго собора, двѣ комнаты наѣдь устроеными въ Синодальномъ домѣ для отопленія собора печами, по неудобству для жилыхъ отъ высокой въ нихъ температуры, и для того, чтобы поверхность печей всегда была открыта для наблюденія, оставить не жилыми. Почему, принимая въ соображеніе, что въ означенныхъ комнатахъ, до устроенія подъ ними печей, имѣли казенные квартиры одинъ чиновникъ и сторожъ Синодальной Конторы, что помѣщеніе ихъ въ Синодальномъ домѣ необходимо для службы, что другихъ квартиръ въ этомъ домѣ нѣтъ, да притомъ эти именно квартиры назначены для сего по плану на перестройку Синодальныхъ зданій, высочайше утвержденному въ Февралѣ 1851 г., я просилъ устроившаго отопленіе собора инженер-капитана Быкова изыскать средства къ устраниенію препятствій для жилья въ означенныхъ комнатахъ и получилъ отъ него словесный отзывъ, что предполагаемая въ означенныхъ комнатахъ высокая температура можетъ быть устранена настилкою сверхъ кладки печей кирпича съ войлоками, что вмѣстѣ съ тѣмъ послужить къ сохраненію тепла для собора и предохранить отъ поврежденія самыя печи, и что поэтому нѣтъ препятствій сдѣлать эти комнаты жилыми, но для исполненія сего необходимо разрѣшеніе Комиссіи построенія храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ.

13-го Августа 1859 г. протопр. Новскій доносиль Синодальной Конторѣ, что изъ работъ по устройству отопленія Успенского собора въ первыхъ числахъ Апрѣля оставались не оконченными работы внутренней и теплопроводной трубъ въ Дмитріевскомъ предѣлѣ. Но не смотря на это, по поставленіи на свое мѣстѣ вновь устроеннаго для главнаго алтаря жертвенника 5-го Апрѣля, онъ былъ освященъ м. Филаретомъ. Работы же въ Дмитріевскомъ придѣлѣ не могли быть окончены вмѣстѣ съ другими внутри собора, потому что при пробитіи въ фундаментѣ восточной стѣны сего придѣла отверстія для вытяжной и теплопроводной трубъ, оказалось подъ поломъ сего придѣла пустое пространство, и Быковъ, прежде окончанія трубъ въ семь придѣлѣ, предполагалъ сдѣлать, что окажется нужнымъ для поддержанія пола, а для сего, равно какъ и для работъ снаружи собора по исправленію каменнаго помоста и наружной штукатурки въ разныхъ мѣстахъ нужно было лѣтнее время. По наступленіи лѣтняго времени, въ собора, что нужно Быковымъ не исправлено; къ окончанію же работъ по Дмитріевскому придѣлу онъ до сего времени не приступалъ.

28-го Августа 1859 г. протопр. съ сакелларемъ и соборн. старостою доносили Синодальной Конторѣ: Мы вполнѣ согласны предоставить Быкову въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ отопленіе собора съ платою ему за 80 сажень лучшихъ березовыхъ 11 вершковыхъ дровъ. Что же касается 1) назначенія истопника, который бы въ теченіе нѣкотораго времени могъ приспособить себя при указаніи Быкова къ правильному уходу за топкою печей, то, такъ какъ двое звонарей Ивановской колокольни употребляемы были Быковымъ для тонки печей до наступленія теплого времени и уже пріучились къ уходу за печами, то въ третьемъ истопникѣ, на котораго Быковъ требуетъ по 10 руб. въ мѣсяцъ, надобности не будетъ, особенно если, какъ предполагалъ Быковъ, дровъ для отопленія будетъ употребляться вдвое меныше противъ прошлой зимы. 2) Вмѣстѣ съ отопленіемъ собора въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ, Быковъ принимаетъ на себя и производство ремонтныхъ исправленій по отопленію, съ тѣмъ впрочемъ, что, въ случаѣ смерти его, могущей послѣдовать и ранѣе двухъ лѣть, обязательство сіе не должно относиться до его наследниковъ. Но состояніе здоровья Быкова таково, что съ Марта до нынѣ, т. е. до конца Августа, онъ по болѣзни не могъ явиться въ соборъ, и отъ того работы по устройству отопленія, требующія личнаго его наблюденія, остаются не оконченными; и какъ времія, когда нужно будетъ приступить къ отопленію собора, уже близко, то можно опасаться, что и по наступленіи сего времени Быковъ, по состоянію своего здоровья не будетъ способенъ имѣть наблюденіе за производствомъ по отопленію собора работъ. А къ тому времени не

только работы по устройству отоплениі должны быть окончены, но вновь быть исправлены устроенные для сохраненія въ соборѣ теплоты двери, потому что онъ разсохлись; должны также быть замѣнены новыми нѣкоторыя изъ оконныхъ рамъ, оставшіяся въ прошломъ году не перемѣнными и нынѣ оказывающіяся ветхими; кромѣ того, можетъ быть, окажутся нужными исправленія въ самихъ печахъ и трубахъ, которыя, какъ извѣстно, устроены Быковымъ по изобрѣтенному имъ самимъ способу и слѣдственно исправленіе оныхъ не можетъ быть поручено другому, кому сей способъ неизвѣстенъ.

Посему просимъ Контру войти въ надлежащее сношеніе съ Коммиссіею, которою предоставлено Быкову устройство отоплениія собора, чтобы она или самого Быкова, если позволить ему состояніе здоровія, побудила немедленно приступить, какъ къ окончанію того что по устройству отоплениія остается не оконченнымъ, такъ и къ устройству ремонтныхъ исправленій, или, въ случаѣ болѣзниенного его состоянія, возложила сіе дѣло на другаго по своему усмотрѣнію.

Синодальною Конторою опредѣлено предоставить Синодальному члену м. Филарету отнести къ предсѣдателю Коммиссіи Москов. воен. г.-губер. гр. Строгонову, дабы обратилъ вниманіе и учинилъ начальственное распоряженіе: 1) о побужденіи инж. капит. Быкова немедленно приступить къ окончанію работъ по устройству отоплениія Успенскаго собора, равно и къ производству ремонтныхъ въ ономъ исправленій; 2) чтобы, по его желанію, было поручено ему отоплениіе собора въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ, въ предложеныхъ имъ условіяхъ съ тѣмъ однакоже, чтобы, если окажется возможнымъ, соборъ освобожденъ быль отъ платы по 10 руб. въ мѣсяцъ на третьяго истопника и 3) чтобы помѣщенія въ Синодальномъ домѣ, подъ которыми устроены печи для отоплениія собора, согласно отзыву Быкова, были оставлены по прежнему жилыми, и чтобы для сего разрѣшено было ему, согласно съ предположеніемъ его, сдѣлать, сверхъ кладки духовыхъ печей, настилку кирпича съ войлокомъ, вмѣнить ему въ обязанность исправить въ тѣхъ помѣщеніяхъ повредившіеся во время производства работъ: полы, двери, рамы, отъ Русской печи дымовую трубу, съ разборкой поверхъ крыши другой ветхой трубы, оставшейся отъ уничтоженной Русской печи, и исправленіемъ на томъ мѣстѣ самой крыши, и чтобы все сіе исполнено было въ возможно скоромъ времени.

Отъ 8-го Октября 1859 г. предсѣдатель Коммиссіи воен. г.-губер. Павель Алексѣевичъ Тучковъ отвѣталъ:

Присутствіе Коммиссіи для построенія храма Христа Спасителя по выслушаніи отношенія ваш. выс-ва отъ 9-го Сентября, на имя предсѣдателя Коммиссіи съ представленіями Конторы Святѣйшаго Синода

протопр. и сакелларіемъ Успенского собора 6-го Октября заключило: „Изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ этого дѣла оказывается, что устройство отопленія Московскаго Успенскаго собора, по представлению главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, поручено съ высочайшаго соизволенія, инженеръ-капитану Быкову, на предложенныхъ имъ условіяхъ, а на Комміssію возложено было одно дѣлопроизводство по устройству этого отопленія, но никакъ не дальнѣйшія распоряженія по самому отопленію собора и ремонту онаго; а потому, когда приведено было въ дѣйствіе устроенное Быковымъ отопленіе, которое по формальному освидѣтельствованію гг. членовъ Комміssіи, при посредствѣ предсѣдателя архитектурнаго совѣта и депутата съ духовной стороны, оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ, Комміssія сочла обязанности свои по сему предмету совершенно оконченными, донесла Его Императорскому Величеству о достиженіи предложенныхъ результатовъ отопленія, сообщила о семъ г.-адъютанту Чевкину и произвела окончательный разсчетъ съ Быковымъ, а дальнѣйшія затѣмъ распоряженія по содержанію самого отопленія и проч. передала 27-го Февраля на усмотрѣніе и исполненіе самого духовнаго начальства. Что же касается до помѣщеній въ Синодальномъ зданіи надъ печами собора, то Комміssія тогда же присовокупила свое мнѣніе объ оставленіи этихъ помѣщеній незанятыми для удобнѣйшаго наблюденія за состояніемъ самыхъ печей. А какъ всѣ предположенные высочайше утвержденными кондиціями результаты отопленія уже достигнуты, замедленіе же въ окончаніи самыхъ незначительныхъ работъ въ Дмитріевскомъ придѣлѣ собора происходитъ отъ не предвидѣнныхъ причинъ, то есть, по случаю оказавшейся подъ поломъ онаго пустоты, то присутствіе Комміssіи въ настоящемъ случаѣ признается относящимся до своей обязанности только понужденіе къ скорѣйшему окончанію сихъ послѣднихъ работъ въ означенномъ придѣлѣ (о чёмъ Быкову и предписано 6-го сего Октября), но входить въ дальнѣйшія распоряженія по самому отопленію собора, ремонту онаго и проч. считаетъ себя не въ правѣ, и все сіе зависить совершенно отъ самого духовнаго начальства, на усмотрѣніе коего всѣ эти обстоятельства и были предоставлены въ свое время, равно какъ и основанное на предложеніи гг. свидѣтельствовавшихъ соборъ мнѣніе объ оставленіи не занятыхъ помѣщеній надъ печами собора, а потому и сей предметъ въ хозяйственномъ распоряженіи зависитъ также отъ усмотрѣнія духовнаго начальства.

Синодальной Конторою опредѣлено: относительно отопленія Успенскаго собора предоставить протопресвитеру, а о помѣщеніяхъ надъ соборными печами прокурору Синодальной Конторы войти въ сношеніе съ инженеръ-капитаномъ Быковымъ и донести Конторѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА.*)

Наполеонъ въ Россіи.

16-го Іюля, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны; 17-го числа онъ изнемогъ отъ сильнѣйшаго зноя въ Свенціанахъ, а 18-го быль въ Глубокомъ; остановился въ тамошнемъ монастырѣ, а оттуда близъ лежаше мѣстечко показалось ему скорѣе кучкой шалашей, въ какихъ живутъ дикіе люди, чѣмъ Европейскимъ селеніемъ.

Въ то время въ армїи его только что распространилось воззваніе Русскихъ къ Французамъ, и Наполеонъ, найдя въ немъ лишь пустыя ругательства, сопровождаемыя призывомъ къ бѣгству, пришелъ въ негодованіе. Волнуясь, онъ продиктовалъ отвѣтъ, но тутъ же разорвалъ его, затѣмъ второй, который постигла также участь и, наконецъ, третій, удовлетворившій его. Это тотъ самый отвѣтъ, который быль помѣщенъ въ газетахъ за подписью Французскаго grenadera. Такимъ же образомъ Наполеонъ диктовалъ все, до простѣйшихъ писемъ, отправлявшихся изъ его кабинета или изъ штаба. Онъ безпрестанно ограничивалъ роль своихъ министровъ и генерала Бертье, обращая ихъ въ своихъ секретарей. Въ его отяжелѣвшемъ тѣлѣ духъ продолжалъ оставаться дѣятельнымъ, и въ этомъ неравновѣсіи заключалась одна изъ причинъ нашихъ несчастій.

Съ покоренiemъ Литвы цѣль военныхъ дѣйствій была достигнута, а между тѣмъ казалось, будто война едва начата: ибо покорены были земли, но не люди; Русская армія сохранилась въ полномъ своемъ составѣ; оба ея крыла, разъединенные быстротою первого нападенія, только что вновь соединились. Стояло лучшее время года. И при этихъ-то условіяхъ Наполеону вздумалось безповоротно рѣшить, оставаться ли ему на берегахъ Днѣпра и Двины, откуда онъ могъ обмануть непріятеля въ своихъ намѣреніяхъ тѣмъ вѣрнѣе, что самъ въ нихъ ошибся.

Уже на картахъ его была обозначена оборонительная линія: осадная артиллерія пойдетъ на Ригу, лѣвый флангъ армїи обопрется обѣ

*.) См. выше.

этотъ укрѣпленный городъ; затѣмъ будетъ принято угрожающе-оборонительное положеніе въ Динабургѣ и Полоцкѣ. Витебскъ, который такъ легко укрѣпить, а также лѣсистыя возвышенности, расположенные вокругъ города, послужатъ лагеремъ, укрѣпленнымъ въ центрѣ. Оттуда, до самого Юга, Березина и прилежащія болота вмѣстѣ съ Днѣпромъ оставляютъ возможность прохода лишь чрезъ нѣсколько тѣснинъ; малаго количества войскъ будеть тамъ достаточно. Да же, на правой сторонѣ великаго пути находится городъ Бобруйскъ. Уже отданъ приказъ завладѣть этой крѣпостью. Помимо этого имѣлось въ виду восстаніе населенныхъ южныхъ областей: онѣ помогутъ Шварценбергу прогнать Тормазова, и армія усиится многочисленнымъ казацкимъ войскомъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ этихъ мѣстъ, человѣкъ, въ которомъ все, включительно до наружности, обличало знатное происхожденіе, поспѣшилъ присоединиться къ освободителямъ его родины; его-то императоръ и намѣтилъ главою восстанія.

При такомъ распределеніи недостатка не окажется ни въ чемъ: Курляндія будетъ кормить Макдональда; Самогитія—Удинѣ, а плодоносныя равнины вокругъ Глубокаго—императора; остальное довершать южныя области. Кроме того, главные запасы арміи находятся въ Данцигѣ, а ея пакгаузы въ Вильнѣ и Минскѣ. Такимъ образомъ армія будеть въ связи съ только что освобожденной ею землей, на которой рѣки, болота, продукты, жители, все вмѣстѣ явятся для насъ вѣрной защитой.

Таковъ быль планъ Наполеона. Онъ обозрѣвалъ Витебскъ и его окрестности, какъ бы изучая мѣстѣ, гдѣ ему придется долго оставаться. Разныя учрежденія уже тамъ заводились: выстроено 36 печей, въ которыхъ можно сразу выпекать 29 т. фунт. хлѣба. Не ограничиваясь только полезнымъ, Наполеонъ желалъ заняться и украшеніемъ города. Нѣсколько каменныхъ домовъ портили дворцовую площадь; приказано гвардіи сломать ихъ и убрать всѣ обломки. Онъ уже мечталъ даже о зимнихъ увеселеніяхъ: изъ Парижа пріѣдутъ актеры въ Витебскъ, а такъ какъ этотъ городъ малолюденъ, то будутъ привлечены сюда зрительницы изъ Варшавы и Вильны.

Въ это время Наполеону свѣтила его звѣзда, и было бы благополучіемъ, если бы потомъ онъ не сталъ принимать побужденій своего нетерпѣнія за внушенія генія. Но онъ поддался своему собственному увлеченію: въ немъ все шло отъ него самаго; попытки внушить ему осторожность оставались безуспѣшны. Тщетно въ то время одинъ изъ его маршаловъ сулилъ ему вызвать восстаніе Русскихъ зазывами, разбрасывать которыя было поручено офицерамъ его авангарда. Этого

генерала опьянили Поляки своими легкомысленными обѣщаніями, которые внушала имъ обманчивая надежда, свойственная всѣмъ утратившимъ отчество, и которою обольщается честолюбіе довѣрчивыхъ начальниковъ.

Но самыя пылкія и частыя внушенія шли отъ Мюратса. Этотъ король, утомленный покоемъ, будучи ненасытенъ славою и чувствуя врага по близости, не могъ воздержаться. Онъ покинулъ авангардъ и пріѣхалъ въ Витебскъ. Оставшись наединѣ съ императоромъ, онъ, закусивъ удила, упрекалъ Русскую армію въ малодушіи и, слушая его, казалось, будто подъ Витебскомъ Русская армія нарушила обѣщаніе явиться на свиданіе, точно рѣчь шла о поединкѣ. По его словамъ это была армія обѣяная ужасомъ, и достаточно одной легкой кавалеріи Наполеона, чтобы обратить ее въ бѣгство. Такая вспышка горячности вызвала въ Наполеонѣ улыбку; чтобы охолодить его, онъ сказалъ: „Мюратъ, первая Русская кампанія окончена; водрузимъ здѣсь наши знамена. Двѣ большія рѣки обозначаютъ нашу позицію; построимъ по этой линіи блокгаузы; пусть всюду скрещиваются огни; поставимъ батальонъ въ карѣ. По угламъ его и снаружи помѣстимъ пушки, а внутри будутъ расквартированы войска, и тамъ-же будутъ находиться магазины. 1813 годъ увидитъ нась въ Москвѣ, а 1814—въ Петербургѣ. Война съ Россіей, война трехлѣтня“.

Такимъ образомъ умъ Наполеона обнималъ все сразу, и онъ обозрѣвалъ армію въ 400 тысячъ человѣкъ такъ же ясно, какъ одинъ полкъ. Въ тотъ же день онъ громко обратился къ одному изъ начальниковъ со слѣдующими памятными словами: „Что касается васъ, милостивый государь, подумайте о томъ, чтобы устроить нась здѣсь, такъ какъ, (громко прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ офицерамъ) мы не повторимъ безумія Карла XII“. Но вскорѣ затѣмъ дѣйствія его опровергли эти слова, и каждый удивлялся его равнодушію при отданіи приказаний въ такомъ большомъ дѣлѣ. На лѣвомъ флангѣ Макдональду не посыпалось ни инструкцій, ни средствъ, чтобы завладѣть Ригой; на правомъ нужно было взять Бобруйскъ. Эта крѣпость возвышается посреди большого и глубокаго болота. Осада ея была поручена кавалерійскимъ полкамъ.

Въ былое время Наполеонъ отдавалъ приказанія почти исключительно при возможности ихъ выполненія; но свершились чудеса Прусской войны. и съ тѣхъ поръ невозможность уже не допускалась. Попрежнему отдавались приказанія, которыхъ приходилось пытаться исполнять, потому что до сихъ поръ все удавалось. Сначала это требовало большихъ усилий, но не всѣ изъ нихъ оказывались удачными.

Стали падать духомъ; глава же продолжалъ упорствовать: онъ привыкъ вѣмъ повелѣвать, а подчиненные начали привыкать не все исполнять.

Между тѣмъ Домбровскій былъ оставленъ передъ Бобруйскомъ со своей Польской дивизіей, состоявшей, по словамъ Наполеона, изъ 8,000 человѣкъ, хотя онъ зналъ, что въ то время въ ней насчитывалось всего 1,200 человѣкъ. Но таковъ былъ его обычай; разсчитываясь онъ, что слова его, будучи повторяемы, обмануть непріятеля или, быть можетъ, такимъ преувеличеннымъ начисленіемъ онъ хотѣлъ дать почтвовать генераламъ, чего онъ отъ нихъ ожидалъ.

Изъ домовъ Витебска взоръ падалъ отвѣсно въ Двину, либо на дно овраговъ, окружавшихъ городскую стѣну. Въ этихъ мѣстахъ снѣгъ лежитъ долго; просачиваясь вглубь по менѣе плотнымъ слоямъ, онъ размываетъ землю, которая и обваливается. Отъ этого образуются столь неожиданные глубокіе овраги, которыхъ въ иномъ мѣстѣ нельзя и замѣтить въ нѣсколькихъ шагахъ; въ обширныхъ равнинахъ подобные овраги останавливали кавалерійскія атаки.

Для Французовъ было достаточно мѣсяца, чтобы привести этотъ городъ въ безопасность даже противъ правильной осады; но пренебрегли приложить малую долю искусства къ условіямъ окружающей природы. Въ тоже время было отказано въ нѣсколькихъ миллионахъ, необходимыхъ для набора Литовскаго войска. Князь Сангушко долженъ былъѣхать на Югъ, чтобы взяться за руководство восстаніемъ; въ императорской квартирѣ его задержали. Близкія къ Наполеону лица не обманывались. Они помнили, что при первомъ взглядѣ на опустѣвшій Русскій лагерь и покинутый Витебскъ, услыхавъ, какъ они радовались тому, Наполеонъ внезапно повернулся къ нимъ и воскликнулъ: „Что жъ, вы думаете, что я пришелъ издалека, чтобы пріобрѣсти эти развалины!“ Кромѣ того было известно, что, имѣя великую цѣль, онъ не составлялъ яснаго плана, потому что любилъ, какъ это подобало его быстрому уму, совѣтоваться только съ обстоятельствами.

Впрочемъ, вся армія была осыпана милостями своего вождя. Если ему встрѣчались обозы раненыхъ, онъ останавливалъ ихъ, освѣдомлялся объ ихъ участіи, объ ихъ страданіяхъ, о дѣлахъ, въ которыхъ они потерпѣли пораженіе, и уходилъ не иначе, какъ утѣшивъ словами и щедро одаривъ.

Особенное его вниманіе было замѣтно къ гвардіи: онъ лично дѣлалъ ей ежедневно смотры, расточая похвалы, а иногда приказанія, относящіяся больше къ начальникамъ, чѣмъ нравилось солдатамъ и устраивало ихъ жалобы. Ежедневно ходилъ онъ осматривать печи,

пробовать хлѣбъ и удостовѣрялся въ правильности всякихъ раздачъ. Часто посыпалъ онъ вина отъ своего стола ближайшему отъ себя часовому. Однажды онъ собралъ цвѣтъ своей гвардіи; нужно было имъ назначить нового начальника, и онъ представилъ его имъ самолично, затѣмъ, въ ихъ присутствіи, поцѣловалъ его. Такія заботы одни объясняли признательностью за прошлое, другіе требовательностью къ будущему. Послѣдніе отлично видѣли, что въ первые же дни Наполеонъ надѣялся получить отъ Александра новыя предложенія мира и что крайняя нужда и ослабленіе арміи озабочивали его. Приходилось дать время длинной вереницѣ отставшихъ больныхъ догнать однимъ свой корпусъ, другимъ госпитали; наконецъ, нужно было создать госпитали, набрать припасовъ, дать отдыхъ лошадямъ, дождаться походныхъ госпиталей, артиллеріи и понтонныхъ приборовъ, которые съ трудомъ тащились еще по пескамъ Литовскимъ, догоняя нась.

Кромѣ того, его обременяла переписка съ Европой, и наконецъ, донималъ убийственный климатъ: переходя изъ одной крайности въ другую, онъ то засушивается, то затопляется, то сжигается, то холодить землю и ея обитателей. Атмосфера тамъ вѣроломна: зной разслабляя наши тѣла какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе чувствительными къ холоду, который въ скромъ времени долженъ быть наступить. Императоръ не былъ изъ числа менѣе чувствительныхъ къ перемѣнамъ этого климата. Но, освѣжившись отъ отдыхомъ и не видя ни одного посланца отъ Александра, онъ вдругъ былъ охваченъ нетерпѣніемъ. Въ немъ стало замѣтно беспокойство, отъ того ли, что (какъ всѣмъ людямъ дѣятельнымъ) ему было тягостно бездѣйствіе, и онъ предпочиталъ опасность непріятности ожиданія, или его волновала надежда пріобрѣтенія, которая у большинства людей сильнѣе сладости сбереженія или страха потери.

Тогда-то особенно его стала преслѣдоватъ картина плѣнной Москвы; въ обладаніи этимъ городомъ онъ видѣлъ конецъ своимъ опасеніямъ, цѣль своихъ надеждъ. Съ тѣхъ поръ уже можно было предвидѣть, что столъ пылкій и беспокойный умъ, привыкшій идти къ цѣли кратчайшимъ путемъ, не станетъ ждать еще восемь мѣсяцевъ, когда цѣль его такъ близка и 20-ти дней достаточно для ея достижения.

Впрочемъ, да не спѣшать осудить этого необыкновенного человѣка въ слабостяхъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ. Изъ его собственныхъ словъ будетъ видно, до какой степени его политическое положеніе осложнялось военнымъ положеніемъ. Позднѣе, когда видно будетъ, что судьба Россіи зависѣла отъ нѣсколькихъ лишнихъ часовъ здоровья,

измѣнившаго Наполеону у самой Москвы, станутъ меныше порицать принятное имъ рѣшеніе.

Казалось, что сперва онъ не смыгъ самому себѣ признаться въ своемъ дерзкомъ замыслѣ; но, мало по малу, онъ отважился обсудить его, и тогда мучительная нерѣшительность овладѣла всѣмъ его существомъ. Его видѣли блуждавшимъ по комнатамъ, точно его преслѣдовало опасное искушеніе. Ни на чѣмъ онъ не могъ остановиться: то принимался за работу, то снова бросалъ ее: ходилъ безцѣльно, спрашивая который часъ, обращая вниманіе на погоду, и вдругъ, погруженный въ свои мысли, онъ останавливался, съ озабоченнымъ видомъ, напивая что-то, и за тѣмъ шагалъ снова. Въ смущеніи, онъ обращался съ отрывистыми словами къ тѣмъ, кто приходилъ къ нему. „Ну, такъ что жъ намъ дѣлать? Оставаться, или идти впередъ? Какъ остановиться на такомъ славномъ пути!“ Не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ ходить какъ бы въ поискахъ чего-то или кого-то, кто бы могъ заставить его остановиться на какомъ либо рѣшеніи. Наконецъ, обремененный столь важной мыслью и точно въ изнеможеніи отъ своей нерѣшительности, онъ бросился на одну изъ постилокъ, по его приказанію разостланныхъ на полу въ его помѣщеніи, оставилъ на изнуренномъ отъ зноя и умственного напряженія тѣлѣ лишь самую легкую одежду. Въ такомъ видѣ онъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ Витебскѣ.

Когда тѣло его находилось въ покоѣ, мысль становилась еще болѣе дѣятельной. „Сколько побудительныхъ причинъ къ тому, чтобы спѣшить въ Москву! Возможно ли вынести скуку семи зимнихъ мѣсяцевъ въ Витебскѣ! Значить, ему, до сихъ поръ всегда нападавшему, придется теперь обороняться? Такое положеніе недостойно его, онъ не привыкъ къ тому, оно не соотвѣтствуетъ его гenю.

Въ Витебскѣ ничего еще не рѣшено, а между тѣмъ какое болыше разстояніе отдѣляетъ его отъ Франціи! Европа увидить, наконецъ, что онъ остановился, онъ, никогда ни передъ чѣмъ не останавливался! Развѣ продолжительность такого предпріятія не усугубить опасности? Неужели онъ дастъ время вооружиться всей Россіи! До какихъ же поръ возможно будетъ ему продлить столь неопределеннное положеніе, не уменьшая обаянія своей безошибочности, ослабленнаго уже сопротивленiemъ Испаніи, и не порождая опасныхъ надеждъ въ Европѣ? Чѣмъ будуть думать, когда узнаютъ, что подъ его знаменами уже не доставало одной трети арміи? Слѣдовало, поэтому, поскорѣе поразить людей блескомъ большой победы, скрывъ столько жертвъ подъ грудою лавровъ!“

Съ этихъ порь Наполеонъ находитъ въ Витебскѣ лишь расходы, неудобства и беспокойства оборонительного положенія, въ Москвѣ же— миръ, изобиліе, пополненіе военныхъ издержекъ и бессмертную славу. Онъ убѣждаетъ себя въ томъ, что для него благоразуміе состоить только въ смѣлости; что обо всѣхъ ненадежныхъ предпріятіяхъ можно сказать тоже что объ ошибкахъ: въ началѣ онѣ всегда ненадежны, за то часто бываетъ выгодно ихъ окончить; что чѣмъ меныше онѣ имѣютъ оправданій, тѣмъ больше отъ нихъ требуется успѣха; что, значитъ, слѣдуетъ кончать данное предпріятіе, раздуть его, удивить весь міръ, сразить своею отвагой Александра и вырвать возмездіе, которое бы вознаградило за всѣ потери.

И такъ, опасность, которая, казалось бы, должна была отозвать Наполеона къ Нѣману или побудить основаться на Двинѣ, толкала его въ Москву. Таково условіе ложнаго положенія, въ которомъ все представляеть опасность: какъ смѣлость, такъ и осторожность; остается только выбрать ту или другую ошибку, возлагая надежду на ошибки непріятеля и на удачу.

Рѣшившись наконецъ, Наполеонъ внезапно встаетъ, какъ бы для того, чтобы не дать времени вернуться къ тяжелой нерѣшительности и, весь въ думѣ о планѣ, который доставить ему побѣду, онъ бѣжитъ къ своимъ картамъ; онъ видѣтъ на нихъ Смоленскъ и Москву; ст. самодовольствомъ повторяетъ названія „Великая Москва, святой городъ“, которыхъ еще болѣе усиливаютъ его одушевленіе.

Охваченный своей страшной мыслью, онъ точно одержимъ военнымъ геніемъ. Голосъ его крѣпнетъ, взглядъ сверкаетъ, весь онъ становится страшнымъ. Всѣ отъ него удаляются столько же изъ чувства страха, какъ и благоговѣнія; наконецъ, онъ останавливается на своемъ планѣ, рѣшеніе имъ принято, походъ намѣченъ: сразу все въ немъ успокаивается; черты лица его снова принимаютъ выраженіе спокойной и ясной веселости.

Какъ только намѣреніе Наполеона опредѣлилось, для него стало важно, чтобы оно не вызвало неудовольствія въ окружающихъ. Онъ считалъ, что убѣжденность вызоветъ въ нихъ больше рвение, чѣмъ повиновеніе. Къ тому же, по ихъ чувствамъ онъ судилъ о чувствахъ всей остальной арміи; и конечно, какъ всякою человѣка, его стѣсняла молчаливая досада людей близкихъ къ нему: онъ чувствовалъ себя неловко, видя неодобрительные взгляды и несогласныя съ нимъ мнѣнія окружающихъ. А потомъ, заставить ихъ одобрить этотъ планъ значило, въ нѣкоторомъ родѣ, заставить раздѣлить и тяготѣвшую надъ нимъ отвѣтственность.

Приближенные выразили свое несогласие каждый по своему: Бертье грустнымъ видомъ, жалобами и даже слезами; Лобо и Коленкуръ откровенностью, отличавшейся у первого крайней жестокостью, извинительной въ столь храбромъ воинѣ, а у второго настойчивостью, доводимой до упрямства и горячностью, доходившей до свирѣпости. Императоръ съ досадой отвергъ ихъ замѣчанія. Обратившись главнымъ образомъ къ своему адъютанту и Бертье, онъ воскликнулъ, „что слишкомъ обогатилъ своихъ генераловъ, которые падки только къ удовольствіямъ охоты и блеску своихъ пышныхъ выѣздовъ въ Парижъ, а потому, конечно, война имъ прискучила“. Послѣ того, какъ была такимъ образомъ задѣта ихъ честь, отвѣтовъ больше не послышалось; оставалось склонить головы и покориться. Въ нетерпѣливомъ волненіи Наполеонъ сказалъ одному изъ генераловъ своей гвардіи: „вы родились на полевой стражѣ и на ней же умрете!“

Чтѣ касается Дюрока, сначала онъ выразилъ свое неодобрение холоднымъ молчаніемъ, а затѣмъ откровенными отвѣтами, правдивыми заявленіями и краткими замѣчаніями. Императоръ отвѣчалъ ему, что отлично видѣть стараніе Русскихъ заманить его, и тѣмъ не менѣе все таки слѣдуетъ идти дальше, до Смоленска, гдѣ онъ устроится; весной же 1813 года, если Россія не заключить мира, она погибнетъ; Смоленскъ есть ключъ отъ двухъ дорогъ, на Петербургъ и на Москву, и необходимо завладѣть имъ: потому что тогда можно будетъ одновременно идти на обѣ столицы съ тѣмъ, чтобы въ одной все разрушить, а въ другой все сохранить. На это гофмаршаль замѣтилъ, что ни въ Смоленскѣ, ни даже въ Москвѣ, онъ не достигнетъ лучшаго мира, какъ въ Витебскѣ и что Пруссаки слишкомъ ненадежные посредники, чтобы можно было настолько удалиться отъ Франціи. Императоръ возразилъ, что въ такомъ случаѣ, если нельзя будетъ надѣяться на удачу въ войнѣ съ Россіей, онъ отъ нея откажется, обративъ оружіе противъ Пруссіи, которую и заставить уплатить военные издержки.

Пришла очередь высказаться Дарю. Этотъ генераль правдивъ до крутости и непоколебимъ до безчувствія. Зашла рѣчь о походѣ на Москву (одинъ Бертье присутствовалъ при этомъ), вопросъ разбирался въ продолженіи восьми часовъ сряду. На вопросъ императора, что думаетъ Дарю объ этой войнѣ, тогъ отвѣчалъ, что она не національна: что ввозъ нѣкоторыхъ Англійскихъ товаровъ въ Россію и даже возстановленіе Польского королевства не достаточныя причины для такой дальней войны; „не только ваша армія, но даже мы всѣ не понимаемъ ни цѣли, ни необходимости въ ней, и все говорить за то, чтобы хоть здѣсь остановиться“. Императоръ на это сказалъ съ крикомъ, что

„развѣ его считаютъ за сумасшедшаго? Неужели думаютъ, что онъ ведетъ войну ради своего удовольствія? Развѣ не слышали, какъ онъ говорилъ, что Испанская и Русская война двѣ язвы, истощающія Францію, и она не можетъ ихъ вынести обѣ сразу! Онъ желаетъ мира; но чтобы заключить его, нужно быть вдвоемъ, а онъ одинъ. А развѣ къ нему пришло хотя бы одно письмо отъ Александра? Чего же ему ждать въ Витебскѣ? Рѣки, правда, обозначаютъ позицію; но, вѣдь зимой въ этой странѣ рѣкъ нѣть, такъ что онъ указываютъ призрачную линію, разграничитывающую, но не отдѣляющую. Поэтому пришлось бы возвести искусственную линію, построить города, крѣпости, недоступныя никакимъ стихіямъ: все нужно создать, и небо, и землю; такъ какъ всего не достаточно, даже сѣйстныхъ припасовъ, приходилось либо истощать Литву и тѣмъ вооружить ее противъ себя, либо разоряться. Въ Москвѣ можно всего набрать, здѣсь придется все покупать. И такъ, продолжалъ онъ, вы не можете заставить меня жить въ Витебскѣ, а я не могу вамъ запретить это: ни вы, ни я не смогли бы здѣсь заниматься своимъ дѣломъ. Если вернуться въ Вильну, тамъ легче прокормлять, но обороняться тамъ не легче; значитъ, пришлось бы отступить до Вислы и потерять Литву, тогда какъ въ Смоленскѣ онъ далъ бы рѣшительную битву, или по крайней мѣрѣ имѣлъ бы позицію на Днѣпрѣ. Онъ прекрасно видѣть, что вспоминаютъ о Карлѣ XII; но, если не было примѣра счастливаго похода на Москву, то потому что не нашлось человѣка, чтобы предпринять его. На войнѣ во всемъ играетъ роль на половину удача; если бы всегда дожидались полнаго соединенія благопріятныхъ обстоятельствъ, то никогда бы ничего не предпринимали; чтобы кончить что нибудь, необходимо начать; нѣть предпріятія, въ которомъ бы все содѣйствовало успѣху, и во всѣхъ людскихъ планахъ случайность имѣть свое мѣсто; и наконецъ, не правило дѣлаетъ успѣхъ, а успѣхъ—правило, и если бы онъ достигъ успѣха новыми походами, то изъ нового успѣха вывели бы новые правила. Мало еще пролитой крови, а Россія слишкомъ велика, чтобы уступить безъ боя. „Если понадобится, я буду добиваться этой битвы до святаго города, и выиграю ее. Миръ ждетъ меня у воротъ Москвы. А когда честь спасена, въ случаѣ если Александръ будетъ продолжать упорствовать, ну, тогда я буду договариваться съ боярами, если не со всѣмъ населеніемъ этого города: оно довольно единодушно; оно и образовано; пойметъ свои выгоды, постигнетъ свободу“. И онъ закончилъ словами: „къ тому же Москва ненавидитъ Петербургъ, и мнѣ надо воспользоваться ихъ соперничествомъ, такъ какъ послѣдствія такой ненависти неисчислимы.“

Такимъ образомъ императоръ, увлекшись разговоромъ, обнаружилъ

свои надежды. Дарю на это отвѣчать ему, что „война—игра, которую Наполеонъ хорошо знаетъ и всегда въ ней выигрываетъ, изъ чего можно заключить, что онъ ведеть войну съ удовольствиемъ; но что въ данномъ случаѣ приходится побѣждать не столько людей, сколько природу. Вслѣдствіе ли бѣгства, болѣзни или голода, но армія убавилась уже на третью. Если въ Витебскѣ недостаетъ съѣстныхъ припасовъ, то что же будетъ дальше? Офицеры, которыхъ онъ посыаетъ на поиски за припасами, вовсе не являются назадъ или же возвращаются съ пустыми руками. То небольшое количество муки или скота, которое удается собрать, тотчасъ поѣдается гвардіей; слышно, какъ другіе отряды говорять, что гвардія все вытребываетъ себѣ и все поглощается, находясь на какомъ-то преимущественномъ положеніи. Ни походный госпиталь, ни фургоны, ни стада быковъ, ничто ни могло слѣдовать за арміей; для больныхъ не было лазаретовъ: не доставало ни съѣстныхъ припасовъ; ни помѣщеній, ни лѣкарствъ. И такъ, все говорить за то, чтобы остановиться, тѣмъ болѣе, что за Витебскомъ нельзя больше разсчитывать на хорошее отношеніе мѣстныхъ жителей. По тайному предписанію Наполеона, ихъ вывѣдывали, но безуспѣшно. Какъ поднять ихъ за свободу, которой они даже по имени не знаютъ? Чѣмъ взять эти почти дикие народы, не имѣющіе ни собственности, ни потребностей? Чѣдь взять съ нихъ? Чѣмъ ихъ соблазнить? Единственное ихъ благо—жизнь.“

Бертье прибавилъ, что если мы пойдемъ дальше, то въ пользу Русскимъ будетъ слишкомъ большая растянутость нашихъ фланговъ, голодъ и въ особенности ихъ суровая зима; между тѣмъ какъ если императоръ остановится, онъ обратить зиму себѣ въ пользу и станетъ повелителемъ дѣла, которое поведеть близко отъ себя, вмѣсто того чтобы увлекаться обманчивой, безцѣльной и неопределенной войной.

Такъ возражали Бертье и Дарю. Императоръ слушалъ ихъ спокойно; чаше же онъ прерывалъ ихъ искусствами разсужденіями, по своему желанію предлагая вопросъ или отстраняя его, если онъ становился слишкомъ убѣдительнымъ. Но, какъ ни непріятны были истины, которыя приходилось ему слушать, онъ терпѣливо выслушивалъ ихъ и такъ же терпѣливо отвѣчать на нихъ. Во все время этого пренія его слова, ухватки, всѣ его движенія были замѣчательны по снисходительности, которыми, впрочемъ, онъ всегда отличался въ своей домашней жизни; этимъ и объясняется, что, не смотря на всѣ злополучія, онъ все таки еще любить былъ тѣми, кто зналъ его близко.

Не удовлетворившись мнѣніями своихъ приближенныхъ, Наполеонъ вызывалъ къ себѣ поочередно нѣсколькихъ армейскихъ генераловъ;

но своими вопросами онъ подсказывалъ имъ отвѣты; нѣкоторые же изъ нихъ, всю свою жизнь проведшіе въ арміи и привыкшіе повиноваться его голосу, подчинялись ему въ этихъ бесѣдахъ точно такъ же, какъ на поляхъ сраженія. Другіе не высказывались, выжидая хода событий: въ присутствіи постояннаго удачника они таили ихъ опасливую думу и, разсчитывали, что въ случаѣ успѣха, получать выговоръ. Большинство высказало одобреніе, хорошо зная, впрочемъ, что если бы даже они отважились разгневать Наполеона и посовѣтовали остановиться, онъ все таки пошелъ бы впередъ. Въ виду предстоящихъ новыхъ опасностей, они предпочли сдѣлать видъ, что готовы подвергнуться имъ добровольно. Имъ казалось болѣе удобнымъ быть неправыми заодно съ Наполеономъ, чѣмъ правыми вопреки ему.

Нашелся между ними и такой, кто, не довольствуясь одобрениемъ, началъ подстрекать Наполеона. Изъ преступнаго тщеславія онъ снискаль еще больше довѣрія Наполеона, преувеличивъ ему наличный составъ своей дивизіи, такъ какъ послѣ столькихъ трудовъ, при отсутствіи военныхъ дѣйствій, для начальниковъ считалось заслугой умѣніе сохранить подъ знаменами наибольшее число солдатъ. Такимъ образомъ начальники угождали императору, дѣйствуя на самую слабую его сторону, слѣдствіемъ чего являлись награды. Одинъ изъ нихъ, стараясь особенно понравиться, началъ нагло хвалиться бодростью своихъ солдатъ, исхудалыя лица которыхъ плохо согласовались съ лестью начальника. Императоръ вѣрилъ въ эту бодрость, потому что она была ему желательна и потому еще, что видѣлъ солдата только на смотрахъ, когда его присутствіе, военный парадъ и заразительность возбужденія при многолюдствѣ, поднимали духъ, гдѣ, наконецъ, все, включительно до тайныхъ приказовъ по начальству требовало бодрости.

Но и такое поверхностное знакомство касалось одной гвардіи. Въ арміи же солдаты жаловались на его отсутствіе: они видѣли его исключительно въ дни сраженій, когда имъ нужно было умирать, но никогда онъ не показывался имъ съ заботою о ихъ жизни. Всѣ были тамъ для него, а онъ, казалось, былъ тамъ уже не для нихъ. Армія страдала и жаловалась, недостаточно сознавая, однако, что тутъ и заключалось одно изъ злополучій этого похода. Необходимость разбросанности отдѣльныхъ корпусовъ, для присканія продовольствія, держала Наполеона вдали отъ арміи. Одна гвардія съ трудомъ могла жить и укрываться отъ непогоды поблизости отъ императора. осталльная армія находилась далеко отъ него. Дѣйствительно. только что было совершено нѣсколько неблагоразумныхъ поступковъ: неизвѣстно по чьему приказанію въ императорской квартирѣ позволили себѣ задержать для гвардіи нѣсколько обозовъ со съѣстными припасами, принадлежавшихъ другимъ

частямъ. Такое насилие, при зависти, какую всегда возбуждаютъ къ себѣ отборные корпуса, раздражило армію. Жалобы ея не дошли до императора, которого снѣдало жестокое горе: ему стало извѣстно, что въ одномъ только Витебскѣ три тысячи солдатъ больны диссентеріей и что эта болѣзнь производить опустошеніе во всей арміи. Главная причина заболѣваній заключалось во ржи, которою солдаты питались въ разваренномъ видѣ. Іѣлудки ихъ, привычные къ хлѣбу, выблевывали эту холодную и неудобоваримую пищу. Императоръ умолялъ своихъ врачей найти средство. Одинъ день его видѣли менѣе озабоченнымъ. „Дави нашелъ то, чего не могли открыть люди науки, сказаль онъ; я только что получилъ обѣ этомъ извѣстіе. Вся суть въ томъ, что нужно жарить рожь прежде чѣмъ готовить изъ нея кушанье“, и глаза Наполеона заблестѣли надеждой, вопрошая врача, который предложилъ сдѣлать опытъ. Императоръ тотчасъ позвалъ къ себѣ двухъ гренадеровъ своей гвардіи, посадилъ ихъ около себя за столъ и приказалъ попробовать приготовленный такимъ способомъ хлѣбъ; но это плохо имъ удавалось, несмотря на то, что онъ собственноручно прибавилъ къ такой снѣди своего вина.

Но и при такихъ лишеніяхъ, уваженіе къ побѣдителю Европы и необходимость поддерживали духъ солдатъ. Они считали, что слишкомъ уже втянулись въ дѣло; для того же чтобы поскорѣй выкарабкаться, необходима побѣда, и одинъ Наполеонъ могъ ее дать. Кромѣ того, несчастіе повысило качество арміи: оставшіеся въ ней могли быть только отборнѣйшими душевно и тѣлесно. Скука и неудобства несчастныхъ стоянокъ волновали этихъ людей. Оставаться на одномъ мѣстѣ казалось для нихъ невыносимымъ; отступить—невозможнымъ; значитъ, необходимо одно: идти впередъ. Громкія названія, Смоленскъ и Москва, не внушали страха. Въ прежнее время, и людей обыкновенныхъ устрашила бы неизвѣстность страны, народа и дальность разстоянія, при которой все осложняется; теперь же именно это и привлекало; люди только и находили удовольствіе въ рискованныхъ положеніяхъ, которыхъ, чѣмъ были опаснѣе, тѣмъ казались заманчивѣе; предстоящія же опасности придавали положенію исключительность. Ощущенія эти были полны привлекательности для умовъ дѣятельныхъ, всего извѣдавшихъ и жаждавшихъ новизны. Для честолюбія не было преградъ; все внушало страсть къ славѣ, для которой предоставлялось безпредѣльное поприще. Какъ измѣрить силу обаянія могущественного императора, способнаго сказать своимъ солдатамъ послѣ побѣды подъ Аустерлицемъ: „Называйте своихъ дѣтей моимъ именемъ, позволяю вамъ это; если же между ними окажется достойный меня, завѣщаю ему все свое имущество и провозглашу его своимъ наслѣдникомъ!“

13-го числа Наполеонъ выѣхалъ изъ Витебска, где пробылъ двѣ недѣли.

ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ.

...О немъ и нынѣ спорятъ вновь....
(Кн. П. А. Вяземскій).

Съ появленiemъ въ „Историческомъ Вѣстнике“ (№ 7, 1907) изслѣдованія Великаго Князя Николая Михайловича, посвященнаго „Легендѣ о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Козьмича“ (вышло 2-мъ изданіемъ отдельно), въ разныхъ концахъ Россіи возникъ живой интересъ къ уже почти забытому вопросу. Въ печати сообщаются новые данные въ подтвержденіе легенды, предпринимается изданіе жизнеописанія и матеріаловъ о Федорѣ Козьмичѣ Томскімъ книгопродавцемъ Д. Романовымъ (съ продажею теперь же изображеній старца); говорять, что въ Томскѣ образовался даже цѣлый кружокъ, поставившій себѣ цѣлью всякия изысканія о личности знаменитаго Сибирскаго старца.

Остается только радоваться неожиданному возбужденію (столь рѣдкому у насъ) интереса къ прошлому; но при этомъ слѣдуетъ пожелать однако большаго спокойствія и безпристрастія, которыя устранили бы попадающіяся иногда теперь явныя нарушенія требованій исторической критики. Благодаря этому возникновенію интереса и вызванному имъ всестороннему изысканію, кто знаетъ, можетъ быть, комунибудь, даже можетъ быть кружку въ Томскѣ, удастся, въ концѣ концовъ, безспорно открыть: кто именно то лицо, которое скрывало свои настоящія званіе и имя и жило въ Сибири съ марта 1837 года подъ видомъ и съ именемъ „старца Федора Козьмича“. Нельзя не привѣтствовать и того, что редакція Саратовской газеты „Волга“ открыла радушно столбцы для всесторонняго обсужденія занимающаго насъ въ данномъ случаѣ обстоятельства. Естественно, что въ такомъ діаметрально-противоположномъ дѣлѣ, какъ убѣженіе въ томъ, что Александръ I скончался 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ, и вѣра, что Государь скрылся изъ Таганрога и умеръ въ Сибири 20 Января 1864 г.,— все, интересующіеся этимъ вопросомъ, дѣлятся на два лагеря: одни, сторонники легенды, искренне и глубоко вѣрятъ, что преданіе о Федорѣ Козьмичѣ не легенда, а историческій случай, полный глубокаго трагизма; другие, умиляясь передъ поэтическимъ замысломъ народнаго

творчества въ „легендѣ“, которая только въ 60-хъ гг. девятнадцатаго столѣтія нашла себѣ конкретную личность въ Сибири, въ старцѣ Федорѣ Козьмичѣ, не находить въ себѣ достаточно „вѣры“ и, въ силу исторической критики, не считаются возможнымъ признать тождество императора Александра I съ невѣдомымъ Сибирскимъ старцемъ, умершимъ 20 Января 1864 года (80 лѣть, какъ записано въ метрикѣ о его кончинѣ).

Изъ сказанного ясно, что нижеподписанній принадлежитъ къ числу противниковъ не „легенды“, а превращенія ея въ исторію. Чтобы дальше не оговариваться, я долженъ сказать, что глубоко убѣжденъ всею массою имѣющагося подъ руками материала, что импер. Александръ I дѣйствительно скончался 19 Ноября 1825 года въ Таганрогѣ и мирно почиваетъ въ Петропавловскомъ соборѣ, не замѣненный въ гробу ни фельдзегеремъ Масковымъ, ни кѣмъ либо другимъ. Это не значитъ однако, что мною отрицается интересъ къ личности Федора Козьмича. Я не считаю его также какимъ либо зауряднымъ бродягою, „непомнившимъ родства“, какихъ тогда было особенно много въ Сибири. На противъ, мое искреннее желаніе—узнать, кто былъ именно отшельникъ-старецъ, окруженный ореоломъ святости. При этомъ у меня есть даже нѣкоторыя свои соображенія на этотъ счетъ; но я считаю преждевременнымъ сообщать ихъ, въ виду неимѣнія серьезныхъ фактическихъ доказательствъ, вводить же субъективный элементъ чувства и догадокъ нахожу лишнимъ.

Къ сожалѣнію, самъ старецъ Федоръ Козьмичъ оставилъ въ полномъ недоумѣніи какъ тѣхъ, кто серьезно считалъ его Александромъ, такъ и другихъ, не соглашающихся съ этимъ. Въ сущности говоря, вѣдь, старецъ никому и никогда не открывалъ своего имени, своего званія и происхожденія; даже передъ кончиною на вопросы, кто онъ (значить, и близкіе этого не знали!), онъ отвѣчалъ: „это Богу извѣстно!“ Федоръ Козьмичъ выслушивалъ все, чтѣ ему по этому поводу говорили, иногда дѣлалъ намеки на свое какое-то особенное происхожденіе, а затѣмъ оставлялъ всѣхъ въ полномъ недоумѣніи, не опровергая, впрочемъ, и того, во что хотѣлось вѣрить его окружающимъ; этимъ же послѣднимъ почему-то захотѣлось ходившую по Руси „легенду“ объ исчезновеніи Александра I пріурочить именно къ нему, неизвѣстному благочестивому старцу. Правда, похороны Федора Козьмича были торжественные, стеченіе народа было громадное; но, вѣдь, въ Томскѣ и въ то время ни для кого не было тайною, за кого считали Федора Козьмича, котораго, кромѣ того, чтили почти какъ святого. На могилѣ его поставили крестъ съ надписью „Великий, благословенный старецъ...“. Если

тутъ въ созвучіи словъ и заключался будто бы „особенный намекъ“; то, вѣдь, эта эпитафія не была сочинена или завѣщана самимъ старцемъ, а, вѣроятно, написана тѣми же Хромовыми или кѣмъ либо другимъ; что же касается словъ „великій старецъ“, то развѣ не заслуживалъ этого названія Федоръ Козьмичъ, и безъ всего прочаго, только своею святостью и извѣстностью среди народа, хотя бы подобно Оптинскому старцу Амвросію?

Отъ старца не осталось рѣшительно ничего, что давало бы почву для догадокъ о его происхожденіи, кромѣ его „тайны“. Допускаю, что „тайна“ Федора Козьмича, т. е. листочки бумаги съ загадочными фразами и какимъ-то шифромъ, писаны самимъ старцемъ; но ни то, ни другое до сего времени не разгадано, хотя, можетъ быть, и дѣйствительно раскрыло бы „тайну“ старца. Серьезно нельзя смотрѣть на остроумное раскрытие шифра, сдѣланное И. С. Петровымъ (напечатано Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ во 2-мъ изданіи его книги) и на фразу, далеко неграмотную, имъ прочитанную; избранный Петровымъ способъ, можетъ быть, при извѣстномъ терпѣніи и находчивости, приведетъ еще къ другимъ комбинаціямъ буквъ и дасть возможность прочесть и другую какую нибудь фразу, при иномъ направленіи предвзятой мысли.

Другихъ бумагъ, о которыхъ ходили слухи и говорилъ Хромовъ, старецъ не оставилъ. Конечно, Великому Князю Николаю Михайловичу все это могло бы быть извѣстно скорѣе, чѣмъ кому-либо другому.

Говорять, затѣмъ, о сходствѣ старца въ натурѣ и на его портретахъ съ Александромъ I; но съ 1825 по 1860 г. прошло 35 лѣтъ и, думается, что чрезъ такой промежутокъ времени трудно говорить серьезно о сходствѣ, и въ чертахъ лица ветхаго старца, обросшаго бородою, отыскать черты лица Государя, умершаго далеко не старымъ: при томъ, объ этомъ сходствѣ говорили въ Сибири люди, едва ли видавшіе когда Александра I, а если и видѣвшіе, то развѣ когда нибудь мелькомъ и, конечно, также болѣе 35 лѣтъ назадъ. Еще въ большей степени тоже приходится сказать о сходствѣ старца съ Александромъ I по портретамъ; къ сожалѣнію портреты старца настолько плохи и неискусно писаны, что серьезно говорить о нихъ нельзя. Нужно только совсѣмъ отказаться судить по нимъ о сходствѣ лица старца съ портретами Александра I, лицо котораго плохо удавалось даже первокласснымъ художникамъ.

Говоря о сходствѣ, сторонники легенды умалчиваютъ о томъ безусловно-разительномъ сходствѣ съ живымъ, мягкимъ, улыбающимся лицомъ Александра, которое мы видимъ въ гипсовой маскѣ, вос-

произведенной теперь впервые въ книгѣ Великаго Князя Николая Михайловича. Впрочемъ, нельзя умолчать, что нѣсколько мистически настроенный Н. К. Шильдеръ находилъ по портретамъ Федора Козьмича сходство въ чертахъ его лица съ лицомъ Александра. Спорить съ этимъ трудно; ибо это, конечно, уже чувство совершенно субъективное, подобное разсказу о явленіи тому же Н. К. Шильдеру во снѣ Федора Козьмича, который будто бы исцѣлилъ его отъ головныхъ болей. Это уже область чудеснаго; но, не отрицая и этого, должно однако сказать, что для этого Федоръ Козьмичъ долженъ быть признанъ не премѣнно императоромъ Александромъ, явившимся своему историку, а только святымъ *).

Однако, цѣль наша—не входить въ подробный разборъ всѣхъ доказательствъ, представляемыхъ въ пользу того, что Сибирскій старецъ есть Александръ I, а указать только на фактическій материалъ, имѣющійся у той и другой стороны, и остановиться на нѣкоторыхъ прѣмахъ, нечуждыхъ пристрастія; а тамъ уже пусть самъ читатель судить, какая чашка вѣсовъ перевѣшивается, въ смыслѣ достовѣрности и тяжести историческаго и фактическаго материала.

Богатство положительного документальнаго материала такъ велико, что всякий историческій фактъ, обоснованный такъ серьезно, будь бы признанъ самою придирчивою критикою безусловно-доказаннымъ, если бы только въ данномъ вопросѣ не замѣшивались вѣра въ чудесное и своя доля фанатизма. Существуютъ, вѣдь, на лицо всѣ официальные акты и документы, протоколы болѣзни и вскрытия тѣла, подробныя донесенія съ пути слѣдованія тѣла изъ Таганрога въ Петербургъ, протоколы вскрытия гроба и осмотра тѣла, церемоніаль и актъ погребенія въ соборѣ. Существуетъ затѣмъ рядъ писемъ, записокъ и свидѣтельствъ близкихъ людей, бывшихъ съ Александромъ I въ Таганрогѣ: письма князя Волконскаго, Дибича, доктора Стофрегена, Записки Шёнига о вскрытии тѣла („Русск. Арх.“ 1881 г.), о которыхъ П. И. Бартеневъ сообщалъ намъ, что Записки эти напечатаны полностью, за исключениемъ нѣсколькихъ строкъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ органовъ; Записки сопровождавшаго тѣло и слѣдившаго все время за состояніемъ бальзамированія лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова; далѣе, показанія при-

*) Самъ достопочтенный, добродушный и необычайно-трудолюбивый Николай Карловичъ Шильдеръ, сколько намъ известно, предавался иногда увлечениямъ фантазіи, что могъ онъ унаслѣдовать отъ своего знаменитаго родителя. Дальнѣйшая разысканія обѣ императорѣ Александрѣ Павловичѣ невозможны безъ четырехтомнаго сочиненія Шильдера; но мы уже имѣли случай замѣтить, что это сочиненіе—не исторія, а приведенное въ порядокъ собраніе анекдотовъ, и при томъ сдѣланное съ предвзятою мыслью унизить Александра и возвеличить Сперанскаго. П. Б.

слуги и кучера И. Байкова, который всю зиму мерзъ на козлахъ траурной колесницы и готовъ былъ обрить себѣ бороду, чтобъ не разлучиться съ своимъ благодѣтелемъ, пока онъ былъ еще тутъ, на землѣ.

Чтобы безслѣдно изчезнуть, Государю нужно было имѣть такъ много сообщниковъ! Неужели всѣ эти близкіе люди были участниками тайны: и Волконскій, и Чернышевъ, и Дибичъ, и всѣ доктора, и камердинеры „Геогровичъ“, и Илья Байковъ? Но тогда это едва ли была бы уже тайна; во всякомъ случаѣ эта тайна въ предѣлахъ времени, и не дѣти, такъ внуки или правнуки узнали бы ее изъ первоисточника, отъ кого либо изъ участниковъ или ихъ женъ. Наконецъ, для того, чтобы скрыться, Александру I нужно было согласіе и участіе его супруги, императрицы Елизаветы Алексѣевны, такъ какъ, живя въ Таганрогѣ, они почти не разлучались, и окружающіе (Тарасовъ) называли ихъ „молодыми супругами“. Допустимъ мало вѣроятное, что такое согласіе было получено; но сколько въ такомъ случаѣ нужно было истинно-драматического таланта, чтобы разыграть у гроба чужого для императрицы покойника неподдѣльную скорбь, убиваться, ходить по два раза въ день къ гробу, подолгу смотрѣть на него, писать о своемъ горѣ, наконецъ... чтобы умереть отъ полнаго истощенія силъ и отъ скорби, полгода спустя, въ Бѣлевѣ, 3-го Мая 1826 г., передъ тѣмъ написавъ императрицѣ-матери: „Notre Ange est au ciel, et moi, je vѣgète encore sur la terre“...*)

Про Александра I, только что вновь сблизившагося и полюбившаго свою, давно покинутую, супругу, отправившаго ее лѣчиться въ Таганрогъ и окружившаго нѣжными заботами, рассказываютъ сторонники легенды, что онъ имѣлъ въ сущности другую цѣль, потому что захватилъ съ собой какой-то похоронный церемоніалъ.

Положимъ, однако, что всѣ многочисленные участники заговора, окружавшіе постель государя при послѣднихъ минутахъ его жизни и изображенные на рисункѣ кончины Александра, даже съ императрицею во главѣ, положившіе фельдъегеря Маскова въ гробъ императора, всѣ они свято хранили и сохранили навсегда тайну; что графъ В. В. Орловъ-Денисовъ также былъ участникомъ этого безпримѣрного въ исторіи заговора противъ царствующаго государя, въ союзѣ съ нимъ самимъ; допустимъ, что Тарасовъ усердно ходилъ и заботился о сохранности тѣла покойника, лежавшаго въ гробу (казалось, какъ разъ нужно было позаботиться о противоположномъ); но неужели можно было смѣло открывать гробъ, не опасаясь, что возникнетъ сомнѣніе у людей, наиболѣе знавшихъ императора, у его многочисленныхъ генералъ и флигель-адъютантовъ, смѣнившихся въ теченіи пути, у цѣловавшаго

*) Нашъ Ангелъ на небѣ, а я прозябаю еще на землѣ.

тѣло графа Комаровскаго, у графа Аракчеева, близкаго государю съ молодыхъ его лѣтъ... Игра была бы черезчуръ неосторожной!

Но и на это находятся объясненія. Говорятъ, что Масковъ, фельдъегерь, умершій за $2\frac{1}{2}$ недѣли до кончины государя, при паденіи изъ телѣжки въ г. Орѣховѣ и тамъ похороненный (гдѣ же его берегли съ 3-го по 19-го Ноября?) имѣть большое сходство съ императоромъ. Но чѣмъ это документально можетъ быть доказано? Кромѣ преданія въ его семье, почему-то пріятно убѣжденноѣ, что въ Петропавловскомъ соборѣ лежитъ не Александръ I, это ничѣмъ не подтверждается. Во всякомъ случаѣ доказательства слабы и едва-ли не отъ послѣдующаго къ предыдущему.

Рассказываютъ еще, со словъ профессора И. Т. Тарасова, будто старикъ лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ упоминалъ о сходствѣ Маскова съ Александромъ: въ своихъ воспоминаніяхъ, подробно описывая смерть Маскова, въ собственномъ его присутствіи (ибо онъ былъ посланъ государемъ оказать убившемуся фельдъегерю медицинскую помошь) Тарасовъ ничего не говорить объ этомъ сходствѣ. Равно и профессоръ И. Т. Тарасовъ намъ лично въ Сентябрѣ 1907 г. того не передавалъ.

Впрочемъ, тутъ мы встрѣчаемъ одинъ изъ типичныхъ пріемовъ критики, какими пользуются сторонники легенды. Перейдемъ къ подробному разбору другихъ подобныхъ случаевъ, стараясь провѣрить нѣкоторыя изъ таковыхъ доказательствъ.

Въ Петербургѣ вся царская семья, видѣвшая тѣло государя, ни минуты не сомнѣвалась, что видѣть предъ собой покойнаго старшаго своего члена, столь всѣмъ близкаго, и благоговѣйно цѣловала его руку. Сопровождавшіе тѣло, и графъ Орловъ-Денисовъ, и докторъ Тарасовъ, увѣряли, что тѣло сохранилось вполнѣ хорошо, при чемъ послѣдній даже былъ того мнѣнія, что оно „можетъ быть открыто для всѣхъ“. Конечно, обѣ этомъ едва-ли старались бы лица, совершившія подлогъ, хотя бы и удачно; это мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Тарасова, уже въ то время появились „нелѣпые слухи“, о которыхъ онъ такъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ: „Слухи тѣ были различные: 1) одни утверждали, что въ гробу, вместо императора, лежитъ кукла; 2) другіе, что государь въ Таганрогѣ скончался насильственною смертію; и 3) наконецъ, что гробъ везутъ пустой, а императоръ будто бы скрылся и отправился въ Америку, и еще другія подобныя нелѣпости, легко въ то время могущія произвести беспокойства и беспорядокъ въ народѣ“.

Д. К. Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ пишетъ о прощаніи царской семьи съ покойникомъ.

„10-го Марта отъ князя Голицына¹⁾ я получилъ приказаніе поспѣш-
нѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:
„Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія про-
ститься съ покойнымъ императоромъ?“ Я отвѣчалъ утвердительно и увѣ-
рилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣности, такъ что гробъ
могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что
императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ 12 часовъ ночи я, при немъ и графъ
Орловъ-Денисовъ, со всею аккуратностю открыть гробъ и подготовить
все, чтобы императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей импе-
ратрицы, которая была тогда беременна²⁾, родственно проститься съ по-
койникомъ. Въ 11½ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были
удалены изъ церкви, а при дверяхъ въ оной поставлены были часовые;
остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камер-
динеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытии гроба, я снялъ
атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло,
вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ
спецій; перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежня
нѣсколько измѣнили цветъ), возложилъ на голову корону и обтеръ
лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ, и не было ни
малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ,
что мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить
императору. Спустя нѣсколькихъ минутъ, вся императорская фамилія
съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при
благовѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали лицо и руку покойнаго.
Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ
выразить ону!³⁾“

По свидѣтельству Записокъ Герлаха, императрица-мать три раза
подходила къ тѣлу, цѣловала руку и восклицала „Oui, c'est mon cher
fils Alexandre; ah, comme il a maigri!“ ³⁾ Казалось, это явное доказа-
тельство въ пользу того, что императрица Марія Феодоровна узнала
въ покойникѣ своего сына; оказывается, что это не такъ: принцъ
Вильгельмъ Прускій въ тоже время „былъ глубоко потрясенъ видомъ
усопшаго императора“, поэтому значитъ, что у самой императрицы ви-
димо было сомнѣніе.

Но при такихъ пріемахъ критики является невозможнымъ вообще
что-либо доказать. Такіе пріемы, однако, далеко не единственны. Сто-

¹⁾ Т. е. отъ князя Александра Николаевича Голицына, который былъ однимъ
изъ наиболѣе близкихъ къ покойному государю людей. П. Б.

²⁾ Великій князь Константиномъ Николаевичемъ. П. Б.

³⁾ Да, это, мой дорогой сынъ Александръ: ахъ, какъ онъ исхудалъ!

ронники легенды утверждаютъ, какъ нѣчто положительное, какъ фактъ, что старикъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, дожившій свой вѣкъ въ Москвѣ и пережившій четырехъ государей „прямо-таки отказался присягать новымъ (sic) государямъ“ („Волга“, № 9). Кажется, положительное извѣстіе, наводящее на сомнѣніе; но откуда оно взято? Оказывается, оно находится только въ сборникѣ „слуховъ“, записанныхъ какимъ-то дворовымъ человѣкомъ и хранящихся въ архивѣ канцеляріи военнаго министра. Источникъ, едва ли имѣющій серьезное историческое значеніе. Мы не хотимъ опорочивать голословно этого документа, но въ сборникѣ находятся и другіе, подобные же, „слухи“; ихъ много, почему же не взять изъ сборника и другія извѣстія, въ родѣ такихъ: „Государя убили, изрѣзали“..., „Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ“..., „царскаго кучера Илью Байкова отравили ядомъ въ пирожкѣ“... и т. п. По всѣмъ вѣроятіямъ, это и были тѣ самые „вздорвныя слухи“, которые распространяли по Москвѣ „кумушки и пустословы“ и о которыхъ писали братья Булгаковы и говорилъ Тарасовъ.

Обращаясь теперь къ другимъ доказательствамъ, въ родѣ перечисленныхъ въ № 9 (1908 г.) газеты „Волга“, остановимся еще на двухъ слѣдующихъ.

По поводу напечатаннаго въ первый разъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ отрывка изъ дневника императрицы Елизаветы Алексѣевны, заключающаго въ себѣ подробное изложеніе всего хода болѣзни ея супруга, всѣхъ измѣненій въ его положеніи, разговоровъ государя и т. п., возбужденъ сторонниками легенды вопросъ, почему же дневникъ обрывается на вечерѣ 11-го Ноября, когда Государю стало временно лучше?... Даѣше широкое поле для догадокъ... Къ великому сожалѣнію, на этомъ рукопись обрывается; можетъ быть, удрученной горемъ императрицѣ не было уже времени писать дневникъ, а можетъ быть конецъ затерялся. Какъ бы то ни было, теперь можно съ увѣренностью сказать, что и въ концѣ ничего особеннаго не было въ смыслѣ благопріятномъ для легенды. Даѣло въ томъ, что теперь извѣстны письма императрицы къ ея матери, принцессѣ Баденской, за все время до самой кончины Елизаветы Алексѣевны: въ этихъ письмахъ она подробно описываетъ послѣдніе дни жизни Александра, его страданія и кончину, а также послѣдующее затѣмъ время въ Таганрогѣ: императрица ежедневно посѣщаетъ тѣло, сообщаєтъ о постепенномъ измѣненіи лица покойнаго и другія различныя подробности. Эти письма въ непродолжительномъ времени будутъ опубликованы *).

*) Заразѣ привѣтствуемъ это изданіе. П. Б.

Съ возбуждениемъ вопроса о личности Федора Козьмича особенно повезло Д. К. Тарасову. О немъ вспомнили и теперь стараются выставить его, какъ одного изъ активныхъ участниковъ подлога въ Таганрогѣ и, следовательно, хранителей тайны. Началось это съ легкой руки П. А. Россіева, напечатавшаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1907 г. свои замѣтки и соображенія, явившіяся результатомъ свиданія его съ племянникомъ покойнаго лейбъ-медика, профессоромъ Московскаго университета И. Т. Тарасовымъ. Должно, однако, оговориться, что лично намъ, уже послѣ Россіева, въ Сентябрѣ 1907 г., уважаемый Иванъ Трофимовичъ, прежде всего, прямо заявилъ, что П. А. Россіевъ все имъ сказанное „черезчуръ подчеркнулъ“; трудно сказать, конечно, въ какой мѣрѣ это было сдѣлано, тѣмъ не менѣе фактъ нѣкотораго преувеличенія несомнѣнно на лицо. Доказательства (которыя приведены въ № 9 „Волги“) будто бы „странныаго поведенія“ лейбъ-хирурга Тарасова въ отношеніи старца Федора Козьмича сводятся къ слѣдующему: 1) онъ не любилъ говорить о кончинѣ императора Александра I, 2) считалъ его „святымъ человѣкомъ“, 3) „страшно взволновался, какъ будто его задѣли за живое, какъ будто подняли покровъ надъ тайною“ и т. д., когда однажды мать И. Т. Тарасова сказала: „отчего же императоръ Александръ Павловичъ и не могъ принять образъ старца Федора Козьмича? Всякое бываетъ!.., 4) вспоминая Москву, Тарасовъ будто бы говорилъ о его сходствѣ съ Александромъ, и это-де подало поводъ къ легенды, что въ 1826 г. хоронили не государя, и прибавлялъ: „явный вздоръ!.. 5) Тарасовъ имѣлъ большія средства, „которыя нельзя было нажить практикой“; значить, его особо наградили свыше,сыпали деньгами, конечно за какія-то особенные заслуги, и 6) самое важное,—будто Д. К. Тарасовъ, „человѣкъ религіозный, никогда не служилъ панихидъ по Александрѣ Благословленномъ вплоть до 1864 г., а когда въ Сибири умеръ Федоръ Козьмичъ, Тарасовъ сталъ служить панихиды ежегодно. И все тайкомъ! Случайно узнали объ этомъ отъ кучера и, вѣдь, что курьезно: Тарасовъ не ѻздила служить панихиды въ Петропавловскій соборъ, а либо въ приходскія церкви, либо въ Исаакіевскій и Казанскій соборы“.

Встрѣчаемъ и здѣсь тѣ же „курьезные“ пріемы критики: Александръ I „святой человѣкъ“—значить, Федоръ Козьмичъ: „явный вздоръ“ говорить Тарасовъ о слухахъ (также, какъ и въ своихъ „Запискахъ“),—значить, напротивъ; ибо сказано „съ подчеркиваніемъ, назидательно“, поэтому,—нельзя вѣрить; тутъ явное желаніе скрыть истину. Но вѣдь нельзя же такъ относиться хотя бы даже къ словеснымъ свидѣтельствамъ. спустя 45 лѣтъ послѣ разговора „однажды“.

(останавливалась на послѣднемъ пунктѣ, т. е. на служеніи панихидъ Тарасовымъ, мы хотѣли бы спросить: сколько же разъ служились эти панихиды послѣ смерти Феодора Козьмича? Какъ будто, по разсказу, много разъ, ибо и въ приходскихъ церквяхъ, и въ соборахъ Исаакіевскомъ и Казанскомъ; а чѣмъ доказать, что онъ не служилъ панихидъ и раньше, разъ это дѣжалось тайкомъ (раньше кучерь могъ и не сказать, или его не спрашивали!); кромѣ того, не видно, въ какой день служились эти панихиды: 19 ли Ноября или 20 Января? Вѣтъ сколько недоумѣній является по поводу этого свидѣтельства. Можемъ однако замѣтить, что много панихидъ послѣ смерти Сибирскаго старца Д. К. Тарасовъ служить не могъ. Дѣло въ томъ, что профессоръ И. Т. Тарасовъ ошибается, говоря, что его дядя скончался „въ первой половинѣ 70-хъ годовъ“. Лейбъ-хирургъ Тарасовъ родился въ ночь съ 25 на 26 Октября 1792 г., а умеръ въ Царскомъ Селѣ 12 Июля 1866 г., 74 лѣтъ; значитъ, Тарасовъ пережилъ всего на 2 года Феодора Козьмича, умершаго далеко, въ Сибири, 20 Января 1864 г., и могъ, вѣроятно, отслужить по немъ не болѣе 2—3 панихидъ. Еще вопросъ: какъ могъ знать кучерь, по комъ служилъ Тарасовъ панихиды, если онъ желалъ это скрыть, сдѣлать „тайкомъ“?

Кажется, ничего нѣтъ особенного въ томъ, что стариkъ не любилъ говорить о кончинѣ императора Александра, котораго онъ искренне и „сыновнѣ“ любилъ и основательно считалъ своимъ благодѣтелемъ, такъ какъ послѣ его кончины окончилась и его, удачно начавшаяся, придворная карьера. Тяжело, конечно, ему было вспоминать все то, что онъ пережилъ въ Ноябрѣ 1825 г. въ Таганрогѣ и чтѣ такъ подробно и добровольно занесъ въ свои, забытыя теперь, „Воспоминанія“, изъ которыхъ выше нами приведено нѣсколько выдержекъ и къ которымъ мы теперь обратимся. Эти „Воспоминанія“, напримѣръ, сейчасъ же и разъяснятъ память, откуда у Тарасова были большія средства, не смотря на то, что послѣ кончины Александра I, благодаря проискамъ Вилліе, онъ почти былъ удаленъ отъ двора. Никакихъ особыхъ наградъ онъ не получалъ, но практика дала ему нѣкоторыя средства, которыя онъ вложилъ въ торговыя операции своего земляка Рязанскаго откупщика, извѣстнаго богача Рюмина; именно это увеличило быстро и весьма значительно капиталъ Тарасова. Въ своихъ Воспоминаніяхъ, писанныхъ спустя много лѣтъ, („переступивъ за полвѣка моей жизни“; подаренная Тарасову въ 1820 г. въ Троцкую Александрову I енотовая шуба прожила у него 30 лѣтъ, т. е. $1820+30=1850$ г.), Тарасовъ описалъ послѣдніе дни жизни Александра такъ точно, какъ запечатлѣлось это въ его памяти, съ подробнѣмъ перечисленіемъ бывшихъ тутъ докторовъ, съ указаніемъ

признаковъ болѣзни, способовъ лѣченія и самыхъ лѣкарствъ; наконецъ онъ точно описалъ самую кончину, окружающихъ, свои чувства, отказъ отъ участія въ бальзамированіи „изъ сыновняго чувства“, при чемъ называлъ всѣхъ участниковъ.

Вотъ что пишетъ Тарасовъ: „17 Ноября. Ночь Государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до 100 ударей (поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала). Но къ вечеру положеніе Государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благопріятный исходъ болѣзни“.

„18 Ноября. Ночь всю провелъ Государь въ забытьи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, Государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру Государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ 10 часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ Государя. Питье онъ проглатывалъ съ большими трудомъ; въ 4-мъ часу за полночь, дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій. Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно. Наступило 19 Ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта нарѣдомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи Государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсть о положеніи Императора“.

„Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и на св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ риданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ минутъ утра незабвенный и великий монархъ

мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо! Нашъ Ангелъ въ небесахъ!!!...“

„Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ ровно 12-ть часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно-ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усошшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты“.

Очевидно, человѣкъ много пережилъ и перечувствовалъ въ эти дни; можно ли такъ лгать? Наконецъ, можетъ быть, имѣло бы смыслъ въ то время, для сохраненія тайны, одному изъ участниковъ этого событія такъ фальсифицировать свои Записки; но не надо забывать, что „Воспоминанія“ Д. К. Тарасова, его „признанія моей жизни“, писаны имъ исключительно для дѣтей его (чтобы они могли „почерпать изъ нихъ полезное и поучительное“) приблизительно въ срединѣ 1850-хъ гг., когда онъ былъ уже давно вдали отъ двора. Какой смыслъ имѣло бы ему, на старости лѣтъ, выдумывать, лгать, сочинять такую сложную по мелочности картину смерти Александра I, ему, человѣку, хотя рѣзкому, но прямому и религіозному? Для чего нужно это было, когда всѣ участники и свидѣтели давно сошли со сцены, большую частью уже умерли? Легче было бы, кажется, Тарасову совсѣмъ не писать своихъ воспоминаній, разъ онъ былъ участникомъ исчезновенія изъ Таганрога Александра I или совершилъ подлога въ гробу императора, чѣмъ безцѣльно, бессмысленно сочинять небылицы и брать новый грѣхъ на душу.

Свѣрья всѣ мелочныя показанія Тарасова съ свѣдѣніями другихъ лицъ и, главное, остальныхъ врачей, мы поражаемся точностью и необыкновеннымъ согласиемъ всѣхъ свидѣтелей, писавшихъ въ разное время, по разнымъ поводамъ и разными способами (воспоминанія, записки, письма и т. п.). О ходѣ болѣзни согласно говорять императрица-супруга, докторъ Стофрегенъ, бывшій при государѣ съ 9 Ноября и писавшій брату 23 Ноября о кончинѣ государя Рейнгольдъ, и другіе. Современникъ со словъ доктора Рейнгольда разсказываетъ слѣдующее. „Докторъ Рейнгольдъ, находившійся при немъ ночью съ 13-го на 14-е Ноября, сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ, входя въ комнату больного, замѣтилъ признаки пораженія мозга и что болѣзнь приняла такой плохой оборотъ, что уже нѣтъ надежды на выздоровленіе.

Штoффрегенъ говорилъ, что только крѣпкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. На 18 Ноября усиленіе лихорадки опять встревожило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что силы государя безнадежно упали. Но часы пробили 9, и государь обратилъ на нихъ глаза, еще полные жизни. Когда вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ дорогую и милую ему императрицу, онъ хотѣлъ говорить, но, увы! не могъ сказать ей привѣтливаго слова; онъ лишился уже языка, и лишь по движенію губъ его можно было отчасти угадывать его желанія; онъ могъ только улыбнуться ей, пожать и поцѣловать ея руки. Къ вечеру онъ не въ состояніи былъ проглотить пищу; при видѣ конвульсій въ разныхъ частяхъ головы, особенно въ глазахъ, чувствовалась приближающаяся съ каждой минутой кончина этого привлекательнаго человѣка, столь дорогого для всей Россіи; дыханіе его обратилось наконецъ въ глухое хрипѣніе, послышались плачь и стоны во дворцѣ, но спустя нѣсколько времени больной стала покойнѣе, черты лица его приняли обычное выраженіе, только ротъ оставался открытымъ; онъ узналъ еще императрицу и обратился къ ней съ обычною нѣжностью. Осматриваясь, онъ замѣтилъ доктора Добберта, котораго не привыкъ видѣть около себя, взглянуть его выразилъ удивленіе и любопытство; онъ хотѣлъ конечно спросить, зачѣмъ онъ тутъ, но не могъ и тотчасъ же закрыть глаза. Въ наasz снова проснулась надежда. Анисимовъ, камердинеръ Императора, выразился при этомъ весьма характеристично: онъ увѣрялъ, что государь „отбаливается и будетъ здоровъ“. Но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Въ Четвергъ, 19-го Ноября, день принесшій намъ и всей Россіи столько горя, что онъ нескоро изгладится изъ памяти народной, пароксизмы закончились долгой агоніей: она сопровождалась стонами, въ которыхъ слышалось страданіе, и икотой, предвестницей смерти. Дыханіе его становилось съ каждымъ разомъ короче и разъ 5 останавливалось вовсе; наконецъ, въ $10\frac{3}{4}$ часовъ императоръ скончался въ присутствіи императрицы. Ее оставили одну съ умирающимъ супругомъ; она молилась во все время агоніи и оставалась еще съ полчаса передъ бездыханнымъ трупомъ, закрыла глаза покойному и подвязала ему подбородокъ. Можно ли было ожидать, чтобы слабая натура государыни, пораженная болѣе, чѣмъ неизлечимъ недугомъ, вынесеть столько нечеловѣческихъ усилий, если бы она не вмѣщала такой великой, твердой, сильной души? Кто бы подумалъ, что она, вопреки общаго порядка вещей, съ ея слабымъ и разстроеннымъ организмомъ, переживетъ человѣка сильнаго, крѣпкаго и здороваго, который природную крѣпость своего организма поддерживалъ строгою и воздержною жизнью“.

Вскрытие производилось 20 Ноября вечеромъ и ночью. Тѣло покойнаго императора сохранило свои атлетическія формы. Докторъ Сторегенъ о результатахъ вскрытия говорить только, что оно подтвердило диагнозъ врачей; они не ошиблись. По его мнѣнію государь скончался отъ тифа.

Когда приняты были врачами, потерявшими надежду, уже послѣдня, энергическая мѣры, и къ головѣ государя было поставлено 30 піявокъ, съ его многолѣтнимъ другомъ, княземъ П. М. Волконскимъ „сдѣлалось дурно; онъ совершенно упалъ духомъ и обезсилѣль, подавленный горемъ“. 19 Ноября въ 10 часовъ утра этотъ наиболѣе близкій Александру I человѣкъ началъ писать письмо Милорадовичу: „Увы! наши желанія не исполняются; вчера его величество дошелъ до такой неимовѣрной слабости, что не имѣлъ силы проглотить лѣкарства, всегда почти въ безпамятствѣ“. Затѣмъ письмо брошено, наступили послѣднія минуты, и въ 2 часа дня Волконскій продолжалъ на томъ же начатомъ письмѣ: „Россія осиротѣла; въ $\frac{3}{4}$ 11-го часа не стало Государя. Оплакивайте потерю добрѣйшаго отца отечества. Государыня находилась при кончинѣ его величества до послѣдней минуты, сама закрыла глаза, сокнула губы, приняла послѣдній его вздохъ.... слезы мѣшаютъ продолжать, прощайте“.

Въ тоже время Дибичъ 19 Ноября писалъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ: „По жестокой обязанности моей нахожусь принужденнымъ писать къ вашему императорскому величеству письмо сie; сердце мое, преисполненное горести, едва позволяетъ мнѣ сie выполнить. Всеавгустѣйшій сынъ вашего императорскаго величества, обожаемый нами государь напѣ императоръ Александръ Павловичъ въ сie утро кончилъ жизнь свою отъ тяжкой болѣзни, о коей ваше императорское величество едва еще только получили увѣдомленіе. По отправлениіи послѣдняго извѣщенія моего отъ вчерашняго числа къ тайному совѣтнику Вилламову, положеніе его величества не оставляло намъ почти никакой надежды; съ полуночи оно сдѣлалось отчаяннѣе, а въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ Всевышнему угодно было призвать его величество въ жизнь вѣчную“. („Истор. Вѣстникъ, № 7, 1907 г.“).

Всѣ эти достопамятныя извѣстія сходятся одно съ другимъ; нѣть ни одного голоса, ни одного свидѣтеля, который становился бы въ противорѣчіе, даже въ подробностяхъ и мелочахъ. Кажется, ни одно историческое событие не можетъ быть такъ прочно подкреплено различными свидѣтельствами очевидцевъ-современниковъ, писавшихъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, какъ фактъ смерти Александра I-го 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ. Въ любомъ судебнѣ

номъ процессѣ такое согласное показаніе свидѣтелей убѣдило бы судей въ непреложности и дѣйствительности факта извѣстнаго событія.

Скептицизмъ въ исторіи особенно желателенъ, ибо требуетъ болѣе точной провѣрки и самого себя, и источниковъ, требуетъ изысканія и представленія все новыхъ положительныхъ данныхъ; но когда этотъ скептицизмъ переходитъ въ упорное отрицаніе, тогда онъ не только теряетъ свою цѣнность, но и дѣлаетъ невозможнымъ всякую борьбу съ нимъ; при этомъ условіи ни опровергнуть, ни доказать чего-либо нельзя, какъ нельзя убѣдить человѣка, говорящаго: „такъ-то такъ, а все-таки“.....

Чтобы покончить съ нашей замѣткой по поводу того скорѣе психологического, чѣмъ фактическаго материала, который обыкновенно выдвигается впередъ сторонниками легенды, остается еще сказать, что нельзя опровергать, конечно, субъективныя убѣжденія многихъ лицъ, особенно Сибириковъ, въ томъ, что Федоръ Козьмичъ былъ не кто иной, какъ императоръ Александръ I. Это уже дѣло вѣры, и эта вѣра въ Сибири очень крѣпка, чтѣ доказывается обиліемъ того повѣствовательнаго (при полномъ отсутствії фактическаго и документальнаго) материала, который былъ собранъ Н. А. Лашковымъ (тоже Сибирикомъ, проникнутымъ при томъ большими пѣтетомъ къ предмету своихъ изысканій).

Еще послѣднее замѣчаніе. Часто указывается на посвѣщеніе могилы старца въ Томскѣ многими высокопоставленными лицами. Думается намъ, однако, что это доказательство не имѣть большого значенія; легенду, конечно, знаютъ многие, можетъ быть иные вѣрятъ въ нее, но, конечно, никто точно не знаетъ и не имѣть доказательствъ того, кто былъ именно этотъ старецъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ, употребившій такъ много труда и стараній, чтобы разгадать „тайну“ Федора Кузьмича, дѣлая свои предположенія о Семенѣ Великомъ, сыне Павла Петровича, прямо высказываетъ, что ему неизвѣстно, кто былъ Федоръ Козьмичъ. Авторъ пока только вполнѣ ясно и безповоротно доказалъ, что таинственный старецъ не былъ покинувшій престолъ Александръ Павловичъ. Посвѣщается могила Федора Козьмича, личность котораго связана съ поэтической легендой, какъ одна изъ немногихъ достопримѣчательностей Томска, а служится на ней панихида потому, что народу въ Томскѣ памятна отшельническая, благочестивая жизнь старца, окруженная ореоломъ святости, чего никто и не отрицаєтъ.

А. Голомбіевскій.

УКАЗЪ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРУ ГРИГОРИЮ ВОЛКОНСКОМУ, 9 НОЯБРЯ 1708 ГОДА.

Божію поспѣшествующею милостію, мы пресвѣтлѣйшій и державицьшій великий государь царь и великий князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и съверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель. Наше царское величество объявляемъ симъ Прилуцкого полку наказному полковнику и коменданту и полковой старшинѣ и казакомъ, обрѣтающимся въ замкѣ Прилуцкомъ.

По нашему великого государя нашего царского величества указу, посланъ въ замокъ Прилуцкой, для лутчей обороны отъ непріятельского наступленія и измѣнника Мазепы, съ войскомъ нашимъ Великороссійскимъ генераль нашъ маоръ князь Григорей Волконской. Того ради мы великий государь повелѣваемъ вамъ онаго въ замокъ Прилуцкой впустить немедленно безо всякого супротивленія. Буде же кто дерзнетъ сему нашему великого государя указу учиниться ослушень и ево генерала нашего маора впустить съ войскомъ во оной не походить, и съ тѣми такожъ учинено будетъ какъ и съ съдящими въ Батурина, которые, ослушаясь нашего великого государя указу, войскъ нашихъ не впустили, взяты отъ нашихъ войскъ приступомъ, и которые противились тѣ побиты, а заводчики изъ нихъ кажнены.

Данъ сей напѣць царского величества указъ за подписаніемъ нашей власныя руки и припечатаніемъ нашей царственныхъ печати въ Глуховѣ, Ноября въ ۴ (9) день ~~Люї~~-го (1708). Царь Петръ.

(Слѣды красной восковой печати съ изображеніемъ двухголоваго орла).

О письмахъ фельдмаршала князя Витгенштейна.

Lettres du feld-marechal prince de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg à sa femme, pendant les guerres Napoléoniennes. 1804—1814. Réunies par les soins de madame la princesse Léonille de Sayn-Wittgenstein-Sayn, née princesse Bariatinsky. Lausanne. 1805.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1906 года, въ статьѣ г-на Нуцилло, читатели познакомились съ этимъ героемъ Отечественной войны, спасшимъ Петербургъ отъ непріятельского нашествія. Въ этой статьѣ изображена умилительная память его о своей матери. Въ настоящей книжѣ онъ привлекателенъ, какъ супругъ. Его добросердечіе, скромность въувѣдомленіяхъ о блистательныхъ его побѣдахъ, сердечная простота, снисходительность въ сужденіяхъ о другихъ дѣятеляхъ грознаго времени, достойны вѣчной похвалы. Такъ какъ письма эти вполнѣ семейныя, то можно бы пожелать, чтобы оглашены были и отвѣтныя.

Императрица Елизавета Алексеевна высоко ценила доблестного воина и прекрасного человека, о чём свидетельствуют ея письма къ супругѣ фельдмаршала („Русскій Архивъ“ 1906 г.), рожденной Снарской. Императоръ Александръ Павловичъ (на 8 лѣтъ моложе Витгенштейна) зналъ его съ ранняго своего дѣтства, такъ какъ будущій фельдмаршаль, оставшись сиротою, жилъ у своей мачихи, графини Анны Петровны Бестужевой-Рюминой (невѣстки канцлера), рожденной княжны Долгорукой, а потомъ у ея родственницы Н. В. Салтыковой, мужъ которой былъ главнымъ воспитателемъ Александра Павловича. Витгенштейнъ выросъ въ Русской семье, хорошо говорилъ по-русски, любилъ Русскихъ солдатъ и былъ ими любимъ.

Государь цѣнилъ своего полководца и проливалъ на него обильныя щедроты своей милости. Отношения бывали простыя. Напр. 6 Сентября 1813 г. Витгенштейнъ пишетъ: „Сегодня Государь прибыль ко мнѣ на аванпосты и просилъ позавтракать. Я подалъ ему ветчины тобою присланной. Она очень хороша, и отъ нея осталось весьма немного. Пришли еще по первой оказіи“.

Книжка издана невѣсткою фельдмаршала, второю супругою его старшаго сына, княгинею Леонилой Ивановной, рожд. княжною Барятинскою. II. Б.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ.

В. С. Россоловскій.

10-го Января 1908 года скончался въ Шетербургѣ В. С. Россоловскій.

Лѣтъ 20 тому назадъ случилось мнѣ гостить у одного богатаго человека, жившаго въ огромномъ домѣ, наполненномъ всякаго рода драгоценностями (у него однихъ лампъ зажигалось болѣе 80). Довѣренное лицо завѣдывало, какъ домомъ, такъ и всѣмъ наличнымъ имуществомъ; у негоже были ключи какъ отъ денегъ, такъ и отъ бумагъ и вещей. Случилось несчастіе: это лицо постигла внезапная смерть. Благопріятель мой не зналъ, какъ ему быть. Полицейское начальство прислало ему на ночь сторожей. На другое утро онъ приходилъ ко мнѣ и сообщаетъ, что взялъ себѣ домоправителемъ Вячеслава Сильвестровича Россоловскаго.—И не побоялись вы? Вѣдь и имя, и отчество, и фамилія Польскія! А ну какъ онъ станетъ дѣйствовать по Польскому катихизису?—На слѣдующее утро новый домоправитель пришелъ ко мнѣ знакомиться, и одинъ взглянуть на него разсыпалъ мои опасенія: лицомъ своимъ онъ чрезвычайно напомнилъ мнѣ старшую дочь Сергея Тимофеевича Аксакова, Вѣру Сергеевну. Россоловскій оказался роднымъ внукомъ младшей сестры Аксакова, Глумилиной, племянникомъ знаменитаго спирита Юма и почтенаго профессора Бутлерова. Мы скоро сблизились съ нимъ и затѣмъ оставались непрерывно въ дружескихъ отношеніяхъ, потому между прочимъ, что онъ завѣдывалъ бумагами близкаго мнѣ И. С. Аксакова. Отъ него я узналъ, что отецъ его былъ сосланъ въ Уфимскій край за участіе въ Польскомъ мятежѣ 1831 года; но въ Россоловскомъ не было ничего мятежнаго. Въ „Новомъ Времени“ сказано, что онъ происходженія Татарскаго; вѣроятно, предокъ его былъ однимъ изъ Крымскихъ Татаръ, нѣкогда поселившихся въ Литвѣ.

П. Б.

- скомъ. С. Соловьева. **1783.** I, (2), 149—155.
- 4918.** Стихи на могильномъ камнѣ актера Садунова. **1869.** (9), 1568.
- 4919.** А. В. Ступинъ и его ученики. (Арзамасская школа живописи). Барона Н. Врангеля. **1906.** I, (3), 432—448.
- 4920.** Композиторъ Сѣровъ на Петербургской гауптвахтѣ. Сообщ. А. К. Жизневскимъ. **1883.** III, (5), 202—203.
- 4921.** О художнике Флавицкомъ. О. Глинки. **1905.** II, (7), 480. Къ статьѣ о самозванкѣ Таракановой.
- 4922.** М. С. Щепкинъ въ семье и на сценѣ. А. В. Щепкиной. **1889.** I, (4), 529—554.
- 4923.** Первое появление М. С. Щепкина на сценѣ Московского театра. В. Н. Рогожина. **1898.** III, (12), 547—549.
- 4924.** О духовномъ происхождѣніи М. С. Щепкина. Щ. **1900.** III, (11), 440—442.
- 4925.** Два письма М. С. Щепкина къ Н. В. Гоголю. Сообщ. В. И. Шенрокомъ. **1889.** I, (4), 555—558.
- 4926.** Щепкинъ. Мочаловъ и Ленскій. **1885.** I, (4), 660. Стихи Д. Т. Ленского о Мочаловѣ.
- 4927.** А. С. Яковлевъ. Изъ исторіи Русского театра. А. Н. Сиротинина. **1889.** II, 399—424.
- 4928.** Публичные концерты и балы въ столицахъ. С. Танѣева. **1885.** II, (7), 442—446. Исторія музыки съ 1120 г. до послѣдняго времени.
- 4929.** Къ исторіи театра въ Юго-западномъ краѣ. Черниговскія афиши 1828 года.—Харьковскій театръ 20-хъ годовъ XIX в. (В. Каллаша). **1901.** II, (6), 244—247.
- 4930.** Двухсотлѣтіе Русского сценическаго искусства и „Комедійной Московской школы“. Звенигородца. **1889.** III, (12), 570—572.
- 4931.** Къ статьѣ о двухсотлѣтіи комедійного дѣла въ Россіи. Г. Воробьевъ. **1891.** III, (12), 570—571.
- 4932.** Управление Русскими театрами въ Петербургѣ и Москвѣ. М. Н. Лонгинова. **1870.** (8—9), 1551—1558.
- 4933.** Нѣсколько замѣтокъ для исторіи Русского театра и для біографіи нѣкоторыхъ старинныхъ Русскихъ актеровъ. М. Н. Лонгинова. **1870.** (7), 1348—1366. О Мих. Дм. Чулковѣ, Мих. Поповѣ, Татьянѣ Матв. Троепольской, Петрѣ Ал-сѣев. Шавильщиковой и Яковѣ Емьянѣ. Шушеринѣ.
- 4934.** Замѣтки къ первоначальной исторіи Русского театра. М. Н. Лонгинова. **1873.** II, (10), 2042—2046.
- 4935.** Артистическая семья. Къ исторіи Русского театра. А. Н. Сиротинина. **1887.** II, (7), 371—389. Вас. ѡедот. Рыкаловъ.—Елис. Вас. Рыкарова.—Степанова.
- 4936.** Любительские спектакли въ Москвѣ въ пятидесятыхъ годахъ. Изъ воспоминаній отставнаго режиссера. С. Соловьева. **1874.** I, (1), 203—222.
- 4937.** Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 году. Сообщено К. М. Петровымъ. **1870.** (4—5), 954—959.
- 4938.** Старинная афиша маскарада въ Михайловскомъ дворцѣ (1844). **1884.** III, (5), 59—64.
- 4939.** Для исторіи Русского народнаго театра. (Анна воинъ и Смерть), съ предисловіемъ А. А. Котляревскаго. **1864.** (10). 1091—1099.
- 4940.** Маскарады въ столицахъ. (Материалы для исторіи). С. Танѣева. **1885.** III, (9), 148—153. При Аннѣ Ioannovnѣ, Екатеринѣ Великой, Николаѣ Павловичѣ и Александрѣ Николаевичѣ.
- 4941.** О пасторѣ Лонгѣ. **1863.** (7), 576. Англійскій пасторъ.
- 4942.** Вукъ Стефановичъ Караджичъ. (Некрологъ). И. И. Жинизифова. **1864.** (3), 329—334.
- 4943.** Людовикъ XVII-й въ Россіи. **1877.** III, (9), 48—91.

- 4944.** Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковскаго. К. И. Жинифова. 1863. III, 217—221.
- 4945.** Некрологъ Болгарина Саввы Влковича Филаретова. 1867. (1). 118—119.

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ *).

(Отзывы о Россіи).

- 4946.** Adams, Quiny. Memoirs of John. Edited by Charles Francis Adams. Vol. II. Philadelphia, 1874. **1875.** I. (2), 236—237.
- 4947.** Aksakoff, Ivan. Condens Spech of mr. London 1876. **1877.** I, (4), 453.
- 4948.** Arneth. Geschichte M. Theresiens. **1876.** I, (3), 298.
- 4949.** Arneth. Geschichte Maria Theresia's. Letzte Regierungszeit. Band 2. **1878.** I, (2), 186—187.
- 4950.** Арнольдъ, Артуръ. Черное море и Дунай. **1869.** (2), 034.
- 4951.** Atkinson, I. Bearington. An Art-Tour to the Northern Capitals of Europe. Lond. 1874. **1875.** I. (2), 245.
- 4952.** Barkley. Bulgaria before the War. Lond. 1877. **1878.** I, (2), 196—197.
- 4953.** Barry, Herbert. Ivan at Home, or Pictures of Russian Life, London, 1872. **1873.** I. (1), CXX.
- 4954.** Barry, Herbert. Russia in 1870, London, 1871. **1872.** (3—4), 753—754.
- 4955.** Barry, Herbert. Russian Metallurgical Works, Iron, Copper and Gold, London, 1870. **1871.** 4—5, 0968.
- 4956.** Beheim, Schwarzbach, Hohenzollernsche Colonisationen, Leipzig, 1874. **1875.** I, (2), 239.
- 4957.** Bernhardi. Geschichte Russlands u. der europäischen Politik in den J. 1814 bis 1831. Leipzig. 1877. **1879.** I, (2), 258.
- 4958.** Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—1815. Herausg. von E. von Colomb. Gen. Stuttgart, 1877. **1878.** I, (2), 187—188.
- 4959.** Boukharow, Dmitri. La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs relations politiques jusqu'à nos jours. Amsterdam. 1876. **1877.** I, (4), 450.
- 4960.** Boulger, Demetrius. The Lief of Iakoob-Beg, Ameer of Kashar. London. 1878. **1879.** I, (2), 261.
- 4961.** Браунъ. Страна Топа. Лондонъ. 1867. **1868.** (2), 317—318.
- 4962.** Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen, Dreissig Jahre eines fürstlichen Frauenlebens, herausg. v. Ph. Walter. 2 Bände. Wien, 1877. **1878.** I, (2), 192—193.
- 4963.** Bryce, James. Transcaucasia and Ararat, being Notes of a Vacation Tour in the Autumn of 1876. Lond. 1877. **1878.** I, (2), 203.
- 4964.** Brüggen. Polens Auflösung. Culturgeschichtliche Skizzen aus den letzten Jahrhunderten der polnischen Selbstständigkeit. Leipzig. 1878. **1879.** I, (2), 258.
- 4965.** Burnaby, Fred. A ride to Khiva. Travels and Adventures in Centrl. Asia, London 1876. **1877.** I, (4), 449.
- 4966.** Calendar of State-Papers. Foreign Series, of the Reign of Elizabeth, 1556—1558, preserved in the State-Paper Department of Her Majesty's Public Record Office, by Allan Crosby. London, 1872. **1873.** I, (1) CXV—CXVI.
- 4967.** Carrington, Ceorge. Behind the scenes in Russia, Lond. 1874. **1875.** I, (2), 246.
- 4968.** Celestin. Russland seit der Abschaffung des Leibeigenthums. Laibach, 1875. **1876.** I, (3), 302—303.

*) Сообщаемы были К. П. Нобѣдоносцевымъ. И. Б.

- 4969.** Charles Williams. The Armenian Campaign. London. 1878. 1879. I, (2), 257.
- 4970.** Codice diplomatico delle colonie Tauroliguri burante la signoria dell' Ufficio di S. Giorgio, ordinato ed illustrato dal P. Amedeo Vigna. Tom. I. Fasc. 1. 1868. 2. 1869. 3. 1870. Genova. 1871 (4—5), 0973—0974.
- 4971.** Conversion de s. a. mad. la princesse Alexandrine de Dietrichstein, née comtesse de Schouwaloff. Paris 1879. 1880. I, 373—374.
- 4972.** Correspondance de l' empereur Napoleon I. Томы 23 и 24. 1869. (2), 028—029.
- 4973.** Correspondance du comte Panin avec le comte Rostopchin. 1876. III, (12), 432—436.
- 4974.** Corry. Shadows of coming events. London 1876. 1877. I, (4), 448.
- 4975.** Curiosità e Ricerche di storia Subalpina. (Никомеди Банки). 1877. I, (4) 443—444.
- 4976.** Dall, Will. Alaska and its Resources, Boston, 1870. 1871. (4—5), 0965.
- 4977.** Dalton. Iohannes von Muralt. Eine Pädagogen und Pastoren Gestalt der Schweiz und Russlands, Wiesbaden 1876. 1877. I, (4), 443.
- 4978.** Де. Русское управление въ Польшѣ, съ разсказомъ о Польскомъ мятежѣ 1863 г. Лондонъ. 1868. (2), 320.
- 4979.** Défense de Sébastopol. Ouvrage rédigé sous la direction du lieutenant général de Todleben. Pétersbourg. Uebersetzung aus dem Russischen. 1. Theil. 2. Bde 4 (1.IX и 917 S. mit Stein und Kupletttafeln und 10 lith.Karten). Berlin, Mittler. 1866. (5), 773—776.
- 4980.** Der Emancipationskampf des vierten Standes. 2 тома. Berlin, 1874—1875. 1876. I, (3), 304—305.
- 4981.** Die Recessse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430. Band I. Leipzig, 1870. 1872. (3—4), 758—759.
- 4982.** Dixon, W. Hepworth. Free Russia. London, 1870. 1871 (4—5), 0967—0968.
- 4983.** Drei Bilder aus dem livländischen Adelsleben des XVI Jahrh. Leipzig. 1878. 1879. I, (2), 258.
- 4984.** Duncker, Max. Aus der Zeit Friedrichs Wilhelm III. Leipzig, 1876. 1878. I, (2), 187.
- 4985.** Дюре. Русский портретъ. (Биографія дочери гр. Сперанского, Багревой-Сперанской). Лейпцигъ. 1867. 1868. (2), 328.
- 4986.** Дюси, Эдуардъ. Мѣсяцъ въ Россіи во время бракосочетанія Цесаревича. Лондонъ. 1867. 1868. (2), 317.
- 4987.** Эккартъ. Черты общественного развитія въ Прибалтийскомъ краѣ и въ Россіи за два столѣтія. Лейпцигъ. 1869. 1869. (2), 031—033.
- 4988.** Eckardt. Livland im 18-ten Jahrhunderte. 1 Band. Leipzig, 1876. 1877, I, (3), 422.
- 4989.** Eckardt, Julius. Jungrussisch und altlivländisch-politische und culturgeschichtliche Aufsätze, Leipzig, 1871. 1872. (3—4), 752.
- 4990.** Eckardt, Julius. Modern Russia, Lond. 1869. 1871. (4—5), 0970—0971.
- 4991.** Де ла Феррерь. Два года должностного пребыванія въ Петербургѣ. Рукописи, письма и исторические документы, вывезенные изъ Франціи въ 1789 г. Парижъ. 1867. 1868. (2), 321.
- 4992.** Фонтонъ, Ф. П. Воспоминанія. Юмористическая, политическая и военная письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1828 и 1829 г. Лейпцигъ. 1862. 8^о, 2 т. 1863. 172—174.
- 4993.** Franzoz, K. E. Aus Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bu-cowina, Südrussland und Rumö-nien. Leipzig, 1876. 1877. I, (4), 417—418.
- 4994.** Freeman, Edward. The Ottoman Power in Europe, its Nature, its Growth and its Decline, London, 1877. 1878. I, (2), 195—196.
- 4995.** Gedenkblätter. Prag. 1874. (Памятные Листки,—изд. Франца

- Палацкаго, Прага, 1874). **1875.** I, (2), 241.
- 4996.** Geikie, A. Life of Sir Roderick Murchison, London, 1875, **1877.** I, (4), 444.
- 4997.** Gesellschaft, Neue Bilder aus Petersb. Leipzig, 1874. **1875.** I, (2), 246.
- 4998.** Comte Fedor Golovkine. La cour et le règne du Paul I-er. Portraits, souvenirs et anecdotes. Avec introduction et notes par S. Bonnet. Avec portraits. Paris, librairie Plon. 1905. 8°. **1905.** II, обл. (5-го вып.).
- 4999.** Grenzstein, A. Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im baltischen Chor. Juriew 1899. **1901.** II, обл. (8-го вып.).
- 5000.** Grove, Crawford. The Frosty Caucasus etc. London, 1875. **1876.** I, (3), 305.
- 5001.** Guillardet, Fred. Mémoires sur la chevalière d'Eon. Paris, Dentu. **1868.** (2), 319.
- 5002.** Guthrie, Mrs. Through Russia, 2 vls. Lond, 1874. **1875.** I, (2), 243.
- 5003.** Hofmeister. Das europäische Russland. Militarische Landes und Volksstudien. Berlin 1876. **1877.** I, (4), 447.
- 5004.** Hochstetter, Ferd. Asien, seine Zuktibahn und seine Kohlenschätzze. Eine geographische Studie. Wien 1876. **1877.** I, (4), 448.
- 5005.** Howarth, Henry. History of the Mongols from the Nineteenth Century, London 1876. **1877.** I, (3), 423—424.
- 5006.** Гюппе. Обзоръ управлениі Польской республики, Berlin, 1868. **1869.** (2), 026—027.
- 5007.** Ходзько, А. Coup d'oeil général sur la littérature russe depuis Pierre-le-Grand jusqu'à nos jours. М. Ф. Шугурова. **1866.** (5) 771—773.
- 5008.** Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Kritisch nachgewiesen von Jos. und Germ. Jiricek. 1862. 8°. II. Гильтебрандта. **1863.** 269—270.
- 5009.** Joyneville, C. Life and Times of Alexander I, emperor of the Russias. London, 1875. **1876.** I, (3) 297.
- 5010.** Johnstone, Munro Butler. A Trip up the Volga. Oxford, 1875. **1876.** I, (3), 303—304.
- 5011.** Joseph II und Leopold von Toskana. Ihr Briefwechsel, herausg. v. Alfred Retter von Arneth. 2 Bände. Wien. 1872. **1872.** (3—4), 765—771.
- 5012.** K. O. Friend or Foes? London. **1878.** **1879.** I, (2) 257.
- 5013.** Karamzine. Lettres d'un voyageur Russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789—1790). Traduites du Russe; accompagnées des notes et d'une notice biographique sur l'auteur. Paris. Emile Mellier. 1867, XXIV et 364 pages. М. Н. Лонгинова. **1867.** (3), 467—470.
- 5014.** Рѣдкая книга. Remarques sur la langue Russienne et sur son alphabet. Avec des pièces relatives à la connaissance de cette langue, publiées et augmentées par Théodore Karjavine, ancien intérêpète pour Roi à la Martinique. А. Сант Петербург 1791. А. А. Титова. **1906.** I, (1), 156—157.
- 5015.** Kennan, George. Tent-Life in Siberia and Adventures among the Kozaks and other Tribes in Kamtchatka and Northern Asia. London 1870. **1871.** (4—5), 0965—0966.
- 5016.** Knox, Thomas. Overland through Asia. London. **1872.** (3—4), 755—756.
- 5017.** Bibliografija Hrvatska Dio prvi. Tiskane knjige. Uredio. I. Kukuljevic Sakcinski. U Zagrebu. 1860. 8° II. А. Гильтебрандта. **1863.** 268—269.
- 5018.** Finnische Geschichte, Leipzig, 1874 (Коскинена), **1875.** I, (2) 242.
- 5019.** Krek. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. 1—r Theil Graz, 1874, 336 стр. **1875.** I, (2), 242.
- 5020.** La vie intime de Voltaire aux Délices et à Fernay, 1754—1778, d'

- après des lettres et des documents inédits, par Lucien Percy et Gaston Mangras, Paris, 1885. **1885.** II, (8), 585.
- 5021.** Landen. Die trinitarische Lehrdifferenz zwischend abendländischer und der morgenländischer Kirche. Eine dogmatgeschichtliche Untersuchung: Bonn 1876. **1877.** I, (4), 457—458.
- 5022.** Latham. Russian and Turk from a geographical, ethnological and historical Point of View. London. 1878. **1879.** I, (2), 256.
- 5023.** Aus meinem Leben. Von Louis Schneider, Berlin, 1879 **1880.** I, 374—376.
- 5024.** Lebscheid. Das Politische Testament Peters des Grossen. Berlin. 1870. **1872.** (3—4), 760—761.
- 5025.** Le Pays Thoug-Slave, son état physique et politique, Paris, 1874. **1875.** I, (2), 247.
- 5026.** Lorenzen, par. H. Hiort. Livre d'or des souverains, Paris 1895. К. А. Г(убастова). **1895.** III, (11), 405.
- 5027.** Lettre à m. H. de Treitschke à propos de quelques jugements sur l'église de Russie. Leipzig, 1874. **1875.** I, (2), 253.
- 5028.** Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760—1850. Extraits de ses archives. Publiéés et annotés par le comte A. de Nesselrode. Paris. 2 vol. **1904.** II. (обл. 7-го вып.).
- 5029.** Lindheim. Rusland in der neuesten Zeit. Wien 1876. **1877.** I, (4), 446.
- 5030.** Is Russia wrong? London. 1876. **1878.** I, (2), 189—190.
- 5031.** Lehmann, Max. Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege. Leipzig, 1875. **1877.** I, (3), 420.
- 5032.** Лескюръ. Секретная переписка о Людовикѣ XVI, Маріи Антуанетѣ, о придворной и городской жизни. Парижъ 1866. **1868.** (2), 321—322.
- 5033.** Лоусъ. Вокругъ Кремля или картины жизни въ Москвѣ. Lond. 1868. **1869.** (2), 029.
- 5034.** Mac Gahan, I. A. Campaign on the Oxus and the Fall of Khiva. Lond. 1874. **1875.** I, (2), 249.
- 5035.** Martin, Theodore. The Life of H. R. H. the Prince-Consort. Lond. 1874. Smith, Elderand C^o. **1875.** III, (2), 237; **1877.** I, (3), 422—423; **1878.** I, (2), 191.
- 5036.** Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum versionem latinam glossarium. Edidit Fr. Miklosich. Volumen primum, textum russico-slovenicum continens. Vindobonae. G. Braumüller. 1860. 8° II. А. Гильтебрандта. 1863. 268.
- 5037.** Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum, emendatum, auctum edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, Guilelmus Braumueller, 1862. 8°. II. А. Гильтебрандта. 1863. 269—270.
- 5038.** Motley. Peter the Great, въ журн. North American Review 1845 г. и въ сборн. Essays from The North American Review, edited by Rice, Lond. 1879. **1880.** I, 378—380.
- 5039.** Мюррей, Амелія. Воспоминанія съ 1803 по 1837 г. London 1868. **1869.** (2), 027—028.
- 5040.** Noorden. Europäische Geschichte im 18 Jahrhundert, 1 Abth. Der Spanische Erbfolgekrieg, 2 Band. Düsseldorf, 1874, 592 стр. **1875.** I, (2), 238—239.
- 5041.** Замѣтки на воспоминанія Фридриха Великаго (Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse, Berlin, 1788). **1887.** II, (7), 307—309.
- 5042.** Oeuvres choisies de Pierre Tchaïdaïff, publiées pour la première fois par le pr. Gagarin, de la compagnie de Jésus. Paris et Leipzig, chez A. Franck. 1862. 8°. М. Н. Лонгинова, **1863.** 270—272.
- 5043.** Oncken. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. Berlin. 1877. **1877.** I, (3), 422.
- 5044.** Oncken, Wilhelm. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. 2

- Band. Berlin. 1879. **1881.** I, 382—383.
- 5045.** Очерки Русской жизни прежде и послѣ освобождения крестьянъ, изд. профес. Морли. Лондонъ. 1866. **1868.** (2), 320.
- 5046.** (Шаляцкій Францъ). Gedenkblätter. Prag, 1874. **1875.** I, (2), 241—242.
- 5047.** Politische Correspondenz Friedrich des Grossen, T. 2. Berlin. 1879. **1880.** I, 376—378.
- 5048.** Palmer, M. The Patriarch and the Tsar. London, Trübner. (1876). **1878.** I, (2) 193—194.
- 5049.** Rome et Demetrius. Paris. 1879. **1880.** I, 383.
- 5050.** Popadopol Calimach, Alexandr. Sofia Paeeolog, nopòta Impératului Constantin XII Paleolog, si Domnita Olena, filia Domnului Moldovei Stefan-cel-Mare. Anale Academici Romane, tom. XVII. **1896.** III, (обл. 10-го вып.).
- 5051.** Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege. Heransg. v. Alfred von Vivenot. Bd. 2. Wien. 1874. **1875.** I, (2), 239.
- 5052.** Ral, Edward. The Land of the North Wind, or Travels among the Laplanders and the Samoyedes, Lond., 1875. **1876.** I, (3), 304.
- 5053.** Ralstone, W. R. S., by, Early Russian History. Four Lectures., Lond. 1874. **1875.** I, (2), 237.
- 5054.** Prokech-Osten, comte. Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne (1813—1828). Paris 1876. **1877.** I, (3), 421—422.
- 5055.** Rambaud, Alfred. Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877. Paris. 1878. **1879.** I, (2), 257.
- 5056.** Ranke. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Furst v. Hardenberg. 4 Bände. Leipzig, 1876. **1878.** I, (2), 185.
- 5057.** Rathery. Un gentilhomme français au XVIII siècle. Paris, 1876. **1878.** I, (2), 188.
- 5058.** Rawlinson, H. England and Russia in the East. London, 1875. **1876.** I, (3), 308.
- 5059.** Roepell, Richard. Polen um die Mitte des 18 Jahrhundert. Gotha, 1876. **1877.** I, (3), 421.
- 5060.** Romanof, H. C. Historical Narratives, from the Russian. Lond. 1871 **1872.** (3—4), 758.
- 5061.** Roth, Henry Ling. A Sketch of the Agriculture and Peasantry of Eastern Russia. London. 1878. **1879.** I, (2), 262.
- 5062.** Rousset, M. C. Histoire de la guerre de Crimée. Paris, 2 vls, 1877. **1878.** I, (2), 190.
- 5063.** Russel, maior Frank. Russian wars with Turkey. London. 1877. **1878.** I, (2), 191.
- 5064.** Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, par Sabathier de Cabres. Berlin, Asher. 1862. 8°. **1863.** 537—541.
- 5065.** Sarauw, Chr. Russlands kommerzielle Mission in Mittelasien, Leipzig. 1871. **1872.** (3—4), 756—757.
- 5066.** de Sécur, A. Vie du comte Rastopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris, 1872. **1873.** I, (1), CXVI—CXVII.
- 5067.** Schaefer. Geschichte der siebenjährigen Kriegs. Berlin. 1870. **1872.** (3—4), 761.
- 5068.** Schayler. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khotan, Bukhara and Kuldja. Lond. 1876. **1877.** I, (4), 450—452.
- 5069.** Smith, Bosworth. Mohammed and Mohamedanism. 2 Edit. Lond. 1876. **1877.** I, (4), 450.
- 5070.** Shaw, Robert. Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar (formerly Chinese Tartary) and Return Journey over the Karakoram Pass. Lond. Murray, 1871. **1872.** (3—4), 757—758.
- 5071.** Sorel. La question orientale au 18-me siècle. Paris, 1878. **1879.** I, (2), 256—257.
- 5072.** The life and correspondence of

- A. P. Stanley. London 1893. **1894.**
I, (3), 458—462.
- 5073.** Stied, Ludwig. Karl Ernst von Baer. Eine biografische Skizze. Braunschweig. 1878. **1879.** I, (2), 259.
- 5074.** Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christ. Friedr. v. Stockmaer, Braunschweig, 1872. **1873.** I, (1), CV—CIX.
- 5075.** Thilman, Streifzüge im Kaukasus, in Persien und in der Asiatischen Türkei. Leipzig, 1875. **1875.** I, (2), 244—245.
- 5076.** Tongini, C., Barnabite. The Pape of Rome and the Papes of the oriental orthodox Church. London, 1871. **1873.** I, (1), CIX—CX.
- 5077.** Trésor des pièces rares et curieuses, relatives à l'Histoire de la Russie, offertes aux bibliophiles Russes. **1873.** I, (1), CXIV—CXV.
- 5078.** Turnerelli, Tracy. Twoo Nights in a Launted House in Russia. A Christos Tale. Lond. 1873. **1875.** I, (2), 351—352.
- 5079.** Уимперъ, Фридерикъ. Путешествія и приключенія въ территоріи Алляскѣ, бывшей Русской Америкѣ и въ разныхъ частяхъ сѣверного берега Тихаго океана. Лондонъ. 1866. **1869.** (2) 033—034.
- 5080.** Шеферъ, Исторія Семилѣтней войны, Berlin. **1869.** (2), 025.
- 5081.** Russland unter Peter dem Grossen, nach den handschriftlichen Berichten Iohann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's, herausg. v. Dr. Ernst Herrmann. Leipzig, 1872. **1873.** I, (CX—CXIV).
- 5082.** Wahl, O. W. The Land ot the Czar, Lond. 1875. **1875.** I, (2), 245.
- 5083.** Wallace, Mackenzie. Russia. 2 vl. London. 1877. **1878.** I (2), 201—203.
- 5084.** Wardi. Serbien in seinen politischen Beziehungen, insbesonders zu Russland. Ein historischer Essay. Leipzig, 1877. **1879.** I, (2), 256—257.
- 5085.** Wassiltchikoff, A.. Liste alphabé-
tique de Portraits Russes. 2 тома.
1875. III, (12), 469—471.
- 5086.** Despatches, correspondence etc. of the duke of Wellington. London, 1877. **1878.** I, (2), 190.
- 5087.** Видалъ, Донъ Франциска де Пауль. Современная история Оттоманской Имперіи, или о Восточной войнѣ, со времени вѣзда князя Меншикова въ Константинополь для разрѣшенія Турецко-Русского вопроса. Мадридъ. 1854. Священ. К. Кустодіева. **1869.** (5), 751—758.
- 5088.** Wood, Herbert, Major. The Shores of Lake Aral, London 1876. **1877.** I, (4), 445—446.
- 5089.** Wyllie. Essais on the External Policy of India, London 1876. **1877.** I, (4), 449.
- 5090.** Aus den Papieren des Ministers und Burggrafen von Marienburg Theodor von Schen. Berlin. 1876. **1878.** I, (2), 186.
- 5091.** Zur Geschichte der orientalischen Frage. Briefe aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz. Wien, 1877. **1878.** I, (2), 188—189.
- 5092.** Vambery, Hermann, ordentl. Professor der orientalischen Sprachen an der königl. Universität zu Pest. Russlands Machtstellung in Asien, eine historisch-politische Studie. **1872.** (3—4), 756.
- 5093.** The songs of the Russian People, as illustrative of Slavonic Mythology and Russian social Life. London. Ellis and Green. 1872. **1873.** I, (1). CXX—CXXI.
- 5094.** Telfer, Buchan. The Crimea and Transcaucasia, Lond. 1876. **1877.** I, (4), 446.
- 5095.** The Diary of H. M. the Shah of Persia during his Tour through Europe in 1873, transl. by Redhouse. Lond. 1874. **1875.** I, (2), 245.
- 5096.** The Correspondence of the Right Honorable William Wickham from the year 1794, edited, with notes, by his Grondson, W. Wickham. 2 v. London 1870. **1872.** (4—5), 0971—0973.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ И СТАТЬЯХЪ.

а) Въ „Русскомъ Архивѣ“.

- 5097.** Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ четвертый **1896.** I, (3), 480.
- 5098.** Новооткрытая библіографическая рѣдкость: Алькоранъ о Магометѣ. П. А. Ефремова. **1888.** I, (4), 644—646.
- 5099.** Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя Русскія сказки. (Замѣтка). **1864** (1), 201.
- 5100.** О книгѣ И. П. Барсукова: Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій *** **1891.** II, (7), 403—404.
- 5101.** Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Отзывы В. Васильевскаго и И. Помяловскаго. На обложкахъ 1889—1905 г.
- 5102.** Историческія статьи въ журналахъ не-историческихъ (Ю. П. Бартенева). На обложкахъ. **1895** и **1896.**
- 5103.** О книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“ (изданіе П. Н. Батюшкова). А. Ф. Бычкова. **1890.** III, 376—379.
- 5104.** Западный край въ его историческихъ памятникахъ. Н. А. Попова. **1875.** I, (2), 232—235. Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ „Имперіи“, изд. по высоч. повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, вып. 6-й.
- 5105.** Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. П. Н. Батюшковымъ. **1873.** I, (1), CXXXVII—CXLIV.
- 5106.** Белляминовъ, И. Элементарный курсъ Всеобщей и Русской истории. Преподавателя исторіи (П. И. Мельникова). **1873.** I, (1), CXLIV—CLIV.
- 5107.** О смутномъ времени. Письма К. Н. Бестужева-Рюмина. Ю. и П. Бартеневыхъ. **1898.** III, (11), 453—456.
- 5108.** Васильевскій. Византія и Чеченьги. Д. И. Иловайскаго. **1873.** I, (3), 0425—0432.
- 5109.** Васильчиковъ, А. А. Семейство Разумовскихъ. Томъ пятый, съ портретомъ Н. К. Загряжской. У. Ш. **1895.** I, (1), 156—160.
- 5110.** Волконская (ур. княжна Бѣлосельская), кн. Зинаида Александровна. Сочиненія. 1865. 8⁰. **1867.** (2) 311—313.
- 5111.** „Архивъ Князя Воронцова“, 30 книгъ. Исторіографическая замѣтка. **1884.** III, (5), 236—237.
- 5112.** По поводу статьи Грече о Плюшарѣ и объ Энциклопедическомъ лексиконѣ М. Н. Лонгинова. **1870.** (10), 1940—1942.
- 5113.** Исторія первого Энциклопедического лексикона въ Россіи. Изъ Записокъ Н. И. Грече. **1870.** (7 и 10), 1247—1272.
- 5114.** Объ изданіи Чепскимъ ученымъ Федоромъ Ивановичемъ Езбергомъ газеты „Словѣнинъ“. **1863.** (2), 175.
- 5115.** По поводу записокъ кн. С. Г. Волконскаго. В. С. Иконникова. **1902.** II, (6) 265—267.
- 5116.** Воропоновъ, Ф. Ф. Начало Россіи. **1863.** II, 171.
- 5117.** Вышеславцевъ, А. Очерки первомъ и карандашомъ изъ кругосвѣтного плаванія. **1863.** 171.
- 5118.** Герценъ, А. Собрание сочинений. Томъ I-й **1876.** I, (3), 311.
- 5119.** Древній Русскій бытъ. Церковная трапеза и народный судъ. И. З. **1904.** III, (11), 404—419.
- 5120.** Голицына, князя. Выдержки изъ дневника и переписки. **1869.** (2), 028.
- 5121.** Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви Е. Е. Голубинскаго. А. А. Титова. **1903.** I, (3), 425—429.

себѣ и бесѣдоваль съ нимъ вдвоемъ. Въ мое время два раза пріѣзжалъ въ Гимназію попечитель учебного округа, графъ С. Г. Строгановъ, оба раза почти невзначай. Онъ не любилъ пышныхъ встрѣчъ, и онъ не допустилъ бы, напримѣръ, того, что бывало позднѣе, въ знаменитый объездъ Россіи граffомъ Д. А. Толстымъ, въ одномъ изъ округовъ: на видномъ мѣстѣ гимназической залы, красовалась богато переплетенная книга *Histoire du Catholicisme en Russie*. Графъ Строгановъ обогатилъ нашу гимназическую библіотеку отличными книгами, а много позднѣе, будучи Московскимъ генераль-губернаторомъ, перевезъ къ себѣ правителемъ канцелярии нашего И. М. Родзевича.

Выражаемъ признательность нашу господину директору Рязанской Гимназіи Николаю Яковлевичу Самойловичу за доставленіе въ „Русский Архивъ“ этой книги.

Курская Гимназія, основанная тоже первымъ министромъ Народнаго Просвѣщенія граffомъ Завадовскимъ, будетъ праздновать въ этомъ году свое столѣтие. Станемъ ждать и ея памятной книги. **П. В.**

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ.
Лицейские стихи Пушкина
по рукописямъ **Московского**
Румянцевскаго Музея и дру-
гимъ источникамъ. Къ кри-
тике текста. М. 1907. Книго-
издательство „Скорпіонъ“. Ма-
лая 8-ка. 98 стр. съ винь-
тами.

Изящно изданная книжка, содер-
жащая въ себѣ добросовѣстный трудъ
по разбору и прочтению черновой

подлинной тетради съ Лицейскими
стихотвореніями Пушкина. В. Я. Брю-
совъ оказалъ истинную услугу всякому,
кто дорожить поэзіею Пушкина. Имъ
неопровержимо доказано, что даже
Академическое изданіе Лицейскихъ
Пушкинскихъ стиховъ полно недосмо-
тровъ и сдѣлано небрежно. Благодаря
В. Я. Брюсову, мы теперь имѣемъ
цѣлыхъ четыре стихотворенія Пушкина
въ томъ видѣ, какъ они создались у
него еще въ Лицѣ. Позднѣе Пушкинъ
передѣлалъ ихъ и улучшилъ, но они
и первоначально прекрасны. Каждый
новый звукъ его лиры есть цѣнное
приобрѣтеніе родной поэзіи. Къ нему
можно примѣнить сказанное имъ же
про стихи Жуковскаго. Чтобы не пач-
кать рукописи, Жуковскій писалъ иног-
да на полоскахъ сдѣланныхъ имъ измѣ-
ненія и поправки и наклеивалъ ихъ
на томъ, чтѣ прѣдѣле было имъ напи-
сано; но иной разъ, при чтеніи, прѣжнее
нравилось ему больше измѣненнаго, и
однажды, читая стихи своимъ пріятелямъ,
онъ сорвалъ ногтемъ наклейку и бро-
силъ ее подъ столъ. Пушкинъ полѣзъ
туда, положилъ въ карманъ сорван-
ную полоску и сказалъ: „что Жуков-
скій бросаетъ, то намъ дорого“.

Удивительно, отчего такой библіо-
графъ, такой знатокъ классической,
Русской и Европейской поэзіи, какъ
В. Я. Брюсовъ, уже заявившій себя
работами по біографіямъ Пушкина, Ба-
ратынского, Тютчева, не состоить въ
числѣ лицъ занимающихся въ Импе-
раторской Академіи Наукъ изданиемъ
сочиненій великаго поэта. Пожелаемъ,
чтобы онъ продолжалъ свои отлично
удавшіяся разысканія и на остальные
произведенія Пушкина. **П. В.**

ПОДПИСКА
на
РУССКИЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-и).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двенадцать** выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—**двенадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ „Русского Архива“.

Господа иногородные книгородавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляются въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присыпать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по пѣнѣ, которую взимаеть Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русского Архива“ покорнейше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.— 17 руб.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХІВЪ

1908

4.

Стр.

465. Изъ записной книжки Коленкура (Наполеонова посла при нашемъ дворѣ). 1808.
476. Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра. Наполеонъ въ Россіи.
493. Изъ архива И. И. Новосильцева. Англійскіе місіонеры и Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Біблія изъ Англіи.—Загадочный Англійскій генералъ.
524. Изъ писемъ А. П. Буниной къ М. Н. Семенову. 1823. Сообщилъ К. Я. Гротъ.
536. Дѣло о разореніи общественныхъ садовъ въ Курскѣ. 1826. Сообщилъ С. Е. Комуховъ.
541. Памяти Филарета митрополита Московскаго. Речь Ю. П. Бартенева.
548. Успенскій соборъ въ Москвѣ. Устройство его отопленія. Протопресвитера В. С. Маркова.
583. Боевое крещеніе. 1877. Разсказъ А. А. Аноэва.
619. Изъ Записокъ архіепископа Леонида. 1865 (И. Д. Чертковъ).
621. Письмо императрицы Маріи Александровны къ Н. А. Шторху по кончинѣ А. Г. Троицкаго.
622. Екатерина Великая и Шведскій бракъ. (1796)
Внутри сорокъ о Перепискѣ А. С. Пушкина.
Приложеніе 23 полулистъ Предметной Росписи «Русскаго Архива»
(Отзывы о книгахъ и статьяхъ.—Архивы.)

Отдѣльные книжки «Русскаго Архива *прежніхъ* (до 1907) годовъ можно получать по 50 копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ «Предметная Роспись» даетъ возможность находить, въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА.

Издание Императорской Академии Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сайтова.

Томъ I-й (1815—1826). СПБ. 1908. IV и 393 стр. Тоже. Томъ 2-й (1829—1832). СПБ. 1908. XII, 399 и XII стр. 8-ка.

Въ разработкѣ минувшей Русской жизни вполнѣ одѣнено нынѣ значеніе писемъ, этихъ минутныхъ, но животрепещущихъ показателей о времени и о лицахъ, которыя ихъ писали.

Помогая графу Л. Н. Толстому въ первомъ изданіи его „Войны и Мира“, мы указывали ему неосновательность въ изображеніи Кутузова (который яко бы ничего не дѣлалъ, читалъ романы и переваливался грузнымъ старческимъ тѣломъ сбоку на бокъ). Доставлены были графу для прочтенія тогдашня письма Кутузова къ Д. П. Трощинскому, исполненная заботъ и попеченій. Графъ Толстой возразилъ: „въ письмахъ всѣ лгутъ“.

Конечно, не всѣ. Но отъ художника нечего и ждать полной правды исторической; онъ долженъ быть обязательно правдивъ только въ области изящнаго. Само собою разумѣется, что въ письмахъ бываетъ ложь односторонности, и отдельно взятыя, безъ поясненій, они могутъ ввести въ заблужденіе; но лица, поставленные судью на виду, платить за свое высокое положеніе тѣмъ, что все имъ принадлежащее подвергается суду „къ соблазну жадной“ толпы. Такъ напр. въ многотомномъ изданіи всего что осталось своеручного послѣ Гете, печатаются не только всѣ его письма, самыя ничтожныя, но даже перечни бѣлья, которое отдавалъ онъ мытья прачкѣ. Не безъ грѣха въ этомъ отношеніи и наша братья, архивисты. У

насъ этимъ грѣшили въ особенности Тихонравовъ и Шёнрокъ относительно Гоголя, не внявъ его загробному негодованію. Таковое, пожалуй, испытывается и тѣнь Пушкина по поводу издаваемыхъ нынѣ его писемъ. Но эти письма совершенно особаго склада, и читатели могутъ только радоваться ихъ *полному* появлѣнію въ печати, такъ какъ ими невольно зачитываешься.

Сколько намъ известно, изданію писемъ съ отвѣтами на нихъ и вообще всей переписки первый у насъ приѣхъ поданъ архіепископомъ Саввою: въ Запискахъ своихъ онъ приводить полученное письмо и вслѣдъ за нимъ помѣщаетъ свой отвѣтъ на него. Но самая дѣятельность высокопреосвященнаго Саввы не выходила изъ круга духовенства, тогда какъ Пушкинъ откликался на всякаго рода явленія современной ему жизни и что ни писалъ онъ, все запечатлѣно необыкновеннымъ его дарованіемъ.

В. И. Сайтovъ возымѣлъ плодотворную мысль издать письма Пушкина вмѣстѣ съ тѣми, которыя онъ получалъ, и, благодаря этому, получается живая, разнообразная и поучительная картина, отъ которой оторваться жаль, особенно такому усердному любителю и почитателю Пушкина, какъ пишущій эти строчки и теперь, благодаря двумъ этимъ книгамъ, узнающій про него многое для себя новаго. Отмѣнно любопытны письма князя П. А. Вяземскаго. Онъ и его супруга княгиня Вѣра Феодоровна цѣнили Пушкина чрезвычайно и принимали сердечное участіе во всѣхъ его нуждахъ и невзгодахъ. Въ особенности княгиня была ему истиннымъ другомъ (онъ былъ у нея наканунѣ своего поединка и передалъ что ему предстояло на другой день). Беззабѣтный его поклонникъ является и П. А.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КОЛЕНКУРА.

Людовикъ Коленкуръ (1773—1827) принадлежалъ къ числу наиболѣе преданныхъ своему императору Французскихъ генераловъ. Онъ прожилъ три года въ Петербургѣ Французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ и вель про себя нѣчто въ родѣ дневника, куда заносилъ доходившіе до него дворскія и городскія извѣстія, слухи и сплетни, равно какъ и то, что доходило до него изъ за предѣловъ Россіи, о дѣлахъ общеевропейскихъ. Коленкуръ далъ этимъ замѣткамъ кличку „говорять“ (on dit), и эти „говорять“ содержать въ себѣ немало любопытнѣйшихъ указаний; ибо далеко не все изъ его записей принадлежитъ къ празднымъ вымысламъ „къ соблазну жадной“ толпы: много наблюдалъ онъ лично; самъ же онъ былъ человѣкъ умный и достопочтенный, умѣвшій, подобно нашему Карамзину, до конца быть другомъ повелителю своему и вѣрноподданнымъ своей родины. Наполеонъ на островѣ св. Елены вспоминалъ про его преданность и правдивость. Онъ уговаривалъ не начинать похода въ Россію, не идти на Москву, и онъ же въ простыхъ санкахъ уѣзжалъ изъ Россіи вдвоемъ съ Наполеономъ (который покрылся Еврейскою кафавейкою для того, чтобы его не опознали).

Съ Россіею Коленкуръ познакомился еще въ 1801 году, когда первый консулъ посыпалъ его на коронацію Александра Павловича. Получивъ имя герцога Виченцкаго, съ 1807 г., послѣ Тильзитскаго мира по 1811 годъ былъ онъ у насъ представителемъ Европейскаго владыки, и никто изъ пословъ ни до него, ни послѣ, не имѣлъ въ Россіи такого значенія, какъ Коленкуръ. Русскіе люди негодовали на угодливость, которую выказывалъ ему Государь. Въ великолѣпной обстановкѣ прїѣзжалъ онъ на дворцовую площадь или на Марсово поле для присутствованія при гвардейскихъ парадахъ. Покойный графъ Киселевъ разсказывалъ, что въ эти дни Александръ Павловичъ по нѣсколько разъ подѣгалъ къ окну Зимняго дворца посмотретьъ, не єдетъ ли Коленкуръ и при появлѣніи его коляски послѣшалъ внизъ, чтобы сѣсть на коня. И. Н. Скобелевъ (дѣдъ современного намъ героя), въ то время квартальный надзиратель Адмиралтейской части, нарочно сдѣлалъ какое-то затрудненіе такому торжественному поѣзду Коленкура на царскій смотръ и, благодаря этому, получилъ народную извѣстность еще до 1812 года. Въ Петербургѣ сначала считали

Коленкура участникомъ въ гибели герцога Энгіенского (изъ за которой началась наша первая несчастная война съ Наполеономъ); но нынѣ доказано, что это была клевета его враговъ.

Нижеслѣдующія выдержки переведены изъ VI-го тома „Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей“, изданного въ нынѣшнемъ году Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Къ этому тому приложенъ превосходный портретъ Коленкура. Записки его до сихъ поръ не изданы вполнѣ; можетъ быть, тому препятствуетъ его безпристрастіе по отношенію къ Россіи.

П. Б.

1808-й годъ.

13-го Января 1808. Нарышкина родила черезъ 9 мѣсяцевъ и 5 дней, считая со дня отъѣзда Государя; утверждаютъ, что происходилъ семейный споръ, на которомъ отцовство приписывалось племяннику Льву¹⁾. Онъ служить гусаромъ гвардіи и всегда въ Петербургѣ.

Много было генеральскихъ производствъ, но предметомъ разговоровъ служить одинъ только графъ Павелъ Строгановъ²⁾, безсмѣнныи начальникъ медицинскаго департамента, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, юзившій въ Англію, казацкій офицеръ, получившій Георгіевскій крестъ за то, что отнялъ у маршала Нея повозку и привезъ въ Петербургъ бывшее въ ней его платье, теперь генералъ-майоръ.

Говорять только о мундирахъ, бредятъ только платьями, въ которыхъ являются на смотрѣ на праздникѣ встрѣчи двухъ императоровъ³⁾; все на Французскій ладъ: генеральское шитье, офицерскіе эполеты, перевязи взамѣнъ портупей у солдатъ, музыка во Французскомъ вкусѣ, Французскіе марши, Французскія ученья.

Частныя письма изъ Русскаго посольства, доставленныя курьеромъ

¹⁾ Знаменитая Полька, Марія Антоновна, рожд. княжна Четвертинская (1779—1854) въ первомъ бракѣ за оберъ-егермейстеромъ Дмитриемъ Львовичемъ Нарышкинымъ (1764—1838). Говорится о рожденіи ея дочери Софии, которую такъ любилъ императоръ Александръ Павловичъ. Племяннику ея мужа Льву Александровичу (двоюродному брату фельдмаршала князя Воронцова), который потомъ женился на Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой, было тогда 23 года отъ рожденія. Въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты“ помѣщенъ прекрасный портретъ Маріи Антоновны съ этой малюткой-дочерью. За 9 мѣсяцевъ и 5 дней до ея рожденія Государь уѣхалъ въ армию во время второй войны съ Наполеономъ.

²⁾ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1779—1817), товарищъ дѣтства Александра I. Послѣ Бородинской битвы, гдѣ онъ отличился, генералъ-лейтенантъ. См. въ I-й кн. „Русскаго Архива“ 1887 г. статью про него и его учителя Ромма.

³⁾ Состоявшійся въ этомъ году только въ Сентябрѣ этого года въ Эрфуртѣ.

графа Толстого¹). Онъ привезъ множество извѣстій изъ Англіи насчетъ Австрійской декларациі²). Они подняли вновь шумиху изъ-за брака императора Наполеона съ великою княжною Екатериною. Объ этомъ всюду разговоры, при чёмъ увѣряютъ, что это только эхо Парижскихъ разговоровъ. О томъ же гласятъ письма изъ Вѣны и изъ Германіи.

Высшее общество потѣшается насчетъ гр. Толстой, жены посла. Впередъ, говорятъ, хочется смѣяться надъ ея смѣшными претензіями: высокая, сухая, мало свѣтская, безъ внѣшности, безъ ума, но между тѣмъ повелѣвающая супругомъ; такою рисуется она. Осталось у нихъ восьмь дѣтей, изъ которыхъ четверо ее сопровождаютъ.

Полковникъ Чернышевъ³), который повезъ графу Толстому дѣпеши, во всѣхъ случаяхъ отмѣнно предупредителенъ и вѣжливъ ко всему, чтѣ имѣеть отношеніе до Франціи. Онъ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ значительныхъ здѣшнихъ фамилій. Государь отличаетъ его.

Молодая Владекъ считается послѣднею побѣдою Государя.

Когда императору Александру выражали сожалѣніе, что ему придется разстаться съ сестрою Екатериною, она сказала, что нечего жалѣть, такъ какъ она явится залогомъ вѣчнаго мира и что вѣдь ее выдадутъ за величайшаго изъ когда-либо жившихъ людей. Хотятъ, чтобы эта великая княжна не высказывала Французскому послу⁴) такого предпочтенія, какъ она это дѣлаетъ; ибо это дѣло обусловленное и, какъ ей известно, устроившееся. Императоръ Александръ лично велъ его въ Маѣ мѣсяцѣ⁵). Императрица-мать была этимъ крайне довольна, чему приписывается ея предупредительность къ послу. Царствующая императрица приходила отъ этого въ ужасъ, особенно принцессы Баденской Амаліи⁶), которая съ досады больше недѣли сидѣла у нея запершись. Австрійскій посолъ и весь Вѣнскій дворъ были отъ этого въ

¹) Графъ П. А. Толстой—напѣ посолъ въ Парижѣ. Супруга его, Марья Алексѣвна, рожд. княжна Голицына. См. о ней переписку Кристина съ княжною Туркестановою „Русскій Архивъ“ 1882 и 1883 г.

²) Вѣроятно, это относится къ тому, что императоръ Францъ не захотѣлъ жениться на Екатеринѣ Павловнѣ.

³) Александръ Ивановичъ, позднѣе графъ и князь, по матери племянникъ Екатерининского любимца Ланскаго, по отцу въ родствѣ съ графами Чернышовыми, происходившими отъ денщика Петра Великаго Черныша (Малороссіянина).

⁴) Коленкуръ нерѣдко говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

⁵) Т. е. въ Тильзитѣ.

⁶) Сестра императрицы Елизаветы Алексѣевны.

яности, такъ какъ эта княжна была отвергнута, когда умерла послѣдняя императрица *).

Бурд, Голландскій повѣренный въ дѣлахъ, войдя въ кабинетъ его величества, вообразилъ, что передъ нимъ Государь, тогда какъ это былъ ген.-адъютантъ Уваровъ. Онъ усердно кланялся, подалъ свои грамоты и сталъ произносить рѣчь, и Уваровъ остановилъ его только при произнесеніи словъ: ваше императорское величество. Много смѣялись тому при дворѣ и въ городѣ.

28-го Февраля 1808 г. Великая княжна Екатерина сочетается съ императоромъ, ибо она учится танцевать Французскія кадрили.

Нарышкина снова торжествуетъ надъ своими соперницами. Мелкія заботы о балахъ и за ужиномъ продолжаются у нея; каждое утро ее встрѣчаютъ пять или шесть разъ то верхомъ, то въ саняхъ.

Общее мнѣніе противъ войны въ Финляндіи; но лица, находящія эту войну безнравственною, суть тѣ же, которыя недавно считали нападеніе на Копенгагенъ весьма нравственнымъ. Многіе офицеры говорили съ кислою улыбкою офицерамъ состоящимъ при послѣ: „Вы проведете зиму въ Петербургѣ, а насъ посыпаете въ Финляндію. Эту войну съ Швеціею ведемъ мы для вашего императора“.

Гвардейскій гусарь Левъ Нарышкинъ, которому слѣдовало быть съ полкомъ въ Павловскѣ, сказался больнымъ, гулялъ по Петербургу и съ утра до вечера ухаживалъ за своей тетушкою. Наскучивъ встрѣтить его повсюду, великій князь на дняхъ послалъ къ нему полковаго командира и своего врача, чтобы они удостовѣрились въ его болѣзни. Это было утромъ, мнимый больной находился дома, и посланные донесли только, что онъ не очень здоровъ. Часъ спустя, недомогавшій появился на общественномъ гуляніѣ, кланялся со всѣми и даже встрѣтилъ Государя, который, увидя его, отъ него отвернулся. Досадуя на то, что не привлекъ къ себѣ вниманія Государя, онъ нарочно помѣстился среди улицы, чтобы великій князь его замѣтилъ; но тотъ притворился, что его не видѣть и на утро послалъ за нимъ и приказалъ емуѣхать тотчасъ же въ полкъ. Нарышкинъ не послушался и до того разсердилъ великаго князя, что тотъ велѣлъ ему идти подъ арестъ. Нарышкинъ не отдавалъ своей шпаги. Наконецъ его препроводили во дворецъ, где содержатся арестованные, и вечеромъ одинъ свитскій офицеръ отвездъ его въ полкъ. По законамъ онъ долженъ быть разжалованъ въ солдаты.

*) Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ очень хотѣлось выдать дочь за одновѣнчаго императора Франца (см. письма къ ней изъ Вѣны отъ князя Куракина въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г.), который въ первомъ бракѣ женатъ былъ на ея сестрѣ Елизавѣтѣ.

Великій князь этого требуетъ; но надѣются, что прекрасные глаза, его очаровавшіе, обезоружать соперника, который его великодушнѣ. Этю исторію занимались болѣе, нежели Финляндскою войною.

Весь Петербургъ видѣлъ двѣ прекрасныя колонны въ четыре фути вышины, два стола и полуокруглуя вазу въ три фути, всѣ изъ малахита; еще четыреугольную въ три фути, на подобіе древней, вазу изъ Сибирскаго порфира. На нихъ буква N. Все это сдѣлано въ Россіи и посыпается императору Наполеону¹⁾.

16-го Марта 1808 г. Недавно ночью великий князь²⁾ пошелъ дозоромъ по постамъ. Всѣ офицеры, за исключеніемъ одного Французскаго выходца, спали раздѣтые; на слѣдующій день громкія жалобы, всѣ посажены подъ арестъ. Точно такой-же дозоръ нѣсколько дней спустя, а именно вчера; также картина.

5-го Апрѣля 1808 г. Къ Нарышкиной вернулась вся ея сердечная власть. Толстой³⁾ и еще кое-кто умоляютъ Государя жить съ государыней, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы имѣть отъ нея ребенка. Напрасно: Государь рыцарски любить Нарышкину. Нѣсколько дней назадъ онъ мнѣ говорилъ, что ему совѣтно понапрасну обманывать ее и говорить, что онъ любить ее ради нея самой; что онъ ее любить ради ихъ двухъ дѣтей, а также потому, что она никогда не заговаривала съ нимъ о дѣлахъ и что между ними все было-бы кончено въ тотъ день, когда она вздумала-бы вмѣшаться въ государственный дѣла⁴⁾. Онъ увѣрялъ меня, что такого рода жизнь вернула ему полное счастье, что эта связь, вдобавокъ, не въ тягость государству и что хотя она длится уже шесть лѣтъ, онъ никогда не могъ принудить Нарышкину принять деньги и проч. „Мнѣ жаль императора“⁵⁾ добавилъ онъ, „если онъ никого не любить. Это отдыхъ послѣ трудовъ. Бываютъ мгновенія, когда чувствуется потребность не быть болѣе государемъ, быть увѣреннымъ, что вы любимы, что заботы и ласки, вамъ оказываемы, не

¹⁾ Въ Кремлевскомъ дворцѣ хранится и отвѣтный, наглый даръ Наполеона Александру Павловичу: это посуда Сервскаго фарфора съ изображеніями Наполеоновскихъ побѣдъ.

²⁾ Константинъ Павловичъ.

³⁾ Братъ нашего посла при Наполеонѣ, обергофмаршаль графъ Николай Александровичъ (котораго обязанностью было между прочимъ будить Государя по утрамъ).

⁴⁾ Однако изъ писемъ А. Я. Булгакова (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года) видно, какъ много значила Марья Антоновна. Въ рукахъ нашихъ были письма къ одному изъ будущихъ министровъ отъ его матери: она требуетъ отъ него, чтобы для успѣха въ службѣ онъ ежедневно навѣщалъ Марью Антоновну.

⁵⁾ Т. е. Наполеона.

жертва, принесенная съ честолюбивой и корыстолюбивой цѣлями, и вотъ это-то и утѣшаетъ. Чернышевъ передавалъ мнѣ о красавицахъ-Парижанкахъ, между прочимъ, объ одной госпожѣ Казанї; по его словамъ, это прелестнѣйшее созданіе, какое можно представить; императоръ къ ней привязывается. Все, чего я хочу, это видѣть его счастливъмъ. Должно быть, онъ нуждается въ отдохновеніи, хотя онъ слишкомъ стоецъ, чтобы быть сентиментальнымъ. Наконецъ, все это для личности и ничего для дѣла: это не дастъ намъ ни тому, ни другому дѣтей, которыя обезпечили-бы будущность“.

Толки о разводѣ вновь поднялись съ извѣстіемъ о поѣздкѣ въ Испанію; въ тоже время императрица *) отправилась будто въ Этрурію. Продолжаютъ желать, чтобы выборъ императора Наполеона палъ на в. к. Екатерину. Въ обществѣ говорятъ даже, будто-бы спрошенный о вѣроисповѣданіи митрополитъ Платонъ заявилъ, что схизма не есть ересь и что спастись можно и въ Римскомъ католичествѣ, только не въ протестанствѣ. Этотъ вздоръ, я думаю, сочиненъ; потому что я, обезпокоенный Московскими ложными слухами, будто-бы дворянство вынесло изъ своего собранія бюсть императора, послалъ туда молодого человѣка изъ своего посольства узнать, чтѣ случилось, и митрополитъ прислалъ мнѣ съ нимъ банку оливокъ. Этотъ гостинецъ сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ, и на немъ-то, думается, построили этотъ вздоръ. Москва (хотя это гнѣзда недовольныхъ, прежнихъ и новыхъ) очень спокойна. Моего молодого человѣка принимали всюду очень привѣтливо, даже съ почетомъ; всѣ, безъ различія мнѣній, высказывались объ императорѣ Наполеонѣ съ удивленіемъ. Императоръ Александръ, говорятъ, через-чуръ добръ: онъ разошелся съ Англіей въ угоду Франціи, надѣясь имѣть Валахію, и вотъ теперь онъ ввязался въ эту войну, которая разоряетъ Россію и не даетъ намъ ни копейки, ибо мы не можемъ сбывать своихъ производствъ; Франція не желаетъ уступать ему этой области дешевле, чѣмъ цѣною захвата Пруссіи, цѣною національного безчестья. Сравниваютъ Екатерину съ Александромъ; иные, болѣе благоразумные, не забыли царствованія Павла и благословляютъ то. Вотъ Московскія рѣчи. Бюсты во всѣхъ домахъ; но мнѣ сообщено, что ихъ уносили. Рекомендациі, коими я моего посланца снабдилъ къ прежнимъ знакомымъ, принимались очень хорошо. Онъ пробылъ въ Москвѣ пять недѣль; всѣ его донесенія для меня успокоительны.

7-го. Об.-полицмейстеръ Эртель замѣненъ генер. Балашовымъ, о которомъ говорятъ много хорошаго. Ко всему примѣшиваются Французы, и говорятъ, что это произошло по настоянію Французского посла,

*) Жозефина.

такъ какъ Эртель не любить Французовъ и во время войны худо съ ними обращался. Нѣкая Фридрихсъ, Француженка, жена фельдъегеря и съ годъ любовница великаго князя, родила мальчика. Онъ велѣль перевезти его къ себѣ во дворецъ, и сама императрица-мать позаботилась о матери. За нею ухаживаютъ во дворцѣ великаго князя, и онъ въ восхищениі.

Младшій изъ сыновей находящагося въ Парижѣ герцога Ольденбургскаго пріѣхалъ сюда 26-го (Марта). Онъ родственникъ царскому семейству по отцу и по матери, и его помѣстили при дворѣ. Французскій посолъ шутя спросилъ графа Румянцева передъ обѣдомъ 10-го числа, не это ли князь Сербскій, о которомъ онъ подумывалъ. Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и что Греческое исповѣданіе не допускается браковъ между родными, но что бывало немало разрѣшеній.

Много толковали про указы о чинахъ; но въ кругахъ мыслящихъ гораздо больше разговоровъ про устройство университетовъ, въ особенности о каѳедрѣ богословія.

19-го Іюня 1808 г. Мамзель Жоржъ¹⁾ много говорила объ императорѣ Наполеонѣ, увѣряя, что въ продолженіи двухъ лѣтъ она ему нравилась. По ея словамъ, она была безумно въ него влюблена и оставалась все то время ему вѣрна. Съ тѣхъ поръ она была близка съ герцогомъ Бергскимъ²⁾, герцогомъ Вюрцбургскимъ и, наконецъ, съ Бенкендорфомъ, за котораго, по ея утвержденію, выходить за-мужъ.

24-го Іюня 1808 г. Пріѣхавшая къ величайшему изумленію всѣхъ мамзель Жоржъ сказала, что заплатила тысячу экую³⁾ за паспортъ. Ждуть Бенкендорфа⁴⁾, который долженъ явиться какъ курьеръ съ первыми депешами; такъ какъ онъ живъ съ нею, то думаютъ, что она предприняла поѣздку, чтобы не разставаться съ нимъ. Онъ далъ ей письмо къ своему отцу въ Ригѣ; она передала его проѣздомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, она желаетъ выйти за него замужъ, ибо у нея не можетъ быть ни намѣренія, ни надежды выступить въ театрѣ, гдѣ не ставятъ трагедій.

¹⁾ Маргарита Жозефина Веймаръ (род. 1786 г., сконч. 1867 г.) известная подъ именемъ „мамзель Жоржъ“, трагическая актриса. Наполеонъ жилъ съ нею еще въ 1806 г.

²⁾ Миаратомъ, зятемъ Наполеона.

³⁾ Талеровъ?

⁴⁾ Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, при Николаѣ шефъ жандармовъ.

7-го Іюля 1808 г. 2-го Іюля увѣряли о смерти Англійскаго короля¹⁾ и о томъ, что полномочный министръ для заключенія мира²⁾ прибылъ въ Калѣ.

Много смѣялись надъ письмомъ оберкамергера Ш.... къ Государю, въ которомъ тотъ просилъ у него четырехъ милостей: во-первыхъ, не состоять на придворной службѣ до поправленія здоровья, между тѣмъ, при желаніи, на поклонъ къ ихъ величествамъ ъздить; во-вторыхъ, не бывая при дворѣ, совершать прогулки и выѣзжать по своимъ дѣламъ; въ-третьихъ, считаясь для службы больнымъ, бывать на обѣдахъ и на спектакляхъ у императрицы-матери; наконецъ, чтобы эти льготы не помышали Государю оказывать ему и другія милости, буде онъ сталъ-бы въ таковыхъ нуждаться. *Согласенъ безъ ущерба для другихъ*, написалъ въ отвѣтъ Государь.

Прекрасная Нарышкина ъздила на богоолье въ монастырь за 80 верстъ отъ Петербурга³⁾ возблагодарить Небо за исцѣленіе дочери.

16-го Іюля 1808 г. Императоръ Александръ отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю совершає любимыя прогулки въ Парголово (въ 3 верстахъ отъ Петербурга). Часто онъ ходить окольными путями и чрезъ поля. Нѣсколько дней назадъ, крестьяне, недовольные тѣмъ, что топчаться ихъ хлѣба, вырыли ямы и, не зная, кто ихъ топчетъ, принесли жалобу. Объ этомъ донесли, и Государь велѣлъ ихъ вознаградить.

Императрица-мать очень не одобряла Бенкендорфа, который увѣряетъ всѣхъ, что онъ и не думаетъ жениться на мамзель Жоржъ, а просить только отправить его въ Финляндскія войска, желая заслужить тамъ чинъ полковника, на что недавно изъявлено Государемъ согласie.

Продолжаютъ жаловаться на странность военнаго министра Аракчеева. Онъ посадилъ въ крѣпость и отдалъ подъ судъ одного изъ поставщиковъ арміи. По его настоянію устраниенъ графъ Ливенъ, занимавшійся дѣлами по войнѣ. За тѣмъ онъ уволилъ также князя Волконскаго, а позавчера услалъ въ пограничную армію одного флигель-адъютанта за то, что тотъ спалъ въ то время, какъ Государь ъзdiлъ на пожаръ (горѣло зданіе строящейся больницы Вдовьяго дома). Молодежь нѣсколько поусмирилась; но такая странность не согласуется

¹⁾ Георгъ III, влавшій снова въ неизлѣчимую душевную болѣзнь. Это известіе было невѣрное: король прожилъ до 1820 года.

²⁾ Англія съ Франціею; миръ не состоялся.

³⁾ Тихвинна пустынь?

со снисходительностью, оказанною молодому Нарышкину, который не послушался великаго князя. Объ этомъ кричать, но не громко, потому что министръ въ силѣ.

Изданъ указъ о производствѣ въ чины по выбору; полковники предлагаютъ производить офицеровъ до капитанскаго чина. Эта перемѣна произвела много говору.

27-го Іюля 1808 г. Частныя письма изъ Вѣны миролюбивы, также, по слухамъ, и настроеніе общества.

Бенкендорфъ не женится на мамзель Жоржъ. Она ходатайствовала о поступлении на службу, чего и добилась: поэтому, 24-го играла на сценѣ въ Павловскѣ у императрицы-матери.

Дюпоръ пріѣхалъ изъ Вѣны 25-го и явился во Французское посольство какъ Французы и путешествующій оперный артистъ. Посоль не принялъ его. Приглашеніе его еще не рѣшено.

Государь видѣлъ въ Павловскѣ мамзель Жоржъ. Онъ нашелъ ее прелестной, но блѣдной, и на парадѣ обратился къ послу съ словами: „Это принадлежность императора. Жаль, что ей приходится здѣсь играть съ плохими лицедѣями: она испортится, станетъ бесполезной и очутится не причемъ въ 6 недѣль, а въ нуждѣ, можетъ быть, черезъ 3 мѣсяца. Она безъ ума отъ Бенкендорфа, у которого ничего нѣтъ и которому не позволять на ней жениться. Мне жаль ея. Нужно быть сострадательнымъ къ ней, г. посолъ!“—„Мы не нуждаемся въ лицедѣяхъ, и Франція населена настолько, что не побѣжитъ за дезертирами“, былъ отвѣтъ.

Нарышкина въ тревогѣ, такъ какъ, по слухамъ, Государь нашелъ мамзель Жоржъ въ его вкусѣ, и сообщилъ ей объ этомъ.

9-го Августа 1808 г. Г-жа Мартовская, одна изъ наперсницъ Нарышкиной, поселилась въ Петергофѣ въ хижинѣ Англійскаго сада; тамъ были свиданія.

Утромъ третьаго дня Государь пилъ чай въ Петергофѣ у г-жи Северинъ, красивой, молодой супруги Нѣмецкаго купца: это та, что живетъ въ Парголовѣ *).

*) Кажется, это мать Дмитрія Петровича Северина (что былъ нашимъ посланикомъ въ Баваріи). Нѣкогда Пушкинъ писалъ ему: „Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ“. Одовѣвшъ, Северина жила въ Москвѣ, гдѣ была наперсницею холостяка И. И. Дмитріева, который взялъ подъ свое покровительство ея сына и звалъ его шон pupille.

Нарышкина перестала принимать своего шурина¹⁾, благодаря появленію мамзель Жоржъ, которую она обвиняетъ въ наушничествѣ императрицѣ-матери. Работаютъ надъ примиреніемъ, но миръ не возстановленъ.

5-го Ноября 1808 г. В. князя Константина думаютъ сдѣлать королемъ Польскимъ. Говорять, что императрица на третью мѣсяцѣ беременности. Нарышкина, юзившая въ Гродну, въ отсутствіе Государя, подъ предлогомъ повидаться со своей семьей, а на самомъ дѣлѣ заставить Государя вернуться²⁾ черезъ этотъ городъ, чтобы увидѣть ее, не достигла цѣли. Съ своей стороны, она не захотѣла отправиться въ Ригу, гдѣ ей указывалось свиданіе. Ея отсутствіе возстановило въ правахъ государыню. Однако Польку ждутъ черезъ недѣлю, и всѣ думаютъ, что она будѣтъ принята хорошо.

* * *

По возвращеніи изъ Эрфурта государь³⁾ остановился въ Гатчинѣ у матери только на три-четверти часа. Онъ пріѣхалъ въ городъ въ 2 часа по-полуночи и тотчасъ вошелъ къ царствующей государынѣ, которая была въ постели.

По слухамъ, онъ былъ довольно сухъ съ матерью, которой писалъ изъ Веймара (чтобы намекнуть на ея страхи): „Сегодня мы оставили Эрфуртскую крѣпость, и съ сожалѣніемъ обѣ императоръ Наполеонъ. Я вамъ пишу изъ Веймара“. Графъ Толстой, которому, какъ увѣряютъ, императрица-мать сказала при отѣздѣ, что онъ отвѣтитъ Богу и Россіи за отѣздѣ Государя и за это путешествіе, по возвращеніи не вошелъ въ покой императрицы, которая удивилась тому и послала за нимъ въ переднюю, гдѣ онъ оставался: — „Почему вы не вошли, любезный графъ, какъ дѣлали прежде?“ — „Потому что я не забылъ вечера, когда мы уѣзжали“ . — „Не стѣтъ говорить обѣ этомъ, возразила она; ошибки всегда возможны. Александръ видѣлъ лучше меня. Я мать, мои беспокойства естественны; но я всегда съ удовольствіемъ смотрю на вѣрныхъ слугъ Государя. Онъ возвратился, прошлое надо забыть“.

¹⁾ Т. е. Александра Львовица Нарышкина. Онъ былъ директоромъ императорскихъ театровъ.

²⁾ Изъ Эрфурта (куда юзилъ и Коленкуръ).

³⁾ Знаменитое свиданіе въ Эрфуртѣ происходило въ Сентябрѣ 1808 года. Не только въ Берлинѣ, но и у насъ опасались за судьбу Государя: Наполеонъ могъ поступить съ нимъ какъ съ Испанскимъ королемъ. Отъ „нечестиваго Корсиканца“ (*infâme Corse*), какъ звали Наполеона гр. С. С. Воронцовъ, всего можно было ждать.

15—23-го Ноября 1808 г. Знатныя семейства недовольны бракомъ великой княжны Екатерины съ принцемъ Ольденбургскимъ. Дѣти ихъ (говорять они) будутъ занимать большія должности. Чтѣ имъ дѣлать въ государствѣ, въ какомъ рангѣ они будутъ состоять? Къ чему это Нѣмецкое родоначаліе между трономъ и ними?¹⁾ Другіе-же видѣть тутъ дѣло честолюбія императрицы-матери, предлагающей націи дорогое для Русскихъ имя, чтобы, съ помощью его уравновѣсить и въ случаѣ нужды замѣнить вліяніе своего сына въ государствѣ. Принцъ малъ ростомъ, невзраченъ, худъ, въ прыцахъ, говорить невнятно. Принцессы Амалія увѣряла кого-то, что великая княжна была влюблена въ него; другіе-же думаютъ, что она играетъ этимъ чувствомъ съ досады, что не удалось выйти за кого-то другого. Ея мать въ неистовствѣ оттого, что это разстроилось²⁾ въ Мюнхенѣ.

9-го Декабря 1808 г. Бенкендорфъ уѣхалъ въ Финляндію. Нарышкинъ, мужъ прелестницы, занялъ его мѣсто у мамзель Жоржъ.

Государь собиралъ всѣхъ военныхъ, офицеровъ и солдатъ, на праздникъ военного ордена Св. Георгія. Всего собралось въ дворцовыхъ залахъ числомъ до 1,365. Послѣ обѣдни пляски посреди этой военной группы. Присутствовали императорская фамилія и весь дворъ, также какъ и Французскій посолъ, котораго Государь самъ пригласилъ. Это единеніе пожалованныхъ орденомъ солдатъ съ офицерами, хотя и въ порядкѣ заслугъ каждого, вызвало много пересудовъ, все равно какъ допущеніе Финскихъ депутатовъ въ театръ Эрмитажа, куда также допущены были и выборные отъ крестьянъ.

¹⁾ Опасенія вздорныя: три Ольденбургскія цоколѣнія принесли Россіи великія услуги.

²⁾ Императоръ Францъ вмѣсто Екатерины Павловны женился на принцесѣ Баварскаго дома.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА*).

Наполеонъ въ Россіи.

До Лядъ всѣ мѣстечки казались намъ скорѣе Еврѣйскими, чѣмъ Польскими. Литовцы бѣжали иногда при нашемъ приближеніи, Евреи же оставались: ничто не могло бы побудить ихъ покинуть свои жалкія жилища. Ихъ можно было узнать по картавому произношенію, по торопливому и изворотливому обороту рѣчи, по живости движеній и по цвѣту лица, разгоряченному низкой страстью къ наживѣ. Особенно обращали на себя вниманіе ихъ жадные пронзительные взгляды и вытянутыя заостренныя лица, которыхъ не можетъ сдѣлать привѣтливыми злобная и вѣроломная улыбка. Ихъ гибкая и тощая фигура, торопливая походка, бородка, по большей части рыжая, длинные каftаны съ кожаными поясами: все, кроме грязи, отличаетъ ихъ отъ Литовскихъ крестьянъ; все въ нихъ изображаетъ народъ опозоренный. Кажется, что они покорили Польшу, размножаясь въ ней и высасывая всѣ ея жизненные соки. Въ былое время ихъ вѣра, а теперь воспоминаніе объ осужденіи, бывшемъ слишкомъ долгое время всемирнымъ, сдѣлали Евреевъ врагами человѣчества; прежде они нападали съ оружіемъ въ рукахъ, теперь дѣлаютъ тоже самое хитростью. Въ Россіи пытаются отвращеніе къ этому племени, можетъ быть, потому, что Евреи чуть не иконоборцы, тогда какъ Русскіе доводятъ поклоненіе образамъ до идолопоклонства. По суевѣрю ли, или боязни соперничества, но Русскіе запретили Евреямъ вѣздѣть въ Россію, и тѣ вынуждены съ безсильной ненавистью сносить презрѣніе Русскихъ. Но еще большую ненависть возбудило въ нихъ наше разграбленіе. Всѣми ненавидимые, шпіоны обѣихъ армій, изъ мести или страха, Евреи продавали одну армію другой, смотря по обстоятельствамъ, и потому еще, что продаютъ рѣшительно все. Такъ какъ за Лядами начинается исконная Русь, то Евреи намъ болѣе не встрѣчались. Взоры наши отдохнули отъ ихъ отвратительного присутствія; за то другія нужды заставили о нихъ пожалѣть: сожалѣли объ ихъ дѣятельной и промышленной корысти, благодаря которой за деньги можно было все отъ нихъ полу-

---

*) См. выше стр. 436.

чать; сожалѣли объ ихъ искаженномъ Нѣмецкомъ нарѣчіи, единственномъ, понятномъ для насъ въ этихъ пустыняхъ языкѣ, на которомъ всѣ они говорять, нуждалась въ немъ для торговли.

„Все готовится къ сраженію. Я выиграю его, и тогда мы увидимъ Москву“, сказаль Наполеонъ. Принцъ Евгений на это промолчалъ; на вопросы же маршала Мортѣ, при выходѣ его отъ императора, принцъ отвѣтилъ: „Москва насть погубить!“ И такъ, начинали уже порицать дѣйствія Наполеона. Дюрокъ, самый сдержанній изо всѣхъ, другъ и наперсникъ императора, во всеуслышаніе говорилъ, что не предвидѣть времени нашего возвращенія. Однако такъ открыто говорили только между собой, ибо чувствовали, что разъ рѣшеніе принято, все должно содѣйствовать его исполненію и чѣмъ положеніе становилось опаснѣе, тѣмъ болѣе требовалось мужества; а потому одно слово, могущее расхолодить рвение, было бы уже измѣною. Вотъ почему опровергавшіе императора своимъ молчаніемъ или даже словами въ его палаткѣ, выйдя изъ нея, казались преисполненными довѣрія и надеждъ. Это было для нихъ дѣломъ чести, толпа же приписывала это лести.

Когда императоръ узналъ, что Смоленскъ окончательно занятъ его войсками, что пожаръ почти потушенъ, когда дневной свѣтъ и многія донесенія достаточно его озарили, когда наконецъ онъ увидѣлъ, что здѣсь, какъ у Нѣмана, какъ въ Вильнѣ и въ Витебскѣ, манищій его призракъ побѣды, который онъ въ воображеніи почти держалъ въ рукахъ, опять отъ него ускользаетъ, онъ сталъ медленно направляться къ главному мѣсту своего безплоднаго завоеванія.

По своему обыкновенію, императоръ сперва обѣхалъ поле битвы, чтобы опредѣлить значеніе приступа, заслугу оказанного сопротивленія и обоюдныхъ потери. Онъ нашелъ это поле покрытымъ множествомъ убитыхъ Русскихъ и малымъ числомъ нашихъ. Трупы большою частью были раздѣты, въ особенности Француузовъ, которыхъ можно было узнать по ихъ бѣлизнѣ и по меньшей, чѣмъ у Русскихъ, костлявости и мускулистости. То былъ печальный смотръ мертвымъ и умирающимъ, въ которомъ было тяжело принимать участіе и отдавать отчетъ. О страданіи Наполеона можно судить по его раздражительности и по исказившимся чертамъ его лица; но политика была его второю природою: она быстро заставляла его сдерживаться.

Такой подсчетъ убитыхъ, на другой день послѣ сраженія, былъ столь же обманчивъ, сколь отвратителенъ; большинство нашихъ труповъ уже успѣли убрать, оставивъ на виду только непріятельскіе; мѣра эта была принята въ предупрежденіе тягостнаго впечатлѣнія на нашихъ

солдатъ и по вполнѣ естественному желанію скорѣе подобрать и спасти своихъ умирающихъ и отдать послѣдній долгъ своимъ умершимъ прежде, чѣмъ подумать о непріятельскихъ.

Несмотря на это, императоръ объявилъ, что его потеря наканунѣ была гораздо меныше, чѣмъ у Русскихъ; что завоеваніе Смоленска дѣлало его хозяиномъ Русскаго солончака и что его министръ государственныхъ доходовъ могъ разсчитывать на лишніе 24 миллиона. Невѣроятно и неправдоподобно, чтобы онъ могъ предаваться подобному заблужденію; а между тѣмъ казалось, будто на этотъ разъ онъ примѣнилъ къ себѣ ту силу внушенія, которою такъ широко умѣль пользоваться по отношенію къ другимъ.

Продолжая свой осмотръ, Наполеонъ подѣхалъ къ однимъ изъ воротъ крѣпости, противъ предмета, расположенного на правомъ берегу Днѣпра и еще занятаго Русскими. Тамъ, окруженный маршалами Неемъ, Даву, Мортѣ, фельдмаршаломъ Дюрокомъ, графомъ Лобд и еще однимъ генераломъ, онъ сѣлъ передъ избой на цыновку, не столько въ цѣляхъ наблюденія за непріятелемъ, сколько потому, что чувствовалъ потребность облегчить себѣ сердце отъ давившей его тяжести, ища въ угодливости своихъ генераловъ или въ ихъ усердіи ободренія противъ событій и противъ самого себя.

Онъ говорилъ долго, горячо, непрерывно. „Какой позоръ для Барклай! Безъ битвы отдалъ главный городъ древней Руси! А между тѣмъ какое поле битвы представлялось здѣсь для него! Какъ выгодно оно было для него! Укрѣпленный городъ, на который можно опереться въ случаѣ пораженія, этотъ городъ и рѣка приняли бы и скрыли его потери. И какого онъ имѣлъ противника! Армію, правда, большую, но стѣсненную слишкомъ пространствомъ, имѣвшую для отступленія одинъ пронаци. Она сама какъ бы стала подъ его удары. У Барклая не достало только рѣшимости. И такъ, все покончено съ Россіей: армія ея существуетъ не для защиты городовъ, а какъ свидѣтельница ихъ паденія. На какомъ же, болѣе благопріятномъ мѣстѣ, Барклай, наконецъ, остановится? Какую позицію рѣшился онъ отстаивать, разъ отданъ Смоленскъ, городъ имъ же названный святымъ и укрѣпленный, этотъ ключъ Москвы, оплотъ Россіи, пресловутая могила Французовъ? Скоро увидять, какъ эта потеря отразится на Русскихъ. Ихъ солдаты, Литовцы, даже сами уроженцы Смоленска, возмущенные отдачею города безъ боя, убѣгутъ изъ полковъ“.

Наполеонъ прибавилъ, что „изъ достовѣрныхъ донесеній известна незначительность Русскихъ дивизій; большинство ихъ уже въ разстрой-

ствѣ; мало по малу онъ тають, и скоро у Александра не будетъ больше арміи. Вооруженные пиками толпы крестьянъ, которыхъ только что видѣли позади войскъ, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, до чего доведены ихъ генералы“.

Когда императоръ разсуждалъ такимъ образомъ, надъ головой его свистѣли Русскія пули; но, въ своемъ увлеченіи, онъ ихъ не замѣчалъ. Онъ ожесточался на главнокомандующаго и на непріятельскую армію, точно могъ ее уничтожить своими разсужденіями, не будучи въ силахъ сдѣлать это побѣдою. Никто ему не отвѣчалъ; было очевидно, что онъ не искалъ совѣтовъ, а говорилъ самъ съ собой; что онъ отбивался отъ собственныхъ мыслей, стараясь этимъ потокомъ предложеній внушить себѣ иные мысли и такимъ образомъ увлечь другихъ и себя самого.

Впрочемъ, онъ не давалъ времени себя прерывать. Словамъ о незначительности и разстройствѣ непріятельской арміи никто не вѣрилъ; но чѣмъ было ему отвѣчать? Онъ ссылался на положительныя данныя, присланныя Лористономъ; ихъ исказили, вмѣсто того чтобы исправить. Исчислениe Русскихъ военныхъ силъ, сдѣланное Французскимъ посломъ въ Россіи, было точно; въ другихъ же свѣдѣніяхъ, не столь вѣрныхъ, сколь пріятныхъ, это исчислениe было убавлено на одну третью!

Послѣ часовой бесѣды императоръ, взглянувъ на почти покинутую непріятелемъ возвышенность праваго берега Днѣпра, воскликнулъ: „Русскіе—бабы, они признаютъ себя побѣженными“. Онъ старался убѣдить себя въ томъ, что Русскіе отъ сношеній съ Европой утратили свое дикое, суровое мужество. Между тѣмъ, предъидущій войны просвѣтили ихъ, и теперь Русскіе находились въ состояніи такого народа, который, сохранивъ еще всѣ свои первоначальныя свойства, имѣть уже и иные, пріобрѣтеныя.

Наполеонъ сѣлъ на лошадь. Только тогда фельдмаршаль обратилъ вниманіе одного изъ насы на то, что если бы Барклай, отказавшись принять сраженіе, былъ дѣйствительно столь оплощенъ, то императоръ не придавалъ бы такого значенія своему желанію убѣдить насы въ этомъ.

Наконецъ, Наполеонъ вѣхалъ въ Смоленскъ. Въ то время, какъ онъ проѣзжалъ ширину городскихъ стѣнъ, графъ Лобо воскликнулъ: „вотъ прекрасный входъ для расквартированія войскъ“. Такое воскликаніе было равносильно совѣту остановиться здѣсь; но императоръ отвѣтилъ на это лишь строгимъ взглядомъ.

Однако, этотъ взглядъ скоро перемѣнилъ свое выраженіе, не имѣя возможности ни на чемъ остановиться кромѣ обломковъ, мимо кото-

рыхъ тянулись наши раненые, и кучъ дымящагося пепла, на которыхъ лежали человѣческие скелеты, высохшіе и почернѣвшіе отъ огня. Такое великое разрушеніе поразило Наполеона. Такъ вотъ каковы были плоды его побѣды! Городъ, гдѣ его солдаты должны были, наконецъ, найти кровь, сѣйстные припасы, богатую добычу, обѣщанное возмездіе за столько перенесенныхъ бѣдствій, представлялъ собою однѣ развалины, среди которыхъ приходилось стоять на бивакахъ. Безъ сомнѣнія, вліяніе его на окружавшихъ было велико, но могло ли оно пересилить природу? Чѣдже теперь всѣ они станутъ дѣлать?

Нужно сказать, что здѣсь бѣдственное положеніе арміи уже не скрывалось отъ Наполеона: ему было известно, что солдаты спрашивали другъ у друга, съ какой цѣлью ихъ заставили сдѣлать 800 миль, чтобы найти лишь болотную воду, голодъ, да бивуаки на землѣ. Вѣдь, только въ этомъ и состояло ихъ завоеваніе: имуществомъ ихъ было только то, что они сюда привезли. Если же приходится все тащить съ собой, нести Францію въ Россію, такъ зачѣмъ же ихъ вывели изъ Франції?

Даже нѣкоторые генералы, и тѣ начинали утомляться; одни останавливались по болѣзни, другіе роптали. Какая нужда имть въ томъ, что императоръ ихъ обогатилъ, когда они не могутъ пользоваться своимъ богатствомъ? Какая радость, что онъ ихъ поженилъ, когда онъ же, постоянно отсутствіемъ, обрекаетъ ихъ на вдовство? Что имъ въ подаренныхъ Наполеономъ дворцахъ, когда онъ заставляетъ ихъ безпрестанно кочевать по голой чужой землѣ, покрытой инеемъ? Съ каждымъ годомъ войны осложнялась: новые походы заставляли искать новыхъ враговъ. Скоро уже мало будетъ Европы, понадобится Азія.

Многіе, особенно среди союзниковъ, дерзали думать, что пораженіе было бы даже выгоднѣе, чѣмъ побѣда, ибо перемѣна счастья, пожалуй, отбила бы у императора охоту къ войнѣ; по крайней мѣрѣ онъ вѣль бы ее на болѣе близкомъ разстояніи. Генералы, близко стоявшіе къ Наполеону, удивлялись его довѣрчивости. „Развѣ онъ не вышелъ почти изъ предѣловъ Европы? А если Европа противъ него подымется, кто останется у него изъ подданныхъ? Только его солдаты! А вмѣсто имперіи—лагерь. Кромѣ того, третья армія, состоя изъ чужеземцевъ, станетъ ему враждебна“. Такъ говорили Мюратъ и Бертѣ. Замѣтивъ въ двухъ главныхъ своихъ маршалахъ, да еще въ минуту, когда нужно было дѣйствовать, тоже беспокойство, съ которымъ онъ самъ боролся, Наполеонъ пришелъ въ раздраженіе. Онъ осыпалъ ихъ упреками, какъ это часто бываетъ въ домашней жизни князей, которые менѣе всего щадятъ наиболѣе вѣрныхъ людей. Въ этомъ и

заключается неудобство благоволенія, уравновѣшивающее его преимущества.

Изливъ свою досаду въ цѣломъ потокѣ словъ, императоръ снова подозвалъ къ себѣ Мюрата и Бертье; но на этотъ разъ они были недовольны и держались поодаль. Тогда императоръ старался ласками исправить свои рѣзкости: онъ называлъ Бертье „своей женой“, а свои вспышки „семейными ссорами“.

Въ это именно время прибыли Раппъ и Лористонъ. Однако Наполеонъ ни о чёмъ не спросилъ сановника, прибывшаго изъ самой столицы. Зная, вѣроятно, откровенность своего бывшаго адъютанта и его мнѣніе о настоящей войнѣ, онъ боялся услыхать вѣсти, мало удовлетворительныя. Но Раппъ, щахавшій по нашимъ слѣдамъ, не могъ молчать. „Отъ Нѣмана армія прошла всего сто миль, но все въ ней уже измѣнилось. Офицеры, догонявши ею на почтовыхъ отъ самой Франціи, прїѣзжали испуганные. Они не понимали, какимъ образомъ побѣдносный походъ, когда не было еще сраженій, могъ оставить за собой болыше развалинъ, чѣмъ пораженіе. Они встрѣчались со всѣмъ, что шло для соединенія съ арміей и что отстало отъ нея; словомъ, со всѣмъ, что не было возбуждено присутствіемъ начальства, примѣромъ или военными дѣйствіями. Видъ каждого полка, въ зависимости отъ разстоянія, отдѣляющаго его отъ родины, внушалъ то надежду, то тревогу или только жалость. Въ Германіи, до Одера, гдѣ тысячи предметовъ постоянно напоминали Францію, молодые солдаты еще не чувствовали себя совсѣмъ оторванными отъ родины; они казались бодрыми и веселыми; за Одеромъ же, въ Польшѣ, гдѣ почва, ея произведенія, жители, одежда нравы и все, даже жилища, имѣли своеобразный видъ, гдѣ ничто не напоминало имъ родины, о которой они скорбѣли, солдаты начали пугаться пройденного разстоянія, и уже признаки усталости и скуки омрачали ихъ лица. Какое безмѣрное разстояніе должно было отдѣлять ихъ отъ Франціи, если они уже достигли неизвѣстныхъ имъ земель, въ которыхъ все для нихъ было полно столь печальной новизны! Сколько ими уже пройдено и сколько еще оставалось пройти! Самая мысль о возвращеніи лишала ихъ бодрости духа, а между тѣмъ нужно было еще идти и идти. Солдаты жаловались на то, что съ выходомъ изъ Франціи ихъ утомленіе возрастало, тогда какъ средства бороться съ нимъ уменьшались. Дѣйствительно, сначала не доставало вина, по-томъ пива и даже водки; наконецъ, пришлось довольствоваться только водой, но и ея часто не хватало. Тоже было съ пищей и съ остальными жизненными потребностями; при такомъ послѣдовательномъ лишеніи, за постепеннымъ ослабленіемъ тѣла слѣдовала упадокъ духа. Тре-

вожимые смутнымъ беспокойствомъ, они проходили мрачное однообразіе густыхъ и безмолвныхъ лѣсовъ, слѣдовали вдоль высокихъ стволовъ, обнаженныхъ до самой вершины, пугаясь своего безсилія посреди такой необъятности. И тогда у нихъ составлялись странныя и зловѣщія представлениія о географическомъ положеніи этихъ незнакомыхъ мѣстъ; охваченные тайнымъ ужасомъ, они колебались идти дальше въ эти обширныя пустыни.

Раппъ видѣлъ все это. Онъ только что прїехалъ и, со свойствен-
ной ему рѣзкой откровенностью, не утаилъ отъ своего повелителя всѣхъ подробностей; но императоръ удовольствовался слѣдующимъ от-
вѣтомъ: „я нанесу рѣшительный ударъ, и тогда всѣ сплотятся“.

Себастіани, подобно другимъ, настаивалъ принять въ разсчетъ положеніе арміи. „Оно ужасно, возразилъ императоръ, я это знаю“. Отъ Вильны онъ тащилъ за собой половину арміи, а теперь уже двѣ трети; значитъ, нечего терять времени; нужно вырвать миръ, а миръ этотъ въ Москвѣ. Къ тому же подобная армія уже не можетъ остановиться: при ея составѣ и разложеніи только движеніе впередъ и под-
держиваетъ ее. Можно подвинуться къ передовымъ ея частямъ, но нельзя ни остановиться, ни отступить. Такая армія годна для атаки, а не для обороны, для дѣйствія, но не для стоянки на позиціи. Такъ Наполеонъ говорилъ съ приближенными; съ генералами же, командую-
щими дивизіями, онъ вѣль иной разговоръ.

Смѣлыя отвѣты священника, единственного, оставшагося въ Смо-
ленскѣ, еще болѣе освѣдомили Наполеона относительно слѣпой ярости,
внушенной противъ насъ всему Русскому народу. Переводчикъ, испу-
ганный такой ненавистью, привелъ священника къ императору. Почтен-
ный священникъ сперва сталъ съ твердостью упрекать Наполеона въ
мнимыхъ святотатствахъ; онъ не зналъ, что Русскій главнокомандую-
щій самъ вѣль сжечь торговыя помѣщенія и церкви, обвинивъ въ
этихъ гнусностяхъ насъ, чтобы купцы и крестьяне были противъ насъ
за одно съ дворянствомъ. Императоръ слушалъ его внимательно: „А
ваша церковь, спросилъ онъ наконецъ, сожжена?—Нѣтъ, ваше величе-
ство, отвѣчалъ священникъ: Господь могущественѣе васъ; Онъ защи-
тить церковь, ибо я отперъ ее для всѣхъ несчастныхъ, оставшихся
безъ крова вслѣдствіе пожара въ городѣ“. Тронутый такимъ отвѣтомъ,
Наполеонъ сказалъ: „Да, вы правы. Господь позаботится о невинныхъ
жертвахъ войны; васъ же Онъ наградить за ваше мужество. Верни-
тесь, добрый пастырь, къ вашимъ обязанностямъ. Если бы всѣ ваши
священники послѣдовали вашему примѣру, если бы они подло не на-
рушили проповѣди мира, предписанной имъ Богомъ, если бы они не

покинули церквей, которых отъ одного ихъ присутствія дѣлаются священными, мои солдаты уважали бы ваши святыя убѣжища: вѣдь всѣ мы христіане; вашъ Богъ и нашъ Богъ“.

Съ этими словами Наполеонъ отправилъ священника къ церкви съ конвоемъ и вспомогательнымъ войскомъ. При видѣ солдатъ, входящихъ въ церковь, поднялся раздирающій крикъ. Толпа испуганныхъ женщинъ и дѣтей тѣснилась у алтаря; но священникъ, возвысивъ голосъ, крикнулъ имъ: „Успокойтесь! Я видѣлъ Наполеона, я говорилъ съ нимъ. О, дѣти мои, какъ наasz обманули! Французскій императоръ вовсе не таковъ, какимъ вамъ его описали. Знайте, что и онъ, и его солдаты вѣруютъ и покланяются тому же Богу, какъ и мы. Войну онъ ведеть не изъ за вѣры; у него политическій споръ съ нашимъ Государемъ. Солдаты его сражаются только съ нашими солдатами; они не убиваютъ, какъ намъ это говорили, стариковъ, женщинъ и дѣтей. Успокойтесь же, и возблагодаримъ Господа за то, что мы освободились отъ тяжелаго долга ненавидѣть ихъ, какъ язычниковъ, нечестивцевъ и поджигателей“. Послѣ этого священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ; въ слезахъ всѣ повторяли за нимъ молитвы.

Но именно эти слова священника показывали, до какой степени Русскій народъ былъ обманутъ. Остальное населеніе бѣжало. Съ этихъ поръ ужъ не только армія, но все народонаселеніе, вся Россія отступала передъ нами. Императоръ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ населеніемъ изъ рукъ его ускользало одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ побѣды.

И дѣйствительно, въ Витебскѣ Наполеонъ поручилъ двумъ лицамъ вывѣдать настроеніе народа. Надлежало подкупать крестьянъ обѣщаніемъ свободы и привлекать на нашу сторону, возмутивъ ихъ болѣе или менѣе повсемѣстно. Но подействовать удалось лишь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ крестьянъ, которыхъ, быть можетъ, Русскіе оставили шпіонами среди насъ. Эта попытка послужила лишь къ обнаруженію плана Наполеона и заставила Русскихъ насторожиться противъ него.

Къ тому же мѣра эта была противна Наполеону, котораго по его природѣ гораздо больше влекло на сторону королей, чѣмъ народовъ. Онъ прибѣгалъ къ ней неохотно. Позднѣе, въ Москвѣ, было имъ получено нѣсколько заявленій, въ которыхъ главы семействъ жаловались на то, что господа обращаются съ ними какъ со стадомъ скотовъ. Тутъ же они просили Наполеона провозгласить отмѣну рабства, предлагали свои услуги въ качествѣ главарей нѣсколькихъ частичныхъ возстаній, обѣщаючи въ скоромъ времени сдѣлать ихъ повсемѣстными. Но предложенія

эти были отвергнуты. У варварского народа появилась бы варварская же свобода при необузданной, ужасной распущенности. Несколько местных возмущений въ былое время показали, до какихъ предѣловъ это можетъ дойти. Русскіе дворяне, подобно поселенцамъ Санть-Домingo, были бы истреблены. Опасеніе это взяло верхъ надъ мыслями Наполеона, что и обнаружилось изъ его словъ. Это и побудило его не стараться болѣе подстекать народъ къ бунту, съ которымъ онъ не въ силахъ былъ бы справиться.

Впрочемъ, господа стали подозрѣвать своихъ крѣпостныхъ. Среди столькихъ опасностей они признавали именно эту наибольшую. Сперва они дѣйствовали на умы своихъ несчастныхъ рабовъ, поглупѣвшихъ отъ всякаго рода принужденій. Священники, которымъ народъ привыкъ вѣрить, обманывали ихъ лживыми рѣчами, увѣряя, будто мы дьявольские легіоны, а начальствуетъ надъ нами Антихристъ, будто мы духи ада, видь которыхъ вызываетъ ужасъ, а прикосновеніе оскверняетъ. Наши плѣнныя замѣтили, что, не смѣя пользоваться посудою, бывшею въ употребленіи у нашихъ, эти несчастные бросали ее свиньямъ. Между тѣмъ мы приближались: при нашемъ появлениі эти грубыя басни должны были исчезнуть. Но вотъ дворяне, вмѣстѣ со своими рабами, бѣгутъ въ глубь страны, точно при появлениі опасной заразы. Свое имущество, жилища, все, что могло бы ихъ удержать или послужить намъ, все принесено ими въ жертву. Между собою и нами они сѣютъ голодъ, пожары, пустыни. Такая стойкая рѣшительность была принята ими столько же противъ своихъ рабовъ, сколько противъ Наполеона. Приходилось продолжать уже не войну царей между собой, а сословную войну, войну вѣроисповѣдную, национальную, всѣ эти войны вмѣстѣ. Тогда-то императоръ и увидалъ всю громадность своего предпріятія: чѣмъ дальше онъ шелъ впередъ, тѣмъ болѣе оно передъ нимъ разрасталось. Пока Наполеонъ имѣлъ противниками только королей, будучи выше всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ, онъ одерживалъ побѣды шутя; но короли побѣждены, онъ добрался до народовъ, и тутъ предъ нимъ стала другая Испанія, далекая, бесплодная, безконечная, на другомъ концѣ Европы. Онъ пораженъ, онъ колеблется и, наконецъ, останавливается.

Съ другой стороны, въ Москвѣ онъ нападетъ на дворянство, въ его помѣстьяхъ, съ его стародавней честью; путь къ этой столице короче; представляя меныше препятствій, онъ даетъ больше надеждъ: тамъ находится великая Русская армія, которую нужно уничтожить; тамъ надежда на сраженіе, надежда, ударомъ въ сердце, расшатать всю Россію въ этой отечественной войнѣ.

Изъ трехъ плановъ (идти на Киевъ, оставаться въ Смоленскѣ или идти на Москву) онъ считалъ только третій осуществимымъ, не смотря на наступавшее позднее время года. Между тѣмъ передъ его глазами лежала Исторія Карла XII, не Вольтеровская, которую онъ въ нетерпѣніи только что отбросилъ, считая ее слишкомъ романнической и неправдивой, а дневникъ Адлерфельда. Онъ читалъ его и все таки не остановился. Сопоставляя оба эти похода, Наполеонъ находилъ въ нихъ множество несходностей, къ которымъ и привязывался, ибо кто можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ? Къ чему примѣръ прошлаго въ мірѣ, гдѣ никогда не бываетъ двухъ людей, двухъ вещей или положеній совершенно одинаковыхъ? Тѣмъ не менѣе за это время Наполеонъ часто произносилъ имя Карла XII.

Наполеонъ вступилъ въ Вязьму, гдѣ пришлось пробыть нѣкоторое время, чтобы разузнать, въ чемъ именно состояло новое завоеваніе и какую онъ могъ извлечь изъ него пользу. Извѣстія, полученные изъ внутренней Россіи, показывали, что непріятельское правительство приписывало себѣ наши успѣхи, стараясь увѣрить, будто потеря столькихъ областей входила въ общій планъ отступленія, принятый имъ заранѣе. Изъ захваченныхъ въ Вязьмѣ бумагъ было видно, что въ Петербургѣ служились благодарственные молебны по случаю мнимыхъ побѣдъ въ Витебскѣ или въ Смоленскѣ. Удивленный этимъ Наполеонъ вскрикнулъ: „Какъ! Молебны! Значить, они осмѣливаются лгать передъ Богомъ также какъ передъ людьми!“ *) Впрочемъ, большинство перехваченныхъ Русскихъ писемъ выражало тоже удивленіе. „Въ то время какъ наши города горятъ, говорилось въ письмахъ, мы здѣсь только и слышимъ звонъ колоколовъ, благодарственные молебны и торжествующія донесенія. Повидимому нась хотятъ заставить благодарить Бога за побѣды Французовъ. И такъ ложь разносится и въ воздухѣ, и по землѣ, и устно, и письменно: лгутъ небу и землѣ, повсюду лгутъ. Наши великие люди обращаются съ Россіей какъ съ ребенкомъ, но глупо считать нась столь легковѣрными!“ Соображенія эти были бы справедливы, если бы столь грубыя мѣры были приняты для обмана тѣхъ, кто умѣль написать подобные письма. Однако нашли, что хотя политическая ложь введена въ общее употребленіе, но, доведенная до крайности, навлекаетъ насмѣшку надъ правителями или управляемыми, а пожалуй, надъ тѣми и другими.

Намъ сообщили, что непріятель движется по всему Бородинскому полю, покрываетъ его окопами, желая видимо тамъ укрѣпиться, чтобы больше не отступать. Наполеонъ объявилъ своей арміи о предстоящей

*) Наполеону ли было винить въ этомъ Александра? П. Б.

битвѣ. Онъ далъ ей два дня на отдыхъ, на приготовленіе оружія и на сборъ военныхъ припасовъ, предупредивъ отряды, посланные за провантомъ, „что если они не вернутся на слѣдующій день, то лишать себя чести принять участіе въ бою“. Мирно занявшиись осмотромъ окрестностей своей главной квартиры, онъ обратилъ вниманіе и на успѣхи земледѣлія; при видѣ же Гжатска, на рѣкѣ, вливающейся въ Волгу, онъ, покорившій столько рѣкъ, снова почувствовалъ нервныя волненія, доставленныя ему его славою: слышали, какъ онъ гордился тѣмъ, что сталъ хозяиномъ этихъ водъ, которымъ суждено видѣть Азію, какъ будто онъ неслись, чтобы возвѣстить о немъ въ этой части свѣта и открыть ему туда путь.

Императоръ расположился лагеремъ позади Итальянской арміи, налево отъ большой дороги. Старая гвардія расположилась вокругъ его палатокъ. Какъ только стрѣльба прекратилась, зажглись огни. На сторонѣ Русскихъ они мерцали болѣшимъ полукругомъ; а на нашей—блѣднѣмъ неровнымъ свѣтомъ и беспорядочно, такъ какъ войска прибывали поздно, второпяхъ, въ незнакомую мѣстность, гдѣ ничто для нихъ не было приготовлено, гдѣ недоставало топлива, въ особенности въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Императоръ спалъ мало. Только что вернулся изъ взятаго нами редута генералъ Коленкуръ. Ни одинъ плѣненный къ намъ въ руки не попалъ; удивленный этимъ, Наполеонъ задавалъ множество вопросовъ. „Развѣ кавалерія не атаковала своевременно? Значить, Русскіе рѣшили либо побѣдить, либо умирать?“ На это ему отвѣчали, что, возбужденные начальниками и привыкшіе воевать съ Турками, которые приканчиваются плѣнныхъ, Русскіе предпочитали быть убитыми, чѣмъ сдаваться. Тутъ императоръ впалъ въ глубокое раздумье. Признавъ, что самымъ важнымъ боемъ будетъ артиллерійскій, онъ умножилъ приказы, съ требованіемъ поспѣшнаго прибытія артиллерійскихъ парковъ, еще не соединившихся съ арміей.

Никогда не было такого спокойствія какъ въ день, предшествовавшій великой битвѣ. Точно сговорились! Къ чему причинять себѣ безполезное зло? Развѣ завтрашній день не долженъ все решить? Къ тому же, нужно было каждому приготовиться къ бою; отдѣльные корпуса, ихъ вооруженіе, припасы, все это приходилось объединить въ одно общее цѣлое, такъ какъ при переходѣ все болѣе или менѣе разстроилось. Генераламъ надлежало сообразить общіе планы атаки, защиты и отступленія; нужно было сообразоваться съ ними и съ мѣстностью, чтобы предоставить наименьшую долю случайностямъ.

И такъ, готовые начать страшную борьбу, оба эти колосса внимательно слѣдили одинъ за другимъ, глазами измѣряя другъ друга и въ тишинѣ готовясь къ ужасному бою.

Не сомнѣвался больше въ предстоящей битвѣ, императоръ вошелъ къ себѣ въ палатку, чтобы продиктовать приказъ, и тутъ-то онъ задумался о своемъ положеніи. Онъ видѣлъ обѣ арміи ровными по силѣ. Съ той и другой стороны было приблизительно по 120 тысячъ человѣкъ, при 600 орудіяхъ. Русскіе имѣли слѣдующія преимущества: они занимали болѣе выгодную позицію, у всей ихъ арміи былъ одинъ общій языкъ, одна общая форма, одна народность, сражающаяся за одно общее дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ у Русскихъ было много иррегулярнаго войска и рекрутовъ. У Французовъ тоже количество людей, но больше настоящихъ солдатъ. Наполеону только что представили отчетъ о состояніи его корпусовъ: передъ глазами его лежалъ подсчетъ военныхъ силъ въ дивизіяхъ и, такъ какъ дѣло шло о сраженії, а не объ одномъ только смотрѣ или распределеніи войскъ, то на этотъ разъ отчеты не были преувеличены. Его армія, правда, очень убавилась; но она была здорова, подвижна, нервна, подобно мужскому тѣлу, которое, только что утративъ юношескую округлость, обнаруживаетъ болѣе мужественные и рѣзкія формы.

Вопреки этому, уже нѣсколько дней императоръ, находясь среди своей арміи, видѣлъ ее молчаливою. То было безмолвіе, выражающее ожиданіе, либо изумленіе, подобное тому, какое бываетъ въ природѣ передъ сильной грозой или въ толпѣ въ минуту большой опасности.

Наполеонъ чувствовалъ, что войскамъ нуженъ отдыхъ и что они его найдутъ только въ смерти или въ побѣдѣ. Онъ поставилъ ихъ въ такую необходимость одержать побѣду, что нужно было во что бы ни стало восторжествовать. Безразсудство положенія, въ которое онъ повергъ свою армію, было очевидно; но онъ зналъ, что изо всѣхъ ошибокъ Французы прощаются охотнѣе всего эту и что, наконецъ, они не сомнѣваются ни въ себѣ, ни въ немъ, ни въ общемъ исходѣ, каковы бы ни были частичныя злополучія.

Впрочемъ, онъ разсчитывалъ на ихъ привычность и на потребность ихъ въ славѣ, даже на ихъ любопытство: безъ сомнѣнія каждому изъ нихъ хочется увидѣть Москву, сказать, что былъ въ ней, получить въ Москвѣ обѣщанныя награды, быть можетъ, пограбить ее, а главное, найти тамъ покой. Наполеонъ уже не видѣлъ восторженности въ своей арміи, за то въ солдатахъ было нѣчто болѣе прочное: въ нихъ была полная вѣра въ его счастливую звѣзду, въ его гenій, сознаніе своего превосходства и гордая увѣренность побѣдителей передъ побѣженными.

Проникнутый этими чувствами, императоръ диктуетъ простое, вѣрное и искреннее провозглашеніе, подходящее къ даннымъ обстоятель-

ствамъ, къ людямъ не-новичкамъ въ своеи дѣлѣ, которыхъ, послѣ столькихъ страданій, нечего больше возбуждать.

По странной случайности въ этотъ именно день императоръ получилъ изъ Парижа портретъ Римскаго короля, этого ребенка, принятаго имперіей также, какъ самимъ императоромъ, съ тѣмъ же восторгомъ, съ тѣми же надеждами. Со дня его появленія на свѣтъ, ежедневно видѣли, какъ Наполеонъ, во внутреннихъ покояхъ дворца, отдавался выраженію самыхъ нѣжныхъ къ нему чувствъ. Когда же среди столь отдаленныхъ полей и всѣхъ, всѣхъ грозныхъ приготовленій, онъ вновь увидѣлъ милый образъ, воинственная душа его размякла! Онъ собственноручно выставилъ портретъ передъ своей палаткой, позвалъ офицеровъ и даже солдатъ старой гвардіи, съ тѣмъ, чтобы душевное волненіе его раздѣлили съ нимъ его старые grenадеры, желая показать свою частную семью семье военной, желая, наконецъ, чтобы среди великой опасности сиять этотъ символъ надежды.

Онъ призываетъ къ себѣ Бессьера, того изъ маршаловъ, на кото-раго болѣе всѣхъ полагался въ дѣлѣ начальствованія арміей; онъ желаетъ знать, не нуждается ли въ чемъ эта оставшаяся лучшая часть войска. Нѣсколько разъ онъ снова призываетъ его, чтобы повторить свои безотлагательные вопросы. Онъ велитъ выдать этимъ старымъ солдатамъ сухарей и рису изъ запасныхъ фургоновъ на три дня. Боясь, чтоъ его приказаніе не было исполнено, онъ опять встаетъ, лично спрашиваетъ grenадеровъ, дежурившихъ у входа въ его палатку, получили ли они этотъ провіантъ и только послѣ утвердительного отвѣта возвращается къ себѣ и засыпаетъ.

Но вскорѣ онъ опять зоветъ. Адъютантъ застаетъ его опершись голову на руки; слушая его, казалось, будто онъ размышлялъ о сущности славы. „Чтѣ такое война? Ремесло дикарей, гдѣ все искусство состоить въ томъ, чтобы въ данномъ положеніи оказаться сильнѣйшимъ“. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на непостоянство судьбы, которое и онъ начинаетъ испытывать. Возвращаясь къ болѣе успокительнымъ мыслямъ, онъ припоминаетъ, чтѣ ему говорили о медлительности и нерадивости Кутузова и удивляется, что не предпочли ему Бенигсена. Задумавшись о критическомъ положеніи, въ которое онъ самъ себя ввергъ, Наполеонъ прибавляетъ, „что великій день готовится; будетъ ужасная битва“. Онъ спрашиваетъ Раппа „вѣрить ли онъ въ побѣду?—Конечно, отвѣчаетъ тотъ, но побѣда будетъ кровавая“. На это императоръ возразилъ: „Я это знаю, но у меня 80 тысячъ человѣкъ; изъ нихъ я потеряю 20 тысячъ, а съ 60 тысячами войду въ Москву. Тамъ насы нагонять отставшіе, затѣмъ маршевой батальонъ, и мы окажемся сильнѣе, чѣмъ

до сраженія". Присутствіе врага успокоило, наконецъ, императора, и онъ искалъ нѣкотораго отдыха.

Только что сдѣланные имъ вмѣстѣ съ арміей переходы, усталость предъидущихъ дней и ночей, столько заботъ, долгое ожиданіе, все это изнуряло его. Съ наступленіемъ холодной погоды онъ простудился; его снѣдали нервная лихорадка, сухой кашель и сильная жажда. До утра онъ тщетно старался утолить мучившую его жажду. Эта болѣзнь осложнилась прежнимъ недугомъ. Съ вечера онъ борется съ мучительнымъ приступомъ этой жестокой болѣзни (трудность мочеиспусканія), которая уже давно ему угрожала. Наконецъ, въ 5 часовъ утра, офицеръ отъ Нега пришелъ доложить, что маршаль все еще видитъ Русскихъ и просить разрѣшенія идти на нихъ въ атаку. Извѣстіе это вернуло какъ будто Наполеону его силы, истощенные лихорадкой. Онъ встаетъ, зоветъ къ себѣ приближенныхъ и восклицаетъ: „Наконецъ-то они наши! Впередъ! Идемте! Отворить ворота Москвы!“ Почти весь этотъ день онъ то садился, то медленно прохаживался впередъ и немного влево отъ редута, взятаго 5-го числа, по краямъ оврага, далеко отъ битвы, которую ему было едва видно съ тѣхъ поръ, какъ она перешла за возвышенность. Не было въ немъ беспокойства, когда битва снова представилась его взорамъ; не было чувства нетерпѣнія ни къ своимъ, ни къ непріятелю. Онъ дѣлалъ лишь нѣсколько движений, выражавшихъ грустную покорность, когда каждую минуту приходили сообщить ему о потерѣ лучшихъ его генераловъ. Неоднократно онъ вставалъ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, снова садился.

Всѣ кругомъ смотрѣли на него съ удивленіемъ. Прежде, при большихъ столкновеніяхъ, въ немъ замѣчалась спокойная дѣятельность; а тутъ были тяжелое спокойствіе, кротость вялая, бездѣятельная. Нѣкоторые видѣли въ этомъ упадокъ, обыкновенное послѣдствіе сильныхъ ощущеній; другие вообразили, что онъ уже всѣмъ пресытился, даже волненіями въ битвахъ. Одни замѣтили, что такая спокойная твердость, такое хладнокровіе великихъ людей въ роковыхъ случаяхъ, со временемъ, когда года истощать ихъ силы, превращается въ равнодушіе и отяженіе. Наиболѣе ему преданные объясняли его неподвижность необходимостью, при командовавіи на большомъ пространствѣ, оставаться больше на одномъ мѣстѣ, дабы знать, куда направлять извѣстія. Были, наконецъ, и такие, которые болѣе разумно объясняли это ослабѣвшимъ здоровьемъ, скрытымъ страданіемъ и началомъ серьезнаго заболѣванія.

Страданія Наполеона, видимо, усилились. Онъ съ трудомъ сѣлъ на лошадь и медленно направился къ Семеновскимъ высотамъ. Тамъ

онъ нашелъ поле битвы, не вполнѣ пріобрѣтеннное, все еще оспариваемое вражескими ядрами и даже пулями.

Среди грохота боя, когда еще дѣйствовалъ пылъ Нея и Мюрат, Наполеонъ оставался все тотъ же, съ ослабѣвшимъ голосомъ и вялой походкой. Впрочемъ, видъ Русскихъ и свистъ ихъ пуль и ядеръ вдохновили его; онъ отправился разсмотрѣть ихъ послѣднюю позицію вблизи и захотѣлъ вырвать ее у нихъ. Но Мюратъ, показывая ему на наше почти уничтоженное войско, заявилъ, что для этого понадобилась бы гвардія, противъ чего возсталъ Бесѣерь, настаивая, какъ всегда, на значеніи этого отборнаго корпуса. Онъ указалъ на отдаленность арміи отъ подкрѣпленій, и на то, что между Наполеономъ и Франціей лежить Европа, почему и слѣдуетъ сохранить по крайней мѣрѣ эту горсть солдатъ, которые постоять за него. Такъ какъ было около пяти часовъ, Берть прибавилъ, „что уже слишкомъ поздно; непріятель укрѣпляется въ своей послѣдней позиціи; пришлось бы безполезно пожертвовать еще нѣсколькими тысячами людей“.

Послѣ этого Наполеонъ ограничился тѣмъ, что совѣтовалъ побѣдителямъ осторожность. Затѣмъ, опять таки шагомъ, вернулся къ своимъ палаткамъ, раскинутымъ за батареей, которая была взята два дня тому назадъ и передъ которой онъостоялъ съ утра почти неподвижнымъ зрителемъ всѣхъ превратностей этого ужаснаго дня.

Когда Наполеонъ вернулся къ себѣ въ палатку, къ физическому изнеможенію его прибавилось и тяжкое душевное уныніе. Опь видѣлъ поле сраженіе, говорившее ему больше, чѣмъ говорили люди. Побѣда, которой онъ такъ добивался и купилъ столь дорогой цѣнной, была все таки не полная. Въ самомъ дѣлѣ, потери были огромны, но успѣхъ не окупалъ ихъ. Каждый изъ окружавшихъ Наполеона оплакивалъ смерть друга, родственника или брата; въ этихъ битвахъ жребій падалъ на самыхъ лучшихъ. Пало или ранено сорокъ три генерала. Какая скорбь въ Парижѣ! Какое торжество для его враговъ! Какой опасный поводъ для замысловъ Германіи! Въ арміи, и даже у него въ палаткѣ, побѣда оставалась безмолвной, угрюмой, одинокой, не вдохновляя даже льстецовъ. Позванные Наполеономъ Дюма и Дарю слушали его молча; но видъ ихъ, опущенные глаза и само молчаніе говорили достаточно.

Въ тоже время слышали, какъ Мюратъ воскликнулъ, что „въ этотъ великий день онъ не узнавалъ генія Наполеона“. Вице-король признался, что ему была непонятна нерѣшительность его приемнаго отца. Когда императоръ вызвалъ къ себѣ Нея, тотъ съ особеннымъ упорствомъ сталъ совѣтовать ему отступленіе. Только тѣ, кто не отходилъ отъ Наполеона, видѣли, что побѣдитель столькихъ народовъ былъ на

этот разъ побѣженъ сильнейшей лихорадкой и въ особенности роковымъ возвратомъ мучительной болѣзни, которую въ немъ вызывали каждое слишкомъ рѣзкое движеніе и сильная продолжительная тревога. Они высказали то, что самъ Наполеонъ писалъ 15 лѣтъ тому назадъ въ Италии: „Здоровье на войнѣ необходимо, и его ничѣмъ не замѣнишь“.

Поле битвы, которое обрѣвалъ императоръ, представляло арѣлище ужасающее. Все къ этому содѣствовало: темное небо, холодный дождь, сильный вѣтеръ, сожженныя селенія, взбуровленная равнина, покрытая развалинами и смертными останками; на горизонтѣ печальная и мрачная зелень сѣверного лѣса, повсюду солдаты, бродившіе среди труповъ и искашившіе военныхъ припасовъ даже въ ранцахъ своихъ мертвцовъ-товарищей; ужасныя раны (Русскія пули были крупнѣе напихъ); молчаливые бивуаки: не было слышно ни пѣнія, ни рассказовъ, одно угрюмое безмолвіе.

Вокругъ знамень виднѣлись уцѣлѣвшіе офицеры,unterъ-офицеры и нѣсколько солдатъ, число которыхъ было едва достаточно для охраны знамени. Одежда на нихъ изорванная въ ожесточенной борбѣ, почернѣвшая отъ пороха, запачканная кровью; и однако, среди этихъ лохмотьевъ, среди нищеты и злополучія, видѣ у нихъ гордый, и даже при появлѣніи императора раздалось нѣсколько побѣдныхъ криковъ, правда, рѣдкихъ и нервныхъ; ибо въ этой арміи, способной какъ къ увлеченію, такъ и къ оцѣнкѣ, каждый помышлялъ о положеніи общемъ. Французскіе солдаты въ этомъ отношеніе почти не ошибаются. Они удивились, видя такое множество убитыхъ и раненыхъ непріятелей и такъ мало плѣнныхъ, число которыхъ не доходило до восьми сотъ. По числу этихъ-то и судили они объ успѣхѣ. Мертвые болѣе свидѣтельствовали о храбрости побѣденныхъ, чѣмъ о самой побѣдѣ. Если остальная армія отступала въ порядкѣ, гордо и безъ упадка духа, какая была нужда въ выигрышѣ самого поля битвы? Развѣ въ такой обширной странѣ Русскіе могутъ чувствовать недостатокъ земли для сраженія? Что до нась, ея было и безъ того слишкомъ много, гораздо больше, чѣмъ сколько мы могли удержать за собой. Это ли называется завоеваніемъ! Развѣ длинная и узкая борозда, которую мы, начиная съ Ковны, съ такимъ трудомъ проводили по пескамъ и золѣ, не скнется позади нась подобно слѣду отъ корабля въ обширномъ морѣ? Достаточно нѣсколькихъ плохо вооруженныхъ крестьянъ, чтобы ее уничтожить.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь, позади арміи, они заберутъ нашихъ раненыхъ и бѣглецовъ. Въ короткое время въ ихъ руки попало пятьсотъ человѣкъ отставшихъ. Нѣсколько Французскихъ солдатъ, задер-

жанныхъ такимъ образомъ, притворились, будто примкнули къ казакамъ, помогали имъ дѣлать новыя поимки Французовъ до той минуты, когда, очутившись вмѣстѣ съ вновь пойманными въ значительномъ количествѣ, они внезапно все вмѣстѣ отѣлились отъ своихъ слишкомъ до-вѣрчивыхъ враговъ.

Императоръ могъ сдѣлать оцѣнку своей побѣды только по числу мертвыхъ. Земля была до такой степени усѣяна трупами Французовъ, что, казалось, принадлежала гораздо больше имъ, чѣмъ оставшимся въ живыхъ; тамъ было больше мертвыхъ побѣдителей, чѣмъ живыхъ. Среди этихъ труповъ, по которымъ приходилось идти, слѣдуя за Наполеономъ, чья-то лошадь наткнулась на раненаго и вырвала у него послѣдній признакъ жизни или крикъ боли. Императоръ, до той минуты безмолвный, угнетенный видомъ столькихъ жертвъ, тутъ разразился; онъ облегчилъ себя криками негодованія и заботою объ этомъ несчастномъ. Кто-то, думая его успокоить, замѣтилъ, что то былъ Русскій, на что императоръ съ живостью возразилъ: „нѣть враговъ послѣ побѣды, есть только люди!“ Затѣмъ онъ разослалъ сопровождавшихъ его офицеровъ спасать тѣхъ, чьи стоны раздавались отовсюду.

При этомъ печальному смотрѣ императоръ напрасно искалъ успо-коительного для себя заблужденія, заставляя пересчитывать оставшихся въ небольшомъ количествѣ плѣнныхъ и подобрать нѣсколько подбитыхъ пушекъ. Единственными трофеями этой неполной побѣды было отъ семи до восьми сотъ плѣнныхъ и около двадцати сломанныхъ орудій.

Генералы авангарда сносились съ Наполеономъ письмами. Онъ же три дня оставался въ Можайскѣ, затворившись въ комнатѣ, снѣ-даемый горячкой и тревогами. Сильнѣйшій насморкъ лишилъ его возможноти говорить. Будучи безъ голоса, онъ вынужденъ былъ дикто-вать одновременно семи лицамъ, заставляя ихъ писать на разныхъ листкахъ краткое содержаніе депешъ. При появлениі же какихъ либо затрудненій, онъ изъяснялся знаками.

Наполеонъ только что узналъ, что непріятельская армія была обнаружена: она не отодвинулась на свой правый флангъ, къ Калугѣ, чего онъ опасался, но по прежнему отступала. Отъ Москвы мы были въ двухдневномъ разстояніи.

Громкое название Москва и возлагаемыя на нее надежды возста-новили силы Наполеона, и 12-го Сентября онъ уже былъ въ состояніи нагнать въ каретѣ свой авангардъ.

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

Польская депутація къ князю Іосифу Понятовскому.

Дѣло № 1 (по описи № 4) по повелѣнію его свѣтлости господина генералъ-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского о непрепятствованіи тому, чтобы посланы были къ князю Понятовскому депутаты. 21 Марта 1813. На одномъ листѣ.

Собственноручное письмо князя М. И. Кутузова-Смоленского къ В. С. Ланскому.
Секретно.

Милостивый государь мой Василій Сергеевичъ!

Всѣдѣствіе предшедшаго отношенія моего къ вашему высокопре-
восходительству о назначеніи для составленія Центральнаго Комитета
въ Варшавѣ избранныхъ уже сеймовыхъ пословъ, я прошу васъ елико
можно ускорить наименованіемъ ихъ и призывомъ въ Варшаву, со-
образуясь при наименованіи съ благомысліемъ и добрымъ къ намъ
расположеніемъ; и ежели бы они пожелали назначить изъ себя депу-
тацию для отправленія къ князю Понятовскому, съ наклоненіемъ дабы
онъ для спокойствія здѣшняго края и вообще народа, которымъ....¹⁾
пользуется, оставилъ намѣреніе сопротивляться оружіемъ и положился
на великодушіе и щедроту Его Императорскаго Величества, то въ семъ
не препятствовать и даже содѣствовать приличнымъ впрочемъ съ вашей
стороны внушеніемъ, что сіе необходимо для ихъ самихъ, и когда де-
путація составлена будеть, то, дабы не тратить времени, вы можете
позволить отправиться къ князю Понятовскому чрезъ корпусъ генерала
Сакена²⁾, предъувѣдомя только его о семъ и донеся въ тоже время мнѣ.

Подвигъ сихъ депутатовъ не долженъ никакъ казаться быть дѣлан-
нымъ по настоянію нашему; и для того позволяю здѣсь употребить

¹⁾ Одно слово неразборчиво написано.

²⁾ Сакенъ (фонъ-дерль-Остентъ-Сакенъ), кн. Фабіанъ Вильгельмовичъ (1752—1837).
Послѣ Суворовскаго похода проживая плѣннымъ въ Нансѣ, онъ близко познакомился
съ Французами.

развѣ только постороннее внушеніе; впрочемъ, князь Любецкій изъяснилъ вамъ отъ меня многое словесно.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностю вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга князь Смоленскій.

Марта 18 дня 1813. Г. Калишъ.

Примѣчаніе. Князь Іосифъ Понятовскій (1763—1813), родной племянникъ Польского короля Станислава-Августа. По провозглашеніи конституціи 3 Мая 1791 года, ему было поручено главное командованіе надъ Польскою арміей, которая защищала берега Днѣпра и Днѣстра; одной дивизіею этой арміи командовалъ Костюшко. По присоединеніи Станислава-Августа къ Тарговицкой конфедерациі, Іосифъ Понятовскій съ другими генералами подалъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Во время возстанія Костюшки, Понятовскій сражался подъ его начальствомъ и въ Герцогствѣ Варшавскомъ былъ военнымъ министромъ; въ войну 1809 года былъ принужденъ сдать Варшаву Австрійскимъ войскамъ, которыхъ, впрочемъ, вытѣснилъ потомъ изъ предѣловъ Герцогства. Въ 1812 г. Понятовскій сталъ во главѣ Польского корпуса Наполеоновской арміи. По отступленіи Французовъ изъ Россіи, онъ занялся въ Герцогствѣ Варшавскомъ формированиемъ новой Польской арміи, которую и привелъ къ Наполеону подъ Люценъ въ числѣ 13000 человѣкъ. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, названной Нѣмцами „битвой народовъ“ (*Völkerschlacht*), Понятовскій получилъ маршальское достоинство, вмѣстѣ съ приказаніемъ прикрывать отступленіе Французской арміи. При исполненіи этого порученія, Понятовскій, трижды раненый, утонулъ въ рѣкѣ Эльстерѣ (19 Октября 1813 г.).

Поляки самоотверженно и геройски умирали за Наполеона, не сознавал, что онъ самъ хладнокровнымъ образомъ пользовался ими для своихъ цѣлей, „en faisant couler leur sang, pour servir son ambition effrénée“, какъ выразился графъ Мариоль (*„Mémoires du comte de Moriolles“*. Paris, 1902), приводящій въ своихъ запискахъ такую бесѣду въ Тильзитѣ между Наполеономъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

„Un autre fois, causant avec Napoléon, dans l'embrasure d'une fenêtre, qui donnait sur la rue, ce monarque y vit passer un homme, dont la figure couverte d'une énorme moustache, le frappa. Il le fit remarquer au grand-duc. Monseigneur, dont la mémoire est un prodige, dit à Napoléon: „Je connais cet homme, c'est un Polonais, il s'appelle un tel et a servi dans tel régiment.—Ah! ah! dit l'Empereur, je ne doutais que c'était un de ces jeans f... de Polonais, qui veulent être une nation et qui n'ont pas les moindres éléments pour le devenir. Je ne peux pas souffrir ces gens-là!“

Изъ Поляковъ развѣ только очень немногіе, какъ, напримѣръ, князь Антоній Радзивиллъ, не увлекались Наполеономъ, превосходно понимая его Польскую политику. Между прочимъ, Радзивиллъ даже ёздилъ въ Krakowъ въ Январѣ 1813 г. съ намѣреніемъ оторвать Понятовскаго отъ союза съ Франціей. Польскій генералъ Колачковскій (*„Wspomnienia jeneralna Klemensa Kolaczowskiego“*, ksiega II, od roku 1813 do 1820. W Krakowie. 1899), говоря

объ этой поездкѣ, утверждаетъ, что она послѣдовала якобы по порученію Прусскаго и Россійскаго дворовъ. Понятовскій отнесся къ предложеніямъ Радзивилла весьма недружелюбно, а Французскій посолъ Биньонъ, узнавъ о цѣли его прїѣзда, потребовалъ было немедленнаго арестованія его. Въ концѣ концовъ, Радзивилла отпустили домой безъ всякой обиды ((*bez szwanku*)).

Депутація, о которой говорится въ письмѣ князя Кутузова къ Ланскому, если и ъздила къ князю Понятовскому, то дальнѣйшія событія показали, что она не привела къ желательнымъ послѣдствіямъ.

Высочайшее повелѣніе о составленіи отчета по бывшему Герцогству Варшавскому.

Дѣло № 31 (по описи № 171) объ исполненіи высочайшаго указа, въ 12/21, день Маія 1815 года состоявшагося, о составленіи обще съ членами Совѣта въ теченіи пяти мѣсяцевъ подробнаго изложенія всего, что учинено было по разнымъ частямъ внутренняго управления Герцогства Варшавскаго. 30 Маія 1815 г., на трехъ листахъ.

КОПІЯ ИМЕННАГО УКАЗА НА ИМЯ В. С. ЛАНСКАГО.

Василій Сергеевичъ! Желая совершилъ въ вникнуть въ состояніе бывшаго Герцогства Варшавскаго и въ полной мѣрѣ обозрѣть мѣстныя пособія и удобства свойственныя оному краю, вознамѣрился также озnamеновать монаршее благоволеніе наше къ тѣмъ особамъ, кои успѣли дѣйствительными заслугами и отличными по службѣ подвигами оправдать оказанную имъ довѣренность со времени учрежденія Временнаго Верховнаго Совѣта, повелѣваю вамъ совокупно съ прочими членами онаго составить въ теченіи пяти мѣсяцевъ подробнное изложение всего, что учинено было по разнымъ частямъ внутренняго управления и, совершивъ сей трудъ, немедленно мнѣ представить. Объемля такимъ образомъ всѣ дѣла и принятые правительствомъ мѣры, нужно будетъ излагаемое основать на доказательствахъ, изъ производства дѣль почерпнутыхъ, въ видѣ отчета съ пріобщеніемъ къ подлиннику Польскаго перевода. Оный преданъ будетъ тисненію для общенароднаго о семъ свѣдѣнія.

Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Въна Маія 12/24 дня 1815 года.

Примѣчаніе. Нѣкоторое представленіе о томъ, что было учинено по разнымъ частямъ внутренняго управления б. Герцогства Варшавскаго, со времени учрежденія Верховнаго Временнаго Совѣта, можетъ дать рѣчь графа Мостовскаго (министра внутреннихъ дѣлъ и полиції), сказанныя 15 марта 1818 г. при открытии императоромъ Александромъ въ Варшавѣ первого сейма, на которомъ въ числѣ депутатовъ находился и великий князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, избранный населеніемъ Новой Праги, предмѣстья Варшавы,

наиболѣе пострадавшаго отъ войны (П. М. Майковъ. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. Варшавскій сеймъ 1818 года. „Русская Старина“, 1903 г., Мартъ). По словамъ графа Мостовскаго, Герцогство Варшавское, послѣ удаленія центральнаго его правленія, находилось вполнѣ въ бѣдственномъ положеніи, которое увеличивалось страхомъ отъ приближавшихся Русскихъ войскъ, страхомъ, внушаемымъ характеромъ войны. Его Величество, желая успокоить умы и уѣздить ихъ въ безопасности личной и имущественной, приказалъ князю Кутузову издать 8 Января 1813 г. воззваніе къ народу, которое обезпечивало имущество и личность всѣмъ жителямъ Герцогства Варшавскаго, а также служившимъ при прежнемъ правительствѣ. Симъ послѣднимъ предлагалось продолжать отправление служебныхъ обязанностей, а военно-начальникамъ различныхъ Русскихъ отрядовъ предписано уважать мѣстныя власти и оказывать имъ должное содѣйствіе при надобности.

Порядокъ былъ возстановленъ по областямъ, и жители могли замѣтить, какъ осторожно съ ними обходились; какія принимались мѣры, чтобы Русскія войска долго не пребывали въ Герцогствѣ вообще и возможно менѣе проходили черезъ Варшаву, потому что она потерпѣла болѣе всѣхъ. Образцовое поведеніе этихъ войскъ и строгая дисциплина всѣмъ известны. Но мѣстныя власти не дѣйствовали съ должнымъ единствомъ, потому что отсутствовала власть центральная. Это побудило устроить временное правительство, т. е. Верховный Совѣтъ. Поляки, известные патріотическими взглядами и привязанностью къ родинѣ, были призваны къ этому правленію и получили особыя инструкціи. При этомъ остались всѣ должностныя лица, и никого не преслѣдовали. Положеніе страны было отчаянное. Безполезно говорить о разореніи, истощеніи и бѣдности страны, вызванныхъ усилиями, понесенными въ войнахъ Наполеона. Отъ Польши чрезмѣрно много требовалось для потребностей Французской арміи, размѣры которыхъ не соответствовали средствамъ страны. Затѣмъ большая смертность развилась въ городахъ и селеніяхъ вслѣдствіе болѣзней въ войскахъ и неосторожного перемѣщенія госпиталей. Для облегченія всего этого была учреждена особая центральная комиссія. Она снабдила страну солью, дозволила ввозъ товаровъ, оживила торговлю, отмѣнила выдачу войскамъ говядины и водки отъ обывателей; строго было запрещено прибѣгать къ реквизиціямъ; взысканіе недоимокъ, состоявшихъ по 1-ое Июня 1813 г., было отмѣнено и, наконецъ, Александръ въ Труа издалъ 1-го Февраля 1814 г. указъ объ отменѣ налога на напитки по деревнямъ, сбора съ патентовъ, а также личныхъ податей, дававшихъ около 6-ти миллионовъ флориновъ въ годъ. Проѣздомъ чрезъ Пулавы императоръ приказалъ возвратить обывателямъ подымную подать въ двойномъ размѣрѣ. Желая поднять сельское хозяйство, разоренное поставками выкуповъ для транспортовъ, онъ приказалъ раздать земледѣльцамъ до 5000 лошадей, оставшихся излишними для военнаго вѣдомства за расформированіемъ арміи. Польская армія была въ жалкомъ положеніи; большая часть ея находилась въ плѣну. По распоряженію Императора, плѣнныя были освобождены и получили позволеніе возвратиться на родину. Видимо оказывалось уваженіе этимъ храбрымъ воинамъ. Прежде нежели была рѣшена

участь Герцогства Варшавского, этой арміи сохранили все ея содеряніе, чины, знаки отличія. Она скоро явилась предметомъ особливой заботливости августійшаго брата Императора; онъ сдѣлался главнымъ ея начальникомъ. Благодаря настойчивости Александра, въ продолженіи долгихъ и сложныхъ переговоровъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ, выгоды Польши не были упущены, и его благосклонныя намѣренія получили осуществленіе. Когда судьба вновь принудила взяться за оружіе, Александръ былъ до того благосклоненъ къ Польшѣ, что освободилъ ее отъ участія во вновь возникшой войнѣ. Онъ учредилъ временное правительство, начерталъ основныя начала конституції, а затѣмъ даровалъ странѣ 15 Ноября 1815 года конституционную хартію“.

Преобразование Россійскаго временнаго правительства.

Дѣло № 53 (по описи № 251). 1 Іюня 1815 г. На шести листахъ.

Копія именнаго указа В. С. Ланскому.

Василій Сергеевичъ! По совершенномъ прекращеніи временныхъ причинъ и обстоятельствъ, коими руководствуясь призналъ я нужнымъ опредѣлить Россійскихъ чиновниковъ въ званія надзирателей и помощниковъ по разнымъ частямъ внутренняго управления въ округахъ бывшаго Герцогства Варшавскаго, равно какъ и по провіантской части, таковое распоряженіе въ отношеніи къ должностямъ временно имъ препорученнымъ было бы *) установляемому отнынѣ въ семъ краѣ порядку и клонилось бы единственно къ отягощенію онаго, толико уже претерпѣвшаго въ военное время. По сему, уваживъ истощенное сіе положеніе, повелѣваю вамъ снести по сему предмету съ г. тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ и, сообразивъ съ нимъ удобнѣйшія мѣры, немедленно мнѣ представить: 1-ое, именной списокъ всѣмъ Россійскимъ чиновникамъ, состоящимъ подъ вашимъ вѣдѣніемъ, съ означеніемъ исправляемыхъ ими должностей, производимаго имъ жалованья, ихъ поведенія и того общенароднаго обѣ нихъ мнѣнія, которое снискано каждымъ при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей. При семъ случаѣ потребно также означить мѣста, при которыхъ они находились въ Россіи и какое получали жалованье по прежнему ихъ званію. 2-ое, засвидѣтельствованіе трудовъ и заслугъ каждого чиновника, съ означеніемъ, по благоусмотрѣнію вашему, денежныхъ награжденій, знаковъ отличія и другаго рода возмездій, соразмѣрныхъ оказанному имъ усердію, безкорыстію и способностямъ. 3-е, начертаніе тѣхъ распоряженій, посредствомъ коихъ удобнѣе можно будетъ приступить къ постепенному ихъ увольненію отъ исправляемыхъ ими должностей въ теченіе пяти мѣсяцевъ, считая отъ сего числа. Въ исполненіе сего

*) Въ этомъ мѣстѣ, очевидно, пропущено какое-то слово.

начнете вы сие преобразование съ чиновниковъ, коихъ содѣйствие въ производствѣ дѣлъ не признано будетъ необходимымъ. Вы не оставите при семъ случаѣ представить и о тѣхъ, которые, отличными качествами успѣвъ пріобрѣсти особенное жителей уваженіе, изъявлять желаніе получить право гражданства наравнѣ съ тамошними уроженцами, съ намѣреніемъ посвятить себя службѣ нашей въ семъ краѣ.

Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Вѣна. Маія ^{12/24} дня 1815.

Англійскіе миссіонеры и Еврейскій вопросъ. 1816.

Дѣло № 105 (по описи № 357). На 51 листѣ.

Письмо князя А. Н. Голицына¹⁾ къ Н. Н. Новосильцеву.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыскій²⁾ въ 1814 г. представлялъ Государю Императору, что многія особы духовнаго и свѣтскаго званія желаютъ учредить въ Варшавѣ Библейское Общество, подобное состоявшемуся въ Россіи.

Его Императорское Величество изъявилъ на сие высочайшее соизволеніе; но по обстоятельствамъ, препятствовавшимъ сему предпріятію совершиться, Общество доселѣ не было учреждено. Пребываніе нынѣ въ Варшавѣ агента Великобританскаго и Иностранныхъ Библейскаго Общества и члена Россійскаго Общества г. ПинкERTона, извѣстнаго по усердію и дѣятельности его къ распространенію чтенія Слова Божія, представляетъ возможность возобновить сие дѣло.

Поручая г. ПинкERTона въ благорасположеніе вашего превосходительства, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, оказать содѣйствіе ваше къ учрежденію въ Варшавѣ Библейскаго Общества. Честь имѣю быть и пр.

№ 154. С. П-бургъ. Августа 9 дня. 1816.

Записка Новосильцова къ графу Курутѣ, отъ ^{7/19} Декабря 1822 г., № 910.

Члены Лондонскаго общества для обращенія Евреевъ, гг. Гофъ и Вендтъ, пріѣхавши съ высочайшаго дозволенія въ Россію, съ намѣреніемъ распространять христіанское ученіе между Евреями, и на осно-

¹⁾ Голицынъ кн. Александръ Николаевичъ (1773—1844), министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

²⁾ Чарторыскій, или же Чарторижскій, кн. Адамъ Адамовичъ (1770—1861).

ваниі открытыхъ листовъ управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, данныхыхъ имъ на свободное пребываніе въ при- соединенныхыхъ отъ Польши губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ Россій- ской имперіи, гдѣ признаютъ они нужнымъ, прибывъ нынѣ въ Вар- шаву въ намѣреніи возвѣщать христіанское ученіе между Евреями Царства Польскаго, просятъ представительства моего, дабы по примѣру дозволенія, какое дано отъ здѣшняго правительства находящемуся въ Варшавѣ члену Лондонскаго Библейскаго Общества раздавать переводъ Библіи, дозволено имъ было раздавать между Евреевъ экземпляры Нового Завѣта и другія духовныя сочиненія, какія раздавали они въ Россіи.

Я всепокорнѣйше прошу его превосходительство Дмитрия Дмитрі- вича Куруту войти о семъ къ Государю Цесаревичу съ представленіемъ, и какое послѣдуетъ на сей предметъ повелѣніе Его Императорскаго Высочества почтить меня увѣдомленіемъ.

Письмо (подлинникъ) князя Голицына къ Новосильцову.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

По высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, воспослѣдовашему на докладъ мой, прибыли въ Россію въ прошломъ 1822 г. члены Лондонскаго общества для обращенія Евреевъ, Коль, Беккеръ, Гофъ и Вендтъ, имъ цѣллю раздавать между Евреями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обитаютъ, экземпляры Нового Завѣта и разнаго рода духовныхъ сочиненій. Они снабжены тогда же отъ г. управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ открытыми листами, предоставляемыми имъть пребываніе имъ въ Россіи, гдѣ пожелаютъ, и препору- чающими мѣстнымъ начальствамъ оказывать имъ законное покрови- тельство и защиту.

Такимъ образомъ они отправились въ разныя мѣста для произве- денія въ дѣйствіе предначертанной для нихъ цѣли. Но одинъ изъ нихъ, г. Беккеръ проѣхалъ и далѣе, въ Царство Польское, откуда писалъ въ недавнемъ времени, что онъ встрѣчаетъ крайнее затрудненіе въ полу-ченіи изъ Польскихъ таможень Новыхъ Завѣтовъ и Ерейскихъ кни- жеекъ, каковыя присылаются къ нимъ. Посему онъ и просилъ убѣди-тельно объ отвращеніи отъ него сихъ неудобствъ.

По докладу мною объ ономъ, Государь Императоръ высочайше указать мнѣ соизволилъ снести съ вашимъ превосходительствомъ о мѣрахъ къ безпрепятственному получению г. Беккеромъ всѣхъ означенныхъ книгъ изъ Польскихъ таможень, какія вы признали бы нужными предпринять. Посему покорнѣйше прошу васъ о мнѣніи вашемъ по

таковому обстоятельству меня увѣдомить, для скорѣйшаго облегченія Беккера въ благотворныхъ дѣйствіяхъ, къ распространенію Евангельскаго Свѣта между Евреями служащихъ.

Въ С.-Петербургѣ 12-го Маія 1823 г. № 114.

Очевидно, наше правительство мечтало, подобно Наполеону, объ ассимиляціи Евреевъ. Въ „Gazete korrespondenta warszanskiego i zagranicznego“ за 1806 годъ (№ 78, 79 и 80) встрѣчаемъ весьма интересныя свѣдѣнія о созванномъ Наполеономъ въ Парижѣ съѣздѣ Французскихъ Евреевъ. Имъ было предложено Наполеономъ 12 вопросныхъ пунктовъ, вытекавшихъ изъ главного положенія: относятся ли Евреи къ Французамъ какъ къ своимъ братьямъ, или же какъ чужеземцамъ (czyli żydzi mają francuzów za swoich braci, czyli za obcych)? Сущность отвѣтовъ Ерейского съѣзда заключалась въ слѣдующемъ: начать съ того, что главный и единственный двигатель Ерейского народа, это всегдашняя любовь къ ближнему. Самъ Богъ заповѣдалъ Ереямъ оставлять на поляхъ часть жатвы для бѣдняка, для чужеземца и для вдовы. „Не обходитесь, повелѣлъ Богъ, дурно съ чужеземцемъ, не дѣлайте ему обиды, любите его“. Моисей и Давидъ еще болѣе пояснили эту заповѣдь, а одинъ изъ рабиновъ, Гилесь, сказалъ: „не дѣлай ближнему твоему того, чего не желаешь себѣ; это есть религія, а все остальное лишь консеквенція ея.“ Ереи никогда не были „гандляжами“, а только землемѣдѣльцами. Если же и вели торговлю съ сосѣдями, то вели ее честно и не имѣли никакого понятія о лихвѣ и процентахъ до тѣхъ поръ, пока не познакомились съ Римскимъ правомъ, трактующимъ объ этихъ вещахъ. Да и то, знакомство это было чисто теоретическое. Хотя, конечно, нельзя утверждать, чтобы среди Евреевъ не нашлось человѣка, чувствующаго склонность къ лихвѣ, но это единственныя факты, существующіе и среди христіанъ... Ереи, избравши Францію своимъ отечествомъ, горячо любятъ ее и подчиняются законамъ ея, какъ настоящіе Французы. Весьма естественно, что Французовъ они считаютъ своими братьями, родниться съ которыми, посредствомъ браковъ, не воспрещается „Ерейскимъ правомъ“. Чувство любви къ Франціи на столько сильно у нихъ, что передъ нимъ исчезаютъ всѣ ихъ расовая и религіозная связи съ чужеземными Ереями. Англійский, напримѣръ, или Нѣмецкій Ерей является для Французскаго Ерея совершеннымъ чужеземцемъ, и самъ, въ свою очередь, чужеземецъ для нихъ, и т. д.

Между прочимъ, въ той же газетѣ, № 104, помѣщено извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ, въ Парижѣ, любопытной книги, на Ерейскомъ и Французскомъ языкахъ, трактующей о томъ, что такое Ерей-христіанинъ („Co jest izraelita-chrzeszczanin? Filozofia nasza jest religia Abrahama, a po tym idzie akt wiary“). Авторъ этой книги, поручикъ императорскаго дома инвалидовъ, крещеный Ерей Рушъ обращается къ молодымъ Ереямъ съ совѣтомъ вступать на службу подъ знамена Наполеона, съ цѣлью возвращенія Йерусалима и возстановленія Соломонова храма.

**Письмо Н. Н. Новосильцова къ князю А. Н. Голицыну.
30-го Августа (11-го Сентября) 1823 г. № 945.**

Александръ Николаевичъ! На почтенѣйшее отношеніе вашего сія-
тельства отъ 22-го Маія сего года за № 114, по высочайшему повелѣ-
нію ко мнѣ послѣдовавшаго, о доставленіи прибывшему въ Царство
Польское члену Лондонскаго Общества г. Беккера средствъ къ безпре-
пятственному полученію имъ задержанныхъ на Польскихъ таможняхъ
книгъ Нового Завѣта и другихъ Ерейскихъ книжекъ, служащихъ къ
распространенію между Ереями христіанской вѣры и выписываемыхъ
имъ отъ иностраннѣхъ обществъ, спѣшу вашему сіятельству, нынѣ, по
возвращеніи моемъ изъ г. Вильны, сообщить въ копіи полученный
мною на сie отъ Намѣстника Царства Польскаго князя Заюнчка *) за
№ 11502 отвѣтъ, и съ приложеніемъ при ономъ рапортомъ, послѣдо-
вавшимъ къ нему отъ правительственной комиссіи финансовъ Царства
Польскаго, изъ коего ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что г. Бек-
керъ самъ причиною остановки, которую онъ встрѣтилъ на здѣшней
таможнѣ; ибо вместо того чтобы, по существующимъ здѣсь правиламъ,
предварительно истребовать чрезъ правительственную комиссію вѣро-
исповѣданій и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго отъ здѣшней
же комиссіи финансовъ надлежащій паспортъ для пропуска въ Царство
Польское выписываемыхъ имъ изъ заграницы духовныхъ Ерейскихъ
книгъ и особое отъ оной на то дозволеніе, желалъ прямо провезти тѣ
книги чрезъ таможню, которая за неимѣніемъ у него таковыхъ видовъ
и задержала оныя на основаніи постановленія комиссіи финансовъ и
правилъ вновь учрежденного тарифа.

**Изъ рапорта правительственной комиссіи финансовъ князю
Заюнчуку, отъ 2-го Іюля н. ст. 1823 года.**

На основаніи вновь учрежденного тарифа Ерейскія книги запре-
щено ввозить; а хотя книги выписываемыя членомъ Лондонскаго Обще-
ства г. Беккеромъ для распространенія между Ереями христіанской
вѣры по уваженію настоящей ихъ цѣли и должны бы быть изъемлемы
изъ такового запрещенія, но поелику писаны онъ на Ерейскомъ

*) Заюнчекъ, Іосифъ (1752—1826 г.), Польскій генераль. Сражался подъ знаме-
нами Костюшки; послѣ взятія Русскими войсками Праги и Варшавы, поступилъ на
службу Франціи. Въ сраженіи подъ Бородинымъ потерялъ ногу. Въ 1815 г. императоръ
Александръ назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ и возвелъ въ
княжеское достоинство.

языкѣ, а за всѣми таковыми вѣльно отъ комиссіи финансовъ, для отвращенія всякаго злоупотребленія, имѣть надзоръ, и безъ предварительного разрѣшенія комиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія Царства Польскаго оныхъ не пропускать: то и осторожность таковая, необходимая для пользы края, не будетъ для сказаннаго Общества, въ которомъ есть г. Беккеръ членомъ, въ Царствѣ Польскомъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ, естыли только г. Беккеръ заблаговременно и чрезъ посредство комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія требовать будеть себѣ паспорта.

Что же касается до остановки, на кою нынѣ приносить жалобу г. Беккеръ, оная произошла отъ того единственно, что г. Беккеръ тогда уже требовалъ паспорта, когда книги его прибыли на границу Царства, а потому оныя за неимѣніемъ такового и задержаны таможнею. За министра, статсь-совѣтникъ Платеръ. Генеральныи секретарь Крушинскій.

Письмо Н. Н. Новосильцова къ графу Курутѣ, отъ 1-го Іюня 1827 г., № 823.

Милостивый государь графъ Дмитрій Дмитріевичъ!

Находящіеся въ Варшавѣ члены Лондонскаго Общества для обращенія Евреевъ Георгъ Вендтъ и Макѣ-Коль, имѣя желаніе отправиться въ мѣстечко Бердичевъ, въ намѣреніи распространять христіанское ученіе между тамошними Ереями, просили меня исходатайствовать для нихъ паспортъ на проѣздъ въ Бердичевъ и снабдить ихъ письмомъ къ Волынскому гражданскому губернатору, дабы онъ принялъ ихъ въ свое покровительство.

Въ подкрѣпленіе просьбы своей, они представили мнѣ: 1) Открытый листъ, данный 21-го Іюля 1822 г. на имя Георга Вендта отъ управлявшаго тогда Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, свидѣтельствующій, что онъ Вендтъ прибылъ въ Россію съ высочайшаго соизволенія блаженныя памяти государя императора Александра Павловича и имѣть позволеніе отъ правительства на свободное пребываніе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ Россійской имперіи, гдѣ признаеть нужнымъ. 2) Подлинное письмо дѣйствительнаго статского совѣтника Матушевича отъ 11-го Августа 1826 г. изъ Москвы къ Макѣ-Колю писанное, въ которомъ по порученію графа Нессельроде уведомляеть его г. Матушевичъ, что его величество Государь Императоръ высочайше дозволяеть Самсону Меіерсону и Ивану Гольдбергу содѣйствовать ему въ предпринятомъ имъ распространеніи христіанской вѣры между Ереями, и что общія начала изложенные на сей предметъ въ инструкціи, данной ему упомянутымъ Лондонскимъ Обществомъ, его императорскимъ величествомъ одобрены.

Хотя письма сего и не могу принять за формальное объявление высочайшей воли, однако же нѣть никакого сомнѣнія въ томъ, что оно писано было по приказанію графа Нессельроде, и что дѣло сіе было представлено его императорскому величеству.

Несомнѣнно, эти господа Англійскіе миссіонеры прекрасно знали, въ какой ужасной грѣховности обрѣтались Бердичевскіе Евреи и какъ, вслѣдствіе этого, нуждались въ благотворномъ воздействиіи членовъ Лондонскаго просвѣтительного общества. Объ этой грѣховности мы имѣемъ свидѣтельство Кіевскаго ген.-губернатора Бибикова, по поводу возбужденаго въ 1843 г. ходатайства именитыхъ домохозяевъ Бердичева объ обращеніи этого мѣстечка въ городъ, съ учрежденіемъ въ немъ городской думы и магистрата. Не взирая однакоже на утвержденіе просителей, что Правительствующій Сенатъ еще въ 1801 г. признавалъ Бердичевъ „коммерческимъ въ Европѣ мѣстомъ“, а также на ихъ собственныя заявленія о томъ, что „въ число естественныхъ богатствъ Бердичева полагается природный умъ жителей“ и что „онъ великими своими успѣхами принесеть пользу государству и частнымъ людямъ немалую“, ген.-ад. Бибиковъ обрисовалъ прежній и современный ему Бердичевъ въ самыхъ темныхъ тонахъ. Оказывается, что въ прежнее время Бердичевъ былъ средоточиемъ контрабанднаго промысла; въ немъ обращались миллионные капиталы, похищенные утайкою казенныхъ пошлинъ и совершались всѣ роды преступлений безнаказанно и безгласно, чему способствовало также снискходительное отношеніе къ Бердичевскимъ Евреямъ Житомірскихъ властей. Въ Бердичевѣ дѣлали все, что хотѣли. Бердичевъ былъ могуществомъ, спасавшимъ отъ суда и закона всякое преступлѣніе. Огромныя ярмарки соединяли въ немъ, по нѣскольку разъ въ годъ, едва-ли не большую часть Поляковъ Галиціи, Познани, Царства Польскаго и западныхъ губерній. Ониѣхали туда какъ по долгу. Огромная карточная игра, тамъ происходившая, служила также цѣлью прїѣзда. Поляки проигрывались и утѣшали себя мечтами о какомъ нибудь тайному политическомъ обществѣ. Бердичевъ не разъ былъ и мѣстомъ сѣзда политическихъ заговорщиковъ, и отъ него преступныя правила и мысли развозились во всѣ концы бывшей Польской республики... и т. д. (А. Мѣрдеръ. Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ. „Русская Старина“, 1901 г. Апрѣль). Прибавимъ къ этому, что Бердичевъ же, между прочимъ, происходили свиданія членовъ Южнаго Общества съ представителями Верховнаго Совета Польскаго тайного (патріотическаго) общества.

**Рапортъ Н. Н. Новосильцова, отъ 22-го Ноября (4-го Декабря)
1829 г. за № 1722 великому князю Цесаревичу.**

Ваше высочество! Тотчасъ по полученіи вашего повелѣнія отъ ^{7/19} Ноября, по поводу прошенія, поданнаго на высочайшее имя гг. Макъ-Колемъ и Беккеромъ, я съ величайшимъ вниманіемъ разсмотрѣлъ и самую просьбу этихъ лицъ, и препровожденіе ко мнѣ документы, съ тѣмъ, чтобы представить вашему высочеству самый обстоятельный и мотивированный докладъ по этому дѣлу.

Я началъ съ того, что собралъ справки о поведеніи означенныхъ миссіонеровъ и, въ этомъ отношеніи, полученные мною свѣдѣнія оказались для нихъ благопріятными.

Просители называютъ себя агентами одного частнаго общества въ Лондонѣ, которое имѣть цѣлью обращеніе Евреевъ (въ христіанскую вѣру). Президентомъ этого общества состоить членъ Англійскаго парламента, Томасъ Берингъ, а вице-президентомъ г. Леви Уэй, который былъ извѣстенъ съ хорошей стороны въ Бозѣ почивающему императору Александру. Это общество находится подъ покровительствомъ Англиканскихъ епископовъ, Глостерской епархіи и св. Давида. Оно существуетъ уже 11 лѣтъ, успѣвъ основать за это время свои миссіи, для обращенія Евреевъ, въ Амстердамѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ и Польшѣ. Денежныя средства общества слагаются изъ добровольныхъ взносовъ; но, какъ объясняютъ сами просители, общество не имѣетъ правительственной санкціи и не пользуется его покровительствомъ.

Гг. Макъ-Коль и Беккеръ находятся въ Варшавѣ около пяти лѣтъ. Когда они прибыли сюда, ни тотъ, ни другой не были пасторами. Г. Беккеръ, Нѣмецъ, былъ посвященъ въ духовный санъ г. Дилемъ, въ Варшавской реформатской церкви, а г. Макъ-Коль, какъ Англичанинъ, предпочелъ получить посвященіе въ Лондонѣ отъ Англиканскаго епископа, послѣ чего снова возвратился въ Варшаву. Оба они отправляютъ Англиканское богослуженіе въ Варшавской реформатской церкви, чтѣ на улицѣ Лешно. Тамъ же они произносятъ проповѣди передъ мѣстной Англиканской общиной и увѣщевають Евреевъ. Съ нѣкотораго, впрочемъ, времени, они начали отправлять свое богослуженіе, утреннее только, въ одномъ частномъ домѣ, нанятомъ ими въ той же улицѣ. Это произошло вслѣдствіе того, что реформатское богослуженіе, обыкновенно, продолжается очень долго, и имъ приходилось или служить свою утреню въ это же самое время, или же ждать окончанія реформатской службы.

Такимъ образомъ, означенныя лица являются, съ одной стороны, въ качествѣ священниковъ Варшавской Англиканской общинѣ, состоящей изъ 40 человѣкъ, и съ другой—въ качествѣ агентовъ Лондонскаго общества обращенія Евреевъ въ христіанство, сохрания при этомъ, въ такой двойственной роли ихъ въ Царствѣ, свое званіе иностранцевъ и не принося вѣрноподданнической присяги.

Ихъ труды по обращенію Евреевъ имѣли до настоящаго времени довольно ограниченные результаты. Въ прошломъ году, какъ эти миссіонеры сами объясняютъ, они окрестили всего только 14 Евреевъ; въ текущемъ же году крещенія домогались (надѣдали) 12 человѣкъ, но не

не получили его: одни—потому, что не были достойны этого таинства, а другие—въ виду отсутствія у нихъ средствъ къ существованію послѣ обращенія. Миссіонеры ничего не упоминаютъ о тѣхъ, надъ кѣмъ они трудились въ предшествовавшіе годы. Впрочемъ, они обращаютъ Евреевъ не въ Англиканскую религію, исповѣдуемую Англійскимъ королемъ, а въ реформатскую, въ храмъ, въ которомъ они же и отправляютъ богослуженіе. На ихъ обязанности лежитъ также раздача Евреямъ экземпляровъ Нового Завѣта и книгъ благочестія, напечатанныхъ на жаргонѣ Польскихъ Евреевъ; такихъ книгъ, со времени своего прибытія сюда, они уже распространили около 3000 томовъ, какъ сами о томъ заявили въ запискѣ, поданной правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Какъ Англиканскіе священники, они могутъ быть сравнены съ духовными особами въ Англійскихъ факторіяхъ, заведенныхъ въ Россіи; что же касается ихъ функцій по обращенію Евреевъ, то въ этомъ отношеніи воздействиѣ ихъ на подданныхъ здѣшняго края осуществляется во имя какой-то частной иностранной власти. Въ этомъ отношеніи ихъ слѣдовало бы подчинить правительственному надзору.

Именно, какъ миссіонеры по обращенію Евреевъ и агенты добровольнаго общества, они и подали прошеніе на высочайшее имя съ ходатайствомъ обѣ облегченіи имъ ихъ работъ.

Прошеніе это содержитъ въ себѣ три главныхъ пункта.

1) Они ходатайствуютъ о томъ, чтобы миссіонерамъ было дано общее разрѣшеніе работать надъ обращеніемъ Евреевъ и чтобы, въ силу такого разрѣшенія, прибывающіе изъ Лондона миссіонеры могли, не обращаясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ С.-Петербургъ, получать соотвѣтственное уполномочіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго. Они ходатайствуютъ, сверхъ того, чтобы его величество соизволилъ на возобновленіе разрѣшенія, даннаго имъ почивающимъ въ Бозѣ императоромъ Александромъ, на проповѣданіе Евангелія Евреямъ бывшихъ Польскихъ провинцій, присоединенныхъ затѣмъ къ Имперіи;

2) Чтобы было дозволено имъ открывать элементарныя школы для образованія Еврейской молодежи;

3) Чтобы книги, предназначенные для обращенія Евреевъ, не подлежали вѣдѣнію комитета Еврейской цензуры, которая, естественно, противодѣйствуетъ обращенію своихъ единовѣрцевъ и уже помѣшала распространенію тысячи экземпляровъ Еврейской Бібліи, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней оказались опечатки, хотя Лондонское изданіе является болѣе правильнымъ, чѣмъ всѣ другія такого рода изданія,

предназначенный для Евреевъ. Наконецъ, они просять, дабы имъ разрѣшено было самимъ печатать книги, необходимыя для ихъ дѣла.

Независимо этихъ трехъ пунктовъ они ходатайствуютъ еще о томъ, чтобы его величество удостоилъ споспѣществовать основанію ремеслен-наго дома для молодыхъ крещенныхъ Евреевъ; въ этомъ домѣ ихъ обучали бы книгопечатанію, переплетному и токарному ремесламъ. Для старыхъ же прозелитовъ и для женщинъ могла бы быть основана колонія, уже разрѣшенная указомъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра, послѣдовавшимъ въ 23 день Марта 1817 года.

Его величество изволилъ повелѣть препроводить это прошеніе сначала къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Послѣдній, не останавливаясь специально на первомъ пункте ходатайства и сдѣлавъ историческій очеркъ всего, что касается міссионеровъ, вы-сказалъ мнѣніе, что Англиканскую міссію для обращенія Евреевъ слѣдовало бы поставить въ зависимость оть министерства духовныхъ дѣлъ; чтобы міссионеры подлежали юрисдикціи соединенной Лютеранско-реформатской консисторії; чтобы книги ихъ были рассматриваемы цензурою, установленною для Еврейскихъ книгъ; чтобы они давали правительству клятвенное обѣщаніе въ томъ, что сношенія ихъ съ Лондонскимъ обществомъ будуть проходить чрезъ руки правительства, подобно тому, какъ это практикуется въ сношеніяхъ католическихъ епископовъ съ Римскимъ престоломъ; чтобы они представляли въ министерство духовныхъ дѣлъ періодическія донесенія о своей дѣятельности, доселѣ почти неизвѣстной этому министерству; наконецъ, такъ какъ учрежденіе элементарныхъ Еврейскихъ школъ входить въ общіе планы правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, то чтобы міссионерамъ быть воспрещенъ всякой иной прозелитизмъ, за исключеніемъ того, который имѣеть цѣлью обращеніе Евреевъ.

Всльдѣ засимъ, по повелѣнію его высочества, былъ затребованъ отзывъ оть Правительственного Совѣта. Послѣдній отнесся къ предложенію министра духовныхъ дѣлъ о необходимости установленія зависимости Англійской міссіи оть его министерства какъ къ излишнему требованію. Точно также онъ нашелъ излишнимъ и подчиненіе міссионеровъ главной протестантской консисторії, въ виду того, что эти міссионеры исповѣдуютъ другіе религіозные принципы, если, конечно, не сдѣлать одного изъ нихъ членомъ той же консисторії. Равно излишнимъ представляется Правительственному Совѣту воспрещеніе міссионерамъ всякаго иного прозелитизма, за исключеніемъ того, который имѣеть цѣлью обращеніе Евреевъ; потому что въ этомъ отношеніи существуютъ общіе законы, и дѣло идетъ не о томъ, что запрещено

миссіонерамъ, а о томъ, что имъ дозволено. Чѣд касается вопроса объ учрежденіи школъ для Еврейской молодежи, то Совѣтъ полагаетъ, что ходатайство миссіонеровъ можетъ быть удовлетворено, сообразно съ общими планами, принятymi комміssіeю духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Засимъ, книги, печатаемыя самими миссіонерами, или же присылаемыя имъ изъ за границы, должны подлежать, по мнѣнію Совѣта, общей цензурѣ, и, наконецъ, предположеніе объ устройствѣ колоній для новообращенныхъ Евреевъ признается заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что Евреи будуть рассматриваться тогда уже какъ христіане.

Представляя вашему высочеству отчетъ объ этихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ, по поводу прошенія гг. Макъ-Коля и Беккера, министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и Правительственнымъ Совѣтомъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность доложить о томъ, что мнѣ внушиено внимательнымъ изученіемъ этого вопроса и чтеніемъ означенныхъ мнѣній.

1) Англійскіе миссіонеры просятъ объ общемъ разрѣшеніи для обращенія Евреевъ, чтобы оно распространялось и на ихъ новыхъ сотрудниковъ, которые будутъ прибывать изъ Лондона, не нуждаясь въ испрашиваніи особыхъ, каждый разъ, разрѣшеній изъ С.-Петербургa, и чтобы таковое общее разрѣшеніе имѣло силу и по отношенію къ Польскимъ провинціямъ, присоединенныхъ къ Имперіи, на что, по словамъ просителей, уже послѣдовало согласіе почивающаго въ Бозѣ императора Александра.

Это общее разрѣшеніе просители уже имѣютъ для себя лично; что же касается новыхъ миссіонеровъ, которые будутъ пріѣзжать изъ Лондона лишь время отъ времени, то я не вижу никакого неудобства въ томъ, что ими будутъ испрашиваемы специальная, каждый разъ, разрѣшенія. Вѣдь, могутъ же встрѣтиться случаи, когда придется сдѣлать какое нибудь возраженіе противъ кого-либо изъ новыхъ миссіонеровъ. Засимъ, что касается дозвolenія Евангельской проповѣди Евреямъ въ бывшихъ Польскихъ, а нынѣ Русскихъ провинціяхъ, то, казалось бы, что этого нельзя допустить безъ дальнѣйшаго обсужденія вопроса; ибо, хотя Англикансіе миссіонеры занимаются здѣсь обращеніемъ Евреевъ въ реформатское исповѣданіе, признанное въ Царствѣ, но въ тѣхъ Польскихъ провинціяхъ, где не имѣется реформатской церкви, они могли бы обращать Евреевъ въ Англиканское исповѣданіе, чѣд поставило бы новообращенныхъ во всемъ, что касается религіи, въ зависимость отъ Англійскаго короля, какъ главы Англиканскої церкви. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы еще подождать того времени, когда опытъ миссіи

просителей увѣнчается спасительной перемѣной въ Евреяхъ Царства, что не очень-то замѣтно пока.

2) Они просятъ о дозволеніи имъ устраивать элементарныя школы для образованія Еврейской молодежи. Просьба эта можетъ быть удовлетворена, но съ тѣмъ, чтобы эти школы находились подъ наблюденіемъ протестантской консисторіи и надзоромъ правительства, какъ всѣ другія школы.

3) Наконецъ, они просятъ объ освобожденіи разрѣшеніи относительно освобожденія отъ Еврейской цензуры книгъ, предназначенныхъ для обращенія Евреевъ, какъ тѣхъ, которыя будутъ печатать они сами, такъ и тѣхъ, которыя будутъ получаться ими изъ за границы. Въ этомъ отношеніи они выражаются весьма неправильно. Въ Варшавѣ нѣть Еврейской цензуры, или же цензуры, исполняемой Евреями; но есть Цензурный Комитетъ, состоящій изъ христіанъ и имѣющій цѣлью разсмотрѣніе книгъ, написанныхъ на Еврейскомъ языкѣ. Въ этомъ Комитетѣ находится только одинъ Еврей, и то не въ качествѣ члена, а эксперта. Было бы весьма неудобно освобождать отъ цензуры, установленной для книгъ, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны, книги, напечатанные или введенныя въ Царство неизвѣстными индивидуумами. Всякое правительство имѣетъ въ этомъ отношеніи право надзора и отказаться отъ него не можетъ, безъ опасности.

Добавочное ходатайство Англійскихъ миссіонеровъ о дозволеніи имъ устроить ремесленный домъ, въ которомъ они обучали бы молодыхъ новообращенныхъ Евреевъ книгопечатанію, переплетному ремеслу и токарному, это ходатайство могло бы быть удовлетворено, тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ молодые Евреи, послѣ обращенія своими родственниками, имѣли бы возможность обеспечить свое существованіе. Кромѣ того, это способствовало бы распространенію въ краѣ ремесль, къ которымъ вообще Евреи весьма склонны. Конечно, учрежденіе и содержаніе такого дома должно зависѣть отъ средствъ самихъ просителей или же того общества, которое ихъ прислало, но никакъ не за счетъ правительства.

Что касается учрежденія колоній для старыхъ прозелитовъ и для женщинъ, то я въ этомъ отношеніи присоединяюсь къ мнѣнію Правительственного Совѣта, который находить, что подобныя учрежденія не представляютъ никакихъ неудобствъ, такъ какъ колонисты, послѣ обращенія ихъ, должны быть уже рассматриваемы какъ христіане.

Во всякомъ случаѣ, я того мнѣнія, что Англійскіе миссіонеры во время пребыванія своего въ Царствѣ должны быть подчинены соединен-

ной Евангелической консисторіи, которой не могутъ не признавать уже потому, что одинъ изъ нихъ, г. Беккеръ, былъ посвященъ въ духовный санъ членомъ этой консисторіи, г. Дилемъ; и наконецъ еще потому, что сами они проповѣдуютъ въ реформатской церкви и обращаютъ тамъ же Евреевъ, слушающихъ ихъ проповѣди. По моему мнѣнію, нѣть никакой необходимости въ томъ, чтобы, какъ предлагаеть Правительственный Совѣтъ, одинъ изъ этихъ миссіонеровъ былъ членомъ означенной Консисторіи; ибо Англійскіе миссіонеры, будучи иностранцами и не принимая вѣрноподданнической присяги, не могли бы, вслѣдствіе разницы въ религіозныхъ принципахъ, быть безпристрастными сотрудниками признанной и законной церковной власти, ни составлять часть такого учрежденія какъ соединенная консисторія протестантскихъ церквей въ Варшавѣ. Не будучи признаны никакою властью, зависимые, какъ агенты, по обращенію Евреевъ, отъ какого-то общества, они, по необходимости, должны быть подчинены надзору правительства и наблюденію той самой консисторіи, членомъ которой желаютъ сдѣлать одного изъ нихъ.

По моему мнѣнію, чрезъ эту именно консисторію должны производиться все сношенія Англійскихъ миссіонеровъ съ Лондонскимъ обществомъ, и такимъ образомъ, при посредствѣ этой консисторіи, означенныя сношенія будутъ подчинены контролю Правительственной Коммісіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Имѣю честь представить при семъ разные документы, которые вашему Высочеству было благоугодно передать мнѣ.

При всемъ томъ, не рѣшаясь удовлетворить прошенію означенныхъ иностранцевъ безъ соизволенія на то Государя Цесаревича, честь имѣю просить ваше сиятельство довести обстоятельство сіе до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, и почтить меня увѣдомленіемъ, благоугодно ли будетъ Его Императорскому Высочеству, чтобы я удовлетворилъ изъясненному ихъ желанію.

При семъ честь имѣю приложить обѣ вышеупомянутыя бумаги въ подлинникѣ для представленія Его Императорскому Высочеству.

**Рапортъ Н. Н. Новосильцова Цесаревичу, отъ 4 Марта
1829 года, № 387. Варшава.**

Ваше Императорское Высочество соизволили передать мнѣ прошеніе Англійскаго миссіонера Меколь, жалующагося на здѣшнюю цензуру Еврейскихъ книгъ съ тѣмъ, чтобы я представилъ мое мнѣніе по оному.

Во исполненіе таковаго вашего императорскаго высочества повелѣнія, требовалъ я отъ здѣшней правительственной духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія комиссіи соотвѣтственныхъ по содержанію упомянутаго прошенія объясненій, изъ коихъ оказалось, что всѣ показанія миссіонера Меколь суть неосновательны; ибо Цензурный Еврейскихъ книгъ Комитетъ состоить не изъ однихъ только, какъ проситель утверждаетъ, Евреевъ, но изъ христіанъ, подъ предсѣдательствомъ христіанина. Также усматривается, что здѣшней цензуры никогда намѣреніемъ не было дѣлать затрудненія благотворной цѣли Англійскихъ миссіонеровъ въ обращеніи Евреевъ въ христіанскую вѣру; ибо она, слѣдя предписаннымъ ей правиламъ, не стѣсняя ни въ чемъ миссіонеровъ, не дозволяла токмо распространять между Евреями сочиненія, которыя бы, подъ предлогомъ наставленія въ христіанской религіи, птиали въ семъ народѣ злобу и ненависть противъ Римско-Католическаго и Греческаго исповѣданій, на что посягнули миссіонеры выписаніемъ изъ за границы служащихъ къ тому сочиненій, въ чемъ ваше императорское высочество удостовѣриться соизволите изъ прилагаемыхъ при семъ въ переводѣ отношенія ко мнѣ г. ministra Грабовскаго *) и двухъ извлеченій изъ рапортовъ Цензурного Еврейскихъ книгъ Комитета, касательно двухъ таковаго рода сочиненій, изъ коихъ одно, на Нѣмецкомъ языкѣ напечатанное, у сего представляется.

Сверхъ того изъ вышесказанного отношенія г. ministра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія оказывается, что Англійские миссіонеры кромѣ вышеупомянутаго упущенія употребляютъ даже во зло по своекорыстнымъ видамъ дарованное имъ правительствомъ дозвolenіе выписывать изъ за границы книги, а именно экземпляры Бібліи; ибо распространяютъ печатанныя въ Англіи Еврейскія Бібліи въ подрывъ Еврейскихъ типографій въ Царствѣ.

По всѣмъ симъ причинамъ не заслуживаетъ по мнѣнию моему прошеніе Англійскаго миссіонера уваженія. При семъ имѣю счастіе представить обратно подлинное прошеніе г. Меколь.

*) Грабовскій, Станиславъ. О немъ генералъ Колачковскій („Wspomnienia“, III, 30) говоритъ, что онъ былъ сыномъ короля Станислава Августа и извѣстной Польской красавицы, пани Грабовской, смыть за человѣка весьма ученаго, много читалъ, плавно говорилъ; но все это было очень поверхностно. Въ дѣйствительности, у Грабовскаго не было ни опредѣленнаго взгляда на вещи, ни твердаго характера. Это была живая энциклопедія, поставленная во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Сходство съ Станиславомъ-Августомъ было поразительное. Въ немъ были всѣ слабости отца, за исключеніемъ лишь волокитства. Впрочемъ, онъ былъ очень религіозенъ, и вслѣдствіе этого недруги называли его ставленникомъ Іезуитовъ (*zwolennikiem lezuitów*).

Переводъ отношенія г. министра, предсѣдательствующаго въ Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго, отъ 28 Февраля 1829 г. (н. ст.)
за № ²⁴⁶⁷₃₃₂ къ Н. Н. Новосильцову.

Сходно отношенію вашего в-преда отъ ^{13/25} слѣдующаго мѣсяца за № 252, при коемъ объявлено мнѣ, для представленія соотвѣтственныхъ объясненій, содержаніе просьбы Англійскаго миссіонера для приведенія Евреевъ въ христіанскую вѣру здѣсь находящагося г. Александра Меколь, поданной на высочайшее имя его императорскаго высочества Государя Цесаревича, въ коемъ проситель жалуется на здѣшнюю Ерейскихъ книги цензуру, якобы она самовольно и неправильно задерживала оному миссіонеру книги, изъ Англіи имъ выписанныя, а именно экземпляры Бібліи, имѣю честь представить слѣдующія замѣчанія, изъ коихъ ваше высокопревосходительство, ложность, безосновательность и неправильность сказанной жалобы, увидѣть изволите.

1) Не соглашается съ истиной утвержденіе просителя, якобы здѣшній цензурный Ерейскихъ книгъ и сочиненій комитетъ составлялся изъ самыхъ только Евреевъ, ибо имѣть онъ въ числѣ членовъ своихъ и христіанъ, и даже отъ начала утвержденія оного христіанинъ въ немъ предсѣдательствуетъ.

2) Комитетъ сей ничего окончательно не дѣлаетъ, но мнѣніе свое представляетъ на усмотрѣніе Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ, которая, по разсмотрѣніи дѣла, рѣшає оное.

3) Такое мнѣніе, особенно въ случаѣ, когда какое либо сочиненіе признается подлежащимъ запрещенію, Комитетъ основывается на доказательствахъ, каковыми суть: выписка иѣкоторыхъ важнѣйшихъ мѣстъ сочиненія, а въ таковомъ сужденіи Цензурный Комитетъ даѣтъ неоспоримыя доводы своего беспристрастія, совершенного знанія дѣла и проницательности при отправленіи дѣлъ ему порученныхъ.

4) Уже иѣсколько разъ Цензурный Комитетъ Ерейскихъ книгъ находилъ въ сочиненіяхъ миссіонерами выписанныхъ мнѣнія и мысли, устававъ всякой правильной цензуры противныя, а иѣсколько тому времени назадъ Правительственная Комиссія симъ же миссіонерамъ повелѣла вывезти изъ края иѣкоторыя книги, по поводу, что заключали въ себѣ дерзкія оскорблѣнія духовенства Католическаго исповѣданія, коему конституцію признается особое попеченіе правительства. Въ сихъ книгахъ духовенство находится представленнымъ въ видѣ,

якобы торгууеть спасенiemъ душъ прихожанъ. Тамъ находятся равнымъ же образомъ поношenія святыхъ истинъ Католической вѣры, и даже догматовъ Греческаго исповѣданія, доказательствомъ чего служить при семъ прилагаемая выпись изъ рапорта сказанного Комитета о двухъ сочиненіяхъ подъ заглавиемъ: *Or leejs orew*, и два письма отъ нѣкоего купца въ Лондонъ къ его другу въ Амстердамъ.

5) Неосновательно также показаніе просителя, якобы рапортъ Цензурнаго Еврейскихъ книгъ Комитета, касательно книги, имъ просителемъ перепечататься имѣющеї, былъ ложнымъ. Сказаный комитетъ не былъ того мнѣнія, какъ полагаетъ проситель, дабы сочиненіе сіе запрещено было, но представилъ только надобность перемѣнъ нѣкоихъ мѣстъ, а именно необходимость упущенія одного изъ оныхъ, гдѣ весьма общее выраженіе могло бы имѣть вредное вліяніе на умы еще недостаточно утвержденные въ вѣрѣ, а можетъ быть и дать поводъ къ неповиновенію постановленіямъ правительства. Книжка сія, на Еврейскомъ и Еврейско-Нѣмецкомъ языкахъ въ Лондонѣ напечатанная, находилась и въ моихъ рукахъ на языке Нѣмецкомъ, которую имѣю честь при семъ препроводить, съ означеніемъ вышеупомянутаго мѣста на страницѣ 4.

6) Что же касается Библіи нынѣ просителемъ выписанной, усматриваю надобность упомянуть, что Библія сія есть совершенно новаго изданія, почему требуетъ со стороны цензуры нового разсмотрѣнія. Строгое же пересмотрѣніе и повѣрка столь важнаго сочиненія, въ коемъ малѣйшія повидимому ошибки и погрѣшности, весьма важныя могутъ имѣть послѣдствія, требуетъ значительного времени, тѣмъ паче, что цензурный Еврейскихъ книгъ Комитетъ, усмотрѣвъ въ сей Библіи значительное количество оныхъ, съ строжайшею осторожностю, начатое ондѣ разсмотрѣніе обязанъ продолжать, о чёмъ ваше высокопревосходительство съ сообщеннымъ при семъ въ копіи рапорта удостовѣриться изволите.

Рапортъ сей есть вмѣстѣ доказательствомъ, что правительственная Комиссія упредила жалобу просителя, возобновивъ къ цензурному Комитету повелѣніе, касательно сообщенія онай мнѣнія о вышесказанной Библіи, однакожъ послѣдства такового своего повелѣнія, по поводу уважительныхъ причинъ, таѣ скоро имѣть не можетъ.

Такимъ образомъ цензурный Еврейскихъ книгъ Комитетъ, удостовѣрясь въ сдѣланныхъ ему г. Меколемъ упрекахъ, имѣеть въ обязанности присовокупить, что Правительственная Комиссія, исполняя высочайшую волю блаженной памяти государя императора и царя Александра I, не только не дозволяетъ съ своей стороны затруднять

въ чемъ либо дѣйствій Англійскихъ міссіонеровъ, но даже сама исходатайствовала имъ у Правительственной Коммісії свободу выписыванія Еврѣйскихъ книгъ изъ за границы, хотя таковыя, яко въ таможенномъ тарифѣ непомѣщенные, не должны быть выписываемы. Но упомянутые міссіонеры, побуждаемы пользою выигрыша, во зло употребляютъ сіе дозволеніе, потому что отъ нѣсколькихъ лѣтъ уже выписываются изъ Англіи вмѣсто полной Библіи большое число экземпляровъ Ветхаго завѣта, безъ присовокупленія Нового; каковое изданіе Ветхаго завѣта будучи безъ малѣйшихъ объясненій ни въ чемъ способствовать не можетъ къ обращенію Евреевъ въ христіанскую вѣру, а служить только къ значительному урону Еврѣйскихъ типографій въ Польшѣ и въ Россіи, гдѣ Еврѣйская Библія доселѣ съ успѣхомъ печаталась: ибо, будучи необходима для каждого Еврея, покупается въ большомъ числѣ.

Извлеченіе изъ двухъ рапортовъ Цензурнаго Еврѣйскихъ книгъ и сочиненій Комитета въ Правительственную Коммісію духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія касательно двухъ сочиненій на Еврѣйско-Нѣмецкомъ языкахъ, въ весьма значительномъ числѣ Англійскими міссіонерами въ Царство Польское высланныхъ.

I. Относительно сочиненія подъ заглавіемъ *Or leejs crew.*

Нельзя также не упомянуть здѣсь мѣста, на стр. 94, въ упомянутомъ сочиненіи находящагося, котораго очевидно намѣреніемъ есть испроверженіе правила въ религіи Римско-Католической, весьма важнаго и необходимаго, которое въ переводѣ слѣдующаго есть содержанія: „А большая часть ихъ священниковъ, которые очень хорошо знаютъ худыя дѣла и безчестное житѣе ихъ прихожанъ, однако же именемъ своего Мессіи разрѣшаютъ оныхъ отъ грѣховъ. Подобны они симъ въ древнихъ временахъ ложнымъ у Израильянъ Пророкамъ, о которыхъ Господь рекъ устами Іереміи (глава 23, стихъ 17): Глаголять отвергающимъ мя, глагола Господь. Миръ будетъ вамъ, и всѣмъ, иже ходятъ въ похотѣхъ своихъ, и всякому ходящему въ строптивствѣ сердца своего рекоша: не приидутъ на васъ злая. Такожъ (въ сей же главѣ, стихъ 14) и въ пророцѣхъ Іерусалимскихъ видѣль ужасная, прелюбодѣйствующихъ и ходящихъ во лжи, и скрѣпляющихъ руки строптивымъ, да отвратятся кійждо отъ пути своего лукаваго; быша мнѣ вси аки Содомъ. Такимъ образомъ наставляютъ они (т. е. священники) людей, дабы ненавидѣли Израильянъ и насмѣвались ихъ вѣрованію во спасеніе свое. Они живуть между собою въ совершенномъ

развратъ нравовъ и беспорядкъ, но книга ихъ закона, которую они Евангелиемъ называютъ, не преподаетъ имъ сіи, но противныя наставлениа.

II. Касательно сочиненія подъ заглавиемъ: Два письма отъ купца въ Лондонѣ къ его другу въ Амстердамѣ.

Письма сіи заключаютъ въ себѣ разговоръ между нѣкимъ Езуитомъ, Саліонъ называющимся, и раввиномъ Іонатаномъ; кромѣ сихъ лицъ входитъ еще въ сей разговоръ одинъ ревностный протестантъ, именемъ Баве. Цѣллю разговора есть, дабы убѣдить раввина Іонатана въ истинѣ наиглавнѣйшихъ основаній христіанской религіи. Но надобно обратить вниманіе, къ чему все сіе наиболѣе клонится. Раввинъ представленъ въ видѣ истинно рѣдкаго человѣка, то есть знающаго весьма хорошо всю исторію и церковныя дѣйствія Римско-Католического исповѣданія, который, для оказанія неосновательности мнѣнія Езуита, повѣствуетъ о многихъ весьма удивительныхъ чудесахъ, о коихъ упоминаютъ церковные писатели. Сіе разительное повѣствованіе трогаетъ самаго Езуита, повергаетъ его въ страхъ и молчаніе такъ, что, наконецъ, сказанный протестантъ Баве, не желая допустить, чтобы раввинъ Іонатанъ остался побѣдителемъ, начинаетъ обширную рѣчь, въ коей соглашается, что упомянутыя раввиномъ чудеса, сотворенные святымъ Францишкомъ, Іаковомъ, Георгіемъ, Патрикіемъ, Николаемъ и проч., не суть правдоподобны, и по таковомъ сознаніи продолжаетъ умствованіе свое, клонящееся къ собственнымъ видамъ.

Для выигранія времени, нѣсколько только мѣстъ рѣчи сей г. Баве въ переводѣ при семъ сообщаю, которые находятся на страницѣ 33 и буквою *a* означенены. „Но у послѣдователей папы еще случаются чудеса; они не беспокоятся, какой ущербъ таковымъ поведеніемъ причиняютъ христіанской вѣрѣ и общей пользѣ христіанства. Такимъ образомъ обманываютъ священники глупыхъ и легкомысленныхъ людей, обращая въ свою корысть понятія ихъ о мнимомъ спасеніи душъ“.

На сей же страницѣ подъ буквою *b*. „Никогда не можно было удобнѣе прискать перчатки по своей рукѣ, ниже башмака по ногѣ, какъ могутъ быть примѣнены къ Римскому папѣ слова Священнаго Писанія, гласящія о упадкѣ религіи; ибо очевидно о немъ говорится, когда упоминается, что сей упадокъ послѣствіемъ ухищреній дьявола, посредствомъ могущества, торжества и ложныхъ чудесъ.“

На страницѣ 33 мѣсто буквой с означеніе. „Въ другомъ мѣстѣ Новый завѣтъ говоритъ о звѣрѣ, подъ видомъ коего особа упомянутая означается, коему міръ удивляться будетъ и даже поклоненіе въ

молитвахъ отдавать, по тому поводу, что многія въ очахъ людей створить чудеса, но довольно уже о таковыхъ чудесахъ и бесчестныхъ выдумщикахъ оныхъ“.

Но всего удивительнѣе, что самъ Езуитъ (какъ авторъ Английскій, утверждаетъ) такъ сильно сею рѣчью протестанта поражается, что, перейдя на сторону его, такимъ образомъ изъясняется (страница 38 и 39, буква а): „Долженъ тебѣ сознаться въ томъ (говорить Езуитъ протестанту), что я есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ Римско-Католическими, но я не зналъ, что церковь наша вѣрованіемъ въ чудеса, какія среди оной существовали, причинила подобную гибель христіанской вѣрѣ. Сознаюсь и въ томъ, что отъ давняго времени былъ я того мнѣнія, что чудеса нашихъ святыхъ, между нами только уважительныя, суть по большой части ложны и выдуманы“.

Сей же Езуитъ заключаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: „Я думаю, что уже для меня и для иныхъ христіанъ наступило время, дабы подумать о уничтоженіи связи съ тою Церквою, которой основанія и обыкновенія суть побужденіемъ токмо косность и пребывать паче въ жицѣ и въ невѣріи“.

Исполняя предписаніе Правительственной Комиссіи отъ 5-го сего Генваря за № 14937/3077 о разсмотрѣніи Ерейской Библіи, Англійскими міссіонерами сюда выписанной, и представленіи о ней своего мнѣнія, Комитетъ имѣеть честь, при возвращеніи приложеній, объяснить слѣдующее:

I. Вообще извѣстно, что малѣйшая ошибка или погрѣшность въ Священномъ Писаніи составляетъ немалую важность. Строгое за симъ наблюденіе (которое, кромѣ достаточнаго познанія предмета, продолжительного требуетъ времени) есть священною и трудною обязанностію тѣхъ лицъ, коимъ вѣряется оное. Тѣмъ болѣе нужно прилежное вниманіе къ подлиннику Ерейскому, гдѣ не только слова и буквы, но и разнаго рода точки и ударенія имѣютъ вліяніе на смыслъ цѣлыхъ выражений.

Съ сей точки смотря на сей предметъ, цензурный Ерейскихъ книгъ и сочиненій комитетъ, получивъ отъ Правительственной Комиссіи на разсмотрѣніе и мнѣніе Ерейскую подлинную Библію (Ветхій завѣтъ) нового изданія, въ 1827 г. изъ Англіи выписанную, почелъ обязанностію строго исполнить сіе возложенное на него дѣло, и какъ ни тяжель и продолжителенъ былъ трудъ сей, занимался онъ безпрерывно въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ разсмотрѣніемъ сей книги.

Прежде объясненія существа дѣла, цензурный комитетъ полагаетъ необходимымъ представить содеряніе весьма громкаго заглавія сей книги, для удостовѣренія, что чѣмъ болѣе оно обѣщаетъ, тѣмъ менѣе соглашается съ истиною. Сie примѣчаніе равно послужить и къ доказательству того справедливаго основанія, на коемъ Комитетъ, между прочимъ, утверждаетъ свое мнѣніе о семъ сочиненіи, ниже, подъ буквою *d* изъясненное.

„БИБЛІЯ

(Ветхій завѣтъ),

„напечатанная съ точками, удареніями и съ примѣчаніями криутизвъ „называющимиися.....“*) (что значитъ: читается иначе, а пишется иначе), „также..... (что значитъ: находится въ текстѣ слово, которое не читается, или противно). Съ буквами большими или меньшими, выше линіи или наоборотъ написанными: все сie по предписаннымъ правиламъ авторовъ Масоры..... Содержитъ она также выписку главъ подъ названіемъ Гафтторесъ..... на праздники и субботные дни Израиль-тянъ, которая находится въ концѣ сей Бібліи. Сдѣлана тщательнѣйшая и точнѣйшая поправка древнѣйшихъ погрѣшностей, ошибкою или незнаніемъ предмета учиненныхъ и пр.“.

Еще кромѣ сего въ самомъ заглавіи тщеславія, издание сie наполнено ошибками и погрѣшностями, происходящими или изъ недостатка словъ и буквъ, или изъ неправильного употребленія точекъ и удареній, которыя въ языкѣ Ерейскомъ, заступая мѣсто гласныхъ и граматическихъ знаковъ, а сверхъ того имѣя опредѣлительнѣйшія качества, относительно формъ, наклоненій, времени, числа, рода, лица и проч., заслуживаютъ такового же вниманія, какъ и самыя выраженія. Цензурный Комитетъ открылъ уже болѣе трехъ сотъ такового рода ошибокъ въ семъ изданіи, но для выигрыша времени и въ избѣженіе утомительного труда въ описаніи оныхъ, представляеть при семъ выписку ста только таковыхъ ошибокъ. На каждую погрѣшность Комитетъ присовокупилъ свои замѣчанія, изъ коихъ всякой, незнающей даже Ерейскаго языка, можетъ удостовѣриться въ дѣйствительности оныхъ и вмѣстѣ будетъ въ состояніи оцѣнить сей немаловажный трудъ.

Въ сображеніи, что въ теченіе шести слишкомъ лѣтъ неоднократно была уже выписываема Англійскими миссионерами въ Царство Польское

*) Точками обозначены мѣста съ Ерейскимъ текстомъ, изображенными въ оставленной при дѣлѣ концѣ перевода ломанными линіями.

Еврейская Біблія, подъ видомъ, какъ бы она служила къ обращенію Евреевъ въ христіанскую вѣру, встрѣчаются слѣдующіе вопросы и слѣдующіе на оные отвѣты:

а) Можетъ ли Еврейская Біблія (именно, Ветхій зав'єть), безъ малѣйшихъ объясненій, указаній или розысканія, то есть въ такомъ видѣ, въ какомъ изданіе оной Англійскими міссионерами выписанное, хотя нѣсколько способствовать къ обращенію Евреевъ въ христіанскую вѣру? На вопросъ сей долженъ послѣдовать тотъ отвѣтъ: что таковая Біблія утверждаетъ еще болѣе Ерея въ его собственномъ вѣроиспопѣданіи.

б) Не служить ли другое какое либо, въ видѣ пользы, намѣреніе поводомъ къ распространенію таковой Бібліи?

Сіе могло бы имѣть мѣсто въ отношеніи *къ переводу и иллъ*, но не на счетъ подлинной Еврейской Бібліи, тѣмъ менѣе въ отношеніи къ Ереямъ въ Польшѣ, гдѣ всякий Израильянинъ имѣеть хотя одинъ экземпляръ Бібліи чтò и міссионерамъ Англійскимъ весьма извѣстно.

с) Быть можетъ, что міссионерамъ симъ нужна сія Біблія для общаго съ Ереями разысканія и указанія мѣсто, которыя имъ словесно въ предпринятой цѣли желають объяснить? Отвѣтъ: Для достиженія сей цѣли довольно бы было нѣсколько экземпляровъ, а не тысяча и болѣе, какъ всегда выписываютъ. Сверхъ того, въ какомъ намѣреніи (что изъ выше приведенного заглавія оказывается) помѣщены въ сей Бібліи нового изданія, по краямъ страницъ и въ особенной на концѣ сочиненія выпискѣ „Замѣчанія по такъ называемымъ Гафтограмъ“, съ изъясненіемъ порядка ихъ назначенія, на дни суботніе и праздничные, и таковыя же замѣчанія по церемоніальному обряду всѣхъ ветхозавѣтныхъ. На сей важный вопросъ не только можно отвѣтить, что Біблія съ подобными замѣчаніями, касающимися церемоніального обряда въ Еврейскихъ школахъ во время богослуженія, бывъ равно полезною и выгодною для ветхозавѣтныхъ, болѣе отъ нихъ покупается нежели Біблія, въ коей нѣть подобныхъ замѣчаній.

II. Изъ вышеизложеннаго оказывается: по 1-му, что упоминаемая нового изданія Біблія исполнена ошибокъ и погрѣшностей, и что, сверхъ того, въ ней значительный недостатокъ словъ и буквъ, чего въ важности Священнаго Писанія ни подъ какимъ видомъ ни оправдать, ни тѣмъ паче допустить нельзя, то изъ сего само собою извлекается то предположеніе, что духъ ворыстолюбія соединяется съ дѣятельностю иностранныхъ міссионеровъ, и что таковой привозъ сюда Еврейской Бібліи, подвергая Польскія и Россійскія типографіи значи-

тельному урону, не заслуживает совершенно снисхождения, то есть изъятия от общаго высочайшаго указа, запрещающаго выписываніе книгъ изъ заграницы; тѣмъ болѣе что таковая Библія служить не къ обращенію, но даже къ утвержденію Евреевъ въ ихъ вѣроисповѣданіи.

Посему Цензурный Комитетъ мнѣніемъ полагаетъ:

дабы вышесказанный ошибочный Библія 1000 экземпляровъ, по словамъ участвующаго въ семъ дѣлѣ просителя, а быть можетъ и болѣе, немедленно отсюда вывезены были, и дабы отъ сего времени Правительственная Комиссія не позволяла выписывать изъ Англіи не только столь ошибочныхъ, но даже и правильнѣйшихъ Еврейскихъ Библій.

Надѣясь, что Правительственная Комиссія благосклонно приметъ откровенность, съ какою Цензурный Комитетъ изъясняетъ мнѣніе свое, доказывающее вниманіе въ исполненіи порученнаго ему дѣла и безпричастіе въ открытии истины, Комитетъ осмѣливается обѣ одномъ еще обстоятельствѣ упомянуть.

III. Говорять, что сказанные міссионеры дѣлаютъ приготовленія къ основанию въ Варшавѣ типографіи. Но кажется, что Правительственная Комиссія, принявъ въ разсужденіе:

а) что Англичане, привыкшіе къ неограниченной свободѣ печатанія, по свойству своему далеки отъ сего ограниченія;

б) что если бы Англичанамъ, живущимъ въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ законъ подъ разнымъ видомъ спасительную полагаетъ преграду, позволено было имѣть свою типографію, тогда очень было бы затруднительно остановить ихъ, такъ сказать, привычку; а известно, что случай дѣлается иногда матерью порока;

с) что сіи иностранцы, какъ уже Комитетъ въ первыхъ своихъ рапортахъ и замѣтилъ, не останавливаютъ себя въ упрекахъ духовнымъ и даже нѣкоторымъ обрядамъ Римско-Католического и Греческаго исповѣданія, и что въ послѣднемъ ихъ сочиненіи находилось выраженіе оскорбительное подъ видомъ политическимъ.

д) что по милостивому исходатайствованію Правительственной Комиссіи, дарована имъ была донынѣ свобода (хотя оную во зло употребили) въ выписываніи изъ за границы тѣхъ Еврейскихъ книгъ, которыя служать къ обращенію ветхозавѣтныхъ:

то по симъ поводамъ не благоугодно ли будетъ комиссіи воспрепятствовать учрежденіе въ здѣшнемъ краѣ типографіи подобными иностранными міссионерами?

Въ заключеніе просить Комитетъ возвратить ему прилагаемый при семъ экземпляръ Англійской Бібліи, какъ сего требуетъ порядокъ дѣль и надлежащая осторожность.

А. Стернъ. I. Тугендгольдъ.

Тотъ же самый Тугендгольдъ, состоявшій въ 1831 г. при Виленскомъ цензурномъ комитете для разсмотрівания Еврейскихъ книгъ, обращалъ вниманіе нашего правительства на то, что у Русскихъ Евреевъ находятся въ обращеніи книги секты Хасидовъ, и при этомъ настаивалъ на необходимости принятія мѣръ къ пресечению этого зла. „Секта Хасидовъ (какъ писалъ въ 1834 г. статья-секретарь Блудовъ гр. Уварову) возникшая въ новѣйшія времена, искажаетъ Еврейскій законъ и издастъ самыя вредныя для общества книги, заключающія ложныя и противныя богопознанію и нравственности правила. Увлекаясь этимъ обманомъ, Еврейскій народъ предается совершенной праздности, пронырствамъ, распутству и всѣмъ порокамъ. Хасидскія правила столь распространены между Ереями западныхъ губерній, что теперь почти нѣть ни одной книги старинной печати и изданій, где они не были бы включены особыми прибавленіями или вложеніемъ въ переплетъ; Хасидскія книги читаются съ невѣроятною жадностью, и всѣ мѣры правительства для пресечения этого зла оказываются недостаточными“.... Въ 1836 г. кн. А. Н. Голицынъ сообщилъ министру народного просвѣщенія, что Государь Императоръ, по его докладу, высочайше повелѣлъ опредѣлить на вакантное мѣсто, цензоромъ Еврейскихъ книгъ кандидата медицины Липса, перешедшаго изъ Еврейства въ Православіе, и сообразить, на основаніи объясненій и доводовъ Липса, не лучше ли учредить цензуру Еврейскихъ книгъ въ Петербургѣ. Прежде чѣмъ обращаться къ князю Голицыну, Липсъ сообщалъ свои обширные разсужденія и доводы извѣстному протоіерею Павскому, который написалъ ему, 12-го Мая 1837 г., любопытное письмо, бывшее потомъ въ виду и у князя Голицына, и у Государя Императора. „Четыре тетради ваши, писалъ о. Павскій, которые вы довѣрили мнѣ перечитать, чтобы слышать мое мнѣніе, я пересмотрѣлъ, и съ удовольствиемъ вижу изъ нихъ, что вы съ великою ревностью и съ большимъ умѣньемъ раскрываете зло, таящееся въ Еврейскихъ обществахъ благословленного отечества нашего. Хотя я часто имѣлъ случай говорить съ Ереями и всегда былъ увѣренъ, что причиной ихъ невѣжества, безсовѣтности и подлости есть беззаконное раввинское и талмудическое ученіе; но прочитавъ ваши выписки и разсужденія, еще яснѣе узналъ, что такъ называемые учителя Евреевъ суть люди безнравственнѣйшіе и губящіе бѣдный народъ свой безъ всякаго милосердія“.... „Особенно ужасны и возмутительны правила новѣйшихъ ихъ законодателей, и тѣмъ они вреднѣе, что вездѣ предложены съ доказательствами, и доказательства заимствованы изъ Св. Писанія, по ихъ мыслямъ перетолкованного“.... „А что же пишется въ ихъ книгахъ?“ Весь міръ существуетъ для Евреевъ. Все богатство міра принадлежитъ Ереямъ. Христіане пользуются благами міра беззаконно. И потому Еврей долженъ всячими мѣрами переводить богатство изъ рукъ христіанскихъ въ свои руки,

какъ законную свою собственность. Однимъ только Евреямъ Богъ далъ душу разумную, а христіане не имѣютъ души. И потому не грѣшно убивать христіанина, какъ бездушнаго. Если иногда и говорится въ законахъ Еврейскихъ, что надобно молиться за царей, то здѣсь не разумѣются цари христіанскіе, а раввины“.... „Не ужасно ли читать тѣ мѣста, гдѣ о Спасителѣ нашемъ говорится съ презрѣніемъ, таинства христіанскія называются мерзостью, Государь Императоръ непріятелемъ“.... И т. д. (Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. Русская Страна, 1903 г. Іюнь).

Его императорскому высочеству, государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, действительного тайного советника сенатора Новосильцова рапортъ (черновикъ) отъ 4-го Мая 1829 г., № 688.

Рапортомъ отъ 4-го Марта сего года за № 367, имѣль я счастіе довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества объясненія Правительственной духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Комиссіи противъ жалобы Англійскаго міссионера Меколь на здѣшнюю цензуру Еврейскихъ книгъ.

Нынѣ Комиссія сія въ удостовѣреніе о вредномъ провозѣ Еврейскихъ книгъ чрезъ Англійскихъ комиссіонеровъ въ Царство Польское и въ обнаруженіе истиннаго въ семъ провозѣ намѣренія, доставила мнѣ копію рапорта Цензурнаго Еврейскихъ книгъ Комитета, отъ 3-го Маія и. с., вмѣстѣ съ выпискою о ошибкахъ въ Еврейской Бібліи чрезъ онъхъ комиссіонеровъ сюда привезеной и показаніемъ превратнаго смысла, въ понятіи многихъ реченій отъ упомянутыхъ ошибокъ происходящаго.

Сію копію рапорта Комитета и означенную выписку долгомъ поставляю всенижайше представить при семъ вашему императорскому высочеству, присоединивъ къ тому Россійскій переводъ донесенія Комитета.

Здѣсь будетъ умѣстно привести любопытную страничку изъ брошюры Тальмейзера: *Comment on fabrique l'opinion*, Paris, 1905. Страницка эта озаглавлена: *Les Juifs et les Sociétés secrètes*. Авторъ говоритъ: „Voltaire, à un moment, comme l'établit sa correspondance (Lettres à d'Alembert, 1761, 1763, 1768), médita une entreprise consistant à faire reconstruire le temple de Jérusalem, et on peut lire, d'autre part, sous la plume de James Darmesteter, l'écrivain juif bien connu, d'ailleurs écrivain distingué et professeur à l'école normale: «Le juif est le docteur de l'incrédule. Tous les révoltés de l'esprit viennent à lui dans l'Ombre ou à ciel ouvert. Il est à l'oeuvre dans l'immense atelier de blasphèmes du grand

empereur Frédéric et des princes de Souabe ou d'Arragon. C'est lui qui forge tout cet arsenal meurtrier de raisonnements et d'ironie qu'il léguera aux sceptiques de la Renaissance, aux libertins du grand siècle. Le sarcasme de Voltaire n'est que le dernier et retentissant écho d'un mot murmuré six siècles auparavant dans l'Ombre du Ghetto, et plus tôt encore, au temps de Celso et d'Origène, au berceau même de la religion du Christ...» (Cité dans la remarquable brochure: La question juive et la révolution sociale, par le marquis de la Tour-du-Pin la-Charce)».

«Voilà, chez un des grands Juifs intellectuels et officiels du présent régime, un témoignage bien embarrassant pour ceux qui nient l'existence des sociétés secrètes comme l'élément historique, et l'intimité occulte des juifs, de la philosophie du XVIII siècle et de la Maçonnerie. Saint-Beuve constate lui-même l'allure maconnique d'une partie de la correspondance de Voltaire».

ЗАГАДОЧНЫЙ АНГЛІЙСКІЙ ГЕНЕРАЛЬ.

(Дѣло № 25-й. На 44 листахъ, по описи № 139).

**Варшавскій коменданть г.-м. Левитскій генераль-губернатору
Герцогства Варшавскаго, Ланскому.**

Прибывшій изъ Дрездена въ Варшаву именующійся Англинскимъ генераломъ Ашардъ, имѣя паспортъ изъ Лейпцига отъ находящагося тамъ въ качествѣ уполномоченного генерала, д. ст. сов. Бюлера, выданный на слѣдованіе въ главную квартиру соединенныхъ дѣйствующихъ армій, яко неправильно сюда заѣхалъ, навлекъ на себя нѣкоторое подозрѣніе, и потому его сіятельство г-нъ главнокомандующій резервною арміею приказалъ изволилъ, впредь до забранія обѣ немъ выпреки, имѣть его подъ полицейскимъ надзоромъ, дабы онъ никакуда отсель отлучаться не могъ, почему и писалъ я Варшавскому полиц-майстеру принять мѣры, чтобы сей Ашардъ, впредь до разрѣшенія, изъ города никакуда не отлучался и даже изъ готель-де-Альманъ квартиры на другую не преходилъ. Какъ же нынѣ получилъ я отъ полиц-майстера Свѣчина увѣдомленіе, что означенной Ашардъ вчерашияго числа тайнымъ образомъ, оставя свои вещи, изъ города отлучился, то о семъ случаѣ на благоразсмотрѣніе вашего в-ства почтеннѣйше донести честь имѣю.

№ 2284.

3-го Іюля 1814. Варшава.

Спустя два дня, тотъ же коменданть вошелъ къ Ланскому съ новымъ рапортомъ, къ которому была приложена копія съ полученного

генераломъ Левицкимъ донесенія Сохачевскаго окружнаго начальника, подполковника Григоровича отъ 4/16 Іюля за № 919.

Подполковникъ Григоровичъ доносилъ, что, по полученій отъ плацъ-адъютанта Вайгеля „свѣдѣнія о сыскѣ Ашарда“, онъ немедленно послалъ казаковъ и гардистовъ розыскивать бѣглеца и вотъ „сей часъ“ узналъ отъ нихъ, что Ашардъ 2-го Іюля, вечеромъ, былъ въ деревнѣ Кампинось, Сохачевскаго повѣта, у помѣщика Карчевскаго, тамъ ужиналь и ночевалъ, а на разсвѣтѣ, отправленный Карчевскимъ въ деревню Кампонъ, нанялъ лодку и поспѣшилъ въ Торнъ, выдавая себя за возвращающагося изъ плѣна Французскаго офицера, графа Ланжерона.

Въ заключеніе донесенія говорится, что Вайгель уже напалъ на слѣдъ Ашара и отправился за нимъ въ погоню; самъ же Григоровичъ, „въ предосторожность, послалъ къ военному коменданту, г.-м. Падѣйскому ештафетомъ донесеніе о сыскѣ Ашарда, съ описаніемъ примѣтъ и одежды“. „Сего подозрительного человѣка (какъ сказано въ разосланыхъ въ разныя мѣста, по приказанію В. С. Ланского, предписаніяхъ о поимкѣ Ашарда и доставленіи къ самому г.-губернатору, „подъ надежнымъ карауломъ“) можно опознать по нижеописаннымъ примѣтамъ. Онъ молодъ, росту средняго, блондъ, въ синемъ мундирѣ съ генеральскими знаками, на которыхъ много золотыхъ петлицъ; имѣеть много орденовъ иностранныхъ, между коими есть Россійскій орденъ на шеѣ св. Владимира 3-й степени“.

Черезъ нѣсколько дней Варшавскимъ комендантомъ было получено отъ военнаго начальника въ Кенигсбергѣ, г.-лейт. гр. Сиверса увѣдомленіе (отъ 9 Іюля за № 182), изъ которого узнаемъ, что какъ ни старался Ашардъ, „при содѣйствіи мѣстныхъ жителей Герцогства Варшавскаго“, „скрыть свой побѣгъ разными трактами и водою“, но отправленный по его слѣдамъ плацъ-адъютантъ Вайгель настигъ его, въ одномъ Пруссскомъ мѣстечкѣ, Мевѣ, и тамъ арестовалъ, при содѣйствіи мѣстнаго бургомистра. Сей послѣдній, однакоже, затруднялся передать Ашарда своею властью въ распоряженіе Вайгеля и потому отправилъ арестанта въ Маріенвердеръ. Маріенвердерскія власти, на требованіе графа Сиверса о передачѣ Ашарда, отвѣтили, подобно Мевскому бургомистру, что, по законамъ Пруссикмъ, не могутъ этого сдѣлать безъ позволенія главнаго правительства въ Берлинѣ. Тогда гр. Сиверсъ написалъ къ „нашему министру, въ Берлинѣ находящемуся“, чтобы онъ „помянутаго Ашарда потребовалъ отъ Пруссаго правительства и отправилъ бы прямо въ Дрезденъ къ тамошнему г.-губ. князю Репнину, гдѣ все слѣдствіе, какъ по показанію Ашарда и по найденнымъ у него бумагамъ, должно быть произведено“.

Вследствие этого Варшавский комендант немедленно переслалъ въ Дрезденъ, чрезъ Россійскаго министра въ Берлинъ, имѣвшуюся у него переписку объ Ашардѣ, съ разными документами.

Письмо князя Н. Г. Репнина къ В. С. Ланскому.

Секретное.

Милостивый государь Василій Сергеевичъ!

Англичанинъ Ашаръ, называвшійся бригаднымъ генераломъ Англійской службы и осмѣлившійся надѣть знаки отличія св. Владимира 3-го класса и св. Анны 2-ой степени, по подозрѣніямъ взять былъ въ Дрезденѣ на замѣчаніе и на сихъ дняхъ тайнымъ образомъ образомъ отсюда скрылся. Минѣ известно навѣрное, что онъ имѣеть пріятельскую связь съ г.-маіоромъ графомъ Мамоновымъ, чтѣ подтверждается еще письмо отъ графа къ нему писанное и здѣсь на почтѣ распечатанное.

Какъ мнѣ необходимо нужно узнать, гдѣ находится сей Англичанинъ, то за нужное почель покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство приказать братъ подъ замѣчаніе письмы къ графу Мамонову *); не будетъ ли между оными писемъ и отъ Ашара, и не возможно ли будетъ чрезъ то узнать, гдѣ онъ находится. Если сіе случится, то всепокорнѣйше прошу ваше в.-ство не оставить меня о томъ извѣстить; если же бы сей Англичанинъ нашолся въ Герцогствѣ Варшавскомъ, то приказать его задержать. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Князь Репнинъ. Дрезденъ, 12 Іюля 1814 года.

*.) Какъ извѣстно, графъ Мамоновъ мечталъ объ учрежденіи въ Россіи особаго тайного общества „Русскихъ Рыцарей“ и проектировалъ цѣлую схему преобразованій, между прочимъ, раздѣленіе Россіи на восемь царствъ, съ выдѣленіемъ царства Польскаго, Курляндіи, Лифляндіи, Финляндіи и Грузіи въ особы автономныя единицы, учрежденіе народнаго вѣча и проч., ни словомъ не обмолвясь при этомъ о монархической власти и, по всемъ даннымъ, имѣя въ виду республиканское устройство нашего отечества (В. Семевскій. Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей Декабристовъ. Русское Богатство. 1907 г., Декабрь).

ИЗЪ ПИСЕМЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ БУНИНОЙ КЪ ПЛЕМЯННИКУ ЕЯ М. Н. СЕМЕНОВУ.

Съ А. П. Буниной (р. 1774 † 1829), этой Россійской „Сафо“, которую баловали, очевидно не безъ основанія, теплымъ участіемъ и поощреніемъ какъ съ высоты престола (императоръ Александръ I), такъ и съ высотъ Русскаго Парнаса (Державинъ, Дмитревъ), литературный міръ знакомъ до сихъ поръ лишь по ея писательской дѣятельности, по ея стихамъ, за которыми (при ихъ посредственности) по поэтическому дарованію автора современники и критика признавали извѣстное литературное значеніе¹⁾. О личности же этой достойной и оригинальной женщины—предтечѣ новѣйшихъ Русскихъ писательницъ—и о внутренней жизни ея извѣстно очень немногого. Вотъ почему могутъ представлять нѣкоторый интересъ печатаемыя ниже письма А. П. Буниной къ одному изъ ея племянниковъ, М. Н. Семенову; они даютъ материалъ для ея нравственной характеристики, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ довольно занимателны въ бытовомъ отношеніи.

Михаилъ Николаевичъ Семеновъ (р. 1798 † 1861), къ которому обращены эти письма, былъ сынъ помѣщика Рязан. губ., секундъ-майора Ник. Петр. Семенова²⁾ и сестры А. П. Буниной—Мары Петровны, женщины, подобно своей сестрѣ, выдававшейся умомъ, образованіемъ и душевными качествами. Старшій его братъ Петръ Николаевичъ (р. 1791 † 1832)³⁾, талантливый

¹⁾ О Буниной см. М. Хмырова („Разсвѣтъ“ 1861, № 11), очеркъ А. П. Чехова, Истор. Вѣсти. 1895, т. 62. Венгерова „Источники Словаря Русск. Писателей“, т. I, стр. 380 (также Г. Генинади, Спр. Словарь). Срв. напшу замѣтку „Альбомъ А. П. Буниной, Русск. Арх. 1902, Мартъ. См. еще „Русскіе портреты XVIII—XIX в.“ изд. В. К. Николая Михайловича. т. III вып. 1. № 76 (Спб. 1907). Произведенія Буниной изданы ею въ Спбургѣ въ 1819 г.: „Собрание Стихотвореній Анны Буниной“, въ 3-хъ частяхъ.

²⁾ Сестра Н. П. Прасковья Петровна была за Милоновымъ. Ихъ сынъ, поэтъ Мих. Вас. Милоновъ, приходился такимъ образомъ двоюроднымъ братомъ дѣтей Ник. Петр. и вмѣстѣ со старшимъ Петр. Ник. воспитывался въ Московскомъ Университетѣ пансионѣ.

³⁾ П. Н. Семеновъ былъ женатъ на Алек. Петр. Бланкѣ, внучкѣ извѣстнаго архитектора, строителя Моск. Воспитательного дома К. И. Бланка (котораго сынъ Берись былъ женатъ на дочери сестры Анны Петр. Буниной—Варварѣ П. Усовой). Дѣти П. Н. Семенова—извѣстные дѣятели крестьянской реформы, ближайшиe сотрудники гр. Я. И. Ростовцева, прославившіе имя Семеновыхъ и въ наукѣ, и въ литературѣ: сенаторъ Н. П. Семеновъ († 1904) и членъ госуд. сов. П. П. Семеновъ Тянь-Шанскій (крестникъ А. П. Буниной); сестра ихъ—Нат. Петр. Гротъ (авторъ книги „Изъ Семейной Хроники“ Спб. 1900). О П. Н. Семеновѣ см. замѣтку Я. К. Грота „Объ авторѣ Митюхи Валдайскаго“. Труды Я. К. Грота, т. III.

драматический писатель, поэт и актеръ, былъ любимымъ въ своемъ полку Измайловскимъ офицеромъ, храбрымъ воиномъ кампаній 1812—14 гг., а по выходѣ въ отставку—гуманнымъ помѣщикомъ и благодѣтелемъ своихъ крестьянъ. Ему принадлежитъ нѣсколько популярныхъ нѣкогда пьесъ и забавныхъ пародій. О драматическомъ его талантѣ говорить С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Михаилъ Николаевичъ былъ также Измайловскимъ офицеромъ, но дослуживъ до полковничьяго чина, въ концѣ 1820-хъ годовъ вышелъ въ отставку, женился на княжнѣ А. А. Волконской и поселился въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи Подосинки Рязан. губ. (Раненбург. у.). Посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству, онъ съ увлечениемъ вводилъ въ немъ разныя улучшения и вкладывалъ въ него много труда и денегъ, но безъ особенной для себя прибыли. По словамъ жившей у него въ молодые его годы племянницы Н. П. Гротъ (до ея замужества), „земледѣліе въ его имѣніяхъ поставлено было на образцовую ногу, но денегъ въ домѣ никогда не было, потому что все, чтѣ получалось, уходило на разныя предпріятія къ расширенію и улучшенію хозяйства и даже на разные комерческие обороты, какъ-то поставку въ казну хлѣба, сукна, вина. Но отъ этихъ оборотовъ, къ которымъ онъ имѣлъ, къ сожалѣнію, большую страсть, онъ только терпѣлъ убытки. Былъ онъ и посредникомъ по размежеванію въ Раненбургскомъ уѣздѣ¹⁾“. Мих. Ник. былъ человѣкъ умный, живой и отзывчивый, но консерваторъ по убѣжденіямъ, съ симпатіями къ національно-бытовой Русской старинѣ (до-Петровской). Въ концѣ 1856 г., наканунѣ работъ по крестьянской реформѣ, онъ написалъ и представилъ Государю записку о современномъ состояніи Россіи (съ экономической, финансовой и административной точекъ зрѣнія), въ которой сказались его консервативные воззрѣнія²⁾.

Другіе два брата М. Н., о которыхъ идетъ рѣчь въ письмахъ А. П., заявили себя также почтенными дѣятелями на поприщѣ службы гражданской, не только административной, но и педагогической, а младшій и въ литературѣ. Приводимъ и о нихъ нѣсколько данныхыхъ. Николай Николаевичъ Семеновъ (по порядку 3-ій братъ³⁾), род. въ 1796 г., ум. въ 1870-хъ), отowany въ кадетскій корпусъ, былъ взятъ оттуда по болѣзни и затѣмъ (въ 1812 г.) опредѣленъ также въ Измайловскій полкъ. Оставилъ военную службу въ 1825 г., онъ женился на Л. А. Минхъ, дочери извѣстнаго Харьковскаго профессора-медика, былъ затѣмъ директоромъ гимназіи въ Рязани, а позже, перейдя въ Министерство Внутр. Дѣлъ, былъ губернаторомъ сперва въ Минскѣ, а потомъ въ Вяткѣ (во время ссылки туда Салтыкова Щедрина, нашедшаго въ домѣ Н. Н. радушный пріемъ). Младшій братъ (5-ій) Василій Николаевичъ (род. 1800 г. ум. 1862 г.)⁴⁾

¹⁾) „Изъ Семейной хроники“, стр. 88.

²⁾) Записка эта хранится въ моемъ семейномъ архивѣ.

³⁾) Второй, Александръ, герой Бородинской битвы (два раза былъ раненъ), умеръ рано.

⁴⁾) Онъ былъ женатъ на А. И. Уваровой, двоюродной сестрѣ гр. Я. И. Ростовцева (ихъ матери были сестры Кусовы).

былъ послѣ старшаго, Петра, самый талантливый, образованный и дѣятельный. Онъ кончилъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицѣ (II выпускa, почти товарищемъ Пушкина, съ которымъ былъ хорошо знакомъ), куда былъ отданъ въ 1812 г., затѣмъ служилъ въ Павловскомъ полку, откуда стремился перевестись въ Измайловскій, чѣдъ однakoжъ не удалось. Серіозные, литературные вкусы склонили его къ учено-литературнымъ работамъ и опредѣли родъ его службы: онъ былъ цензоромъ и вступилъ въ близкія связи съ литературнымъ кругомъ. Позже онъ былъ вице-губернаторомъ въ Орлѣ, затѣмъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа и наконецъ членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній. Онъ оставилъ слѣдъ своими трудами въ литературѣ и Русской исторіографії¹⁾.

К. Гротъ.

1.

28-го Февраля 1812-го года С. П.

Любезный Мишенъка!

Письмо твое отъ 8-го Февраля принесло мнѣ большое удовольствіе. Въ немъ такъ подробно и мило описано твое времѧпревожденіе²⁾), что я премного тебя, мой другъ, благодарю. Желала бы чаще и чаще получать о васъ извѣстія, самыя свѣжія и подробныя; но что съ вами дѣлать? Какъ васть и чѣмъ, молодыхъ людей, принудить къ тетушкамъ писать? Это свыше меня, свыше васть и свыше возможности! Не ты, мой другъ, первый, не ты послѣдній; не тобой началось, не тобой и кончится. Я не только не требую отъ молодого человѣка все-гдашней точности и непоколебимой степенности, но даже ихъ боюсь. Потому что много разъ собственными глазами видѣла въ вашемъ и нашемъ полѣ одинакія явленія, а именно: кто въ ребячествѣ разсуждаетъ, тотъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ будетъ безъ разсудка; кто въ молодости ни въ чѣмъ не проступаетъ, тотъ, приближаясь къ старости, будетъ вѣтренъ и на каждомъ шагу сдѣлаетъ тысячу дурачествъ. Итакъ, мой другъ, уступимъ каждому времени то, что составляетъ его сущность. Пускай зимой идетъ снѣгъ, весной зеленѣетъ травка, лѣтомъ цвѣтутъ цвѣты, осенью зрѣютъ плоды. Намъ очень непріятно видѣть въ Петербургѣ среди зимы ежедневные дожди и половодье, точно также непріятно, когда человѣкъ въ осень жизни своей не печется о домѣ, о семействѣ, о исполненіи своихъ обязанностей, весь преданъ суетности и теряетъ

¹⁾ В. Н. переложилъ на Русск. яз. въ стихахъ драму „Земную ночь“ Раунаха (Спб. 1835), издалъ съ примѣчаніями одинъ томъ Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи (XV—XVI в.), Спб. 1836 т. I (въ которомъ ему принадлежитъ переводъ трехъ писателей) и проч.

²⁾ Мих. Ник. былъ именно въ этомъ году, 14-ти лѣтъ, опредѣленъ въ Измайловскій полкъ. Воспитаніе онъ получилъ домашнее.

время свое на мелочи. Природа свое возьметь. Переломить ее или заглушить нельзя; развѣ каторжной работой. Мне случалось видѣть грубыя и неприступныя сердца въ молодыхъ людяхъ; что же изъ сего выходило? Когда приближалось время, въ которое должно дѣйствовать по разсудку, они управлялись однимъ сердцемъ и нѣжничали не къ мѣсту. Изъ этого не должно заключить, будто молодому человѣку должно безпрестанно вѣтреничать и забывать свои обязанности. На все мѣра, и величайшее находится разстояніе между порядочнымъ молодымъ человѣкомъ и негодяемъ.

Ахъ, милый мой! Я Лизаньку *) свою проводила. Какъ она плакала, какъ грустила: вѣришь-ли, измучила меня своею тоскою. Она поѣхала съ Смоленской помѣщицей Энгельгардовой, которая живеть въ 70 верстахъ отъ ея маменьки. Одно письмо отъ нея получила, что доѣхали до Энгельгарда деревни; прошло двѣ почты, и нѣтъ болѣе писемъ, чтѣдь меня обезпокоить; боюсь, не занемогла она.

На сценѣ моего маленькаго театра перебывало много перемѣнныхъ кулисъ и дѣйствій. Сперва страдальческая постель—доктора и друзья кругомъ, страхи, вздохи, смѣхи, ожиданье, удачи и неудачи разныхъ родовъ. Потомъ выѣзды и суeta, не для самой себя. Сверхъ извѣстныхъ тебѣ лицъ, Соломка въ главной роли былъ и есть. Благородный характеръ сей роли ручается, что и впередъ будетъ. Ахвердовы, Олсуфьевы, Мордвиновы, Данилевскіе: вотъ всѣ тебѣ лица. Вседневное же лицо и несомнѣнное Александра Ильинишна.

Олсуфьева съ сестрой, дѣтьми, племянникомъ поѣхали на 10 мѣсяцевъ въ Нижегородскія деревни. Телепневы прїѣхали сюда навсегда для воспитанія своей дочери.

Чтѣдь болѣе тебѣ сказать? О придворныхъ праздникахъ, живыхъ картинахъ, romances en action, charrades en action, думаю, молва донесла до вѣдь извѣстія. Въ Воскресеніе на 1-ой недѣлѣ былъ въ Державиной домѣ благородный концертъ, какъ прошлаго года. Было два еще въ филармонической залѣ и будетъ одинъ отъ Патріотическаго женскаго общества.

Будь великодушенъ, мой милый, и прости, что такъ скверно пишу. Не выходя изъ порядка вещей и уступая природѣ, чувствую: руки дрожать, зрѣніе притупилось, память измѣняется и голова завирается.

*) Елис. Паре. Бунина, молодая дѣвушка изъ семьи дальнихъ родственниковъ, Смоленскихъ Буниныхъ, которой по смерти ея отца покровительствовала А. П., помѣстивъ ее и сестру ея въ институтъ, а позже пріютивъ ихъ въ домѣ своего племянника Д. М. Бунина въ Рязанск. губ. въ имѣніи, которое вносило въ наследство и досталось Елис. Паре. (Дуроломовка).

Какъ мнѣ жаль бѣднаго Николая¹⁾! Чтѣ подумать [о] Васинъкѣ²⁾? Вижу благородную твою заботливость о моемъ спокойствіи, которое ты хочешь сберечь и пишешь ко мнѣ, что Васинъка еще не выѣхалъ; между тѣмъ мнѣ сказали, что онъ выѣхалъ давно и долженъ уже быть здѣсь.

Цѣлую тебя, искренная въ дружбѣ и преданная душой Анна Бунина.

За портретъ, вѣтреникъ, о сю пору не прислая денегъ. Однако я заплатила свои и отправила на нынѣшней почтѣ къ папинъкѣ³⁾. Я не взяла копіи, потому что совершенно имъ недовольна. Похожъ какъ двѣ капли воды, но безобразень; краснота непомѣрная; на носу рожа. У меня была вечеринка; я его нарочно поставила: всѣ ахали отъ сходства и находили безобразнымъ.

2.

6-го Ноября, 1821-го года.

Любезный мой другъ Михаилъ Николаевичъ!

Поздравляю тебя съ днемъ твоего Ангела. Желаю, милѣйшій, чтобы сей новый твой годъ принесъ тебѣ своимъ теченіемъ новыя выгоды и постоянное счастіе; ибо дошли до меня слухи, что у тебя бродить въ головѣ намѣреніе жениться. Но исполненіе такового намѣренія тогда только приведеть къ счастью, когда выборъ упадетъ на достойную дѣвицу, могущую сдѣлать мужа счастливымъ, а сіе едвали зависить отъ насъ самихъ; потому что проницательность наша ограничена. Нельзя судить о нравѣ и о способностяхъ той особы, съ которой живешь не въ одномъ домѣ и не въ тѣсной связи; а только видишь, и то всегда въ ложномъ свѣтѣ, иногда въ лучшемъ, иногда въ худшемъ.

Тебя, милый Николай Николаевичъ, поздравляю съ именинникомъ. Скажу вамъ, что Васинъка, недѣлю тому назадъ, ушелъ въ походъ въ должности квартирьера. Мнѣ его очень жаль, такъ жаль, что я съ самаго его отъѣзда не могу преодолѣть и разсѣять своей скучи... У меня онъ былъ каждый день, выключая того времени, когда проказилъ, тогда не смѣлъ глазъ показать. Доброе его сердце и нѣжность къ роднымъ много обѣщаютъ. Естѣли къ несчастью сіе обѣщаніе и не вполнѣ совершиется, то по крайней мѣрѣ нельзя его не любить.

¹⁾ Ник. Ник. Семеновъ, см. выше.

²⁾ Вас. Ник. Семеновъ, о немъ выше.

³⁾ Т. е. Петр. Семенову. Едва-ли здѣсь рѣчь идетъ о большомъ портретѣ самой А. П. работы Варнека, который вноследствіи достался Нат. Петр. Гротъ отъ ея бабушки Марии Петровны, а нынѣ у меня; одна изъ копій его находится въ Академіи Наукъ. Скорѣе, какъ можно заключить изъ одной записочки А. П., здѣсь разумѣется портретъ М. Н. Семенова.

П. П. Мартыновъ¹⁾ обошелся съ нимъ весьма милостиво и обѣщалъ ему о перевodѣ въ свой полкъ. Васинъка бытъ въ совершенномъ восторгѣ; но я до тѣхъ порь не повѣрю и не могу радоваться, пока не увижу его въ Измайловскомъ мундирѣ, или по крайней мѣрѣ не прочу въ Приказахъ²⁾. Опыта убѣдили меня, что обѣщаніе и исполненіе суть два обстоятельства совершенно между собою разныя. Постарайтесь, милые, всѣми силами, просите Мартынова, божитесь ему, что ей-ей Васинъка у него не будетъ изъ дурныхъ,—надѣюсь, онъ останется имъ довольнымъ. Васинъка самъ мнѣ простодушно сказалъ, что подъ надзоромъ и покровительствомъ двухъ старшихъ братьевъ, онъ будетъ лучше. Онъ сдѣлалъ дружескую связь съ вашимъ Крюковымъ, кото-раго я хотя и не имѣю чести знать, но слышу, что онъ человѣкъ степенный. Жаль, что вы меня не предупредили о семъ г. Крюковѣ и не сказали мнѣ вашего мнѣнія; ибо для Васинки ничто столь не важно, какъ связи съ степенными людьми.

Я имѣю всегда причину быть вами недовольною въ разсужденіи малаго вашего ко мнѣ вниманія. Въ Петербургѣ—по рѣдкому свиданію; въ разлукѣ—по рѣдкимъ письмамъ. Но что значитъ для васъ, довольна я или нѣть? Значитъ или не значитъ, не менѣе отъ того однакоже изъявляю мое желаніе получать ваши письма..

Что вы дѣлаете, что съ вами происходитъ, пойдете ли въ отпускъ, и пр. и пр.? Стыдно и грѣшно оставлять меня въ невѣдѣніи. Не могу я не быть благодарною Васинъкѣ, который, не смотря на величайшее въ лѣтахъ нашихъ разстояніе, всѣхъ вѣсь ко мнѣ ближе. Я забыла у него спросить о золотой табакеркѣ, подаренной ему Петромъ Петрови-чемъ³⁾, то когда онъ прїѣдетъ, спросите милые, гдѣ она.

Вы вѣдь три брата очень счастливы на лотереи; почему очень совѣтую вамъ взять на знаменитую Головинскую, каждый братъ на свое имя и еще одинъ билетъ на все семейство. Ей, ей можно при-сковать! Присылайте деньги; авось Провидѣніе въ окошко подастъ съ надписью: *на доброе употребленіе и полезныя дѣла*.

Братъ Иванъ Петровичъ⁴⁾ три мѣсяца безпрестанно боленъ; а я другую недѣлю страдаю отъ грудной болѣзни⁵⁾. Думаю отъ заботъ и тре-

¹⁾ Командиръ Измайловского полка, впослѣдствіи Петербургскій комендантъ.

²⁾ Переходъ этотъ не состоялся, и В. Н. оставилъ вскорѣ военную службу.

³⁾ П. П. Бунинъ—брать Анны Петровны.

⁴⁾ Морской офицеръ, участникъ Шведской войны, имѣлъ большія связи въ кругу литераторовъ, въ который и ввѣль свою сестру.

⁵⁾ У Анны Петр. обнаружилась тогда болѣзнь рака, которая очевидно готовилась уже давно. Эта болѣзнь, все развивавшаяся, въ послѣдніе годы и принудившая ее оставить Петербургъ, свела ее въ могилу въ 1829 г.

вогъ открылась тяжкая рана; а скуча ее поддерживаетъ. Желаю вамъ совершенного здоровья. Поклонитесь Петру Петровичу¹⁾ и Александру Наркисовичу²⁾. Цѣлую васъ и жду вашихъ писемъ. Преданная въ дружбѣ къ вамъ Анна Бунинъ.

3.

10-го Декабря 1822-го. Ревель.

Мой другъ, милый Михаилъ Николаевич! Получа сегодня первое, но милое твое письмо, спѣшу тебя, друга моего, за оное благодарить. Недѣлю назадъ, я писала къ тебѣ черезъ Ивана Петровича и покорнѣйше тебя просила сдѣлать мнѣ милость выкупить обѣ мои вещи, которая за отѣзломъ вашимъ и за отѣзломъ Лисенко могутъ пропасть, и я чрезъ того лишусь послѣдняго; ибо повидимому имѣніе мое, отправленное въ Маршъ (?), для меня скончалось. Не откажи, любезнѣйшій, и помоги мнѣ въ семъ случаѣ.

Въ письмѣ твоемъ нѣть болѣе ни слова о поѣздкѣ въ Ревель. И такъ это была шутка! Ахъ, Миша, Миша! Напрасно ты думаешьъ, что мнѣ весело въ Ревель. Можетъ ли быть весело тому, кто приближается къ смерти, и не видитъ подлѣ себя ни ближняго, ни друга? Здоровье мое очень плохо: грудь дѣлается хуже и хуже, и кажется будто идетъ къ развязкѣ.

Я здѣсь очень мало выѣзжаю; едва-ли черезъ недѣлю, иногда дѣнъ черезъ 10. Шитье для Ивана Петровича и ужасная съ нимъ переписка беретъ все мое время. Притомъ часто нездорова, и также заботы отнимаютъ куражъ.

Поздравляю съ прошедшими именинникомъ. Поцѣлуй его отъ меня, поздравь и извини, что я къ нему не писала. Повѣриши-ли, всякое письмо пишу, какъ на почтовыхъ; такъ спѣшу, что себя не помню. Всякій день встаю до свѣту и съ огнемъ обѣдаю, хотя не чувствую голода. Есть-ли удосужусь, на будущей почтѣ буду писать къ тебѣ свободнѣе, не спѣша; ибо отправлю Ивана Петровича вещи, слѣдовательно буду свободна. Ты менѣе моего занять: пиши, мой другъ, ко мнѣ. О моей поѣздкѣ въ деревню и полагать нельзя: ни денегъ, ни здоровья нѣть. Здѣсь васъ всѣ ждутъ и хотятъ съѣхаться ко мнѣ танцевать, когда вы прїѣдете. Цѣлую тебя. Вѣрная въ дружбѣ А. Б.

Поклонись отъ меня доброму своему товарищу.

¹⁾ Другой братъ А. Н.

²⁾ Ильину.

4.

21-го Ноября 1823-го года. Середа.

Чтò дѣлается съ вами, любезный Михаилъ Николаевичъ? Какъ вы дошли, и какъ устроились, обо всемъ нетерпѣлива знать. Чтò до меня, то хотя я обѣщала тебѣ вести мой журналъ, но боюсь, что въ немъ не будетъ разнообразія; потому что всѣ выѣзды мои ограничиваются однимъ только домомъ Николая Семеновича¹⁾; ибо съ самой нашей разлуки я нигдѣ кромѣ его не бываю. Однако, должно соблюсти условіе, и такъ слушай.

Въ Воскресенье поутру я проснулась часа два до свѣта и слышала барабанъ, который отзывался въ моемъ сердцѣ, потому что увѣдомлялъ о вашемъ уходѣ. Въ 12 часовъ привезли изъ колоніи мои бюсты; въ часъ я пошла къ Ивану Петровичу, въ 5 поѣхала къ Мордвиновымъ, которые прислали за мной карету. Тамъ нашла Бакунину фрелину и Анну Семеновну. Обѣдали: Вѣра Николаевна²⁾ съ дѣтьми, Мина Фондезина³⁾, Деденевъ, Глинка, Скипаръ, Свињинъ и болѣе никого. Вечеромъ были Муравьевъ женатый и князь Меншиковъ. День и вечеръ провели довольно живо.

Въ Понедѣльникъ опять у Мордвиновыхъ. Поутру бюсты мои отправились къ Александру Николаевичу. Я стояла у окна и смѣялась, какъ ихъ укладывали въ сани, послали имъ постель и одѣли одѣяломъ, оставя наружу всѣ 7 лицъ. Онъ поставлены на 7 книжныхъ шкаповъ въ библіотекѣ. Генріета Александровна⁴⁾ мнѣ сказала: *j'admire le courage de votre neveu, il me plait; il est r  sign  *. Обѣдала я одна, было очень весело; мы шутили и дѣлали фокусы. Вечеромъ всѣ сѣли за работу; а Генріета Александровна начала намъ читать вслухъ, какъ вдругъ одинъ за однимъ, и домъ наполнился гостями, чтò намъ очень было не по вкусу. Сперва прїѣхали Арсеньева съ мужемъ; потомъ молодые Лашкаревы съ сестрою; потомъ невѣста Лобри съ женихомъ, съ отцомъ и съ матерью, и еще мужчины. Въ 10 часовъ всѣ разѣхались. Я шепнула Натальѣ Николаинѣ⁵⁾: „завтра я буду обѣдать у Рахмановыхъ!“ Она шепнула мнѣ: „а я поѣду къ Нинушкѣ“. Марья Яковлевна шепнула ей: „меня завезите къ Талызинымъ!“ *Я тѣмъ же тономъ:* куда хорошо? Кто-же будетъ слушать Аксенова?⁶⁾ (Глинка хотѣлъ его при-

¹⁾ Графъ Н. С. Мордвиновъ, адмиралъ, членъ Государств. Совета.

²⁾ Столыпина, дочь Н. С. Мордвинова.

³⁾ Фонъ-Дезенъ.

⁴⁾ Супруга Н. С. Мордвинова, рожд. Коблѣ, Шотландка.

⁵⁾ Это дочь Н. С. Мордвинова, позднѣе супруга А. Н. Львова.

⁶⁾ Сем. Ник. Аксеновъ, извѣстный тогда учитель пѣніи и игры на гитарѣ.

вести обѣдать, съ тѣмъ, что послѣ обѣда онъ будетъ играть на гитарѣ). *Она тѣмъ же тономъ: мнѣ непремѣнно должно ѿхать; притомъ я не очень люблю гитары.* Марья Як. тѣмъ же тономъ: и мнѣ непремѣнно должно быть у Талызиныхъ. *Я вслушъ: Генріета Александровна!* Вы однѣ будете слушать Аксенова! Наталья Николаевна ѿдѣть къ Нинушкѣ, Марья Яковлевна къ Талызинымъ. Наталья Николаевна вслушъ: вотъ прекрасно! вы, первая начинщица, на насъ жалуетесь! Анна Петровна хочетъ ѿхать завтра къ Рахмановымъ. *Генріета Александровна:* Нѣтъ, мой другъ, я васъ не пущу, извольте прїѣхать ко мнѣ; я пришлю за вами карету.

Во Вторникъ карета у крыльца, и я опять у Мордвиновыхъ. Глинка прїѣхалъ одинъ; Аксенову было поручено отправлять погребеніе старика Татищева¹⁾. Я нашла Анну Семеновну; Наталья Николаевна уѣхала къ Нинушкѣ, которая нездорова. Въ домѣ величайшая тишина, и всѣ ходятъ на пальчикахъ: Николай Семеновичъ нездоровъ и съ нами не кушалъ. Въ 9 часовъ карета поѣхала за Натальей Николаевной и меня завезли домой.

Середа. Собираюсь къ Рахмановымъ: но куда попаду, не знаю. Чѣдѣ еще прибавить? Своего нечего. Развѣ сказать, что въ Субботу Вѣра Николаевна съ Н. Н. и съ А. Н. ѿѣздили къ Лореровой. Началось тѣмъ, что Лизогубъ давалъ концертъ на фортепіано; потомъ танцы.

Пиши, мой милый, ко мнѣ, какъ ты устроился,—прїѣхали ли Искусили; познакомился-ли ты съ ними и когда ты будешь въ Петербургѣ? Сія послѣдняя статья занимаетъ меня болѣе всего, увѣдомь съ точностю. Когда я къ тебѣ сіе пишу, колокола возвѣщаютъ день прїѣза Принцесы²⁾. Была повѣстка военнымъ и придворнымъ съѣзжаться ко двору. Мнѣ очень бы хотѣлось попасть къ Мордвиновымъ, чтобы узнать отъ Александра Николаевича, чѣдѣ было.

5.

26-го Ноября. Продолженіе.

Середа, была у Рахмановыхъ.

Четвергъ у Мордвиновыхъ. Обѣдалъ Глинка. Наталья Николаевна обѣдала и цѣлый вечеръ провела у Ахвердовыхъ. Вечеромъ Глинка читалъ *La mort de Socrate par Lamartine*.

Пятница. Обѣдала и цѣлый вечеръ провела съ Натальей Николаевной у Ахвердовыхъ, праздновали канунъ именинъ вмѣсто именин-

¹⁾ Вѣроятно, графъ Николай Алексѣевичъ Т., генер. отъ инф. род. 1736 г..

²⁾ Будущей великой княгини Елены Павловны.

наго дня. Катерина Борисовна съ Нинушкой поѣхали при нась на балъ къ Хвостовымъ. У Ивана Петровича былъ обѣдъ, на который и меня приглашали.

Суббота у Мордвиновыхъ. Наталья Николаевна обѣдала и цѣлый вечеръ провела у кузины своей Корсаковой, а Анна Семеновна съ нами.

Воскресенье. У Мордвиновыхъ. По обыкновенію Столыпины всѣ; Катерина Борисовна съ Нинушкой, Глинка съ Аксеновымъ, Зыковъ. Послѣ обѣда Марья Яковлевна играла на фортепьянахъ превосходную пьесу, съ особеннымъ мастерствомъ. Пристали (за исключеніемъ хозяевъ) къ Аксенову; онъ послалъ за гитарой и усладилъ слушателей.

Вотъ, мой другъ, тебѣ простой, мало любопытный и неразнообразный мой журналъ. Надобно включить въ него, что два раза мимоходомъ была я у Ивана Петровича; но онъ даже не заглянуль ко мнѣ, хотя часто выѣзжаетъ со двора, какъ самому тебѣ известно, и третьаго дня былъ на балѣ у Зейделя; но Зейдель важиѣ меня, и я съ нимъ равняться не смѣю. Пріѣзжай сюда въ Субботу поутру и прямо ко мнѣ, чтобы застать меня дома. Впродолженіе сей недѣли много накопилось о чёмъ поговорить и чтѣ сказать.

Пожалуйста попроси брата, чтобы купилъ мнѣ (на 5 р.) сърой пищей бумаги, какую прошлаго года покупалъ и привезъ бы съ собой. Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма и желаю, чтобы оно предшествовало пріѣзду. До свиданія, милый.

Цѣлую тебя и брата. Любящая васъ Анна Бунина.

6.

Par secret.

Mon cher neveu!

Je m'empresse à vous communiquer une chose bien étonnante. Un de ces jours, on m'annonce une visite, et un jeune homme bien gracieux, mais inconnu se présente à moi. Comment croyez-vous, mon cher, de la part de qui était-il venu? Non, vous n'en pourriez pas deviner! C'est,—jugez de ma surprise, c'est—de Sa Majesté l'Empereur lui-même! Souverain unique, sans égaux, ni rival! Il étend Sa charité et Sa bienveillance jusqu'au plus petit et plus obscure sujet de Son royaume. Il Lui paraît peu de m'avoir comblé de Sa bonté, de m'avoir tant de fois secouru, sans que je l'ai mérité. Il s'intéresse à moi, . Il veut savoir de ma propre bouche la raison, qui m'oblige à m'éloigner de Pétersbourg!

Vous pouvez bien juger, mon cher neveu, jusqu'à quel point j'en était émue et attendrie. Mon âme est pénétrée de reconnaissance. L'envoyé m'a dit, que je ferai mieux d'exposer mes raisons sur le papier qui sera remis chez Sa Majesté¹⁾.

Depuis votre départ je souffre des vapeurs de mon abominable logement et je cours continuellement pour me trouver un autre. Les fatigues, les vapeurs et le refroidissement m'ont donné des maux de tête si violents, que je n'ai pas pu écrire ce papier; même, je n'ai pas pu me rendre hier (Dimanche) chez les Mardvinoffs. Venez, mon cher, si vous pouvez le 15 de ce mois, c'est à dire le Samedi, pour deux jours; je vous montrerai mon papier et je me flatte que vous n'êtes point indifférent à mon égard. Quand à vous, je vous dirai qu'on vous porte de l'intérêt; le reste je me ménage à vous communiquer en présence.

Répondez moi vite, pourriez vous venir ce Samedi et sachez garder le secret. Цълую тебя. Любящая тетка Анна Бунина. 10-го Декабря 1823-го г.

(Приписка) Насилу могу писать, отъ того такъ дурно написано. Чтò не присылаете бумаги? Минъ не на чемъ писать.

7²⁾).

Письмо твое, любезный Михаилъ Николаевичъ, я получила и благодарю за то, что хотя взялъ на себя трудъ оправдываться и вывелъ меня изъ сомнѣнія на счетъ молчанія своего. Мой другъ, всегда можно найти отговорки; кто не любить признаться, тотъ всегда будетъ правъ. Но я привязана къ роднымъ моимъ безъ малѣйшей лжи и притворства; слѣдовательно расположена болѣе къ любви, нежели къ досадѣ. и ничего иного не желаю, какъ чтобы видѣть тебя счастливымъ.

Остаться въ Петербургѣ я не имѣю расположенія, и чтò бы ни случилось, въ половинѣ Февраля отсюда ѿду и уже такъ устраиваю мои дѣла, и веду къ одному концу. Въ запискѣ къ Высокому моему Покровителю прописала я причины моего отъѣзда и для себя самой ничего не просила. Когда увидимся, дамъ прочитать тебѣ сию записку:

¹⁾ Въ Іюлѣ 1814 года на устроенныхъ для вѣза въ Царское Село воротахъ въ честь возвратившагося изъ-за границы Александра Павловича красовались два стиха, сочиненные А. П. Буниной:

Тебя грядущаго со славой.
Врата побѣды не вмѣстятъ.

²⁾ Это письмо не имѣеть даты. Но по содержанію видно, что оно писано вслѣдъ за предыдущимъ (т. е. около 20-го Декабря 1823 г.).

слѣдствія по ней еще нѣтъ никакого. Кто внушилъ Ему ко мнѣ сожалѣніе, тотъ опредѣлить и развязку. Я разумѣю подъ симъ Верховнаго Владыку и Творца міровъ.

Въ нынѣшній Понедѣльникъ была у Мордвиновыхъ лотерея, которая шла столь хорошо и такъ всѣхъ увеселила, что всѣ просили еще одной. Добрые хозяева назначили еще одну наканунѣ Нового Года.

Я не жду васъ первые дни праздника, но прошу тебя пріѣхать въ Субботу, то есть за два дня до Нового Года и отвѣчаю тебѣ, что проведемъ нѣсколько дёнъ вмѣстѣ съ большими удовольствіемъ. Къ Крещенію же я сама пріѣду дня на три въ Ропшу; предвари о томъ Іалаевыхъ. Пришлите мнѣ бумагу, мнѣ не на чемъ писать. Я наляла квартиру у самаго Покрова съ Нѣмцами, которые будутъ меня и кормить и поить. Прошу писать ко мнѣ безъ всякаго отлагательства, чтобы медленіемъ не наводить на меня сомнѣнія въ полученіи сего письма.

Пиши положительно и побольше, чѣмъ докажешь, что точно любишь любящую тебя Анну Бунину.

Сообщилъ К. Я. Гротъ.

ДѢЛО О РАЗОРЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ САДОВЪ ВЪ КУРСКѢ

Курской Градской Полиціи.

17 Іюля 1826 г.

№ 6507.

Курскъ.

Вчераший день въ 2 часа по полудни ѿхалъ я мимо Егорьевской пло-щади, гдѣ все было въ порядкѣ; возвращаясь же въ 5 часовъ, усмотрѣль, что заведенные на площадяхъ у Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ по обѣимъ сторонамъ сады совершенно истреблены, деревья частью выкопаны съ корнемъ, а прочие порублены и растащены по дворамъ. Столь дерзостный поступокъ, влекущій дурнаго послѣствія и явно показывающій неповиновеніе власти, долженъ быть разслѣдованъ и вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть преданы суду, дабы прекратить всякое своеолѣство и непозволительные дерзостные по-ступки.

Почему предписываю Градской Полиціи тотчасъ по полученіи сего ко-мандировать частнаго пристава Каменева и велѣть ему произвести аккурат-нѣйшимъ образомъ слѣдствіе, открыть виновныхъ въ таковой дерзости и, пре-давъ ихъ строгому сужденію по законамъ, о послѣдующемъ поспѣшнѣе мнѣ донести.

Подпись: Гражданскій губернаторъ А. Кожуховъ.

1826-го года Іюля 17 дня въ присутствіи Курской Градской Полиціи представленные частнѣмъ приставомъ Каменевымъ Курскіе мѣщане Аѳанасій Сыромятниковъ и Матвѣй Назаровъ въ, нижеслѣдующемъ при священническомъ увѣщаніи допрашиваны и показали:

1) Звать его Аѳанасій Федоровъ сынъ Сыромятниковъ, отъ роду ему 17 лѣтъ, грамотѣ не умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ по старообрядческому обряду бываетъ. Курскій онъ, мѣщанинъ, жительство имѣеть въ 3-й города Курска части, на углу Егорьевской площади, въ домѣ отца его, Курского мѣщанина Федора Михайлова сына Сыромятникова вмѣстѣ съ нимъ и семействомъ. Сего Іюля 16-го числа, пополудни часу въ 4-мъ, сидѣль онъ близъ дома своего на улицѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Курскими же мѣ-щанами Матвѣемъ Андреевымъ сыномъ Назаровымъ и другими въ отдаленно-сти коихъ припомнить не можетъ, то въ оное время шедшій мимо Курскій же купецъ Никита Ивановъ сынъ Машнинъ, сказывая, что градской глава Иванъ Васильевъ сынъ Антимоновъ, давши ему, Машнину, будто записку, при-казалъ обвѣстить около Егорьевской площади жителей, чтобы около устроен-

ныхъ на тѣхъ площадяхъ садовъ обобрали огорожу, о чёмъ сказывая, что будто онъ многихъ и обвѣстилъ, каковымъ словамъ онъ, Аѳанасій, руководствуясь, въ тожъ время съ собравшимися во многомъ количествѣ неизвѣстными ему по именамъ и прозваніямъ людьми, онъ, разбирая таковую огорожу, во многомъ количествѣ сложали ону въ кучу, чemu былъ началомъ, Аѳанасій. Между тѣмъ собравшимися съ разныхъ сторонъ сада неизвѣстными жителями, по отдаленности коихъ узнать не могъ изъ нихъ никого, съ лопатами и заступами, и самый садъ вырыть и снесенъ неизвѣстно ему куда; напредъ сего никакихъ злодѣяній онъ не учинялъ и въ семъ допросѣ показалъ саму истину.

2) Звать его Матвѣй Андреевъ сынъ Назаровъ, отъ рода ему 47 лѣтъ, грамоты умѣеть, у исповѣди и у причастія Святыхъ тайнъ бываетъ ежегодно, Курскій онъ мѣщанинъ, жительства имѣеть 3-ї части въ собственномъ своемъ домѣ, въ Троицкомъ приходѣ, на Данепинской улицѣ, а торгъ производить ссыпкою хлѣба на Егорьевской площади въ нанимаемой при домѣ мѣщанина Феодора Сыромятникова лавкѣ. Сего Іюля 16-го числа, по полудни часу во 2-мъ, находясь онъ близъ воротъ означенного Сыромятникова вмѣстѣ съ нимъ и сыномъ его Аѳанасіемъ, то въ это время шедшій мимо насы Курскій купецъ Никита Машнинъ, остановясь, сказавши, что градской глава приказалъ обнесенную огорожу вокругъ насаженного на Егорьевской площади сада разобрать, то отвѣтилъ Федоръ Сыромятниковъ, что буде такъ, то онъ ее съ прочими разберетъ, послѣ чего какъ Машнинъ, такъ и онъ, Назаровъ, вскорѣ потомъ пошли въ свои дома обѣдать, и кто безъ бытности его разбралъ около сада огорожу и истреблялъ самый садъ не видаль и при томъ самъ не былъ и ни отъ кого не слыхалъ. По отходѣ же его въ домъ въ лавкѣ остался племянникъ его мѣщанинъ Иванъ Пискуновъ, въ чёмъ и показалъ саму истину. Къ сему допросу Курскій мѣщанинъ Матвѣй Назаровъ руку приложилъ.

1826-го года Іюля 19 дня въ присутствіи Курской Градской Полиціи Курскіе купецъ Федоръ Сыромятниковъ и одноворецъ Михайло Агибаловъ по дѣлу о истребленіи на Егорьевской площади садовъ и о прочемъ допрашиваны и показали:

1) Звать его Феодоромъ Михайловъ сынъ Сыромятниковъ, отъ рода ему 56 лѣтъ, грамотѣ умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ тайнъ по старообрядческому уставу бываетъ, Курскій онъ 3-ї гильдіи купецъ, жительство имѣеть въ 3-ї части въ собственномъ своемъ съ семействомъ домѣ. Сего Іюля 16-го числа, по полудни часу въ 4-мъ или 5-омъ, вокругъ насаженного на Егорьевской площади противъ его дома казеннааго сада огорожи самъ онъ и никѣмъ другимъ не разбиралъ и сада не истреблялъ и кто все производилъ, не видалъ. Того жъ числа по полудни часу въ 1-мъ или во 2-мъ когда сидѣлъ онъ близъ воротъ его дома вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Матвѣемъ Андреевымъ сыномъ Назаровымъ и еще не припомнить съ кѣмъ, шедшу мимо Курскому жъ купцу Никитѣ Машнину и сказавшему, что градской глава Антилоновъ приказалъ вокругъ сказанного сада обобрать огорожу, ему о томъ, что самъ съ прочими послѣ обѣда разберетъ, не говорилъ, да напредъ сего никакихъ зло-

дѣяній онъ не чинилъ, подъ судомъ не былъ и въ семь допросѣ показалъ саму сущую правду. Купецъ Федоръ Сыромятниковъ.

2) Звать его Михайло Петровъ сынъ Агибаловъ, отъ роду ему 50 лѣтъ, грамотѣ не умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ бываетъ ежегодно, Курскаго уѣзда деревни Волобуевой онъ однодворецъ, гдѣ по сказкамъ 7 ревизіи въ подушномъ окладѣ написаннымъ состоять, а жительство имѣеть лѣтъ десять по найму города Курска 4-й части въ домѣ купца Бориса Федорова Сыромятникова, безъ бытности котораго и семейства его въ домѣ, сего Іюля 16-го числа по полудни часу въ 4-мъ, вышедши онъ на улицу со двора сказанного хозяина его Сыромятникова и увидѣвши множество народа выкапывающихъ на Егорьевской площади насаженный деревья, не вспрашивая ни у кого, потому что знакомыхъ не было, съ какого повода оныя то дѣлали, взявши желѣзную лопату и себѣ вырывши пять разныхъ деревьевъ, посадилъ оныя противъ хозяйстваго дома близъ балкона по тротуару. Напредъ сего подъ судомъ и наказанъ ни за что онъ не былъ и въ семь допросѣ показалъ всю истину. Къ сему допросу вмѣсто однодворца Михаила Агибалова по его личному прошенію канцелиристъ Иванъ Платоновъ руку приложилъ.

1826-го года Іюля 17 дня въ присутствіи Курской Градской Полиції представленный въ ону Курскій мѣщанинъ Иванъ Пискуновъ о истребленіи насаженнаго на Егорьевской площади казеннаго сада при священническомъ увѣщеваніи допрашиванъ и показалъ:

Звать его Иваномъ Алексѣевъ сынъ Пискуновъ, отъ роду 18-ти лѣтъ, грамотѣ умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ бываетъ, Курскій онъ мѣщанинъ, гдѣ по сказкамъ 7 ревизіи въ подушномъ окладѣ написаннымъ состоять и жительство имѣеть 3-й части въ домѣ дяди его Курскаго жѣ мѣщанина Матвѣя Назарова, съ коимъ въ нанимаемой у мѣщанина Федора Сыромятникова на Егорьевской площади при домѣ лавкѣ занимается покупкою и продажею муки и прочаго. Сего Іюля 16-го числа по полудни часу во 2-мъ, когда находился онъ, Пискуновъ, близъ воротъ сказанного Сыромятникова вмѣстѣ съ нимъ, сыномъ его Никитою и дядею Матвѣемъ Назаровымъ, въ кавковое время шедшій мимо ихъ Курскій же купецъ Никита Машнинъ остановившись сказавши, что Градской Глава приказалъ обнесенную огорожу вокругъ насаженнаго на Егорьевской площади сада разобрать, по отвѣтѣ Федора Сыромятникова, что съ прочими разбереть и самъ отъ нихъ пошелъ, послѣ чего какъ дядя его Назаровъ, такъ и онъ, Пискуновъ, пошли въ домъ обѣдать, то Аѳанасій Сыромятниковъ съ прочими неизвѣстными ему людьми вокругъ сада огороду уже разбралъ, по приглашенію котораго и онъ, Пискуновъ, разбирая огороду, слегка три снесъ въ кучу, пошелъ въ лавку для отдачи проданнаго покупщикамъ 200 мѣръ овса. Между тѣмъ и самый садъ также не примѣтилъ онъ кѣмъ въ большомъ количествѣ собравшагося народа былъ истребленъ, но былъ ли при томъ сказанный Сыромятниковъ Аѳанасій, равно и отецъ его Федоръ, не замѣтилъ. Напредъ сего судимъ и наказанъ онъ ни за что не былъ и въ семь допросѣ показалъ саму сущую истину. Къ сему допросу Курскій мѣщанинъ Иванъ Пискуновъ руку приложилъ.

1826 года 17 днія въ присутствії Курской Градской Полиції, по сыскѣ 3-й гильдіи купецъ Никита Ивановъ сынъ Машнинъ противъ предписанія г. Курского гражданскаго губернатора и допроса мѣщанина Аѳанасія Сыромятникова по дѣлу о разломаніи около устроенныхъ на Егорьевской площади садовъ огорожи и насаженныхъ деревьяхъ спрашиванъ и показалъ:

Сего Іюля 16 числа, будучи я по надобности въ Курской Градской Думѣ спрашивая градскаго главу Антимонова, какое послѣдовало отъ господина Курского гражданскаго губернатора и кавалера Алексія Степановича Кожухова на словесную ихъ просьбу разрѣшеніе о разборѣ вокругъ насаженнаго на Егорьевской площади сада огороженнаго лѣса, на каковыя мои слова оный Антимоновъ сказалъ, чтобы я таковую огорожу разобралъ, для взятъя которой къ перевозкѣ обѣщаѣ прислать строителя, и когда шель я того числа по полудни въ 2 часа къ своему дому, то о семъ и сидѣвшему близъ своего дома въ 3-й части Курскому мѣщанину Федору Сыромятникову приказывалъ, но съ сыномъ его Аѳанасіемъ и ни съ кѣмъ другимъ въ то время не вдался и о томъ, равно и о имѣвшейся у меня якобы данной градскимъ главой о томъ резолюціи не говорилъ, а пошелъ прямо въ свой домъ и кто разбилъ около сада огорожу и повырылъ самый садъ поистинѣ не видаль и ни отъ кого не слыхалъ и самъ при томъ не былъ, въ чёмъ и показалъ самую сущую правду. Къ сему показанію Курскій купецъ Никита Машнинъ руку приложалъ.

Къ присяжному листу подписались: по сему листу присягали однодворецъ Степанъ Ивановъ и крестьянинъ Федотъ Тихоновъ, а вмѣсто нихъ неграмотныхъ по ихъ личному прошенію канцеляристъ Иванъ Платоновъ руку приложилъ. Къ присягѣ приводилъ священникъ Николай Бордаковъ.

1826 года Іюля   дня, въ присутствії Курской Градской Полиції по сыскѣ нижеписанные люди по прочтенію изложенныхъ пунктовъ подъ присягою въ нижеслѣдующемъ спрашиваны и показали:

1) Звать его Федотомъ Ивановъ сынъ Тихоновъ, отъ рода ему 36 лѣть, грамотѣ писать не умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ тайнъ бываетъ, Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, деревни Милягиной, помѣщицы Аны Александровой дочери Соколовой онъ крестьянинъ, а съ прошлаго года находится по пашпорту въ городѣ Курскѣ, квартируя 3-й части въ домѣ купца Василія Тихонова, и занимается печениемъ пшеничныхъ булокъ. Сего Іюля 16-го, по полудни часу въ 4-мъ, покупавшиись онъ на рѣкѣ Тускорѣ и возвратясь на Егорьевскую площадь къ оставленнымъ имъ булкамъ, остановясь вмѣстѣ съ булочникомъ же Стефаномъ Ивановымъ, производимую на той площади сыномъ Курскаго мѣщанина Федора Сыромятникова Аѳанасіемъ со многими неизвѣстными ему Курскими жителями топорами насажденнымъ деревьямъ порубку видѣть дѣйствительно, изъ чего жъ сіе произошло-не извѣстенъ, въ чёмъ и показалъ самую истину,

2) Звать его Стефаномъ Александровъ сынъ Ивановъ, отъ рода имѣеть 45 лѣть, грамотѣ писать не умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ та-

инъ бываетъ, Фатежскаго уѣзда, деревни Заболота онъ однодворецъ, а жительство съ давнихъ лѣтъ имѣть въ городѣ Курскѣ, квартируя въ 3-й части близъ Егорьевской площади у умершаго священика Алексѣя по прозванию неизвѣстнаго, занимается на Егорьевской площади продажею кваса и сбитня. Сего Іюля 16-го числа, по полудни часу во второмъ, отлучась онъ съ показанной Егорьевской площади по надобности и отоль возвратясь часа черезъ два, производимую Курскимъ мѣщаниномъ Аѳанасіемъ Сыромятниковымъ со многими неизвѣстными ему людьми порубку топорами и вырытіе застулами насаженнаго сада видѣлъ дѣйствительно, но съ какого повода сіе производилось, ему не извѣстно, въ чёмъ и показаль саму истину. Къ симъ допросамъ вмѣсто крестьянина Федота Тихонова и однодворца Стефана Иванова за неумѣніемъ грамотѣ коихъ по ихъ личномъ прошенію канцеляристъ Иванъ Платоновъ руку приложилъ.

Его высокоблагородію
господину Курскому полицмейстеру Ивану Нестеровичу Гейдилевичу.
3-й части частнаго пристава
Рапортъ.

Во исполненіе вашего высокоблагородія приказанія отправлялся я неоднократно къ Курскимъ купцамъ Никитѣ Иванову сыну Машину, Феодору Михайлову сыну Сыромятникову и мѣщанину Ивану Алексѣеву сыну Пискунову для обязанія ихъ подпискою о насажденіи на Егорьевской площади, вновь садовъ, токмо оные Сыромятниковъ, Машинъ и Пискуновъ таковой подписки по многимъ моимъ отъ нихъ требованіямъ не дали, о чёмъ вашему высокоблагородію имѣю честь донести.

Частный приставъ Анфилоговъ.

Августа 4 дня 1826 года.

Г. Курскому полицмейстеру.

26 Августа 1826 г.

№ 8252.

Курскъ.

Донесеніе ваше отъ 4 Августа № 3655 при семъ къ вамъ яко не дѣльное возвращаю, поелику я словесно вамъ никогда не приказывалъ обязать подписками именно Курскихъ купцовъ Никиту Иванова сына Машнина, Феодора Михайлова сына Сыромятникова и мѣщанина Ивана Алексѣева сына Пискунова, но приказывалъ обязать виновныхъ, которыхъ вы давно уже должны были обнаружить, и потому, замѣчая вамъ такое бездѣйствіе, строжайше подтверждаю доставить ко мнѣ безотложно подписку тѣхъ людей, кои своевольно приступили къ истребленію садовъ на Егорьевской площади.

Курскій гражданскій губернаторъ А. Кожуховъ.

(Сообщено С. Е. Кожуховымъ).

Намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло. Напомнимъ только, что императоръ Александръ Павловичъ, благоволившій А. С. Кожухову, былъ любитель садовъ и, во время своихъ частыхъ переѣздовъ по Россіи, приказывалъ разводить сады. Ему обязана и Москва своимъ Александровскимъ садомъ. П. Б.

ПАМЯТИ ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

**(Сказано въ 78-мъ общемъ собраніи Союза Русскихъ Людей
23-го Ноября 1907 года.)**

19-го Ноября исполнилось 40 лѣтъ послѣ кончины Филарета митрополита Московского.

Время является лучшимъ судьею дѣятелей общественныхъ и государственныхъ: унося своимъ теченіемъ все легковѣсное, служащее отвѣтомъ на запросы минуты, оно оставляетъ нетронутымъ существенное и важное. Волнующая нась, оглушающая своимъ шумомъ, ослѣпляющая мишурнымъ блескомъ мимотекущая повседневность исчезаетъ какъ облако, расплывающееся въ синевѣ небесъ, и остается правда жизни. Въ этомъ смыслѣ можно назвать исторію раскрытиемъ народной совѣсти; въ благодарной или негодующей совѣсти народной остается лишь то, что достойно памяти и вниманія.

Какъ часто, особенно въ наше легкомысленное и легковѣрное время, среди нашего такъ называемаго общества, носящагося безъ руля и вѣгрила отъ одного увлеченія къ другому, возникаютъ, повидимому, высокіе столпы, могучіе властители думъ современнаго поколѣнія, и какъ часто слава такихъ минутныхъ кумировъ таетъ быстро какъ воскъ предъ лицемъ огня, разлетается какъ дымъ, мимо идетъ, аки день вчерашній. Читаешь напримѣръ Бѣлинскаго, бывшаго руководителемъ и вдохновителемъ цѣлыхъ поколѣній, клявшихихся „словами учителя“, и поражаешься, до какой степени вывѣтрилось его обаяніе, какъ полнили краски его нѣкогда блестящей и пышной мантіи, и какъ безодержательны, мало того, ненужны его рѣчи, такъ недавно кружившія головы и чаровавшія сердца.

Совсѣмъ не то испытываешь, когда читаешь сочиненія дѣйствительно глубокія, когда смотришь на произведенія большихъ мастеровъ и приглядываешься къ дѣятельности великихъ людей, выразителей духа своего народа. Время „не тронуло ихъ крыломъ своимъ“, гдѣ лишь

прибавили имъ особую красу, и они доставляютъ намъ усладу, утѣшениe и наставлениe не менѣе, чѣмъ современникамъ. И это потому, что они отображаютъ въ себѣ не суету, а вѣчное и неизмѣнное, потому что они служатъ правдѣ и истинѣ, которая не текутъ во времени, но черезъ которая проносится бурный потокъ временъ, бессильный сокрушить ихъ.

Къ такимъ историческимъ дѣятелямъ, значеніе и вѣсъ коихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ въ нихъ вглядываешься, принадлежитъ и Филаретъ Московскій.

50 лѣтъ находился онъ въ первыхъ рядахъ Церкви видимой; 40 лѣтъ занималъ онъ каѳедру митрополита Московскаго и все время своего архипастырскаго служенія, пребывалъ аки градъ, на горѣ и высоко держалъ свѣточъ истины Церкви Невидимой, озаряя и освѣщая свѣтомъ немеркнущей правды не только вопросы церковные, но и все то, что волновало сердца и занимало умы его паствы. И въ такихъ случаяхъ святитель Московскій показывалъ такой тонкій здравый смыслъ, просвѣщенный свѣтомъ Христовыи, что его рѣшенія, мнѣнія, изреченія являются въ полномъ смыслѣ выраженіемъ Русскаго народнаго духа.

Съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣми проявленіями умственной, государственной и общественной жизни Россіи и Западной Европы и неусыпно стоялъ на стражѣ, охраняя Русскихъ людей отъ увлечения лживыми призраками, отъ погони за блудчими огоньками.

Въ проповѣдяхъ своихъ онъ умѣль раскрыть такую глубину мыслей, такую строгую послѣдовательность ихъ сочетанія, что дѣйствительно онъ служили и служать лучшюю школою любомудрія. Каждое слово, и всякий отзывъ, и даже мимолетная замѣчанія проникнуты у него нерушимою цѣльностью міросозерцанія стройнаго. Все сведено къ тому, что „едино на потребу“, и великий учитель умѣль показать, что правильное разрѣшеніе какого угодно вопроса возможно лишь при свѣтѣ лучезарномъ Христовой Правды. И всѣ его произведенія какъ бы проникнуты духомъ псалма 138-го; „камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси; аще возьму крилъ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя“.

Исполненіе завѣта Греческаго мудреца сводить многообразіе жизни къ единому источнику не является у Филарета чѣмъ-то придуманнымъ или вымученнымъ; нѣтъ, сама логика приводитъ его къ Первоисточнику жизни и правды.

И какъ много умѣлъ проявлять святитель находчивости и того, что называется тактомъ, при различныхъ случаяхъ. Перечислить всѣ эти случаи значило бы перечитать всѣ его рѣчи и слова по поводу событий общественныхъ *).

Приглашаютъ его на торжество открытия больницы при Московскому Университету (28-го Сентября 1848 г.), и Филаретъ произносить проникновенное слово, которое можетъ служить назиданіемъ для всякаго врача и до сихъ поръ. Онъ предупреждаетъ увлеченіе материализмомъ, онъ говорить: „Страшно имѣть въ рукахъ здравіе и жизнь ближняго. Если бы врачъ видѣлъ больного насквозь: то конечно вѣрнѣе направлять бы въ цѣль врачебныя средства; но онъ нерѣдко стоитъ предъ тѣломъ больнаго, какъ предъ затворенному домомъ, и сквозь нѣкоторыя скважины не столько видѣть, сколько угадываетъ, что происходитъ внутри. Тѣлоразсѣченіе отворяетъ двери въ пустой домъ, и потому не можетъ показать многаго, что происходитъ въ немъ въ присутствіи хозяина, то есть души, одушевляющей тѣло. Душу же кто можетъ прослѣдовать по ея сокровеннымъ входамъ и исходамъ въ глубинахъ вещества грубаго, въ высотахъ вещества тонкаго? Между тѣмъ, если отъ нея зависитъ жизнь: то возможно ли, чтобы отъ различныхъ ея состояній не зависѣли степени жизни— здоровье и болѣзнь?.... Я хочу подать мысль, что врачъ не слишкомъ долженъ полагаться на одну свою проницательность и знаніе, и что взоръ ума его не долженъ погрязать въ веществѣ. Чтобы врачевать больнаго, врачъ долженъ прозрѣвать внутрь его, прорекать сокровенное въ немъ: сіе требуетъ чистоты сердца и возвышенія духа. Скажемъ не обинуясь: сіе требуетъ возвышенія духа къ горнему духу премудрости и разума. Какъ всякую истинную, такъ и врачебную, Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ (Притч. II, 6)“.

Я полагаю, что всякий нравственно настроенный врачъ долженъ призадуматься надъ приведенными словами Филарета.

Размѣры замѣтки не позволяютъ мнѣ остановиться на его бесѣдѣ о трудолюбіи, на удивительномъ словѣ по поводу столѣтія Московскаго Университета (1855 г.), гдѣ онъ, исходя изъ положенія, что истина есть одна изъ естественныхъ и существенныхъ потребностей духа человѣческаго, показываетъ, какимъ образомъ истина Христова можетъ и должна быть руководительницей для людей ищущихъ истинъ научныхъ; еще болѣе жалѣю, что не имѣю возможности прочесть слово въ день Димитрія Царевича, въ которомъ онъ съ изумительнымъ проникнове-

*) Въ собраніи было прочтено въ извлечениіи три проповѣди м. Филарета.

ниемъ говоритьъ объ христіанствѣ обмірщившемся. Писанія Филарета таковы, что, взявъ его книгу въ руки, не имѣешь силы оставить ее, пока не сдѣлаешь крайнее напряженіе воли.

Приведу вамъ выдержки изъ его отвѣта Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія на избраніе попечителемъ онаго. Этотъ отвѣтъ относится уже къ глубокой старости святителя, но какою юною силою духа вѣтъ отъ него.

„...Трудящіеся въ пользу истиннаго просвѣщенія должны имѣть въ виду и въ соображеніи черты отличающія истинную мудрость, дабы произведеніе труда ихъ не оказалось обезображеніемъ, и дабы вмѣсто истинной мудрости не явилось у нихъ ложнаго мудрованія. Мудрость христіанская должна быть чиста, чиста по ея источнику, по ея побужденіямъ и цѣли. Ея чистый источникъ есть Богъ, Его слово, заключенное въ священныхъ писаніяхъ, уясненное церковными опредѣленіями, ученіемъ и духовнымъ опытомъ богомудрыхъ мужей. Ея чистая цѣль также есть Богъ—Его познаніе во Христѣ и Ему благоугожденіе блаженнотворное. Дѣятельное нужно вниманіе для охраненія сей чистоты отъ нечистыхъ вліяній несмиренного разума, который самъ хочетъ быть источникомъ истины,—который не признаетъ своихъ предѣловъ предъ безконечнымъ и непостижимымъ,—который истину вѣчную находя старою, имѣя побужденіемъ любопытство и цѣллю тщеславіе, безъ разбору гоняется за новымъ, и, какъ руководительному началу, слѣдуетъ духу времени, хотя бы это время предпотопное,—который, лѣнясь потрудиться, чтобы возникнуть въ истинную область духа, погружается въ веществъ, и здѣсь погрязаетъ. Мудрость христіанская *мирна*, и подвизающійся для нея долженъ быть миренъ.... не взволнованъ страстями. Только въ тихой, а не волнуемой водѣ отражается образъ солнца; только въ тихой не волнуемой страстями душѣ можетъ отразиться вышній свѣтъ духовной истины.... Мудрость христіанская *кротка*. О семъ качествѣ, кажется, особенно нужно помнить въ настоящее время, напомнить имѣющимъ притязаніе на просвѣщеніе или на служеніе просвѣщенію. Духъ порицанія бурно дышетъ въ области Русской письменности. Онъ не щадить ни лицъ, ни званій, ни учрежденій, ни властей, ни законовъ. Для чего это? Говорять для исправленія. Но мы видимъ, какъ порицаніе сражается съ порицаніемъ, удвоенными и утроенными нападеніями, и ни одна сторона не обѣщає исправиться. А чѣмъ въ самомъ дѣлѣ должно произойти, если все будетъ обременено, и все будуть обременены порицаніями? Естественно, уменьшеніе ко всему и ко всѣмъ уваженія, довѣрія, надежды. Итакъ, созидаетъ ли духъ порицанія или разрушаетъ?“

Что изъ приведенныхъ мною словъ Филарета утратило свое значеніе или потеряло свою силу? Мудрость истинная, мудрость, для которой нѣть ни времени, ни пространства, говорить намъ устами святителя Московскаго.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести вамъ стихотворный обмѣнъ съ Филаретомъ Пушкина. Здѣсь встрѣтились два свѣтила Русскаго народа, и взаимное ихъ вниманіе другъ другу еще болѣе возвышаетъ ихъ обоихъ.

26 Мая 1828 года Пушкинъ написалъ свое стихотвореніе
Даръ напрасный, даръ случайный....*)

Стихотвореніе попало въ руки къ Е. М. Хитрово, и чрезъ нее Филаретъ познакомился съ этимъ воплемъ души великаго поэта, котораго напрасно въ послѣднее время желаютъ изобразить глубоко уравновѣшенней личностью. Спокойствіе и лучезарность Пушкина дались ему путемъ глубокой и упорной внутренней работы.

Филаретъ не могъ не отвѣтить на дерзкій вызовъ и написалъ отвѣтъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ Бога воли тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я произвольной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззваль.
Сердце самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнемъ взволновалъ.
Вспомнишь мнѣ Забытый мною,
Прояснись сквозь тяжкихъ думъ,
И созиждутся Тобою
Сердце право, здравый умъ.

Отвѣтъ Пушкина отъ 19 Января 1830 года всѣмъ извѣстенъ. На необычайную высоту поднялся поэтъ и показалъ, что въ глубинѣ его души не звучать лукавыя струны и что раны его совѣсти нельзя принимать за самоѣ совѣсть.

*) Стихотвореніе это было воплемъ отчаянія: Пушкину грозила въ это время новая ссылка, отъ которой спасло его попеченіе Государя Николая Павловича (по наущенію враговъ его, митрополитъ Серафимъ поднялъ хѣло о Гаврилѣадѣ). Тогда же А. А. Оленина, на которой онъ думалъ жениться, отказалась ему по приказанію своихъ родителей. Все это могло быть известно митрополиту Филарету. Мнѣ очень жаль, что въ бесѣдѣ съ митрополитомъ позабылъ и спросить, былъ ли у него Пушкинъ послѣ этого обмѣна стихами. Надо полагать, что Елизавета Михайловна повезла его на Троицкое подворье. П. Б.

Не побоюсь показаться смѣшнымъ, если скажу, что въ сокровищнице Русскаго духа это стихотвореніе является лучшою и драгоценнѣйшою жемчужиной, и Филарету мы обязаны тѣмъ, что владѣемъ ею.

* * *

Удивительны судьбы Россіи! Вглядываясь въ нихъ спокойно, начинаешь все болѣе и болѣе въ прихотливомъ ходѣ ея историческихъ событий прозрѣвать какую-то высшую таинственную силу, въ которой чувствуется рука Промысла.

Митрополитъ Филаретъ совершалъ свой жизненный подвигъ въ то время, когда величавая работа Славянофиловъ лишь начиналась или не была известна, когда еле еле намѣчалось великое дѣло возрожденія Русскаго общества и возвращенія его „домой“ къ роднымъ завѣтамъ родной исторіи, когда признакъ образованности считалась приверженность къ Западному укладу жизни, когда незнаніе своего признавалось даже за хороший тонъ, когда все свое казалось такимъ жалкимъ, некрасивымъ, безтолковымъ, ничтожнымъ, въ то время, когда Православная Церковь—видимая находилась въ полномъ порабощеніи у гражданской власти, а ея бытовая сторона и догма сохраняли господство какъ бы по недоразумѣнію. Могъ ли равняться ея скромный служебный обиходъ съ пышностью Римско-католическаго богослуженія? Или ея немудреные служители съ высокоучеными и свѣтски-ловкими патерами и пасторами? Кромѣ того, широкая волна невѣрія и раціонализма охватила Западъ, захлестывала и лучшіе умы Россіи; мѣры претительныя и строгости цензурныя не достигали своей цѣли, а православной апологетики почти не было.

И вотъ явился Филаретъ Московскій.

Съ умомъ ясности необычайной и со стальнымъ характеромъ онъ не могъ не внушать самаго глубокаго уваженія. И самъ императоръ Николай Павловичъ долгое время въ благопокорливомъ и смиренномъ іерархѣ, по нашимъ понятіямъ даже слишкомъ воскурявшемъ ѡнимиамъ властителю міра сего, видѣлъ себѣ какъ бы соперника, такъ какъ въ немъ чувствовалась несокрушимая мощь воли.

Можно было поучиться у него и мудрости житейской, можно было спросить совѣта: съ изумительною ясностью разбирался онъ въ такъ называемыхъ казусахъ и решалъ самые запутанные вопросы съ простотою необыкновенною.

А въ проповѣдяхъ своихъ онъ раскрывалъ сокровища Православія съ такою полнотою, что передъ ними блѣднѣютъ глубокомысленнѣйшія

апологетическихъ произведенія Западно-Европейскихъ высокоученыхъ прославленныхъ богослововъ.

Наконецъ, самая внѣшность Филарета была необыкновенно изящна, такъ что его иноземные почитатели приписывали ему самое высокое и даже Царственное происхожденіе. Скромный въ своемъ домашнемъ обиходѣ, въ простой ряскѣ и скучеекѣ, онъ въ богослуженіи являлся въ блестаніи золата и каменія честна.

Священнослуженіе Филарета имѣло значеніе, по словамъ очевидцевъ, высоко-художественное: торжественное величие носило отпечатокъ какого-то мистического проникновенія.

Такой человѣкъ не могъ не привлекать вниманія и заставлять задумываться даже легкомысленныхъ людей...

Словомъ, Филаретъ не только своими твореніями, но и своею личностью являлся апологетомъ Православія, и все его полузвѣковое служеніе архиастырское явилось и для Россіи и для всего свѣта свидѣтельствомъ неложнымъ, что Православіе не есть только видъ отживающей вѣры—христіанства, что оно не есть источникъ оцѣненія умствен-наго и слѣпаго изувѣрства,—но ключъ воды животворящей и единственное вѣрное средство къ правильному и прочному домостроительству, какъ общественному, такъ и государственному, такъ какъ оно есть высшее проявленіе въ жизни истинъ богооткровенныхъ, ибо въ основаніи его лежитъ,—Христосъ, Который есть и Путь, и Истина, и Жизнь.

Въ твореніяхъ Филарета и сочиненіяхъ Пушкина почерпаешь отраду и утѣшеніе особенно въ наше лукавое время, и не потому только, что ихъ произведенія сами по себѣ служатъ усладою духовною. Помышляя о томъ народѣ, который создалъ языкъ, какимъ писали они, начинаешь смотрѣть впередъ безъ боязни. Великій народъ съумѣеть выйти на правильный путь и долженъ имѣть великое будущее, лишь бы онъ оставался вѣренъ своему драгоцѣннѣйшему сокровищу: Православію.

Юрій Бартеневъ.

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Устройство его отоплениі*).

Протопресвітеръ Димитрій Новскій съ сакелларіями Петромъ Виноградовымъ и Петромъ Сокольскимъ и соборнымъ старостою Иваномъ Смирновымъ доносили Синодальнай Конторѣ оть 5-го Февраля 1861 года:

Какъ Быковъ въ теченіе почти всего лѣта 1859 г. быль боленъ, а осенью выбыль изъ Москвы и не являлся до осени 1860 г., то входить съ нимъ въ сношеніе мы возможности не имѣли. Между тѣмъ 1) бывшія въ Дмитріевскомъ придѣлѣ не оконченными работы по отоплению въ Октябрѣ 1859 г. были окончены по распоряженію сына Быкова; 2) необходимыя исправленія въ рамахъ и дверяхъ, устроенныхъ для сохраненія теплоты въ соборѣ, произведены были нами на соборную сумму; 3) третій истопникъ оть Быкова быль присланъ, и мы не могли его отвергнуть, чтобы не произошло остановки въ отоплениі; 4) затѣмъ отопление собора производилось во всю зиму подъ наблюденіемъ сына Быкова, которымъ и покупаемы были для сего дрова.

Опять прошедшей зими показалъ, что далеко не было достигнуто то, чтò обѣщано было Быковымъ въ заключенномъ имъ съ Коммиссіею для построенія храма Христа Спасителя контрактѣ по устройству отоплению собора. Ибо: 1) Температура въ соборѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 12 град. тепла, въ теченіе прошедшей зими была обыкновенно оть 7 до 9 градус., выше же 10 градус. восходила только въ великие праздники, когда собиралось очень много народа. 2) Температура въ Петровско-Павловскомъ и Дмитріевскомъ придѣлахъ, находящихся на лѣвой и правой сторонахъ главнаго алтаря, была ниже, нежели въ соборѣ и главномъ алтарѣ, потому что проведенные въ тѣ придѣлы теплопроводныя трубы нисколько не давали тепла, а оно притягиваемо было туда уже изъ собора и главнаго алтаря устроенными тамъ вытяжными трубами. 3) Температура въ помѣщеніяхъ ризницы была не болѣе 5 град., и оть того явилась тамъ сильная течь съ оконъ и стѣнъ, и

*) См. выше стр. 392.

показалась сырость въ нѣкоторыхъ шкафахъ, устроенныхъ для храненія утвари и ризницы, чтѣ и продолжалось до лѣтняго времени. 4) Въ бывшіе прошлой зимой сильные морозы промерзали соборные куполы, покрываясь съ внутренней стороны снѣгомъ, а потомъ давая течь. 5) Иногда проникалъ въ соборъ дымъ и нерѣдко ощущаемъ былъ печной запахъ, и что безъ сомнѣнія, было главной причиной того, что съ того времени, какъ началось отопленіе собора, стѣнное писаніе и позолота на сводахъ, колоннахъ и стѣнахъ, а также и на иконостасахъ, значительно потемнѣли. Наконецъ 6) для отопленія собора, по договору Быкова, во все холодное время года должно выходить лучшихъ березовыхъ четвертныхъ дровъ не болѣе 80 сажень, для удостовѣренія въ чёмъ Быковъ и принялъ на себя отопленіе собора на два года съ тѣмъ, чтобы получать отъ собора только за 80 сажень въ годъ, по справочнымъ цѣнамъ; но въ прошедшую зиму было употреблено имъ на отопленіе собора березовыхъ дровъ, правда, не лучшихъ, а какія случались на рынкахъ, болѣе 200 сажень. Впрочемъ, согласно данному слову при принятіи на себя отопленія собора, онъ за прошедшую зиму не считаетъ себя вправѣ требовать съ собора въ уплату за дрова болѣе того, что причитается за 80 сажень по справочнымъ цѣнамъ, да и разсчета, сколько должно уплатить ему за прошедшую зиму донынѣ не представилъ, а явившись въ концѣ Сентября въ соборъ въ счетъ слѣдующихъ ему денегъ потребовалъ 600 руб. серебр., и мы, соображая, что 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ, по прошлогоднимъ цѣнамъ, стоять никакъ не менѣе 600 руб., деньги сіи ему выдали.

Относительно нынѣшней зимы Быковъ еще прежде чрезъ сына своего увѣрялъ насъ, что въ эту зиму будетъ тепло и сухо не только въ соборѣ, но и въ ризницаѣ, и предварительно требовалъ, чтобы отъ собора была сдѣлана починка дверей, устроенныхъ для сохраненія тепла въ соборѣ, но потомъ разсохшихся, также, чтобы возобновлена была штукатурка около всѣхъ зимнихъ рамъ и замазка всѣхъ стеколь въ рамахъ, чтѣ все нами и исполнено было еще до наступленія холоднаго времени. Въ концѣ Сентября, явившись самъ, онъ потребовалъ дозволить ему пробить отверстіе, въ 20 верш. въ высоту и въ 10 верш. въ ширину, во внутренней стѣнкѣ между ризницѣю и входомъ въ Похвальскій придѣлъ, находящійся подъ юго-восточною главою собора. Какъ по осмотру архитектора къ устроенію сего отверстія никакого препятствія не оказалось, то мы не могли не допустить Быкова къ устроенію того отверстія, и онъ устроилъ его, утвердивъ въ немъ желѣзную решетку. Затѣмъ Быковъ нашелъ нужнымъ передѣлать самыя печи, устроенные подъ Синодальнымъ домомъ для отопленія собора, потому что онъ, какъ оказалось, устроены были безъ фунда-

мента и отъ того съли. Двѣ изъ сихъ печей въ начаѣ Октября были разобраны, а третья оставалась для отопленія собора, отъ чего при наступлѣніи морозовъ температура въ соборѣ понизилась до пяти градусовъ, и какъ въ соборѣ, такъ особенно въ ризницѣ, стала показываться сырость. Но съ половины Ноября, когда стали топиться и двѣ передѣланныя печи, температура въ соборѣ стала постепенно возвышаться, и съ послѣднихъ чиселъ Ноября въ соборѣ и въ среднемъ отдѣленіи алтаря постоянно бываетъ отъ 10 до 12 градусовъ. Въ Петропавловскомъ и Дмитріевскомъ придѣлахъ, хотя температура нѣсколько ниже собора и средняго отдѣленія алтаря, потому что устроенные здѣсь теплопроводныя трубы еще не даютъ тепла, но при настоящей температурѣ въ соборѣ и здѣсь тепла достаточно. Равнымъ образомъ и въ ризницахъ, посредствомъ вышеозначенаго вновь устроенаго отверстія, температура стала уравниваться съ температурою собора и появившаяся въ ней въ началѣ зимы сырость нынѣ исчезла, потому что чрезъ оное отверстіе воздухъ изъ Похвальскаго придѣла, болѣе теплый, нежели въ соборѣ, идетъ въ ризницу, а отсюда, чрезъ входныя рѣшетчатыя двери ризницы, идетъ внизъ.

Такимъ образомъ можно надѣяться, что отопленіе собора въ нынѣшнюю зиму будетъ въ лучшемъ противъ прежняго положенія, особенно, если будетъ достигнуто, что находящіяся въ придѣлахъ теплопроводныя трубы будутъ дѣйствовать, а это, по увѣренію Быкова, производящаго нынѣ отопленіе, будетъ непремѣнно достигнуто. Только по началу зимы можно предполагать, что и нынѣ на отопленіе собора потребуется дровъ не 80, а гораздо болѣе 200 сажень. Когда топилась одна печка, дровъ употреблялось два аршина въ сутки, а когда стали топиться всѣ три печки, дровъ употребляется болѣе двухъ сажень. Для болѣе вѣрнаго дознанія, сколько именно въ теченіе всей зимы употреблено будетъ дровъ на отопленіе собора, истопниками-звонарями каждодневно записывается количество употребленныхъ дровъ, и о количествѣ употребленныхъ въ теченіе всей зимы дровъ, равно и о томъ, будутъ ли въ соборѣ и въ ризницахъ надлежащая теплота и сухость, по окончаніи зимы будетъ донесено Синодальной Конторѣ.

Тѣ же лица отъ 10-го Января 1861 г. доносили Синодальной Конторѣ, что Быковъ представилъ счетъ слѣдующихъ ему за отопленіе собора съ Октября 1858 г. по Апрѣль 1860 года денегъ, и по сему счету требуетъ уплаты за 80 саж. дровъ, полагая круглымъ числомъ за каждую сажень по 18 руб. сер. и за истопника въ теченіе 7 мѣсяцевъ по 12 руб. за каждый мѣсяцъ, всего за дрова и истопника 1524 руб., а за исключеніемъ уплаченныхъ ему 600 руб. 924 рубля.

Часть сихъ денегъ, именно 300 руб. сер., по настоятельному требованиею Быкова, мы уже и выдали ему подъ росписку; а какъ изъ акта освидѣтельствованія работъ по отопленію Успенского собора между прочимъ видно, что Быковъ, для удостовѣренія, что при устроенныхъ имъ печахъ на отопленіе собора во все холодное время года не потребуется болѣе 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ, изъявилъ желаніе отапливать соборъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ, съ платою ему за 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ, длиною въ 11 вершковъ по современнымъ справочнымъ цѣнамъ и по 10 руб. сер. въ мѣсяцъ на истопника, кромѣ поставленныхъ отъ собора истопниковъ: то относительно выдачи Быкову остальныхъ по счету денегъ долгомъ поставляемъ представить на благоразмотрѣніе и распоряженіе Конторы.

Отъ 4-го Мая 1861 г. № 53, тѣ же лица доносили Конторѣ:

Инженеръ-капитанъ Быковъ, производившій устройство отопленія Успенского собора и самое отопленіе оного въ теченіе прошедшихъ двухъ зимъ, представилъ намъ счетъ слѣдующихъ ему денегъ за отопленіе собора въ теченіе истекшей зимы. Въ семь счетъ, полагая сажень дровъ по 12 руб., исчисляетъ онъ за 80 саж. 960 руб., и за истопника за 7-мъ мѣсяцевъ, полагая по 12 руб. въ мѣсяцъ, требуется 84 руб., итого 1044 рубля; а съ исчисленными имъ за отопленіе въ первый годъ 1524-мя рублями, за исключеніемъ выданныхъ ему изъ собора въ разное время 1700 руб., просилъ уплатить ему остальные 868 руб. серебр.; въ доказательство же справедливости назначенной имъ цѣны за лучшія дрова по 18 рублей среднимъ числомъ за сажень въ первую зиму и по 12 руб. за послѣднюю зиму, представилъ свидѣтельство, полученное имъ отъ правителя канцеляріи при Комиссіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя; изъ сего свидѣтельства видно, что при составленіи проекта для устройства отопленія собора дѣйствительно предполагалось нужнымъ для отопленія собора въ годъ 6000 пудовъ сухихъ березовыхъ дровъ, или 80 саж., полагая въсѣ сажени въ 75 пудовъ.

Представляя означенный счетъ и свидѣтельство на начальственное благоразмотрѣніе Конторы Свят. Синода, долгомъ поставляемъ донести, что: 1) При представлении послѣдняго счета, кромѣ выданныхъ Быкову въ разныя времена 1700 руб., по настоятельному его требованію, выдано нами ему еще 300 руб. съ роспискою подъ тѣмъ же счетомъ, и потому за два года отопленія уплачено ему до нынѣ 2000 руб.. 2) Назначенная Быковымъ за послѣднюю зиму цѣна дровъ по 12 руб. за сажень, по нашему мнѣнію, умѣренна, потому что въ послѣднюю зиму дрова были дороже, нежели въ предшествовавшую, за исключеніемъ

конца той зимы, когда подвозъ дровъ на рынки, по причинѣ глубокаго снѣга, и испортившайся дороги, сдѣлался весьма затруднительнымъ; въ это время лучшія дрова продавались двѣйствительно дороже 20 руб.; но это время было не долѣе полутора мѣсяца, а Быковъ за всю предшествовавшую зиму назначилъ круглымъ числомъ по 18 руб. за сажень. 3) Во всю послѣднюю зиму количество употреблявшихся на отопленіе собора дровъ каждодневно было записываемо истопниками изъ звонарей, и по сей запискѣ оказывается, что въ теченіе всей зимы употреблено было на отопленіе собора дровъ 293 саж., но дрова покупаемы были не лучшія, а посредственныя. 4) Температура въ соборѣ въ теченіе той же зимы, хотя не часто достигала до условленного количества 12 град., когда не было въ соборѣ много богохульцевъ, но кромѣ начала зимы, когда перекладывались печи, о чёмъ объяснено было нами въ донесеніи отъ 5-го Декабря 1860 г. № 187, тепла было вообще достаточно,—именно иногда отъ 8, а большою частію отъ 9 до 11 град.; равно и въ ризницахъ, послѣ устроенія отверстія для проведенія въ оную воздуха, изъ Похвальского придѣла, о чёмъ также объяснено было нами въ томъ же донесеніи за № 187, было и тепла достаточно и сухо. Но 5) въ Петропавловскомъ и Дмитріевскомъ придѣлахъ теплопроводныя трубы опять тепла не давали, и отъ того въ сихъ придѣлахъ температура была не вполнѣ достаточна. Быковъ, для того, чтобы пустить въ сіи трубы тепло, предполагалъ въ коридорѣ при печахъ устроить желѣзную стѣнку, но это остается еще не исполненнымъ. 6) Изъ устроенныхъ для отопленія собора подъ Синодальнымъ домомъ трехъ печей двѣ, болѣе повредившіяся, какъ объяснено было нами въ вышеозначенномъ донесеніи, Быковымъ въ Октябрѣ 1860 г., были разобраны и, по утвержденіи подъ ними фундамента, вновь сложены, и потому нынѣ находятся въ прочномъ видѣ, но третья изъ нихъ требуетъ еще передѣлки, чтѣ Быковъ и почитаетъ себя обязаннѣмъ сдѣлать; равнымъ образомъ на немъ же лежитъ обязанность задѣлать отверстіе въ вытяжной трубѣ при выходѣ ея изъ подъ земли при Синодальномъ домѣ, которое нынѣ только закрыто желѣзнымъ листомъ и засыпано землею. Быковъ обѣщає и это сдѣлать, какъ слѣдуєтъ, но изъявляетъ надежду, что изъ-за означенныхъ, требующихся со стороны его исправленій, уплата слѣдующихъ ему денегъ не будетъ остановлена. Наконецъ 7) долгомъ поставляемъ представить въ начальственное вниманіе Конторы Св. Синода, что, по случаю прекращающейся нынѣ со стороны Быкова обязанности отапливать соборъ, мы имѣли надобность въ подробномъ отъ него наставленіи относительно отопленія; и какъ печи устроены по изобрѣтенному имъ самимъ и, по собственному его увѣренію, никому неизвѣстному способу: то

просимъ, чтобы, въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій въ печахъ, или въ случаѣ другихъ какихъ либо затрудненій, намъ предоставлено было право обращаться къ нему, Быкову, съ надеждою, что онъ не откажеть намъ въ потребныхъ для насъ указаніяхъ.

Протопр. Д. Новскимъ было представлено въ Контору отъ 9-го Октября 1861 г. за № 164 слѣдующее донесеніе.

Указами Синод. Конторы отъ 5-го Іюня 1861 г. за № 566, предписано мнѣ войти въ сношеніе съ производившимъ устройство отопленія Успенского собора инженеромъ-капитаномъ Быковымъ и просить его, 1) чтобы, не пропуская лѣтняго времени, были исполнены зависящія отъ него по устройству отопленія исправленія; 2) просить также о сообщеніи свѣдѣнія, почему условіе контракта,—что для отопленія собора во всее холодное время потребуется не болѣе 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковой длины,—до нынѣ далеко не достигало исполненія, и можно ли надѣяться, что впередъ, хотя въ среднія зимы, при условленномъ количествѣ дровъ, достаточно будетъ и условленного количества; и 3) какъ печи для отопленія собора устроены Быковымъ по изобрѣтенному имъ самимъ и никому другому неизвѣстному способу, и топка оныхъ до нынѣ производилась подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ: то, по случаю прекращающейся нынѣ со стороны его, Быкова, обязанности отапливать соборъ, просить его, чтобы въ руководство на будущее время дано было имъ подробное наставленіе относительно отопленія, и также, чтобы, въ случаѣ могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, дозволено было обращаться къ нему для полученія нужныхъ указаний.

По принятой Быковымъ обязанности въ теченіе двухъ лѣтъ отапливать соборъ и производить ремонтныя исправленія въ устроенныхъ имъ печахъ, онъ самъ признавалъ себя обязаннымъ исполнить слѣдующее: 1) перекласть одну изъ печей, которую, по оказавшимся въ ней поврежденіямъ отъ непрочности фундамента, еще въ прошломъ году вмѣстѣ съ другими двумя предполагалось перекласть, но которая, по позднему времени, осталась тогда не перекладеною и нынѣ не можетъ топиться безъ перекладки; 2) въ тепломъ коридорѣ при печахъ сдѣлать поперечную стѣнку изъ листового желѣза, нужную, по признанію самого Быкова, для того, чтобы пустить тепло въ теплопроводныя трубы, идущія отъ печей въ разныя отдѣленія алтаря, такъ какъ сіи трубы до нынѣ тепла не давали, и тепло въ алтарь привлекалось уже изъ собора вытяжною трубою; и 3) сдѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, оставленное въ вытяжной трубѣ при выходѣ ея изъ-подъ земли

у Синодального дома, которое только на время закрыто было желѣзнымъ листомъ и засыпано землею, но остается въ семь положеній и до нынѣ.

Означенный указъ, съ изъясненіемъ всего вышеозначенаго, по случаю болѣзни самого Быкова, я тогда же читалъ сыну его, Александру Быкову, при выдачѣ ему изъ собора, согласно тому же указу, послѣднихъ причитавшихся Быкову за двухлѣтнее отопленіе собора денегъ; и помянутый сынъ его тогда увѣрилъ меня отъ имени своего отца, что, такъ какъ онъ лично его высокопреосвященству, митрополиту Московскому, далъ слово исполнить благовременно все, что нужно по устройству отопленія, то и не преминеть все это исполнить, не пропуская лѣтняго времени. Но лѣтомъ Быковъ отправился въ С.-Петербургъ и въ Августѣ мѣсяцѣ, не видя со стороны его никакихъ распоряженій о производствѣ означенныхъ исправленій, я напоминалъ ему письмомъ, что удобное для производства исправленій время истекаетъ, и просилъ поспѣшить исполненіемъ оныхъ. Не получивъ же на сіе никакого отвѣта, и опять не видя со стороны его никакихъ распоряженій къ производству исправленій, Сентября 12-го дня я призывалъ помянутаго сына его, и, узнавъ отъ него, что отецъ его живетъ еще въ С.-Петербургѣ, и быль боленъ, просилъ его содѣйствія, чтобы неотлагательно было приступлено къ перекладкѣ печи и производству другихъ исправленій; но сынъ его объявилъ, что безъ приказаній отца приступить къ сему дѣлу не можетъ, почему я просилъ его немедленно написать о семъ къ отцу и въ тоже время и самъ опять писаль къ нему, но опять ни отвѣта на сіе никакого я не получалъ, ни работа по производству исправленій до нынѣ не начинается. Между тѣмъ съ 1-го дня—сего Октября наступили уже морозы и надлежало бы начать отопленіе, и оно хотя можетъ производиться посредствомъ двухъ перекладенныхъ осенью прошедшаго года печей, но, при перекладкѣ третьей печи, теплый коридоръ, изъ котораго идетъ тепло въ соборъ, держать тепла не будетъ, и оттого необходимо должна послѣдовать остановка въ отопленіи; если же эта печь останется на зиму безъ перекладки, и не будетъ по ветхости топиться, то при сильныхъ морозахъ соборъ не будетъ достаточно нагреваться; да и поперечная стѣнка, для сбереженія тепла въ соборѣ, необходима; потому что безъ нея, какъ объяснено выше, теплопроводныя трубы въ алтарѣ остаются безъ дѣйствія, и для нагреванія алтаря всегда должна быть открыта вытяжная труба, а она, притягивая тепло изъ собора, уносить его наружу.

О семъ затрудненіи по отопленію собора долгомъ представляю представить на начальственное благоусмотрѣніе Конторы Св. Синода и покорнѣйше просить, дабы благоволено было принять зависящія отъ

оной мѣры какъ къ устраниенію сего затрудненія въ настоящее время, такъ и къ предотвращенію подобныхъ затрудненій на будущее время; ибо если въ три года послѣ устройства печей всѣ онѣ потребовали перекладки, то можно предполагать, что эта надобность встрѣтится и впредь не въ очень продолжительномъ времени; можно ли въ подобныхъ случаяхъ обращаться за указаніями къ кому либо кромѣ Быкова, устроившаго печи по собственно имъ изобрѣтенному способу,—это неизвѣстно, а настоящій опытъ показываетъ, что затрудненія по отопленію собора будутъ неминуемы, если кромѣ его никто не будетъ указанъ, къ кому можно было бы обращаться за руководствомъ въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій по устройству отопленія.

По сему донесенію Конторою положено обратиться отъ лица его высокопреосвященства къ главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями объ изысканіи и указаніи способовъ по успѣшному отопленію собора.

На отношеніе обѣ этомъ былъ полученъ 28-го Ноября 1861 г. слѣдующій отвѣтъ за № 7860:

Ваше высокопреосвященство отъ 12-го минувшаго Октября за № 1052, сообщая мнѣ о неудовлетворительномъ устройствѣ капитаномъ Быковымъ печей въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, изволили просять: обѣ изысканіи и указаніи способа къ устраниенію происходящихъ отъ сего неудобствъ и препятственному отопленію собора и обѣ истребованіи отъ Быкова свѣдѣнія о количествѣ дровъ, какое для отопленія зданія потребуется въ теченіи года, а также и наставлениія по производству самого отопленія. Изъ отношенія сего видно: 1) Быковъ обязывался отапливать соборъ во все зимнее время 80 саженями березовыхъ дровъ лучшаго качества и поддерживать температуру въ соборѣ до 11°, когда нѣтъ стеченія народа. Между тѣмъ на отопку собора въ двѣ первыя зимы 1859, 1860 и 1861 годовъ Быковъ употребилъ въ первую зиму 240, а въ послѣднюю 293 саж. дровъ березовыхъ только не лучшаго качества, при чёмъ температура собора рѣдко возвышалась до 11°, когда не было стеченія народа.

2) Одна изъ трехъ печей, устроенныхъ Быковымъ, не можетъ топиться по оказавшимся въ ней поврежденіямъ; Быковъ, обязанный ее исправить, не смотря на неоднократныя требованія, этого не исполнилъ.

3) Быковъ хотя и предполагалъ для болѣе равномѣрнаго отопленія двухъ придѣловъ, устроенныхъ въ алтарѣ, направить къ онѣмъ тепло, посредствомъ особой желѣзной стѣнки и задѣвать надлежащимъ образомъ отверстіе, находящееся въ вытяжной трубѣ, которое только вре-

менно закрыто желѣзнымъ листомъ и засыпано землею, но по нынѣ этого не исполнить.

4) Въ отоплениі собора на будущее время могутъ возникнуть затрудненія, если кромѣ Быкова нельзя будетъ ни къ кому другому обращаться для исправленія поврежденій въ печахъ, коихъ устройство извѣстно одному лишь Быкову.

Согласно желанію вашего высокопреосвященства, изложенному въ этомъ отзывѣ, я поручилъ инженеру г.-майору барону Дельвигу осмотрѣть печи собора совмѣстно съ наблюдавшимъ за постройкой оныхъ архитекторомъ Каминскимъ.

Во исполненіе чего баронъ Дельвигъ донесъ намъ слѣдующее:

1) Температура въ соборѣ всѣми признается достаточна. Недостаточная нѣсколько температура въ придѣлахъ, внутри алтаря, можетъ быть повышена устройствомъ, предположеннымъ Быковымъ, и этимъ нѣсколько уменьшится количество топлива, употребляемаго доселѣ въ большей мѣрѣ противу предназначенаго Быковымъ. Впрочемъ очень вѣроятно, что всѣ другія, предположенные для Успенского собора печи, гораздо болѣе дорогія, чѣмъ печи, устроенные Быковымъ и требовавшія разныхъ передѣлокъ въ соборѣ, употребляли бы еще большее количество топлива, при чемъ температура въ соборѣ могла бы не достигать и 11° .

Быкову принадлежитъ заслуга отопки Успенского собора съ уничтоженіемъ сырости безъ поврежденія живописи, не смотря на то, что отопка началась 22-го Декабря, когда внутри собора было 2° мороза, и всѣ стѣны и куполь онаго покрыты были инеемъ, а также безъ всякихъ передѣлокъ и измѣненій въ соборѣ. Успѣхъ сей, весьма важный для всякаго храма, а въ особенности для Успенского собора, едва ли могъ бы быть достигнутъ при устройствѣ другаго рода печей.

2) Въ одной изъ устроенныхъ Быковымъ печей дѣйствительно выкрошился топочный сводъ, исправленіе его обязанъ сдѣлать Быковъ: и за эту работу лучшій печникъ въ Москвѣ просить 50 руб., большаго же поврежденія въ этой печи не замѣчено.

3) Устройство для улучшенія отопленія придѣлонъ въ алтарѣ Быковъ обязанъ тоже произвести на свой счетъ.

Что же касается до затрудненій въ исправленіи печей, устроенныхъ по способу, извѣстному одному Быкову, и въ отоплениі ихъ, то баронъ Дельвигъ не полагаетъ ихъ затруднительными, такъ какъ исправленіе построенныхъ печей, ничего въ нихъ неизмѣнія, можетъ быть произведено каждымъ хорошимъ печникомъ, подъ наблюденіемъ

архитектора; а отопление производилось уже два года, такъ что слу-жители, состоящіе при соборѣ, должны были къ нему приспособиться. Впрочемъ, конечно, было бы неизлишнимъ имѣть на этотъ счетъ на-ставленіе отъ Быкова, которое онъ могъ бы передать особому архи-тектору, избранному для постояннаго наблюденія за этими печами.

За симъ о всѣхъ недостаткахъ въ отоплениі Успенскаго собора, какъ сообщенныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ, такъ и найден-ныхъ генераль-майоромъ барономъ Дельвигомъ при осмотрѣ печей, капитанъ Быковъ представилъ слѣдующія объясненія:

1) По условію назначалось на отоплениѣ собора въ теченіе зимняго времени 80 саж. однополѣнныхъ 11-ти вершковыхъ березовыхъ дровъ наилучшаго качества; при этомъ имѣлся въ виду средній разсчетъ, соотвѣтствующій зимѣ средней суровости. При возложеніи на него обязанности производить отоплениѣ въ теченіи двухъ прошедшихъ зимъ, было расходуемо, сколько онъ помнить, 170 саж. дровъ обыкновенныхъ рыночныхъ, низкаго качества, при чёмъ послѣдняя зима была необыкно-венно сурова, ибо морозы, постоянно сильные, доходили даже до 36°.

2) Температура воздуха въ двухъ боковыхъ отдѣленіяхъ алтаря необходимо должна быть нѣсколько ниже, чѣмъ въ церкви; это неболь-шое различіе существуетъ во всѣхъ церквяхъ, гдѣ устроено отоплениѣ системы Быкова. Если эта температура оказывается недостаточною, необходимо принять мѣры для ея возвышенія. Устройство желѣзной перегородки въ теплопроводѣ никогда не предполагалось и ни къ чему не поведеть; по этому мыслу обѣ устройствѣ этой стѣнки должна быть совершенно оставлена, а тѣмъ болѣе предположеніе о закрытіи вытяж-ной трубы, которое было бы положительно вредно для собора, какъ влекущее за собою неизбѣжную сырость въ зданіи. Закрытіе даже временное отверстія сей трубы желѣзнымъ листомъ и засыпка его землею было бы ошибочное. Напротивъ, отверстіе вытяжной трубы должно быть всегда открыто въ пустой церкви въ той мѣрѣ, какъ указано было Быковымъ, а при наполненіи народомъ открыто вполнѣ. Возвысить же температуру въ отдѣленіяхъ алтаря Быковъ полагаетъ увеличеніемъ входнаго отверстія или возврата въ вытяжную трубу. Передѣлка эта будетъ имъ сдѣлана тотчасъ по прибытіи въ Москву, куда онъ полагаетъ возвратиться въ непродолжительномъ времени.

3) Передѣлку поврежденнаго топочнаго свода въ одной изъ печей онъ теперь же прикажетъ произвести сыну своему; но необходимо, чтобы начальство собора допустило его къ этой работѣ, не ожидая возвращенія самого Быкова.

4) Наставлениe о топкѣ печей дано будетъ Быковымъ непремѣнно по возвращеніи въ Москву.

Протопресвитер съ сакелларіями и соборнымъ старостою, 18 Января 1862 г. за № 13, представилъ въ Синод. Контору слѣдующее объясненіе противъ донесенія г.-маіора барона Дельвига и объясненія капитана Быкова по дѣлу объ остающихся неисполненными нѣкоторыхъ обязательствахъ со стороны Быкова по устройству отопленія собора.

1) Въ донесеніяхъ Конторъ Св. Синода 5 Декабря 1860 г., 4 Мая и 9 Октября 1861 г. г. мы между прочимъ изъяснили, что при началѣ зимы 1860—1861 г. Быковъ нашелъ нужнымъ передѣлать печи, устроенные имъ для отопленія собора, потому что онъ, какъ оказалось, были устроены безъ фундамента и отъ того повредились,—что двѣ изъ нихъ въ началѣ Октября 1860 г. были имъ, Быковымъ, разобраны, и, по утвержденіи фундамента, сложены вновь, третья же осталась не передѣланною, и хотя въ эту зиму могла топиться, но въ слѣдующую зиму 1861—1862 г. безъ передѣлки топиться не можетъ,—что Быковъ обѣщалъ и эту печь передѣлать, но къ зимѣ 1861—1862 г. она осталась не передѣланною и топиться не можетъ. Г.-майоръ баронъ Дельвигъ, по осмотрѣ этой печи съ архитекторомъ Каминскимъ, наблюдавшимъ за постройкой печей, донесъ, что въ ней дѣйствительно выкрошился топочный сводъ, большаго же поврежденія въ ней не замѣчено. Быковъ по этому предмету объяснилъ, что онъ теперь же прикажетъ сыну своему произвести передѣлку топочнаго свода, и вслѣдствіе сего въ первыхъ числахъ Декабря подъ наблюдениемъ сына Быкова топочный сводъ въ этой печи передѣланъ, и съ того времени начала она топиться.

Не имѣя техническихъ свѣдѣній, особенно не имѣя возможности знать, въ твердомъ ли состояніи находятся многія, по системѣ Быкова устроенные внутреннія перегородки означенной печи, и проченъ ли у нея фундаментъ, или она утверждена такъ же не прочно, какъ оказались двѣ другія, мы не можемъ утверждать, вся ли эта печь требовала передѣлки, или нужно было передѣлать только топочный сводъ; но вѣрно то, что Быковъ предполагалъ и обѣщалъ и эту третью печь перекласть всю, какъ перекладены были двѣ первыя. Только тогда, какъ дошло до свѣдѣнія Быкова, что Конторою Св. Синода предполагается не разрѣшать выдачу послѣднихъ причитавшихся ему за отопленіе собора денегъ, пока не перекладена будетъ печь, и не исполнены будутъ другія исправленія, сынъ Быкова объявилъ протопресвитеру, что, еслидержаны будутъ послѣднія деньги, отецъ его не будетъ перекладывать печи, а исправить только сводъ, хотя лучше бы было перекласть ее всю, и хотя отецъ его хотѣлъ и обѣщалъ это сдѣлать. Почему

протопресвитеръ, по званію члена Конторы Св. Синода, и содѣйствовалъ, чтобы разрѣшено было выдать послѣднія деньги Быкову прежде перекладки печи, и Конторою Св. Синода это было разрѣшено и вмѣсть съ симъ поручено было протопресвитеру просить Быкова, чтобы, не пропуская лѣтняго времени, произведена была имъ передѣлка печи и исполнены были другія исправленія по устройству отопленія. Это рѣшеніе Конторы было объявлено сыну Быкова, при полученіи имъ послѣдніхъ денегъ, и онъ тогда увѣрялъ, что не сводъ только, а вся печь перекладена будетъ своевременно. Теперь, послѣ столь долгихъ переговоровъ объ этой печи, дѣло кончилось перекладкою топочного свода, исполненною въ полторы сутки при самыхъ незначительныхъ на это расходахъ. Но послѣ всего сказаннаго позволительно усомниться въ прочности этой печи, тѣмъ болѣе, что одна сторона оной, съ которой производится топка, имѣть явные признаки, что она осѣлась, и если бы истопники не замазывали часто являющіяся на ней трещины, то она стала бы давать дымъ.

2) Въ тѣхъ же донесеніяхъ Конторѣ Св. Синода мы изъясняли, что устроенные въ разныхъ отдѣленіяхъ алтаря теплопроводныя трубы тепла не даютъ, и для того температура въ придѣлахъ собора недостаточна,—что Быковъ, чтобы пустить въ сіи трубы тепло, предполагалъ раздѣлить коридоръ при печахъ стѣнкою изъ листового желѣза, но это остается не исполненнымъ. Г.-маиоръ баронъ Дельвигъ и самъ Быковъ признаютъ нужнымъ принять мѣры для возвышенія температуры въ придѣлахъ, но Быковъ объяснилъ, что устройство желѣзной перегородки въ теплопроводѣ никогда не предполагалось, и ни къ чему не поведеть; поэтому мысль объ устройствѣ стѣнки должна быть совершенно оставлена; возвысить же температуру въ отдѣленіяхъ алтаря онъ полагаетъ увеличеніемъ входнаго отверстія изъ возврата въ вытяжную трубу, что и обѣщаетъ исполнить по прибытии въ Москву.

Мы съ своей стороны никакъ не принимаемъ на себя и разсуждать, что должно быть сдѣлано для возвышенія температуры въ придѣлахъ, и намъ никакъ не могла бы прийти мысль объ устройствѣ въ теплопроводѣ желѣзной стѣнки, которую теперь Быковъ совершенно оставляетъ, если бы отъ него же, отъ Быкова, чрезъ сына его не слышали мы о предположеніи устроить эту стѣнку, такъ какъ до сихъ поръ не могъ намъ прийти на мысль и теперь предполагаемый Быковымъ способъ увеличенія температуры въ придѣлахъ. Но дѣло въ томъ, что нынѣ уже третья зима послѣ устройства собора теплымъ, а трубы, устроенные для проведения тепла въ отдѣленія алтаря, никакого дѣствія не имѣютъ; въ подземной трубѣ, въ которой сходятся всѣ оныя

трубы, сдѣлалось сыро, алтарь нагрѣвается только вытяжной трубой, привлекающею теплый воздухъ изъ собора и выносящею его наружу, чрезъ что сильно утрачивается теплота въ соборѣ, въ придѣлахъ, и особенно въ Дмитріевскомъ, гдѣ обыкновенно дожидается опредѣленного времени, облачается и разоблачается старшее духовенство столицы, собирающееся въ соборъ во всѣ торжественные дни, почти всегда бываетъ холодно и сыро, между тѣмъ для приведенія всего этого въ лучшее положеніе Быковымъ до сего времени ничего не предпринимается.

3) Въ тѣхъ же донесеніяхъ Конторѣ Св. Синода мы объясняли о необходимости задѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, имѣющеющееся въ подземной трубѣ у синодального дома, гдѣ вытяжная часть ея выходитъ изъ подъ земли, потому что оно только на время закрыто было желѣзнымъ листомъ и засыпано землею, но остается въ семъ положеніи и до нынѣ. Въ донесеніи г.-майора барона Дельвига обѣ этомъ отверстіи ничего не говорится, а Быковъ въ объясненіи своемъ сказанное нами относить къ отверстію вытяжной трубы при окончаніи ея вверху надъ синодальнымъ домомъ и доказываетъ, что даже временное закрытіе сего отверстія желѣзнымъ листомъ и засыпка его землею было бы ошибочно и вредно.

Но обѣ отверстіи, которое имѣетъ вытяжная труба вверху и которая открывается и закрывается въ указанной Быковымъ мѣрѣ особо устроеннымъ для сего способомъ, мы говорили, и говорили на основаніи акта освидѣтельствованія собора, только то, что оно для сбереженія тепла въ соборѣ могло бы не всегда и въ меньшей мѣрѣ оставаться открытымъ, если бы алтарь нагрѣвался не одною вытяжною трубою, какъ теперь, а преимущественно устроеными для сего въ немъ теплонпроводными трубами, нынѣ не дѣйствующими; нужнымъ же признавали, а теперь признаемъ, задѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, имѣющеющееся подъ землею въ проходящій отъ алтаря къ синодальному дому трубѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытяжная труба выходитъ изъ подъ земли, то есть, ближе стѣны синодального дома. Здѣсь труба оставлена была не конченна для того, чтобы окончательные работы, при выходѣ трубы въ алтарѣ, производились не чрезъ алтарь, а чрезъ трубу; это отверстіе, служившее лазею для рабочихъ, при начатіи отопленія не было задѣлано, какъ слѣдуетъ, а только было закрыто желѣзнымъ листомъ съ войлокомъ и засыпано землею, вѣроятно потому, что предполагалась еще надобность проходить трубою, чтобы что-либо осмотрѣть и поправить въ вѣтвяхъ этой трубы, выходящихъ въ алтарь, но въ этомъ положеніи остается и до нынѣ, и мѣсто, подъ которымъ

оно находится, до нынѣ не вымощено камнемъ. Задѣлать надлежащимъ образомъ это отверстіе нужно потому, что чрезъ него и нынѣ, по разрытии у синодального дома земли, безъ труда можно пройти въ алтарь собора. Изъ словъ Быкова по сему предмету можно заключить, что онъ о существованіи этого отверстія даже не знаетъ, но сыну его неоднократно было говорено о необходимости задѣлать это отверстіе, и онъ отъ имени отца обѣщалъ, что оно будетъ задѣлано надлежащимъ образомъ.

4) Относительно температуры собора въ донесеніи отъ 5 Декабря 1860 г. мы изъяснили, что въ первую зиму послѣ устроенія собора теплымъ и послѣ принятія Быковымъ на себя обязанности отапливать соборъ, т. е. въ зиму 1859—1860 г., далеко не было достигнуто что обѣщано было Быковымъ, ибо температура въ соборѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 12-ти градусовъ, была большею частію отъ 7-ми до 9 градусовъ, а въ придѣлахъ и ризницахъ не болѣе пяти градусовъ, и отъ того въ ризницахъ явилась сильная течь съ оконъ и стѣнъ и сырость въ шкафахъ, въ болѣе сильные морозы промерзали соборные куполы, покрываясь съ восточной стороны снѣгомъ и потомъ давая течь, въ соборѣ отъ печей нерѣдко проникалъ дымъ, и это, безъ сомнѣнія, было причиной, что съ того времени, какъ началось отопленіе собора, стѣнное писаніе въ соборѣ и позолота на иконостасахъ значительно потемнѣли. Въ томъ же донесеніи о началѣ слѣдующей зимы 1861—1862 г. мы объясняли, что пока не перекладывались двѣ печи и соборъ отапливался только одною, температура въ соборѣ была около 5 градусовъ, и какъ въ соборѣ, такъ и особенно въ ризницахъ, стала показываться сырость; но съ половины Ноября, когда стали топиться и двѣ перекладенные печи, температура стала постепенно возвышаться и къ 5 Декабря усиленною топкою возвышена была до условленной степени. А какъ вмѣстѣ съ симъ Быковымъ для уравненія температуры собора съ температурою ризницы пробито было отверстіе въ стѣнѣ между ризницей и входомъ въ Похвальскій придѣлъ, то при возвышеніи температуры въ соборѣ сдѣлалось и въ ризницахъ тепло и сухо. Послѣ 6 Декабря температура въ соборѣ хотя и понизилась, но нѣсколько времени продолжала быть не менѣе 9 град. и къ 25 Декабря усиленною топкою опять возвышена была до 11 градусовъ, но за тѣмъ, при наступившихъ сильныхъ морозахъ и усиленною топкою не могла быть возвышена болѣе 8 град. Впрочемъ, собственно для собора температура въ эту зиму, какъ объясняли мы въ донесеніи отъ 4 Мая 1861 г., была еще достаточна; въ придѣлахъ же температура была неудовлетворительна, и соборные куполы въ сильные морозы опять промерзали, покрываясь съ внутренней стороны снѣгомъ.

Таково же состояніе температуры въ соборѣ и въ настоящую зиму. Въ ведущейся по отопленію собора каждодневной записи видно, что 20 Октября, когда г.-майоръ баронъ Дельвигъ и архитекторъ Каминскій осматривали печи, въ соборѣ было $9\frac{1}{2}$ град., въ алтарѣ $8\frac{3}{4}$, въ Дмитріевскомъ придѣлѣ менѣе 6-ти, наружная температура была тогда отъ 2 до 4 градусовъ тепла, зданіе собора еще не остыло, топили тогда по полусажени въ день лучшихъ березовыхъ дровъ, т. е. такое количество, которое, если полагать круглымъ числомъ на всякий день всего холоднаго времени года, то составится въ годъ около ста сажень. Послѣ 20 Октября, пока наружная температура была въ нѣсколько градусовъ тепла, при топкѣ по полусажени въ день, температура въ соборѣ возвысилась было до $10\frac{1}{2}$ град., но съ наступленіемъ морозовъ, хотя и умѣренныхъ, она упала до 7 градусовъ, хотя стали топить уже по сажени въ день; и только послѣ того, какъ въ первыхъ числахъ Декабря, по распоряженію Быкова, исправлена была третья печь, и на три печи стали употреблять по $1\frac{1}{4}$ и $1\frac{1}{2}$ сажени въ день, температура въ соборѣ возвысилась до $9\frac{1}{2}$ градусовъ, а чтобы къ торжеству 25 Декабря, при умѣренныхъ морозахъ, возвысить ее до 11 градусовъ, надобно было топить по 2 сажени; но и при этой топкѣ 31 Декабря, когда морозъ дошелъ до 25 градусовъ, температура въ соборѣ и алтарѣ упала на 7 град., а въ Дмитріевскомъ придѣлѣ на 4; по сему должно было увеличить суточное количество дровъ до $2\frac{1}{2}$ саж., но при всемъ томъ 6 Января и въ послѣдующіе дни можно было имѣть въ соборѣ и алтарѣ не болѣе 8 град., и показался сиѣгъ не только въ куполахъ, но и на горнемъ мѣстѣ главнаго алтаря, гдѣ въ извѣстное время богослуженія становится служащей архиерей. Въ вѣрности сихъ показаній мы свидѣтельствуемся ведущеюся въ соборѣ каждодневною записью, какъ топлива, такъ и тепла, и всѣми, не только служащими при соборѣ, но и часто посѣщающими соборъ, какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами. Г.-майоръ баронъ Дельвигъ въ донесеніи своемъ, не указывая на степени температуры, бывающей въ соборѣ при разныхъ степеняхъ наружной температуры, говоритъ вообще, что температура въ соборѣ всѣми признается достаточна; недостаточно, и то не вполнѣ, а нѣсколько, признаеть онъ температуру въ придѣлахъ, и полагаетъ, что она можетъ быть возвышена предположеннымъ Быковымъ устройствомъ. Самъ Быковъ въ своемъ объясненіи о температурѣ въ соборѣ вовсе не упоминаетъ, какъ будто вполнѣ достигнуто то, что обѣщаѣтъ онъ и чего достигнуть обязался контрактомъ; признаеть только себя обязаннымъ возвысить температуру въ придѣлахъ и то условно: если эта температура оказывается недостаточною.

Но заключеннымъ съ Быковымъ контрактомъ по устроенію со-

бора теплымъ полагалось, что для поддержанія постоянной въ соборѣ теплоты около 12-ти и въ ризницахъ около 10 град., достаточно будетъ на все холодное время 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ; и послѣ формального освидѣтельствованія устройства отопленія въ Февралѣ 1859 года чрезъ назначенныя для сего лица, въ числѣ коихъ были и баронъ Дельвигъ съ архитекторомъ Каминскимъ, въ составленномъ о томъ актѣ принято было за несомнѣнное, что эта степень теплоты, при употребленіи условленного количества и качества дровъ, будетъ постоянно поддерживаться, и Быкову, для удостовѣренія въ семъ принявшему на себя отопленіе собора въ теченіе двухъ зимъ, поставлено было въ обязанность поддерживать температуру въ соборѣ не менѣе 11 градусовъ. Это обязательство Быкова относительно температуры собора можетъ ли почитаться исполненнымъ, когда трехлѣтній опытъ отопленія собора показываетъ, что и при употребленіи втрѣ большаго противъ условія количества топлива, въ умѣренные морозы температура въ соборѣ бываетъ 8 и 9 градусовъ, въ морозы же около 25 град., даже при употребленіи на отопленіе до $2\frac{1}{2}$ саж. въ сутки, не можетъ выходить выше 8 градусовъ? Да и безъ отношенія къ данному Быковымъ обязательству означенная температура собора, вопреки увѣренію Дельвига, не всѣми признается достаточною. Для богомольцевъ приходящихъ и остающихся въ соборѣ во время службы въ теплой одеждѣ, конечно достаточно 8 и 9 градусовъ. Но для высшаго и старшаго духовенства и для высшихъ сановниковъ столицы, собирающихся въ соборѣ въ торжественные дни, температура въ соборѣ часто оказывается недостаточною, хотя для сихъ дней употребляется особенное стараніе нагрѣть соборъ сколько возможно, и хотя въ теченіе дня температура обыкновенно возвышается отъ стеченія народу. Въ прошедшую зиму, по недостатку тепла въ соборѣ, не только въ нѣкоторые торжественные, не табельные, дни, но и 19 Февраля въ высокоторжественный день Воспііствія на престолъ Государя Императора, соборное служеніе было совершаено не въ соборѣ, а въ Чудовомъ монастырѣ; и въ нынѣшнюю зиму по той же причинѣ Ноября 19 дня, торжественное служеніе по случаю крещенія Великаго князя Михаила Михайловича совершено было также не въ соборѣ, а въ Чудовѣ монастырѣ, а 1 Января, конечно, по опасенію холода, при совершившемся въ соборѣ торжественному служеніи литургіи и молебствія, изъ высшихъ сановниковъ Москвы почти никого не было. Всего же ясноѣ о недостаткѣ тепла въ соборѣ свидѣтельствуетъ появляющійся постоянно въ каждую зиму снѣгъ внутри куполовъ собора, а нынѣ появившійся и на горнемъ мѣстѣ.

5) О количествѣ употребляемыхъ для отопленія собора дровъ мы доносili, что и въ первую зиму 1859—1860 г. употреблено Быко-

вымъ болѣе 200 сажень, а во вторую 1860—1861 г., болѣе жестокую и продолжительную, по точному дознанію, употреблено было болѣе 293 саж. березовыхъ дровъ, только не лучшаго качества. Всѣдѣствіе сего Конторою Св. Синода поручено было протопресвитеру просить Быкова о сообщеніи свѣдѣнія, почему условіе заключеннаго съ нимъ договора относительно количества дровъ до нынѣ не достигало исполненія и можно ли надѣяться, что впредь, хотя въ среднія зимы при условленномъ качествѣ дровъ, достаточно будетъ и условленнаго количества ихъ. Быковъ на этотъ вопросъ не только протопресвитеру не отвѣтствовалъ, но и въ представленномъ г. главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями объясненіи прямаго отвѣта не даетъ; говорить только, что при заключеніи съ нимъ контракта имѣлся въ виду средній разсчетъ, соотвѣтствующій зимѣ средней сировости, послѣдняя же зима была необыкновенно сурова, ибо морозы, постоянно сильные, до 36% (по показанію „Московскихъ Вѣдомостей“ самые сильные морозы 6 и 14 Января 1861 года были въ 31%, а по нормальнымъ термометрамъ на университетской обсерваторіи отъ 32 до 33%). Дровъ же обыкновенныхъ рыночныхъ низкаго качества было имъ, Быковымъ, расходуемо, сколько онъ помнить, до 170 саженъ.

О количествѣ дровъ, употребленныхъ Быковымъ въ первую зиму, точныхъ свѣдѣній и мы не имѣемъ, но сынъ Быкова, который за-вѣдалъ покупкою дровъ, говорилъ, что имъ въ одну зиму было куплено, сколько онъ помнить, 217 саженъ, да заготовленныхъ отъ собора было имъ принято и употреблено 15 саж.; поэтому нами и донесено было неопределенно, что вышло болѣе 200 саженъ. О количествѣ же дровъ, употребленныхъ во вторую зиму, нами занесено было на основаніи двухъ записей, изъ коихъ въ первой записывалась складка по-купаемыхъ дровъ, при чемъ всегда были звонари, исправляющіе должностъ истопниковъ, а во второй, которая сохраняется и до нынѣ, за-писывалось каждодневно съ точностію количество сожигаемыхъ дровъ. Изъ сей послѣдней записи видно, что соборныя печи въ послѣднюю зиму топились со 2 Октября 1860 г. по 22 Апрѣля 1861 г. включительно, всего, за пропускомъ трехъ дней (16, 20 и 21 Апрѣля), 200 дней; съ начала зимы по 13 Ноября, по случаю перекладки двухъ печей, то-пилась одна печь и употреблялось дровъ $\frac{2}{3}$ сажени въ сутки; въ по-слѣдующіе пять дней, когда просушивались перекладенные печи, упо-треблялось въ сутки отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сажени, а по просушкѣ печей, по усилившимся морозамъ съ 19 Ноября по 19 Февраля, за исключеніемъ немногихъ дней, употреблялось отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ саж., изъ числа же ос-тальныхъ 59 дней, въ 16 употреблялось болѣе сажени, въ восемь ровно по сажени, и въ 35 менѣе сажени, но болѣе двухъ аршинъ. Вѣрность

сей записи доказывается и тѣмъ, что выше сказано нами о количествѣ дровъ, употребляемыхъ въ сутки въ нынѣшнюю зиму при различныхъ степеняхъ мороза, а эта запись показываетъ, что во вторую зиму употреблено дровъ всего 298 саж., 26 вершковъ. Но какъ мѣра дровъ въ этой записи показывалась уже послѣ расколки оныхъ, то въ донесеніи нашемъ показано не это количество, а 293 саж., сколько ихъ записано въ покупкѣ и складкѣ. Что дѣйствительно такое количество дровъ куплено и употреблено было для отопленія собора, это подтверждалъ и сынъ Быкова, распоряжавшійся отопленіемъ собора и покупкою дровъ, когда показываема была ему запись употребленныхъ и запись купленныхъ дровъ; а каждогодно употреблять такое количество дровъ для собора обременительно, и средства собора впослѣдствіи могутъ оказаться для сего недостаточными.

6) Въ донесеніи отъ 4 мая 1861 г. мы, между прочимъ, представляли во вниманіе Конторы Св. Синода, что по случаю прекращающейся со стороны Быкова обязанности отапливать соборъ, мы имѣемъ надобность въ подробнѣ отъ него наставлѣніи относительно отопленія; и какъ печи устроены по изобрѣтенному имъ самимъ и никому другому неизвѣстному способу: то просили мы, чтобы, въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій въ печахъ, или въ случаѣ другихъ какихъ либо затрудненій, намъ предоставлено было право обращаться къ нему, Быкову, съ надеждою, что онъ не откажеть въ подобныхъ указаніяхъ. Въ донесеніи барона Дельвига по сему предмету говорится, что отопленіе производилось уже два года, такъ что служители, состоящіе при соборѣ, должны были къ нему приспособиться; изъ чего должно заключить, что просимое нами отъ Быкова наставлѣніе относительно отопленія, по мнѣнію барона Дельвига, не нужно. Но какъ отопленіе собора до нынѣшней зимы производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сына Быкова, и поставленъ былъ отъ Быкова особый истопникъ съ производствомъ ему отъ собора жалованья, поставленные же отъ собора два истопника изъ звонарей были только исполнителями ихъ приказаний, слѣдственно только собственнымъ соображеніемъ могли доходить, какъ въ какомъ случаѣ слѣдуетъ поступать, а при такомъ положеніи могли и не узнать многаго, что нужно, притомъ одинъ изъ нихъ уже умеръ, да и другаго можетъ встрѣтиться надобно перемѣнить: то имѣть при соборѣ наставлѣніе относительно производства отопленія и обращенія съ печами мы признаемъ нужнымъ. Самъ Быковъ въ своемъ объясненіи говорить, что требуемое наставлѣніе дано будетъ имъ непремѣнно по возвращеніи въ Москву, слѣдственно признаетъ это наставлѣніе нужнымъ: но половина зимы уже прошла, а нужное наставлѣніе не приходить. Относительно того, можно ли бу-

деть обращаться къ нему, Быкову, за полученiemъ нужныхъ указаний въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій по устройству отопленія, онъ ничего не говорить, но и просить его теперь слѣдуетъ не обѣ этомъ, а о приведеніи въ настоящее положеніе того, къ исполненію чего обязанъ онъ заключеннымъ съ нимъ договоромъ.

Наконецъ 7) донесенiemъ отъ 9 Октября 1861 года, доводя до свѣдѣнія Конторы Св. Синода, что Быковъ, не смотря на неоднократныя отъ протопресвитера просьбы какъ словесныя, чрезъ—сына его, такъ и письменныя, къ производству зависящихъ отъ него исправлений, къ устройству отопленія, не приступаетъ, протопресвитеръ представлялъ во вниманіе начальства, что подобного рода затрудненія будутъ неизбѣжны, если, кромѣ Быкова, ни къ кому другому не можно будетъ обращаться для полученія указаний по устройству отопленія, и просилъ обѣ изысканіи способовъ къ устраненію сихъ затрудненій. Но исхода изъ сихъ затрудненій не представляется и теперь. Извъ всего, что для безпрепятственного и болѣе успѣшнаго отопленія собора обязанъ былъ благовременно сдѣлать Быковъ къ нынѣшней зимѣ, сдѣлано только то, что печь, не могшая по ветхости топиться, исправлена на скорую руку, и то уже въ Декабрѣ, когда стали усиливаться морозы, послѣ неоднократныхъ о томъ просьбъ, дѣланныхъ по порученію Конторы Св. Синода, да и не по вниманію къ симъ просьбамъ, а вслѣдствіе сношенія его высокопреосвященства, митрополита Московскаго, съ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Для возвышенія температуры въ придѣлахъ собора и баронъ Дельвигъ и сынъ Быкова признаютъ нужнымъ принять мѣры, но мѣры для сего Быковъ предполагалъ принять еще предъ прошедшою зимою, между тѣмъ ничего не предпринимается и въ настоящую зиму, и, можетъ быть, ничего не будетъ сдѣлано и на будущую зиму. Для возвышенія температуры въ соборѣ Быковъ ничего и не обѣщаетъ предпринимать, хотя она много ниже условленной; но появляющійся каждогодно снѣгъ въ куполахъ, и потомъ дающій течь, не можетъ не обращать на себя заботливаго вниманія; и вѣроятно могутъ быть изысканы и предприняты средства къ устраниенію сего важнаго недостатка по отопленію собора. Печь, которую Быковъ предполагалъ перекласть всю, но въ которой нынѣ перекладенъ только топочный сводъ, по окончаніи нынѣшней зимы непремѣнно потребуетъ перекладки. Баронъ Дельвигъ исправленіе устроенныхъ Быковымъ печей не находитъ затруднительнымъ, говоря, что исправленіе печей, ничего въ нихъ не измѣняя, можетъ быть произведено каждымъ хорошимъ печникомъ подъ наблюденіемъ архитектора. Но печникъ можетъ взяться и испортить, а архитекторъ безъ предписанія начальства едвали и согласится взяться за дѣло, которое произ-

ведено по новому, изобрѣтенному самимъ Быковымъ, способу, и исполненіе котораго поручено Быкову съ высочайшаго разрѣшенія. Впрочемъ и баронъ Дельвигъ въ заключеніи своего донесенія говоритъ, что было бы излишнимъ имѣть на этотъ счетъ наставленіе отъ Быкова, которое онъ могъ бы передать особому архитектору, избранному для постояннаго наблюденія за этими печами. Мы же съ своей стороны, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, не только находимъ не излишнимъ, но признаемъ необходимымъ, чтобы избранъ былъ особый архитекторъ и назначенъ сперва для приведенія устройства отопленія въ возможно лучшее положеніе, а затѣмъ для постояннаго наблюденія за исправностію этого устройства.

Синодальною Конторою было опредѣлено: 1) списокъ съ объясненій протопресвитера съ сакелларіями и старостою представить митрополиту, а также препроводить къ главноуправляющему путями сообщенія и просить его обратить вниманіе на изложенныя обстоятельства и чтобы, или самому Быкову поставлено было въ обязанность озаботиться неотложнымъ приведенiemъ устройства отопленія собора въ положеніе, болѣе соотвѣтственное заключенному съ нимъ договору, или же быть избранъ и назначенъ особый архитекторъ; 2) списокъ тѣхъ же объясненій препроводить оберъ-прокурору свят. Синода.

Въ отвѣтъ на отношеніе митрополита главноуправляющій путями сообщенія и публичн. зданіями отъ 22-го Февраля 1862 г. за № 1250 писалъ:

Ваше высокопреосвященство отъ 26-го минувшаго Января № 103, сообщивъ мнѣ, что въ донесеніи инженерагенераль-маюра барона Дельвига и въ объясненіи капитана Быкова относительно отопленія Московскаго Успенскаго собора, о которыхъ я увѣдомлялъ васъ отъ 28-го Ноября 1861 г. № 7860, многое оказалось несходно съ тѣмъ, что видно изъ донесеній протопресвитера собора и сакелларіевъ съ церковнымъ старостою, и о чёмъ изложено было въ отзывѣ вашего высокопреосвященства ко мнѣ отъ 10-го Октября 1861 г. № 1052, изволите просить распоряженія, чтобы Быкову поставлено было въ обязанность озаботиться неотложнымъ приведенiemъ устройства отопленія собора въ положеніе болѣе соотвѣтственное заключенному съ нимъ договору, или чтобы для сего и для постояннаго наблюденія за исправностію того устройства быть избранъ и назначенъ особый архитекторъ.

Изъ доставленныхъ бумагъ видно: 1) печь, которую Быковъ предполагалъ передѣлать всю, но въ которой нынѣ перекладенъ только топочный сводъ, не можетъ признаваться прочною и по окончаніи

нынѣшней зимы, по всей вѣроятности, потребуетъ передѣлки. 2) Хотя способъ для возвышенія температуры въ придѣлахъ собора Быковъ предполагаетъ употребить не тотъ, который предполагался прежде, но баронъ Дельвигъ и самъ Быковъ находятъ нужнымъ принять мѣры для уравненія температуры въ придѣлахъ, а между тѣмъ и въ нынѣшнюю зиму ничего по сему предмету не сдѣлано. 3) Отверстіе въ трубѣ, которое признавалось и теперь признается нужнымъ задѣлать, вовсе не то, которое задѣлывать Быковъ находить ошибочнымъ и вреднымъ. 4) Температура въ соборѣ обыкновенно бываетъ не только много ниже той, которую обѣщалъ Быковъ, но и сама по себѣ недостаточна, а потому, для возвышенія оной, сколько окажется возможнымъ, особенно для того, чтобы не промерзали своды и горнее мѣсто, должны быть приняты какія либо мѣры. 5) Быковымъ въ послѣднюю зиму на отопленіе собора дѣйствительно употреблено до 293 сажень березовыхъ, только не лучшихъ дровъ; опытъ же настоящей зимы показываетъ, что если не будетъ улучшено устройство отопленія, то не много менѣе означенного количества потребно будетъ на отопленіе собора и въ менѣе суровыя зимы, а означенное количество, въ сравненіи съ условленнымъ количествомъ 80 сажень, чрезмѣрно велико, и для каждого года употребленія оного собственныя средства собора впослѣдствіи могутъ оказаться недостаточными. 6) Наставленіе относительно производства отопленія хотя Быковъ и прежде обѣщалъ, и въ настоящемъ объясненіи обѣщаетъ дать непремѣнно, но и это остается неисполненнымъ, а посему затрудненія по дѣлу отопленія собора представляются неизбѣжными и нынѣ, если кромѣ Быкова ни къ кому другому не можно будетъ обращаться, для полученія нужныхъ указаній. 7) Для устраниенія сихъ затрудненій протопресвитеръ съ сакелларіями и церковнымъ старостою собора признаютъ нужнымъ назначеніе особаго архитектора сперва для приведенія устройства отопленія въ возможно лучшее положеніе, а за тѣмъ и для постояннаго наблюденія за исправностію сего устройства.

Всѣдѣствіе этого, я снова поручалъ инженеръ-г.-маіору барону Дельвигу осмотрѣть отопленіе Успенскаго собора, и по объясненію съ соборнымъ духовенствомъ сообразить нужные мѣры къ приведенію этого отопленія въ надлежащей порядокъ.

Баронъ Дельвигъ донесъ мнѣ, что изъ личныхъ его объясненій съ протопресвитеромъ собора и съ Быковымъ оказывается слѣдующее: 1) Протопресвитеръ полагаетъ, что та изъ трехъ печей, которую Быковъ назначилъ передѣлать всю, но только исправилъ, не имѣть должнаго фундамента; но Быковъ этого не признаетъ, и дѣйствительно, въ данныхъ имъ въ Ноябрѣ 1861 г. объясненіяхъ онъ ничего не

упоминает о совершенной передълкѣ печи, и устройство подъ оной болѣе глубокаго фундамента между стѣнами Синодальнаго зданія, не повредивъ этихъ стѣнъ, было бы затруднительно; топочный же сводъ въ ней Быковымъ переложенъ.—Незначительныя трещины въ печи, если таковыя будутъ еще оказываться, Быковъ находитъ достаточнымъ замазывать. 2) Поднятіе температуры въ придалахъ Быковъ объщается исполнить, но объясняеть, что не могъ этого сдѣлать въ прошедшее лѣто, будучи задержанъ въ Петербургѣ важными работами, и приступить къ оному согласно обѣщанію, данному имъ вашему высокопреосвященству, съ наступленіемъ удобнаго времени. 3) Въ отношеніи вашего высокопреосвященства упомянуто было о задължкѣ надлежащимъ образомъ отверстія, находящагося въ вытяжной трубѣ. Быковъ не понялъ, какое это отверстіе, и, полагая, что подъ этимъ разумѣлся одинъ изъ душниковъ, отозвался о неудобствѣ закрытія онаго; но какъ нынѣ, по мѣстномъ осмотрѣніи оказалось, что это простое рабочее отверстіе (лазъ), сдѣланное въ кирпичномъ сводѣ, близъ вытяжной трубы, то Быковъ полагаетъ эту незначительную работу произвести по наступленіи теплого времени. 4) Быковъ утверждаетъ, что температура въ соборѣ была постоянно достаточна въ двѣ зимы, въ которыя онъ производилъ отопку собора, и что пониженіе температуры въ настоящую зиму происходитъ, по его мнѣнію, отъ недостаточности отопленія. 5) Быковъ утверждаетъ, что при употребленіи лучшихъ березовыхъ дровъ на его печи, для поддержанія въ соборѣ обѣщанной имъ температуры, не можетъ требоваться того количества дровъ, которое предполагается соборнымъ духовенствомъ, и что по сдѣланіи имъ въ наступающее лѣто улучшенній, потребное количество дровъ уменьшится. 6) Наставленія относительно производства отопленія Быковъ еще не далъ, полагая, что люди, находившіеся въ продолженіи трехъ зимъ при производившейся имъ топкѣ, должны были вполнѣ ее изучить; но объщается дать это наставленіе. 7) Призпанное барономъ Дельвигомъ въ донесеніи отъ 2-го Ноября 1861 г. неизлишнимъ, чтобы Быковымъ было передано наставленіе особому архитектору, назначенному для постояннаго наблюденія за печами, соборное духовенство находитъ нужнымъ, и Быковъ не отказывается дать оное.

Имѣю честь сообщить о всемъ изложенномъ, вслѣдствіе отношенія за № 103, и присовокупить, что я, вмѣстѣ съ симъ, сдѣлалъ распоряженіе объ отображеніи подписки отъ Быкова на производство, по наступленіи удобнаго теплого времени, предполагаемыхъ имъ въ соборѣ работы, и о томъ, чтобы наставленіе о содержаніи печей и отопленіи собора было передано имъ архитектору IV округа путей сообщенія, которому поручится постоянное наблюденіе за означеннымъ отопленіемъ.

Синодальною Конторою было опредѣлено: дать знать указомъ протопресвитеру съ сакелларіями и церковнымъ старостою, чтобы донесли при наступлениі времени, удобнаго для работъ, приступлено ли къ онимъ.

Протопресвитеръ съ сакелларіями и церковнымъ старостою доносили Конторѣ 12-го Іюля 1862 года:

Указомъ Синодальной Конторы отъ 12-го Марта 1862 г. № 289 дано намъ знать, что главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями сдѣлано распоряженіе объ отобраніи отъ инженера капитана Быкова подписки на производство, по наступлениі удобнаго теплаго времени, предполагаемыхъ имъ по устройству отопленія собора работъ, и о томъ, чтобы наставленіе о содержаніи печей и отопленіи собора было передано имъ архитектору IV округа путей сообщенія, которому поручится постоянное наблюденіе за означеннымъ отопленіемъ; по наступлениі же удобнаго для работъ времени, тѣмъ же указомъ предписано намъ донести, приступлено ли будетъ Быковымъ къ обѣщаннымъ имъ исправленіямъ.

Состояцій въ IV округѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій архитекторъ Александръ Мейнгардъ въ Маѣ объявилъ намъ, что постоянное наблюденіе за печами собора возложено на него, Мейнгарда, и что самъ Быковъ находится нынѣ въ Москвѣ. Почему, при наступлениі удобнаго для печныхъ работъ времени, какъ архитекторъ Мейнгардъ, такъ и мы относились къ Быкову съ просьбою объ исполненіи того, что онъ обязанъ и обѣщалъ сдѣлать по устройству отопленія, но онъ объявилъ намъ, что для производства обѣщанныхъ имъ исправленій въ настоящее время онъ не имѣть средствъ, но готовъ приступить къ дѣлу, если деньги за материалы и работы будутъ уплачиваются въ настоящее время отъ собора. Онъ же даетъ обязательство, что деньги, уплаченныя изъ собора за тѣ исправленія, какія онъ долженъ сдѣлать на свой счетъ, будутъ возвращены имъ въ соборъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Хотя на основаніи отобранной отъ Быкова по распоряженію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями подписки нынѣ опять слѣдовало бы просить начальство о побужденіи Быкова къ немедленному исполненію обѣщанныхъ имъ исправленій на его счетъ, но какъ по прежнему опыту можно заключить, что и побужденіе начальства едва ли будетъ имѣть какой-либо успѣхъ, а время удобное для работъ будетъ опущено, между тѣмъ предполагаемое Быковымъ устройство для возвышенія температуры въ алтаряхъ и перекладка третьей печи признаются имъ самимъ необходимыми, и по исполненіи

сего можетъ значительно сократиться употреблявшееся до нынѣ на отопленіе собора количество дровъ: то мы признаемъ за лучшее согласиться уплату денегъ за материалы и работы, потребные на предполагаемыя Быковымъ исправленія, въ настоящее время производить изъ суммъ собора, а отъ Быкова взять предлагаемое имъ обязательство о возвращеніи въ соборъ тѣхъ денегъ, какія употреблены будутъ на производство предполагаемыхъ имъ исправленій, не далѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ, и на семъ основаніи допустить его къ начатію исправленій.

Синодальною Конторою (Указомъ отъ 19-го Іюля 1862 г. № 747) разрѣшено было допустить Быкова къ производству исправленій на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Протопресвитеръ Дим. Новскій, сакелларіи П. Виноградовъ и П. Сокольскій и церковный староста И. Смирновъ въ Августѣ 1862 г. доносили Синодальной Конторѣ:

Во исполненіе Указа Конторы отъ 19-го Іюля за № 747, инженеръ капитанъ Быковъ былъ допущенъ нами къ производству предположенныхъ имъ исправленій по отоплению собора съ тѣмъ, чтобы деньги за потребные для сего материалы и работы въ настоящее время уплачивать изъ собора, и поставленнымъ нами отъ указанного имъ печника работникамъ приказалъ разобрать переднюю часть повредившейся печи; когда же работники, исполнивъ что было имъ приказано, обратились къ нему за дальнѣйшими приказаніями, тогда оказалось, что онъ и съ сыномъ своимъ, которому обыкновенно поручаетъ надзоръ за работами, отправился въ С.-Петербургъ. Какъ начаты работы, за отъездомъ его, должны были остановиться по 30 Іюля, то мы спрашивали его по телеграфу, скоро ли онъ возвратится для продолженія работъ, но отвѣта, который прошли дать въ тотъ же день, до нынѣ не получаемъ. Благопочтительнѣйше донося о семъ, долгомъ поставляемъ просить побудить Быкова къ безотлагательному исполненію предложенныхъ имъ исправленій по отоплению собора, который онъ обязанъ сдѣлать вслѣдствіе отобранной по распоряженію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями подписки, къ производству коихъ въ настоящее время даны ему способы отъ собора.

Посему Синодальною Конторою опредѣлено: предоставить его высоко-преосвященству отнестись къ главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями и просить его о споспѣществованіи, чтобы давно ожидаемыя и нынѣ начатыя, но внезапно прерванныя Быковымъ, работы по устройству отоплениія собора были произведены безъ дальнѣйшаго отлагательства.

На отношение митрополита генералъ Чевкинъ отъ 13-го Августа 1862 г. № 1301 отвѣчалъ:

Получивъ 9-го сего Августа отношение вашего высокопреосвященства за № 823 о побужденіи отставного инженеръ-капитана Быкова къ окончанію начатыхъ въ семъ году, но, по случаю отѣзда его въ С.-Петербургъ, прерванныхъ, работъ по исправленію отопленія Успенского собора, поспѣшаю увѣдомить, что Быковъ нынѣ дѣйствительно находится въ С.-Петербургѣ, гдѣ его присутствіе было необходимо по устройству здѣсь отопленія нѣкоторыхъ зданій печами его системы; но на этихъ же дняхъ онъ отправляется обратно въ Москву.

По объясненію Быкова, исправленіе печей въ соборѣ было остановлено собственно по случаю храмового праздника собора, такъ какъ производство въ то время печныхъ работъ, хотя и не въ самомъ соборѣ, но въ сосѣдственныхъ съ нимъ зданіяхъ, могло бы представить видъ не соотвѣтственный торжественности случая; по прибытіи же въ Москву Быковъ обѣщаетъ немедля приступить къ работѣ и кончить исправленіе отопленія непремѣнно до наступающей осени.

Впрочемъ около 19-го сего Августа я полагаю самъ быть въ Москвѣ и осмотрѣть работы Быкова, и надѣюсь, что все будетъ имъ сдѣлано къ полному удовольствію вашего высокопреосвященства.

Отъ 28-го Августа 1862 г. протопресвитеръ Д. Новскій доносилъ его высокопреосвященству:

По устройству отопленія Московскаго Успенскаго собора нынѣ производится исправленіе и, между прочимъ, у Синодального дома сдѣлано отверстіе въ подземной вытяжной трубѣ, которою можно пройти въ алтарь собора.

Хотя для охраненія собора на время производства работъ учреждена стража изъ звонарей и сторожей собора, но какъ эта стража менѣе благонадежна, нежели военная, а во время устроенія описанной трубы въ 1858 г. учреждена была стража изъ часовыхъ военныхъ: то долгомъ поставляю нижайше представить на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства, не соизволено ли будетъ отнести, куда слѣдуетъ, чтобы и нынѣ, пока не задѣлано будетъ отверстіе вытяжной трубы, поставлена была при ней стража изъ часовыхъ военныхъ.

1862 г. Сентября 29-го № 139 протопресвитеръ Д. Новскій доносилъ его высокопреосвященству:

По случаю производящихся исправленій въ устройствѣ отопленія Успенскаго собора, вслѣдствіе донесенія моего отъ 28-го Августа, по

распоряженію военнаго генераль-губернатора поставленъ бытъ для охраненія собора военный караулъ. Нынѣ хотя исправленія по устройству отопленія собора еще не вѣсъ окончены, но отверстіе въ вытяжной трубѣ, при которомъ нуженъ бытъ военный караулъ, уже закрыто. О чёмъ нашему высокопреосвященству долгомъ поставляю нижайше донести и доложить, что поставленный въ означенномъ мѣстѣ военный караулъ нынѣ можетъ быть упраздненъ.

23-го Мая 1863 г. за № 68 протопресвитеръ, сакелларіи и церковный староста допосили Синодальной Конторѣ;

Указами Синодальной Конторы отъ 19-го Іюля 1862 г. за № 747 разрѣшено намъ, согласно представленію нашему, допустить производившаго устройство отопленія собора инженеръ-капитана Быкова къ производству обѣщанныхъ имъ исправленій съ платою слѣдующихъ за матеріалы и работы денегъ изъ суммъ собора и со взятіемъ отъ Быкова обязательства, что деньги, употребленныя на тѣ исправленія, которыхъ должны быть отнесены на его счетъ, будуть имъ возвращены въ течение двухъ лѣтъ; о количествѣ же сихъ денегъ предписано намъ по окончаніи исправленій донести.

Во исполненіе сего Быковъ въ томъ же Іюлѣ былъ допущенъ нами къ производству предположенныхъ исправленій; при чёмъ оказалось нужнымъ одну изъ печей разобрать до основанія, въ основаніе же оной положить плиты изъ дикаго камня, стоющіе 450 руб. и затѣмъ печь строить вновь; оказалось такъ же нужнымъ перекласть топочные своды въ другихъ двухъ печахъ и устроить третью дымовую трубу, и затѣмъ многое было дѣлаемо, что Быковъ признавалъ нужнымъ для того, чтобы трубы, проведенные отъ печей въ алтарь, давали тепло. За всѣ матеріалы и работы по означеннымъ исправленіямъ уплачиваются были деньги изъ собора, и соборной суммы въ Октябрѣ и Ноябрѣ на это израсходовано 2993 руб. 59 коп., а съ присовокупленіемъ къ нимъ 104 руб. 50 коп. употребленныхъ въ Январѣ того же 1862 г. на разные починки по устройству отопленія, весь расходъ въ 1862 г. по сему предмету простирается до 3098 руб. 9 копѣекъ.

Топка печей начата была непосредственно послѣ того, какъ онѣ были приготовлены, именно съ 4-го Октября, и производилась въ течение всей зимы подъ управлениемъ самого Быкова чрезъ поставленныхъ имъ истопниковъ. Температура въ соборѣ во всю эту зиму была удовлетворительна; въ соборѣ и главномъ алтарѣ постоянно было тепла отъ 10 до 12 град.; въ придѣлахъ и ризницахъ температура была хотя ниже, но сырости не было; дымъ въ соборѣ не проникалъ. Но то, что особенно признавалось нужнымъ для уменьшенія количества топлива и

что Быковъ обѣщаъ непременно сдѣлать, именно, чтобы алтарь нагрѣвался непосредственно отъ печей, а не вытяжною трубою, привлекающею тепло изъ собора, оказалось еще не достигнутымъ: и потому, для удержанія означенной температуры въ соборѣ дрова лучшея березовыя 12-ти вершковой длины и самой лучшей полной кладки употреблялись въ сутки по назначенню Быкова въ слѣдующемъ размѣрѣ: когда морозъ не было, или были отъ 1 до 10 градусовъ, употреблялось отъ $\frac{1}{2}$ саж. до $1\frac{1}{2}$ саж., а въ морозы отъ 11 до 20 и выше градусовъ употреблялось отъ одной до двухъ сажень. Почему, хотя въ общай сложности въ прошедшую зиму вышло на отопленіе собора, дровъ много менѣе противъ прежнихъ зимъ, именно 164 саж., а съ присовокупленіемъ 12 сажень употребленныхъ на просушку печей, 176 саж., но это уменьшеніе зависѣло не столько отъ улучшенія устройства отопленія, сколько отъ того, что прошедшая зима была непродолжительна и весьма тепла, въ сравненіи съ другими. Топка производилась въ теченіе 175 дней, тогда какъ, наприм., въ зиму 1860—1861 г. топили печи 200 дней; изъ числа 175 дней топки въ 41 день вместо морозовъ было нѣсколько градусовъ тепла; 8 дней было, въ которые ртуть стояла на точкѣ замерзанія; 64, въ которые морозъ былъ отъ 1 до 5 град., 43, въ которые морозъ былъ отъ 6 до 10 град., а только 16, въ которые морозъ былъ отъ 11 до 20 град., и только три дня, въ которые морозъ былъ отъ 20 до 23 или 24 градусовъ. Въ зиму средней продолжительности топочныхъ дней бываетъ около 190, т. е. на 15 дней болѣе прошедшей зимы и если бы въ эти 15 дней былъ морозъ около 20 град., то, судя по количеству дровъ, какое назначено было Быковымъ для топки при разныхъ степеняхъ мороза, противъ израсходованного въ прошедшую зиму, количества дровъ, потребовалось бы лишнихъ 30 сажень, и неизвѣстно, могла ли бы удержаться въ соборѣ температура не менѣе 10 градусовъ. А изъ 113 дней, въ которые или не было мороза, или онъ былъ не болѣе 5 град., могло быть болѣе 50 дней съ морозомъ около 10 градусовъ, и тогда на каждый изъ сихъ дней потребовалось бы лишнихъ по полусажени. По симъ изображеніямъ нельзѧ еще не желать, чтобы устройство отопленія собора было приведено въ болѣе удовлетворительное положеніе, и особенно, чтобы алтарные трубы проводили тепло, что, по увѣренію Быкова, непремѣнно будетъ достигнуто предъ наступленіемъ будущей зимы: такимъ образомъ, какъ по сему случаю, такъ и по оказавшимся по окончаніи прошлой зимы поврежденіямъ въ двухъ печахъ, въ которыхъ прошедшими лѣтомъ были передѣланы только топочные своды, для будущей зимы опять потребуются работы, наблюденіе за коими опять принимается на себя самъ Быковъ, и увѣряетъ, что работы си будуть незначительны.

Что касается до количества денегъ, которыя, изъ 2993 руб. 59 коп., уплаченныхъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1862 г. за материаалы и работы, должны быть отнесены на счетъ Быкова: то онъ, безъ сомнѣнія, не приметъ на свой счетъ 450 руб., заплаченныхъ за плиты изъ дикаго камня, положенные въ основаніе печи, потому что это сдѣлано не по сго, мысли а по мысли главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями; не могутъ также быть отнесены на его счетъ расходы по передѣлкѣ топочныхъ сводовъ въ двухъ печахъ, потому что печи сіи оставлены были Быковымъ твѣрдыми послѣ двухлѣтняго его управлениія отоплениемъ. Сколько же именно денегъ будетъ принято имъ на свой счетъ, того онъ, не смотря на неоднократно сдѣланнія ему протопресвитеромъ напоминанія, не объясняеть и письменнаго обязательства объ уплатѣ сихъ денегъ не даетъ.

Синодальною Конторою отъ 24 Іюля за № 764 было опредѣлено: поручить протопресвитеру съ сакелларіями и церковнымъ старостою настоятельно требовать отъ Быкова, чтобы, не опуская лѣтнаго времени, распорядился исправленіемъ вновь оказавшихся въ печахъ поврежденій и исполниль то, что признано нужнымъ, чтобы алтарныя трубы проводили тепло, и сдѣлать съ нимъ разсчетъ, сколько изъ числа употребленныхъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ на исправленіе печей соборныхъ денегъ должно быть отнесено на счетъ самого Быкова, и, согласно его обѣщанію, требовать, чтобы сіи деньги были возвращены въ соборъ въ назначенный имъ срокъ.

15 Марта 1865 г. за № 50 протопресвитеръ, сакелларіи и церковный староста доносили Синод. конторѣ:

Послѣ зими 1863—1864 г. мы доносили Конторѣ Св. Синода, что предъ наступленіемъ оной Быковымъ перекладена была одна изъ соборныхъ печей, которая послѣ двухлѣтняго управлениія его отоплениемъ собора осталась ветхою, что тогда же исполнены имъ нѣкоторыя работы по устройству отоплениія, остававшіяся до того времени не окончеными, а также и тѣ, которыя признавалъ онъ нужными для того, чтобы алтарныя трубы давали тепло, но что сей цѣли тогда еще не было достигнуто, и по окончаніи зими опять оказались нужными нѣкоторыя исправленія, которыя Быковъ и обѣщаъ исполнить къ слѣдующей зимѣ, равно какъ достигнуть и того, чтобы алтарные трубы проводили тепло.

Вмѣстѣ съ сімъ мы доносили, что, согласно разрѣшенію Конторы Св. Синода, на всѣ означенныя исправленія предъ зими 1862—1863 г. употреблены были соборныя деньги, коихъ на сіе и было израсходовано 2993 р. 59 коп., а Быковъ съ своей стороны обѣщаъ, что

деньги, употребленныя на тѣ исправленія, которыя лежали на его отвѣтственности, будуть возвращены имъ въ соборъ въ теченіи двухъ лѣтъ; сколько же изъ означенныхъ денегъ 2993 р., 59 к., будетъ принято имъ на свой счетъ, того не объясняется.

Всльдѣствие сего указомъ Конторы Св. Синода отъ 24 Іюля 1863 г. № 764 было предписано намъ настоятельно требовать отъ Быкова, чтобы, не опустя лѣтняго времени, распорядился исправленіемъ вновь оказавшихся въ печахъ поврежденій, равнымъ образомъ исполнилъ то, что признается нужнымъ, чтобы алтарные трубы проводили тепло, а также сдѣлать съ нимъ разсчетъ, сколько изъ числа употребленныхъ въ Октябрь и Ноябрь на исправленіе печей соборныхъ денегъ должно быть отнесено на счетъ Быкова и, согласно его обѣщанію, требовать, чтобы сіи деньги возвращены имъ были въ соборъ въ означенный срокъ.

Послѣ неоднократныхъ съ нашей стороны требованій, въ концѣ Сентября 1863 г. Быковъ распорядился исправленіемъ оказавшихся въ печахъ поврежденій, а для того, чтобы алтарные трубы давали тепло, по желанію его устроены были въ теплой камерѣ желѣзные щиты, и чрезъ это было наконецъ достигнуто, что въ алтарь пошло тепло, и въ правомъ отдѣленіи алтаря, где прежде температура была много ниже средняго отдѣленія алтаря, стало теплѣе, нежели въ соборѣ и въ среднемъ отдѣленіи алтаря. Это удовлетворительное состояніе температуры въ соборѣ и отдѣленіяхъ алтаря продолжалось во всю зиму 1863—1864 гг.; но какъ въ теченіе сей зимы, равно какъ и предшествовавшей, управлять отопленіемъ самъ Быковъ, и оно производилось назначенными имъ для сего печниками, отъ собора же поставлялись только дрова и платились означеннымъ печникамъ деньги, одному 25 руб., а другому 20 руб. въ мѣсяцъ, то оставалось дознать: можетъ ли отопленіе собора производиться безъ завѣдыванія онимъ самимъ Быковымъ, и не чрезъ печниковъ имъ поставленныхъ, а чрезъ обыкновенныхъ истопниковъ. Почему на нынѣшнюю зиму 1864—1865 г. мы уже отказались отъ предложения Быкова, чтобы опять управлять ему отопленіемъ на прежнихъ условіяхъ, и опытъ сей зимы показалъ, что отопленіе собора безъ затрудненія можетъ производиться чрезъ благонадежныхъ изъ числа звонарей, подъ наблюденіемъ одного, пріучавшагося къ сему дѣлу соборного сторожа. Послѣ сего устройство отопленія собора и можетъ быть признаваемо оконченнымъ.

Относительно количества потребныхъ для отопленія собора дровъ, хотя предполагалось, что, когда алтарные трубы будутъ производить тепло, потребно будетъ для отопленія гораздо менѣе, нежели сколько

употреблялось прежде; однакоже на самомъ дѣлѣ сего не послѣдовало. Въ зиму 1862—1863 г., когда еще алтарныя трубы оставались безъ дѣйствія, при наблюденіи за отопленіемъ Быкова, для поддержанія температуры отъ 10 до 12 град. употреблено было лучшихъ дровъ самой полной кладки 164 саж., а съ присовокупленіемъ 12 сажень, употребленныхъ на просушку печей въ такое время, когда уже должна была производиться настоящая топка, 176 саж., въ слѣдующую зиму 1863—1864 г., когда уже алтарныя трубы стали давать тепло, подъ наблюденіемъ также самого Быкова, для поддержанія той же температуры, такого же качества и кладки дровъ, употреблено было болѣе означенаго количества, однакоже менѣе 200 саж. Но при семъ должно принять во вниманіе, что обѣ означенныя зими были и теплы и непродолжительны; а въ нынѣшнюю зиму, которая много холоднѣе обѣихъ предшествовавшихъ, количество употребленныхъ на отопленіе собора дровъ при хорошемъ ихъ качествѣ, и также при хорошей, хотя не чрезмѣрно усиленной, кладкѣ, вѣроятно, дойдетъ до 200 саж. А изъ сего видно, что условіе контракта, коимъ полагалось, что для отопленія собора въ теченіе всего холоднаго времени года для поддержанія температуры въ 12 град. достаточно будетъ 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковъ длины и лучшей кладки,—должно быть признано неисполненнымъ.

О семъ Конторѣ Св. Синода благопочтительнѣйше доносимъ. Что же касается денегъ, истраченныхъ въ 1862 г. взаимообразно отъ собора на тѣ исправленія, которыя Быковъ главнымъ управлѣніемъ путей сообщенія и публичными зданіями обязанъ былъ произвести на свой счетъ, то сколько изъ истраченныхъ тогда на всѣ вообще исправленія денегъ будетъ принято Быковымъ на его счетъ, онъ до нынѣ никакого свѣдѣнія намъ не далъ, хотя протопресвитеромъ неоднократно было о семъ ему напоминаемо; на послѣднее же въ недавнемъ времени сдѣланное ему письменное напоминаніе объяснилъ чрезъ своего сына, что теперь онъ нездоровъ, по выздоровленіи же дасть письменный отвѣтъ, который по полученіи и будетъ представленъ нами Конторѣ Свят. Синода.

Конторою опредѣлено: считать устройство отопленія собора окончаннымъ, а условіе считать неисполненнымъ, о чёмъ донести Свят. Синоду. Касательно разсчета въ деньгахъ предоставить протопресвитеру войти въ сношеніе съ Быковымъ и о послѣдующемъ донести Конторѣ.

Святѣйшему Синоду Московскому Конторою онаго было донесено:

По дѣлу объ устройствѣ отопленія Московскаго Успенскаго собора по проекту инженеръ-капитана Быкова, Св. Синоду 19 Сентября 1858 г. за № 1011 донесено было отъ сей Конторы, что на таковое устрой-

ство послѣдовало высочайшее повелѣніе, а исполненіе сего дѣла возложено на коммиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Сею коммиссіею 3 Сентября 1858 г. по высочайшему соизволенію заключенъ быль съ Быковымъ контрактъ съ такимъ между прочимъ со стороны его условіемъ, что при устроенныхъ имъ печахъ для поддержанія въ соборѣ температуры не менѣе 12 градусовъ, а въ ризницѣ не менѣе 10 град. по Реомюру, потребно будетъ во все холодное время года березовыхъ сухихъ 11-ти вершковой длины дровъ не болѣе 80 квадратныхъ саженъ лучшей кладки.

Печи для отопленія собора устроены подъ зданіемъ Синодальнаго дома и въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же 1858 года, прежде окончанія нѣкоторыхъ работъ, приступлено было къ отопленію онъхъ. Затѣмъ, по прошенію Быкова 16 и 20 чиселъ Февраля 1859 года, членами коммиссіи, при протопресвитерѣ собора, произведено было формальное освидѣтельствованіе работъ по устройству печей и самаго отопленія собора, при чемъ работы найдены произведенными прочно, изъ хорошихъ матеріаловъ, не доконченныя же работы признаны незначительными; воздухъ въ соборѣ оказался чистымъ и легкимъ, внутреннія стѣны собора сухими, стѣнопись въ соборѣ неповрежденною, въ тотъ и другой день температура въ соборѣ была выше 12-ти, а въ ризницѣ выше 6 град. тепла. Но какъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ свидѣтельствовавшими устройство отопленія отъ Быкова, на отопленіе собора употреблялось въ день отъ полуторы до двухъ саженей березовыхъ дровъ, каковое количество много превышаетъ то, которое причитается на день изъ предположенныхъ договоромъ 80 саж. въ годъ: то Быковъ въ удостовѣреніе, что на будущее время достаточно будетъ для отопленія собора въ годъ 80 саж. 11-ти вершковой длины лучшихъ березовыхъ дровъ, предложилъ, что въ теченіе двухъ слѣдующихъ зимъ отопленіе собора принимаетъ на себя съ тѣмъ, чтобы получать отъ собора плату только за 80 саж. въ годъ, и поддерживать въ соборѣ установленную температуру тепла. Это предложеніе Быкова, съ согласія сей Конторы, было принято коммиссіею, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе двухъ-лѣтняго управлія его отопленіемъ, и ремонть по устройству отопленія быль на его же отвѣтственности, и Быковъ на семъ условіи допущенъ быль къ отопленію собора въ теченіи двухъ лѣтъ.

Но двухлѣтній опытъ, какъ довелъ до свѣдѣнія Конторы Св. Синода протопресвитеръ собора, показалъ, что въ теченіе двухъ зимъ установленная температура тепла въ соборѣ не была достигаема, что въ продолженіе этихъ зимъ тепло было въ соборѣ и алтарѣ большею ча-

стію отъ 7 до 9 и рѣдко до 10 градусовъ, а въ придѣлахъ и ризницахъ собора температура была еще ниже; дровъ же употреблялось на отопление въ каждую зиму гораздо болѣе 200 саженъ.

Кромѣ сего доведено было до свѣдѣнія Конторы, что нѣкоторыя работы по устройству отопленія, и по окончаніи двухлѣтняго управлѣнія отопленіемъ Быковымъ, оставлены не оконченными, и изъ трехъ соборныхъ печей одна осталась ветхою и не было еще достигнуто того, чтобы теплопроводные трубы, проведенные въ алтарь, давали тепло, нагревался же алтарь только вытяжною трубою, которая, привлекая тепло изъ собора, выносила его наружу.

Всѣдѣствіе переписки о семъ съ главнымъ управлѣніемъ путями сообщенія и публичными зданіями, симъ управлѣніемъ въ 1862 году поставлено было Быкову въ обязанность озабочиться неотложнымъ приведеніемъ устройства отопленія собора въ положеніе, болѣе соотвѣтственное заключенному договору, а также произвести нѣкоторыя ремонтныя исправленія. Но какъ большую часть потребныхъ работъ Быковъ обязанъ былъ произвести на свой счетъ, а по наступленіи лѣтняго времени онъ отозвался, что собственныхъ средствъ не имѣеть, то, для скорѣйшаго приведенія устройства отопленія въ лучшее положеніе, Конторю Свят. Синода, въ согласность съ представленіемъ протопресвитера собора, дозволено было платить деньги за матеріаль и работы изъ соборныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы затраченныя за Быкова деньги, согласно его обѣщанію, были имъ возвращены въ соборъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ Маѣ 1863 г. протопресвитеръ съ сакелларіями и церковнымъ старостою донесли сей Конторѣ, что на матеріальная работы, по перекладкѣ печи и другимъ исправленіямъ, уплачено изъ соборныхъ суммъ въ Октябрь и Ноябрь 1862 г. 2993 руб. 59 коп.; а какъ нѣкоторые расходы на матеріалы и работы Быковымъ не могли быть приняты на его счетъ: то онъ, протопресвитеръ, обращался къ нему съ требованіемъ свѣдѣнія, сколько именно изъ числа израсходованныхъ денегъ принято будетъ имъ на свой счетъ; но Быковъ сего свѣдѣнія не далъ. При семъ протопресвитеръ объяснилъ, что, послѣ произведенныхъ исправленій, въ теченіе зимы 1862—1863 г. отопление собора производилось удовлетворительно, но, при всемъ стараніи Быкова, не было еще имъ достигнуто, чтобы алтарныя трубы проводили тепло; впрочемъ на слѣдующую зиму 1863—1864 г. онъ обѣщалъ непремѣнно сего достичь и также подъ своимъ наблюденіемъ произвести исправленіе поврежденій, оказавшихся въ двухъ печахъ, которые, хотя были исправлены, но перекладены не были. Почему Контора Свят. Синода предписала протопресвитеру съ сакелларіями и церк. старостою, чтобы

настоятельно требовали отъ Быкова приведенія всего въ порядокъ, и сдѣлали съ нимъ разсчетъ въ томъ, сколько онъ принимаетъ на свой счетъ изъ числа денегъ, издержанныхъ на материа́лы и работы въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1862 г., и чтобы сіи деньги возвращены были въ соборъ въ назначенный имъ срокъ.

Протопресвітеръ съ сакелларіями и церк. старостою отъ 15 Мая 1865 г. донесъ Конторѣ Свят. Синода, что, послѣ неоднократныхъ съ ихъ стороны требованій, въ концѣ Сентября 1863 г. Быковъ распорядился исправленіемъ оказавшихся послѣ зимы 1862 г. поврежденій въ печахъ, а для того чтобы алтарныя трубы давали тепло, по указанію его устроены были въ теплой камерѣ желѣзные щиты, и чрезъ это было наконецъ достигнуто, что въ алтарь пошло тепло, и въ правомъ отдѣленіи алтаря, гдѣ прежде температура была много ниже средняго отдѣленія алтаря, стало теплѣе, нежели въ соборѣ и среднемъ отдѣленіи. Это удовлетворительное состояніе температуры въ соборѣ и отдѣленіяхъ алтаря продолжалось во всю зиму 1863—1864 г., но какъ въ теченіе сей зимы, равно какъ предшествовавшей, управлялъ отопленіемъ самъ Быковъ, и оно производилось назначенными имъ для сего печниками, отъ собора же поставлялись только дрова и платились назначеннымъ имъ для сего печникамъ деньги, одному по 25 руб., а другому 20 руб. въ мѣсяцъ, то оставалось дознать, можетъ ли отопленіе собора производиться безъ завѣданія онимъ самого Быкова и не чрезъ истопниковъ имъ поставляемыхъ, а чрезъ обыкновенныхъ истопниковъ. Почему на послѣднюю зиму 1864—1865 г. они уже отказались отъ предложенія Быкова, чтобы опять ему управлять отопленіемъ на прежнихъ условіяхъ, и опытъ сей зимы показалъ, что отопленіе собора безъ затрудненія можетъ производиться чрезъ благонадежныхъ изъ числа звонарей, подъ наблюденіемъ одного пріучившагося къ сему дѣлу соборного сторожа. Послѣ чего устройство отопленія собора и можетъ быть признаваемо оконченнымъ.

Что же касается денегъ, истраченныхъ въ 1862 г. взаимообразно отъ собора на тѣ исправленія, которыя Быковъ обязанъ былъ произвести на свой счетъ, то сколько изъ истраченныхъ тогда на всѣ вообще исправленія денегъ будетъ принято Быковымъ на свой счетъ, онъ донынѣ никакого свѣдѣнія не далъ, хотя протопресвітеромъ неоднократно было о семъ ему напоминаемо; на послѣднее же, въ недавнемъ времени сдѣланное ему, письменное напоминаніе объяснилъ чрезъ своего сына, что теперь онъ нездоровъ, по выздоровленіи же дастъ письменный отвѣтъ, который и будетъ представленъ имъ Конторѣ Св. Синода.

По выслушаніи сего донесенія опредѣлено: по изъясненнымъ въ донесеніи протопресвітера Успенскаго собора съ сакелларіями и цер-

ковнымъ старостою основаниемъ, устройство отоплениі собора считать поконченнымъ, а условіе заключенного съ Быковымъ контракта, коимъ полагалось, что на отопленіе собора въ холодное время года, для поддержанія въ немъ температуры въ 12 градусовъ, будетъ достаточно 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковой длины, по опыту нѣсколькихъ годовъ, признать не исполненнымъ; о чёмъ къ свѣдѣнію и донести Святѣйшему Синоду, о семъ Московская Контора онаго симъ благопочтительнѣйше и доносить. 31 Мая 1865 года, № 608.

Такъ закончилось устройство отоплениія Московскаго Большого Успенскаго собора. Нельзя сказать, чтобы оно было совершено вполнѣ успѣшно. Главный недостатокъ всей сложной системы сооруженія для отоплениія собора заключается въ томъ, что печи, существующія доставлять тепло для огромнаго зданія собора, раздѣляющаагося, притомъ, на многія помѣщенія (придѣлы, ризницы), отдѣленыя одно отъ другого сплошными каменными стѣнами, расположены въ слишкомъ отдаленномъ отъ собора разстояніи, обусловливающемъ собою устройство болѣе или менѣе длинныхъ теплопроводныхъ каналовъ, отъ 15 до 85 аршинъ. Проходя такое далекое разстояніе, тепло, по необходимости, постепенно теряясь на своемъ пути, доходитъ до мѣста своего назначенія въ весьма небодышомъ количествѣ, или же совсѣмъ пропадаетъ, исчезая въ стѣнкахъ каналовъ. Совершенно изолировать каналы отъ охлаждающаго ихъ со всѣхъ сторонъ пространства нѣть никакой возможности, при всѣхъ стараніяхъ техниковъ. Отъ того и бываетъ, что въ то время, какъ входитъ изъ печи въ теплопроводный каналъ воздухъ, нагрѣтый до 80 градусовъ по Реомюру, онъ выходитъ изъ каналовъ, достигая собора, самыхъ короткихъ въ 15 аршинъ, съ температурою въ 40 градусовъ, а изъ самыхъ длинныхъ, въ 15 аршинъ,—въ 20 градусовъ и менѣе,—до 10 градусовъ. Можетъ ли такое малое количество тепла достаточно обогрѣть такое огромное зданіе собора? Понятно, почему при морозахъ въ 15 градусовъ внѣшней температуры въ соборѣ тепла бываетъ не болѣе семи градусовъ.

Для изолированія теплопроводныхъ трубъ отъ окружающей ихъ холодной среды, инженеръ Быковъ, при первоначальномъ устройствѣ ихъ обложилъ ихъ войлокомъ и деревянными досками. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, дерево и войлокъ, сохраняя въ каналахъ тепло, представляли страшную опасность въ случаѣ проникновенія къ нимъ огня. Такая опасность и обнаружилась въ половинѣ Декабря 1899 г., когда отъ проникшей, неизвѣстно, какимъ образомъ, въ каналъ искры стали сначала тлѣть, а потомъ и загорѣлись находившіяся въ нихъ

доски и войлокъ. Пожаръ могъ бы проникнуть въ соборъ и коснуться его вѣковой святыни, если бы, съ неимовѣрными усилиями, пожаръ не былъ, хотя и не скоро, потушенъ, не коснувшись внутренности собора; по молитвамъ святителей Московскихъ, мощи которыхъ не-тлѣнно почивають въ этомъ Всероссийскомъ соборѣ, милостю Божію, пожаръ ограничился истребленіемъ деревянной обшивки каменныхъ каналовъ и войлока, отъ горѣнія котораго смрадъ, наполнившій соборъ, былъ столь великъ, что запахъ его давалъ себя чувствовать въ продолженіи почти цѣлаго года.

Въ избѣжаніе на будущее время повторенія подобной опасной катастрофы, рѣшено было деревянную обшивку теплопроводныхъ трубъ замѣнить кирпичною ихъ облицовкою, чѣмъ устранило всякую опасность отъ пожара, но за то менѣе способствовало сохраненію тепла въ каналахъ. Недавно произведенная облицовка стѣнъ каналовъ, особымъ кирпичемъ, мало проводящимъ тепла, не много помогла дѣлу, хотя предпринята была по проекту одной изъ лучшихъ техническихъ конторъ. Для улучшенія устройства отопленія Московскаго Успенскаго собора остается одно средство—прибѣгнуть къ новѣйшимъ способамъ отопленія большихъ зданій, бывшимъ совершенно неизвѣстными пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; изъ нихъ самою, надежною по нашему мнѣнію, могла бы быть система такъ называемаго водяного отопленія; но примѣненіе ея къ отопленію собора можетъ встрѣтить непреодолимое препятствіе, кромѣ ея дороговизны, еще въ размѣщеніи теплопроводныхъ батарей по внутреннимъ стѣнамъ собора, которые почти сплошь установлены неприкосновенными по своей святынѣ гробницами.

Прот. В. Марковъ.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНІЕ.

Спокойно и тихо отбывала наша 1-я гренадерская дивизія лѣтомъ въ 1877 году свой учёбный лагерь подъ г. Москвою. Смотры, парады, ученья, ежедневно совершенствуя нась подъ барабанъ и музыку, шли своимъ порядкомъ и доводили эту науку до той высоты искусства, которое, по взглядамъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ начальниковъ, должно было служить лучшимъ залогомъ будущихъ побѣдъ нашихъ на ратномъ полѣ. А война съ Турциею, начавшаяся въ тотъ годъ еще съ ранней весны, между тѣмъ, разгоралась все болѣе и болѣе, и хотя нѣсколько вновь мобилизованныхъ корпусовъ давно уже двинулись изъ Россіи на усиленіе нашихъ дѣйствующихъ армій, но дѣла тамъ шли какъ-то не вполнѣ удачно, и со дня-на-день можно было ожидать распоряженій о мобилизації новыхъ частей, въ число которыхъ, по всѣмъ даннымъ, должны были попасть и войска Московскаго гарнизона. Ничего и говорить, что весь военный міръ, слѣдя съ лихорадочнымъ трепетомъ за ходомъ войны, былъ крайне заинтересованъ событиями, происходившими на нашихъ окраинахъ, и за газеты взялись даже тѣ, кто прежде никогда ихъ и въ руки не бралъ. Въ офицерскихъ кружкахъ спорили, толковали, дѣляя различные выводы и предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ армій; но почти всѣ были убѣждены, что война надолго не затягнется.

Но вотъ мы прочли о мобилизації гвардіі, которая готовится къ выступленію въ походъ, а 22-го Іюля состоялся высочайший приказъ о мобилизації и 1-й гренадерской дивизіи. Изъ этого приказа мы узнали, что гвардія идетъ къ Балканамъ, а наша дивизія въ Азіатскую Турцію.

Какъ ни готовы мы были къ этому извѣстію, тѣмъ не менѣе оно все-таки немало озабочило многихъ изъ насъ и въ особенности тѣхъ, кому приходилось бросать семью, наскоро устроить свои дѣла и готовиться въ походъ за нѣсколько тысячъ верстъ. Дѣла предстояло много, хотя, простоявъ безвыходно семнадцать лѣтъ въ Москвѣ, полки 1-й гренадерской дивизіи успѣли такъ сродниться съ нею, что имъ,

конечно, не легко было покинуть, и можетъ быть надолго, свои насиженныя мѣста, но надѣяться никто много не задумывался, и за дѣло принялись всѣ съ болышио энергию.

По плану мобилизациіи укомплектованіе запасными должно было начаться черезъ пять дней, и 7-го Августа полки наши, уже сформированные по военному составу, должны были выступить въ походъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени нужно было обмундировать прибывшихъ изъ запаса, подучить ихъ стрѣльбъ и вообще подготовить части настолько, чтобы съ ними можно было стать въ ряды боевыхъ войскъ.

Время летѣло быстро, и мы не успѣли оглянуться, какъ подкатило 7-е Августа. Наканунѣ, по случаю выступленія въ походъ, въ лагерной церкви назначенъ былъ общій молебенъ. Съѣхалось къ намъ все начальство, а за нимъ вскорѣ прибылъ и самъ командующій войсками генералъ Гильденштубе. Онъ обошелъ полки, поздравилъ всѣхъ съ походомъ, но, разставаясь съ своими любимыми гренадерами, видимо былъ такъ разстроенъ, что могъ сказать въ напутствіе намъ лишь нѣсколько словъ и послѣ богослуженія тотчасъ уѣхалъ изъ лагеря.

На другой день съ ранняго утра началось выступленіе. Полки выходили изъ лагеря по-эшелонно, по прибытии къ Рязанскому вокзалу тотчасъ-же становились въ линію противъ вагоновъ, которые уже были готовы, чтобы везти насъ до самыхъ горъ Кавказа. Здѣсь сказали мы послѣднее „прости“ нашей милой Москвѣ и, разѣловавшись съ своими близкими, собравшимися проводить насъ на поѣздъ, понеслись въ ту невѣdomую даль, изъ которой многимъ уже не суждено было возвратиться.

Въ семь дней, не вылѣзая изъ вагоновъ, мы перенеслись на Югъ. Во Владикавказѣ сдѣлали дневку, которою многіе не преминули воспользоваться, чтобы запастись Кавказскими бурками, оказавшими впослѣдствіи намъ неоцѣненные услуги, и 16-го Августа потянулись походнымъ порядкомъ большою Военно-грузинскою дорогою по горамъ Кавказа.

Не буду останавливаться на видахъ этой живописной дороги, которая уже много разъ была описана видѣвшими ее, и скажу только, что эти черныя, глубокія ущелья, эти скалы съ ветхими замками, напоминавшими времена давно отжившаго рыцарства, производили на всѣхъ насъ то чарующее впечатлѣніе, которому невольно поддаешься при первомъ взглядѣ на нихъ. Въ особенности меня поразилъ видъ Дарьлянского ущелья съ вѣчно бушующимъ въ немъ Терекомъ, и мнѣ

припомнилось тутъ известное стихотвореніе нашего незабвенного поэта Лермонтова:

„Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
„Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
„Старинная башня стояла,
„Чернѣя, на черной скалѣ“....

Тутъ словъ немногого, но въ нихъ поэты удивительно вѣрно и ярко изобразилъ характеръ нашей благословенной Грузіи, которая, кажется, никогда не утратить своей обаятельной прелести, такъ притягивающей сюда туристовъ всѣхъ странъ.

Переваливъ Гуть-гору, эту высшую точку главнаго Кавказскаго хребта, покрытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣчнымъ снѣгомъ, мы спустились въ долину рѣки Арагвы и уже до Мцхета (станціи Поти-Тифлісской желѣзной дороги) продолжали путь среди виноградныхъ садовъ, которыми почти сплошь покрыта эта долина. Жара стояла страшная, доходившая днемъ до 45° , и потому всѣ переходы намъ приходилось дѣлать только ночью.

Отъ Мцхета пѣздъ желѣзной дороги въ нѣсколько часовъ перенесъ насъ къ станціи Михайловской, откуда полкъ уже въполномъ составѣ съ музыкою и пѣснями двинулся по Боржомскому ущелью къ селенію Боржомъ—льгней резиденціи Великаго Князя Михаила Николаевича, гдѣ въ то время пребывало все его августейшее семейство. Переходъ былъ небольшой, и къ полудню мы уже входили въ это селеніе, за которымъ въ небольшой прекрасной рощице расположились бивакомъ. Но только что успѣли мы разбить свои палатки, какъ на бивакъ къ намъ подкатило нѣсколько экипажей, высланныхъ по приказанію ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Феодоровны, которая изволила пригласить всѣхъ офицеровъ полка къ себѣ на завтракъ. Мы живо перемѣнили мундиры, усѣлись въ поданные экипажи и поѣхали во дворецъ.

Никогда не изгладится у меня изъ памяти тотъ милостивый приемъ, который оказанъ былъ намъ тогда великою княгинею. Въ немъ столько было привѣтливости, ласки и теплой простоты, что растрогалъ всѣхъ насъ до глубины души. Обходя залъ, гдѣ мы представлялись ея высочеству, она многихъ офицеровъ изволила разспрашивать о ихъ семействахъ и близкихъ, оставленныхъ въ Москвѣ, и затѣмъ, обратясь къ командиру нашего полка генералу Дену, пожелала узнать, нѣть-ли между его офицерами служившихъ прежде на Кавказѣ.

Въ полку въ это время изъ Кавказцевъ я былъ только одинъ, и потому генералъ Денъ тутъ-же представилъ меня ея высочеству.

— Въ какомъ полку вы служили на Кавказѣ? обратилась ко мнѣ съ вопросомъ великая княгиня, и на мой отвѣтъ, что я служилъ въ Дагестанскомъ его высочества Великаго Князя Николая Михайловича полку, изволила также поинтересоваться, давно-ли я „переведенъ“ съ Кавказа.

— Только три года назадъ, ваше императорское высочество, отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ, которое вызвано было такимъ благосклоннымъ вниманіемъ ко мнѣ великой княгини.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжала ея высочество,—вы были, вѣроятно, и на томъ смотру, когда вашъ полкъ такъ блестяще представился Великому Князю главнокомандующему въ семьдесятъ первомъ году въ Чирь-Юртѣ?

— Точно такъ, ваше высочество, я былъ на этомъ смотрѣ и въ числѣ другихъ удостоился тогда получить похвалу Его Императорского Высочества.

Великая княгиня милостиво кивнула мнѣ головой и, пригласивъ офицеровъ къ завтраку, сама изволила ввести насъ въ столовую, гдѣ за общимъ столомъ мы и размѣстились вмѣстѣ со всей ея августейшей семьею.

Нужно сознаться, однако, что, находясь въ кругу высочайшихъ особъ, мы въ началѣ невольно чувствовали себя нѣсколько стѣсненными, но простота, любезное обхожденіе съ нами самой великой княгини и ея августейшихъ дѣтей скоро заставило насъ настолько освоиться съ ихъ обществомъ, что мы потомъ уже менѣе застѣнчиво отвѣчали на всѣ вопросы, которые они задавали намъ, помня, однако, наставленіе командира полка самимъ не вдаваться ни въ какіе разговоры.

Послѣ роскошнаго завтрака всѣ перешли на огромную террасу, выходившую въ садъ, куда поданы были кофе и чай. Здѣсь ихъ императорскія высочества Михаилъ Михайловичъ и Георгій Михайловичъ, разложивъ карты на столахъ, тотчасъ-же принялись знакомить насъ съ расположениемъ отряда, въ который мы слѣдовали, подробно при этомъ указывая позиціи, занимаемыя Турецкими войсками, и нужно было удивляться тѣмъ яснымъ свѣдѣніямъ, которыми обладали оба великие князя, тѣмъ болѣе, что Михаилу Михайловичу въ то время было всего пятнадцать лѣтъ, а Георгію Михайловичу минуло только четырнадцать.

Когда офицеры, по знаку командира полка, начали откланиваться съ высочеству, она собственноручно изволила дать каждому изъ насъ санитарную книжку, въ которой, кромѣ наставленія о перевязкахъ, было вложено нѣкоторое количество корпії, бинтовъ и другихъ пере-

вязочныхъ принадлежностей. Этотъ драгоцѣнныи подарокъ впослѣдствіи окказалъ намъ великую услугу и далъ возможность, благодаря свое временно сдѣланной перевязкѣ на самомъ полѣ сраженія, спасти многихъ раненыхъ отъ неименуемой смерти. Раздавая книжки и замѣтивъ меня среди другихъ, ея высочество изволила еще разъ обратиться ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Прошу васъ передать мой поклонъ его высочеству Николаю Михайловичу. Онъ находится теперь въ отрядѣ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ главнокомандующимъ.

Конечно, такое порученіе было для меня высокою милостью великой княгини, и я отвѣчалъ, что счастливъ буду исполнить приказаніе ея императорскаго высочества.

На возвратномъ пути мы воспользовались случаемъ и заѣхали въ Боржомскій госпиталь, чтобы навѣстить своего бывшаго товарища, поручика Введенскаго, переведеннаго еще до войны въ Кавказскія войска и теперь находившагося на излѣченіи отъ раны въ этомъ госпиталѣ. Мы застали его уже почти совсѣмъ оправившимся, но едва лишь успѣли съ нимъ обмѣняться нѣсколькими словами, какъ въ госпиталь изволила прибыть ея высочество великая княгиня Ольга Феодоровна. Это было обычное время посѣщенія єю раненыхъ. Боясь нашимъ присутствіемъ помѣшать великой княгинѣ, мы тотчасъ распрошались съ Введенскимъ, пожелали ему полнаго выздоровленія и пошли въ свой лагерь.

На другой день рано утромъ полки выступили къ селенію Бакурьяны. Путь нашъ теперь лежалъ черезъ имѣніе Великаго Князя Михаила Николаевича по Бакурьянскому, Цихверскому и Чернорѣченскому ущельямъ. Это чудное, живописное мѣстечко, съ роскошною растительностью, покрыто почти сплошь превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, по которому проходитъ очень хорошая дорога до самаго селенія Бакурьяны, лежащаго на значительной высотѣ. Небольшая деревушка расположена въ густомъ лѣсу и населена выходцами изъ Малороссіи, перекочевавшими сюда еще со временъ намѣстника Кавказа князя Воронцова. Здѣсь мы переночевали и на слѣдующій день, около полудня, подошли къ перевалу невысокаго горнаго хребта, за которымъ уже начинается бесплодная долина Арmenіи, тянущаяся до самого города Ахалкалаки на протяженіи болѣе чѣмъ тридцати верстъ.

Хотя дороги этой части Закавказья въ сухое время довольно сносны, но въ ту пору, вслѣдствіе выпавшихъ передъ тѣмъ дождей, они были такъ испорчены, что Его Императорское Высочество главнокомандующій, чтобы не замедлить наше движеніе, приказалъ все слѣ-

довавши въ отрядѣ эшелоны перевозить отсюда на лошадяхъ до самой границы. Это разстояніе, приблизительно около 70 верстъ, мы сдѣлали въ два дня на подводахъ, выставленныхъ отъ духоборскихъ сель, и такимъ образомъ 3-го Сентября перешли у селенія Шаштапа рѣчку Арпа-чай, тогдашнюю границу нашу съ Азіатскою Турціей.

Природа этого края очень бѣдна и представляетъ рѣзкую противоположность очаровательной Грузіи съ ея богатою растительностью, густыми лѣсами и чрезвычайно разнообразными видами. Населеніе юится здѣсь уже не въ домахъ, а въ какихъ-то полутемныхъ хлѣвахъ, размѣщаясь вмѣстѣ со скотомъ, и живеть до крайней степени грязно. Только приближаясь къ самой границѣ, встрѣчается нѣсколько селеній духоборовъ, которые, какъ вредные сектанты, были выселены сюда въ 1841 г. изъ нашихъ южныхъ губерній. Живя въ этой чужой и глухой странѣ, духоборы эти однако не только сохранили свой природный языкъ, но даже и весь тотъ образъ жизни, какой они вели въ Россіи. Чистота, опрятность съ нѣкотораго рода даже зажиточностью проглядываютъ у нихъ во всемъ, и отрадно было встрѣтить то благосостояніе, какимъ пользуются здѣсь эти загнанные отщепенцы Русскаго народа.

Отъ границы до Кюрюкъ-Дара, гдѣ тогдѣ находился нашъ главный отрядъ, оставалось лишь около двухъ небольшихъ переходовъ; но въ виду распространившагося слуха о намѣреніи Турецкаго главно-командующаго Мухтара-паши сдѣлатъ со значительными силами нападеніе на слѣдовавшіе въ отрядѣ эшелоны, начальникамъ частей приказано было принять всѣ мѣры военныхъ предосторожностей, какъ при движениіи, такъ и при остановкахъ. Однако, слухъ этотъ, неизвѣстно кѣмъпущеній, оказался совершенно ложнымъ, и мы преблагополучно достигли 4 Сентября рѣки Карсъ-чай, гдѣ и назначенъ намъ былъ послѣдній ночлегъ передъ вступленіемъ въ лагерь отряда. Здѣсь мнѣ сообщили офицеры ранѣе прибывшаго эшелона, что къ нимъ на бивакъ утромъ прїѣжалъ Его Императорское Высочество главнокомандующій вмѣстѣ съ своимъ августѣйшимъ сыномъ Николаемъ Михаиловичемъ, который изволилъ у нихъ спрѣвляться обо мнѣ. называя меня по фамиліи. Это новое вниманіе высочайшихъ осоਬъ ко мнѣ, простому офицеру, было для меня такъ неожиданно и, понятно, такъ лестно, что я всю ночь не могъ сомкнуть глазъ отъ волненій, обдумывая, въ какихъ словахъ я долженъ буду передать Его Высочеству порученіе, данное мнѣ великою княгинею, его августѣйшею матерью, но, конечно, ничего не придумалъ лучшаго, какъ обратиться къ командиру полка и просить по этому поводу его указаній.

— Теперь я не могу ничего на это вамъ отвѣтить, сказалъ мнѣ генералъ Денъ, но когда прибудемъ въ отрядъ. я разузнаю обо всемъ и тогда сообщу какъ и гдѣ вамъ нужно будетъ представиться Великому Князю.

На слѣдующій день, уже на походѣ настѣ встрѣтилъ генералъ Гейманъ, въ отрядъ котораго назначалась вся наша дивизія. Я зналъ Геймана еще въ то время, когда мы вмѣстѣ съ нимъ были въ Шапсугскомъ отрядѣ генерала Рудановскаго, при дѣйствіяхъ его въ 1860 году за Кубанью. Тамъ Гейманъ, тогда еще молодой, энергичный офицеръ, въ чинѣ капитана, командовалъ стрѣлковыми ротами Кабардинскаго полка и съ своими охотниками наводилъ такой страхъ на горцевъ, что при встрѣчѣ съ нимъ они почти всегда разбѣгались, не успѣвъ послѣ перестрѣлки часто захватить даже своихъ раненыхъ и убитыхъ. Охотники Геймана подбирали въ этомъ случаѣ оставленныхъ горцами людей и приносили ихъ въ лагерь, а на другой день смотришь, было, Шапсуги ужъ шлютъ къ нему депутатовъ съ быками, предлагая ими выкупать своихъ раненыхъ и убитыхъ съ платою за каждого по одной парѣ воловъ.

Съ того времени прошло болѣе семнадцати лѣтъ, и хотя годы успѣли уже наложить на этого героя свою печать, но не ослабили, однако, въ немъ той энергіи и отваги, которая выдвинула его потомъ на степень тѣхъ славныхъ полководцевъ, имена которыхъ и теперь еще громко звучать въ устахъ старыхъ Кавказцевъ *).

Остановивъ полкъ, генералъ Гейманъ поздоровался съ людьми, обѣхалъ всѣ ряды и, выразивъ удовольствіе командиру полка за бодрый и молодецкій видъ солдатъ, самъ повелъ ихъ въ лагерь.

Свѣжіе, щегольски одѣтые баталіоны наши съ музыкою и пѣснями двинулись къ биваку и черезъ полчаса въ стройномъ порядкѣ уже входили въ лагерь отряда, гдѣ и расположились по указанію самого генерала Геймана.

Но мы не успѣли еще приступить къ разбивкѣ своего лагерь, какъ показалась коляска Великаго Князя главнокомандующаго, который изволилъ пожелать лично привѣтствовать первую часть прибывшихъ изъ Москвы гренадеръ. Подѣхавъ къ флангу полка, который быстро успѣлъ выстроиться, Его Высочество вышелъ изъ экипажа и въ сопро-

*) Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный человѣкъ сдѣлался жертвою эпидемическаго тифа, страшно свирѣпствовавшаго въ зиму того года въ нашихъ войскахъ. Отправившись послѣ заключенія мира изъ Эрзерума въ Карсъ, онъ дорогою сильно промокъ подъ дождемъ и, по прибытии на мѣсто, черезъ нѣсколько дней умеръ отъ тифа.

вождении Великаго Князя Николая Михайловича направился по фронту, здороваясь съ каждою ротою отдельно. Поравнявшись съ моей ротой, Его Высочество на минуту простоял и, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

- Какъ фамилія?
- Штабсъ-капитанъ Аноевъ, Ваше Императорское Высочество.
- Гдѣ вы прежде служили?
- Въ Дагестанскомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича полку.
- Вамъ приказано передать поклонъ вашему бывшему шефу, проговорилъ Великій Князь, и указавъ мнѣ рукою на своего августѣйшаго сына, какъ-бы разрѣшая тѣмъ передать порученіе, данное мнѣ великою княгинею, прослѣдоваль самъ далъше.

Подойдя ко мнѣ и подавъ руку, Его Высочество Николай Михайловичъ изволилъ спросить, давно-ли я переведенъ съ Кавказа, труденъ-ли для насъ быть походъ, поинтересовался затѣмъ узнать, прибыли-ли съ нами люди Екатеринославскаго полка, прикомандированные къ нашему полку, и подавъ вторично мнѣ руку, послѣдоваль за Великимъ Княземъ главнокомандующимъ.

Черезъ полчаса лагерь нашъ быль разбитъ, и мы принялись было уже за чай, который деньгищики успѣли намъ приготовить, какъ къ биваку нашему подкатилъ цѣлый транспортъ пустыхъ фургоновъ, присланныхъ Тифлисскимъ гренадерскимъ полкомъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ штабъ-офицеровъ, черезъ котораго Тифлисцы приглашали всѣхъ офицеровъ нашихъ къ себѣ въ лагерь на обѣдъ.

Нижнихъ чиновъ звать къ себѣ явились фельдфебеля и унтеръ-офицеры.

Само собою, что отъ такого любезнаго приглашенія нашихъ новыхъ товарищѣй никто не отказался и, отправивъ съ разрѣшеніемъ командира полка роты, мы разсѣлись по фургонамъ и покатили къ Тифлисцамъ.

Кавказскій обычай встрѣчать и провожать войска знакомыя и не-знакомыя, съ которыми случай сводить (хотя и временно) существуетъ издавна. Выражая собой отношенія братства и взаимной услуги, онъ сильно способствовалъ объединенію частей духомъ отваги и проявленію въ нихъ того самоотверженія, которымъ давали имъ средства преодолѣвать иногда большія препятствія. Высшее начальство принимало всегда самое дѣятельное участіе въ этихъ оживленныхъ и въ высшей степени знаменательныхъ обѣдахъ и приемахъ, гдѣ части сходились

одна съ другой, между собою знакомились и могли многому научиться отъ тѣхъ, кто освоился уже ранѣе, какъ съ мѣстностью, такъ и съ духомъ противника.

Тифлисцы встрѣтили насъ съ музыкой и послѣ обояднаго представлениія другъ другу пригласили въ свои лазаретные шатры, гдѣ приготовлены были столы для общей товарищеской трапезы. Сюда къ этому времени собирались генералъ Гейманъ, начальникъ Кавказской grenадерской дивизіи генералъ Соловьевъ, начальникъ нашей дивизіи генералъ Роопъ и многіе другіе, ставшіе уже героями войны и украшенные высокими знаками боевыхъ отличій.

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, обѣдъ затянулся до поздняго времени. Много тутъ сказано было рѣчей, много провозглашено тостовъ за присутствующихъ и осущено бокаловъ съ пожеланіемъ общихъ успѣховъ въ нашихъ будущихъ дѣлахъ, и далеко за полночь ужъ было, когда распрошались мы, наконецъ, съ радушными Тифлисцами и, отуманенные ароматами Кахетинскихъ и другихъ винъ, разѣхались по своимъ лагерямъ.

Караяльская позиція находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1854 году одержана была генераломъ Муравьевымъ знаменитая победа надъ Турками. Занимая протяженіе около трехъ верстъ, она упиралась правымъ флангомъ въ селеніе Кюрюкъ-Дара, а лѣвымъ—въ гору Ка-рояль, отъ которой, понижаясь постепенно къ равнинѣ, идетъ длинный рядъ холмовъ, соединяющихъ ее съ Аладжинскимъ хребтомъ. Эта хребетъ тянется слишкомъ на двадцать верстъ и въ данное время служилъ мѣстомъ расположенія арміи Мухтара-паші, въ которой насчитывалось около 60 тысячъ человѣкъ и 130 полевыхъ орудій. Впереди нашей и непріятельской позиціи далеко разстипалось ровное поле, покрытое высокою и сочною, хотя мѣстами уже пожелтѣвшою, травою, скрывавшею отъ глазъ глубокія балки и ложбины, усыпанныя огромными камнями. Эти камни разбросаны также по всей равнинѣ, и въ особенности ихъ много вблизи крѣпости Карса, гдѣ они встрѣчаются иногда очень большихъ размѣровъ. Вся эта мѣстность—такъ называемая Карская долина—почти безводна и только у самаго подножія Аладжинского хребта орошаются небольшою рѣчкою Маврякъ-чай, которая находилась вся въ мѣстѣ расположенія Турецкихъ войскъ и потому для насъ была совершенно недоступна.

Хотя при отсутствіи воды въ этой мѣстности наши отряды могли встрѣтить болѣшія затрудненія при наступленіи ихъ на позицію Турукъ, тѣмъ не менѣе съ прибытиемъ 40-й, а вслѣдъ за ней нашей 1-й grenадерской дивизій, въ главной квартирѣ рѣшено было во 2-й половинѣ

Сентября мѣсяца приступить къ дѣйствіямъ и начать ихъ одновременно общимъ наступленіемъ на всѣ пункты непріятельского расположения.

Первые слухи объ этомъ пошли по обыкновенію съ отряда базара этого главнаго разсадника всѣхъ новостей. Тамъ усиленно начали говорить о скоромъ выступлениі войскъ изъ лагеря, и между прочимъ, рассказывали, что Мухтаръ-паша будто бы даже самъ намѣревается атаковать нашъ главный отрядъ, отбросить его къ Александрополю и стать съ своею арміею у нашей границы. Конечно, послѣдній толкъ былъ не болѣе, какъ фантазію досужихъ людей, и вытекалъ, какъ надо предполагать, изъ тѣхъ неудачъ, которыя предшествовали снятію нами еще въ Іюль мѣсяцѣ первой осады Карса и отступленію затѣмъ всего дѣйствующаго отряда къ Кюрюкъ-Дарѣ. Однако, разрѣшилось все это тѣмъ, что 18-го Сентября всѣмъ войскамъ приказано было получить фуражъ на четыре дня, оставить тяжести на мѣстѣ и готовиться къ выступленію, имѣя при себѣ лишь обозъ первого разряда.

19-го Сентября къ отряду нашему у Кюрюкъ-Дарѣ присоединился Ардаганскій отрядъ генерала Комарова, и въ тотъ же день всѣ войска получили диспозицію, по которой 20-го Сентября предполагалось атаковать Турокъ на всѣхъ ихъ позиціяхъ и главный ударъ направить на части Карскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ Визинкеву и къ горамъ Большой и Малой Ягнамъ, составлявшимъ лѣвый флангъ Аладжинской позиціи.

Для выполненія этой задачи всѣ войска были раздѣлены на три большие отдыла: правое крыло, лѣвое крыло и резервъ.

Правое крыло подъ личною командою самого корпуснаго командира генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова состояло, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему Ардаганскимъ отрядомъ, изъ 32 баталіоновъ пѣхоты, 37 эскадроновъ кавалеріи и 104 орудій. Весь этотъ отрядъ предназначался для атаки да обѣ Ягны, въ то время, когда лѣвое крыло, удерживая правый флангъ Мухтара (расположенный отъ Инахъ-Тенеси до Суботана) долженъ быть не допускать его подать помощь Карскимъ отрядамъ, занимавшимъ самые важные операционные пункты и ключъ всѣхъ Турецкихъ позицій.

Какъ наибольшая и главная часть, правое крыло въ свою очередь подраздѣлено было на четыре колонны: лѣвая, генерала Шака, изъ 7 баталіоновъ, предназначалась дѣйствовать противъ аула Хаджи-Вали; средняя, генерала Шереметева, изъ $4\frac{1}{2}$ баталіоновъ должна была захватить гору Большія Ягны и затѣмъ выдвинуться къ Визинкеву;

правая, генерала графа Граббе (въ составѣ которой вошелъ нашъ Перновскій полкъ, поступивъ по соединеніи съ отрядомъ генерала Комарова, подъ общее начальство генераль-лейтенанта Роопа, у кото-рого образовалось 13 баталіоновъ пѣхоты, 19 эскадроновъ кавалеріи и 34 орудія) предназначена была вести атаку противъ горы Малая Ягны. Резервъ праваго крыла, подъ командою генерала Соловьева, состоялъ изъ 7 баталіоновъ пѣхоты, 4 сотенъ кавалеріи и 14 орудій.

Общее начальство надъ лѣвою и среднею колоннами поручено было генераль-лейтенанту Гейману, у которого въ общемъ находилось 11 баталіоновъ пѣхоты, 4 сотни кавалеріи и 14 орудій. Колоннамъ праваго крыла предполагалось выступить изъ Кюрюкъ-Дарѣ въ 11 часовъ ночи, чтобы съ разсвѣтомъ внезапно захватить гору Большія Ягны, находившуюся верстахъ въ 14 отъ лагеря, и одновременно съ этимъ начать атаку на гору Малая Ягны. Въ случаѣ удачі обѣ эти горы слѣдовало немедленно укрѣпить къ сторонѣ противника и, оставивъ на нихъ небольшіе гарнизоны, продолжать наступленіе на Визинкѣвъ.

Съ цѣлью вызвать соревнованіе между полками разныхъ дивизій, тождественные по номеру полки обѣихъ grenадерскихъ дивизій были сведены въ одну колонну. Такъ въ общій резервъ назначены были первые полки; въ резервъ праваго крыла—вторые; трети вошли въ составъ правой колонны и, наконецъ, четвертые въ составъ лѣвой и средней колоннъ. Такое раздѣленіе сдѣлано было въ виду того, что полки эти, какъ знакомые другъ другу по той встрѣчѣ, которую Кавказ-скіе grenадеры дѣлали Московскімъ въ день ихъ прибытія въ отрядъ, могли и въ бою оказать болѣе дѣятельную поддержку одинъ другому.

Часовъ около 4-хъ вечера, 19-го Сентября, одна часть правой колонны подъ начальствомъ генерала графа Граббе сосредоточилась у Кюрюкъ-Дарѣ, а другая подъ начальствомъ генерала Комарова у селенія Пoldырвана. Затѣмъ съ наступленіемъ сумерекъ обѣ эти колонны, предшествуемыя авангардомъ изъ кавалеріи и конной артиллериіи, должны были двинуться по дорогѣ къ горѣ Кабахъ-Тапѣ, сдѣлать тамъ большой привалъ и послѣ него наступать далѣе по южному склону горы Ташки-Тапѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы еще до разсвѣта авангардамъ этихъ колоннъ стать на главной дорогѣ изъ Карса и отражать всякия попытки непріятеля помѣшать дѣйствіямъ нашихъ войскъ противъ укрѣпленій Малой Ягны.

Съ разсвѣтомъ отрядъ генерала Комарова долженъ былъ повести атаку на укрѣпленія Малой Ягны съ западной и съверо-западной стороны, а отрядъ генерала графа Граббе поддержать эту атаку, дѣйствуя противъ укрѣпленій на той же горѣ съ Сѣвера.

Вотъ планъ, который надлежало исполнить войскамъ нашего праваго фланга.

Карская долина, окаймленная съ обѣихъ сторонъ горными хребтами, представляеть широкую равнину, протянувшуюся, какъ выше сказано, почти до самой крѣпости Карса. Она вся изрѣзана дорогами, пересѣкавшими ее въ разныхъ направленихъ, и потому при наступившей темнотѣ у насъ ушло много времени на приведеніе всѣхъ колоннъ въ тотъ порядокъ, который онѣ должны были принять по диспозиціи движенія. Частямъ безпрестанно приходилось дѣлать остановки, чтобы пропустить впередъ то кавалерію, то артиллерію, которыя, путаясь въ огромномъ числѣ войскъ по лабиринту дорогъ, долго не могли найти опредѣленныхъ имъ мѣстъ въ колоннахъ. Но вотъ, наконецъ, все пришло въ надлежащій порядокъ, и отрядъ нашъ уже безъ остановокъ тронулся впередъ.

Ночь стояла теплая, безоблачная. Мириады звѣздъ горѣли яркими огнями и, точно самоцвѣтные камни, блестѣли въ прозрачномъ воздухѣ. Всюду было тихо, даже какъ-то безжизненно, и только въ Турскихъ лагеряхъ, расположенныхъ по Аладжѣ, кое-гдѣ мелькали огоньки костровъ, обозначая мѣста нахожденія Турскихъ войскъ, которыхъ однако не обнаруживали пока ничѣмъ приготовленій къ встрѣчѣ съ Русскими. Казалось, Турки еще не знали о нашемъ движеніи, но снятые ими повсюду аванпосты заставляли предполагать, что о наступленіи Русскихъ имъ уже хорошо было известно.

У горы Карабахъ-Тапа наша колонна была остановлена для привала. Какъ всегда, офицеры собирались по кучкамъ и тосковали о предстоящемъ дѣлѣ съ Турками. А что дѣло съ ними намъ предстояло, и дѣло серьезное—это можно было предвидѣть изъ того, что нашъ Перновскій полкъ вмѣстѣ съ Тифлисскимъ должны были атаковать позицію Турокъ на Малой Яgnѣ со стороны едва доступной, которая при значительномъ гарнизонѣ, была къ тому-же еще и хорошо укрѣплена *).

Мнѣ какъ-то не хотѣлось принимать участіе въ толкахъ офицеровъ, я отошелъ въ сторону, растянулся на лужайкѣ и сталъ вспоминаться въ переливы сверкающихъ надо мною звѣздъ. Мои мысли унеслись къ далекой родинѣ—милой Москвѣ, гдѣ такъ недавно еще я видѣлъ свою старушку-мать; вспомнились ея горькія рыданія, съ которыми она, крестя и обнимая, провожала меня на войну; вспоминалась и та маленькая комнатка, изъ окна которой, бывало, я часто смотрѣль на эти-же самыя звѣзды, и мнѣ страстно хотѣлось, хотя бы черезъ нихъ, передать

*) На Малой Яgnѣ стоялъ Махмудъ-паша съ 6-ю баталіонами пѣхоты и 8-ю орудіями. (Записки Англійск. корреспонд. Нормана. „Воен. Сборн.“ 1878 года).

привѣтъ моимъ близкимъ и друзьямъ. Я такъ увлекся своими воспоминаніями, что не сразу даже замѣтилъ, какъ подошелъ и усѣлся около меня подпоручикъ Ревенскій, только что передъ тѣмъ переведенный изъ моей роты въ другую. Это былъ еще совсѣмъ юный офицеръ, выпущенный недавно изъ военного училища въ нашъ полкъ и передъ выступленіемъ въ походъ назначенный ко мнѣ въ роту. Какъ прекрасный товарищъ, онъ пользовался расположениемъ всѣхъ офицеровъ и былъ общимъ любимцемъ моихъ солдатъ. Ему пришла въ голову мысль, по случаю своего перевода, проститься съ людьми моей роты, и онъ убѣдительно сталъ просить меня разрѣшить ему это сдѣлать тутъ же на привалѣ.

Я хотѣлъ отклонить Ревенского отъ его намѣренія, опираясь на тотъ доводъ, что среди военныхъ не считается добрымъ знакомъ прощаться передъ боемъ со своими сослуживцами, но онъ продолжалъ настаивать на своей просьбѣ и съ грустною улыбкою сказалъ мнѣ:

—Не знаю, капитанъ, почему, но я никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что сегодня меня или убьютъ, или ранятъ.

—Полноте, возразилъ я Ревенскому, и не думайте лучше обѣ этомъ. Вы знаете, я уже давно обстрѣленный солдатъ, и вѣрюте, что почти всѣмъ такъ кажется, кто въ первый разъ идетъ въ бой. Быть убитымъ или получить рану—есть дѣло случая, но Богъ милостивъ, мы съ вами, можетъ быть, не разъ еще побываемъ подъ вражескими пулями и послушаемъ ихъ звонкаго пѣнія.

Однако, мнѣ не удалось разсѣять мрачныя предчувствія Ревенского. Онъ остался при своемъ убѣженіи и горячо поблагодарилъ меня, когда я, наконецъ, согласился на его просьбу.

И вѣдь какъ это ни странно, а предчувствіе не обмануло Ревенского: онъ дѣйствительно въ тотъ же день былъ серьезно раненъ; нѣсколько мѣсяцевъ потомъ лѣчился въ госпиталѣ, даже какъ будто и поправился тамъ, но не на долго: рана его имѣла роковыя послѣдствія, и онъ умеръ въ томъ же госпиталѣ, не увидѣвъ уже болѣе своей родины.

Ровно въ три часа ночи колонна наша тронулась дальше. У Туровъ продолжали мелькать еще огоньки, но попрежнему царила все та же глубокая тишина. Прошли еще пять, шесть верстъ, и на Востокѣ начали показываться первые проблески утренняго разсвѣта: отъ горъ пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, изъ щелей стала медленно выползать густой туманъ, и вскорѣ вся окрестность покрылась такою непроницаемою мглою, что въ двухъ шагахъ невозможно было ничего разсмотреть. Полчаса спустя, туманъ, однако, началъ разсѣиваться, и въ

блеснувшихъ лучахъ показавшагося солнца сразу вдругъ открылась, не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ нась, гора Малая Ягны со всѣми ея укрѣпленіями.

Пріостановивъ движеніе, чтобы дать стянуться войскамъ, генералъ Роопъ приказалъ нашему полку, какъ бывшему въ головѣ колонны, завернуть правымъ плечомъ впередъ и фронтомъ наступать прямо на укрѣпленія Малой Ягны, принявъ уже на походѣ боевой порядокъ. Но едва лишь вызванные въ цѣпи роты стали занимать свои опредѣленныя мѣста, какъ на вершинѣ Малой Ягны показался густой клубъ порохового дыма, и вслѣдъ затѣмъ первая Турецкая граната съ визгомъ пронеслась надъ нашими головами, ударившись гдѣ-то недалеко позади нась въ землю. За первую гранатою пролетѣла вторая, за ней третья, и бой начался.

Это было около $5\frac{1}{2}$ часовъ утра.

Еще цѣпи не успѣли взять настоящихъ дистанцій отъ резервовъ, какъ къ 1-му баталіону подскакалъ командиръ полка полковникъ Бѣлинскій. Онъ налету сдѣлалъ указанія баталіонному командиру, куда наступать его ротамъ и, крикнувъ солдатамъ, что надѣется увидѣть ихъ скоро на горѣ, поскакалъ вдоль цѣпи къ 3-му баталіону, который, обогнувъ гору съ правой стороны, началъ въ это время тоже развертываться въ боевую линію.

Не забуду той минуты, когда полковникъ, проѣзжая по цѣпи моей роты и желая, вѣроятно, отдать еще какое-то приказаніе командиру баталіона, пріостановился было на минуту, какъ вдругъ одна Турецкая граната съ шумомъ упала какъ разъ между нимъ и мною и въ тотъ-же мигъ съ трескомъ разорвалась. Меня обсыпало всего землею и въ то же время такъ сильно ударило комкомъ сухой грязи, что я даже свалился съ ногъ. Падая, я видѣлъ, какъ поднялась на дыбы лошадь полковника Бѣлинского, видѣлъ, какъ она потомъ понесла его куда-то дальше, но самъ въ первую минуту не могъ уяснить себѣ, цѣлъ я или раненъ. Ко мнѣ подбѣжало нѣсколько человѣкъ солдатъ, чтобы оказать помошь, и тутъ только я убѣдился, что, по счастію ни одинъ изъ осколковъ разорвавшейся гранаты не зацепилъ меня.

Конечно, такой счастливый случай со мною и полковникомъ Бѣлинскимъ, который тоже остался невредимъ, можно объяснить только тѣмъ, что Турки открыли вначалѣ огонь съ очень большого разстоянія, почему всѣ осколки гранаты, упавши съ навѣса, полетѣли черезъ головы, не ранивъ никого изъ нась.

Между тѣмъ цѣпи наши подвигаясь впередъ, вскорѣ усилены были

ротами второй линіи, и затѣмъ дальнѣйшее наступленіе пошло уже перебѣжками по уставному порядку.

Вначалѣ ружейный огонь Турокъ, открытый ими также съ огромнаго разстоянія, не приносилъ намъ много вреда, но чѣмъ болѣе приближались мы къ ихъ укрѣпленіямъ, тѣмъ чаще и чаще изъ цѣпи стали раздаваться крики съ требованіемъ подать носилки для раненыхъ. Впрочемъ, войдя въ сферу дѣйствительного ружейнаго огня, мы почти совсѣмъ перестали терпѣть отъ Турецкой артиллериі, которую непріятель направилъ черезъ наши головы на батареи, стоявшія на позиціи какъ разъ позади наступающихъ колоннъ.

Трудно описать то тяжелое нравственное состояніе, какое испытываешь, находясь подъ сводомъ цѣлой массы свистящихъ со всѣхъ сторонъ гранатъ. Тутъ невольно какъ то поддаешься жуткому ощущенію; нервная система дѣлается возбужденной до крайней степени, и человѣкъ доходитъ иногда до такого отупѣнія, что становится совершенно равнодушнымъ къ тѣмъ ужасамъ, какіе совершаются на его глазахъ. Я помню, въ цѣпи моей роты, при одной изъ перебѣжекъ, Турецкая граната разорвала буквально на части моего солдата. Проходя мимо, я видѣлъ окровавленные куски тѣла убитаго, разбросанные по сторонамъ, но эта страшная картина не произвела на меня сильнаго впечатлѣнія, и мое сердце не содрогнулось даже при видѣ такой ужасной смерти.

Однако, движеніе наше вверхъ по совершенно открытой и крутой покатости Малой Ягны, которая прекрасно обстрѣливалась Турками, становилось съ каждымъ шагомъ все труднѣе и труднѣе. Хотя за камнями, разсыпанными по горѣ, и въ небольшихъ ложбинкахъ можно было кое-гдѣ находить прикрытие отъ Турецкихъ пуль, но все же при перебѣжкахъ цѣпи наши несли довольно большія потери убитыми и ранеными, которыхъ солдаты тотчасъ-же сносили внизъ, передавая ихъ санитарамъ. Впрочемъ, надоѣло сказать, что, несмотря на крайне невыгодное положеніе нашихъ баталіоновъ, общее наступленіе всѣхъ частей велось въ совершенномъ порядкѣ, безъ всякой суеты и въ первое время напоминало даже тѣ маневрированія, которыя мы еще такъ недавно производили подъ Москвою. Стройность движеній, при ощущительныхъ уже потеряхъ доходила до того, что генераль Роопъ, начальникъ нашей дивизіи, выражая одобреніе полку, не могъ, между прочимъ, не замѣтить, что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такого порядка отъ той части, которая первый разъ вступаетъ въ серьезный бой.

Но какая стройность, какая храбрость можетъ принести положи-

тельный успехъ, если задача, данная какой-нибудь части, будетъ не выполнима? А задача наша состояла въ томъ, чтобы атаковать и взять Турацкія укрѣпленія на Малой Ягнѣ,—такія укрѣпленія, на которыхъ, взглянувъ еще въ началѣ боя, тотъ же генералъ Роопъ (человѣкъ пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ военномъ мірѣ) сказалъ, что взять эти укрѣпленія съ тѣмъ количествомъ войскъ, какое у него имѣется подъ рукою,—едва ли будетъ возможно. И слова этого генерала дѣйствительно оправдались: еще до полуторы цѣпи и резервы наши могли двигаться безъ большихъ затрудненій, но отсюда начинался до того крутой и сильно обстрѣливаемый Турками подъемъ, что дальнѣйшее наступленіе, безъ сильныхъ резервовъ, становилось почти невозможнымъ и могло грозить только лишь огромными, но совершенно бесполезными потерями для боевыхъ частей. Это всѣмъ было ясно, и движение первыхъ линій, постепенно замедляясь, пріостановилось, наконецъ, совсѣмъ. И вотъ почти четырнадцать часовъ къ ряду, подъ убѣйственнымъ огнемъ Турацкихъ укрѣпленій, слабо прикрытые кое-гдѣ небольшими камнями и бугорками пролежали мы, не сдѣлавъ ужъ болѣе ни шагу впередъ и лишь поддерживая незначительный огонь, который, конечно, не могъ принести существенного вреда противнику, прекрасно защищенному своими укрѣпленіями. Такая массивная роль и къ тому же проведенная безъ сна ночь въ походѣ, а главное, весь день немилосердно палиющее солнце, до того разморили меня, что я началъ было уже совсѣмъ впадать въ дремоту, несмотря на грохотъ и свистъ гранатъ и пуль, проносившихся тучами надъ моей головой, какъ я услышалъ крикъ:

— Ваше благородіе, прощайте! умираю!

Я повернулся голову въ сторону кричавшаго и увидѣлъ моего солдата Соловьевъ, который, поднявшись на ноги и ухватившись руками за голову, стоялъ, какъ окаменѣлый, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Прострѣленная фуражка его валялась тутъ же на землѣ, и самъ онъ, окровавленный съ лицомъ искаженнымъ отъ страха и боли, бормоталъ какія-то несвязныя рѣчи—все повторяя, что онъ умираетъ. Быстро перескочивъ къ раненому, я приказалъ ему лечь на землю, вытащилъ изъ кармана санитарную книжку (дорогой подарокъ великой княгини Ольги Феодоровны), и съ помощью солдатъ тутъ же перевязалъ бинтомъ его головную рану. Рана Соловьева была довольно серьезна, но, вѣроятно, благодаря своевременно сдѣланной ему мною перевязкѣ и вслѣдствіе этого незначительной потерь крови, солдатъ мой остался живъ, вылѣчился потомъ въ госпиталѣ и въ скромъ времени возвратился опять въ мою роту.

Нужно замѣтить, что въ дѣлѣ у Малой Ягны, вслѣдствіе крайне

невыгоднаго положенія нашего относительно противника, раны Турецкими пулями были большею частью или головныя, или приходились въ верхнюю часть тулowiща, что и было одною изъ главныхъ причинъ, почему у насъ оказался очень большой сравнительно процентъ убитыхъ и тяжело раненыхъ при перебѣжкахъ и въ особенности при остановкахъ.

Часу во второмъ днѣ къ батареѣ, стоявшей позади насъ, прибыла изъ резерва батарея 1-й артиллерійской бригады, и обѣ онѣ, соединившись вмѣстѣ, начали громить учащеннымъ огнемъ Турецкія укрѣпленія. Хотя разстояніе отъ этихъ батарей до Турецкихъ укрѣпленій было никакъ не менѣе 1,000 сажень, но батареи эти такъ хорошо успѣли пристрѣляться, что огонь Турокъ вскорѣ сталъ значительно ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ прекратился. Воспользовавшись этимъ случаемъ, генералъ Роопъ далъ сигналъ къ общей атакѣ; но, къ сожалѣнію, въ то время, когда нашей артиллериѣ нужно было для подготовки атаки усилить еще болѣе огонь, оказалось, что у нея уже не было ни одного снаряда, а пополнить зарядные ящики изъ артиллерійскаго пирка, находившагося гдѣ-то очень далеко, было и некогда да и невозможно. Замѣтивъ это обстоятельство, Турки несдерживаемые болѣе нашимъ артиллерию, возобновили огонь и развили его до такой силы, что продолжать атаку и разсчитывать на удачу для насъ было уже трудно.

Между тѣмъ, расположенный правѣе насъ 3-й баталіонъ нашего полка, имѣя передъ собою болѣе отлогую покатость горы и потому болѣе доступную для наступленія, хотя и медленно, но продолжалъ все подвигаться впередъ. Поддерживаемый съ фланга двумя сотнями казаковъ, онъ нѣсколько разъ пытался было овладѣть лежащими передъ нимъ Турецкими ложементами, но не имѣя за собою, какъ и мы, достаточно сильнаго резерва, могъ занять новую линію лишь нѣсколько ближе къ ложементамъ и тѣмъ долженъ быть ограниченъ. Часу въ четвертомъ баталіонъ этотъ еще разъ пошелъ въ атаку и, съ крикомъ „ура“ бросившись на Турецкіе ложементы тотчасъ же успѣлъ овладѣть частью ихъ; услыхавъ этотъ крикъ, оба наши баталіона, чтобы поддержать атаку 3-го баталіона, двинулись было тоже впередъ, но осыпаемые градомъ пуль и картечными гранатами продвинулись только шаговъ на сто далѣе и, не видя передъ собою никакихъ закрытій, за которыми можно было бы задержаться, опять простояли. Въ это время со стороны крѣпости Карса появилась значительная часть непріятельской кавалеріи, намѣревавшаяся ударить въ тылъ нашему правому флангу. Дѣло грозило большою опасностю для всего правофлан-

говаго отряда, но командиръ З-го баталіона майоръ Пруцкій не потерялся. Поспѣшно подбѣжавъ къ орудіямъ, онъ вмѣстѣ съ командиромъ батареи собственными руками повернулъ два изъ нихъ кругомъ; взвизгнула картечъ въ воздухъ и всей массой врѣзилась въ самую середину мчавшейся на нихъ Турецкой кавалеріи. Все это сдѣлано было такъ быстро и удачно, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ кавалерійская колонна, не ожидавшая такой встрѣчи, смѣшилась въ беспорядочную толпу, повернула тотчасъ же назадъ и скрылась за ближайшею высотою. Благодаря такому отпору, Туркамъ не удалось прорвать нашихъ слабыхъ резервовъ, которые при ударѣ на нихъ большой массы кавалеріи, конечно, не могли бы удержаться на своихъ мѣстахъ *).

Однако выдвинувшись значительно впередъ и занявъ Турецкіе ложементы, З-й баталіонъ Перновцевъ не могъ долго удерживать ихъ за собою и, видя, что у насъ атака не увѣнчалась успѣхомъ, долженъ былъ, спустя нѣкоторое время, оставить занятые имъ ложементы и отойти на свои прежнія мѣста. Такимъ образомъ, атака и этого баталіона, хотя болѣе удачная, чѣмъ наша, не достигла своей цѣли и осталась также для общаго дѣла безплодна.

А день между тѣмъ началъ уже клониться къ вечеру, и хотя мы продолжали еще вести безполезную перестрѣлку, но по всѣмъ даннымъ можно было видѣть, что взять Малая Ягны намъ не удастся. Приходилось оставаться на своихъ позиціяхъ и ждать приказаній или сигнала объ отступленіи.

Часу въ 8-мъ, когда сумерки густою тѣнью начали ложиться на землю, прозвучалъ, наконецъ, издали сигналъ къ отступленію. Боевыя линіи, поддерживая огонь, стали медленно отходить назадъ, но утомленные продолжительнымъ боемъ и понеся довольно большія потери въ людяхъ, не могли, конечно, сохранить той стройности, какую они имѣли при движениіи впередъ. Къ этому времени бой у Малой Ягны началъ мало по малу стихать и совсѣмъ прекратился лишь тогда, когда послѣдніе остатки нашего отряда, спустившись внизъ, стали собираясь къ перевязочному пункту, который находился близъ Карской дороги. Сюда при помощи своихъ товарищѣй вереницами плелись со всѣхъ сторонъ раненые, сюда же на носилкахъ и даже просто на шинеляхъ солдаты сносили тѣла убитыхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ оказалась такая масса, что за недостаткомъ мѣстъ въ лазаретныхъ фурахъ, многихъ такъ и пришлось нести на все время на рукахъ. При насту-

*.) Впослѣдствій выяснилось, что этимъ кавалерійскимъ отрядомъ командовалъ сынъ Шамиля—Кази-Магома, взятый въ 1859 году нами въ пленъ на Гунибѣ и потомъ отпущеный на свободу вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ Шамиля.

пившей темнотѣ, а главное не получая опредѣленныхъ указаний, никто не зналъ, куда идти, что дѣлать и какъ быть съ тѣми ранеными, кому не успѣли еще сдѣлать никакой перевязки. Солдаты разныхъ полковъ, перемѣшавшись, шли толпой и поодиночкѣ, слѣдя одинъ за другимъ. Многихъ офицеровъ не оказалось при частяхъ и гдѣ былъ командиръ полка (полковникъ Бѣлинскій) тоже никто не зналъ. Командование надъ частью собравшихся людей нашего полка принялъ на себя коман-диръ 2-го баталіона—маиоръ Ржонсницкій, который, случайно встрѣтивъ на перевязочномъ пункѣ командира бригады—графа Граббе, успѣлъ получить отъ него только одно приказаніе: отступить туда, куда направляются всѣ. Это, поистинѣ сказать, было какой-то нево-образимый хаосъ, въ которомъ трудно было и разобраться. Хорошо еще, что вначалѣ путь нашего отступленія обозначался цѣлымъ рядомъ огней горѣвшей яркимъ пламенемъ сухой травы, которую солдаты нарочно поджигали, чтобы оставить слѣдъ для тѣхъ, кто шелъ за ними, а то, въ этой темнотѣ, могла произойти еще большая путаница, и будь Турки посмѣлѣ и пусти нѣсколько свѣжихъ эскадроновъ кавалеріи для преслѣдованія нась, они въ то время могли бы надѣлать намъ много бѣдъ. Но Туркамъ, какъ видно, и самимъ было не до преслѣ-дованія, благодаря чemu наше безпорядочное отступленіе совершилось вполнѣ благополучно.

Не такъ дѣло шло у горы Большія Ягны, гдѣ атаку вели Несвиж-скій и Мингрельскій grenaderскіе полки. Тамъ, по разсказу участни-ковъ, послѣ полуночи обоимъ этимъ полкамъ удалось не только завла-дѣть всѣми укрѣпленіями, бывшими на этой горѣ, но даже захватить въ пленъ до 150 человѣкъ Турокъ и одно орудіе. Удержавъ въ этотъ день за собою всѣ взятыя укрѣпленія, полки эти, однако, въ виду не-обезпеченности ихъ фланговъ и общаго отступленія отрядовъ съ своихъ позицій, должны были бросить гору Большія Ягны и рано утромъ слѣдующаго дня отойти назадъ, разрушивъ предварительно на ней всѣ укрѣпленія до основанія. Турки тотчасъ же заняли опять эту гору, быстро возвели вновь на ней укрѣпленія и такимъ образомъ Большія и Малыя Ягны, составлявшія весьма важные опорные пункты Турокъ, остались въ ихъ рукахъ.

А мы между тѣмъ, продолжая отступленіе, миновали по пути не-большой станъ генерала Комарова, который съ нѣсколькими сотнями казаковъ расположился бивакомъ на самой дорогѣ, и пройдя съ пол-версты далѣе, остановились, чтобы, во-первыхъ, дать отдыхъ людямъ, а, во-вторыхъ, рѣшить общимъ совѣтомъ: идти ли намъ дальше или заночевать тутъ же. Темнота осенней ночи, совершенное невѣдѣніе о

противникъ и положеніи нашихъ войскъ, а главное большая нужда для всѣхъ въ водѣ, поставили маіора Ржонсицкаго въ крайнее затрудненіе рѣшить этотъ вопросъ самому и потому, склоняясь къ мнѣнію большинства офицеровъ, онъ рѣшилъ послать старшаго офицера къ генералу Комарову, какъ начальнику одной изъ колоннъ нашего отряда, и просить на этотъ предметъ его указаній; при чемъ, если можно, добыть какія-либо свѣдѣнія, гдѣ можно найти воду. Съ этимъ порученіемъ верхомъ на лошади маіора Ржонсицкаго отправленъ къ генералу былъ я.

Генералъ Комаровъ, приказавъ разбить себѣ шатерь, уже совсѣмъ кажется расположился отдохнуть, но услыхавъ, что кто-то подъѣхалъ къ казаку, стоявшему часовымъ у его палатки, и приказывается доложить о себѣ генералу—тотчасъ же изъ палатки спросилъ: кто къ нему пріѣхалъ и что ему надобно.

Отвѣтивъ генералу, что я офицеръ и присланъ къ нему изъ Перновскаго полка, который, отступая, остановился недалеко отсюда, что при насъ много раненыхъ и что за отсутствіемъ командира полка замѣнившій его штабъ-офицеръ просить его превосходительство дать, если онъ можетъ, указаніе: остановиться ли ему тутъ же, или направиться дальше, а также, гдѣ можно найти воду, въ которой очень нуждаются всѣ раненые.

— Скажите вашему командиру, или кто за него остался,—крикнулъ мнѣ сердито генералъ,—что воды около васъ цѣлая рѣка, а у меня ея цѣлое море, и если вашъ командиръ хочетъ, то можетъ расположиться тамъ у себя или на берегу моего моря. А затѣмъ прощайте,—проговорилъ тѣмъ же тономъ генералъ, давая мнѣ знать, что онъ не намѣренъ со мною ни о чёмъ болѣе разговаривать.

Хотя ни около насъ, ни около бивака генерала Комарова не было даже и признака какой-нибудь воды, но получивъ такой категорическій отвѣтъ, мнѣ не оставалось, конечно, ничего больше, какъ возвратиться назадъ и передать маіору Ржонсицкому. Рѣшивъ продвинуться еще дальше, въ надеждѣ набрести гдѣ-нибудь на воду и тамъ остановиться до утра, маіоръ Ржонсицкій приказалъ поднять раненыхъ, выславъ впередъ въ видѣ авангарда мою роту, и тронулся опять въ путь.

Такъ прошли мы еще пять, шесть верстъ, какъ вдругъ передній патруль далъ мнѣ знать, что впереди имъ замѣчено что-то чернѣющее, похожее на колонну, стоявшую на мѣстѣ. Опасаясь какъ бы въ темнотѣ не натолкнуться на какой-нибудь Турецкій отрядъ, я пріостановилъ роту, взялъ двухъ человѣкъ изъ патруля и вмѣстѣ съ ними

осторожно стала приближаться къ видимому предмету, но оказалось, что это былъ просто обозъ нашей правофланговой колонны, который еще засвѣтло получилъ приказаніе отойти къ горѣ Кабахъ-Тапа и оставаться тамъ до распоряженія. Тутъ находились все наши верховыя лошади и часть взятыхъ съ бивака солдатскихъ палатокъ, изъ которыхъ одна была даже разбита и стояла вблизи повозокъ.

Пославъ доложить маюру Ржонсицкому, что впереди на самой дорогѣ стоитъ нашъ обозъ и что авангардъ остановился около него, я заглянулъ въ палатку и нашелъ въ ней только одного юнкера не помню какого полка, который, примостившись въ уголкѣ, при свѣтѣ маленькаго огарочка, сидѣлъ около чайника и преспокойно пилъ чай. Этотъ чай по своему виду похожъ былъ болѣе на жидкій кофе. Увидя меня, юнкеръ доложилъ, что находится здѣсь за старшаго при обозѣ и предложилъ чаю, извиняясь, впрочемъ, что чай ему пришлось заварить въ плохой водѣ; да и ту, говорилъ онъ, солдаты разыскали въ какой-то лужицѣ. Конечно, я не отказался хоть чѣмъ-нибудь промочить свое пересохшее горло, и выпивъ почти залпомъ двѣ кружки этой бурды, отзывающейся сильно болотной тиной, растянулся тутъ-же прямо на голой землѣ и черезъ нѣсколько минутъ заснулъ, какъ убитый.

Дѣло 20 Сентября, если и нельзя было отнести къ числу удачныхъ для насъ, тѣмъ не менѣе, оно имѣло по результатамъ весьма важныя послѣдствія на весь ходъ дальнѣйшихъ операций нашихъ въ Анатоліи. И если, удержавъ почти всѣ позиціи, Мухтаръ-паша могъ считать это дѣло для себя выиграннымъ, тѣмъ не менѣе, онъ увидѣлъ, что имѣть дѣло теперь уже не съ тою малочисленною Русскою арміею, какою она была еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и что вторичная атака, поведенная Русскими другимъ путемъ, можетъ имѣть для него и иная послѣдствія. И когда на слѣдующій день онъ увидѣлъ, что Русские не только не намѣрены отступить къ своимъ прежнимъ позиціямъ у Кюрюкъ-Дара, но съ ранняго утра завязали опять бой по всей линіи, онъ, говорить, какъ Пирръ послѣ битвы при Героклѣ съ горечью воскликнулъ: „еще одна такая-же побѣда моихъ легіоновъ и я останусь и безъ арміи, и безъ Карса!“ Разсчитывая всетаки, что Русские не могутъ двинуться къ Карсу, имѣя у себя въ тылу почти всю Турецкую армію, Мухтаръ-паша, нашелъ, однако-же, необходимымъ сократить слишкомъ растянутый фронтъ своей позиціи; бросилъ укрепленную гору Кизиль-Тапа—чрезвычайно важный для него стратегической пунктъ—и, оставилъ у селенія Субботана для охраны бродовъ черезъ рѣчку Маврякъ-чай нѣсколько таборовъ пѣхоты съ частью

артиллерию, стала переводить все свои войска изъ Карской долины на Аладжинскія высоты¹⁾.

Впрочемъ, въ послѣдующій день бой нашъ съ Турками ограничивался почти только лишь одною артиллериjsкою канонадою, но ни та, ни другая сторона въ общее наступленіе не переходили. Съ нашей стороны въ это время шла подготовка къ новой атакѣ Турецкихъ укрѣплений и кромѣ того, являлась необходимость дать нѣсколько дней отдыха войскамъ, пробывшимъ весь день 20 Сентября въ 1-й линіи, почему Его Высочество главнокомандующій отдалъ даже приказаніе отвести эти войска къ Карайлу, гдѣ оставался лагерь съ кухнями, и тамъ ожидать послѣдующихъ распоряженій. Въ силу такого приказанія, Перновскій полкъ, собравшійся въ полный составъ у Кабахъ-Тапа, 21 Сентября долженъ былъ слѣдовать къ Карайлу и занять свой прежній лагерь. Погода стояла жаркая, а пройти нужно было не менѣе 15-ти верстъ.

Хотя такой переходъ былъ не великъ, но проведя наканунѣ весь день въ бою безъ пищи и воды и двѣ ночи къ ряду безъ сна, изнуренные до крайней степени, голодные, грязные, потянулись мы опять по этой безводной пустынѣ. Черная, какъ сажа, пыль,²⁾ поднявшись густымъ столбомъ, при совершенномъ безвѣтріи, стояла надъ головами, залѣзая въ глаза, уши, ротъ и, ложась толстымъ слоемъ на потные лица, вскорѣ преобразила всѣхъ наскъ въ какихъ то чумазыхъ Эеюповъ. И смѣшно, и жалко было смотрѣть тогда намъ другъ на друга, но при данной обстановкѣ можно-ли было заботиться о своемъ благообразіи, когда не только что освѣжить себя, но даже нельзя было найти воды, чтобы утолить мучительную жажду?

Медленно и тяжело тащилась наша колонна. Солдаты шли молча и только потряхивая головами, старались освободиться отъ насѣвшией на нихъ пыли; многие уже стали отставать и плелись за колонною, какъ вдругъ впереди показался Его Высочество главнокомандующій, который со свитою и полуэскадрономъ драгунъ направился какъ разъ навстрѣчу намъ къ передовому линіюмъ, гдѣ кипѣлъ сильный артиллерийский бой. Подъѣхавъ къ полку и поздоровавшись съ людьми, Его Высочество поздравилъ полкъ „съ первымъ крещенiemъ“, какъ онъ

¹⁾ Гора Кизиль-Тала, занятая однимъ батальономъ Имеретинского полка, при ночномъ нападеніи Турокъ 13 Августа 1877 года, была взята ими съ боя со всѣми находившимися на ней орудіями и вновь занята нашими войсками 26 Сентября того-же года.

²⁾ Почти во всей Карской области высокаго качества черноземъ и если взять комъ сухой земли, то по цвѣту его трудно отличить отъ обыкновенного каменнаго угля.

изволилъ самъ выразиться, поблагодарилъ за труды вчерашняго боя и тутъ-же сообщилъ командиру полка, что имъ сдѣлано распоряженіе о подвозѣ къ намъ нѣсколькихъ бочекъ съ водою и о томъ, что на Кааялъ уже готовъ обѣдъ для полка и всѣмъ по чаркѣ водки.

Велико бываетъ иногда значеніе одного лишь слова, чтобы поднять не только духъ, но и физическую силу человѣка. Услыхавъ изъ устъ самого августѣнаго главнокомандующаго о столь сердечной заботливости его, солдаты пріободрились; стали также подтягиваться и длинные хвосты отсталыхъ, а тутъ вдругъ грянула полковая музыка какой-то маршъ и оживила еще болѣе всѣхъ.

— Воду везутъ! воду везутъ! пронесся вдругъ радостный крикъ по рядамъ полка, когда вдали показался цѣлый транспортъ повозокъ съ бочками воды, и батальоны веселѣе запагали впередъ.

Большого труда стоило командирамъ установить порядокъ при раздачѣ воды, и только благодаря ихъ распорядительности всѣ бочки съ водою остались цѣлы и ни одна капля этой живительной влаги не пропала у насъ даромъ.

Пять дней нашъ полкъ простоялъ на позиціи у Кааяла, и въ ночь на 27-е Сентября передвинуть бытъ опять къ горѣ Кабахъ-Тапа, войдя съ этого времени подъ общую команду графа Граббе въ глубокій резервъ отряда генерала Геймана. Въ передовыхъ линіяхъ ежедневно продолжали кое-гдѣ вспыхивать отдельныя стычки съ Турками, но тѣмъ пока все и ограничивалось. Только Грузинскій grenадерскій полкъ имѣлъ однажды довольно серьезное дѣло. Поддерживаемый Ростовскими grenадерами этотъ полкъ, послѣ молодецкой атаки, успѣлъ занять селеніе Субботанъ, быстро перебрался затѣмъ черезъ глубокій оврагъ и, сбивъ удачнымъ натискомъ Турокъ съ ихъ превосходной позиціи, тотчасъ-же занялъ ее. Турки защищались здѣсь отчаянно, но отстоять своей позиціи не могли и съ огромными потерями должны были отступить. Въ этомъ дѣлѣ Грузинцы потеряли около 100 человѣкъ убитыми и ранеными, и, несмотря на всѣ усиленія Турокъ выбить потомъ ихъ изъ этой позиціи, все-таки удержались на ней и даже тамъ прочно укрѣпились.

Но если находясь въ глубокомъ резервѣ, нашему отряду не предстояло попасть скоро опять въ дѣло, то съ другой стороны ему могла угрожать серьезная опасность со стороны крѣпости Карса, гдѣ въ то время у Турокъ былъ довольно сильный гарнизонъ. Выдѣливъ оттуда болѣе или менѣе значительный отрядъ, Турки смѣло могли произвести диверсію къ Кабахъ-Тапа, отбросить въ сторону нашъ небольшой и притомъ слишкомъ отдаленный отъ прочихъ войскъ отрядъ и такимъ

образомъ появиться въ тылу нашихъ боевыхъ линій. Предвидя это, графъ Граббе, съ занятіемъ этой позиціи, тотчасъ-же приступилъ къ работамъ по приведенію въ оборонительное положеніе всего бивака. По его указанію, къ сторонѣ Карса возведено было нѣсколько шолевыхъ укрѣплений, которыя ночью занимали дежурныя части, высылая отъ себя аванпостную цѣль и секреты.

Трудное время тогда переживалось нами у этой Кабахъ-Тапа: цѣлый день подъ палящими лучами солнца приходилось проводить на работѣ по устройству укрѣплений, а ночью или занимать аванпосты, или безъ палатокъ и дровъ дрожать отъ холода на бивакѣ, валяясь на голой землѣ и прикрываясь лишь только своими поношенными шинелями, подбитыми, какъ говорится, вѣтромъ. Къ тому же все кухни наши, за неимѣніемъ воды вблизи бивака, оставались на Карайль, т. е. почти въ 15 верстахъ, и мы принуждены были довольствоваться пищею, привозимою оттуда на ротныхъ лошадяхъ всего разъ въ сутки, да и весьма въ ограниченномъ количествѣ. Впрочемъ, даже и такимъ удобствомъ мы пользовались не все время, потому что вскорѣ почти все лошади наши пали отъ изнуренія, и мы остались на однихъ сухаряхъ и вдобавокъ безъ воды, которая находилась отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

Такъ протянулось время до 3-го Октября. Помню, въ этотъ день была тихая, ясная погода, канонада съ обѣихъ сторонъ, какъ и въ предшествующіе дни, началась часовъ съ 8 утра, и ничто, казалось, не предвѣщало для насъ нового, какъ вдругъ около полудня отъ генерала Геймана получено было приказаніе: „оставить у Кабахъ-Тапа одинъ баталіонъ и двигаться остальными частями вмѣстѣ съ артиллерию къ Аладжинскимъ высотамъ. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ—отрядъ получить приказаніе на походѣ“.

—Ну, слава Богу!—говорили солдаты,—куда бы не идти все будетъ лучше, чѣмъ торчать у этой Кабахъ-тапы.—Будь ей неладно, изсушила она насъ тутъ совсѣмъ, проклятая!

Назначивъ отъ полка въ составъ выступающей колонны 1-й и 3-й баталіоны подъ общею командою подполковника Марушевскаго, самъ полковникъ Бѣлинскій, въ виду важности занимаемаго пункта, долженъ былъ, по приказанію графа Граббе, оставаться со 2-мъ баталіономъ своего полка на бивакѣ и присоединиться къ отряду впослѣдствіи, когда получить на то приказаніе.

Часу въ первомъ дня колонна, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Перновскаго, одного баталіона Несвижскаго полковъ съ 6 сотнями кавалеріи и 8 орудіями, подъ начальствомъ графа Граббе, выступила

сь бивака, взявъ направлениe, какъ было указано, къ Аладжинскимъ высотамъ. Впереди на нѣсколько верстъ разстилалась передъ нами гладкая равнина, которая давала возможность всей колоннѣ идти широкимъ фронтомъ, и мы, быстро подвигаясь впередъ, успѣли уже пройти около двухъ верстъ, какъ къ графу Граббе прискакалъ адъютантъ дивизіоннаго штаба съ приказаниемъ 1-му баталіону Перновцевъ направляться къ батареѣ осадныхъ орудій, стоявшей среди открытаго поля, и прикрывать ее, а остальнымъ частямъ взять поль-оборота вправо и поддержать Ростовскій полкъ, который въ это время готовился идти въ аттаку на Авліарь.

Такимъ образомъ, входя въ сферу боевыхъ линій, отряду нашему пришлось съ первыхъ же шаговъ разъединиться и действовать совершенно отдельно другъ отъ друга.

А бой между тѣмъ съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе разгорался. Весь склонъ Аладжинскихъ высотъ, по которому у Турокъ разсыпано было множество батарей и ложементовъ, задымился густыми клубами пушечной и ружейной пальбы и точно кипѣлъ въ огнѣ, осеняя тучами гранатъ наши колонны, подступавшія все ближе и ближе къ высотамъ. Турки держались крѣпко, хотя при ясномъ солнечномъ днѣ въ бинокли можно было разсмотрѣть, какъ они то и дѣло усиливались резервами, спускавшимися къ нимъ одинъ за другимъ съ горы.

Но вотъ часу въ 4-мъ вправо отъ насъ послышались крики „ура“. Это Ростовцы, предводимые своимъ командиромъ, полковникомъ Анчутинскимъ, шли братъ Турецкіе редуты, расположенные нѣсколькими ярусами по Авліарской горѣ. Окутанные пороховымъ дымомъ цѣпи Ростовцевъ быстро двигались впередъ и, не смотря на страшный огонь съ редутовъ, этотъ славный полкъ въ какіе-нибудь полчаса успѣль на глазахъ нашихъ выбить Турокъ изъ позицій и овладѣть почти всѣми ихъ редутами. Это была великодѣльная аттака, стоявшая не малыхъ потеръ Ростовцамъ и въ томъ числѣ ихъ командаира полка, который тутъ тяжело былъ раненъ и вынесенъ солдатами изъ боя.

Уже близилось къ вечеру, когда замѣтно стало, что Турки начинаютъ колебаться и отводить свои войска и артиллерію къ вершинамъ Аладжинского хребта. Въ это время со стороны селенія Паргета мы увидѣли Великаго Князя главнокомандующаго, который съ своимъ штабомъ довольно быстро приближался къ ложементамъ (за ними мы стояли въ прикрытии осадной батареи). Несмотря на то, что около этихъ ложементовъ было очень небезопасно и что на глазахъ самого Великаго Князя нѣсколько Турецкихъ гранатъ, перелетѣвъ черезъ наши головы, тутъ-же разорвались, Его Высочество близко подѣхалъ къ

баталіону, освѣдомился какая это часть и лично далъ приказаніе подполковнику Нарушевскому двинуться съ его батальономъ на дымокъ Турской батареи, продолжавшей учащеннымъ огнемъ обстрѣливать наши ложементы и, если успѣть обойти ее, то отрѣзать ей отступленіе.

Быстро развернувшись по-потно въ одну линію, батальонъ форсированнымъ шагомъ двинулся по указанному Великимъ Княземъ направлению, безъ большого затрудненія перебрался черезъ рѣчку Маврякъ-чай и сталъ подниматься на гору.

Надобно сказать, что Аладжинскія высоты со стороны Карской долины имѣютъ очень крутые скаты, пересѣченные во многихъ мѣстахъ глубокими и трудно проходимыми оврагами. Тутъ нѣть дорогъ, и встречаются только едва сносныя тропинки, почему подъемъ отсюда на высоты чрезвычайно труденъ. Къ тому-же, всѣ болѣе доступныя мѣста защищены были ложементами, прочно устроенными для пѣхоты и батарей, которые хотя и брошены были уже Турками, но представляли большія препятствія для нашего движенія; нужно было или обходить эти преграды, или карабкаться по крутизамъ брустверовъ, плотно утрамбованнымъ камнями и щебнемъ. Все это, конечно, очень замедлило наше наступленіе и такъ нарушило связь между частями батальона, что двѣ роты (1-я и 2-я) разошлись съ остальными, при которыхъ находился командиръ батальона, и вскорѣ обѣ эти части потеряли одна другую изъ вида.

Хотя къ этому времени стрѣльбы уже нигдѣ не было слышно и, повидимому, бой совсѣмъ затихъ, но полное невѣдѣніе о противникеъ, который могъ еще гдѣ-нибудь задержаться, и совершенное незнакомство съ географическимъ положеніемъ мѣстности, заставили насъ, съ капитаномъ Тихвинскимъ—командиромъ 1-й роты—съ удвоенною осторожностью продолжать движеніе до перевала Аладжинскихъ высотъ, съ расчетомъ тамъ пріостановиться и решить, что предпринять дальше. Тутъ произошелъ у насъ весьма непріятный случай, который стоилъ одной человѣческой жизни и въ которомъ, къ прискорбію моему, виновниками были солдаты моей роты. Дѣло въ томъ, что при подъемѣ на гору солдаты мои захватили въ какой-то лощинкѣ притаившагося тамъ Турскаго солдата и, какъ плѣнного, тотчасъ-же привели его ко мнѣ. Это былъ тщедушный, маленькаго роста пѣхотинецъ въ поношенной одеждѣ и, по виду, скорѣе похожъ былъ на нищаго, чѣмъ на какого-нибудь воина. Дрожа отъ страха, онъ началъ что-то лепетать, указывая на свою голову и на ноги; но, конечно, я ничего не могъ понять изъ его рѣчи и потому приказалъ фельдфебелю

отобрать отъ него оружіе и вести подъ строгимъ надзоромъ за ротою. Но не прошло полчаса, какъ ко мнѣ явился фельдфебель и доложилъ, что пленный Турукъ сначала шелъ смирно, а потомъ вдругъ началъ упираться, не хотѣть идти съ конвоемъ и, пользуясь темнотою, пытался было даже бѣжать отъ него.—А Мироновъ, ваше благородіе (понизивъ голосъ продолжалъ фельдфебель) стукнуль его легонько прикладомъ, да видно зацѣпилъ какъ-нибудь неловко, такъ что Турукъ перевернулся раза два на мѣстѣ, да тутъ-же и грохнулся на земь мертвымъ.

И до чего, подумаешь, дешева жизнь человѣка на войнѣ! Попытка было этотъ несчастный улизнуть къ своимъ; думалъ, пожалуй, вернуться скоро на родину, гдѣ, можетъ быть, давно уже ждала его семья, считая дни и часы, когда опять свидится съ нимъ, а тутъ-вотъ стукнули его легонько, какъ говорилъ мой фельдфебель, и не стало бѣдняка. Конечно, не прошло это даромъ Миронову, да и фельдфебелю досталось немало за тоже; но дѣлать было нечего, и ужъ видно такова была судьба этого злополучного сына правовѣрныхъ, хотя, признаюсь откровенно, я быль отчасти и радъ освободиться отъ моего пленника, который могъ оказаться шпиономъ и навести на насъ тутъ гдѣ-нибудь скрытую часть Турукъ.

Мы были уже недалеко отъ перевала, когда одинъ изъ патрулей далъ знать, что впереди слышенъ стукъ колесъ не то обоза, не то артиллеріи, но за темнотою нельзя опредѣлить, Турки это передвигаются или наши. Тотчасъ были высланы во всѣ стороны разведчики, которые скоро вернулись и доложили, что за переваломъ горы стоять какая-то часть нашихъ войскъ и, повидимому, расположилась тутъ на бивакѣ. Это, какъ оказалось, быль одинъ изъ отрядовъ генерала Лазарева, дѣйствовавшаго со стороны Дигора и Аляма.

Здѣсь намъ удалось получить свѣдѣнія, что генералъ Роопъ съ частью своего отряда находится всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, и потому, не теряя времени, мы направились туда.

А ночь между тѣмъ становилась все темнѣе и темнѣе; небо заволокло тучами, и уже съ трудомъ можно было разбирать ту тропинку, по которой мы шли, какъ вдругъ позади послышалася чей-то голосъ:

—Какого полка батальонъ идетъ?

—Перновцы, отвѣтили солдаты и начали разступаться по сторонамъ тропинки, чтобы дать пройхать двумъ какимъ-то всадникамъ въ буркахъ, которые, лавируя между лѣсомъ солдатскихъ штыковъ, осторожно пробирались впередъ. Выѣхавъ къ головѣ колонны, первый изъ всадниковъ освѣдомилъся у насъ: „куда слѣдуютъ роты“, и, узнавъ, что мы разыскиваемъ отрядъ генерала Роопа, предложилъ намъ сопутство-

вать и указать дорогу, какъ какъ ъхалъ туда же. Это были офицеръ генеральнаго штаба и сопровождавшій его линейный казакъ.

—Знаете ли, господа, сказалъ офицеръ, поѣхавъ рядомъ съ нами, что почти вся Турецкая армія окружена нашими войсками и вѣроятно въ настоящее время уже ведутся переговоры о сдачѣ намъ ея въ плѣнъ. Я не знаю еще подробностей, какъ произошло это дѣло, продолжалъ офицеръ, но это уже совершившійся фактъ.

Конечно, сомнѣваться въ достовѣрности сообщенія штабнаго офицера было нельзя, но это извѣстіе возбудило въ насъ большой интересъ узнать поскорѣе о подробностяхъ такого важнаго событія, и мы, забывъ усталость, пустились, какъ говорится, на всѣхъ парусахъ впередъ.

А подробности этого дѣла, какъ потомъ намъ стало извѣстно изъ реляціи, заключались въ слѣдующемъ.

Было около семи часовъ вечера и начинало уже темнѣть, когда къ драгунамъ генераль-лейтенанта Роопа выѣхалъ со стороны Турокъ командовавшій здѣсь генералъ Омаръ-паша со своимъ начальникомъ штаба Гассанъ-пашею и заявилъ генераль-князю Чавчавадзе о намѣреніи положить оружіе. Вѣсть объ этомъ мгновенно облетѣла всѣ наши войска, дѣйствія повсюду тотчасъ были прекращены и бой окончился. Его Высочество главнокомандующій, только что поднявшійся въ это время на Бизинкѣвскія высоты и получившій здѣсь положительное извѣстіе о готовности Омара-паши сдать остатки арміи, послалъ своего адютанта, полковника Петерса, къ генералу Роопу съ порученіемъ вести безотлагательно переговоры о сдачѣ и въ тоже время извѣстиль о семъ корпуснаго командира, уполномочивъ его немедленно утвердить капитуляцію. Благодаря случайности, мы попали къ генералу Роопу въ то самое время, когда, согласно приказанія главнокомандующаго, генералъ только что приступилъ къ составленію условій сдачи Турецкой арміи, и такимъ образомъ были свидѣтелями весьма любопытнаго акта, которымъ завершилось славное дѣло 3-го Октября.

Первое, чтѣ бросилось намъ въ глаза, это была небольшая группа Турецкихъ военачальниковъ, прѣѣхавшихъ къ генералу Роопу для переговоровъ о сдачѣ Турецкой арміи. Тутъ находились Омаръ-паша, его начальникъ штаба Гассанъ-паша и нѣсколько штабныхъ офицеровъ. Расположившись на буркахъ, разостланыхъ по землѣ, они сидѣли въ порядкѣ подчиненности: генералы впереди, за ними штабные офицеры, а позади всѣхъ, держа въ поводу офицерскихъ лошадей, стоялъ ихъ собственный конвой, состоявшій изъ тридцати довольно чисто одѣтыхъ кавалеристовъ. Самъ Турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша, какъ носился слухъ, еще засвѣтло успѣлъ скрыться съ нѣсколькими таборами

и бѣжалъ въ Карсъ, предоставивъ Омару сдавать плѣнную армію на тѣхъ, конечно, условіяхъ, какія будуть ему предъявлены Русскими.

Омаръ-паша, состоявшій въ Турецкой службѣ начальникомъ дивизіи, въ послѣднее время командовалъ однимъ изъ корпусовъ дѣйствующихъ войскъ. Это былъ тучный, еще довольно бодрый и крѣпкій старикъ на видъ лѣтъ шестидесяти. Онъ природный Турокъ, но воспитывался въ Вѣнѣ, гдѣ получилъ хорошее образованіе и въ совершенствѣ владѣлъ Нѣмецкимъ и Французскимъ языками. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ небольшого роста, сухощавый молодой генераль его начальникъ штаба Гассанъ-паша. Оба генерала были въ черныхъ, Турецкаго покроя кафтанахъ, но безъ всякихъ виѣшнихъ отличій и только по кистямъ ихъ фесокъ можно было опредѣлить, какое каждый изъ нихъ занималъ положеніе въ арміи. Тутъ же, шагахъ въ тридцати отъ Турова, около небольшаго костра, сидѣли также на буркахъ генераль Роопъ и генераль Денъ, составляя условія сдачи, которыя съ ихъ словъ записывались при свѣтѣ костра адютантъ, подставивъ себѣ вмѣсто стола Турецкій барабанъ.

Пользуясь случаемъ поближе разсмотрѣть Турова, мы тотчасъ же обступили плѣнныхъ и при помощи одного нашего офицера, хорошо владѣвшаго Нѣмецкимъ языкомъ, завели съ ними разговоръ. Помню, Омаръ-паша очень сокрушался, что изъ кабуровъ его кто-то вытащилъ пару его дорогихъ пистолетовъ. Онъ полагалъ, что это сдѣлали наши казаки или милиционеры и убѣдительно просилъ принять мѣры къ розыску этой пропажи. Мы тотчасъ же приказали тщательно осмотрѣть находившихся тутъ милиционеровъ и казаковъ, но пистолетовъ Омар-паша ни у кого изъ нихъ не оказалось, и, кажется, они такъ и пропали безслѣдно.

Тѣмъ временемъ составленное условіе о сдачѣ Турецкой арміи было готово, и генераль Роопъ, пригласивъ къ себѣ пашей, приступилъ было уже къ чтенію его, какъ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей, и къ костру подѣхалъ генераль Лорисъ-Меликовъ. Всѣ поднялись, чтобы встрѣтить корпуснаго командира, который, сойдя съ коня, крѣпко расцѣловался съ генераломъ Роопомъ, вѣжливо, но сдержанно отвѣтилъ на поклонъ тутъ же ему представленныхъ пашей и, усѣвшись около костра на разостланную для него бурку, предложилъ всѣмъ также садиться, указавъ около себя мѣсто генералу Роопу.

Пока шло разсмотрѣніе этого военнаго ареопага, я успѣлъ пріостановиться за самой спиной генерала Роопа, а потому отлично могъ видѣть и слышать все, что тамъ происходило.

Изложивъ корпусному командиру кратко, но чрезвычайно обстоятельно о дѣйствіяхъ своихъ войскъ и обрисовавъ въ яркой картинѣ послѣдній моментъ аттаки его на Визинкѣвъ и Орлокскія высоты, генералъ Роопъ предложилъ затѣмъ приступить къ чтенію составленнаго имъ условія о сдачѣ Турецкой арміи; но Лорисъ-Меликовъ попросилъ повременить чтеніемъ ихъ и, отыскавъ глазами полковника Кишишева, который находился въ свитѣ его, дружески сказалъ ему:

—Кишишевъ! я расцѣловалъ бы тебя, голубчикъ, если бы ты досталь мнѣ стаканъ чаю. У меня такъ пересохло горло,—обратился онъ къ генералу Роопу, что я почти совсѣмъ не могу говорить *).

Полковникъ въ туже минуту куда-то исчезъ, и не прошло и четверти часа, какъ всѣмъ генераламъ и обоимъ Турецкимъ пашамъ линейный казакъ уже разносилъ чай, подавая его на бубнѣ, замѣнявшемъ на этотъ разъ собою подносъ.

Надобно потолкаться цѣлый день по жарѣ, вдоволь наглотаться этой страшной Азіатской пыли, ничего не пить и не ъесть болѣе полу-сутокъ, чтобы понять, съ какою завистью смотрѣли мы теперь на всѣхъ этихъ счастливцевъ, у которыхъ въ рукахъ дымились стаканы съ горячимъ чаемъ. При данной обстановкѣ это была величайшая роскошь, но понятно, что никто изъ насъ простыхъ смертныхъ о ней тутъ не смѣлъ и помышлять.

Но вотъ послѣ небольшого промежутка, когда генералы нѣсколько утолили чаемъ жажду, началось чтеніе условій сдачи Турецкой арміи. Условія, написанныя на Рѣскомъ и Французскомъ языкахъ и, по прочтеніи ихъ, тутъ же утвержденныя почти безъ всякихъ измѣненій корпуснымъ командиромъ, заключались въ слѣдующемъ:

1. Принимая въ соображеніе мужество, выказанное Турецкими войсками въ сегодняшнемъ бою, офицеры всѣхъ частей сохраняютъ оружіе и все при нихъ частное имущество, въ томъ числѣ и лошадей.
2. Всѣ лица, не принадлежащія къ частямъ войскъ, подводчики и проч., также слуги и офицерскіе деньгищики, имѣютъ право возвратиться во-свои.
3. Всѣ тѣ, которые не упомянуты во 2-мъ пунктѣ, сдаются, какъ военноплѣнныя, и должны сдать весь военный матеріалъ, въ томъ числѣ: знамена, вооруженіе, орудія, заряды и патроны, артиллерійскіе и пѣхотные парки, госпиталя и вообще все военное имущество.

*) Полковникъ Кишишевъ состоялъ при штабѣ дѣйствующаго корпуса и постоянно находился при Лорисъ-Меликовѣ.

4. Сдача всего, что поименовано и упомянуто въ З-мъ пунктѣ, должна быть сдѣлана въ слѣдующемъ порядке: всѣ войска, которыхъ сдаются, какъ военнопленные, въ порядке номеровъ частей, кладутъ оружіе, артиллерія сдастъ орудія въ указанномъ мѣстѣ; затѣмъ всѣ эти войска, въ полномъ составѣ, спускаются съ Орлокской горы, гдѣ они теперь находятся, въ указанное мѣсто.

5. Сдача военнопленныхъ и военнаго имущества должна начаться въ два часа утра 4-го Октября 1877 года.

6. Къ числу лицъ, которыхъ получаютъ право возвращаться во свояси, принадлежать три врача, состоящіе при арміи.

Подписали: начальникъ отряда дѣйствующаго корпуса Кавказской арміи генералъ-лейтенантъ Роопъ.

Генералъ-лейтенантъ атаманской арміи Омаръ.

Адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полковникъ Петерсъ.

Въ концѣ капитуляціи написано по-русски рукою генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова:

„Капитуляцію эту, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказскою арміею, утверждаю.“

Командующій дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ*).

Подписывая эту капитуляцію, Омаръ-паша просилъ однако Лорисъ-Меликова отложить сдачу арміи до разсвѣта, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что въ такую темную ночь онъ находитъ неудобнымъ передавать оружіе и боевые запасы, а главное сильно опасается за беспорядокъ, который можетъ произойти въ его войскахъ при объявлении имъ о капитуляціи; но генералъ Лорисъ-Меликовъ настаивалъ на своемъ и требовалъ, чтобы сдача началась никакъ не позже 2-хъ часовъ ночи.

—Что будетъ утромъ, сказалъ онъ по-русски генералу Роопу, я не знаю, но нахожу необходимымъ воспользоваться теперь же всѣмъ, что у насъ имѣется въ рукахъ.

Затѣмъ корпусный командиръ приказалъ генералу Роопу немедленно отправить Гассанъ-пашу на Орлокъ къ Турецкимъ войскамъ для объявленія имъ о капитуляціи и послать туда же еще одинъ баталіонъ для усиленія Екатеринославскаго полка, который находился у Орлока,

*) Извлечено изъ журнала военныхъ дѣйствий.

сь тѣмъ, чтобы въ назначенный часъ приступить къ принятию плѣнныхъ и оружія*).

Такъ какъ всѣ войска генерала Роопа оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застало ихъ приказаніе о прекращеніи боя и тутъ находился одинъ лишь только нашъ баталіонъ, уже соединившійся къ этому времени въ полный составъ, то ему и приказано было съ проводникомъ немедленно слѣдовать къ Орлокской горѣ и поступить тамъ въ распоряженіе командира Екатеринославскаго полка. И вотъ, благодаря стечению этихъ обстоятельствъ, намъ пришлось быть очевидцами какъ самой сдачи плѣнныхъ, такъ и всѣхъ трофеевъ захваченныхъ вмѣстѣ съ ними.

Было еще совсѣмъ темно, когда передъ нашими глазами замелькало множество огней на Орлокской высотѣ, съ которой мы подходили. Это горѣли костры, разложенные по всему спуску Орлока, по которому уже были разставлены шпалерами баталіоны Екатеринославцевъ для обозначенія пути слѣдованія съ горы плѣнныхъ Турукъ. Сложивъ свое оружіе, плѣнные около 2-хъ часовъ ночи начали спускаться. Они шли рота за ротою, имѣя въ головѣ каждая своихъ офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были верхами, но большинство плелось пѣшкомъ. Глядя на сумрачныя и изможденныя многими лишеніями лица солдатъ, на ихъ до крайней степени обветшалую обмундировку и опанки, служившіе у большинства обувью вмѣсто сапогъ, съ трудомъ вѣрилось, чтобы это было то войско, которое такъ мужественно и долго сражалось съ нами во многихъ бояхъ. Въ особенности поражалъ насть бѣдный багажъ солдатъ, состоящій изъ какихъ-то маленькихъ узелковъ, которые каждый изъ нихъ несъ въ рукахъ. Это было уже до того что-то убогое, что жалко даже было смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, которымъ предстояло съ такимъ нищенскимъ запасомъ совершать далѣй путь по чужой невѣдомой имъ странѣ.

Долго пришлось ждать, когда спустились наконецъ съ горы послѣднія части плѣнныхъ. На Орлокѣ оставались для охраны Турецкаго оружія лишь нѣсколько ротъ Екатеринославскаго полка, которыхъ приказано было немедленно смѣнить двумя ротами Перновцевъ. Эта доля выпала на мою и 1-ю стрѣлковую роты, которыхъ подъ моей командой, какъ старшаго, тѣтъ-часть-же и были отправлены туда.

---

*) По возвращеніи изъ плѣна Омаръ-паша за сдачу своей арміи на Аладжинскихъ высотахъ 3-го Октября, вмѣстѣ съ Гассанъ-пашею были преданы военному суду, который, найдя ихъ обоихъ виновными въ этомъ, приговорилъ Омаръ-пашу къ разжалованію и пяти годамъ заточенія въ крѣпости, а Гассанъ-пашу къ разжалованію и ссылкѣ на шесть мѣсяцевъ въ Брусу. (Мат. для истор. войны 1877 и 1878 года въ Азіат. Турции. Воен. сборн. 1880 г.).

Вершина Орлоской горы, куда послѣ полудня 3-го Октября были загнаны остатки Турецкой арміи и затѣмъ сдавшіеся намъ въ пленъ, представляеть довольно значительную возвышенность съ нѣсколькою покатою площадью, версты на полторы въ длину и около полуверсты въ ширину. Всѧ эта огромная площадь почти сплошь загромождена была длинными рядами составленныхъ въ козла ружей, около которыхъ большими кучами и просто разбросанными по землѣ валялось множество разнаго рода оружія большею частію изломаннаго и исковерканнаго, вѣроятно уже намѣренно, Турками.

Массы боевыхъ патроновъ въ металлическихъ коробкахъ и прямо разсыпанныхъ по землѣ до того усѣявали густо всю площадь, что не было свободнаго мѣста, куда бы можно было ступить ногою не наткнувшись на цѣлые груды ихъ. Тутъ же, въ отдаленіи отъ складовъ оружія, стояло въ полной упряжкѣ нѣсколько батарей и артиллѣрійскихъ парковъ, лошади которыхъ, точно для общей гармоніи, стояли понуро опустивъ головы и какъ-бы довершали печальный видъ этой обстановки.

Смѣнившись часовыхъ солдатами моихъ ротъ и подтвердивъ каждому изъ нихъ, чтобы они не подпускали никого къ охраняемому оружію, а въ особенности Курдовъ и нашихъ милиціонеровъ, очень падкихъ на всякую поживу, я неожиданно наткнулся вдругъ на цѣлую массу Турецкихъ раненыхъ, лежавшихъ прямо на голой землѣ. Судя по большому количеству этихъ раненыхъ, надобно было предположить, что у Турокъ здѣсь былъ одинъ изъ главныхъ перевязочныхъ пунктовъ. Конечно, зная хорошо, какъ Турки мало обращаютъ вниманіе на своихъ раненыхъ и больныхъ, меня нѣсколько не удивило, что я не встрѣтиль здѣсь ни Турецкихъ врачей, ни фельдшеровъ, которые могли бы оказать имъ какую-нибудь помощь, но тѣмъ не менѣе меня не могла не поразить картина, которую я увидѣль тутъ. Представьте себѣ большую площадь, на которой нѣсколько сотъ человѣкъ валяется распростертymi на голой, сырой землѣ. Истекая кровью, одни находились уже въ предсмертной агоніи, другіе, оглашая воздухъ мучительными стонами, метались въ бреду; нѣкоторые, замѣтя меня, проходившаго съ солдатами, силились приподняться, что-то лепетали, прося вѣроятно о помощи, но тутъ же въ изнеможеніи падали на землю и опять неслись тѣже стоны. тѣже душу надрывающіе стоны!

Тяжело и больно было видѣть этихъ несчастныхъ въ такомъ ужасномъ положеніи, но конечно, я ничѣмъ не могъ облечить ихъ страданій и глубоко потрясенный этой страшной картиной пошелъ далѣе.

Да, не приведи Богъ никому видѣть людей такъ бежалостно брошенныхъ на произволъ судьбы и погибающихъ безъ всякой помощи! Но не такой ли удѣль можетъ постигнуть каждого, обрекающаго себя на жертву этихъ варварскихъ войнъ, которыя всегда приносили человѣчеству одни только страданія и скорби?!

Не могу забыть еще одной маленькой, но полной драматизма сцены, которую, будь я художникъ, я непремѣнно изобразилъ бы на полотнѣ. Недалеко отъ группы раненыхъ, я увидѣлъ, при слабо мерцавшемъ огонькѣ почти совсѣмъ уже потухавшаго костра тяжело раненаго Турецкаго офицера, который лежалъ, такъ же, какъ и солдаты, прямо на голой землѣ. Жизнь уже слабо боролась со смертю въ этомъ человѣкѣ; онъ умиралъ, оставленный всѣми, и только большая черная собака, вѣрный другъ его, не покинула въ послѣднія минуты умирающаго. Бѣдное животное, инстинктивно чуя близкую разлуку съ своимъ господиномъ, точно какъ извяніе сидѣло неподвижно у изголовья раненаго и не сводило пристальнаго взора съ лица его. Собака видимо настолько была поглощена своимъ горемъ, что даже не шевельнулась, когда я близко подошелъ къ раненому. Я нѣсколько минутъ простоялъ, наблюдая эту нѣмую и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательную сцену и, признаюсь, она произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что долго потомъ мнѣ все мерещились этотъ умирающій офицеръ и его собака.

Начинало свѣтать, и вершины горъ, выдѣляясь изъ мрака, стали окрашиваться пурпуровымъ отблескомъ утренней зари, когда явилась смѣна моимъ ротамъ. Я передалъ смѣнившему меня офицеру посты при охранѣ Турецкаго оружія, собралъ людей и, спустя полчаса, присоединился къ своему полку, который, находясь уже весь въ сборѣ у подножія Орлоской горы, получилъ къ этому времени приказаніе конвоировать вмѣстѣ съ Екатеринославскимъ полкомъ плѣнныхъ до Визинѣва.

Часовъ около 8-ми утра вся партія плѣнныхъ, окруженная конвоемъ двухъ полковъ, тронулась въ путь. Это была толпа болѣе девяти тысячъ человѣкъ, смѣсь пѣхотинцевъ, кавалеристовъ, башибузуковъ въ разныхъ формахъ обмунированія и всѣ въ красныхъ фескахъ. Замкнутая со всѣхъ сторонъ плотнымъ кольцомъ сверкающихъ штыковъ, эта толпа имѣла очень оригинальный видъ, и взору казалось издали какъ-будто какое-то сказочное чудовище медленно ползло, извиваясь по долинѣ. Утро было свѣжее, безоблачное, но дьявольская пыль, этотъ бичъ Карскихъ долинъ, окутавшая насъ почти съ первыхъ-же

шаговъ, до того была невыносима, что, казалось, въ ней просто можно было задохнуться.

Помню, на пути ко мнѣ подошелъ одинъ изъ Турецкихъ офицеровъ и, чисто заговоривъ по-русски, убѣдительно просилъ достать ему гдѣ-нибудь хоть нѣсколько глотковъ воды, чтобы немного уголить нестерпимую жажду. Это былъ красивый, молодой человѣкъ, съ черными усиками, живыми, выразительными глазами и по типу лица похожъ былъ болѣе на Славянина, чѣмъ на Османлиса. Къ сожалѣнію, я не могъ удовлетворить просьбу этого офицера, потому что никакихъ запасовъ воды съ нами не было, но меня, однако, крайне заинтересовала его правильная Русская рѣчь и я спросилъ: не живаль-ли онъ когда-нибудь въ Россіи?

— Я Полякъ, отвѣтилъ офицеръ, воспитывался въ уѣздномъ городкѣ Плоцкой губерніи и во время Польского восстанія въ шестьдесятъ третьемъ году бѣжалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищѣй въ Турцію. Тамъ, поступивъ въ Оттоманскую армію солдатомъ, я нѣсколько лѣтъ служилъ въ Адріанополѣ, а послѣднее время, уже офицеромъ, въ одномъ изъ таборовъ, расположенныхъ въ Карсѣ. Намъ не повезло, какъ видите, въ настоящей войнѣ, продолжалъ офицеръ, почти вся армія наша въ плѣну и одинъ Аллахъ теперь вѣдастъ, куда закинетъ насъ судьба.

Рассказывая о себѣ, офицеръ этотъ очень рѣзко порицалъ Турецкое правительство, которое, по словамъ его, всегда много обѣщаетъ, но мало даетъ, и, кажется, не очень сокрушался, что попалъ къ намъ въ плѣнъ, изъ котораго, видимо, расчитывалъ вернуться опять на свою родину.

Мнѣ не понравился развязный тонъ этого господина и въ особенности его слишкомъ нечестный отзывъ о правительствѣ, которому онъ служилъ и которое давало ему средства къ жизни, и я, оборвавъ съ нимъ разговоръ, тронулъ коня впередъ.

На Визинкѣвъ плѣнныя переданы были другимъ частямъ войскъ, которые назначены были сопровождать эту партію до города Александрии, а мы, присоединившись къ своему отряду, расположились вмѣстѣ съ нимъ на бивакѣ.

Блестящимъ дѣломъ на Аладжинскихъ высотахъ и окончился второй періодъ нашей кампаніи. Анатолійская армія была совершенно разбита: большая часть ея находилась въ плѣну, остальная бѣжала въ Карсъ и скрылась за стѣнами этой крѣпости, а самъ Мухтаръ-паша, не предвидя уже для себя побѣдныхъ лавровъ, предоставилъ защиту

крепости Хуссейнъ-пашъ и, захвативъ съ собою нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, ускакалъ въ Эрзерумъ.

Это былъ первый серьезный ударъ, нанесенный Туркамъ Русскими; второй еще болѣе сильный послѣдовалъ мѣсяцъ спустя на стѣнахъ Карса, чѣмъ и закончились все военные дѣйствія въ Карской области.

Подводя въ заключеніе итоги потерпѣнія при нашихъ операцияхъ съ 20-го Сентября по 3-е Октября нужно сказать, что если они и выразились въ довольно значительныхъ цифрахъ, то далеко однако не могли идти въ сравненіи съ потерями Турокъ, у которыхъ, не считая убитыхъ и раненыхъ, взято было только въ пленъ 3-го Октября: 7 пашей, 250 офицеровъ и болѣе 9 тысячъ солдатъ съ полнымъ ихъ вооруженіемъ, артиллерию, обозами, тремя тысячами лошадей и огромными запасами боевого матеріала*).

Само собою, таکія трофеи краснорѣчивѣе всего говорить о нашей громкой победѣ, поставившей высоко славу Русскихъ войскъ, связанныхъ съ именами знаменитыхъ полководцевъ Лорисъ-Меликова, Геймана, Лазарева и съ именемъ, стоявшаго во главѣ ихъ, нашего августейшаго главнокомандующаго Великаго Князя Михаила Николаевича.

А. А. Аноевъ.

---

*) По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ нашихъ войскахъ за эти двѣ недѣли насчитывалось всѣхъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ: 83 офицера и 3300 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХИЕПИСКОПА ЛЕОНИДА. ФЕВРАЛЬ 1865.

8. Мы оба, я и А. Н.¹⁾ обѣдали у Владыки. Столъ, какъ и всегда изящный, и блины: сколько удобно, Владыка соблюдаетъ обычай старины. Впрочемъ между нимъ и Муравьевымъ не завязываются разговоры очень интересные; ибо Муравьевъ своими крайними и рѣзкими сужденіями уже очень надоѣлъ ему, особенно же тѣмъ, что всякий разъ дурно отзывается объ Ахматовѣ, къ которому Владыка очень расположень. Однако Владыка бытъ очень любезенъ, и мы отъ 2 до 5 у него просидѣли. Я засталъ у себя баронессу Александру Ивановну Боде съ маленькою дочерью Марией²⁾, которая называетъ меня своимъ „другомъ“. Баронесса проситъ меня на погребеніе ея отца д. т. с. Ив. Дм. Черткова³⁾.

9. Съ 5 до 8 правила, отъ 8 до 10 занятіе отчетомъ, потомъ въ 11 выѣздъ на выносъ тѣла и литургію. Выносъ бытъ изъ домовой церкви⁴⁾. Она не худа, но не лучше прочихъ частей дома. Какъ Георгіевскому кавалеру ему отдана военная почесть. Церковь малая, порядочно отѣлана, но полъ небрежно посланъ. О іереѣ баронессы отозвалась: „не нравится мнѣ, слишкомъ веселый“⁵⁾. Архимандрита не было, а священники путались словно сельскіе. Чертковъ послѣдніе годы жилъ очень уединенно. Прежде любилъ вино и веселье, и хотя тосковалъ по женѣ⁶⁾ и боясь, чтобы она ему не явилась, завелъ всенощное чтеніе Псалтири, чрезъ старушекъ; однако у него ежедневно пировала Рашель въ то время, когда онъ вознамѣрился имѣть домовую церковь. Всѣ эти странности кончились тѣмъ, что послѣдніе годы онъ

¹⁾ Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

²⁾ Внучка супруга Михаила Сергеевича Сухотина.

³⁾ Шталмейстеръ Иванъ Дмитревичъ Чертковъ р. 29 д. 1796 † 6 ф. 1865.

⁴⁾ Домъ этотъ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, нынѣ А. В. Станкевича.

⁵⁾ Елена Григорьевна, рожд. баронесса Строгонова (р. 11 ф. 1800 † 25 июня 1832), единственная сестра пяти братьевъ (позднѣе графовъ) Строгоновыхъ.

былъ почти затворникомъ и пріобщался Св. Таинъ каждую недѣлю¹). Привычка къ набожности отъ ранняго возраста привела таки къ благому концу.

10. Обѣдали мы съ Анд. Н. у пр. Саввы. Тамъ былъ новый преосвященный Томскій²). Очень развязный, воспитанникъ Петерб. Академіи, былъ священникомъ и служить съ 1833 года. Владыка хвалится тѣмъ, что Московскіе воспитанники, вышедши въ архіерейство, не такъ развязны въ манерахъ.

Вечеромъ были Нейдгарть, Горчаковъ, В. А. Муханова, кн. Е. И. Долгорукая, Муромцевъ, братъ и кто-то еще. Когда Муханова и Нейдгарть говорили о Каирѣ и Палестинѣ, гдѣ они бывали, то еще больниче мнѣ стало, что желаніе мое видѣть Палестину такъ неосуществимо для меня, между тѣмъ какъ для другихъ это такъ доступно.

11. Братъ былъ на поминкахъ Сапелкина въ единовѣрческомъ женскомъ монастырѣ и въ восхищеніи отъ чрезвычайней стройности и общаго вниманія къ богослуженію. „Понятно, говорить онъ, почему они держатся даже мелочей, даже ошибокъ граматическихъ такъ строго: они боятся, что, сдѣлавъ малѣйшую уступку, они вступятъ на путь уступокъ и потеряютъ существенное: чинъ и благообразіе службы церковной“.

Иереи ихъ въ службѣ не носятъ никакихъ отличій.

(Изъ „Душеполезнаго Чтенія“ 1907 года).

¹) У него въ спальнѣ стоялъ гробъ. И. Б.

²) Виталий (Вертоградовъ), въ 1833 г. поступилъ учителемъ въ Калужскую духовную семинарію, въ 1841 г. священникъ, въ 1846 г. постриженъ въ монахи, 10 Января 1865 хиротонисанъ въ епископа Томскаго, † 25 Ноября 1866 г. А. С.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ КЪ СТАТЬ-СЕКРЕ- ТАРЮ Н. А. ШТОРХУ.

Je viens d'apprendre par l'Empereur la mort de Troinitsky et en suis consternée! Dites à pauvre veuve la part que je prends à son malheur et nos regrets bien sincères, à l' Empereur et à moi, de la perte que nous faisons personnellement par sa mort.

М.

Переводъ.

Я узнала отъ Государя о смерти Тройницкаго, и это меня поразило. Скажите его бѣдной вдовѣ, что я вполнѣ сочувствую ея горю и передайте ей искреннія сожалѣнія Государя и мои. Смерть его личная для насъ утрата,

М.

Александъръ Григорьевичъ Тройницкій скончался въ Петербургѣ въ пятницу, 12-го Марта 1871 г. въ пятомъ часу утра. Первая панихида у его тѣла назначена была въ 1 ч. дня. Около полудня статъ-секретарь Николай Андреевичъ Шторхъ *) привезъ семью умершаго только полученное имъ письмо Императрицы Марии Александровны. Самое письмо написано на небольшомъ листѣ почтовой бумаги, вверху которого оттиснуто, золотомъ и красками—Марія, Зимній Дворецъ. Письмо сложено вдвое и вложено въ соотвѣтствующаго размѣра конвертъ, на которомъ Ея Величествомъ написано „Шторху“. Г. Т.

Напомнимъ, что 12-го Марта нынѣшняго года исполнился сто одинъ годъ со дня рожденія А. Г. Тройницкаго. Свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ дѣятель можно найти въ I-ой книжѣ „Русскаго Архива“ 1894 года. П. Б.

---

*) Товарищъ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, исправлявшій въ то время должность Главноуправляющаго за отсутствіемъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

**Къ бракосочетанію Ея Императорскаго Высочества Великой
Княжны Маріи Павловны съ Шведскимъ принцемъ.**

Наша Москвичка, Великая Княжна Марія Павловна, праправнучка Екатерины Великой, вступаетъ въ бракъ съ принцемъ Шведскимъ, и все обѣщаетъ этому союзу благополучіе. Русскіе люди сердечно желаютъ „совѣта и любви“ молодой царственной четѣ.

Этимъ союзомъ переносится наше архивное помышленіе къ осени 1796 года, когда возможность подобного бракосочетанія занимала умы предковъ нашихъ и долженствовала повести къ особымъ международнымъ сопряженіямъ. Не проявились они, какъ извѣстно, по той причинѣ, что царственный женихъ не рѣшался изъявить окончательное согласіе на устроеніе во дворцѣ своемъ православнаго храма. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, прося позволенія еще подумать. Дѣло не было кончено, и Государыня вступила въ переписку съ молодымъ королемъ, котораго рожденіе она нѣкогда привѣтствовала, посылая ему придуманное ею для внука своего дѣтское платье*). Письма Екатерины къ молодому Шведскому королю удивительны: рѣдко кто изъ свѣтскихъ лицъ, за всю нашу исторію, писалъ съ такою убѣдительностью о преимуществахъ исповѣданія Православнаго.

Какъ бы предчувствуя близкую свою кончину, Екатерина позаботилася обѣ устроить дворцовой церкви для своей внучки. Иконостасъ, иконы, богослужебная утварь, ризы, книги отвезены были въ Стокгольмъ, гдѣ и хранились въ Русскомъ посольствѣ до нашихъ дней. Лишь недавно, когда потребовалася церковь для Гамбургскаго нашего консульства, все это, по мысли К. И. Побѣдоносцева, перевезено въ Гамбургъ. Какъ ни важно было для Швеціи укрѣпить связи съ Россіею, но упрямство дяди, герцога Зюдерманландскаго (позднѣе Карла XIII-го) одолѣло юношу-короля. Его совѣтники могли расчитывать, что Екатеринѣ оставалось жить недолго, а наслѣдникъ ея былъ собрать по масонству ихъ герцога. Вспомнимъ также, что лютеранство въ тогдашней Швеціи отличалось нетерпимостью; а про наше исповѣданіе тамъ мало знали, видя въ немъ то же, чтѣ нѣкогда такъ претило Шведамъ въ католичествѣ, въ борьбѣ съ которымъ воспрославилъ Шведское имя Густавъ-Адольфт. П. Б.

---

*) Такое же подарila она племянницѣ князя Потемкина, графинѣ Браницкой, и оно хранится въ Одесѣ, въ Архивѣ Князя Воронцова (нынѣ графини Е. А. Воронцовой-Дашковой). П. Б.

СОДЕРЖАНИЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1908 года.
(выпуски 1, 2, 3 и 4).

- 463.** Указъ Петра Великаго князю Григорію Волконскому. 1708. (О Батуриныхъ казакахъ).
- 305.** Указъ Петра Великаго Казанскому губернатору Салтыкову. 1722. (О прошажѣ записной книги).
- 306.** Императрица Елизавета Петровна Ю. Ю. Броуну. 1761.
- 295.** Письмо графа Ф. В. Ростопчина къ одной просительнице. 1797.
- 465.** Изъ записной книжки Коленкура, Наполеонова послана при напемъ дворѣ. 1808г.
- 5, 227, 486 и 476.** Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра: Наполеонъ передъ походомъ въ Россію и въ Россіи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.
- 807.** Герой отечественныхъ и заграничныхъ войнъ Н. Н. Раевский въ письмахъ къ младшему своему сыну. 1825—1829.
- 286 и 498.** Изъ архива Н. Н. Новосильцова. Поляки послѣ Наполеонова нашествія на Россію. (Попытка всеобщаго вооруженія въ Варшавскомъ Герцогствѣ.—Учрежденіе верховнаго временнаго совѣта.—Загадочный Англійскій генераль.—Обращеніе Евреевъ въ христіанство.—Польскіе Карбонари). Сообщилъ И. Г. Попруженко.
- 99.** Масонскія собранія, торжества и стихи въ честь императора Александра Павловича. Сообщено Т. О. Соколовскою.
- 524.** Изъ писемъ А. П. Буниной къ М. Н. Семенову. Сообщено К. Я. Гротомъ.
- 105.** Императоръ Александръ Павловичъ въ послѣдніе свои годы (изъ Записокъ г-жи Буань).
- 536.** Дѣло о разореніи общественныхъ садовъ въ Курскѣ. 1826. Сообщено С. Е. Кожуховымъ.
- 64.** Конрадъ Валенродъ. Переписка Н. Н. Новосильцова съ графомъ Д. Д. Куррутою и донесеніе великому князю Константину Павловичу о Мицкевичѣ. 1828.
- 298.** Московскій бульварный стихотворецъ-сатирикъ А. А. Голомбіевскаго.
- 107.** Полузабытая могила (Кулибина). Н. А. Россіева.
- 98.** Письма императрицы Маріи Феодоровны къ Ханыкову о Павловскомъ дворцѣ.
- 25.** Письма князя А. А. Шаховскаго къ князю Э. П. Мещерскому: Россія и Европа. 1833.
- 368.** Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ Ф. П. Макеровскому. 1823—1835.
- 115.** Баронъ Пасхинъ. А. А. Голомбіевскаго.
- 181.** Прожитое и пережитое. Воспоминанія доктора П. С. Алексѣева.
- 541.** Памяти Филарета интрополита Мо-

сковского. Рѣчь Ю. Н. Вартенева въ союзѣ Русскихъ людей 23-го Ноября 1907 г.

321. Изъ дневника священника (А. Г. Лебединцева) въ осажденномъ Севастополѣ. 1854—1855.

583. Боевое крещеніе. Въ Закавказьѣ. 1877. А. А. Алоева.

145. Записки архієпископа Никанора: „Моя хиротонія“. 1871 годъ.

448. Исторія и легенда (старецъ Федоръ Козьмичъ). А. А. Голомбіевскаго.

463. О письмахъ фельдмаршала князя Витгенштейна.

354. Письма И. С. Аксакова къ М. А. Максимовичу. 1859—1862. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Данилова.

320. Посланіе князя П. А. Вяземскаго иностранцѣ. 1832.

109. В. А. Жуковскій: его замѣтки о великомъ князѣ Александрѣ Николаевичѣ, завѣщательное письмо къ супругѣ своей и записка о рожденіи своей дочери

297. Письмо Ю. Ф. Самарина къ А. О. Смирновой. 1868.

184. А. С. Хомяковъ и М. А. Максимовичъ (новыя письма А. С. Хомякова). Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Данилова.

274. Завѣщаніе Н. Г. Чернышевскаго. (Сообщилъ П. А. Юдинъ).

249 и 464. Изъ записной книжки издателя „Русского Архива“ (Объ отношеніи духовныхъ властей къ свѣтской.—О В. С. Россоловскомъ).

378. Пермское село Ныробъ, его древности и святыни. Н. А. Санина.

392 и 550. Успенскій соборъ въ Москвѣ. Исторія его отопленія. Протопреевита В. С. Маркова.

75 и 251. Фамильная прозвища Великорусского духовенства въ XVII и XIX столѣтияхъ. В. В. Шереметевскаго.

619. Изъ записокъ архієпископа Леонида. 1865.

621. Письмо императрицы Марии Александровны статсъ-секретарю Шторху. 1871.

622. Къ бракосочетанію великой княжны Марии Павловны.

144. Поправки и мелочи.

Внутри сорочекъ. Отзывы Т. О. Соколовской (Русское масонство).—Записки И. В. Чернова.—А. П. Ланская о Н. Н. Пушкиной.—О Рязанской Гимназіи.—О перепискѣ Пушкина.—Новая Польская книга о Маринѣ Миншекѣ.

Приложены полулисты Предметной Рецепции „Русского Архива“. (Писатели.—Художники.—Книжные заграничные вѣсти.—Архивы).

5221. Горленко, В. П. Украинскія были. 1900. I, (1), 159—160.
5122. Да́ль, В. Толковый словарь Великорусского языка. 1863. 495—496.
5123. Замѣтка объ Англійскомъ переводе Записокъ княгини Дашковой. М. О. Шугурова. 1881. II, (3), 132—140.
5124. Забѣлинъ, И. Исторія города Москвы. С. П. Бартенева. 1902. III, (9), 152—160.
5125. Историко-критическая замѣтки Д. И. Иловайского: В. Г. Васильевскаго Житія свв. Георгія Амастидскаго и Стефана Сурожскаго, В. И. Сергеевича, Русскія юридическія древности. 1895. I, (2), 249—264.
5126. О нѣкоторыхъ изданіяхъ по истории Кавказа. Е. А. Козубскаго. 1896. III, (12), 536—546. Э. В. Бrimмеръ. О Запискахъ П. К. Менькова.
5127. Новые изданія по истории Кавказа. Е. А. Козубскаго. (XVIII-й томъ „Кавказскаго Сборника“). 1898. I, (1) 169—176.
5128. Лебедевъ, Петръ. Графы Панины. 1863. 74—75.
5129. Черное Малороссійское духовенство былого времени. А. С. Лебедева. А. А. Титова. 1903. II, (6), 145—166.
5130. Сочиненія Лермонтова, приведенные въ порядокъ С. С. Дудышкинымъ. М. Н. Лонгинова. 1863. 571—575.
5131. Лихутинъ, М. Д. Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854 и 1855 г. 1863. 350—351.
5132. Лобановъ-Ростовскій, кн. А. Б. Русская Родословная книга. ***. 1895. II, (7), 375—377.
5133. Объ энциклопедическихъ лексиконахъ въ Россіи ЭС. (С. А. Соболевскаго) 1870. (10) 1937—1940.
5134. Библиотека А. С. Норова. ЭС. (С. А. Соболевскаго). 1869. (4), 065.
5135. Альманахъ „Звѣздочка“ 1826 г. М. И. Семевскаго. 1869 (4), 053—060.
5136. Объ изданіи г. Семевскимъ журнала „Русская Старина“. 1870. (2) 525—526.
5137. Первый Русскій провинціальный журналъ „Уединенный Пощенецъ“. Л. Н. Трефолева. 1879. III, (9), 88—135. А. П. Мельгуновъ. В. Д. Санковскій, Михаилъ Пермскій, Алексѣй Вершицкій, С. Н. Веницеевъ, Иванъ Слатинскій, Василій Пустовойтовъ, В. Г. Рубанъ, В. П. Нетровъ, А. И. Переpeчинъ, П. И. Фонвизинъ, архиеп. Арсеній. Стихи Стефана Яворскаго. Юна Фед. Фортунатовъ. Кучумовъ. Евреи-кровопийцы.
5138. Савеловъ, Л. М. Указатель по истории и генеалогии Россійскаго дворянства. Н. Ч. 1893. I, (3), 456—457.

6) Внутри обложекъ „Русскаго Архива“.

5139. Алексѣевъ В. Суворовъ-поэты. Письма Суворова къ разнымъ лицамъ. Замѣтка В. Б(рюсова). 1901. III, (9).
5140. Арсеньевъ, Ю. Ближній бояринъ кн. Н. И. Одоевскій, его переписка съ Галицкой вотчиной. 1903. II, (8).
5141. Каталогъ выставки иллюстрацій къ царствованію Александра III. Собранія Г. П. Анненкова. 1903. III, (12).
5142. Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ. Воспоминанія. Спб. 1904. 8⁰. 1904. II, (7).
5143. Барсуковъ, А. П. Родъ Шереметевыхъ. Книги седьмая и осьмая. III, (10). 1904. II, (7).
5144. Барсуковъ, А. П. Списокъ городовыхъ воеводъ. А. Титова. 1902. III, (10).
5145. Берло, А. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій. 1904. III, (9).
5146. Воспоминанія К. Н. Бестужева-

- Рюмина (до 1860 года). Изданы Л. Н. Майковымъ. **1902.** I, (1).
- 5147.** Божеряновъ, И. Н. Жизнеописание императрицы Александры Феодоровны. **1900.** II, (7).
- 5148.** Божеряновъ, И. Н. Гр. Е. Ф. Канкринъ. Изданіе гр. И. В. Канкрина. **1898.** I, (3).
- 5149.** Бодянская, М. С. Библіотека указателей. Выпукъ 1-й. „Дневникъ“ А. В. Никитенко, т. 1—111. „Воспоминанія“ И. И. Шанаева. **1903.** III, (12).
- 5150.** Браиловскій, С. Н. Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ. А. Яцимирскаго. **1896.** III, (11).
- 5151.** Бурцевъ, Александръ. Описаніе рѣдкихъ Россійскихъ книгъ. Л. М. Савелова. **1897.** III, (10).
- 5152.** Бѣлецкій, А. Сборникъ документовъ музея гр. М. Н. Муравьевъ. **1906.** II, (6).
- 5153.** Бѣляевъ, И. С. Купеческія родословныя, какъ историческій источникъ. Чухломскіе посадскіе люди Юдины. В. Я. Б(рюсова). **1900.** III, (9).
- 5154.** Утвержденіе Русскаго владычества на Кавказѣ. Н. Н. Бѣляевскаго. **1904.** III, (9).
- 5155.** Дневникъ Васильева. **1896.** II, (4).
- 5156.** Военскій, К. Императоръ Николай и Польша въ 1830 г. **1905.** II, (5).
- 5157.** Родъ князей Волконскихъ. Материалы, собранные князя Е. Г. Волконскою. Н. Ч. **1901.** II, (6).
- 5158.** Записки кн. С. Г. Волконского. **1901.** III, (11).
- 5159.** Воспоминанія о студенческой жизни. **1899.** II, (6).
- 5160.** Вяземскій, кн. П. А., собраніе сочиненій. Томъ XII. **1896.** III, (9).
- 5161.** Гиляровъ, Н. П. Сборникъ сочиненій. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. **1899.** II, (6). **1900.** II, (6).
- 5162.** Глѣбова - Стрѣшнева, княгиня Е. Ф. „Mon Aieule“. **1898.** II, (6).
- 5163.** Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шёнрока. **1902.** (1).
- 5164.** Головнина, Ю. Д. На Памирахъ. Записки Русской путешественницы. **1902.** I, (3).
- 5165.** О сочиненіяхъ И. Ф. Горбунова. **1900.** I, (4).
- 5166.** Грановскій, Т. Н. Избранныя сочиненія. Редакція В. А. Соколова. **1905.** III, (12).
- 5167.** Гротъ К. Я., Н. М. Карамзинъ и Ф. Н. Глинка. **1903.** III, (12).
- 5168.** Гротъ, К. Я. Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго. **1901.** III, (10).
- 5169.** Капнистъ, П. И., графъ. Сочиненія. **1901.** I, (3).
- 5170.** Воспоминанія Фаддея Вылажинскаго, **1903.** II, (8).
- 5171.** Архивъ села Вощажникова. Бумаги гр. Б. П. Шереметева. **1901.** I, (3).
- 5172.** О родѣ Рахманиновыхъ. К. А. Губастова **1895.** III, (11), 330—338. и А. Яцимирскаго **1896.** III, (11).
- 5173.** Дягилевъ, С. П. Русская живопись въ XVIII в. Д. Г. Левицкій. **1902.** II, (6).
- 5174.** Екатерина II, императрица. Сочиненія. На основаніи подлинныхъ рукописей, съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Сочиненія драматическая. 4 тома. Спб. 1901. 8°. II. Б(артенева). **1901.** II, (7). **1902,** (8), **1904,** (10), **1906.** III, (10).
- 5175.** Завитневичъ, В. З. А. С. Хомяковъ. **1902.** II, (4).
- 5176.** Загоскинъ, Н. П. Исторія Казанскаго Университета. **1905.** I, (4).
- 5177.** Извѣковъ, Н. Д. Православная церкви въ Литовской епархіи. 1859—1889 г. **1900.** II, (7).
- 5178.** Иконниковъ, В. С. Киевъ въ 1654—1855 гг. **1905.** I, (4).
- 5179.** Иловайскій, Д. И. Исторія Россіи. Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ Романовы. Ю. П. Б(артенева). **1899.** I, (3). **1905.** II, (8).
- 5180.** Каптеревъ, Н. Ф. Сношенія Иерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей. А. Яцимирскаго. **1896.** III, (11).

5181. Касаткинъ, В. В. Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимира епархіи. 1906. III, (12).
5182. Кеневичъ, В. Примѣчанія къ баснямъ М. Н. Лонгина. 1868. (11), 1817—1819.
5183. Ключевскій, В. О. Краткое пособіе по Русской истории. С. И. Кедрова. 1900. II, (5), 82—92.
5184. Столѣтіе Военнаго Министерства. 1905. III, (11).
5185. Козубскій, Е. И. Дербентское городское упрощенное общественное управление. 1906. III, (12).
5186. Кологривовъ, С. Н. Государева большая шкатула. 1903. III, (12).
5187. Колчинъ, А. В. Памяти А. С. Пушкина. Н. О. Лернера. 1890. III, (10).
5188. Кони А. Ф. Очерки и воспоминания, Д. Х(омякова). 1906. I, (2).
5189. Костомаровъ. Сѣвернорусскія народоправства. 1863 I, 74.
5190. Коммисія Куломзина о земледѣлии въ Забайкальской области. 1899. I, (4).
5191. Кульманъ, Н. К. Рукописи В. А. Жуковскаго, въ библиотекѣ гр. Бобринскихъ. 1901. III, (12).
5192. „Архивъ Князя Ф. А. Куракина“. Книга VIII-я подъ ред. В. Н. Смольянинова. Ю. П. Б(артенева). 1899. II, (7). Тоже. Книга IX-я. 1902. III, (9).
5193. „Восемнадцатый Вѣкъ“. Историческій сборникъ князя Ф. А. Куракина подъ редакціею В. Н. Смольянинова и Н. А. Скворцова. 1904. I, (3). 1905. I, (2).
5194. „Девятнадцатый Вѣкъ“. Историческій сборникъ, издаваемый княземъ Ф. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. М. 1903. 8⁰. 1903. III, (8).
5195. Письма гр. Г. Г. Кушелева къ сыну Александру. 1901. I, (1).
5196. Ладыженскій, И. Н. Родословная Молостовыхъ. Л. М. Савелова. 1901. I, (1).
5197. Лалаевъ, М. С. Николай I, зиждитель Русской школы. 1896. II, (6).
5198. Лалаевъ, М. С. Очеркъ жизни вел. кн. Михаила Павловича. 1898. I, (2).
5199. Лернеръ, Н. О. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя. 1903. III, (10).
5200. Ломоносовскій Сборникъ. Для исторіи химіи въ Россіи. 1902. I, (3).
5201. Лѣтопись историкородословнаго общества въ Москвѣ, съ портретомъ вел. кн. Сергія Александровича. 1905. II, (6).
5202. Любецкій архивъ гр. Милорадовича Выпукъ первый. Л. М. Савелова. 1898. II, (7).
5203. Майковъ, Л. Н. Матеріалы для академического изданія сочиненій Пушкина. 1903. I, (2).
5204. Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей. Л. М. Савелова. 1898. II, (5).
5205. Марковъ, В. С. О Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ. 1903. I, (3).
5206. Мандельштамъ, И. О характерѣ Гоголевскаго стиля. В. Я. Брюсова. 1902. II, (4).
5207. Записки Петра Кононовича Менькова. 1898. II, (6).
5008. Минхъ, А. Н. Словарь Саратовской губерніи. 1904. II, (5).
5209. Михайловъ. А. Черніевъ. Біографический очеркъ. 1906. II, (7).
5210. Михайловъ, К. Н. Никитскій женскій монастырь въ Москвѣ. 1901. III, (12).
5211. Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, Предисловіе и примѣчанія В. А. Бильбасова. 1902. III, (9). 1903. I, (3).
5212. Нѣчто о стихотвореніяхъ Феофана Прокоповича. (Письмо къ П. И. Бартеневу М. Максимовича). 1872. (5), 997—1004.
5213. Московскій Румянцовскій и Публичный музей. 1897. III, (12).
5214. Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ“ (сочиненія Попе), въ переводѣ Поповскаго. Н. С. Тихонравова. 1872. (7—8), 1311—1322.
5215. Замѣтка къ статьѣ: „Исторія изданія опыта о человѣкѣ“. П. А.

- Ефремова. **1872.** (10), 2031—2032.
- 5216.** Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковскаго. К. И. Жинзифова. **1863.** 217—221.
- 5217.** Замѣтки на „Словарь“ Д. А. Ровинскаго. Письмо къ издателю (кн. М. А. Кантакузена). **1889.** II, (6), 308—310.
- 5218.** Книга бытія моего. Порfirія Успенскаго. Издание Сырку. **1897.** II, (6).
- 5219.** Потоцкій, Степанъ. Инзовъ Иванъ Никитичъ. **1904.** III, (10).
- 5220.** Проскурниковъ, Т. В. Городъ Короча. В. Я. Б(рюсова) **1900.** III, (10).
- 5221.** Исторія Россійскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Переводъ съ Англ. гр. Е. В. Путятина. **1897.** III, (9).
- 5222.** Пушкинъ и его современники. Выпускъ I. **1904.** I, (1).
- 5223.** Пушкинъ. Сочиненія, подъ ред. П. А. Ефремова. Т. I и II. В. Б(рюсова). **1902.** III, (12), 525—Тоже. Т. VII. **1903.** III. обл. 10-го вып.—Тоже. Т. VIII. **1905.** II, (7).
- 5224.** Московскій Сборникъ. Издание К. П. Побѣдоносцева. **1901.** III, (12), и **1906.** III, (9).
- 5225.** Николай Михайловичъ, Великій Князь. Графъ Шавель Александровичъ Строгоновъ. **1903.** II, (7). Поправка (9).
- 5226.** Издание Великаго Князя Николая Михайловича. Луи-де-Сентъ-Обенъ. П. Б(артенева). **1902.** II, (6).
- 5227.** Издание Великаго Князя Николая Михайловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. **1905.** I, (3); II, (8); III, (12).
- 5228.** Новый Завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа. Переводъ В. А. Жуковскаго. Берлинъ. 1895. 8⁰. **1896.** III, (9).
- 5229.** Православное исповѣданіе въ царствованіе Александра III-го. **1902.** I, (4).
- 5230.** Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Съ примѣчаніями В. И. Сайтова. **1900.** I, (2).
- 5231.** Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1894 г. **1897.** III, (12).
- 5232.** Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. **1904.** III. (12).
- 5233.** Павловъ, Н. М. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. **1899.** (2) (Ю. П. Бартенева); **1900.** I, (3); **1902.** I, (3). **1904.** I, (2).
- 5234.** Панчулидзевъ, С. Исторія кавалергардовъ. **1899.** III, (12), 597—608. **1902.** I, (3). **1904.** I, (3).
- 5235.** Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. Т. 1-й. М. Н. Лонгинова. **1871.** (1), 0246.
- 5236.** Платоновъ, С. О. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ. Ю. П. Б(артенева). **1900.** I, (1).
- 5237.** Плотниковъ. А. Ф. Нарымскій край. И. Б. **1904.** III, (9).
- 5238.** Письма Погодина, Шевырева и Максимовича къ кн. Вяземскому. Съ примѣчаніями Н. П. Барсукова. **1901.** II, (1).
- 5239.** Покровскій, А. Лѣтопись церкви въ Страннопріимномъ домѣ гр. Шереметева. Изд. М. И. Романовой. **1897.** III, (11).
- 5240.** Пушкинскіе дни въ Одессѣ. В. Я. Б(рюсова). **1901.** I, (4).
- 5241.** Пушкинъ и его современники. **1905.** III, (10),
- 5242.** По поводу академического изданія сочиненій Пушкина. Н. М. Горбова. **1900.** I, (2), 309—310.
- 5243.** Пушкинъ, Сочиненія. Издание Императорской Академіи Наукъ, съ примѣч. Л. Майкова. Томъ первый. **1899.** III. об. 9-го вып. В. Я. Б(рюсова). **1900.** III. обл. 11-го вып.—Томъ второй. Н. О. Л(ернера). **1906.** I, (8), 602—604.
- 5244.** Изъ замѣтокъ Любителя Старины на послѣднее изданіе сочиненій Пушкина. **1884.** I, (2), 472—473.
- 5245.** Замѣтка о первомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина. М. А.

- Веневитинова. 1899. II, (7), 470—472.
- 5246.** Старое о Щегловѣ. И. Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Валерія Брюсова. 1901. III, (12), 574—579.
- 5247.** Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1906. I, (4).
- 5248.** Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. 1900. I, (2).
- 5249.** Рогожинъ, В. Н. Указатель къ Опыту Россійской Библіографіи В. С. Сопикова. Ю. П. Б(артенева). 1900. I, (3).
- 5250.** Ровинскій, Д. А. словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ. 1889. II, (8), 581.
- 5251.** Самаринъ, Федоръ. О мірской надѣльной землѣ. Замѣчанія на статьи Б. Н. Чичерина по поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ. Ю. П. Б(артенева), 1902. III, (11), 429.
- 5252.** Савва. Палеографические снимки съ Греческихъ и Славянскихъ рукописей А. Е. Викторова. 1863. 487—492.
- 5253.** Сборникъ материаловъ по Россійской исторіи начала XVII вѣка. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1896. 8⁰. 1896. I, (3). 479.
- 5254.** Сборникъ Муханова. Издание второе, А. Ф. Бычкова. 1867. (7), 1180—1181.
- 5255.** „Сборникъ Россіаго Историческаго Общества“. 1868. (2), 335.
- 5256.** Сборникъ историческихъ материаловъ, изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии 1896. III, (9).
- 5257.** Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. 1899. III, (11).
- 5258.** Сборникъ старинныхъ бумагъ, въ музѣй П. И. Шукина. 1897. III, (9). 1899. II, (6), 359—360. 1902. I, (4).
- 5259.** Рукописи о Севастопольской обронѣ, собранныя государемъ на слѣдникомъ цесаревичемъ. Ф. И. Тимирязева. 1873. I, (6), 1089—1102.
- 5260.** Середонинъ, С. М. Комитетъ Министровъ при Александрѣ I-мъ. 1902. I, (4).
- 5261.** О Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефона (по отношенію къ Кавказу). Е. И. Козубскаго. 1894. I, (3), 436—452.
- 5262.** Русскій біографіческій Словарь. Т. I. 1896. III, (6).
- 5263.** Соколовскій, М. С. Кадетскій Журналъ. 1905. III, (10).
- 5264.** Соколовъ, Селивстръ. Очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода и кладбища. Него (А. А. Титова). 1902. I, (2).
- 5265.** Старина и Новизна. 1897. II, (8), 491—494. 1901. II, (8). 1902. I, (4), 1904. I, обл. 1904. III, (12). 1905. II, (5). 8⁰. 1905. III, (12). 1906. III, (11).
- 5266.** „Стороженко“ Фамильный Архивъ. 1903. I, (4); 1896. III (12).
- 5267.** Субботинъ, Н. Служеніе церкви борбою съ расколомъ. 1902. III, (12).
- 5268.** Письма и бумаги Суворова. Изд. В. Алексеевъ. 1900. III, (12).
- 5269.** Сѣверные Цѣ бы. Альманахъ на 1901 г. Книгоиздательство „Скорпионъ“. 1901. II, (5).
- 5270.** Татищевъ, С. С. Родъ Татищевыхъ. 1900. III, (12).
- 5271.** Труфильевъ, Е. П. Къ исторіи крѣпостного права въ Россіи. 1905. I, (1).
- 5272.** Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и Миръ“ Гр. Л. Н. Толстого. 1868. (3), 515—528.
- 5273.** По поводу новаго изданія сочиненій Ф. И. Тютчева. В. Я. Брюсова. 1900. I, (3), 405—420.
- 5274.** О новомъ изданіи сочиненій Ф. И. Тютчева 1886. III, (12), 534—536.
- 5275.** Успенскій, Александръ. Записныя книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. 1906. I, (4).
- 5276.** Успенскіе, М. и В. И. Замѣтки о древне-Русской иконописаніи. Св. Алипій и Андрей Рублевъ. 1902. I, (1).

- 5277.** Уткинскій Сборникъ. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Издание М. В. Беэръ. **1904.** II, (6).
- 5278.** Фетъ, А. Полное собрание стихотворений. Подъ редакціей Б. В. Никольского. В. Я. Б(рюсова). **1901.** II, (6).
- 5279.** Филипповъ, А. Н. Бумаги Кабинета Министровъ Анны Ioannovны. **1906.** I, (1).
- 5280.** Фонъ-Фрейманъ, О. Р. Пажи за 183 года. **1898.** II, (5), 176.
- 5281.** О сочиненіи архим. Фотія: „Сказаніе о житії епископа Пензенскаго“. Н. П. Барсукова. **1895.** III, (12), 489—490.
- 5282.** Хайновскій, И. А. Свѣдѣнія о предкахъ Славянъ и Руси. А. Яцимирскаго. **1896.** III, (10).
- 5283.** Харlamовичъ, К. В. Архимандрій Макарій Глухаревъ. **1906.** I, (2).
- 5284.** Хомяковъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. 8 т. **1900.** I, (4); **1901.** III, (11); **1905.** I, (1).
- 5285.** Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней Русской литературѣ. В. Я. Б(рюсова). **1900.** III, (9).
- 5386.** Хрущовъ, И. П. Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. В. Я. Б(рюсова). **1901.** III, (12).
- 5287.** Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Д. В. Цвѣтаева. **1903.** II, (5).
- 5288.** Череванскій, В. Двѣ волны. **1898.** III, (11).
- 5289.** Библіографическое пополненіе (о Чулковско-Новиковскомъ пѣсеннике). ЭС. (С. А. Соболевскаго). **1870.** (10), 1935—1937.
- 5290.** Распечатаніе алтарей въ храмахъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища. Изд. гр. А. В. де Шамборанта и Д. П. Доринъяка. **1906.** II, (6).
- 5291.** Шведская война. 1808—1809 гг. **1906.** I, (4).
- 5292.** Исторія Московскаго университета за истекшее столѣtie, С. П. Шевырева. Биографический сло-
- варь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, С. П. Шевырева. Материалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ и славянскихъ, Буслаева, Клина, Меншикова и Петрова.—„Въ Воспоминаніе 12-го Января 1855 года“, **1867.** (7), 1177—1180.
- 5293.** Шенрокъ, В. П. А. Кулишъ. Біографический очеркъ. В. Я. Б(рюсова). **1902.** I, (2).
- 5294.** Шенрокъ, С. Т. Аксаковъ и его семья. **1905.** I, (2).
- 5295.** Шереметевъ, гр. С. Д. Отголоски XVII вѣка. Ю. Б(артенева). **1897.** II, (8).
- 5296.** Шереметевъ, Павелъ, гр. Отзвуки разсказовъ И. Ф. Горбунова. **1901.** III, (10).
- 5297.** Шереметевъ, Павелъ, гр. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. **1902.** II, (8).
- 5298.** Шереметевъ, Павелъ, гр. Замѣтки. **1905.** III, (11).
- 5299.** Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ Первый. Ю. П. Б(артенева). **1897.** II, (7), 495—496 **1897.** II, (8 и 9).
- 5300.** Шильдеръ, Н. К. Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствование. **1903.** III, (11).
- 5301.** Шляпкинъ, И. А. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. **1903.** II, (6).
- 5302.** Щепкинъ, Евгений. Русско-Австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны. **1903.** I, (3).
- 5303.** Щербатовъ, М. М., кн. Сочиненія. Т. I. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Изд. кн. Б. С. Щербатова. **1896.** III, (9).
- 5304.** Щербатовъ кн., А. Ф. Князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. **1896.** III, (9). **1905.** I, (3).
- 5305.** Федоровъ, К. М. Жизнь Русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. **1905.** III, (10).
- 5306.** Яблочкиковъ, М. Т. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Л. М. Савелова. **1903.** II, (5).

5307. Энгельгардъ, Н. Исторія Русской литературы XIX столѣтія. В. Я. Брюсова. 1902. I, (4).
5308. Гг. авторамъ и издателямъ ста-тей и книгъ по Русской исторіи. 1894. I, (1).
5309. Къ издателямъ С.-Петербургскихъ газетъ и журналовъ. (Воспреще-ніе перепечатокъ статей изъ „Рус-скаго Архива“). 1869. (12).
5310. Историческая статьи въ „Губерн-скихъ Вѣдомостяхъ“. 1905. II (5) и III, (9).
5311. Историческая статьи въ духов-ныхъ изданіяхъ 1895 и 1896 г. 1895 и 1896. I, обл. (2, 3); II, (6, 7, 8); III, (10, 11). 1896. I, (3, 4); II, (5, 8).
5312. Бумаги, относящіяся до войны 1812 г., изд. П. И. Шукинымъ. 1898. I, (4); 1899. III, (10).
5313. Историческая статьи въ неистор-ическихъ повременныхъ изда-ніяхъ. В. Я. Б(рюсова). 1902. I—III.

АРХИВЫ И АРХЕОЛОГІЯ.

5314. Голландскій отзывъ объ изданіи Румянцовскаго Музея. 1898. I, (4), 626—627.
5315. О средствахъ и препятствіяхъ сохранности церковныхъ древно-стей и рукописей въ церквяхъ и монастыряхъ. Записка м. Москов-скаго Филарета. XVIII вѣкъ, I, 453—464.
5316. Изъ старыхъ рукописей. Съ предисл. А. А. Титова. 1906. II, (5), 5—13. Посланіе епископа Аѳанасія въ Ярославскій Маги-стратъ, 1783 г.—Письмо къ митр. Платону Симоновскаго архим. Амвросія Андреевскаго, 1782 г.—Письмо протоіер. Петра Алексѣева къ архієп. Гаврилу, 1769 г.—Сколокъ старинной записи свадебной, отъ крѣпостныхъ дѣль даванной, 1582 г.
5317. Обзоръ дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій 1891—1893 г. Аскалона Труворова. 1891. III, (12) 583—606. 1893. I, (2), 183—201,
5318. О главныхъ задачахъ Археологи-ческаго Института по мысли Ка-лачова. Н. Покровскаго. 1891. III, (12), 607—612.
5319. О состояніи Археологического Института въ 1893—1894; 1894. III, (9), 137—141. въ 1895, III, (10), 221—214, поправка (11) 412.
5320. Настоящее и будущее архивныхъ комиссій. (По поводу книги Д. Я. Самоквасова: „Централиза-ція архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россії“). С. И. Кедрова. 1900. III, 85—104.
5321. Изъ рѣчи Л. М. Савелова на областномъ Историко-археологи-ческомъ съѣздаѣ во Владимирѣ. 1906. III, обл. (9-го вып.).
5322. Изъ архивныхъ дѣлъ. Сооб. П. Л. Юдинъ. 1896. III, (11), 305—312. О судьбѣ путешественника Шлагингтвейша.—О первомъ изда-ніи полнаго собранія сочине-ній Н. В. Кукольника.—Знат-ный плѣнникъ (Персидскій ца-ревичъ).
5323. Изъ домашнаго архива А. Н. Булыгина. Съ предисл. кн. Д. Д. Оболенскаго 1904. I, (3), 536—543.
5324. Изъ семейнаго архива Алек-сандра Алексѣевича Василь-чикова. 1867. (7), 1028—1046. Письмо А. И. Архаровой къ М. П. Посниковой. Письмо М. И. Пос-никовой къ А. И. Архаровой (о свиданіи съ императоромъ Александромъ, 1818 г.).

- 5325.** Изъ Ватиканского Архива, съ замѣткою Н. Прокоповича. 1900. III, (7), 349—354. Письмо гр. П. А. Румянцева.
- 5326.** Изъ семейнаго архива села Вытебити. Письма Н. И. Зиновьевы къ сыну въ Лейпцигъ. Съ предисл. Н. П. Барышникова. **1870** (4—5), 932—954.
- 5327.** Объ архивахъ Дагестанской области. Е. И. Козубского. **1895.** I, (1), 37—41.
- 5328.** Изъ бумагъ Диканьского архива князя Кочубея. **1871** (9), 1408—1446. Докладъ гр. П. И. Панина Екатеринѣ. Двѣ бумаги гр. Н. И. Панина по поводу кончины Иоанна Антоновича.—Мысль гр. П. А. Румянцева-Задунайского объ устройствѣ воинской части въ Россіи. Поправка 1871 (10), 1636—**1873.** II, (9), 1685—1693. Письма кн. Потемкина и гр. С. Р. Воронцова къ кн. Безбородкѣ.
- 5329.** Архивъ Донского дворянства. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Л. М. Савелова. **1898.** III, (10), 294—296.
- 5330.** Листокъ изъ архива села Знаменки. Н. П. Барсукова. **1885.** I, (1), 137—138.
- 5331.** Архивъ гр. Игельстрома. Съ предисл. гр. Д. Н. Толстого. **1886.** III, (11), 341—371. (12), 480—496.
- 5332.** Изъ архива митрополита Леонтия, **1892.** III, (9), 95—111. Письма гр. П. Д. Киселева, И. Л. Янышева, И. В. Васильева, гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. (Освященіе православнаго храма въ Парижѣ).
- 5333.** Семейный безобразія былого времени. Сообщ. Н. П. Розановымъ. **1894.** II, (6), 268—296. III, (11), 319—336. (12), 539—564. Изъ бракоразводныхъ дѣлъ архива Московской Духовной Консисторіи.
- 5334.** Изъ бумагъ Мятлевскаго архива. **1892.** III, (9), 66—94. Письма къ гр. П. Г. Чернышову. Анны Иоанновны, гр. А. И. Ушакова, С. О. Апраксина, Екатерины Великой къ гр. И. П. Салтыкову.
- 5335.** Изъ древлехранилища Нижегородской духовной семинаріи. Сообщ. Ф. Кудринскій. **1897.** III, (10), 153—156. Несудимая грамота патріарха Іова Арзамасскому Спасо-Преображенскому монастырю.—Настольная и отпустная грамота, митр. Ионы, Ржевскому священнику Василію Андрееву. Молитва святому Димитрию Ростовскому.
- 5336.** Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива. Переведено А. И. Станкевичемъ. **1904.** I, (3) 369—389. Извѣстія о царице Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Письмо о царствованіи Екатерины Первой. Тайныя извѣстія о Русскомъ дворѣ.
- 5337.** Изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива. (Съ предисл. П. А. Вяземскаго). **1866.** (2), 217—254. (3), 473—512. (6), 859—903. (7), 1065—1088. **1868.** (3), 436—461. Письма 1812 г. къ князю Вяземскому: Гр. М. А. Милорадовича. К. Н. Батюшкова. Карла Юнкера. Н. М. Карамзина. М. Жофруа. Д. П. Северина. П. В. Мятлева. Н. Ф. Грамотина. В. Л. Пушкина. съ прилож. стих. Къ жителямъ Нижнаго Новгорода. Н. Ф. Остолова (Посланіе въ стихахъ). Письма Шлецера и А. И. Тургенева. Литературныя Арзамазскія шалости. Надпись къ портрету, сочинена обществомъ молодыхъ любителей Россійска красна слова. Приказъ Семену Гаврилову. Притчи. Эпиграфы изъ сочиненій гр. Хвостова.—Басни.—Письма Д. В. Дашкова, Сильвіо Целлико и Варнгагена Фонъ-Энзе., К. Н. Батюшкова. Поправка къ этому (10), 1506. Стих. Жуковскаго, А. И. Тургенева, Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Даудова, 1815 г. Три бумаги гр. С. С. Уварова. Письма П. А. Плетнева, Гоголя, И. Я. Чаадаева, Сильвіо Целлико (2 письма), Баруффи, С. Л. Пушкина, Кольцова, И. П. Мятлева.

Плетнєвъ, старательно оберегавшій денежныя его выгоды. (Иногда тысячи рублей передавалъ онъ Пушкину, вырученныя за его сочиненія).

Но особенно баловалъ Пушкина своею привязанностью П. В. Нащокинъ, безграмотныя письма которого очень цѣнны. Онъ въ нихъ весь съ безобразиемъ своего быта, съ художественнымъ чутьемъ, съ постояннымъ горѣвшимъ огнемъ въ душѣ, съ благимъ помысломъ въ сердцѣ. Къ нему могъ относить Пушкинъ стихи свои:

.... Кто всѣ дѣла, всѣ чувства мѣрить
Услужливо на нашъ аршинъ,
Кто клеветы про насъ не сѣть,
Кто насъ заботливо лѣгѣть,
Кому порокъ нашъ не бѣда,
Кто не замѣнить никогда.

Не даромъ вдова Пушкина извѣщала Нащокина о воспитаніи дѣтей своихъ.

Для Нащокина не было у Пушкина тайны. Я зналъ этого необыкновеннаго человѣка на склонѣ его лѣтъ. Онъ такъ много дѣлалъ добра, что вдова его долгіе годы могла жить пособіями лицъ имъ облагодѣтельствованныхъ. Подобно Американду графу Толстому, Нащокинъ умеръ стоя на колѣняхъ и молясь Богу.—Любопытно, что письма барона Дельвига не свидѣтельствуютъ объ особенной искренности въ его дружбѣ къ Пушкину; а письма Пушкина къ А. Н. Вульфу совсѣмъ таки холодны. Демонъ А. Н. Раевскій вовсе не такъ ядовитъ, какъ про него думали (онъ и младшій его братъ не схожи другъ съ другомъ и вѣнчаностью, и нравомъ: первый—въ дѣда своего Грека Константина, второй—въ Самойловыхъ). Чаадаевъ отличается въ своемъ напускномъ значеніи. А. И. Тургеневъ пишетъ о немъ:

„Деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менѣе обращать на себя и на das liebe Ich вниманія, менѣе ухаживать за собою, и болѣе за другими, не повязывать пять галстуковъ въ утро, менѣе даже и холить свои ноги и зубы и свой желудокъ, а избытокъ отдавать тѣмъ, кому и отъ крупицъ падающихъ сыты и здоровы“. Тѣмъ не менѣе Чаадаевъ былъ, хотя самовлюбленный, но добрый человѣкъ, и разочаровавшійся въ немъ Пушкинъ сохранилъ къ нему дружеское чувство.

На 123 стр. 2-го тома Переписки находимъ любопытное указаніе на то, что сношенія Пушкина съ Филаретомъ продолжались и послѣ известнаго обмѣна стихотвореніями. Тутъ посредницею была дочь князя Кутузова, Е. М. Хитрово, достойная благодарной памяти потомства за свою восторженную приверженность къ этимъ геніальнымъ людямъ.—Оказывается, что отношения къ графу Бенкendorfu не были такъ угнетательны для Пушкина, какъ обыкновенно думаютъ у насъ; а про императора Николая Павловича (одареннаго чувствомъ изящнаго), и говорить нечего: онъ спасъ поэта отъ ссылки въ Сибирь, приказалъ затушить дѣло обѣ известной поэмѣ. „Ты зовешь меня въ Пензу, писалъ Пушкинъ князю Вяземскому 1 Сентября 1828 г.; а того и гляди, что я пойду далѣе, прямо, прямо на Востокъ.“ Шла война, и Государь въ это время находился въ Турціи. Тутъ, можетъ быть, дѣйствовалъ Жуковскій черезъ князя А. Н. Голицына, и въ перепискѣ сего послѣдняго съ Государемъ надо искать разъясненія для исторіи Гавриліады.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ третьей книги этого превосходнаго изданія. Богъ въ помощь В. И. Саитову! **П. В.**

ПОДПИСКА
на
РУССКИЙ АРХИВ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусксовъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которые подписались въ Конторѣ „Русского Архива“.

 Господа иногородные книгопродащи пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляются въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присыпать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаеть Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русского Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

**Московскіе подписанчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ.**